

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

00-11111

B 4 167 867

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
А. А. МАСЛЕНИКОВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. В. ГОГОЛЯ.

СЪ ЕГО БІОГРАФІЕЙ И ПРИМЪЧАНІЯМИ.

ВЪ 3-хъ ТОМАХЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА

А. И. Кирпичникова.

СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКОВЪ:

Аванасьева, Иванова, Навозова, Пичугина, Яужимскато и др.

Томъ III-й.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.
МОСКВА.—1902.

с 727 55011

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1902.

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
А. А. МАСЛЕНИКОВА

PG 3332
A1
1902
v. 3
MAIN

ВЫБРАННЫЯ МѢСТА
ИЗЪ
ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ.

ПРОШУ ПО ПРОЧТЕНІИ
НЕПРЕМЪННО ВОЗВРАЩАТЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я былъ тяжело боленъ; смерть уже была близко. Собравши остатокъ силъ своихъ и воспользовавшись первою минутою полной трезвости моего ума, я написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, возлагалъ обязанность на друзей моихъ издать, послѣ моей смерти, нѣкоторыя изъ моихъ писемъ. Мнѣ хотѣлось хотя симъ искупить бесполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго, потому что въ письмахъ моихъ, по признанію тѣхъ, къ которымъ они были писаны, находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ моихъ сочиненіяхъ. Небесная милость Божія отвела отъ меня руку смерти. Я почти выздоровѣлъ; мнѣ стало легче. Но чувствую, однако, слабость силъ моихъ, которая возвѣщаетъ мнѣ ежеминутно, что жизнь моя на волосѣ, и, приготовляясь къ отдаленному путешествію къ Святымъ мѣстамъ, необходимому душѣ моей, во время котораго можетъ все случиться, я захотѣлъ оставить при разставаніи что-нибудь отъ себя моимъ соотечественникамъ. Выбираю самъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ, которыя мнѣ удалось получить назадъ, все, что болѣе относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество, отстранявши все, что можетъ получить смыслъ только послѣ моей смерти, съ исключеніемъ всего, что могло имѣть значеніе только для немногихъ. Прибавляю двѣ-три статьи литературныя и, наконецъ, прилагаю самое завѣщаніе, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ моей смерти, если бы она застигла меня на пути моемъ, возымѣло оно тотчасъ свою законную силу, какъ засвидѣтельствованное всѣми моими читателями.

Сердце мое говоритъ мнѣ, что книга моя нужна и что она можетъ быть полезна. Я думаю такъ не потому, чтобы имѣлъ высокое о себѣ понятіе и надѣялся на умѣнне свое быть полезнымъ, но потому, что никогда еще доселѣ не питалъ такого сильнаго желанія быть полезнымъ. Отъ насъ уже довольно бываетъ протянуть руку съ тѣмъ, чтобы помочь; помогаемъ же не мы, помогаетъ Богъ, ниспосылая силу слову безсильному. Итакъ, сколь бы ни была моя книга незначительна и ничтожна, но я позволяю себѣ издать ее въ свѣтъ и прошу моихъ соотечественниковъ прочитать ее нѣсколько разъ; въ то же время прошу тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ достатокъ, купить нѣсколько ея экземпляровъ и раздать тѣмъ, которые сами купить не могутъ, увѣдомляя ихъ при этомъ случаѣ, что всѣ деньги, какія перевысытъ издержки на предстоящее мнѣ путешествіе, будутъ обращены, съ одной стороны, въ подкрѣпленіе тѣмъ, которые, подобно мнѣ, почувствуютъ потребность внутреннюю отправиться къ наступающему Великому посту во Святую землю и не будутъ имѣть возможности совершить это одними собственными средствами; съ другой стороны — въ пособіе тѣмъ, которыхъ я встрѣчу на пути уже туда идущихъ и которые всѣ помолятся у Гроба Господня за моихъ читателей, своихъ благотворителей.

Путешествіе мое хотѣлъ бы я совершить, какъ добрый христіанинъ, и потому испрашиваю здѣсь прощенія у всѣхъ моихъ соотечественниковъ во

всемъ, чѣмъ ни случилось мнѣ оскорбить ихъ. Знаю, что моими необдуман-ными и незрѣлыми сочиненіями нанесъ я огорченіе многимъ, а другихъ даже вооружилъ противъ себя, вообще же во многихъ произвелъ неудовольствіе. Въ оправданіе могу сказать только то, что намѣреніе мое было доброе и что я никого не хотѣлъ ни огорчать, ни вооружать противъ себя; но одно мое собственное неразуміе, одна моя поспѣшность и торопливость были причиною тому, что сочиненія мои предстали въ такомъ несовершенномъ видѣ и почти всѣхъ привели въ заблужденіе насчетъ ихъ настоящаго смысла; за все же, что ни встрѣчается въ нихъ умышленно-оскорбляющаго, прошу простить меня съ тѣмъ великодушіемъ, съ какимъ только одна русская душа прощать способна. Прошу прощенія также у всѣхъ тѣхъ, съ которыми надолго или на короткое время случилось мнѣ встрѣтиться на дорогѣ жизни. Знаю, что мнѣ случилось многимъ наносить непріятности, инымъ, быть-можетъ, и умышленно. Вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго. Отчасти это происходило оттого, что я избѣгалъ встрѣчъ и знакомствъ, чувствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова челоуѣку (пустыхъ же и ненужныхъ словъ произносить мнѣ не хотѣлось), и будучи въ то же время убѣжденъ, что по причинѣ безчисленнаго множества моихъ недостатковъ, мнѣ было необходимо хотя немного воспитать самого себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей. Отчасти же это происходило и отъ мелочнаго самолюбія, свойственнаго только такимъ изъ насъ, которые изъ грязи пробрались въ люди и считаютъ себя въ правѣ глядѣть спесиво на другихъ. Какъ бы то ни было, но я прошу прощенія во всѣхъ личныхъ оскорбленіяхъ, которыя мнѣ случилось нанести кому-либо, начиная отъ времени моего дѣтства до настоящей минуты. Прошу также прощенія у моихъ собратьевъ-литераторовъ за всякое съ моей стороны пренебреженіе или неуваженіе къ нимъ, оказанное умышленно или неумышленно; кому же изъ нихъ почему-либо трудно простить меня, тому напомню, что онъ христіанинъ. Какъ говѣющій передъ исповѣдью, которую готовится отдать Богу, просить прощенія у своего брата, такъ я прошу у него прощенія; и такъ какъ никто въ такую минуту не посмѣетъ не простить своего брата, такъ и онъ не долженъ посмѣть не простить меня. Наконецъ, прошу прощенія у моихъ читателей, если и въ этой самой книгѣ встрѣтится что-нибудь непріятное и кого-нибудь изъ нихъ оскорбляющее. Прошу ихъ не питать противъ меня гнѣва сокровеннаго, но вмѣсто того выставить благородно всѣ недостатки, какіе могутъ быть найдены ими въ этой книгѣ, — какъ недостатки писателя, такъ и недостатки челоуѣка: мое неразуміе, недомысліе, самонадѣянность, пустую увѣренность въ себѣ, словомъ — все, что бываетъ у всѣхъ людей, хотя они того и не видятъ, и что, вѣроятно, еще въ большей мѣрѣ находится во мнѣ.

Въ заключеніе прошу всѣхъ въ Россіи помолиться обо мнѣ, начиная отъ святителей, которыхъ уже вся жизнь есть одна молитва. Прошу молитвы, какъ у тѣхъ, которые смиренно не вѣруютъ въ силу молитвъ своихъ, такъ и у тѣхъ, которые не вѣруютъ вовсе въ молитву и даже не считаютъ ее нужною; но какъ бы ни была бессильна и черства ихъ молитва, я прошу помолиться обо мнѣ этою самой бессильною и черствою ихъ молитвой. Я же у Гроба Господня буду молиться о всѣхъ моихъ соотечественникахъ, не исключая изъ нихъ ни единаго; моя молитва будетъ такъ же бессильна и черства, если святая небесная милость не превратитъ ее въ то, чѣмъ должна быть наша молитва.

1846, іюль.

I.

Завѣщаніе.

Находясь въ полномъ присутствіи памяти и здраваго разсудка, излагаю здѣсь мою послѣднюю волю.

I. Завѣщаю тѣла моего не погребать по тѣхъ поръ, пока не покажутся явные признаки разложенія. Упоминаю объ этомъ потому, что уже во время самой болѣзни находили на меня минуты жизненнаго онѣмѣнія, сердце и пульсъ переставали биться... Будучи въ жизни своей свидѣтелемъ многихъ печальныхъ событій отъ нашей неразумной торопливости во всѣхъ дѣлахъ, даже и въ такомъ, какъ погребеніе, я возвѣщаю это здѣсь въ самомъ началѣ моего завѣщанія, въ надеждѣ, что, можетъ-быть, посмертный голосъ мой напомнить вообще объ осмотрительности. Предать же тѣло мое землѣ, не разбирая мѣста, гдѣ лежать ему; ничего не связывать съ оставшимся прахомъ. Стыдно тому, кто привлечется какимъ-нибудь вниманіемъ къ гниющей персти, которая уже не моя: онъ поклонится червямъ, ее грызущимъ. Прошу лучше помолиться покрѣпче о душѣ моей, а вмѣсто всякихъ погребальныхъ почестей, угостить отъ меня простымъ обѣдомъ нѣсколькихъ не имущихъ насущнаго хлѣба.

II. Завѣщаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о такомъ пустягѣ, христіанина недостойномъ. Кому же изъ близкихъ моихъ я былъ дѣйствительно дорогъ, тотъ воздвигнетъ мнѣ памятникъ иначе: воздвигнетъ онъ его въ самомъ себѣ своею непоколебимою твердостью въ жизненномъ дѣлѣ, бодреньемъ и освѣженьемъ всѣхъ вокругъ себя. Кто послѣ моей смерти вырастетъ выше духомъ, нежели какъ былъ при жизни моей, тотъ покажетъ, что онъ, точно, любилъ меня и былъ мнѣ другомъ, и симъ только воздвигнетъ мнѣ памятникъ; потому что и я, какъ ни былъ самъ по себѣ слабъ и ничтоженъ, всегда ободрялъ друзей моихъ, и никто изъ тѣхъ, кто сходилъ поближе со мною въ послѣднее время, — никто изъ нихъ, въ минуту своей тоски и печали, не видалъ на мнѣ унылаго вида, хотя и тяжки бывали мои собственные минуты, и тосковалъ я не меньше другихъ: пускай же объ этомъ вспомнить всякъ изъ нихъ послѣ моей смерти, сообразя всѣ слова, мной ему сказанныя, и перечтя всѣ письма, къ нему писанныя за годъ передъ симъ.

III. Завѣщаю вообще никому не оплакивать меня, и грѣхъ себѣ возметъ на душу тотъ, кто станетъ почитать смерть мою какою-нибудь значительною или всеобщою утратой. Если бы даже и удалось мнѣ сдѣлать что-нибудь полезнаго и начиналъ бы я уже исполнять свой долгъ дѣйствительно такъ, какъ слѣдуетъ, и смерть унесла бы меня при началѣ дѣла, замышленнаго не на удовольствіе нѣкоторымъ, но надобнаго всѣмъ, — то и тогда не слѣдуетъ предаваться бесплодному сокрушенію. Если бы даже вмѣсто меня умеръ въ Россіи мужъ, дѣйствительно ей нужный въ теперешнихъ ея обстоятельствахъ, то и отъ того не слѣдуетъ приходиться въ уныніе никому изъ живущихъ, хотя и справедливо то, что если рановременно похищаются люди всѣмъ нужные, то это знакъ гнѣва небеснаго, отъемлющаго симъ орудія и средства, которыя помогли бы инымъ подвигнуться ближе къ цѣли, насъ зовущей. Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ, но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ другихъ

и не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. Страшна душевная чернота, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть уже стоитъ предъ глазами!

IV. Завѣщаю всѣмъ моимъ соотечественникамъ (основываясь единственно на томъ, что всякій писатель долженъ оставить послѣ себя какую-нибудь благую мысль въ наслѣдство читателямъ), завѣщаю имъ лучшее изъ всего, что произвело перо мое, — завѣщаю имъ мое сочиненіе, подъ названіемъ: *Прощальная повесть*. Оно, какъ увидать, относится къ нимъ. Его носилъ я долго въ своемъ сердцѣ, какъ лучшее свое сокровище, какъ знакъ небесной милости ко мнѣ Бога. Оно было источникомъ слезъ, никому не зримыхъ, еще отъ временъ дѣтства моего. Его оставляю имъ въ наслѣдство. Но умоляю, да не оскорбится никто изъ моихъ соотечественниковъ, если услышать въ немъ что-нибудь похожее на поученіе. Я писатель, а долгъ писателя — не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ. Да вспомнятъ также мои соотечественники, что, и не бывши писателемъ, всякій отходящій отъ міра братъ нашъ имѣетъ право оставить намъ что-нибудь въ видѣ братскаго поученія, и въ этомъ случаѣ нечего глядѣть ни на малость его званія, ни на безсиліе, ни на самое неразуміе его: нужно помнить только то, что человѣкъ, лежащій на смертномъ одрѣ, можетъ иное видѣть лучше тѣхъ, которые кружатся среди міра. Несмотря, однако, на всѣ таковыя права мои, я бы все не дерзнулъ заговорить о томъ, о чемъ они услышатъ въ *Прощальной повѣсти*; ибо не мнѣ, худшему всѣхъ душою, страждущему тяжкими болѣзнями собственного несовершенства, приносить такія рѣчи. Но меня побуждаетъ къ тому другая, важнѣйшая причина. Соотечественники! страшно!.. Замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми пылъ все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чужа исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся... Можетъ-быть, *Прощальная повесть* моя подѣйствуетъ сколько-нибудь на тѣхъ, которые до сихъ поръ еще считаютъ жизнь игрушкой, и сердце ихъ услышитъ хотя отчасти строгую тайну ея и современнѣйшую небесную музыку этой тайны. Соотечественники! — не знаю и не умѣю какъ васъ назвать въ эту минуту — прочь пустое приличіе! Соотечественники! я васъ любилъ, — любилъ тою любовью, которую не высказываютъ, которую мнѣ далъ Богъ, за которую благодарю Его, какъ за лучшее благодѣяніе, потому что любовь эта была мнѣ въ радость и утѣшеніе среди наитягчайшихъ моихъ страданій. Во имя этой любви прошу васъ выслушать сердцемъ мою *Прощальную повесть*. Клянусь, я не сочинялъ и не выдумывалъ ея: она выпѣлась сама собою изъ души, которую воспиталъ Самъ Богъ испытаніями и горемъ, а звуки ея взялись изъ сокровенныхъ силъ нашей русской породы, намъ общей, по которой я близкій родственникъ вамъ всѣмъ¹⁾.

V. Завѣщаю по смерти моей не спѣшить ни хвалой, ни осужденіемъ моихъ произведеній въ публичныхъ листахъ и журналахъ: все будетъ такъ же пристрастно, какъ и при жизни. Въ сочиненіяхъ моихъ гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживаетъ хвалу. Всѣ нападе-

¹⁾ „*Прощальная повесть* не можетъ явиться въ свѣтъ: что могло имѣть значеніе по смерти, то не имѣетъ смысла при жизни“.

нія на нихъ были въ основаніи болѣе или менѣе справедливы. Передо мною никто не виноватъ; неблагороденъ и несправедливъ будетъ тотъ, кто попрекнетъ мною кого-либо въ какомъ бы то ни было отношеніи. Объявляю также во всеуслышаніе, что, кромѣ доселѣ напечатаннаго, ничего не существуетъ изъ моихъ произведеній: все, что было въ рукописяхъ, мною сожжено, какъ безсильное и мертвое, писанное въ болѣзненномъ и принужденномъ состояніи. А потому, если бы кто-нибудь сталъ выдавать что-либо подъ моимъ именемъ, прошу считать это презрѣннымъ подлогомъ. Но возлагаю вмѣсто того обязанность на друзей моихъ собрать всѣ мои письма, писанныя къ кому-либо, начиная съ конца 1844 года, и, — сдѣлавши изъ нихъ строгій выборъ только того, что можетъ доставить какую-нибудь пользу душѣ, а все прочее, служащее для пустого развлеченія, отвергнувши, — издать отдѣльною книгою. Въ этихъ письмахъ было кое-что послужившее въ пользу тѣмъ, къ которымъ они были писаны. Богъ милостивъ; можетъ-быть, послужатъ они въ пользу и другимъ, и снимется чрезъ то съ души моей хотя часть суровой отвѣтственности за бесполезность прежде написаннаго.

VI. [По кончинѣ моей, никто изъ моихъ уже не имѣетъ права принадлежать себѣ, но — всѣмъ тоскующимъ, страдающимъ и претерпѣвающимъ какое-нибудь жизненное горе. Чтобы домъ и деревня ихъ походила скорѣй на гостиницу и страннопримный домъ, чѣмъ на обиталище помѣщика; чтобы всякій, кто ни прѣхалъ, былъ ими принятъ, какъ родной и близкій сердцу человѣкъ, чтобы радушно и родственно разспросили они его обо всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, дабы узнать, не понадобится ли въ чемъ ему помочь, или же, по крайней мѣрѣ, дабы умѣть ободрить и освѣжить его, чтобы никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ сколько-нибудь неутѣшеннымъ. Если же путникъ простого званія, привыкнулъ къ нищенской жизни и ему неловко, почему-либо, помѣститься въ помѣщичьемъ домѣ, то чтобы онъ отведенъ былъ къ зажиточному и лучшему крестьянину по деревнѣ, который былъ бы, притомъ, жизни примѣрной и умѣлъ бы помогать собрату умнымъ совѣтомъ; чтобы онъ разспросилъ своего гостя такъ же радушно обо всѣхъ обстоятельствахъ, ободрилъ, освѣжилъ и снабдилъ разумнымъ отсутствіемъ, донеся потомъ обо всемъ владѣльцамъ, дабы и они могли, съ своей стороны, прибавить къ тому свой совѣтъ или вспомошествованіе, какъ и что найдутъ приличнымъ, чтобы такимъ образомъ никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ и не уходилъ сколько-нибудь неутѣшеннымъ] ¹⁾.

VII. Завѣщаю... Но я вспомнилъ, что уже не могу этимъ располагать. Неосмотрительнымъ образомъ похищено у меня право собственности: безъ моей воли и позволенія опубликованъ мой портретъ. По многимъ причинамъ, которыя мнѣ объявлять не нужно, я не хотѣлъ этого, не продавалъ никому права на его публичное изданіе и отказывалъ всѣмъ книгопродавцамъ, доселѣ приступавшимъ ко мнѣ съ предложеніемъ, и только въ такомъ случаѣ предполагалъ себѣ это позволить, если бы помогъ мнѣ Богъ совершить тотъ трудъ, которымъ мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притомъ такъ совершить его, чтобы всѣ мои соотечественники сказали въ одинъ голосъ, что я честно исполнилъ свое дѣло, и даже пожелали бы узнать черты лица того человѣка, который до времени работалъ въ тишинѣ и не хотѣлъ пользоваться незаслуженной извѣстностью. Съ этимъ соединялось другое обстоятельство: портретъ мой въ такомъ случаѣ могъ распродаться вдругъ во множествѣ экземпляровъ, принеся значительный доходъ тому художнику, который долженъ

¹⁾ Въ прямыхъ скобкахъ заключено все, не пропущенное цензурою при изданіи 1846 г.

былъ гравировать его. Художникъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ трудится въ Римѣ надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэля: Преображеніе Господне. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для труда своего, — труда убійственнаго, пожирающаго и годы и здоровье, и съ такимъ совершенствомъ исполнилъ свое дѣло, подходящее нынѣ къ концу, съ какимъ не исполнялъ еще ни одинъ изъ граверовъ. Но, по причинѣ высокой цѣны и малаго числа знатоковъ, эстампъ его не можетъ разойтись въ такомъ количествѣ, чтобы вознаградить его за все; мой портретъ ему помогъ бы. Теперь планъ мой разрушенъ: разъ опубликованное изображеніе кого бы то ни было дѣлается уже собственностью каждаго, занимающагося изданіями гравюръ и литографій. Но если бы случилось такъ, что, послѣ моей смерти, письма, послѣ меня изданныя, доставили бы какую-нибудь общественную пользу (хотя бы даже однимъ только чистосердечнымъ стремленіемъ ее доставить), и пожелали бы мои соотечественники увидѣть и портретъ мой, то я прошу всѣхъ таковыхъ издателей благородно отказаться отъ своего права; тѣхъ же моихъ читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что ни пользуется извѣстностію, завели у себя какой-нибудь портретъ мой, прошу уничтожить его тутъ же, по прочтеніи сихъ строкъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ дурно и безъ сродства, и покупать только тотъ, на которомъ будетъ выставлено: *Гравировалъ Гордановъ*. Симвъ будетъ сдѣлано, по крайней мѣрѣ, справедливое дѣло. А еще будетъ справедливѣе, если тѣ, которые имѣютъ достатокъ, станутъ, вмѣсто портрета моего, покупать самый эстампъ Преображенія Господня, который, по признанію даже чужеземцевъ, есть вѣнецъ гравировальнаго дѣла и составляетъ славу русскую.

Завѣщаніе мое немедленно по смерти моей должно быть напечатано во всѣхъ журналахъ и вѣдомостяхъ, дабы, по случаю невѣдѣнія его, никто не сдѣлался передо мною невинно-виноватымъ и тѣмъ бы не нанесъ упрека на свою душу.

1845.

II.

Женщина въ свѣтѣ.

письмо къ .....ой.

Вы думаете, что никакого вліянія на общество имѣть не можете; я думаю, напротивъ. Вліяніе женщины можетъ быть очень велико, именно теперь, въ нынѣшнемъ порядкѣ или безпорядкѣ общества, въ которомъ, съ одной стороны, представляется утомленная образованность гражданская, а съ другой, какое-то охлажденіе душевное, какая-то нравственная усталость, требующая оживотворенія. Чтобы произвести это оживотвореніе, необходимо содѣйствіе женщины. Эта истина въ видѣ какого-то темнаго предчувствія пронеслась вдругъ по всѣмъ угламъ міра, и все чего-то теперь ждетъ отъ женщины. Оставивши все прочее въ сторону, посмотримъ на нашу Россію, и въ особенности на то, что у насъ такъ часто передъ глазами — на множество всякаго рода злоупотребленій. Окажется, что большая часть взятокъ, [несправедливостей по службѣ] и тому подобнаго, въ чемъ обвиняютъ нашихъ чиновниковъ и нечиновниковъ всѣхъ классовъ, произошла или отъ расточительности ихъ женъ, которыя такъ жадничаютъ блистать въ свѣтѣ большомъ и маломъ и требуютъ на то денегъ отъ мужей, или же отъ пустоты ихъ домашней

жизни, преданной какимъ-то идеальнымъ мечтамъ, а не существу ихъ обязанностей, которыя въ нѣсколько разъ прекраснѣе и возвышеннѣе всякихъ мечтаній. Мужья не позволили бы себѣ и десятой доли произведенныхъ ими безпорядковъ, если бы ихъ жены хотя сколько-нибудь исполнили свой долгъ. Душа жены — хранительный талисманъ для мужа, оберегающій его отъ нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дорогѣ, и проводникъ, возвращающій его съ кривой на прямую; и наоборотъ, душа жены можетъ быть его зломъ и погубить его навѣки. Вы сами это почувствовали и выразились объ этомъ такъ хорошо, какъ до сихъ поръ еще никогда не выражались никакія женскія строки. Но вы говорите, что всѣмъ другимъ женщинамъ предстоятъ поприща, а вамъ нѣтъ. Вы имъ видите работу повсюду: или исправлять и поправлять уже испорченное, или заводить вновь что-нибудь нужное, словомъ — всячески помогать, а себѣ одной только не видите ничего и грустно повторяете: «Зачѣмъ я не на ихъ мѣстѣ!» Знайте, что это общее ослѣпленіе. Всякому теперь кажется, что онъ могъ бы надѣлать много добра на мѣстѣ и въ должности другого, и только не можетъ сдѣлать его въ своей должности. Это причина всѣхъ золъ. Нужно подумать теперь о томъ всѣмъ намъ, какъ на своемъ собственномъ мѣстѣ сдѣлать добро. Повѣрьте, что Богъ не даромъ повелѣлъ каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ. Нужно только хорошенько осмотрѣться вокругъ себя. Вы говорите: зачѣмъ вы не мать семейства, чтобы исполнять обязанности матери, которыя вамъ представляются теперь такъ ясно; зачѣмъ не разстроено ваше имѣніе, чтобы заставить васъ ѣхать въ деревню, быть помѣщицей и заняться хозяйствомъ; зачѣмъ вашъ мужъ не занять какою-нибудь общепольною трудною должностію, чтобы вамъ хоть здѣсь ему помогать и быть силою, его освѣжающею, и зачѣмъ, вмѣсто всего этого, предстоятъ вамъ одни пустые выѣзды въ свѣтъ и пустое, выдохшееся свѣтское общество, которое теперь вамъ кажется безлюднѣе самого безлюдья! Но, тѣмъ не менѣе, свѣтъ все же населенъ; въ немъ люди, и притомъ такіе же, какъ и вездѣ. Они и болѣютъ, и страдаютъ, и нуждаются, и безъ словъ вопіютъ о помощи, — и, увы! даже не знаютъ, какъ попросить о ней. Какому же нищему слѣдуетъ прежде помогать: тому ли, кто еще можетъ выходить на улицу и просить, или тому, который не въ силахъ уже и руки протянуть? Вы говорите, что даже не знаете и не можете придумать, чѣмъ вы можете быть кому-нибудь полезны въ свѣтѣ; что для этого нужно имѣть столько всякаго рода орудій, нужно быть такою и умной и всезнающей женщиной, что у васъ уже кружится голова при одномъ помышленіи обо всемъ этомъ. А если для этого нужно быть только тѣмъ, что вы уже есть? А если у васъ уже есть именно такія орудія, которыя теперь нужны? Все, что вы ни говорите о самой себѣ, совершенная правда: вы, точно, слишкомъ молоды, не приобрѣли ни познанія людей, ни познанія жизни, словомъ — ничего того, что необходимо, дабы оказывать помощь душевную другимъ; можетъ-быть, даже, вы и никогда этого не приобрѣтите; но у васъ есть другія орудія, съ которыми вамъ все возможно. Во-первыхъ, вы имѣете уже красоту, во-вторыхъ — неопозоренное, неоклеветанное имя, въ-третьихъ — власть, которой сами въ себѣ не подозреваете, — власть чистоты душевной. Красота женщины еще тайна. Богъ не даромъ повелѣлъ инымъ изъ женщинъ быть красавицами; не даромъ опредѣлено, чтобы всѣхъ равно поражала красота, — даже и такихъ, которые ко всему безчувственны и ни къ чему неспособны. Если уже одинъ бессмысленный капризъ красавицы бывалъ причиною переворотовъ всемірныхъ и заставлялъ дѣлать глупости наумнѣйшихъ людей, что

же было бы тогда, если бы этот капризъ былъ осмысленъ и направленъ къ добру? Сколько бы добра тогда могла произвести красавица сравнительно съ другими женщинами! Стало-быть, это орудіе сильное. Но вы имѣете еще высшую красоту — чистую прелесть какой-то особенной, одной вамъ свойственной невинности, которую я не умѣю опредѣлить словомъ, но въ которой такъ и свѣтится всѣмъ ваша голубиная душа. Знаете ли, что мнѣ признавались наизвратнѣйшіе изъ нашей молодежи, что передъ вами ничто дурное не приходило имъ въ голову, что они не отваживаются сказать въ вашемъ присутствіи не только двусмысленнаго слова, которымъ потчеваютъ другихъ избранницъ, но даже просто никакого слова, чувствуя, что все будетъ передъ вами какъ-то грубо и отзовется чѣмъ-то ухарскимъ и неприличнымъ? Вотъ уже одно вліяніе, которое совершается безъ вашего вѣдома отъ одного вашего присутствія! Кто не смѣетъ себѣ позволить при васъ дурной мысли, тотъ уже ея стыдится; а такое обращеніе на самого себя, хотя бы даже и мгновенное, есть уже первый шагъ человѣка къ тому, чтобы быть лучше. Стало-быть, это орудіе также сильное. Въ прибавленіе ко всему, вы имѣете уже Самимъ Богомъ водворенное вамъ въ душу стремленіе, или, какъ называете вы, жажду добра. Неужели вы думаете, что даромъ внушена вамъ эта жажда, отъ которой вы не спокойны ни на минуту? Едва вышли вы замужъ за человѣка благороднаго, умнаго, имѣющаго всѣ качества, чтобы сдѣлать счастливою жену свою, какъ уже, намѣсто того, чтобы сокрыться въ глубину вашего домашняго счастья, мучитесь мыслию, что вы недостойны такого счастья, что не имѣете права имъ пользоваться въ то время, когда вокругъ васъ такъ много страданій, когда ежеминутно раздаются вѣсти о бѣдствіяхъ всякаго рода: о голодѣ, пожарахъ, тяжелыхъ горестяхъ душевныхъ и страшныхъ болѣзняхъ ума, которыми заражено текущее поколѣніе. Повѣрьте, это не даромъ. Кто заключилъ въ душѣ своей такое небесное безпокойство о людяхъ, такую ангельскую тоску о нихъ среди самыхъ развлекательныхъ увеселеній, тотъ много, много можетъ для нихъ сдѣлать; у того повсюду поприще, потому что повсюду люди. Не убѣгайте же свѣта, среди котораго вамъ назначено быть, не спорьте съ Провидѣніемъ. Въ васъ живетъ та невѣдомая сила, которая нужна теперь для свѣта: самый вашъ голосъ, отъ постоянного устремленія вашей мысли летѣть на помощь человѣку, приобрѣлъ уже какіе-то родные звуки всѣмъ, такъ что, если вы заговорите въ сопровожденіи чистаго взора вашего и этой улыбки, никогда не оставляющей устъ вашихъ, которая однимъ только вамъ свойственна, то каждому кажется, будто бы заговорила съ нимъ какая-то небесная родная сестра. Вашъ голосъ сталъ всемогущъ; вы можете повелѣвать и быть такимъ деспотомъ, какъ никто изъ насъ. Повелѣвайте же безъ словъ, однимъ присутствіемъ вашимъ: повелѣвайте самымъ безсліемъ своимъ, на которое вы такъ негодуете; повелѣвайте именно тою женскою прелестью вашей, которую, увы! уже утратила женщина нынѣшняго свѣта. Съ вашей робкой неопытностію вы теперь въ нѣсколько разъ больше сдѣлаете, нежели женщина умная и все испытывавшая съ своей гордой самонадѣянностію: ея наивнѣйшія убѣжденія, съ которыми она бы захотѣла обратиться на путь нынѣшній свѣтъ, въ видѣ злыхъ эпиграммъ посыплются обратно на ея же голову; но ни у кого не посмѣетъ пошевелиться на губахъ эпиграмма, когда однимъ умоляющимъ взоромъ, безъ словъ, вы попросите кого-нибудь изъ насъ, чтобы онъ сдѣлался лучшимъ. Отчего вы такъ испугались разсказовъ о свѣтскомъ развратѣ? Онъ, точно, есть, и еще даже въ большей мѣрѣ, нежели вы думаете; но вамъ и знать объ этомъ не должно. Вамъ ли бояться жалкихъ соблазновъ свѣта? Влетайте въ него смѣло, съ тою же сіяющею вашей улыбкою;

входите въ него, какъ въ больницу, наполненную страждущими, но не въ качествѣ доктора, приносящаго строгія предписанія и горькія лѣкарства: вамъ не слѣдуетъ и разсматривать, какими болѣзнями кто боленъ. У васъ нѣтъ способности распознавать и исцѣлять болѣзни, и я вамъ не дамъ такого совѣта, какой бы мнѣ слѣдовало дать всякой другой женщинѣ, къ тому способной. Ваше дѣло только приносить страждущему вашу улыбку, да тотъ голосъ, въ которомъ слышится человѣку прилетѣвшая съ небесъ его сестра, — ничего болше. Не останавливайтесь долго надъ одними и спѣшите къ другимъ, потому что вы повсюду нужны. Увы! на всѣхъ углахъ міра ждуть и не дождутся ничего другого, какъ только тѣхъ родныхъ звуковъ, того самаго голоса, который у васъ уже есть. Не болтайте со свѣтомъ о томъ, о чемъ онъ болтаетъ; заставьте его говорить о томъ, о чемъ вы говорите. Храни васъ Богъ отъ всякаго педаанства и отъ всѣхъ тѣхъ разговоровъ, которые исходятъ изъ устъ какой-нибудь нынѣшней львицы. Вносите въ свѣтъ тѣ же самые простодушные ваши рассказы, которые такъ говорливо у васъ изливаются, когда вы бываете въ кругу домашнихъ и близкихъ вамъ людей, когда такъ и сіяетъ всякое простое слово вашей рѣчи, а душѣ всякаго, кто васъ ни слушаетъ, кажется, какъ будто бы она лепечетъ съ ангелами о какомъ-то небесномъ младенствѣ человѣка. Эти - то именно рѣчи вносите и въ свѣтъ.

1846.

III.

Значеніе болѣзней.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГР. А. П. Т....МУ.

... Силы мои слабѣютъ ежеминутно, но не духъ. Никогда еще тѣлесные недуги не были такъ изнурительны. Часто бываетъ такъ тяжело, такъ тяжело, такая страшная усталость чувствуется во всемъ составѣ тѣла, что радъ бываешь, какъ Богъ знаетъ чему, когда, наконецъ, оканчивается день и доберешься до постели. Часто, въ душевномъ безсиліи, восклицаешь: «Боже! гдѣ же, наконецъ, берегъ всего?» Но потомъ, когда оглянешься на самого себя и помотришь глубже себя внутрь — ничего уже не издастъ душа, кромѣ однѣхъ слезъ и благодаренія. О, какъ нужны намъ недуги! Изъ множества пользы, которыя я уже извлекъ изъ нихъ, укажу вамъ только на одну: нынѣ каковъ я ни есть, но я все же сталъ лучше, нежели былъ прежде; не будь этихъ недуговъ, я бы задумалъ, что сталъ уже такимъ, какимъ слѣдуетъ мнѣ быть. Не говорю уже о томъ, что самое здоровье, которое безпрестанно подтапливаетъ русскаго человѣка на какіе-то прыжки и желаніе порисоваться своими качествами передъ другими, заставило бы меня надѣлать уже тысячу глупостей. Притомъ нынѣ, въ мои свѣжія минуты, которыя даетъ мнѣ милость небесная и среди самыхъ страданій, иногда приходятъ ко мнѣ мысли, несравненно лучшія прежнихъ, и я вижу самъ, что теперь все, что ни выйдетъ изъ-подъ пера моего, будетъ значительнѣе прежняго. Не будь тяжкихъ болѣзненныхъ страданій, куда бы я теперь не занесся! какимъ бы значительнымъ человѣкомъ вообразилъ себя! Но, слыша ежеминутно, что жизнь моя на волоскѣ, что недугъ можетъ остановить вдругъ тотъ трудъ мой, на которомъ основана вся моя значительность, и та польза, которую такъ желаетъ принести душа моя, останется въ одномъ безсильномъ желаніи, а не въ исполненіи, и не дамъ я никакихъ процентовъ на данные мнѣ Богомъ таланты, и

буду осужденъ, какъ послѣдній изъ преступниковъ, — слыша все это, смиряюсь я всякую минуту и не нахожу словъ, какъ благодарить небеснаго Промыслителя за мою болѣзнь. Принимайте же и вы покорно всякій недугъ, вѣря впередъ, что онъ нуженъ. Молитесь Богу только о томъ, чтобы открылось передъ вами его чудное значеніе и вся глубина его высокаго смысла.

1846.

IV.

О томъ, что такое слово.

Пушкинъ, когда прочиталъ слѣдующіе стихи изъ оды Державина къ Храповицкому:

За слова меня пусть гложеть,
За дѣла сатирикъ чтить —

сказалъ такъ: «Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла». Пушкинъ правъ. Поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ. Если писатель станетъ оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиною неискренности, или необдуманности, или поспѣшной торопливости его слова, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что взявъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство, словомъ — мало ли на что можно сослаться! У человѣка вдругъ явятся тѣсныя обстоятельства. Потомству нѣтъ дѣла до того, кто былъ виною, что писатель сказалъ глупость или нелѣпость, или же выразился вообще необдуманно и незрѣло. Оно не станетъ разбирать, кто толкалъ его подъ руку: близорукій ли пріятель, подстрекавшій его на рановременную дѣятельность, журналистъ ли, хлопотавшій только о выгодѣ своего журнала. Потомство не приметъ въ уваженіе ни кумовства, ни журналистовъ, ни собственной его бѣдности и затруднительнаго положенія. Оно сдѣлаетъ упрекъ ему, а не имъ. — «Зачѣмъ ты не устоялъ противу всего этого? Вѣдь ты же почувствовалъ самъ честность званія своего; вѣдь ты же умѣлъ предпочесть его другимъ, выгоднѣйшимъ должностямъ и сдѣлалъ это не вслѣдствіе какой-нибудь фантазіи, но потому, что въ себѣ услышалъ на то призваніе Божіе; вѣдь ты же получилъ въ добавку къ тому умъ, который видѣлъ подале, пошире и поглубже дѣла, нежели тѣ, которые тебя подталкивали! Зачѣмъ же ты былъ ребенкомъ, а не мужемъ, получа все, что нужно для мужа?» Словомъ, еще какой-нибудь обыкновенный писатель могъ бы оправдываться обстоятельствами, но не Державинъ. Онъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не смеетъ, по крайней мѣрѣ, цѣлой половины одъ своихъ. Эта половина одъ представляетъ явленіе поразительное: никто еще доселѣ такъ не посмѣялся надъ самимъ собою, надъ святынею своихъ лучшихъ вѣрованій и чувствъ, какъ сдѣлалъ это Державинъ въ этой несчастной половинѣ своихъ одъ. Точно, какъ бы онъ силился здѣсь намалевать карикатуру на самого себя: все, что въ другихъ мѣстахъ у него такъ прекрасно, такъ свободно, такъ проникнуто внутреннею силою душевнаго огня, здѣсь холодно, бездушно и принужденно; а что хуже всего — здѣсь повторены тѣ же самые обороты, выраженія и даже цѣликомъ фразы, которые имѣютъ такую орлиную замашку въ его одушевленныхъ одахъ и которые тутъ просто смѣшны и подходятъ на то, какъ бы карликъ надѣлъ панцырь великана, да еще и не такъ,

какъ слѣдуетъ. Сколько людей теперь произносятъ сужденіе о Державинѣ, основываясь на его пошлыхъ одахъ! Сколько усомнилось въ искренности его чувствъ потому только, что нашли ихъ во многихъ мѣстахъ выраженными слабо и бездушно! Какіе двусмысленные толки составились о самомъ его характерѣ, душевномъ благородствѣ и даже неподкупности того самаго правосудія, за которое онъ стоялъ! И все потому, что не сожжено то, что должно быть предано огню. Пріятель нашъ П*** имѣетъ обыкновеніе, отрывши, какія ни попало, строки извѣстнаго писателя, тотъ же часъ ихъ тиснуть въ журналѣ, не взвѣсивъ хорошенько, къ чести ли это, или къ безчестию его. Онъ скрѣпляетъ все дѣло извѣстною оговоркою журналистовъ: «Надѣмся, что читатели и потомство останутся благодарны за сообщеніе сихъ драгоценныхъ строкъ; въ великомъ челобѣтѣ все достойно любопытства», и тому подобное. Все это пустяки. Какой-нибудь мелкій читатель останется благодаренъ; но потомство плюнетъ на эти драгоценныя строки, если въ нихъ бездушно повторено то, что уже извѣстно, и если не дышитъ отъ нихъ святѣйшаго того, что должно быть свято. Чѣмъ истинны выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними: иначе онѣ вдругъ обратятся въ общія мѣста, а общими мѣстамъ уже не вѣрятъ. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемерные или даже, просто, непріготовленные проповѣдыватели Бога, дерзавшіе произносить имя Его неосвященными устами. Обращаться съ словомъ нужно честно: оно есть высшій подарокъ Бога челобѣту. Бѣда произносить его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій, досады, или гнѣва, или какаго-нибудь личнаго нерасположенія къ кому бы то ни было, словомъ—въ тѣ поры, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа: изъ него такое выйдетъ слово, которое всѣмъ опротивѣетъ, и тогда съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло. Тотъ же нашъ пріятель П*** тому порука: онъ торопился всю свою жизнь, спѣша дѣлиться всѣмъ съ своими читателями, сообщать имъ все, чего ни набирался самъ, не разбирая, созрѣла ли мысль въ его собственной головѣ такимъ образомъ, дабы стать близкою и доступною всѣмъ, словомъ — высказывалъ передъ читателемъ себя всего во всемъ своемъ неряшествовѣ! И что жъ? Замѣтили ли читатели тѣ благородныя и прекрасныя порывы, которые у него сверкали весьма часто? приняли ли отъ него то, чѣмъ онъ хотѣлъ съ ними подѣлиться? Нѣтъ, они замѣтили въ немъ одно только неряшество и неопрятность, которыя прежде всего замѣчаютъ челобѣтъ, и ничего отъ него не приняли. Тридцать лѣтъ работалъ и хлопоталъ, какъ муравей, этотъ челобѣтъ, торопясь всю жизнь свою передать поскорѣе въ руки всѣмъ все, что ни находилось, на пользу просвѣщенія и образованія русскаго, — и ни одинъ челобѣтъ не сказалъ ему спасибо; ни одного признательнаго юноши я не встрѣтилъ, который бы сказалъ, что онъ обязанъ ему какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ или прекраснымъ стремленіемъ къ добру, которое бы внушило его слово. Напротивъ, я долженъ былъ даже спорить и стоять за чистоту самыхъ намѣреній и за искренность словъ его предъ такими людьми, которые, кажется, могли бы понять его. Мнѣ было трудно даже убѣдить кого-либо, потому что онъ сумѣлъ такъ замаскировать себя предъ всѣми, что рѣшительно нѣтъ возможности показать его въ томъ видѣ, каковъ онъ дѣйствительно есть. [Заговорить ли онъ о патріотизмѣ, онъ заговорить о немъ такъ, что патріотизмъ его кажется подкупной; о любви къ царю, которую питаетъ онъ искренно и свято въ душѣ своей, изъяснится онъ такъ, что это походить на одно раболѣпство и какое-то корыстное угожденіе. Его искренній, непритворный гнѣвъ противу всякаго направленія, вреднаго Россіи

выразится у него такъ, какъ бы онъ подавалъ доносъ на какихъ-то нѣкоторыхъ, ему одному извѣстныхъ людей. Словомъ, на всякомъ шагу онъ самъ свой клеветникъ]. Опасно шутить писателю со словомъ. «Слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ!» Если это слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ намъ безъ изъятія, то во сколько кратъ болѣе оно должно быть примѣнено къ тѣмъ, у которыхъ поприще — слово, и которыми опредѣлено говорить о прекрасномъ и возвышенномъ. Бѣда, если о предметахъ святыхъ и возвышенныхъ станеть раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздается гнилое слово о гнилыхъ предметахъ. Всѣ великіе воспитатели людей налагали долгое молчаніе именно на тѣхъ, которые владѣли даромъ слова, именно въ тѣ поры и въ то время, когда больше всего хотѣлось имъ пошеголять словомъ и рвалась душа сказать даже много полезнаго людямъ: они слышали, какъ можно опозорить то, что стремишься возвысить, и какъ на всякомъ шагу языкъ нашъ есть нашъ предатель. «Наложи дверь и замки на уста твои, — говоритъ Иисусъ Сирахъ: — растопи золото и серебро, какое имѣешь, дабы сдѣлать изъ нихъ вѣсы, которые взвѣшивали бы твое слово, и выковать надежную узду, которая бы держала твои уста».

1844.

V.

Чтеніе русскихъ поэтовъ передъ публикою.

письмо къ Л**.

Я радъ, что, наконецъ, начались у насъ публичныя чтенія произведеній нашихъ писателей. Мнѣ уже писали объ этомъ кое-что изъ Москвы: тамъ читали разныя литературныя современности, а въ томъ числѣ и мои повѣсти. Я думалъ всегда, что публичное чтеніе у насъ необходимо. Мы какъ-то охотнѣе готовы дѣйствовать сообща, даже и читать; поодиначкѣ изъ насъ всякъ лѣнивъ и, пока видитъ, что другіе не тронулись, самъ не тронется. Искусные чтецы должны создаться у насъ: среди насъ мало рѣчистыхъ говоруновъ, способныхъ шеголять въ палатахъ и парламентахъ, но много есть людей, способныхъ всякому *сочувствовать*. Передать, подѣлиться ощущеніемъ у многихъ обращается даже въ страсть, которая становится еще сильнѣе по мѣрѣ того, какъ живѣе начинаютъ замѣчать они, что не умѣютъ изъясниться словомъ (признакъ природы эстетической). Къ образованію чтецовъ способствуетъ также и языкъ нашъ, который какъ бы созданъ для искусства чтенія, заключа въ себѣ всѣ оттѣнки звуковъ и самыя смѣлыя переходы отъ возвышеннаго до простаго въ одной и той же рѣчи. Я даже думаю, что публичныя чтенія со временемъ замѣнятъ у насъ спектакли. Но я бы желалъ, чтобы въ вынѣшнія наши чтенія избиралось что-нибудь истинно стоящее публичнаго чтенія, чтобы и самому чтецу не жаль было потрудиться надъ нимъ предварительно. Въ нашей современной литературѣ нѣтъ ничего такого, да и нѣтъ надобности читать современное: публика его прочтетъ и безъ того, благодаря страсти въ новизнѣ. Всѣ эти новыя повѣсти (въ томъ числѣ и мои) не такъ важны, чтобы сдѣлать изъ нихъ публичное чтеніе. Намъ нужно обратиться къ нашимъ поэтамъ, къ тѣмъ высокимъ произведеніямъ стихотворнымъ, которые у нихъ долго обдумывались и обрабатывались въ головѣ, надъ которыми и чтець долженъ поработать долго. Наши поэты до сихъ поръ почти

неизвѣстны публикѣ. Въ журналахъ о нихъ говорили много, разбирали ихъ даже весьма многословно, но высказывали больше самихъ себя, нежели разбираемыхъ поэтовъ. Журналы достигли только того, что сбили и спутали понятія публики о нашихъ поэтахъ, такъ что въ глазахъ ея личность каждаго поэта теперь двоится, и никто не можетъ представить себѣ опредѣлительно, что такое изъ нихъ всякъ въ существѣ своемъ. Одно только искусное чтеніе можетъ установить о нихъ ясное понятіе. Но, разумѣется, нужно, чтобы самое чтеніе произведено было такимъ чтецомъ, который способенъ передать всякую неуловимую черту того, что читаетъ. Для этого не нужно быть пламеннымъ юношей, который готовъ сторяча и не переводя духа прочесть въ одинъ вечеръ и трагедію, и комедію, и оду, и все, что ни попало. Прочесть, какъ слѣдуетъ, произведеніе лирическое — вовсе не бездѣлица: для этого нужно долго его изучать. Нужно раздѣлить искренно съ поэтомъ высокое ощущеніе, наполнявшее его душу; нужно душою и сердцемъ почувствовать всякое слово его — и тогда уже выступить на публичное его чтеніе. Чтеніе это будетъ вовсе не крикливое, не въ жару и горячкѣ. Напротивъ, оно можетъ быть даже очень спокойное, но въ голосѣ чтеца послышится невѣдомая сила, свидѣтель истинно-растроганнаго внутренняго состоянія. Сила эта сообщится всѣмъ и произведетъ чудо: потрясутся и тѣ, которые не потряслись никогда отъ звуковъ поэзіи. Чтеніе нашихъ поэтовъ можетъ принести много публичнаго добра. У нихъ есть много прекраснаго, которое не только совѣмъ позабыто, но даже оклеветано, очернено, представлено публикѣ въ какомъ-то низкомъ смыслѣ, о которомъ и не помышляли благородные сердцемъ наши поэты. Не знаю, кому принадлежитъ мысль — обратить публичныя чтенія въ пользу бѣднымъ, но мысль эта прекрасна. Особенно это кстати теперь, когда такъ много страждущихъ внутри Россіи отъ голода, пожаровъ, болѣзней и всякаго рода несчастій. Какъ бы утѣшились души отъ насъ удалившихся поэтовъ такимъ употребленіемъ ихъ произведеній!

1843.

VI.

О ПОМОЩИ БѢДНЫМЪ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. О. СМ—РН—ВОЙ.

... Обращаюсь къ нападеніямъ вашимъ на глупость [петербургской] молодежи, которая затѣяла подносить золотые вѣнки и кубки чужеземнымъ пѣвцамъ и актрисамъ въ то самое время, когда въ Россіи голодаютъ цѣлыя губерніи. Это происходитъ не отъ глупости и не отъ ожесточенія сердець, даже и не отъ легкомыслія, — это происходитъ отъ человѣческой, всѣмъ намъ общей безпечности. Эти несчастія и ужасы, производимые голодомъ, далеки отъ насъ; они совершаются внутри провинцій, они не передъ нашими глазами, — вотъ разгадка и объясненіе всего! Тотъ же самый, кто заплатилъ, дабы насладиться пѣніемъ Рубини, сто рублей за кресла въ театрѣ, продалъ бы свое послѣднее имущество, если бы довелось ему быть свидѣтелемъ на дѣлѣ хотя одной изъ тѣхъ ужасныхъ картинъ голода, передъ которыми ничто всякіе страхи и ужасы, выставляемые въ мелодрамахъ. За пожертвованіемъ у насъ не станетъ дѣло: мы всѣ готовы жертвовать. Но пожертвованія собственно въ пользу бѣдныхъ у насъ дѣлаются теперь не весьма охотно, отчасти потому, что не всякій увѣренъ, дойдетъ ли, какъ слѣдуетъ, до мѣста

назначенія его пожертвованіе, попадетъ ли оно именно въ тѣ руки, въ которыя должно попасть. Большею частію случается такъ, что помощь, точно какая-то жидкость, несомая въ рукѣ, вся расхлещется по дорогѣ, прежде, нежели донесется, — и нуждающемуся приходится посмотрѣть только на одну сухую руку, въ которой нѣтъ ничего. Вотъ о какомъ предметѣ слѣдуетъ подумать прежде, нежели начать собирать пожертвованія. Объ этомъ мы съ вами послѣ потолкуемъ, потому что это дѣло ничуть не маловажное и стоитъ того, чтобы о немъ толково потолковать. А теперь поговоримъ о томъ, гдѣ скорѣе нужно помогать. Помогать нужно прежде всего тому, съ которымъ случилось несчастіе внезапное, которое вдругъ, въ одну минуту, лишило его всего за однимъ разомъ: или пожаръ, сжегшій все до тла, или падежъ, выморившій весь скотъ, или смерть, похитившая единственную подпору, словомъ — всякое лишеніе внезапное, гдѣ вдругъ является человѣку бѣдность, къ которой онъ еще не успѣлъ привыкнуть. Туда несите помощь. Но нужно, чтобы помощь эта произведена была истинно-христіанскимъ образомъ; если же она будетъ состоять въ одной только выдачѣ денегъ, она ровно ничего не будетъ значить и не обратится въ добро. Если вы не обдумали прежде въ собственной головѣ всего положенія того человѣка, которому хотите помочь, и не принесли съ собою ему наученія, какъ отнынѣ слѣдуетъ вести ему жизнь, онъ не получитъ большого добра отъ вашей помощи. Цѣна поданной помощи рѣдко равняется цѣнѣ утраты; вообще, она едва составляетъ половину того, что человѣкъ потерялъ, часто одну четверть, а иногда и того меньше. Русскій человѣкъ способенъ на всѣ крайности: увидя, что съ полученными небольшими деньгами онъ не можетъ вести жизнь, какъ прежде, онъ съ горя можетъ прокутить вдругъ то, что ему дано на долговременное содержаніе. А потому наставляйте его, какъ ему изворотиться именно съ тою самою помощію, которую вы принесли ему; объясните ему истинное значеніе несчастія, чтобы онъ видѣлъ, что оно послано ему затѣмъ, дабы онъ измѣнилъ прежнее житіе свое, дабы отнынѣ онъ сталъ уже не прежній, но какъ бы другой человѣкъ и вещественно, и нравственно. Вы сумѣете это сказать умно, если только вникнете хорошенько въ его природу и въ его обстоятельства. Онъ васъ пойметъ: несчастіе умигчаетъ человѣка; природа его становится тогда болѣе чуткой и доступной къ пониманію предметовъ, превосходящихъ понятіе человѣка, находящагося въ обыкновенномъ и всеневномъ положеніи; онъ какъ бы весь обращается тогда въ разогрѣтый воскъ, изъ котораго можно лѣпить все, что ни захотите. Всего лучше, однакожъ, если бы всякая помощь производилась черезъ руки опытныхъ и умныхъ священниковъ. Они одни въ силахъ истолковать человѣку святой и глубокой смыслъ несчастія, которое, въ какихъ бы ни являлось образахъ и видахъ кому бы то ни было на землѣ, обитаетъ ли онъ въ избѣ или палатахъ, есть тотъ же крикъ небесный, вопіющій человѣку о перемѣнѣ всей его прежней жизни.

1844.

VII.

Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ.

ПИСЬМО КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Появленіе Одиссеи произведетъ эпоху. Одиссея есть рѣшительно совершеннѣйшее произведеніе всѣхъ вѣковъ. Объемъ ея великъ; Илиада предъ нею эпизодъ. Одиссея захватываетъ весь древній міръ, публичную и домашнюю

жизнь, всё поприща тогдашнихъ людей, съ ихъ ремеслами, знаніями, вѣрованіями... словомъ, трудно даже сказать, чего бы не обняла Одиссея, или что бы въ ней было пропущено. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ служила она неизсякаемымъ колодеземъ для древнихъ, а потомъ и для всѣхъ поэтовъ. Изъ нея черпались предметы для безчисленнаго множества трагедій, комедій; все это разнеслось по всему свѣту, сдѣлалось достояніемъ всѣхъ, а сама Одиссея позабыта. Участь Одиссеи странна: въ Европѣ ея не оцѣнили. Виною этого отчасти недостатокъ перевода, который бы передавалъ художественно великолѣпнѣйшее произведеніе древности, отчасти недостатокъ языка, въ такой степени богатаго и полнаго, на которомъ отразились бы всѣ безчисленныя, неудовимыя красоты, какъ самого Гомера, такъ и вообще эллинской рѣчи; отчасти же недостатокъ, наконецъ, и самаго народа, въ такой степени одареннаго чистотою дѣвственнаго вкуса, какая потребна для того, чтобы почувствовать Гомера.

Теперь переводъ первѣйшаго поэтическаго творенія произойдетъ на языкѣ, полнѣйшемъ и богатѣйшемъ всѣхъ европейскихъ языковъ.

Вся литературная жизнь Жуковскаго была какъ бы приготовленіемъ къ этому дѣлу. Нужно было его стиху выработаться на сочиненіяхъ и переводахъ изъ поэтовъ всѣхъ націй и языковъ, чтобы сдѣлаться потомъ способнымъ передать вѣчный стихъ Гомера, — уху его послушаться всѣхъ лиръ, дабы сдѣлаться до того чуткимъ, чтобы и оттѣнокъ эллинскаго звука не пропалъ; нужно было, мало того, что влюбиться ему самому въ Гомера, — получить еще страстное желаніе заставить всѣхъ соотечественниковъ своихъ влюбиться въ Гомера, на эстетическую пользу души каждаго изъ нихъ; нужно было совершиться внутри самого переводчика многими такимъ событіямъ, которые привели въ большую стройность и спокойствіе его собственную душу, необходимыя для передачи произведенія, замышленнаго въ такой стройности и спокойствіи; нужно было, наконецъ, сдѣлаться глубже христіаниномъ, дабы приобрѣсти тотъ прозирающій, углубленный взглядъ на жизнь, котораго никто не можетъ имѣть, кромѣ христіанина, уже постигнувшаго значеніе жизни. Вотъ сколькимъ условіямъ нужно было выполниться, чтобы переводъ Одиссеи вышелъ не рабская передача, но послышалось бы въ немъ слово живо, и вся Россія приняла бы Гомера, какъ родного!

Зато вышло что-то чудное. Это не переводъ, но скорѣе возсозданіе, возстановленіе, воскресеніе Гомера. Переводъ какъ бы еще болѣе вводилъ въ древнюю жизнь, нежели самъ оригиналъ. Переводчикъ незримо сталъ какъ бы истолкователемъ Гомера, сталъ какъ бы какимъ-то зрительнымъ, выясняющимъ стекломъ передъ читателемъ, сквозь которое еще опредѣлительнѣе и яснѣе выказываются всѣ безчисленныя его сокровища.

По-моему, всѣ нынѣшнія обстоятельства какъ бы нарочно обстановились такъ, чтобы сдѣлать появленіе Одиссеи почти необходимымъ въ настоящее время: въ литературѣ, какъ и во всемъ, — охлажденіе. Какъ очаровываться, такъ и разочаровываться устали и перестали. Даже эти судорожныя, большыя произведенія вѣка, съ примѣсю всякихъ неперевавшихся идей, нанесенныхъ политическими и прочими броженіями, стали значительно упадать; только одни задніе чтецы, привыкшіе держаться за хвосты журнальныхъ вождей, еще кое-что перечитываютъ, не замѣчая въ простодушіи, что козлы, ихъ предводившіе, давно уже остановились въ раздумьѣ, не зная сами, куда повести заблудшія стада свои. Словомъ, именно то время, когда слишкомъ важно появленіе произведенія стройнаго во всѣхъ частяхъ своихъ, которое изображало бы жизнь съ отчетливостью изумительной, и отъ котораго повѣвало бы спокойствіемъ и простотой, почти младенческой.

Одиссея произведетъ у насъ вліяніе, какъ вообще на всѣхъ, такъ и от-
дѣльно на каждою.

Разсмотримъ то вліяніе, которое она можетъ у насъ произвести вообще
на всѣхъ. Одиссея есть именно то произведеніе, въ которомъ заключились
всѣ нужныя условія, дабы сдѣлать ее чтеніемъ всеобщимъ и народнымъ. Она
соединяетъ всю увлекательность сказки и всю простую правду человѣческаго
похожденія, имѣющаго равную заманчивость для всякаго человѣка, кто бы онъ
ни былъ. Дворянинъ, мѣщанинъ, купецъ, грамотей и неграмотей, рядовой
солдатъ, лакей, дѣти обоюго пола, начиная съ того возраста, когда ребенокъ
начинаетъ любить сказку, — ее прочитаютъ и выслушаютъ безъ скуки —
обстоятельство слишкомъ важное, особенно, если примемъ въ соображеніе то,
что Одиссея есть вмѣстѣ съ тѣмъ самое нравственное произведеніе, и что
единственно затѣмъ и предпринята древнимъ поэтомъ, чтобы въ живыхъ
образахъ начертать законы дѣйствій тогдашнему человѣку.

Греческое многобожіе не соблазнить нашего народа. Народъ нашъ уменъ:
онъ растолкуетъ, не ломая головы, даже то, что приводитъ втупикъ умни-
ковъ. Онъ здѣсь увидитъ только доказательство того, какъ трудно человѣку
самому, безъ пророковъ и безъ откровенія свыше, дойти до того, чтобы узнать
Бога въ истинномъ видѣ, и въ какихъ нелѣпыхъ видахъ станетъ онъ пред-
ставлять себѣ лигъ Его, раздробивши единство и единосміе на множество обра-
зовъ и силъ. Онъ даже не посмѣется надъ тогдашними язычниками, признавъ
ихъ ни въ чемъ невиноватыми: пророки имъ не говорили, Христосъ тогда не
родился, апостоловъ не было. Нѣтъ, народъ нашъ скорѣе почешетъ у себя
въ затылкѣ, почувствовавъ то, что онъ, зная Бога въ Его истинномъ видѣ,
имѣя въ рукахъ уже письменный законъ Его, имѣя даже истолкователей за-
кона въ отцахъ духовныхъ, молится лѣнивѣе и выполняетъ долгъ свой хуже
древняго язычника. Народъ смеетъ, почему та же верховная сила помогала
и язычнику за его добрую жизнь и усердную молитву, несмотря на то, что
онъ, по невѣжеству, зывалъ къ ней въ образѣ Посейдоновъ, Кроніоновъ,
Гефестовъ, Геліосовъ, Киприды и всей вереницы, которую наплело играющее
воображеніе грековъ. Словомъ, многобожіе отложить онъ въ сторону, а
пвлечетъ изъ Одиссеи то, что ему слѣдуетъ изъ нея излечь, — то, что
ощутительно въ ней видимо всѣмъ, что легло въ духъ ея содержанія и
для чего написана сама Одиссея, то-есть, что человѣку вездѣ, на всякомъ
поприщѣ, предстоитъ много бѣдъ, что нужно съ ними бороться, — для того
и жизнь дана человѣку, — что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ унывать,
какъ не унывалъ и Одиссей, который во всякую трудную и тяжелую минуту
обращался къ своему сердцу, не подозрѣвая самъ, что таковымъ внутреннимъ
обращеніемъ къ самому себѣ онъ уже творилъ ту внутреннюю молитву Богу,
которую въ минуты бѣдствій совершаетъ всякій человѣкъ, даже не имѣющій
никакого понятія о Богѣ. Вотъ то общее, тотъ живой духъ ея содержанія,
которымъ произведетъ на всѣхъ впечатлѣніе Одиссея, прежде, нежели одни
восхитятся ея поэтическими достоинствами, вѣрностью картинъ и живостью
описаній; прежде, нежели другіе поразятся раскрытіемъ сокровищъ древности
въ такихъ подробностяхъ, въ какихъ не сохранили ея ни ваіііе, ни живо-
пись, ни вообще всѣ древніе памятники; прежде, нежели третьи останутся
изумлены необыкновеннымъ познаніемъ всѣхъ изгибовъ души человѣческой,
которые всѣ были вѣдомы всевидѣвшему слѣпцу; прежде, нежели четвертые
будутъ поражены глубокимъ вѣдѣніемъ государственнымъ, знаніемъ трудной
науки править людьми и властвовать ими, чѣмъ обладалъ также божественный
старецъ, законодатель и своего, и грядущихъ поколѣній, словомъ — прежде,

псжели кто-либо завлечется чѣмъ-нибудь отдѣльно въ Одиссеѣ сообразно своему ремеслу, занятіямъ, наклонностямъ и своей личной особенноти. И все потому, что слишкомъ осязательно слышенъ этотъ духъ ея содержанія, эта внутренняя сущность его, что ни въ одномъ твореніи не проступаетъ она такъ сильно наружу, проникая все и преобладая надъ всѣмъ, особенно, когда рассмотримъ еще, какъ ярки всѣ эпизоды, изъ которыхъ каждый въ силахъ застѣнить главное.

Отчего жъ такъ сильно это слышится всѣмъ? Оттого, что залегло это глубоко въ самую душу древняго поэта. Видишь на всякомъ шагѣ, какъ хотѣлъ онъ облечь во всю обворожительную красоту поэзіи то, что хотѣлъ бы утвердить навѣки въ людяхъ, какъ стремился укрѣпить въ народныхъ обычаяхъ то, что въ нихъ похвально, напомнить человѣку лучшее и святѣйшее, что есть въ немъ, и что онъ способенъ позабыть всякую минуту, оставить въ каждомъ лицѣ своемъ примѣръ каждому на его отдѣльномъ поприщѣ, а всѣмъ вообще оставить въ своемъ неутомимомъ Одиссеѣ примѣръ на общечеловѣческомъ поприщѣ.

Это строгое почитаніе обычаевъ, это благоговѣнное уваженіе власти и начальниковъ, несмотря на ограниченныя предѣлы самой власти, эта дѣйствительная стыдливость юношей, эта благость и благодушное безгнѣбие старцевъ, это радушное гостепрѣимство, это уваженіе и почти благоговѣніе къ человѣку, какъ представителю образа Божія, это вѣрованіе, что ни одна благая мысль не зарождается въ головѣ его безъ верховной воли высшаго насъ Существа, и что ничего не можетъ онъ сдѣлать своими собственными силами, словожъ — все, всякая малѣйшая черта въ Одиссеѣ говоритъ о внутреннемъ желаніи поэта всѣхъ поэтовъ оставить древнему человѣку живую и полную книгу законодательства въ то время, когда еще не было ни законодателей, ни учредителей порядковъ, когда еще никакими гражданскими и письменными постановленіями не были опредѣлены отношенія людей, когда люди еще многого не вѣдали и даже не предчувствовали, и когда одинъ только божественный старецъ все видѣлъ, слышалъ, соображалъ и предчувствовалъ, — слѣпецъ, лишенный зрѣнія, общаго всѣмъ людямъ, и вооруженный тѣмъ внутреннимъ окомъ, котораго не имѣютъ люди!

И какъ искусно сокрытъ весь трудъ многолѣтнихъ обдумываній подъ простотой самаго простодушнѣйшаго повѣствованія! Кажется, какъ бы собравъ весь людъ въ одну семью и усѣвшись среди нихъ самъ, какъ дѣдъ среди внуковъ, готовый даже съ ними ребячиться, ведетъ онъ добродушный разговоръ свой и только заботится о томъ, чтобы не утомить никого, не запугать неумѣстною длиннотою поученія, но развѣять и разнести его невидимо по всему творенію, чтобы, играя, набрались всѣ того, что дано не на игрушку человѣку, и незамѣтно бы надышались тѣмъ, что зналъ онъ и видѣлъ лучшаго на своемъ вѣку и въ своемъ вѣкѣ. Можно бы почестъ все за изливающуюся безъ приготовленія сказку, если бы, по внимательномъ разсмотрѣніи, уже потомъ не открывалась удивительная постройка всего цѣлаго и порознь каждой пѣсни. Какъ глупы нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ — мѣлъ, а всѣ творенія его — народныя пѣсни и рапсодіи!

Но рассмотримъ то явленіе, которое можетъ произвестъ у насъ Одиссея *отдѣльно на каждою*. Во-первыхъ, она подѣйствуетъ на пишущую нашу братію, на сочинителей нашихъ. Она возвратитъ многихъ къ свѣту, проведя ихъ, какъ искусный лопманъ, сквозь сумятицу и мглу, нанесенную неустроенными, неорганизованными писателями. Она снова напомнитъ намъ всѣмъ, въ какой безхитростной простотѣ нужно воссоздавать природу, какъ

уяснять всякую мысль до ясности почти ощутительной, въ какомъ уравновѣ-
шанномъ спокойствіи должна изливаться рѣчь наша. Она вновь дастъ почув-
ствовать всѣмъ нашимъ писателямъ ту старую истину, которую вѣкъ мы
должны помнить и которую всегда позабываемъ, а именно: по тѣхъ поръ
не приматся за перо, пока все въ головѣ не установится въ такой ясности
и порядкѣ, что даже ребенокъ въ силахъ будетъ понять и удержатъ все въ
памяти. Еще болѣе, нежели на самихъ писателей, Одиссея подѣйствуетъ на
тѣхъ, которые еще готовятся въ писатели и, находясь въ гимназіяхъ и
университетахъ, видятъ передъ собою еще туманно и неясно свое будущее
поприще: ихъ она можетъ навести съ самаго начала на прямой путь, изба-
вивъ отъ лишняго шатанія по кривымъ закоулкамъ, по которымъ натолкались
изрядно ихъ предшественники.

Во-вторыхъ, Одиссея подѣйствуетъ на вкусъ и на развитіе эстетиче-
скаго чувства. Она освѣжитъ критику. Критика устала и запуталась отъ
разборовъ загадочныхъ произведеній новѣйшей литературы, съ горя бросилась
въ сторону и, уклонившись отъ вопросовъ литературныхъ, понесла дичь. По
поводу Одиссея можетъ появиться много истинно дѣльныхъ критикъ, тѣмъ
болѣе, что врядъ ли есть на свѣтѣ другое произведеніе, на которое можно
было бы взглянуть съ такихъ многихъ сторонъ, какъ на Одиссею. Я увѣренъ,
что толки, разборы, разсужденія, замѣчанія и мысли, ею возбужденныя, бу-
дутъ раздаваться у насъ въ журналахъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Чита-
тели будутъ отъ этого не въ убыткѣ: критики не будутъ ничтожны. Для
нихъ потребуется много перечесть, оглянуть вновь, перечувствовать и пере-
мыслить; пустой верхоглядъ не найдетъ даже, что и сказать объ Одиссеѣ.

Въ-третьихъ, Одиссея своею русскою одеждою, въ которую облекъ ее
Жуковский, можетъ подѣйствовать значительно на очищеніе языка. Еще ни у
кого изъ нашихъ писателей, не только у Жуковского, во всемъ, что ни пи-
салъ онъ доселѣ, но даже у Пушкина и Крылова, которые часто точнѣе его
на слова и выраженія, не достигала до такой полноты русская рѣчь. Тутъ
заклучились всѣ ея извороты и обороты во всѣхъ видоизмѣненіяхъ. Безко-
нечно-огромные періоды, которые у всякаго другого были бы вялы, темны, и
періоды сжатые, краткіе, которые у другого были бы черствы, обру-
блены, ожесточили бы рѣчь, у него такъ братски улегаются другъ возлѣ
друга, всѣ переходы и встрѣчи противоположностей совершаются въ такомъ
благозвучіи, все такъ сливается въ одно, улетучивая тяжелый громоздъ
всего цѣлаго, что, кажется, какъ бы пропалъ вовсе всякій слогъ и складъ
рѣчи: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ и самого переводчика. Намѣсто его стоитъ предъ
глазами, во всемъ величій, старецъ Гомеръ, и слышатся тѣ величавыя, вѣч-
ныя рѣчи, которыя не принадлежатъ устами какого-нибудь человѣка, но
которыхъ удѣлъ — вѣчно раздаваться въ мірѣ. Здѣсь-то увидятъ наши писа-
тели, съ какой разумной осмотрительностью нужно употреблять слова и
выраженія, какъ всякому простому слову можно возратить его возвышенное
достоинство умѣнемъ помѣстить его въ надлежащемъ мѣстѣ, и какъ много
значитъ для такого сочиненія, которое назначается на всеобщее употребленіе
и есть сочиненіе гениальное, это наружное благоприличіе, эта внѣшняя обра-
ботка всего: тутъ малѣйшая соринка замѣтна и всѣмъ бросается въ глаза.
Жуковский сравниваетъ весьма справедливо эти соринки съ бумажками,
которыя стали бы валяться въ великолѣпно убранной комнатѣ, гдѣ все сіяетъ
ясностью зеркала, начиная отъ потолка до паркета: всякій вошедшій прежде
всего увидитъ эти бумажки, именно по тому же самому, почему бы онъ ихъ
вовсе не примѣтилъ въ неприбранной, нечистой комнатѣ.

Въ-четвертыхъ, Одиссея подѣйствуетъ въ любознательномъ отношеніи, какъ на занимающихся науками, такъ и на не учившихся никакой наукѣ, распространяя живое познаніе древняго міра. Ни въ какой исторіи не прочитаешь того, что отыщешь въ ней: отъ нея такъ и дышитъ временемъ минувшимъ; древній человѣкъ, какъ живой, такъ и стоитъ передъ глазами, какъ будто ты еще вчера его видѣлъ и говорилъ съ нимъ. Такъ его и видишь во всѣхъ его дѣйствіяхъ, во всѣ часы дня: какъ готовится онъ благоговѣнно къ жертвоприношенію, какъ бесѣдуетъ чинно съ гостемъ за пировою кратерою, какъ одѣвается, какъ выходитъ на площадь, какъ слушаетъ старца, какъ поучаетъ юношу; его домъ, его колесница, его спальня, малѣйшая мебель въ домѣ, отъ подвижныхъ столовъ до ременной закладки у дверей, — все передъ глазами, еще свѣжѣе, нежели въ открытой изъ земли Помпѣ.

Наконецъ, я даже думаю, что появленіе Одиссеи произведетъ впечатлѣніе на современныя духъ нашего общества вообще. Именно въ нынѣшнее время, когда таинственной волей Провидѣнія стала слышаться повсюду болѣзненный ропотъ неудовлетворенія, голосъ неудовольствія человѣческаго на все, что ни есть на свѣтѣ: на порядокъ вещей, на время, на самого себя; когда всѣмъ, наконецъ, начинаетъ становиться подозрительнымъ то совершенство, въ которое возвели насъ наша новѣйшая гражданственность и просвѣщеніе; когда слышна у всякаго какая-то безотчетная жажда быть не тѣмъ, чѣмъ онъ есть, можетъ-быть, происшедшая отъ прекраснаго источника — быть лучше; когда сквозь нелѣпыя крики и опрометчивыя проповѣдыванія новыхъ, еще темно услышанныхъ идей, слышно какое-то всеобщее стремленіе стать ближе къ какой-то желанной серединѣ, найти настоящій законъ дѣйствій, какъ въ массахъ, такъ и отдѣльно взятыхъ особахъ, — словомъ, въ это именно время Одиссея поразитъ величавою патріархальностію древняго быта, простою несложностью общественныхъ пружинъ, свѣжестью жизни, непритупленною, младенческою ясностью человѣка. Въ Одиссеѣ услышишь сильный упрекъ себѣ намъ девятнадцатый вѣкъ, и упрекамъ не будетъ конца, по мѣрѣ того, какъ станетъ онъ поболѣе всматриваться въ нее и вчитываться.

Что можетъ быть, напримѣръ, уже сильнѣе того упрека, который раздается въ душѣ, когда разглядишь, какъ древній человѣкъ, съ своими небольшими орудіями, со всѣмъ несовершенствомъ своей религіи, дозволявшей даже обманывать, мстить и прибѣгать къ коварству для истребленія врага, съ своей непокорною, жестокою, несклонною къ повиновенію природою, съ своими ничтожными законами, умѣлъ, однакоже, однимъ только простымъ исполненіемъ обычаевъ старины и обрядовъ, — которые не безъ смысла были установлены древними мудрецами и заповѣданы передаваться въ видѣ святыни отъ отца къ сыну, — однимъ только простымъ исполненіемъ этихъ обычаевъ дойти до того, что приобрѣлъ какую-то стройность и даже красоту поступковъ, такъ что все въ немъ сдѣлалось величаво съ ногъ до головы, отъ рѣчи до простого движенія и даже до складки платья, и, кажется, какъ бы дѣйствительно слышишь въ немъ богоподобное происхожденіе человѣка? А мы, со всѣми нашими огромными средствами и орудіями къ совершенствованію, съ опытами всѣхъ вѣковъ, съ глибокою, переимчивою нашею природою, съ религіею, которая именно дана намъ на то, чтобы сдѣлать изъ насъ святыхъ и небесныхъ людей, — со всѣми этими орудіями, умѣли дойти до какого-то неряшества и неурядства, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, умѣли сдѣлаться лоскутными, мелкими, отъ головы до самаго платья нашего, и, ко всему еще въ прибавку, опротивѣли до того другъ другу, что не

уважаетъ никто никого, даже не выключая и гѣхъ, которые толкуютъ объ уваженіи ко всѣмъ.

Словомъ, на страждущихъ и болѣющихъ отъ своего европейскаго совершенства Одиссея подѣйствуетъ. Много напомнить она имъ младенчески-прекраснаго, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратитъ себѣ человечество, какъ свое законное наслѣдство. Многие надъ многими призадумаются. А между тѣмъ, многое изъ временъ патриархальныхъ, съ которыми есть такое сродство въ русской природѣ, разнесется невидимо по лицу Русской земли. Благоухающими устами поэзии навѣвается на души то, чего не внесешь въ нихъ никакими законами и никакою властію.

УШ.

Нѣсколько словъ о нашей Церкви и духовенствѣ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГР. А. П. Т. ....МУ.

Напрасно смущаетесь вы нападеніями, которыя теперь раздаются на нашу Церковь въ Европѣ. Обвинять въ равнодушіи духовенство наше будетъ также несправедливость. Зачѣмъ хотите вы, чтобы наше духовенство, доселѣ отличавшееся величавымъ спокойствіемъ, столь ему пристойнымъ, стало въ ряды европейскихъ крикуновъ и начало, подобно имъ, печатать опрометчивыя брошюры? Церковь наша дѣйствовала мудро. Чтобы защищать ее, нужно самому прежде узнать ее. А мы вообще знаемъ плохо нашу Церковь. Духовенство наше не бездѣйствуетъ. Я очень знаю, что въ глубинѣ монастырей и въ тишинѣ келій готовятся неопровержимыя сочиненія въ защиту Церкви нашей. Но дѣла свои они дѣлаютъ лучше, нежели мы: они не торопятся и, зная, чего требуетъ такой предметъ, совершаютъ свой трудъ въ глубокомъ спокойствіи, молясь, воспитывая самихъ себя, изгоняя изъ души своей все страстное, похожее на неумѣстную, безумную горячку, возвышая свою душу на ту высоту безстрастія небеснаго, на которой ей слѣдуетъ пребывать, дабы быть въ силахъ заговорить о такомъ предметѣ. Но и эти защиты еще не послужатъ къ полному убѣжденію западныхъ католиковъ. Церковь наша должна святиться въ насъ, а не въ словахъ нашихъ. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвѣстить ея правду. Они говорятъ, что Церковь наша безжизненна. Они сказали ложь, потому что Церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильнымъ выводомъ: мы трупы, а не Церковь наша, и по насъ они назвали и Церковь нашу трупомъ. Какъ намъ защищать нашу Церковь, и какой отвѣтъ мы можемъ дать имъ, если они намъ зададутъ такіе вопросы: «А сдѣлала ли ваша Церковь васъ лучшими? Исполняютъ ли всякъ у васъ, какъ слѣдуетъ, свой долгъ?» Что мы тогда станемъ отвѣчать имъ, почувствовавши вдругъ въ душѣ и совѣсти своей, что шли все время мимо нашей Церкви и едва знаемъ ее даже и теперь? Владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его. У хозяина спрашиваютъ показать лучшую вещь въ его домѣ, а самъ хозяинъ не знаетъ, гдѣ лежитъ она. Эта Церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ апостольскихъ въ непорочной первоначальной чистотѣ своей, эта Церковь, которая

вся, съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными, какъ бы снесена прямо съ неба для русскаго народа, которая одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣннн и вопросы наши, которая можетъ произвести неслыханное чудо въ виду всей Европы, заставивъ у насъ всякое сословіе, званіе и должность войти въ ихъ законныя границы и предѣлы и, не измѣнивъ ничего въ государствѣ, дать силу Россіи, изумить весь міръ согласною стройностью того же самаго организма, которымъ она доселѣ пугала, — и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сихъ поръ не ввели въ нашу жизнь!

Нѣтъ, храни насъ Богъ защищать теперь нашу Церковь! Это значитъ уронить ее. Только и есть для насъ возможна одна пропаганда — жизнь наша. Жизнью нашею мы должны защищать нашу Церковь, которая вся есть жизнь; благоуханіемъ душъ нашихъ должны мы возвѣстить ея истину. Пусть миссіонеръ католичества западнаго бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ же католичества восточнаго долженъ выступить такъ передъ народъ, чтобы уже отъ одного его смиреннаго вида, потухнувшихъ очей и тихаго, потрясающаго гласа, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвинулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы самое дѣло, и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: «Не произноси словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей Церкви!»

IX.

О ТОМЪ ЖЕ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГР. А. П. Т....У.

Замѣчаніе, будто власть Церкви оттого у насъ слаба, что наше духовенство мало имѣетъ свѣтскости и ловкости обращенія въ обществѣ, есть такая нецѣлостность, какъ и утвержденіе, будто духовенство у насъ вовсе отстранено отъ всякаго прикосновенія съ жизнью уставами нашей Церкви и связано въ своихъ дѣйствіяхъ правительствомъ. Духовенству нашему указаны законныя и точныя границы въ его сопркосновеніяхъ со свѣтомъ и людьми. Повѣрьте, что если бы стали они встрѣчаться съ нами чаще, участвуя въ нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ и гульбищахъ или входя въ семейныя дѣла, это было бы нехорошо. Духовному предстоитъ много искушеній, гораздо болѣе даже, нежели намъ: какъ разъ завелись бы тѣ интриги въ домахъ, въ которыхъ обвиняютъ римско-католическихъ поповъ. Римско-католическіе попы именно оттого сдѣлались дурными, что черезчуръ сдѣлались свѣтскими. У духовенства нашего два законныхъ поприща, на которыхъ они съ нами встрѣчаются: исповѣдь и проповѣдь. На этихъ двухъ поприщахъ, изъ которыхъ первое бываетъ только разъ или два въ годъ, а второе можетъ быть всякое воскресенье, можно сдѣлать очень много. И если только священникъ, видя многое дурное въ людяхъ, умѣлъ до времени молчать о немъ и долго соображать въ себѣ самомъ, какъ ему сказать такимъ образомъ, чтобы всякое слово дошло прямо до сердца, то онъ уже скажетъ объ этомъ такъ сильно на исповѣди и проповѣди, какъ никогда ему не сказать на ежедневныхъ съ нами бесѣдахъ. Нужно, чтобы онъ говорилъ стоящему среди свѣта челоуѣку съ какого-то возвышеннаго мѣста, чтобы не его присутствіе слышалъ въ это время челоуѣкъ, но присутствіе Самого Бога, внимающаго равно имъ обоимъ, и слышался

бы обоюдный страхъ отъ Его незримаго присутствія. Нѣтъ, это даже хорошо, что духовенство наше находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ. Хорошо, что даже самой одеждой своей, не подвластной никакимъ измѣненіямъ и прихотямъ нашихъ глупыхъ модъ, они отдѣлились отъ насъ. Одежда ихъ прекрасна и величественна. Это не бессмысленное, оставшееся отъ осьмнадцатаго вѣка рококо и не доскутная, ничего не объясняющая одежда римско-католическихъ священниковъ. Она имѣетъ смыслъ: она по образу и подобію той одежды, которую носилъ Самъ Спаситель. Нужно, чтобы и въ самой одеждѣ своей они носили себѣ вѣчное напоминаніе о Томъ, Чей образъ они должны представлять намъ, чтобы и на одинъ мигъ не позабылись и не растерялись среди развлеченій и ничтожныхъ нуждъ свѣта; ибо съ нихъ тысячу кратъ болѣе възвѣщается, нежели съ каждаго изъ насъ; чтобы слышали безпрестанно, что они — какъ бы другіе и высшіе люди. Нѣтъ, ногамѣсть священникъ еще молодъ, и жизнь ему неизвѣстна, онъ не долженъ даже и встрѣчаться съ людьми иначе, какъ на исповѣди и проповѣди. Если же и можно ему входить въ бесѣду, то развѣ только съ мудрѣйшими и опытнѣйшими изъ нихъ, которые могли бы познакомить его съ душою и сердцемъ челоуѣка, изобразить ему жизнь въ ея истинномъ видѣ и свѣтѣ, а не въ томъ, въ какомъ она является неопытному челоуѣку. Священнику нужно время также и для себя: ему нужно поработать и надъ самимъ собою. Онъ долженъ со Спасителя брать примѣръ, Который долгое время провелъ въ пустынѣ и не прежде, какъ послѣ сорокадневнаго предуготовительнаго поста, вышелъ къ людямъ учить ихъ. Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ умниковъ выдумали, будто нужно толкаться среди свѣта для того, чтобы узнать его. Это просто вздоръ. Опроверженіемъ такого мнѣнія служатъ всѣ свѣтскіе люди, которые толкаются вѣчно среди свѣта и при всемъ томъ бываютъ всѣхъ пустѣе. Воспитываются для свѣта не посреди свѣта, но вдали отъ него, въ глубокомъ внутреннемъ созерцаніи, въ изслѣдованіи собственной души своей, ибо тамъ законы всего и всему: найди только прежде ключъ къ своей собственной душѣ; когда же найдешь, тогда этимъ же самымъ ключомъ отопрешь души всѣхъ.

X.

О лиризмѣ нашихъ поэтовъ.

ПИСЬМО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Поведемъ рѣчь о статьѣ, надъ которою произнесенъ смертный приговоръ, т. е. о статьѣ подъ названіемъ: *О лиризмѣ нашихъ поэтовъ*. Прежде всего благодарность за смертный приговоръ! Вотъ уже во второй разъ я спасенъ тобою, о, мой истинный наставникъ и учитель! Прошлый годъ твоя же рука остановила меня, когда я уже было хотѣлъ послать Плетневу въ «Современникъ» мои сказанія о русскихъ поэтахъ; теперь ты вновь предалъ уничтоженію новый плодъ моего неразумія. Только одинъ ты меня еще останавливаешь, тогда какъ всѣ другіе торопятъ, неизвѣстно зачѣмъ. Сколько глупостей успѣлъ бы я уже надѣлать, если бы только послушался другихъ моихъ друзей! Итакъ, вотъ тебѣ прежде всего моя благодарственная пѣснь; а затѣмъ обратимся къ самой статьѣ. Мнѣ стыдно, когда подумаю, какъ до сихъ поръ еще я глупъ и какъ не умѣю заговорить ни о чемъ, что поумнѣе. Всего нелѣпѣе выходятъ мысли и толки о литературѣ. Тутъ какъ-то особенно становится все у меня напыщенно, темно и невразумительно. Мою же собственную

мысль, которую не только вижу умомъ, но даже чую сердцемъ, не въ силахъ передать. Слышитъ душа многое, а пересказать или написать ничего не умѣю. Основаніе статьи моей справедливо, а между тѣмъ, объяснился я такъ, что всякимъ выраженіемъ вызвалъ на противорѣчіе. Вновь повторю то же самое: въ лиризмъ нашихъ поэтовъ есть что-то такое, чего нѣтъ у поэтовъ другихъ націй, именно — что-то близкое къ библейскому, — то высшее состояніе лиризма, которое чуждо увлеченій страстныхъ и есть твердый возлетъ въ свѣтъ разума, верховное торжество духовной трезвости. Не говоря уже о Ломоносовѣ и Державинѣ, даже у Пушкина слышится этотъ строгій лиризмъ повсюду, гдѣ ни коснется онъ высокихъ предметовъ. Вспомни только стихотворенія его: къ пастырю церкви, «Пророкъ» и, наконецъ, этотъ таинственный побѣгъ изъ города, напечатанный уже послѣ его смерти. Перебери стихи Языкова, и увидишь, что онъ всякій разъ становится какъ-то неизмѣримо выше и страстей, и самого себя, когда прикоснется къ чему-нибудь высшему. Приведу одно изъ его даже молодыхъ стихотвореній, подъ названіемъ «Геній»; оно же не длинно:

Когда, гремя и пламенѣя,
Пророкъ на небо улеталъ,
Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисея.
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась
И вдохновеннѣе озарялась,
И Бога слышала она.
Такъ геній радостно трепещеть,
Свое величье познаеть,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещеть
Иного генія полеть;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣть для чудесъ,
И міру новыя свѣтила —
Дѣла избранника небесъ.

Какой свѣтъ и какая строгость величія! Я изъяснялъ это тѣмъ, что наши поэты видѣли всякій высокій предметъ въ его законномъ сопряженіи съ верховнымъ источникомъ лиризма — Богомъ, одни сознательно, другіе бессознательно, потому что русская душа, вслѣдствіе своей русской природы, уже слышитъ это какъ-то сама собой, неизвѣстно почему. Я сказалъ, что два предмета вызвали у нашихъ поэтовъ этотъ лиризмъ, близкій къ библейскому. Первый изъ нихъ — *Россія*. При одномъ этомъ имени какъ-то вдругъ просвѣтляется взглядъ у нашего поэта, раздвигается дальше его кругозоръ, все становится у него шире, и онъ самъ какъ бы облекается величіемъ, становясь превыше обыкновеннаго человѣка. Это что-то болѣе, нежели обыкновенная любовь къ отечеству. Любовь къ отечеству отозвалась бы притворнымъ хвастаньемъ. Доказательствомъ тому наши такъ-называемые квасные патріоты. [Послѣ ихъ похвалъ, впрочемъ, довольно чистосердечныхъ, только плюнешь на Россію]. Между тѣмъ, заговорить Державинъ о Россіи — слышишь въ себѣ неестественную силу и какъ бы самъ дышишь величіемъ Россіи. Одна простая любовь къ отечеству не дала бы силъ не только Державину, но даже и Языкову, выражаться такъ широко и торжественно всякій разъ, гдѣ ни коснется онъ Россіи. Напримѣръ, хоть бы въ стихахъ, гдѣ онъ изображаетъ, какъ наступилъ было на нее Батрій:

. . . Повелительный Стефанъ
Въ одинъ могущественный станъ

Уже собирал толпы густыя,
 Да испровергнуть исковитанъ,
 Да уничтожится Россія!
 Но ты, къ отечеству любовь,
 Ты, чѣмъ гордились наши дѣды,
 Ты ополчилась: кровь за кровь —
 И онъ не праздновалъ побѣды!

Эта богатырски трезвая сила, которая временами даже соединяется съ какимъ-то невольнымъ пророчествомъ о Россіи, рождается отъ невольнаго прикосновенія мысли къ верховному Промыслу, который такъ явно слышенъ въ судьбѣ нашего отечества. Сверхъ любви участвуетъ здѣсь сокровенный ужасъ при видѣ тѣхъ событій, которымъ повелѣтъ Богъ совершиться въ землѣ, назначенной быть нашимъ отечествомъ, прозрѣніе прекраснаго новаго зданія, которое покажеться не для всѣхъ видимо зиждется и которое можетъ слышать всеслышающимъ ухомъ поэзіи поэтъ, или же такой духовѣдецъ, который уже можетъ въ *зернѣ* прозрѣвать его *младъ*. Теперь начинаютъ это слышать понемногу и другіе люди, но выражаются такъ неясно, что слова ихъ похожи на безуміе. Тебѣ напрасно кажется, что нынѣшняя молодежь, бредя славянскими началами и пророка о будущемъ Россіи, слѣдуетъ какому-то модному повѣтрію. Они не умѣютъ вынашивать въ головѣ мыслей, торопятся ихъ объявлять міру, не замѣчая того, что ихъ мысли еще — глупые ребята, вотъ и все. И въ еврейскомъ народѣ четыреста пророковъ пророчествовали вдругъ: изъ нихъ одинъ только бывалъ избранникъ Божій, котораго сказанія вносились въ святую книгу еврейскаго народа; всѣ же прочіе, вѣроятно, наговаривали много лишняго, но, тѣмъ не менѣе, они слышали неясно и темно то же самое, что избранники умѣли сказать здраво и ясно; иначе народъ побилъ бы ихъ камнями. Зачѣмъ же ни Франція, ни Англія, ни Германія не заражены этимъ повѣтріемъ и не пророчествуютъ о себѣ, а пророчествуетъ только одна Россія? Затѣмъ, что она сильнѣе другихъ слышитъ Божию руку на всемъ, что ни сбывается въ ней, и чуетъ приближеніе новаго царствія. Оттого и звуки становятся библейскими у нашихъ поэтовъ. И этого не можетъ быть у поэтовъ другихъ націй, какъ бы ни сильно они любили свою отчизну и какъ бы ни жарко умѣли выражать такую любовь свою. И въ этомъ не спорю со мною, прекрасный другъ мой!

Но перейдемъ къ другому предмету, гдѣ также слышится у нашихъ поэтовъ тотъ высокій лиризмъ, о которомъ идетъ рѣчь, то-есть, *любви къ царю*. Отъ множества гимновъ и одъ царямъ, поэзія наша, уже со временъ Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выраженіе. Что чувства въ ней искренни — объ этомъ нечего и говорить. Только тотъ, кто надѣленъ мелочнымъ остроуміемъ, способнымъ на одни мгновенныя, легкія соображенія, увидитъ здѣсь лестъ и желаніе получить что-нибудь, и такое соображеніе оснуетъ на какихъ-нибудь ничтожныхъ и плохихъ одахъ тѣхъ же поэтовъ. Но тотъ, кто болѣе нежели остроуменъ, кто мудръ, тотъ остановится передъ тѣми одами Державина, гдѣ онъ очертываетъ властелину широкой кругъ его благотворныхъ дѣйствій, гдѣ, самъ со слезою на глазахъ, говоритъ ему о тѣхъ слезахъ, которыя готовы заструиться изъ глазъ не только русскихъ, но даже безчувственныхъ дикарей, обитающихъ на концахъ его имперіи, отъ одного только прикосновенія той милости и той любви, какую можетъ показать народу одна полномочная власть. Тутъ многое такъ сказано сильно, что если бы даже и нашелся такой государь, который позабылъ бы на время долгъ свой, то, прочитавши сіи строки, вспомнить онъ

вновь его и умилился самъ передъ святостью званія своего. Только холодные сердцемъ попрекнуть Державина за излишнія похвалы Екаторинѣ; но, кто сердцемъ не камень, тотъ не прочтетъ безъ умиленія тѣхъ замѣчательныхъ строфъ, гдѣ поэтъ говоритъ, если и перейдетъ его мраморный истуканъ въ потомство, такъ это потому только,

Что пѣлъ я россовъ ту царицу,
Какой другой намъ не найти
Ни здѣсь, ни впродъ въ пространномъ мѣрѣ...
Хвались, хвались моя тѣмъ лира!

Не прочтетъ онъ также безъ непритворнаго душевнаго волненія сихъ уже почти предсмертныхъ стиховъ:

Холодна старость духъ, у лиры гласъ отъемлетъ:
Екатерины муза дремлетъ.
..... Пѣть
Ужь не могу. Другимъ пѣвцамъ гремѣть
Мои оставлю ветви струны,
Да черплютъ вновь изъ нихъ перуны
Тѣхъ чистыхъ пламенныхъ огней, съ
Какъ пѣлъ я трехъ царей.

Старикъ у дверей гроба не будетъ лгать. При жизни своей носилъ онъ, какъ святыню, эту любовь, унесъ и за гробъ ее, какъ святыню. Но не объ этомъ рѣчь. Откуда взялась эта любовь? вотъ вопросъ. Что весь народъ слышитъ ее какимъ-то сердечнымъ чутьемъ, а потому и поэтъ, какъ чистѣйшее отраженіе того же народа, долженъ былъ ее услышать въ высшей степени — это объяснить только одну половину дѣла. Полный и совершенный поэтъ ничему не предается безотчетливо, не провѣривъ его мудростію полного своего разума. Имѣя ухо слышать впередъ, заключа въ себѣ стремленіе возсоздавать въ полнотѣ ту же вещь, которую другіе видятъ отрывочно, съ одной или двухъ сторонъ, а не со всѣхъ четырехъ, онъ не могъ не прозрѣвать развитія полнѣйшаго этой власти. Какъ умно опредѣлялъ Пушкинъ значеніе полномощнаго монарха! и какъ онъ вообще былъ уменъ во всемъ, что ни говорилъ въ послѣднее время своей жизни! «Зачѣмъ нужно, — говорилъ онъ, — чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? За-тѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышится человѣкъ что-то жесткое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь; нарушить же, или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ: много-много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не стоитъ. Государство безъ полномощнаго монарха то же, что оркестръ безъ капельмейстера: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но, если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ, никуда не пойдетъ концертъ. [А, кажется, онъ самъ ничего не дѣлаетъ, не играетъ ни на какомъ инструментѣ, только слегка помахиваетъ палочкой да поглядываетъ на всѣхъ, и уже одинъ взглядъ его достаточенъ на то, чтобы умягчить, въ томъ и другомъ мѣстѣ, какой-нибудь шершавый звукъ, который испустилъ бы иной дуракъ-барабанъ или неуклюжій тулумбасъ]. При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться на счетъ другихъ: блюдетъ онъ

общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!» Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! Какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ! [Это внутреннее существо — силу самодержавнаго монарха онъ даже отчасти выразилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, которое, между прочимъ, ты самъ напечаталъ въ посмертномъ собраніи его сочиненій, выправилъ даже въ немъ стихъ, а смыслъ не угадалъ. Тайну его теперь открою. Я говорю объ одѣ императору Николаю, появившейся въ печати подъ скромнымъ именемъ: *Къ Н****. Вотъ ея происхожденіе. Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралось; но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣль минутой, онъ развернулъ *Иліаду* и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принесъ на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе, и плодомъ ея была слѣдующая величественная ода, которую вторю здѣсь всю, она же вся въ одной строфѣ:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ.
Тебя мы долго ожидали.
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ
И вынесъ намъ свои скрижали.
И чтѣ жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣхъ подъ шатромъ
Въ безумствѣхъ суетнаго шира —
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаясь лучей;
Въ порывѣ гнѣва и печали,
Ты проклялъ насъ, бессмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали.
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ. Ты любишь съ высоты
Сходить подъ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ и также внимаешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Оставимъ личность императора Николая, и] разберемъ, что такое монархъ вообще, какъ Божій помазанникъ, обязанный стремиться вѣтренный ему народъ къ тому свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ, и въ правѣ ли былъ Пушкинъ уподобить его древнему Боговидцу Моисею? Тотъ изъ людей, на рамена котораго обрушилась судьба миллионъ его собратьевъ, кто страшную отвѣтственностію за нихъ предъ Богомъ освобожденъ уже отъ всякой отвѣтственности предъ людьми, кто болѣетъ ужасомъ этой отвѣтственности и льетъ, можетъ-быть, незримо такія слезы и страдаетъ такими страданіями, о которыхъ и помыслить не умѣетъ стоящій внизу человѣкъ, кто среди самыхъ развлеченій слышитъ вѣчный, неумолкаемо раздающійся въ ухахъ гликъ Божій, неумолкаемо къ нему вопіющій, — тотъ можетъ быть уподобленъ древнему Боговидцу, можетъ, подобно ему, разбить листы своей скрижали, проклявши вѣтренно-кружащееся племя, которое, намѣсто того, чтобы стремиться къ тому, къ чему все должно стремиться на землѣ, суетно скачетъ около своихъ же, отъ себя самихъ созданныхъ кумировъ. Но Пушкина остановило еще высшее значеніе той же власти, которую вымолило у Небесъ немощное безсиліе человѣчества, вымолило ее крикомъ не о правосудіи небесномъ, передъ которымъ не устоялъ бы ни одинъ человѣкъ на землѣ, но

крикомъ о небесной любви Божіей, которая бы все умѣла простить намъ: и забвеніе долга нашего, и самый ропотъ нашъ, — все, что не прощаетъ на землѣ человѣкъ, чтобы одинъ затѣмъ только собралъ всю власть въ себя самого и отдѣлился бы отъ всѣхъ насъ и сталъ выше всего на землѣ, чтобы чрезъ то стать ближе, равно ко всѣмъ, снисходить съ вышины ко всему и внимать всему, начиная отъ грома небесъ и лиры поэта до незамѣтныхъ увеселеній нашихъ.

Кажется, какъ бы въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, задавши вопросъ себѣ самому, что такое эта власть, самъ же упалъ въ прахъ предъ величіемъ возникнувшаго въ душѣ его отвѣта. Не мѣшаетъ замѣтить, что это былъ тотъ поэтъ, который былъ слишкомъ гордъ и независимостію своихъ мнѣній, и своимъ личнымъ достоинствомъ. Никто не сказалъ такъ о себѣ, какъ онъ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа:
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Хотя въ *Наполеоновомъ столпѣ* виноватъ, конечно, ты: но положимъ, если бы даже стихъ остался въ своемъ прежнемъ видѣ, онъ все-таки послужилъ бы доказательствомъ, и даже еще большимъ, какъ Пушкинъ, чувствуя свое личное преимущество, какъ человѣка, передъ многими изъ вѣнценосцевъ, слышалъ въ то же время всю малость званія своего передъ званіемъ вѣнценосца и умѣлъ благоговѣнно поклониться предъ тѣми изъ нихъ, которые показали міру величество своего званія.

Поэты наши прозрѣвали значеніе высшее монарха, слыша, что онъ неминуемо долженъ, наконецъ, сдѣлаться весь одна *любовь*, и такимъ образомъ станетъ видно всѣмъ, почему государь есть образъ Божій, какъ это признаетъ, покуда чутьемъ, вся земля наша. Значеніе государя въ Европѣ неминуемо приблизится къ тому же выраженію. Все къ тому ведетъ, чтобы вызвать въ государяхъ высшую, Божескую любовь къ народамъ. Уже раздаются вопли страданій душевныхъ всего человѣчества, которыми заболѣлъ почти каждый изъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ, и мечется, бѣдный, не зная самъ, какъ и чѣмъ себѣ помочь: всякое постороннее прикосновеніе жестоко разболѣвшимъ его ранамъ; всякое средство, всякая помощь, придуманная умомъ, ему груба и не приноситъ цѣленія. Эти крики усмѣются, наконецъ, до того, что разорвется отъ жалости и безчувственное сердце, и сила еще доселѣ небывалаго состраданія вызоветъ силу другой, еще доселѣ небывалой любви. Загорится человѣкъ любовію ко всему человѣчеству, — такую, какую никогда еще не загорался. Изъ насъ, людей частныхъ, возымѣтъ такую любовь во всей силѣ никто не возможетъ; она останется въ идеяхъ и въ мысляхъ, а не въ дѣлѣ; могутъ проникнуться ею вполне одни только тѣ, которымъ уже постановлено въ непремѣнный законъ полюбить всѣхъ, какъ одного человѣка. Все полюбивши въ своемъ государствѣ, до единого человѣка всякаго сословія и званія, и обративши все, что ни есть въ немъ, какъ бы въ собственное тѣло свое, возболѣвъ духомъ о всѣхъ, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущемъ народѣ своемъ, государь приобрѣтетъ тотъ всемогущій голосъ любви, который одинъ только можетъ быть доступенъ разболѣвшемуся человѣчеству, и котораго прикосновеніе будетъ не жестоко его ранамъ, который одинъ можетъ только внести примиреніе во всѣ сословія и обратить въ стройный оркестръ государство. Тамъ только исцѣлятся вполне народъ, гдѣ постигнетъ монархъ высшее

значение свое — быть образомъ Того на землѣ, Который Самъ есть любовь. Въ Европѣ не приходило никому въ умъ опредѣлять высшее значеніе монарха. Государственные люди, законоискусники и правовѣдцы смотрѣли на одну его сторону, именно, какъ на высшаго чиновника въ государствѣ, [поставленнаго отъ людей], а потому не знаютъ даже, какъ быть съ этой властію, [какъ ей указать настоящія границы], когда, вслѣдствіе ежедневно измѣняющихся обстоятельствъ, бываетъ нужно то расширить ея предѣлы, то ограничить ее; а черезъ это и государь, и народъ поставлены тамъ между собою въ странное положеніе: они глядятъ другъ на друга чуть не такимъ же точно образомъ, какъ на противниковъ, желающихъ воспользоваться властію одинъ на счетъ другого. Высшее значеніе монархіи прозрѣли у насъ поэты, а не законовѣдцы — услышали съ трепетомъ волю Бога создать ее въ Россіи въ ея законномъ видѣ; оттого и звуки ихъ становятся библейскими всякій разъ какъ только излетаетъ изъ устъ ихъ слово *царь*. Это слышать у насъ и не поэты, потому что страницы нашей исторіи слишкомъ явно говорятъ о волѣ Промысла: да образуется въ Россіи эта власть въ ея полномъ и совершенномъ видѣ. Всѣ событія въ нашемъ отечествѣ, начиная отъ порабоженія татарскаго, видимо клонятся къ тому, чтобы собрать могущество въ руки одного, дабы одинъ былъ въ силахъ произвести этотъ знаменитый переворотъ всего въ государствѣ, все потрясти и, всѣхъ разбудивши, вооружить каждаго изъ насъ тѣмъ высшимъ взглядомъ на самого себя, безъ котораго невозможно человѣку разобрать, осудить самого себя и воздвигнуть въ себѣ самомъ ту же брань всему невѣжественному и темному, какую воздвигнулъ царь въ своемъ государствѣ; чтобы потомъ, когда загорится уже каждый этою святою бранью, и все придетъ въ сознаніе силъ своихъ, могъ бы также одинъ, всѣхъ впереди, съ свѣтильникомъ въ рукѣ, устремить, какъ одну душу, весь народъ свой къ тому верховному свѣту, къ которому просится Россія. Смотри также, какимъ чуднымъ средствомъ, еще прежде, нежели могло объясниться полное значеніе этой власти, какъ самому государю, такъ и его подданнымъ, уже брошены были сѣмена взаимной любви въ сердца! Ни одинъ царскій домъ не начинался такъ необыкновенно, какъ начался домъ Романовыхъ. Его начало было уже подвигомъ любви. Последній и низшій подданный въ государствѣ принесъ и подожгилъ свою жизнь, для того, чтобы дать намъ царя, и сею чистою жертвою связалъ уже неразрывно государя съ подданнымъ. Любовь вошла въ нашу кровь, и завязалось у насъ всѣхъ кровное родство съ царемъ. [И такъ слился и сталъ одно-едино съ подвластнымъ повелитель, что намъ всѣмъ теперь видится всеобщая бѣда — государь ли позабудетъ своего подданнаго и отрѣшится отъ него, или подданный позабудетъ своего государя и отъ него отрѣшится]. Какъ явно тоже оказывается воля Бога — избрать для этого фамилію Романовыхъ, а не другую! Какъ непостижимо это возведеніе на престолъ никому неизвѣстнаго отрока! Тутъ же рядомъ стояли древнѣйшіе родомъ, и притомъ мужи доблести, которые только-что спасли свое отечество: Пожарскій, Трубецкой, наконецъ, князя, по прямой линіи происходившіе отъ Рюрика. Всѣхъ ихъ мимо произошло избраніе, и ни одного голоса не было противъ: никто не посмѣлъ предъявлять правъ своихъ! И случилось это въ то смутное время, когда всякій могъ vzdорить и оспаривать, и набирать шайки приверженцевъ. И кого же выбрали? Того, кто приходился по женской линіи родственникомъ царю, отъ котораго недавній ужасъ ходилъ по всей землѣ, [такъ что не только имъ притѣсняемые и казнимые бояре, но даже и самый народъ, который почти ничего не потерпѣлъ отъ него, долго повторялъ поговорку: «добро была голова, да слава Богу, что земля прибрала»].

И при всемъ томъ все единогласно, отъ бояръ до послѣдняго бобыля, по-
ложило, чтобъ онъ былъ на престолахъ. Вотъ какія у насъ дѣлаются дѣла!
Какъ же ты хочешь, чтобы лиризмъ нашихъ поэтовъ, которые слышали пол-
ное опредѣленіе царя въ книгахъ Ветхаго Завета и которые въ то же время
такъ близко видѣли волю Бога на всѣхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ, —
какъ же ты хочешь, чтобы лиризмъ нашихъ поэтовъ не былъ исполненъ би-
блейскихъ отголосковъ? Повторяю, простой любви не стало бы на то, чтобы
облечь такую суровую трезвостью ихъ звуки; для этого потребно полное и
твердое убѣжденіе разума, а не одно безотчетное чувство любви; иначе звуки
ихъ вышли бы мягкими, какъ у тебя въ прежнихъ твоихъ молодыхъ сочине-
ніяхъ, когда ты предавался чувству одной только любящей души своей. Нѣтъ,
есть что-то крѣпкое, слишкомъ крѣпкое у нашихъ поэтовъ, чего нѣтъ у
поэтовъ другихъ націй. Если тебѣ этого не видится, то еще не доказываетъ,
чтобы его вовсе не было. Вспомни самъ, что въ тебѣ не всѣ стороны рус-
ской природы; напротивъ, нѣкоторыя изъ нихъ взопли въ тебѣ на такую
высокую степень и такъ развились просторно, что чрезъ это не дали мѣста
другимъ, и ты уже сталъ исключеніемъ изъ обще-русскихъ характеровъ. Въ
тебѣ заключились вполнѣ всѣ мягкія и нѣжныя струны нашей славянской
природы; но тѣ густыя и крѣпкія ея струны, отъ которыхъ проходитъ тай-
ный ужасъ и содроганіе по всему составу человѣка, тебѣ не такъ извѣстны.
А онъ-то и есть родники того лиризма, о которомъ идетъ рѣчь. Этотъ лиризмъ
уже ни къ чему не можешь возноситься, какъ только къ одному верховному
источнику своему — Богу. Онъ суровъ, онъ пугливъ, онъ не любитъ много-
словія; ему приторно все, что ни есть на землѣ, если только онъ не видитъ
на немъ напечатлѣнія Божьяго. Въ комъ хотя одна крупца этого лиризма,
тотъ, несмотря на всѣ несовершенства и недостатки, заключаетъ въ себѣ
суровое, высшее благородство душевное, передъ которымъ дрожить самъ и
которое заставляетъ его бѣжать отъ всего, похожего на выраженіе призна-
тельности со стороны людской. Собственный лучшій его подвигъ ему вдругъ
опротивѣетъ, если за него послѣдуетъ ему какая-нибудь награда: онъ слиш-
комъ чувствуетъ, что все высшее должно быть выше награды. [Только по
смерти Пушкина обнаружались его истинныя отношенія къ государю и тайны
двухъ его лучшихъ сочиненій. Никому не говорилъ онъ при жизни о чув-
ствахъ, его наполнявшихъ, и поступалъ умно. Послѣ того, какъ вслѣдствіе
всякаго рода холодныхъ газетныхъ возгласовъ, писанныхъ слогомъ помадныхъ
объявленій, и всякихъ сердитыхъ, неопратно-запальчивыхъ выходокъ, произво-
димыхъ всякими квасными и неквасными патриотами, перестали вѣрить у насъ
на Руси искренности всѣхъ печатныхъ изліяній, — Пушкину было опасно
выходить: его бы какъ разъ назвали подкупнымъ или чего-то ищущимъ че-
ловѣкомъ. Но теперь, когда появились только послѣ эти сочиненія,
вѣрно, не отыщется во всей Россіи такой человѣкъ, который посмѣлъ бы
назвать Пушкина льстецомъ или угодливымъ кому бы то ни было. Чрезъ то
святыня высокаго чувства сохранена. И теперь всякъ, кто даже и не въ си-
лахъ постигнуть дѣло собственнымъ умомъ, приметъ его на вѣру, сказавши:
«если самъ Пушкинъ думалъ такъ, то уже, вѣрно, это сущая истина»]. Цар-
ственные гимны нашихъ поэтовъ изумляли самихъ чужеземцевъ своимъ вели-
чественнымъ складомъ и слогомъ. Еще недавно Мицкевичъ сказалъ объ этомъ
на лекціяхъ Парижу, и сказалъ въ такое время, когда и самъ онъ былъ
раздраженъ противу насъ, и все въ Парижѣ на насъ негодовало. Несмотря
однакомъ, на то, онъ объявилъ торжественно, что въ одахъ и гимнахъ на-
шихъ поэтовъ ничего нѣтъ рабскаго или низкаго, но, напротивъ, что-то

свободно-величественное; и тутъ же, хотя это не понравилось никому изъ земляковъ его, отдалъ честь благородству характеровъ нашихъ писателей. Мицкевичъ правъ. Наши писатели, точно, заключили въ себѣ черты какой-то высшей природы. Въ минуты сознанія своего они сами оставили свои душевные портреты, которые отозвались бы самохвалствомъ, если бы ихъ жизнь не была тому поддѣржаніемъ. Вотъ что говорить о себѣ Пушкинъ, помышляя о будущей судьбѣ своей:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
 И милость къ падшимъ призывалъ.】

Стоитъ только вспомнить Пушкина, чтобы видѣть, какъ вѣренъ этотъ портретъ. [Какъ онъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему! Какъ выжидалъ онъ минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ несчастномъ, упавшемъ! Черта истинно русская]. Вспомни только то умиленное зрѣлище, какое представляетъ посѣщеніе всѣмъ народомъ ссыльныхъ, отправляющихся въ Сибирь, когда всякъ несетъ отъ себя — кто пищу, кто деньги, кто христіански-утѣшительное слово. Ненависти нѣтъ къ преступнику, нѣтъ также донкихотскаго порыва сдѣлать изъ него героя, собирать его факсимиле, портреты, или смотрѣть на него изъ любопытства, какъ дѣлается въ просвѣщенной Европѣ. Здѣсь что-то болѣе: не желаніе оправдать его или вырвать изъ рукъ правосудія, но воздвигнуть упавшій духъ его, утѣшить, какъ братъ утѣшаетъ брата, какъ пове-лѣлъ Христосъ намъ утѣшать другъ друга. [Пушкинъ высоко слишкомъ цѣнилъ всякое стремленіе воздвигнуть падшаго: Вотъ отчего такъ гордо затрепетало его сердце, когда услышалъ онъ о прїѣздѣ государя въ Москву во время ужасовъ холеры, — черта, которую едва ли показалъ кто-либо изъ вѣнценосцевъ, и которая вызвала у него эти замѣчательные стихи:

Небесамъ

Клянусь, кто жизнью своей
 Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
 Чтобы ободрить угасшій взоръ,
 Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ,
 Какой бы ни былъ приговоръ
 Земли слѣпой.

Онъ] умѣлъ также оцѣнить и другую черту въ жизни другого вѣнценосца, Петра. Вспомни стихотвореніе «Пиръ на Невѣ», въ которомъ онъ съ изумленіемъ спрашиваетъ о причинѣ необыкновеннаго торжества въ царскомъ домѣ, раздающагося кликами по всему Петербургу и по Невѣ, потрясенной пальбой пушекъ. Онъ перебираетъ всѣ случаи радостныя царю, которые могли быть причиною такого пированія: родился ли государю наследникъ его престола, имениница ль жена его, побѣжденъ ли непобѣдимый врагъ, прибылъ ли флотъ, составлявшій любимую страсть государя, и на все это отвѣчаетъ:

Нѣтъ, онъ съ поданнымъ мирится,
 Виноватому вину
 Забывая, веселится,
 Чарку пѣвнѣ съ нимъ одну.
 Оттого-то пиръ веселый,
 Рѣчь гостей хмельна, шумна,
 И Нева пальбой тяжелой
 Далеко потрясена.

Только одинъ Пушкинъ могъ почувствовать всю красоту такого поступка. Умѣть не только простить своему подданному, но еще торжествовать это прощеніе, какъ побѣду надъ врагомъ, — это истинно божеская черта. Только на небесахъ умѣютъ поступать такъ. Тамъ только радуются обращенію грѣшника еще болѣе, нежели самому праведнику, и всѣ сонмы невидимыхъ силъ участвуютъ въ небесномъ пиршествѣ Бога. Пушкинъ былъ знатокъ и оцѣнщикъ вѣрный всего великаго въ человѣкѣ. Да и какъ могло быть иначе, если духовное благородство есть уже свойственность почти всѣхъ нашихъ писателей? Замѣчательно, что во всѣхъ другихъ земляхъ писатель находится въ какомъ-то неуваженіи отъ общества, относительно своего личнаго характера. У насъ напротивъ. У насъ даже и тотъ, кто просто кропатель, а не писатель, и не только не красавецъ душою, но даже временами и вовсе подленекъ, во глубинѣ Россіи отнюдь не почитается такимъ. Напротивъ, у всѣхъ вообще, даже и у тѣхъ, которые едва слышать о писателяхъ, живетъ уже какое-то убѣжденіе, что писатель есть что-то высшее, что онъ непременно долженъ быть благороденъ, что ему многое прощается другимъ. Въ одной изъ нашихъ губерній, во время дворянскихъ выборовъ, одинъ дворянинъ, который съ тѣмъ вмѣстѣ былъ и литераторъ, подалъ было свой голосъ въ пользу человека совѣсти нѣсколько запятанной — всѣ дворяне обратились къ нему тутъ же и его попрели, сказавши съ укоризною: «А еще и писатель!»

1846.

XI.

С П О Р Ы.

изъ письма къ л**.

Споры о нашихъ европейскихъ и славянскихъ началахъ, которые, какъ ты говоришь, пробираются уже въ гостиныя, показываютъ только то, что мы начинаемъ просыпаться, но еще не вполне проснулись; а потому не мудрено, что съ обѣихъ сторонъ наговаривается весьма много дичи. Всѣ эти славянисты и европисты, — или же старовѣры и нововѣры, или же восточники и западники, а что они въ самомъ дѣлѣ, не умѣю сказать, потому что покажеться они мнѣ кажутся только карикатурами на то, чѣмъ хотять быть, — всѣ они говорятъ о двухъ разныхъ сторонахъ одного и того же предмета, никакъ не догадываясь, что ничуть не спорятъ и не перечать другъ другу. Одинъ подошелъ слишкомъ близко къ строенію, такъ что видитъ одну часть его; другой отошелъ отъ него слишкомъ далеко, такъ что видитъ весь фасадъ, но по частямъ не видитъ. Разумѣется, правды больше на сторонѣ славянистовъ и восточниковъ, потому что они все-таки видятъ весь фасадъ и, стало-быть, все-таки говорятъ о главномъ, а не о частяхъ. Но и на сторонѣ европистовъ и западниковъ тоже есть правда, потому что они говорятъ довольно подробно и отчетливо о той стѣнѣ, которая стоитъ передъ ихъ глазами; вина ихъ въ томъ только, что изъ-за карниза, въичающаго эту стѣну, не видится имъ верхушка всего строенія, то-есть, глава, куполь и все, что ни есть въ вышинѣ. Можно бы посовѣтовать обоимъ — одному попробовать, хотя на время, подойти ближе, а другому отступиться немного подалѣе. Но на это они не согласятся, потому что духъ гордости обуялъ обоими. Всякій изъ нихъ увѣренъ, что онъ окончательно и положительно правъ, и что

другой окончательно и положительно лжетъ. Бичливости больше на сторонѣ славянистовъ: они хвастуны; изъ нихъ каждый воображаетъ о себѣ, что онъ открылъ Америку, и найденное имъ зернышко раздуваетъ въ рѣпу. Разумѣется, что такимъ строптивымъ хвастовствомъ вооружаютъ они еще болѣе противу себя европистовъ, которые давно бы готовы были отъ многого отступить, потому что и сами начинаютъ слышать многое, прежде неслышанное, но упорствуютъ, не желая уступить слишкомъ раскозырявшемуся человѣку. [Всѣ эти споры еще ничего, если бы только они оставались въ гостинныхъ да въ журналахъ. Но дурно то, что два противоположныя мнѣнія, находясь въ такомъ незрѣломъ и неопредѣленномъ видѣ, переходятъ уже въ головы многихъ должностныхъ людей. Мнѣ сказывали, что случается (особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должностъ и власть раздѣлена въ рукахъ двухъ) такимъ образомъ, что въ одно и то же время одинъ дѣйствуетъ совершенно въ европейскомъ духѣ, а другой старается подвизаться рѣшительно въ древне-русскомъ, укрѣпляя всѣ прежніе порядки, противоположныя тѣмъ, которые замышляетъ собрать его. И оттого, какъ дѣламъ, такъ и самимъ подчиненнымъ чиновникамъ приходитъ бѣда: они не знаютъ, кого слушаться. А такъ какъ оба мнѣнія, несмотря на всю свою рѣзкость, окончательно всѣмъ не опредѣлились, то, говорятъ, этимъ пользуются всякаго рода пройдохи. И плуту оказалась теперь возможность, подъ маскою славяниста или европиста, смотря по тому, чего хочется начальнику, получить выгодное мѣсто и производить на немъ плутни въ качествѣ какъ поборника старины, такъ и поборника новизны]. Вообще, споры суть вещи такого рода, къ которымъ люди умные и пожилые покамѣстъ не должны приставать. Пусть прежде выкричится хорошенько молодежь: это ея дѣло. Повѣрь, уже такъ заведено и нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались, затѣмъ именно, дабы умные могли въ это время надуматься вдоволь. Къ спорамъ прислушивайся, но въ нихъ не вмѣшивайся. Мысль твоего сочиненія, которымъ хочешь заняться, очень умна, и я даже увѣренъ, что ты исполнишь это дѣло лучше всякаго литератора. Но объ одномъ тебя прошу: производи его въ минуты, сколько возможно, хладнокровныя и спокойныя. Храни тебя Богъ отъ запальчивости и горячки, хотя бы даже въ малѣйшемъ выраженіи. Гнѣвъ вездѣ неумѣстенъ, а больше всего въ дѣлѣ правомъ, потому что затемняетъ и мутитъ его. Вспомни, что ты человѣкъ не только немолодой, но даже и весьма въ лѣтахъ. Молодому человѣку еще какъ-нибудь присталь гнѣвъ; по крайней мѣрѣ, въ глазахъ нѣкоторыхъ онъ придаетъ ему какую-то картинную наружность. Но если старикъ начнетъ горячиться, онъ дѣлается, просто, гадокъ; молодежь какъ разъ подыметъ его на зубки и выставитъ смѣшнымъ. Смотри же, чтобъ не сказали о тебѣ: «Экъ, свверный старикашка! всю жизнь валялся на боку, ничего не дѣлая, а теперь выступилъ укорять другихъ, зачѣмъ они не такъ дѣлаютъ!» Изъ устъ старика должно исходить слово благостное, а не шумное и спорное. Духъ чистѣйшаго незлобія и кротости долженъ проникать величавыя рѣчи старца, такъ, чтобы молодежь ничего не нашлась сказать ему въ возраженіе, почувствовавъ, что неприличны будутъ ея рѣчи, и что сѣдина есть уже святыня.

1844.

XII.

Христіанинъ идетъ впередъ.

ПИСЬМО КЪ Щ.....ВУ.

Другъ мой! считай себя не иначе, какъ школьникомъ и ученикомъ. Не думай, чтобы ты уже былъ старъ для того, чтобы учиться, чтобы силы твои достигли настоящей зрѣлости и развитія, и что характеръ и душа твоя получили уже настоящую форму и не могутъ быть лучшими. Для христіанина нѣтъ оконченнаго курса: онъ вѣчно ученикъ и до самаго гроба ученикъ. По обыкновенному, естественному ходу, человѣкъ достигаетъ полнаго развитія ума своего въ тридцать лѣтъ. Отъ тридцати до сорока еще кое-какъ идутъ впередъ его силы; дальше же этого срока въ немъ ничто не подвигается, и все имъ производимое не только не лучше прежняго, но даже слабѣе и холоднѣе прежняго. Но для христіанина этого не существуетъ, и гдѣ для другихъ предѣлъ совершенства, тамъ для него оно только начинается. Самые способные и самые даровитые изъ людей, переваливъ за сорокалѣтній возрастъ, тулѣются, устаютъ и слабѣютъ. Перебери всѣхъ философовъ и первѣйшихъ и всесвѣтныхъ гениевъ: лучшая пора ихъ была только во время ихъ полнаго мужества; потомъ они уже понемногу выживали изъ своего ума, а въ старости впадали даже въ младенчество. Вспомни о Кантѣ, который въ послѣдніе годы обезнамятълъ вовсе и умеръ, какъ ребенокъ. Но пересмотри жизнь всѣхъ святыхъ: ты увидишь, что они крѣпли въ разумѣ и силахъ духовныхъ по мѣрѣ того, какъ приближались къ дряхлости и смерти. Даже и тѣ изъ нихъ, которые отъ природы не получили никакихъ блестящихъ даровъ и считались всю жизнь простыми и глупыми, изумляли потомъ разумомъ рѣчей своихъ. Отчего жъ это? Оттого, что у нихъ пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бываетъ у всякаго человѣка только въ лѣта его юности, когда онъ видитъ передъ собою подвиги, за которые наградою всеобщее рукоплесканіе, когда ему мерещится радужная даль, имѣющая такую заманку для юноши. Угаснула предъ нимъ даль и подвиги — угаснула и сила стремящая. Но предъ христіаниномъ сіяетъ вѣчно даль, и видятся вѣчные подвиги. Онъ, какъ юноша, алчетъ жизненной битвы; ему есть съ чѣмъ воевать и гдѣ подвизаться, потому что взглядъ его на самого себя, безпрестанно просвѣтляющійся, открываетъ ему новые недостатки въ себѣ самомъ, съ которыми нужно производить новыя битвы. Оттого и всѣ его силы не только не могутъ въ немъ заснуть или ослабѣть, но еще возбуждаются безпрестанно; а желаніе быть лучшимъ и заслужить рукоплесканія на небесахъ придаетъ ему такія шпоры, какихъ не можетъ дать наисильнѣйшему честолюбцу его ненасытимѣйшее честолюбіе. Вотъ причина, почему христіанинъ тогда идетъ впередъ, когда другіе назадъ, и отчего становится онъ, чѣмъ дальше, умнѣе.

Умъ не есть высшая въ насъ способность. Его должность не больше, какъ полицейская: онъ можетъ только привести въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что у насъ уже есть. Онъ самъ не двинется впередъ, покуда не двинутся въ насъ двѣ другія способности, отъ которыхъ онъ умнѣетъ. Отвлеченными чтеніями, размышленіями и безпрестанными слушаніями всѣхъ курсовъ наукъ его заставишь только слишкомъ немного уйти впередъ; иногда это даже подавляетъ его, мѣшая его самобытному развитію.

Онъ несравненно въ бѣдшней зависимости находится отъ душевныхъ состояній: какъ только забушуетъ страсть, онъ уже вдругъ поступаетъ слѣпо и глупо; если же покойна душа и не кипитъ никакая страсть, онъ и самъ проясняется и поступаетъ умно. Разумъ есть несравненно высшая способность; но она приобретается не иначе, какъ побѣдою надъ страстями. Его имѣли въ себѣ только тѣ люди, которые не пренебрегли своимъ внутреннимъ воспитаніемъ. Но и разумъ не даетъ полной возможности человѣку стремиться впередъ. Есть высшая еще способность; имя ей — мудрость, и ее можетъ дать намъ одинъ Христосъ. Она не надѣляется никому изъ насъ при рожденіи, никому изъ насъ не есть природная, но есть дѣло высшей благодати небесной. Тотъ, кто уже имѣетъ и умъ, и разумъ, можетъ не иначе получать мудрость, какъ молясь о ней и день и ночь, прося и день и ночь ее у Бога, возводя душу свою до голубинаго незлобія и убирая все внутри себя до возможнѣйшей чистоты, чтобы принять эту небесную гостью, которая пугается жилищъ, гдѣ не пришло въ порядокъ душевное хозяйство и нѣтъ поднаго согласія во всемъ. Если же она вступить въ домъ, тогда начинается для человѣка небесная жизнь, и онъ постигаетъ всю чудную сладость быть ученикомъ. Все становится для него учителемъ; весь міръ для него учитель: ничтожнѣйшій изъ людей можетъ быть для него учитель. Изъ совѣта самаго простого извлечь онъ мудрость совѣта; глупѣйшій предметъ станетъ къ нему своею мудрою стороною, и вся вселенная передъ нимъ станетъ, какъ одна открытая книга ученія: больше всѣхъ будетъ онъ черпать изъ нея сокровищъ, потому что больше всѣхъ будетъ слышать, что онъ ученикъ. Но если только возмнитъ онъ хотя на мигъ, что ученіе его кончено, и онъ уже не ученикъ, и оскорбится онъ чѣмъ бы то ни было урокомъ или поученіемъ, мудрость вдругъ отъ него отнимется, и останется онъ впотьмахъ, какъ царь Соломонъ въ свои послѣдніе дни.

1846.

XIII.

К а р а м з и н ъ .

изъ письма къ Н. М. Языкову.

Я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ похвальное слово Карамзину, написанное Погодинымъ. Это лучшее изъ сочиненій Погодина въ отношеніи къ благопристойности, какъ внутренней, такъ и внѣшней: въ немъ нѣтъ его обычныхъ грубо-неуклюжихъ замашекъ и топорнаго неряшества слога, такъ много ему вредящаго. Все здѣсь, напротивъ того, стройно, обдуманно и расположено въ большомъ порядкѣ. Всѣ мѣста изъ Карамзина прибраны такъ умно, что Карамзинъ какъ бы весь очерчивается самимъ собою и, своими же словами взвѣсивъ и оцѣнивъ самого себя, становится какъ живой передъ глазами читателя. Карамзинъ представляетъ, точно, явленіе необыкновенное. Вотъ о комъ изъ нашихъ писателей можно сказать, что онъ весь исполнилъ долгъ, ничего не зарылъ въ землю и на данные ему пять талантовъ истинно принесъ другіе пять. Карамзинъ первый показалъ, что писатель можетъ быть у насъ независимъ и почтенъ всѣми равно, какъ именитѣйшій гражданинъ въ государствѣ. Онъ первый возвѣстилъ торжественно, что писателя не можетъ стѣснить цензура, и если уже онъ исполнился чистѣйшимъ желаніемъ блага въ такой мѣрѣ, что желаніе это, занявши всю его душу, стало его плотію и пищею, тогда никакая цензура для него не строга, и ему вездѣ просторно.

Онъ это сказалъ и доказалъ. Никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ своихъ мнѣній и мыслей, хотя они и не соответствовали во всемъ тогдашнему правительству, и слышавъ невольно, что онъ одинъ имѣлъ на то право. Какой урокъ нашему брату писателю! И какъ смѣлны послѣ этого изъ насъ тѣ, которые утверждаютъ, что въ Россіи нельзя сказать полной правды, и что она у насъ колетъ глаза! Самъ же выразится такъ нелѣпо и грубо, что болѣе, нежели самую правдою, уколеть тѣми заносчивыми словами, которыми скажетъ свою правду, словами запальчивыми, выказывающими неряшество растрепанной души своей, и потомъ самъ и изумляется, и негодуетъ, что отъ него никто не принялъ и не выслушалъ правды! Нѣтъ, имѣй такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, и тогда возвѣщая свою правду: все тебя выслушаетъ, начиная отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ, и выслушаетъ съ такою любовію, съ какою не выслушивается ни въ какой землѣ ни парламентскій защитникъ правъ, ни лучшій нынѣшній проповѣдникъ, собирающій вокругъ себя верхушку моднаго общества; и съ такою любовію можешь выслушать только одна чудная наша Россія, [о которой идетъ слухъ, будто она вовсе не любитъ правды].

1846.

XIV.

О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности.

ПИСЬМО КЪ ГР. А. П. Т....МУ.

Вы очень односторонни, и стали недавно такъ односторонни; и оттого стали односторонни, что, находясь на той точкѣ состоянія душевнаго, на которой теперь стоите вы, нельзя не сдѣлаться одностороннимъ всякому человѣку. Вы помышляете только объ одномъ душевномъ спасеніи вашемъ и, не найдя еще той именно дороги, которую вамъ предназначено достигнуть его, почитаете все, что ни есть въ мірѣ, соблазномъ и препятствіемъ къ спасенію. Монахъ не строже васъ. Такъ и ваши нападенія на театръ односторонни и несправедливы. Вы подкрѣпляете себя тѣмъ, что нѣкоторые вамъ извѣстные духовныя лица возстаютъ противъ театра; но они правы, а вы неправы. Разберите лучше: точно ли они возстаютъ противъ театра, или только противу того вида, въ которомъ онъ намъ теперь является. Церковь начала возставать противу театра въ первые вѣки всеобщаго водворенія христіанства, когда театры одни оставались прибѣжищемъ уже повсюду изгнаннаго язычества и притономъ безчинныхъ его вакханалій. Вотъ почему такъ сильно гремѣлъ протіву нихъ Златоустъ. Но времена измѣнились. Міръ весь перечислился сызнова поколѣвіями свѣжихъ народовъ Европы, которыхъ образованіе началось уже на христіанскомъ грунтѣ, и тогда сами святители начали первые вводить театръ: театры завелись при духовныхъ академіяхъ. Нашъ Димитрій Ростовскій, справедливо поставляемый въ рядъ св. отцовъ Церкви, слагалъ у насъ пьесы для представленія въ лицахъ. Стало-быть, не театръ виноватъ. Все можно извратить и всему можно дать дурной смыслъ, человѣкъ же на это способенъ. Но надобно смотрѣть на вещь въ ея основаніи и на то, чѣмъ она должна быть, а не судить о ней по карикатурѣ, которую на нее сдѣлали. Театръ ничуть не бездѣлица и вовсе не пустая вещь, если примешь въ

соображеніе то, что въ немъ можетъ помѣститься вдругъ толпа изъ пяти, шести тысячъ человѣкъ, и что вся эта толпа, ни въ чемъ не сходная между собою, разбирая ее по единицамъ, можетъ вдругъ потрястись однимъ потрясеніемъ, зарыдать однѣми слезами и засмѣяться однимъ всеобщимъ смѣхомъ. Это такая каеэдра, съ которой можно много сказать міру добра. Отдѣлите только собственно называемый высшій театръ отъ всякихъ балетныхъ скаканій, водевилей, мелодрамъ и тѣхъ мишурно-великогѣпныхъ зрѣлищъ для глазъ, угрожающихъ разврату вкуса или разврату сердца, и тогда посмотрите на театръ. Театръ, на которомъ представляются высокая трагедія и комедія, долженъ быть въ совершенной независимости отъ всего. Странно соединить Шекспира съ плясунями или плясунами въ лайковыхъ штанахъ. Что за сближеніе? Ноги — ногами, а голова — головой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы это поняли: театръ высшихъ драматическихъ представленій тамъ отдѣленъ и пользуется одной поддержкою правительствъ; но поняли это въ отношеніи порядка внѣшняго. Слѣдовало подумать не шута о томъ, какъ поставить всѣ лучшія произведенія драматическихъ писателей такимъ образомъ, чтобы публика привлеклась къ нимъ вниманіемъ, и открылось бы ихъ нравственное благотворное вліяніе, которое есть у всѣхъ великихъ писателей. Шекспиръ, Шериданъ, Мольеръ, Гёте, Шиллеръ, Бомарше, даже Лессингъ, Реньяръ и многіе изъ второстепенныхъ писателей прошедшаго вѣка ничего не произвели такого, что бы отвлекало отъ уваженія къ высокимъ предметамъ; къ нимъ даже не перешли и отголоски того, что бурлило и кипѣло у тогдашнихъ писателей-фанатиковъ, занимавшихся вопросами политическими и разносившихъ неуваженіе къ святынямъ. У нихъ, если и попадаются насмѣшки, то надъ лицемѣриемъ, надъ кошунствомъ, надъ кривымъ толкованіемъ праваго, а никогда надъ тѣмъ, что составляетъ корень человѣческихъ доблестей; напротивъ, чувство добра слышится строго даже и тамъ, гдѣ брызжутъ эпиграммы. Часто повтореніе высоко-драматическихъ сочиненій, т.-е. тѣхъ истинно-классическихъ пьесъ, гдѣ обращено вниманіе на природу и душу человѣка, станетъ необходимо укрѣплять общество въ правилахъ болѣе недвижныхъ, заставить нечувствительно характеры болѣе устояваться въ самихъ себѣ, тогда какъ все это наводненіе пустыхъ и легкихъ пьесъ, начиная съ водевилей и недодуманныхъ драмъ до блестящихъ балетовъ и даже оперъ, ихъ только разбрасываетъ, разсѣиваетъ, становится общество легкимъ и вѣтреннымъ. Развлеченный милліонами блестящихъ предметовъ, раскидывающихъ мысли на всѣ стороны, свѣтъ не въ силахъ встрѣтиться прямо со Христомъ. Ему далеко до небесныхъ истинъ христіанства. Онъ ихъ испугается, какъ мрачнаго монастыря, если не подставишь ему незримыя ступени къ христіанству, если не возведешь его на нѣкоторое высшее мѣсто, откуда ему станетъ виднѣе весь необъятный кругозоръ христіанства, и понятнѣе то же самое, что прежде было вовсе недоступно. Среди свѣта есть много такого, что для всѣхъ, отдалившихся отъ христіанства, служить незримою ступеню къ христіанству. Въ томъ числѣ можетъ быть и театръ, если будетъ обращенъ къ своему высшему назначенію. Нужно ввести на сцену во всемъ блескѣ всѣ совершеннѣйшія драматическія произведенія всѣхъ вѣковъ и народовъ. Нужно давать ихъ чаще, какъ можно чаще, повторяя безпрерывно одну и ту же піесу. И это можно сдѣлать. Можно всѣ піесы сдѣлать вновь свѣжими, новыми, любопытными для всѣхъ отъ мала до велика, если только сумѣешь ихъ поставить, какъ слѣдуетъ, на сцену. Это вздоръ, будто онъ устарѣли, и публика потеряла къ нимъ вкусъ. Публика не имѣетъ своего каприза; она пойдетъ, куда поведутъ ее. Не попотчевай ее сами же писатели своими гнилыми мелодрамами, она бы не почувствовала бы къ

нимъ вкуса и не потребовала бы ихъ. Возьми самую заиграннѣйшую пьесу и поставь ее, какъ нужно, та же публика повалитъ толпою. Мольеръ ей будетъ въ новость, Шекспиръ станетъ заманчивѣе наисовременнѣйшаго водевиля. Но нужно, чтобы такая постановка произведена была дѣйствительно и вполне художественно, чтобы дѣло это поручено было не кому другому, какъ первому и лучшему актеру-художнику, какой отыщется въ труппѣ. И не мѣшать уже сюда никакого приклепша сбоку, секретаря-чиновника; нусть тотъ одинъ распоряжается во всемъ. Нужно даже особенно позаботиться о томъ, чтобы вся отвѣтственность легла на него одного, чтобы онъ рѣшился публично, передъ глазами всей публики сыграть самъ по порядку одну за другою всѣ второстепенныя роли, дабы оставить живые образцы второстепеннымъ актерамъ, которые заучиваютъ свои роли по мертвымъ образцамъ, дошедшимъ до нихъ по какому-то темному преданію, которые образовались книжнымъ наученіемъ и не видятъ себѣ никакого живого интереса въ своихъ роляхъ. Одно это исполненіе первымъ актеромъ второстепенныхъ ролей можетъ привлечь публику видѣть двадцать разъ сряду ту же пьесу. Кому не любопытно видѣть, какъ Щепкинъ или Баратыгинъ стануть играть тѣ роли, которыхъ никогда дотогѣ не играли! Потомъ же, когда первоклассный актеръ, разыгравши всѣ роли, возвратится вновь на свою прежнюю, онъ получитъ взглядъ еще полнѣйшій, какъ на собственную свою роль, такъ и на всю пьесу; а пьеса получитъ вновь еще сильнѣйшую занимательность для зрителей этою полнотою своего исполненія, — вещь, доселѣ неслышанною! Нѣтъ выше того потрясенія, которое производитъ на человѣка совершенно согласованное согласіе всѣхъ частей между собою, которое доселѣ могъ только слышать онъ въ одномъ музыкальномъ оркестрѣ, и которое въ силахъ сдѣлать то, что драматическое произведеніе можетъ быть дано болѣе разовъ сряду, нежели налюбимѣйшая опера. Что ни говори, а звуки души и сердца, выражаемые словомъ, въ нѣсколько разъ разнообразнѣе музыкальныхъ звуковъ. Но, повторяю, все это возможно только въ такомъ случаѣ, когда дѣло будетъ сдѣлано истинно такъ, какъ слѣдуетъ, и полная отвѣтственность всего, по части репертуарной, возьметъ на первокласснаго актера, то-есть, трагедіею будетъ завѣдывать первый трагическій актеръ, а комедіею — первый комическій актеръ, когда одни они будутъ исключительные хоровожди такого дѣла. [Говорю исключительно, потому что знаю, какъ много у насъ есть охотниковъ прикомандироваться сбоку во всякомъ дѣлѣ. Чуть только явится какое мѣсто и при немъ какія-нибудь денежные выгоды, какъ уже вмигъ пристегнется сбоку секретарь. Откуда онъ возьмется, Богъ вѣсть: точно какъ изъ воды выйдетъ; докажетъ тутъ же свою необходимость ясно, какъ дважды два; заведетъ вначалѣ бумажную ипотечку только по экономическимъ дѣламъ, потомъ станетъ понемногу впутываться во все, и дѣло пойдетъ изъ рукъ вонъ. Секретари эти, точно какая-то незримая моль, подточили всѣ должности, сбили и спутали отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ и обратно—начальниковъ къ подчиненнымъ. Мы съ вами еще не такъ давно разсуждали о всѣхъ должностяхъ, какія ни есть въ нашемъ государствѣ. Разсматривая каждую въ ея законныхъ предѣлахъ, мы находили, что онѣ именно то, что имъ слѣдуетъ быть, всѣ до единой какъ бы свыше созданы для насъ съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на всѣ потребности нашего государственнаго быта, а всѣ сдѣлались не тѣмъ оттого, что всякъ, какъ бы наперерывъ, старался или разрушить предѣлы своей должности, или даже вовсе выступить изъ ея предѣловъ. Всякій, даже честный и умный человѣкъ, старался хотя на одинъ вершокъ быть полномочнѣй и выше своего мѣста, полагая, что онъ этимъ-то именно облагородитъ и

себя, и свою должность. Мы перебрали тогда всѣхъ чиновниковъ отъ верху до низу, но секретарей позабыли, а они-то именно больше всѣхъ стремятся выступить изъ предѣловъ своей должности. Гдѣ секретарь заведенъ только въ качествѣ писца, тамъ онъ хочетъ сыграть роль посредника между начальникомъ и подчиненнымъ. Гдѣ же онъ поставленъ дѣйствительно какъ нужный посредникъ между начальникомъ и подчиненнымъ, тамъ онъ начинаетъ важничать: корчить передъ этимъ подчиненнымъ роль его начальника, заводить у себя переднюю, заставить ждать себя по цѣлымъ часамъ, словомъ, вмѣсто того, чтобы облегчать доступъ подчиненнаго къ начальнику, только затруднить его. И все это иногда дѣлается не съ другимъ какимъ умысломъ, какъ только затѣмъ, чтобы облагородить свое секретарское мѣсто. Я зналъ даже нѣкоторыхъ совсѣмъ недурныхъ и неглупыхъ людей, которые передъ моими же глазами такъ поступали съ подчиненнымъ своего начальника, что я краснѣлъ за нихъ же. Мой Хлестаковъ былъ въ эту минуту ничто передъ ними. Все это, конечно, еще бы ничего; если бы отъ этого не происходило слишкомъ много печальныхъ слѣдствій. Много истинно-полезныхъ и нужныхъ людей иногда бросали службу единственно изъ-за скотинства секретаря, требовавшаго къ себѣ того же самаго уваженія, которымъ они были обязаны только одному начальнику, и за неисполненіе того мстившаго имъ оговорами, внушеніями о нихъ дурного мнѣнія, словомъ — всѣми тѣми мерзостями, на которыя способенъ только безчестный человѣкъ. Конечно, въ управленіяхъ по части искусствъ, художествъ и тому подобнаго, править или комитетъ, или одинъ непосредственный начальникъ, и не бываетъ мѣста секретарю-посреднику: тамъ онъ опредѣленъ только записывать опредѣленія другихъ или вести хозяйственную часть; но иногда случается и тамъ, отъ лѣности членовъ или чего другого, что онъ, мало-помалу втираясь, становится посредникомъ и даже вершителемъ въ дѣлѣ искусства. И тогда выходитъ просто чортъ знаетъ что: пирожникъ принимается за сапоги, а къ сапожнику поступаетъ печенье пироговъ. Выходитъ инструкція для художника, писанная вовсе не художникомъ; является предписание, котораго даже и понять нельзя, зачѣмъ оно предписано. Часто удивляются, какъ такой-то человѣкъ, будучи всегда умнымъ человѣкомъ, могъ выпустить преглупую бумагу, а въ ней онъ и душой не виноватъ: бумага вышла изъ такого угла, откуда и подозрѣвать никто не могъ, по пословицѣ: «писалъ писачка, а имя ему собачка»].

Нужно, чтобы въ дѣлѣ какаго бы то ни было мастерства полное его производство упиралось на главномъ мастерѣ того мастерства, [а отнюдь не на какомъ-нибудь пристегнувшемся сбоку чиновникѣ, который можетъ быть только употребленъ для однихъ хозяйственныхъ расчетовъ да для письменнаго дѣла]. Только самъ мастеръ можетъ учить своей наукѣ, слыша вполнѣ ея потребности, и никто другой. Одинъ только первоклассный актеръ-художникъ можетъ сдѣлать хорошій выборъ піесъ, дать имъ строгую сортировку; одинъ онъ знаетъ тайну, какъ производить репетиціи, понимаетъ, какъ важны частыя считовки и полныя предуготовительныя повторенія піесы. Онъ даже не позволить актеру выучить роль на дому, но сдѣлаетъ такъ, чтобы все выучилось ими сообща, и роль вошла сама собою въ голову каждаго во время репетицій, такъ, чтобы всякій, окруженный тутъ же обставивающими его обстоятельствами, уже невольно отъ одного соприкосновенія съ ними слышалъ вѣрный тонъ своей роли. Тогда и дурной актеръ можетъ нечувствительно набраться хорошаго: покуда актеры еще не заучили наизусть своихъ ролей, имъ возможно перенять многое у лучшаго актера. Тутъ всякій, не зная даже самъ какимъ образомъ, набирается правды и естественности, какъ въ рѣчахъ, такъ

и въ тѣлодвиженіяхъ. Тонъ вопроса даетъ тонъ отвѣту. Сдѣлай вопросъ напыщенный, получишь и отвѣтъ напыщенный; сдѣлай простой вопросъ, простой и отвѣтъ получишь. Всякій наипростѣйшій человѣкъ уже способенъ отвѣчать въ тактъ. Но если только актеръ заучилъ у себя на дому свою роль, отъ него изойдетъ напыщенный, заученный отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ уже останется въ немъ навѣкъ: его ничѣмъ не переломишь; ни одного слова не перейметъ онъ тогда отъ лучшаго актера; для него станетъ глухо все окруженіе обстоятельствъ и характеровъ, обступающихъ его роль, такъ же, какъ и вся пьеса станетъ ему глуха и чужда, и онъ, какъ мертвецъ, будетъ двигаться среди мертвецовъ. Только одинъ истинный актеръ-художникъ можетъ слышать жизнь, заключающую въ пьесѣ, и сдѣлать такъ, что жизнь эта сдѣлается видимою и живою для всѣхъ актеровъ; одинъ онъ можетъ слышать законную мѣру репетицій — какъ ихъ производить, когда прекратятъ и сколько ихъ достаточно для того, дабы возмозгла пьеса явиться въ полномъ совершенствѣ своемъ передъ публикою. Умѣй только заставить актера-художника взяться за это дѣло, какъ за его собственное, родное дѣло, докажи ему, что это его долгъ и что честь его же искусства того требуетъ отъ него — и онъ это сдѣлаетъ, онъ это исполнитъ, потому что любить свое искусство. Онъ сдѣлаетъ даже больше, позаботясь, чтобы и послѣдній изъ актеровъ сыгралъ хорошо, сдѣлавъ строгое исполненіе всего цѣлаго какъ бы своею собственною ролею. Онъ не допуститъ на сцену никакой пошлой и ничтожной пьесы, [какую допустилъ бы иной чиновникъ, заботящійся только о приращеніи сборной денежной кассы], — потому не допуститъ, что уже его внутреннее эстетическое чувство оттолкнетъ ее. Ему невозможно также, если бы онъ даже и вздумалъ оказать какіе-нибудь притѣснительные поступки или прижимки относительно вѣрренныхъ ему актеровъ, [какія дѣлаются людьми чиновными]; его не допустить къ тому его собственная извѣстность, [Какой-нибудь чиновникъ-секретарь производитъ отважно свою пакость въ увѣренности, что какъ онъ ни напакости, о томъ никто не узнаетъ, потому что и самъ онъ незамѣтная пѣшка. Но сдѣлай что-нибудь несправедливое Щепкинъ или Баратыгинъ, о томъ заговорить вѣдуръ весь городъ. Вотъ почему особенно важно, чтобы главная отвѣтственность во всякомъ дѣлѣ падала на человека, уже извѣстнаго всѣмъ до одинаго въ обществѣ]. Наконецъ, живя весь въ своемъ искусствѣ, которое стало уже его высшею жизнію, котораго чистоту блюдетъ онъ какъ святыню, художникъ-актеръ не попуститъ никогда, чтобы театръ сталъ проповѣдникомъ разврата. Итакъ, не театръ виноватъ. Прежде очистите театръ отъ хлама, его загромоздившаго, и потомъ уже разбирайте и судите, что такое театръ. Я заговорилъ здѣсь о театрѣ не потому, чтобы хотѣлъ говорить собственно о немъ, но потому, что сказанное о театрѣ можно примѣнить почти ко всему. Много есть такихъ предметовъ, которые страдаютъ изъ-за того, что извратили смыслъ ихъ; а такъ какъ вообще на свѣтѣ есть много охотниковъ дѣйствовать сгоряча, по пословицѣ: «разсердясь на вши, да шубу въ печь», то чрезъ это уничтожается много того, что послужило бы всѣмъ на пользу. Односторонніе люди и притомъ фанатики — язва для общества; бѣда той землѣ и государству, гдѣ въ рукахъ такихъ людей очутится какая-либо власть. У нихъ нѣтъ никакого смиренія христіанскаго и сомнѣнія въ себѣ; они увѣрены, что весь свѣтъ вретъ и одни они только говорятъ правду. Другъ мой, смотрите за собою покрѣпче: вы теперь именно находитесь въ этомъ опасномъ состояніи. Хорошо, что покуда вы внѣ всякой должности, и вамъ не вѣрено никакого управленія; иначе вы, котораго я знаю, какъ наиспособнѣйшаго къ отправленію самыхъ трудныхъ и сложныхъ должностей,

могли бы надѣлать больше зла и безпорядковъ, нежели самый неспособный изъ неспособнѣйшихъ. Берегитесь и въ самыхъ сужденіяхъ своихъ обо всемъ! Не будьте похожи на тѣхъ святошей, которые желали бы разомъ уничтожить все, что ни есть въ свѣтѣ, видя во всемъ одно бѣсовское. Ихъ удѣлъ — впадать въ самыя грубыя ошибки. Нѣчто тому подобное случилось недавно въ литературѣ. Нѣкоторые стали печатно объявлять, что Пушкинъ былъ деистъ, а не христіанинъ; точно какъ будто бы они побывали въ душѣ Пушкина; точно какъ будто бы Пушкинъ непремѣнно обязанъ былъ въ стихахъ своихъ говорить о высшихъ догматахъ христіанскихъ, за которые и самъ святитель Церкви принимается не иначе, какъ съ великимъ страхомъ, приготова себя къ тому глубочайшею святостию своей жизни. По ихъ понятіямъ, слѣдовало бы все высшее въ христіанствѣ облекать въ рѣзмы и сдѣлать изъ того какія-то стихотворныя игрушки. Пушкинъ слишкомъ разумно поступалъ, что, не дерзая переносить въ стихи того, чѣмъ еще не прониклась вся насквозь его душа, предпочиталъ лучше остаться нечувствительною ступеню къ высшему для всѣхъ тѣхъ, которые слишкомъ отделились отъ Христа, нежели оттолкнуть ихъ вовсе отъ христіанства такими же бездушными стихотвореніями, какія пишутся тѣми, которые выставляютъ себя христіанами. Я не могу даже понять, какъ могло прійти въ умъ критику, печатно, въ виду всѣхъ, взводить на Пушкина такое обвиненіе, что сочиненія его служатъ къ развращенію свѣта, тогда какъ самой цензурѣ предписано, въ случаѣ, если бы смыслъ какого сочиненія не былъ вполне ясенъ, толковать его въ прямую и выгодную для автора сторону, а не въ кривую и вредящую ему. Если это постановлено въ законъ цензурѣ, безмолвной и безгласной, не имѣющей даже возможности оговориться передъ публикою, то во сколько разъ больше должна это поставить себѣ въ законъ критика, которая можетъ изъясниться и оговориться въ малѣйшемъ дѣйствіи своемъ! Публично выставлять нехристіанскомъ человѣка и даже противникомъ Христа, основываясь на нѣкоторыхъ несовершенствахъ его души и на томъ, что онъ увлекался свѣтомъ такъ же, какъ и всякъ изъ насъ имъ увлекался, — развѣ это христіанское дѣло? Да и кто же изъ насъ христіанинъ? Этакъ я могу обвинить самого критика въ его нехристіанствѣ. Я могу сказать, что христіанинъ не возымѣетъ такой увѣренности въ умъ своемъ, чтобы рѣшить такое темное дѣло, которое извѣстно одному Богу, зная, что умъ нашъ вполне проясняется и можетъ обнимать со всѣхъ сторонъ предметъ только отъ святости нашей жизни, а жизнь его еще не такъ, можетъ-быть, свята. Христіанинъ передъ тѣмъ, чтобы обвинить какого-либо въ такомъ уголовномъ преступленіи, каково есть непризнаніе Бога въ томъ видѣ, въ какомъ повелѣлъ признавать Его Самъ Божій Сынъ, сходявшій на землю, задумается, потому что дѣло это страшное. Онъ скажетъ и то: въ поэзіи многое есть еще тайна, да и вся поэзія есть тайна; трудно и надъ простымъ человѣкомъ произнести судъ свой, произнести же судъ окончательный и полный надъ поэтомъ можетъ одинъ тотъ, кто заключилъ въ себѣ самое поэтическое существо и есть самъ уже почти равный ему поэтъ, — какъ и во всякомъ даже простомъ мастерствѣ понемногу можетъ судить всякъ, но вполне судить можетъ только самъ мастеръ того мастерства. Словомъ, христіанинъ покажетъ прежде всего смиреніе, свое первое знамя, по которому можно узнать, что онъ христіанинъ. Христіанинъ, намѣсто того, чтобы говорить о тѣхъ мѣстахъ въ Пушкинѣ, которыхъ смыслъ еще теменъ и можетъ быть истолкованъ на двѣ стороны, станеть говорить о томъ, что ясно, что было имъ произведено въ дѣла разумнаго мужества, а не увлекающей юности. Онъ приведетъ его

величественные стихи пастырю Церкви, гдѣ Пушкинъ самъ говорить о себѣ, что даже и въ тѣ годы, когда онъ увлекался суетою и прелестію свѣта, его поражалъ даже одинъ видъ служителя Христова.

Но и тогда струны лукавой
Мгновенно звонъ и прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ неожиданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ алей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силою кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла прахъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Вотъ на какое стихотвореніе Пушкина укажетъ критикъ-христіанинъ! Тогда критика его получить смыслъ и сдѣлаетъ добро: она еще сильнѣй укрѣпитъ самое дѣло, показавши, какъ даже и тотъ человѣкъ, который заключалъ въ себѣ всѣ разнородныя вѣрованія и вопросы своего времени, такъ сбивчивые, такъ отдаляющіе насъ отъ Христа, — какъ даже и тотъ человѣкъ, въ лучшія и свѣтлѣйшія минуты своего поэтическаго ясновидѣнія, исповѣдалъ выше всего высоту христіанскую. Но какой теперь смыслъ критики? спрашиваю я. Какая польза смутить людей, поселивши въ нихъ сомнѣніе и подозрѣніе въ Пушкинѣ? Бездѣлица — выставить наимнѣйшаго человѣка своего времени не признающимъ христіанства, — человѣка, на котораго умственное поколѣніе смотритъ, какъ на вождя и на передоваго, сравнительно передъ другими людьми! Хорошо еще, что критикъ былъ безталантливъ и не могъ пустить въ ходъ подобную ложь, и что самъ Пушкинъ оставилъ тому опроверженіе въ своихъ же стихахъ; [но будь иначе, что другое, кромѣ безвѣрія, намѣсто вѣры, могъ бы распространить онъ?] Вотъ чтѣ можно сдѣлать, будучи одностороннимъ! Другъ мой, храни васъ Богъ отъ односторонности: съ нею всюду человѣкъ произведетъ зло: въ литературѣ, на службѣ, въ семьѣ, въ свѣтѣ, словомъ — вездѣ! Односторонній человѣкъ самоувѣренъ; односторонній человѣкъ дерзокъ; односторонній человѣкъ всѣхъ вооружитъ противъ себя. Односторонній человѣкъ ни въ чемъ не можетъ найти середины. Односторонній человѣкъ не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ: онъ можетъ быть только фанатикомъ. Односторонность въ мысляхъ показываетъ только то, что человѣкъ еще на дорогѣ къ христіанству, но не достигнулъ его, потому что христіанство даетъ уже многосторонность уму. Словомъ — храни васъ Богъ отъ односторонности! Глядите разумно на всякую вещь и помните, что въ ней могутъ быть двѣ совершенно противоположныя стороны, изъ которыхъ одна до времени вамъ не открыта. Театръ и театръ — двѣ разныя вещи, равно какъ и восторгъ самой публики бываетъ двухъ родовъ: иное дѣло восторгъ отъ того, когда какая-нибудь балетная танцовщица подыметъ ногу повыше, и опять иное дѣло восторгъ отъ того, когда могущественный лицедѣй потрясающимъ словомъ подыметъ выше всѣ высокія чувства въ человѣкѣ. Иное дѣло — слезы отъ того, что какой-нибудь заѣзжій пѣвецъ расшепотитъ музыкальное ухо человѣка, — слезы, которыя, какъ я слышу, проливаютъ теперь въ Петербургѣ и немусыканты; и опять иное

дѣло — слезы отъ того, когда живымъ представленіемъ высокаго подвига человѣка весь насквозь просвѣщается зритель и по выходѣ изъ театра принимается съ новою силою за долгъ свой, видя подвигъ геройскій въ такомъ его исполненіи. Другъ мой, мы призваны въ міръ не за тѣмъ, чтобы истреблять и разрушать, но, [подобно Самому Богу], все направлять къ добру, — даже и то, что уже испортилъ человѣкъ и обратилъ во зло. Нѣтъ такого орудія въ мірѣ, которое не было бы предназначено на службу Бога. Тѣ же самые трубы, тимпаны, лиры и кимвалы, которыми славляли язычники идоловъ своихъ, по одержаніи надъ ними царемъ Давидомъ побѣды, обратились на восхваленіе истиннаго Бога, и еще больше обрадовался весь Израиль, услышавъ вхвалу Ему на тѣхъ инструментахъ, на которыхъ она дотогѣ не раздавалась.

1845.

XV.

Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время

ДВА ПИСЬМА КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

1.

Твое стихотвореніе «Землетрясеніе» меня восхитило. Жуковскій также былъ отъ него въ восторгѣ. Это, по его мнѣнію, лучшее не только изъ твоихъ, но даже изъ всѣхъ русскихъ стихотвореній. Взять событіе изъ минувшаго и обратить его къ настоящему — какая умная и богатая мысль! А примѣненіе къ поэту, довершающее оду, таково, что его слѣдуетъ всякому изъ насъ, каково бы ни было его поприще, примѣнить къ самому себѣ въ эту тяжелую годину всемірнаго землетрясенія, когда все помутилось отъ страха за будущее. Другъ, передъ тобою разверзается живоносный источникъ. Въ словахъ твоихъ поэту:

И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины —

заключаются слова тебѣ самому. Тайна твоей музы тебѣ открывается. Нынѣшнее время есть именно поприще для лирическаго поэта. Сатирую ничего не возьмешь; простою картиною дѣйствительности, оглянutoй глазомъ современнаго свѣтскаго человѣка, никого не разбудишь: богатырски задремалъ нынѣшній вѣкъ. Нѣтъ, отыщи въ минувшемъ событіе, подобное настоящему, заставь его выступить ярко и порази его въ виду всѣхъ, какъ поражено было оно гнѣвомъ Божиимъ въ свое время; бей въ прошедшемъ настоящее, и въ двойную силу облечется твое слово: живѣе черезъ то выступи прошедшее, и крикомъ закричитъ настоящее. Разогни книгу Ветхаго Завѣта: ты найдешь тамъ каждое изъ нынѣшнихъ событій, увидишь яснѣе дня, въ чемъ оно преступило предъ Богомъ, и такъ очевидно изображенъ надъ нимъ совершившійся страшный судъ Божій, что встрепенется настоящее. У тебя есть на то орудія и средства: въ стихѣ твоемъ есть сила и упрекающая, и подъяющая. То и другое теперь именно нужно. Однихъ нужно поднять, другихъ попрекнуть: поднять тѣхъ, которые смутились отъ страховъ и безчестствъ, ихъ окружающихъ; попрекнуть тѣхъ, которые въ святыхъ минуты небеснаго гнѣва и страданій повсюдныхъ дерзаютъ предаваться буйству всякихъ скаганій

и позорнаго лигованія. Нужно, чтобы твои стихи стали такъ въ глазахъ всѣхъ, какъ начертанныя на воздухѣ буквы, явившіяся на пиру Валтасара, отъ которыхъ все пришло въ ужасъ, еще прежде, нежели могло проникнуть самый ихъ смыслъ. А если хочешь быть еще понятнѣе всѣмъ, то, набравшись духа библейскаго, опустишь съ нимъ, какъ со свѣточемъ, во глубину русской старины и въ ней порази позоръ нынѣшняго времени, и углуби въ то же время глубже въ насъ то, передъ чѣмъ еще позорнѣе станетъ позоръ нашъ. Стихъ твой не будетъ вялъ, не бойся; старина дастъ тебѣ краски и уже одною собою вдохновитъ тебя! Она такъ живьемъ и шевелится въ нашихъ лѣтописяхъ. На дняхъ попалась мнѣ книга: «Царскіе выходы». Тутъ уже одни слова и названія царскихъ убранствъ, дорогихъ тканей и каменьевъ — сущія сокровища для поэта; всякое слово такъ и ложится въ стихъ. Дивисься драгоценности нашего языка: что ни звукъ, то и подарокъ; все зернисто, крупно, какъ самъ жемчугъ, и, право, иное названіе еще драгоценнѣе самой вещи. Да если только уберешь такими словами стихъ свой — пѣликомъ унесешь читателя въ минувшее. Мнѣ, послѣ прочтенія трехъ страницъ изъ этой книги, такъ и видѣлся вездѣ царь старинныхъ, прежнихъ временъ, благоговѣнно идущій къ вечернѣ въ старинномъ царскомъ своемъ убранствѣ.

1844.

2.

Пишу къ тебѣ подъ вліяніемъ того жъ стихотворенія твоего: «Землетрясеніе». Ради Бога, не оставляй начатаго дѣла! Перечитывай строго Библию, набирайся русской старины и, при свѣтѣ ихъ, приглядывайся къ нынѣшнему времени. Много, много предстоитъ тебѣ предметовъ, и грѣхъ тебѣ ихъ не видѣть. Жуковский недаромъ доселѣ называлъ твою поэзію восторгомъ, никуда не обращеннымъ. Стыдно тратить лирическую силу въ видѣ холостыхъ выстрѣловъ на воздухъ, тогда какъ она дана тебѣ на то, чтобы взрывать камни и ворочать утесы. Оглянись вокругъ: все теперь предметы для лирическаго поэта; всякъ человѣкъ требуетъ лирическаго воззванія къ нему; куда ни поворотиться, видишь, что нужно или попрекнуть, или освѣжить кого-нибудь.

Попрекни же прежде всего, сильнымъ лирическимъ упрекомъ, умныхъ, но унывшихъ людей. Проймешь ихъ, если покажешь имъ дѣло въ настоящемъ видѣ, то-есть, что человѣкъ, предавшійся унынію, есть дрянь во всѣхъ отношеніяхъ, каковы бы ни были причины унынія, потому что уныніе проклято Богомъ. Истинно-русскаго человѣка поведешь на брань даже и противъ унынія, поднимешь его превыше страха и колебаній земли, какъ поднялъ поэта въ своемъ «Землетрясеніи».

Воззови, въ видѣ лирическаго сильнаго воззванія, къ прекрасному, но дремлющему человѣку. Брось ему съ берега доску и закричи во весь голосъ, чтобы спалсъ свою бѣдную душу. Уже онъ далеко отъ берега, уже несеть и несеть его ничтожная верхушка свѣта, несуть обѣды, ноги плясавицъ, ежедневно сонное опьянѣніе; нечувствительно облекается онъ плотію и сталъ уже весь плоть, и уже почти нѣтъ въ немъ души. Заопи воплемъ и выставь ему вѣдму-старость, къ нему идущую, которая вся изъ желѣза, предъ которою желѣзо есть милосердіе, которая ни крохи чувства не отдаетъ назадъ и обратно. О, если бъ ты могъ сказать ему то, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома «Мертвыхъ душъ»!

Опозорь, въ гнѣвномъ диѳирамбѣ, новѣйшаго лихоимца нынѣшнихъ временъ и его проклятую роскошь, и скверную жену его, погубившую щеголяніями и тряпками и себя, и мужа, и презрѣнный пороги ихъ богатаго дома, и гнусный воздухъ, которымъ тамъ дышать, чтобы, какъ отъ чумы, отъ нихъ побѣжало все бѣгомъ и безъ оглядки.

Возвеличь, въ торжественномъ гимнѣ, незамѣтнаго труженика, какой, къ чести высокой породы русской, находится посреди отважнѣйшихъ взяточниковъ, который не беретъ даже и тогда, какъ все беретъ вокругъ него. Возвеличь и его, и семью его, и благородную жену его, которая лучше захотѣла носить старомодный чепецъ и стать предметомъ насмѣшекъ другихъ, нежели допустить своего мужа сдѣлать несправедливость и подлость. Выставь ихъ прекрасную бѣдность такъ, чтобы, какъ святыни, она засіяла у всѣхъ въ глазахъ и каждому изъ насъ захотѣлось бы самому быть бѣднымъ.

Ублажи гимномъ того исполина, какой выходитъ только изъ русской земли, который вдругъ пробуждается отъ позорнаго сна, становится вдругъ другимъ: плюнувши въ виду всѣхъ на свою мерзость и гнуснѣйшіе пороки, становится первымъ ратникомъ добра. Покажи, какъ совершается это богатырское дѣло въ истинно-русской душѣ; но покажи такъ, чтобы невольно затрепетала въ каждомъ русская природа и чтобы все, даже въ грубомъ и низшемъ сословіи, вскрикнуло: «Эхъ, молодецъ!» почувствовавши, что и для него самого возможно такое дѣло.

Много, много предметовъ для лирическаго поэта — въ книгѣ не вмѣстишь, не только въ письмѣ. Всякое истинное русское чувство гложетъ, и некому его вызвать! Дремлетъ наша удаля, дремлетъ рѣшимость и отвага на дѣло, дремлетъ наша крѣпость и сила, дремлетъ умъ нашъ среди вялой и бабьей свѣтской жизни, которую привели къ намъ, подъ именемъ просвѣщенія, пустыя и мелкія нововведенія. Страхни же сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ. На колѣна предъ Богомъ, и проси у Него гнѣва и любви! Гнѣва — противу того, что губить человѣка, любви — къ бѣдной душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ, и которую губить онъ самъ. Найдешь слова, найдутся выраженія; огни, а не слова, излетятъ отъ тебя, какъ отъ древнихъ пророковъ, если только, подобно имъ, сдѣлаешь это дѣло роднымъ и кровнымъ своимъ дѣломъ, если только, подобно имъ, посылавъ пепломъ главу, раздравши ризы, рыданіемъ вымолишь себѣ у Бога на то силу, и такъ возлюбишь спасеніе земли своей, какъ возлюбили они спасеніе богоизбраннаго своего народа.

1844.

XVI.

С О В ъ Т Ы.

ПИСЬМО КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Уча другихъ, также учишься. Посреди моего болѣзненнаго и труднаго времени, къ которому присоединились еще и тяжелыя страданія душевныя, я долженъ былъ вести такую дѣятельную переписку, какой никогда у меня не было дотолѣ. Какъ нарочно, почти со всѣми близкими моей душѣ случились въ это время внутреннія событія и потрясенія. Все какимъ-то инстинктомъ обращалось ко мнѣ, требуя помощи и совѣта. Тутъ только узналъ я близкое родство человѣческихъ душъ между собою. Стоитъ только хорошенько выстрадаться самому, какъ уже всѣ страдающіе становятся тебѣ понятны и

почти знаешь, что нужно сказать имъ. Этого мало; самый умъ проясняется: дотоле сокрытыя положенія и поприща людей становятся тебѣ извѣстны, и дѣлается видно, что кому изъ нихъ потребно. Въ послѣднее время мнѣ случалось даже получать письма отъ людей, мнѣ почти вовсе незнакомыхъ, и давать на нихъ отвѣты такіе, какихъ бы я не сумѣлъ дать прежде. А между прочимъ я ничуть не умнѣе никого. Я знаю людей, которые въ нѣсколько разъ умнѣе и образованнѣе меня, и могли бы дать совѣты въ нѣсколько разъ полезнѣйшіе моихъ; но они этого не дѣлаютъ и даже не знаютъ, какъ это сдѣлать. Великъ Богъ, насъ умудряющій! И чѣмъ же умудряющій? — тѣмъ самымъ горемъ, отъ котораго мы бѣжимъ и хотимъ сокрыться. Страданіями и горемъ опредѣлено намъ добывать крупицы мудрости, не приобретаемой въ книгахъ. Но кто уже приобрѣлъ одну изъ этихъ крупицъ, тотъ уже не имѣетъ права скрывать ее въ себѣ отъ другихъ. Она не твое, но Божіе достояніе. Богъ ее выработалъ въ тебѣ; всѣ же дары Божіи даются намъ затѣмъ, чтобы мы служили ими собратіямъ нашимъ: Онъ повелѣлъ, чтобы ежеминутно учили мы другъ друга. Итакъ, не останавливайся, учи и давай совѣты! Но, если хочешь, чтобы это принесло въ то же время тебѣ самому пользу, дѣлай такъ, какъ думаю я и какъ положилъ себѣ отнынѣ дѣлать всегда. Всякій совѣтъ и наставленіе, какое бы ни случилось кому дать, хотя бы даже человѣку, стоящему на самой низкой степени образованія, съ которымъ у тебя ничего не можетъ быть общаго, обрати въ то же время къ самому себѣ, и то же самое, что посоветовалъ другому, посоветуй себѣ самому; тотъ же самый упрекъ, который сдѣлалъ другому, сдѣлай тутъ же себѣ самому. Повѣрь, все придется къ тебѣ самому, и я даже не знаю, есть ли такой упрекъ, которымъ бы нельзя было упрекнуть себя самого, если только пристально поглядишь на себя. Дѣйствуй оружіемъ обоюдоострымъ. Если даже тебѣ случится разсердиться на кого бы то ни было, разсердись въ то же время и на себя самого, хотя за то, что сумѣлъ разсердиться на другого. И это дѣлай непремѣнно! Ни въ какомъ случаѣ не своди глазъ съ самого себя. Имѣй всегда въ предметъ себя прежде всѣхъ. Будь эгоистъ въ этомъ случаѣ. Эгоизмъ тоже не дурное свойство; вольно было людямъ дать ему такое скверное толкованіе, а въ основаніе эгоизма легла суцная правда. Позаботься прежде о себѣ, а потомъ о другихъ; стань прежде самъ почище душою, а потомъ уже старайся, чтобы другіе были чище.

1846.

XVII.

П р о с в ѣ щ е н і е.

письмо къ в. а. жуковскому.

Еще разъ пишу къ тебѣ съ дороги. Братъ, благодарю за все! У Гроба Господа испрошу, да поможетъ мнѣ отдать тебѣ хотя часть того умнаго добра, которымъ надѣлилъ меня ты. Вѣруй, и да не смущается твое сердце! Въ Москву ты пріѣдешь, какъ въ родную свою семью. Она предстанетъ тебѣ желанною пристанью, и въ ней покойнѣе будетъ тебѣ, нежели здѣсь. Ни пустой шумъ суеты, ни громъ экипажа не смутятъ тебя: объѣдутъ бережно и улицу, въ которой ты будешь жить. Если кто и пріѣдетъ тебя навѣстить, старый ли другъ твой, или же дотоле незнакомый человѣкъ, онъ станетъ впередъ просить не отдавать ему визита, боясь, чтобы и минута

твоего времени не пропала. У насъ умѣютъ и даже знаютъ, какъ почитать того, кто сдѣлалъ цѣликомъ свое дѣло. Кто такъ безукоризненно, такъ честно употреблялъ всѣ дары свои, не давая задремать своимъ способностямъ, не дѣлясь ни минуты во всю жизнь свою, кто сохранилъ свѣжею старость свою, какъ бы молодость, въ то время, какъ всѣ вокругъ истратили ее на пустые соблазны, и какъ молодые превратились въ хилыхъ стариковъ, тотъ имѣетъ право на вниманіе благоговѣйное. Какъ патриархъ ты будешь въ Москвѣ, и на вѣсь золота примутъ отъ тебя юноши старческія слова твои. Твоя Одиссея принесетъ много общаго добра: это тебѣ предрекаю. Она возвратитъ къ свѣжести современнаго человѣка, усталого отъ безпорядка жизни и мыслей; она обновитъ въ глазахъ его много того, чтѣ брошено имъ, какъ ветхое и ненужное для быта; она возвратитъ его къ простотѣ. Но не меньше добра, если еще не больше, принесутъ тѣ труды, на которые навелъ тебя Самъ Богъ, и которые ты держишь покуда разумно подъ спудомъ. Въ нихъ огажета также потребность общая. Не смущайся же и твердо гляди впередъ! Да не испугаетъ тебя никакая нестройность того, чтѣ бы ты ни встрѣтилъ. Есть примиритель всего внутри самой земли нашей, который покуда еще не всѣми видимъ — наша Церковь. Уже готовится она вдругъ вступить въ полныя права свои и засіяетъ свѣтомъ на всю землю. Въ ней заключено все, чтѣ нужно для жизни истинно-русской, во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ государственнаго до простаго семейственнаго, всему настрой, всему направление, всему законная и вѣрная дорога. По мнѣ, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведеніе въ Россію, минуя нашу Церковь, не испросивъ у нея на то благословенія. Нелѣпо даже и къ мыслямъ нашимъ прививать какія бы то ни было европейскія идеи, покуда не окреститъ ихъ она свѣтомъ Христовымъ. Увидишь, какъ это вдругъ и въ твоихъ же глазахъ будетъ признано всѣми въ Россіи, какъ вѣрующими, такъ и невѣрующими, какъ вдругъ выступитъ всѣми узнанная наша Церковь. Была на то воля Промысла, чтобы непостижимая слѣпота пала на глаза многихъ. Разбирая пристально нить событій міра, вижу всю мудрость Божию, попустившую временному раздѣленію Церкви, повелѣвшую одной стоять неподвижно и какъ бы вдали отъ людей, а другой — волноваться вмѣстѣ съ людьми; одной — не принимать въ себя никакихъ нововведеній, кромѣ тѣхъ, которыя были внесены святыми людьми лучшихъ временъ христіанства и первоначальными Отцами Церкви, другой — мѣняясь и примѣняясь ко всѣмъ обстоятельствамъ времени, духу и привычекъ людей, вносить всѣ нововведенія, сдѣланныя даже порочными и несвятыми епископами; одной — на время какъ бы умереть для міра, другой — на время какъ бы овладѣть всѣмъ міромъ; одной — подобно скромной Маріи, отложивши всѣ попеченія о земномъ, помѣститься у ногъ Самого Господа, затѣмъ, чтобы лучше послушаться словъ Его, прежде, нежели примѣнять и передавать ихъ людямъ, другой же — подобно заботливой хозяйкѣ Марѣ, гостеприимно хлопотать около людей, передавая имъ еще не взвѣшенныя всѣмъ разумомъ слова Господни. Благоую часть избрала первая, что такъ долго прислушивалась къ словамъ Господа, вынося упреки недалновидной сестры своей, которая уже было осмѣлилась назвать ее мертвымъ трупомъ и даже заблудшею и отступившею отъ Господа. Не легко примѣнить слово Христово къ людямъ, и слѣдовало ей прежде сильно проникнуться имъ самой. Зато въ нашей Церкви сохранилось все, чтѣ нужно для просыпающагося нынѣ общества. Въ ней кормило и руль наступающему новому порядку вещей, и чѣмъ больше вхожу въ нее сердцемъ, умомъ и помышленіемъ, тѣмъ больше изумляюсь чудной возможности

примиренія тѣхъ противорѣчій, которыя не въ силахъ примирить теперь Церковь западная. Западная Церковь была еще достаточно для прежняго несложнаго порядка, еще могла кое-какъ управлять міромъ и мирить его со Христомъ во имя односторонняго и неполнаго развитія человѣчества. Теперь же, когда человѣчество стало достигать развитія полнѣйшаго во всѣхъ своихъ силахъ, во всѣхъ свойствахъ, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ, она его только отталкиваетъ отъ Христа: чѣмъ больше хлопочетъ о примиреніи, тѣмъ больше вноситъ раздоръ, будучи не въ силахъ освѣтить узкимъ свѣтомъ своимъ всякій нынѣшній предметъ со всѣхъ его сторонъ. Всѣ сознаются въ томъ, что этимъ самымъ введеніемъ въ себя множества постановленій человѣческихъ, сдѣланныхъ такими епископами, которые еще не достигли святостию жизни своей до полной и многосторонней христіанской мудрости, она сузила взглядъ свой на жизнь и міръ и не можетъ обхватить ихъ. Полный и всесторонній взглядъ на жизнь остался на ея восточной половинѣ, видимо, сбереженной для повнѣйшаго и полнѣйшаго образованія человѣка. Въ ней просторъ не только душѣ и сердцу человѣка, но и разуму, во всѣхъ его верховныхъ силахъ. Въ ней дорога и путь, какъ устремить все въ человѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ верховному Существо. Другъ, не смущайся ничѣмъ! Если бы седмирицею кратъ были запутаннѣе нынѣшнія обстоятельства — все примирить и распутаетъ наша Церковь. Уже какимъ-то невѣдомымъ чутьемъ даже наши свѣтскіе люди, толкающіеся среди насъ, начинаютъ слышать, что есть какое-то сокровище, отъ котораго спасеніе, — которое среди насъ, и котораго не видимъ. Блеснетъ сокровище, и на всемъ отсвѣтится блескъ его. И время уже недалеко. Мы повторяемъ теперь еще бессмысленно слово «просвѣщеніе». Даже и не задумались надъ тѣмъ, откуда пришло это слово, и что оно значитъ. Слова этого нѣтъ ни на какомъ языкѣ; оно только у насъ. Просвѣтить не значитъ научить, или наставить, или образовать, или даже освѣтить, но всего насквозь высвѣтлить человѣка во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято изъ нашей Церкви, которая уже почти тысячу лѣтъ его произноситъ, несмотря на всѣ мраки и невѣжественныя тьмы, отвсюду ее окружавшіе, и знаетъ, зачѣмъ произносить. Недаромъ архіерей, въ торжественномъ служеніи своемъ, подымая въ обѣихъ рукахъ и троесвѣчникъ, знаменующій Троицу Бога, и двусвѣчникъ, знаменующій Его сходящее на землю Слово въ двойномъ ествѣ Его, и Божескомъ, и человѣческомъ, всѣхъ ими освѣщаетъ, произнося: «Свѣтъ Христовъ освѣщаетъ всѣхъ!» Недаромъ также въ другомъ мѣстѣ служенія гремятъ отрывочно, какъ бы съ неба, вслухъ всѣмъ слова: «Свѣтъ просвѣщенія!» и ничего къ нимъ не прибавляется больше.

1846.

XVIII.

Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“.

1.

Вы напрасно негодуете на неумѣренный тонъ нѣкоторыхъ нападеній на «Мертвыя Души»: это имѣетъ свою хорошую сторону. Иногда нужно имѣть противу себя озлобленныхъ. Кто увлеченъ красотами, тотъ не видитъ недостатковъ и прощаетъ все; но кто озлобленъ, тотъ постарается выкопать въ

насъ всю дрянъ и выставить ее такъ ярко наружу, что поневогѣ ее увидишь. Истину такъ рѣдко приходится слышать, что уже за одну крупницу ее можно простить всякій оскорбительный голосъ, съ какимъ бы она ни произносилась. Въ критикахъ Булгарина, Сенковского и Полевого есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго мнѣ совѣта поучаться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я не торопился печатаніемъ рукописи и подержалъ ее у себя съ годъ, я бы увидѣлъ потомъ и самъ, что въ такомъ неопытномъ видѣ ей никакъ нельзя было явиться въ свѣтъ. Самыя эпиграммы и насмѣшки надо мною были мнѣ нужны, несмотря на то, что съ перваго раза пришлось очень не по сердцу. О, какъ намъ нужны безпрестанные щелчки и этотъ оскорбительный тонъ, и эти ѣдкія, пронимающія насквозь насмѣшки! На днѣ души нашей столько таится всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, щеголиваго, сквернаго честолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колотъ, поражать, бить всѣми возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно насъ поражающую руку.

Я бы желалъ, однакожъ, побольше критикъ, не со стороны литераторовъ, но со стороны людей, занятыхъ дѣломъ самой жизни. Со стороны практическихъ людей, какъ на бѣду, кромѣ литераторовъ, не отозвался никто. А между тѣмъ «Мертвыя Души» произвели много шума, много ропота; задѣли за живое многихъ и насмѣшкою, и правдою, и карикатурою; коснулись порядка вещей, который у всѣхъ ежедневно передъ глазами, хоть исполнены промаховъ, анахронизмовъ, явнаго незнанія многихъ предметовъ; мѣстами даже съ умысломъ помѣщено обидное и задѣвающее — авось, кто-нибудь меня выбранить хорошенько, и въ брани, въ гнѣвѣ выскажетъ мнѣ правду, которой добиваюсь. И хоть бы одна душа подала голосъ! А могъ всякъ. И какъ бы еще умно! Служащій чиновникъ могъ бы мнѣ явно доказать, въ виду всѣхъ, неправдоподобность мною изображеннаго событія приведеніемъ двухъ-трехъ дѣйствительно случившихся дѣлъ, и тѣмъ бы опровергъ меня лучше всякихъ словъ, или тѣмъ же самымъ образомъ могъ бы защитить и оправдать справедливость мною описаннаго. Приведеніемъ событія случившагося лучше доказывается дѣло, нежели пустыми словами и литературными разглагольствованіями. Могъ бы то же сдѣлать и купецъ, и помѣщикъ, словомъ — всякій грамотей, сидитъ ли онъ сиднемъ на мѣстѣ, или рыскаетъ вдоль и поперекъ по всему лицу Русской земли. Сверхъ собственнаго взгляда своего, всякій человекъ, съ того мѣста или ступеньки въ обществѣ, на которую поставили его должность, званіе и образованіе, имѣетъ случай видѣть тотъ же предметъ съ такой стороны, съ которой кромѣ его никто другой не можетъ видѣть. По поводу «Мертвыхъ Душъ» могла бы написаться всею толпою читателей другая книга, несравненно любопытнѣйшая «Мертвыхъ Душъ», которая могла бы научить не только меня, но и самихъ читателей, потому что — нечего таить грѣха — всѣ мы очень плохо знаемъ Россію.

И хоть бы одна душа заговорила во всеуслышаніе! Точно какъ бы вымерло все, какъ бы въ самомъ дѣлѣ обитаютъ въ Россіи не живыя, а какія-то «мертвыя души». И меня же упрекаютъ въ плохомъ знаніи Россіи! Какъ будто непремѣнно силою Святого Духа долженъ узнать я все, что ни дѣлается во всѣхъ углахъ ея, — безъ наученія научиться! Но какими путями могу научиться я, писатель, осужденный уже самимъ званіемъ писателя на сидячую, затворническую жизнь, и притомъ еще больной, и притомъ еще принужденный жить вдали отъ Россіи? Какими путями могу я научиться? Меня же не научатъ этому литераторы и журналисты, которые сами

затворники и люди кабинетные. У писателя только и есть одинъ учитель: сами читатели. А читатели отказались поучить меня. Знаю, что дамъ сильный отвѣтъ Богу за то, что не исполнилъ, какъ слѣдуетъ, своего дѣла; но знаю, что дадутъ за меня отвѣтъ и другіе. И говорю это недаромъ; видитъ Богъ, говорю недаромъ!

1843.

2.

Я предчувствовалъ, что всѣ лирическія отступленія въ поэмѣ будутъ приняты въ превратномъ смыслѣ. Они такъ неясны, такъ мало вьжуются съ предметами, проходящими предъ глазами читателя, такъ невпопадъ складу и замашкѣ всего сочиненія, что ввели въ равное заблужденіе какъ противниковъ, такъ и защитниковъ. Всѣ мѣста, гдѣ ни заикнулся я неопредѣленно о писателѣ, были отнесены на мой счетъ; я краснѣлъ даже отъ изъясненій ихъ въ мою пользу. И подѣломъ мнѣ! Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало выдавать сочиненія, которое, хотя выкроено было не дурно, но шито кое-какъ бѣлыми нитками, подобно платью, приносимому портнымъ только для примѣрки. Дивлюсь только тому, что мало было сдѣлано упрековъ въ отношеніи къ искусству и творческой наукѣ. Этому помѣшало какъ гнѣвное расположеніе моихъ критиковъ, такъ и непривычка всматриваться въ постройку сочиненія. Слѣдовало показать, какія части чудовищно-длины въ отношеніи къ другимъ, гдѣ писатель измѣнилъ самому себѣ, не выдержавъ своего собственнаго, уже разъ принятаго тона. Никто не замѣтилъ даже, что послѣдняя половина книги обработана меньше первой, что въ ней великіе пропуски, что главныя и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, а побочныя распространены, что не столько выступаетъ внутренній духъ всего сочиненія, сколько мечется въ глаза пестрота частей и лоскутность его. Словомъ — можно было много сдѣлать нападеній несравненно дѣльнѣйшихъ, избравъ меня гораздо больше, нежели теперь бранить, и избравъ за дѣло. Но рѣчь не о томъ. Рѣчь о лирическомъ отступленіи, на которое больше всего напали журналисты, видя въ немъ признаки самонадѣянности, самохвальства и гордости, доселѣ еще не слыханной ни въ одномъ писателѣ. Разумѣю то мѣсто въ послѣдней главѣ, когда, изобразивъ выѣздъ Чичикова изъ города, писатель, на время оставляя своего героя среди столбовой дороги, становится самъ на его мѣсто и, пораженный скучнымъ однообразіемъ предметовъ, пустынною безпріютностію пространствъ и грустною пѣснію, несущемою по всему лицу земли Русской отъ моря до моря, обращается въ лирическомъ воззваніи къ самой Россіи, спрашивая у нея самой объясненія непонятнаго чувства, его объявшаго, то-есть: зачѣмъ и почему ему кажется, что будто все, что ни есть въ ней, отъ предмета одушевленнаго до бездушнаго, вперило на него глаза свои и чего-то ждетъ отъ него. Слова эти были приняты за гордость и доселѣ неслышанное хвастовство, между тѣмъ какъ они ни то, ни другое. Это, просто, нескладное выраженіе истиннаго чувства. Мнѣ и донныѣ кажется то же. Я до сихъ поръ не могу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздирающихъ звуковъ нашей пѣсни, которая стремится по всѣмъ безпредѣльнымъ русскимъ пространствамъ. Звуки эти вьются около моего сердца, и я даже дивлюсь, почему каждый не ощущаетъ въ себѣ того же. Кому, при взглядѣ на эти пустынные, доселѣ незаселенныя и безпріютныя пространства, не чувствуется тоска, кому въ заунывныхъ звукахъ нашей пѣсни не слышатся болѣзненные упреки ему самому, именно ему самому, тотъ или уже весь исполнилъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ, или же онъ не русскій въ душѣ.

Разберемъ дѣло, какъ оно есть. Вотъ уже почти полтора ста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла, и до сихъ поръ остаются такъ же пустынно, грустны и безлюдны наши пространства, такъ же неприютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились неприютно на проѣзжей дорогѣ, и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ приемомъ братьевъ, но какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовою станціею, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель съ чертовымъ отвѣтомъ: «Нѣтъ лошадей!» Отчего это? Кто виновать? Мы [или правительство? Но] правительство во все время дѣйствовало безъ устали. Свидѣтеlemъ тому цѣлыя томы постановленій, узаконеній и учреждений, множество настроенныхъ домовъ, множество изданныхъ книгъ, множество заведенныхъ заведеній всякаго рода: учебныхъ, челоуѣколюбивыхъ, богоугодныхъ и, словомъ, даже такихъ, какихъ нигдѣ въ другихъ государствахъ не заводятъ правительства. Сверху раздаются вопросы, отвѣты снизу. Сверху раздавались иногда такіе вопросы, которые свидѣлствуютъ о рыцарски-великодушномъ движеніи многихъ государей, дѣйствовавшихъ даже въ ущербъ собственнымъ выгодамъ. А какъ было на это все отвѣтствовано снизу? Дѣло вѣдь въ примѣненіи, въ умѣньи приложить данную мысль такимъ образомъ, чтобы она принялась и поселилась въ насъ. Указъ, какъ бы онъ обдуманъ и опредѣлительнъ ни былъ, есть не болѣе, какъ бланковый листъ, если не будетъ снизу такого же чистаго желанія примѣнить его къ дѣлу тою именно стороною, какой нужно, какой слѣдуетъ и какую можетъ прозрѣть только тотъ, кто просвѣтленъ понятіемъ о справедливости Божеской, а не челоуѣческой. Безъ того все обратится во зло. Доказательство тому всѣ наши тонкіе плуты и вяточники, которые умѣютъ обойти всякій указъ, для которыхъ новый указъ есть только новая пожива, новое средство загромоздить большею сложностію всякое отправленіе дѣлъ, бросить новое бревно подъ ноги челоуѣку. Словомъ — вездѣ, куда ни обращай, вижу, что виновать примѣнитель, стало-быть, нашъ же братъ: или виновать тѣмъ, что поторопился, желая слишкомъ скоро прославиться [и схватить орденишку]; или виновать тѣмъ, что слишкомъ сгоряча рванулся, желая, по русскому обычаю, показать свое самопожертвованіе; не спросясь разума, не разсмотрѣвъ въ жару самаго дѣла, сталъ имъ ворочать, какъ знатокъ, и потомъ вдругъ, также по русскому обычаю, простыль, увидѣвши неудачу; или же виновать, наконецъ, тѣмъ, что, изъ-за какого-нибудь оскорбленнаго мелкаго честолюбія, все бросилъ и то мѣсто, на которомъ было началъ такъ благородно подвизаться, сдалъ первому плуту — [пусть пограбить людей]. Словомъ — у рѣдкаго изъ насъ доставало столько любви къ добру, чтобы онъ рѣшился пожертвовать изъ-за него и честолюбіемъ, и самолюбіемъ, и всѣми мелочами легко раздражающагося своего эгоизма и положилъ самому себѣ въ непремѣнный законъ — служить землѣ своей, а не себѣ, помня ежеминутно, что взялъ онъ мѣсто для счастья другихъ, а не для своего. Напротивъ, въ послѣднее время, какъ бы еще нарочно, старался русскій челоуѣкъ выставить всѣмъ на видъ свою щекотливость во всѣхъ родахъ и мелочь раздражительнаго самолюбія своего на всѣхъ путяхъ. Не знаю, много ли изъ насъ такихъ, которые сдѣлали все, что имъ слѣдовало сдѣлать, и которые могутъ сказать открыто передъ цѣлымъ свѣтомъ, что ихъ не можетъ попрекнуть ни въ чемъ Россія, что не глядять на нихъ укоризненно всякій бездушный предметъ ея пустынныхъ пространствъ,

что все ими довольно и ничего отъ нихъ не ждетъ. Знаю только то, что я слышалъ себя упрекъ. Слышу его и теперь. И на моемъ поприщѣ писателя, какъ оно ни скромно, можно было кое-что сдѣлать на пользу болѣе прочную. Что изъ того, что въ моемъ сердцѣ обитало всегда желаніе добра, и что единственно изъ-за него я взялся за перо? Какъ исполнилъ его? Ну, хотъ бы и это мое сочиненіе, которое теперь вышло, и которому названіе «Мертвыя Души», — произвело ли оно то впечатлѣніе, какое должно было произвести, если бы только было написано такъ, какъ слѣдуетъ? Своихъ же собственныхъ мыслей, простыхъ, неголовомныхъ мыслей, я не сумѣлъ передать, и самъ же подаль поводъ къ истолкованію ихъ въ превратную и скорѣе вредную, нежели полезную, сторону. Кто виноватъ? Неужели мнѣ говорить, что меня подталкивали просьбы пріятелей или нетерпѣливыя желанія любителей изящнаго, услаждающихся пустыми, скоропреходящими звуками? Неужели мнѣ говорить, что меня притиснули обстоятельства, и, желая добыть необходимыя для моего прожитія деньги, я долженъ былъ поторопиться безвременнымъ выпускомъ моей книги? Нѣтъ, кто рѣшился исполнить свое дѣло честно, того не могутъ поколебать никакія обстоятельства, тотъ протянетъ руку и попроситъ милостыню, если ужъ до того дойдетъ дѣло, тотъ не посмотритъ ни на какія временныя, нареканія, ниже пустыя приличія свѣта. Кто изъ пустыхъ приличій свѣта портитъ дѣло, нужное своей землѣ, тотъ ея не любитъ. Я почувствовалъ презрѣнную слабость моего характера, мое подлое малодушіе, безсиліе любви моей, а потому и услышалъ болѣзненный упрекъ себя во всемъ, что ни есть въ Россіи. Но высшая сила меня подняла: проступковъ нѣтъ неисправимыхъ, и тѣ же пустынные пространства, нанесшія тоску мнѣ на душу, меня восторгнули великимъ просторомъ своего пространства, широкимъ поприщемъ для дѣлъ. Отъ души было произнесено это обращеніе къ Россіи: «Въ тебѣ ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться ему?» Оно было сказано не для картины или похвалы: я это чувствовалъ; я это чувствую и теперь. Въ Россіи теперь на всякомъ шагу можно сдѣлаться богатыремъ. Всякое званіе и мѣсто требуетъ богатства. Каждый изъ насъ опозорилъ до того святыню своего званія и мѣста (всѣ мѣста святы), что нужно богатырскихъ силъ на то, чтобы возвести ихъ на законную высоту. Я слышалъ то великое поприще, которое никому изъ другихъ народовъ теперь невозможно и только одному русскому возможно, потому что передъ нимъ только такой просторъ, и только его душѣ знакомо богатство — вотъ отчего у меня исторгнулось то восклицаніе, которое приняли за мое хвастовство и мою самонадѣянность!

1843.

3.

Охота же тебѣ, будучи такимъ знатокомъ и вѣдателемъ челоѣка, задавать мнѣ тѣ же пустые запросы, которые умѣютъ задать и другіе! Половина ихъ относится къ тому, что еще впереди. Ну, что толку въ подобномъ любопытствѣ? Одинъ только запросъ уменъ и достойнъ тебя, и я бы желалъ, чтобы его мнѣ сдѣлали и другіе, хотя не знаю, сумѣлъ ли бы на него отвѣчать умно, именно запросъ: отчего герои моихъ послѣднихъ произведеній и въ особенности «Мертвыхъ Душъ», будучи далеки отъ того, чтобы быть портретами дѣйствительныхъ людей, будучи сами по себѣ свойства совсѣмъ непривлекательнаго, неизвѣстно почему, близки душѣ, точно какъ бы въ сочиненіи ихъ участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное? Еще годъ назадъ мнѣ было бы неловко отвѣчать на это даже и тебѣ. Теперь же прямо

скажу все: герои мои потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія — исторія моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣлю тебѣ себя самого, какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣляли. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара — выставить такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей. Оно въ послѣдствіи углубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Но этого я не въ состояніи былъ открыть тогда даже и Пушкину.

Это свойство выступило съ бѣльшей силою въ «Мертвыхъ Душахъ». «Мертвыя Души» не потому такъ испугали Россію и произвели такой шумъ внутри ея, чтобы онѣ раскрыли какія-нибудь ея раны или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи; прибавъ я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирится бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлае другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ изверговъ; но пошлости не простили мнѣ. Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки. Явленіе замѣчательное! Испугъ прекрасный! Въ комъ такое сильное отвращеніе отъ ничтожнаго, въ томъ, вѣрно, заключено все то, что противоположно ничтожному. Итакъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство; но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надъ мною.

Во мнѣ не было какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую-нибудь картинную наружность; но зато, вмѣсто того, во мнѣ заключилось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу. Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ, за которое не умѣю, какъ возблагодарить Его, было *желаніе быть Пушкинъ*. Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ, и если бы небесная любовь Божія не распорядила такъ, чтобы они открывались передо мною постепенно и понемногу, намѣсто того, чтобы открыться вдругъ и разомъ передъ моими глазами, въ то время, какъ я не имѣлъ еще никакого понятія о всей неизмѣримости Его безконечнаго милосердія, — я бы повѣсилъся. По мѣрѣ того, какъ они стали открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливало во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ; необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ я былъ наведенъ на то, чтобы передавать ихъ моимъ героямъ. Какого рода было это событіе, знать тебѣ не слѣдуетъ: если бы я видѣлъ

въ этомъ пользу для кого-нибудь, я бы это уже объявилъ. Съ этихъ поръ я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего вначалѣ для меня самого, онъ бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать тебѣ только то, что когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ «Мертвыхъ Душъ», въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тутъ-то я увидѣлъ, что значить дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее *отсутствіе свѣта*. Съ этихъ поръ я уже сталъ думать только о томъ, какъ бы смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвести «Мертвыя Души». Я увидѣлъ, что многія изъ гадостей не стѣять злобы; лучше показать всю ничтожность ихъ, которая должна быть навѣи ихъ удѣломъ. Притомъ мнѣ хотѣлось попробовать, что скажетъ вообще русскій человѣкъ, если его попотчешь его же собственной пошлостію. Вслѣдствіе уже давно принятаго плана «Мертвыхъ Душъ», для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные. Эти ничтожные люди, однакожъ, ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ, разумѣется, только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты. Тутъ, кромѣ моихъ собственныхъ, есть даже черты многихъ моихъ пріятелей, есть и твои. Я тебѣ это покажу послѣ, когда будетъ тебѣ нужно; до времени это моя тайна. Мнѣ потребно было отобрать отъ всѣхъ прекрасныхъ людей, которыхъ я зналъ, все пошлое и гадкое, что они захватили нечаянно, и возвратить законнымъ ихъ владѣльцамъ. Не спрашивай, зачѣмъ первая часть должна быть вся *пошлостъ*, и зачѣмъ въ ней всѣ лица до единого должны быть пошлы: на это дадутъ тебѣ отвѣтъ другіе томы. Вотъ и все! Первая часть, несмотря на всѣ свои несовершенства, главное дѣло сдѣлала: она поселила во всѣхъ отвращеніе отъ моихъ героевъ и отъ ихъ ничтожности; она разнесла нѣкоторую мнѣ нужную тоску и собственное наше неудовольствіе на самихъ насъ. Покамѣстъ для меня этого довольно; за другимъ я и не гонюсь. Конечно, все это вышло бы гораздо значительнѣе, если бы я, не торопясь выдачею въ свѣтъ, обработалъ книгу получше. Герои мои еще не отдѣлились вполнѣ отъ меня-самого, а потому не получили настоящей самостоятельности. Еще не поселилъ я ихъ твердо на той землѣ, на которой имъ быть долженствовало, и не вошли они въ кругъ нашихъ обычаевъ, оставаясь всѣми обстоятельствами дѣйствительно русской жизни. Еще вся книга не болѣе, какъ недоносокъ; но духъ ея разнесся уже отъ нея незримо, и самое ея раннее появленіе можетъ быть полезно мнѣ тѣмъ, что подвигнетъ моихъ читателей указать всѣ промахи относительно общественныхъ и частныхъ порядковъ внутри Россіи. Вотъ, если бы ты, вмѣсто того, чтобы предлагать мнѣ пустые запросы (которыя напицкалъ половину письма своего, и которые ни къ чему не ведутъ, кромѣ удовлетворенія какого-то празднаго

любопытства), собралъ всё дѣльныя замѣчанія на мою книгу, какъ свои, такъ и другихъ умныхъ людей, занятыхъ, подобно тебѣ, жизнію опытною и дѣльною, да присоединилъ бы къ этому множество событій и анекдотовъ, какіе ни случались въ околоткѣ нашемъ и во всей губерніи, въ подтвержденіе или въ опроверженіе всякаго дѣла въ моей книгѣ, какихъ можно бы десятками прибрать на всякую страницу, тогда бы ты сдѣлалъ доброе дѣло, и я бы сказалъ тебѣ мое крѣпкое спасибо. Какъ бы отъ этого раздвинулся мой кругозоръ! Какъ бы освѣжилась моя голова, и какъ бы успѣшнѣе пошло мое дѣло! Но того, о чемъ я прошу, никто не исполняетъ; моихъ запросовъ никто не считаетъ важными, а только уважаетъ свои; а иной даже требуетъ отъ меня какой-то искренности и откровенности, не понимая самъ, чего онъ требуетъ. И къ чему это пустое любопытство знать впередъ, и эта пустая, ни къ чему не ведущая торопливость, которою, какъ я замѣчаю, уже и ты начинаешь заражаться? Смотри, какъ въ природѣ совершается все чинно и мудро, въ какомъ стройномъ законѣ, и какъ все разумно исходитъ одно изъ другого! Одни мы, Богъ вѣсть, изъ чего, мечемся. Все торопится, все въ какой-то горячкѣ. Ну, взвѣсилъ ли ты хорошенько слова свои: «Второй томъ нуженъ теперь необходимо»? Чтобы я изъ-за того только, что есть противъ меня всеобщее неудовольствіе, сталъ торопиться вторымъ томомъ, такъ же глупо, какъ и то, что я поторопился первымъ. Да развѣ ужъ я совсѣмъ выжилъ изъ ума? Неудовольствіе это мнѣ нужно; въ неудовольствіи человѣкъ хоть что-нибудь мнѣ выскажетъ. И откуда вывелъ ты заключеніе, что второй томъ именно теперь нуженъ? Залѣзь ты развѣ въ мою голову? почувствовалъ существо второго тома? По-твоему, онъ нуженъ теперь, а по-моему не раньше, какъ черезъ два-три года, да и то еще, принимая въ соображеніе попутный ходъ обстоятельствъ и времени. Кто жъ изъ насъ правъ? Тотъ ли, у кого второй томъ уже сидитъ въ головѣ, или тотъ, кто даже и не знаетъ, изъ чего состоитъ второй томъ? Какая странная мода теперь завелась на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на боку, къ дѣлу настоящему лѣнливъ, а другого торопить, точно какъ будто непременно другой долженъ изъ всѣхъ силъ тянуть отъ радости, что его пріятель лежитъ на боку. Чуть замѣтятъ, что хотя одинъ человѣкъ занялся серьезно какимъ-нибудь дѣломъ, ужъ его торопятъ со всѣхъ сторонъ, и потомъ его же выбранять, если сдѣлаетъ глупо, — скажутъ: «зачѣмъ поторопился?» Но оканчиваю тебѣ поученіе. На твой умный вопросъ я отвѣчалъ и даже сказалъ тебѣ то, чего доселѣ не говорилъ еще никому. Не думай, однакоже, послѣ этой исповѣди, чтобы я самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои. Нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю добро, я ишу его и сгораю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руку, какъ мои герои; я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними и буду воевать, и изгону ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ. И это вздоръ, что выпустили глупые свѣтскіе умники, будто человѣку только и возможно воспитать себя, покуда онъ въ школѣ, а послѣ ужъ и черты нельзя измѣнить въ себѣ: только въ глупой свѣтской башкѣ могла образоваться такая глупая мысль. Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многого тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ той гадостію, которая всѣмъ видна. И, когда повѣрю себя на исповѣди передъ Тѣмъ, Кто повелѣлъ мнѣ быть въ мірѣ и освободиться отъ моихъ недостатковъ, вижу много въ себѣ пороковъ; но они уже не тѣ, которые были въ

прошломъ году: святая сила помогла мнѣ отъ тѣхъ оторваться. А тебѣ советую не пропустить мимо ушей этихъ словъ, но, по прочтеніи моего письма, остаться одному на нѣсколько минутъ и, отъ всего отдѣлясь, взглянуть хорошенько на самого себя, перебравши передъ собою всю свою жизнь, чтобы провѣрить на дѣлѣ истину словъ моихъ. Въ этомъ же моемъ отвѣтѣ найдешь отвѣтъ и на другіе запросы, если попристальнѣе взглядишься. Тебѣ объяснитъ также и то, почему не выставлялъ я до сихъ поръ читателю явленій утѣшительныхъ и не избиралъ въ мои герои добродѣтельныхъ людей. Ихъ въ головѣ не выдумаешь. Пока не станешь самъ, хотя сколько-нибудь, на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, — мертвечина будетъ все, чтѣ ни напишетъ перо твое и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды. Выдумывать кошмаровъ — я также не выдумывалъ, кошмары эти давили мою собственную душу: чтѣ было въ душѣ, то изъ нея вышло.

1848.

4.

Затѣмъ сожженъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ», что такъ было нужно. „*Ne oживетъ, аще не умретъ*“, говоритъ апостолъ. Нужно прежде умереть, для того, чтобы воскреснуть. Не легко было сжечь пятилѣтній трудъ, производимый съ такими болѣзненными напряженіями, гдѣ всякая строка досталась потрясеніемъ, гдѣ было много такого, чтѣ составляло мои лучшія помышленія и занимало мою душу. Но все было сожжено, и притомъ въ ту минуту, когда, видя передъ собою смерть, мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что-нибудь, обо мнѣ лучше напоминающее. Благодарю Бога, что далъ мнѣ силу это сдѣлать. Какъ только пламя унесло послѣдніе листы моей книги, ея содержаніе вдругъ воскреснуло въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ, подобно фениксу изъ костра, и я вдругъ увидѣлъ, въ какомъ еще беспорядкѣ было то, чтѣ я считалъ уже порядочнымъ и стройнымъ. Появленіе второго тома въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, произвело бы скорѣе вредъ, нежели пользу. Нужно принимать въ соображеніе не наслажденіе какихъ-нибудь любителей искусствъ и литературы, но всѣхъ читателей, для которыхъ писались «Мертвыя Души». Вывести нѣсколько прекрасныхъ характеровъ, обнаруживающихъ высокое благородство нашей породы, ни къ чему не поведетъ. Оно возбудитъ только одну пустую гордость и хвастовство. Многіе у насъ уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не въ мѣру русскими доблестями, и думаютъ вовсе не о томъ, чтобы ихъ углубить и воспитать въ себѣ, но чтобы выставить ихъ напоказъ и сказать Европѣ: «Смотрите, нѣмцы: мы лучше васъ!» Это хвастовство — губитель всего. Оно раздражаетъ другихъ и наноситъ вредъ самому хвастуну. Наилучшее дѣло можно превратить въ грязь, если только имъ похвалишься и похващаешься. А у насъ, еще не сдѣлавши дѣла, имъ хвастаются, — хвастаются будущимъ! Нѣтъ, по мнѣ, уже лучше временное уныніе и тоска отъ самого себя, нежели самонадѣянность въ себѣ. Въ первомъ случаѣ, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, увидитъ свою презрѣнность, подлое ничтожество свое и вспомнить невольно о Богѣ, возносящемъ и выводящемъ все изъ глубины ничтожества; въ послѣднемъ же случаѣ онъ убѣжитъ отъ самого себя прямо въ руки къ чорту, отцу самонадѣянности, дымнымъ надменіемъ своихъ доблестей надмевающему человѣка. Нѣтъ, бываетъ время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бываетъ время, что даже вовсе не слѣдуетъ говорить о

высокомъ и прекрасномъ, не показавши тутъ же ясно, какъ день, путей и дорогъ къ нему для всякаго. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», а оно должно было быть едва ли не главное; а потому онъ и сожженъ. Не судите обо мнѣ и не выводите своихъ заключеній: вы ошибетесь подобно тѣмъ изъ моихъ пріятелей, которые, создавши изъ меня свой собственный идеалъ писателя, сообразно своему собственному образу мыслей о писателѣ, начали было отъ меня требовать, чтобы я отвѣчалъ ими же созданному идеалу. Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе: дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое — *душа и прочное дѣло жизни*. А потому и образъ дѣйствій моихъ долженъ быть проченъ, и сочинять я долженъ прочно. Мнѣ не за чѣмъ торопиться; пусть ихъ торопятся другіе! Жгу, когда нужно жечь, и, вѣрно, поступаю какъ нужно, потому что безъ молитвы не приступаю ни къ чему. Опасенія же ваши насчетъ хилаго моего здоровья, которое, можетъ-быть, не позволить мнѣ написать второго тома, напрасны. Здоровье мое очень хило, это правда; временами бываетъ мнѣ такъ тяжело, что безъ Бога и не перенесъ бы. Къ изнуренію силъ прибавилась еще и зябкость въ такой мѣрѣ, что не знаю, какъ и чѣмъ согрѣться: нужно дѣлать движеніе, а дѣлать движеніе — нѣтъ силъ. Едва часъ въ день выберется для труда, и тотъ не всегда свѣжій. Но ничуть не уменьшается моя надежда. Тотъ, Кто горемъ, недугами и препятствіями ускорилъ развитіе силъ и мыслей моихъ, безъ которыхъ я бы и не замыслилъ своего труда, Кто выработалъ большую половину его въ головѣ моей, Тотъ дастъ силу совершить и остальную — положить на бумагу. Дряхлѣю тѣломъ, но не духомъ. Въ духѣ, напротивъ, все крѣпнетъ и становится тверже; будетъ крѣпость и въ тѣлѣ. Вѣрю, что, если придетъ урочное время, въ нѣсколько недѣль совершится то, надъ чѣмъ провелъ пять болѣзненныхъ лѣтъ.

1846.

XIX.

Нужно любить Россію.

изъ письма къ гр. А. П. Т....му.

Безъ любви къ Богу никому не спастись, а любви къ Богу у васъ нѣтъ. Въ монастырѣ ея не найдется; въ монастырѣ идутъ одни тѣ, которыхъ уже позвалъ туда Самъ Богъ. Безъ воли Бога нельзя и полюбить Его. Да и какъ полюбить Того, Котораго никто не видалъ? Какими молитвами и усиліями вымолить у Него эту любовь? Смотрите, сколько есть теперь на свѣтѣ добрыхъ и прекрасныхъ людей, которые добиваются жарко этой любви и слышать одну только черствость да холодную пустоту въ душахъ. Трудно полюбить Того, Кого никто не видалъ. Одинъ Христосъ принесъ и возвѣстилъ намъ тайну, что въ любви къ братьямъ получаемъ любовь къ Богу. Стоитъ только полюбить ихъ такъ, какъ приказалъ Христосъ, и сама собой выйдетъ въ итогъ любовь къ Богу Самому. Идите же въ міръ и приобрѣтите прежде любовь къ братьямъ.

Но какъ полюбить братьевъ? Какъ полюбить людей? Душа хочетъ любить одно прекрасное, а бѣдные люди такъ несовершенны, и такъ въ нихъ мало прекраснаго! Какъ же сдѣлать это? Поблагодарите Бога прежде всего за

то, что вы русскій. Для русскаго теперь открывается этотъ путь, и этотъ путь — есть сама Россія. Если только возлюбите русскій Россію, возлюбите и все, чтѣ ни есть въ Россіи. Въ этой любви насъ ведетъ теперь Самъ Богъ. Безъ болѣзней и страданій, которыя въ такомъ множествѣ накопились внутри ея, и которыхъ виною мы сами, не почувствовалъ бы никто изъ насъ къ ней состраданія. А состраданіе есть уже начало любви. Уже крики на безчинства, неправды и вѣтки не просто негодованіе благородныхъ на безчестныхъ, но вопль всей земли, послышавшей, что чужеземные враги вторгнулись въ безчисленномъ множествѣ, разсыпались по домамъ и наложили тяжелое ярмо на каждаго человѣка; уже и тѣ, которые приняли добровольно къ себѣ въ дома этихъ враговъ душевныхъ, хотять отъ нихъ освободиться сами, и не знаютъ, какъ это сдѣлать, и все сливается въ одинъ потрясающій вопль; уже и безчувственные подвигаются. Но прямой любви еще не слышно ни въ комъ, — ея нѣтъ — таки и у васъ. Вы еще не любите Россію: вы умѣете только печалиться да раздражаться слухами обо всемъ дурномъ, что въ ней ни дѣлается; въ васъ все это производитъ только одну черствую досаду да увныіе. Нѣтъ, это еще не любовь, далеко вамъ до любви, это развѣ только одно слишкомъ отдаленное еще ея предвѣстіе. Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, у васъ пропадетъ тогда сама собою та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многихъ честныхъ и даже умныхъ людей, то-есть, будто въ теперешнее время они уже ничего не могутъ сдѣлать для Россіи, и будто они ей уже не нужны совсѣмъ; напротивъ, тогда только во всей силѣ вы почувствуете, что любовь всемогуша, и что съ нею можно все сдѣлать. Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, вы будете рваться служить ей; не въ губернаторы, но въ капитанъ-исправники пойдете, послѣднее мѣсто, какое ни отыщется въ ней, возьмете, предпочитая одну крупницу дѣятельности на немъ всей вашей нынѣшней бездѣйственной и праздної жизни. Нѣтъ, вы еще не любите Россіи. А не полюбивши Россіи, не полюбите вамъ своихъ братьевъ, а не полюбивши своихъ братьевъ, не возгорѣться вамъ любовью къ Богу, а не возгорѣвшись любовью къ Богу, не спасетесь вамъ.

1844.

XX.

Нужно проѣздить по Россіи.

изъ письма къ гр. А. П. Т....му.

Нѣтъ выше званія, какъ монашеское, и да сподобитъ насъ Богъ когда-нибудь надѣть простую рясу чернеца, такъ желанную душѣ моеї, о которой уже и помышленіе мнѣ въ радость. Но безъ зова Божія этого не сдѣлать. Чтобы имѣть право удалиться отъ міра, нужно умѣть распространиться съ міромъ. «Раздай все имущество свое нищимъ и тогда ступай въ монастырь», — такъ говорится всѣмъ туда идущимъ. У васъ есть богатство, вы его можете раздать нищимъ; но что же мнѣ раздать? Имущество мое не въ деньгахъ. Богъ мнѣ помогъ накопить нѣсколько умнаго и душевнаго добра и далъ нѣкоторыя способности, полезныя и нужныя другимъ, — стало-быть, я долженъ раздать это имущество немущимъ его, а потомъ уже идти въ монастырь. Но и вы одной денежной раздачей не получите на то права. Если бы вы были привязаны къ вашему богатству, и вамъ было бы тяжело съ нимъ разстаться, тогда другое дѣло; но вы къ нему охладѣли, для васъ оно теперь ничто — гдѣ жъ вашъ подвигъ и ваше пожертвованіе? Или,

выбросивши за окошко ненужную вещь, значить сдѣлать добро своему брату, разумѣя добро въ высококомъ смыслѣ христіанскомъ? Нѣтъ, для васъ такъ же, какъ и для меня, заперты двери желанной обители. Монастырь вашъ — Россія! Облеките же себя умственно рясою чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте подвизаться въ ней. Она теперь зоветъ сыновъ своихъ еще крѣпче, нежели когда-либо прежде. Уже душа въ ней болитъ, и раздается крикъ ея душевной болѣзни. Другъ мой! или у васъ безчувственное сердце, или вы не знаете, что такое для русскаго Россія. Вспомните, что, когда приходила бѣда ей, тогда изъ монастырей выходили монахи и становились въ ряды съ другими спасать ее. Чернецы Ослябя и Пересвѣтъ; съ благословенія самого настоятеля, взяли въ руки мечъ, противный христіанину, и легли на кровавомъ полѣ битвы, а вы не хотите взять поприще мирнаго гражданина, и гдѣ же? — въ самомъ сердцѣ Россіи. Не отговаривайтесь вашею неспособностью, у васъ есть много того, что теперь для Россіи потребно и нужно. Бывши губернаторомъ въ двухъ совершенно противоположныхъ губерніяхъ, исполнивши это дѣло, несмотря на всѣ ваши тогдашніе недостатки, получше многихъ, вы набрались прямыхъ и положительныхъ свѣдѣній о дѣлахъ, внутри происходящихъ, и узнали въ истинномъ видѣ Россію. Но не это главное, и я бы васъ не склонялъ такъ служить, несмотря на всѣ свѣдѣнія ваши, если бы не видѣлъ въ васъ одно то свойство, которое, по моему мнѣнію, значительное всѣхъ другихъ прочихъ, — свойство, не хлопотавъ ничего, не работая самому, почти лѣнясь, умѣть заставить всѣхъ другихъ работать. У васъ все двигалось быстро и ходко; и когда, изумляясь, спрашивали у васъ самихъ: «отчего это?» вы отвѣчали: «Все отъ чиновниковъ, попались хорошіе чиновники, которые не дадутъ ничего мнѣ дѣлать самому»; и когда шло дѣло до представленія къ наградамъ, вы всегда выводили впередъ вашихъ чиновниковъ, приписывая все имъ, а себѣ ничего. Вотъ ваше главное достоинство, не говоря уже объ умѣнии выбрать самихъ чиновниковъ. Не мудрено, что у васъ чиновники рвались изо всѣхъ силъ, и одинъ записался до того, что нажилъ чахотку и умеръ, какъ ни старались вы оттащить его отъ дѣла. Чего не сдѣлаетъ русскій человекъ, если станетъ такимъ образомъ поступать съ нимъ начальникъ! Это ваше свойство слишкомъ теперь нужно, именно теперь, въ это время себялюбія, когда всякъ начальникъ думаетъ о томъ, какъ бы выставить впередъ себя и приписать все одному себѣ. Говорю вамъ, что съ этимъ вашимъ свойствомъ вы теперь слишкомъ нужны Россіи... и грѣхъ вамъ, что вы даже не слышите этого! Грѣхъ было бы и мнѣ, если бъ я не выставилъ вамъ этого свойства. Оно есть ваше лучшее имущество; его отъ васъ просятъ немущіе, а вы, какъ скряга, заперли его подъ замокъ и еще прикидываетесь глухимъ. Положимъ, вамъ теперь неприлично занять то же самое мѣсто, какое занимали назадъ тому десять лѣтъ, не потому, чтобы оно было нужно для васъ, — слава Богу, честолюбія вы не имѣете, и въ вашихъ глазахъ никакая служба не низка; — но потому, что ваши способности, развившись, требуютъ уже для собственной пищи другого, просторнѣйшаго поприща. Что жъ? развѣ мало мѣсть и поприщъ въ Россіи? Оглянитесь и осмотритесь хорошенько, и вы его отыщете. Вамъ нужно проѣздить по Россіи. Вы знали ее назадъ тому десять лѣтъ: это теперь недостаточно. Въ десять лѣтъ внутри Россіи столько совершается событій, сколько въ другомъ государствѣ не совершается въ полвѣка. Вы сами замѣтили, живя здѣсь за границей, что въ послѣдніе два-три года даже начали выходить изъ нея и люди совершенно другіе, не похожіе ни въ чемъ съ тѣми, которыхъ вы

знали еще такъ давно. Чтобы узнать, что такое *Россия нынѣшняя*, нужно непременно по ней проѣздить самому. Слухамъ не вѣрьте никакимъ. Вѣрно только то, что еще никогда не бывало въ Россіи такого необыкновеннаго разнообразія и несходства въ мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ всѣхъ людей, никогда еще различіе образованій и воспитанія не оттолкнуло такъ друга отъ друга всѣхъ и не произвело такого разлада во всемъ. Сввозъ все это процесся духъ сплетней, пустыхъ новозаносныхъ выводовъ, глупѣйшихъ слуховъ, одно-стороннихъ и ничтожныхъ заключеній. Все это сбило и опутало до того у каждаго его мнѣнія о Россіи, что рѣшительно нельзя вѣрить никому: нужно самому узнавать, нужно проѣздить по Россіи. Это особенно хорошо для того, кто побылъ нѣкоторое время отъ нея вдали и пріѣхалъ съ неотуманенной и свѣжей головою. Онъ увидитъ много того, чего не увидитъ человѣкъ, находящійся въ самомъ омутѣ, раздражительный и чувствительный къ животрепещущимъ интересамъ минуты. Сдѣлайте ваше путешествіе вотъ какимъ образомъ: прежде всего выбросьте изъ вашей головы всѣ до одного ваши мнѣнія о Россіи, какія у васъ ни есть, откажитесь отъ собственныхъ своихъ выводовъ, какіе уже успѣли сдѣлать, представьте себя ровно не знающимъ ничего и поѣзжайте какъ въ новую, дотолѣ вамъ неизвѣстную землю. Такимъ же самымъ образомъ, какъ русскій путешественникъ, пріѣзжая въ каждый значительный европейскій городъ, спѣшитъ увидѣть всѣ его древности и примѣчательности, такимъ же точно образомъ и еще съ бѣльшимъ любопытствомъ, пріѣхавши въ первый уѣздный или губернский городъ, старайтесь узнать его достопримѣчательности. Онѣ не въ архитектурныхъ строеніяхъ и древностяхъ, но въ людяхъ. Клянусь, человѣкъ стѣбитъ того, чтобы его разсматривали съ бѣльшимъ любопытствомъ, нежели фабрику и развалину. Попробуйте только на него взглянуть, вооружась одной каплей истинно-братской любви къ нему, и вы отъ него уже не оторветесь — такъ онъ станетъ для васъ занимателенъ. Познакомьтесь прежде всего съ тѣми изъ нихъ, которые составляютъ соль каждаго города или округа; такихъ бываетъ человѣка два или три въ каждомъ городѣ. Они вамъ въ немногихъ чертахъ очертятъ весь городъ, такъ что вамъ будетъ видно уже самому, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ производитъ наиболѣе наблюденіе надъ нынѣшними вещами. Въ разговорѣ съ человѣкомъ передовымъ изъ каждаго сословія (съ вами же всѣ такъ охотно разговариваются и развертываются чуть не нараспашку), вы отъ него узнаете, что такое всякое сословіе въ нынѣшнемъ его видѣ. Расторопный и бойкій купецъ вдругъ вамъ объяснитъ, что такое въ ихъ городѣ купечество; порядочный и трезвый мѣщанинъ дастъ понятіе о мѣщанствѣ. Отъ чиновника дѣльца узнаете должностное производство, а общій цвѣтъ и духъ общества услышите сами. На передовыхъ людей, однакожь, не весьма полагайтесь, лучше постарайтесь разспросить двухъ или трехъ человѣкъ изъ каждаго сословія. Не забывайте того, что теперь всѣ между собою въ ссорѣ, и всякъ другъ на друга лжетъ и клеветаетъ безпощадно. Съ духовенствомъ вы сойдетесь вдругъ, потому что съ нимъ вообще вы знакомитесь скоро; отъ нихъ узнаете остальное. И если вы такимъ образомъ проѣздите только по главнымъ городамъ и пунктамъ Россіи, то уже увидите ясно, какъ день, гдѣ и на какомъ мѣстѣ вы можете быть полезны, и о какой должности слѣдуетъ вамъ просить. А покуда вы уже одной поѣздой вашей можете сдѣлать много добра, если только захотите. Въ самомъ путешествіи этомъ предстанутъ вамъ такіе христіанскіе подвиги, какихъ въ самомъ монастырѣ не встрѣтите. Во-первыхъ, будучи пріятны въ разговорѣ, нравясь каждому, вы можете, какъ посторонній и свѣжій человѣкъ, стать третьимъ, примиряющимъ лицомъ.

Знаете ли, какъ это важно, какъ это теперь нужно Россіи, и какой въ этомъ высокой подвигъ. Спаситель оцѣнилъ его едва ли не выше всѣхъ другихъ: Онъ прямо называетъ миротворцевъ сынами Божиими. А миротворцу у насъ поприще повсюду. Все перессорилось: дворяне у насъ между собою какъ кошки съ собаками; купцы между собою, какъ кошки съ собаками; мѣщане между собою, какъ кошки съ собаками; крестьяне, если только не устремлены побуждающею силою на дружескую работу, между собою, какъ кошки съ собаками; даже честные и добрые люди между собою въ разладѣ; только между плутами видится что-то похожее на дружбу и соединеніе, въ то время, когда кого-нибудь изъ нихъ сильно станутъ преслѣдовать. Вездѣ поприще примирителю. Не бойтесь, примирять не трудно. Людямъ трудно самимъ умириться между собою, но, какъ только станетъ между ними третій, онъ ихъ вдругъ примиритъ. Оттого-то у насъ всегда имѣлъ такую силу третейскій судъ, истое произведеніе земли нашей, успѣвавшій доселѣ болѣе всѣхъ другихъ судовъ. Въ природѣ человѣка, а особенно русскаго, есть чудное свойство: какъ только замѣтитъ онъ, что другой сколько-нибудь къ нему наклоняется или показываетъ снисхожденіе, онъ самъ уже готовъ чуть не просить прощенія. Уступить никто не хочетъ первый, но какъ только одинъ рѣшился на великодушное дѣло, другой уже рвется, какъ бы перещеголять его великодушіемъ. Вотъ почему у насъ скорѣй, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ быть прекращены самыя застарѣлыя ссоры и тяжбы, если только станетъ среди тяжущихся человѣкъ истинно-благородный, уважаемый всѣми и притомъ еще знатокъ человѣческаго сердца. А примиреніе, повторяю вновь, теперь нужно: если бы только нѣсколько частныхъ людей, которые изъ-за несогласія во мнѣніи насчетъ одного какого-нибудь предмета, перечали другъ другу въ дѣйствіяхъ, согласились подать другъ другу руку, плутамъ было бы уже худо! Итакъ, вотъ вамъ одна часть подвиговъ, какіе вамъ могутъ представиться на каждомъ шагу вашей поѣздки по Россіи. Есть и другая не меньше вашихъ. Вы можете оказать большую услугу духовенству тѣхъ городовъ, черезъ которые будете проѣзжать, познакомивъ ихъ лучше съ обществомъ, среди котораго они живутъ, введя ихъ въ познаніе тѣхъ вещей и продѣлокъ, о которыхъ не говоритъ вовсе на исповѣди нынѣшній человѣкъ, считая ихъ должностными быть внѣ христіанской жизни. Это очень нужно, потому что многіе изъ духовныхъ, какъ я знаю, уныли отъ множества безчинствъ, возникнувшихъ въ послѣднее время, почти увѣрились, что ихъ никто теперь не слушаетъ, что слова и проповѣдь роняются на воздухъ, и зло пустило такъ глубоко свои корни, что нельзя уже и думать объ его искорененіи. Это несправедливо. Грѣшить нынѣшній человѣкъ, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде. Но грѣшить не отъ презобилія своего собственнаго разврата, не отъ безчувственности и не отъ того, чтобы хотѣлъ грѣшить, но отъ того, что не видитъ грѣховъ своихъ. Еще не ясно и не всѣмъ открылась страшная истина нынѣшняго вѣка, что теперь всѣ грѣшатъ до одинаго, но грѣшатъ не прямо, а косвенно. Этому еще не услышалъ хорошо и самъ проповѣдникъ; оттого и проповѣдь его роняется на воздухъ, и люди глухи къ словамъ его. Сказать: «не крадѣте, не роскошничайте, не берите взятокъ, молитесь и давайте милостыню неимущимъ» — теперь ничто, и ничего не сдѣлаетъ. Кромѣ того, что всякій скажетъ: «да вѣдь уже это извѣстно», но еще оправдается передъ самимъ собой и найдетъ себя чуть не святымъ. Онъ скажетъ: «красть я не краду: положи передо мною часы, червонцы, какую хочешь вещь, я ея не трону; я даже прогналъ за воровство своего собственнаго человѣка; живу я, конечно роскошно, но у меня нѣтъ ни дѣтей, ни

родственниковъ, мнѣ не для кого копить, роскошью я доставляю зато пользу, хлѣбъ мастеровымъ, ремесленникамъ, купцамъ, фабрикантамъ; взятку я беру только съ богатаго, который самъ просить объ этомъ, которому это не въ разореніе, молиться я молюсь, вотъ и теперь стою въ церкви, крещусь и бью поклоны; помогать — помогаю; ни одинъ нищій не уходитъ отъ меня безъ мѣднаго гроша, ни отъ одного пожертвованія на какое-нибудь благотворительное заведеніе еще не отказывался». Словомъ — онъ увидитъ себя не только правымъ, послѣ такой проповѣди, но еще возгордится своей безгрѣшностью.

Но, если поднять передъ нимъ завѣсу и показать ему хотя часть тѣхъ ужасовъ, которые онъ производитъ косвенно, а не прямо, тогда онъ заговоритъ другое. Сказать честному, но близорукому богачу, что онъ, убирая свой домъ и заводя у себя все на барскую ногу, вредитъ соблазномъ, поселяя въ другомъ, менѣе богатомъ, такое же желаніе, который изъ-за того, чтобы не отстать отъ него, разоряетъ не только собственное, но и чужое имущество, грабить и пускаетъ по міру людей; да вслѣдъ за этимъ и представить ему одну изъ тѣхъ ужасныхъ картинъ голода внутри Россіи, отъ которыхъ дыбомъ поднимется у него волосъ, и которыхъ, можетъ-быть, не случилось бы, если бы не сталъ онъ жить на барскую ногу, да задавать тонъ обществу и кружить головы другимъ. Показавъ такимъ же самымъ образомъ всѣмъ модницамъ, которыя не любятъ никуда появляться въ однихъ и тѣхъ же платьяхъ и, не донашивая ничего, нашиваютъ кучи новаго, слѣдуя за малѣйшимъ уклоненіемъ моды, — показать имъ, что онѣ вовсе не тѣмъ грѣшатъ, что занимаются этой суетностью и тратятъ деньги, но тѣмъ, что сдѣлали такой образъ жизни необходимою для другихъ, что мужъ иной жены схватилъ уже изъ-за этого взятку съ своего же брата-чиновника (положимъ, этотъ чиновникъ былъ богатъ; но, чтобы доставить взятку, онъ долженъ былъ насѣсть на менѣе богатаго, а тотъ, съ своей стороны, насѣлъ на какого-нибудь засѣдателя или станового пристава, а становой приставъ уже невольно былъ принужденъ грабить нищихъ и неимущихъ); да вслѣдъ за этимъ и выставить всѣмъ модницамъ картину голода. Тогда имъ не пойдетъ на умъ какая-нибудь шляпка или модное платье: увидятъ онѣ, что не спасетъ ихъ отъ страшнаго отвѣта передъ Богомъ и деньга, выброшенная нищему, даже и тѣ человеколюбивыя заведенія, которыя заводятъ онѣ въ городахъ на счетъ ограбленныхъ провинцій. Нѣтъ, человѣкъ не безчувственъ, человѣкъ подвигнется, если только ему покажешь дѣло, какъ есть. Онъ теперь подвигнется еще болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, потому что природа его размягчена, половина грѣховъ его отъ невѣдѣнья, а не отъ разврата. Онъ, какъ спасителя, облобызаетъ того, который заставитъ его обратить взглядъ на самого себя. Только слегка приподыми проповѣдникъ завѣсу и укажи ему хотя одно изъ тѣхъ ежеминутныхъ преступленій, которыя онъ совершаетъ, у него уже отнимается духъ хвастать безгрѣшностью своей; не станетъ онъ оправдывать свою роскошь подлыми, жалкими софизмами, будто бы нужна она затѣмъ, чтобы доставить хлѣбъ мастеровымъ; онъ и самъ тогда смеетъ, что разорить полдеревни или поль-уѣзда затѣмъ, чтобы доставить хлѣбъ столяру Гамбсу, есть выводъ, который могъ бы образоваться только въ пустой головѣ эконома XIX вѣка, а не въ здоровой головѣ умнаго человѣка. А чтò же, если проповѣдникъ подниметъ всю цѣпь того множества косвенныхъ преступленій, которыя совершаетъ человѣкъ своею неосмотрительностью, гордостью и самоувѣренностію въ себѣ, и покажетъ всю опасность нынѣшняго времени, среди котораго всякъ можетъ погубить разомъ нѣсколько душъ, не только одну свою,

среди которой, даже не будучи безчестнымъ, можно заставить другихъ быть безчестными и подлецами одною только своею неосмотрительностью, словомъ — если только сколько-нибудь покажетъ, какъ всё опасно ходить? Нѣтъ, люди не будутъ глухи къ словамъ его, не уронится на воздухъ ни одно слово его проповѣди. А вы можете на это навести многихъ священниковъ, сообщая свѣдѣнія о всѣхъ продѣлкахъ нынѣшняго люда, которыя вы наберете въ дорогѣ. Но не однимъ священникамъ, вы можете и другимъ людямъ сдѣлать этимъ пользу. Всѣмъ теперь нужны эти свѣдѣнія.

Жизнь нужно показать человѣку, — жизнь, взятую подъ угломъ ея нынѣшнихъ запутанностей, а не прежнихъ, — жизнь, оглянутую не поверхностнымъ взглядомъ свѣтскаго человѣка, но взвѣшенную и оцѣненную такимъ оцѣнщикомъ, который взглянуть на нее высшимъ взглядомъ христіанина. Велико незнаніе Россіи посреди Россіи. Все живетъ въ иностранныхъ журналахъ и газетахъ, а не въ землѣ своей. Городъ не знаетъ города, человѣкъ — человѣка, люди, живущіе за одной стѣной, кажется, какъ бы живутъ за морями. Вы можете во время вашей поѣздки ихъ познакомить между собою и произвести взаимный благотѣльный размѣнъ, какъ расторопный купецъ: забравши свѣдѣнія въ одномъ городѣ, продать ихъ съ барышомъ въ другомъ, всѣхъ обогатить и въ то же время разбогатѣть самому больше всѣхъ. Подобный подвигъ предстоитъ вамъ на всякомъ шагу — и вы того не видите! Очнитесь! Буриная слѣпота на глазахъ вашихъ! не залучить вамъ любви къ себѣ въ душу. Не полюбите вамъ людей по тѣхъ поръ, пока не послужите имъ. Какой слуга можетъ привязаться къ своему господину, который отъ него вдали и на котораго еще не поработалъ онъ лично? Потому и любимъ такъ сильно дитя матерью, что она долго его носила въ себѣ, все употребила на него, и вся изъ-за него выстрадалась. Очнитесь! Монастырь вашъ — Россія.

1845.

XXI.

Что такое губернаторша.

ПИСЬМО КЪ А. О. С....ОЙ.

Я радъ, что здоровье ваше лучше; мое же здоровье... но въ сторону наши здоровья: мы должны позабыть о нихъ такъ же, какъ и о себѣ. Итакъ, вы возвращаетесь вновь въ вашъ губернской городъ. Вы должны съ новыми силами возлюбить его: онъ вашъ, онъ ввѣренъ вамъ, онъ долженъ быть вашимъ роднымъ. Вы напрасно начинаете думать вновь, что ваше присутствіе относительно дѣятельности общественной въ немъ совершенно бесполезно, что общество испорчено въ корнѣ. Вы просто устали — вотъ и все! Дѣятельность губернаторшѣ предстоитъ всюду, на всякомъ шагу. Она даже и тогда производитъ вліяніе, когда ничего не дѣлаетъ. Вы сами уже знаете, что дѣло не въ суетахъ и въ опрометчивыхъ бросаньяхъ на все. Передъ вами два живые примѣра, которыхъ вы сами назвали. Предшественница ваша Ж*** завела кучу благотворительныхъ заведеній, а съ ними вмѣстѣ — и кучу бумажной переписки и возни, экономовъ, секретарей, кражу, безтолковщину, и прославилась благотворительностью въ Петербургѣ, и надѣлала кутерьму въ Б***. Княгиня же О***, бывшая до нея губернаторшей въ томъ же вашемъ городѣ К***, не завела никакихъ заведеній, ни приютовъ, не прошумѣла нигдѣ дальше своего города, не имѣла даже никакого вліянія на своего мужа и не входила ни во что, собственно правительственное и официальное; а между

тѣмъ, доннѣ никто въ городѣ не можетъ о ней вспомнить безъ слезъ, и всякъ, начиная отъ кушца до послѣдняго бобыля, до сихъ поръ еще повторяетъ: «Нѣтъ, не будетъ другой никогда княгини О***!» А кто это повторяетъ! Тотъ же самый городъ, для котораго, вы полагаете, ничего невозможно сдѣлать, то же самое общество, которое вы считаете испорченными навѣки. Итакъ, будто бы ужъ ничего нельзя сдѣлать? Вы устали—вотъ и все! Устали оттого, что принялись слишкомъ сгоряча, слишкомъ понадѣялись на собственные силы: женская прыть васъ увлекла... Повторяю вамъ вновь то же самое, что прежде: ваше вліяніе сильно. Вы первое лицо въ городѣ, съ васъ будутъ перенимать все до послѣдней бездѣлушки, благодаря обезьянству моды и вообще нашему русскому обезьянству. Вы будете законодательницей во всемъ. Если вы только собственныя ваши дѣла станете обдѣлывать хорошо, то и симъ уже сдѣлаете вліяніе, потому что заставите другихъ заняться получше собственными дѣлами. Гоните роскошь (покажѣсть нѣтъ другого дѣла), уже и это благородное дѣло, оно же притомъ не требуетъ ни суеты, ни издержекъ; не пропускайте ни одного собранія и бала, пріѣзжайте именно затѣмъ, чтобы показаться въ одномъ и томъ же платьѣ; три, четыре, пять, шесть разъ надѣвайте одно и то же платье. Хвалите на всѣхъ только то, что дешево и просто. Словомъ, гоните эту гадкую, скверную роскошь, эту язву Россіи, источницу взятокъ, несправедливостей и мерзостей, какія у насъ есть. Если вамъ только одно это удастся сдѣлать, то вы уже болѣе принесете существенной пользы, чѣмъ сама княгиня О***. А это, какъ вы сами видите, даже не требуетъ никакихъ пожертвованій, даже и времени не отнимаетъ. Другъ мой, вы устали. Изъ вашихъ же прежнихъ писемъ я вижу, что для начала вы уже успѣли сдѣлать много хорошаго (если бы не слишкомъ торопились, вышло бы еще больше): о васъ уже распространились слухи внѣ К***; кое-что изъ нихъ дошло и до меня. Но вы еще очень поспѣшны, вы еще слишкомъ увлекаетесь, васъ еще слишкомъ шевелитъ и сражаетъ всякая непріятность и гадость. Другъ мой, вспомните вновь мои слова, въ справедливости которыхъ, говорите, что сами убѣдились; глядѣть на весь городъ, какъ лѣкарь глядитъ на лазаретъ. Глядите же такъ, но прибавьте къ этому еще кое-что, а именно: увѣрьте самоё себя, что всѣ больные, находящіеся въ лазаретахъ, суть ваши родные и близкіе къ сердцу вашему люди, тогда все передъ вами измѣнится: вы съ людьми примиритесь и будете враждовать только съ ихъ болѣзнями. Кто вамъ сказалъ, что болѣзни эти неизлѣчимы? Это вы сами себѣ сказали, потому что не нашли въ рукахъ у себя средства. Что жъ, развѣ вы всезнающій докторъ? А зачѣмъ вы не обратились съ просьбой о помощи къ другимъ? Развѣ я даромъ просилъ васъ сообщить все, что ни есть въ вашемъ городѣ, ввести меня въ познаніе вашего города, чтобы я имѣлъ полное понятіе о вашемъ городѣ. Зачѣмъ же вы этого не сдѣлали, тѣмъ болѣе, что сами увѣрены, будто я могу на многое произвести больше вліянія, чѣмъ вы; тѣмъ болѣе, что сами же приписываете мнѣ нѣкоторое не всѣмъ общее познаніе людей; тѣмъ болѣе, наконецъ, что сами говорите, будто я вамъ помогъ въ вашемъ душевномъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ кто-либо другой? Неужели вы думаете, что я не сумѣлъ бы такъ же помочь и вашимъ неизлѣчимымъ больнымъ? Вѣдь вы забыли, что я могу помолиться, молитва моя можетъ достигнуть и до Бога, Богъ можетъ послать уму моему вразумленіе, а умъ, вразумленный Богомъ, можетъ сдѣлать кое-что получше того ума, который не вразумленъ Имъ.

До сихъ поръ въ вашихъ письмахъ вы мнѣ давали только общія понятія о вашемъ городѣ, въ чертахъ общихъ, которыя могутъ принадлежать

всякому губернскому городу; но и общія ваши не полны. Вы понадѣялись на то, что я знаю Россію, какъ пять моихъ пальцевъ; а я въ ней ровно не знаю ничего. Если я и зналъ кое-что, то и это со времени моего отъѣзда уже измѣнилось. Въ самомъ составѣ управленія губерній произошли значительныя перемѣны: многія мѣста и чиновники отошли отъ зависимости губернатора и поступили въ вѣдомство и управленіе другихъ министерствъ; завелись новые чиновники и мѣста, словомъ — губернія и губернской городъ являются относительно многихъ сторонъ въ другомъ видѣ, а я просилъ васъ ввести меня совершенно въ ваше положеніе, не какое-нибудь идеальное, но *существенное*, чтобы я видѣлъ отъ мала до велика все, чтѣ васъ окружаетъ.

Вы сами говорите, что въ небольшое время пребыванія вашего въ К*** узнали Россію болѣе, чѣмъ во всю свою прежнюю жизнь. Зачѣмъ же вы не подѣлились со мною вашими знаніями? Говорите, что не знаете даже, съ котораго конца начать, что куча свѣдѣній, вами набранныхъ въ голову, еще въ безпорядкѣ (NB. причина неудачъ). Я вамъ помогу ихъ привести въ порядокъ, но только выполните слѣдующую за симъ просьбу добросовѣстно, какъ только можно, — не такъ, какъ привыкли исполнять вашъ братъ — страстная женщина, которая изъ десяти словъ восемь пропуститъ и отвѣтитъ только на два, затѣмъ, что они приписли ей какъ-нибудь по сердцу, но такъ, какъ нашъ братъ — холодный, безстрастный мужчина, или, лучше, какъ дѣловой толковый чиновникъ, который, ничего не принимая особенно къ своему сердцу, отвѣчаетъ ровно на всѣ пункты.

Вы должны ради меня начать. вновь разсмотрѣніе вашего губернскаго города. Во-первыхъ, вы мнѣ должны назвать всѣ главныя лица въ городѣ по именамъ, отчествамъ и фамиліямъ, всѣхъ чиновниковъ до одинаго. Мнѣ это нужно. Я долженъ быть имъ такъ же другомъ, какъ вы сами должны быть другомъ имъ всѣмъ безъ исключенія. Во-вторыхъ, вы должны мнѣ написать, въ чемъ именно должность каждаго. Все это вы должны узнать лично отъ нихъ самихъ, а не отъ кого-либо другого. Разговорившись со всякимъ, вы должны спросить его, въ чемъ состоитъ его должность, чтобы онъ назвалъ вамъ всѣ ея *предметы* и означилъ ея *предѣлы*. Это будетъ первый вопросъ. Потомъ попросите его, чтобы онъ изъяснилъ вамъ, чѣмъ именно и сколько въ этой должности, подъ условіемъ нынѣшнихъ обстоятельствъ, можно сдѣлать добра. Это будетъ второй вопросъ. Потомъ, чѣмъ именно и сколько въ этой же самой должности можно надѣлать зла. Это будетъ третій вопросъ. Узнавши, отправляйтесь къ себѣ въ комнату и тотъ же часъ все это на бумагу для меня. Вы уже симъ два дѣла сдѣлаете разомъ: кромѣ того, что дадите мнѣ средство впоследствии вамъ пригодиться, вы узнаете сами изъ собственныхъ отвѣтовъ чиновника, какъ понимаетъ онъ свою должность, чего ему недостаетъ, словомъ — своимъ отвѣтомъ онъ обрисуетъ самого себя. Онъ васъ можетъ даже навести на кое-что сдѣлать теперь же... Но не въ этомъ дѣло: до времени лучше не торопитесь; не дѣлайте ничего даже и тогда, если бы вамъ показалось, что можете кой-что сдѣлать, и что въ силахъ чему-нибудь помочь. Лучше пока еще попристальнѣй всмотрѣться; довольствуйтесь пока мѣстъ тѣмъ, чтобы передать мнѣ. Потомъ на той же страничкѣ, насупротивъ того же мѣста или на другомъ лоскуткѣ бумаги: ваши собственныя замѣчанія — чтѣ вы замѣтили о каждомъ господинѣ въ особенности, чтѣ говорятъ о немъ другіе, словомъ — все, чтѣ можно прибавить о немъ со стороны.

Потомъ такія же свѣдѣнія доставьте мнѣ обо всей женской половинѣ вашего города. Вы же были такъ умны, что сдѣлали имъ всѣмъ визиты и почти ихъ всѣхъ узнали. Впрочемъ, узнали несовершенно, я въ этомъ

увѣренъ. Относительно женщинъ вы руководствуетесь первыми впечатлѣніями: которая вамъ не понравилась, вы ту оставляете. Вы ищете все избранныхъ и лучшихъ. Другъ мой, за это я вамъ дѣлаю упрекъ. Вы должны всѣхъ любить, особенно тѣхъ, въ которыхъ побольше дрянца, — по крайней мѣрѣ, побольше узнать ихъ, потому что отъ этого зависитъ многое, и онѣ могутъ имѣть большое вліяніе на мужей. Не торопитесь, не спѣшите ихъ наставлять, но просто только разспрашивайте; вы же имѣете даръ выспрашивать. Узнайте не только дѣла и занятія каждой, но даже образъ мыслей, вкусы: что кто любить, что кому изъ нихъ нравится, въ чемъ конечь каждой. Мнѣ все это нужно.

По-моему, чтобы помочь кому-либо, нужно узнать его всего насквозь, а безъ того я даже не понимаю, какъ можно кому-либо дать какой-либо совѣтъ: всякій совѣтъ, какой ему ни дашь, будетъ обращенъ къ нему своей трудной стороной, будетъ не легко, неудобно исполнимъ. Словомъ, женщинъ всѣхъ насквозь, чтобы я имѣлъ совершенное понятіе о вашемъ городѣ!

Сверхъ характеровъ и лицъ обоого пола, запишите всякое случившееся происшествіе, сколько-нибудь характеризующее людей или вообще духъ губерніи, запишите безхитростно, въ такомъ видѣ, какъ было, или какъ его передали вамъ вѣрные люди. Запишите также двѣ, три сплетни на выдержку, какія первыя вамъ попадутся, чтобы я зналъ, какого рода сплетни у васъ плетутся. Сдѣлайте, чтобы это записыванье сдѣлалось постояннымъ вашимъ занятіемъ, чтобы на это былъ опредѣленъ положенный часъ въ днѣ. Представляйте себѣ въ мысляхъ, систематически и во всей полнотѣ, весь объемъ города, чтобы видѣть вдругъ, не пропустили ли вы мнѣ чего-либо записать, чтобы я получила, наконецъ, полное понятіе о вашемъ городѣ.

И если вы меня такимъ образомъ познакомите со всѣми лицами, съ ихъ должностями, и какъ онѣ ими понимаются, и, наконецъ, даже съ характеромъ самыхъ событій, у васъ случающихся, тогда я вамъ кое-что скажу, и вы увидите, что многое невозможное возможно и неисправимое исправимо. До тѣхъ же поръ ничего не скажу именно потому, что могу ошибиться, а мнѣ бы этого не хотѣлось. Мнѣ бы хотѣлось говорить такія слова, которыя попали бы прямо, куда слѣдуетъ, ни выше, ни ниже того предмета, на который направлены, — такой дать совѣтъ, чтобы вы въ ту же минуту сказали: «онъ легко, его можно привести въ исполненіе».

Вотъ, однакоже, кое-что впередъ и то не для васъ, а для вашего супруга: попросите его прежде всего обратить вниманіе на то, чтобы совѣтники губернскаго правленія были честные люди. Это главное. Какъ только будутъ честные совѣтники, тотъ же часъ будутъ честные капитанъ-исправники, засѣдатели, словомъ — все станетъ честно. Надобно вамъ знать (если вы этого еще не знаете), что самая безопасная взятка, которая ускользаетъ отъ всякаго преслѣдованія, есть та, которую чиновникъ беретъ съ чиновника по командѣ сверху внизъ; это идетъ иногда безконечной лѣстницей. Капитанъ-исправникъ и засѣдатель часто уже потому должны кривить душой и брать, что съ нихъ берутъ, и что имъ нужны деньги для того, чтобы заплатить за свое мѣсто. Эта купля и продажа можетъ производиться передъ глазами и въ то же время ничѣмъ не быть замѣчена. Храни васъ Богъ даже и преслѣдовать. Старайтесь только, чтобы сверху было все честно: снизу будетъ все честно само собою. До времени, пока не вырѣло зло, не преслѣдуйте никого; лучше дѣйствуйте тѣмъ временемъ нравственно. Мысль ваша, что губернаторъ всегда имѣетъ возможность сдѣлать много зла и мало добра, и что на поприщѣ добра онъ обрѣзанъ въ дѣйствіяхъ, не совсѣмъ справедлива.

Губернаторъ можетъ всегда имѣть вліяніе *нравственное*, даже очень большое, подобно какъ и вы можете имѣть большое *нравственное* вліяніе, хотя и не имѣете власти, установленной закономъ. Повѣрьте, что не сдѣлай онъ визита какому-нибудь господину, объ этомъ будетъ весь городъ говорить: станутъ разспрашивать, за что и почему, и этотъ самый господинъ изъ-за этой единственной боязни струсить сдѣлать подлость, которую онъ не струсилъ бы совершить предъ лицомъ власти и закона. Вашъ поступокъ, т.-е. вашъ и вашего супруга, съ уѣзднымъ судьей N** уѣзда, котораго вы нарочно вызвали въ городъ съ тѣмъ, чтобы примирить его съ прокуроромъ, почтять его радушнымъ угощеніемъ и дружескимъ приемомъ за прямоту, благородство и честность, повѣрьте, сдѣлалъ уже свое дѣйствіе. Мнѣ правится при этомъ случаѣ то, что судья (который, какъ оказалось, былъ просвѣщеннѣйшій человекъ) одѣтъ былъ такимъ образомъ, что его, какъ вы говорите, не приняли бы въ переднюю петербургскихъ гостиныхъ. Хотѣлъ бы я въ эту минуту поцѣловать полу его заношеннаго фрака. Повѣрьте, что наилучшій образъ дѣйствій въ нынѣшнее время — не вооружаться жестоко и жарко противу взяточниковъ и дурныхъ людей и не преслѣдовать ихъ, но стараться, вмѣсто того, выставить на видъ всякую честную черту, дружески, въ виду всѣхъ, пожимать руку прямого, честнаго человека. Повѣрьте, какъ только будетъ узвано во всей губерніи, что губернаторъ поступаетъ дѣйствительно такъ, все дворянство уже будетъ на его сторонѣ. Въ дворянствѣ нашемъ есть удивительная черта, которая меня всегда изумляла, это — чувство благородства, — не того благородства, которымъ заражено дворянство другихъ земель, то-есть, не благородства рожденія или происхожденія, и не европейскаго *point d'honneur*, но настоящаго, нравственнаго благородства. Даже въ такихъ губерніяхъ и такихъ мѣстахъ, гдѣ, если разобрать порознь много дворянина, выйдетъ просто дрянъ, а вызови только на какой-нибудь дѣйствительно благородный подвигъ — все вдругъ подымется точно какимъ-то электричествомъ, и люди, которые дѣлаютъ пакости, сдѣлаютъ вдругъ благороднѣйшее дѣло. И потому всякій благородный поступокъ губернатора прежде всего найдетъ откликъ въ дворянствѣ, а это важно. Губернаторъ долженъ непременно имѣть нравственное вліяніе на дворянъ; только симъ однимъ онъ можетъ подвигнуть ихъ на поднятіе невидныхъ должностей и не приманчивыхъ мѣстъ. А это нужно, потому что, если дворянинъ изъ той же губерніи возьметъ какое-нибудь мѣсто съ тѣмъ, чтобы показать, какъ надобно служить, то, каковъ бы онъ ни былъ самъ, хотя и лѣнтяй и многимъ нехорошъ, но исполнить такъ свое дѣло, какъ никогда не исполнить присланный чиновникъ, хотя бы онъ исхатался, вѣкъ въ канцеляріяхъ. Словомъ, ни въ какомъ случаѣ не должно упускать изъ виду того, что это тѣ же самые дворяне, которые въ двѣнадцатомъ году несли все на жертву, — все, что ни было у кого за душой.

Когда случится, по причинѣ совершенныхъ гадостей, предать много чиновника суду, то въ такомъ случаѣ нужно, чтобы онъ преданъ былъ съ *отрѣшеніемъ отъ дѣлъ*. Это очень важно. Ибо, если онъ будетъ преданъ суду безъ отрѣшенія отъ дѣлъ, то все служащее будетъ еще долго держать его сторону, онъ еще долго станетъ юлить и найдетъ средства такъ все запутать, что никогда не доберется до истины. Но какъ только онъ будетъ преданъ суду съ *отрѣшеніемъ отъ дѣлъ*, онъ повѣситъ вдругъ носъ, сдѣлается никому не страшень, на него пойдутъ со всѣхъ сторонъ улики, все выйдетъ на чистую воду и вдругъ узнается дѣло. Но, другъ, ради Христа, не оставляйте вовсе спихнутаго съ мѣста чиновника, какъ бы онъ дурень ни былъ: онъ несчастенъ. Онъ долженъ съ рукъ вашего мужа перейти на ваши руки,

не объясняетесь съ нимъ сами и не принимайте его, но слѣдуйте за нимъ издали. Вы хорошо сдѣлали, что выгнали надзирательницу при домѣ умалишенныхъ за то, что она вздумала продавать булки, назначенныя этимъ несчастнымъ, — преступленіе двойнѣ гадкое, пріемля въ соображеніе то, что сумасшедшіе не могутъ даже и пожаловаться! А потому изгнаніе ея нужно было сдѣлать публично и гласно. Но не бросайте никакого человѣка, не отрѣзывайте возврата никому, слѣдуйте за отрѣшеннымъ: иногда съ горя, съ отчаянія, со стыда впадаетъ онъ еще въ большія преступленія. Дѣйствуйте или чрезъ вашего духовника, или вообще чрезъ какого-нибудь умнаго священника, который бы навѣщалъ его и давалъ бы вамъ отчетъ о немъ безпрестанно, а главное, старайтесь, чтобы онъ не оставался безъ какого-нибудь труда и дѣла. Не подобеть въ этомъ случаѣ мертвому закону, но живому Богу, Который всѣми бичами несчастій поражаетъ человѣка, но не оставляетъ его до самаго конца его жизни. Каковъ бы ни былъ преступникъ, но если земля его еще носить, и громъ Божій не поразилъ его — это значить, что онъ держится на свѣтѣ для того, чтобы кто-нибудь, тронувшись его участью, помогъ ему и спасъ его. Если же васъ, во время ли описаній, которыя вы станете дѣлать для меня, или же во время вашихъ собственныхъ изслѣдованій всякихъ недуговъ, будутъ слишкомъ поражать наши печальныя стороны и возмутится ваше сердце, — въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ бесѣдовать объ этомъ почаше съ архіереємъ; онъ же, какъ видно изъ словъ вашихъ, умный человѣкъ и добрый пастырь. Покажите ему весь лазаретъ вашъ и обнаружьте предъ нимъ всѣ болѣзни больныхъ вашихъ. Хотя бы даже онъ былъ небольшой знатокъ въ наукѣ лѣчить, то и тогда вы должны ввести его непременно во всѣ припадки, признаки и явленія болѣзней. Старайтесь ему очертить все до послѣдняго такъ живо, чтобы оно такъ и носилось у него передъ глазами, чтобы городъ вашъ, какъ живой пребывалъ бы безпрестанно въ мысляхъ его, какъ онъ долженъ безпрестанно пребывать въ вашихъ мысляхъ, чтобы чрезъ то самое его мысли стремились сами собой на безпрестанную о немъ молитву. Повѣрьте, что отъ этого самая проповѣдь его съ каждымъ воскресеньемъ будетъ направляться болѣе и болѣе къ сердцамъ слушателей, и онъ сумѣетъ потомъ выставить многое на чистоту и, не указывая лично ни на кого, сумѣетъ поставить каждого лицомъ къ лицу къ его собственной мерзости такъ, что самъ хозяинъ плюнетъ на свое же добро. Обратите также вниманіе на городскихъ священниковъ, узнайте ихъ всѣхъ непременно; отъ нихъ зависитъ все, и дѣло улучшенія нашего въ ихъ рукахъ, а не въ рукахъ кого-либо другого. Не пренебрегайте никѣмъ изъ нихъ, несмотря на простоту и невѣжество многихъ. Ихъ скорѣе можно возвратить къ своему долгу, чѣмъ кого-либо изъ насъ; у насъ, свѣтскихъ, есть гордость, честолюбіе, самолюбіе, самоувѣренность въ своемъ совершенствѣ, вслѣдствіе которыхъ никто у насъ не послушается словъ и увѣщаній своего брата, какъ бы справедливы они ни были... Духовный же, каковъ бы онъ ни былъ, онъ все-таки болѣе или менѣе чувствуетъ, что ему должно быть всѣхъ смиреннѣе и всѣхъ ниже; притомъ уже въ самомъ ежедневно отправляемомъ имъ служеніи онъ слышитъ себѣ напоминаніе, словомъ — онъ ближе всѣхъ насъ къ возврату на путь свой, а, возвратясь на него самъ, можетъ возвратитъ и всѣхъ насъ. И потому, хотя бы вы встрѣтили изъ нихъ вовсе неспособнаго, не пренебрегайте, но поговорите съ нимъ хорошенько. Разпросите у cadaго, чтѣ такое его приходъ, чтобы онъ далъ вамъ полное понятіе, каковы у него въ приходѣ люди, и какъ онъ самъ понимаетъ и знаетъ ихъ. Не позабудьте, что я до сихъ поръ не знаю, чтѣ такое въ вашемъ городѣ

мѣщанство и купечество; что они также начинаютъ модничать и курить сигарки, это дѣло повсюдное; мнѣ нужно взять изъ среды ихъ *жизнью* котораго-нибудь, чтобы я видѣлъ его съ ногъ до головы во всѣхъ подробностяхъ. Итакъ, узнайте объ нихъ обо всѣхъ въ подробности... Одну сторону этого дѣла вы узнаете отъ священниковъ, другую отъ полицмейстера, если потрудитесь съ нимъ хорошенько разговориться объ этомъ предметѣ, третью сторону узнаете отъ нихъ самихъ, если не побрезгуете разговориться съ которымъ-нибудь изъ нихъ, хотя при выходѣ изъ церкви въ воскресный день. Всѣ забранныя свѣдѣнія послужатъ къ тому, что очертятъ передъ вами примѣрный образъ мѣщанина и купца, чѣмъ онъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ; въ уродѣ вы почувствуете идеалъ того, чего карикатурой сталъ уродъ. Если жъ вы это почувствуете, тогда призывайте священниковъ и толкуйте съ ними: вы имъ скажете именно то, что имъ нужно — самое существо всякаго званія, то-есть, чѣмъ должно быть оно у насъ, и карикатуру на это званіе, то-есть, чѣмъ оно стало вслѣдствіе злоупотребленія нашего. Больше не прибавляйте ничего. Онъ будетъ самъ наведенъ на умъ, если только станетъ исправлять свою собственную жизнь. Священникамъ нашимъ особенно нужна бесѣда съ такими уже готовыми людьми, которые умѣли бы въ немногихъ, но яркихъ и мѣткихъ чертахъ очертить имъ предѣлы и обязанности всякаго званія и должности. Часто, единственно изъ-за этого, иной изъ нихъ не знаетъ, какъ ему быть съ прихожанами и слушателями, изъясняется общими мѣстами, не обращенными никакой стороной непосредственно къ предмету. Войдите также въ его собственное положеніе, помогите его женѣ и дѣтямъ, если приходъ у него бѣденъ. Кто поглубжѣ и позадористѣй, погрозите тому *аргітерезу*; но вообще старайтесь лучше дѣйствовать нравственно. Напоминайте имъ, что обязанность ихъ слишкомъ страшна, что отвѣтъ они дадутъ больше, чѣмъ кто-нибудь изъ людей всякаго другого званія, что теперь и синодъ, и самъ государь обращаютъ особенное вниманіе на жизнь священника, что всѣмъ готовится переборка, потому что не только высшее правительство, но даже всѣ до единого въ государствѣ частные люди начинаютъ замѣчать, что причина злу всего есть та, что священники стали нерадиво исполнять свои должности... Объявляйте имъ почаще тѣ страшныя истины, отъ которыхъ поневолѣ содрогнется ихъ душа. Словомъ — не пренебрегайте никакъ городскими священниками: съ помощію ихъ губернаторша можетъ произвести много нравственнаго вліянія на купечество, мѣщанство и всякое простое сословіе, обитающее въ городѣ, — такъ много вліянія, какъ даже вы представите себѣ не можете. Я назову вамъ только немного изъ того, что она можетъ сдѣлать, и укажу на средства, какъ она можетъ это сдѣлать: во-первыхъ... но я вспомнилъ, что я совершенно не имѣю никакого понятія о томъ, какого рода въ вашемъ городѣ мѣщанство и купечество: слова мои могутъ прійтись не совсѣмъ къ стати, лучше не произносить ихъ вовсе; скажу вамъ только то, что вы изумитесь потомъ, когда увидите, сколько на этомъ поприщѣ предстоитъ вамъ такихъ подвиговъ, отъ которыхъ въ нѣсколько разъ больше пользы, чѣмъ отъ приютовъ и всякихъ благотворительныхъ заведеній, которые не только не сопряжены ни съ какими пожертвованіями и трудами, но обратятся въ удовольствіе, въ отдохновеніе и развлеченіе духа.

Старайтесь всѣхъ избранныхъ и лучшихъ въ городѣ подвигнуть также на дѣятельность общественную: всякій изъ нихъ можетъ сдѣлать много почти подобнаго вамъ. Ихъ можно подвигнуть. Если вы мнѣ дадите только полное понятіе объ ихъ характерахъ, образѣ жизни и занятіяхъ, я вамъ скажу, чѣмъ и какъ ихъ можно подстрекнуть: есть въ русскомъ человѣкѣ сокровенныя

струны, которыхъ онъ самъ не знаетъ, по которымъ можно такъ ударить, что онъ весь встрепенется. Вы мнѣ уже назвали нѣкоторыхъ въ вашемъ городѣ какъ людей умныхъ и благородныхъ; я увѣренъ, что ихъ отыщется даже и болѣе. Не смотрите на отталкивающую наружность, не смотрите ни на неприятныя замашки, грубость, черствость, неловкость обращенія, ни даже на фанфаронство, щелкоперность поступковъ и всякія чрезучуръ ловкія развязности. Мы всѣ въ послѣднее время обзавелись чѣмъ-то заносчиво-неприятнымъ въ обращеніи, но при всемъ томъ въ глубинѣ душъ нашихъ пребываетъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, добрыхъ чувствъ, несмотря на то, что мы загромоздили ихъ всякимъ хламомъ и даже просто заплевали ихъ сами. Особенно не пренебрегайте женщинами. Клянусь, женщины гораздо лучше насъ, мужчинъ: въ нихъ больше великодушія, больше отважности на все благородное; не глядите на то, что онѣ закружились въ вихрѣ моды и пустоты. Если только сумѣете заговорить съ ними языкомъ самой души, если только сколько-нибудь вы умѣете очертить передъ женщиной ея высокое поприще, котораго ждетъ теперь отъ нея міръ, — ея небесное поприще быть воздвижницей насъ на все прямое, благородное и честное, кликнуть кличъ челоуѣку на благородное стремленіе, — то та же самая женщина, которую вы считали пустой, благородно вспыхнетъ вся вдругъ, взглянетъ на самоѣ себя, на свои брошенныя обязанности, подвигнетъ себя самоѣ на все честное, подвигнетъ своего мужа на исполненіе честное долга и, швырнувши далеко въ сторону свои тряпки, всѣхъ поверотитъ къ дѣлу. Клянусь, женщины у насъ очнутся прежде мужчинъ, благородно попрекнутъ насъ, благородно хлеснутъ и погоняютъ насъ бичомъ стыда и совѣсти, какъ глупое стадо барановъ, прежде чѣмъ каждый изъ насъ успѣетъ очнуться и почувствовать, что ему слѣдовало давно побѣжать самому, не дожидаясь бича. Васъ полюбить, и полюбить сильно, да нельзя имъ не полюбить васъ, если узнаютъ вашу душу; но до того времени вы всѣхъ ихъ любите до одинаго, никакъ не взирая на то, если бы кто-нибудь васъ и не любилъ...

Но письмо мое становится длинно. Чувствую, что начинаю говорить вещи, можетъ-быть, не совсѣмъ приходящіяся къстати ни вашему городу, ни вамъ въ настоящую минуту; но вы сами тому виной, не сообщивши мнѣ подробныхъ свѣдѣній ни о чемъ. До сихъ поръ я точно какъ въ лѣсу. Слышу только о какихъ-то неизлѣчимыхъ болѣзняхъ и не знаю, чѣмъ кто боленъ. А у меня обычай не вѣрить по слухамъ никакимъ неизлѣчимостямъ, и никогда не назову я никакую болѣзнь неизлѣчимою по тѣхъ поръ, пока не пощупаю ее моею собственной рукою. Итакъ, рассмотрите же вновь, ради меня, весь городъ, опишите все и всѣхъ, не избавляя никого отъ трехъ неизбѣжныхъ вопросовъ: въ чемъ состоитъ его должность, сколько на ней можно сдѣлать добра и сколько зла. Поступите какъ прилежная ученица: сдѣлайте для этого тетрадку и не забывайте быть въ вашихъ объясненіяхъ со мной какъ можно обстоятельнѣй, не забывайте, что я глупъ, рѣшительно глупъ, по тѣхъ поръ, пока не введутъ меня въ самое подробнѣйшее познаніе. Лучше воображайте, что передъ вами стоитъ ребенокъ или такой невѣжда, которому до послѣдней бездѣлушки нужно все истолковать: тогда только письмо ваше будетъ такъ, какъ слѣдуетъ. Я не знаю, отчего вы меня почитаете какимъ-то всезнающей. Что мнѣ случилось вамъ кой-что предсказать, и предсказанное сбылось, — это произошло единственно отъ того, что вы меня ввели въ тогдашнее положеніе души вашей. Велика важность этакъ угадать! Стоитъ только попристаиваѣе взглянуть въ настоящее, будущее вдругъ выступить само собою. Дуракъ тотъ, кто думаетъ о будущемъ мимо настоящаго. Онъ

или совреть, или скажетъ загадку. Я васъ, между прочимъ, еще побраню за слѣдующія ваши строки, которыя здѣсь выставлю вамъ передъ глаза: *Грустно и даже горестно видѣть вблизи состояніе Россіи, но, впрочемъ, не слѣдуетъ объ этомъ говорить. Мы должны съ надеждой и свѣтлымъ взоромъ смотреть въ будущее, которое въ рукахъ милосердаго Бога.* Въ рукахъ милосердаго Бога все: и настоящее, и прошедшее, и будущее. Оттого и вся бѣда наша, что мы не глядимъ въ настоящее, а глядимъ въ будущее. Оттого и бѣда вся, что иное въ немъ горестно и грустно, другое просто гадко; если же дѣлается не такъ, какъ бы намъ хотѣлось, мы махнемъ на все рукой и давай пялить глаза въ будущее. Оттого Богъ и ума намъ не даетъ; оттого и будущее виситъ у насъ у всѣхъ точно на воздухѣ: слышать нѣкоторые, что оно хорошо, благодаря нѣкоторымъ передовымъ людямъ, которые тоже услышали его чутьемъ и еще не провѣрили законнымъ ариѳметическимъ выводомъ; но какъ достигнуть до этого будущаго, никто не знаетъ. Оно точно кислый виноградъ. Бездѣлю позабыли: позабыли, что пути и дороги къ этому *свѣтлому* будущему сокрыты именно въ этомъ *темномъ и запутанномъ* настоящемъ, котораго никто не хочетъ узнавать; всякъ считаетъ его низкимъ и недостойнымъ своего вниманія и даже сердится, если выставляютъ его на видъ всѣмъ. Введите же хотя меня въ познаніе настоящаго. Не смущайтесь мерзостями и подавайте мнѣ всякую мерзость. Для меня мерзости не въ диговингу: я самъ довольно мерзокъ. Пока я еще мало входилъ въ мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходилъ отъ многого въ уныніе, и мнѣ становилось страшно за Россію; съ тѣхъ же поръ, какъ я сталъ побольше всматриваться въ мерзости, я просвѣтлѣлъ духомъ: передо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути, и я возблаговѣлъ еще болѣе предъ Провидѣньемъ. И теперь больше всего благодарю Бога за то, что сподобилъ Онъ меня, хотя отчасти, узнать мерзости, какъ мои собственныя, такъ и бѣдныхъ моихъ собратьевъ. И если есть во мнѣ какая-нибудь капля ума, свойственнаго не всѣмъ людямъ, такъ это оттого, что всматривался я побольше въ эти мерзости. И если мнѣ удалось оказать помощь душевную нѣкоторымъ близкимъ моему сердцу, а въ томъ числѣ и вамъ, такъ это оттого, что всматривался я побольше въ эти мерзости. И если я приобрѣлъ, наконецъ, любовь къ людямъ не мечтательную, но существенную, такъ это все же, наконецъ, отъ того же самаго, что всматривался я побольше во всякія мерзости.

Не пугайтесь же мерзостію, и особенно не отвращайтесь отъ тѣхъ людей, которые вамъ кажутся почему-либо мерзки. Увѣряю васъ, что придетъ время, когда многіе у насъ на Руси изъ *чистенькихъ* горько заплачутъ, закрывъ руками лицо свое, именно оттого, что считали себя слишкомъ чистыми, что хвалились чистотой своей и всякимъ возвышеннымъ стремленіемъ куда-то, считая себя чрезъ это лучшими другихъ. Помните же все это и, помолясь, примитесь снова за свои дѣла бодрѣй, свѣжѣй, чѣмъ когда-либо прежде. Перечтите разъ пять, шесть мое письмо, именно изъ-за того, что въ немъ все разбросано и нѣтъ строгаго логическаго порядка, чему, впрочемъ, виной вы сами. Нужно, чтобы существо письма осталось все въ васъ, вопросы мои сдѣлались бы вашими вопросами, и желанье мое вашимъ желаньемъ, чтобы всякое слово и буква преслѣдовали васъ и мучили по тѣхъ поръ, пока не исполните моей просьбы такимъ именно образомъ, какъ я хочу.

XXII.

Русскій помѣщикъ.

ПИСЬМО КЪ Б. И. Б...У.

Главное то, что ты уже пріѣхалъ въ деревню и положилъ себѣ непремѣнно быть помѣщикомъ; прочее все придетъ само собою. Не смущайся мыслями, будто прежнія узы, связывавшія помѣщика съ крестьянами, исчезли навѣки. [Что онѣ исчезли, это правда; что виноваты тому сами помѣщики, это тоже правда; но] чтобы навсегда или навѣки онѣ исчезли, — плюнь ты на такія слова: сказать ихъ можетъ только тотъ, кто даждѣ своего носа ничего не видитъ. Русскаго ли человѣка, который такъ умѣетъ быть благодарнымъ за всякое добро, какому его ни надоумишь, русскаго ли человѣка трудно привязать къ себѣ? Такъ можно привязать, что послѣ будешь думать только о томъ, какъ бы его отвязать отъ себя. Если только исполнишь въ точности все то, что теперь тебѣ скажу, то къ концу же года увидишь, что я правъ. Возьмись за дѣло помѣщика, какъ слѣдуетъ за него взяться въ настоящемъ и законномъ смыслѣ. Собери прежде всего мужиковъ и объясни имъ, что такое ты, и что такое они: что помѣщикъ ты надъ ними не потому, чтобы тебѣ хотѣлось повелѣвать и быть помѣщикомъ, но потому, что ты уже есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что взыщеть съ тебя Богъ, если бъ ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они также, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога. И покажи это имъ тутъ же въ Евангеліи, чтобы они всё это видѣли до одинаго. Потомъ скажи имъ, что заставляешь ихъ трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, [и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними ассигнаціи], и сдѣлай такъ, чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нуль; но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и потомъ снискивать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ св. Писаніи, чтобы они это видѣли. Скажи имъ всю правду: что съ тебя взыщеть Богъ за послѣдняго негодяя въ селѣ, и что по этому самому ты еще болѣе будешь смотрѣть за тѣмъ, чтобы они работали честно не только тебѣ, но и себѣ самимъ; ибо знаешь, да и они знаютъ, что, залѣнившись, мужикъ на все способенъ — сдѣлается и воръ, и пьяница, погубить свою душу, да и тебя поставить въ отвѣтъ передъ Богомъ. И все, что имъ ни скажешь, поддержи тутъ же словами св. Писанія; покажи имъ пальцемъ и самыя буквы, которыми это написано; заставь каждого передъ тѣмъ перекреститься, ударить поклономъ и поцѣловать самую книгу, въ которой это написано. Словомъ — чтобы они видѣли ясно, что ты во всемъ, что до нихъ клонится, сообразуешься съ волею Божіею, а не съ своими какими-нибудь европейскими или иными затѣями. Мужикъ это пойметъ; ему не нужно много словъ. Объясни имъ всю правду: что душа человѣка дороже всего на свѣтѣ, и что прежде всего ты будешь глядѣть за тѣмъ, чтобы не погубилъ изъ нихъ кто-нибудь своей души и не предалъ бы ее на вѣчную муку. Во всѣхъ упрекахъ и выговорахъ, которые станешь дѣлать уличенному въ воровствѣ, лѣности или пьянствѣ, ставь его передъ лицомъ Бога, а не передъ своимъ лицомъ; покажи ему, чѣмъ онъ грѣшитъ противъ Бога, а не противъ тебя. И не упрекай его

одного, но призови его бабу, его семью, собери сосѣдей. Попрекни бабу, зачѣмъ не отваживала отъ зла своего мужа и не грозила ему страхомъ Божиимъ; попрекни сосѣдей, зачѣмъ допустили, что ихъ же братъ, среди ихъ же, зажилъ собакою и губить ни про-что свою душу; докажи имъ, что дадутъ за то всѣ отвѣтъ Богу. Устрой такъ, чтобы на всѣхъ легла отвѣтственность и чтобы все, что ни окружаетъ человѣка, упрекало бы и не давало бы ему слишкомъ разстегнуться. Собери силу вліянія, а съ нею и отвѣтственность на головы примѣрныхъ хозяевъ и лучшихъ мужиковъ. Растолкуй имъ ясно, что они не затѣмъ, чтобы только самимъ хорошо жить, но чтобы и другихъ учить хорошему житію, что пьяница не можетъ учить пьяницу и что это ихъ долгъ. Негодяямъ же и пьяницамъ повели, чтобы они оказывали добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, приказчику, попу или даже самому тебѣ; чтобы, когда еще они завидятъ издали примѣрнаго мужика и хозяина, летѣли бы шапки съ головы у всѣхъ мужиковъ и все бы ему давало дорогу; а который посмѣлъ бы оказать ему какое-нибудь неуваженіе или не послушаться умныхъ словъ его, то распеки тутъ же при всѣхъ; скажи ему: — «Ахъ, ты, невымытое рыло! Самъ весь зажилъ въ сажѣ, такъ что и глазъ не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! Поклонись же ему въ ноги и попроси, чтобы навелъ тебя на разумъ; не наведетъ на разумъ — собакой пропадешь». А примѣрныхъ мужиковъ, призвавши къ себѣ и, если они старики, посадивши ихъ предъ собою, потолкуй съ ними о томъ, какъ они могутъ наставлять и учить добру другихъ, исполняя такимъ образомъ именно то, что повелѣлъ намъ Богъ. Такъ поступи только въ теченіе одного года, и увидишь самъ, какъ все пойдетъ на ладъ; даже и хозяйство отъ этого сдѣлается лучше. О главномъ только позаботься, прочее все приползетъ само собою. Христосъ не даромъ сказалъ: *сія вся вамъ приложится*. Въ крестьянскомъ быту эта истина еще виднѣе, нежели въ нашемъ: у нихъ богатый хозяинъ и хорошій человѣкъ — синонимы. И въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро.

Но вотъ, однакоже, тебѣ совѣтъ и въ хозяйствѣ. Только раскуси его хорошенько, и не будешь въ накладѣ. Два человѣка уже благодарятъ меня: одинъ изъ нихъ тебѣ знакомый К**. Собственно о томъ, какими отраслями хозяйства слѣдуетъ заниматься и какъ заниматься, я тебѣ не скажу: это знаешь ты лучше меня; притомъ и деревня твоя мнѣ не извѣстна такъ, какъ моя собственная ладонь; а относительно всякихъ нововведеній ты уменъ и смекнулъ самъ, что не только слѣдуетъ придерживаться всего стараго, но всмотрѣться въ него насквозь, чтобы изъ него же извлечь для него улучшение. Но я тебѣ дамъ совѣтъ насчетъ сопригосновенія помѣщика съ крестьяниномъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ и работахъ, что покамѣстъ нужнѣе всего прочаго. Припомни отношенія прежнихъ помѣщиковъ-хозяевъ къ ихъ мужикамъ: будь патриархомъ, самъ начинателемъ всего и передовымъ во всѣхъ дѣлахъ. Заведи, чтобы при началѣ всякаго общаго дѣла, какъ-то: посѣва, покосовъ и уборки хлѣба, былъ пиръ на всю деревню, чтобы въ эти дни былъ общій столъ для всѣхъ мужиковъ на твоёмъ дворѣ, какъ бы въ день самаго Свѣтлаго Воскресенія, и обѣдалъ бы ты самъ вмѣстѣ съ ними, и вмѣстѣ съ ними вышелъ бы на работу, и въ работѣ былъ бы передовымъ, подстрекая всѣхъ работать молодцами, похваливая тутъ же удалца и укоряя тутъ же лѣнивца. Когда же наступитъ осень и кончатся полевые работы, воспряднуй такимъ же образомъ и еще бѣльшимъ пиршествомъ окончаніе работъ, въ сопровожденіи торжественнаго и благодарственнаго молебна. Мужика не бей: съѣздить его

въ рожу еще не большое искусство; это сумѣть сдѣлать и становой, и за-сѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому уже привыкъ и только что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ. Но умѣй пронять его хорошенько словомъ: ты же на мѣткія слова мастеръ. Ругни его при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь народъ; это будетъ для него въ нѣсколько разъ полезнѣе всякихъ подзатыльниковъ и зуботычекъ. Держи у себя въ запасѣ всѣ синонимы *молодца* для того, кого нужно подстрекнуть, и всѣ синонимы *бабы* для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лѣнтяй и пьяница есть баба и дрянъ. Выкопай слово еще похуже, словомъ — назови всѣмъ, чѣмъ только не хочеть быть русскій человѣкъ. Въ комнатѣ не засиживайся, но появляйся почаще на крестьянскихъ работахъ, и, гдѣ ни появляйся, появляйся такъ, чтобы отъ твоего прихода глядѣло все живѣе и веселѣе, изворачиваясь молодцомъ и щеголемъ въ работѣ. Поддай и отъ себя силы словами: — «Подхватимъ-ка разомъ, ребята, всѣ вмѣстѣ!» Возьми самъ въ руки топоръ или косу; это будетъ тебѣ въ добро и полезнѣе для твоего здоровья всякихъ Мариенбадовъ, медицинскихъ моціоновъ и вялыхъ прогулокъ.

Замѣчанія твои о школахъ совершенно справедливы. Учитъ мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издають для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. Главное уже то, что у мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзеть въ голову, и, пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ. Ты и самъ будешь дѣлать то же, когда станешь почаще выходить на работы. Деревенскій священникъ можетъ сказать гораздо больше истинно нужнаго для мужика, нежели всѣ эти книжонки. Если въ комъ истинно уже зародится охота къ грамотѣ, и притомъ вовсе не затѣмъ, чтобы сдѣлаться плутомъ-конторщикомъ, но затѣмъ, чтобы прочесть тѣ книги, въ которыхъ начертанъ Божій законъ человѣку, — тогда другое дѣло. Воспитай его какъ сына и на него одного употреби все, что употребилъ бы ты на всю школу. Народъ нашъ не глупъ, что бѣжить, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги; онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, кривотворства и каверзничества. По-настоящему, ему не слѣдуетъ и знать, есть ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ.

[Бѣстатіи о священникѣ. Ты напрасно хлопчешь объ его переимѣнѣ и затѣваешь просить архіерея, чтобы онъ далъ тебѣ болѣе знающаго и опытнаго: такого священника онъ тебѣ не дастъ, потому что такой священникъ повсюду нуженъ. Выбрось даже изъ головы, чтобы могъ отыскаться священникъ, вполне отвѣчающій твоему идеалу. Никакая семинарія и никакая школа не можетъ такъ воспитать священника. Въ семинаріи онъ получаетъ только начальное основаніе своего воспитанія, образуется же вполне въ дѣлѣ жизнью. Будь самъ ему наставникомъ, ты же понянь такъ хорошо обязанности сельскаго священника. Если священникъ дурень, то этому почти всегда виноваты сами помѣщики. Они, намѣсто того, чтобы призрѣть его у себя въ домѣ какъ родного, поселили въ немъ желаніе бесѣды лучшей, которая могла бы его чему-нибудь поучить, бросявъ его среди мужиковъ, молодого и неопытнаго, когда онъ еще и не знаетъ, что такое мужикъ; поставявъ его въ такое положеніе, что онъ еще долженъ потворствовать и угождать имъ, намѣсто того, чтобы уже съ самаго начала имѣть надъ ними нѣкоторую власть, и послѣ этого вошютъ, что у нихъ священники дурные, что они приобрѣли мужицкія ухватки и ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ мужиковъ. Да я

спрашиваю: кто не огрубѣетъ даже изъ приготовленныхъ и воспитанныхъ? А ты сдѣлай вотъ какъ. Заведи, чтобы священникъ обѣдалъ съ тобою всякій день. Читай съ нимъ вмѣстѣ духовныя книги: тебя же это чтеніе теперь занимаетъ и питаетъ болѣе всего. А самое главное, — бери съ собою священника повсюду, гдѣ ни бываешь на работахъ, чтобы сначала онъ былъ при тебѣ въ качествѣ помощника, чтобы онъ видѣлъ самолично всю продѣлку твою съ мужиками. Тутъ онъ увидитъ ясно, что такое помѣщикъ, что такое мужикъ, и каковы должны быть ихъ отношенія между собою. А между тѣмъ, и къ нему будетъ больше уваженія со стороны мужиковъ, когда они увидятъ, что онъ идетъ съ тобою объ-руку. Сдѣлай такъ, чтобы онъ не нуждался въ домѣ своемъ, чтобы былъ обезпеченъ относительно собственнаго своего хозяйства, и черезъ то имѣлъ бы возможность быть съ тобою безпрестанно. Повѣрь, что онъ такъ привыкнетъ къ тебѣ, что ему будетъ скучно безъ тебя. А привыкнувши къ тебѣ, онъ отъ тебя нечувствительно наберется и познанія вещей, и познанія человѣка, и много всякаго добра. Потому что въ тебѣ, слава Богу, всего этого довольно, и ты умѣешь такъ ясно и хорошо выражаться, что всякъ невольно усвоитъ себѣ не только твои мысли, но даже и образъ ихъ выраженія — и самыя слова твои.

Что же до проповѣди, которую ты полагаешь нужною, то на это я тебѣ скажу вотъ что. Я скорѣе того мнѣнія, что священнику, не исполнѣнному въ своемъ дѣлѣ и не ознакомленному съ людьми, его окружающими, лучше вовсе не произносить проповѣди. Подумалъ ли ты о томъ, какое трудное дѣло сказать умную проповѣдь и особенно мужикамъ? Нѣтъ, лучше немного потерпи, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока и священникъ побольше осмотрится, да и ты также; а до того времени посоветую тебѣ то, что одному уже посоветовалъ, и что, кажется, пошло ему въ прокъ. Возьми Святыхъ Отцовъ и особенно Златоуста, говорю потому Златоуста, что Златоустъ, имѣя дѣло съ народомъ-невѣжею, принявшимъ только наружное христіанство, но въ сердцахъ оставшимся грубыми язычниками, старался быть особенно доступнымъ къ понятіямъ человѣка простаго и грубаго, и говорилъ такимъ живымъ языкомъ о предметахъ нужныхъ, а даже часто очень высокихъ, что цѣликомъ можно обратить мѣста изъ проповѣдей его къ нашему мужику, и онъ пойметъ. Возьми Златоуста и читай его вмѣстѣ съ твоимъ священникомъ, и притомъ съ карандашомъ въ рукѣ, чтобы отмѣчать тутъ же всѣ такія мѣста, а такихъ мѣстъ у Златоуста десятками во всякой проповѣди. И эти самыя мѣста пусть онъ скажетъ народу; не нужно, чтобы они были длинны: страничка или даже полстранички; чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Но нужно, чтобы передъ тѣмъ, какъ произносить ихъ народу, священникъ прочиталъ ихъ нѣсколько разъ съ тобою вмѣстѣ, затѣмъ, чтобы умѣть ихъ произнести ему не только съ одушевленіемъ, но такимъ убѣдительнымъ голосомъ, какъ бы онъ хлопоталъ о какой-нибудь собственной выгодѣ своей, отъ которой зависитъ благополучіе его жизни. Увидишь, что это будетъ дѣйствительно, нежели его собственная проповѣдь. Народу нужно мало говорить, но мѣтко, — не то онъ можетъ привыкнуть къ проповѣди такъ же, какъ привыкнулъ къ ней высшій кругъ, который ѣздитъ слушать знаменитыхъ европейскихъ проповѣдниковъ такимъ же самымъ образомъ, какъ ѣздитъ въ оперу или въ спектакль. У К. К* священникъ не говоритъ никакой проповѣди, но, зная насквозь всѣхъ мужиковъ, поджидаетъ только исповѣди. И на исповѣди такъ приметъ изъ нихъ всякаго, что онъ, какъ изъ бани, выходитъ изъ церкви. З** послалъ къ нему нарочно исповѣдывать 30 человѣкъ рабочихъ съ своей фабрики, пьяницъ и мошенниковъ первѣйшаго разбора, а самъ сталъ

на паперти церковной, чтобы посмотрѣть имъ въ лица въ то время, какъ они будутъ выходить изъ церкви. Всѣ вышли красные, какъ раки. А, кажется, немного и держалъ ихъ на исповѣди; по 4 и по 5 человекъ исповѣдывалъ вдругъ. И послѣ того, по сказанію самого З**, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не показывался ни одинъ изъ нихъ въ кабакъ, такъ что окружные цѣловальники не могли приложить ума, отчего это случилось].

Но довольно. Поработай усердно только годъ, а тамъ дѣло уже само собою пойдетъ работаться такъ, что не нужно будетъ тебѣ и рукъ прилагать. Разбогатѣешь ты какъ Брезъ, въ противность тѣмъ подслѣповатымъ людямъ, которые думаютъ, будто выгоды помѣщика идутъ врознь съ выгодами мужиковъ. Ты имъ докажешь дѣломъ, а не словами, что они врутъ, и что если только помѣщикъ взглянулъ глазами христіанина на свою обязанность, то не только онъ можетъ укрѣпить старыя связи, о которыхъ толкуютъ, будто онѣ исчезли навѣки, но связать ихъ новыми, еще сильнѣйшими связями, — связями во Христѣ, которыхъ уже ничто не можетъ быть сильнѣе. И ты, не служа доселѣ ревностно ни на какомъ поприщѣ, сослужишь такую службу государю въ званіи помѣщика, какой не сослужитъ иной великочинный человекъ. Что ни говори, но поставить 800 подданныхъ, которые всѣ какъ одинъ и могутъ быть примѣромъ всѣмъ окружающимъ своею истинно-примѣрною жизнію, — это дѣло не бездѣльное и служба истинно-законная и великая.

1846.

XXIII.

Историческій живописецъ Ивановъ.

ПИСЬМО КЪ М. Ю. ВЕДИГУРСКОМУ.

Пишу къ вамъ объ Ивановѣ. Что за непостижимая судьба этого человека! Ужъ дѣло его стало, наконецъ, всѣмъ объясняться; всѣ увѣрились, что картина, которую онъ работаетъ, — явленіе небывалое, приняли участіе въ художникѣ, хлопочуть со всѣхъ сторонъ о томъ, чтобы даны были ему средства кончить ее, [чтобы не умеръ надъ ней съ голоду художникъ, — говорю буквально: не умеръ съ голоду] — и до сихъ поръ ни слуху, ни духу изъ Петербурга. [Ради Христа, разберите, что это все значить. Сюда принеслись неглѣпые слухи, будто художники и всѣ профессора нашей Академіи Художествъ, боясь, чтобы картина Иванова не убила собою все, что было доселѣ произведено нашимъ художествомъ, изъ зависти стараются о томъ, чтобъ ему не были даны средства на окончаніе. Это ложь, я въ этомъ увѣренъ. Художники наши благородны и если бы они узнали все то, что вытерпѣлъ бѣдный Ивановъ изъ-за своего безпримѣрнаго самоотверженія и любви къ труду, рискуя дѣйствительно, умереть съ голоду, они бы съ нимъ подѣлились братски своими собственными деньгами, а не то, чтобы внушать другимъ такое жестокое дѣло. Да и чего имъ опасаться Иванова? Онъ идетъ своею собственною дорогою и никому не помѣха. Онъ] не только не ищетъ профессорскаго мѣста и житейскихъ выгодъ, но даже просто ничего не ищетъ, потому что уже давно умеръ для всего въ мірѣ, кромѣ своей работы. Онъ молить [о нищенскомъ содержаніи,] о томъ содержаніи, которое дается только начинающему работать ученику, а не о томъ, которое слѣдуетъ ему, какъ мастеру, сидящему надъ такимъ колоссальнымъ дѣломъ, какового не затѣвалъ доселѣ никто; и этого [нищенскаго] содержанія, о которомъ всѣ стараются и хлопочуть, не можетъ онъ допроситься, несмотря на хлопоты всѣхъ.

Воля ваша, я вижу во всемъ этомъ волю Провидѣнія, уже такъ опредѣлившую, чтобы Ивановъ вытерпѣлъ, выстрадалъ и вынесъ все: другому ничему не могу приписать.

Доселѣ раздавался ему упрекъ въ медленности. Говорили всѣ: «Какъ! восемь лѣтъ сидѣлъ надъ картиною, и до сихъ поръ картинѣ нѣтъ конца!» Но теперь этотъ упрекъ затихнулъ, когда увидѣли, что и капля времени у художника не пропала даромъ, что однихъ этюдовъ, приготовленныхъ имъ для картины, наберется на цѣлый залъ и можетъ составить отдѣльную выставку, что необыкновенная величина самой картины, которой равной еще не было (она больше картинъ Брюлова и Бруни), требовала слишкомъ много времени для работы, особенно при тѣхъ малыхъ денежныхъ средствахъ, которыя не давали ему возможности имѣть нѣсколько моделей вдругъ, и притомъ такихъ, какихъ бы онъ хотѣлъ. Словомъ — теперь всѣ чувствуютъ нелѣпость упрека въ медленности и лѣни такому художнику, который, какъ труженикъ, сидѣлъ всю жизнь свою надъ работою и позабылъ даже, существуетъ ли на свѣтѣ какое-нибудь наслаждение, кромѣ работы. Еще болѣе будетъ стыдно тѣмъ, которые упрекали его въ медленности, когда узнаютъ и другую сокровенную причину медленности. Съ производствомъ этой картины связалось собственное душевное дѣло художника, — явленіе слишкомъ рѣдкое въ мирѣ, явленіе, въ которомъ вовсе не участвуетъ произволъ челоуѣка, но воля Того, Кто выше челоуѣка. Такъ уже было опредѣлено, чтобы надъ этою картиною совершилось воспитаніе собственно художника, какъ въ руко-творномъ дѣлѣ искусства, такъ и въ мысляхъ, направляющихъ искусство къ законному и высшему назначенію. Предметъ картины, какъ вы уже знаете, слишкомъ значителенъ. Изъ евангельскихъ мѣстъ взято самое труднѣйшее для исполненія, доселѣ еще небранное нигдѣ изъ художниковъ даже прежнихъ богомольно-художественныхъ вѣковъ, а именно — первое появленіе Христа народу. Картина изображаетъ пустыню на берегу Іордана. Всѣхъ виднѣе Іоаннъ Креститель, проповѣдающій и крестящій во имя Того, Котораго еще никто не видалъ изъ народа. Его обступаютъ толпа нагихъ и раздѣвающихся, одѣвающихся и одѣтыхъ, выходящихъ изъ воды и готовыхъ погрузиться въ воды; въ толпѣ этой стоятъ и будущіе ученики Самого Спасителя. Все, отправляя свои различныя тѣлесныя движенія, устремляется внутреннимъ ухомъ къ рѣчамъ пророка, какъ бы схватывая изъ устъ его каждое слово и выражая на лицахъ различныя чувства: на однихъ уже полная вѣра; на другихъ еще сомнѣніе; третьи уже колеблются; четвертые по-нурили головы въ сокрушеніи и покаяніи: есть и такіе, на которыхъ видна еще кора и безчувственность сердечная. Въ это самое время, когда все движется такими различными движеніями, показывается вдали Тотъ Самый, во имя Котораго уже совершилось крещеніе, — и здѣсь настоящая минута картины. Предтеча беретъ именно въ тотъ мигъ, когда, указавши на Спасителя перстомъ, произноситъ: *Се Аицеъ, взямаіи грѣхи міра!* И вся толпа, не оставляя выраженія лицъ своихъ, устремляется или глазомъ, или мыслью къ Тому, на Котораго указалъ пророкъ. Сверхъ прежнихъ, не успѣвшихъ сбѣжать съ лицъ впечатлѣній, пробѣгаютъ по всѣмъ лицамъ новыя впечатлѣнія. Чуднымъ свѣтомъ освѣтились лица передовыхъ избранныхъ, тогда какъ другіе стараются еще войти въ смыслъ непонятныхъ словъ, недоумѣвая, какъ можетъ одинъ взять на себя грѣхи всего міра, а третьи сомнительно колеблуть головой, говоря: «отъ Назарета пророкъ не приходитъ». А Онъ, въ небесномъ спокойствіи и чудномъ отдаленіи, тихою и твердою стопою уже приближается къ людямъ.

Бездѣлица — изобразить на лицахъ весь этотъ ходъ *обращенія человека къ Христу!* Есть люди, которые увѣрены, что великому художнику все доступно: земля, море, человекъ; [лягушка, драка и пирушка людей, игра въ карты] и моленіе Богу, словомъ — все можетъ достаться ему легко, будь только онъ талантливый художникъ, да поучись въ академіи. Художникъ можетъ изобразить только то, что онъ *почувствовалъ*, и о чемъ въ головѣ его составила уже полная идея; иначе картина будетъ мертвая, академическая картина. Ивановъ сдѣлалъ все, что другой художникъ почелъ бы достаточнымъ для окончанія картины. Вся матеріальная часть, все, что относится до умнаго и строгаго размѣщенія группы въ картинѣ, исполнено въ совершенствѣ. Самыя лица получили свое типическое, согласно Евангелію, сходство и съ тѣмъ вмѣстѣ сходство еврейское. Вдругъ слышишь по лицамъ, въ какой землѣ происходитъ дѣло. Ивановъ повсюду ѣздилъ нарочно изучать для того еврейскія лица. Все, что ни касается до гармоническаго размѣщенія цвѣтовъ, одежды человека и до обдуманной ея наброски на тѣло, изучено въ такой степени, что всякая складка привлекаетъ вниманіе знатока. Наконецъ, вся ландшафтная часть, на которую, обыкновенно, не много смотритъ историческій живописецъ, видъ всей живописной пустыни, окружающей группу, исполненъ такъ, что изумляются сами ландшафтные живописцы, живущіе въ Римѣ. Ивановъ для этого просиживалъ по нѣсколькимъ мѣсяцамъ въ нездоровыхъ Понтійскихъ болотахъ и пустынныхъ мѣстахъ Италіи, перенесъ въ свои этюды всѣ дикія заходустья, находящіяся вокругъ Рима, изучилъ всякій камушекъ и древесный листокъ, словомъ — сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, все изобразилъ, чему только нашель образецъ. Но какъ изобразить то, чему еще не нашель художникъ образца? Гдѣ могъ найти онъ образецъ для того, чтобы изобразить главное, составляющее задачу всей картины, — представить въ лицахъ весь ходъ человѣческаго обращенія ко Христу? Откуда могъ онъ взять его? Изъ головы? Создать воображеніемъ? Постигнуть мыслью? Нѣтъ, пустыня! Холодна для этого мысль и ничтожно воображеніе. Ивановъ напрягалъ воображеніе, елико могъ, старался на лицахъ всѣхъ людей, съ какими ни встрѣчался, ловить высокія движенія душевныя, оставался въ церквахъ слѣдить за молитвою человека — и видѣлъ, что все безсильно и недостаточно и не утверждаетъ въ его душѣ полной идеи о томъ, что нужно. И это было предметомъ сильныхъ страданій его душевныхъ и виною того, что картина такъ долго затянулась. Нѣтъ, пока въ самомъ художникѣ не произошло истиннаго обращенія къ Христу, не изобразить ему того на полотнѣ! Ивановъ молилъ Бога о ниспосланіи ему такого полнаго обращенія, лилъ слезы въ тишинѣ, прося у Него же силъ исполнить Имъ же внушенную мысль; а въ это время упрекали его въ медленности и торопили его! Ивановъ просилъ у Бога, чтобы огнемъ благодати испепелилъ въ немъ ту холодную черствость, которою теперь страдаютъ многіе наилучшіе и наиблѣжайшіе люди, и вдохновилъ бы его такъ изобразить это обращеніе, чтобы умилится и нехристіанинъ, взглянувши на его картину; а его въ это время укоряли даже знавшіе его люди, даже пріятели, думая, что онъ просто лѣнитса, и помышляли серьезно о томъ, нельзя ли голодомъ и отнятіемъ всѣхъ средствъ заставить его кончить картину. Сострадательнѣйшіе изъ нихъ говорили: «Самъ же виноватъ: пусть бы большая картина шла своимъ чередомъ, въ промежуткахъ могъ бы онъ работать малыя картины, брать за нихъ деньги и не умереть съ голода», — говорили, не вѣдая того, что художнику, которому трудъ его, по волѣ Бога, обратился въ его душевное дѣло, уже невозможно заняться никакимъ другимъ трудомъ и нѣтъ у него промежутковъ;

не устремится и мысль его ни къ чему другому, какъ онъ ее ни принуждай и ни насилуй. Такъ вѣрная жена, полюбившая истинно своего мужа, не полюбить уже никого другого, никому не продастъ за деньги своихъ ласкъ, хотя бы этимъ средствомъ и могла спасти отъ бѣдности и себя, и мужа. Вотъ каковы были обстоятельства душевныя Иванова! Вы скажете: «Да зачѣмъ же онъ не изложилъ всего этого на бумагѣ? зачѣмъ не описалъ ясно своего дѣйствительнаго положенія? тогда бы ему вдругъ были высланы деньги». Да, какъ бы не такъ! Попробуй кто-нибудь изъ насъ, еще не доказавшій силъ, еще не умѣющій самому себѣ высказать себя, объясняться съ людьми, стоящими на другихъ поприщахъ, которые не могутъ, весьма естественно, даже постигнуть, что можетъ существовать въ искусствѣ его высшая степень, выше той, на которой оно стоитъ въ нынѣшнемъ модномъ вѣкѣ! Неужели ему сказать: «Я произведу одно такое дѣло, которое васъ потомъ изумитъ, но котораго вамъ не могу теперь разказать, потому что многое, покуда, и мнѣ самому еще не совсѣмъ понятно, а вы, во все то время, какъ я буду сидѣть надъ работою, ждите терпѣливо и давайте мнѣ деньги на содержаніе»? Тогда, пожалуй, явится много такихъ охотниковъ, которые заговорятъ такимъ же образомъ; да имъ развѣ безумецъ дастъ деньги. Положимъ даже, что Ивановъ могъ бы въ это неясное время выразиться ясно и сказать такъ: «Мнѣ внушена кѣмъ-то свыше преслѣдующая меня мысль — изобразить кистью обращеніе человѣка ко Христу. Я чувствую, что не могу этого сдѣлать, не обратившись истинно самъ. А потому ждите, покуда во мнѣ самомъ не произойдетъ этого обращенія, и давайте до того времени мнѣ деньги на мое содержаніе и на мою работу». Да ему тогда въ одинъ голосъ закричимъ мы всѣ: «Что ты, братъ, за нескладицу городишь? за дураковъ, что ли, насъ принять? Что за связь у души съ картиною? Душа сама по себѣ, а картина сама по себѣ. [Что намъ ждать твоего обращенія? Ты долженъ быть и безъ того христіанинъ; вѣдь вотъ мы же всѣ истинные христіане]». Вотъ что мы скажемъ всѣ Иванову, и каждый изъ насъ почти правъ. Не будь этихъ же самыхъ тяжелыхъ его обстоятельствъ и внутреннихъ терзаній душевныхъ, которыя силою заставили его обратиться жарче другихъ къ Богу и дали ему способность къ Нему прибѣгать и жить въ Немъ такъ, какъ не живетъ въ Немъ нынѣшній свѣтскій художникъ, и выплывать слезами тѣ чувства, которыхъ онъ силился добыть прежде одними размышленіями, — не изобразить бы ему никогда того, что начинаетъ онъ уже изображать теперь на полотнѣ, и онъ дѣйствительно бы обманулъ и себя, и другихъ, несмотря на все желаніе не обмануть.

Не думайте, чтобы легко было изясниться съ людьми во время переходнаго состоянія душевнаго, когда, по волѣ Бога, начнется переработка въ собственной природѣ человѣка. Я это знаю и отчасти даже испыталъ самъ. Мои сочиненія тоже связались чуднымъ образомъ съ моею душою и моимъ внутреннимъ воспитаніемъ. Въ продолженіе болѣе шести лѣтъ я ничего не могъ работать для свѣта. Вся работа производилась во мнѣ и собственно для меня. А существовалъ я дотолѣ, — не позабудьте, — единственно доходами съ моихъ сочиненій. Всѣ почти знали, что я нуждаюсь; но были увѣрены, что это происходитъ отъ собственного моего упрямства, что мнѣ стоить только присѣсть да написать небольшую вещь, чтобы получить большія деньги; а я не въ силахъ былъ произвести ни одной строки, и когда, послушавшись совѣта одного неразумнаго человѣка, вздумалъ было заставить себя насильно написать кое-какія статейки для журнала, это было мнѣ въ такой степени трудно, что ныла моя голова, болѣли всѣ чувства, я

маралъ и раздиралъ страницы, и послѣ двухъ, трехъ мѣсяцевъ такой пытки такъ разстроилъ здоровье, которое и безъ того было плохо, что слегъ въ постель, а присоединившіеся къ тому недуги нервическіе и, наконецъ, недуги отъ неумѣнья никому въ свѣтѣ изъяснить состояніе своего положенія до того меня изнурили, что былъ я уже на краю гроба. И два раза случилось почти то же. Одинъ разъ, въ прибавленіе ко всему этому, я очутился въ городѣ, гдѣ не было почти ни души мнѣ близкой, безъ всякихъ средствъ, рискуя умереть, не только отъ болѣзни и страданій душевныхъ, но даже отъ голода. Это было уже давно тому. [Спасенъ я былъ государемъ: неожиданно ко мнѣ пришла отъ него помощь. Услышалъ ли онъ сердцемъ, что бѣдный подданный его на своемъ неслужащемъ и незамѣтномъ поприщѣ помышлялъ сослужить ему такую же честную службу, какую сослужили ему другіе на своихъ служащихъ и замѣтныхъ поприщахъ, или это было просто обычное движеніе милости его; но эта помощь меня подняла вдругъ. Мнѣ было приятно въ эту минуту быть обязану ему, а не кому-либо другому. Къ причинамъ, побудившимъ взяться съ новою силою за трудъ, присоединилась еще и мысль, — если удостоить меня Богъ сдѣлаться точно человѣкомъ близкимъ для многихъ людей и достойнымъ точно любви всѣхъ тѣхъ, которыхъ люблю, — сказать имъ: «не забывайте же, меня бы не было, можетъ-быть, на свѣтѣ, если бъ не государь»]. Вотъ каковы бывають положенія! Въ прибавленіе скажу вамъ, что въ это же самое время я долженъ былъ слышать обвиненія въ эгоизмѣ: многие не могли мнѣ простить моего неучастія въ разныхъ дѣлахъ, которыя они затѣвали, по ихъ мнѣнію, для блага общаго. Слова мои, что я не могу писать и не долженъ работать ни для какихъ журналовъ и альманаховъ, принимались за выдумку. Самая жизнь моя, которую я велъ въ чужихъ краяхъ, приписана была сибаритскому желанію наслаждаться красотами Италіи. Я не могъ даже изъяснить никому изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей, что, кромѣ нездоровья, мнѣ нужно было временное отдаленіе отъ нихъ самихъ, затѣмъ именно, чтобы не попасть въ фальшивыя отношенія съ ними и не нанести имъ же непріятностей, — я даже этого не могъ объяснить! Я слышалъ самъ, что мое душевное состояніе до того сдѣлалось странно, что ни одному человѣку въ мірѣ не могъ бы я рассказать его понятно. Смялся открытъ хотя одну часть себя, я видѣлъ тутъ же передъ моими глазами, какъ моими же словами туманилъ и кружилъ голову слушавшему меня человѣку, и горько раскаивался за одно даже желаніе быть отравленнымъ. Клянусь, бывають такъ трудны положенія, что ихъ можно уподобить только положенію того человѣка, который находится въ летаргическомъ снѣ, который видитъ самъ, какъ его погребаютъ живого, — и не можетъ даже пошевелить пальцемъ и подать знака, что онъ еще живъ. Нѣтъ, храни Богъ въ эти минуты переходнаго состоянія душевнаго пробовать объяснять себя какому-нибудь человѣку; нужно бѣжать къ одному Богу, и ни къ кому болѣе. Противъ меня стали несправедливы многие, даже близкіе мнѣ люди, и были въ то же время несомнѣнно невиноваты: я бы самъ сдѣлалъ то же, находясь на ихъ мѣстѣ.

То же самое и въ дѣлѣ Иванова: если бы случилось, чтобы онъ умеръ отъ бѣдности и недостатка средствъ, вдругъ бы все исполнилось негодованія противу тѣхъ, которые допустили это; пошли бы обвиненія въ безчувственности и зависти къ нему другихъ художниковъ. Иной драматическій поэтъ составилъ бы изъ этого чувствительную драму, которою растрогалъ бы слушателей и подвинулъ бы гнѣвомъ противу враговъ его. И все это было бы ложь, потому что, точно, никто не былъ бы истинно виновенъ въ его смерти.

Одинъ только человекъ былъ бы безчестенъ и виноватъ, и этотъ человекъ былъ бы — я: я испробовалъ почти то же состояніе, испробовалъ его на собственномъ тѣлѣ, и не объяснилъ того другимъ! И вотъ почему я теперь пишу къ вамъ. Устройте же это дѣло; не то — грѣхъ будетъ на вашей собственной душѣ; съ моей души я уже снялъ его этимъ самымъ письмомъ; теперь онъ повиснулъ на васъ. [Сдѣлайте такъ, чтобы не только было выдано Иванову то нищенское содержаніе, которое онъ просить, но еще сверхъ того одновременная награда, именно за то самое, что онъ работалъ долго надъ своею картиною и не хотѣлъ въ это время ничего работать посторонняго, какъ ни заставляли его другіе люди, и какъ ни заставляла его собственная нужда]. Не скупитесь: деньги всѣ вознаградятся. Достоинство картины уже начинаетъ обнаруживаться всѣмъ. Весь Римъ начинаетъ говорить гласно, — судя даже по нынѣшнему ея виду, въ которомъ далеко еще не выступила вся мысль художника, — что подобнаго явленія еще не показывалось отъ временъ Рафаэля и Леонардо-да-Винчи. Будетъ окончена картина [— бѣднѣйшій дворъ въ Европѣ заплатитъ за нее охотно тѣ деньги, какія теперь платятъ за вновь находимыя картины прежнихъ великихъ мастеровъ]. Такихъ картинамъ не бываетъ цѣна меньше ста или двухсотъ тысячъ. [Устройте такъ, чтобы награда выдана была не за картину, но за самоотверженіе и непримѣрную любовь къ искусству, чтобы это послужило въ урокъ художникамъ. Урокъ этотъ нуженъ, чтобы видѣли всѣ другіе, какъ нужно любить искусство, — что нужно, какъ Ивановъ, умереть для всѣхъ приманокъ жизни; какъ Ивановъ, учиться и считать себя вѣкъ ученикомъ; какъ Ивановъ, отказываться себѣ во всемъ, даже и въ лишнемъ блюдѣ въ праздничный день; какъ Ивановъ, надѣть простую плисовую куртку, когда оборвались всѣ средства, и пренебречь пустыми приличіями; какъ Ивановъ, вытерпѣть все и при высокомъ и нѣжномъ образованіи душевномъ, при большой чувствительности ко всему, вынести всѣ колкія пораженія и даже то, когда угодно было нѣкоторымъ провозгласить его сумасшедшимъ и распустить этотъ слухъ такимъ образомъ, чтобы онъ собственными своими ушами, на всякомъ шагу, могъ его слышать. За эти-то подвиги нужно, чтобы ему была выдана награда. Это нужно особенно для художниковъ молодыхъ и выступающихъ на поприще художества, чтобы не думали они о томъ, какъ заводить галстучки да сюртучки, да дѣлать долги для поддержанія какого-то вѣса въ обществѣ; чтобы знали впередъ, что подкрѣпленіе и помощь со стороны правительства ожидаютъ только тѣхъ, которые уже не помышляютъ о сюртучкахъ да о пирушкахъ съ товарищами, но отдались своему дѣлу, какъ монахъ монастырю. Хорошо бы даже, если бы выданная Иванову сумма была слишкомъ велика, чтобы невольно почесали у себя въ затылкѣ всѣ другіе. Не бойтесь, эту сумму онъ не возьметъ себѣ; можетъ-быть, изъ нея и копейки не возьметъ для себя: эта сумма будетъ вся употреблена на вспомошествованіе истиннымъ труженикамъ искусства, которыхъ знаетъ художникъ лучше, нежели какой-либо чиновникъ, и распоряженія по этому дѣлу будутъ произведены лучше чиновническихъ. За чиновникомъ мало ли что можетъ водиться: у него можетъ случиться и жена-модница, и пріятели-ѣдоки, которыхъ нужно угощать обѣдомъ; чиновникъ заведетъ и штатъ, и блескъ; станетъ даже утверждать, что для поддержанія чести русской націи нужно задать пыли иностранцамъ, и потребуетъ на это деньги. Но тотъ, кто самъ подвизался на томъ поприщѣ, которому потомъ долженъ помочь, кто слышалъ вопль потребности и нужды истинной, а не поддѣльной, кто терпѣлъ самъ и видѣлъ, какъ терпятъ другіе, и соскорбѣлъ имъ, и дѣлился послѣдней рубашкой съ немущимъ труженикомъ

въ то время, когда и самому нечего было ѣсть и не во что одѣться, какъ дѣлалъ это Ивановъ, тотъ — другое дѣло. Тому можно смѣло повѣрить милліонъ и спать спокойно: не пропадетъ даромъ копейки изъ этого милліона]. Поступите же справедливо, а письмо мое покажите другимъ, какъ моимъ, такъ и вашимъ пріятелямъ, и особенно такимъ, которыхъ управленію ввѣрена какая-нибудь часть, потому что труженики, подобные Иванову, могутъ случиться на всѣхъ поприщахъ, и все-таки не нужно допускать, чтобы они умерли съ голоду. Если случится, что одинъ, отдѣлившись отъ всѣхъ другихъ, займется крѣпче всѣхъ своимъ дѣломъ, хотя бы даже и своимъ собственнымъ, но если онъ скажетъ, что это повидимому собственное его дѣло будетъ нужно для всѣхъ, считайте его какъ бы на службѣ у людей и выдавайте насущное прокормленіе. А чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли здѣсь какого обмана, потому что подъ такимъ видомъ можетъ пробраться лѣнивый и ничего не дѣлающій человекъ, слѣдите за его собственною жизнію; его собственная жизнь скажетъ все. Если онъ такъ же, какъ Ивановъ, плюнулъ на всѣ приличія и условія свѣтскія, надѣлъ простую куртку и, отогнавши отъ себя мысль не только объ удовольствіяхъ и пирушкахъ, но даже мысль завестись когда-либо женою и семействомъ или какимъ-либо хозяйствомъ, ведетъ жизнь истинно-монашескую, корпя день и ночь надъ своею работою и молясь ежеминутно, — тогда нечего долго разсуждать, а нужно дать ему средства работать; не зачѣмъ также торопить и подталкивать его — оставьте его въ покоѣ; подтолкнетъ его Богъ безъ васъ: ваше дѣло только смотрѣть за тѣмъ, чтобы онъ не умеръ съ голода. Не давайте ему большого содержанія; давайте ему бѣдное и нищенское, даже и не соблазняйте его соблазнами свѣта. Есть люди, которые должны вѣкъ остаться нищими. Нищенство есть блаженство, котораго еще не раскусилъ свѣтъ; но кого Богъ удостоилъ отвѣдать его сладость, и кто уже возлюбилъ истинно свою нищенскую сумгу, тотъ не продастъ ея ни за какія сокровища здѣшняго міра.

1846.

XXIV.

Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Россіи.

Долго думалъ я, на кого изъ васъ напасть: на васъ, или на вашего мужа? Наконецъ, рѣшаюсь напасть на васъ: женщина скорѣе способна очнуться и двинуться. Положеніе васъ обоихъ, хотя вы считаете себя на верху блаженства, по мнѣ, не только не блаженно, но даже хуже положенія тѣхъ, которые считаютъ себя въ горѣ и несчастіи. У васъ обоихъ есть много хорошихъ качествъ душевныхъ, сердечныхъ и даже умственныхъ, и нѣтъ только того, безъ чего все это ни къ чему не послужитъ: нѣтъ внутри себя управленія собою. Никто изъ васъ не господинъ себѣ. Въ васъ нѣтъ характера, признавая характеромъ *крѣпость воли*. Вашъ мужъ, чувствуя эту недостаточность въ себѣ, женился нарочно затѣмъ, чтобы найти въ женѣ себѣ возбужденіе на всякое дѣло и подвигъ. Вы за него вышли замужъ затѣмъ, чтобы онъ былъ вашимъ возбудителемъ во всякомъ дѣлѣ жизни. Оба другъ отъ друга ждутъ того, чего нѣтъ у обоихъ. Говорю вамъ: положеніе ваше не только не блаженно, но даже опасно. Вы оба расплыветесь и распуститесь

среди жизни, какъ мыло въ водѣ. Всѣ ваши достоинства и добрыя качества исчезнуть въ безпорядкѣ дѣйствій, который одинъ сдѣлается вашимъ характеромъ, и будете вы оба — олицетворенное безсиліе. Молите Бога о *крѣпости*. У Бога можно все вымолить, даже крѣпость, которую, какъ извѣстно, никакими средствами не можетъ достать безсильный и слабый человекъ. Поступите только умно. *Молись и къ берегу грѣбись*, говорить пословица. Произнесите въ себѣ и поутру, и въ полдень, и ввечеру, и во всѣ часы дня: «Боже, собери меня всю въ самое меня и укрѣпи!» и дѣйствуйте въ продолженіе цѣлаго года такъ, какъ я вамъ сейчасъ скажу, не разсуждая покуда, зачѣмъ и къ чему это. Всю хозяйственную часть дома возьмите на себя; приходъ и расходъ чтобы былъ въ вашихъ рукахъ. Не ведите общей расходной книги, но съ самаго начала года сдѣлайте смѣту всему впередъ, обнимите всѣ нужды ваши, сообразите впередъ, сколько можете и сколько вы должны издержать въ годъ, сообразно вашему достатку, и все приведете въ круглыя суммы. Раздѣлите ваши деньги на семь почти равныхъ кучъ. Въ первой кучѣ будутъ деньги на квартиру, съ отопкою, водою, дровами и всѣмъ, что ни относится до стѣнъ дома и чистоты двора; во второй кучѣ — деньги на столъ и на все сѣстное съ жалованьемъ повару и продовольствіемъ всего, что ни живетъ въ вашемъ домѣ; въ третьей кучѣ — экипажъ: карета, кучеръ, лошади, сѣно, овесъ, словомъ — все, что относится къ этой части; въ четвертой кучѣ — деньги на гардеробъ, то-есть все, что нужно для васъ обоихъ затѣмъ, чтобы показаться въ свѣтъ или сидѣть дома; въ пятой кучѣ будутъ ваши карманныя деньги; въ шестой кучѣ — деньги на чрезвычайныя издержки, какія могутъ встрѣтиться: перемѣна мебели, покупка новаго экипажа и даже вспомоществованіе кому-нибудь изъ вашихъ родственниковъ, если бы онъ возымѣлъ внезапную надобность; седьмая куча — Богу, то-есть деньги на церковь и на бѣдныхъ. Сдѣлайте такъ, чтобы эти семь кучъ пребывали у васъ несмѣшанными, какъ бы семь отдѣльныхъ министерствъ. Ведите расходъ каждый особо, и ни подъ какимъ предлогомъ не занимайте изъ одной кучи въ другую. Какія ни представлялись бы вамъ въ это время выгодныя покупки и какъ бы ни соблазняли онѣ васъ своею дешевизною, — не покупайте. На это можете отважиться послѣ, когда побольше укрѣпитесь; а теперь не забывайте ни на мигъ, что все это вами дѣлается для покупки твердаго характера, а эта покупка покаместъ для васъ нужнѣе всякой другой покупки. И потому будьте въ этомъ случаѣ упрямы, просите Бога объ упрямствѣ. Даже и тогда, когда бы оказалась надобность помочь бѣдному, вы не можете употребить на это больше того, сколько находится въ опредѣленной на то кучѣ. Если бы даже вы были свидѣтельницею картины несчастія, раздирающаго сердце, и видѣли бы сами, что денежная помощь можетъ помочь, не смѣйте и тогда дотрогиваться до другихъ кучъ, но поѣзжайте по всему городу, по всѣмъ вашимъ знакомымъ и старайтесь преклонить ихъ на жалость: просите, молитесь, будьте готовы даже на униженіе себя, чтобы это осталось вамъ въ урокъ, чтобы вы помнили вѣчно, какъ вы были доведены до жестокой необходимости отказать несчастному, какъ вы должны были изъ-за этого подвергнуться униженію и даже осмѣянію публичному, чтобы это не выходило у васъ изъ ума, чтобы вы черезъ это пріучились обрѣзывать себя въ расходахъ по каждой кучѣ и заранѣе помышлять о томъ, чтобы къ концу года оставался отъ каждой остатокъ для бѣдныхъ, а не сходились бы только концы съ концами. Если вы будете держать это въ головѣ своей безпрестанно, то вы никогда не заѣдете безъ надобности сильной въ магазинъ и не купите себѣ неожиданно какое-нибудь украшеніе

для камина или стола, на что такъ падли у насъ какъ дамы такъ и мужчины (последніе еще больше, и суть не женщины, а бабы). Ваши прихоти будутъ невольны и нечувствительно сжиматься, и дойдетъ, наконецъ, до того, что вы почувствуете сами, что вамъ не нужно имѣть больше одной кареты и пары лошадей, больше четырехъ блюдъ за столомъ; что званый обѣдъ можетъ также насытить людей и на простомъ сервизѣ, съ прибавкою одного лишняго блюда да бутылки вина, разнесеннаго безъ всякихъ тонкостей въ простыхъ рюмкахъ. Вы даже не только не сторите отъ стыда, если пойдетъ по городу слухъ, что у васъ не *comme il faut*, но еще посмѣетесь тому сами, увѣрившись истинно, что настоящее *comme il faut* есть то, какого требуетъ отъ человѣка Тотъ Самый, Который создалъ его, а не тотъ, который приводитъ въ систему обѣды, даже и не тотъ, который сочиняетъ всякій день мѣняющіяся этикетки, даже и не сама мадамъ Сихлеръ. Заведите для всякой денежной кучи особенную книгу, подводите итогъ всякой кучѣ каждый мѣсяцъ и пересчитывайте въ послѣдній день мѣсяца все вмѣстѣ, сравнивая всякую вещь одну съ другою, чтобы умѣть узнавать, во сколько разъ одна нужнѣе другой, чтобы видѣть ясно, отъ какой прежде нужно отказаться, въ случаѣ необходимости, чтобы научиться мудрости постигать, что изъ нужнаго есть самое нужнѣйшее.

Держитесь этого строго въ продолженіе цѣлаго года, крѣпитесь и будьте упрямы, и во все это время молитесь Богу, чтобы укрѣпилъ васъ, — и вы окрѣпнете непремѣнно. Важно то, чтобы въ человѣкѣ хотя что-нибудь окрѣпнуло и стало непреклоннымъ; отъ этого невольно устанавливается порядокъ и во всемъ прочемъ. Укрѣпясь въ дѣлѣ вещественнаго порядка, вы укрѣпитесь нечувствительно въ дѣлѣ душевнаго порядка. Распредѣлите ваше время; положите всему непремѣнные часы. Не оставайтесь поутру съ вашимъ мужемъ; гоните его на должность въ его департаментъ, ежеминутно напоминая ему о томъ, что онъ весь долженъ принадлежать общему дѣлу и хозяйству всего государства (а его собственное хозяйство не его забота: оно должно лежать на васъ, а не на немъ), что онъ женился именно затѣмъ, чтобы, освободя себя отъ мелкихъ заботъ, всего отдать отчизнѣ, и жена дана ему не на помѣху службѣ, а въ укрѣпленіе его на службѣ. Чтобы все утро вы работали порознь, каждый на своемъ поприщѣ, и черезъ то встрѣтились бы весело передъ обѣдомъ и обрадовались бы такъ другъ другу, какъ бы нѣсколько лѣтъ не видались, чтобы вамъ было что пересказать другъ другу и не попотчевалъ бы одинъ другого зѣвотою: расскажите ему все, что вы дѣлали въ вашемъ домѣ и домашнемъ хозяйствѣ, и пусть онъ расскажетъ вамъ все, что производилъ въ департаментѣ своемъ для общаго хозяйства. Вы должны знать непремѣнно существо его должности, и въ чемъ состоитъ его часть, и какія дѣла случилось ему вершить въ тотъ день, и въ чемъ именно они состояли. Не пренебрегайте этимъ и помните, что жена должна быть помощницею мужа. Если только въ теченіе одного года вы будете внимательно выслушивать отъ него все, то на другой годъ будете въ силахъ подать ему даже совѣтъ, будете знать, какъ ободрить его при встрѣчѣ съ какою-нибудь непріятностію по службѣ, будете знать, какъ заставить его перенести и вытерпѣть то, на что у него не достало бы духа, будете его истинный возбудитель на все прекрасное.

Начните же съ этого дня исполнять все, что я вамъ теперь сказалъ. Крѣпитесь, молитесь и просите Бога безпрерывно, да поможетъ вамъ собрать всю себя въ себѣ и держать себя. Все у насъ теперь расплылось и распуговалось. Дрянъ и тряпка сталъ всякъ человѣкъ; обратилъ самъ себя въ

подлое подножіе всего и въ раба самыхъ пустѣйшихъ и мелкихъ обстоятельствъ, и нѣтъ теперь нигдѣ свободы въ ея истинномъ смыслѣ. Эту свободу одинъ мой пріятель, который съ вами лично не знакомъ, но котораго, однакоже, знаетъ вся Россія, опредѣляетъ такъ: «Свобода не въ томъ, чтобы говорить произволу своихъ желаній: да, но въ томъ, чтобы умѣть сказать имъ: нѣтъ». Онъ правъ, какъ сама правда. Никто теперь въ Россіи не умѣетъ сказать самому себѣ этого твердаго нѣтъ. Нигдѣ я не вижу мужа. Пусть же безсильная женщина ему о томъ напомнить! Стало такъ теперь все чудно, что жена же должна повелѣть мужу, дабы онъ былъ ея глава и повелитель.

1845.

XXV.

Сельскій судъ и расправа.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ М.

Никакъ не пренебрегайте расправою и судомъ. Не поручайте этого дѣла управителю и никому въ деревнѣ: эта часть важнѣе самаго хозяйства. Судите сами. Этимъ однимъ вы укрѣпите связь помѣщика съ крестьянами. Судъ — Божье дѣло, и я не знаю, что можетъ быть этого выше. Недаромъ такъ чествуется въ народѣ тотъ, кто умѣетъ произносить правый судъ: къ вамъ повалитъ не только ваша деревня, но и всѣ окружные мужики изъ другихъ селеній, какъ только узнаютъ, что вы умѣете давать расправу. Не пренебрегайте никѣмъ изъ приходящихъ и судите всѣхъ, хотя бы даже и въ незначительной ссорѣ или дракѣ. По поводу этого можете много сказать мужику такого, что пойдетъ въ добро его душѣ, и чего бы вы никакъ не нашлись сказать въ другое время, не найдя, къ чему прицѣпиться.

Судите всякаго человѣка двойнымъ судомъ и всякому дѣлу дайте двойную расправу. Одинъ судъ долженъ быть человѣческій: на немъ оправдайте праваго и осудите виновнаго. Старайтесь, чтобы это было при свидѣтеляхъ, чтобы тутъ стояли и другіе мужики, чтобы всѣ видѣли ясно, какъ день, чѣмъ одинъ правъ и чѣмъ другой виноватъ. Другой же судъ сдѣлайте Божескій: и на немъ осудите и праваго, и виноватаго. Выведите ясно первому, какъ онъ самъ былъ тому виною, что другой его обидѣлъ, а второму — какъ онъ вдвойнѣ виноватъ и предъ Богомъ, и предъ людьми; одного укорите, зачѣмъ не простилъ своему брату, какъ повелѣлъ Христосъ; а другого попрекните, зачѣмъ онъ обидѣлъ Самого Христа въ своемъ братѣ; а обоимъ вмѣстѣ дайте выговоръ за то, что не примирились сами собою и пришли на судъ, и возьмите слово съ обоихъ исповѣдаться непременно попу на исповѣди во всемъ. [Если такой судъ вы будете произносить, вы будете сами полномочны, какъ Богъ, потому что Богъ васъ уполномочить]. Вы излечете отсюда для себя самого много добра и много прямыхъ и правыхъ познаній. [Если бы многіе изъ государственныхъ людей начинали свое поприще не бумажными занятіями, а умной расправою дѣлъ между простыми людьми, они бы лучше узнали духъ земли, свойство народа и вообще душу человѣка, и не заимствовали бы потомъ изъ чужеземныхъ земель намъ неприличныхъ нововведеній]. Правосудіе у насъ могло бы исполняться лучше, нежели во всѣхъ другихъ государствахъ, потому что изъ всѣхъ народовъ только въ одномъ русскомъ заронила эта вѣрная мысль, что нѣтъ человѣка праваго, и что правъ одинъ только Богъ. Эта мысль, какъ непреложное

вѣрованіе, разнеслась повсюду въ нашемъ народѣ. Вооруженный ею, даже простой и неумный человѣкъ получаетъ въ народѣ власть и прекращаетъ ссоры. Мы только, люди высшіе, не слышимъ ея, потому что набрались пустыхъ рыцарски-европейскихъ понятій о правдѣ. Мы только споримъ изъ-за того, кто правъ, кто виноватъ; а если разобрать каждое изъ дѣлъ нашихъ, придешь къ тому же знаменателю, то-есть — оба виноваты. И видишь, что весьма здраво поступила комендантша въ повѣсти Пушкина «Капитанская дочка», которая, пославши поручика разсудить городского солдата съ бабою, подравшихся въ банѣ за деревянную шайку, снабдила его такою инструкціею: «Разбери, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи».

1845.

XXVI.

Страхи и ужасы Россіи.

ПИСЬМО КЪ ГРАФИНѢ .....ОЙ.

На ваше длинное письмо, которое вы писали съ такимъ страхомъ, которое просили сей же часъ истребить послѣ прочтенія и на которое отвѣчать просили не иначе, какъ чрезъ вѣрныя руки, и отнюдь не по почтѣ, я отвѣчаю не только не по секрету, но, какъ вы видите, въ печатной книгѣ, которую, можетъ-быть, прочтеть половина грамотной Россіи. Побудило меня къ тому то, что, можетъ-быть, мое письмо послужитъ въ то же время отвѣтомъ и прочимъ, которые, подобно вамъ, смущаются тѣми же страхами. То, что вы мнѣ объявляете по секрету, есть еще не болѣе, какъ одна часть всего дѣла; а вотъ если бы я вамъ разсказалъ то, что я знаю (а знаю я, безъ всякаго сомнѣнія, далеко еще не все), тогда бы, точно, помutilись ваши мысли, и вы сами подумали бы, какъ бы убѣжать изъ Россіи. Но куда бѣжать? вотъ вопросъ. Европѣ пришлось еще труднѣе, нежели Россіи. Разница въ томъ, что тамъ никто еще этого вполне не видитъ. Все, не выключая даже государственныхъ людей, пребываетъ покуда на верхушкѣ верхнихъ свѣдѣній, то-есть пребываетъ въ томъ заколдованномъ кругѣ познаній, который нанесенъ журналами въ видѣ скороспѣлыхъ выводовъ, опрометчивыхъ показаній, выставленныхъ, сквозь живыя призмы всякихъ партій, вовсе не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они есть. Погодите, скоро поднимутся снизу такіе крики, именно въ тѣхъ съ виду благоустроенныхъ государствахъ, которыхъ наружнымъ блескомъ мы такъ восхищаемся, стремясь отъ нихъ все перенимать и приспособлять къ себѣ, что закружится голова у самыхъ тѣхъ знаменитыхъ государственныхъ людей, которыми вы такъ любовались въ палатахъ и камерахъ. Въ Европѣ завариваются теперь повсюду такія сумятицы, что не поможетъ никакое человѣческое средство, когда онѣ вскроются, и передъ ними будетъ ничтожная вещь тѣ страхи, которые вамъ видятся теперь въ Россіи. Въ Россіи еще брежетъ свѣтъ, есть еще пути и дороги къ спасенію, и слава Богу, что эти страхи наступили теперь, а не позже. Ваши слова: «всѣ падаютъ духомъ, какъ бы въ ожиданіи чего-то неизбѣжнаго», равно какъ и слова: «каждый думаетъ только о спасеніи личныхъ выгодъ, о сохраненіи собственной пользы, точно, какъ на полѣ сраженія послѣ потерянной битвы всякій думаетъ только о спасеніи жизни: *sauve qui peut*», дѣйствительно справедливы; такъ оно теперь дѣйствительно есть; такъ быть должно: такъ повелѣлъ Богъ, чтобъ оно было. Всякъ долженъ подумать теперь о себѣ, именно о своемъ собственномъ спасеніи. Но насталь другой

родъ спасеня. Не бѣжать на корабль изъ земли своей, спасая свое презрѣнное земное имущество; но, спасая свою душу, не выходя вонъ изъ государства, долженъ всякъ изъ насъ спасать себя самого въ самомъ сердцѣ государства. На корабль своей должности, службы долженъ теперь всякъ изъ насъ выноситься изъ омута, глядя на Кормщика Небеснаго. Кто даже и не въ службѣ, тотъ долженъ теперь вступить на службу и ухватиться за свою должность, какъ утопающій хватается за доску, безъ чего не спастись никому. Служить же теперь долженъ изъ насъ всякъ не такъ, какъ бы служилъ онъ въ прежней Россіи, но въ другомъ небесномъ государствѣ, главой котораго уже Самъ Христосъ, а потому и всѣ свои отношенія ко власти ли, высшей надъ нами, къ людямъ ли, равнымъ и кружащимся вокругъ насъ, къ тѣмъ ли, которые насъ ниже и находятся подъ нами, должны мы выполнить такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, а не кто другой. И ужъ нечего теперь глядѣть на какіе-нибудь щелчки, которые стали бы наноситься, отъ кого бы то ни было, нашему честолюбію или самолюбію, — нужно помнить только то, что ради Христа взята должность, а потому и должна быть выполнена такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, а не кто другой. Только однимъ этимъ средствомъ и можетъ всякъ изъ насъ теперь спастись. И плохо будетъ тому, кто объ этомъ не помыслитъ теперь же. Помутится умъ его, омрачатся мысли, и не найдеть онъ угла, куда скрыться отъ своихъ страховъ. Вспомните *Египетскія тьмы*, которыя съ такой силой передалъ царь Соломонъ, когда Господь, желая наказать однихъ, наслалъ на нихъ невѣдомые, непонятные страхи и тьмы. Слѣпая ночь обняла ихъ вдругъ среди бѣла дня; со всѣхъ сторонъ уставились на нихъ ужасающіе образы; дряхлыя страшилища съ печальными лицами стали неотразимо въ глазахъ ихъ; безъ желѣзныхъ цѣпей сковала ихъ всѣхъ боязнь и лишила всего: всѣ чувства, всѣ побужденія, всѣ силы въ нихъ погибли, кромѣ одного страха. И произошло это только въ тѣхъ, которыхъ наказалъ Господь; другіе въ то же время не видали никакихъ ужасовъ: для нихъ былъ день и свѣтъ.

Смотрите же, чтобы не случилось съ вами чего-нибудь подобнаго. Лучше молитесь и просите Бога о томъ, чтобы вразумилъ васъ, какъ быть вамъ на вашемъ собственномъ мѣстѣ и на немъ исполнить все, сообразно съ закономъ Христа. Дѣло идетъ теперь не на шутку. Прежде чѣмъ приходитъ въ смущеніе отъ окружающихъ беспорядковъ, не дурно заглянуть всякому изъ насъ въ свою собственную душу. Загляните также и вы въ свою. Богъ вѣсть, можетъ-быть, тамъ увидите такой же беспорядокъ, за который браните другихъ, можетъ-быть, тамъ обитаетъ растрепанный, неопрятный гнѣвъ, способный всякую минуту овладѣть вашею душою, на радость врагу Христа; можетъ-быть, тамъ поселилась малодушная способность падать на всякомъ шагу въ уныніе — жалкая дочь безвѣрія въ Бога; можетъ-быть, тамъ еще таится тщеславное желанье гоняться за тѣмъ, что блеститъ и пользуется извѣстностью свѣтской; можетъ-быть, тамъ обитаетъ гордость лучшими свойствами своей души, способная превратить въ ничто все добро, какое имѣемъ. Богъ вѣсть, что можетъ быть въ душѣ нашей. Лучше въ нѣсколько разъ больше смутиться оттого, что внутри насъ самихъ, нежели оттого, что внѣ и вокругъ насъ. Что же касается до страховъ и ужасовъ въ Россіи, то они не безъ пользы: посреди ихъ многіе воспитались такимъ воспитаньемъ, котораго не дадутъ никакія школы. Самая затруднительность обстоятельство, предоставивши новые извороты уму, разбудила дремавшія способности многихъ, и въ то время, когда на однихъ концахъ Россіи еще доплясываютъ польку и доигрываютъ преферансъ, уже незримо образуются на разныхъ

поприцахъ истинные мудрецы жизненнаго дѣла. Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы увидите, что Европа прѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ. Я бы вамъ назвалъ многихъ такихъ, которые составятъ когда-нибудь красоту земли Русской и принесутъ ей вѣковѣчное добро; но къ чести вашего пола я долженъ сказать, что женщинъ еще больше. Цѣлое жемчужное ожерелье ихъ хранить моя память. Всѣ онѣ, начиная съ вашихъ дочерей, которыя такъ живо напомнили мнѣ, во сколько разъ родство по душѣ выше всякаго кровнаго родства (дай Богъ, чтобъ наилучшая сестра съ такой готовностью исполняла просьбу своего брата, съ какою онѣ исполняли малѣйшее желаніе души моей),—начиная съ нихъ и продолжая тѣми, о которыхъ вы даже едва слышали, и оканчивая тѣми, о которыхъ вы, можетъ-быть, и не услышите никогда, но которыя совершеннѣе всѣхъ тѣхъ, о коихъ вы слышали. Всѣ онѣ не похожи одна на другую, и каждая есть сама по себѣ явленіе необыкновенное. Только одна Россія могла произвести подобное разнообразіе характеровъ, и только въ нынѣшнее время трудныхъ обстоятельствъ, расслабленія и развращенія общаго, повсемѣстной ничтожности общества могли онѣ образоваться. Но всѣхъ перевысила одна, которую я и въ глаза не знаю, и о которой до меня достигнулъ одинъ только темный рассказъ. Не думалъ я, чтобы могло существовать на землѣ подобное совершенство. Произвести такое умное и великодушное дѣло и произвести его такъ, какъ умѣла сдѣлать она,—сдѣлать такъ, чтобы отклонить отъ себя и подозрѣніе въ ея собственномъ участіи и разложить весь подвигъ на другихъ такимъ образомъ, что эти другіе стали хвастаться ею сдѣланнымъ дѣломъ, какъ бы собственнымъ своимъ, въ полной увѣренности, что они его сдѣлали; такъ умно обдумать уже впередъ, какъ убѣжать отъ извѣстности, тогда какъ само дѣло уже необходимо должно бы кричать о себѣ и обнаружить ее, успѣть въ этомъ и остаться въ неизвѣстности—нѣтъ, подобной мудрости еще не встрѣчалъ я ни въ комъ изъ нашей братьи мужеска пола! И передо мною показались въ ту минуту блѣдными всѣ женскіе идеалы, создаваемые поэтами: они то же передъ этой истиной, что бредъ воображенія передъ полнымъ разумомъ. Жалки мнѣ также показались въ эту минуту всѣ тѣ женщины, которыя гонятся за блистающей извѣстностью. И гдѣ же явилось такое чудо? Въ незамѣтномъ заходусѣ Россіи, въ то время именно, когда стало труднѣе изворачиваться челоуѣку, когда запутались обстоятельства всѣхъ, и наступили пугающіе васъ страхи и ужасы Россіи.

1846.

XXVII.

Близорукому пріятелю.

Вооружился взглядомъ современной близорукости и думаешь, что вѣрно судишь о событіяхъ! Выводы твои—гниль: они сдѣланы безъ Бога. Чтѣ ссылаешься ты на исторію? Исторія для тебя мертва — только закрытая книга. Безъ Бога не выведешь изъ нея великихъ выводовъ; выведешь одни только ничтожные и мелкіе. [Россія не Франція; элементы французскіе — не русскіе]. Ты позабылъ даже своеобразие каждаго народа и думаешь, что одни и тѣ же событія могутъ дѣйствовать одинакимъ образомъ на каждый народъ. Тотъ же самый молотъ, когда упадетъ на стекло, раздробляетъ его вдребезги, а когда упадетъ на желѣзо, куетъ его. Мысли твои [о финансахъ]

основаны на чтеніи иностранныхъ книгъ да на англійскихъ журналахъ, а потому суть мертвыя мысли. Стыдно тебѣ, будучи умнымъ человѣкомъ, не войти до сихъ поръ въ собственный умъ свой, который могъ бы самобытно развиться, а захлестать его чужеземнымъ навозомъ. Не вижу и въ проектахъ твоихъ участія Божьяго; не слышу въ словахъ писма твоего, не смотря на весь блескъ ума и остроумія, чтобы Богъ присутствовалъ въ твоихъ мысляхъ въ то время, когда ты писалъ его; не вижу я на твоей мысли освященія небснаго. Нѣтъ, не сдѣлаешь ты добра [на своей должности], хотя и желаешь того; не принесутъ твои дѣла того плода, котораго ждешь. Съ прекрасными намѣреніями можно сдѣлать зло, какъ уже многіе и сдѣлали его. Въ послѣднее время не столько безпорядковъ произвели глупые люди, сколько умные, а все оттого, что понадѣялись на свои силы да на умъ свой. Ты гордъ, и чѣмъ же гордъ? хоть бы уже своимъ умомъ; нѣтъ, ты загромодилъ соромъ свой умъ, дѣйствительно замѣчательный и великій, и сдѣлалъ его чужестранцемъ самому себѣ. Ты гордъ чужимъ, мертвымъ умомъ и выдаешь его за свой. Смотри за собою: ты ходишь опасно. Ты мѣтишь въ государственные люди, и будешь человѣкомъ государственнымъ, потому что у тебя, точно, есть на то способности; но тѣмъ строже теперь смотри за собою. Не заводи этихъ улучшеній, которыми уже наполнилась твоя голова [еще прежде, чѣмъ ты вступилъ въ свою должность], и помни, что всякимъ малѣйшимъ неосмотрительнымъ поступкомъ можно произвести теперь большое зло. Уже и въ твоихъ нынѣшнихъ проектахъ видна скорѣе боязнь, нежели предусмотрительность. Всѣ мысли твои направлены къ тому, чтобы избѣгнуть чего-то угрожающаго въ будущемъ. Не будущаго, но настоящаго опасайся. О настоящемъ велить намъ заботиться Богъ. Кто омрачается боязнію отъ будущаго, отъ того, значить, уже отступилась святая сила. Кто съ Богомъ, тотъ глядитъ свѣтло впередъ и есть уже въ настоящемъ творецъ блистающаго будущаго. А ты гордъ: ты и теперь уже ничего не хочешь видѣть; ты самоувѣренъ: ты думаешь, что уже все знаешь; ты думаешь, что всѣ обстоятельства. [Россіи] тебѣ открыты; ты думаешь, что уже никто и поучить тебя не можетъ; ты стремишься изо всѣхъ силъ быть похожимъ на тѣхъ [государственныхъ] людей, которые скоро блеснули и скоро исчезли, которые имѣли въ себѣ все для того, чтобы сдѣлать множества добра, которые даже пламенѣли желаніемъ сдѣлать добро, даже работали, какъ муравьи, всю свою жизнь, и при всемъ томъ не осталось послѣ нихъ никакого слѣда, и самая память о нихъ позабыта: какъ исчезнувшій кругъ на водѣ, исчезнула жизнь ихъ посреди Россіи. И до сихъ поръ еще, къ нашему стыду, указываютъ намъ европейцы на своихъ великихъ людей, которыхъ умнѣе бывають у насъ иногда и невеликіе люди; но тѣ хоть какое-нибудь оставили послѣ себя дѣло *прочное*, а мы производимъ кучи дѣлъ — и всѣ, какъ пыль, сметаются они съ земли вмѣстѣ съ нами. «Ты гордъ» — говорю тебѣ, и вновь повторяю тебѣ: «ты гордъ»; сторожи надъ собою и спасай себя отъ гордости заранѣе. Начни съ того, что увѣрь самого себя, что ты всѣхъ глупѣе и что съ этихъ только поръ слѣдуетъ серьезно поумнѣть тебѣ, и слушай съ такимъ вниманіемъ всякаго дѣльца, какъ бы ровно ничего не зная и всему отъ него хотѣлъ поучиться. Но тебѣ еще загадка слова мои; они на тебя не подѣйствуютъ. Тебѣ нужно или какое-нибудь несчастье, или потрясеніе. Моли Бога о томъ, чтобы случилось это потрясеніе, чтобы встрѣтилась тебѣ кака-нибудь невыносимѣйшая неприятность [на службѣ], чтобы нашелся такой человѣкъ, который сильно оскорбилъ бы тебя и опозорилъ такъ въ виду всѣхъ, что отъ стыда не зная бы ты, куда сокрыться,

разорвалъ бы однимъ разомъ всѣ чувствительнѣйшія струны твоего самолюбія. Онъ будетъ твой истинный братъ и избавитель. О, какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная въ виду всѣхъ, оплеуха!

1844.

XXVIII.

Занимающему важное мѣсто.

Во имя Бога берите всякую должность, какая бѣ ни была вамъ предложена, и не смущайтесь ничѣмъ. Придется ли вамъ ѣхать къ черкесамъ на Кавказъ или попржнему занять мѣсто генералъ-губернатора — вы теперь нужны повсюду. Чтѣ же до затруднительностей, о которыхъ вы говорите, то все теперь затруднительно; все стало сложно; вездѣ много работы. Чѣмъ больше вхожу умомъ въ существо нынѣшнихъ вещей, тѣмъ менѣе могу рѣшить, какая должность теперь труднѣй и какая легче. Для того, кто нехристіанинъ, все стало теперь трудно; для того же, кто внесъ Христа во всѣ дѣла и во всѣ дѣйствія своей жизни, все легко. Не скажу вамъ, чтобы вы сдѣлались вполне христіаниномъ, но вы близки къ тому. Васъ не шевелитъ уже честолюбіе, васъ не увлекаютъ впередъ уже ни чины, ни награды; вы уже вовсе не думаете о томъ, чтобы порисоваться передъ Европой и сдѣлать изъ себя историческое лицо. Словомъ — вы взошли именно на ту степень состоянья душевнаго, на которой нужно быть тому, кто захотѣлъ бы сдѣлать теперь пользу Россіи. Чего жъ вамъ бояться? Я даже не понимаю, какъ можетъ чего-либо бояться тотъ, кто уже постигнулъ, что нужно дѣйствовать повсюду, какъ христіанинъ. Онъ на всякомъ мѣстѣ мудрецъ, вездѣ знатель дѣла. Поѣдете вы на Кавказъ — вы прежде всего пристально осмотритесь. Христіанское смиреніе васъ не допуститъ ни къ какой быстрой поспѣшности. Вы, какъ ученикъ, сначала будете узнавать. Вы не пропустите ни одного стараго офицера, не разспросивъ о его собственноричныхъ схваткахъ съ неприятелемъ, зная, что только изъ знанія подробностей выводится знаніе цѣлаго. Вы заставете всѣхъ рассказать себѣ порознь всѣ подвиги бранной и бивачной жизни; разспросите и цицановцевъ, и ермоловцевъ, и офицеровъ нынѣшней эпохи и, когда заберете все, чтѣ нужно, обнимете всѣ частности, соедините всѣ отдѣльныя цифры и подведете имъ итогъ — выйдетъ въ итогѣ самъ собою планъ полководцу: не нужно будетъ и головы ломать, ясно будетъ все, какъ день, чтѣ вамъ нужно дѣлать. И когда весь планъ будетъ уже въ головѣ вашей, вы и тогда не будете торопиться, христіанское смиреніе васъ къ тому не допуститъ. Не объявляя его никому, вы разспросите всякаго замѣчательнаго офицера, какъ бы онъ поступилъ на вашемъ мѣстѣ; вы не оставите неуслышаннымъ ни одного мнѣнія, ни даже совѣта отъ кого бы то ни было, хотя бы отъ стоящаго на низкомъ мѣстѣ, зная, что иногда Богъ можетъ внушить и простому человѣку умное мнѣніе. Для этого вы не станете собирать военныхъ совѣтовъ, зная, что не въ преняхъ и спорахъ дѣло, но поодионокѣ выслушаете каждаго, кто бы ни захотѣлъ съ вами говорить. Словомъ, вы всѣхъ выслушаете, но сдѣлаете такъ, какъ повелитъ вамъ ваша собственная голова; а ваша собственная голова повелитъ вамъ разумно, потому что всѣхъ выслушаетъ. Вы будете даже не въ состояніи сдѣлать неразумное дѣло, потому что неразумныя дѣла дѣлаются отъ гордости и увѣренности въ себѣ. Но христіанское смиреніе спасетъ васъ повсюду и отгонитъ то самоослѣпленіе, которое находитъ на многихъ даже очень умныхъ людей,

которые, узнавши только одну половину дѣла, уже думаютъ, что узнали все, и летятъ опротивѣть дѣйствовать; тогда какъ, увы, даже и въ томъ дѣлѣ, которое, повидимому, насъ въ насъ извѣстно, можетъ скрываться цѣлая половина неизвѣстная. Нѣтъ, Богъ отъ васъ отгонитъ это грубое ослѣпленіе. Чего жъ вамъ бояться Кавказа?

Придется ли вамъ попрежнему быть генераль-губернаторомъ гдѣ-нибудь внутри Россіи — та же христіанская мудрость осѣнитъ васъ. Очень знаю, что теперь трудно начальствовать внутри Россіи, — гораздо труднѣе, чѣмъ когда-либо прежде и, можетъ-быть, труднѣе, чѣмъ на Кавказѣ: много злоупотребленій; завелись такія лихонимства, которыхъ истребить нѣтъ никакихъ средствъ человѣческихъ. Знаю и то, что образовался другой незаконный ходъ дѣйствій мимо законовъ государства, и уже обратился почти въ законный, такъ что законы остаются только для вида; и если только вникнешь пристально въ то самое, на что другіе глядятъ поверхностно, не подозрѣвая ничего, то закружится голова у наумнѣйшаго человѣка. Но вы и тутъ поступите умно. Христіанское смиреніе заставитъ васъ и здѣсь не предаваться покуда выводамъ гордаго ума, но терпѣливо обсмотрѣться. Зная, подъ какимъ множествомъ постороннихъ вліяній находится теперь всякъ человѣкъ, и какъ всѣ они имѣютъ сопркосновеніе съ отправленіемъ его должности, вы прежде любопытствуете узнать каждаго изъ занимающихъ главные должности, узнать его со всѣхъ сторонъ, съ его домашней и семейной жизнью, съ его образомъ мыслей, наклонностями и привычками. Для этого вы не будете употреблять шпионовъ. Нѣтъ, вы разспросите его самого. Онъ вамъ скажетъ все и съ вами разговорится, потому что въ лицѣ вашемъ есть уже что-то такое, что внушаетъ къ вамъ довѣрчивость во всѣхъ; съ помощью этого вы узнаете то, чего не узнаетъ никогда крикунъ-нахрапъ, или такъ-называемый распекатель. Вы не будете преслѣдовать за несправедливость никого отдѣльно до тѣхъ поръ, покуда не выступитъ передъ вами ясно вся цѣпь, необходимымъ звеномъ которой есть вами замѣченный чиновникъ. Вы уже знаете, что вина такъ теперь разложилась на всѣхъ, что никакимъ образомъ нельзя сказать вначалѣ, кто виноватъ болѣе другихъ: есть безвинно-виноватые и виновно-невинные. По этому-то самому вы теперь будете несравненно осторожнѣй и осмотрительнѣй, чѣмъ когда-либо прежде. Вы станете покрѣпче всматриваться въ душу человѣка, зная, что въ ней ключъ всего. Душу и душу нужно знать теперь, а безъ того не сдѣлать ничего. А узнавать душу можетъ одинъ только тотъ, кто началъ уже работать надъ собственной душой своею, какъ начали это дѣлать теперь вы. Если вы узнаете плута не только какъ плута, но и какъ человѣка вмѣстѣ, если вы узнаете всѣ душевныя его силы, данныя ему на добро и которыя онъ поворотилъ во зло или вовсе не употребилъ, тогда вы сумѣете такъ попрекнуть его имъ же самимъ, что онъ не найдетъ себѣ мѣста, куда ему укрыться отъ самого же себя. Дѣло вдругъ приметъ другой оборотъ, если покажешь человѣку, чѣмъ онъ виноватъ передъ самимъ собой, а не передъ другимъ. Тутъ потрясешь такъ его всего, что въ немъ явится вдругъ отвага быть другимъ, и тогда только вы почувствуете, какъ благородна наша русская порода, даже и въ плутѣ. Ваше нынѣшнее генераль-губернаторство будетъ совсѣмъ другое, нежели прежнее. Главная ошибка вашего прежняго управленія (которое, однакожъ, принесло большую пользу, несмотря на то, что вы его осуждаете и порочите) состояла, по моему мнѣнію, именно въ томъ, что вы не исполнѣе вѣрно опредѣляли себѣ существо этой должности. Вы приняли генераль-губернатора за постояннаго начальника и хозяйственнаго правителя губерніи, котораго благотѣльное вліяніе можетъ быть опутительно

въ губерніи только отъ долговременнаго его пребыванія на одномъ мѣстѣ. Одинъ государственный нашъ мужъ опредѣлилъ такъ эту должность: «генераль-губернаторъ есть министръ внутреннихъ дѣлъ, остановившійся на дорогѣ». Опредѣленіе это точнѣй и болѣе согласно съ тѣмъ, чего требуетъ само правительство отъ этой должности. Должность эта болѣе временная, чѣмъ постоянная. Генераль-губернаторъ посылается затѣмъ, чтобы ускорить біеніе государственнаго пульса внутри губерніи, привести въ быстрѣйшее движеніе все правительственное производство въ губернскихъ мѣстахъ, какъ связанныхъ между собою, такъ и независимыхъ, состоящихъ подъ управленіемъ отдѣльныхъ министерствъ, дать толчокъ всему, своимъ полномочіемъ облегчить затруднительность многихъ мѣстъ въ ихъ сношеніяхъ съ отдаленными министерствами, не ввести никакихъ новыхъ элементовъ и ничего не заводить отъ себя, все заставить обращаться быстрѣй въ законахъ и границахъ, уже указанныхъ и опредѣленныхъ. Власть эту, состоящую въ верховномъ блюденіи надъ тѣмъ, что уже есть и заведено, вы приняли за хлопотливую обязанность управителя, который самъ долженъ изворачиваться въ хозяйствѣ и принять на себя всѣ мелочные расходы; вы захватили себѣ часть того, что должно принадлежать губернатору, а не генераль-губернатору, и этимъ самымъ уменьшили значеніе высшей вашей должности. Вы сочли ваше мѣсто пожизненнымъ, вы захотѣли вашими собственными учрежденіями оставить по себѣ памятникъ вашего пребыванія, — стремленіе прекрасное, но если бь вы уже тогда были тѣмъ, чѣмъ вы есть теперь, то-есть болѣе христіаниномъ, вы позаботились бы о другомъ памятникѣ. Устроить дороги, мосты и всякія сообщенія, и устроить ихъ такъ умно, какъ устроили ихъ вы, есть дѣло истинно нужное; но угладить многія внутреннія дороги, которыя до сихъ поръ задерживаютъ русскаго человѣка въ стремленіи къ полному развитію силъ его и которыя мѣшаютъ ему пользоваться какъ дорогами, такъ и всякими другими внѣшностями образованія, о которыхъ мы такъ усердно хлопочемъ, есть дѣло еще нужнѣйшее. Пушкинъ, когда видѣлъ заботу не о главномъ, но о томъ, что уже исходитъ изъ главнаго, обыкновенно выражался пословицей: «было бы корыто, а свиньи будутъ». Мосты, дороги и всѣ эти сообщенія суть свиньи, а не что-либо другое: были бы города, а они сами собою прибѣгутъ. Въ Европѣ о нихъ не много хлопотали, но какъ только явились города, сами собою явились дороги: сами же частные люди и завели ихъ безъ всякаго пособія правительства, и теперь развилось ихъ такое множество, что стали уже серьезно задавать другъ другу вопросы: — «Зачѣмъ эта скорость сообщеній? Что выиграло человѣчество чрезъ эти желѣзныя и всякія дороги, что приобрѣло оно во всѣхъ родахъ своего развитія, и что пользы въ томъ, что одинъ городъ теперь обдѣлѣтъ, а другой сдѣлался толкучимъ рынкомъ, да увеличилось число праздношатающихся по всему міру?» Въ Россіи давно бы уже завелась вся эта дрянъ сама собою, съ такими удобствами, какихъ и въ Европѣ нѣтъ, если бы только многіе изъ насъ позаботились прежде о дѣлѣ внутреннемъ такъ, какъ слѣдуетъ. «О семъ помыслите прежде, — сказалъ Спаситель, — а сія вся вамъ приложится». Ваши подвиги въ отношеніи нравственномъ были гораздо значительнѣй. Кого я ни слышалъ, всѣ отзываются съ уваженіемъ о вашихъ распоряженіяхъ; всѣ говорятъ, что вы искоренили многія неправды, что постановили многихъ истинно-благородныхъ и прекрасныхъ чиновниковъ. Я это узналъ, хотя вы по скромности мнѣ не сказали. Но вы бы сдѣлали еще болѣе, если бы вспомнили тогда, что ваша должность на время, и что не о томъ слѣдовало заботиться, чтобъ только при васъ все было хорошо, но именно о томъ, чтобы послѣ

вась все было хорошо. Вы должны были безпрестанно представлять себѣ, что послѣ вась приметъ эту должность слабый и бездарный послѣдователь, который не только не поддержитъ вами заведеннаго порядка, но еще испортитъ его, а потому уже съ самаго начала вы должны были помышлять о томъ, чтобы дѣйствовать такъ прочно и закалить сдѣланное такъ крѣпко, чтобы послѣ вась никто уже не могъ своротить того, что разъ направлено. Вы должны были рубить зло въ корнѣ, а не въ вѣтвяхъ, и дать такой толчокъ всеобщему движенью всего, чтобы послѣ вась пошла сама собой работать машина, такъ, чтобы не зачѣмъ было надъ ней стоять и надсмотрщику, и сямъ только воздвигнули бы памятникъ вѣчный вашего генераль-губернаторства. Теперь я знаю, что вы совѣтъ поступите иначе, а потому не пренебрегайте никакъ этой должности, если бѣ она была вамъ вновь предложена. Никогда не былъ еще такъ важенъ и нуженъ генераль-губернаторъ, какъ въ нынѣшнее время. Я вамъ назову уже нѣсколько подвиговъ такихъ, которыхъ никто теперь не можетъ сдѣлать, кромѣ генераль-губернатора.

Во-первыхъ, ввести всякую должность въ ея законныя границы и всякаго чиновника губерніи въ полное познаніе его должности. Это дѣло очень не бездѣльное. Въ послѣднее время всѣ почти губернскія должности нечувствительнымъ образомъ выступили изъ предѣловъ и границъ, указанныхъ закономъ. Однѣ слишкомъ стали обрѣзаны и стѣснены, другія раздвинулись въ дѣйствіяхъ въ ущербъ прочимъ: прямыя мѣста обезсилѣли и ослабѣли отъ введенія множества косвенныхъ и временныхъ. Въ послѣднее время стали особенно чувствоваться полномочіе и развязанныя руки тамъ, гдѣ нужно препятствовать въ дѣйствіяхъ, и связанные руки тамъ, гдѣ нужно споспѣшествовать имъ. Возвратить всякую должность въ ея законный кругъ тѣмъ болѣе стало теперь трудно, что сами чиновники сбились въ своихъ понятіяхъ о ней. Получая ее по наслѣдству отъ предшественника въ томъ видѣ, какой далъ ей послѣдній, они всѣ соображаются болѣе или менѣе съ этимъ видомъ, а не съ первообразомъ ея, который уже почти вышелъ у всѣхъ изъ головы. Отъ этого многіе благонамѣренные и даже весьма умные начальники хотѣли уже уничтожить или вовсе преобразовать тѣ должности, которыя слѣдовало только просто возвратитъ себѣ. Дѣло это можетъ произвести только высшій и полномочный начальникъ, если онъ не пренебрежетъ выикнуть самъ въ существо всякой должности. Всѣ наши должности въ ихъ первообразѣ прекрасны и прямо созданы для земли нашей. Разсмотримъ нарочно организмъ губерніи.

Первое лицо — губернаторъ; онъ является въ нѣсколькихъ видахъ своей власти. Онъ начальникъ и правитель полномочный во всемъ, что ни относится до хозяйственнаго и полицейскаго управления по всей губерніи, какъ городского (разумѣя здѣсь все, что ни относится ко внутреннему устройству городовъ и содержанью среди ихъ порядка), такъ и земскаго, включая сюда все, что производится въ земляхъ внѣ городовъ: возьмемъ податей, распредѣленье повинностей, устройство дорогъ, постройки и поправки всѣхъ родовъ. Въ первомъ случаѣ въ его полномъ и непосредственномъ распоряженіи губернскаго полицмейстеръ и городничіе всѣхъ городовъ; во второмъ случаѣ — капитанъ-исправники и земскіе засѣдатели, которые относятся къ нему посредствомъ губернскаго правленія, образованнаго въ духѣ коллегіальныхъ правленій съ совѣтниками, а не въ видѣ собственной канцеляріи съ секретаремъ, такъ что отвѣтственность во всякомъ важномъ злоупотребленіи, если бы его сдѣлалъ губернаторъ, падаетъ непременно на совѣтниковъ и чиновниковъ, и при всемъ полномочіи своемъ онъ уже ограниченъ. Онъ болѣе нежели присутственный членъ и свидѣтель дѣловыхъ производствъ

въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, отъ него вовсе не зависящихъ и состоящихъ подъ управленіемъ своихъ особыхъ министерствъ; если только эти мѣста совершаютъ какія-нибудь сдѣлки и условія, относительно ли отдачи внаймы или на откупа казенныхъ земель, озеръ, или вообще относительно всякихъ продажъ, закупокъ и совершенія на нихъ условій, онъ долженъ быть уже тамъ. Никакіе казенные подряды и сдѣлки не могутъ быть произведены безъ его личнаго присутствія. Такимъ образомъ, мѣста, все отъ него не зависящія относительно внутреннихъ своихъ производствъ, уже обрѣзаны его присутствіемъ на всѣхъ путяхъ къ злоупотребленіямъ.

Весь снарядъ юстиціи, какъ-то: всѣ суды уѣздные, такъ и высшая ихъ инстанція — гражданская палата, находясь въ полномъ завѣдываніи своего министерства, кажется, въ независимости отъ губернатора, но на всѣхъ путяхъ несправедливостей они ограничены на всякомъ шагѣ губернаторомъ, который во время объѣздовъ своихъ по всей губерніи, случающихся не менѣе двухъ разъ въ годъ, имѣетъ право, заглянувши въ судъ, потребовать на выдержку два-три рѣшенныя дѣла, провѣрить ихъ у себя на дому, вмѣстѣ съ секретаремъ своимъ, и такимъ образомъ держать въ страхѣ ихъ всѣхъ. Словомъ — не имѣя никакого начальства надъ мѣстами, зависящими отъ другихъ начальниковъ, онъ имѣетъ право остановить злоупотребленіе повсюду, гдѣ бы оно ни было.

На дворянъ онъ можетъ имѣть только вліяніе нравственное. Въ обрядѣ же должностныхъ его соприкосновеній съ дворянствомъ устроено такъ, чтобы онъ имѣлъ съ ними дѣло въ лицѣ ихъ же представителя, губернскаго предводителя, и такимъ образомъ посредствомъ его одного поладить съ ними со всѣми; и здѣсь видна особенно мудрость законодателя, потому что иначе не было бы никакой возможности ему сноситься съ ними со всѣми и ладить, принимая въ соображеніе то различіе воспитаній, нравовъ, образовъ мыслей и то безчисленное разнообразіе характеровъ, какого не представляетъ ни одно изъ европейскихъ дворянствъ и которое заключилось только въ нашемъ. Званіе предводителя дворянства, будучи почти равное чиномъ званію губернатора, имѣя право на первое мѣсто послѣ него въ губерніи, уже самъ указываетъ имъ на необходимость быть друзьями, иначе имъ обоимъ было бы неловко въ отношеніяхъ свѣтскихъ и непросторно на поприщѣ должностномъ. Самыя мѣста капитанъ-исправника и засѣдателей, которые, будучи избираемы дворянствомъ, находятся потомъ въ полной зависимости отъ губернатора, указываютъ на необходимость взаимнаго подрѣпленія одного въ другомъ. Грозя именовъ губернатора, предводитель можетъ много сдѣлать тамъ, гдѣ не хватаетъ собственной власти; равно, какъ и губернаторъ посредствомъ предводителя можетъ успѣшнѣе и сильнѣе дѣйствовать на дворянъ.

Всюду могутъ случиться просмотры, неправда можетъ проскользнуть вездѣ; за самимъ губернаторомъ могутъ завестись грѣхи. И это предусмотрѣно: есть отдѣльное лицо, отъ всѣхъ независимое, долженствующее держать себя отъ всѣхъ въ сторонѣ, даже и отъ самого губернатора, — это прокуроръ, который есть око закона, безъ котораго ни одна бумага не можетъ выйти изъ губерніи. Ни одно производство дѣлъ по всѣмъ губернскимъ мѣстамъ не можетъ его миновать. Оно не рѣшено, если онъ не помѣтилъ на всѣхъ его страницахъ свое слово: «читаль». Никому не подлежитъ онъ самъ во всей губерніи: никому не даетъ отчета, кромѣ министра юстиціи, съ которымъ однимъ только въ прямомъ сношеніи, и всегда можетъ подать протестъ на все, что ни вершится въ губерніи.

Словомъ — все полно и вездѣ слышна законодательная мудрость, какъ въ установленіи самихъ властей, такъ и въ соприкосновенныхъ ихъ между собою. Я уже и не говорю о тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ еще далѣе простерлось правительственное предвидѣнне, упомяну только о Совѣстномъ Судѣ, подобнаго которому не знаю въ другихъ государствахъ. По моему мнѣнію, это веркъ челоуѣколюбія, мудрости и познанія душевнаго. Всѣ тѣ случаи, гдѣ тяжело и жестоко прикосновеніе закона; всѣ дѣла, относящіяся до малолѣтнихъ, умалишенныхъ; все, что можетъ рѣшить одна только совѣсть челоуѣка, и гдѣ можетъ быть несправедливъ справедливѣйшій законъ; все, что должно быть кончено полюбовно и миролюбиво въ высокомъ христіанскомъ смыслѣ, безъ проволочекъ по высшимъ инстанціямъ, — есть уже его предметъ. И какъ умно, что выборъ совѣстнаго суда зависитъ отъ дворянства, которое избираетъ обыкновенно на это мѣсто того, на кого падаетъ всеобщій голось, какъ на челоуѣколюбиваго и безкорыстнѣйшаго челоуѣка. Какъ хорошо также, что ему не назначается за это никакого жалованья, никакихъ наградъ, и что нѣтъ здѣсь никакой мірской приманки челоуѣку. Одно время мнѣ очень желалось занять это мѣсто. Какъ много можно рѣшить на немъ запутаннѣйшихъ спорныхъ дѣлъ! Сами тяжущіеся мимо собственныхъ выгодъ своихъ перенесуть дѣло въ Совѣстный Судъ, какъ только пронесется слухъ, что судья судитъ истинно по совѣсти и уже прославился мудростью своего божескаго суда. Кому изъ насъ не хочется примириться?

Однимъ словомъ, чѣмъ больше всматриваешься въ организмъ управленія губерціи, тѣмъ болѣе изумляешься мудрости учредителей: слышно, что самъ Богъ строилъ незримо руками государей. Все полно, достаточно, все устроено именно такъ, чтобы споспѣшествовать въ добрыхъ дѣйствіяхъ, подавая руку другъ другу, и останавливать только на пути къ злоупотребленіямъ. Я даже и придумать не могу, для чего тутъ нуженъ какой-нибудь прибавочный чиновникъ; всякое новое лицо тутъ не у мѣста, всякое нововведеніе — ненужная вставка; а между тѣмъ, нашлись же такіе правители губерцій, какъ вы сами знаете, которые пристегнули ко всему этому множество разныхъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ, множество всякихъ временныхъ и слѣдственныхъ комитетовъ, разложили и раздробили дѣйствія всякой должности и сбили чиновниковъ такъ, что они потеряли и послѣднія понятія о предѣлахъ точныхъ своего поприща. Хорошо, что вы этого не сдѣлали, потому что вы и тогда понимали это дѣло лучше другихъ. Вы очень хорошо знаете, что приставить новаго чиновника для того, чтобы ограничить прежняго въ его воровствѣ, значитъ сдѣлать двухъ воровъ намѣсто одного. Да и вообще система ограниченія самая мелочная система. Челоуѣка нельзя ограничить челоуѣкомъ; на слѣдующій годъ окажется надобность ограничить и того, который приставленъ для ограниченія, и тогда ограниченіямъ не будетъ конца. Эта пустая и жалкая система, подобно всѣмъ другимъ системамъ отрицательнымъ, могла образоваться только въ государствахъ колониальныхъ, которыя составились изъ народа всякаго сброда, не имѣющаго національной цѣлизны и духа народнаго, гдѣ неизвѣстны ни самоотверженіе, ни благородство, а только одні корыстныя личныя выгоды. Нужно оказать довѣріе къ благородству челоуѣка, а безъ того не будетъ вовсе благородства. Кто знаетъ, что на него глядятъ подозрительно, какъ на мошенника, и приставляютъ къ нему со всѣхъ сторонъ надсмотрщиковъ, у того невольно отнимаются руки. Нужно развязать каждому руки, а не связывать ихъ: нужно напирать на то, чтобы каждый держалъ самъ себя въ рукахъ, а не на то, чтобы его держали другіе; чтобы онъ былъ строже къ себѣ въ нѣсколько разъ самого закона,

чтобы онъ видѣлъ самъ, чѣмъ онъ подлецъ передъ своей должностью; словомъ — чтобы онъ былъ введенъ въ значеніе высшей своей должности. А это можетъ сдѣлать только одинъ генералъ-губернаторъ, если онъ не пренебрежетъ постигнуть самъ всякую должность въ ея истинномъ существѣ и мысленно прослужить самъ на мѣстѣ того чиновника, котораго бы захотѣлъ онъ ввести въ полное значеніе должности. Вслѣдствіе этого всѣ ваши сношенія съ чиновниками будутъ самоличны, безъ всякихъ секретарей и мертвой бумажной переписки, а отъ этого и ваша собственная канцелярія сдѣлается маленькой и вовсе не будетъ походить на тѣ чудовищныя, огромныя канцеляріи, какія заводятъ другіе начальники. Эти же громадныя канцеляріи, какъ вы уже сами знаете, наносятъ много вреда тѣмъ, что отберутъ у всѣхъ чиновниковъ ихъ дѣла, образуютъ собою вдругъ новую инстанцію и, стало-быть, новыя затрудненія, дадутъ нечувствительно образоваться какому-нибудь новому полномочному лицу, иногда вовсе ни для кого незримому, въ видѣ простаго секретаря, но чрезъ руки котораго стануть проходить всѣ дѣла; у секретаря явится какая-нибудь любовница, изъ-за нея интриги, ссоры, а съ ними вмѣстѣ и самъ чортъ путаницы, который какъ тутъ во всякое время; и дѣло кончится тѣмъ, что, сверхъ нанесенія новыхъ безпорядковъ и сложностей, пожрется несмѣтное количество казенныхъ суммъ. Храни васъ Богъ отъ заведенія канцеляріи. Иначе и не объясняйтесь ни съ кѣмъ, какъ лично. Какъ можно пренебречь разговоромъ съ человѣкомъ, особенно, если разговоръ близокъ къ нему самому, къ исполненію его обязанностей и долга, стало-быть, близокъ къ самой душѣ его? Какъ можно промѣнять такой разговоръ на пустыя газетныя толки и мертвыя рѣчи о всякомъ враньѣ, набираемомъ изъ живыхъ европейскіхъ журналовъ? О долгѣ человѣка можно такъ разговариваться, что обомъ покажется, какъ бы они бесѣдуютъ съ ангелами въ присутствіи самаго Бога. Говорите же такъ съ вашимъ подчиненнымъ, то-есть — наставительно и питательно его душѣ! Не забудьте, что — на русскомъ языкѣ. Я разумѣю не тотъ языкъ, который изворачивается теперь въ житейскомъ обиходѣ, и не книжный языкъ, и не языкъ, образовавшійся во время всякихъ злоупотребленій нашихъ, но тотъ истинно-русскій языкъ, который незримо носится по всей Русской землѣ, несмотря на чужеземствованіе наше въ землѣ своей, который еще не прикасается къ дѣлу жизни нашей, но, однакожъ, всѣ слышать, что онъ истинно-русскій языкъ. На этомъ языкѣ начальникъ называется отцомъ. Будьте же съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми; а отецъ съ дѣтьми не заводитъ бумажныхъ переписокъ и напрямикъ изъясняется съ каждымъ изъ нихъ. Такъ поступая, введете каждаго въ познаніе его должности и сдѣлаете истинно-великій подвигъ.

А вотъ вамъ другой подвигъ, котораго никто не можетъ совершить кромѣ генералъ-губернатора, и который въ нынѣшнее время есть дѣло даже необходимое, не только нужное, а именно: ввести дворянство въ познаніе истинное своего званія. Сословіе это въ своемъ истинно-русскомъ ядрѣ прекрасно, несмотря на временною выросшую чужеземную шелуху. Но дворянство этого еще не слышитъ. Многие едва только догадываются, другіе пребываютъ въ совершенномъ объ этомъ невѣжествѣ, третьи берутъ себѣ въ идеалъ дворянства государствъ иностранныхъ, четвертые даже не задаютъ себѣ вопроса: нужно ли на свѣтѣ дворянство? Если же и находятся между ними такіе, которые имѣютъ объ этомъ какія-нибудь свѣтлыя мысли, то мысли эти еще не раздаются въ массахъ, и масса ихъ не слышитъ. Въ послѣднее время, кромѣ всего прочаго, возстановился даже въ дворянствѣ нѣкоторый духъ недовѣрія къ правительству. Во время послѣднихъ европейскіхъ возмущеній и всякаго

рода смуть нѣкоторые изъ злоумышленниковъ старались особенно распуścić въ нашемъ дворянствѣ слухъ, будто правительство ищетъ обезсилить ихъ значеніе и довести ихъ до ничтожества. Бѣглецы, выходящы за границу и всякаго рода недоброжелатели Россіи писали статьи и наполняли ими столбцы чужестранныхъ газетъ, съ тѣмъ именно умысломъ, чтобы заронить вражду между дворянствомъ и правительствомъ: съ одной стороны показать государю Россіи партію какихъ-то фантастическихъ бояръ, оспаривающихъ самую власть; а съ другой стороны показать дворянству, что государь не благоволяетъ къ нимъ и вообще не любитъ этого званія, то-есть, имъ хотѣлось заварить въ Россіи какую-то кашу и сумятицу, среди которой можно было бы и самимъ сыграть какую-нибудь роль. Разсчетъ былъ на то, что взаимное опасеніе и подозрительность есть страшная вещь и можетъ со временемъ произвести дѣйствительно разрывъ самыхъ священнѣйшихъ связей. Но, слава Богу, уже прошли тѣ времена, чтобы нѣсколько сорванцовъ могли возмутить цѣлое государство. Проектъ такъ и остался фантастическимъ проектомъ, тѣмъ не менѣе, однакожь, искры недоразумѣній и взаимнаго недовѣрія заронились, и я знаю многихъ дворянъ, которые увѣрены серьезно, что государь не любитъ ихъ сословія, и отъ этого даже тоскуютъ. Дѣло это имъ разрѣшите и объявите всю правду, не скрывая ничего. Скажите, что государь любитъ это сословіе больше всѣхъ другихъ, но любитъ его въ его истинно-русскомъ значеніи, въ томъ прекрасномъ видѣ, въ какомъ оно должно быть по духу самой земли нашей. Да и не можетъ быть иначе. Ему ли не любить цвѣтъ своего народа? а у насъ дворянство есть цвѣтъ нашего же народа, а не какое-нибудь пришлое чужеземное сословіе. Но слѣдуетъ, чтобы дворянство само себя показало и опредѣлило значеніе своего званія, потому что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь, при этомъ отсутствіи единства въ общемъ духѣ, при этомъ разнообразіи мыслей, воспитанья, жизни, привычекъ, при такомъ сбивчивомъ образѣ понятій о самихъ себѣ, никому не могутъ они подать дѣйствительной и полной идеи о томъ, что такое въ нашей землѣ дворянство. А оттого никакой мудрецъ не можетъ теперь знать, какъ ему съ ними быть. Слѣдуетъ, чтобы дворянство само вступило въ свое истинное и полное значеніе. И здѣсь-то вы можете истинно имъ всѣмъ помочь, потому что, будучи сами русскій дворянинъ и уже понимая высшее значеніе нашего дворянства, вы лучше всѣхъ будете въ силахъ это объяснить. Не нужно для этого много словъ, потому что начало всего того, что вы имъ объявите, у нихъ въ груди. Дворянство наше представляетъ явленіе, точно, необыкновенное. Оно образовалось у насъ совсѣмъ иначе, нежели въ другихъ земляхъ. Началось оно не насильственнымъ приходомъ, въ качествѣ вассаловъ съ войсками, всегдашнихъ оспаривателей верховной власти и вѣчныхъ угнетателей сословія низшаго; началось оно у насъ личными выслугами предъ царемъ, народомъ и всей землей, — выслугами, основанными на достоинствахъ нравственныхъ, а не на силѣ. Въ нашемъ дворянствѣ нѣтъ гордости какими-нибудь преимуществами своего сословія, какъ въ другихъ земляхъ; нѣтъ слеси нѣмецкаго дворянства: никто не хвастается у насъ родомъ или древностью происхожденія, хотя наши дворяне всѣхъ древнѣе, — хвастаются развѣ только какіе-нибудь англomanы, которые заразились этимъ на время, во время проѣзда чрезъ Англію; можетъ-быть, только изрѣдка похвастается кто-нибудь своимъ предкомъ и то такимъ, который сослужилъ истинно-вѣрную службу царю и землѣ своей; а похвастайся онъ плохимъ предкомъ, на него выпускаютъ тутъ же эпиграмму его же собратья дворяне. Однимъ только позволяетъ себѣ всякъ изъ нихъ похвастаться — это чувствомъ своего нравственнаго благородства,

которое уже Богъ имъ вложилъ въ грудь. И если дойдетъ дѣло до того, чтобы выказать какимъ-нибудь поступкомъ это внутреннее высшее благородство, у насъ ни одинъ не отстанетъ отъ другого, хотя бы самъ былъ всѣхъ хуже и весь зажилъ въ грязи и сажѣ. Дворянство у насъ есть какъ бы сосудъ, въ которомъ заключено это нравственное благородство, должествующее разниться по лицу всей Русской земли затѣмъ, чтобы подать понятіе всѣмъ прочимъ сословіямъ, почему сословіе высшее называется цвѣтомъ народа. И если вы только имъ скажете почти это самое, что я теперь говорю, и что есть истинная правда, да развернете передъ ними то поприще, которое теперь всѣмъ предстоитъ имъ на передачу и увѣковѣченіе именъ своихъ въ потомствѣ; если ясно покажете имъ, что вся Русская земля взываетъ о помощи, и что помощь ей можно оказать одними подвигами благородства, а подвиги благородства слѣдуетъ показать тѣмъ, которые уже отъ рожденія получили благородство, то увидите, что сердца ихъ чокнутся съ вашими сердцемъ, какъ рюмки во время пирушки. Не скрывайте отъ нихъ дѣла, объясните имъ всю правду. Зачѣмъ заставлять ихъ узнавать то же самое изъ живыхъ иностранныхъ газетъ и давать сорванцамъ кружить имъ головы? Обнаружьте имъ всю правду начисто. Скажите имъ, что Россія, точно, несчастна, что несчастна отъ грабительства и неправды, которыя до такой наглости еще не возносили рогъ свой; что болитъ сердце у государя такъ, какъ никто изъ нихъ не знаетъ, не слышитъ и не можетъ знать. Да можетъ ли быть иначе при видѣ этого вихря возникнувшихъ запутанностей, которыя застѣняли всѣхъ другъ отъ друга и отняли почти у каждаго просторъ дѣлать добро и пользу истинную своей землѣ, при видѣ повсемѣстнаго помраченія и всеобщаго уклоненія всѣхъ отъ духа земли своей, при видѣ, наконецъ, этихъ безчестныхъ взяточниковъ и плутовъ, продавцовъ правосудія и грабителей, которые, какъ вороны, налетѣли со всѣхъ сторонъ клеветать еще живое наше тѣло и въ мутной водѣ ловить свою презрѣнную выгоду. Когда вы это имъ скажете, да вслѣдъ за этимъ покажете, что теперь имъ всѣмъ предстоитъ сослужить истинно-благородную и высокую службу царю, а именно: такъ же великодушно, какъ нѣкогда становились въ рядъ противу непріятеля, такъ же великодушно стать теперь на неприманчивыя мѣста и должности, опозоренныя низкими разночинцами, тогда увидите, какъ встрепенется наше дворянство. Отбою не будетъ отъ желающихъ вступить въ службу и занять самыя невидныя мѣста. И, отслуживши, не потребуютъ они себѣ за это ни награды, ни отличій, ни даже привилегій и преимуществъ, довольные тѣмъ, что показали высокое внутреннее преимущество свое. Словомъ — только покажите имъ высоту ихъ званія, и вы увидите, какъ благородна ихъ природа. Вы можете указать имъ также то второе великое дѣло, которое они могутъ сдѣлать, воспитавши ввѣренныхъ имъ крестьянъ такимъ образомъ, чтобы они стали образцомъ этого сословія для всей Европы, потому что теперь не на шутку задумались многіе въ Европѣ надъ древнимъ патріархальнымъ бытомъ, котораго стихіи исчезли повсюду, кромѣ Россіи, и начинаютъ гласно говорить о преимуществѣхъ нашего крестьянскаго быта, испытавши безсиліе всѣхъ установлений и учрежденій нынѣшнихъ, для ихъ улучшенія. А потому вамъ слѣдуетъ склонить дворянъ, чтобы они рассмотрѣли попристальнѣй истинно-русскія отношенія помѣщика къ крестьянамъ, а не тѣ фальшивыя и ложныя, которыя образовались во время ихъ позорной беззаботности о своихъ собственныхъ помѣстьяхъ, преданныхъ въ руки наемниковъ и управителей; чтобы позаботились о нихъ истинно, какъ о своихъ кровныхъ и родныхъ, а не какъ о чужихъ людяхъ, и такъ бы взглянули на нихъ, какъ отцы на дѣтей своихъ.

Симъ только однимъ могутъ возвестъ они это сословіе въ то состояніе, въ какомъ слѣдуетъ ему пребыть, которое, какъ нарочно, не носитъ у насъ названья ни вольныхъ, ни рабовъ, но называется крестьянами отъ имени самого Христа. Все это можетъ вполнѣ объяснить дворянству генералъ-губернаторъ, если о томъ помыслить заблаговременно и войдетъ самъ въ полное значеніе нашего дворянства. И это будетъ вашъ второй великій подвигъ.

А вотъ вамъ третій подвигъ, котораго тоже никто не можетъ сдѣлать, кромѣ генералъ-губернатора. Всѣ европейскія государства теперь болѣютъ необыкновенной сложностью всякихъ законовъ и постановленій. Повсюду замѣтно одно замѣчательное явленіе; а именно: законы собственно гражданскіе выступили изъ предѣловъ и ворвались въ области, имъ не принадлежащія. Съ одной стороны они вторгнулись въ область, состоящую долго подъ управленіемъ народныхъ обычаевъ; съ другой стороны они вторгнулись въ область, долженствующую оставаться вѣчно подъ управленіемъ Церкви. Случилось это не насильственно: разливъ гражданскихъ законовъ произошелъ самъ собою, встрѣтивши повсюду пустыя, себя не ограждавшія мѣста. Мода подорвала обычай, уклоненіе духовенства отъ прямой жизни во Христѣ оставило на произволь всѣ частныя отношенія каждаго человѣка въ его частномъ быту. Законы гражданскіе взяли то и другое, какъ оставленныхъ сиротъ, подъ свою опеку и оттого только стали такъ сложны. Сами же по себѣ они вовсе не пространны, и если возвратится то, что законнымъ образомъ должно принадлежать обычаямъ, и то, что должно поступить въ вѣчное владѣніе Церкви, тогда ихъ можетъ заключить только одна книга, которая обниметъ одни крупныя уклоненія отъ общественнаго порядка и отношенія собственно-государственныя. Всѣ до единого теперь видятъ, что множество дѣлъ, злоупотребленій и всякихъ вляузъ произошло именно оттого, что европейскіе философы-законодатели стали заранѣе опредѣлять всѣ возможные случаи уклоненій, до малѣйшихъ подробностей, и тѣмъ открыли всякому, даже благородному и доброму, пути къ безконечнымъ и несправедливѣйшимъ тяжбамъ, которыя затѣвать прежде почелъ бы онъ безчестнѣйшимъ дѣломъ, но которыя онъ затѣваетъ теперь смѣло, увидя въ какомъ-нибудь пунктѣ постановленій возможность и надежду получить когда-то потерянное добро или же просто только возможность оспаривать владѣніе другого. Онъ уже идетъ горой, какъ герой на приступъ, и не глядитъ вовсе на своего супротивника, хотя бы тотъ лишился черезъ это послѣдней своей рубашки, хотя бы онъ пошелъ по-миру со всей семьей своей. Человѣколюбивый производитъ теперь безстыднѣйшимъ образомъ въ виду всѣхъ жестокое дѣло и даже имъ хвастается, тогда какъ онъ устыдился бы и самой мысли о томъ, если бы служитель Церкви поставилъ ихъ обоихъ лицомъ ко Христу, а не презрѣннымъ выгодамъ личнымъ, и если бы завелось такъ, какъ и быть должно, чтобы во всѣхъ дѣлахъ запутанныхъ, казусныхъ, темныхъ, словомъ — во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ угрожаетъ проволочка по инстанціямъ, мирила человѣка съ человѣкомъ Церковь, а не гражданскій законъ. Но вотъ вопросъ: какъ это сдѣлать? Какъ сдѣлать, чтобы гражданскому закону отдано было дѣйствительно только то, что должно принадлежать гражданскому закону; чтобы обычаямъ возвращено было то, что должно оставаться во власти обычаевъ, и чтобы за Церковью вновь утверждено было то, что должно вѣчно принадлежать Церкви? Словомъ, какъ возвратитъ все на свое мѣсто? Въ Европѣ сдѣлать этого невозможно: она обольется кровью, изнеможетъ въ напрасныхъ бореньяхъ и ничего не успѣетъ. Въ Россіи есть возможность; въ Россіи можетъ это нечувствительно совершиться — не какими-нибудь нововведеніями, переворотами

и реформами и даже не засѣданьями, не комитетами, не преньями и не журнальными толками и болтовней; въ Россіи можетъ этому дать начало всякій генераль-губернаторъ вѣренной его управленію области, и какъ просто! — ничѣмъ другимъ, какъ только собственной жизнью своей. Патріархальность жизни своей и простымъ образомъ обращенія со всѣми онъ можетъ вывести вонъ моду съ ея пустыми этикетками и укрѣпить тѣ русскіе обычаи, которые въ самомъ дѣлѣ хороши и могутъ быть примѣнены съ пользой къ нынѣшнему быту. Онъ можетъ сильно подѣйствовать на то, что отношенія между собою какъ жителей городовъ, такъ и помѣщиковъ стануть проще; а уничтоженіе этой сложности свѣтскихъ отношеній, какая нынѣ, уменьшить непремѣнно ссоры и неудовольствія, которыя возникли, какъ вихри, между обитателями городовъ. Такъ же, какъ на водвореніе обычаевъ, можетъ подѣйствовать генераль-губернаторъ и на законное водвореніе Церкви въ нынѣшнюю жизнь русскаго человѣка: во-первыхъ, примѣромъ собственной жизни, а во-вторыхъ, и самими мѣрами — не принудительными и насильственными, но въ нѣсколько разъ сильнѣйшими всякихъ насильственныхъ. Объ этомъ когда-нибудь мы съ вами поговоримъ послѣ, когда вы дѣйствительно возьмете должность; а до того времени скажу вамъ только вотъ что: если уже простой обычай сильнѣе всякаго письменнаго закона, а между прочимъ, что такое обычай, если разсмотрѣть его строго? Иногда онъ просто не имѣетъ никакого значенія въ нынѣшнее время, установленъ неизвѣстно зачѣмъ, пришелъ неизвѣстно откуда, не слышно даже авторитета, его утвердившаго; иногда онъ тянется еще отъ временъ язычества, противоположенъ христіанству и всѣмъ элементамъ новой жизни. И если при всемъ этомъ обычай такъ силенъ, что его трудно бываетъ изгладить въ продолженіе многихъ лѣтъ, — что же, если введется такой обычай, который основанъ на разумѣ, единоустно и единодушно будетъ признанъ всѣми и освященъ свыше самимъ Христомъ и его Церковью? Такой обычай пойдетъ во вѣки вѣковъ и не сокрушитъ его никакая сила, какія бы ни наступили всемірныя колебанья. Но этотъ предметъ великъ; о немъ нужно поговорить умно, а я для того глупъ. Послѣ, когда Богъ поможетъ и вразумитъ меня, можетъ-быть, что-нибудь скажу. Работъ вамъ будетъ много. Крѣпитесь и берите твердо должность генераль-губернатора, если только она будетъ вамъ предложена. Вы исполните ее теперь именно такъ, какъ слѣдуетъ, и сообразно тому, чего требуетъ само правительство, то-есть — бодрящею, освѣжающею силою пронестись по всей области, всѣхъ воздвигнуть, всѣхъ освѣжить, всѣхъ настроить, всему дать толчокъ и обратиться потомъ въ другую губернію затѣмъ, чтобы и тамъ произвести то же. Вы сами увидите, что должность эта непременно должна быть временная, иначе она не имѣла бы смысла, потому что внутренній организмъ губерніи достаточенъ и полонъ, и нѣтъ надобности въ другомъ управителѣ, кромѣ гражданскаго губернатора. Съ Богомъ же, и не бойтесь ничего! Но, хотя бы пришлось вамъ занять и другую должность, руководствуйтесь тѣми же правилами. Не забывайте нигдѣ, что вы на время. Устройте такъ дѣла, чтобы они не только при васъ шли хорошо, но и послѣ васъ; чтобы не могъ ничего сдвинуть вашъ преемникъ, но вступилъ бы невольно уже самъ въ утвержденныя вами границы, держась вами даннаго законнаго направленія. Христосъ научитъ васъ, какъ закалять дѣло накрѣпко и навѣки. Будьте отецъ истинный всѣмъ вамъ подвластнымъ чиновникамъ и каждому помогите свято и честно исполнить должность свою. Подавайте братски руку всякому освобождаться отъ его собственныхъ пороковъ и недостатковъ. Имѣйте на всѣхъ вліяніе, но вліяніе единственно затѣмъ, чтобы

заставить каждаго имѣть на самого себя вліяніе. Смотрите также, чтобы никто не опирался черезчуръ и слишкомъ на васъ, какъ на собственный посохъ свой, подобно тому, какъ римско-католическія дамы опираются на духовниковъ своихъ, безъ воли которыхъ онѣ не смѣютъ переступить въ другую комнату, и ждутъ для этого исповѣди; но чтобы помнилъ человѣкъ, что нянька ему дается на время, а не навсегда, и что какъ только отступаетъ отъ него наставникъ, тутъ-то ему и слѣдуетъ блюсти за собой осторожнѣй, чѣмъ когда-либо прежде, помня ежеминутно, что уже некому теперь смотрѣть за нимъ, и содержа, какъ святыню, въ своей памяти всякое слово, ему сказанное. Старайтесь также, чтобы не было плача при разставаньи съ вами, если бы случилось вамъ оставлять вашу должность, но чтобы бодрѣй и свѣжѣй еще глядѣлъ каждый впередъ, а потому ко дню разставанья копите все, что хотѣли бы вы сказать въ наставленье каждому: въ этотъ день будутъ для нихъ святы всѣ слова ваши, и то, чего бы они не приняли и не исполнили прежде, то теперь примутъ и послѣ васъ исполнять. Для меня наилучшая минута — время разставанья съ моими друзьями; всякъ изъ друзей моихъ, кто теперь ни разстается со мной, разстается весело и свѣтлѣетъ духомъ. Вамъ подтвердятъ это всѣ тѣ, которые разставались со мной въ послѣднее время. Я даже увѣренъ, что когда буду умирать, со мной простятся весело всѣ меня любившіе: никто изъ нихъ не заплачетъ и будетъ гораздо свѣтлѣе духомъ послѣ моей смерти, чѣмъ при жизни моей. Еще скажу вамъ слово насчетъ любви и всеобщаго расположенія къ себѣ, за которыми многіе такъ гоняются. Занскивать любви къ себѣ есть незаконное дѣло и не должно занимать человѣка. Смотрите на то — любите ли вы другихъ, но не на то — любятъ ли васъ другіе. Кто требуетъ платежа за любовь свою, тотъ подлѣ и далеко не христіанинъ. О, какъ я благодаренъ за то, что еще отъ дѣтства вселилъ въ меня Богъ непонятное мнѣ самому чувство бѣжать отъ всякихъ неумѣстныхъ изліяній, даже родственныхъ и дружескихъ, какъ отъ чего-то приторнаго и неприятнаго! Какъ это вѣрно, что полная любовь не должна принадлежать никому на землѣ! Она должна быть передаваема по начальству, и всякій начальникъ, какъ только замѣтитъ ея устремленье къ себѣ, долженъ въ ту же минуту обращать ее къ постановленному надъ нимъ высшему начальству, чтобы такимъ образомъ добралась она до своего законнаго источника, и передалъ бы ее торжественно въ виду всѣхъ всѣми любимый царь самому Богу.

1845.

XXIX.

Чей удѣлъ на землѣ выше.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ У..... МУ.

Никакъ не могу сказать вамъ, чей удѣлъ на землѣ выше, и кому суждена лучшая участь. Прежде, когда былъ поглупѣе, я предпочиталъ одно званіе другому; теперь же вижу, что участь всѣхъ равно завидна. Всѣ получаютъ равное воздаяніе — какъ тотъ, которому ввѣренъ былъ одинъ талантъ, и онъ принесъ на него другой, такъ и тотъ, которому дано было пять талантовъ и который принесъ на нихъ другіе пять. Даже, я думаю, участь перваго еще лучше, именно оттого, что онъ не пользовался на землѣ извѣстностію и не вкушалъ очаровательнаго напитка земной славы, подобно послѣднему. Чудна милость Божія, опредѣлившая равное воздаяніе всякому,

исполнившему честно долгъ свой, царь ли онъ, или послѣдній нищій. Всѣ они тамъ уравниются, потому что всѣ внидутъ въ радость Господа своего и будутъ пребывать *равно* въ Богѣ. Конечно, Самъ Христосъ сказалъ въ другомъ мѣстѣ: *Въ дому Отца Моего обители многи суть*; но какъ помыслию объ этихъ обителяхъ, какъ помыслию о томъ, что должны быть у Бога обители, не могу удержаться отъ слезъ и знаю, что никакъ бы не рѣшилъ, какую изъ нихъ выбрать себѣ, если бы только дѣйствительно былъ удостоенъ небеснаго царствія и вопрошенъ: «какую изъ нихъ хочешь?» Знаю только то, что сказалъ бы: «Послѣднюю, Господи, но лишь бы она была въ дому Твоемъ!» Кажется, ничего бы не желалось больше, какъ только служить тѣмъ избраннымъ, которые уже удостоились созерцать во всемъ величїи Его славу, лежать бы только у ногъ ихъ и цѣловать святыхъ ихъ ноги!

1845.

XXX.

Напутствіе.

На письмо твое теперь не буду отвѣчать; отвѣтъ будетъ послѣ. Все вижу и слышу: страданія твои велики. Съ такою нѣжною душою терпѣть такія грубыя обвиненія; съ такими возвышенными чувствами жить посреди такихъ грубыхъ, неуклюжихъ людей, каковы жители пошлаго городка, въ которомъ ты поселился, которыхъ уже одно безчувственное, топорное прикосновеніе въ силахъ разбить, даже безъ ихъ вѣдома, лучшую драгоценность сердечную; медвѣжьєю лапою ударить по тончайшимъ струнамъ душевнымъ, — даннымъ на то, чтобы выпѣть небесные звуки, — разстроить и разорвать ихъ, видѣть, въ прибавленіе ко всему этому, ежедневно переходящія мерзости и терпѣть презрѣніе отъ презрѣнныхъ — все это тяжело, знаю. Твои страданія тѣлесныя тяжелы не меньше. Твои нервическіе недуги, твоя тоска и эти страшные припадки агонїи, которою ты одержимъ теперь, — все это тяжело, тяжело, и ничего больше не могу сказать тебѣ, какъ только: тяжело! Но вотъ тебѣ утѣшеніе. Это еще начало; оскорбленій тебѣ будетъ еще больше: предстанутъ тебѣ еще сильнѣйшія борьбы съ [взяточниками,] подлецами всѣхъ сортовъ и безстыднѣйшими людьми, для которыхъ ничего нѣтъ святого, которые не только въ силахъ произвести то гнусное дѣло, о которомъ ты пишешь [т. е. подписаться подъ чужую руку], — дерзнуть взвести такое ужасное преступленіе на невинную душу, видѣть своими глазами кару, постигшую оклеветаннаго, и не содрогнуться, — не только подобно гнусное дѣло, но еще въ нѣсколько разъ гнуснѣйшія, о которыхъ одинъ разсказъ можетъ лишить навѣки сна чловѣка сердобольнаго. (О, лучше бы вовсе не родиться этимъ людямъ! весь сонмъ небесныхъ силъ содрогнется отъ ужаса загробнаго наказанія, ихъ ждущаго, отъ котораго никто уже ихъ не избавитъ). Встрѣтятся тебѣ безчисленныя новыя пораженія, неожиданныя вовсе. На твою почти беззащитномъ поприщѣ [и незамѣтной должности] все можетъ случиться. Твои нервическіе припадки и недуги будутъ также еще сильнѣе, тоска будетъ убійственнѣе и печали будутъ сокрушительнѣе. Но вспомни: призваны въ міръ мы вовсе не для праздниковъ и пированій — на битву мы сюда призваны; праздновать же побѣду будемъ тамъ. А потому мы ни на мигъ не должны позабыть, что вышли на битву, и нечего тутъ выбирать, гдѣ поменьше опасностей: какъ добрый воинъ, долженъ бросаться изъ насъ всякъ туда, гдѣ пожарче битва. Всѣхъ насъ озираетъ свыше небесный Полководецъ, и ни

малѣйшее наше дѣло не ускользаетъ отъ Его взора. Не уклоняйся же отъ поля сраженія, а выступивши на сраженіе, не ищи непріятеля безсильнаго, но сильнаго. За сраженіе съ небольшимъ горемъ и мелкими бѣдами не много получишь славы. [Не велика слава для русскаго сразиться съ миролюбивымъ нѣмцемъ, когда знаешь впередъ, что онъ побѣдитъ; нѣтъ, съ черкесомъ, котораго все дрожитъ, считая непобѣдимымъ, съ черкесомъ схватиться и побѣдить его — вотъ слава, которою можно похвалиться!] Впередъ же, прекрасный мой воинъ! Съ Богомъ, добрый товарищъ! Съ Богомъ, прекрасный другъ мой!

1846.

XXXI.

Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность.

Несмотря на внѣшніе признаки подраженія, въ нашей поэзіи есть очень много своего. Самородный ключъ ея уже билъ въ груди народа тогда, когда самое имя еще не было ни на чьихъ устахъ. Струи его пробиваются въ нашихъ пѣсняхъ, въ которыхъ мало привязанности къ жизни и ея предметамъ, но много привязанности къ какому-то безграничному разгулу, къ стремленію, какъ бы унести къ куда-то вмѣстѣ съ звуками. Струи его пробиваются въ пословицахъ нашихъ, въ которыхъ видна необыкновенная полнота народнаго ума, умѣвшаго сдѣлать все своимъ орудіемъ: иронию, насмѣшку, наглядность, мѣткость живописнаго соображенія, чтобы составить животрепещущее слово, которое проникаетъ насквозь природу русскаго человѣка, задирая за все ея живое. Струи его пробиваются, наконецъ, въ самомъ словѣ церковныхъ пастырей, — словѣ простомъ, некраснорѣчивомъ, но замѣчательномъ по стремленію стать на высоту того святого безстрастія, на которую определено взойти христіанину, по стремленію направить человѣка не къ увлеченіямъ сердечнымъ, но къ высшей, умной трезвости духовной. Все это пророчило для нашей поэзіи какое-то другимъ народамъ невѣдомое, своеобразное и самобытное развитіе. Но не изъ сихъ трехъ источниковъ, уже въ насъ пребывавшихъ, ведетъ начало наша сладкозвучная поэзія, нынѣ насъ улаждающая; такъ же, какъ и строеніе нынѣшняго нашего гражданскаго порядка произошло не изъ началъ, уже пребывавшихъ прежде въ землѣ нашей. Гражданское строеніе наше произошло также не правильнымъ, постепеннымъ ходомъ событій, не медленно-разсудительнымъ введеніемъ европейскихъ обычаевъ; — которое было бы уже невозможно по той причинѣ, что уже слишкомъ вырѣло европейское просвѣщеніе, слишкомъ великъ былъ наплывъ его, чтобы не ворваться рано или поздно со всѣхъ сторонъ въ Россію и не произвести безъ такого вождя, каковъ былъ Петръ, гораздо большаго разладу во всемъ, нежели какой дѣйствительно потомъ наступилъ, — гражданское строеніе наше произошло отъ потрясенія, отъ того богатырскаго потрясенія всего государства, которое произвелъ царь-преобразователь, когда воля Бога вложила ему мысль ввести молодой народъ свой въ кругъ европейскихъ государствъ и вдругъ познакомить его со всѣмъ, что ни добыла себѣ Европа долгими годами кровавыхъ бореній и страданій. Крутой поворотъ былъ нуженъ русскому народу, и европейское просвѣщеніе было огниво, которымъ слѣдовало ударить по всей начинавшей дремать нашей массѣ. Огниво не сообщаетъ огня кремню, но, покамѣстъ имъ не ударишь, не издастъ камень огня. Огонь излетѣлъ вдругъ

изъ народа. Огонь этотъ былъ восторгъ, — восторгъ отъ пробужденія, восторгъ вначалѣ безотчетный: никто еще не услышалъ, что онъ пробудился затѣмъ, чтобы, съ помощію европейскаго свѣта, рассмотретьъ поглубже самого себя, а не копировать Европу; все только услышало, что онъ пробудился. Уже самый этотъ крутой поворотъ всего государства, произведенный однимъ человѣкомъ, — и притомъ самимъ царемъ, который великодушно отказался на время отъ царскаго званія своего, рѣшился извѣдать самъ всякое ремесло и съ топоромъ въ рукѣ стать передовымъ во всякомъ дѣлѣ, дабы не произошло никакихъ безпорядковъ, слѣдующихъ при малѣйшемъ измѣненіи государственныхъ формъ, — былъ дѣломъ, достойнымъ восторга. Переворотъ, который обыкновенно на нѣсколько лѣтъ обливаетъ кровью потрясенное государство, если производится бореніями внутреннихъ партій, былъ произведенъ, въ виду всей Европы, въ такомъ порядкѣ, какъ блестятельный маневръ хорошо ученаго войска. Россія вдругъ облеклась въ государственное величіе, заговорила громами и блеснула отблескомъ европейскихъ наукъ. Все въ молодомъ государствѣ пришло въ восторгъ, издавши тотъ крикъ изумленія, который издастъ дикарь при видѣ навезенныхъ блестящихъ сокровищъ. Восторгъ этотъ отразился въ нашей поэзи, или лучше — онъ создалъ ее. Вотъ почему поэзія съ перваго стихотворенія, появившагося въ печати, приняла у насъ торжествующее выраженіе, стремясь высказать въ одно и то же время восхищеніе отъ свѣта, внесеннаго въ Россію, изумленіе отъ великаго поприща, ей предстоящаго, и благодарность царямъ, того виновникамъ. Съ этихъ поръ стремленіе къ свѣту стало нашимъ элементомъ, шестымъ чувствомъ русскаго человѣка, и оно-то дало ходъ нашей нынѣшней поэзи, внеся новое, свѣтоносное начало, котораго не видно было ни въ одномъ изъ тѣхъ трехъ источниковъ ея, о которыхъ упомянуто въ началѣ.

Что такое Ломоносовъ, если рассмотретьъ его строго? Восторженный юноша, котораго манитъ свѣтъ наукъ да поприще, ожидающее впереди. Случаемъ попалъ онъ въ поэты: восторгъ отъ нашей новой побѣды заставилъ его набросать первую оду. Впопыхахъ занялъ онъ у сосѣдей нѣмцевъ размѣръ и форму, какіе у нихъ на ту пору случились, не рассмотрѣвъ, приличны ли они русскаго рѣчи. Нѣтъ и слѣдовъ творчества въ его риторически составленныхъ одахъ; но восторгъ уже слышенъ въ нихъ повсюду, гдѣ ни прикоснется онъ къ чему-нибудь, близкому науколюбивой его душѣ. Воснулъ онъ сѣвернаго сіянія, бывшаго предметомъ его ученыхъ изслѣдованій, — и плодомъ этого прикосновенія была ода: «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», вся величественная отъ начала до конца, какой никому не написать, кромѣ Ломоносова. Тѣ же причины породили извѣстное посланіе къ Шувалову «о пользѣ стекла». Всякое прикосновеніе къ любезной сердцу его Россіи, на которую глядитъ онъ подъ угломъ ея сіяющей будущности, исполняетъ его силы чудотворной. Среди холодныхъ строфъ польются вдругъ у него такія строфы, что не знаешь самъ, гдѣ ты находишься. Точно, какъ бы, выражаясь его же словами:

Вожественный пророкъ Давидъ
Священными шумитъ струнами.
И Бога полными устами
Исаія восхищенъ гремитъ.

Всю русскую землю озираетъ онъ отъ края до края съ какой-то свѣтлой вышины, любуясь и не налюбуйся ея безпредѣльностью и дѣвственною природою. Въ описаніяхъ слышенъ взглядъ скорѣе ученаго натуралиста, нежели

поэта: но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста въ поэта. Изумительнѣе всего то, что, заключа стихотворную рѣчь свою въ узкія строфы нѣмецкаго ямба, онъ ничуть не стѣснилъ языка: языкъ у него движется въ узкихъ строфахъ такъ же величественно и свободно, какъ полноводная рѣка въ нестѣсненныхъ берегахъ. Онъ у него свободнѣе и лучше въ стихахъ, нежели въ прозѣ, и не даромъ Ломоносова называютъ отцомъ нашей стихотворной рѣчи. Изумительно то, что начинатель уже явился господиномъ и законодателемъ языка. Ломоносовъ стоитъ впереди нашихъ поэтовъ, какъ вступленіе впереди книги. Его поэзія — начинающійся разсвѣтъ. Она у него, подобно вспыхивающей зарницѣ, освѣщаетъ не все, но только нѣкоторыя строфы. Сама Россія является у него только въ общихъ географическихъ очертаніяхъ. Онъ какъ бы заботится только о томъ, чтобы набросать одинъ очеркъ громаднаго государства, намѣтить точками и линіями его границы, предоставивъ другимъ наложить краски; онъ самъ какъ бы первоначальный, пророческій набросокъ того, что впереди..

Съ руки Ломоносова оды вошли въ обычай. Торжество, побѣда, тезоименитство, даже иллюминація и фейерверкъ стали предметомъ одъ. Слагатели ихъ выразили только бездарную прыть намѣсто восторга. Исключить изъ нихъ можно одного Петрова, не чуждаго силы и стихотворнаго огня: онъ былъ дѣйствительно поэтъ, несмотря на жесткій и черствый стихъ свой. Всѣ прочіе напомнили только риторически-холодный складъ ломоносовскихъ одъ и показали, намѣсто благозвучія ломоносовскаго языка, трескотню и беспорядокъ словъ, терзающей ухо. Но огниво уже ударило по кремню; поэзія уже вспыхнула: еще не успѣлъ отнестя руку отъ лиры Ломоносовъ, какъ уже завопилъ первый пѣсни Державинъ.

Въ эпоху Екатерины, которой царствованіе можно назвать блестящею выставкою первыхъ русскихъ произведеній, когда на всѣхъ поприщахъ стали выказываться русскіе таланты, — съ битвами вознеслись полководцы, съ учрежденіями внутренними государственные дѣльцы, съ переговорами дипломаты, а съ академіями словесники и ученые, — появился и поэтъ Державинъ, съ тою же картинно-величавою наружностію, какъ и всѣ люди временъ Екатерины, развернушіеся въ какой-то еще дикой свободѣ, со множествомъ недоконченнаго и не вполне отдѣланнаго въ частяхъ, какъ случается съ тѣми произведеніями, которыя выставляются нѣсколько торопливо на показъ. Мысль о сходствѣ Ломоносова съ Державинимъ, приходящая въ умъ при первомъ взглядѣ на нихъ обоихъ, исчезнетъ вдругъ, какъ только всмотришься покрѣпче въ Державина. Всѣмъ, даже самымъ воспитаніемъ, послѣдній представляетъ совершенную противоположность первому. Какъ первый весь преданъ наукамъ, считая стихотворство свое только развлеченіемъ и дѣломъ отдохновенія, такъ другой преданъ весь своему стихотворству, считая многостороннее образованіе науками лишнимъ и ненужнымъ. То же самодержавное, государственное величіе Россіи слышится и у него; но уже видны не одни только географическіе очерки государства: * выступаютъ люди и жизнь. Не отвлеченныя науки, но наука жизни его занимаетъ. Оды его обращаются уже къ людямъ всѣхъ сословій и должностей, и слышно въ нихъ стремленіе начертать законъ правильныхъ дѣйствій челоуѣка во всемъ, даже въ самыхъ его наслажденіяхъ. У него выступило уже творчество. У него есть что-то еще болѣе исполнское и парящее, нежели у Ломоносова. Недоумѣваетъ умъ рѣшить, откуда взялся въ немъ этотъ гиперболическій размахъ его рѣчи. Остатокъ ли это нашего сказочнаго русскаго богатства, которое, въ видѣ какаго-то темнаго пророчества, носится до сихъ поръ надъ нашею землею,

прообразуя что-то высшее, насъ ожидающее, или же это навѣялось на него отдаленнымъ татарскимъ его происхождеіемъ, степями, гдѣ бродятъ бѣдные останки ордъ, распалаяііе свое воображеніе разсказами о богатыряхъ' въ нѣсколько верстъ вышиною, живущихъ по тысячѣ лѣтъ на свѣтѣ, — что бы то ни было, но это свойство въ Державинѣ изумительно. Иногда, Богъ вѣсть, какъ издалека забираетъ онъ слова и выраженія затѣмъ именно, чтобы стать ближе къ своему предмету. Дико, громадно все; но, гдѣ только помогла ему сила вдохновенія, тамъ весь этотъ громоздъ служить на то, чтобы неестественною силою оживить предметъ, такъ что кажется, какъ бы тысячьо глазами глядѣть онъ. Стоить пробѣжать его «Водопадъ», гдѣ кажется, какъ бы цѣлая эпопея слилась въ одну стремящуюся оду. Въ «Водопадѣ» передъ нимъ пигмеи другіе поэты. Природа тамъ какъ бы высшая нами зримою природы, люди могучѣе нами знаемыхъ людей, а наша обыкновенная жизнь передъ величественною жизнью, тамъ изображенною, точно муравейникъ, который гдѣ-то далеко копышется вдали. О Державинѣ можно сказать, что онъ — пѣвецъ величія. Все у него величаво: величавъ образъ Екатерины, величава Россія, созерцающая себя въ осьми моряхъ своихъ; его полководцы — орлы; словомъ — все у него величаво. Замѣтно, однакоже, что постояннымъ предметомъ его мыслей, болѣе всего его занимавшимъ, было — начертить образъ какого-то крѣпкаго мужа, закаленного въ дѣлѣ жизни, готоваго на битву не съ однимъ какимъ-нибудь временемъ, но со всѣми вѣками; изобразить его такимъ, какимъ онъ долженъ былъ изникнуть, по его мнѣнію, изъ крѣпкихъ началъ нашей русской породы, воспитавшихъ на непоколебимомъ камнѣ нашей Церкви. Часто, бросивши въ сторону то лицо, которому надписана ода, онъ ставитъ на его мѣсто того же своего непреклоннаго, правдиваго мужа. Тогда глубокія истины изглашаются у него голосомъ, который далеко выше обыкновеннаго: возвращается святое, высокое значеніе тому, что привыкли называть мы общими мѣстами, и, какъ изъ устъ самой Церкви, внимаешь вѣчнымъ словамъ его. Сравнительно съ другими поэтами, у него все глядѣть исполнѣмъ: его поэтическіе образы, не имѣя полной окончательности пластической, какъ бы теряются въ какомъ-то духовномъ очертаніи и оттого пріемлютъ еще болѣе величія. Напримѣръ: поэтъ изображаетъ старца Каспія въ то время, когда онъ, разсерженный бурей,

Встаетъ въ упоръ ея волнамъ:
 То скачетъ въ твердь, то, въ адъ стремяся,
 Трезубцемъ бьетъ по кораблямъ;
 Столбомъ власы сѣдые вьются,
 И гласъ его гремитъ въ горахъ.

тъ, казалось, хотѣлъ создаться *зримо* образъ старца Каспія, но по-
 въ какомъ-то духовномъ, *незримо* очертаніи: ухо слышитъ одинъ
 мяснато моря, и, вмѣстѣ съ сѣдыми власами старца, подьмется
 а головѣ читателя, пораженнаго суровымъ величіемъ картины.
 то крупнъ него такъ крупенъ, какъ ни у кого изъ нашихъ
 Разъявнъ скимъ ножомъ, увидишь, что это происходитъ
 іа самыхъ высокихъ словъ съ самыми низкими
 не отважился, кромѣ Державина. Кто бы по-
 такъ, какъ выразился онъ въ одномъ мѣстѣ
 номъ мужѣ, въ ту минуту, когда онъ все уже
 лѣ:

гостью ожидаетъ,
 шись, усм.

Кто, кромѣ Державина, осмѣлился бы соединить такое дѣло, каково ожиданіе смерти, съ такимъ ничтожнымъ дѣйствиємъ, каково крученіе усовъ? Но какъ черезъ это оцѣнительнѣе видимость самого мужа, и какое меланхолически-глубокое чувство остается въ душѣ! Но надобно сказать, что какъ это, такъ и всѣ другія исполнскія свойства Державина, дающія ему преимущество надъ прочими поѣтами нашими, превращаются вдругъ у него въ неряшество и безобразіе, какъ только оставляетъ его одушевленіе. Тогда все въ беспорядкѣ: рѣчь, языкъ, слогъ, — все скрипитъ, какъ телѣга съ невымазаннми колесами, и стихотвореніе — точно трупъ, оставленный душою. Слѣды собственнаго неконченнаго образованія, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ, отразились очень замѣтно на его твореніяхъ. Мужъ, проповѣдывавшій другимъ о томъ, какъ править собою, не умѣлъ управить себя, далеко не сталъ самимъ собою и долженъ былъ напряженною силою вдохновенія добираться до себя же, чтобы заговорить о томъ, что должно уже свободно изливаться у поэта. Придай полное воспитаніе такому мужу — не было бы поэта выше Державина; теперь же остается онъ, какъ невоздѣланная громадная скала, передъ которою никто не можетъ остановиться, не будучи пораженъ, но передъ которою долго не застѣвается никто, слѣша къ другимъ мѣстамъ; болѣе плѣнительнымъ.

Еще Державинъ ударялъ въ струны своей лиры, какъ уже все вокругъ него измѣнилось: вѣкъ Екатерины, полководцы-орлы, вельможная роскошь и вельможная жизнь унеслись, какъ сновидѣніе. Наступилъ вѣкъ Александра, опрятный, благопристойный, вылощенный. Все застегнулось и, какъ бы почувствовавъ, что уже раскинулось черезчуръ нараспашку, стало наперерывъ пріобрѣтать наружное благоприличіе и стройность поступковъ. Французы стали вполне образцы всему, и такъ же, какъ щеголи Парижа завладѣли надолго нашимъ обществомъ, ловкіе французскіе поэты завладѣли было на время нашими поэтами. Къ чести, однакожь, вѣрнаго поэтическаго чутья нашего нужно сказать то, что въ образецъ пошелъ одинъ Лафонтенъ, затѣмъ именно, что былъ ближе къ природѣ: Дмитріевъ, Хемницеръ и Богдановичъ стали производить подобныя ему, въ простотѣ, творенія, обрабатывая тѣ же предметы. Русскій языкъ вдругъ получилъ свободу и легкость перелетать отъ предмета къ предмету, — легкость, незнакомую Державину. Намѣсто оды стали пробовать всѣ роды и формы поэзіи. Дмитріевъ показалъ много таланта, вкуса, простоты и приличія во всемъ, которыми убилъ напыщенность и высокопарность, нанесенныя бездарными подражателями Державина и Ломоносова. Но поверхностная эпоха не могла дать богатаго содержанія нашей поэзіи: одно общесвѣтское стало ея предметомъ, и она сдѣлалась сама похожею на умнаго и ловкаго свѣтскаго человѣка, когда онъ сидитъ въ гостиной и ведетъ разговоръ совсѣмъ не затѣмъ, чтобы повѣдать душевную исповѣдь свою или подвинуть другихъ на какое-нибудь важное дѣло, но затѣмъ, чтобы просто повести разговоръ и пощеголять умнѣемъ вести его обо всѣхъ предметахъ. Послѣдніе звуки Державина умолкнули, какъ умолкаютъ послѣдніе звуки церковнаго органа, и поэзія наша, по выходѣ изъ церкви, очутилась вдругъ на балѣ. Отъ одного только Капниста послышался аромат истинно душевнаго чувства и какая-то особенная антологическая прелесть, дотолѣ незнакомая. Вотъ его «Деревенскій домигъ въ Обуховкѣ»:

Пріютный домъ мой подъ соломой,
По мнѣ, ни низокъ, ни высокъ;
Для дружбы есть въ немъ уголокъ,
А къ двери, нищему знакомою,
Забыла дѣнь прибить замокъ.

Но не могла оставаться долго наша поэзія на этой поверхностной свѣтской верхушкѣ. Уже пробуждена была сильно ея чуткость отъ петровскаго удара европейскимъ огнемъ. Вдругъ примѣтила она, что отъ французовъ, кромѣ ловкости, ничего не перейметъ въ свое воспитаніе, и обратилась къ нѣмцамъ. Въ нѣмецкой литературѣ происходило въ это время явленіе странное. Неясныя грезы, таинственныя преданія, необъяснимыя чудесныя происшествія, темныя призраки невидимаго міра, мечты и страхи, сопровождающіе дѣтство человѣка, стали предметомъ нѣмецкихъ поэтовъ. Можно бы назвать такую поэзію шалостію школьника, если бы въ ней не слышался тотъ младенческій лепетъ, которымъ подаетъ о себѣ вѣсть безсмертный духъ человѣка, требующій себѣ живой пищи. Чуткая поэзія наша остановилась съ любопытствомъ младенца передъ такимъ явленіемъ. Ея собственныя славянскія начала напомнили ей вдругъ о чемъ-то и у нея похожемъ. Но при всемъ томъ мы сами никакъ бы не столкнулись съ нѣмцами, если бы не явился среди насъ таковой поэтъ, который показалъ намъ весь этотъ новый, необыкновенный міръ сквозь ясное стекло своей собственной природы, намъ болѣе доступной, нежели нѣмецкая. Этотъ поэтъ — Жуковскій, наша замѣчательнѣйшая оригинальность! Чудною, вышею волею вложено было ему въ душу, отъ дней младенчества, непостижимое ему самому стремленіе къ незримому и таинственному. Въ душѣ его, точно какъ въ героѣ его баллады Вадимѣ, раздавался небесный звонокъ, зовущій вдаль. Изъ-за этого зова бросался онъ на все неизяснимое и таинственное повсюду, гдѣ оно ни встрѣчалось ему, и сталъ облекать его въ звуки, близкіе нашей душѣ. Все въ этомъ родѣ у него взято у чужихъ, и больше у нѣмцевъ — почти все переводы. Но на переводахъ такъ отпечаталось это внутреннее стремленіе, такъ зажгло и одушевило ихъ своею живостію, что сами нѣмцы, выучившіеся по-русски, признаются, что передъ нимъ оригиналы кажутся копіями, а переводы его кажутся истинными оригиналами. Не знаешь, какъ назвать его — переводчикомъ или оригинальнымъ поэтомъ. Переводчикъ теряетъ собственную личность, но Жуковскій показалъ ее больше всѣхъ нашихъ поэтовъ. Пробѣжавъ оглавленіе стихотвореній его, видишь: одно взято изъ Шиллера, другое изъ Уланда, третье у Вальтеръ Скотта, четвертое у Байрона, и все — вѣрнѣйшій сколокъ, слово въ слово, личность каждаго поэта удержана, негдѣ было и высунуться самому переводчику; но когда прочтешь нѣсколько стихотвореній вдругъ и спросишь себя: чьи стихотворенія читаешь? — не представишь передъ глазами твоими ни Шиллеръ, ни Уландъ, ни Вальтеръ Скоттъ, но поэтъ, отъ нихъ всѣхъ отдѣльный, достойный помѣститься не у ногъ ихъ, но сѣсть съ ними рядомъ, какъ равный съ равнымъ. Какимъ образомъ сквозь личности всѣхъ поэтовъ пронеслась его собственная личность — это загадка, но она такъ и видится всѣмъ. Нѣтъ русскаго, который бы не составилъ себѣ изъ самихъ же произведеній Жуковскаго вѣрнаго портрета самой души его. Надобно сказать также, что ни въ комъ изъ переведенныхъ имъ поэтовъ не слышно такъ сильно стремленіе уноситься въ заоблачное, чуждое всего видимаго, ни въ комъ также изъ нихъ не видится это твердое признаніе незримыхъ силъ, хранящихся повсюду человѣка, такъ что, читая его, чувствуешь на всякомъ шагу, какъ бы самъ, выражаясь стихами Державина:

Подъ надзѣраніе ты предавъ
Невидимыхъ, безсмертныхъ силъ,
И легионамъ заповѣданъ
Всѣхъ ангеловъ, чтобъ дѣлъ ты былъ.

Переводя, производилъ онъ переводами такое дѣйствіе, какъ самобытный и самоцвѣтный поэтъ. Внеся это новое, дотогѣ незнакомое нашей поэзіи стремленіе въ область незримаго и тайнаго, онъ отрѣшилъ ее самою отъ материализма не только въ мысляхъ и образѣ ихъ выраженія, но и въ самомъ стихѣ, который сталъ легокъ и безгѣлесенъ, какъ видѣніе. Переводя, онъ оставилъ переводами початки всему оригинальному, внесъ новые формы и разбѣры, которые стали потомъ употреблять всѣ другіе наши поэты. Лѣнь ума помѣшала ему сдѣлаться преимущественно поэтомъ-изобрѣтателемъ, — лѣнь выдумывать, а не недостатокъ творчества. Признаки творчества показали онъ въ себѣ уже съ самаго начала своего поприща: «Свѣтлана» и «Людмила» разнесли въ первый разъ гремящіе звуки нашей славянской природы, болѣе близкіе нашей душѣ, нежели какіе раздавались у другихъ поэтовъ. Доказательствомъ тому то, что они произвели впечатлѣніе сильное на всѣхъ въ то время, когда поэтическое чутье у насъ было еще слабо развито. Элегическій родъ нашей поэзіи созданъ имъ. Есть еще первоначальнѣйшая причина, отъ которой произошла и самая лѣнь ума: это — свойство *оцѣнивать*, которое, поселившись властительно въ его умъ, заставляло его останавливаться съ любовью надъ всякимъ готовымъ произведеніемъ. Отсюда его тонкое критическое чутье, которое такъ изумляло Пушкина. Пушкинъ сильно на него сердился за то, что онъ не пишетъ критикъ. По его мнѣнію, никто, кромѣ Жуковского, не могъ такъ разъять и опредѣлить всякое художественное произведеніе. Это свойство разбирать и оцѣнивать отражается въ его живописныхъ описаніяхъ природы, которыя всѣ его собственныя, самобытныя произведенія. Взявши картину, его плѣнившую, онъ не оставляетъ ея до тѣхъ поръ, покуда не исчерпаетъ всей, разъявъ какъ бы анатомическимъ ножомъ ея неудовимѣйшую подробность. Кто уже могъ написать стихотвореніе о солнцѣ, гдѣ подстережены всѣ видоизмѣненія солнечныхъ лучей и волшебство картинъ, ими производимыхъ въ разные часы дня, равно какъ съ такою же живописною подробностію изобразить въ «Отчетъ о лунѣ» волшебство лунныхъ лучей, съ цѣлымъ рядомъ ночныхъ картинъ, ими производимыхъ, — тотъ, разумѣется, долженъ былъ заключить въ себѣ въ большой степени свойство *оцѣнивать*. Его «Славянка» съ видами Павловска — точная живопись. Благоговѣйная задумчивость, которая проносится сквозъ всѣ его картины, исполняетъ ихъ того гремящаго, теплаго свѣта, который наводитъ необыкновенное успокоеніе на читателя. Становишься тише во всѣхъ своихъ порывахъ, и какою-то тайною замыкаются твои собственныя уста.

Въ послѣднее время въ Жуковскомъ сталъ замѣчаться переломъ поэтического направленія. По мѣрѣ того, какъ стала передъ нимъ проясняться чище та незримо-свѣтлая даль, которую онъ видѣлъ дотогѣ въ неясно-поэтическомъ отдаленіи, пропадала страсть и вкусъ къ призракамъ и привидѣніямъ нѣмецкихъ балладъ. Самая задумчивость уступила мѣсто свѣтлости душевной. Плодомъ этого была «Ундина», твореніе, принадлежащее вполне Жуковскому: нѣмецкій пересказчикъ того же самаго преданія въ прозѣ не могъ служить его образцомъ. Полный создатель свѣтлости этого поэтического созданія есть Жуковский. Съ этихъ поръ онъ добылъ какой-то прозрачный языкъ, который ту же вещь показываетъ еще виднѣе, нежели какъ она есть у самого хозяина, у котораго онъ взялъ ее. Даже прежняя воздушная неопредѣленность стиха его исчезла: стихъ его сталъ крѣпче и тверже; все приуготовлялось въ немъ на то, дабы обратить его къ передачѣ совершеннѣйшаго поэтического произведенія, которое, будучи произведено такимъ образомъ, какъ производится имъ, при такомъ напоеніи всего себя духомъ древности и при такомъ

просвѣтленномъ, высшемъ взглядѣ на жизнь, покажетъ непремѣнно первоначальный, патриархальный бытъ древняго міра въ свѣтѣ родномъ и близкомъ всему человѣчеству, — подвигъ, далеко высшій всякаго собственнаго созданія, который доставить Жуковскому значеніе всемірное. Передъ другими нашими поэтами Жуковский то же, что ювелиръ передъ прочими мастерами, то-есть, мастеръ, занимающійся послѣднею отдѣлкою дѣла. Не его дѣло добыть въ горахъ алмазъ — его дѣло оправить этотъ алмазъ такимъ образомъ, чтобы онъ заигралъ всѣмъ своимъ блескомъ и выказалъ бы вполне свое достоинство всѣмъ. Появленіе такого поэта могло произойти только среди русскаго народа, въ которомъ такъ силенъ гений воспріимчивости, данный ему, можетъ-быть, на то, чтобы оправить въ лучшую оправу все, что не оцѣнено, не воздѣлано и пренебрежено другими народами.

Въ то время, когда Жуковский стоялъ еще въ первой порѣ своего поэтическаго развитія, отрѣшая нашу поэзію отъ земли и существенности и унося ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, другой поэтъ, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ еще для него самого идеальномъ, такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное во всѣхъ образахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязательную нѣгу наслажденія. Онъ слышалъ, выражаясь его же выраженіемъ, «стиховъ и мыслей сладострастье». Казалось, какъ бы какая-то внутренняя сила, пребывающая въ лонѣ поэзіи нашей, храня ее отъ крайности какаго бы то ни было увлеченія, создала этого поэта именно затѣмъ, чтобы въ то время, когда одинъ станетъ приносить звуки сѣверныхъ лѣтцовъ Европы, другой обвѣялъ бы ее ароматическими звуками полудня, познакомивши съ Аріостомъ, Тассомъ, Петраркою, Парни и нѣжными отголосками древней Эллады; чтобы даже и самый стихъ, начинавшій принимать воздушную неопредѣленность, исполнился той почти скульптурной выпуклости, кака я видна у древнихъ, и той звучащей нѣги, кака я слышна у южныхъ поэтовъ новой Европы.

Два разнородные poeta внесли вдругъ два разнородныя начала въ нашу поэзію; изъ двухъ началъ вмигъ образовалось третье: явился Пушкинъ. Въ немъ середина. Ни отвлеченной идеальности перваго, ни преизобилія сладострастной роскоши втораго. Все уравновѣшено, сжато, сосредоточено, какъ въ русскомъ человѣкѣ, который немногослаголивъ на передачу ощущенія, но хранить и совокупляетъ его долго въ себѣ, такъ что отъ этого долговременнаго ношенія оно имѣетъ уже силу взрыва, если выступитъ наружу. Приведу примѣръ. Поэта поразилъ видъ Казбека, одной изъ высочайшихъ Кавказскихъ горъ, на вершукѣ которой увидѣлъ онъ монастырь, показавшійся ему рѣющимъ въ небесахъ ковчегомъ. У другаго поэта полились бы пылкіе стихи на нѣсколько страницъ. У Пушкина все въ десяти строкахъ, и стихотвореніе оканчивается онъ симъ внезапнымъ обращеніемъ:

Далекій, возделанный брегъ!
Туда бѣ, сказавъ: „прости“ ущелью,
Подняться къ горной вышинѣ!
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

Именно одно это могъ бы сказать русскій человѣкъ, въ то время, какъ и французъ, и англичанинъ, и нѣмецъ пустились бы на подробный отчетъ ощущеній. Никто изъ нашихъ поэтовъ не былъ еще такъ скугъ на слова и

выраженія, какъ Пушкинъ, такъ не смотрѣлъ осторожно за самимъ собою, чтобы не сказать неумѣреннаго и лишняго, пугаясь приторности того и другого.

Что жъ было предметомъ его поэзіи? Все стало ея предметомъ, и ничто въ особенности. Нѣмѣетъ мысль предъ безчисленностію его предметовъ. Чѣмъ онъ не поразился и предъ чѣмъ онъ не остановился? Отъ заоблачнаго Кавказа и картиннаго черкеса до бѣдной сѣверной деревушки съ бадалайкою и трепакомъ у кабака, — вездѣ, всюду: на модномъ балѣ, въ избѣ, въ степи, въ дорожной кибиткѣ — все становится его предметомъ. На все, что ни есть во внутреннемъ человѣкѣ, начиная отъ его высокой и великой черты до малѣйшаго вздоха его слабости и ничтожной примѣты, его смутившей, онъ отделился такъ же, какъ отделился на все, что ни есть въ природѣ видимой и внѣшней. Все становится у него отдѣльною картиною; все предметъ его; изъ всего, какъ ничтожнаго, такъ и великаго, онъ исторгаетъ одну электрическую искру того поэтическаго огня, который присутствуетъ во всякомъ твореніи Бога, — его высшую сторону, знакомую только поэту, не дѣлая изъ нея никакого примѣненія къ жизни въ потребность человѣку, не обнаруживая никому, зачѣмъ исторгнута эта искра, не подставляя къ ней лѣстницы ни для кого изъ тѣхъ, которые глухи къ поэзіи. Ему ни до кого не было дѣла. Онъ заботился только о томъ, чтобы сказать однимъ одареннымъ поэтическимъ чутьемъ: «смотрите, какъ прекрасно твореніе Бога!» и, не прибавляя ничего больше, перелетать къ другому предмету зачѣмъ, чтобы сказать также: «смотрите, какъ прекрасно Божіе твореніе!» Отъ этого сочиненія его представляють явленіе изумительное противорѣчіемъ тѣхъ впечатлѣній, какія они порождаютъ въ читателяхъ. Въ глазахъ людей весьма умныхъ, но не имѣющихъ поэтическаго чутья, они — отрывки недосказанные, легкіе, мгновенные; въ глазахъ людей, одаренныхъ поэтическимъ чутьемъ, они — полныя поэмы, обдуманныя, оконченныя, все заключающія въ себѣ, что имъ нужно.

На Пушкинѣ оборвались всѣ вопросы, которые дотолѣ не задавались никому изъ нашихъ поэтовъ, и въ которыхъ виденъ духъ просыпающагося времени. Зачѣмъ, къ чему была его поэзія? Какое новое направленіе мысленному міру далъ Пушкинъ? Что сказалъ онъ нужное своему вѣку? Подѣйствовалъ ли на него, если не спасительно, то разрушительно? Произвелъ ли вліяніе на другихъ хотя личностію собственнаго характера, гениальными заблужденіями, какъ Байронъ и какъ даже многіе второстепенные и низшіе поэты? Зачѣмъ онъ данъ былъ міру и что доказалъ собою? Пушкинъ данъ былъ міру на то, чтобы доказать собою, что такое самъ поэтъ, и ничего больше, — что такое поэтъ, взятый не подъ вліяніемъ какого-нибудь времени или обстоятельства и не подъ условіемъ также собственнаго, личнаго характера, какъ человѣка, но въ независимости отъ всего; чтобы, если захочетъ потомъ какой-нибудь высшій душевный анатомикъ разъять и объяснить себѣ, что такое въ существѣ своемъ поэтъ, это чуткое созданіе, на все отлигающее въ мірѣ и себѣ одному не имѣющее отклика, то чтобы онъ удовлетворенъ былъ, увидѣвъ это въ Пушкинѣ. Одному Пушкину опредѣлено было показать въ себѣ это независимое существо, это звонкое эхо, отлигающее на всякій отдѣльный звукъ, порождаемый въ воздухѣ. При мысли о всякомъ поэтѣ представляется больше или меньше личность его самого. Кому при помышленіи о Шиллерѣ не предстанетъ вдругъ эта свѣтлая, младенческая душа, грезившая о лучшихъ и совершеннѣйшихъ идеалахъ, создавшая изъ нихъ себѣ міръ и довольная тѣмъ, что могла жить въ этомъ поэтическомъ мірѣ? Кому, читающему Байрона, не предстанетъ самъ Байронъ, этотъ гордый

человѣкъ, облагодѣтельствованный всѣми дарами Неба и не могшій простить ему своего незначительнаго тѣлеснаго недостатка, отъ котораго ропотъ перенесся и въ поэзію его? Самъ Гёте, этотъ Протей изъ поэтовъ, стремившійся обнять все, какъ въ мірѣ природы, такъ и въ мірѣ наукъ, показала уже симъ самымъ наукообразнымъ стремленіемъ своимъ личность свою, исполненную какой-то германской чинности и теоретически-нѣмецкаго притязанія подладиться ко всѣмъ временамъ и вѣкамъ. Всѣ наши русскіе поэты: Державинъ, Жуковский, Батюшковъ удержали свою личность. У одного Пушкина ея нѣтъ. Что схватишь изъ его сочиненій о немъ самомъ? Поди, улови его характеръ, какъ человѣка! Намѣсто его предстанетъ тотъ же чудный образъ, на все откликающійся и одному себѣ только не находящій отклика. Всѣ сочиненія его — полный арсеналъ орудій поэта. Ступай туда, выбирай себѣ всякъ по рукъ любое, и выходи съ нимъ на битву; но самъ поэтъ на битву съ нимъ не вышеть. Зачѣмъ не вышеть? — это другой вопросъ. Онъ самъ на него отвѣчаетъ стихами:

Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ,
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Пушкинъ слышалъ значеніе свое лучше тѣхъ, которые задавали ему запросы, и съ любовію исполнялъ его. Даже и въ тѣ поры, когда метался онъ самъ въ чадѣ страстей, поэзія была для него святыня, — точно какой-то храмъ. Не входилъ онъ туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносилъ онъ туда необдуманнаго, опрометчиваго изъ собственной жизни своей; не вошла туда нагишомъ растрепанная дѣйствительность. А между тѣмъ, все тамъ — исторія его самого. Но это ни для кого незримо. Читатель услышалъ одно только благоуханіе; но какія вещества перегорѣли въ груди поэта затѣмъ, чтобы издать это благоуханіе, того никто не можетъ услышать. И какъ онъ лепѣялъ ихъ въ себѣ! какъ вынашивалъ ихъ! Ни одинъ италянскій поэтъ не отдѣлывалъ такъ сонетовъ своихъ, какъ обрабатывалъ онъ эти легкія, повидимому, мгновенныя созданія. Какая точность во всякомъ словѣ! Какая значительность всякаго выраженія! Какъ все округлено, окончено и замкнуто! Всѣ онъ точно перлы; трудно и рѣшить, которая элегія лучше — словно сверкающіе зубы красавицы, которые уподобляетъ царь Соломонъ овцамъ-юницамъ, только-что вышедшимъ изъ купели, когда онѣ всѣ какъ одна и всѣ равно прекрасны.

Какъ ему говорить было о чемъ-нибудь потребномъ современному обществу въ его современную минуту, когда хотѣлось откликнуться на все, что ни есть въ мірѣ, и когда всякій предметъ равно звалъ его? Онъ хотѣлъ было изобразить въ «Онѣгинѣ» современнаго человѣка и разрѣшить какую-то современную задачу — и не могъ. Столкнувши съ мѣста своихъ героевъ, самъ сталъ на ихъ мѣстѣ и, въ лицѣ ихъ, поразила тѣмъ, чѣмъ поражается поэтъ. Поэма вышла собраніе разрозненныхъ ощущеній, нѣжныхъ элегій, колкихъ эпиграммъ, картинныхъ идиллій, и, по прочтеніи ея, намѣсто всего, выступаетъ тотъ же чудный образъ на все откликнушагося поэта. Его совершеннѣйшія произведенія: «Борисъ Годуновъ» и «Полтава» — тотъ же вѣрный откликъ минувшему. Ничего не хотѣлъ онъ ими сказать своему времени; никакой пользы соотечественникамъ не замышлялъ онъ выборомъ этихъ двухъ сюжетовъ; не видно также, чтобы онъ исполнился особеннаго участія къ кому-нибудь изъ выведенныхъ здѣсь героевъ и предпринялъ бы изъ-за того эти двѣ поэмы, такъ мастерски и художественно отработанныя.

Онъ изумился только необычности двухъ историческихъ событій и хотѣлъ, чтобы, подобно ему, изумились другіе.

Чтеніе поэтовъ всѣхъ народовъ и вѣковъ порождало въ немъ тотъ же откликъ. Герой испанскій Донъ-Жуанъ, этотъ неистощимый предметъ безцеленнаго множества драматическихъ поэмъ, далъ ему вдругъ идею сосредоточить все дѣло въ небольшой собственной драматической картинѣ, гдѣ еще съ большимъ познаніемъ души выставленъ неотразимый соблазнъ развратителя, еще ярче слабость женщины и еще слышнѣе сама Испанія. Гётевъ «Фаустъ» навелъ его вдругъ на идею сжать въ двухъ-трехъ страничкахъ главную мысль германскаго поэта — и дивисься, какъ она мѣтко понята и какъ сосредоточена въ одно крѣпкое ядро, несмотря на всю ея неопредѣленную разбросанность у Гёте. Суровыя терцины Данта внушили ему мысль, въ такихъ же терцинахъ и въ духѣ самого Данта, изобразить поэтическое младенчество свое въ Царскомъ Селѣ, олицетворить науку въ видѣ строгой жены, собирающей въ школу дѣтей, и себя въ видѣ школьника, вырвавагося изъ класса въ садъ, затѣмъ, чтобы остановиться передъ древними статуями, съ лирами и циркулярами въ рукахъ, говорившими ему живѣе науки, гдѣ видно, какъ уже рано пробуждалась въ немъ эта чуткость на все откликаться.

И какъ вѣренъ его откликъ, какъ чутко его ухо! Слышишь запахъ, цвѣтъ земли, времени, народа. Въ Испаніи онъ испанецъ, съ грекомъ — грекъ, на Кавказѣ — вольный горецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; съ отжившимъ человекомъ онъ дышитъ стариною времени минувшаго; заглянетъ къ мужику въ избу — онъ русскій весь съ головы до ногъ: всѣ черты нашей природы въ немъ отозвались, и все окинуто иногда однимъ словомъ, однимъ чутко найденнымъ и мѣтко прибраннымъ прилагательнымъ именемъ.

Свойство это въ немъ разрасталось постепенно, и онъ откликнулся бы потомъ цѣликомъ на всю русскую жизнь, такъ же, какъ откликался на всякую отдѣльную ея черту. Мысль о романѣ, который бы повѣдалъ простую, безыскусственную повѣсть прямо русской жизни, занимала его въ послѣднее время неотступно. Онъ бросилъ стихи единственно затѣмъ, чтобы не увлечься ничѣмъ по сторонамъ и быть проще въ описаніяхъ, и самую прозу упростилъ онъ до того, что даже не нашли никакого достоинства въ первыхъ повѣстяхъ его. Пушкинъ былъ этому радъ и написалъ «Капитанскую дочку», рѣшительно лучшее русское произведеніе въ повѣствовательномъ родѣ. Сравнительно съ «Капитанскою дочкою», всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторною размазною. Чистота и безыскусственность вошли въ ней на такую высокую степень, что сама дѣйствительность кажется передъ нею искусственною и карикатурною. Въ первый разъ выступили истинно-русскіе характеры: простой комендантъ крѣпости, капитанша, поручикъ; сама крѣпость съ единственною пушкою, безтолковщина времени и простое величіе простыхъ людей, все — не только самая правда, но еще какъ бы лучше ея. Такъ оно и быть должно: на то и призваніе поэта, чтобы изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратитъ намъ въ очищенномъ и лучшемъ видѣ. Все показывало въ Пушкинѣ, что онъ на то былъ рожденъ и къ тому стремился. Почти въ одно время съ «Капитанскою дочкою» оставилъ онъ мастерскія пробы романовъ: «Рукопись села Горохана», «Царскій арапъ» и сдѣланный карандашомъ набросокъ большого романа: «Дубровскій». Въ послѣднее время набрался онъ много русской жизни и говорилъ обо всемъ такъ мѣтко и умно, что хоть записывай всякое слово: оно стоило его лучшихъ стиховъ; но еще замѣчательнѣе было то, что строилось внутри самой души его и готовилось освѣтить передъ нимъ еще больше жизнь. Отголоски этого слышны въ изданномъ

уже по смерти его стихотвореніи, [въ которомъ звуками, почти апокалипсическими, изображенъ побѣгъ изъ города, обреченнаго гибели, и часть его собственнаго душевнаго состоянія]. Много готовилось Россіи добра въ этомъ человѣкѣ... Но, становясь мужемъ, забирая отовсюду силы на то, чтобы управляться съ большими дѣлами, не подумалъ онъ о томъ, какъ управиться съ ничтожными и малыми. Внезапная смерть унесла его вдругъ отъ насъ — и все въ государствѣ услышало вдругъ, что лишилось великаго человѣка. Вліяніе Пушкина, какъ поэта, на общество было ничтожно. Общество взглянуло на него только въ началѣ его поэтическаго поприща, когда онъ первыми молодыми стихами своими напомнилъ было лиру Байрона; когда же пришелъ онъ въ себя и сталъ, наконецъ, не Байронъ, а Пушкинъ, общество отъ него отвернулось. Но вліяніе его было сильно на поэтовъ. Не сблалъ того Карамзинъ въ прозѣ, что онъ въ стихахъ. Подражатели Карамзина послужили жалкою карикатурою на него самого и довели какъ слогъ, такъ и мысли до сахарной приторности. Что же касается до Пушкина, то онъ былъ для всѣхъ поэтовъ, ему современныхъ, точно сброшенный съ неба поэтической огонь, отъ котораго, какъ свѣчки, зажглись другіе самопѣтныя поэты. Вокругъ него образовалось ихъ цѣлое созвѣдіе: Дельвигъ, поэтъ-сибаритъ, который нѣжилъ всякимъ звукомъ своей почти эллинской лиры и, не выпивая залпомъ всего напитка поэзіи, глоталъ его по каплѣ, какъ знатокъ винъ, присматриваясь къ цвѣту и обоняя самый запахъ; Козловъ, гармоническій поэтъ, отъ котораго раздались какіе-то дотолъ неслыханные, музыкально-сердечные звуки; Баратынскій, строгій и сумрачный поэтъ, который показалъ такъ рано самобытное стремленіе мыслей къ міру внутреннему и сталъ уже заботиться о матеріальной отдѣлкѣ ихъ, тогда какъ онъ еще не вырѣли въ немъ самою; темный и неразвившійся, сталъ себя выказывать людямъ и сблался чрезъ то для всѣхъ чужимъ и никому не близкимъ. Всѣхъ этихъ поэтовъ возбудилъ на дѣятельность Пушкинъ; другихъ же просто создалъ. Я разумю здѣсь нашихъ такъ-называемыхъ антологическихъ поэтовъ, которые произвели понемногу; но если изъ этихъ немногихъ душистыхъ цвѣтковъ сблать выборъ, то выйдетъ книга, подъ которою подпишете свое имя лучшій поэтъ. Стоить назвать обоихъ Туманскихъ, А. Крылова, Тютчева, Плетнева и нѣкоторыхъ другихъ, которые не выказали бы собственнаго поэтическаго огня и благоуханныхъ движеній душевныхъ, если бы не были зажжены огнемъ поэзіи Пушкина. Даже прежніе поэты стали перестраивать ладъ лиръ своихъ. Извѣстный переводчикъ Иліады Гнѣдичъ, преподаватель псалмовъ Ѡ. Глинка, партизанъ-поэтъ Давыдовъ, наконецъ, самъ Жуковскій, наставникъ и учитель Пушкина въ искусствѣ стихотворномъ, сталъ потомъ учиться самъ у своего ученика. Сблались поэтами даже тѣ, которые не рождены были поэтами, которымъ готовилось поприще не менѣе высокое, судя по тѣмъ духовнымъ силамъ, какія они показали даже въ стихотворныхъ своихъ опытахъ, какъ-то: Веневитиновъ, такъ рано отъ насъ похищенный, и Хомяковъ, слава Богу, еще живущій для какаго-то свѣтлаго будущаго, покуда еще ему самому не разоблачившагося. Сила возбудительнаго вліянія Пушкина даже повредила многимъ, особенно Баратынскому, и еще одному поэту, о которомъ будетъ рѣчь ниже, — повредила именно тѣмъ, что они стали передавать невырѣвшія движенія души своей, тогда какъ самая душа не набралась еще поэзіи, доступной и близкой другимъ, и когда опредѣлено было имъ совершить прежде свое внутреннее воспитаніе и до времени умолкнуть. Всѣхъ соблазнила эта необыкновенная художественная отработка стихотворныхъ созданій, которую показалъ Пушкинъ. Позабывъ и общество, и всякія современныя связи съ

нимъ человѣка, и всякія требованія земли своей, все жило въ какой-то поэтической Элладѣ, повторяя стихи Пушкина:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Изъ поэтовъ времени Пушкина болѣе всѣхъ отдѣлился Языковъ. Съ появленіемъ первыхъ стиховъ его всѣмъ послышалась новая лира, разгулъ и буйство силъ, удалъ всякаго выраженія, свѣтъ молодого восторга и языкъ, который въ такой силѣ, совершенствѣ и строгой подчиненности господину еще не являлся дотогѣ ни въ комъ. Имя *Языковъ* пришлось ему не даромъ: владѣть онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властію. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно, заключить и замкнетъ такъ, что остановишься пораженный. Все, что выражаетъ силу молодости, не разслабленной, но могучей, полной будущаго, стало вдругъ предметомъ стиховъ его. Такъ и брызжетъ юношеская свѣжесть отъ всего, къ чему онъ ни прикоснется. Вотъ его купанье въ рѣкѣ:

Покровы прочь! Передъ челою
Протянемъ руки удалыя
И — бух!

Влистательнымъ дождемъ
Взлетаютъ брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада!
Какъ сладострастна, какъ нѣжна
Меня обнявшая нажда!

Вотъ у него игра въ свайку, которую онъ назвалъ прямо-русскою игрою. Юноши-молодцы стали въ кружокъ:

Тяжкій гвоздь стойкомъ и плотно
Бьетъ въ кольцо — кольцо бренчить.
Вешній вечеръ беззаботно
И невидимо летить.

Все, что вызываетъ въ юношѣ отвагу, — море, волны, буря, пиры и сдвинутыя чаши, братскій союзъ на дѣло, твердая, какъ кремь, вѣра въ будущее, готовность ратовать за отчизну — выражается у него съ силою неестественною. Когда появились его стихи отдѣльною книгою, Пушкинъ сказалъ съ досадою: «Зачѣмъ онъ назвалъ ихъ: «Стихотворенія Языкова!» ихъ бы слѣдовало назвать просто: «хмель!» Человѣкъ съ обыкновенными силами ничего не сдѣлаетъ подобнаго; тутъ потребно буйство силъ». Живю помню восторгъ его въ то время, когда прочиталъ онъ стихотвореніе Языкова къ Давыдову, напечатанное въ журналѣ. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда слезы на лицѣ Пушкина (Пушкинъ никогда не плакалъ; онъ самъ себя сказалъ въ посланіи къ Овидію: «Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ, но понимаю ихъ»). Я помню тѣ строфы, которыя произвели у него слезы: первая, гдѣ поэтъ, обращаясь къ Россіи, которую уже было признали безсильною и немощною, взываетъ такъ:

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!

Созвонь отъ странъ далекихъ
 Ты своихъ богатырей,
 Оо степей, съ равнинъ широкихъ,
 Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
 Отъ осьми твоихъ морей.

И потомъ строфа, гдѣ описывается несдыханное самопожертвованіе — предать огню собственную столицу со всѣмъ, что ни есть въ ней священнаго для всей земли:

Пламень въ небо упирая,
 Лютъ пожаръ Москвы реветъ.
 Златоглавая, святая,
 Ты ли гнибешь? Русь, впередъ!
 Громче буря истребленья!
 Крѣпче смѣлой ей отпоръ!
 Это жертвенникъ спасенья,
 Это пламя очищенья,
 Это финиковъ костеръ.

У кого не брызнуть слезы послѣ такихъ строфъ? Стихи его точно разымчивый хмель; но въ хмель слышна сила высшая, заставляющая его подыматься вверху. У него студентскія пирушки не изъ бражничества и пьянства, но отъ радости, что есть мочь въ рукѣ и поприще впереди, что понесутся они, студенты,

На благородное служенье
 Во славу чести и добра.

Бѣда только, что хмель перешелъ мѣру, и что самъ поэтъ загулялся черезчуръ на радости отъ своего будущаго, какъ и многіе изъ насъ на Руси, и осталось дѣло только въ одномъ могучемъ порывѣ.

Всѣхъ глаза устремились на Языкова. Всѣ ждали чего-то необыкновеннаго отъ новаго поэта, отъ стиховъ котораго пронеслась такая богатырская похвальба совершить какое-то могучее дѣло. Но дѣла не дождались. Вышло еще нѣсколько стихотвореній, повторившихъ слабѣе то же самое; потомъ тяжелая болѣзнь посѣтила поэта и отразилась на его духѣ. Въ послѣднихъ стихахъ его уже не было ничего, шевелившаго русскую душу. Въ нихъ раздалась скучанія среди нѣмецкихъ городовъ, безучастныя записки разъѣздовъ, перечень однообразно-страдальческаго дня. Все это было мертво русскому духу. Не примѣтили даже необыкновенной отработки позднѣйшихъ стиховъ его. Его языкъ, еще болѣе окрѣпнувшій, ему же послужилъ въ уликъ: онъ былъ на тощихъ мысляхъ и блѣдномъ содержаніи, что панцырь богатыря на хиломъ тѣлѣ карлика. Стали говорить даже, что у Языкова нѣтъ вовсе мыслей, а одни пустозвонкіе стихи, и что онъ даже и не поэтъ. Все пришло противъ него въ ропотъ. Отголоски этого ропота раздались нелѣпо въ журналахъ, но въ основаніи ихъ была правда. Языковъ не сказалъ же, говоря о поэтѣ, словами Пушкина:

Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битья,
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

У него, напротивъ, вотъ что говорить поэтъ:

Когда тебѣ на подвигъ все готово,
 Въ чемъ на землѣ небесный видѣть даръ,
 Могучей мысли свѣтъ и жаръ
 И огнедышащее слово —
 Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ поэта.

Положимъ, это говорится объ идеальномъ поэтѣ; но идеаль свой онъ взялъ изъ своей же природы. Если бы въ немъ самомъ уже не было началъ тому, не могъ бы и представить онъ себѣ такого поэта. Нѣтъ, не силы его оставили, не бѣдность таланта и мыслей виною пустоты содержанія послѣднихъ стиховъ его, какъ самоувѣренно возгласили критики, и даже не болѣзнь (болѣзнь дается только къ ускоренію дѣла, если человѣкъ проникнетъ смыслъ ея) — нѣтъ, другое его обезсилило: свѣтъ любви погаснулъ въ душѣ его — вотъ почему примеркнулъ и свѣтъ поэзіи. Полюби потребное и нужное душѣ съ такою силою, какъ полюбилъ ты прежде хмель юности своей, — и вдругъ подымутся твои мысли наравнѣ со стихомъ, раздастся огнедышащее слово: изобразишь намъ ту же пошлость болѣзненной жизни своей, но изобразишь такъ, что содрогнется человѣкъ отъ проснувшихся желѣзныхъ силъ своихъ и возблагодаритъ Бога за недугъ, давшій ему это почувствовать. Не по стопамъ Пушкина надлежало Языкову обработывать и округлять стихъ свой; не для элегій и антологическихъ стихотвореній, но для двѣирамба и гимна родился онъ; это услышали всѣ. И уже скорѣе отъ Державина, нежели отъ Пушкина, долженъ былъ онъ засвѣтить свѣтильникъ свой. Стихъ его только тогда и входитъ въ душу, когда онъ весь въ лирическомъ свѣту: предметъ у него только тогда живъ, когда онъ или движется, или звучитъ, или сияетъ, а не тогда, когда пребываетъ въ покоѣ. Удѣлы поэтовъ не равны. Одному опредѣлено быть вѣрнымъ зеркаломъ и отголоскомъ жизни — на то и данъ ему многосторонній, описательный талантъ. Другому повелѣно быть передовою, возбуждающею силою общества во всѣхъ его благородныхъ и высшихъ движеніяхъ — и на то данъ ему лирической талантъ. Не попадетъ талантъ на свою дорогу, потому что не устремляетъ глазъ высшихъ на самого себя. Но Промыслъ лучше печется о человѣкѣ. Бѣдою, зломъ и болѣзнію насильно приводитъ онъ его къ тому, къ чему онъ не пришелъ бы самъ. Уже и въ лирѣ Языкова замѣтно стремленіе къ повороту на его законную дорогу. Отъ него услышали недавно стихотвореніе «Землетрясеніе», которое, по мнѣнію Жуковскаго, есть наше лучшее стихотвореніе.

Изъ поэтовъ времени Пушкина отдѣлился князь Вяземскій. Хотя онъ началъ писать гораздо прежде Пушкина, но такъ какъ его полное развитіе было при немъ, то упомянемъ о немъ здѣсь. Въ князѣ Вяземскомъ — противоположность Языкову: сколько въ томъ поражаетъ ничета мыслей, столько въ этомъ обиліе ихъ. Стихъ употребленъ у него, какъ первое попавшееся орудіе: никакой наружной отдѣлки его, никакого также сосредоточенія и округленія мысли, затѣмъ, чтобы выставить ее читателю, какъ драгоценность: онъ не художникъ и не заботится обо всемъ этомъ. Его стихотворенія — импровизаціи, хотя для такихъ импровизацій нужно имѣть слишкомъ много всякихъ даровъ и слишкомъ приготовленную голову. Въ немъ собралось обиліе необыкновенное всѣхъ качествъ: наглядка, наблюдательность, неожиданность выводовъ, чувство, умъ, остроуміе, веселость и даже грусть; каждое стихотвореніе его — пестрый фараонъ всего вмѣстѣ. Онъ не поэтъ по призванію: судьба, надѣлившая его всѣми дарами, дала ему какъ бы въ придачу талантъ поэта, затѣмъ, чтобы составить изъ него что-то полное. Въ его книгѣ «Биографія Фонвизина» обнаружилось еще виднѣе обиліе всѣхъ даровъ, въ немъ заключенныхъ. Тамъ слышенъ, въ одно и то же время, политикъ, философъ, тонкій оцѣнщикъ и критикъ, положительный государственный человѣкъ и даже опытный вѣдатель практической стороны жизни, словомъ — всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокой историкъ въ значеніи высшемъ. И если бы такимъ же перомъ, какимъ

начертана біографія Фонвизина, написано было все царствованіе Екатерины, которое уже и теперь кажется намъ почти фантастическимъ отъ чрезвычайнаго обилія эпохи и необыкновеннаго столкновенія необыкновенныхъ лицъ и характеровъ, то можно сказать почти навѣрно, что подобнаго бы намъ Европа. Но отсутствіе большого и полнаго труда есть болѣзнь князя Вяземскаго, и это слышится въ самыхъ его стихотвореніяхъ. Въ нихъ замѣтно отсутствіе внутренняго гармоническаго согласованія въ частяхъ, слышенъ разладъ: слово не сочеталось со словомъ, стихъ со стихомъ, возлѣ крѣпкаго и твердаго стиха, какого нѣтъ ни у одного поэта, помѣщается другой, ничѣмъ на него не похожій; то вдругъ защемишь онъ чѣмъ-то вырваннымъ живьемъ изъ самаго сердца, то вдругъ оттолкнетъ отъ себя звукомъ, почти чуждымъ сердцу, раздавшимся совершенно не въ тактъ съ предметомъ; слышна несобранность въ себя, неполная жизнь своими силами; слышится на днѣ всего что-то придавленное и угнетенное. Участь человѣка, одареннаго способностями разнообразными и очутившагося безъ такого дѣла, которое бы заняло всѣ до единой его способности, тяжелѣе участи послѣдняго бѣдняка. Только тотъ трудъ, который заставляетъ цѣликомъ всего человѣка обратиться къ себѣ и уйти въ себя, есть нашъ избавитель. На немъ только, какъ говоритъ поэтъ,

Душа прямится, крѣпнеть воля,
И наша собственная доля
Опредѣляется виднѣй.

Въ то время, когда наша поэзія совершала такъ быстро своеобразный ходъ свой, воспитываясь поэтами всѣхъ вѣковъ и націй, обвѣваясь звуками всѣхъ поэтическихъ странъ, пробуя всѣ тоны и аккорды, одинъ поэтъ оставался въ сторонѣ. Выбравши себѣ самую незамѣтную и узкую тропу, шелъ онъ по ней почти безъ шума, пока не переросъ другихъ, какъ крѣпкій дубъ, перерастаетъ всю рощу, вначалѣ его скрывавшую. Этотъ поэтъ — Крыловъ. Выбралъ онъ себѣ форму басни, всѣми пренебреженную, какъ вещь старую, негодную для употребленія и почти дѣтскую игрушку, — и въ сей баснѣ умѣлъ сдѣлаться народнымъ поэтомъ. Это наша крѣпкая русская голова, тотъ самый умъ, который сродни уму нашихъ пословицъ, тотъ самый умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ, умъ выводовъ, такъ называемый задній умъ. Пословица не есть какое-нибудь впередъ поданное мнѣніе или предположеніе о дѣлѣ, но уже подведенный итогъ дѣлу, отсѣдъ, отстой уже перебродившихъ и кончившихся событій, окончательное извлеченіе силы дѣла изъ всѣхъ сторонъ его, а не изъ одной. Это выражается и въ поговоркѣ: *одна рѣчь не пословица*. Вслѣдствіе этого задняго ума, или ума окончательныхъ выводовъ, которымъ преимущественно надѣленъ передъ другими русскій человѣкъ, наши пословицы значительнѣе пословицъ всѣхъ другихъ народовъ. Сверхъ полноты мыслей, уже въ самомъ образѣ выраженія въ нихъ отразилось много народныхъ свойствъ нашихъ; въ нихъ все есть: издѣвка, насмѣшка, попрекъ, словомъ — все шевелящее и задирающее за живое: какъ стоглазый Аргусъ, глядитъ изъ нихъ каждая на человѣка. Всѣ великіе люди, отъ Пушкина до Суворова и Петра, благоговѣли передъ нашими пословицами. Уваженіе къ нимъ выразилось многими поговорками: *пословица не даромъ молвится*, или *вовѣкъ не слювится*. Известно, что если сумѣешь замкнуть рѣчь ловко прибранною пословицей, то сию объяснишь ее вдругъ народу, какъ бы сама по себѣ ни была она выше его понятія.

Отсюда-то ведетъ свое происхожденіе Крыловъ. Его басни отнюдь не для дѣтей. Тотъ ошибется грубо, кто назоветъ его баснописцемъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ были баснописцы Лафонтенъ, Дмитріевъ, Хемницеръ, и, наконецъ, Измайловъ. Его притчи — достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа. Звѣри у него мыслятъ и поступаютъ слыхкомъ по-русски: въ ихъ продѣлкахъ между собою слышны продѣлки и обряды производствъ внутри Россіи. Кромѣ вѣрнаго звѣринаго сходства, которое у него до того сильно, что не только лисица, медвѣдь, волкъ, но даже самъ горшокъ поворачивается какъ живой, они показали въ себѣ еще и русскую природу. Даже осель, который у него до того опредѣлился въ характерѣ своемъ, что стѣитъ ему высунуть только уши изъ какой-нибудь басни, какъ уже читатель вскрикиваетъ впередъ: «это осель Крылова!» даже осель, несмотря на свою принадлежность климату другихъ земель, явился у него русскимъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ производя кражу по чужимъ огородамъ, онъ возгорѣлся вдругъ честолюбіемъ, захотѣлъ ордена и заваяничалъ страхъ, когда хозяинъ повѣсилъ ему на шею звонокъ, не размысливъ того, что теперь всякая кража и пакость его будутъ видны всѣмъ и привлекутъ отовсюду побой на его бока. Словомъ — всюду у него Русь и пахнетъ Русью. Всякая басня его имѣетъ, сверхъ того, историческое происхожденіе. Несмотря на свою неторопливость и, повидимому, равнодушіе къ событіямъ современному, поэтъ, однакоже, слѣдилъ всякое событіе внутри государства: на все подавалъ свой голосъ и въ голосѣ этомъ слышалась разумная середина, примиряющей третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до своего полнаго совершенства. Строго взвѣшеннымъ и крѣпкимъ словомъ такъ разомъ онъ и опредѣлитъ дѣло, такъ и означитъ, въ чемъ его истинное существо. Когда нѣкоторые черезчуръ военные люди стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военного, изъ-за того только, что нѣкоторые обратили военное дѣло въ одни погончики да петлички, онъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
 Когда устроены въ ней мудро части:
 Оружіемъ—врагамъ она грозна,
 А паруса—гражданскія въ ней власти.

Какая мѣткость опредѣленія! Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь. Когда у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недалезорныхъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ написалъ не меньше замѣчательную басню: «Двѣ бритвы», и въ ней справедливо попрекнулъ начальниковъ, которые

Людей съ умомъ боятся
 И держать при себѣ охотнѣй дураковъ.

Особенно слышно, какъ онъ вездѣ держитъ сторону ума, какъ проситъ не пренебрегать умнаго человѣка, но умѣть съ нимъ обращаться. Это отразилось въ баснѣ «Музыканты», которую заключилъ онъ словами: «По мнѣ, ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй!» Не потому онъ это сказалъ, чтобы

хотѣлъ похвалить пьянство, но потому, что заболѣла его душа при видѣ, какъ нѣкоторые, набравши къ себѣ, намѣсто мастеровъ дѣла, людей Богъ вѣсть какихъ, еще и хвастаются тѣмъ, говоря, что хоть мастерства они и не смыслятъ, но зато отличнѣйшаго поведенія. Онъ зналъ, что съ умнымъ человѣкомъ все можно сдѣлать и не трудно обратитъ его къ хорошему поведенію, если сумѣешь умно говорить съ нимъ, но дурака трудно сдѣлать умнымъ, какъ ни говори съ нимъ. *Въ вортъ — что въ мортъ, а въ дуракъ — что въ прѣсною молотъ*, говоритъ наша пословица. Но и умному дѣлаетъ онъ также крѣпкія замѣтки, сильно попрекнувши его въ баснѣ «Прудъ и Рѣка», за то, что далъ задремать своимъ способностямъ, и строго укоривши въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ» за развратное и злое ихъ направленіе. Вообще его занимали вопросы важныя. Въ книгѣ его всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ главы, которому говорить онъ:

Властитель хочеть ли народы удержать?
Держи бразды не вкрутъ, но мощною рукою,—

и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ, которому указываетъ онъ на высокій удѣлъ въ видѣ пчелы, не ищущей отличать своей работы:

Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытъ,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестыи не льстится
И мыслью оживляетъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Слова эти останутся доказательствомъ вѣчнымъ, какъ благородна была душа самого Крылова. Ни одинъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ошутительною и выразаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихся живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено вѣрно и такъ усвоены крѣпко вещи, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймашь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ, какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ, шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ, одностопномъ; разчитаннымъ числомъ слоговъ выдается она ошутительно самую невыразимую ея духовность. Стоитъ вспомнить величественное заключеніе басни «Двѣ бочки»:

Великій человекъ лишь виденъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпкую думу
Безъ шуму.

Тутъ отъ самаго размѣщенія словъ какъ бы слышится величіе ушедшаго въ себя человѣка.

Отъ Крылова вдругъ можно перейти къ другой сторонѣ нашей поэзіи — сатирической. У насъ у всѣхъ много ироніи. Она видна въ нашихъ пословицахъ и пѣсняхъ, и, что всего изумительнѣе, часто тамъ, гдѣ видимо страждетъ

душа и не расположена вовсе къ веселости. Глубина этой самобытной ироніи еще предъ нами не разоблачилась, потому что, воспитываясь всѣми европейскими воспитаніями, мы и тутъ отдалялись отъ родного корня. Наклонность къ ироніи, однакожь, удержалась, хотя и не въ той формѣ. Трудно найти русскаго человѣка, въ которомъ бы не соединялось, вмѣстѣ съ умѣньемъ предъ чѣмъ-нибудь истинно возблаговѣть, свойство — надъ чѣмъ-нибудь истинно посмѣяться. Всѣ наши поэты заключали въ себѣ это свойство. Державинъ крупною солью разсыпалъ его у себя въ ббльшей половинѣ одъ своихъ. Оно есть у Пушкина, у Крылова, у князя Вяземскаго; оно слышно даже у такихъ поэтовъ, которые въ характерѣ своемъ имѣли нѣжное, меланхолическое расположеніе: у Капниста, у Жуковскаго, у Карамзина, у князя Долгорукаго; оно есть что-то сродное намъ всѣмъ. Естественно, что у насъ должны были развиться писатели собственно сатирическіе. Уже въ то время, когда Ломоносовъ настраивалъ свою лиру на высокій лирической лады, князь Кантемиръ находилъ пищу для сатиры и хлесталъ ею глупости едва начинавшагося общества. Въ разные эпохи появлялось у насъ множество сатиръ, эпиграммъ, насмѣшливыхъ перелицовокъ назнанку извѣстнѣйшихъ произведеній и всякаго рода пародій ѣдкихъ, злыхъ, которыя останутся, вѣроятно, всегда въ рукописяхъ, и въ которыхъ всюду видна большая сила. Стоитъ вспомнить пародіи князя Горчакова, сатиру на литераторовъ Воейкова: «Домъ сумасшедшихъ», и талантливыя пародіи Михайла Дмитріева, гдѣ желчь Ювенала соединилась съ какимъ-то особеннымъ славянскимъ добродушіемъ. Но сатира скоро попросила себѣ поприща обширнѣйшаго и перешла въ драму. Театръ начался у насъ такъ же, какъ и повсюду, сначала подражаніями; потомъ стали пробиваться черты оригинальныя. Въ трагедіи явились нравственная сила и незнаніе человѣка подъ условіемъ взятой эпохи и вѣка; въ комедіи — легкія насмѣшки надъ смѣшными сторонами общества, безъ взгляда на душу человѣка. Имена Озерова, Княжнина, Капниста, князя Шаховскаго, Хмѣльницкаго, Загоскина, А. Писарева помнятся съ уваженіемъ; но все это поблѣднѣло передъ двумя яркими произведеніями: передъ комедіями: Фонвизина «Недоросль» и Грибѣдова «Горе отъ ума», которыя весьма остроумно называлъ князь Вяземскій двумя современными трагедіями. Въ нихъ уже не легкія насмѣшки надъ смѣшными сторонами общества, но раны и болѣзни нашего общества, тяжелыя злоупотребленія внутреннія, которыя безпощадною силою ироніи выставлены въ очевидности потрясающей. Обѣ комедіи взяли двѣ разные эпохи. Одна поразила болѣзни отъ непросвѣщенія, другая — отъ дурно-понятаго просвѣщенія.

Комедія Фонвизина поражаетъ огублѣное звѣрство человѣка, происшедшее отъ долгаго безчувственнаго, непотрясаемаго застоя въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Россіи. Она выставила такъ страшно эту кору огублѣнія, что въ ней почти не узнаешь русскаго человѣка. Кто можетъ узнать что-нибудь русское въ этомъ злобномъ существѣ, исполненномъ тиранства, какова Простакова, мучительница крестьянъ, мужа и всего, кромѣ своего сына? А между тѣмъ, чувствуешь, что нигдѣ въ другой землѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи не могло образоваться такое существо. Эта безумная любовь къ своему дѣтищу есть наша сильная русская любовь, которая въ человѣкѣ, потерявшемъ свое достоинство, выразилась въ такомъ извращенномъ видѣ, въ такомъ чудномъ соединеніи съ тиранствомъ, такъ что, чѣмъ болѣе она любитъ свое дитя, тѣмъ болѣе ненавидитъ все, что не есть ея дитя. Потомъ характеръ Скотинина — другой типъ огублѣнія. Его неуклюжая природа, не получивъ на свою долю никакихъ сильныхъ и неистовыхъ страстей, обратилась въ какую-то

болѣе спокойную, въ своемъ родѣ художественную любовь къ скотинѣ, намѣсто человѣка: свиньи сдѣлались для него то же, что для любителя искусствъ картинная галлерей. Потомъ супругъ Простаковой — несчастное, убитое существо, въ которомъ и тѣ слабыя силы, какія держались, забыты понуканіями жены, — полное притупленіе всего! Наконецъ, самъ Митрофанъ, который, ничего не заключая злобнаго въ своей природѣ, не имѣя желанія наносить кому-либо несчастье, становится нечувствительно, съ помощью угожденій и баловства, тираномъ всѣхъ, и всего болѣе тѣхъ, которые его сильнѣе любятъ, то-есть матери и няньки, такъ что наносить имъ оскорбленіе — сдѣлалось ему уже наслажденіемъ. Словомъ — лица эти какъ бы уже не русскія; трудно даже и узнать въ нихъ русскія качества, исключая только развѣ одну Еремѣвну да отставного солдата. Съ ужасомъ слышишь, что уже на нихъ не подѣйствуешь ни вліяніемъ Церкви, ни обычаями старины, отъ которыхъ удерживалось въ нихъ одно пошлое, и только одному желѣзному закону здѣсь мѣсто. Все въ этой комедіи кажется чудовищною карикатурою на русское, а между тѣмъ, нѣтъ ничего въ ней карикатурнаго: все взято живьемъ съ природы и провѣрено знаніемъ души. Это тѣ неотразимо-страшные идеалы огрубѣнія, до которыхъ можетъ достигнуть только одинъ человѣкъ Русской земли, а не другого народа.

Комедія Грибоѣдова взяла другое время общества — выставила болѣзнь отъ дурно понятаго просвѣщенія, отъ принятія глупыхъ свѣтскихъ мелочей намѣсто главнаго, словомъ — взяла донкишотскую сторону нашего европейскаго образованія, несвязавшуюся смѣсь обычаевъ, сдѣлавшую русскихъ не русскими, но иностранцами. Типъ Фамусова такъ же глубоко постигнуть, какъ и Простаковой. Такъ же наивно, какъ хвастается Простакова своимъ невѣжествомъ, онъ хвастается полупросвѣщеніемъ, какъ собственнымъ, такъ и всего того сословія, къ которому принадлежитъ: хвастается тѣмъ, что московскія дѣвицы верхнія выводятъ нотки, словечка два не скажутъ, все съ ужимкой; что дверь у него открыта для всѣхъ, какъ званыхъ, такъ и незваныхъ, особенно для иностранныхъ; что кашцеларія у него набита ничего не дѣлающею роднею. Онъ и благопристойный степенный человѣкъ, и вологита, и читаетъ мораль, и мастеръ такъ пообѣдать, что въ три дня не сварится. Онъ даже вольнодумецъ, если соберется съ подобными себѣ стариками, и въ то же время готовъ не допустить на выстрѣлъ къ столицамъ молодыхъ вольнодумцевъ, которыхъ именемъ честить всѣхъ, кто не подчинился принятымъ свѣтскимъ обычаямъ ихъ общества. Въ существѣ своемъ это одно изъ тѣхъ вывѣтрившихся лицъ, въ которыхъ, при всемъ ихъ свѣтскомъ *comme il faut*, не осталось ровно ничего, которыя своимъ пребываніемъ въ столицѣ и службою такъ же вредны обществу, какъ другіе ему вредны своею неслужбою и огрубѣлымъ пребываніемъ въ деревнѣ. Вредны, во-первыхъ, собственнымъ имѣніямъ своимъ — тѣмъ, что, предавши ихъ въ руки наемниковъ и управителей, требуя отъ нихъ только денегъ для своихъ баловъ и обѣдовъ, званыхъ и незваныхъ, они разрушили истинно-законныя узы, связавшія помѣщиковъ съ крестьянами; вредны, во-вторыхъ, на служащемъ поприщѣ — тѣмъ, что, доставляя мѣста однимъ только ничего не дѣлающимъ родственникамъ своимъ, отняли у государства истинныхъ дѣльцовъ и отвалили охоту служить у честнаго человѣка; вредны, наконецъ, въ-третьихъ, духу правительства своею двусмысленною жизнію — тѣмъ, что, подъ личиною усердія [къ царю] и благонамѣренности, требуя поддѣльной нравственности отъ молодыхъ людей и развратничая въ то же время сами, возбудили негодованіе молодежи, неуваженіе къ старости и заслугамъ и наклонность къ вольнодумству дѣйствительному

у тѣхъ, которые имѣютъ некрѣпкія головы и способны вдаваться въ крайности. Не меньше замѣчательнѣй другой типъ: отъявленный мерзавецъ Загорѣцкій, вездѣ ругаемый и, къ изумленію, всюду принимаемый, лгунъ, плутъ, но въ то же время мастеръ угодить всякому сколько-нибудь значительному или сильному лицу доставленіемъ ему того, къ чему онъ грѣховно падокъ, готовый, въ случаѣ надобности, сдѣлаться патриотомъ и ратоборцемъ нравственности, зажечь костры и на нихъ предать пламени всѣ книги, какія ни есть на свѣтѣ, а въ томъ числѣ и сочинителей даже самыхъ басенъ [за ихъ вѣчныя насмѣшки надъ львами и орлами] и симъ обнаружившій, что, не боясь ничего, даже самой позорнѣйшей брани, боится, однакожь, насмѣшки, какъ чортъ креста. Не меньше замѣчательнѣй третій типъ: глупый либераль Репетиловъ, рыцарь пустоты во всѣхъ ея отношеніяхъ, рыскающій по ночнымъ собраніямъ, радующійся, какъ Богъ вѣсть какой находкѣ, когда удается ему пристегнуться къ какому-нибудь обществу, которое шумитъ о томъ, чего онъ не понимаетъ, чего и рассказать даже не умѣетъ, но котораго бредни слушаетъ онъ съ чувствомъ, въ увѣренности, что попалъ, наконецъ, на настоящую дорогу, и что тутъ кроется дѣйствительно какое-то общественное дѣло, которое, хотя еще не созрѣло, но какъ разъ созрѣетъ, если только о немъ пошумятъ побольше, станутъ почаще собираться по ночамъ да позадористѣ между собою спорить. Не меньше замѣчательнѣй четвертый типъ: глупый [фрунтовицъ] Скаловубъ, понявшій службу единственно въ умѣнны различать форменныя отлички, но, при всемъ томъ, удержавшій какой-то свой особенный философскій [либеральный] взглядъ на чины, признающійся откровенно, что онъ ихъ считаетъ какъ необходимые каналы къ тому, чтобы попасть въ генералы, а тамъ ему хоть трава не расти; всѣ прочія тревоги ему ни по чемъ, а обстоятельства времени и вѣка для него не головоломная наука: онъ искренно увѣренъ, что весь міръ можно успокоить, давши ему въ Вольтеры фельдфебеля. Не меньше замѣчательный также типъ и старуха Хлѣстова, жалкая смѣсь пошлости двухъ вѣковъ, удержавшая изъ старинныхъ временъ только одно пошлое съ притязаніями на уваженіе отъ новаго поколѣнія, съ требованіями почтенія къ себѣ отъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ сама презираетъ, готовая выбрать вслухъ и встрѣчнаго, и поперечнаго за то только, что не такъ къ ней сѣлъ, или передъ нею оборотился, ни къ чему не питающая никакой любви и никакого уваженія, но покровительница арапченокъ, мосекъ и людей вродѣ Молчалина, словомъ — старуха-дрянь въ полномъ смыслѣ этого слова. Самъ Молчалинъ — тоже замѣчательный типъ. Мѣтко схвачено это лицо, безмолвное, низкое, покажѣтъ тихомолкомъ пробирающееся въ люди, но въ которомъ, по словамъ Чацкаго, готовится будущій Загорѣцкій. Такое скопище уродовъ общества, изъ которыхъ каждый овариатурилъ какое-нибудь мнѣніе, правило, мысль, извративши по-своему законный смыслъ ихъ, должно было вызвать въ отпоръ ему другую крайность, которая обнаружилась ярко въ Чацкомъ. Въ досадѣ и въ справедливомъ негодованіи противу ихъ всѣхъ, Чацкій переходитъ также въ излишество, не замѣчая, что черезъ это самое и черезъ этотъ невоздержный языкъ свой онъ дѣлается самъ нестерпимъ и даже смѣшонъ. Всѣ лица комедіи Грибоѣдова суть такія же дѣти полупросвѣщенія, какъ Фонвизиновы — дѣти непросвѣщенія, русскіе уроды, временныя, преходящія лица, образовавшіяся среди броженія новой закваски. Прямо-русскаго типа нѣтъ ни въ комъ изъ нихъ: не слышно русскаго гражданина. Зритель остается въ недоумѣніи насчетъ того, чѣмъ долженъ быть русскій человѣкъ. Даже то лицо, которое взято, повидимому, въ образецъ, то-есть, самъ Чацкій, показываетъ только стремление

чѣмъ-то сдѣлаться, выражаетъ только негодованіе противу того, что презрѣнно и мерзко въ обществѣ, но не даетъ въ себѣ образца обществу.

Объ комедіи исполняютъ плохо сценическія условія; въ семь отношеніи ничтожная французская пьеса ихъ лучше. Содержаніе, взятое въ интригу, ни завязано плотно, ни мастерски развязано. Кажется, сами комики о немъ немного заботились, видя съвозъ него другое, высшее содержаніе и соображая съ нимъ выходы и уходы лицъ своихъ. Степень потребности побочныхъ характеровъ и ролей измѣрена также не въ отношеніи къ герою пьесы, но въ отношеніи къ тому, сколько они могли пополнить и пояснить мысль самого автора присутствіемъ своимъ на сценѣ, сколько могли собою дорисовать общность всей сатиры. Въ противномъ же случаѣ, то-есть, если бы они выплнили и эти необходимыя условія всякаго драматическаго творенія и заставили каждое изъ лицъ, такъ мѣтко схваченныхъ и постигнутыхъ, изворотиться передъ зрителемъ въ живомъ дѣйствіи, а не въ разговорѣ — это были бы два высокія произведенія нашего генія. И теперь даже ихъ можно назвать истинно-общественными комедіями, и подобнаго выраженія, сколько мнѣ кажется, не принимала еще комедія ни у одного изъ народовъ. Есть слѣды общественной комедіи у древнихъ грековъ; но Аристофанъ руководился болѣе личнымъ расположеніемъ, нападалъ на злоупотребленія одного какого-нибудь человѣка и не всегда имѣлъ въ виду истину: доказательствомъ тому то, что онъ дерзнулъ осмѣять Сократа. Наши комики двигнулись общественною причиною, а не собственною, возстали не противъ одного лица, но противъ цѣлага множества злоупотребленій, противъ уклоненія всего общества отъ прямой дороги. Общество сдѣлали они какъ бы собственнымъ своимъ тѣломъ; огнемъ негодованія лирическаго зажглась беспощадная сила ихъ насмѣшки. Это — продолженіе той же брани свѣта со тьмою, внесенной въ Россію Петромъ, которая всякаго благороднаго русскаго дѣлаетъ уже невольно ратникомъ свѣта. Объ комедіи ничуть не созданія художественныя и не принадлежать фантазіи сочинителя. Нужно было много накопиться сору и дрязгу внутри земли нашей, чтобы явились онѣ почти сами собою, въ видѣ какого-то грознаго очищенія. Вотъ почему по слѣдамъ ихъ не появлялось въ нашей литературѣ ничего имъ подобнаго и, вѣроятно, долго не появится.

Со смертію Пушкина остановилось движеніе поэзіи нашей впередъ. Это, однакоже, не значить, чтобы духъ ея угаснулъ; напротивъ, онъ, какъ гроза, невидимо накопляется вдали; самая сухость и духота въ воздухѣ возвѣщаютъ его приближеніе. Уже явились и теперь люди не безъ талантовъ. Но еще все находится подъ сильнымъ вліяніемъ гармоническихъ звуковъ Пушкина; еще никто не можетъ вырваться изъ этого заколдованнаго, имъ очертаннаго круга и показать собственные силы. Еще даже не слышитъ никто, что вокругъ него настало другое время, образовались стихіи новой жизни и раздаются вопросы, которые дотолѣ не раздавались; а потому ни въ комъ изъ нихъ еще нѣтъ самоцѣтности. Ихъ даже не слѣдуетъ называть по именамъ, кромѣ одного Лермонтова, который себя выставилъ впередъ больше другихъ и котораго уже нѣтъ на свѣтѣ. Въ немъ слышатся признаки таланта перво-степеннаго; поприще великое могло ожидать его, если бы не какая-то несчастная звѣзда, которой управленіе захотѣлось ему надъ собою признать. Попавши съ самаго начала въ кругъ того общества, которое справедливо можно было назвать временнымъ и переходнымъ, которое, какъ бѣдное растеніе, сорвавшееся съ родной почвы, осуждено было безрадостно носиться по степямъ, слыша само, что не прирасти ему ни къ какой другой почвѣ, и его жребій — завянуть и пропасть, — онъ уже съ раннихъ поръ сталъ

выражать то раздражающее сердце равнодушіе ко всему, которое не слышалось еще ни у одного из нашихъ поэтовъ. Безрадостныя встрѣчи, безпечальныя разставанія, странныя, бессмысленныя любовныя узы, неизвѣстно зачѣмъ заключаемыя и неизвѣстно зачѣмъ разрываемыя, стали предметомъ стиховъ его и подали случай Жуковскому весьма вѣрно опредѣлить существо этой поэзіи словомъ *безочарованіе*. Съ помощію таланта Лермонтова, оно сдѣлалось было на время моднымъ. Какъ нѣкогда съ легкой руки Шиллера прослѣлось было по всему свѣту *очарованіе* и стало моднымъ, какъ потомъ съ тяжелой руки Байрона пошло въ ходъ *разочарованіе*, порожденное, можетъ-быть, излишнимъ очарованіемъ, и стало также на время моднымъ, такъ, наконецъ, пришла очередь и *безочарованію*, родному дѣтищу Байроновскаго разочарованія. Существованіе его, разумѣется, было кратковременнѣе всѣхъ прочихъ, потому что въ безочарованіи ровно нѣтъ никакой приманки ни для кого. Признавши надъ собою власть какого-то обольстительнаго демона, поэтъ покушался не разъ изобразить его образъ, какъ бы желая стихами отъ него отдѣлаться. Образъ этотъ не вызначенъ опредѣлительно, даже не получилъ того обольстительнаго могущества надъ человѣкомъ, которое онъ хотѣлъ ему придать. Видно, что выросъ онъ не отъ собственной силы, но отъ усталости и лѣни человѣка сражаться съ нимъ. Въ неоконченномъ его стихотвореніи, названномъ: «Сказка для дѣтей», образъ этотъ получаетъ больше опредѣлительности и больше смысла. Можетъ-быть, съ окончаніемъ этой повѣсти, которая есть его лучшее стихотвореніе, отдѣлался бы онъ отъ самаго духа и вмѣстѣ съ нимъ и отъ безотраднаго своего состоянія (примѣты тому уже сѣютъ въ стихотвореніяхъ «Ангель», «Молитва» и нѣкоторыхъ другихъ), если бы только сохранилось въ немъ самоѣ побольше уваженія и любви къ своему таланту. Но никто еще не игралъ такъ легкомысленно съ своимъ талантомъ и такъ не старался показать къ нему какое-то даже хвастливое презрѣніе, какъ Лермонтовъ. Незамѣтно въ немъ никакой любви къ дѣтямъ своего же воображенія. Ни одно стихотвореніе не выносилось въ немъ, не возлелѣвалось чадолобно и заботливо, не устоялось и не сосредоточилось въ себѣ самоѣ; самый стихъ не получилъ еще своей собственной твердой личности и блѣдно напоминаетъ то стихъ Жуковскаго, то Пушкина; повсюду — излишество и многорѣчіе. Въ его сочиненіяхъ прозаическихъ гораздо больше достоинства. Никто еще не писалъ у насъ такую правильную, прекрасную и благоуханную прозу. Тутъ видно больше углубленія въ дѣйствительность жизни — готовился будущій великій живописецъ русскаго быта... Но внезапная смерть вдругъ его отъ насъ унесла. Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ, упустивъ изъ виду свое главное поприще и назначеніе, брался за другое или же опускался въ тотъ омутъ свѣтскихъ отношеній, гдѣ не слѣдуетъ ему быть, и гдѣ нѣтъ мѣста для поэта, внезапная, насильственная смерть вырывала его вдругъ изъ нашей среды. Три первостепенныхъ поэта: Пушкинъ, Грибоедовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ, были похищены насильственной смертію, въ теченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ развитіи силъ своихъ — и никого это не поразило: даже не содрогнулось вѣтреное племя!

Но пора, однакоже, сказать въ заключеніе, что такое наша поэзія вообще, зачѣмъ она была, къ чему служила и что сдѣлала для всей Русской земли нашей. Имѣла ли она вліяніе на духъ современнаго ей общества, воспитавши и облагородивши каждаго, сообразно его мѣсту, и возвысивши понятія всѣхъ вообще, сообразно духу земли и кореннымъ силамъ народа,

которыми должно двигаться государство? Или же она была, просто, вѣрною картиною нашего общества, — картиною полною и подробною, яснымъ зеркаломъ всего нашего быта! Не была она ни тѣмъ, ни другимъ; ни того, ни другого она не сдѣлала. Она была почти незнаема и невѣдома нашимъ обществомъ, которое въ то время воспитывалось другимъ воспитаніемъ, подъ вліяніемъ гувернеровъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, подъ вліяніемъ выходцевъ изо всѣхъ странъ, всѣхъ возможныхъ сословій, съ различными образами мыслей, правилъ и направленій. Общество наше, — чего не случалось еще доселѣ ни съ однимъ народомъ, — воспитывалось въ невѣдѣніи земли своей посреди самой земли своей. Даже языкъ былъ позабытъ, такъ что поэзіи нашей были даже отрѣзаны дороги и пути къ тому, чтобы коснуться его уха. Если и пробивалась она къ обществу, то какими-то незаконными и проселочными дорогами: или счастливо написанная музыка заносила въ гостиную какое-нибудь стихотворное произведеніе, или же плодъ незрѣлой молодости поэта, ничтожное и слабое его произведеніе, но отвѣчавшее какимъ-нибудь чужеземно-вольнодумнымъ мыслямъ, занесеннымъ въ голову общества чужеземными воспитателями, бывало причиною, что общество узнавало о существованіи среди него поэта. Словомъ — поэзія наша ни поучала общество, ни выражала его. Какъ бы слыша, что ея участь не для современнаго общества, неслась она все время свыше общества; если жъ и опускалась къ нему, то развѣ затѣмъ только, чтобы хлестнуть его бичомъ сатиры, а не передавать его жизнь въ образецъ потомству. Дѣло странное: предметомъ нашей поэзіи все же были мы, но мы въ ней не узнаемъ себя. Когда поэтъ показываетъ намъ наши лучшія стороны, намъ это кажется преувеличеннымъ, и мы почти готовы не вѣрить тому, что говоритъ намъ о насъ же Державинъ. Когда же выставляетъ писатель наши низкія стороны, мы опять не вѣримъ, и намъ это кажется карикатурою. Есть, точно, въ томъ и другомъ какъ бы какая-то преувеличенная сила, хотя въ самомъ дѣлѣ преувеличенія нѣтъ. Причину первого то, что наши лирическіе поэты, владея тайно прозрѣвать въ зернѣ, почти непримѣтномъ для простыхъ глазъ, будущій великолѣпный плодъ его, выставляли очищеннѣе всякое свойство наше. Причину второго то, что сатирическіе наши писатели, нося въ душѣ своей, хотя еще и неясно, идеалъ уже лучшаго русскаго человѣка, видѣли яснѣе все дурное и низкое дѣйствительно-русскаго человѣка. Сила негодованія благороднаго давала имъ силу выставлять ярче ту же вещь, нежели какъ ее можетъ увидѣть обыкновенный человѣкъ. Вотъ отчего въ послѣднее время, сильнѣе всѣхъ прочихъ свойствъ нашихъ, развилась у насъ насмѣшливость. Все смѣется у насъ одно надъ другимъ, и есть уже внутри самой земли нашей что-то смѣющееся надъ всѣмъ равно, надъ стариною и надъ новизною, и благоговѣющее только предъ однимъ нестарѣющимъ и вѣчнымъ. Итакъ, поэзія наша не выразила намъ нигдѣ русскаго человѣка вполне, ни въ томъ *идеалѣ*, въ какомъ онъ долженъ быть, ни въ той *дѣйствительности*, въ какой онъ и нынѣ есть. Она собрала только въ кучу безчисленные оттѣнки разнообразныхъ качествъ нашихъ; она сокупила только въ одно казнохранилище отдѣльно взятыхъ стороны нашей разносторонней природы. Поэты наши слышали, что не пришло еще время живописать себя цѣликомъ и хвастаться собою, что еще нужно намъ самимъ прежде организоваться, стать собою и сдѣлаться русскими. Еще только размягчена и приготовлена наша природа къ тому, чтобы принять ей принадлежащую форму; еще не успѣли мы вывести итоговъ изъ множества всякихъ элементовъ и началъ, нанесенныхъ отовсюду въ нашу землю; еще во всякомъ изъ насъ безтолковая встрѣча чужеземнаго съ своимъ и не-

разумное извлеченіе того самаго вывода, для котораго повелѣна Богомъ эта встрѣча. Слыша это, поэты какъ бы заботились только о томъ, чтобы не пропало въ этой борьбѣ лучшее изъ нашей природы. Это лучшее забирали они отовсюду, гдѣ находили, и спѣшили его выносить на свѣтъ, не заботясь о томъ, гдѣ и какъ его поставить. Такъ бѣдный хозяинъ изъ обхваченнаго пламенемъ дома старается выхватить только то, что есть въ немъ драгоценнѣйшаго, не заботясь о прочемъ. Поэзія наша звучала не для современнаго ей времени, но чтобы, — если настанетъ, наконецъ, то благодатное время, когда мысль о внутреннемъ построеніи человѣка въ такомъ образѣ, въ какомъ повелѣлъ ему состроиться Богъ изъ самородныхъ началъ земли, сдѣлается, наконецъ, у насъ общею по всей Россіи, и равно желанною всѣмъ, — то чтобы увидѣли мы, что есть дѣйствительно въ насъ лучшаго собственно нашего, и не позабыли бы его вмѣстить въ свое построеніе. Наши собственныя сокровища станутъ намъ открываться больше и больше, по мѣрѣ того, какъ мы станемъ внимательнѣе вчитываться въ нашихъ поэтовъ. По мѣрѣ большаго и лучшаго ихъ узнанія, намъ откроются и другія ихъ высшія стороны, доселѣ почти никѣмъ не замѣчаемыя: увидимъ, что они были не одними назначеніями сокровищъ нашихъ, но отчасти даже и строителями нашими, или дѣйствительно имѣя о томъ мысль, или ея не имѣя, но показавши своею высшею отъ насъ природою которое-нибудь изъ нашихъ народныхъ качествъ, которое въ нихъ развилось виднѣе, затѣмъ именно, чтобы блеснуть предъ нами во всей красѣ своей. Это стремленіе Державина начертать образъ непреклоннаго, твердаго мужа въ какомъ-то библейско-исполнскомъ величіи, не было стремленіемъ произвольнымъ: начала ему онъ услышалъ въ нашемъ народѣ. Широкія черты человѣка величаваго носятя и слышатся по всей Русской землѣ такъ сильно, что даже чужеземцы, заглянувшіе во внутрь Россіи, ими поражаются еще прежде, нежели успеваютъ узнать нравы и обычаи земли нашей. Еще недавно одинъ изъ нихъ, издавшій свои записки съ тѣмъ именно, чтобы показать Европѣ съ другой стороны Россію ¹⁾, не могъ скрыть изумленія своего при видѣ простыхъ обитателей деревенскихъ избъ нашихъ. Какъ пораженный, останавливался онъ передъ нашими маститыми, бѣловлавыми старцами, сидящими у пороговъ избъ своихъ, которые казались ему величавами патріархами древнихъ библейскихъ временъ. Не одинъ разъ сознался онъ, что нигдѣ въ другихъ земляхъ Европы, гдѣ ни путешествовалъ онъ, не представлялся ему образъ человѣка въ такомъ величіи, близкомъ къ патріархально-библейскому. И эту мысль повторилъ онъ нѣсколько разъ на страницахъ своей растворенной ненавистію къ намъ книги. Это свойство *чуткости*, которое въ такой высокой степени обнаружилось въ Пушкинѣ, есть наше народное свойство. Вспомнимъ только одни названія, которыми народъ самъ характеризуетъ въ себѣ это свойство, напримѣръ: названіе *уха*, которое дается такому человѣку, въ которомъ всѣ жилки горятъ и говорятъ, который мигъ не постоитъ безъ дѣла; *удача* — всюду спѣющей и вездѣ успевающей, и множество есть у насъ другихъ названій, опредѣляющихъ различныя отбѣнки и уклоненія этого свойства. Свойство это велико: не полонъ и суровъ выйдетъ русскій мужъ, начертанный Державинымъ, если не будетъ въ немъ чутья откликаться живо на всякій предметъ въ природѣ, изумляясь на всякомъ шагу красотъ Божьяго творенія. Этотъ умъ, умѣющий найти законную середину всякой вещи, который обнаружился въ Крыловѣ, есть нашъ *истинно-русскій умъ*. Только въ Крыловѣ отразился тотъ вѣрный тактъ русскаго

¹⁾ „Маркизь Кюстинъ.“

ума, который, умѣя выразить истинное существо всякаго дѣла, умѣеть выразить его такъ, что никого не оскорбитъ выраженіемъ и не возстановитъ ни противъ себя, ни противъ мысли своей даже несходныхъ съ нимъ людей, однимъ словомъ — тотъ вѣрный тактъ, который мы потеряли среди нашего свѣтскаго образованія и который сохранился доселѣ у нашего крестьянина. Крестьянинъ нашъ умѣеть говорить со всѣми себя высшими, [даже съ царемъ,] такъ свободно, какъ никто изъ насъ, и ни однимъ словомъ не покажетъ неприличія, тогда какъ мы часто не умѣемъ поговорить даже съ равнымъ себѣ такимъ образомъ, чтобы не оскорбить его какимъ-нибудь выраженіемъ. Зато уже, въ комъ изъ насъ дѣйствительно образовался этотъ сосредоточенный, вѣрный, истинно русский тактъ ума — онъ у насъ пользуется уваженіемъ всѣхъ; ему всѣ позволяютъ сказать то, чего никому другому не позволяютъ; на него никто ужъ и не сердится. У всѣхъ нашихъ писателей бывали враги, даже у самыхъ незлобнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ душою (стѣбитъ вспомнить Карамзина и Жуковскаго); но у Крылова не было ни одного врага. Эта *молодая удаля* и отвага рвануться на дѣло добра, которая такъ и буйствуетъ въ стихахъ Языкова, есть удаля нашего русскаго народа, то чудное свойство, ему одному свойственное, которое даетъ у насъ вдругъ молодость и старцу, и юношѣ, если только предстанетъ случай рвануться всѣмъ на дѣло, невозможное ни для какаго другаго народа, — которое вдругъ сливается у насъ всю разнородную массу, между собою враждующую, въ одно чувство, такъ что и ссоры и личныя выгоды каждаго — все позабыто, и вся Россія — одинъ человекъ. Всѣ эти свойства, обнаруженныя нашими поэтами, суть наши народныя свойства, въ нихъ только виднѣе развѣившіяся; поэты берутся не откуда же нибудь изъ-за моря, но исходятъ изъ своего народа. Это — огни, изъ него же излетѣвшіе, передовые вѣстники силъ его. Сверхъ того поэты наши сдѣлали добро уже тѣмъ, что разнесли благозвучіе, дотолѣ небывалое. Не знаю, въ какой другой литературѣ показали стихотворцы такое безконечное разнообразіе оттѣнковъ звука, чему отчасти, разумѣется, способствовалъ самъ поэтический языкъ нашъ. У каждаго свой стихъ и свой особенный звонъ. Этотъ металлическій, бронзовый стихъ Державина, котораго до сихъ поръ не можетъ еще позабыть наше ухо; этотъ густой, какъ смола или струя столѣтняго тока, стихъ Пушкина; этотъ сіяющій, праздничный стихъ Языкова, влетающій, какъ лучъ, въ душу, весь сотканный изъ свѣта; этотъ облитый ароматами полудня стихъ Батюшкова, сладостный, какъ медъ изъ горнаго ущелья; этотъ легкій, воздушный стихъ Жуковскаго, порхающій, какъ неясный звукъ золотой арфы; этотъ тяжелый, какъ бы влачащійся по землѣ стихъ Вяземскаго, проникнутый подчасъ ѣдкою, щемяшею русскою грустью, — всѣ они, точно разнозвонные колокола или безчисленные клавиши одного великолѣпнаго органа, разнесли благозвучіе по Русской землѣ. Благозвучіе не такъ пустое дѣло, какъ думаютъ тѣ, которые незнакомы съ поэзіею. Подъ благозвучіе, какъ подъ колыбельную, прекрасную пѣсню матери, убаюкивается народъ-младенецъ еще прежде, нежели можетъ входить въ значеніе словъ самой пѣсни, и нечувствительно сами собою стихаютъ и умиряются его дикія страсти. Оно такъ же бываетъ нужно, какъ во храмѣ куреніе кадильное, которое уже невидимо настраиваетъ душу къ слышанію чего-то лучшаго еще прежде, нежели началось самое служеніе. Поэзія наша пробовала всѣ аккорды, воспитывалась литературами всѣхъ народовъ, прислушивалась къ лирамъ всѣхъ поэтовъ, добывала какой-то всемірный языкъ затѣмъ, чтобы приготовить всѣхъ къ служенію болѣе значительному. Нельзя уже теперь заговорить о тѣхъ пустыняхъ, о которыхъ еще продолжаетъ вѣтрено лепетать молодое,

не давшее себѣ отчета нынѣшнее поколѣніе поэтовъ; нельзя служить и самому искусству, — какъ не прекрасно это служеніе, — не уразумѣвъ его цѣли высшей и не опредѣливъ себѣ, зачѣмъ дано намъ искусство; нельзя повторять Пушкина. Нѣтъ, не Пушкинъ или кто другой долженъ стать теперь въ образецъ намъ: другія уже времена пришли. Теперь уже ничѣмъ не возьмешь — ни своеобразіемъ ума своего, ни картинною личностію характера, ни гордostí движеній своихъ: христіанскимъ, высшимъ воспитаніемъ долженъ воспитаться теперь поэтъ. Другія дѣла наступаютъ для поэзіи. Какъ во время младенчества народовъ служила она къ тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая въ нихъ браннолюбивый духъ, такъ придется ей теперь вызывать на другую, высшую битву человѣка — на битву уже не за временную нашу свободу, [права и привилегіи,] но за нашу душу, которую Самъ небесный Творецъ нашъ считаетъ перломъ своихъ созданій. Много предстоитъ теперь для поэзіи — возвращать въ общество то, что есть истинно-прекраснаго, и что изгнано изъ него нынѣшнею бессмысленною жизнію. Нѣтъ, не напоминать они уже никого изъ нашихъ прежнихъ поэтовъ. Самая рѣчь ихъ будетъ другая; она будетъ ближе и родственнѣе нашей русской душѣ: еще въ ней слышнѣе выступаютъ наши народныя начала. Еще не бьетъ всюю силою кверху тотъ самородный ключъ нашей поэзіи, который уже кипѣлъ и билъ въ груди нашей природы тогда, когда и самое слово *поэзія* не было ни на чьихъ устахъ. Еще никто не черпалъ изъ самой глубины тѣхъ трехъ источниковъ, о которыхъ упомянуто въ началѣ этой статьи. Еще доселѣ загадка — этотъ необъяснимый разгулъ, который слышится въ нашихъ пѣсняхъ, несется куда-то мимо жизни и самой пѣсни, какъ бы сгорая желаніемъ лучшей отчизны, по которой тоскуетъ со дня созданія своего человѣкъ. Еще ни въ комъ не отразилась вполне та многосторонняя поэтическая полнота ума нашего, которая заключена въ нашихъ многоочитыхъ словосвицахъ, умѣвшихъ сдѣлать такіе великіе выводы изъ бѣднаго, ничтожнаго своего времени, гдѣ въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ и въ такой мутной лужѣ изворачивался русскій человѣкъ, и которыя говорятъ только о томъ, какіе огромные выводы можетъ сдѣлать нынѣшній русскій человѣкъ изъ нынѣшняго широкаго времени, въ которое нанесены итоги всѣхъ вѣковъ и, какъ не разобранный товаръ, сброшены въ одну беспорядочную кучу. Еще тайна для многихъ этотъ необыкновенный лиризмъ, — рожденіе верховной трезвости ума, — который исходитъ отъ нашихъ церковныхъ пѣсней и каноновъ и покуда такъ же безотчетно возноситъ духъ поэта, какъ безотчетно подмываютъ его сердце родные звуки нашей пѣсни. Наконецъ, самъ необыкновенный языкъ нашъ есть еще тайна. Въ немъ всѣ тоны и оттѣнки, всѣ переходы звуковъ отъ самыхъ твердыхъ до самыхъ нѣжныхъ и мягкихъ; онъ безпредѣленъ и можетъ, живой какъ жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая съ одной стороны высокія слова изъ языка церковно-библейскаго, а съ другой стороны выбирая на выборъ мѣткія названія изъ безчисленныхъ своихъ нарѣчій, рассыпанныхъ по нашимъ провинціямъ, имѣя возможность такимъ образомъ въ одной и той же рѣчи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанію непонятливѣйшаго человѣка, — языкъ, который самъ по себѣ уже поэтъ и который недаромъ былъ на время позабытъ нашимъ лучшимъ обществомъ: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземныхъ нарѣчійхъ всю дрянь, какая ни пристала къ намъ вмѣстѣ съ чужеземнымъ образованіемъ, чтобы всѣ тѣ неясные звуки, неточныя названія вещей, — дѣти мыслей невыяснившихся и сбивчивыхъ, которыя потемняютъ языки, — не посмѣли помрачить младенческой ясности

нашего языка и возвратились бы къ нему, уже готовые мыслить и жить своимъ умомъ, а не чужеземнымъ. Все это еще орудія, еще матеріалы, еще глыбы, еще въ рудѣ дорогіе металлы, изъ которыхъ выкуется иная, сильнѣйшая рѣчь. Пройдетъ эта рѣчь уже насквозь всю душу и не упадетъ на бесплодную землю. Скорбію ангела загорится наша поэзія и, ударивши по всѣмъ струнамъ, какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ утвердить въ человѣкѣ; вызоветъ намъ нашу Россію, — нашу русскую Россію, не ту, которую показываютъ намъ грубо какіе-нибудь квасные патріоты, и не ту, которую вызываютъ къ намъ изъ-за моря очужеземившіеся русскіе, но ту, которую извлечетъ она изъ насъ же, и покажетъ такимъ образомъ, что всѣ до единого, какихъ бы ни были они различныхъ мыслей, образовъ воспитанія и мнѣній, скажутъ въ одинъ голосъ: «Это наша Россія; намъ въ ней пріятно и тепло, и мы теперь дѣйствительно у себя дома, подъ своею родною крышею, а не на чужбинѣ!»

XXXII.

Свѣтлое Воскресеніе.

Въ русскомъ человѣкѣ есть особенное участіе къ празднику Свѣтлаго Воскресенія. Онъ это чувствуетъ живѣе, если ему случится быть въ чужой землѣ. Видя, какъ повсюду въ другихъ странахъ день этотъ почти не отличается отъ другихъ дней, — тѣ же всегдашнія занятія, та же вседневная жизнь, то же будничное выраженіе на лицахъ, — онъ чувствуетъ грусть и обращается неволью къ Россіи. Ему кажется, что тамъ какъ-то лучше празднуется этотъ день, и самъ человѣкъ радостнѣе и лучше, нежели въ другіе дни, и самая жизнь какая-то другая, а не вседневная. Ему вдругъ представляется — эта торжественная полночь, этотъ повсемѣстный колокольный звонъ, который какъ бы всю землю сливаетъ въ одинъ гулъ, это восклицаніе «Христосъ воскресъ!» которое замѣняетъ въ этотъ день всѣ другія привѣтствія, этотъ поцѣлуй, который только раздается у насъ, — и онъ готовъ почти воскликнуть: «Только въ одной Россіи празднуется этотъ день такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться!» Разумѣется, это мечта; она исчезнетъ вдругъ, какъ только онъ перенесется на самомъ дѣлѣ въ Россію, или даже только припомнить, что день этотъ есть день какой-то полусонной бѣготни и суеты, пустыхъ визитовъ, умышленныхъ незастанавій другъ друга, намѣсто радостныхъ встрѣчъ, — если жъ и встрѣчъ, то основанныхъ на самыхъ корыстныхъ расчетахъ; что честолюбіе кипитъ у насъ въ этотъ день еще больше, нежели во всѣ другіе, и говорятъ не о воскресеніи Христа, но о томъ, кому какая награда выйдетъ, и кто что получить; что даже и самъ народъ, о которомъ идетъ слава, будто онъ больше всѣхъ радуется, уже пьяный попадаетъ на улицахъ, едва только успѣла кончиться торжественная обѣдня, и не успѣла еще заря освѣтить земли. Вздохнетъ бѣдный русскій человѣкъ, если только все это припомнить себѣ [и увидить, что это развѣ только карикатура и посмѣяніе надъ праздникомъ, а самаго праздника нѣтъ]. Для проформы только какой-нибудь начальникъ чмокнетъ въ щеку инвалида, желая показать подчиненнымъ чиновникамъ, какъ нужно любить своего брата, да какой-нибудь [отсталый] патріотъ, въ досадѣ на молодежь, которая бранитъ старинные русскіе наши обычаи, утверждая, что у насъ ничего нѣтъ, прокричитъ

гнѣвно: «У насъ все есть — и семейная жизнь, и семейныя добродѣтели, и обычаи у насъ соблюдаются свято; и долгъ свой исполняемъ мы такъ, какъ нигдѣ въ Европѣ; и мы — народъ на удивленіе всѣмъ».

Нѣтъ, не въ видимыхъ знакахъ дѣло, не въ патріотическихъ возгласахъ [и не въ поцѣлुяхъ, данныхъ инвалиду], но въ томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ взглянуть въ этотъ день на человѣка, какъ на лучшую свою драгоценность, — такъ обнять и прижать его къ себѣ, какъ наироднѣйшаго своего брата, такъ ему обрадоваться, какъ бы своему наилучшему другу, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видались, и который вдругъ неожиданно къ намъ пріѣхалъ. Еще сильнѣе! еще больше! потому что усы, насъ съ нимъ связывающія, сильнѣе земного кровнаго нашего родства, и породнились мы съ нимъ по нашему прекрасному небесному Отцу, въ нѣсколько разъ намъ ближайшему нашего земнаго отца, и день этотъ мы — въ своей истинной семьѣ, у Него Самого въ дому. День этотъ есть тотъ святой день, въ который празднуетъ святое, небесное свое братство все человѣчество до единаго, не исключивъ изъ него ни одного человѣка.

Какъ бы этотъ день пришелся, казалось, встать нашему девятнадцатому вѣку, когда мысли о счастіи человѣчества сдѣлались почти любимыми мыслями всѣхъ; когда обнять все человѣчество, какъ братьевъ, сдѣлалось любимой мечтою молодого человѣка; когда многіе только и грезятъ о томъ, какъ преобразовать все человѣчество, какъ возвысить внутреннее достоинство человѣка; когда почти половина уже признала торжественно, что одно только христіанство въ силахъ это произвести; когда стали утверждать, что слѣдуетъ ближе ввести Христовъ законъ, какъ въ семейственный, такъ и въ государственный бытъ; [когда стали даже поговаривать о томъ, чтобы все было общее — и дома, и земли;] когда подвиги сердоболія и помощи несчастнымъ стали разговоромъ даже модныхъ гостинныхъ; когда, наконецъ, стало тѣсно отъ всякихъ человѣколюбивыхъ заведеній, [страннопріимныхъ домовъ и пріютовъ]. Какъ бы, казалось, девятнадцатый вѣкъ долженъ былъ радостно воспринимать этотъ день, который такъ по сердцу всѣмъ великодушнымъ и человѣколюбивымъ его движеніямъ! Но на этомъ-то самомъ днѣ, какъ на пробномъ камнѣ, видишь, какъ блѣдны всѣ его христіанскія стремленія и какъ всѣ они въ однѣхъ только [мечтахъ и] мысляхъ, а не на дѣлѣ. И если, въ самомъ дѣлѣ, придется ему обнять въ этотъ день своего брата, какъ брата, — онъ его не обниметъ. Все человѣчество готовъ онъ обнять, какъ брата, а брата не обниметъ. Отдѣлись отъ этого человѣчества, которому онъ готовить такое великодушное объятіе, одинъ человѣкъ, его оскорбившій, которому повелѣваетъ Христосъ въ ту же минуту простить, — онъ уже не обниметъ его. Отдѣлись отъ этого человѣчества одинъ, несогласный съ нимъ въ какихъ-нибудь ничтожныхъ человѣческихъ мнѣніяхъ, — онъ уже не обниметъ его. Отдѣлись отъ этого человѣчества одинъ, страдающій виднѣ другихъ тяжелыми язвами своихъ душевныхъ недостатковъ, больше всѣхъ другихъ требующій состраданія къ себѣ, — онъ оттолкнетъ его и не обниметъ. И достанется его объятіе только тѣмъ, которые ничѣмъ еще не оскорбили его, съ которыми не имѣлъ онъ и случая столкнуться, которыхъ онъ никогда не зналъ и даже не видалъ въ глаза. Вотъ какого рода объятія всему человѣчеству даетъ человѣкъ нынѣшняго вѣка, и часто именно тотъ самый, который думаетъ о себѣ, что онъ истинный человѣколюбецъ и совершенный христіанинъ! [Христіанинъ! Выгнали на улицу Христа, въ лазареты и больницы, намѣсто того, чтобы призвать Его къ себѣ въ дома, подъ родную крышу свою, и думаютъ, что они христіане!]

Нѣтъ, не воспраздновать нынѣшнему вѣку Свѣтлаго праздника такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться. Есть страшное препятствіе, есть непреодолимое препятствіе, имя ему — *гордость*. Она была извѣстна и въ прежніе вѣки, но то была гордость болѣе ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родомъ и званіемъ, но не доходила она до того страшнаго духовнаго развитія, въ какомъ предстала теперь. Теперь явилась она въ двухъ видахъ. Первый видъ ея — гордость чистотою своею.

Обрадовавшись тому, что стало во многомъ лучше своихъ предковъ, челоѣчество нынѣшняго вѣка влюбилось въ чистоту и красоту свою. Никто не стыдится хвастаться публично душевною красотой своею и считать себя лучшимъ другихъ. Стоить только приглядѣться, какимъ рыцаремъ благородства выступаетъ изъ насъ теперь всякъ, какъ безошадно и рѣзко судить о другомъ. Стоить только прислушаться къ тѣмъ оправданіямъ, какими онъ оправдываетъ себя въ томъ, что не обнялъ своего брата даже въ день Свѣтлаго Воскресенія. Безъ стыда и не дрогнувъ душою, говоритъ онъ: «Я не могу обнять этого челоѣка: онъ мерзость, онъ подлъ душою, онъ запятналъ себя безчестнѣйшимъ поступкомъ; я не пушу этого челоѣка даже въ переднюю свою; я даже не хочу дышать однимъ воздухомъ съ нимъ; я сдѣлаю кругъ для того, чтобы объѣхать его и не встрѣчаться съ нимъ. Я не могу жить съ подлыми и презрѣнными людьми — неужели мнѣ обнять такого челоѣка, какъ брата?» Увы! позабылъ бѣдный челоѣкъ девятнадцатаго вѣка, что въ этотъ день нѣтъ ни подлыхъ, ни презрѣнныхъ людей, но всѣ люди — братья той же семьи, и всякому челоѣку имя *братъ*, а не какое-либо другое. Все разомъ и вдругъ имъ позабыто: позабыто, что, можетъ-быть, затѣмъ именно окружили его презрѣнные и подлые люди, чтобы, взглянувши на нихъ, взглянулъ онъ на себя и поискалъ бы въ себѣ того же самаго, чего такъ испугался въ другихъ. Позабыто, что онъ самъ можетъ на всякомъ шагу, даже не примѣтивъ того самъ, сдѣлать то же подлое дѣло, хотя въ другомъ только видѣ, — въ видѣ, не пораженномъ публичнымъ позоромъ, но которое, однакоже, выражаясь пословицею, есть *тотъ же блинъ, только на другомъ блюдѣ*. Все позабыто! Позабыто имъ то, что, можетъ-быть, оттого развелось такъ много подлыхъ и презрѣнныхъ людей, что сурово и безчелоѣчно ихъ оттолкнули лучшіе и прекраснѣйшіе люди и тѣмъ заставили душе ожесточиться. Будто бы легко выносить къ себѣ презрѣніе! Богъ вѣсть, можетъ-быть, иной совѣтъ былъ не рожденъ безчестнымъ челоѣкомъ; можетъ-быть, бѣдная душа его, бессильная сражаться съ соблазнами, просила и молила о помощи, и готова была облобызать руки и ноги того, кто, подвигнутый жалостію душевною, поддержалъ бы ее на краю пропасти; можетъ-быть, одной капли любви къ нему было достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь. Будто бы дорогою любви было трудно достигнуть къ его сердцу! Будто уже до того окаменѣла въ немъ природа, что никакое чувство не могло въ немъ пошевелиться, когда и разбойникъ благодаренъ за любовь, когда и звѣрь помнитъ ласкавшую его руку! Но все позабыто челоѣкомъ девятнадцатаго вѣка, и отталкиваетъ онъ отъ себя брата, какъ богачъ отталкиваетъ покрытаго гноемъ нищаго отъ великолѣпнаго крыльца своего. Ему нѣтъ дѣла до страданій его; ему бы только не видать гноя ранъ его. Онъ даже не хочетъ услышать исповѣди его, боясь, чтобы не поразилось обоняніе его смраднымъ дыханіемъ устъ несчастнаго, гордый благоуханіемъ чистоты своей. Такому ли челоѣку воспраздновать праздникъ небесной любви?

Есть другой видъ гордости, еще сильнѣйшій перваго, — гордость ума. Никогда еще не возростала она до такой силы, какъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Она слышится въ самой боязни каждаго прослыть дуракомъ. Все вынесетъ человекъ вѣка: вынесетъ названіе плута, подлеца; какое хочешь, дай ему названіе, онъ снесетъ его — и только не снесетъ названія дурака. Надъ всѣмъ онъ позволитъ посмѣяться — и только не позволитъ посмѣяться надъ умомъ своимъ. Умъ его для него святыня. Изъ-за малѣйшей насмѣшки надъ умомъ своимъ, онъ готовъ сію же минуту поставить своего брата на благородное разстояніе и посадить, не дрогнувши, ему пулю въ лобъ. Ничему и ни во что онъ не вѣритъ; только вѣритъ въ одинъ умъ свой: чего не видитъ его умъ, того для него нѣтъ. Онъ позабылъ даже, что умъ идетъ впередъ, когда идутъ впередъ всѣ нравственныя силы въ человекѣ, и стоитъ безъ движенія и даже идетъ назадъ, когда не возвышаются нравственныя силы. Онъ позабылъ и то, что нѣтъ всѣхъ сторонъ ума ни въ одномъ человекѣ; что другой человекъ можетъ видѣть именно ту сторону вещи, которую онъ не можетъ видѣть, и, стало-быть, знать то, чего онъ не можетъ знать. Не вѣритъ онъ этому, и все, чего не видитъ онъ самъ, то для него ложь. И тѣнь христіанскаго смиренія не можетъ къ нему прикоснуться изъ-за гордыни его ума. Во всемъ онъ усомнится: въ сердцѣ человека, котораго нѣсколько лѣтъ зналъ, въ правдѣ, въ Богѣ усомнится, но не усомнится въ своемъ умѣ. Уже ссоры и брани начались не за какія-нибудь существенныя права, не изъ-за личныхъ ненавистей — нѣтъ, не чувственныя страсти, но страсти ума уже начались: уже враждуютъ лично изъ несходства мнѣній, изъ-за противорѣчій въ мѣрѣ мысленномъ. Уже образовались цѣлыя партіи, другъ друга не видѣвшія, никакихъ личныхъ сношеній еще не имѣвшія — и уже другъ друга ненавидящія. Поразительно: въ то время, когда уже было начали думать люди, что образованіемъ выгнали злобу изъ міра, злоба другою дорогою, съ другого конца входитъ въ міръ, — дорогою ума, и на крыльяхъ журнальныхъ листовъ, какъ всепогубляющая саранча, нападаетъ на сердца людей повсюду. Уже и самаго ума почти не слышно. Уже и умные люди начинаютъ говорить, хоть противу собственнаго своего убѣжденія, изъ-за того только, чтобы не уступить противной партіи, изъ-за того только, что гордость не позволяетъ сознаться передъ всѣми въ ошибкѣ, — уже одна чистая злоба воцарилась на мѣсто ума.

И человекъ ли такого вѣка умѣть полюбить и почувствовать христіанскую любовь къ человекѣ? Ему ли исполниться того свѣтлаго простодушія и ангельскаго младенчества, которое собираетъ всѣхъ людей въ одну семью? Ему ли услышать благоуханіе небеснаго братства нашего? Ему ли воспріимать этотъ день? Исчезнуло даже и то наружно-добродушное выраженіе прежнихъ простыхъ вѣковъ, которое давало видѣ, какъ будто бы человекъ былъ ближе къ человекѣ. Гордый умъ девятнадцатаго вѣка истребилъ его. Діаволь выступилъ уже безъ маски въ міръ. Духъ гордости пересталъ уже являться въ разныхъ образахъ и пугать суевѣрныхъ людей: онъ явился въ собственномъ своемъ видѣ. Почуя, что признаютъ его господство, онъ пересталъ уже и чиниться съ людьми. Съ дерзкимъ безстыдствомъ смѣется въ глаза имъ же, его признающимъ; глупѣйшіе законы даетъ міру, какіе доселѣ еще никогда не давались, и міръ это видитъ и не смѣетъ послушаться! Что значить эта мода, ничтожная, незначашая, которую допустилъ вначалѣ человекъ, какъ мелочь, какъ невинное дѣло, и которая теперь, какъ полная хозяйка, уже стала распоряжаться въ домахъ нашихъ, выгоняя все, что есть главнѣйшаго и лучшаго въ человекѣ? Никто не боится преступать нѣсколько

разъ въ день первѣйшіе и священнѣйшіе законы Христа, и между тѣмъ, боится не исполнить ея малѣйшаго приказанія, дрожа передъ нею, какъ робкій мальчишка. Что значить, что даже и тѣ, которые и сами надъ нею смѣются, пляшутъ, какъ легкіе вѣтреники, подъ ея дудку? Что значать эти такъ-называемыя безчисленныя приличія, которыя стали сильнѣе всякихъ коренныхъ постановленій? Что значать эти странныя власти, образовавшіяся мимо законныхъ — постороннія, побочныя вліянія? Что значить, что уже правятъ міромъ швеи, портные и ремесленники всякаго рода, а Божіи помазанники остались въ сторонѣ? Люди темные, никому неизвѣстные, не имѣющіе мысли и чистосердечныхъ убѣжденій, правятъ мнѣніями и мыслями умныхъ людей, и газетный листокъ, признаваемый всѣми, становится нечувствительнымъ законодателемъ его неуважающаго человѣка! Что значать всѣ незаконные эти законы, которые видимо, въ виду всѣхъ, чертитъ исходящая снизу нечистая сила, — и міръ это видитъ весь, и, какъ очарованный, не смѣетъ шевельнуться? Что за страшная насмѣшка надъ человѣчествомъ! [И къ чему при такомъ ходѣ вещей сохранять еще наружныя святыя обычаи Церкви, небесный Хозяинъ которой не имѣетъ надъ нами власти? Или это еще новая насмѣшка духа тьмы?] Но зачѣмъ этотъ [утратившій значеніе] праздникъ? Зачѣмъ онъ [вновь] приходитъ [глуше и глуше] складать въ одну семью разошедшихся людей [и, грустно огигнувши всѣхъ, уходитъ какъ незнакомый и чужой всѣмъ? Всѣмъ ли точно онъ незнакомъ и чуждъ? Но] зачѣмъ же уцѣлѣли [кое-гдѣ] люди, которымъ кажется, какъ бы они свѣтлѣютъ въ этотъ день и празднуютъ свое младенчество, то младенчество, отъ котораго небесное лобзаніе, какъ бы лобзаніе вѣчной весны, изливается на душу, то прекрасное младенчество, которое утратилъ гордый нынѣшній человѣкъ? Зачѣмъ еще не позабылъ человѣкъ навѣки это младенчество, и, какъ бы видѣнное въ какомъ-то отдаленномъ мѣстѣ, оно еще шевелитъ нашу душу? Зачѣмъ все это, и къ чему это? Будто неизвѣстно, зачѣмъ? Будто не видно, къ чему? Зачѣмъ, чтобы хотя нѣкоторымъ, еще слышащимъ весеннее дыханіе этого праздника, сдѣлалось вдругъ такъ грустно, такъ грустно, какъ грустно ангелу на небѣ, и, завопивъ раздирающимъ сердце воплемъ, упали бы они къ ногамъ своихъ братьевъ, умоляя хотя бы одинъ этотъ день вырвать изъ ряду другихъ дней, одинъ бы день только провести не въ обычаяхъ девятнадцатаго вѣка, но въ обычаяхъ вѣчнаго вѣка, въ одинъ бы день только обнять и обхватить человѣка, какъ виноватый другъ обнимаетъ великодушнаго, все ему простившаго друга, хотя бы только зачѣмъ, чтобы завтра же оттолкнуть его отъ себя и сказать ему, что онъ намъ чужой и незнакомый. Хотя бы только пожелать такъ, хотя бы только насильно заставить себя это сдѣлать, ухватиться бы за это, какъ утопающій хватается за доску! Богъ вѣсть, можетъ-быть, за одно это желаніе уже готова сброситься съ небесъ намъ лѣстница и протянуться рука, помогающая взлетѣть по ней.

Но и одного дня не хочетъ провести такъ человѣкъ девятнадцатаго вѣка! И непонятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!

Отчего же одному русскому еще кажется, что праздникъ этотъ празднуется, какъ слѣдуетъ, и празднуется такъ въ одной его землѣ? Мечта ли это? Но зачѣмъ же эта мечта не приходитъ ни къ кому другому, кромѣ

русского? Что значитъ въ самомъ дѣлѣ, что [самый праздникъ исчезъ, а] видимые призраки его такъ ясно носятя по лицу земли нашей: раздаются слова: *Христосъ Воскресъ!* и поцѣлуй, и всякій разъ также торжественно выступаетъ святая полночь, и гулы всезвонныхъ колоколовъ гудятъ и гудятъ по всей землѣ, точно какъ бы будятъ насъ! Гдѣ носятя такъ очевидно призраки, тамъ недаромъ носятя; гдѣ будятъ, тамъ разбудятъ. Не умираютъ тѣ обычаи, которымъ опредѣлено быть вѣчными. Умираютъ въ буквѣ, но оживаютъ въ духѣ. Померкаютъ временно, умираютъ въ пустыхъ и вывѣтрившихся толпахъ, но воскресаютъ съ новою силою въ избранныхъ, затѣмъ, чтобы въ сильнѣйшемъ свѣтѣ отъ нихъ разлиться по всему міру. Не умретъ изъ нашей старины ни зерно того, что есть въ ней истинно-русского и что освящено Самимъ Христомъ. Разнесется звонкими струнами поэтовъ, развозвѣстится благоухающими устами святителей, вспыхнетъ померкнувшее — и праздникъ Свѣтлаго Воскресенія воспряднуется, какъ слѣдуетъ, прежде у насъ, нежели у другихъ народовъ! На чемъ же основываясь, на какихъ опираясь данныхъ, заключенныхъ въ сердцахъ нашихъ, можемъ сказать это? Лучше ли мы другихъ народовъ? [Ближе ли жизнию ко Христу, чѣмъ они? Никого мы не лучше, а жизни еще неустроеннѣй и беспорядочнѣй всѣхъ ихъ. «Хуже мы всѣхъ прочихъ» — вотъ что мы должны всегда говорить о себѣ]. Но есть въ нашей природѣ то, что намъ пророчить это. Уже самое неустройство наше намъ это пророчить. Мы еще растопленный металлъ, не отлившийся въ свою національную форму; еще намъ возможно выбросить, оттолкнуть отъ себя намъ неприличное и внести въ себя все, что уже невозможно другимъ народамъ, получившимъ форму и закалившимся въ ней. Что есть много въ коренной природѣ нашей, нами позабытой, близкаго закону Христа — доказательство тому уже то, что безъ меча пришелъ къ намъ Христосъ, и приготовленная земля сердецъ нашихъ призывала сама собою Его слово, что есть уже начало братства Христова въ самой нашей славянской природѣ, и побратаніе людей было у насъ роднѣ дома и кровнаго братства, что еще нѣтъ у насъ непримиримой ненависти сословія противу сословія и тѣхъ озлобленныхъ партій, какія видятся въ Европѣ и которыя поставляютъ препятствіе непреоборимое къ соединенію людей и братской любви между ними, что есть, наконецъ, у насъ отвага, никому несродная, и если предстанетъ намъ всѣмъ какое-нибудь дѣло, рѣшительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, напримѣръ, сбросить съ себя вдругъ и разомъ всѣ недостатки наши, все позорящее высокую природу человѣка, то съ болію собственнаго тѣла, не пожалѣвъ самихъ себя, какъ въ двѣнадцатомъ году, не пожалѣвъ имущества, жгли дома свои и земные достатки, такъ рванется у насъ все сбрасывать съ себя позорящее и пятнающее насъ: ни одна душа не отстанетъ отъ другой, и въ такія минуты всякія ссоры, ненависти, вражды — все бываетъ позабыто, братъ повиснетъ на груди у брата, и вся Россія — одинъ человѣкъ. Вотъ на чемъ основываясь, можно сказать, что праздникъ Воскресенія Христова воспряднуется прежде у насъ, нежели у другихъ. И твердо говорить мнѣ это душа моя; и это не мысль, выдуманная въ головѣ. Такія мысли не выдумываются. Внушеніемъ Божиимъ порождаются онѣ разомъ въ сердцахъ многихъ людей, другъ друга не выдавшихъ, живущихъ на разныхъ концахъ земли, и въ одно время, какъ бы изъ однихъ устъ, изглашаются. Знаю я твердо, что не одинъ человѣкъ въ Россіи, хотя я его и не знаю, твердо вѣрить тому и говорить: «У насъ прежде, нежели во всякой другой землѣ, воспряднуется Свѣтлое Воскресеніе Христово!»

О СОВРЕМЕННОМЪ.

(письмо къ п. а. плетневу).

Наконецъ, поговорю съ тобой о «Современникѣ». «Современникъ» вышелъ плохимъ журналомъ, несмотря на прекрасную цѣль, которую ты имѣлъ въ виду. Даже эта самая прекрасная цѣль, во имя которой ты предпринялъ его, не обнаружилась никому очевидно и ясно изъ самаго журнала; напротивъ, всякъ спрашивалъ въ недоумѣніи другъ у друга: — «Объясните мнѣ, зачѣмъ и для чего издаетъ Плетневъ свой журналъ? что хочетъ онъ сказать имъ? что значать эти общія мѣста въ его программѣ, эти повторенія о безпристрастїи, о безкорыстной любви къ искусству, о стремленїи къ истинѣ и т. п., которыя общается всякій журналистъ, и которыхъ не исполняетъ никто?» Тощее содержаніе его тоненькихъ книжекъ, неживой, безучастный, вялый и неопредѣленный слогъ его сужденій обо всемъ современномъ задавалъ только загадку рѣшать: зачѣмъ онъ названъ «Современникомъ»? Будемъ говорить откровенно. У тебя нѣтъ качествъ журналиста: ни юношескаго живого участія ко всѣмъ волненїямъ современнымъ, ни того трепета любопытства къ вопросамъ, раздающимся въ массѣ общества, ни, наконецъ, энциклопедическаго науколюбиваго стремленія обнимать съ равной охотой все, что ни относится къ развитію познаній человѣческихъ во всѣхъ родахъ. Твоя антологическая душа получила только на долю себѣ одинъ возвышенный даръ — услаждаться благоуханїемъ прекрасныхъ цвѣтовъ поэзїи и обонять ароматы высшихъ движеній души человѣческой. Не пѣвцу «Миниха» и нѣкоторыхъ другихъ прекрасныхъ элегій, свидѣтельствующихъ о чистотѣ вкуса и скромной тишинѣ души самого пѣвца, выступать было на поприще полемическое. «Современникъ» даже и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, несмотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую къ исполненію. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертое обзорѣніе вродѣ англійскихъ, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльникахъ и ежемѣсячникахъ, гдѣ сотрудники, обязанные торопиться, не имѣютъ даже времени пересмотрѣть то, что написали сами. Впрочемъ, сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивши разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщадся быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ. Онъ, дѣйствительно, въ то время слишкомъ высоко созрѣлъ для того, чтобы заключать въ себѣ это юношеское чувство; моя же душа была тогда еще молода; я могъ принимать живѣй къ сердцу то, для чего онъ уже простылъ. Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать его убѣдили; но слова моего я бы не могъ исполнить даже и тогда, если бы онъ былъ живъ. Не зналъ я, какими путями поведетъ меня Провидѣніе, какъ отнимутся у меня силы ко всякой живой производительности литературной, и какъ умру я надолго для всего того, что шевелить

современнаго человѣка. По смерти Пушкина, пораженный этой скорбною для всѣхъ утратой, а для тебя еще скорбнѣйшей, чѣмъ для всѣхъ, пораженный сиротствомъ современнаго общества, очутившагося безъ поэзіи, какъ безъ свѣта, — осужденнаго выслушивать пустые и черствые пренія и споры объ искусствѣ намѣсто дѣлъ самого искусства, — пораженный этимъ сиротствомъ, которое, впрочемъ, началось уже и при Пушкинѣ, ты взялся горячо за издавіе журнала, стремишься насильно создать ту поэтическую Элладу, которая образовалась сама собой въ началѣ поприща Пушкина. Въ пылу великодушнаго увлеченія своего ты даже позабылъ то, что не мы управляемъ дѣлами и событіями, но чертится свѣше всему чередъ свой. Ты даже не примѣтилъ того, что имѣлъ такую цѣль, которой ни въ какомъ случаѣ нельзя было достигнуть листками періодическаго ежемѣсячнаго изданія. «Современникъ», какъ журналъ, не удался бы даже и тогда, если бы ты заключалъ въ себѣ всѣ качества журналиста. Признаюсь, я даже не могу и представить себѣ, чѣмъ можетъ быть нужно нынѣшнему времени появленіе новаго журнала. Это энциклопедическое образованіе публики посредствомъ журналовъ уже не такъ теперь потребно, какъ было прежде. Публика уже болѣе приготовлена. Уже все советъ нынѣ человѣка къ занятіямъ болѣе сосредоточеннымъ, не только значительность современныхъ вопросовъ, но даже самая пустота современнаго общества и легковѣсная вѣтреность дѣлъ его приглашаютъ нынѣ человѣка взглянуть строго на самого себя, спросить съ болѣею отчетливостью свои силы и опредѣлить себѣ трудъ не временный, минутный, но тотъ живительный и полный, который отвѣтствуетъ однѣмъ тѣмъ способностямъ, которыми своеобразно надѣленъ изъ насъ каждый уже отъ самаго рожденія своего. Никакой новый журналъ не можетъ дать теперь обществу пищи питательной и существенной. «Современникъ» долженъ отбросить отъ себя названіе журнала; онъ долженъ сжаться попрежнему въ книги намѣсто листовъ и болѣе еще, чѣмъ при Пушкинѣ, походить на альманахъ: онъ долженъ скорѣй напомнить собой «Съверные Цвѣты» барона Дельвига, съ которымъ было у тебя такъ много сходства въ умѣнїи наслаждаться и нѣжиться благоуханными звуками поэзіи. Пусть лучше будетъ выходить онъ три раза всякій годъ въ урочныя времена: первый разъ ко дню Свѣтлаго Воскресенія, какъ свѣтлый подарокъ на праздникъ, во второй разъ къ 1 октября, т.-е. ко времени, когда всѣ съѣзжаются у насъ изъ дачъ и деревень въ города, въ третій разъ — къ новому году; словомъ — пусть онъ будетъ современенъ тѣмъ эпохамъ, когда съ болѣею жадностью встрѣчается новая книга. Все собственно журнальное въ немъ не должно имѣть мѣста: ни возвѣщенія о новостяхъ ежедневныхъ, ни политическія извѣстія, ни поименованія всѣхъ выходящихъ книгъ, развѣ только одинъ строгій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ за всю треть въ такомъ видѣ, чтобъ онъ самъ собой могъ уже составить замѣчательную литературную статью. Нужно, чтобы здѣсь ничто не поминало читателю о томъ, что есть какія-нибудь распри въ литературѣ и существуетъ журнальная полемика. Самыя статьи должны быть допущены сосредоточенныя, полныя, которыя ничѣмъ не походили бы на торопливыя, отрывочныя статьи журналовъ. Нужно, чтобы здѣсь были одни лучшіе цвѣты современной нашей литературы. Этого можно достигнуть только такимъ изданіемъ, которое будетъ выходить не болѣе трехъ разъ въ годъ: въ три мѣсяца можно набрать книжку. Современное намъ время, слава Богу, не безъ талантовъ. Часть прозаическая альманаха можетъ быть теперь гораздо значительнѣй и богаче, чѣмъ когда-либо прежде. Поименуемъ нарочно тѣхъ современныхъ писателей, статьями которыхъ можетъ украситься «Современникъ». Прежде всего слѣдуетъ

назвать графа Соллогуба, который бесспорно есть нынѣшній нашъ лучший повѣствователь. Никто не щеголяетъ такимъ правильнымъ, ловкимъ и свѣтскимъ языкомъ. Слогъ его точенъ и приличенъ во всѣхъ выраженяхъ и оборотахъ. Остроты, наблюдательности, познаній всего того, чѣмъ занято наше высшее модное общество, у него много. Одинъ только недостатокъ: не набралась еще собственная душа автора содержанья болѣе строгаго и не доведенъ еще онъ своими внутренними событиями къ тому, чтобы строже и отчетливѣй взглянуть вообще на жизнь. Но, если и это въ немъ совершится, онъ будетъ вполне вѣрный живописецъ лучшаго общества; значительность твореній его выиграетъ больше, чѣмъ сто на сто. Непосредственно за нимъ слѣдуетъ назвать другого писателя, который скрылъ свое имя подъ вымышленнымъ: козакъ Луганскій. Онъ не поэтъ, не владѣетъ искусствомъ вымысла, не имѣетъ даже стремленья производить творческія созданія; онъ видитъ всюду дѣло и глядитъ на всякую вещь съ ея дѣльной стороны. Умъ твердый и дѣльный виденъ во всякомъ его словѣ, а наблюдательность и природная острота вооружаютъ живостью его слово. Все у него правда и взято такъ, какъ есть въ природѣ. Ему стѣять, не прибѣгая ни къ завязкѣ, ни къ развязкѣ, надъ которыми такъ ломаетъ голову романистъ, взять любой случай, случившійся въ Русской землѣ, первое дѣло, котораго производству онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ, чтобы вышла сама собой наизанимательнѣйшая повѣсть. По мнѣ, онъ значительнѣй всѣхъ повѣствователей-изобрѣтателей. Можетъ-быть, я сужу здѣсь пристрастно, потому что писатель этотъ болѣе другихъ угодилъ личности моего собственнаго вкуса и своеобразью моихъ собственныхъ требованій: каждая его строчка меня учитъ и вразумляетъ, двигая ближе къ познанью русскаго быта и нашей народной жизни; но зато всякъ согласится со мной, что этотъ писатель полезенъ и нуженъ всѣмъ намъ въ нынѣшнее время. Его сочиненія — живая и вѣрная статистика Россіи. Все, что ни достанетъ онъ изъ своей многовѣщающей памяти и что ни расскажетъ достовѣрнымъ языкомъ своимъ, будетъ драгоценнымъ подаркомъ для твоего альманаха. Я не знаю, почему замолчалъ Н. Павловъ, писатель, который первыми тремя повѣстями своими получилъ съ перваго раза право на почетное мѣсто между нашими прозаическими писателями и который повредилъ себѣ только тѣмъ, что, не захотѣвши быть самимъ собой, вздумалъ копировать (въ трехъ новыхъ повѣстяхъ своихъ) тѣхъ модныхъ новеллистовъ, которые гораздо его ниже. Онъ могъ бы всегда, не прибѣгая ни къ напряженнымъ вымысламъ поэтическимъ, ни къ мозаичнымъ искусственнымъ украшеніямъ рѣчи, такъ изуродовавшимъ благородный и ясный слогъ его, взять на поддержку первое психологическое явленье нашего общества и рассказать его такъ отчетливо и умно, что повѣсть его имѣла бы всѣ принадлежности тѣхъ строгихъ классическихъ произведеній, которыя остаются навсегда образцами въ литературѣ. Я вижу тоже много достоинствъ въ писателѣ, который подписываетъ подъ своими сочиненіями имя: Кулишъ. Цвѣтистый слогъ и большое познаніе нравовъ и обычаевъ Малой Россіи говорятъ о томъ, что онъ могъ бы прекрасно написать исторію этой земли. Онъ могъ бы еще съ бѣльшимъ успѣхомъ составить живыя статьи для альманаха и въ нихъ рассказать просто о нравахъ и обычаяхъ прежнихъ временъ, не вставляя этого въ повѣсть или драматическій рассказъ, подобно тому, какъ нѣкогда рассказывалъ Корниловичъ о временахъ до Петра и при Петрѣ. Романъ же его, довольно любопытный по частямъ, вялъ и скученъ въ цѣломъ: эти драгоценныя перлы свѣдѣній историческихъ, которые рассыпаны на страницахъ его, погибаютъ тамъ совершенно безплодно. Мнѣ сказывали, что вообще въ послѣднее время *повѣсть* сдѣлала

у насъ успѣхъ, и нѣсколько молодыхъ писателей показали особенное стремленіе къ наблюденію жизни дѣйствительной. Изъ того, что удалось прочесть мнѣ самому, я замѣтилъ также тому признаки, хотя постройка самихъ повѣстей мнѣ показалась особенно неискусна и неловка; въ разсказѣ замѣтилъ я излишество и многословіе, а въ слогѣ отсутствіе простоты. Но я увѣренъ, что если въ каждомъ изъ этихъ писателей прежде сформируется человѣкъ, чѣмъ писатель, — все прочее придетъ само собою, и каждый изъ нихъ, обнаруживъ еще сильнѣй особенности пера своего, не покажетъ ни одного изъ этихъ недостатковъ. Не могу не упомянуть о писателѣ, выступившемъ на литературное поприще драмою *Смерть Ляпунова*. Не имѣя въ себѣ полной зрѣлости строевья драматическаго, которое доступно однимъ только опытнымъ драматургамъ, драма эта имѣетъ въ себѣ много тѣхъ достоинствъ, которыя пророчатъ въ творцѣ ея писателя замѣчательнаго. Слышать живость минувшаго и умѣть заговорить о немъ такимъ живымъ языкомъ — это свойство великое! Я бы на его мѣстѣ такъ и впился въ русскія лѣтописи и ни на мигъ не оторвался бы отъ этого чтенія. Онъ можетъ много извлечь отсюда прекрасныхъ предметовъ. Почему знать, можетъ-быть, отъ такого чтенія родилась бы въ немъ благословенная мысль написать правдивую исторію времени, его преимущественно поразившаго. Вполнѣ историческое произведеніе, исполненное писателемъ, умѣющимъ такъ живо чувствовать историческіе характеры, и написанное такимъ живымъ перомъ, будетъ въ нѣсколько разъ значительнѣй историческихъ драмъ. Кстати о молодыхъ и начинающихъ писателяхъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты отыскалъ Прокоповича и умѣлъ склонить его взяться за перо повѣствователя. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые воспитывались со мною вмѣстѣ въ школѣ и начали писать въ одно время со мной, у него раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ, показала наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива; все изливалось у него непринужденно-обильно, все доставалось ему легко и пророчило въ немъ плодовитѣйшаго романиста. Онъ задремалъ теперь, я это знаю; онъ далъ заснуть въ себѣ желанію дѣйствовать на поприщѣ просторномъ, самый кругъ его сталъ тѣсень и передъ нимъ мало жизненнаго поля для наблюденій. Но жизнь вездѣ жизнь и, чѣмъ меньше ея просторъ и тѣснѣе ея кругъ, тѣмъ основательнѣй и глубже онъ можетъ быть нами изслѣдуемъ и проникнуть. Уже самая своя собственная душевная повѣсть, предметомъ которой будетъ взято собственное пробужденіе отъ мертвеннаго застоя, заставляющее съ ужасомъ взглянуть человѣка на животнo-истраченную жизнь свою, можетъ быть высокимъ предметомъ для романа... Какой бы праздникъ былъ душѣ моей, если бы я встрѣтилъ въ «Современникѣ» повѣсть, подъ которою было бы подписано его имя! Что же касается до меня самого, то я попрежнему не могу быть работящимъ и ревностнымъ вкладчикомъ въ твой «Современникъ». Ты уже самъ почувствовалъ, что меня нельзя назвать писателемъ въ строгомъ классическомъ смыслѣ. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые начали писать со мною вмѣстѣ, еще въ лѣта моего школьнаго юношества, у меня менѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ, замѣчались тѣ свойства, которыя составляютъ необходимыя условія писателя. Скажу тебѣ, что даже въ самыхъ раннихъ помысленіяхъ моихъ о будущемъ поприщѣ моемъ, никогда не представлялось мнѣ поприще писателя. Столкнулся я съ нимъ почти нечаянно. Нѣкоторыя мои наблюденія надъ нѣкоторыми сторонами жизни, мнѣ нужными для дѣла душевнаго, издавна меня занимавшаго, были виной того, что я взялся за перо и вздумалъ преждевременно подѣлиться съ читателемъ тѣмъ, чѣмъ мнѣ слѣдовало подѣлиться уже потомъ, по совершеніи моего собственнаго воспитанія. Мнѣ доставалось

трудно все то, что достается легко природному писателю. Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой, первыя необходимыя орудія всякаго писателя: они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мной имѣетъ право посмѣяться едва начинающій школьникъ. Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ значеніи, но оно никакъ не можетъ быть образцомъ словесности, и тотъ наставникъ поступить неосторожно, кто посоветуетъ своимъ ученикамъ учиться у меня искусству писать или, подобно мнѣ, живописать природу: онъ заставитъ ихъ производить карикатуры. Доказательство этому можешь видѣть на нѣкоторыхъ молодыхъ и неопытныхъ подражателяхъ моихъ, которые именно черезъ это самое подражаніе стали несравненно ниже самихъ себя, лишивъ себя своей собственной самостоятельности. У меня никогда не было стремленія быть отголоскомъ всего и отражать въ себѣ дѣйствительность, какъ она есть вокругъ насъ, — стремленія, которое тревожитъ поэта во все продолженіе его жизни и умираетъ въ немъ только съ его собственной смертью. Я даже не могу заговорить теперь ни о чемъ, кромѣ того, что близко моей собственной душѣ. Итакъ, если я почувствую, что чистосердечный голосъ мой будетъ истинно нуженъ кому-нибудь, и слово мое можетъ принести какое-нибудь внутреннее примиреніе человѣку, тогда у тебя въ «Современникѣ» будетъ моя статья; если жъ нѣтъ — ея не будетъ, и ты на меня за это никакъ не гнѣвайся. Я здѣсь не упомянулъ также ни объ одномъ изъ тѣхъ современныхъ прозаическихъ писателей нашихъ, которые, будучи заняты собственными изданіями или же сидя надъ трудами боже отвлеченными, требующими полнаго вниманія, не имѣютъ ни возможности, ни досуга поработать для твоего «Современника», — ихъ не слѣдуетъ и беспокоить. Здѣсь кстаи я долженъ тебя побранить. Ты былъ несправедливъ, приписывая безучастное невниманіе многихъ литераторовъ къ твоему журналу ихъ равнодушію къ общему дѣлу, нелюбви къ искусству, деньголюбію и т. п. У всякаго есть свое внутреннее дѣло; у всякаго совершается въ душѣ свое собственное событіе, на время его отвлекающее отъ участія въ дѣлѣ общемъ; и никакъ нельзя требовать, чтобы другой жертвовалъ собой и своей собственной цѣлью для какой-нибудь нами любимой мысли или нашей цѣли, къ которой мы предположили себѣ стремиться. Каждому опредѣляетъ Богъ дорогу, не похожую на ту, которую назначено проходить другому, и нельзя мѣрять всѣхъ однимъ и тѣмъ же аршиномъ. А потому уважай и самый отказъ другого даже и тогда, если бы онъ не захотѣлъ объявить причины, почему не можетъ дать статьи въ «Современникѣ». Довольствуйся тѣмъ, что дадутъ. Если только одни поименованные мною писатели дадутъ статьи свои, то и этого уже будетъ достаточно. Но я знаю, что дадутъ еще и другіе, которыхъ я не назвалъ. Вопреки людямъ, жалующимся на недостатокъ талантовъ въ нынѣшнее время, я вижу ихъ теперь гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде. Они не попали на свою дорогу. Еще никто изъ нихъ не умѣлъ стать самимъ собой, и это причина ихъ непримѣтности; но многіе изъ нихъ уже болѣютъ этимъ желаніемъ, хотя и не знаютъ, какъ удовлетворить ему. Стремленіе узнать назначеніе свое есть теперь страданіе многихъ людей, одаренныхъ способностями. Оно-то есть настоящая, истинная причина дремоты и бездѣйственности на поприщѣ литературномъ.

Стихотворная часть «Современника» можетъ быть также весьма богата, не смотря на то, что, повидимому, въ современномъ обществѣ угаснуло расположеніе къ поэзіи. Слава Богу, еще здравствуетъ самъ патріархъ нашей поэзіи: еще небо хранить намъ Жуковскаго. Въ награду за безукоризненную,

чистую жизнь ему одному изъ всѣхъ насъ дано почувствовать свѣжесть молодости въ старческія лѣта и силу юности для дѣла поэтическаго. Его нынѣшніе труды далеко полновѣснѣй и значительнѣй прежнихъ. Не нужно судить о немъ по тѣмъ стихотворнымъ сказкамъ и повѣстямъ, которыя были помѣщены въ послѣднее время въ «Современникѣ». Онъ не могъ и не долженъ были произвестъ никакого впечатлѣнія на общество, и нечего удивляться, что общество, оцѣнивая всякое новое произведеніе относительно своихъ собственныхъ потребностей душевныхъ, ища въ немъ отвѣта на тревожныя исканія свои, назвало эти стихотворенія *ребячествомъ* Жуковскаго. Они были, точно, назначены для малолѣтнихъ дѣтей. Повѣсти и сказки эти должны были выйти особой книжкой подъ названіемъ: *Подарокъ дѣтямъ отъ Жуковскаго*. Онъ сдѣлалъ ошибку, пославши ихъ въ журналъ. Я говорилъ это ему тогда же, совѣтуя или ничего ни посылать, или послать то, что пришлось бы по душѣ взрослому человѣку. Но теперь я знаю, что онъ пришлетъ тебѣ въ альманахъ который - нибудь изъ тѣхъ перловъ, которые выработались въ глубинѣ его собственной души, гдѣ въ послѣднее время такъ много произошло прекраснаго. Еще, слава Богу, здравствуютъ два другіе первоклассные наши поэты: князь Вяземскій и Языковъ, и могутъ подарить «Современникъ» новыми, дотолѣ не раздававшимися отъ нихъ звуками, — звуками, исторгнутыми изъ выстрадавшаго сердца, пѣснями самой души, уже набравшейся строгаго содержанія высшей поэзіи. Самые наши молодые, недавно показавшіеся поэты, которыхъ я здѣсь не называю по именамъ, которые показали покуда одно благозвучіе, легкость и щегольство стихосложенія, но еще не показали истинныхъ и вѣрныхъ ощущеній своихъ, могутъ заговорить струнами поэзіи, болѣе намъ близкой. Поэзія есть чистая исповѣдь души, а не порожденіе искусства или хотѣнія человѣческаго; поэзія есть правда души, а потому и всѣмъ равно можетъ быть доступна. Способность вымысла и творчества есть слишкомъ высокая способность и дается однимъ только всемірнымъ геніямъ, которыхъ появленіе слишкомъ рѣдко на землѣ; опасно и вступать на этотъ путь другому. Многіе даже изъ первокласснѣйшихъ талантовъ становились ниже себя, зашедши въ область вымысла, но высоко возвышались даже и небольшіе таланты, когда событіями собственной души своей были наведены на то, чтобы передавать одну чистую правду души. Приспѣваетъ время, когда жажда исповѣди душевной становится сильнѣе и сильнѣе. Много поэтическихъ звуковъ издадутъ даже и тѣ, которые не помышляли быть поэтами; много прекрасныхъ цвѣтковъ, много драгоцѣнныхъ владовъ нанесутъ къ тебѣ со всѣхъ сторонъ въ твой «Современникъ». Ты самъ, хотя уже давно не пробовалъ звуковъ оставленной и позабытой тобою лиры, примешься за нее вновь. Ты, вѣрно, испыталъ въ это время тоже не мало скорбныхъ минутъ и никѣмъ не услышаннаго горя; твоя душа, вѣрно, томилась также желаніемъ передать и объяснить себя, искала друга, которому могло бы быть доступно тяжкое состояніе ея, и, не найдя его нигдѣ, обратилась, наконецъ, къ Тому родному всѣмъ намъ Существу, Которое одно умѣетъ принимать любовно на грудь къ Себѣ тоскующаго и скорбящаго, и къ Которому, наконецъ, все живущее обратится. Припомни же всѣ эти минуты, какъ минуты скорбей, такъ и минуты высшихъ утѣшеній, тебѣ ниспосланныхъ; передай ихъ, изобрази въ той правдѣ, въ какой онѣ были. Тебѣ помогутъ слезы умиленія и растроганныя чувства признательной души твоей; они помогутъ тебѣ передать съ такой силой, съ какой не сумѣетъ передать ихъ великій, владѣющій чародѣйствомъ вымысла, но еще не выстрадавшійся поэтъ. «Современникъ» тогда оправдываетъ данное ему названіе, но оправдываетъ его въ другомъ — высшемъ смыслѣ:

онъ будетъ современенъ всѣмъ высшимъ минутамъ русскаго писателя и чело-вѣка. Онъ тогда ближе приблизится къ той цѣли, которая доселѣ такъ отдаленно и неясно представлялась въ твоихъ мысляхъ: онъ соединитъ эстетическимъ союзомъ прекраснаго братства всѣхъ пишущихъ. Одинъ только ты въ Россіи можешь предпринять и выполнить такое изданіе, потому что одинъ только ты питаешь о немъ постоянную мысль; одинъ только ты не имѣлъ въ виду денежныхъ интересовъ и вознагражденій за труды; одинъ ты безотчетно питаешь чистую, младенческую любовь къ искусству, сдѣлавшую тебя другомъ лучшихъ поэтовъ нашихъ и превратившую для тебя самое искусство въ твое собственное какъ бы родное и семейственное дѣло. Стало-быть, одному только тебѣ можетъ быть ввѣрено такое изданіе. Оно должно быть роскошно; оно должно быть во всѣхъ отношеніяхъ драгоценнымъ подаркомъ: печататься со всей возможной типографической роскошью, украситься лучшими гравюрами и виньетами, какія могутъ только быть произведены у насъ въ Россіи (гравировъ выбери русскихъ, иностранцевъ сюда не вмѣшивай). Мѣру книгамъ дай небольшую, немного чѣмъ побольше «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», словомъ — чтобы и по достоинству, и по виду изданіе походило на драгоценность. Все это можешь исполнить одинъ только ты, потому что, не имѣя въ виду пользоваться доходами съ него для своего собственного содержанья и прокормленья, ты можешь все употребить на красоту самаго изданія и такимъ образомъ доставить хлѣбъ бѣднымъ художникамъ нашимъ, котерымъ приходится иногда претерпѣвать горькую чашу.

Итакъ, если все это, чтѣ я теперь сказала, пришлось тебѣ по сердцу, то, благословясь, приступай съ Богомъ къ составленію первой книжки «Современника» ко времени наступающаго праздника Свѣтлаго Воскресенія 1847 года, а письмо мое поставь первой статьей въ видѣ программы или вступленія въ самую книгу. До того же времени дай его прочесть всѣмъ тѣмъ, отъ которыхъ ты пожелалъ бы имѣть статью. Какъ ни слабо и ни поверхностно оно написано, но я увѣренъ, что по прочтеніи его всякъ согласится вмѣстѣ съ тобой и со мной въ необходимости такого изданія въ Россіи и вѣрно дастъ тебѣ наилучшее изъ своихъ произведеній. Въ газетныхъ листахъ ты можешь объявить о немъ только немногими словами — именно, что «Современникъ» будетъ выходить въ трехъ книгахъ въ означенные сроки; прибавь къ этому одни только имена тѣхъ, которыхъ статьи будутъ помѣщены, — этого достаточно. Пусть лучше все остальное, какъ достоинство статей, такъ и роскошь самаго изданія, будетъ пріятной неожиданностью для каждаго читателя.

АВТОРСКАЯ ИСПОВѢДЬ.

Всѣ согласны въ томъ, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразныхъ толковъ, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». И — что всего замѣчательнѣй, чего не случилось, можетъ-быть, доселѣ еще ни въ какой литературѣ — предметомъ толковъ и критикъ стала не книга, но авторъ. Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово, и всякъ наперерывъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло. Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеньемъ. Какъ, однакоже, ни были потрясающи и обидны для человѣка благороднаго и честнаго многіе заключенія и выводы, но, скрѣпясь, сколько достало небольшихъ силъ моихъ, я рѣшился стерпѣть все и воспользоваться этимъ случаемъ, какъ указаньемъ свыше — разсмотрѣть по-строже самого себя. Иногогда и прежде я не пренебрегалъ совѣтами, мнѣніями, осужденіями и упреками, увѣряясь, чѣмъ далѣе, болѣе, что если только истребишь въ себѣ тѣ щекотливыя струны, которыя способны раздражаться и гнѣваться, и приведешь себя въ состояніе все выслушивать спокойно, тогда услышишь тотъ средній голосъ, который получается въ итогъ тогда, когда сложишь всѣ голоса и сообразишь крайности обѣихъ сторонъ, словомъ — тотъ всѣми искомый средній голосъ, который недаромъ называютъ «гласомъ народа и гласомъ Божиимъ». Но на этотъ разъ, несмотря на то, что многіе упреки были истинно полезны душѣ моей, я не услышалъ этого средняго голоса и не могу сказать, чѣмъ рѣшилось дѣло, и чѣмъ определено считать мою книгу. Въ итогъ мнѣ послышались три разныхъ мнѣнія: *первое*, что книга есть произведеніе неслыханной гордости человѣка, возмнившаго, что онъ сталъ выше всѣхъ своихъ читателей, имѣетъ право на вниманье всей Россіи и можетъ преобразовывать цѣлое общество; *второе*, что книга эта есть твореніе добраго, но впавшаго въ прелесть и въ обольщенье человѣка, у котораго закружилась голова отъ похвалъ, отъ самоуслажденія своими достоинствами, который вслѣдствіе этого сбился и спутался; *третье*, что книга есть произведеніе христіанина, глядящаго съ вѣрной точки на вещи и ставящаго всякую вещь на ея законное мѣсто. На сторонѣ каждаго изъ этихъ мнѣній находятся равно просвѣщенные и умные люди, а также и равно вѣрующіе христіане. Стало-быть, ни одно изъ этихъ мнѣній, будучи справедливо *отчасти*, никакъ не можетъ быть справедливо *вполнѣ*. Справедливѣе всего слѣдовало бы назвать эту книгу вѣрнымъ зеркаломъ человѣка. Въ ней находится то же, что во всякомъ человѣкѣ: прежде всего желанье добра, создавшее самую книгу, которое живетъ у всякаго человѣка, если только онъ почувствовалъ, что такое добро; сознанье искреннее своихъ недостатковъ и рядомъ съ нимъ высокое мнѣнье о своихъ достоинствахъ; желанье искреннее учиться самому и рядомъ съ нимъ увѣренность, что можешь научить многому и другихъ; смиренье и рядомъ съ нимъ гордость, и, можетъ-быть,

гордость въ самомъ смиреніи; упреки другимъ въ томъ самомъ, на чемъ поскользнулся самъ и за что достоинъ еще большихъ упрековъ. Словомъ, то же, что въ каждомъ человѣкѣ, съ той только разницей, что здѣсь слетѣли всѣ условія и приличія и все, что таитъ внутри человѣкъ, выступило наружу; съ той еще разницей, что завопило это крикливѣй и громче, какъ въ писателѣ, у котораго все, что ни есть въ душѣ, просится на свѣтъ; ударило ярче всѣмъ въ глаза, какъ въ человѣкѣ, получившемъ на долю больше способностей сравнительно съ другимъ человѣкомъ. Словомъ, книга можетъ послужить только доказательствомъ великой истины словъ апостола Павла, сказавшаго, что весь человѣкъ есть ложь.

Но къ этому заключенію, можетъ-быть, болѣе всѣхъ прочихъ справедливому, никто не пришелъ, потому что торжественный тонъ самой книги и необыкновенный слогъ ея сбилъ болѣе или менѣе всѣхъ и не поставилъ никого на надлежащую точку воззрѣнія. Издавая ее подъ влияньемъ страха смерти своей, который преслѣдовалъ меня во все время болѣзненнаго моего состоянія, даже и тогда, когда я уже былъ внѣ опасности, я нечувствительно перешелъ въ тонъ, мнѣ несвойственный и ужъ вовсе неприличный еще живущему человѣку. Изъ боязни, что мнѣ не удастся окончить того сочиненія моего, которымъ занята была постоянно мысль моя въ теченіе десяти лѣтъ, я имѣлъ неосторожность заговорить впередъ кое-о-чемъ изъ того, что должно было мнѣ доказать въ лицѣ выведенныхъ героевъ повѣствовательнаго сочиненія. Это обратилось въ неумѣстную проповѣдь, странную въ устахъ автора, въ какія-то мистическія непонятныя мѣста, не вяжущіяся съ остальными письмами. Наконецъ — разнообразный тонъ самихъ писемъ, писанныхъ къ людямъ разныхъ характеровъ и свойствъ, писанныхъ въ разные времена моего душевнаго состоянія. Одни были писаны въ то время, когда я, воспитываясь самъ упреками, прося и требуя ихъ отъ другихъ, считалъ въ то же время надобностью раздавать ихъ и другимъ; другія были писаны въ то время, когда я сталъ чувствовать, что упреки слѣдуетъ приберечь для самого себя, въ рѣчахъ же съ другими слѣдуетъ употреблять одну только братскую любовь: отъ этого и мягкость, и рѣзкость встрѣтились почти вмѣстѣ. Наконецъ, непомѣщеніе многихъ тѣхъ статей, которыя должны были войти въ книгу, какъ связывавшіяся и объясняющія многое. Наконецъ, моя собственная темнота и неумѣнье выражаться, — принадлежности не вполне организовавшагося писателя, — все это споспѣшествовало тому, чтобы сбить не одного читателя и произвести безчисленное множество выводовъ и заключеній не-впопадъ. Гордость отыскали въ тѣхъ словахъ, которыя подвинуты были, можетъ-быть, совершенно противоположною причиною; гдѣ же была дѣйствительно гордость, тамъ ея не замѣтили; назвали уничиженьемъ то, что было вовсе не уничиженьемъ. А что главнѣе всего: не было двухъ человѣкъ, совершенно сходныхъ между собою въ мысляхъ, когда только доходило до разбора книги по частямъ, что весьма справедливо дало замѣтить нѣкоторымъ, что въ сужденіяхъ своихъ о моей книгѣ всякій выражалъ болѣе самого себя, чѣмъ меня или мою книгу. Разумѣется, всему виною — я. А потому во всѣхъ нападеніяхъ на мои личныя нравственныя качества, какъ ни оскорбительны они для человѣка, въ комъ еще не умерло благородство, я не имѣю права обвинять никого.

Сдѣлаю вскользь замѣчанья два на то, что не относится до моихъ нравственныхъ качествъ. Меня изумило, когда люди умные стали дѣлать придирки къ словамъ, совершенно яснымъ, и, остановившись надъ двумя-тремя мѣстами, стали выводить заключенія, совершенно противоположныя

духу всего сочиненія. Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне земледѣльцы, озабоченные круглый годъ работою, вывести заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенія народнаго, — это показалось мнѣ очень странно, тѣмъ болѣе, что я полжизни думалъ самъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простаго народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу. А покуда нѣтъ такихъ умныхъ книгъ, мнѣ казалось, что слово устное пастырей Церкви полезнѣй и нужнѣй для мужиковъ всего того, что можетъ сказать ему нашъ братъ-писатель. Сколько я себя ни помню, я всегда стоялъ за просвѣщеніе народное; но мнѣ казалось, что еще прежде, чѣмъ просвѣщеніе самого народа, полезнѣй просвѣщеніе тѣхъ, которые имѣютъ ближайшія столкновенія съ народомъ, отъ которыхъ часто терпитъ народъ. Мнѣ казалось, наконецъ, гораздо болѣе требовавшимъ вниманія къ себѣ не сословіе земледѣльцевъ, но то мелкое сословіе, нынѣ увеличивающееся, которое вышло изъ земледѣльцевъ, которое занимаетъ разныя мелкія мѣста и, не имѣя никакой нравственности, несмотря на небольшую грамотность, вредитъ всѣмъ, затѣмъ, чтобы жить на счетъ бѣдныхъ. Для этого-то сословія мнѣ казались наиболѣе необходимыми книги умныхъ писателей, которые, почувствовавши сами ихъ долгъ, умѣли бы ихъ объяснить. А землепашецъ нашъ мнѣ всегда казался нравственнѣе всѣхъ другихъ и менѣ другихъ нуждающимся въ наставленіяхъ писателя. Тоже не менѣ страннымъ показалось мнѣ, когда изъ одного мѣста моей книги, гдѣ я говорю, что въ критикахъ, на меня нападавшихъ, есть много справедливаго, вывели заключенія, что я отвергаю всѣ достоинства моихъ сочиненій и не согласенъ съ тѣми критиками, которые говорили въ мою пользу¹⁾. Я очень помню и совѣмъ не позабылъ, что по поводу небольшихъ моихъ достоинствъ явились у насъ очень замѣчательныя критики, которыя навсегда останутся памятниками любви къ искусству, которыя возвысили въ глазахъ общества значеніе поэтическихъ созданій. Но неловко же мнѣ говорить самому о своихъ достоинствахъ, да и съ какой стати? О недостаткахъ моихъ литературныхъ я заговорилъ, потому что пришлось кстати, по поводу психологическаго вопроса, который есть главный предметъ всей моей книги. Какъ же не соображать этихъ вещей! Не менѣ странно также, — изъ того, что я выставилъ ярко на видъ наши русскіе элементы, дѣлать выводъ, будто я отвергаю потребность просвѣщенія европейскаго и считаю ненужнымъ для русскаго знать весь трудный путь совершенствованія человѣческаго. И прежде, и теперь мнѣ казалось, что русскій гражданинъ долженъ знать дѣла Европы. Но я былъ убѣжденъ всегда, что если при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустишь изъ виду свои русскія начала, то знанія эти не принесутъ добра, собьютъ, спутають и разбросаютъ мысли, намѣсто того, чтобы сосредоточить и собрать ихъ. И прежде, и теперь я былъ увѣренъ въ томъ, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу, и что только съ помощью этого знанія можно почувствовать, что именно слѣдуетъ намъ брать и заимствовать изъ Европы, которая сама этого не говоритъ. Мнѣ казалось всегда, что прежде, чѣмъ вводить что-либо новое, нужно, не какъ-нибудь, но въ корни узнать старое; иначе примѣненіе самаго благодѣтельнѣйшаго въ наукѣ открытія не будетъ успѣшно. Съ этою цѣлью я и заговорилъ преимущественно о старомъ.

¹⁾ „На завѣщаніе не слѣдовало упираться: въ немъ судишь себя строго, потому что готовишься предстать на судъ предъ Того, предъ Которымъ ни одинъ человѣкъ не бываетъ правъ“.

Словомъ, всѣ эти односторонніе выводы людей умныхъ и притомъ такихъ, которыхъ я вовсе не считалъ односторонними, всѣ эти придирки къ словамъ, а не къ смыслу и духу сочиненія, показываютъ мнѣ то, что никто не былъ въ покойномъ расположеніи, когда читалъ мою книгу; что уже впередъ установилось какое-то предубѣжденіе, прежде чѣмъ она явилась въ свѣтъ, и всякій глядѣлъ на нее вслѣдствіе уже заготовленнаго впередъ взгляда, останавливаясь только надъ тѣмъ, что укрѣпляло его въ предубѣжденіи и раздражало, и проходя мимо все то, что способно опровергнуть предубѣжденія, а самого читателя успокоить. Сила этого страннаго раздраженія была такъ велика, что даже разрушила всѣ тѣ приличія, которыя доселѣ еще сохранялись относительно писателя. Почти въ глаза автору стали говорить, что онъ сошелъ съ ума, и прописывали ему рецепты отъ умственнаго расстройства. Не могу скрыть, что меня еще болѣе опечалило, когда люди также умные, и притомъ не раздраженные, провозгласили печатно, что въ моей книгѣ ничего нѣтъ новаго, что же и ново въ ней, то ложь, а не истина. Это показалось мнѣ жестоко. Какъ бы то ни было, но въ ней есть моя собственная исповѣдь; въ ней есть изліяніе и души, и сердца моего. Я еще не признанъ публично безчестнымъ человѣкомъ, которому бы никакого довѣрія нельзя было оказывать. Я могу ошибаться, могу попасть въ заблужденіе, какъ и всякій человѣкъ, могу сказать ложь въ томъ смыслѣ, какъ и весь человѣкъ есть ложь; но назвать все, что излилось изъ души и сердца моего, ложью — это жестоко. Это несправедливо такъ же, какъ несправедливо и то, что въ книгѣ моей ничего нѣтъ новаго. Исповѣдь человѣка, который провелъ нѣсколько лѣтъ внутри себя, который воспитывалъ себя, какъ ученикъ, желая вознаграждать, хотя поздно, за время, потерянное въ юности, и который притомъ не во всемъ похожъ на другихъ, и имѣетъ нѣкоторыя свойства, ему одному принадлежащія, — исповѣдь такого человѣка не можетъ не представить чего-нибудь новаго. Какъ бы то ни было, но въ такомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшалось дѣло души, нельзя такъ рѣшительно возвѣщать приговоръ. Тутъ наиглубокомысленнѣйшій душевѣдецъ призадумается. Въ душевномъ дѣлѣ трудно и надъ человѣкомъ обыкновеннымъ произнести судъ свой. Есть такія вещи, которыя не подвластны холодному разсужденію, какъ бы умѣнь ни былъ разсуждающій, которыя постигаются только въ минуты тѣхъ душевныхъ настроеній, когда собственная душа наша расположена къ исповѣди, къ обращенію на себя, къ оужденію себя, а не другихъ. Словомъ, въ этой рѣшительности, съ какою былъ произнесенъ этотъ приговоръ, мнѣ показалась большая собственная самоувѣренность судившаго — въ умѣ своемъ и въ верховности своей точки воззрѣнія. Не съ тѣмъ я здѣсь говорю это, чтобы когонибудь попрекнуть, но съ тѣмъ, чтобы показать только, какъ на всякомъ шагѣ мы близки къ тому, чтобы впасть въ тотъ порокъ, въ которомъ только что попрекнули своего брата; какъ, укоривши въ самоувѣренности другого, мы тутъ же въ собственныхъ словахъ показываемъ свою собственную самоувѣренность; какъ, укоривши въ неснисходительности другого, мы тутъ же бываемъ неснисходительны и придиричивы сами. Благороденъ, по крайней мѣрѣ, тотъ, кто имѣетъ духу въ этомъ сознаться и не стыдится, хотя бы въ глазахъ всего свѣта, сказать, что онъ ошибся. Но довольно. Во все не затѣмъ, чтобы защищать себя съ нравственныхъ сторонъ моихъ, я подаю теперь голосъ. Нѣтъ, я считаю обязанностью отвѣчать только на тотъ запросъ, который сдѣланъ мнѣ почти единоустно отъ лица читателей всѣхъ моихъ прежнихъ сочиненій, — запросъ: зачѣмъ я оставилъ тотъ родъ и то поприще, которое за собою уже утвердилъ, гдѣ былъ почти господинъ, и принялся за другое, мнѣ чуждое?

Чтобы отвѣчать на этотъ запросъ, я рѣшаюсь чистосердечно и сколько возможно короче изложить всю повѣсть моего авторства, чтобы дать возможность всякому справедливѣе обсудить меня, чтобы увидаль читатель, перемѣнялъ ли я поприще свое, умничалъ ли самъ отъ себя, желая дать себѣ другое направленіе, или и въ моей судьбѣ такъ же, какъ и во всемъ, слѣдуетъ признать участіе Того, Кто располагаетъ міромъ не всегда сообразно тому, какъ намъ хочется, и съ Которымъ трудно бороться человѣку. Можетъ-быть, эта чистосердечная повѣсть моя послужитъ объясненіемъ хотя нѣкоторой части того, чтѣ кажется такой необъяснимой загадкой для многихъ въ недавно вышедшей моей книгѣ. Если бы случилось такъ, я былъ бы этому истинно радъ, потому что вся эта странная исторія меня утомила сильно, и мнѣ не легко самому отъ этого вихря недоразумѣній.

Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще. Знаю только то, что въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ тѣ поры, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писателѣ мнѣ никогда не всходила на умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь чело-вѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже чтѣ-то для общаго добра. Я думалъ, просто, что я выслужусь и все это доставитъ служба государственная. Отъ этого страсть служить была у меня въ юности очень сильна. Она пребывала неотлучно въ моей головѣ впереди всѣхъ моихъ дѣлъ и занятій. Первые мои опыты, первыя упражненія въ сочиненьяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся также вмѣстѣ со мной въ сочиненьяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическихъ и сатирическихъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками; хотя въ самихъ раннихъ сужденьяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но *угадать* человѣка, то-есть, угадать, чтѣ онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаньемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей. Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думалъ о томъ, чтѣ сдѣлаю современемъ изъ этого употребленіе.

Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненьяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ-быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, чтѣ только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходять на умъ никакіе вопросы, подталкивала. Вотъ происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставляли смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходиться въ голову такія глупости. Можетъ-быть, съ лѣтами и съ потребностью развлекать себя, веселость эта исчезнула бы, а съ нею вмѣстѣ и мое писательство. Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло сурьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ, послѣ того,

какъ я ему прочелъ одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказавъ: «Какъ съ этой способностью угадывать челоуѣка и нѣсколькими чертами выставяты его вдругъ всего, какъ живого, съ этой способностью не приняты за большое сочиненіе! Это, просто, грѣхъ!» Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который, хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за «Донкишота», никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и, въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то вродѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому. Это былъ сюжетъ «Метвыхъ Душъ». (Мысль «Ревизора» принадлежитъ также ему). На этотъ разъ и я самъ уже задумался серьезно, — тѣмъ болѣе, что стали приближаться такіе года, когда самъ собой приходитъ запросъ всякому поступку: зачѣмъ и для чего его дѣлаешь? Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ уже лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго. Въ «Ревизорѣ» я рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ челоуѣка справедливости, и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ. Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ, который никогда еще во мнѣ не появлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. Я самъ почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами. Послѣ «Ревизора», я почувствовалъ, болѣе нежели когда-либо прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ было бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться. Пушкинъ находилъ, что сюжетъ «Мертвыхъ Душъ» хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу извѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ. Я началъ было писать, не опредѣливши себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой. Я думалъ просто, что смѣшной проектъ, исполненіемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самою охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ переимѣшивать съ трогательными. Но на всякомъ шагу я былъ останавливаемъ вопросами: зачѣмъ? къ чему это? что долженъ сказать собою такой-то характеръ? что должно выразить собою такое-то явленіе? Спрашивается: что нужно дѣлать, когда приходятъ такіе вопросы? Прогонять ихъ? Я пробовалъ, но неотразимые вопросы стояли передо мною. Не чувствуя существенной надобности въ томъ и другомъ героѣ, я не могъ почувствовать и любви къ дѣлу изобразить его. Напротивъ, я чувствовалъ что-то вродѣ отвращенія: все у меня выходило натянуто, насильно и даже то, надъ чѣмъ я смѣялся, становилось печально.

Я увидѣлъ ясно, что больше не могу писать безъ плана, вполне опредѣлительнаго и яснаго, что слѣдуетъ хорошо объяснить прежде самому себѣ цѣль сочиненія своего, его существенную полезность и необходимость, вслѣдствіе чего самъ авторъ возгорѣлся бы любовью истинной и сильной къ труду

своему, которая животворить все и безъ которой нейдетъ работа, — словомъ, чтобы почувствовалъ и убѣдился самъ авторъ, что, творя творенье свое, онъ исполняетъ именно тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю; для котораго именно даны ему способности и силы, и что, вспомявъ его, онъ служить въ то же самое время такъ же государству своему, какъ бы онъ дѣйствительно находился въ государственной службѣ. Мысль о службѣ у меня никогда не пропадала. Прежде чѣмъ вступить на поприще писателя, я перемѣнилъ множество разныхъ мѣстъ и должностей, чтобы узнать, къ которой изъ нихъ я былъ больше способенъ; но не былъ доволенъ ни службой, ни собой, ни тѣми, которые надо мной были постановлены. Я еще не зналъ тогда, какъ многого мнѣ не доставало затѣмъ, чтобы служить такъ, какъ я хотѣлъ служить. Я не зналъ тогда, что нужно для этого побѣдить въ себѣ всѣ щекотливыя струны самолюбія личнаго и гордости личной, не забывать ни на минуту, что взявъ мѣсто не для своего счастья, но для счастья многихъ тѣхъ, которые будутъ несчастны, если благородный человѣкъ броситъ свое мѣсто, что позабыть нужно обо всѣхъ огорченіяхъ собственныхъ. Я не зналъ еще тогда, что тому, кто пожелаетъ истинно-честно служить Россіи, нужно имѣть очень много любви къ ней, которая бы поглотила уже всѣ другія чувства, — нужно имѣть много любви къ человѣку вообще и сдѣлаться истиннымъ христианиномъ, во всемъ смыслѣ этого слова. А потому и немудрено, что, не имѣя этого въ себѣ, я не могъ служить такъ, какъ хотѣлъ, несмотря на то, что сгоралъ дѣйствительно желаніемъ служить честно. Но какъ только я почувствовалъ, что на поприщѣ писателя могу сослужить также службу государственную, я бросилъ все: и прежнія свои должности, и Петербургъ, и общества близкихъ душъ моей людей, и самую Россію, затѣмъ, чтобы вдали и въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣлать, какъ произвести такимъ образомъ свое творенье, чтобы доказать, что я былъ также гражданинъ земли своей и хотѣлъ служить ей. Чѣмъ болѣе обдумывалъ я свое сочиненіе, тѣмъ болѣе чувствовалъ, что оно можетъ дѣйствительно принести пользу. Чѣмъ болѣе я обдумывалъ мое сочиненіе, тѣмъ болѣе видѣлъ, что не случайно слѣдуетъ мнѣ взять характеры, какіе попадутся, но избрать одни тѣ, на которыхъ замѣтнѣй и глубже отпечатлѣлись истинно-русскія коренныя свойства наши. Мнѣ хотѣлось въ сочиненіи моемъ выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо, и преимущественно тѣ низкія, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены. Мнѣ хотѣлось сюда собрать одни яркія психологическія явленія, помѣстить тѣ наблюденія, которыя я дѣлалъ издавна сокровенно надъ человѣкомъ, которыхъ не довѣрялъ дотолѣ перу, чувствуя самъ незрѣлость его, которыя, бывъ изображены вѣрно, послужили бы разгадкой многого въ нашей жизни, словомъ — чтобы, по прочтеніи моего сочиненія, предсталъ какъ бы невольный весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно передъ другими народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ, также преимущественно передъ всѣми другими народами. Я думалъ, что лирическая сила, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже нашелъ ихъ въ себѣ самомъ. Но я почувствовалъ въ то же время, что все это возможно будетъ сдѣлать мнѣ только въ такомъ случаѣ, когда узнаешь очень хорошо самъ, что дѣйствительно въ нашей

природѣ есть достоинства и что въ ней дѣйствительно есть недостатки. Нужно очень хорошо взвѣсить и оцѣнить то и другое и объяснить себѣ самому ясно, чтобы не возвести въ достоинство того, что есть грѣхъ нашъ, и не поразить смѣхомъ вмѣстѣ съ недостатками нашими и того, что есть въ насъ достоинство. Мнѣ не хотѣлось даромъ тратить силу. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ начали говорить, что я смѣюсь не только надъ недостаткомъ, но даже цѣликомъ и надъ самимъ человѣкомъ, въ которомъ заключенъ недостатокъ, и не только надъ всѣмъ человѣкомъ, но и надъ мѣстомъ, надъ самою должностью, которую онъ занимаетъ (чего я никогда даже не имѣлъ и въ мысляхъ), я увидалъ, что нужно со смѣхомъ быть очень осторожнымъ, — тѣмъ болѣе, что онъ заразителенъ и стоить только тому, кто поостроумнѣй, посмѣяться надъ одной стороной дѣла, какъ уже, вослѣдъ за нимъ, тотъ, кто потупѣе и поглупѣй, будетъ смѣяться надъ всѣми сторонами дѣла. Словомъ, я видѣлъ ясно, какъ дважды два четыре, что, прежде, покаместъ не опредѣлю себѣ самому, опредѣлительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мнѣ нельзя приступить; а чтобы опредѣлить себѣ русскую природу, слѣдуетъ узнать получше природу человѣка вообще и душу человѣка вообще: безъ этого не станешь на ту точку возрѣнія, съ которой видятся ясно недостатки и достоинства всякаго народа.

Съ этихъ поръ человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ наблюдений. Я оставилъ на время все современное; я обратилъ вниманіе на знанье тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще. Книги законодателей, душевѣдцевъ и наблюдателей за природой человѣка стали моимъ чтеніемъ. Все, гдѣ только выражалось познанье людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустытника, меня занимало, и на этой дорогѣ, нечувствительно, почти самъ не вѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ Немъ ключъ къ душѣ человѣка, и что еще никто изъ душезнателей не выходилъ на ту высоту познанья душевнаго, на которой стоялъ Онъ. Повѣркой разума повѣрилъ я то, что другіе понимаютъ ясною вѣрой, и чему я вѣрилъ дотогѣ какъ-то темно и неясно. Къ этому привелъ меня и анализъ надъ моею собственной душой: я увидѣлъ тоже математически ясно, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣка нельзя по воображенію: нужно заключить въ себѣ самомъ хотя небольшую крупицу этого, словомъ — нужно сдѣлаться лучшимъ. Это можетъ показаться довольно страннымъ, особенно для тѣхъ, которые получили въ юности совершенно оконченное и полное воспитаніе. Но надобно сказать, что я получилъ въ школѣ воспитанье довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль объ ученіи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ свои занятія. Я наблюдалъ надъ собой, какъ учитель надъ ученикомъ, не въ книжномъ ученіи, но и въ простомъ нравственномъ, глядя на себя самого, какъ на школьника. Я помѣстилъ кое-что изъ этихъ продѣлокъ надъ самимъ собою въ книгѣ моихъ писемъ, вовсе не затѣмъ, чтобы пощеголять чѣмъ-нибудь (да и не знаю, чѣмъ тутъ шеголять), но изъ желанья добра: авось, кому-нибудь принесеть это пользу: я былъ увѣренъ, что много, подобно мнѣ, воспитались въ школѣ плохо и потомъ, подобно мнѣ, спохватились, желая искренно себя поправить. Я часто слышалъ, какъ многіе жаловались, что не могутъ отстать отъ дурныхъ привычекъ, при всемъ желаньи своемъ отстать отъ нихъ. Я и помѣстилъ это, кое-какъ приспособивши къ другому, и помѣстилъ это я не иначе, какъ увидѣвши на опытѣ, что многое изъ этого уже пришло въ

пользу нѣкоторымъ людямъ, которыхъ я зналъ. Въ отвѣтъ же тѣмъ, которые попрекаютъ мнѣ, зачѣмъ я выставилъ свою внутреннюю клятву, могу сказать то, что все-таки я еще не монахъ, а писатель. Я поступилъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ всѣ тѣ писатели, которые говорили, что было на душѣ. Если бы и съ Карамзинимъ случилась эта внутренняя исторія во время его писательства, онъ бы ее также выразилъ. Но Карамзинъ воспитался въ юношесствѣ. Онъ образовался уже, какъ человѣкъ и гражданинъ, прежде чѣмъ выступилъ на поприще писателя. Со мной случилось иначе. Я не считалъ ни для кого соблазнительнымъ открытъ публично, что я стараюсь быть лучшимъ, чѣмъ я есть. Я не нахожу соблазнительнымъ томиться и стогать явно, въ виду всѣхъ, желаньемъ совершенства, если сходить затѣмъ Самъ Сынъ Божій, чтобы сказать намъ всѣмъ: «Будьте совершенны такъ, какъ совершененъ Отецъ вашъ небесный». Что же касается до обвиненій, будто я, изъ желанья похвастаться смиреньемъ, въ книгѣ моей показавъ уничиженье паче гордости, то на это скажу, что ни смиренія, ни уничиженья здѣсь нѣтъ. Пришедшіе къ этому заключенію обманулись сходствомъ признаковъ. Противнымъ дѣйствительно я казался себѣ самому вовсе не отъ смиренья, но потому, что въ мысляхъ моихъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣ представлялся идеалъ прекраснаго человѣка, тотъ благодѣтельный образъ, какимъ долженъ быть на землѣ человѣкъ, и мнѣ становилось всякій разъ послѣ этого противно глядѣть на себя. Это не смиреніе, но скорѣе то чувство, которое бываетъ у завистливаго человѣка, который, увидѣвши въ чужихъ рукахъ вещь лучшую, бросаетъ свою и не хочетъ уже глядѣть на нее. Притомъ мнѣ посчастливилось встрѣтить на вѣку своемъ, и особенно въ послѣднее время, нѣсколько такихъ людей, передъ душевными качествами которыхъ показались мнѣ мелкими мои качества, и всякій разъ я негодовалъ на себя за то, что не имѣю того, что имѣютъ другіе. Тутъ нужно обвинять развѣ завистливую вообще натуру.

Но возвращаюсь къ исторіи. Итакъ, на нѣкоторое время занятіемъ моимъ сталъ не русскій человѣкъ и Россія, но человѣкъ и душа человѣка вообще. Все меня приводило въ это время къ изслѣдованію общихъ законовъ души нашей: мои собственныя душевныя обстоятельства, наконецъ, обстоятельства внѣшнія, надъ которыми мы не властны и которыя всякій разъ обращали меня противовольно вновь къ тому же предмету, какъ только я отъ него отдалялся. Нѣсколько разъ, упрекаемый въ недѣятельности, я принимался за перо, хотѣлъ насильно заставить себя написать хоть что-нибудь вроде небольшой повѣсти или какого-нибудь литературнаго сочиненія, и не могъ произвести ничего. Усилія мои оканчивались почти всегда болѣзнію, страданіями, и, наконецъ, такими припадками, вслѣдствіе которыхъ нужно было надолго отложить всякое занятіе. Что мнѣ было дѣлать? Виновать я развѣ былъ въ томъ, что не въ силахъ былъ повторять то же, что говорилъ или писалъ въ мои юношескіе годы? Какъ будто двѣ весны бываютъ въ возрастѣ человѣческомъ! И если всякъ человѣкъ подверженъ этимъ необходимымъ перемѣнамъ при переходѣ изъ возраста въ возрастъ, почему же одинъ писатель долженъ быть исключенъ? Развѣ писатель также не человѣкъ? Я не совращался съ своего пути. Я шелъ тою же дорогою. Предметъ у меня былъ всегда одинъ и тотъ же: предметъ у меня былъ — жизнь, а не что другое. Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія, и пришелъ къ Тому, Кто есть источникъ жизни. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются безъ вниманья людьми, — и я пришелъ къ Тому, Который одинъ полный вѣдатель души и отъ Кого

одного я могъ только узнать полнѣе душу. Я не успокоился по тѣхъ поръ, покуда не разрѣшились мнѣ нѣкоторые собственные мои вопросы относительно меня самого, и только тогда, когда нашелъ удовлетвореніе въ нѣкоторыхъ главныхъ вопросахъ, могъ приступить вновь къ моему сочиненію, первая часть котораго составляетъ еще понынѣ загадку, потому что заключаетъ въ себѣ нѣкоторую часть переходнаго состоянія моей собственной души, тогда какъ еще не вполне отдѣлилось во мнѣ то, чему слѣдовало отдѣлиться.

Какъ только кончилось во мнѣ это состояніе, и жажда знать человѣка вообще удовлетворилась, во мнѣ родилось желаніе сильное знать Россію. Я сталъ знакомиться съ людьми, отъ которыхъ могъ чему-нибудь поучиться и разузнать, что дѣлается на Руси; старался наиболѣе знакомиться съ такими опытными практическими людьми всѣхъ сословій, которые обращены были лицомъ ко всякимъ продѣлкамъ внутри Россіи. Мнѣ хотѣлось сойтись съ людьми всѣхъ сословій и отъ каждаго что-нибудь узнать. Всякій должностной и чѣмъ-нибудь занятый человѣкъ сталъ въ глазахъ моихъ интересенъ. Прежде всего я хотѣлъ опредѣлить себѣ всякую должность, всякое сословіе, всякое мѣсто и всякое званіе въ государствѣ. Мнѣ казалось это необходимымъ для писателя, который беретъ людей на разныхъ поприщахъ. Не содержа въ собственной головѣ своей весь долгъ и всю обязанность того человѣка, котораго описываешь, не выставишь его, какъ слѣдуетъ, вѣрно и притомъ такъ, чтобы онъ дѣйствительно былъ въ урокъ и въ поученіе живущему. Изъ-за этого я старался завести переписку съ такими людьми, которые могли мнѣ что-нибудь сообщать. Прочихъ я просилъ набрасывать легкіе портреты и характеры, первые, какіе имъ попадутся. Все это было мнѣ нужно не затѣмъ, чтобы въ головѣ моей не было ни характеровъ, ни героевъ: ихъ было у меня уже много; они выработались изъ познанія природы человѣческой гораздо полнѣйшаго, чѣмъ какое было во мнѣ прежде; но свѣдѣнія эти мнѣ, просто, нужны были, какъ нужны этюды съ натуры художнику, который пишетъ большую картину своего собственнаго сочиненія. Онъ не переводитъ этихъ рисунковъ къ себѣ на картину, но развѣшиваетъ ихъ вокругъ по стѣнамъ, затѣмъ, чтобы держать передъ собою неотлучно, чтобы не погрѣшить ни въ чемъ противъ дѣйствительности, противъ времени или эпохи, какая имъ взята. Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я никогда не *писалъ* портрета въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣе выходило созданье. Мнѣ нужно было знать гораздо больше, сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ, потому что стоило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе — и ложь у меня выступала ярче, нежели у кого другого. Этого я никакъ не могъ объяснить никому, а потому и никогда почти не получалъ такихъ писемъ, какихъ я желалъ. Всѣ только удивлялись тому, какъ могъ я требовать такихъ мелочей и пустяковъ, тогда какъ имѣю такое воображеніе, которое можетъ само творить и прозводить. Но воображеніе мое до сихъ поръ не подарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ. Я помѣстилъ въ книгѣ моей: «Переписка съ друзьями» нѣсколько писемъ къ помѣщикамъ и къ разнымъ должностнымъ лицамъ (изъ нихъ большая часть не напечатана) вовсе не

затѣмъ, чтобы со мной безусловно согласились, но чтобы опровергнули меня приведеніемъ анекдотическихъ фактовъ. Возраженія такого рода отъ людей практическихъ и опытныхъ для меня важны тѣмъ, что поставляютъ меня ближе къ дѣлу, раскрывая мнѣ глубже внутренность Россіи. Но вмѣсто дѣлъ, интересныхъ для всякаго русскаго человѣка, и нашихъ русскихъ вопросовъ, занялись моей собственной личностью и исписали цѣлыя листы о томъ, имѣю ли я право мѣшаться въ подобныя дѣла. Я сдѣлалъ въ то же время воззваніе ко всѣмъ читателямъ «Мертвыхъ Душъ», — воззваніе нѣсколько неприличное и не весьма ловкое. Я очень зналъ, что надъ нимъ многіе посмѣются; но я готовъ былъ выдержать всякое осмѣяніе, лишь бы только добиться своего. Я думалъ, что, можетъ, хоть пять, шесть человѣкъ захотятъ исполнить мою просьбу такъ, какъ я желалъ. Я не требовалъ собственно поправокъ на «Мертвыя Души»: мнѣ хотѣлось, подъ этимъ предлогомъ, добыть частныхъ записокъ, воспоминаній о тѣхъ характерахъ и лицахъ, съ которыми случилось кому встрѣтиться на вѣку, изображеній тѣхъ случаевъ, гдѣ пахнетъ Русью. Зная, что у всѣхъ насъ есть какая-то лѣнь на подъемъ, на работу, вслѣдствіе которыхъ почти всякому изъ насъ трудно что-нибудь доставать изъ своей памяти, я думалъ, что чтеніе «Мертвыхъ Душъ» можетъ расшевелить, особенно, если и карандашъ, и бумага будетъ при этомъ подъ рукой. Я выставилъ свой адресъ и просилъ прислать мнѣ въ письмѣ только тѣхъ, которые не захотѣли бы печатать, но вообще я считалъ гораздо полезнѣе сдѣлать ихъ всеобщей извѣстностью. Мнѣ казалось даже необходимымъ и въ нынѣшнее время это распространеніе извѣстій о Россіи посредствомъ живыхъ фактовъ, потому что въ это время, которое недаромъ называютъ переходнымъ, почти у всякаго человѣка, на всѣхъ поприщахъ, замѣтно стремленіе преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противъ всякаго зла. Я думалъ, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нужно намъ обнаружить наружу все, что ни есть внутри Руси, чтобы мы почувствовали, изъ какого множества разнородныхъ началъ состоитъ наша почва, на которой мы всѣ стремимся сѣять, и лучше бы осмотрѣлись прежде, чѣмъ произносить что-либо такъ рѣшительно, какъ нынѣ всѣ произносятъ. Я питалъ тайнѣ надежду, что чтеніе «Мертвыхъ Душъ» наведетъ нѣкоторыхъ на мысль писать свои собственные записки, что многіе почувствуютъ даже нѣкоторое обращеніе на самихъ себя, потому что и въ самомъ авторѣ, въ то время, когда писаны были «Мертвыя Души», произошло нѣкоторое обращеніе на самого себя. Я думалъ, что тотъ, кто уже находится на склонѣ дней своихъ и тревожимъ мыслью, что жизнь его протекла безъ пользы, и онъ сдѣлалъ мало для общаго добра земли своей, чувствуетъ сильнѣе, что онъ вѣрнымъ и живымъ изображеніемъ людей, характеровъ и случаевъ своего времени можетъ познакомить съ Русью людей молодыхъ и начинающихъ дѣйствовать, и такимъ образомъ больше чѣмъ вознаградить прекрасно за свою недѣятельность. Молодой же, тотъ, кто вступаетъ еще на поприще, кто еще ни къ чему не охладѣлъ и потому имѣетъ живость взгляда, кого любопытно занимаетъ все, можетъ изобразить эпоху современную, какъ она представляется молодымъ глазамъ юноши. Словомъ, я думалъ, какъ дитя; я обманулся нѣкоторыми: я думалъ, что въ нѣкоторой части читателей есть какая-то любовь. Я не зналъ еще тогда, что мое имя въ ходу только затѣмъ, чтобы попрекнуть другъ друга и посмѣяться другъ надъ другомъ. Я думалъ, что многіе съвозъ самый смѣхъ слышать мою добрую натуру, которая смѣялась вовсе не изъ злобнаго желанія. Но на мое приглашеніе я не получилъ записокъ; въ журналахъ мнѣ отвѣчали насмѣшками.

Привожу все это затѣмъ, чтобы показать, какъ я употреблялъ всѣ силы держаться на своемъ поприщѣ и придумывалъ всѣ средства, которые могли двинуть мою работу, не имѣя и въ мысляхъ оставлять званіе писателя. Не могу не замѣтить при этомъ случаѣ, что многіе изъявили изумленіе тому, что я такъ желаю извѣстій о Россіи и въ то же время самъ остаюсь внѣ Россіи, не соображая того, что, кромѣ болѣзненнаго состоянія моего здоровья, требовавшаго теплаго климата, мнѣ нужно было это удаленіе отъ Россіи затѣмъ, чтобы пребывать живѣе мыслью въ Россіи. Для тѣхъ, которые не могутъ этого почувствовать, объяснюсь, хотя мнѣ нѣсколько трудно объясняться во всемъ томъ, что составляетъ свойства, собственно мнѣ принадлежащія. Почти у всѣхъ писателей, которые не лишены *творчества*, есть способность, которую я не назову воображеньемъ, — способность представлять предметы отсутствующіе такъ живо, какъ бы они были предъ нашими глазами. Способность эта дѣйствуетъ въ насъ только тогда, когда мы отделимся отъ предметовъ, которые описываемъ. Вотъ почему поэты болѣею частію избирали эпоху, отъ насъ отдалившуюся, и погружались въ прошедшее. Прошедшее, отрывая насъ отъ всего, что ни есть вокругъ насъ, приводитъ душу въ то тихое, спокойное настроеніе, которое необходимо для труда. У меня не было влеченья къ прошедшему. Предметъ мой была современность и жизнь въ ея нынѣшнемъ быту, можетъ-быть, оттого, что умъ мой былъ всегда наклоненъ къ существенности и къ пользѣ, болѣе осязательной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось во мнѣ желаніе быть писателемъ современнымъ. Но я видѣлъ въ то же время, что, изображая современность, нельзя находиться въ томъ высоко настроенномъ и спокойномъ состояніи, какое необходимо для произведенія большого и стройнаго труда. Настоящее слишкомъ живо, слишкомъ шевелить, слишкомъ раздражаетъ; перо писателя нечувствительно и незамѣтно переходитъ въ сатиру. Притомъ, находясь самъ въ ряду другихъ и болѣе или менѣе дѣйствуя съ ними, видишь передъ собою только тѣхъ людей, которые стоятъ близко отъ тебя: всей толпы и массы не видишь, оглянуть всего не можешь. Я сталъ думать о томъ, какъ бы выбраться изъ ряду другихъ и стать на такое мѣсто, откуда бы я могъ увидеть всю массу, а не людей только, возлѣ меня стоящихъ, — какъ бы, отдалившись отъ настоящаго, обратить его нѣкоторымъ образомъ для себя въ прошедшее. Мое разстроившееся здоровье и вмѣстѣ съ нимъ маленькія неприятности, которыя я бы теперь перенесъ легко, но которыхъ тогда не умѣлъ еще переносить, заставили меня подняться въ чужіе края. Я никогда не имѣлъ влеченья и страсти къ чужимъ краямъ. Я не имѣлъ также того безотчетнаго любопытства, которымъ бываетъ снѣдаемъ юноша, жадный впечатлѣній. Но, странное дѣло! даже въ дѣтствѣ, даже во время школьнаго ученія, даже въ то время, когда я помышлялъ только объ одной службѣ, а не о писательствѣ, мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованье и что, именно для службы моей отчизнѣ, я долженъ буду воспитаться гдѣ-то вдали отъ нея. Я не зналъ, ни какъ это будетъ, ни почему это нужно; я даже не задумывался объ этомъ, но видѣлъ самого себя такъ живо, въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по своей отчизнѣ, картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть. Можетъ-быть, это было, просто, то непонятное поэтическое влеченіе, которое тревожило иногда и Пушкина, ѣхать въ чужіе края единственно затѣмъ, чтобы, по выраженью его,

Подъ небомъ Африки моею
Вздыхать о сумрачной Россіи.

Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченіе было такъ сильно, что не прошло пяти мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проектъ и цѣль моего путешествія были очень неясны. Я зналъ только то, что ѣду вовсе не затѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорѣй, чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи только внѣ Россіи, и добуду любовь къ ней вдали отъ нея. Едва только я очутился въ морѣ, на чужомъ кораблѣ, среди чужихъ людей (пароходъ былъ англійскій, и на немъ ни души русской), мнѣ стало грустно; мнѣ сдѣлалось такъ жалко друзей и товарищей моего дѣтства, которыхъ я оставилъ и которыхъ я всегда любилъ, что прежде, чѣмъ вступить на твердую землю, я уже подумалъ о возвратѣ. Три дня только я пробылъ въ чужихъ краяхъ и, несмотря на то, что новость предметовъ начала меня завлекать, я поспѣшилъ на томъ же самомъ пароходѣ возвратиться, боясь, что иначе мнѣ не удастся возвратиться. Съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово не питать и мысли о чужихъ краяхъ — и точно, во все время пребывания моего въ Петербургъ, въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ, не приходили мнѣ никогда на мысли чужіе края, покажѣсть обстоятельства моего здоровья, нѣкоторыя огорченія и, наконецъ, потребность большаго уединенія не заставили меня оставить Россію.

Два раза я возвращался потомъ въ Россію, одинъ разъ даже съ тѣмъ, чтобы въ ней остаться навсегда. Я думалъ, что теперь особенно, получивши такую страсть узнавать все, я въ силахъ буду узнать многое. Но, странное дѣло! среди Россіи я почти не увидалъ Россіи. Всѣ люди, съ которыми я встрѣчался, большею частію любили поговорить о томъ, что дѣлается въ Европѣ, а не въ Россіи. Я узнавалъ только то, что дѣлается въ англійскомъ клубѣ, да кое-что изъ того, что я и самъ уже зналъ. Извѣстно, что всякій изъ насъ окруженъ своимъ кругомъ близкихъ знакомыхъ, изъ-за котораго трудно ему увидать людей постороннихъ; во-первыхъ, уже потому, что съ близкими обязанъ быть чаще, а во-вторыхъ, потому, что кругъ друзей такъ уже самъ по себѣ приятенъ, что нужно имѣть слишкомъ много самоотверженія, чтобы изъ него вырваться. Всѣ, съ которыми мнѣ случилось познакомиться, надѣляли меня уже готовыми выводами, заключеніями, а не просто фактами, которыхъ я искалъ. Я замѣтилъ вообще нѣкоторую перемену въ мысляхъ и умахъ. Всякъ глядѣлъ на вещи взглядомъ болѣе философическимъ, чѣмъ когда-либо прежде, во всякой вещи хотѣлъ увидать ея глубокой смыслъ и сильнѣйшее значеніе: движеніе, вообще показывающее большой шагъ общества впередъ. Но съ другой стороны, отъ этого произошла торопливость дѣлать выводы и заключенія изъ двухъ-трехъ фактовъ о всемъ цѣломъ и безпрестанная позабывчивость того, что не всѣ вещи и не всѣ стороны соображены и взвѣшены. Я замѣтилъ, что почти у всякаго образовывалась въ головѣ своя собственная Россія, и оттого безконечные споры. Мнѣ нужно было не того: мнѣ нужно было, просто, такихъ бесѣдъ, какъ бывали въ старину, когда всякъ рассказывалъ только то, что видѣлъ, слышалъ на своемъ вѣку, и разговоръ казался собраньемъ анекдотовъ, а не разсужденіемъ. Это мнѣ нужно было уже и потому, что я и самъ начиналъ невольно заражаться этой торопливостью заключать и выводить, всеобщимъ повѣтріемъ нынѣшняго времени.

Провинціи наши меня еще болѣе изумили. Тамъ даже имя *Россія* не раздается на устахъ. Раздавалось, какъ мнѣ показалось, на устахъ только то, что было прочитано въ новѣйшихъ романахъ, переведенныхъ съ

французскаго. Словомъ, — во все пребыванье мое въ Россіи, Россія у меня въ головѣ разсѣивалась и разлеталась. Я не могъ никакъ ее собрать въ одно цѣлое; духъ мой упадалъ, и самое желанье знать ее ослабѣвало. Но какъ только я выгѣзжалъ изъ нея, она совокуплялась вновь въ моихъ мысляхъ цѣлой, желанье знать ее пробуждалось во мнѣ вновь, и охота знакомиться со всякимъ свѣжимъ человѣкомъ, недавно выгѣхавшимъ изъ Россіи, становилась вновь сильна. Во мнѣ рождалось даже умѣнье выспрашивать, и часто въ одинъ часъ разговора я узнавалъ то, чего не могъ, живя въ Россіи, узнать въ продолженіе недѣли. Всякій знаетъ, что за границей знакомства дѣлаются гораздо легче, что на водахъ въ Германіи и на зимовьяхъ въ Италіи сходятся люди, которые, можетъ-быть, не столкнулись бы никогда внутри земли своей и оставались бы вѣкъ незнакомыми. Вотъ что заставило меня предпочесть пребыванье внѣ Россіи, даже и въ отношеніи къ тому, чтобы побольше слышать о Россіи. Я очень долго думалъ о томъ, какимъ бы образомъ узнать многое, дѣлающееся въ Россіи, живя въ Россіи. Разгѣздами по государству не много возьмешь: останутся въ головѣ только станціи да трактиры. Знакомства въ городахъ и деревняхъ тоже довольно трудны для разгѣзжающаго не по казенной надобности: могутъ принять за какого-нибудь шпіона, и приобрѣтешь развѣ только сюжетъ для комедіи, которой имя *безтолковщина*. Если жъ узнаютъ, что разгѣзжающій есть и писатель вмѣстѣ, тогда положенье еще смѣшнѣе: половина читающей Россіи увѣрена сурезно, что я живу единственно для осмѣянья всего, что ни есть въ человѣкѣ, отъ головы до ногъ. А между тѣмъ, никогда еще до сихъ поръ не чувствовалъ я такъ сильно потребности знать современное состояніе нынѣшняго русскаго человѣка, — тѣмъ болѣе, что теперь такъ разошлись всѣ въ образахъ мыслей, такъ вихорь недоразумѣній обуюлъ всѣхъ, что никто не въ силахъ судить вѣрно другъ друга, и нужно какъ бы шупать собственною рукою всякую вещь, не довѣряя никому. Я не могъ быть безъ этихъ свѣдѣній. Нынѣ избранные характеры и лица моего сочиненія крупнѣй прежнихъ. Чѣмъ выше достоинство взятаго лица, тѣмъ ошутительнѣй, тѣмъ осязательнѣй нужно выставить его передъ читателемъ. Для этого нужны всѣ тѣ безчисленные мелочи и подробности, которыя говорить, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ; иначе оно станетъ идеальнымъ, будетъ блѣдно и, сколько ни навяжи ему добродѣтелей, будетъ все ничтожно. Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствительно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самаго тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и его собственное тѣло. Тогда только сливается онъ самъ съ своимъ героемъ и нечувствительно принимаетъ отъ него тѣ внушенія, которыхъ никакимъ разсужденіемъ и никакою проповѣдью не внушишь. Это полное воплощенье въ плоть, это полное округленье характера совершалось у меня только тогда, когда я беру въ умъ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрязгъ жизни, когда, держа въ головѣ всѣ крупныя черты характера, собираю въ то же время вокругъ его все тряпье до малѣйшей булавки, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка, словомъ — когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, то-есть способный больше выводить, чѣмъ выдумывать. Мнѣ всегда нужно было выслушать слишкомъ много людей, чтобы образовалось во мнѣ собственное мое мнѣніе, и тогда только мое мнѣніе находили здравымъ и умнымъ. Когда же я не всѣхъ выслушаю и потороплюсь выводомъ, оно выходило только рѣзко и необыкновенно. Даже въ нынѣшней моей книгѣ: «Переписка съ друзьями», въ которой многое походитъ на одни

предположенія, собственно предположеній нѣтъ. Въ ней все выводы; но дѣло въ томъ, что одни выводы взяты изъ всѣхъ сторонъ дѣла и потому всѣмъ ясны, другіе изъ нѣкоторыхъ, не всѣмъ извѣстныхъ, и потому темны, а для многихъ кажутся даже и вовсе нелѣпницей. Вотъ отчего въ рѣдкомъ моемъ сочиненіи не встрѣчается рядомъ и зрѣлость, и не зрѣлость, и мужъ, и ребенокъ, и учитель, и ученикъ.

Итакъ, всего того, что мнѣ нужно, я не могъ достать. А не доставши его, мудрено ли, что я не могъ работать? Какъ воевать съ собою, если сдѣлался требователемъ къ самому себѣ? Какъ полетѣть воображеньемъ, — если бы оно и было, — если разсудокъ на всякомъ шагу задаетъ вопросъ: «зачѣмъ?» Зачѣмъ случились многія такія обстоятельства, которыхъ я не призывалъ? Зачѣмъ мнѣ опредѣлено было не иначе приобрести познанье души человѣка, какъ произведя строгій анализъ надъ собственной душою? Зачѣмъ желаньемъ изобразить русскаго человѣка я возгорѣлся не прежде, какъ узнавши получше общіе законы дѣйствій человѣческихъ, а узналъ ихъ не прежде, какъ пришедши къ Тому, Кто одинъ вѣдатель и дѣйствій человѣческихъ, и всѣхъ малѣйшихъ нашихъ душевныхъ тайнъ?.. Зачѣмъ жажда знать душу человѣка такъ томила меня? Зачѣмъ, наконецъ, были такія обстоятельства, о которыхъ я не могу даже сказать, но которыя заставляли меня, противъ воли моей собственной, входить глубже въ душу человѣка? Зачѣмъ вѣнцомъ всѣхъ эстетическихъ наслажденій во мнѣ осталось свойство восхищаться красотой души человѣка вездѣ, гдѣ бы я ее ни встрѣтилъ? Зачѣмъ жажда знать душу человѣка такъ томила меня постоянно отъ дней моей юности? Опредѣлите мнѣ прежде, зачѣмъ все это произошло, и тогда спрашивайте: зачѣмъ я не могу писать того, что писалъ? Я старался дѣйствовать наперекоръ обстоятельствамъ и этому порядку, не отъ меня начертанному. Я пробовалъ нѣсколько разъ писать попрежнему, какъ писалось въ молодости, то-есть, какъ попало, куда ни поведетъ перо мое, — но ничто не лилось на бумагу. Обрадовавшись тому, что расписался кое-какъ въ письмахъ къ моимъ знакомымъ и друзьямъ, я захотѣлъ тотчасъ же изъ этого сдѣлать употребленье, и едва только оправился отъ тяжелой болѣзни моей, какъ составилъ изъ нихъ книгу, постаравшись дать ей кое-какой порядокъ и послѣдовательность, чтобы она походила на дѣльную книгу, не размысливши того, что многое обращенное къ нѣкоторымъ обществу приметъ на свой счетъ, особенно послѣ завѣщанья, обращеннаго къ лицу всѣхъ соотечественниковъ. Я боялся самъ разсматривать ея недостатки, а почти закрылъ глаза на нее, зная, что если разсмотрю я построже мою книгу, можетъ, она будетъ такъ же уничтожена, какъ я уничтожалъ «Мертвыя Души» и какъ уничтожалъ все, что ни писалъ въ послѣднее время. Я думалъ, что этой книгой я хоть сколько-нибудь заплачу за долгое мое молчаніе, введу и объясню мое трудное положеніе, почему я не могъ писать въ это время, обращаю вниманіе на практическое и на дѣло жизни. Я думалъ вслѣдъ ея заговорить о томъ, что раскроетъ предо мною побольше Русь, освѣжить, оживить меня и заставить меня взяться за перо. Не тутъ-то было: все обрушилось на меня упреками. Я услышалъ только толки о томъ, что не рѣшается толками. Руки мои опустились. Порывъ, который, мнѣ показалось, началъ было во мнѣ пробуждаться, погасъ, и я нечувствительно самъ собой пришелъ теперь къ тому вопросу, который я до сихъ поръ и не думалъ еще задавать въ себѣ: долженъ ли я въ самомъ дѣлѣ писать? долженъ ли я оставаться на этомъ поприщѣ, отъ котораго въ послѣднее время такъ явно меня все отвлекало? Положимъ, если бы даже я въ силахъ былъ какъ-нибудь побѣдить себя, перо мое получило бы

бѣглость, и страницы полились непринужденно одна за другою — таково ли душевное состоянiе мое, чтобы сочиненiя мои были дѣйствительно въ это время полезны и нужны нынѣшнему обществу? Бросимъ взглядъ на нынѣшнее состоянiе общества: благоприятно ли нынѣшнее время для писателя вообще и, вслѣдъ за тѣмъ, для такого писателя, какъ я?

Всѣ болѣе или менѣе согласились называть нынѣшнее время переходнымъ. Всѣ, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, нынѣ чувствуютъ, что мiръ въ дорогѣ, а не у пристани, даже и не на ночлегѣ, не на временной станціи, или отдыхѣ. Все чего-то ищетъ, ищетъ уже не внѣ, а внутри себя. Вопросы нравственные взяты перевѣсъ и надъ политическими, и надъ учеными, и надъ всякими другими вопросами. И мечъ, и громъ пушекъ не въ силахъ занимать мiръ. Вездѣ обнаруживается болѣе или менѣе мысль о внутреннемъ строеніи: все ждетъ какого-то болѣе стройнѣйшаго порядка. Мысль о строеніи, какъ себя, такъ и другихъ, дѣлается общою. Со всѣми замѣчательными, стоящими впереди другихъ людьми случились какіе-нибудь душевные внутренніе перевороты, съ иными даже въ такіе годы, въ какіе никогда невозможны были доселѣ перемѣны въ челоуѣкѣ и улучшенiя. Всякъ болѣе или менѣе чувствуетъ, что онъ не находится въ томъ именно состоянiи своемъ, въ какомъ долженъ быть, хотя и не знаетъ, въ чемъ именно должно состоять это желанное состоянiе. Но это желанное состоянiе ищется всѣми; уши всѣхъ чутко обращены въ ту сторону, гдѣ думаютъ услышать хоть что-нибудь о вопросахъ, всѣхъ занимающихъ. Никто не хочетъ читать другой книги, кромѣ той, гдѣ можетъ содержаться хотя намекъ на эти вопросы. Надобны ли въ это время сочиненiя такого писателя, который одаренъ способностью творить, создавать живые образы людей и представлять ярко жизнь въ томъ видѣ, какъ она представляется ему самому, мучимому жаждой знать ее? Опредѣлимъ себѣ прежде, что такое тотъ писатель, котораго главный талантъ состоитъ въ творчествѣ.

Всѣ болѣе и менѣе согласны въ томъ, что писатель-творецъ творить творенье свое въ поученье людей. Требования отъ него слишкомъ велики — и справедливо: для того, чтобы передавать одну вѣрную копию съ того, что видишь передъ глазами, есть также другіе писатели, одаренные иногда въ высшей степени способностью живописать, но лишены способности *творить*. Но кто создаетъ, кто трудится надъ этимъ долго, кому приходится дорого его создание, тотъ долженъ уже потрудиться не даромъ. Нужно, чтобы въ создании его жизнь сдѣлала какой-нибудь шагъ впередъ, и чтобы онъ, постигнувши современность, ставши въ уровень съ вѣкомъ, умѣлъ обратно воздать ему за наученье себя наученьемъ его. Такъ, по крайней мѣрѣ, опредѣляютъ поэтовъ и вообще писателей, надѣленныхъ творчествомъ, эстетика какъ нынѣшняго времени, такъ и прежнихъ временъ. Возвратить людей въ томъ же видѣ, въ какомъ и взялъ, для писателя-творца даже невозможно: это дѣло сдѣлаетъ лучше его тотъ, кто, владѣя бѣглою кистью, можетъ рисовать всякую минуту все, что проходитъ предъ его глазами, не мучимый и не тревожимый внутри ничѣмъ.

Стало-быть, въ нынѣшнее время, когда всѣ такъ заняты вопросамъ жизни, такой писатель можетъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, быть разрѣшителемъ современныхъ вопросовъ; но когда и въ какомъ случаѣ? Въ такомъ случаѣ и тогда, когда ужъ онъ все разрѣшилъ себѣ, что ни тревожитъ его самого. Если онъ, при всѣхъ великихъ дарахъ, при картинной живописи въ словѣ, при орлиной силѣ взгляда, при возносящей силѣ лиризма и поражающей силѣ сарказма, и приобретаетъ полное познанье земли своей и своего

народа въ корнѣ и въ вѣтвяхъ, воспитается, какъ гражданинъ своей земли и какъ гражданинъ всего человѣчества, и, какъ время, станетъ во всемъ томъ, въ чемъ повелѣно быть крѣпкой скалой человѣку, — тогда онъ выступай на поприще. Владѣя такими средствами, орудіями, станетъ подавать онъ обществу людей, потребныхъ ему въ нынѣшнее время, въ современную эпоху, и одѣнетъ ихъ портретною живостью, которая дѣлаетъ то, что изображенный образъ преслѣдуетъ насъ повсюду такъ, что нельзя и оторваться. Разумѣется, что съ такими средствами ему ничего не будетъ стоить выпнать изъ головъ всѣхъ тѣхъ героевъ, которыхъ напустили туда модные писатели. Заговоры только съ обществомъ, намѣсто самыхъ жаркихъ разсужденій, этими живыми образами, которые, какъ полные хозяева, входятъ въ души людей, — и двери сердець растворятся сами навстрѣчу къ принятію ихъ, если только почувствуютъ, хоть каплю почувствуютъ, что они взяты изъ нашей природы, изъ того же тѣла. Тогда, разумѣется, кто можетъ подѣйствовать нынѣ сильнѣй такого писателя, и кто можетъ быть болѣе его нужнымъ нынѣшнему времени и нынѣшней эпохѣ? Но, если онъ, имѣя, дѣйствительно, нѣкоторыя изъ тѣхъ орудій, самъ еще не воспитался такъ, какъ гражданинъ земли своей и гражданинъ всемирный, если онъ, покорный общему нынѣшнему влеченію всѣхъ, самъ еще строится и создается, тогда ему даже опасно выходить на поприще: его вліяніе можетъ быть скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Это строенье себя самого непремѣнно обнаружится во всемъ, что ни будетъ выходить изъ-подъ пера его. Чѣмъ онъ самъ менѣе похожъ на другихъ людей, чѣмъ онъ необыкновеннѣе, чѣмъ отличнѣе отъ другихъ, чѣмъ своеобразнѣе, тѣмъ болѣе можетъ произвести всеобщихъ заблужденій и недоразумѣній. То, что въ немъ есть не болѣе, какъ естественное явленье, законный ходъ его необыкновеннаго организма, состоянье временное духа, можетъ показаться другимъ людямъ верховною точкою, до которой слѣдуетъ всѣмъ дойти. Чѣмъ болѣе одушевится онъ любовью къ героямъ и лицамъ своимъ, чѣмъ болѣе отдѣлается, чѣмъ съ болѣею живостью выставитъ ихъ, тѣмъ болѣе вреда. Примѣръ тому въ глазахъ нашихъ. Извѣстная французская писательница, болѣе всѣхъ другихъ надѣленная талантами, въ немного лѣтъ произвела сильнѣйшее измѣненье въ нравахъ, чѣмъ всѣ писатели, заботившіеся о развращеніи людей. Она, можетъ-быть, и въ помышленія не имѣла проповѣдывать развратъ, а обнаружила только временное заблужденье свое, отъ котораго потомъ, можетъ-быть, и отказалась, переступивши въ другую эпоху своего состоянія душевнаго; а слово уже брошено. *Слово какъ воробей*, говоритъ наша пословица: *выпустивши его, не схватитиш потомъ*.

Я самъ писатель, не лишенный творчества; я владѣю также нѣкоторыми изъ тѣхъ даровъ, которые способны увлекать. Покорный общему стремленію, которое не отъ насъ, но совершается по волѣ Того..., я помышляю о своемъ собственномъ строеньи, какъ помышляютъ и другіе, и чувствую, что и теперь нахожусь далеко отъ того, къ чему стремлюсь, а потому не долженъ выступать. Самая вышедшая книга: «Переписка съ друзьями» служить тому доказательствомъ. Если и эта книга, которая не болѣе, какъ разсужденіе, говорятъ, неопредѣлительностью своею производитъ заблужденія, распространяетъ даже ложныя мысли, если и изъ этихъ писемъ, говорятъ, остаются въ головѣ, какъ живыя картины, цѣликомъ фразы и страницы, — что же бы было, если бы я выступилъ съ живыми образами повѣствовательнаго сочиненія намѣсто этихъ писемъ? Я самъ слышу, что я тутъ гораздо сильнѣй, чѣмъ въ разсужденіяхъ. Теперь еще можетъ меня оспаривать критика, а

тогда врядь ли бы въ силахъ былъ меня кто опровергнуть. Образы мои были соблазнительны и такъ застряли бы крѣпко въ головы, что критикамъ бы вхъ оттуда не вытащить. Не нужно упускать того изъ виду, что всѣ выставленные лица и характеры должны были доказать истину моихъ собственныхъ убѣжденій, а мои убѣжденія... Какъ сравню эту книгу съ уничтоженными мною «Мертвыми Душами», не могу не возблагодарить за насланное мнѣ внушеніе ихъ уничтожить. Въ книгѣ моихъ писемъ я все-таки стою на высшей точкѣ, нежели въ уничтоженныхъ «Мертвыхъ Душахъ». Темнота выраженія во многихъ мѣстахъ сбиваетъ только читателя, но если бы пояснѣе выразилъ ту же самую мысль, со мною бы многіе перестали спорить. Въ уничтоженныхъ «Мертвыхъ Душахъ» гораздо больше выразалось моего переходнаго состоянія, гораздо меньшая опредѣлительность въ главныхъ основаніяхъ и мысль двигательнѣй, а уже много увлекательности въ частяхъ, и герои были соблазнительны. Словомъ — какъ честный человѣкъ, я долженъ бы оставить перо, даже и тогда, если бы дѣйствительно почувствовалъ позывъ къ нему. На это дѣло слѣдуетъ взглянуть благоразумно. Всѣ тѣ, которые легкомысленно требуютъ отъ меня продолженія писать и въ то же время бранять мою нынѣшнюю книгу, должны, по крайней мѣрѣ, рассмотреть поближе все это дѣло и не пропустить всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ не пропускаетъ никакой судья, если только произносить надъ кѣмъ-либо судъ свой. Мнѣ кажется, что теперь не только тотъ, кто пишетъ, но всякій умъ вообще, если только наклоненъ къ тому, чтобы дѣлать выводы и заключенія, а самъ въ то же время еще..., долженъ удержаться отъ дѣятельности. Изъ людей умныхъ должны выстунать на поприще только тѣ, которые кончили свое воспитаніе и создались, какъ граждане земли своей, а изъ писателей только такіе, которые, любя Россію такъ же пламенно, какъ тотъ, который далъ себѣ названіе Луганскаго козака, умѣютъ по слѣдамъ его живописать природу, какъ она есть, не скрывая ни дурного, ни хорошаго въ русскомъ и руководствуясь единственно желаніемъ ввести всѣхъ въ дѣйствительное положеніе русскаго человѣка.

Мнѣ, вѣрно, потяжелѣй, чѣмъ кому-либо другому, отказаться отъ писательства, когда это составляло единственный предметъ всѣхъ моихъ помысленій, когда я все прочее оставилъ, всѣ лучшія приманки жизни и, какъ монахъ, разорвалъ связи со всѣмъ тѣмъ, что мило человѣку на землѣ, затѣмъ, чтобы ни о чемъ другомъ не помышлять, кромѣ труда своего. Мнѣ не легко отказаться отъ писательства: однѣ изъ лучшихъ минутъ въ жизни моей были тѣ, когда я, наконецъ, всталъ на бумагу то, что выносилось долго-временно въ моихъ мысляхъ; когда я и до сихъ поръ увѣренъ, что едва ли есть высшее изъ наслажденій, какъ наслажденіе *творить*. Но, повторю вновь, какъ честный человѣкъ, я долженъ положить перо даже и тогда, если бы чувствовалъ позывъ къ нему.

Не знаю, достало ли бы у меня честности это сдѣлать, если бы не отнялась у меня способность писать; потому что, скажу откровенно, жизнь потеряла бы для меня тогда вдругъ всю цѣну, и не писать для меня совершенно значило бы то же, что не жить. Но нѣтъ лишеній, послѣдъ которыхъ намъ не посылается замѣна, въ свидѣтельство того, что ни на малое время не оставляетъ человѣка Создатель. Сердце ни на минуту не остается пусто и не можетъ быть безъ какого-нибудь желанія. Какъ земля, на время освобожденная отъ пашни, износить другія травы, покуда вновь не обратится подъ пашню, оплодотворенная и удобренная ими, такъ и во мнѣ, какъ только способность писать меня оставила, мысли какъ бы сами вновь возвратились

къ тому, о чемъ я помышлялъ въ самомъ дѣтствѣ. Мнѣ захотѣлось служить, въ какой бы ни было, хотя на самой мелкой и незамѣтной должности, но служить землѣ своей, такъ служить, какъ я хотѣлъ нѣкогда, и даже гораздо лучше, нежели и нѣкогда хотѣлъ. Мысль о службѣ меня никогда не оставляла. Я примирился и съ писательствомъ своимъ только тогда, когда почувствовалъ, что на этомъ поприщѣ могу также служить землѣ своей. Но и тогда, однакоже, я помышлялъ, какъ только кончу большое сочиненіе, вступить, по примѣру другихъ, въ службу и взять мѣсто. Планы мои и виды были только горды и заносчивы. Мнѣ казалось, что если только доказать, что я, точно, знаю русскаго человѣка въ корнѣ и въ существенныхъ его началахъ, какъ въ тѣхъ, которыя обнаружены всѣмъ, такъ равно и въ тѣхъ, которыя въ немъ покуда скрыты и видны не для всѣхъ, что знаю душу человѣка не по книгамъ и разсказамъ, но по опыту, влекомый отъ младенчества желаньемъ знать человѣка, то мнѣ дадутъ такое мѣсто, гдѣ я буду въ соприкосновеніи съ людьми разныхъ сословій, съ многими людьми въ соприкосновеніи личномъ, а не посредствомъ бумагъ и канцелярій, — гдѣ я могу употребить съ дѣйствительною пользою мое знанье человѣка, и гдѣ могу быть полезнымъ многимъ людямъ, а для себя самого приобрести еще большее познаніе человѣка. Мнѣ казалось, что больше всего страждетъ все на Руси отъ взаимныхъ недоразумѣній, и что больше намъ нуженъ всякій такой человѣкъ, который бы, при нѣкоторомъ познаньи души и сердца и при нѣкоторомъ знаньи вообще, проникнуть былъ желаніемъ истиннымъ мирить. Я видѣлъ и уже испыталъ, какъ личнымъ переговоромъ и объясненіемъ прекращать можно было много такихъ дѣлъ, которыя никогда не оканчиваются на бумагѣ. Я думалъ, что хоть теперь и нѣтъ такихъ мѣстъ, но что я получу послѣ того, какъ выйдетъ вполне мое сочиненіе, и приготавливалъ уже въ мысляхъ и самый проектъ, въ которомъ намѣревался изъяснить, какъ, вслѣдствіе тѣхъ способностей, какія у меня есть, я могу быть нуженъ и полезенъ Россіи. Замыслы мои были горды, но такъ какъ они были основаны только на успѣхѣ моего сочиненія, то и упали вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оставила меня способность производить созданья поэтическія. Теперь въ глазахъ моихъ всѣ должности равны, всѣ мѣста равно значительны, отъ малаго до великаго, если только на нихъ взглянешь значительно, и мнѣ кажется, что если только хотя сколько-нибудь умѣешь цѣнить человѣка и понимать его достоинство, которое въ немъ бываетъ даже и среди множества недостатковъ, и если только при этомъ хоть сколько-нибудь имѣешь истинно-христіанской любви къ человѣку и, въ заключеніе, проникнуть точно любовью къ Россіи, — то, мнѣ кажется, на всякомъ мѣстѣ можно сдѣлать много добра. Сила вліянія нравственнаго выше всякихъ силъ. Мѣсто и должность сдѣлались для меня, какъ для плывущаго по морю пристань и твердая земля. Я убѣжденъ, что теперь всякому, кто пламенѣетъ желаніемъ добра, кто русскій, и кому дорога честь земли Русской, должно.... также брать многія мѣста и должности въ государствѣ, съ такой же ревностью, какъ становился нѣкогда изъ насъ всякъ въ ряды противу непріятелей спасать родную землю, потому что неправда велика и много опозорила. Съ другой стороны, я убѣжденъ, что мѣсто и должность нужны для самого себя, для..... Какъ ни бурно нынѣшнее время, какъ ни мятутся и ни волнуются вокругъ умы, какъ ни возмущаетъ тебя собственный умъ твой, но можно остаться среди всего этого въ тишинѣ, если съ тѣмъ именно возьмешь свое мѣсто, чтобы на немъ исполнить долгъ такимъ образомъ, чтобы не стыдно было дать, и за который дашь отвѣтъ Небу. Какъ бы то ни было, но жизнь для насъ уже не

загадка. Она была тогда загадка, когда умнѣйшіе изъ людей, отъ мыслителей до поэтовъ, надъ ней задумывались и приходили только къ сознанью, что не знаютъ, что такое жизнь. Но когда Одинъ, всѣхъ наумнѣйшій, сказалъ твердо, не колеблясь никакимъ сомнѣніемъ, что Онъ знаетъ, что такое жизнь; когда этотъ Одинъ признанъ всѣми за величайшаго человѣка изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ, даже и тѣми, которые не признаютъ въ Немъ Его божественности, тогда слѣдуетъ повѣрить Ему на слово, даже и въ такомъ случаѣ, если бы Онъ былъ просто человѣкъ. Стало-быть, вопросъ рѣшенъ: что такое жизнь?

Этого мало. Намъ данъ полнѣйшій законъ всѣхъ дѣйствій нашихъ, — тотъ законъ, котораго не можетъ стѣснить или остановить никакая власть, который можно внести даже въ тюремныя стѣны, но котораго, однакожъ, нельзя исполнять на воздухѣ: нужно для того стоять хоть на какомъ-нибудь земномъ грунтѣ. Находясь въ должности и на мѣстѣ, все-таки идешь по дорогѣ; не имѣя опредѣленнаго мѣста и должности, идешь черезъ кусты и овраги, какъ попало, хотя и та же цѣль. По дорогѣ идти легче, нежели безъ дороги. Если взглянешь на мѣсто и должность, какъ на средство къ достиженью не цѣли земной, но цѣли небесной, во спасенье своей души, — увидишь, что законъ, данный Христомъ, данъ какъ бы для тебя самого, какъ бы устремленъ лично къ тебѣ самому, затѣмъ, чтобы ясно показать тебѣ, какъ быть на своемъ мѣстѣ во взятой тобою должности. Христіанину сказано ясно, какъ ему быть съ высшими, такъ что если хотя немного онъ изъ того исполнитъ, всѣ высшіе его полюбятъ. Христіанину сказано ясно, какъ ему быть съ тѣми, которые его пониже, такъ что если хотя отчасти онъ это исполнитъ, всѣ низшіе ему предадутся всею душой своей. Всю эту всемирность челоуѣколюбиваго закона Христова, все это отношеніе челоуѣка къ челоуѣчеству можетъ изъ насъ перенести всякъ на свое небольшое поприще. Стоить только всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми происходятъ у насъ частыя непріятности наищекотливѣйшія, обратить именно въ тѣхъ самыхъ ближнихъ и братьевъ, которыхъ повелѣваетъ больше всего прощать и любить Христосъ. Стоить только не смотрѣть на то, какъ другіе съ тобою поступаютъ, а смотрѣть на то, какъ самъ поступаешь съ другими. Стоить только не смотрѣть на то, какъ тебя любятъ другіе, а смотрѣть только на то, любишь ли самъ ихъ. Стоить только, не оскорблять ничѣмъ, подавать первому руку на примиренье. Стоить поступать такъ въ продолженіе небольшого времени, и увидишь, что и тебѣ легче съ другими, и другимъ легче съ тобою, и въ силахъ будешь точно произвести много полезныхъ дѣлъ почти на незамѣтномъ мѣстѣ. Труднѣй всего на свѣтѣ тому, кто не прикрѣпилъ себя къ мѣсту, не опредѣлилъ себѣ, въ чемъ его должность: ему труднѣй всего примѣнить къ себѣ законъ Христовъ, который на то, чтобы исполняться на землѣ, а не на воздухѣ; а потому и жизнь должна быть для него вѣчной загадкой. Предъ нимъ узникъ въ тюрьмѣ имѣетъ преимущество: онъ знаетъ, что онъ узникъ, а потому и знаетъ, что братъ изъ закона. Предъ нимъ нищій имѣетъ преимущество: онъ тоже при должности, онъ нищій, а потому и знаетъ, что братъ изъ закона Христова. Но челоуѣкъ, не знающій, въ чемъ его должность, гдѣ его мѣсто, не опредѣлившій себѣ ничего и не остановившійся ни на чемъ, пребываетъ ни въ мірѣ, ни въ міра, не узнаетъ, кто ближній его, кто братья, кого нужно любить, кому прощать (весь міръ не полюбишь, если не начнешь прежде любить тѣхъ, которые стоятъ поближе къ тебѣ и имѣютъ случай огорчать тебя): онъ ближе всѣхъ къ холодной черствости душевной.

Итакъ, послѣ долгихъ лѣтъ и трудовъ, и опытовъ, и размышлений, идя видимо впередъ, я пришелъ къ тому, о чемъ уже помышлялъ во время моего дѣтства: что назначенье человѣка — служить, и вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято мѣсто въ земномъ государствѣ затѣмъ, чтобы служить на немъ Государю Небесному, и потому имѣть въ виду Его законъ. Только такъ служа, можно угодить всѣмъ: государю, и народу, и землѣ своей.

Увѣрившись въ этомъ, я уже готовъ былъ жадно взять всякую должность, хотя, соображаясь съ своими способностями, старался выбрать такую, которая продолжала бы практически знакомить съ русскимъ человѣкомъ, чтобы, если возвратится мнѣ способность писать, набрались у меня матеріалы. Одною изъ главныхъ причинъ моего путешествія къ Святымъ Мѣстамъ было желанье искреннее помолиться и испросить благословеній на честное исполненіе должности, на вступленіе въ жизнь у Самого Того, Кто открылъ намъ тайну жизни, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда проходили стопы Его; поблагодарить за все, что ни случилось въ моей жизни; испросить дѣятельности и напутственнаго освѣженія на дѣло, для котораго я себя воспитывалъ и къ которому приготавливалъ себя. Тутъ я не нахожу ничего страннаго, если и ученикъ, по окончаніи своего ученія, спѣшитъ сказать благодарственное слово учителю. Если сынъ спѣшитъ на могилу отца передъ тѣмъ, какъ предстоитъ ему поприще, почему же и мнѣ не поклониться той могилѣ, которой поклоняются всѣ, на которой всѣ получаютъ себѣ какое-нибудь напутствіе, гдѣ вдохновляются всѣ, даже и не поэты? Странно, можетъ-быть, то, что я объ этомъ сказалъ въ печатной книгѣ; но я въ то время только-что оправился отъ тяжкой болѣзни. Я былъ слабъ; я не думалъ, что я буду въ силахъ совершить это путешествіе. Мнѣ хотѣлось, чтобы помолились обо мнѣ тѣ, которыхъ вся жизнь стала одною молитвой. Я не зналъ, какъ сдѣлать, чтобы голосъ мой достигнулъ въ глубину келій и стѣнъ затворниковъ, въ мысли, что, авось, кто-либо изъ прочитавшихъ донесетъ имъ мое слово. Я просилъ обо мнѣ и другихъ молиться, потому что не зналъ, чья молитва изъ насъ угоднѣй Тому, Кому мы всѣ молимся. Знаю только то, что наипрезрѣннѣйшій изъ насъ можетъ завтра же сдѣлаться лучше всѣхъ насъ, и его молитва будетъ всѣхъ ближе къ Богу. За это не слѣдовало бы меня много осуждать, а выполнить, помня слова: *просишему дай*.

Какъ случилось, что я долженъ обо всемъ входить въ объясненія къ читателемъ, этого я самъ не могу понять. Знаю только то, что никогда, даже съ наискреннѣйшими пріятелями, я не хотѣлъ изъясняться насчетъ сокровеннѣйшихъ моихъ помышлений. Я рѣшился твердо не открывать ничего изъ душевной своей исторіи, выносить всякія заключенія о себѣ, какія бы ни раздавались, въ увѣренности, что, когда выйдетъ второй и третій томъ «Мертвыхъ Душъ», все будетъ объяснено ими, и никто не будетъ дѣлать запроса: что такое самъ авторъ? хотя авторъ и долженъ былъ весь спрятаться за своихъ героевъ. Но, начавши нѣкоторыя объясненія по поводу моихъ сочиненій, я долженъ былъ неминуемо заговорить о себѣ самомъ, потому что сочиненія связаны тѣсно съ дѣломъ моей души. Богъ вѣсть, можетъ-быть, и въ этомъ была также воля Того, безъ воли Котораго ничто не дѣлается на свѣтѣ; можетъ-быть, произошло это именно затѣмъ, чтобы дать мнѣ возможность взглянуть на себя самого. Мнѣ легко было почувствовать нѣкоторую гордость, особенно послѣ того, какъ удалось мнѣ дѣйствительно избавиться отъ многихъ недостатковъ. Эта гордость во мнѣ бы жила безпрестанно, и ея бы мнѣ никто не указалъ. Извѣстно, что достаточно приобрѣсти въ обраче-

ныхъ съ людьми нѣкоторую ровность характера и снисходительность, чтобы заставить ихъ уже не замѣчать въ насъ нашихъ недостатковъ. Но, когда выступишь передъ лицо незнакомыхъ людей, передъ лицо всего свѣта, и разберуть по ниткѣ всякое твое дѣйствіе, всякій поступокъ, и люди всѣхъ возможныхъ убѣжденій, предубѣжденій, образовъ мыслей взглянуть на тебя каждый по-своему, и посыплются со всѣхъ сторонъ упреки впасть и непопадъ, ударять и съ умысломъ, и невзначай по всѣмъ чувствительнымъ струнамъ твоимъ — тутъ поневолѣ взглянешь на себя съ такихъ сторонъ, съ какихъ бы никогда на себя не взглянулъ; станешь въ себѣ отыскивать тѣхъ недостатковъ, которыхъ никогда бы не вздумалъ прежде отыскивать. Это та страшная школа, отъ которой или точно свихнешь съ ума, или поумнѣешь больше, чѣмъ когда-либо. Не безъ стыда и краски въ лицѣ я перечитываю самъ многое въ моей книгѣ, но при всемъ томъ благодарю Бога, давшего мнѣ силы издать ее въ свѣтъ. Мнѣ нужно было имѣть зеркало, въ которое бы я могъ глядѣться и видѣть получше себя, а безъ этой книги врядъ ли бы я имѣлъ это зеркало. Итакъ, замышленная отъ искренняго желанія принести пользу другимъ книга моя принесла прежде всего пользу мнѣ самому.

Но да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ относительно полезности ея другимъ. Точно ли бесполезна моя книга другимъ и особенно обществу въ его нынѣшнемъ, современномъ видѣ? Мнѣ кажется, всѣ судившіе ее взглянули на нее какими-то широкими глазами, какъ-то уже слишкомъ горяча. Нужно было судить о ней похладнокровнѣе. Въмѣсто того, чтобы выступать ратниками за все общество и вызывать меня на судъ передъ всю Россію, нужно было рассмотреть дѣло проще, рассмотреть книгу, что такое она въ своемъ основаніи, а не останавливаться надъ частями и подробностями прежде, чѣмъ объяснилася вполнѣ внутренній смыслъ ея. Отъ этого вышли пустыя придирки къ словамъ и приписанье многому такого смысла, который мнѣ никогда и въ умъ не могъ прійти.

Начать съ того, что я всегда имѣлъ право сказать о томъ, о чемъ говорилъ въ моей книгѣ, если бы только выразился попросте и поприличнѣе. Учить общество въ томъ смыслѣ, какой нѣкоторые мнѣ приписали, я вовсе не думалъ. *Учить* я принималъ въ томъ простомъ значеніи, въ какомъ повелѣваетъ намъ Церковь учить другъ друга и безпрестанно, умѣя съ такой же охотой принимать и отъ другихъ совѣты, съ какой подавать ихъ самому. А я былъ готовъ въ то время принимать и отъ другихъ совѣты. Я не представлялъ себѣ общества школой, наполненной моими учениками, а себя его учителемъ. Я не всходилъ съ моей книгой на кафедру, требуя, чтобы всѣ по ней учились. Я пришелъ къ своимъ братьямъ, соученикамъ, какъ равный имъ соученикъ; принесъ нѣсколько тетрадей, которыя успѣлъ записать со словъ Того же Учителя, у Котораго мы всѣ учимся; принесъ на выборъ, чтобы всякій взялъ, что кому придется. Тутъ были письма, писанныя къ людямъ разныхъ характеровъ, разныхъ склонностей, и притомъ находившихся на разныхъ степеняхъ своего собственнаго душевнаго состоянія, которыя никакъ не могли прійтись равно всѣмъ. Я думалъ, что каждый схватитъ только, что нужно ему, а на другое не обратитъ вниманія. Я не думалъ, что иной, схвативши то, что нужно для другаго, будетъ кричать: «Это мнѣ не нужно!» и сердиться за то. Я никакой новой науки не брался проповѣдать. Какъ ученикъ, кое въ чемъ успѣвшій больше другаго, я хотѣлъ только открыть другимъ, какъ полегче выучивать уроки, которые даются намъ наилучшимъ Учителемъ. Я думалъ, что, по прочтеніи книги, будетъ мнѣ сказано:

«Благодарю тебя, собратъ», а не: «Благодарю тебя, учитель». Если бы не «Завѣщаніе», которое я помѣстилъ довольно неосторожно, въ которомъ намекалъ о поученіи, которое обязанъ дать всякій авторъ поэтическими созданьями своими, никто бы и не вздумалъ мнѣ приписывать этого апостольства, не смотря даже на рѣшительный слогъ и нѣкоторую лирическую торжественность рѣчи. Но въ книгѣ моей отыщеть много себѣ полезнаго всякъ, кто уже глядитъ въ собственную душу свою.

Что же касается до мнѣнья, будто книга моя должна произвести вредъ, съ этимъ не могу согласиться ни въ какомъ случаѣ. Въ книгѣ, несмотря на всѣ ея недостатки, слишкомъ явно выступило желанье добра. Несмотря на многія неопредѣлительныя и темныя мѣста, главное видно въ ней ясно, и послѣ чтенія ея приходишь къ тому же заключенью, что верховная инстанція всего есть Церковь, и разрѣшеніе вопросовъ жизни — въ ней. Стало-быть, во всякомъ случаѣ, послѣ книги моей читатель обратится къ Церкви, а въ Церкви встрѣтитъ и учителей Церкви, которые укажутъ, что слѣдуетъ ему взять изъ моей книги для себя, а можетъ-быть, дадутъ ему, намѣсто моей книги, другія позначительнѣе, полезнѣе, и для которыхъ онъ оставитъ мою книгу, какъ ученикъ бросаетъ склады, когда выучится читать по верхамъ.

Въ заключеніе всего я долженъ замѣтить: сужденья большею частію были слишкомъ ужъ рѣшительны, слишкомъ рѣзки, и всякъ, укорявшій меня въ недостаткѣ смиренья истиннаго, не показалъ смиренья относительно меня самого. Положимъ, я въ гордости своей, основавшись на многихъ достоинствахъ, мнѣ приписанныхъ всѣми, могъ подумать, что я стою выше всѣхъ и имѣю право произносить судъ надъ другимъ. Но, на чемъ основываясь, могъ судить меня рѣшительно тотъ, кто не почувствовалъ, что онъ стоитъ выше меня? Какъ бы то ни было, но, чтобы произнести полный судъ надъ чѣмъ бы то ни было, нужно быть выше того, котораго судишь. Можно дѣлать замчанья по частямъ на то и на другое, можно давать и мнѣнья, и совѣты; но выводитъ, основываясь на этихъ мнѣньяхъ, обо всемъ человѣкѣ, объявлять его рѣшительно помѣшавшимся, сошедшимъ съ ума, называть лжецомъ и обманщикомъ, надѣвшимъ личину набожности, приписывать подлѣя и низкія цѣли — это такого рода обвиненія, которыхъ я бы не въ силахъ былъ взвести даже на отъявленнаго мерзавца, который заклеимъ клеймомъ всеобщаго презрѣнія. Мнѣ кажется, что, прежде чѣмъ произносить такія обвиненія, слѣдовало бы хоть сколько-нибудь содрогнуться душою и подумать о томъ, каково было бы намъ самимъ, если бы такія обвиненія обрушились на насъ публично, въ виду всего свѣта. Не мѣшало бы подумать, прежде чѣмъ произносить такое обвиненіе: «Не ошибаюсь ли я самъ? Вѣдь я тоже человѣкъ. Дѣло здѣсь душевное. Душа человѣка — кладязь, не для всѣхъ доступный, и на видимомъ сходствѣ нѣкоторыхъ признаковъ нельзя основываться. Часто и наискуснѣйшіе врачи принимали одну болѣзнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрѣзывали уже мертвый трущъ». Нѣтъ, въ книгѣ: «Переписка съ друзьями», какъ ни много недостатковъ во всѣхъ отношеніяхъ, но есть также въ ней много того, что не скоро можетъ быть доступно всѣмъ. Нечего утверждаться на томъ, что прочелъ два или три раза книгу: иной и десять разъ прочтеть, и ничего изъ этого не выйдетъ. Для того, чтобы сколько-нибудь почувствовать эту книгу, нужно имѣть или очень простую и добрую душу, или быть слишкомъ многостороннимъ человѣкомъ, который, при умѣ, обнимающемъ со всѣхъ сторонъ, заключалъ бы высокій поэтическій талантъ и душу, умѣющую любить полною и глубокою любовью.

Не могу не признаться, что вся эта путаница и недоразумѣніе были для меня очень тяжелы, тѣмъ болѣе, что я думалъ, что въ книгѣ моей скорѣй зерно примиренья, а не раздора. Душа моя изнемогла бы отъ множества упрековъ: изъ нихъ многіе были такъ страшны, что не дай ихъ Богъ никому получать! Не могу не изъявить также и благодарности тѣмъ, которые могли бы также осыпать меня за многое упреками, но которые, почувствовавъ, что ихъ уже слишкомъ много для немощной природы человѣка, рукой скорбящаго брата приподымали меня, повелѣвая ободриться. Богъ да вознаградитъ ихъ! Я не знаю выше подвига, какъ подать руку изнемогшему духомъ.

ИСКУССТВО ЕСТЬ ПРИМИРЕНИЕ СЪ ЖИЗНЬЮ.

(ПИСЬМО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ).

Неаполь. 1848 января 10
1847 декабря 29

Виновать передъ тобой, душа моя! Всякій день собираюсь писать — и непостижимая *неохота* удерживаетъ. Передо мной опять Неаполь, Везувій и море! Дни бѣгутъ въ занятіяхъ; время летитъ такъ, что не знаешь, откуда взять лишній часъ. Учусь, какъ школьникъ, всему тому, чему пренебрегъ выучиться въ школѣ. Но что рассказывать объ этомъ! Хотѣлось бы поговорить о томъ, о чемъ съ однимъ тобой могу говорить: о нашемъ миломъ *искусствѣ*, для котораго живу и для котораго учусь теперь, какъ школьникъ. Такъ какъ теперь предстоитъ мнѣ путешествіе въ Іерусалимъ, то хочу тебѣ исповѣдаться; кому же, какъ не тебѣ? Вѣдь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грѣхи — здѣсь. Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полдороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ; но я ее вижу какъ теперь, всю, до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подаль мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно-любовень твой взоръ!... Что насъ свело, неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства.

Не мое дѣло рѣшить, въ какой степени я поэтъ; знаю только то, что, прежде чѣмъ понимать значеніе и цѣль искусства, я уже чувствовалъ чутьемъ всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого перваго свиданья нашего оно уже стало *главнымъ* и *первымъ* въ моей жизни, а все прочее *вторымъ*. Мнѣ казалось, что уже не долженъ я связываться никакими другими узами на землѣ, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще я не давалъ себѣ отчета (да и могъ ли тогда его дать?), что должно быть предметомъ моего пера, а уже творческая сила шевелилась и собственныя обстоятельства жизни моей наталкивали на предметы. Все совершалось какъ бы независимо отъ моего собственнаго (свободнаго) произволенія. Никогда, напримеръ, я не думалъ, что мнѣ придется быть сатирическимъ писателемъ и смѣшить моихъ читателей. Правда, что, еще бывши въ школѣ, чувствовалъ я временами расположеніе къ веселости и надоѣдалъ товарищамъ неумѣстными шутками. Но это были временные припадки: вообще же я былъ характера скорѣй меланхолическаго и склоннаго къ размышленію. Впослѣдствіи присоединилась къ этому болѣзнь и хандра. И эти-то самыя болѣзнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась въ моихъ первыхъ произведеніяхъ. Чтобы развлекать самого себя, я выдумывалъ безъ дальнѣйшей цѣли и плана

героевъ, становилъ ихъ въ смѣшныя положенія — вотъ происхожденіе моихъ повѣстей! Страсть наблюдать за человѣкомъ, питаемая мною еще сызмала, придала имъ нѣкоторую естественность; ихъ даже стали называть вѣрными снимками съ натуры. Еще одно обстоятельство: мой смѣхъ вначалѣ былъ добродушенъ, я совсѣмъ не думалъ осмѣивать что-либо съ какой-нибудь цѣлью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышалъ, что обижаются и даже сердятся на меня цѣликомъ сословія и классы общества, что я, наконецъ, задумался. «Если сила смѣха такъ велика, что ея боятся, стало-быть, ее не слѣдуетъ тратить по-пустому». Я рѣшился собрать все дурное, какое только я зналъ, и за однимъ разомъ надъ нимъ посмѣяться — вотъ происхожденіе «Ревизора!» Это было первое мое произведеніе, замышленное съ цѣлью произвести доброе вліяніе на общество, что, впрочемъ, не удалось: въ комедіи стали видѣть желанье осмѣять узаконенный порядокъ вещей и правительственные формы, тогда какъ у меня было намѣреніе осмѣять только самоуправное отступленье нѣкоторыхъ лицъ отъ форменнаго и узаконеннаго порядка. Представленье «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Я былъ сердитъ и на зрителей, меня не понявшихъ, и на себя самого, бывшего виновн тому, что меня не поняли. Мнѣ хотѣлось убѣжать отъ всего. Душа требовала уединенія и обдуманія строжайшаго своего дѣла. Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненія*, въ которомъ бы предстало все, что ни есть и хорошаго, и дурного въ русскомъ человѣкѣ, и обнаружилось бы предъ нами виднѣйшее свойство нашей русской природы. Я видѣлъ и обнималъ пороэнь много частей, но планъ цѣлаго нивакъ не могъ предо мной выясниться и опредѣлиться въ такой силѣ, чтобы я могъ уже приняться и начать писать. На всякомъ шагу я чувствовалъ, что мнѣ многого недостаетъ, что я не умѣю еще ни завязывать, ни развязывать событій и что мнѣ нужно выучиться постройкѣ большихъ твореній у великихъ мастеровъ. Я принялся за нихъ, начиная съ нашего любезнаго Гомера. Уже мнѣ показалось было, что я начинаю кое-что понимать и приобрѣтать даже ихъ приемы и замашки, — а способность творить все не возвращалась. Отъ напряженія болѣла голова. Съ большими усилиями удалось мнѣ кое-какъ выпустить въ свѣтъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», какъ бы затѣмъ, чтобы увидѣть на ней, какъ я былъ еще далеко отъ того, къ чему стремился. Послѣ этого нашло на меня вновь безблагодатное состояніе. Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы — и ничего не выходило. Я думалъ, что уже способность писать просто отнялась отъ меня. И вдругъ болѣзни и тяжкія душевныя состоянія оторвали меня разомъ отъ всего и даже отъ самой мысли объ искусствѣ, обратили къ тому, къ чему прежде, чѣмъ сдѣлался писатель, уже имѣлъ я охоту — къ наблюденію внутреннему надъ человѣкомъ и надъ *душой человеческой*. О, какъ глубже передъ тобой раскрывается это познаніе, когда начнешь дѣло съ собственной своей души! На этомъ-то пути поневогѣ встрѣтишься *ближе* съ Тѣмъ, Который одинъ изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ на землѣ, показалъ въ Себѣ полное познанье души человеческой; божественность Котораго если бы даже и отвергнулъ міръ, то ужъ этого послѣдняго свойства никакъ не въ силахъ отвергнуть, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда сдѣлается уже не *слитъ*, а просто *муть*. Этимъ крутымъ поворотомъ, происшедшимъ не отъ моей воли, наведенъ я былъ заглянуть глубже въ душу вообще и узнать, что существуютъ ея высшія степени и явленія. Съ этихъ поръ способность творить стала пробуждаться; живые образы начинаютъ выходить ясно изъ мглы; чувствую, что работа пойдетъ, что даже и языкъ будетъ правиленъ и звученъ, а слогъ окрѣпнетъ. И, можетъ-быть, будущій уѣздный учитель словесности прочтетъ

ученикамъ своимъ страницу будущей моей прозы непосредственно послѣдъ за твоей, примолвивши: «оба писателя правильно писали, хотя и не похожи другъ на друга». Выпускъ книги «Переписка съ друзьями», съ которою (отъ радости, что расписалось перо) я такъ поспѣшилъ, не подумавши, что прежде, чѣмъ принести какую-нибудь пользу, могу сбить ея съ толку многихъ, пришелся въ пользу мнѣ самому. На этой книгѣ я увидѣлъ, гдѣ и въ чемъ я перешелъ въ то излишество, въ которое, въ эпоху нынѣшняго переходнаго состоянья общества, попадетъ почти всякій идущій впередъ человекъ. Несмотря на пристрастие сужденій объ этой книгѣ и разномысліе ихъ, въ итогъ послышался общій голосъ, указавшій мнѣ мѣсто мое и границы, которыя я, какъ писатель, не долженъ преступать. Въ самомъ дѣлѣ, не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того уже поученье. Мое дѣло говорить *живыми образами*, а не разсужденіями. Я долженъ выставить *жизнь* лицомъ, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Но вопросъ: могъ ли бы я безъ этого большого кружка сдѣлаться достойнымъ производителемъ искусства? могъ ли бы я выставить жизнь въ ея глубинѣ такъ, чтобы она пошла въ поученье? Какъ изображать людей, если не узналъ прежде, что такое *душа человеческая*? Писатель, если только онъ одаренъ творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде, какъ человекъ и гражданинъ земли своей, а потомъ уже принимайся за перо! Иначе все будетъ невпопадъ. Что пользы поразить позорнаго и порочнаго, выставя его на видъ всѣмъ, если не ясенъ въ тебѣ самомъ идеалъ ему противоположнаго прекраснаго человека? Какъ выставятъ недостатки и недостойнство человѣческое, если не задашь самому себѣ запроса: въ чемъ же достоинство человека? и не дашь на это себѣ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Какъ осмѣивать исключенья, если еще не узналъ хорошо тѣ правила, изъ которыхъ выставляешь на видъ исключенья? Это будетъ значить разрушить старый домъ прежде, чѣмъ имѣешь возможность выстроить на мѣсто его новый. Но искусство не разрушенье. Въ искусствѣ таятся сѣмена созданья, а не разрушенья. Это чувствовалось всегда, даже и въ тѣ времена, когда все было невѣжественно. Подъ звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сихъ поръ понятіе общества объ искусствѣ, всѣ, однакоже, говорятъ: «искусство есть примиренье съ жизнью». Это правда. Истинное созданье искусства имѣетъ въ себѣ что-то успокаивающее и примирительное. Во время чтенья душа исполняется стройнаго согласія, а по прочтеніи удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается въ сердцѣ движенье негодованія противъ брата, но скорѣе въ немъ струится елей всепрощающей любви къ брату; и вообще не устремляешься на *порицанье* дѣйствій другого, но на *созерцанье* самого себя. Если же созданье поэта не имѣетъ въ себѣ этого свойства, то оно есть одинъ только благородный, горячій порывъ, плодъ временнаго состоянья автора.

• Оно останется, какъ примѣчательное явленье, но не назовется созданиемъ искусства. Подѣломъ. Искусство есть примиренье съ жизнью!

Искусство есть водворенье въ душу стройности и порядка, а не смущенія и разстройства. Искусство должно изобразить намъ такимъ образомъ людей земли нашей, чтобы каждый изъ насъ почувствовалъ, что это *живые люди*, созданные и взятые изъ того же тѣла, изъ котораго и мы. Искусство должно выставить намъ на видъ всѣ доблестныя *народныя* наши качества и свойства, не выключая даже и тѣхъ, которыя, не имѣя простора свободно развиться, не всѣми замѣчены и оцѣнены такъ вѣрно, чтобы каждый почувствовалъ ихъ и въ себѣ самомъ и загорѣлся бы желаньемъ развить и возлелѣять въ себѣ самомъ то, что имъ заброшено и позабыто. Искусство должно выставить намъ

всѣ дурныя наши народныя качества и свойства такимъ образомъ, чтобы слѣды ихъ каждый изъ насъ отыскалъ прежде въ себѣ самомъ и подумалъ бы о томъ, какъ прежде съ самого себя сбросить все, омрачающее благородство природы нашей. Тогда только, и такимъ образомъ дѣйствуя, искусство исполнить свое назначенье и внести порядокъ и стройность въ общество!

Итакъ, благословясь и помолясь, обратимся же сильнѣй, чѣмъ когда-либо прежде, къ нашему милому искусству. Что касается до меня, то, отложивши все прочее на будущее время (когда Богъ удостоитъ быть достойнымъ сколько-нибудь того), хочу заняться крѣпко «Мертвыми Душами». Съѣзжу въ Иерусалимъ (чего стало даже и совѣстно не сдѣлать); поблагодарю, какъ сумѣю, за все бывшее; помолюсь, да укрѣпится душа и соберутся силы, и съ Богомъ за дѣло. Очень, очень бы хотѣлось, чтобы привелъ Богъ насъ опять пожить вмѣстѣ, въ Москвѣ, вблизи другъ отъ друга. Перечитывать написанное и быть судьей другъ другу теперь будетъ еще больше нужно, чѣмъ прежде. Затѣмъ отъ всей души поздравляю тебя съ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобъ былъ онъ намъ обоимъ очень, очень плодотворенъ, плодотворнѣе всѣхъ прошедшихъ. Прощай, мой родной! Цѣлую тебя и обнимаю крѣпко. Пиши ко мнѣ. Твое письмо еще застанетъ меня въ Неаполѣ. Раньше февраля я не думаю подняться.

Обнимаю все твое милое семейство вмѣстѣ съ Рейтернами.

Твой Г.

РАЗМЫШЛЕНІЯ
°
БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣлью этой книги — показать, въ какой полнотѣ и внутренней глубокой связи совершается наша литургія, юношамъ и людямъ, еще начинающимъ, еще мало ознакомленнымъ съ ея значеніемъ. Изъ множества объясненій, сдѣланныхъ Отцами и Учителями, выбраны здѣсь только тѣ, которыя доступны всѣмъ своей простотою и доступностью, которыя служатъ преимущественно къ тому, чтобы понять необходимый и правильный исходъ одного дѣйствія изъ другого¹⁾. Намѣреніе издающаго эту книгу состоитъ въ томъ, чтобы утвердился въ головѣ читателя порядокъ всего. Онъ увѣренъ, что всякому, со вниманіемъ слѣдующему за литургіею, повторяя всякое слово, глубокое внутреннее значеніе ея раскрываться будетъ само собою.

---

¹⁾ Всѣ прочіе, которые бы захотѣли узнать болѣе таинственныя и глубокия объясненія, могутъ найти ихъ въ сочиненіяхъ патріарха Германа, Іереміи, Николая Кавасила, Симеона Солунскаго, въ Старой и Новой Скрижали, въ объясненіяхъ Дмитріева и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ.....

ВСТУПЛЕНИЕ.

Божественная литургія есть вѣчное повтореніе великаго подвига любви, для насъ совершившагося. Скорбя отъ неустроеній своихъ, человечество отовсюду, со всѣхъ концовъ міра взывало къ Творцу своему — и пребывавшіе во тьмѣ язычества и лишеныя боговѣдѣнія, — слыша, что порядокъ и стройность могутъ быть водворены въ міръ только Тѣмъ, Который въ стройномъ чинѣ повелѣлъ двигаться мірамъ, отъ Него созданнымъ. Отовсюду тоскующая тварь звала своего Творца. Воплями взывало все къ Виновнику своего бытія, и вопли эти слышнѣй слышались въ устахъ избранныхъ и пророковъ. Предчувствовали и знали, что Создатель, скрывающійся въ созданіяхъ, предстанетъ Самъ лицомъ къ человѣкамъ, предстанетъ не иначе, какъ въ образѣ того созданія своего, созданнаго по Его образу и подобію. Вочеловѣченіе Бога на землѣ представлялось всѣмъ, по мѣрѣ того, какъ сколько-нибудь очищались понятія о божествѣ. Но нигдѣ такъ ясно не говорилось объ этомъ, какъ у пророковъ богоизбраннаго народа. И самое чистое воплощеніе Его отъ чистой Дѣвы было предслышиваемо даже и язычниками; но нигдѣ въ такой ощути-тельно видной ясности, какъ у пророковъ.

Вопли услышались: явился въ міръ, Имъ же міръ бысть; среди насъ явился въ образѣ человѣка, какъ предчувствовали, какъ предслышали и въ темной тьмѣ язычества, но не въ томъ только, въ какомъ представляли Его неочищенныя понятія — не въ гордомъ блескѣ и величіи, не какъ каратель преступленій, не какъ судія, приходящій истребить однихъ и наградить другихъ. Нѣтъ! послышалось кроткое лобзаніе брата. Совершилось его появленіе образомъ, только одному Богу свойственнымъ, какъ прообразовали его божественно пророки, получившіе повелѣніе отъ Бога...

П р о с к о м и д і я .

Священникъ, которому предстоитъ совершать литургію, долженъ еще съ вечера трезвиться тѣломъ и духомъ, долженъ быть примиренъ со всѣми, долженъ опасаться питать какое-нибудь неудовольствіе на кого бы то ни было. Когда же наступитъ время, идетъ онъ въ церковь; вмѣстѣ съ діакономъ поклоняются они оба предъ царскими вратами, цѣлуютъ образъ Спасителя, цѣлуютъ образъ Богородицы, поклоняются ликамъ святыхъ всѣхъ, поклоняются всѣмъ предстоящимъ направо и налѣво, испрашивая симъ поклономъ себѣ прощенія у всѣхъ, и входятъ въ алтарь, произнося въ себѣ псаломъ: «Вниду въ домъ Твой, поклонюся храму Твоему во страхъ Твоемъ». И, приступивъ къ престолу (лицомъ къ востоку), повергаютъ предъ нимъ три наземные поклона и цѣлуютъ на немъ пребывающее Евангеліе, какъ бы Самого Господа, сидящаго на престолѣ; цѣлуютъ потомъ и самую трапезу и приступаютъ къ облаченію себя въ священныя одежды, чтобы отдѣлиться не только отъ другихъ людей, — и отъ самихъ себя, ничего не напомнить въ себѣ другимъ похожаго на человѣка, занимающагося ежедневными житейскими дѣлами. И произнося въ себѣ: «Боже! очисти меня грѣшнаго и помилуй меня!» священникъ и діакономъ берутъ въ руки одежды. Сначала одѣвается діакономъ; испросивъ благословеніе у іерея, надѣваетъ стихарь, подризникъ блистающаго цвѣта, во знаменованіе свѣтоносной ангельской одежды и въ напоминанье непорочной чистоты сердца, которая должна быть неразлучна съ саномъ священства, почему и произноситъ при воздѣваніи его: «Возрадуется душа моя о Господѣ, облече бо мя въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣя мя; яко жениху, возложи ми вѣнецъ и, яко невѣсту, украси мя красотою». — Затѣмъ беретъ, поцѣловавъ, орарь, узкое длинное лентіе, принадлежность діаконскаго званія, которымъ подаетъ онъ знакъ къ начинанью всякаго дѣйствія церковнаго, воздвигая народъ къ моленію, пѣвцовъ къ пѣнію, священника къ священнодѣйствію, себя къ ангельской быстротѣ и готовности во служеніи. Ибо званье діакона, чтó званье ангела на небесахъ, и самымъ симъ на него воздѣтымъ тонкимъ лентіемъ, развѣвающимся какъ бы въ подобіе воздушнаго крыла, и быстрымъ ходженіемъ своимъ по церкви изображаетъ онъ, по слову Златоуста, ангельское летаніе. Лентіе это, поцѣловавъ, онъ набрасываетъ себѣ на плечо. Потомъ надѣваетъ онъ поручи или нарукавницы, которыя стягиваются у самой кисти его руки для сообщенія имъ большей свободы и ловкости въ отправленіи предстоящихъ священнодѣйствій. Надѣвая ихъ, помышляетъ о вѣтворащей, содѣйствующей повсюду силѣ Божіей и, воздѣвая на правую, произноситъ онъ: «Десница Твоя, Господи, прославилася въ крѣпости; десная рука Твоя, Господи, сокрушила враговъ и множествомъ славы Своей Ты истребилъ супостатовъ». Воздѣвая на лѣвую руку, помышляетъ о самомъ себѣ, какъ о твореніи рукъ Божіихъ и молитъ у Него же, его же сотворившаго, да руководитъ его верховнымъ, свѣтлымъ Своимъ

руководствомъ, говоря такъ: «Руки Твои сотворили и создали мя. Вразуми меня, и научуся Твоимъ заповѣдямъ».

Священникъ облачается такимъ же самымъ образомъ. Вначалѣ благословляетъ и надѣваетъ стихарь, сопровождая сіе тѣми же словами, какими сопровождалъ и діакопъ; но вслѣдъ за стихаремъ надѣваетъ уже не простой одноплечный орарь, но двухплечный, который, покрывъ оба плеча и обнявъ шею, соединяется обоими концами на груди его вмѣстѣ и сходить въ соединенномъ видѣ до самаго низу его одежды, знаменуя симъ соединеніе въ его должности двухъ должностей — іерейской и діакопской. И называется онъ уже не ораремъ, но эпитрахилью, и самимъ воздѣваньемъ своимъ знаменуетъ изліяніе благодати свыше на священниковъ, почему и сопровождается это величественными словами Писанія: «Благословенъ Богъ, изливающій благодать Свою на священники Своя, яко миро на главѣ, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его». Затѣмъ надѣваетъ поручи на обѣ руки свои, сопровождая тѣми же словами, какъ и діакопъ, и препоясуетъ себя поясомъ сверхъ подризника и эпитрахили, дабы не препятствовала ширина одежды въ отпращеніи священнодѣйствій и дабы симъ препоясаніемъ выразить готовность свою, ибо препоясуетъя человекъ, готовясь въ дорогу, приступая къ дѣлу и подвигу: препоясуетъя и священникъ, собираясь въ дорогу небеснаго служенія, и взираетъ на поясъ свой, какъ на крѣпость силы Божіей, его укрѣпляющей, почему и произноситъ: «Благословенъ Богъ, препоясующій мя силою, содѣлавшій путь мой непорочнымъ, быстрѣйшими еленей мои ноги и поставляющій меня на высокихъ», то - есть, въ дому Господнемъ. Если же онъ облеченъ при этомъ званіемъ высшимъ іерейства, то привѣшиваетъ къ бедру своему четырехугольный набедренникъ однимъ изъ четырехъ концовъ его, который знаменуетъ духовный мечъ, всеобъждающую силу слова Божія, въ воздѣшеніе вѣчнаго ратоборства, предстоящаго въ мірѣ человеку, — ту побѣду надъ смертію, которую одержалъ въ виду всего міра Христосъ, да ратоборствуетъ бодро безсмертный духъ человека противу тлѣннѣя своего. Потому и видѣ имѣетъ сильнаго оружія брани сей набедренникъ; привѣшивается на поясъ у чресла, гдѣ сила у человека, потому и сопровождается воззваніемъ къ Самому Господу: «Препояши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, Сильне, красотою Твоею и добротою Твоею, и наляцы, и успѣвай, и царствуй истины ради, и кротости, и правды, и наставитъ мя дивно десница Твоя». Наконецъ, надѣваетъ іерей фелонь, верхнюю всепокрывающую одежду, въ знаменованіе верховной всепокрывающей правды Божіей и сопровождается сими словами: «Священники Твои, Господи, облечутся въ правду и преподобніи Твои радостію возрадуются». И одѣтый такимъ образомъ въ орудія Божія, священникъ предстоить уже инымъ человекомъ: каковъ онъ ни есть самъ по себѣ, какъ бы ни мало былъ достоинъ своего званія, но глядятъ на него всѣ стоящіе во храмѣ какъ на орудіе Божіе, которымъ наляцаетъ Духъ Святый. Какъ священникъ, такъ и діакопъ омывають оба руки, сопровождая чтеніемъ псалма: «Умыю въ неповинныхъ руки мои и обыду жертвенникъ Твой». Повергая по три поклона въ сопровожденіи словъ: «Боже! очисти мя грѣшнаго и помилуй», встаютъ омытые, усвѣтленные, подобно сіяющей одеждѣ своей, ничего не напоминаая въ себѣ подобнаго другимъ людямъ, но подобясь скорѣе сіяющимъ видѣніямъ, чѣмъ людямъ.

Діакопъ напоминаетъ о началѣ священнодѣйствія словами: «Благослови, владыко!» И священникъ начинаетъ словами: «Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ», и приступаетъ къ боковому жертвеннику. Вся эта часть служенія состоитъ въ приготовленіи нужнаго къ

служенію, то-есть въ отдѣленіи отъ приношеній или хлѣбовъ-просфоръ того хлѣба, который долженъ вначалѣ образовать тѣло Христова, а потомъ пресуществиться въ него.

Такъ какъ вся проскомидія есть не что иное, какъ только приготовленіе къ самой литургіи, то и соединила съ нею Церковь воспоминаніе о первоначальной жизни Христа, бывшей приготовленьемъ къ его подвигамъ въ мірѣ. Она совершается вся въ алтарѣ при затворенныхъ дверяхъ, при задернутомъ занавѣсѣ, незримо отъ народа, какъ и вся первоначальная жизнь Христа протекла незримо отъ народа. Для молящихся же читаются въ это время часы — собранье псалмовъ и молитвъ, которые читались христіанами въ четыре важныя для христіанъ времена дня: часъ первый, когда начиналось для христіанъ утро, часъ третій, когда было сошествіе Духа Святаго, часъ шестой, когда Спаситель міра пригвожденъ былъ къ кресту, часъ девятый, когда Онъ испустилъ Духъ Свой. Такъ какъ нынѣшнему христіанину, по недостатку времени и безпрестаннымъ развлеченіямъ, не бываетъ возможно совершать эти моленія въ означенные часы, для того они соединены и читаются теперь.

Приступивъ къ боковому жертвеннику, или предложенію, находящемуся въ углубленіи стѣны, знаменуящему древнюю боковую комору храма, іерей беретъ изъ нихъ одну изъ просфоръ съ тѣмъ, чтобы изъять ту часть, которая станетъ потомъ тѣломъ Христовымъ, — средину съ печатью, ознаменованной именемъ Иисуса Христа. Такъ онъ симъ изъятіемъ хлѣба отъ хлѣба знаменуетъ изъятіе плоти Христа отъ плоти Дѣвы — рожденіе Безплотнаго во плоти. И помышляя, что раждается Принесшій въ жертву Себя за весь міръ, соединяетъ неминуемо мысль о самой жертвѣ и принесеніи и глядитъ на хлѣбъ, какъ на агнца, приносимаго въ жертву, на ножъ, которымъ долженъ изъять, какъ на жертвенный, который имѣетъ видъ копья, въ напомианіе копья, которымъ было прободено на крестѣ тѣло Спасителя. Не сопровождаетъ онъ теперь своего дѣйствія ни словами Спасителя, ни словами свидѣтелей, современныхъ случившемуся, не переноситъ себя въ минувшее, — въ то время, когда совершилось сіе принесеніе въ жертву: то предстоитъ впереди, въ послѣдней части литургіи; и къ сему предстоящему онъ обращается издали прозѣвающимъ мыслию, почему и сопровождаетъ все священнодѣйствіе словами пророка Исаи, издали, изъ тьмы вѣговъ прозѣвавшаго будущее чудное рожденіе, жертвоприношеніе и смерть и возвѣстившаго о томъ съ ясностью непостижимою. Водружая копьѣ въ правую сторону печати, произноситъ слова Исаи: «Какъ овечка ведется на заколеніе»; водрузивъ копьѣ потомъ въ лѣвую сторону, произноситъ: «И какъ непорочный ягненокъ, безгласный передъ стригущими его, не отверзаетъ устъ своихъ»; водружая потомъ копьѣ въ верхнюю сторону печати: «Былъ осужденъ за Свое смиреніе (въ смиреніи Его судъ Его взятся)». Водрузивъ потомъ въ нижнюю, произноситъ слова пророка, задумавшагося надъ дивнымъ происхожденіемъ осужденнаго Агнца, — слова: «Родъ же Его кто исновѣсть?» И приподымаетъ потомъ копьемъ вырванную средину хлѣба, произнося: «яко вземлется отъ земли животъ Его»; и начертываетъ крестовидно, во знаменіе крестной смерти Его, на немъ знакъ жертвоприношенія, по которому онъ потомъ раздробится во время предстоящаго священнодѣйствія, произнося: «Жертвоприносится Агнецъ Божій, вземлющій грѣхъ міра сего, за мірской животъ и спасеніе». И, обративъ потомъ хлѣбъ печатью внизъ, а вынутой частью вверхъ, въ подобье агнца, приносимаго въ жертву, водружаетъ копьѣ въ правый бокъ, напоминая, вмѣстѣ съ заколеньемъ жертвы, прободеніе ребра

Спасителя, совершенное копьемъ стоявшаго у креста воина; и произносить: «Единъ отъ воинъ копьемъ ребра Его прободѣ, и абие изыде кровь и вода: и видѣвый свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его». И слова сии служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ знакомъ діагону ко влитію въ святую чашу вина и воды. Діаконъ, доселѣ взиравшій благоговѣнно на все совершаемое іереемъ, то напоминая ему о начинаніи священнодѣйствія, то произнося внутри самого себя: «Господу помолимся!» при всякомъ его дѣйствіи, наконецъ, вливаетъ вина и воды въ чашу, соединивъ ихъ вмѣстѣ и испросивъ благословенія у іерея. Такимъ образомъ приготовлены и вино, и хлѣбъ, да обратятся потомъ во время возвышеннаго священнодѣйствія предстоящаго.

И во исполненіе обряда первенствующей Церкви и святыхъ первыхъ христіанъ, воспоминавшихъ всегда, при помышленіи о Христѣ, о всѣхъ тѣхъ, которые были ближе къ Его сердцу исполненіемъ Его заповѣдей и святостью жизни своею, приступаетъ священникъ къ другимъ просфорамъ, дабы, изъявъ отъ нихъ части въ воспоминаніе ихъ, положить на томъ же дискосѣ возлѣ того же святаго хлѣба, образующаго Самого Господа, такъ какъ и сами они пламенѣли желаніемъ быть повсюду съ своимъ Господомъ. Взявши въ руки вторую просфору, изъемлетъ онъ изъ нея частицу въ воспоминаніе Пресвятыя Богородицы и кладетъ ее по правую сторону святаго хлѣба, произнося изъ псалма Давида: «Предста Царица одесную Тебя, въ ризы позлащенны одѣяна, преукрашена». Потомъ беретъ третью просфору, въ воспоминаніе святыхъ, и тѣмъ же копьемъ изъемлетъ изъ нея девять частицъ въ три ряда, по три въ каждомъ. Изъемлетъ первую частицу во имя Іоанна Крестителя, вторую во имя пророковъ, третью во имя апостоловъ и симъ завершаетъ первый рядъ и чинъ святыхъ. Затѣмъ изъемлетъ четвертую частицу во имя святыхъ отцовъ, пятую во имя мучениковъ, шестую во имя преподобныхъ и богоносныхъ отцовъ и матерей и завершаетъ симъ второй рядъ и чинъ святыхъ. Потомъ изъемлетъ седьмую частицу во имя чудотворцевъ и безсребренниковъ, восьмую во имя Богоотецъ Іоакима и Анны и святаго, егоже день; девятую во имя Іоанна Златоуста или Василія Великаго, смотря по тому, кого изъ нихъ правитъ въ тотъ день служба, и завершаетъ симъ третій рядъ и чинъ святыхъ, и полагаетъ всѣ девять изъятыхъ частицъ на святой дискосъ возлѣ святаго хлѣба, по лѣвую его сторону. И Христосъ является среди своихъ ближайшихъ, во святыхъ Обитающій зрится видимо среди святыхъ своихъ — Богъ среди боговъ, человекъ среди людей. И принимая въ руки священникъ четвертую просфору въ поминовеніе всѣхъ живыхъ, изъемлетъ изъ нея частицы во имя императора, во имя синода и патріарховъ, во имя всѣхъ живущихъ повсюду православныхъ христіанъ и, наконецъ, во имя каждого изъ нихъ поименно, кого захочетъ помянуть, о комъ просили его помянуть. Затѣмъ беретъ іерей послѣднюю просфору, изъемлетъ изъ нея частицы въ поминовеніе всѣхъ умершихъ, прося въ то же время объ отпущеніи имъ грѣховъ ихъ, начиная отъ патріарховъ, царей, создателей храма, архіерея, его рукоположившаго, если онъ уже находится въ числѣ усопшихъ, и до послѣдняго изъ христіанъ, изъемля отдѣльно во имя каждого, о которомъ его просили, или во имя котораго онъ самъ восхочетъ изъять. Въ заключеніе же всего испрашиваетъ и себѣ отпущенія во всемъ и также изъемлетъ частицу за себя самого, и всѣ ихъ полагаетъ на дискосъ возлѣ того же святаго хлѣба, внизу его. Такимъ образомъ, вокругъ сего хлѣба, сего агнца, изображающаго Самого Христа, собрана вся Церковь Его, и торжествующая на небесахъ, и воинствующая здѣсь. Сынъ Человѣческій является среди людей, ради которыхъ Онъ воплотился и сталъ человекомъ. Взявъ губку, священникъ бережно

собираетъ ею и самыя крупныя на дискосъ, дабы ничто не пропало изъ святаго хлѣба, и все бы пошло въ утверженіе.

И отошедши отъ жертвенника, поклоняется іерей, какъ бы онъ поклонялся самому воплощенію Христову, и привѣтствуетъ въ семь видѣ хлѣба, лежащаго на дискосѣ, появленіе Небеснаго Хлѣба на землѣ, и привѣтствуетъ его каждаемъ еиміама, благословивъ прежде кадило и читая надъ нимъ молитву: «Кадило Тебѣ приносимъ, Христе Боже нашъ, въ вою благоуханія духовнаго, которое принявши во превышенебесный Твой жертвенникъ, вознисилю намъ благодать Пресвятаго Твоего Духа».

И весь переносится мыслію іерей во время, когда совершилось рожденіе Христово, возвращая прошедшее въ настоящее, и глядитъ на этотъ божовой жертвенникъ, какъ на таинственный вертепъ, въ который переносилось на то время небо на землю: небо стало вертепомъ, и вертепъ — небомъ. Обкадивъ звѣздицу (двѣ золотыя дуги съ звѣздою наверху) и постановивъ ее на дискосѣ, глядитъ на нее, какъ на звѣзду, свѣтившую надъ Младенцемъ, сопровождая словами: «И, пришедши, звѣзда стала вверху, идѣ же бѣ Отроча»; на святой хлѣбъ, отдѣленный на жертвоприношеніе, — какъ на Новородившагося Младенца; на дискосъ — какъ на ясли, въ которыхъ лежалъ Младенецъ; на покровы — какъ на пелены, покрывавшія Младенца. И обкадивъ первый покровъ, покрываетъ имъ святыи хлѣбъ съ дискосомъ, произнося псаломъ: «Господь воцарися, въ лѣпоту облечеса...» и проч., — псаломъ, въ которомъ воспѣвается дивная высота Господня. И обкадивъ второй покровъ, покрываетъ имъ святую чашу, произнося: «Покрыла небеса, Христосъ, Твоя добродѣтель, и хвалы Твоей исполнилась земля». И взявъ потомъ большой покровъ, называемый святымъ воздухомъ, покрываетъ имъ и дискосъ, и чашу вмѣстѣ, взывая къ Богу, да покроетъ насъ кровомъ крыла Своего. И, отошедъ отъ предложенія, поклоняются оба святому хлѣбу, какъ поклонялись пастыри-цари Новорожденному Младенцу, и кадитъ предъ вертепомъ, изображая въ семь каденіи то благоуханіе ладана и смирны, которые были принесены вмѣстѣ съ золотомъ мудрецами.

Діаконъ же попрежнему сопresentsуетъ внимательню іереею, то произнося при всякомъ дѣйствіи: «Господу помолимся», то напоминая ему о начинаніи самого дѣйствія. Наконецъ, принимаетъ изъ рукъ его кадилицу и напоминаетъ ему о молитвѣ, которую слѣдуетъ вознести ко Господу о сихъ для Него приуготовленныхъ дарахъ, словами: «О предложенныхъ честныхъ дарахъ Господу помолимся!» И священникъ приступаетъ къ молитвѣ. Хотя дары эти не болѣе какъ приуготовлены только къ самому приношенію, но такъ какъ отнынѣ ни на что другое уже не могутъ быть употреблены, то и читаетъ священникъ для себя одною молитву, предваряющую о принятіи сихъ предложенныхъ къ предстоящему приношенію даровъ. И въ такихъ словахъ его молитва: «Боже, Боже нашъ, пославшій намъ Небесный Хлѣбъ, пищу всего міра, нашего Господа и Бога Иисуса Христа, Спасителя, Искупителя и Благодѣтеля, благословляющаго и освящающаго насъ, Самъ благослови предложеніе сіе и прими во свыше-небесный Твой жертвенникъ: помни, какъ благой и человеколюбецъ, тѣхъ, которые принесли, тѣхъ, ради которыхъ принесли, и насъ самихъ сохранивъ неосужденными во священнодѣйствіи божественныхъ тайнъ Твоихъ». И творить, вслѣдъ за молитвой, отпускъ проскомидіи; а діаконъ кадитъ предложеніе и потомъ крестовидно святую трапезу. Помышляя о земномъ рожденіи Того, Кто родился прежде всѣхъ вѣковъ, присутствуя всегда повсюду и повсемѣстно, произноситъ въ самомъ себѣ: «Во гробѣ плотски, во адѣ же съ душою, яко Богъ, въ раю же съ разбойникомъ и на престоли былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяи

Неописанный». И выходитъ изъ алтаря, съ кадильницей въ рукѣ, чтобы наполнить благоуханіемъ всю церковь и привѣтствовать всѣхъ, собравшихся на святую трапезу любви. Кажденіе это совершается всегда въ началѣ службы, какъ и въ жизни домашней всѣхъ древнихъ восточныхъ народовъ предлагались всякому гостю при входѣ омовенія и благовенія. Обычай этотъ перешелъ цѣлкомъ на это пиршество небесное — на тайную вечерю, нолщую имя литургіи, въ которой такъ чудно соединилось служеніе Богу вмѣстѣ съ дружескимъ угощеніемъ всѣхъ, которому примѣръ показалъ Самъ Спаситель, всѣмъ услужившій и умывшій ноги. Кадя и поклоняясь всѣмъ равно, и богатому, и нищему, діаконъ, какъ слуга Божій, привѣтствуетъ ихъ всѣхъ, какъ наилучбейныхъ гостей Небесному Хозяину, кадитъ и поклоняется въ то же время и образамъ святыхъ, ибо и они суть гости, пришедшіе на тайную вечерю: во Христѣ всѣ живы и неразлучны. Приготовивъ, наполнивъ благоуханіемъ храмъ и, возвратившись потомъ въ алтарь и вновь обкадивъ его, полагаетъ наконецъ, кадильницу въ сторону, подходитъ къ іерею, и оба вмѣстѣ становятся передъ святымъ престоломъ.

Ставъ передъ святымъ престоломъ, священникъ и діаконъ три раза поклоняются долу и, готовясь начинать настоящее священнодѣйствіе литургіи, призываютъ Духа Святаго, ибо все служеніе ихъ должно быть духовно. Духъ — учитель и наставникъ молитвы: «о чesомъ бо помолимся, не вѣмы», говоритъ апостоль Павелъ: «но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанннми». Моля Святаго Духа, дабы вселился въ нихъ и, вселившись, очистилъ ихъ для служенія, и священникъ, и діаконъ дважды произносятъ пѣснь, которою привѣтствовали ангелы рождество Иисуса Христа: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе». И вослѣдъ за сей пѣсню отдергивается церковная занавѣсъ, которая отдергивается только тогда, когда слѣдуетъ поднять мысль молящихся къ высшимъ горнимъ предметамъ. Здѣсь отъятые горнихъ дверей знаменуетъ, вослѣдъ за пѣсней ангеловъ, что не всѣмъ было открыто рождество Христово, что узнали о немъ только ангелы на небесахъ, Марія съ Іосифомъ, волхвы, пришедшіе поклониться, да издалека прозрѣвали о немъ пророки. Священникъ и діаконъ произносятъ въ себѣ: «Господи! отверзи уста мои — и уста мои возвѣстятъ хвалу Твою». Священникъ цѣлуетъ Евангеліе, діаконъ цѣлуетъ святую трапезу и, подклонивъ главу свою, напоминаетъ такъ о начинаніи литургіи: тремя перстами руки подъемлетъ орарь свой и произноситъ: «Время сотворить Господу: благослови, владыко!» И благословляетъ его священникъ словами: «Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». И помышляя діаконъ о предстоящемъ ему служеніи, въ которомъ должно подобиться ангельскому летанію, — отъ престола къ народу и отъ народа къ престолу, собирая всѣхъ въ едину душу, и быть, такъ сказать, святой возбуждающею силою, и чувствуя недостойнство свое къ такому служенію, — молитъ смиренно іерея: «Помолись обо мнѣ, владыко!» — «Да исправитъ Господь стопы твои!» ему отвѣтствуетъ на то іерей. «Помяни меня, владыко святыи!» — «Да помянетъ тебя Господь во царствіи Своемъ, всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Тихо и ободреннымъ глаголомъ діаконъ произноситъ: «аминь», и выходитъ изъ алтаря сѣверной дверью къ народу. И, взошедъ на амвонъ, находящійся противу царскихъ вратъ, повторяетъ еще разъ въ самомъ себѣ: «Господи, отверзи уста моя — и уста моя возвѣстятъ хвалу Тебѣ»; и, обратившись къ алтарю, взываетъ еще разъ къ іерею: «Благослови, владыко!» Изъ глубины святилища возглашаетъ на то іерей: «Благословенно царство...», и литургія начинается.

Литургія оглашенныхъ.

Вторая часть литургіи называется литургіей оглашенныхъ. Какъ первая часть, проскомидія, соотвѣтствовала первоначальной жизни Христа, Его рожденію, открытому только ангеламъ да немногимъ людямъ, Его младенчеству и пребыванію въ современной неизвѣстности до времени появленія въ міръ, — такъ вторая соотвѣтствуетъ Его жизни въ міръ посреди людей, которыхъ огласилъ Онъ словомъ истины. Называется она литургіей оглашенныхъ еще потому, что въ первоначальныя времена христіанъ къ ней допускались и тѣ, которые только готовились быть христіанами, еще не приняли св. крещенія и находились въ числѣ оглашенныхъ. Притомъ самый образъ ея священнодѣйствій, состоя изъ чтеній пророковъ, Апостола и св. Евангелія, есть уже преимущественно огласительный.

Иерей начинаетъ литургію возглашеніемъ изъ глубины алтаря: «Благословенно царство Отца, и Сына, и Святаго Духа.....» Такъ какъ чрезъ воплощеніе Сына стало міру очевидно ясно таинство Троицы, то по этому самому троичное возглашеніе предшествуетъ и предсѣяетъ начинанію всякихъ дѣйствій, и молящійся, отрѣшившись отъ всего, долженъ съ перваго разу поставить себя въ царствѣ Троицы.

Стоя на амвонѣ, лицомъ къ царскимъ вратамъ, изображая въ себѣ ангела, побудителя людей къ моленіямъ, поднося трема перстами десныя руки узкое ленте, — подобіе ангельскаго крыла, — диаконъ призываетъ молиться весь собравшійся народъ тѣми же самыми молитвами, которыми неизмѣнно отъ апостольскихъ временъ молится Церковь, начиная съ моленія о мирѣ, безъ котораго нельзя молиться. Собраніе молящихся, знаменуясь крестомъ, стремясь обратить свои сердца въ согласно настроенныя струны органа, по которымъ должно ударять всякое воззваніе діакона, восклицаетъ мысленно вмѣстѣ съ хоромъ поющихъ: «Господи, помилуй!»

Стоя на амвонѣ, держа молитвенный орарь, изображающій поднятое крыло ангела, стремящаго людей къ молитвѣ, призываетъ диаконъ молиться: о свышнемъ мирѣ и спасеніи душъ нашихъ, о мирѣ всего міра, благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ; о святомъ храмѣ и о входящихъ въ него съ вѣрой, благоговѣніемъ и страхомъ; о государѣ, синодѣ, начальствахъ духовныхъ и гражданскихъ, палатахъ, воинствѣ, о градѣ, объ обители, въ которой служится литургія, о благораствореніи воздуховъ, объ обилии плодовъ земныхъ, о временахъ мирныхъ; о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и о спасеніи ихъ; о избавленіи насъ отъ всякаго скорби, гнѣва и нужды. И, собирая все сею всеобъемлющею цѣлью моленій, называемою великой эктеніей, на всякое ея отдѣльное призваніе собраніе молящихся восклицаетъ вмѣстѣ съ хоромъ поющихъ: «Господи, помилуй!»

Въ знаменованіе безсилія нашихъ моленій, которымъ недостаетъ душевной чистоты и небесной жизни, призываетъ диаконъ, — вспомни о тѣхъ, которые умѣли лучше нашего молиться, — предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь нашу Христу Богу. Въ желаніи искреннемъ предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь нашу Христу Богу, какъ умѣли это сдѣлать вмѣстѣ съ Богоматерью святые и лучше насъ, взываетъ вся Церковь совокупно съ ликомъ: «Тебѣ, Господи!» Цѣль моленій завершаетъ диаконъ троичнымъ славословіемъ, которое, какъ вседержащая нить, проходитъ сѣвостъ

всю литургію, начиная и оканчивая всякое ея дѣйствіе. Собраніе молящихся отвѣтствуетъ утвердительно: «Аминь»: буди! да будетъ! Діаконъ сходитъ съ амвона; начинается пѣніе антифоновъ.

Антифоны, — противуположны, пѣсни, выбранныя изъ псалмовъ, пророчески изображающія пришествіе въ міръ Сына Божія, — поются попеременно обоими ликами на обоихъ крылосахъ; они замѣнили сокращенно прежнія псаломскія, болѣе продолжительныя.

Пока продолжается пѣніе перваго антифона, священникъ молится въ алтарѣ внутренней молитвой; а діаконъ стоитъ въ молитвенномъ положеніи предъ иконою Спасителя, поднося орарь тремя перстами руки. Когда же окончится пѣніе перваго антифона, восходитъ онъ снова на амвонъ призывать собраніе молящихся словами: «Вновь и вновь Господу помолимся!» Собраніе молящихся восклицаетъ: «Господи, помилуй!» Обративъ взоры къ ликамъ святыхъ, діаконъ напоминаетъ вспомнить вновь Богоматерь и всѣхъ святыхъ, предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь Христу Богу. Собраніе восклицаетъ: «Тебѣ, Господи!» Троичнымъ славословіемъ заключаетъ онъ. Утвердительно «аминь» изглашаетъ вся церковь. Слѣдуетъ пѣніе втораго антифона.

Въ продолженіе втораго антифона священникъ въ алтарѣ молится внутренней молитвою. Діаконъ становится опять въ молитвенномъ положеніи предъ иконою Спасителя, держа молитвенный орарь тремя перстами руки; по окончаніи же пѣнія, восходитъ онъ снова на амвонъ и обращается къ ликамъ святыхъ, призывая, какъ прежде, словами: «Въ мирѣ Господу помолимся!» Собраніе восклицаетъ: «Господи, помилуй!» Діаконъ зываетъ: «Заступи, помилуй, спаси и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію». Собраніе восклицаетъ: «Господи, помилуй!» Возведя глаза къ ликамъ святыхъ, діаконъ продолжаетъ: «Пресвятую, Пречистую, Преподобную, Славную Владычицу нашу Богородицу со всѣми святыми помянувши, сами себя, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». Собраніе восклицаетъ: «Тебѣ, Господи!» Троичнымъ славословіемъ оканчивается моленіе; утвердительно «аминь» отвѣтствуетъ вся церковь; діаконъ сходитъ съ амвона. А священникъ въ закрытомъ алтарѣ молится внутренней молитвой; она — въ сихъ словахъ: «Ты, даровавшій намъ сіи общія и согласныя молитвы! Ты, обѣщавшій двумъ и тремъ, собравшимся во имя Твое, подать прошенія! исполни же теперь къ колезному прошенью рабовъ Твоихъ: подай въ настоящемъ вѣкѣ познанье Твоей истины, а въ будущемъ даруй вѣчную жизнь!»

Съ крылоса громко возглашаются во всеуслышанье блаженства, возвѣстившія въ настоящемъ вѣкѣ познанье истины, а въ будущемъ вѣчную жизнь. Собраніе молящихся, взывая воззваньемъ благоразумнаго разбойника, возопившаго къ Христу на крестѣ: «Во царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи, егда придеши во царствіи Твоемъ», повторяетъ послѣдъ за чтеніемъ сіи слова Спасителя:

Блаженны нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное — не гордящіяся, не возносящіяся умомъ.

Блаженны плачущіе, яко тѣи утѣшатся — плачущіе еще больше о собственныхъ несовершенствахъ и прегрѣшеніяхъ, чѣмъ отъ оскорбленій и обидъ, имъ наносимыхъ.

Блаженны кроткіе, яко тѣи наслѣдуютъ землю — не питающіе гнѣва ни противу кого, всепрощающіе, любящіе, которыхъ оружіе — всепобѣждающая кротость.

Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣи насытятся — алчущіе небесной правды, жаждущіе возстановить ее прежде въ самихъ себѣ.

Блаженны милостивыи, яко тѣи помилованы будутъ — состраждущіе о каждомъ братѣ, въ каждомъ просящемъ видящіе Самого Христа, за него просящаго.

Блаженны чистыи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ — какъ въ чистомъ зеркалѣ успокоенныхъ водъ, не возмущаемыхъ ни пескомъ, ни тиною, отражается чисто небесный сводъ, такъ и въ зеркалѣ чистаго сердца, не возмущаемаго страстями, уже нѣтъ ничего человѣческаго, и образъ Божій въ немъ отражается одинъ.

Блаженны миротворцы, яко тѣи сынове Божии нарекутся — подобно Самому Сыну Божію, сходявшему на землю затѣмъ, чтобы внести миръ въ наши души: такъ и вносящіе миръ и примиренье въ дома — истинные Божьи сыны.

Блаженны изгнанныи правды ради, яко тѣхъ есть царствіи небесное — изгнанные за возвѣщенье правды не одними устами, но благоуханьемъ всей своей жизни.

Блаженны есте, егда поносятъ васъ и изженуть и рекуть всякъ золъ глаголь на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ — многа, ибо заслуга ихъ троекратна: первая — что уже сами по себѣ они были невинны и чисты; вторая — что, бывъ чисты, были оклеветаны; третья — что, бывъ оклеветаны, радовались, что потерпѣли за Христа.

Собранье молящихся слезно повторяетъ вослѣдъ за чтецомъ сіи слова Спасителя, возвѣстившія, кому можно ждать и надѣяться на вѣчную жизнь въ будущемъ вѣкѣ, которые суть истинные цари міра, сонаслѣдники и соучастники небеснаго царства.

Здѣсь торжественно открываются царскія врата, какъ бы врата самого царствія небеснаго, и глазамъ всѣхъ собравшихся предстаетъ сіяющій престолъ, какъ селенье Божіей славы и верховное училище, отколѣ исходитъ къ намъ познанье истины и возвѣщается *вѣчная жизнь*. Приступивъ къ престолу, священникъ и діаконъ снимаютъ съ него Евангеліе и несутъ его къ народу не царскими вратами, но позади алтаря боковой дверью, напоминающею дверь въ той боковой комнатѣ, изъ которой въ первыя времена выносились книги на середину храма для чтенія.

Собранье молящихся взираетъ на Евангеліе, несомое въ рукахъ смиренныхъ служителей Церкви, какъ бы на Самого Спасителя, исходящаго въ первый разъ на дѣло божественной проповѣди: исходитъ Онъ тѣсною сѣверной дверью, какъ бы неузнанный, на середину храма, дабы, показавшись всѣмъ, возвратиться во святилище царскими вратами. Служители Божіи посреди храма останавливаются; оба преклоняютъ главы. Іерей молится внутреннею молитвой, чтобы Установившій на небесахъ воинства ангеловъ и чины небесныя въ служеніе славы Своей повелѣлъ теперь симъ самымъ силамъ и ангеламъ небеснымъ, сослужащимъ намъ, совершить вмѣстѣ съ ними шествіе во святилище. А діаконъ, указывая молитвеннымъ ораремъ на царскія двери, говоритъ ему: «Благослови, владыко, святой входъ!» — «Благословенъ входъ святыхъ Твоихъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!» возглашаетъ на это іерей. Давъ поцѣловать ему святое Евангеліе, діаконъ несетъ его въ алтарь; но въ царскихъ вратахъ останавливается и, возвысивъ его въ рукахъ своихъ, возглашаетъ: «Премудрость!» знаменуя симъ, что Слово Божіе, Его Сынъ, Его Вѣчная Премудрость благовѣстилась міру чрезъ Евангеліе, которое

онъ теперь возвысился въ своихъ рукахъ. И вслѣдъ затѣмъ возглашаетъ: «Прости!» т. е. восприняте, воздвигнитесь отъ лѣни, отъ небрежнаго стоянія. Собрание молящихся, воздвигаясь духомъ, вмѣстѣ съ хоромъ взываетъ: «Придите, поклонимся и припадемъ ко Христу! Спаси насъ, Сыне Божій, Тебѣ поющихъ: Аллилуія!» Въ еврейскомъ словѣ *аллилуія* выражается: «Господь идетъ, хвалите Господа»; но такъ какъ, по существу священнаго языка, въ словѣ: *идеть* сокрыто и настоящее и будущее, то-есть: идетъ пришедшій и вновь грядущій, то, знаменуя вѣчное хожденіе Божіе, это слово *аллилуія* сопутствуетъ всякій разъ тѣмъ священнодѣйствіямъ, когда Самъ Господь исходитъ къ народу въ образѣ Евангелія или Даровъ Святыхъ.

Евангеліе, возвѣстившее слово жизни, поставляется на престолѣ. На крылосахъ раздаются или пѣсни въ честь праздника того дни, или же хвалебные тропари и гимны въ честь святому, котораго день празднуетъ Церковь за то, что онъ уподобился тѣмъ, которыхъ поименовалъ Христосъ въ прочитанныхъ блаженствахъ, и что живымъ примѣромъ Собственной жизни показалъ, какъ взлетать вслѣдъ за Нимъ въ жизнь вѣчную.

По окончаніи тропарей наступаетъ время трисвятаго пѣнія. Испросивъ на него у іерея благословенія, діаконовъ показывается въ царскихъ дверяхъ и, поводя ораремъ, подаетъ знакъ пѣвцамъ. Торжественно-громогласно оглашаетъ всю церковь трисвятое пѣніе, состоящее въ семь тройномъ воззваніи къ Богу: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» Воззваніемъ: «Святый Боже» возвѣщаетъ трисвятая пѣснь Бога Отца; воззваніемъ: «Святый Крѣпкій» — Бога Сына: Его крѣпость, Его создающее Слово; воззваніемъ: «Святый Безсмертный» — Его безсмертную мысль, вѣчно живущую волю Бога Духа Святаго. Троекратно пѣвцы подъемятъ сіе пѣніе, чтобы звучало вслухъ всѣмъ, что съ вѣчнымъ пребываньемъ Бога пребывало въ Немъ вѣчное пребыванье Троицы, и не было времени, чтобы у Бога не было Слова, и чтобы Слово Его оскудѣвало Духъ Святый. «Словомъ Божіимъ небеса создашася и духомъ устъ Его вся сила ихъ», говоритъ пророкъ Давидъ. Каждый изъ собравшійся, сознавая, что и въ немъ, какъ въ подобіи Божіемъ, есть та же тринственность, есть Онъ Самъ, Его Слово и Его Духъ, или мысль, движущая словомъ, но что человеческое его слово безсильно, изливается праздно и не творить ничего, а духъ его принадлежитъ не ему, завися отъ всѣхъ постороннихъ впечатлѣній, и только по возвышеніи его самого къ Богу то и другое приходитъ въ немъ въ силу: въ словѣ отражается Божіе Слово, въ духѣ — Духъ Божій, и образъ Троицы Создавшаго отпечатлѣвается въ созданіи, и созданіе становится подобнымъ Создателю, — сознавая все сіе, каждый, внемлющій трисвятому пѣнію, молится внутренно въ себѣ, чтобы Богъ Святый, Крѣпкій и Безсмертный, очистивъ его всего, избралъ его Своимъ храмомъ и пребываньемъ, и три раза повторять въ себѣ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» Священникъ въ алтарѣ, молясь внутренней молитвой о принятіи сего трисвятаго пѣнія, три раза повергается передъ престоломъ и три раза повторять въ себѣ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный!» И, подобно ему, повторивъ въ себѣ три раза ту же трисвятую пѣснь, діаконовъ три раза повергается вмѣстѣ съ нимъ передъ святымъ престоломъ.

И сотворивъ поклоненіе, отходитъ іерей на горнее мѣсто, какъ бы во глубину Боговѣднія, отколѣ истекла намъ тайна Всесвятыя Троицы, какъ бы въ то возвышеннѣйшее, всюду носящее мѣсто, гдѣ Сынъ пребываетъ въ лонѣ Отчемъ единствомъ Духа Святаго. И восхожденьемъ своимъ изобразуетъ іерей восхожденье Самого Христа вмѣстѣ съ плотью въ лоно Отчее, призывающее

человѣка вослѣдъ стремиться въ доно Отчее, — возрожденъе, прозрѣтое издали пророкомъ Данииломъ, который видѣлъ въ высокомъ видѣньи своемъ, какъ Сынъ Человѣческій дошелъ даже до Ветхаго деньми. Іерей идетъ нетрепетной стопой, произнося: «Благословенъ грядый во имя Господне», и на призванье діакона: «Благослови, владыко, горній престолъ», благословляетъ его, произнося: «Благословенъ еси на престолѣ славы царствія Твоего, сѣдѣя на херувимѣхъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». И садится на горнемъ мѣстѣ возлѣ сѣдалища, назначеннаго для архіерея. Отселѣ, какъ Божій апостолъ и его намѣстникъ, обратясь лицомъ къ народу, приготовляетъ онъ вниманье къ слушанью наступающаго чтенія апостольскихъ посланій, — сидящій, изобразуя самимъ сидѣньемъ своимъ свое равенство апостоламъ.

Чтецъ, съ Апостоломъ въ рукѣ, выходитъ на середину храма. Возвзвнѣемъ: *вонмемъ!* призываетъ діаконъ всѣхъ предстоящихъ ко вниманію. Священникъ посылаетъ изъ глубины алтаря и чтецу, и предстоящимъ желаніе мира; собранье молящихся отвѣтствуетъ священнику тѣмъ же. Но такъ какъ служеніе его должно быть духовно, подобно служенію апостоловъ, которые глаголали не свои слова, но Самъ Духъ Святыи двигалъ ихъ устами, то не говорятъ: «миръ тебѣ», но: «духови твоему». Діаконъ возглашаетъ: «Премудрость!» Громко, выразительно, чтобы всякое слово было слышно всѣмъ, начинаетъ чтецъ: прилежно, сердцемъ приемлющимъ, душою ищущею, разумомъ, испытующимъ внутренней смыслъ читаемаго, взнемлетъ собраніе, ибо чтеніе апостола служитъ ступенью и лѣтвицей къ лучшему уразумленію чтенія евангельскаго. Когда чтецъ окончитъ чтеніе, іерей возглашаетъ ему изъ алтаря: «миръ тебѣ». Ликъ отвѣтствуетъ: «и духови твоему». Діаконъ возглашаетъ: «Премудрость!» Ликъ гремитъ: «аллилуія», возвѣщающее приближеніе Господа, идущаго говорить народу устами Евангелія.

Съ кадильницей въ рукѣ идетъ діаконъ исполнить благоуханьемъ храмъ, навстрѣчу идущаго Господа, напоминая каждаемъ о духовномъ очищеніи душъ нашихъ, съ какимъ должны мы внимать благоуханнымъ словамъ Евангелія. Священникъ въ алтарѣ молится внутренней молитвой, чтобы возсіялъ въ сердцахъ нашихъ свѣтъ божественнаго благоразумія, и отверзались бы наши мысленныя очи въ уразумѣніе евангельскихъ проповѣданій. О возсіаніи того же свѣта въ сердцахъ своихъ молится внутренно собранье, приготовляясь къ слушанію. Испросивъ благословенія отъ іерея, получа отъ него въ напутствіе: «Богъ молитвами всесвѣятаго, всехвальнаго апостола и евангелиста (именуется его имя), да дастъ тебѣ глаголь благовѣствующему силою мноюю, во исполненіе евангелія, возлюбленнаго Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа», діаконъ восходитъ на амвонъ, предшествуемый несомымъ свѣтильникомъ, знаменующимъ всепросвѣщающей свѣтъ Христовъ. Священникъ въ алтарѣ возглашаетъ къ собранію: «Премудрость! Прости, услышимъ свѣтаго Евангелія! Миръ всѣмъ!» Ликъ отвѣтствуетъ: «и духови твоему». Діаконъ начинаетъ чтеніе.

Благоговѣнно преклонивъ главы, какъ бы внимая Самому Христу, говорящему съ амвона, всѣ стараются принять сердцами сѣмя свѣтаго слова, которое устами служителя сѣетъ Самъ Свѣтель Небесный, — не тѣми сердцами, которыхъ уподобляетъ Спаситель землѣ при пути, на которую хоть и упадутъ сѣмена, но тутъ же бываютъ расхищены птицами — налетающими злыми помышленіями; — не тѣми также сердцами, которыхъ уподобляетъ Онъ каменной почвѣ, только сверху прикрытой землею, которая хоть и охотно приемлютъ слово, но слово не водружаетъ глубоко корня, ибо нѣтъ глубины сердечной; — и не тѣми также сердцами, которыхъ уподобляетъ Онъ неочищен-

ной землѣ, глушимой терніемъ, на которой хоть и даетъ сѣмя всходы, но быстро вырастающіе тутъ же вмѣстѣ съ ними тернія, — тернія трудовъ и заботъ вѣка, тернія оболщений, безчисленные обаянія свѣтской умерщвляющей жизни, съ ея обманчивыми удобствами, — заглушаютъ едва поднявшіеся всходы, и сѣмя остается безъ плода; — но тѣми приемлющими сердцами, которыхъ уподобляетъ Онъ доброй почвѣ, дающей плодъ — ово сто, ово шестьдесятъ, ово тридцать, — которыя все, принятое въ себя, по выходѣ изъ церкви, возвращаютъ въ домахъ, въ семьѣ, въ службѣ, въ трудѣ, въ отдохновеняхъ, въ увеселеньяхъ, съ людьми въ бесѣдахъ и наединѣ съ самимъ собою. Словомъ, велятъ вѣрный стремится быть тѣмъ, и слушающимъ и творящимъ вмѣстѣ, котораго обѣщаетъ Спаситель уподобить мужу мудру, строящему хранину не на песокъ, но на камени, такъ что, если бы тутъ же, по выходѣ изъ церкви, набѣжали на него дожди, рѣки и вихри всѣхъ бѣдствій, его духовная хранина осталась бы неподвижная, какъ твердыня на камени. По окончаніи чтенія, священникъ въ алтарѣ возвѣщаетъ діакону: «Миръ тебѣ благовѣствующему». Приподымая главы, всѣ предстоящіе въ чувствованіи благодарности восклицаютъ вмѣстѣ съ ликомъ: «Слава Тебѣ, Боже нашъ! Слава Тебѣ!» Стоящій въ царскихъ дверяхъ священникъ приметъ отъ діакона Евангеліе и поставяетъ его на престолъ какъ Слово, ишедшее отъ Бога и къ Нему же возвратившееся. Алтарь, изображающій высшія горнія селенія, скрывается отъ глазъ — врата царскія затворяются, горняя дверь задергивается, знаменуя, что нѣтъ другихъ дверей въ царство небесное, кромѣ отверстыхъ Христомъ, что съ Нимъ только можно войти въ нихъ: «Азъ есмь дверь».

Тутъ обыкновенно въ первоначальное время христіанъ было мѣсто проповѣди; слѣдовали изъясненіе и толкованіе прочитанныхъ Евангелій. Но такъ какъ проповѣдь въ нынѣшнее время говорится большею частію на другіе тексты и, стало-быть, не служитъ изъясненіемъ прочитаннаго Евангелія, то, чтобы не разрушать стройнаго порядка и связи священной литургіи, она отнесена къ концу.

Изображая ангела, побудителя людей къ молениямъ, діаконовъ идетъ на амвонъ воздвигнуть собраніе къ молениямъ еще сильнѣйшимъ и прилежнѣйшимъ. «Рцѣмъ вся отъ всея души, и отъ всего помышленія нашего рцѣмъ!» взываетъ онъ, подымая тремя перстами молитвенный орарь; и, стремя моленія отъ всѣхъ помышленій, всѣ восклицаютъ: «Господи, помилуй!» Усугубля моленія троекратнымъ воззваніемъ о помилованіи, діаконовъ призываетъ сызнова молиться о всѣхъ людяхъ, находящихся на всѣхъ ступеняхъ званій и должностей, начиная съ высшихъ, гдѣ труднѣй челобѣку, гдѣ ему больше преткновеній, и гдѣ ему нужнѣй помощь отъ Бога. Важный изъ собранья, зная, какъ много благоденствіе многихъ зависитъ оттого, когда высшія власти исполняютъ честно свои обязанности, молится сильно о томъ, чтобы Богъ ихъ вразумилъ и наставилъ исполнять честно свое званье и всякому подалъ бы силы пройти честно свое земное поприще. О семъ молится всѣ прилежно, произнеся уже не одинъ разъ: «Господи, помилуй!» но три раза. Вся цѣль этихъ моленій называется сугубой эктеніей, или эктеніей прилежнаго моленія, и священникъ въ алтарѣ передъ престоломъ молится прилежно о принятіи всеобщихъ усугубленныхъ моленій, и самая молитва его называется молитвой прилежнаго моленія.

И если въ тотъ день случится какое-либо приношеніе объ усопшихъ, тогда послѣдъ за сугубой эктеніей возглашается эктенія объ усопшихъ. Держа орарь тремя перстами руки, призываетъ діаконовъ молиться объ успокоеніи

душъ Божіихъ рабовъ,—которыхъ всѣхъ называетъ по именамъ,—чтобы Богъ простилъ имъ всякое прегрѣшеніе, вольное и невольное, чтобы водворилъ ихъ души тамъ, гдѣ праведные успокоются. Тутъ всякій изъ предстоящихъ припоминаетъ всѣхъ близкихъ своему сердцу усопшихъ и произноситъ въ себѣ три раза на всякое воззваніе діакона: «Господи, помилуй!» молясь прилежно и о своихъ, и о всѣхъ почившихъ христіанахъ. «Милости Божіей», восклицаетъ діаконъ: «небеснаго царствія и оставленія грѣховъ ихъ у Христа, Безсмертнаго Царя и Бога нашего, просимъ!» Собраніе вызываетъ съ хоромъ поющихъ: «Подай, Господи!» А священникъ молится въ алтарѣ, чтобы Поправшій смерть и Даровавшій жизнь успокоилъ Самъ души усопшихъ рабовъ Своихъ въ мѣстѣ влачномъ, въ мѣстѣ покойномъ, откуда отбѣжали болѣзнь, печаль и воздыханіе, и, прося имъ въ сердцѣ своемъ отпущенія всѣхъ согрѣшеній, возглашаетъ громко: «Яко Ты еси воскресеніе, и жизнь, и погой усопшихъ рабовъ Твоихъ, Христе, Боже нашъ, и Тебѣ славу воссылаемъ со Безначальнымъ Твоимъ Отцемъ, и Пресвятымъ, и Благимъ, и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Утвердительною «аминь» отвѣтствуетъ ликъ. Діаконъ начинаетъ эктению объ оглашенныхъ.

Хотя и рѣдко бываютъ теперь непринявшіе святаго крещенія и находящіеся въ числѣ оглашенныхъ, но всякій присутствующій, помышляя, какъ далеко онъ отстоитъ и вѣрой, и дѣлами отъ вѣрныхъ, удостоивавшихся со-присутствовать трапезѣ любви въ первые вѣки христіанъ, видя, какъ онъ, можно сказать, только огласился Христомъ, но не внесъ Его въ самую жизнь, только что слышитъ разумъ словъ Его, но не приводитъ ихъ въ исполненіе, и еще холодно его вѣрованье, и нѣтъ огня всепрощающей любви къ брату, поядающей душевную черствость, и что крещенный водой во имя Христа, онъ не достигнуть того возрожденья въ духъ, безъ котораго ничтожно его христіанство, по слову Самого Спасителя: «Кто не родится свыше, не увидитъ въ царствіе небесное», — соображая все сіе, всякій изъ присутствующихъ сокрушено поставляетъ себя въ число оглашенныхъ и на призваніе діакона: «Помоляйтесь, оглашенные, Господу!» отъ глубины сердца взываетъ: «Господи, помилуй!»

«Вѣрные! — взываетъ діаконъ: — помолимся объ оглашенныхъ, чтобы Господь ихъ помиловалъ, чтобы огласилъ ихъ словомъ истины, чтобы открылъ имъ евангеліе правды, чтобы соединилъ ихъ Своей святой соборной и апостольской Церкви, чтобы спасъ, помиловалъ, заступилъ и сохранилъ ихъ Своею благодатью!»

И вѣрные, чувствующіе, какъ мало они стоятъ названія вѣрныхъ, молясь объ оглашенныхъ, молятся о самихъ себѣ, и на всякое отдѣльное призваніе діакона восклицаютъ внутренно послѣдъ за поющимъ ликомъ: «Господи, помилуй!» Діаконъ взываетъ: «Оглашенные, главы ваши Господу преклоните!» Всѣ преклоняютъ свои главы, восклицая внутренно въ сердцахъ: «Тебѣ, Господи!»

Священникъ втайнѣ молится объ оглашенныхъ и о тѣхъ, которыхъ смиреніе души поставило себя въ ряды оглашенныхъ. Молитва его въ сихъ словахъ: «Господи Боже нашъ, живущій на высокихъ, взирающій на смиренныхъ, ниспославшій спасеніе человѣческому роду — Своего Сына, Бога и Господа нашего Иисуса Христа! возри на оглашенныхъ рабовъ Твоихъ, поклонившихъ Тебѣ свои выи! Приюбщи ихъ Церкви Твоей и сопричисли Твоему избранному стаду, чтобы и они славили вмѣстѣ съ нами пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во

вѣки вѣковъ». Ликъ гремитъ «аминь». А въ напоминанье, что наступила минута, въ которую древле выводились изъ церкви оглашенные, диаконъ возглашаетъ громко: «Оглашенные, изыдите!» И вслѣдъ затѣмъ, возвысивъ голосъ, возглашаетъ въ другой разъ: «Оглашенные, изыдите!» И потомъ въ третій разъ: «Оглашенные, изыдите! да никто отъ оглашенныхъ, одни только вѣрные, вновь и вновь Господу помолимся!»

Отъ словъ этихъ содрогаются всѣ, чувствующіе свое недостойство. Взывая мысленно къ Самому Христу, изгнавшему изъ храма Божія продавцовъ и безстыдныхъ торгашей, обратившихъ въ торжище Его святыню, каждый, предстоящій, старается изгнать изъ храма души своей оглашеннаго, не готоваго присутствовать при святынѣ, и взываетъ къ Самому Христу, чтобы воздвигнуть въ немъ вѣрнаго, причисленнаго къ избранному стаду, о которомъ сказалъ апостолъ: «Языкъ святъ, люди обновленія, каменіе, зиждущееся въ храмъ духовенъ», — причисленнаго къ тѣмъ истинно вѣрнымъ, которые присутствовали при литургіи въ первые вѣки христіанъ, которыхъ лики глядятъ теперь на него съ иконостаса. И объемя ихъ всѣхъ взорами, призываетъ ихъ на помощь, какъ братьевъ, молящихся теперь на небесахъ, ибо предстоятъ священнѣйшія дѣйствія — начинается *литургія вѣрныхъ*.

Литургія вѣрныхъ.

Въ закрытомъ алтарѣ іерей распростираетъ на святомъ престолѣ антиминсъ, вмѣстопрестоліе, — платъ съ изображеніемъ тѣла Спасителя, на который должны быть постановлены приуготовленные имъ на проскомидіи святой хлѣбъ и чаша, исполненная вина и воды, и которые съ бокового жертвенника перенесутся теперь торжественно въ виду всѣхъ вѣрныхъ. Распростерши антиминсъ, напоминающій время гоненія христіанъ, когда Церковь не имѣла постоянного пребыванія и, не могла переносить съ собою престола, стала употреблять сей платъ съ частицами мощей, и который остался какъ бы въ возвышеніе, что и нынѣ не прикрѣпляется она ни къ какому исключительному зданью, городу или мѣсту, но, какъ корабль, носится поверхъ волнъ сего міра, не водружая нигдѣ своего якоря: ея якорь на небесахъ, — распростерши сей антиминсъ, онъ приступаетъ къ престолу такъ, какъ бы приступалъ къ нему въ первый разъ и какъ бы только теперь готовился начинать настоящее служеніе: ибо въ первоначальное время у христіанъ только теперь открывался престолъ, доселѣ остававшійся закрытымъ и занавѣшеннымъ по причинѣ присутствія оглашенныхъ, и только теперь начинались настоящія моленья вѣрныхъ. Еще въ закрытомъ алтарѣ припадаетъ онъ къ престолу, и двумя молитвами вѣрныхъ молится онъ объ очищеніи своемъ, о неосужденномъ предстояннѣ святому жертвеннику, объ удостоеніи его принести жертвы въ чистомъ свидѣтельствѣ совѣсти. А диаконъ, стоя на амвонѣ посреди церкви, изображая ангела, побудителя къ молитвамъ, держа орарь тремя перстами, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ къ тѣмъ же моленіямъ, какими начиналась литургія оглашенныхъ.

И также стараясь о приведеніи своихъ сердецъ въ согласное настроеніе міра, теперь еще необходимѣйшаго, всѣ вѣрные взываютъ: «Господи, помилуй!» и еще сильнѣе молятся о свѣщенъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ, о мирѣ всего міра, благосостояннѣ Божіихъ церквей и соединеннѣ всѣхъ, о святомъ храмѣ семъ и о входящихъ въ него съ вѣрою,

благоговѣньемъ и страхомъ Божиимъ, о томъ, чтобы избавиться отъ всякія скорби, гнѣва и нужды. И взываютъ еще сильнѣе въ сердцахъ своихъ: «Господи, помилуй!»

Іерей изъ глубины алтаря возглашаетъ: «Премудрость!» знаменуя симъ, что Та же Самая Премудрость, Тотъ же Вѣчный Сынъ, исходившій въ видѣ Евангелія съять слово, учившее жить, перенесется теперь въ видѣ святаго хлѣба принестись въ жертву за весь міръ. Воздвигнутые симъ напоминачіемъ, всѣ предстоящіе устремляютъ мысли, приготавливаются къ предстанущимъ священнѣйшимъ священнодѣйствіямъ и служеніямъ. Іерей литургисающій втайнѣ молится, припадая къ престолу, сею возвышенной молитвой: «Никто изъ связавшихся чувственными пожеланьями и наслажденьями недостойнѣ приступать къ Тебѣ, или приближаться, или служить Тебѣ, Царю Славы: ибо служенье Тебѣ велико и страшно и самимъ силамъ небеснымъ. Но такъ какъ, по безмѣрному Своему человеколюбію, Ты непреложно и неизмѣнно былъ человекъ, Самъ былъ архіерей и Самъ передалъ намъ священнодѣйство сея служебныя и безкровныя жертвы, какъ Владыка всѣхъ, — ибо Ты одинъ, Боже, владычествуешь и небесными, и земными, — носимый херувимски на престолѣ, Господь серафимовъ и Царь Израилевъ, Единый Святъ и во святыхъ почивающій, то молю Тебя, Единаго Благого, воззри на меня, грѣшнаго и непотребнаго раба Твоего, очисти мою душу и сердце отъ совѣсти лукавыя и удовли меня, облеченнаго благодатью священства, удовли меня силою Твоего Святаго Духа предстать святой Твоей трапезѣ и священнодѣйствовать святое и пречистое Твое тѣло и честную кровь! Къ Тебѣ же прихожу, преклоня мою выю, и молюсь Тебѣ: да не отвратишь лица Твоего отъ меня, ниже отринешь меня отъ отроковъ Твоихъ; но сподоби принестись Тебѣ, посредствомъ меня недостойнаго, симъ дарамъ Твоимъ: ибо Ты еси и приносящій, и приносимый, и приѣмлющій, и раздаваемый, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ».

Царскія врата разверзаются на срединѣ молитвы, такъ что іерей зрится еще молящійся съ распростертыми руками. Діаконъ съ кадильницею въ рукѣ исходитъ уготовить путь Царю всѣхъ и, обильно распространяемымъ куреньемъ подымая облака кадильныхъ благоуханій, посреди которыхъ перенесется Носимый херувимами, напоминаетъ всѣмъ о томъ, чтобы исправилась ихъ молитва, яко кадило предъ Господомъ, — напоминаетъ о томъ, чтобы всѣ, будучи благоуханьемъ Христовымъ, по слову апостола, они вспомнили о томъ, что нужно имъ быть чистыми херувимами для поднятія Господа. А лики на обоихъ клиросахъ подымлютъ отъ лица всей церкви сію херувимскую пѣснь: «Мы, тайно изобразующіе херувимовъ и воспѣвающіе трисвятую пѣснь Животворящей Троицѣ, отложимъ нынѣ всякое попеченье, да Царя всѣхъ подымемя, невидимо копьеносимаго ангельскими чиньями».

Былъ у древнихъ римлянъ обычай новоизбраннаго императора выносить къ народу въ сопровожденіи легионовъ войскъ на щитѣ подъ осыненіемъ множества наклоненныхъ надъ нимъ копій. Пѣсню эту сложилъ самъ императоръ, упавшій въ прахъ со всѣмъ своимъ земнымъ величіемъ предъ величіемъ Царя всѣхъ, копьеносимаго херувимами и легионами небесныхъ силъ: въ первоначальныя времена сами императоры смиренно становились въ ряды служителей при выносѣ святаго хлѣба.

Пѣнье сей пѣсни устраивается ангельскимъ, подобное тому, какъ въ вышинѣ пѣли незримыя силы. Іерей и діаконъ, повторяя внутренно въ себѣ

ту же херувимскую пѣснь, приступаютъ къ боковому жертвеннику, гдѣ совершалась проскомидія. Приступивши къ дарамъ, накрытымъ воздухомъ, диаконъ говоритъ: «Возьми, владыко!» Іерей снимаетъ воздухъ и возлагаетъ ему на лѣвое плечо, и глаголетъ: «Возьмите руки ваша во святая и благословите Господа». Потомъ беретъ дискось съ агнцемъ и возлагаетъ его на главу диакону; а самъ беретъ святую чашу и, предходящему свѣтильнику или лампадѣ, выходитъ боковой или сѣверной дверью къ народу. Если же служенье совершается соборомъ, при множествѣ іереевъ и диаконовъ, то одинъ несетъ дискось, другой — чашу, третій — святую ложку, которую приобщаются, четвертый копье, прободшее св. тѣло. Всѣ принадлежности выносятся, даже самая губка, которою собирались крупичи святаго хлѣба на дискось, и которая образуетъ ту губу, омоченную въ уксусъ и желчь, еюже напоили люди Творца своего. При пѣньи херувимской пѣсни, подобясь небеснымъ силамъ, выступаетъ сей торжественный ходъ, называемый великимъ выходомъ.

При видѣ Царя всѣхъ, несомого въ смиренномъ видѣ агнца, лежащаго на дискось, какъ бы на щитѣ, окруженнаго орудіями земныхъ страданій, какъ бы копьями несчетныхъ невидимыхъ воинствъ и чиновачаіѣй, всѣ долу преклоняютъ свои главы и молятся словами разбойника, завпившаго къ Нему на крестѣ: «Помяни мя, Господи, егда придеши во царствіи Своемъ». Посреди храма останавливается весь ходъ. Священникъ пользуется сей великой минутой, чтобы въ присутствіи несущихъ дары помянуть предъ Господомъ имена всѣхъ христіанъ, начиная съ тѣхъ, кому труднѣй и священнѣй достались обязанности, отъ исполненія которыхъ зависитъ счастье всѣхъ и собственное спасеніе душъ ихъ, — заключая словами: «Васъ и всѣхъ православныхъ христіанъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Пѣвцы оканчиваютъ херувимскую пѣснь троератнымъ пѣньемъ: «Аллилуія», возвѣщающимъ вѣчное хожденіе Господне. Ходъ вступаетъ въ царскія врата. Впереди всѣхъ вшедшій въ алтарь диаконъ, остановившись по правую сторону дверей, встрѣчаетъ священника словами: «Да помянетъ Господь Богъ священство твое во царствіи Своемъ». Священникъ отвѣтствуетъ ему: «Да помянетъ Господь Богъ священнодіаконство твое во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!» И поставляетъ святую чашу и хлѣбъ, представляющій тѣло Христово, на престолъ, какъ бы на гробъ. Врата царскія затворяются, какъ бы двери гроба Господня; занавѣсъ надъ ними задергивается, какъ кустодія, поставленная на стражѣ. Іерей снимаетъ съ главы діакона святыи дискось, какъ бы онъ снимаетъ тѣло Спасителя со креста, поставляетъ его на разстланннй антминсъ, какъ бы на плащаницу, и сопровождаетъ сіе дѣйствіе словами: «Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое Твое тѣло, плащаницею чистою обвивъ и благоуханьми во гробъ новъ закрывъ, положи». И вспоминая вездѣсущность Того, Кто теперь лежитъ предъ нимъ во гробѣ, говоритъ въ себѣ: «Во гробѣ Ты былъ плотски, во адѣ съ душою, какъ Богъ, въ раю съ разбойникомъ и въ то же время на престолѣ съ Отцемъ и Духомъ, Христось, все Собой исполняй, неописанный!» И, вспоминая славу, въ которую облекаетъ сей гробъ, говоритъ: «Какъ живоносецъ, какъ воистину краснѣйшій рай и какъ свѣтлѣйшій всякаго царскаго чертога, явился намъ Твой гробъ, Христе, источникъ всякаго воскресенья». И, снявши покровъ отъ дискоса и отъ чаши и воздухъ съ плеча діакона, изображующій теперь уже не пелены, въ которыя повить былъ Іисусъ Младенецъ, но сударь и гробовые покровы, въ которые повито было Его мертвое тѣло, обкадивъ ихъ омнѣмомъ, покрываетъ онъ ими снова дискось и чашу, произнося: «Благообразный

Іосифъ, снявъ со древа пречистое Твое тѣло, плащаницею чистою обвивъ и благоуханьи во гробъ новъ закрыть, положи». Потомъ, взявши отъ діакона кадильницу, кадитъ святыя дары, поклоняясь предъ ними три раза, и готовясь къ предстоящему жертвоприношенію, говоритъ въ себѣ словами пророка Давида: «Ублажи, Господи, благоволеніемъ Твоимъ Сіона, и да созиждутся стѣны іерусалимскія: тогда благоволиши жертву правды, возношеніе и всесожигаемая, тогда возложить на алтарь Твой тельцы»: ибо, пока Самъ Богъ не воздвигнетъ, не оградитъ душъ нашихъ іерусалимскими стѣнами отъ всякихъ плотскихъ вторженій, мы не въ силахъ вознести ему ни жертвъ, ни всесоженій, и не подыметься кверху пламень духовнаго моленья, разносимый посторонними помышленіями, набѣгомъ страстей и व्यюгой возмущенія душевнаго. Молясь объ очищеніи своемъ для предстоящаго жертвоприношенія, отдавая кадильницу діакону, онустивъ фелонь и преклонивъ главу, говоритъ онъ ему: «Помяни меня, братъ и сослужитель!» — «Да помянетъ Господь Богъ твое священство во царствіи Своемъ!» отвѣтствуетъ діаконъ и въ свою очередь, помышляя о недостойнствѣ своемъ, преклоняетъ главу и, держа орарь въ рукѣ, говоритъ ему: «Помолись о мнѣ, владыко святыи!» Священникъ ему отвѣтствуетъ: «Духъ Святыи найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя». — «Той же Духъ содѣйствуетъ намъ вся дни живота нашего». И полный сознанья своего недостойнства діаконъ присовокупляетъ: «Помяни мя, владыко святыи!» Священникъ ему: «Да помянетъ тебя Господь Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Діаконъ, произнесши: «аминъ» и поцѣловавъ ему руку, исходитъ боковой сѣверной дверью призвать всѣхъ предстоящихъ къ молитвамъ о перенесенныхъ и постановленныхъ на престолъ святыхъ дарахъ.

Взошедъ на амвонъ, лицомъ къ царскимъ дверямъ, поднявъ орарь тремя перстами руки, на подобье поднятаго крыла ангела, побудителя къ молитвѣ, возноситъ онъ цѣль моленій, уже непохожихъ на прежнія. Начинаясь призваніемъ къ моленію о перенесенныхъ на престолъ дарахъ, они скоро переходятъ въ тѣ прошенья, какія только одни вѣрные, живущіе во Христвѣ, возносятъ къ Господу.

«Дня всего совершенна, свята, мирна и безгрѣшна у Господа просимъ», взываетъ діаконъ.

Собранье молящихся, соединяясь съ хоромъ поющихъ, взываетъ отъ сердець: «Подай, Господи!»

«Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ, у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Прощенья и оставленья грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ и мира мірови у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Христіанскія кончины живота нашего, безболѣзненной, непостыдной, мирной и добраго отвѣта на страшномъ судищѣ Христовѣ просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу со всеми святыми помянувши, сами себе, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ».

И въ истинномъ желаньи подобно предать самихъ себя и другъ друга Христу Богу, всѣ восклицаютъ: «Тебѣ, Господи!»

Эктенія завершается возглашеньемъ: «Щедротами Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси со Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ».

Лигъ гремитъ: «Аминь».

Алтарь все еще закрытъ. Священникъ все еще не приступаетъ къ жертвоприношенію: еще много долженствующаго предшествовать тайной вечери. Изъ глубины алтаря посылаетъ онъ привѣтствіе Самого Спасителя: «Миръ всемъ!» Ему отвѣтъ: «И духу твоему». Стоя на амвонѣ, диаконъ, какъ было у первыхъ христіанъ, призываетъ всѣхъ ко взаимной любви словами: «Возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣдаемъ...» Окончанье призванья подхватываетъ ликъ поющихъ: «Отца, и Сына, и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную», возвѣщая, что, не полюбивши другъ друга, нельзя полюбить Того, Кто весь одна любовь, полная, совершенная, содержащая въ своей Троицѣ и любящаго, и любимаго, и самое дѣйствіе любви, которою любящій любить любимаго: любящій — Богъ Отецъ, любимый — Богъ Сынъ, и сама любовь, ихъ связующая, — Богъ Духъ Святой. Три раза поклоняется священникъ въ алтарѣ, произнося въ себѣ тайно: «Возлюблю Тебя, Господи, крѣпость моя, Господь утвержденье мое и прибѣжище мое», и цѣлуетъ покрытые покровами святой дискосъ и святую чашу, цѣлуетъ край святыя трапезы и, сколько бы ни случилось священниковъ, съ нимъ сослужащихъ, каждый дѣлаетъ то же, и потомъ всѣ цѣлуютъ другъ друга. Главный говоритъ: «Христосъ посреди насъ». Ему отвѣтствуютъ: «И есть, и будетъ». Діаконы также, сколько бы ихъ ни случилось, цѣлуютъ каждый вначалѣ свой орарь въ томъ мѣстѣ, гдѣ на немъ изображенъ крестъ, потомъ другъ друга, произнося тѣ же слова.

Прежде всѣ предстоящіе въ церкви лобызали также другъ друга, мужи — мужей, жены — женъ, произнося: «Христосъ посреди насъ», и тутъ же отвѣтствуя: «и есть, и будетъ»; а потому и теперь всякій предстоящій, собирая мысленно предъ собою всѣхъ христіанъ, не только присутствующихъ во храмѣ, но и отсутствующихъ, не только близкихъ къ сердцу, но и далекихъ отъ сердца, спѣша примириться съ тѣми, противъ которыхъ питаетъ какую-нибудь нелюбовь, ненависть, неудовольствіе, — всѣмъ имъ спѣшитъ дать мысленно лобзанье, говоря внутренно: «Христосъ посреди насъ» и отвѣтствуя за нихъ: «И есть, и будетъ»; ибо безъ этого онъ будетъ мертвъ для всѣхъ слѣдующихъ священнодѣйствій, по слову Самого Христа: «Остави даръ свой и иди прежде примиришься съ своимъ братомъ и тогда принеси жертву Богу»; и въ другомъ мѣстѣ: «Аще кто речетъ: люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любя брата своего, егоже видѣ, како можетъ любить Бога, егоже не видѣ?»

Стоя на амвонѣ лицомъ ко всемъ предстоящимъ, держа орарь тремя перстами, произноситъ диаконъ древнее возглашеніе: «Двери! Двери!» древле обращаемое къ привратникамъ, стоявшимъ у входа дверей, чтобы никто изъ язычниковъ, имѣвшихъ обыкновеніе нарушать христіанскія богослуженія, не ворвался бы нагло и святотатственно въ церковь, нынѣ же обращаемое къ самимъ предстоящимъ, чтобы берегли двери сердецъ своихъ, гдѣ уже поселилась любовь, и не ворвался бы туда врагъ любви, а двери устъ и ушей

отверзали бы къ слышанію Символа Вѣры, во знаменованіе чего и отдергивается завѣса надъ царскими дверями, или горнія двери, отверзающіяся только тогда, когда слѣдуетъ устремить вниманіе ума къ тайнствамъ вышшимъ. А диаконъ призываетъ къ слушанію словами: «Премудростію вонмемъ». Пѣвцы твердымъ, мужественнымъ пѣніемъ, больше похожимъ на выговариваніе, читаютъ выразительно и громко: «Вѣрую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ». И, сохранивъ мигъ отдохновенія, чтобы отдѣлилось въ мысляхъ у всѣхъ первое лицо Св. Троицы — Богъ Отець, продолжаютъ, возвышая голосъ: «И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія, Единородного, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ; Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосушна Отцу, Имъже вся быша; насъ ради человекъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчьшася; распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша, и погребенна, и воскресшаго въ третій день по писаніемъ, и восшедшаго на небеса, и сѣдѣща одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Егоже царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа Животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ, споклоняема и славима, глаголавшаго пророки». И, сохранивъ мигъ отдохновенія, чтобы отдѣлилось въ мысляхъ у всѣхъ третіе лицо Св. Троицы — Богъ Духъ Святыи, продолжаютъ. «Во едину святую, соборную и апостольскую Церковь. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь».

Твердымъ, мужественнымъ пѣніемъ, водружая въ сердце всякое слово исповѣданія, поютъ пѣвцы; твердо повторяетъ каждый вослѣдъ за ними слова символа. Мужествуя сердцемъ и духомъ, іерей передъ святымъ престоломъ, долженствующимъ изобразить святую трапезу, повторяетъ въ себѣ Символь Вѣры, и всѣ ему сослужащіе повторяютъ его въ самихъ себѣ, колебля святыи воздухъ надъ св. дарами.

И твердой стопой исходитъ диаконъ и возглашаетъ: «Станемъ добръ, станемъ со страхомъ, вонмемъ, святое возношеніе въ мирѣ приносить», т.-е. станемъ, какъ прилично человекъ предстать передъ Богомъ, съ трепетомъ, съ страхомъ и въ то же время съ мужественнымъ дерзновеніемъ духа, словословящаго Бога, съ возстановившимся согласіемъ мира въ сердцахъ, безъ котораго нельзя вознестись къ Богу. И въ отвѣтъ на призывъ вся церковь, принося въ жертву хваленіе устъ и умягченное состояніе сердець, повторяетъ вослѣдъ за хоромъ пѣвцовъ: «Милость мира, жертву хваленія». Въ первоначальной Церкви было въ обычаѣ приносить въ это время елей, знаменующій всякое умягченіе. Елей и милость въ греческомъ языкѣ тождественны.

Священникъ въ алтарѣ снимаетъ, между тѣмъ, воздухъ со святыхъ даровъ, цѣлуетъ его и кладетъ на сторону, произнося: «Благодать Господа...» А диаконъ, взошедши въ алтарь и взявши въ руки вѣяло, или рипиду, вѣетъ сю благоговѣнно надъ дарами.

Приступая къ совершенію тайной вечера, іерей посылаетъ изъ алтаря къ народу сіе благовѣствующее возглашеніе: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, буди со всѣми вами!» И отвѣтствуютъ ему на то всѣ: «И со духомъ твоимъ!» И алтарь, изображавшій вертепъ, теперь уже горница, въ которой была уготована вечера. Престоль, представлявшій гробъ, теперь уже трапеза, а не гробъ. Напомявая о Спасителѣ, возведемъ очи горѣ передъ тѣмъ, какъ

преподать божественную пищу ученикамъ, священникъ возглашаетъ: «Горѣ имѣемъ сердца!» И каждый изъ стоящихъ во храмѣ помышляетъ о томъ, что имѣетъ совершиться, — что въ эту минуту Божественный Агнецъ идетъ за него заклаться, Божественная кровь Самого Господа вливается въ чашу, въ его очищение, и всѣ небесныя силы, соединяясь съ іереемъ, о немъ молятся, — помышляя о томъ, стремя свое сердце отъ земли къ небу, отъ тьмы къ свѣту, восклицаетъ вослѣдъ за всѣми: «Имамы ко Господу».

Напоминая о Спасителѣ благодарившемъ, по возведеніи очей горѣ возглашаетъ іерей: «Благодаримъ Господа». Ликъ отвѣтствуетъ: «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троицѣ единосущной и нераздѣльной». А священникъ молится втайнѣ: «Достойно и праведно есть Тебя воспѣвать, Тебя благословить, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебѣ поклоняться на всякомъ мѣстѣ владычества Твоего, ибо Ты еси Богъ неизречененъ, недовѣдомъ, невидимъ, непостижимъ, присно сый, такожде сый Ты, и Единородный Твой Сынъ, и Духъ Твой Святыи. Ты отъ небытія въ бытіе насъ привелъ еси и отпадшія вновь возстановилъ насъ и не отступилъ еси вся творя, дондеже на небо насъ возвелъ еси, и даровалъ намъ Твое будущее царство. О сихъ всѣхъ благодаримъ Тебя, и Единороднаго Твоего Сына, и Духа Твоего Святаго, о всѣхъ, которыя знаемъ и которыхъ не знаемъ, о явленныхъ и неявленныхъ благодѣяніяхъ, бывшихъ на насъ. Благодаримъ Тебя и о службѣ сей, которую изъ рукъ нашихъ пріяти изволилъ еси, хотя и предстоятъ Тебѣ тысячи архангеловъ, и тмы ангеловъ, херувими, и серафими шестокрылатые, многоочитые возвышающіеся пернатые, побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, зывающе и глаголюще: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Твоея!»

Эту побѣдную серафимскую пѣснь, которую слышали въ святыхъ видѣніяхъ своихъ пророки, подхватываетъ весь ликъ пѣвцовъ, унося мысли молящихся къ незримымъ небесамъ и заставляя ихъ вмѣстѣ съ серафимами повторять: «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ» и облетая вмѣстѣ съ серафимами престолъ божественной славы. И такъ какъ въ то же время вся церковь ожидаетъ въ эти минуты сошествія Самого Бога, грядущаго принестись въ жертву за всѣхъ, то къ серафимской пѣснѣ, раздающейся въ небесахъ, присоединяется пѣснь еврейскихъ отроковъ, которую они встрѣтили въшествіе Его во Иерусалимъ, подстилая вѣтви по пути: «Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ!» Ибо Господь взойти готовится во храмъ, какъ въ таинственный Иерусалимъ. Діаконъ продолжаетъ вѣять вѣяломъ надъ святыми дарами, чтобы не могло упасть туда какое насѣкомое, изобразя вѣяніемъ движеніе благодати; а священникъ продолжаетъ молиться втайнѣ: «Съ сими блаженными силами, Владыко Человѣколюбче, и мы вопіемъ и глаголемъ: Святъ еси и Пресвятъ, Ты и Единородный Твой Сынъ, и Духъ Твой Святыи. Святъ еси и Пресвятъ, и великолѣпна слава Твоя, иже міръ Твой тако возлюбилъ еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всякъ, вѣруя въ Него, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный, Который, пришедъ и все смотрѣніе о насъ исполнивъ, въ ночь, въ которую былъ преданъ, или, лучше, Самъ Себя предавъ за жизнь міра, взявши хлѣбъ въ святыхъ Своихъ, пречистыхъ, непорочныхъ руки, благодаривъ, благословивъ, освятивъ, преломивъ и давши святымъ своимъ ученикамъ и апостоламъ, сказалъ...» и громко возглашаетъ іерей слова Спасителя: «Примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ». И вся церковь вослѣдъ за ликомъ возглашаетъ: «аминь». А діаконъ, держа орарь, указываетъ священнику на святыи дискось, на которомъ

положенъ хлѣбъ. Священникъ продолжаетъ втайнѣ: «Подобно и чашу по вечерѣ, глаголя...» и также, по указанію діакона на чашу, возглашаетъ громко: «Пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ». И также громко возглашаетъ вся церковь: «аминь».

Священникъ продолжаетъ молиться втайнѣ: «И такъ вспоминая сію спасительную заповѣдь и все о насъ бывшее: крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, на небеса восхожденіе, одесную сидѣніе, второе и славное пришествіе вновь» — и, произнесши это въ себѣ, возглашаетъ громко: «Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся». Отложивъ рипиду, діаконъ приподымаетъ святой дискосъ и святой потиръ — алтарь уже не горница Тайныя Вечери, престолъ не трапеза: онъ уже теперь жертвенникъ, на которомъ приносится страшная жертва за весь міръ, — Голгоѳа, на которой совершилось заколѣніе Божественной Жертвы. Эта минута есть минута и жертвоприношенія, и напоминанія всякому о жертвѣ Творцу. Поклоненіе отдается нами и земнымъ властямъ; обоженіе, уваженіе, покорность мы воздаемъ и людямъ, но жертву — единому Творцу. Она не прекращалась отъ самаго созданія міра и въ какомъ бы видѣ ни приносилась, требовалась не самая жертва, но духъ сокрушенъ, съ которымъ она приносилась. Поэтому, всякій изъ предстоящихъ, вспомни, что въ эту минуту священникъ, презрѣвъ все долнее, оставивши всѣ помыслы, всѣ мысли о земномъ, подобно какъ Авраамъ, который, когда восходилъ на горы принести жертву, оставивъ внизу и жену, и раба, и осла своего, взявши съ собой только дрова горькаго исповѣданія прегрѣшеній своихъ и сжегши ихъ огнемъ раскаянія душевнаго, огнемъ и мечомъ духа закововши въ себѣ всякое желаніе земныхъ стяжаній и блага земного. Но что предъ Богомъ всѣ наши жертвы, когда Онъ гласитъ устами пророка: «яко портъ нечистъ вся дѣла ваша?» Въ глубокомъ сознаніи, что нѣтъ Богу на землѣ ничего достойнаго жертвы, каждый изъ предстоящихъ обращается мысленно къ той же чашѣ, которую въ алтарь подымаетъ служитель алтаря, и восклицаетъ во глубинѣ сердца своего: «Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся». Ликъ поетъ: «Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимтися, Боже нашъ!»

И наступаетъ верховнѣйшая минута всей литургіи: пресуществленіе. Въ алтарь происходитъ троекратное призваніе Святаго Духа на святыя дары, — Того Самаго Святаго Духа, которымъ совершилось воплощеніе Христова отъ Дѣвы, Его смерть, Его воскресеніе, и безъ Котораго не можетъ пресуществиться хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову.

Упавъ ницъ предъ св. престоломъ, священникъ и діаконъ творять троекратно земные поклоны, произнося въ себѣ: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихся». И каждый вслѣдъ за симъ призваньемъ произноситъ въ себѣ стихъ: «Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей». И во второй разъ то же призваніе: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихся»; вслѣдъ затѣмъ стихъ: «Не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене». И въ третій разъ призваніе: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихся». Подклонивъ главу, діаконъ указываетъ ораремъ на святой хлѣбъ, произнося въ себѣ: «Благослови, владыко, святой хлѣбъ»; и знаменуетъ его

трижды іерей, глаголя: «И сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего». Діаконъ произноситъ: «аминь». И хлѣбъ уже есть самое тѣло Христа. И такъ же безмолвно указываетъ діаконъ ораремъ на святую чашу, произнося въ себѣ: «Благослови, владыко, святую чашу». И, благословляя, глаголетъ священникъ: «А еже въ чаши сей, честную кровь Христа Твоего». Діаконъ произноситъ: «аминь» и, указавъ на обоя святая, глаголетъ: «Благослови, владыко, обоя». Благословивъ, произноситъ священникъ: «Предложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ»; троекратно произноситъ діаконъ: «аминь» — и на престолѣ уже тѣло и кровь: пресуществленіе совершилось! Словомъ вызвано Вѣчно Слово. Іерей, имѣя глаголь намѣсто меча, совершилъ закланье. Бто бы онъ ни былъ самъ, — Петръ или Иванъ, — но въ его лицѣ Самъ Вѣчный Архіерей совершилъ сіе закланіе и вѣчно совершаетъ Онъ его въ лицѣ своихъ іереевъ, какъ по слову: «да будетъ свѣтъ», — свѣтъ сіяетъ вѣчно; какъ по слову: «да произраститъ земля быліе травное», — произращаетъ его вѣчно земля. На престолѣ — не образъ, не видъ, но самое тѣло Господне, — то самое тѣло, которое страдало на землѣ, терпѣло заушенія, было оплевано, распято, погребено, воскресло, вознеслось вмѣстѣ съ Господомъ и сидитъ одесную Отца. Видъ хлѣба сохраняетъ оно только затѣмъ, чтобы быть «нѣдью человѣку, и что Самъ Господь сказалъ: «Азъ есмь хлѣбъ».

Церковный звонъ подымается съ колокольной возвѣститъ всѣмъ о великой минутѣ, чтобы человѣкъ, гдѣ бы онъ въ это время ни находился, — въ пути ли, въ дорогѣ, обрабатываетъ ли землю полей своихъ, сидитъ ли въ дому своемъ, или занятъ другимъ дѣломъ, или томится на одрѣ болѣзни, или въ тюремныхъ стѣнахъ, словомъ, — гдѣ бы онъ ни былъ, чтобы могъ отовсюду вознести моленье и отъ себя въ эту страшную минуту. Все повергается ницъ въ виду тѣла и крови Господней, зывая ко Господу словами разбойника: «Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ».

Подклонивъ главу священнику, діаконъ произноситъ: «Помяни мя, святыи владыко!» Ему отвѣтствуетъ священникъ: «Помянетъ тебя Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». И приступаетъ священникъ къ поминанью всѣхъ предъ лицемъ Господа, собирая всю Церковь, и торжествующую, и воинствующую, въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ вспоминались всѣ на проскомидіи, начиная съ Богопресвятой, Пречистой Матери Господа, Которую тутъ же вся церковь ублажаетъ, вмѣстѣ съ ликою, хвалебною пѣсню, какъ Предстательницу за весь родъ человѣческій, какъ единственную удостоившуюся, за высокое смиреніе свое, понести въ себѣ Бога, — чтобы каждый въ эту минуту слышалъ, что высшая добродѣтель — смиреніе, и въ сердцѣ смиреннаго воплощается Богъ. И вослѣдъ за Божію Матерію вспоминаются пророки, апостолы, отцы Церкви, въ томъ же порядкѣ, какъ изнимались за нихъ части на проскомидіи; потомъ — всѣ усопшіе, которыхъ помянникъ читаетъ діаконъ, потомъ живущіе, начиная съ тѣхъ, на которыхъ возложены важнѣйшія обязанности и высшія, — съ право правящихъ слово истины духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, отъ государя: да пособитъ ему Господь на трудномъ его поприщѣ во всякомъ дѣлѣ общаго добра, и да въ союзномъ стремленіи ко благу отвѣтствуетъ ему весь государственный корабль управленія, палата власти, воинства, исполняя честно долгъ, «да и мы, въ тишинѣ ихъ, тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ». И о всѣхъ предстоящихъ христіанахъ до единого молится въ это время іерей, чтобы Милостивый на всѣхъ излилъ Свой милости, сокровища ихъ исполнилъ блага, супружества ихъ соблюлъ бы въ единомыслии и мирѣ, младенцевъ воспиталъ бы, юность наставилъ, старость

поддержалъ, малодушныхъ утѣшилъ, расточенныхъ собралъ, прельщенныхъ обратилъ и совокупилъ святой Своей соборной и апостольской Церкви. И обо всѣхъ до послѣдняго христіанина въ это время молится смиренно іерей, гдѣ бы такой христіанинъ ни находился — въ пути ли онъ, въ дорогѣ, въ плаваніи, путешествіи, страдаетъ ли въ недугѣ, томится ли въ заточеніи, въ рудахъ и пропастяхъ земли. Обо всѣхъ до едина молится въ это время вся церковь, и каждый изъ предстоящихъ, сверхъ этого общаго моленія обо всѣхъ, молится еще о всѣхъ своихъ, близкихъ своему сердцу, всѣхъ ихъ поименоывая предъ лицомъ тѣла и крови Господней. И возглашаетъ громко священникъ изъ алтаря: «И даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Утвердительному «аминъ» отвѣтствуетъ Церковь. Священникъ возглашаетъ: «И да будутъ милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами!» Ему отвѣтствуютъ: «и со духомъ твоимъ». И симъ оканчиваются моленія о всѣхъ, составляющихъ Церковь Христову, совершаемыя передъ лицомъ самаго тѣла и самой крови Христовой.

Діаконъ восходитъ на амвонъ воздвигнуть моленія о самыхъ дарахъ, уже принесенныхъ Богу и пресуществленныхъ, да не въ судъ и въ осужденіе обратятся. Подъявъ орарь тремя перстами десныя руки своей, такъ восперяетъ онъ всѣхъ къ молитвѣ: «Вся святія помянувшѣ, вновь и вновь миромъ Господу помолимся!» И воспѣваетъ ликъ: «Господи, помилуй!» — «О принесенныхъ и освященныхъ честныхъ дарахъ Господу помолимся». И воспѣваетъ ликъ: «Господи, помилуй!» — «Яко да Человѣколюбець Богъ нашъ, — зываетъ діаконъ: — пріявъ ихъ во святыи превышенебесныи и мысленныи свой жертвенникъ, въ воню благоуханія духовнаго, возниспослетъ намъ божественную благодать и даръ Духа Святаго, помолимся». И воспѣваетъ ликъ: «Господи, помилуй!» — «О избавленіи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды Господу помолимся». И воспѣваетъ ликъ: «Господи, помилуй!» — «Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатию!» И зываетъ ликъ: «Господи, помилуй!» — «Дня всего совершеннаго, всего святаго, мирнаго, безгрѣшнаго у Господа просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» — «Ангела мирнаго, вѣрнаго наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ у Господа просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» — «Прощенія и оставленія грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ у Господа просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» — «Добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ и мира міру у Господа просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» — «Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати у Господа просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» — «Христіанскія кончины живота нашего безболѣзненной, непостыдной, мирной и добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовомъ просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» И произноситъ діаконъ, уже не призывая въ помощь святыхъ, но обращая всѣхъ прямо ко Господу: «Соединеніе вѣры и причастіе Святаго Духа испросивши, сами себя, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». И воспѣваютъ всѣ въ полной и совершенной преданности: «Тебѣ, Господи!»

Священникъ же намѣсто троичнаго славословія возглашаетъ: «И сподоби насъ, Владыко, со дерзновеніемъ, неосужденно смѣть призывать Тебя, небеснаго Бога Отца, и глаголати». И всѣ вѣрные въ эту минуту не какъ рабы, исполненные страха, но какъ дѣти, какъ чистые младенцы, доведенные самими моленіями и всею службою и постепеннымъ ходомъ ея святыхъ обрядовъ до

того небесно-умиленного, ангельскаго состоянія души, въ которомъ можетъ прямо говорить человѣкъ съ Богомъ, какъ съ нѣжнѣйшимъ отцомъ, произносить сію молитву Господню: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое, да придетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго».

Все обняла собою сія молитва, и въ ней все заключилось, что намъ нужно. Прошеньемъ: «да святится имя Твое» просится первое, о чемъ прежде всего мы должны просить: гдѣ святится Божіе имя, тамъ всеъ хорошо, тамъ, значитъ, всеъ въ любви живутъ, ибо любовью только святится имя Божіе. Словами: «да придетъ царствіе Твое» вызывается царство правды на землю, ибо безъ прихода Божія не быть правдѣ: ибо Богъ есть правда. Въ словахъ: «да будетъ воля Твоя», приводитъ человѣка и вѣра, и разумъ: чья же воля можетъ быть прекраснѣй Божіей воли? Кто же лучше Самого Творца знаетъ, что нужно Его творенію? Кому же вѣрится, какъ не Тому, Боторый весь есть благотворящее благо и совершенство? Словомъ: «даждь намъ хлѣбъ нашъ насущный» просимъ мы всего, что нужно для дневнаго существованья нашего, хлѣбъ же нашъ есть Божія Премудрость, есть Самъ Христосъ. Онъ Самъ сказалъ: «Азъ есмь хлѣбъ, и ядый Меня не умретъ». Словомъ: «остави намъ долги наша» мы просимъ о снятіи съ насъ всехъ тяжкихъ грѣховъ нашихъ, на насъ тяготѣющихъ, — просимъ прощенія намъ всего того, чѣмъ задолжали мы Самому Творцу въ лицѣ братій нашихъ, Боторый ежедневно и ежеминутно въ образѣ ихъ протягиваетъ намъ руку Свою, надрывающимъ всю душу воплемъ умолая о милости и милосердіи. Словомъ: «не введи насъ во искушеніе» мы просимъ о избавленіи насъ отъ всего, смущающаго духъ нашъ и отъемлющаго у насъ душевное спокойствіе. Словомъ: «но избави насъ отъ лукаваго» мы просимъ о небесной радости: ибо какъ только отступаетъ отъ насъ лукавый, радость уже вдругъ входитъ въ нашу душу, и мы уже на землѣ, какъ на небесахъ.

Такъ все заключаетъ въ себѣ и все объемлетъ собою сія молитва, которою молиться научила насъ Сама Премудрость Божія, и кому же молиться? молиться Отцу Премудрости, породившему Премудрость Свою прежде вѣковъ. Такъ какъ все предстоящія должны повторять въ себѣ молитву сію не устами, но самой чистой невинностью младенческаго сердца, то и самое пѣнье ея на ликахъ должно быть младенческое: не мужественными и суровыми звуками, но звуками младенческими, какъ бы лобзающими самую душу, должна воспѣваться сія молитва, да весеннее дыханіе самихъ небесъ въ ней слышится, да лобзаніе самихъ ангеловъ въ ней носится, ибо въ молитвѣ этой уже не называемъ мы и Богомъ Того, Кто сотворилъ насъ, а говоримъ Ему просто: «Отче нашъ!»

Церей прѣвѣтствуетъ изъ глубины алтаря какъ бы прѣвѣтствіемъ Спасителя: «Миръ всемъ!» Ему отвѣтствуютъ: «И духови твоему!» Напоминая о сердечномъ внутреннемъ исповѣданіи, которое долженъ всякій совершить внутри самого себя въ сію минуту, діаконъ взываетъ: «Главы ваши Господеви преклоните!» И, преклонивъ главы свои, все до единаго изъ предстоящихъ произносятъ въ себѣ почти такую молитву: «Тебѣ, Господи Боже мой, преклоняю главу и во исповѣданіи сердечномъ вопію: грѣшенъ, Господи, и недостойнъ просить у Тебя прощенія, но Ты, какъ Человѣколюбецъ, такъ же ни за что, какъ блуднаго сына, меня помилуй, какъ мытаря, меня оправдай и удостой меня, какъ разбойника Твоего небеснаго царства». И когда все

такимъ образомъ, преклонивъ главы свои, пребываютъ въ внутреннемъ сокрушеніи сердечномъ, іерей молится у алтаря за всѣхъ такими внутри самого себя произносимыми словами: «Благодаримъ Тебя, Царю невидимый, иже неисчетною Твоею силою вся содѣлывалъ еси, и множествомъ милости Твоя отъ небытія въ бытіе вся привелъ еси, Самъ, Владыко, съ небесъ призри на преклонившихъ Тебѣ главы своя, ибо подклонили они ихъ не плоти и крови, но Тебѣ, страшному Богу. Ты же, Владыко, все, что предлежитъ намъ, изравняй во благо намъ, каждому по потребности его: плавающимъ сплавай, путешествующимъ спутешествуй, недугующія исцѣли, Врачу душъ и тѣлесъ!» И возглашаетъ вслѣдъ затѣмъ великолѣпное троичное славословіе, обращенное къ небесной милости Божіей: «Благодатію и щедротами, и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъже благословенъ еси, со Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!» Ликъ возглашаетъ: «аминь». А священникъ, приготавливая къ приобщенію себя самого и всѣхъ потомъ тѣла и крови Христовой, молится такою тайною молитвою: «Вонми, Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, отъ святаго жилища Твоего и отъ престола славы царствія Твоего! Прииди освятить насъ, горѣ съ Отцомъ сидящій и здѣсь невидимо намъ спребывающій, и сподоби державной рукой Твоей преподать намъ (священникамъ) пречистое тѣло Твое и честную кровь Твою, а нами всѣмъ Твоимъ людямъ».

Во время глаголанія сей молитвы, діаконъ готовится къ причащенію: становится передъ царскими вратами, опоясуя себя ораремъ и складывая его крестовидно на себѣ въ подобіе ангеловъ, крестовидно складывающихъ на себѣ крылья и закрывающихъ ими лица свои передъ неприступнымъ свѣтомъ божества. Поклоняясь три раза, такъ же какъ и священникъ, произноситъ онъ три раза въ себѣ: «Боже, очисти меня грѣшнаго и помилуй меня!» Когда же священникъ простретъ руки свои къ святому дискоосу, воздвигающимъ словомъ «вонмемъ» напоминаетъ онъ всѣмъ во храмѣ къ устремленію мысли на происходящее. Алтарь сокрывается отъ глазъ народа, завѣса задергивается, да совершится прежде приобщеніе самихъ іереевъ. Одинъ только голосъ іерея, подъемлющаго святой дискоосъ, «Святая Святимъ», раздастся изъ алтаря. Содрогаясь отъ сего возвѣщенія, говорящаго, что нужно быть святымъ для принятія святыни, весь молящійся храмъ отвѣтствуетъ ему: «Единъ Святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ, во славу Бога Отца», и воспѣвается вслѣдъ за тѣмъ хвалебный гимнъ святому, егоже день, въ возвѣщеніе, что можно быть святу человѣку, такъ же, какъ сталъ святъ святой, которому гимнъ поется: сталъ святъ онъ не своей святостью, но святостью Самого Христа. Пребываньемъ во Христѣ святится человѣкъ и въ такія минуты пребыванья святъ, какъ Самъ Христосъ, подобно какъ желѣзо, когда пребываетъ въ огнѣ, становится и само огонь и потухаетъ вмигъ, какъ только изъемлется изъ огня, и становится вновь темнымъ желѣзомъ.

Священникъ раздробляетъ теперь святой хлѣбъ, сначала по знаку, начертанному на проскомидіи, на четыре части, съ благоговѣніемъ произнося: «раздробляется и раздѣляется Агнецъ Божій, раздробляемый и нераздѣляемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый, но освящаяй причащающіяся». И сохранивъ одну изъ сихъ частей для приобщенія себя и діакона святаго тѣла въ видѣ, несоединенномъ еще съ кровію, дробитъ потомъ части хлѣба по числу приобщающихся, но не дробится въ семь дробленій самое тѣло Христово, котораго и кость не сокрушилась, и въ малѣйшей частицѣ сохраняется тотъ же всецѣлый Христосъ, какъ въ каждомъ членѣ нашего тѣла присутствуетъ

та же человѣческая душа нераздѣльная и всецѣлая, какъ въ зеркалѣ, хотя бы оно и сокрушилось на сотни кусковъ, сохраняется отраженіе тѣхъ же предметовъ даже въ самомъ малѣйшемъ кускѣ. Какъ въ звукѣ, насъ огласившемъ, сохраняется то же единство его, и остается онъ тотъ же самый единый всецѣлый звукъ, хотя и тысячи ушей его слышали. Но въ чашу не погружаются всѣ тѣ части, которыя были вынуты на проскомидіи во имя святыхъ, во имя усопшихъ и во имя нѣкоторыхъ живущихъ. Онѣ остаются до времени еще на дискосѣ; только частями, составляющими тѣло и кровь Господню, приобщается Церковь. Въ первоначальныя времена Церкви причащались ими въ видѣ несоединенномъ, какъ нынѣ приобщаются у насъ одни іереи, и каждый, пріемля въ руки тѣло Господа, испивалъ потомъ самъ изъ чаши. Но когда, — безчинствомъ невѣжественныхъ новообращенныхъ христіанъ, ставшихъ только по имени христіанами, — начали уносить святыя дары въ дома свои, употребляя ихъ въ суевѣрія и колдовства, или же безчинно обращаться съ ними тутъ же во храмѣ, толкая другъ друга, производя шумъ и даже проливая святыя дары, когда нашлись въ необходимости отцы многихъ Церквей отмѣнить вовсе приобщеніе крови для всего народа, замѣнивъ его хлѣбнымъ знакомъ облатки, какъ сдѣлала то у себя католическая западная Церковь, — тогда святой Іоаннъ Златоустъ, чтобы не случилось и въ Церкви восточной того, установилъ преподавать народу кровь и тѣло не порознь, но въ соединенномъ видѣ, и не давать ему ни того, ни другого въ собственные руки, но преподавать святой ложкой, имѣющей образъ тѣхъ клещей, которыми огненный серафимъ прикоснулся устамъ пророка Исаи, дабы напомнить всѣмъ, какого рода то прикосновеніе, которое готово прикоснуться устамъ, дабы увидѣлъ ясно всякъ, что сей святой ложкой держать іерей тотъ горящій уголь, который схватилъ таинственными клещами серафимъ отъ самаго жертвенника Божія, дабы единымъ только прикосновеніемъ его къ устамъ пророка отъять отъ него всѣ грѣхи его. Тотъ же самый Златоустъ, чтобы удалить съ тѣмъ вмѣстѣ всякую мысль о томъ, что сіе соединеніе тѣла и крови соединило и вмѣстѣ дѣлается произвольно іереемъ, ввелъ въ минуту самаго соединенія ихъ вмѣстѣ влітіе теплой воды въ сосудъ, знаменующее теплотворную благодать Духа Святаго, изливаемую въ разрѣшеніе такого соединенія, почему и произносится при этомъ діакономъ: «Теплота вѣры, исполнь Духа Святаго». А на самое влітіе теплоты призывается благословеніе Того же Духа Святаго, чтобы ничто не совершилось при этомъ безъ благословенія Самого Господа, чтобы въ то же время и теплота послужила подобіемъ теплотѣ крови, давая самимъ вкушеніемъ ея чувствовать всякому, что не отъ мертваго тѣла, изъ котораго не истекаетъ теплая кровь, но отъ живого, животворящаго и животворнаго тѣла Господня онъ ее пріемлетъ, чтобы и здѣсь онъ слышалъ возвѣщеніе того, что и отъ мертваго тѣла Господня не отступила божественная душа и было дѣйствіе Духа оно полно, и божество съ нимъ не разлучалось.

Приобща вначалѣ себя, потомъ діакона, служитель Христовъ предстоить новымъ человѣкомъ, какъ очищенный святынею приобщенія отъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній, какъ святой истинно въ эту минуту и какъ достойный приобщать другихъ.

Врата царскія разверзаются, діаконь возноситъ торжественный гласъ: «со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите». И всѣмъ предстоить преображенный серафимъ съ святой чашей въ рукахъ — іерей, во святыхъ вратахъ стоящій.

Горя желаніемъ Бога, стгорая любовнымъ пламенемъ къ Нему, сложивъ руки крестомъ на груди своей, одинъ за другимъ подступаютъ къ нему

приобщающіеся я, преклоня главу, повторяетъ всякъ въ себѣ сіе исповѣданіе Распятяго:

«Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистинну Христось, Сынъ Бога Живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ. Еще вѣрую, яко сіе самое есть пречистое тѣло Твое, и сія есть самая честная кровь Твоя, молюся убо Тебѣ: помилуй мя и прости ми прегрѣшенія моя вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдніемъ и невѣдніемъ, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ Твоихъ таинствъ во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную». И, остановившись на одно мгновение, дабы объять мыслию значеніе того, къ чему приступаетъ, продолжаетъ глубиной сердца своего повторять послѣдующія слова:

«Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника меня прими: не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ, яко Юда, но, яко разбойникъ, исповѣдую Тя: помяни меня, Господи, во царствіи Твоемъ». И совершивъ одинъ мигъ благоговѣйнаго молчанія въ себѣ, продолжаетъ: «Да не въ судъ или во осужденіе будетъ мнѣ причащеніе святыхъ Твоихъ таинъ, Господи, но во исцѣленіе души и тѣла».

И, прочитавъ сіе исповѣданіе, уже не такъ, какъ къ іерею, но какъ къ самому огненному серафиму, приступаетъ каждый, готовясь раскрытыми устами принять съ святыхъ ложки тотъ огнепальный уголь святаго тѣла и крови Господа, который долженствуетъ въ немъ поглотить, какъ тлѣнный хворостъ, весь черныи дрягъ его прегрѣшеній, изгнавъ вѣчную ночь изъ души его, превративъ его самого въ просвѣтленнаго серафима. И когда, подъявъ святую ложку надъ устами его и упомянувши его, произнесетъ іерей: «Причащается рабъ Божій честныя и святыхъ крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во оставленіе грѣховъ своихъ и въ жизнь вѣчную», приѣмлетъ онъ тѣло и кровь Господа, и въ нихъ приѣмлетъ минуту свиданья съ Богомъ, становясь лицомъ къ лицу къ Нему Самому. Въ минутѣ этой нѣтъ времени, и ничѣмъ не отличается она отъ самой вѣчности, ибо въ ней пребываетъ Тотъ, Кто есть начало вѣчности. Приявъ въ тѣлѣ и крови сію великую минуту, исполненный святаго ужаса стоитъ приобщившійся: святыхъ воздухомъ окупаются уста его при повтореніи серафимскихъ словъ пророку Ісаіа: «Се прикоснуся устамъ твоимъ и отыметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ». Самъ святой, возвращается онъ отъ святыхъ чаши, поклоняясь святымъ, ихъ привѣтствуя, и поклоняясь всѣмъ предстоящимъ, какъ ближайшимъ въ нѣсколько разъ своему сердцу, чѣмъ дотолѣ, какъ связавшимся теперь съ нимъ узами святаго небеснаго родства, и становится потомъ на свое мѣсто, исполненный той мысли, что принялъ въ себя Самого Христа и что Христось въ немъ, что Христось сошелъ своею плотью, какъ во гробъ, къ нему въ утробу, дабы, проникнувъ потомъ въ тайное хранилище сердца, воскреснуть въ духъ его, совершая въ немъ самою и погребенье, и воскресенье Свое. Сіяетъ свѣтомъ сего духовнаго воскресенья вся церковь, и воспѣваютъ пѣвцы сіи ликующія пѣсни:

«Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся Святому Господу Иисусу, Единому Безгрѣшному. Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ: Ты бо еси Богъ нашъ, развѣ Тебе инога не знаемъ, имя Твое именуемъ. Приидите вси вѣрніи, поклонимся святому Христову воскресенію: се бо прииде крестомъ радость всему міру. Всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе Его: распятіе бо претерпѣвъ, смертію смерть разруши». И подобно ангеламъ, соединяющимся въ это время:

«Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія. Ликуй нынѣ и веселися, Сионе; Ты же Чистая красуйся Богородице о возстаніи рождества Твоего. О, пасха велія и священнѣйшая Христе! О, мудросте и слове Божій и сило! подавай намъ истѣ Тебе причащаться, въ нечерныѣ дни царствія Твоего!»

Въ продолженіе же того, какъ воскресными пѣснями оглашается ликующая церковь, священникъ въ закрытомъ алтарѣ, постановивъ святую чашу на святую трапезу, которая, такъ же какъ и дискось, покрывается вновь покрывами, произноситъ благодарственную молитву Самому благодѣтелю душъ Господу за удостоеніе приобщиться небесныхъ и безсмертныхъ Его таинствъ и заключаетъ ее прошеніемъ, да исправитъ путь нашъ, утвердитъ насъ всѣхъ въ священномъ страхѣ къ нему, соблюдетъ житіе наше и содѣлаетъ твердыми стопы наши.

И разверзаются затѣмъ въ послѣдній разъ царскія врата, возвѣщая разверзаньемъ своимъ разверзанье самого царствія небеснаго, которое доставилъ Христосъ всѣмъ принесеньемъ Самого Себя въ духовную снѣдь всему міру. Въ видѣ святой чаши, износимой діакономъ въ сопровожденіи словъ «со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите», и въ ея отнесеніи изображается исходъ Самого Господа къ народу, дабы возвести ихъ всѣхъ съ Собою въ домъ Отца Своего. Громомъ торжественнаго пѣснопѣнья гремитъ весь ликъ въ отвѣтъ: «Благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явился намъ!» И громомъ пѣснопѣнья духовнаго, исходящаго изъ глубины возрастающаго духа, совоспѣваетъ ему вся церковь. Священникъ же, благословивъ предстоящихъ словами: «Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояніе Твое», — ибо предполагая, что всѣ по чистотѣ въ эту минуту обратились въ собственное достояніе Божіе, — устремляется мыслью къ вознесенію Господню, которымъ завершилось Его пребыванье на землѣ: становится вмѣстѣ съ діакономъ предъ святымъ престоломъ и, поклоняясь, кадитъ онъ въ послѣдній разъ, и кади произноситъ въ себѣ: «Вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя», между тѣмъ какъ ликъ восторгающимъ пѣснопѣніемъ и звуками, сияющими весельемъ духовнымъ, стремится просвѣтленныя души всѣхъ предстоящихъ къ произнесенію вослѣдъ за нимъ сихъ словъ самой радости духовной: «Видѣхомъ свѣтъ истинный, прияхомъ духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, Нераздѣльной Троицѣ поклоняемся, Та бо насъ спасла есть».

Діаконъ показывается въ святыхъ дверяхъ съ святымъ дискосомъ на главѣ, не произнося ни одного слова: безмолвнымъ возрѣньемъ своимъ на все собранье и уходомъ знаменуетъ удаленье отъ насъ и вознесенье Господне. Вослѣдъ за діакономъ показывается въ святыхъ дверяхъ іерей съ святою чашею и возвѣщаетъ пребываніе съ нами до скончанія вѣковъ вознесшагося Господа словами: «Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ», послѣ чего и чаша, и дискось относятся вновь на боковой жертвенникъ, на которомъ совершалась проскомидія, который изображаетъ теперь уже не вертепъ, видѣвшій рожденіе Христово, но то верховное мѣсто славы, гдѣ совершился возвратъ Сына въ лоно Отчье.

Здѣсь вся церковь, предводимая поющимъ ликомъ, соединяется въ одно торжественно-благодарное пѣніе душъ своихъ; и сіи суть слова ея восхваленія: «Да исполнятся уста наша хваленія Твоего, Господи, яко да поемъ славу Твою, яко сподобилъ еси насъ причаститися святымъ Твоимъ, божественнымъ, безсмертнымъ и животворящимъ тайнамъ, соблюди насъ во Твоей святости, весь день поучатися правдѣ Твоей!» И воспѣваетъ троекратно вослѣдъ за тѣмъ хоръ пѣвцовъ воздвигающее слово «аллилуія», говорящее имъ непрестающее

хождение и всюду пребывание Божіе. Діаконъ же, восходитъ на амвонъ, воздвигнуть въ послѣдній разъ предстоящихъ къ молениямъ благодарственнымъ. Подъѣвъ орарь тремя перстами руки своей, говоритъ онъ: «Прости, пріямше божественныхъ, святыхъ, пречистыхъ, безсмертныхъ, небесныхъ и животворящихъ, страшныхъ Христовыхъ таинъ, достойно благодаримъ Господа». И благодаря сердцами, воспѣвають всѣ тихо: «Господи, помилуй!» — «Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію!» взываетъ въ послѣдній разъ діаконъ. И воспѣвають всѣ: «Господи, помилуй!» — «День весь совершенъ святъ, миренъ и безгрѣшенъ испросивши, сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». И съ покорностію проткой младенца, въ небесной довѣренности къ Богу, всѣ восклицаютъ: «Тебѣ, Господи!» А священникъ, складывая въ это время антминсъ и съ Евангелиемъ въ рукахъ, ознаменовавъ....., возглашаетъ троячное славословіе, которое, озарявъ доселѣ, подобно всеозаряющему маяку, весь путь богослуженія, и теперь вспыхиваетъ еще сильтѣйшимъ свѣтомъ въ просвѣтившихся душахъ; и такое на сей разъ обращеніе троячнаго славословія: «Яко Ты еси освященіе наше, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ».

Затѣмъ священникъ приступаетъ къ боковому жертвеннику, на которомъ постановлены чаша и дискосъ. Всѣ тѣ частицы, которыя оставались доселѣ на дискосѣ и были вынуты на проскомидіи въ воспоминаніе святыхъ, въ упокой усопшихъ и въ душевное здравіе живущихъ, теперь погружены во святую чашу и въ семь дѣйствій ихъ погруженія приобщается тѣлу и крови Христовой вся Церковь Его — и та, которая еще странствуетъ и воинствуетъ на землѣ, и та, которая уже торжествуетъ на небесахъ: Богоматерь, пророки, апостолы, отцы церковные, святители, отшельники, мученики, всѣ грѣшныя, за которыхъ были вынуты части, на землѣ живущіе и отошедшіе, приобщаются въ эту минуту тѣлу и крови Христовой. И священникъ, предстоивъ такую минуту предъ Богомъ, какъ представитель всей его Церкви, испиваетъ изъ чаши сіе причащеніе всѣхъ и, пріемля въ себя приобщеніе всѣхъ, молится о всѣхъ, да омыются грѣхи ихъ, ибо за искупленіе всѣхъ принесена жертва Христомъ, какъ за тѣхъ, которые жили до Его пришествія, такъ и за тѣхъ, которые жили по пришествіи Его. И какъ бы ни была грѣшна молитва его, но священникъ возноситъ ее за всѣхъ, даже за самихъ святѣйшихъ, ибо, какъ сказалъ Златоустъ, общее предлежитъ очищеніе вселенныя.

Церковь повелѣваетъ о всѣхъ возносить всеобщую молитву; высокое значеніе такой молитвы и ея строгая надобность узнались не мудрецами міра и не совопросниками вѣка, но тѣми верховными людьми, которые высокимъ духовнымъ совершенствомъ и небесно-ангельской жизнью дошли до познанія глубочайшихъ душевныхъ тайнъ и видѣли уже ясно, что разлуки нѣтъ между живущими въ Богѣ, что минутной тлѣнностію нашего тѣла не прекращаются сношенія, и что любовь, завязанная на землѣ, приходитъ въ большую мѣру на небесахъ, какъ на родинѣ своей, и братъ, отшедшій отъ насъ, становится еще ближе къ намъ отъ силы любви. И все, что ни истекаетъ изъ Христа, то вѣчно какъ вѣченъ Самъ Источникъ, изъ Котораго оно истекаетъ. Слышали также они высшими органами чувствъ своихъ, что и на небесахъ торжествующая Церковь долженствуетъ молиться и молится также о странствующихъ на землѣ братьяхъ своихъ; слышали они, что Богъ предоставилъ, какъ лучшее изъ наслажденій, наслажденіе молиться, ибо ничего не совершаетъ Богъ и ничему не благодѣтельствуетъ, не дѣлая участникомъ въ самомъ совершеніи и въ самомъ благодѣянніи своемъ свое твореніе, да насладится оно высокимъ

блаженствомъ благоворенія: несесть ангель Его повелѣніе и утопаетъ въ блаженствѣ уже оттого, что несесть Его повелѣніе. Молится на небесахъ святой о братьяхъ своихъ на землѣ и утопаетъ въ блаженствѣ уже оттого, что молится. И все соучаствуетъ съ Богомъ во всѣхъ высочайшихъ Его наслажденіяхъ и блаженствахъ: милліоны совершеннѣйшихъ твореній исходятъ изъ рукъ Божіихъ, дабы участвовать въ высшихъ и высшихъ блаженствахъ, и нѣтъ имъ конца, какъ нѣтъ конца Божимъ блаженствамъ. Испивъ изъ чаши приобщеніе всѣхъ съ Богомъ, іерей выноситъ народу тѣ просфоры, отъ которыхъ были отдѣлены и изъяты частицы, и симъ сохраняетъ высокій древній образъ трапезы любви, исполнявшійся христіанами первыхъ временъ. Хотя и не накрывается теперь для этого столъ, по причинѣ того, что невѣжественными христіанами, безумнымъ буйствомъ ихъ ликованій, словами раздора, а не любви, давно была опозорена святыня этого трогательнаго небснаго прѣшества въ самомъ дому Божіемъ, на которомъ всѣ пировавшіе были святы, какъ одна душа, были души ихъ, и, чистые младенцы сердцемъ, вели они такую бесѣду, какъ бы у Самого Бога были на небесахъ; хотя сами Церкви увидѣли строгую надобность уничтожить это, и самое воспоминанье объ этой трапезѣ исчезнуло во многихъ Церквахъ, но, несмотря на то, одна Восточная Церковь не могла рѣшиться на уничтоженіе вовсе такого обряда, и въ раздачѣ святаго хлѣба посреди церкви всему народу совершаетъ ту же святую трапезу любви. А потому всякъ приѣмлющій просфору и приѣмлетъ ее, какъ хлѣбъ отъ того прѣшества, за которымъ Самъ Хозяинъ міра бесѣдовалъ съ людьми своими, — а потому вкушалъ бы благоговѣнно, представляя себя окруженнаго всѣми людьми, какъ нѣжнѣйшими братьями своими, — и такъ же, какъ было въ обычай первоначальной Церкви, вкушаетъ его прежде всякой другой пищи, или относить въ домъ свой домашнимъ, или же отправляетъ больнымъ, немощнымъ и тѣмъ, которые почему-нибудь не могли быть на то время въ церкви.

Раздавъ святой хлѣбъ, священникъ творитъ отпущекъ литургіи и благословляетъ весь народъ словами: «Христосъ, Истинный Богъ нашъ, молитвами Пречистыя Своея Матери, молитвами отца нашего архіепископа Іоанна Златоуста (если литургія Златоуста идетъ день-въ-день), молитвами святаго (и называетъ по имени святаго, его же день) и всѣхъ святыхъ помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и челоувѣколюбецъ». Народъ, знаменуясь крестомъ и поклоняясь, расходится при громкомъ пѣніи лика, многолѣтствующаго императора.

Священникъ въ алтарѣ совлекается отъ одѣяній своихъ, произнося: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего», и сопровождая разоблаченіе хвалебными тропарями, гимнами отцу и святителю церковному, котораго служилась литургія, и той Пречистой Святой Дѣвѣ, въ Которой совершилось вочеловѣченье Того, Бому служилась вся литургія. Діаконъ въ это время потребляетъ все оставшееся въ чашѣ и потомъ, наливъ въ нее вина и воды и всполоснувъ внутреннія стѣны ея, испиваетъ, осушивъ тщательно губкой, дабы ничто не оставалось, слагаетъ святыя сосуды вмѣстѣ, покрывъ и обвязавъ ихъ, и подобно священнику говоритъ: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего», повторяя тѣ же пѣсни и молитвы. И оба выходятъ, наконецъ, изъ храма, неся сіяющую свѣжесть въ лицѣ, радость ликующую въ духѣ, благодареніе Господу на устахъ своихъ.

З а к л ю ч е н і е.

Дѣйствіе божественной литургіи надъ душою велико: зримо и воочью совершается, въ виду всего свѣта, и скрыто. И если только молившійся благоговѣнно и прилежно слѣдить за всякимъ дѣйствиємъ, покорный призванью діакона, — душа пріобрѣтаетъ высокое настроеніе, заповѣди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо и бремя легко. По выходѣ изъ храма, гдѣ онъ присутствовалъ при божественной трапезѣ любви, онъ глядитъ на всѣхъ, какъ на братьевъ. Примется ли онъ за обыкновенное теченіе своихъ дѣлъ въ службѣ ли, въ семьѣ, гдѣ бы ни было, въ какомъ бы ни было ....., сохраняетъ невольно въ душѣ своей высокое начертаніе любовнаго обращенія съ людьми, принесеннаго съ небесъ Богочеловѣкомъ. Онъ невольно становится милостивѣй и любовнѣй съ подчиненнымъ. Если самъ подъ властью другого, то охотнѣй и любовнѣй ему повинется, какъ Самому Спасителю. Если видитъ просящаго помощи, сердце его болѣе чѣмъ когда-либо располагается помогать, чувствуетъ онъ больше...., съ любовью даетъ онъ неимущему. Если онъ неимущій, онъ благодарно принимаетъ малѣйшее даваніе: растроганное сердце его теряется въ благодарности, и никогда съ такой признательностью не молится онъ о своемъ благодѣтелѣ. И всѣ, прилежно слушавшіе божественную литургію, выходятъ кротче, милѣе въ обхожденіи съ людьми, дружелюбнѣе, тише во всѣхъ поступкахъ.

А потому для всякаго, кто только хочетъ идти впередъ и становится лучше, необходимо частое, сколько можно, посѣщеніе божественной литургіи и внимательное слушаніе: она нечувствительно строитъ и создаетъ челоуѣка. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышатъ полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть божественная литургія, напоминающая челоуѣку о святой небесной любви къ брату. А потому, кто хочетъ укрѣпиться въ любви, долженъ, сколько можно чаще, присутствовать, со страхомъ, вѣрою и любовію, при священной трапезѣ любви. И если онъ чувствуетъ, что недостойнъ принимать въ уста свои Самого Бога, Который весь любовь, то хоть быть зрителемъ, какъ пріобщаются другіе, чтобъ незамѣтно, нечувствительно становиться совершеннѣе съ каждой недѣлей.

Велико и неисчислимо можетъ быть вліяніе божественной литургіи, если бы челоуѣкъ слушалъ ее съ тѣмъ, чтобы вносить въ жизнь слышанное.

Всѣхъ равно уча, равно дѣйствуя на всѣ звенья, отъ царя до послѣдняго нищаго, всѣмъ говорить одно, не однимъ и тѣмъ же языкомъ, всѣхъ научаетъ любви, которая есть связь общества, сокровенная пружина всего стройно движущагося, пища, жизнь всего.

Но если божественная литургія дѣйствуетъ сильно на присутствующихъ при совершеніи ея, тѣмъ еще сильнѣе дѣйствуетъ на самого совершателя, или іерея. Если только онъ благоговѣнно совершалъ ее съ страхомъ, вѣрой и любовью, то ужъ весь онъ чистъ, подобно сосудамъ, которые уже ни на что потомъ.....; пребываетъ ли онъ весь тотъ день въ отправленіи своей многообразной пастьерской обязанности, въ семьѣ ли посреди своихъ домашнихъ, или посреди своихъ прихожанъ, которые суть также семья его, — Самъ Спаситель въ немъ вообразится, и во всѣхъ дѣйствіяхъ его будетъ дѣйствовать Христосъ; и въ словахъ его будетъ говорить Христосъ. Будетъ ли склонять онъ на примиреніе между собой враждующихъ, будетъ ли преклонять на милость сильнаго къ безсильному, или ожесточеннаго, или утѣшать скорбящаго, или къ терпѣнью угнетеннаго, или....., — слова его пріобрѣтутъ силу врачующаго едея и будутъ на всякомъ мѣстѣ словами мира и любви.

АРАБЕСКИ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Собрание это составляют пьесы, писанныя мною въ разныя времена, въ разныя эпохи моей жизни. Я не писалъ ихъ по заказу. Онѣ высказывались отъ души, и предметомъ избиралъ я только то, что сильно меня поражало. Между ними читатели, безъ сомнѣнія, найдутъ много молодого. Признаюсь, нѣкоторыхъ пьесъ я бы, можетъ-быть, не допустилъ вовсе въ это собраніе, если бы издавалъ его годомъ прежде, когда я былъ болѣе строгъ къ своимъ старымъ трудамъ. Но, вмѣсто того, чтобы строго судить свое *прошедшее*, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ *настоящимъ*. Истреблять прежде написанное нами, кажется, такъ же несправедливо, какъ забывать минувшіе дни своей юности. Притомъ, если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ, три еще не сказанныя истины, то уже авторъ не въ правѣ скрывать его отъ читателя, и за двѣ, три вѣрныя мысли можно простить несовершенство цѣлаго.

Я долженъ сказать о самомъ изданіи: когда я прочиталъ отпечатанные листы, меня самого испугали во многихъ мѣстахъ неисправности въ слогъ, излишности и пропуски, происшедшіе отъ моей неосмотрительности. Но недосугъ и обстоятельства, иногда не очень пріятныя, не позволяли мнѣ пересматривать спокойно и внимательно свои рукописи, и потому смѣю надѣяться, что читатели великодушно извинятъ меня.

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА.

Благодарность Зиждитею мириадъ за благость и состраданіе къ людямъ! Три чудныя сестры посланы имъ украсить и усладить міръ: безъ нихъ онъ бы былъ пустыня и безъ пѣнія катился бы по своему пути. Дружнѣе, союзнѣе сдвинемъ наши желанія и — первый кубокъ за здравіе скульптуры! Чувственная, прекрасная, она прежде всего посѣтила землю. Она — мгновенное явленіе. Она — оставшійся слѣдъ того народа, который весь заключился въ ней, со всѣмъ своимъ духомъ и жизнію; она — ясный призракъ того свѣтлаго греческаго міра, который ушелъ отъ насъ въ глубокое удаленіе вѣковъ, скрылся уже туманомъ, и до котораго достигаетъ одна только мысль поэта. Міръ, увитый виноградными гроздіями и масличными лозами, гармоническимъ вымысломъ и роскошнымъ язычествомъ; міръ, несущійся въ стройной пляскѣ, при звукѣ тимпановъ, въ порывѣ вакхическихъ движеній, гдѣ чувство красоты проникло всюду: въ хижину бѣдняка, подъ вѣтви платана, подъ мраморъ колоннъ, на площадь, кипящую живымъ, своенравнымъ народомъ, въ рельефъ, украшающій чашу пиршества, изображающій всю вьющуюся вереницу граціозной міеологіи, гдѣ изъ пѣны волнъ стыдливо выходитъ богиня красоты, тритоны несутся, ударяя въ ладони. Посейдонъ выходитъ изъ глубины своей прекрасной стихіи — серебряный и бѣлый: міръ, гдѣ вся религія заключилась въ красотѣ, въ красотѣ человѣческой, въ богоподобной красотѣ женщины, — этотъ міръ весь остался въ ней, въ этой нѣжной скульптурѣ; ничто кромѣ ея не могло такъ живо выразить его свѣтлое существованіе. Бѣлая, млечная, дышащая въ прозрачномъ мраморѣ красотой, нѣгой и сладострастіемъ, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человѣка. Въ какомъ бы ни было пылу страсти, въ какомъ бы ни было сильномъ порывѣ, но всегда въ ней человекъ является прекраснымъ, гордымъ и невольно остановить атлетическимъ, свободнымъ своимъ положеніемъ. Все въ ней слилось въ красоту и чувственность: съ ея страдающими группами не сливаешь страдающій вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самымъ ихъ страданіемъ, — такъ чувство красоты пластической, спокойной пересиливаетъ въ ней стремленіе духа! Она никогда не выражала долгаго глубокаго чувства, она создавала только быстрыя движенія: свирѣпый гнѣвъ, мгновенный вопль страданія, ужасъ, испугъ при внезапности, слезы, гордость и презрѣніе и, наконецъ, красоту, погруженную саму въ себя. Она обращаетъ всѣ чувства зрителя въ одно наслажденіе, въ наслажденіе спокойное, ведущее за собою нѣгу и самодовольство языческаго міра. Въ ней нѣтъ тѣхъ тайныхъ, безпредѣльныхъ чувствъ, которыя влекутъ за собою безконечныя мечтанія. Въ ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясеній и переворотовъ жизни. Она прекрасна, мгновенна, какъ красавица, глянувшая въ зеркало, усмѣхнувшаяся, видя свое изображеніе, и уже бѣгущая, влача съ торжествомъ за собою толпу гордыхъ юношей. Она очаровательна, какъ

жизнь, какъ міръ, какъ чувственная красота, которой она служить алтаремъ. Она родилась вмѣстѣ съ языческимъ, ясно образовавшимся міромъ, выразила его — и умерла вмѣстѣ съ нимъ. Напрасно хотѣли изобразить ея высокія явленія христіанства: она такъ же отдѣлялась отъ него, какъ самая языческая вѣра. Никогда возвышенныя, стремительныя мысли не могли улечься на ея мраморной сладострастной наружности. Онѣ поглощались въ ней чувственностью.

Не таковы двѣ сестры ея, живопись и музыка, которыхъ христіанство воздвигнуло изъ ничтожества и превратило въ исполинское. Его порывомъ онѣ развились и исторгнулись изъ границъ чувственного міра. Мнѣ жаль моей мраморно-облачной скульптуры! Но... свѣтлѣе сіяй, покажь мой, въ моей смиренной кельѣ, и да здравствуетъ живопись! Возвышенная, прекрасная, какъ осень въ богатомъ своемъ убранствѣ мелькающая сквозь переплетъ окна, увитаго виноградомъ, смиренная и обширная, какъ вселенная, яркая музыка очей — ты прекрасна! Никогда скульптура не смѣла выразить твоихъ небесныхъ откровеній. Никогда не были разлиты по ней тѣ тонкія, тѣ таинственно-земныя черты, вглядываясь въ которыя, слышишь, какъ наполняетъ душу небо, и чувствуешь невыразимое. Вотъ мелькаютъ, какъ въ облачномъ туманѣ, длинныя галлеи, гдѣ изъ старинныхъ позолоченныхъ рамъ выглядываешь ты себя живую и темную отъ неумолимаго времени, и передъ тобою стоитъ, сложивши накрестъ руки, безмолвный зритель; и уже нѣтъ въ его лицѣ наслажденія, — взоръ его дышитъ наслажденіемъ нездѣшнымъ. Ты не была выраженіемъ жизни какой-нибудь націи, — нѣтъ, ты была выше: ты была выраженіемъ всего того, чтѣ имѣетъ таинственно-высокій міръ христіанскій. Вгляните на нее, задумчивую, опустившую на руку прекрасную свою голову: какъ вдохновененъ и дологъ ясный взоръ ея! Она не схватываетъ одного только быстрого мгновенія, какое выражаетъ мраморъ; она длитъ это мгновеніе, она продолжаетъ жизнь за границы чувственного, она похищаетъ явленія изъ другого, безграничнаго міра, для названія которыхъ нѣтъ словъ. Все неопредѣленное, чтѣ не въ силахъ выразить мраморъ, разсѣкаемый могучимъ молотомъ скульптора, опредѣляется вдохновенною ея кистью. Она также выражаетъ страсти, понятныя всякому, но чувственность уже не такъ властвуетъ въ нихъ: духовное неволью проникаетъ все. Страндіе выражается живѣе и вызываетъ состраданіе, и вся она требуетъ сочувствія, а не наслажденія. Она беретъ уже не одного человѣка, ея границы шире: она заключаетъ въ себѣ весь міръ; всѣ прекрасныя явленія, окружающія человека, въ ея власти; вся тайная гармонія и связь человека, съ природою — въ ней одной. Она соединяетъ чувственное съ духовнымъ.

Но сильнѣе пиши, третій покажь мой! Ярче сверкай и брызгай по золотымъ краямъ его звонкая пѣна, — ты сверкаешь въ честь музыки. Она восторженнѣе, она стремительнѣе обѣихъ сестеръ своихъ! Она вся — порывъ; она вдругъ, за однимъ разомъ, отрываетъ человека отъ земли его, оглушаетъ его громомъ могучихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ. Она властительно ударяетъ, какъ по клавишамъ, по его нервамъ, по всему его существованію и обращаетъ его въ одинъ трепетъ. Онъ уже не наслаждается, онъ не страдаетъ, — онъ самъ превращается въ страданіе; душа его не созерцаетъ непостижимаго явленія, но сама живетъ, живетъ своею жизнью, живетъ порывно, сокрушительно, мятежно. Невидимая, сладкогласная, она проникла весь міръ, разлилась и дышитъ въ тысячѣ разныхъ образовъ. Она томительна и мятежна, но могущественнѣй и восторженнѣй подѣ безконечными, темными сводами катедрала, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни

модельщиковъ стремить она въ одно согласное движеніе, обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помышленія, кружить и несется съ ними горѣ, оставляя послѣ себя долгое безмолвіе и долго исчезающій звукъ, трепещущій въ углубленіи острокопечной башни.

Какъ сравнить васъ между собою, три прекрасныя царицы міра? Чувственная, плѣнительная скульптура внушаетъ наслажденіе, живопись — тихій восторгъ и мечтаніе, музыка — страсть и смятеніе души. Разсматривая мраморное произведеніе скульптуры, духъ невольно погружается въ упоеніе; разсматривая произведеніе живописи, онъ превращается въ созерцаніе; слыша музыку — въ болѣзненный вопль, какъ бы душою овладѣло только одно желаніе — вырваться изъ тѣла. Она — наша! она — принадлежность новаго міра! Она осталась намъ, когда оставили насъ и скульптура, и живопись, и зодчество. Никогда не жаждали мы такъ порывовъ, воздвигающихъ духъ, какъ въ нынѣшнее время, когда наступаетъ на насъ и давитъ вся дробь прихотей и наслажденій, надъ выдумками которыхъ ломаетъ голову нашъ XIX вѣкъ. Все составляетъ заговоръ противъ насъ; вся эта соблазнительная цѣпь утонченныхъ изобрѣтеній роскоши сильнѣе и сильнѣе порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждемъ спасти нашу бѣдную душу, убѣжать отъ этихъ страшныхъ обольстителей и — бросились въ музыку. О, будь же нашимъ хранителемъ, спасителемъ, музыка! Не оставляй насъ! буди чаще наши меркантильныя души! ударяй рѣзче своими звуками по дремлющимъ нашимъ чувствамъ! Волнуй, разрывай ихъ и гони, хотя на мгновеніе, этотъ холодноужасный эгоизмъ, сисящійся овладѣть нашимъ міромъ! Пусть, при могущественномъ ударѣ смычка твоего, смятенная душа грабителя почувствуетъ, хотя на мигъ, угрызеніе совѣсти, спекуляторъ растеряетъ свои расчеты, безстыдство и наглость невольно выпронитъ слезу предъ созданіемъ таланта. О, не оставляй насъ, божество наше! Великій Зиждитель міра повергъ насъ въ нѣмѣющее безмолвіе своею глубокою мудростью: дикому, еще не развернувшемуся человѣку, Онъ уже вдвинулъ мысль о зодствѣ. Простыми, безъ помощи механизма, силами, онъ ворочаетъ гранитную гору, высокими обрывомъ громоздитъ ее къ небу и повергается ницъ передъ безобразнымъ ея величіемъ. Древнему, ясному, чувственному міру послалъ Онъ прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту, — и весь древній миръ обратился въ ошіамъ красотѣ. Эстетическое чувство красоты слило его въ одну гармонію и удержало отъ грубыхъ наслажденій. Вѣкамъ неспокойнымъ и темнымъ, гдѣ часто сила и неправда торжествовали, гдѣ демонъ суетвѣрія и нетерпимости изгонялъ все радужное въ жизни, далъ Онъ вдохновенную живопись, показавшую міру неземныя явленія, небесныя наслажденія угодниковъ. Но въ нашъ юный и дряхлый вѣкъ ниспослалъ Онъ могущественную музыку — стремительно обращать насъ къ Нему. Но если и музыка насъ оставитъ, что будетъ тогда съ нашимъ міромъ?

1831.

О СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ ¹⁾.

Никогда исторія міра не принимаетъ такой важности и значительности, никогда не показываетъ она такого множества индивидуальныхъ явленій, какъ въ средніе вѣки. Всѣ событія міра, приближаясь къ этимъ вѣкамъ, послѣ долгой неподвижности, текутъ съ усиленною быстротою, какъ въ пучину, какъ въ мятежный водоворотъ, и, закружившись въ немъ, перемѣшавшись, переродившись, выходятъ свѣжими волнами. Въ нихъ совершилось великое преобразование всего міра; они составляютъ узелъ, связывающій міръ древній съ новымъ; имъ можно назначить то же самое мѣсто въ исторіи человѣчества, какое занимаетъ въ устроении человѣческаго тѣла сердце, къ которому текутъ и отъ котораго исходятъ всѣ жилы. Какъ совершилось это всемірное преобразование? какія удержались въ немъ старыя стихіи? что прибавлено новаго? какимъ образомъ онѣ смѣшались? что произошло отъ этого смѣшенія? какъ образовалось величественное, стройное зданіе вѣковъ новыхъ? — это такіе вопросы, которымъ равные по важности едва ли найдутся во всей исторіи. Все, чтò мы имѣемъ, чтѣмъ пользуемся, чтѣмъ можемъ похвалиться передъ другими вѣками, все устройство и искусное сложеніе нашихъ административныхъ частей, всѣ отношенія разныхъ сословій между собою, самыя сособія, наша религія, наши права и привилегіи, нравы, обычаи, самыя знанія, совершавшія такой быстрый прогрессивный ходъ, — все это или получило начало и зародышъ, или даже развилось и образовалось въ темные, закрытые для насъ средніе вѣка. Въ нихъ первоначальныя стихіи и фундаментъ всего новаго; безъ глубокаго и внимательнаго изслѣдованія ихъ не ясна, не удовлетворительна, не полна новая исторія, и слушатели ея похожи на посѣтителей фабрики, которые удивляются быстрой отдѣлкѣ издѣлій, совершающейся почти передъ глазами ихъ, но позабываютъ заглянуть въ темное подземелье, гдѣ скрыты первыя всемогущія колеса, дающія толчокъ всему: такая исторія похожа на статую художника, не изучившаго анатоміи человѣка.

Отчего же, несмотря на всю важность этихъ необыкновенныхъ вѣковъ, всегда какъ-то неохотно ими занимались? Отчего, приближаясь къ нимъ, всегда спѣшили скорѣе пройти ихъ и отдѣлаться отъ нихъ, и рѣдкіе, очень рѣдкіе, пораженные величіемъ предмета, возлагали на себя трудъ разрѣшить нѣкоторые изъ приведенныхъ вопросовъ? Мнѣ кажется, это происходило оттого, что средней исторіи назначили самое низшее мѣсто. Время ея дѣйствія

---

¹⁾ Редакція этой статьи, напечатанная въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, начиналась такъ:

„Приступая къ чтенію моихъ лекцій „Исторія среднихъ вѣковъ“, я необходимо долженъ прежде всего изъяснить вамъ истинное достоинство ея. Никогда исторія міра не принимаетъ такой важности и значительности для насъ, какъ въ это время, несмотря на то, что ея частію почитаютъ мелкимъ и безынтереснымъ“.

считали слишкомъ варварскимъ, слишкомъ невѣжественнымъ, и оттого-то оно и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось для насъ темнымъ, раскрытое не вполне, опѣненное не по справедливости, представленное не въ гениальномъ величїи. Невѣжественнымъ можно назвать развѣ только одно начало, но это невѣжественное время уже имѣетъ въ себѣ то, что должно родить въ насъ величайшее любопытство. Самый процессъ сліянія двухъ жизней, древняго міра и новаго, это рѣзкое противорѣчіе ихъ образовъ и свойствъ, эти дряхлыя, умирающія стихїи стараго міра, которыя тянутся по новому пространству, какъ рѣки, впавшія въ море, но долго еще не сливающія своихъ прѣсныхъ водъ съ солеными волнами; эти дикія, мощныя стихїи новаго, упорно не допускающія къ себѣ чуждаго вліянія, но, наконецъ, невольно принимающія его; это стараніе, съ какимъ европейскіе дикари кроютъ по-своему римское просвѣщеніе; эти отрывки или, лучше сказать, вѣточки римскихъ формъ, законовъ, среди новыхъ, еще неопредѣленныхъ, не получившихъ ни образа, ни границъ, ни порядка; самый этотъ хаосъ, въ которомъ бродятъ разложившіяся начала страшнаго величїя нынѣшней Европы и тысячелѣтней силы ея, — они все для насъ занимательнѣе и болѣе возбуждаютъ любопытства, нежели неподвижное время всесвѣтной Римской имперїи подъ правленіемъ ея безсильныхъ императоровъ.

Другая причина, почему неохотно занимались исторїею среднихъ вѣковъ, это — мнимая сухость, которую привыкли сливать съ понятіемъ о ней. На нее глядѣли, какъ на кучу происшествій нестройныхъ, разнородныхъ, какъ на толпу раздробленныхъ и бессмысленныхъ движеній, не имѣющихъ главной нити, которая бы совокупляла ихъ въ одно цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ, ея страшная, необыкновенная сложность съ перваго раза не можетъ не показаться чѣмъ-то хаотичнымъ; но разсматривайте внимательнѣе и глубже, и вы найдете и связь, и цѣль, и направленіе. Я, однакоже, не отрицаю, что, для самаго умѣнья найти все это, нужно быть одарену тѣмъ чутьемъ, которымъ обладаютъ немногіе историки. Этимъ немногимъ предоставленъ завидный даръ увидѣть и представить все въ изумительной ясности и стройности. Послѣ ихъ волшебнаго прикосновенія, происшествіе оживаетъ и приобретаетъ свою собственность, свою занимательность; безъ нихъ оно долго представляется для всякаго сухимъ и бессмысленнымъ. Все, что было и произошло, все занимательно, если только о немъ сохранились вѣрные лѣтописи, выключая развѣ совершенное безстрастіе народовъ; вездѣ есть нить, какъ во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бываетъ заткана уткомъ; какъ въ лучистомъ камнѣ есть невидимый свѣтъ, который онъ отливаетъ, будучи обращенъ къ солнцу, — она исчезаетъ только съ утратою извѣстій. Такъ и въ первоначальныхъ вѣкахъ средней исторїи, сквозь всю кучу происшествій, невидимую нитью тянется постепенное возрастаніе папской власти и развивается феодализмъ. Казалось, событія происходили совершенно отдѣльно и блескомъ своимъ затемняли уединеннаго, еще скромнаго римскаго первосвященника; дѣйствовалъ сильный государь или его вассалъ, и дѣйствовалъ лично для себя, а между тѣмъ существенныя выгоды незамѣтно текли въ Римъ. И все, что ни происходило, казалось, нарочно происходило для папы. Гильдебрандтъ только отдернулъ занавѣсъ и показалъ власть, уже давно приобретенную папами.

Исторїя среднихъ вѣковъ менѣе всего можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пестроты, такого живого дѣйствія, такихъ рѣзкихъ противоположностей, такой странной яркости, какъ въ ней: ее можно сравнить съ огромнымъ строеніемъ, въ фундаментъ котораго улегся свѣжій, крѣпкій, какъ

вѣчность, гранитъ, а толстыя стѣны выведены изъ различнаго, стараго и новаго, матеріала, такъ что на одномъ кирпичѣ видны готескія руны, на другомъ блеститъ римская позолота; арабская рѣзба, греческій карнизъ, готическое окно — все слѣпилось въ немъ и составило самую пеструю башню. Но яркость, можно сказать, только внѣшній признакъ событій среднихъ вѣковъ; внутреннее же ихъ достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юноши, и оригинальность, дѣлающая ихъ единственными, не встрѣчающими себѣ подобія и повторенія ни въ древнія, ни въ новыя времена.

Бросимъ взглядъ на тѣ изъ событій, которыя произвели сильное вліяніе. Главный сюжетъ средней исторіи есть папа. Онъ — могущественный обладатель этихъ молодыхъ вѣковъ, онъ движетъ всѣми силами ихъ и, какъ громовержецъ, однимъ мановеніемъ своимъ править ихъ судьбою. Словомъ, вся средняя исторія есть исторія папы. — Его непреодолимое желаніе властвовать, его постоянныя средства, исполненныя проницательности и мудрости, — слѣдствія старческаго возраста; — его деспотизмъ и деспотизмъ безчисленныхъ легионовъ его могущественнаго духовенства — ревностныхъ подданныхъ духовнаго монарха, наложившихъ свои желѣзныя оковы на всѣ углы міра, куда ни проникло знаменіе креста, — представляютъ явленіе единственное, колоссальное и не повторявшееся никогда. — Не стану говорить о злоупотребленіи и о тяжести оковъ духовнаго деспота. Проникнувъ болѣе въ это великое событіе, увидимъ изумительную мудрость Провидѣнія: не схвати эта всемогущая власть всего въ свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанію народы — и Европа разсыпалась бы, связи бы не было; нѣкоторыя государства поднялись бы, можетъ-быть, вдругъ и вдругъ бы развратились; другія сохранили бы дигость свою на гибель сосѣдамъ; образованіе и духъ народный разлились бы неровно: въ одномъ уголку выказывалось бы образованіе, въ другомъ бы чернѣлъ мракъ варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновѣсія, которое такъ удивительно ее содержитъ; она бы долѣе была въ хаосѣ, она бы не слилась, желѣзною силою энтузіазма, въ одну стѣну, устранившую своюю крѣпостію восточныхъ завоевателей, и, можетъ-быть, безъ этого великаго явленія, Европа уступила бы ихъ напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы надъ нею, вмѣсто креста. — Невольно преклонись колѣна, слѣдя чудные пути Провидѣнія: власть папамъ какъ-будто нарочно дана была для того, чтобы въ продолженіе этого времени юныя государства окрѣпли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнуть возраста повелѣвать другими; чтобы сообщить имъ энергію, безъ которой жизнь народовъ безцвѣтна и бессильна. И какъ только народы достигли состоянія управлять собою, власть папы, какъ исполнившая уже свое предназначеніе, какъ болѣе уже ненужная, вдругъ поколебалась и стала разрушаться, несмотря на всѣ сильныя мѣры, на все желаніе удержать гибнущія силы свои. Власть ихъ въ этомъ отношеніи была то же, что подмости и лѣсъ для постройки зданія: вначалѣ они выше и кажутся значительнѣе самого строенія; но какъ только строеніе достигло настоящей высоты, они, какъ ненужные, принимаются прочь.

Съ мыслию о среднихъ вѣкахъ невольно сливается мысль о крестовыхъ походахъ — необыкновенномъ событіи, которое стоитъ, какъ исполинъ, въ срединѣ другихъ, тоже чудесныхъ и необыкновенныхъ. Гдѣ, въ какое время было когда-нибудь равное ему своею оригинальностью и величіемъ? Это не какая-нибудь война за похищенную жену, не пороженіе ненависти двухъ непримиримыхъ націй, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями

за корону или за клочокъ земли, даже не война за свободу и народную независимость. Нѣтъ! ни одна изъ страстей, ни одно собственное желаніе, ни одна личная выгода не входятъ сюда: всѣ проникнуты одною мыслію — освободить гробъ Божественнаго Спасителя! Народы текутъ съ крестами со всѣхъ сторонъ Европы; короли, графы — въ простыхъ власяницахъ; монахи, преподанные оружіемъ, становятся въ ряды воиновъ; епископы, пустынники, съ крестами въ рукахъ, предводятъ несмѣтными толпами — и всѣ текутъ освободить свою вѣру! Владычество одной мысли объемлетъ всѣ народы. Нѣтъ ли чего-то великаго въ этой мысли? И напрасно крестовые походы называются безразсуднымъ предпріятіемъ. Не странно ли было бы, если бы отрокъ заговорилъ словами разсудительнаго мужа? Они были порожденіе тогдашняго духа и времени. Предпріятіе это — дѣло юноши, но такого юноши, которому определено быть гениемъ. А какія безчисленныя, какія удивительныя и непредвидѣнныя слѣдствія крестовыхъ походовъ! Нужно было всю массу образованъ и воспитанъ, дать ей увидѣть свѣтъ, который часто заслоняло отъ нея духовенство, и вся масса для этого извергается въ другую часть свѣта, гдѣ потухающее аравійское просвѣщеніе силится передать ей свой пламень, и — вся Европа вояжируетъ по Азіи. Не въ правѣ ли мы изумляться? Обыкновенно, какой-нибудь выходецъ изъ земли образованной одинъ приноситъ просвѣщеніе и первыя свѣдѣнія въ неизвѣстную страну и постепенно образуетъ дикарей; но образованіе это тянется медленно, неровно. Здѣсь же, напротивъ, народы сами, всею своею массою, приходятъ за образованіемъ и, несмотря на долгое пребываніе, не сливаются со своими учителями, ничего не перенимаютъ у нихъ роскошнаго и развратнаго, удерживаютъ свою самобытность, при всемъ заимствованіи множества азіатскихъ обыкновеній, и возвращаются въ Европу европейцами, а не азіатцами. Я уже не говорю о тѣхъ слѣдствіяхъ, тѣхъ перемѣнахъ въ феодальномъ правленіи, для которыхъ, нужно было временное удаленіе многихъ сильныхъ.

Но бросимъ взглядъ на другія происшествія, наполняющія среднюю исторію. Они хотя, въ сравненіи съ крестовыми походами, могутъ почестъся второстепенными, но, тѣмъ не менѣе, всѣ исполнены чудесности, сообщающей среднимъ вѢкамъ какой-то фантастическій свѣтъ, всѣ — порожденіе юношества прекраснаго, исполненнаго самыхъ сильныхъ и великихъ надеждъ, часто безразсуднаго, но плѣнительнаго и въ самой безразсудности. Разсмотримъ ихъ по порядку времени. Возьмемъ то блестящее время, когда появились аравитяне — краса народовъ восточныхъ. И одному только человѣку и созданной имъ религіи, — роскошной, какъ ночи и вечера Востока, пламенной, какъ природа близкая къ Индійскому морю, важной и размышляющей, какую только могли внушить великія пустыни Азіи, — обязаны они всѣмъ своимъ блестящимъ, радужнымъ существованіемъ! Съ непостижимою быстротою они, эти смуглые чалмоносцы, воздвигаютъ свои калифаты съ трехъ сторонъ Средиземнаго моря. И воображеніе ихъ, умъ и всѣ способности, которыми природа такъ чудно одарила араба, развиваются въ виду изумленнаго Запада, отпечатываясь со всею роскошью на ихъ дворцахъ, мечетяхъ, садахъ, фонтанахъ, и такъ же внезапно, какъ въ ихъ сказкахъ, кипящихъ изумрудами и перлами восточной поэзіи. Вѣкъ впередъ — и уже онъ исчезъ, этотъ необыкновенный народъ, такъ что въ раздумьи спрашиваешь себя: точно ли онъ жилъ и существовалъ, или онъ — самое прекрасное созданіе нашего воображенія?

Какъ чудесно и какой сильной исполнено противоположности появленіе норманновъ — народа, котораго гнѣвный Сѣверъ свирѣпо выбросилъ изъ ледяныхъ нѣдръ своихъ. Горсть людей дерзкихъ, за которыми какъ будто гонятся

по пятамъ мрачный ихъ Одинъ и снѣговья горы Скандинавіи, наводитъ паническій страхъ на обширныя государства! По Сѣверному океану плывутъ ихъ движущіяся королевства подъ начальствомъ морскихъ своихъ королей, — и все падаетъ ницъ передъ этими малолюдными пришлецами, воспитанными бурей, морями, страшною бѣдностію Скандинавіи и дикою религіею.

Колоссальныя завоеванія и распространеніе монголовъ были также дѣломъ почти сверхъестественнымъ. Необъятная внутренность Азіи, которая была скрыта отъ глазъ всѣхъ народовъ, освѣтилась вдругъ въ самомъ страшномъ величіи. Эти степи, которымъ нѣтъ конца, озера и пустыни исполинскаго размѣра, гдѣ все раздалось въ ширину и безпредѣльную равнину, гдѣ человѣкъ встрѣчается какъ будто для того, чтобы собою увеличить еще болѣе окружающее пространство; степи, шумящія хлѣбомъ, нигѣмъ не сѣяннымъ и не собираемымъ, травой, почти равняющеюся ростомъ съ деревьями, — степи, гдѣ пасутся табуны и стада, которыхъ отъ вѣка никто не считалъ, и сами владѣльцы не знаютъ настоящаго количества, — эти степи увидѣли среди себя Чингисъ-Хана, давагоа объѣтъ передъ топшамъ своихъ узкоглазыхъ, плосколицыхъ, широкоплечихъ, малорослыхъ монголовъ завоевать міръ, и — многолюдный Пекинъ горитъ цѣлый мѣсяцъ, миллионъ народа выстрѣливается монгольскими стрѣлами, государь тунгузскій гибнетъ съ сотнями тысячъ подданныхъ на замерзшемъ озерѣ, стада пригоняются къ границамъ Индіи, табуны кипятъ при Волгѣ. Словомъ, какъ будто на завоеваніяхъ ихъ отразилась колоссальность Азіи. Такого быстраго распространенія тоже не видала ни древняя, ни новая исторія.

Я уже ничего не говорю о важной торговлѣ Венеціи, этого небольшого доскутка земли, которую всю занималъ одинъ городъ, и городъ безъ государства, выжимая золото со всего міра, и когаа царственные купцы своими кораблями, горделиво обошедшими всѣ моря, и дворцами при Адриатическомъ морѣ, далеко превосходили многихъ монарховъ. Этого явленія я не считаю единственнымъ и необыкновеннымъ. Оно повторяется въ исторіи міра часто, хотя въ другихъ формахъ и съ разными измѣненіями. Несравненно оригинальнѣе жизнь Европы во время и послѣ крестовыхъ походовъ, когда въ ней все еще темны и неопредѣленны границы государствъ; когда еще государь звучитъ однимъ именемъ своимъ, и вмѣсто того миллионы владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый — маленький императоръ въ своей землѣ; когда вся Европа облекается въ непреступные замки съ башнями и зубцами, и твердыя крѣпости усѣиваютъ ея поверхность; когда воспитанная взаимнымъ страхомъ и битвами сила рыцарей дѣлается почти львиною и заковывается съ ногъ до головы въ желѣзо, тяжести котораго еще не выносилъ человѣкъ, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души. Казалось, эта дикая храбрость должна бы совершенно закалить ихъ и сдѣлать такъ же безчувственными, какъ непроницаемыя ихъ латы. Но какъ удивительно они были укрощены, и такимъ явленіемъ, которое представляетъ совершенную противоположность съ ихъ правами! это — всеобщее безпредѣльное уваженіе къ женщинамъ. Женщина среднихъ вѣковъ является божествомъ: для ней турниры, для ней ломаются колья, ея розовая или голубая лента вьется на шлемахъ и латахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы; для ней суровый рыцарь удерживаетъ свои страсти такъ же мощно, какъ арабскаго бѣгуна своего, налагаетъ на себя объѣты изумительные и неподражаемые по своей строгости къ себѣ, и все для того, чтобы быть достойнымъ повергнуться къ ногамъ своего божества. Если эта возвышенная любовь изумительна, то влияние ея на нравы и того болѣе. Все благородство въ характерѣ европейцевъ было ея слѣдствіемъ.

А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу въ какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опытовъ и приключеній каждому и произведшая въ европейцахъ жажду къ открытію новыхъ земель! Какъ самыя ихъ взаимныя брани и битвы, вѣчно неспокойное положеніе, вмѣсто того, чтобы ослабить всеобщій духъ и напряженіе, какъ то обыкновенно дѣлается въ періодахъ исторіи, когда роскошь раздѣдаетъ раны нравственной болѣзни народовъ и алчность выгодъ личныхъ выводитъ за собою низость, лѣсть и способность устремиться на всѣ утонченные пороки, — вмѣсто этого, онѣ только укрѣпили и развили ихъ! Пороки народовъ образованныхъ не смѣли коснуться рыцарства Европы. Казалось, Провидѣніе бодрствовало надъ нимъ неусыпно и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его. Едва только возникли улучшенія для жизни, которая подносила Венеціи и Ганза, и начали отдалять рыцарей отъ ихъ обѣтовъ и строгой жизни, подогрѣвать желаніе наслажденій и уменьшать энтузіазмъ религіозный, — какъ появившіяся чудныя, небывалыя никогда дотогѣ общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совѣстью передъ народами Европы. Никогда исторія не представляла обществъ, связанныхъ такими неразрывными узами, какъ эти духовные ордена рыцарей. Ничего для своей пользы или для своего существованія, что всегда составляло цѣль обществъ! Уничтожить все, что составляетъ желаніе человѣка, и жить для всего человѣчества; жить, чтобы быть грозными хранителями міра, чтобы носить въ себѣ одно — защиту вѣры Христовой; все принести ей въ жертву и отказаться отъ всего, что отзывается выгодною жизнью! Не чудесно ли это явленіе? Эта энергія и сила для него могла быть только вычерпнута изъ среднихъ вѣковъ. И какъ только ордена рыцарскіе стали уклоняться отъ своей цѣли и обращать глаза на другія, какъ только начали заражаться желаніемъ добычи и корысти, и роскошь заставляла ихъ живѣе привязываться къ собственной жизни, и они стали походить сами на тѣхъ, за которыми наложили на себя сами же смотрѣніе, — какъ возникаютъ уже страшныя тайныя суды, неумолимые, неотразимые, какъ высшія предопредѣленія, являющіеся уже не совѣстью передъ вѣтреннымъ міромъ, но страшнымъ изображеніемъ смерти и казни. Ни сила, ни обширныя земли, ни даже самая корона не спасаютъ и не отмигиваютъ произнесеннаго ими приговора. Незнаемые, невидимые, какъ судьба, гдѣ-нибудь въ глуши дѣсовъ, подъ сырымъ сводомъ глубокаго подземелья, они взвѣшивали и разбирали всю жизнь и дѣла того, которому, посреди необъятныхъ своихъ земель и сотни покорныхъ вассаловъ, и въ мысль не приходило, есть ли гдѣ въ мірѣ власть выше его. И если эти подземные суды разъ произносили обвиняющее слово — все кончено. Напрасно властитель грозною могуществомъ своего затрудняетъ къ себѣ приближеніе, напрасно его золото заглупляетъ уста и заставляетъ всѣхъ прославлять его — неумолимый гнижалъ настаиваетъ его на концѣ міра, крадется мимо пышной толпы придворныхъ и разить его изъ-за плеча друга. Не составляетъ ли это чудесности почти сказочной? Только тамъ такъ неотразимо, такъ сверхъестественно, такъ неправильно дѣйствуетъ человѣкъ, оторванный отъ общества, лишенный покровъ законной власти, не знающій, что такое слово «невозможность».

А самый образъ занятій, царствовавшій въ срединѣ и концѣ среднихъ вѣковъ, — это всеобщее устремленіе всѣхъ къ чудесной наукѣ, это желаніе выпытать и узнать таинственную силу въ природѣ, эта алчность, съ какою всѣ ударились въ волшебство и чародѣйственныя науки, на которыхъ ясно кипитъ признакъ европейскаго любопытства, безъ котораго науки никогда бы не

развились и не достигли нынѣшняго совершенства! Самая даже простодушная вѣра ихъ въ духовъ и обвиненіе въ сообщеніи съ ними имѣютъ для насъ уже необыкновенную занимательность. А занятія алхиміею, считавшеюся ключомъ ко всѣмъ познаніямъ, вѣнцомъ учености среднихъ вѣковъ, въ которой заключилось дѣтское желаніе открыть совершеннѣйшій металлъ, который бы доставилъ человѣку все! Представьте себѣ какой-нибудь германскій городъ въ средніе вѣки, эти узенькія, неправильныя улицы, высокіе, пестрые готическіе домики и среди ихъ какой-нибудь ветхій, почти валящійся, считаеый необитаемымъ, по растреснувшимся стѣнамъ котораго дѣлится мохъ и старость, окна глухо заколочены — это жилище алхимика. Ничто не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубоватый дымъ, вылетая изъ трубы, докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи старца, уже постѣдѣшаго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждою, — и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, духи основали пріютъ свой, и гдѣ, вмѣсто духовъ, основало жилище неугасимое желаніе, непреборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже отъ неудачи — первоначальная стихія всего европейскаго духа, — которое напрасно преслѣдуетъ инквизиція, проникая во всѣ тайныя мысленія человѣка: оно вырывается мимо, и, облеченное страхомъ, еще съ большимъ наслажденіемъ предается своимъ занятіямъ.

А самая инквизиція? какое мрачное и ужасное явленіе! Инквизиція свирѣпая, слѣпая, владѣвшая безчисленными сводами и подземельями монастырей, не вѣрящая ничему, кромѣ своихъ ужасныхъ пытокъ, на которыхъ человѣкъ показалъ адскую изобрѣтательность; инквизиція, выпускавшая изъ-подъ монашескихъ мантий свои желѣзные когти, хватавшіе всѣхъ безъ различія, кто только ни предавался страннымъ и необыкновеннымъ занятіямъ; подтвердившая великую истину, что если можетъ физическая природа человѣка, доведенная муками, заглушить голосъ души, то въ общей массѣ всего человѣчества душа всегда торжествуетъ надъ тѣломъ.

Не единственны ли всѣ эти явленія? Не даютъ ли они права назвать средніе вѣка вѣками чудесными? Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ и властвуетъ вездѣ, во все теченіе этихъ юныхъ десяти вѣковъ, — юныхъ потому, что въ нихъ дѣйствуетъ все молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшіе о слѣдствіяхъ, не призывавшіе на помощь холоднаго соображенія, еще не имѣвшіе прошедшаго, чтобы оглянуться. Все было въ нихъ — поэзія и безотчетность. Вы вдругъ почувствуете переломъ, когда вступите въ область исторіи новой. Пережѣна слишкомъ ощутительна, и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря, прежде воздымавшіяся неправильными, высокими буграми, но послѣ улегшіяся и всею своею необозримою равниною мѣрно и стройно совершающія правильное теченіе. Дѣйствія человѣка въ среднихъ вѣкахъ кажутся совершенно безотчетны; самыя великія происшествія представляютъ совершенные контрасты между собою и противорѣчатъ во всемъ другъ другу; но совокупленіе ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ цѣлое, являетъ изумительную мудрость. Если можно сравнить жизнь одного человѣка съ жизнію цѣлаго человѣчества, то средніе вѣка будутъ то же, что время воспитанія человѣка въ школѣ. Дни его текутъ незамѣтно для свѣта, дѣянія его не такъ крѣпки и зрѣлы, какъ нужно для міра, объ нихъ никто не знаетъ; но зато они всѣ — слѣдствіе порыва и обнажаютъ за однимъ разомъ всѣ внутреннія движенія человѣка, и безъ нихъ не состоялась бы будущая его дѣятельность въ кругу общества.

Теперь рассмотрите, между какими колоссальными событиями заключается время средних вѣковъ! Великая имперія, повелѣвавшая міромъ, двѣнадцативѣковая нація, дряхлая, истощенная, падаетъ; съ нею валится полсвѣта; съ нею валится весь древній міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей, безвкусными писателями, гладіаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностью разврата. Это ихъ начало. Оканчиваются средніе вѣка тоже самымъ огромнымъ событіемъ — всеобщимъ взрывомъ, подымающимъ на воздухъ все и обращающимъ въ ничто всѣ страшныя власти, такъ деспотически ихъ обнявшія. Власть папы подрывается и падаетъ, власть невѣжества подрывается, сокровища и всемірная торговля Венеціи подрываются, и когда всеобщій хаосъ переворота очищается и проясняется, предъ изумленными очами являются: монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли, расширеннымъ взмахомъ несущіеся по волнамъ необъятнаго океана мимо Средиземнаго моря; въ рукахъ у европейцевъ, вмѣсто безсильнаго оружія, огонь; печатные листы разлетаются по всемъ концамъ міра, — и все это результаты средних вѣковъ. Сильный напоръ и усиленный гнетъ властей, казалось, были для того только, чтобы сильнѣе произвести всеобщій взрывъ. Умъ человѣка, задвинутый крѣпкою толщею, не могъ иначе прорваться, какъ собравши всѣ свои усилія, всего себя. И оттого-то, можетъ-быть, ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ гигантскихъ открытій, какъ XV, — вѣкъ, которымъ такъ блестятельно оканчиваются средніе вѣка, величественные, какъ колоссальный готическій храмъ, темные, мрачные, какъ его пересѣкаемые одинъ другимъ своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и куча изузоривающихъ его украшеній, возвышенные, исполненные порывовъ, какъ его летящіе къ небу столпы и стѣны, оканчивающіеся мелькающимъ въ облакахъ шпиремъ.

ГЛАВА ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА.

Между тѣмъ, посланникъ нашъ переѣхалъ границу, отдѣляющую нынѣ пирятинскій повѣтъ отъ лубенскаго. Общихъ ѣзжалыхъ дорогъ тогда не было въ Малороссіи, но почти каждому извѣстна была какая-нибудь проселочная, по мнѣнію его, самая ближайшая. Часто такая дорога, уклоняясь отъ ровной поверхности, проскальзывала въ рытвины, царапалась по косогору, вѣшалась надъ провалами, и одинъ неровный, слегка протоптанный подковою коня слѣдъ означалъ ея уклоненія. Достаточно было только выѣхать въ дорогу, чтобы выучиться не разбирать ночлеговъ. Главное же неудобство для путешественника, не ознакомленнаго съ мѣстами, было то, что онъ долженъ былъ, на разстояніи 25 или 50 ружейныхъ выстрѣловъ, вывѣдывать и выспрашивать пути у жителей, которыхъ показанія всегда почти разногласили.

Пустивъ повода и наклонивъ голову, всадникъ нашъ давно уже погруженъ былъ въ раздумье, и только изрѣдка попадавшіеся кочки и пни срубленныхъ деревьевъ, заставляя спотыкаться вѣрнаго его товарища, борзатаго коня, перерѣзывали разомъ его думы, которыя снова обычнымъ ожерельемъ низались въ головѣ его. Въ первый разъ еще случалось ему выполнять такое порученіе: ѣхать, Богъ знаетъ куда, въ незаселенныя степи Украйны! И кто этотъ Глечикъ... Какая нужда Казимиру до начальника какой-то шайки, называвшаго себя полковникомъ миргородскаго полку?.. Ему не объявлено было ничего удовлетворительнаго ни о характерѣ, ни о силѣ его, ни о томъ, какія онъ имѣетъ сношенія и съ кѣмъ... Къ чему же эта осторожность, какою нужно было имѣть въ рѣчахъ съ нимъ? Зачѣмъ перелетать такую даль, чтобы только доставить ему свѣдѣнія о событіяхъ, волновавшихъ Варшаву? И чѣмъ могъ быть полезенъ такой отдаленный союзникъ?.. Мысленно досадовалъ онъ на себя, что не вывѣдалъ обстоятельно объ этомъ отъ Бригиты: ей, безъ сомнѣнія, сколько-нибудь были извѣстны причины такого страннаго посольства. Солнце медленно прощалось съ землею. Живописныя облака, обхваченныя по крайямъ огненными лучами, поминутно мѣняясь и разрываясь, летѣли по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую тѣнь свою и притворяли мало-по-малу ставни окошекъ, освѣщавшихъ свѣтлой Божій міръ. Въ это время путникъ нашъ, послѣ долгаго степнаго странствія, вѣхалъ въ лѣсъ. Раздѣтыя безжалостною осенью деревья сквозили какъ рѣшето и, казалось, дрожали отъ вечерняго холода. Желтые листья, какъ объѣдки и битые ковши отъ недавняго пиршества, валялись неприбранные, и одинъ только шелестъ ихъ, ходя по лѣсу, давалъ знать о присутствіи въ немъ нашего всадника. Сквозь обнаженную вершину лѣса темнѣло небо; рѣзкій ветеръ подымался съ поля и мчалъ заунывные свои вопли въ гущу лѣса. Путникъ поневолѣ задумался и остановилъ коня своего въ нерѣшимости, чтѣ предпринять, потому что дорога совершенно исчезла и передъ нимъ торчалъ одинъ только лѣсъ да неизвѣстность; какъ вдругъ громкій голосъ: «цобъ, цобъ!» поразилъ слухъ его; тяжело нагруженный возъ заскрипѣлъ, и пара воловъ показалась изъ-за

дереьевъ. Надобно вообразить себя на мѣстѣ путешественника, чтобы вполне почувствовать радость такой встрѣчи. Луна въ это время вырѣзалась на небѣ. Серебряный свѣтъ, перелутанный тѣнью отъ деревъ, палъ рѣшеткою на землю, освѣтивъ далеко окрестность, и Лапчинскій увидѣлъ передъ собою дюжого пожилого селянина. Съдме, закрученные внизъ усы его гордо поклонились на смугломъ, означенномъ рѣзкими мускулами лицѣ, которое такъ простодушно отгѣняла какая-то азиатская безпечность. По чернымъ бровямъ серебрилась сѣдина, огонь вылеталъ изъ небольшихъ карихъ глазъ, и въ огнѣ томъ высвѣчивались попеременно то хитрость, то простодушіе. На головѣ у него была черная козацкая шапка съ синимъ верхомъ. Боротенькій нагольный тулупъ, затянутый яркоцвѣтнымъ поясомъ, служилъ непроницаемыми латами отъ холода; сверхъ этого одѣянія, въ добавку, накинута была обыкновенный кобенякъ изъ толстаго смураго сукна, который и понинѣ носятъ малороссійскіе мужики. Изъ-за пояса торчала пицаль и изогнутая татарская сабля, — оружіе, которое въ тогдашнія смутныя времена всякій козакъ, ратникъ и селянинъ, почиталъ необходимою всегда имѣть при себѣ.

— Помогай, Боже! — сказалъ онъ, остановивъ воловъ и обнаживъ увѣчанную только на верхушкѣ кистью волосъ голову, въ знакъ того уваженія, какое обыкновенно оказывали тогда простые поселяне ратнымъ людямъ.

Надобно припомнить, что Лапчинскій, во избѣжаніе неприятностей, какимъ бы онъ неминуемо подвергнулся отъ жителей, не терпѣвшихъ всего, что только носило названіе ляха или принадлежало ляхамъ, принужденъ былъ переимѣнить щегольской костюмъ свой на скромное одѣяніе козацкаго десятника.

Всадникъ нашъ отгѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы на сіе привѣтствіе.

— Не знаешь ли, землякъ, — молвилъ онъ съ ласковымъ видомъ: — далеко ли отсюда до Ромодановскаго шляху?

— Не сумѣю, добродію, сказать вдругъ; повремените немножко! — Тутъ принялся онъ высчитывать, что выражали машинально сгибаемые имъ пальцы. — До Ромодановскаго шляху!.. Какъ бы вамъ сказать?.. оно не такъ, чтобы близко. Надобно знать, что козаки наши немногое было перетрусили: кто-то пронесъ слухъ, что все шляхетство собирается къ намъ на Сулу въ гости. Спохватились шуру и разломали мосты; такъ вамъ, добродію, чтобы не пришлось давать большихъ объѣздовъ. Впрочемъ, Богъ его знаетъ: я говорю это потому, что другіе говорятъ... такъ, можетъ-быть, выберется и короткій путь; только, знаете, теперь время осеннее... то станется, что и далеко... Только опять же, какъ подумаешь, то кажется, что и близко. Вотъ другое дѣло, если бъ были поставлены столбы по дорогѣ, какіе, безъ сомнѣнія, сами, добродію, если бывали въ Польшѣ, встрѣчали по тамошнимъ дорогамъ.

Не должно удивляться противорѣчіямъ, испестрившимъ монологъ нашего поселянина. Кромѣ дѣйствительной неизвѣстности, малороссіянне любили поусомниться и въ самомъ знакомомъ имъ дѣлѣ. Малороссіяннинъ и донинѣ ничего не скажетъ наобумъ, но разъ десять поправитъ себя, а иногда съ умысломъ запутаеъ своего слушателя такъ, что тотъ, къ изумленію своему, видитъ, что до такого-то мѣста и далеко, и близко.

— Куда же, по крайней мѣрѣ, мнѣ теперь держать путь? — спросилъ странникъ, вперивъ испытующій взоръ на своего наставника.

Тутъ селянинъ нашъ осмотрѣлъ его хорошенько съ головы до ногъ.

— А вы, добродію, хотите теперь ѣхать?

— Почему же не теперь?

— Богъ съ вами! теперь и нашъ братъ, здѣшній, уже сильно подумавши развѣ, поѣдетъ. Знаешь, мосьпане, вѣдь намъ стоить только проѣхать такое время, въ какое добрый мужикъ успеетъ вымолотить полкопны жита, чтобы слышать собачій лай съ моего двора. Все бы лучше опочить въ теплой хатѣ, а завтра хоть и съ Богомъ!

Отъ такого предложенія нельзя было отказаться путнику, который, кажется, того только и ожидалъ.

— А куда, — спросилъ дорогою поселянинъ нашъ своего будущаго гостя: — лежитъ путь вамъ, мосьпане?

— Ъду-то я далеко, на ту сторону Ворскла, къ миргородскому полковнику Глечуку. Что, землякъ, не знаешь ли и ты его?

— Какъ не знать этой старой собаки! А изъ какихъ мѣстъ Богъ несетъ?

— Изъ великой станицы, что подъ Лохвицею.

— Какъ же это, добродію, мы не слышали ничего про то, чтобы станица была подъ Лохвицею? — Тутъ вонзилъ онъ въ него острый взоръ свой, который, казалось, хотѣлъ выпытать его душу. — И то сказать! гдѣ уже мужику знать все про войсковыя дѣла; до нашего захоlustья еще и слухи не дошли объ этомъ.

Посланникъ нашъ спохватился, что не нужно бросать осторожности въ розсказняхъ и съ простымъ селяниномъ, и потому, собравшись немного съ мыслями, продолжалъ:

— То-есть, вотъ видишь, землякъ, навѣрное я еще не могу сказать. Въ самой-то станицѣ я не былъ, а встрѣтившійся подъ Лохвицею запорожскій сотникъ Шляйко, узнавъ, что я ъду въ эти мѣста, далъ мнѣ грамотку къ миргородскому полковнику. Летѣлъ онъ, какъ угорѣлый; изъ разспросовъ его я ничего не могъ узнать навѣрное. Недавно передъ тѣмъ возвратился я изъ Варшавы... Видишь, онъ, можетъ-быть, имѣлъ причины не довѣрять мнѣ... то-есть... онъ... ты, думаю, понимаешь меня.

— Чтѣ вы говорите, добродію! Развѣ мужикъ пойметъ то, что толкуютъ паны? Ей-Богу, нѣтъ; гдѣ намъ понять! У насъ и голова не такъ сдѣлана, какъ у пановъ: чортъ знаетъ, чтѣ такое; больше на капусту похоже, чтѣмъ на голову.

«О, да ты штука!» — подумалъ про себя Лапчинскій и положилъ себѣ быть какъ можно осторожнѣе въ словахъ.

Онъ во все это время ѣхалъ шагомъ, уравнивая легкую поступь своего гордаго коня съ лѣнливою выступкою тяжелыхъ воловъ, впереди которыхъ съ флегматическою важностью шель селянинъ, помахивая батономъ и потягивая коротенькую люльку¹⁾. Дымъ отъ нея обнималъ облаками смуглое лицо его, которое, освѣщаясь иногда вспыхивавшимъ огонькомъ, казалось лицомъ какого-нибудь упыря, выказывавшимся по временамъ изъ непробуднаго болотнаго тумана и сѣявшимъ искры чуднаго огня. Это заставляло Лапчинскаго чаще всматриваться ему въ глаза, чтобъ удостовѣриться, точно ли то былъ его товарищъ.

Но селянинъ нашъ самъ отгонялъ всякое насчетъ его сомнѣніе, не давая минуты задуматься своему гостю.

— Слыхали ль вы, добродію, про такое диво? — говорилъ онъ, не выпуская изо рта своей трубки: — видишь ли сосну, вонъ далеко, далеко чернѣетъ передъ нами?

1) „Трубку“.

И путникъ, къ удивленію своему, точно, увидѣлъ сосну. Какимъ образомъ зашла она сюда, когда во всей почти этой сторонѣ Малороссіи, на разстояніи, можетъ-быть, по сту верстъ во всѣ стороны, взоръ не отыскивалъ этой суровой жилицы съвера? Невольно вперилъ онъ на нее глаза свои: она одна только посреди обнаженной лѣса сохраняла, казалось, жизнь. Но жизнь ли это? Это была мумія, которую съ изумленіемъ отыскиваютъ между голыми скелетами, одну, не сокрушенную тлѣніемъ. Въ ней видны тѣ же черты, та же прекрасная форма человѣка объемлетъ ее; но, Боже, въ какомъ видѣ! Неотразимое, непонятное чувство тоски и ужаса врывается въ душу при взглядѣ на жалкій обманъ, которымъ суетное искусство силится выхватить и удержать что-то похожее на жизнь.

— Это еще не большое диво, что сосна, а вотъ что диво. Лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, какъ мы балагуримъ съ вами, жилъ, чуть ли не на вотъ этомъ мѣстѣ, въ хоромахъ, великій панъ. Воевода ли онъ былъ, сотникъ ли какой, или просто панъ, этого я не умю сказать; знаю только, что онъ былъ ляхъ и не нашей вѣры. Жилъ онъ, какъ всѣ нечистые польскіе паны живутъ: домъ съ утра до вечера ходенемъ ходилъ отъ вина да отъ пѣсенъ, и далече прохватывала дрожь крещенаго человѣка, когда онъ слышалъ раздававшіеся изъ лѣсу крики. Хлопцы изъ двора его то и дѣло что наѣзничали по хуторамъ да обирали бѣдныхъ жителей. Этого мало. Стали обворовывать да обдирать Божьи церкви, и такое дѣлали... врагъ съ ними! не хочу и говорить, что такое. Побить бы ихъ всѣхъ, добродію, — такъ нельзя, потому что дворня одной у нихъ было, можетъ, съ полторы сотни, да и на cadaго бердыши, самопалы и вся сбруя ратная. Вотъ и вызвался одинъ дяконъ, — какъ уже его звали и изъ какого приходу онъ былъ, ей-Богу, добродію, не знаю, — вызвался и пришелъ въ лѣсъ. Если бы теперь не ночь и не засыпало листьемъ, то я, можетъ статья, показалъ бы вамъ останки этого дьявольскаго гнѣзда. На ту пору, — такъ, видно, самъ Богъ уже хотѣлъ, — былъ у нихъ какой-то окаянный праздникъ. Дяконъ шелъ уже на пропало, сказалъ: — «Господи, благослови!» — и, сколько доставало духу, толкнулся въ ворота, запертыя толпившимся народомъ. Цымбалы и бандуры бренчали и гудѣли, словно на свадьбѣ, а пьяные паны и дворня изо всей силы отдирали краковякъ. Какъ только завидѣли дякона, такъ, добродію, и закричали: «Зачѣмъ сюда принесло пона?» А панъ говорить: «Гей, хлопцы! налейте-ка попу водки: пусть его танцуетъ съ нами, добрыми христіанами, краковякъ, да подгоняйте его хорошенько батожьемъ!» Дяконъ, исполнившись, видно, Святаго Духа, началъ представлять нечестивымъ весь грѣхъ беззаконнаго житья ихъ, и какія на томъ свѣтѣ будутъ имъ муки, и какъ будутъ они плясать въ пеклѣ¹⁾, только не по своей волѣ, а подгоняемые горячими вилами чертей. «А, такъ ты еще и проповѣдь читаешь!.. Гей, хлопцы! поднимите пона на крылось, а чтобъ не застудить горла, накиньте ему галстукъ на шею!» И тутъ же челядь, съ нечеловѣчьимъ смѣхомъ и гиканьемъ, всталица несчастнаго дякона на ту самую сосну, мимо которой лежитъ намъ путь. Позвольте, добродію: тутъ-то и исторія. Сосна эта какъ разъ стояла передъ хоромами и какъ нарочно еще передъ самыми окошками панской свѣтлицы. Вотъ, какъ ночь уже разогнала всѣхъ: кого на лавку, кого подъ лавку, пану нашему чудится, что на него каплетъ что-то холодное. «Что за нечистый! — подумалъ панъ: — отчего это каплетъ?» Всталъ съ постели, глядитъ: колючія вѣтви сосны царапаются къ нему сквозь

1) „Въ адѣ“.

стѣну и, будто живыя, вытягиваются длиннѣе, длиннѣе и какъ разъ достаютъ до него. Перекрестился, можетъ-быть, въ первый разъ отъ роду нашъ панъ, когда увидѣлъ, что изъ нихъ каплетъ человѣчья кровь, сначала холодная, какъ ледъ, а потомъ жжетъ да и только! Къ огню — такъ и ноги подкосились: сосна вся посинѣла, какъ мертвецъ, и страшно киваетъ ему черною, всклокоченною бородою. Сначала было думалъ панъ, не хмель ли бродитъ у него въ головѣ: такъ на слѣдующую ночь то же диво, и вся дворня въ одинъ голосъ, что по лѣсу то и дѣло, что отпѣвають усоншаго такимъ страшнымъ голосомъ, что всякаго морозъ драгъ по кожѣ и волосы щетинкою поднимались на головѣ. Чего ужъ ни дѣлали: и погребли съ честью тѣло дьякона, и принимались было рубить сосну, — такъ съкира не беретъ: что ни ударятъ, топоръ вызубритса, а дерево стонетъ, будто дитя некрещеное. Рѣшились, наконецъ, бросить это окаянное мѣсто. Вотъ каждый день и соберется вся челядь, осѣдаютъ коней, заберутъ все съ собою и выѣдутъ, еще черти не бьются на кулачки; ѣдутъ, ѣдутъ, до самаго вечера: кажись, Богъ знаетъ, куда заѣхали! остановятся ночевать — смотреть, акаямыя все мѣста: опять тотъ же дикій лѣсъ, тѣ же хоромы, а проклятая сосна, протягивая вѣтви, словно руки, хватаетъ пана и обдаетъ ее кровавыми каплями, а черная, всклокоченная борода такъ же жутко киваетъ ему...

Тутъ рассказчикъ нашъ стремительно ударилъ въ слушателя огненными глазами своими, блиставшими еще ярче посреди ночи, и, казалось, не безъ удовольствія замѣтилъ въ немъ впечатлѣнне, произведенное его рассказомъ. Дѣйствительно, путникъ нашъ не могъ не ощутить какого-то тайно врывавагося въ душу страха и съ безпокойствомъ поглядывать вокругъ.

Въ это время поравнялись они съ сосной. Серебряный свѣтъ падалъ на печальныя вѣтви ея, и отбрасывавшіяся отъ нихъ тѣни, будто продолженіе ихъ, переламываясь о встрѣчныя деревья, ложились безконечною лѣстницею на землю. Вѣтеръ слегка покачивалъ вершину, и, когда путникъ, немного проѣхавъ, оглянулся назадъ, то ему показалось, что какой-нибудь непріязненный духъ, принявъ дикій, величественный образъ, медленно слѣдовалъ за нимъ, печально покачивая угрюмою бородою и раскидывая темно-зеленыя объятія свои въ намѣреніи схватить его.

— Что же далѣе случилось? — спросилъ онъ умолкшаго рассказчика, стараясь подавить невольную робость.

— Что? Бруто пришлось пану: распустилъ всю свою дворню, сталъ схимникомъ и, какъ отправилъ пятьдесятъ двѣ панихиды за упокой души дьякона, тогда только стихнуло чудо. Куда же дѣлся послѣ того схимникъ, этого никто не скажетъ вамъ. Дня за три до Купала каплетъ съ этого дерева, день и ночь, роса. Говорятъ еще, что и сгубленная чья-то душа таскается по лѣсу. Теща рассказывала года за четыре, когда была еще при памяти, что встрѣтила однажды въ лѣсу дьявола въ красномъ жупанѣ, въ какомъ ходилъ и покойный панъ... Цобъ, цобъ, цобе! гей! Вотъ мы, добродію, и пріѣхали.

Лапчинскій увидѣлъ дѣйствительно передъ собою низенькія ворота, рѣдко убитыя впоперекъ положенными досками, какія и теперь можно видѣть почти у каждаго малороссійскаго поселяннина. Лай собакъ залился по лѣсу, и старая женщина, въ накинутомъ на плеча тулупѣ, вышла отворить ворота. Глазамъ нашего путника представился небольшой дворикъ, обнесенный заборомъ изъ болотнаго тростника, нѣсколько сараевъ и хлѣбовъ, укрытыхъ такимъ же тростникомъ, и обыкновенная малороссійская хата. На дворѣ наваленъ былъ ворохъ ульевъ, изъ которыхъ многіе развѣшены были на деревьяхъ,

нагибавшихъ со всѣхъ сторонъ любопытныя вѣтви свои во дворъ, какъ будто низкая букволическая жизнь его могла доставить имъ, величественнымъ, занимательное зрѣлище. Позади двора тянулось еще какое-то строеніе, котораго за темнотою нельзя было распознать. По всему можно было заключить, что имѣніе сіе принадлежало слишкомъ зажиточному козаку: въ тогдашнія времена не у всякаго могло найтись подобное великолѣпіе.

Пока хозяинъ занимался выгрузкою своего вьюка, Лапчинскому было довольно времени рассмотреть внутренность этого обиталища. Все въ немъ было почти такъ же, какъ и нынѣ у простолюдиновъ Малороссіи; противъ дверей нѣсколько оконъ, передъ ними столъ, на которомъ замѣтилъ онъ ржаной хлѣбъ и соль, не снимавшіеся съ него никогда, въ знакъ того, что гость во всякое время можетъ найти радушный приемъ себѣ. Всю комнату обходили липовыя широкія и узкія лавки; у дверей громоздилась печь, съ отверстіемъ внизу, заслоненнымъ частою рѣшеткою, изъ-за которой выглядывали куры, гуси, индѣйки и домашніе кролики. Каждый изъ сихъ бессловесныхъ жильцовъ суетился по-своему: пищаль, кудахталъ, гоготалъ и давалъ знать, что онъ нимаю не послѣднее изъ твореній. На полу мальчишка лѣтъ четырехъ колотилъ огромнымъ подсолнечникомъ по опрокинутому горшку, между тѣмъ какъ другой, годомъ постарше, душилъ за горло кота, напѣвая какую-то пѣсню, которую, вѣрно, отъ частаго повторенія его матери, заучилъ навѣки. Передъ большимъ окованнымъ сундукомъ сидѣла дѣвочка лѣтъ одиннадцати, держа на рукахъ грудного ребенка, плакавшаго изво всѣхъ силъ, несмотря на то, что она, желая забавить его, побрякивала огромнымъ замкомъ и странцала малютку вошедшимъ гостемъ. На стѣнѣ висѣли: серги, сабля, ружье, котораго замокъ былъ развинченъ и лежалъ близъ него на полѣ, вѣроятно, отложенный для починки, съкира, турецкій пистолеть, еще ружье, не отпущенная коса и коротенькая нагайка,—орудія, съ незапамятныхъ временъ вѣчно враждовавшія между собою, и которыя непонятный человекъ заставляетъ мириться, несмотря на несходныя ихъ свойства.

— Прощу не поигрывать, добродію, что заставилъ васъ ждать немного! — сказалъ вошедшій хозяинъ: — такъ проклятая ярмарка ошеломила меня, что до сихъ поръ въ головѣ базаръ ходитъ. Счастье еще, что старухи моей нѣтъ дома, а то бы она вымыла мнѣ голову. Дома только насть: я да теща.

При семъ словѣ вошла та самая старуха, которая отворила ворота. Съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ разсматривалъ ее путникъ. Казалось, передъ нимъ стояла жертва могилы, въ которой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чтобы показать человѣку всю ничтожность долготѣія, къ коему такъ жадно стремятся его желанія. Могильное равнодушіе разливалось на устьяныхъ морщинами чертахъ ея. Ни искры какой-нибудь живости въ глазахъ! мутныя, они устремлялись порой на него; но тотъ бы обманулся, кто прочиталъ бы въ нихъ что-нибудь похожее на любопытство. Они ни на что не глядѣли; имъ все казалось смутно, какъ не совсемъ проснувшемуся чело-вѣку. Покаместъ предавался онъ такимъ чувствамъ, старуха отправилась на печь, всегдашнее свое жилище, весь міръ свой, который такъ же казался ей просторенъ и люденъ, какъ и всякій другой; а хозяинъ обратился къ дѣтямъ своимъ.

— Ай да Федотъ! — говорилъ онъ, поднимая одною рукою подъ потолокъ мальчика съ подсолнечникомъ: — гдѣ ты взялъ такой страшный сонечникъ¹⁾? Да этимъ ты какъ-нибудь чело-вѣка убьешь! Ты что тамъ дѣлаешь,

¹⁾ „Подсолнечникъ, по малороссійскому произношенію“.

Карпо? кто душишь? Какой же я тебя гостинец привез! Ступай же, собачий сынок! что ж ты стоишь и ротъ разинулъ? Вотъ, какъ видите, добродію, сто разъ толкую, что я его батька; до сихъ поръ не вѣрить, ледача дѣтина ¹⁾!.. А ты, плакса, долго будешь ревѣть? А подайте мнѣ батога, вотъ я его! Давай его сюда, Маруся; я сейчасъ за окошко: пусть тамъ съѣдятъ его волки, либо ляхи...

— Тебя-таки, землякъ, Богъ надѣлилъ дѣтьми? — сказалъ гость нашъ своему хозяину.

— Да, не безъ того, мосьпане! всѣхъ-то ихъ у меня семеро. Два уже поженились на чужой сторонѣ, только чортъ знаетъ, какое приданое взяли за невѣстами: по сажени земли, на которой ничего не родится, кромѣ полыни и бурьяну. Что жъ ты, Ѳедотъ, не скажешь спасибо? Панъ даетъ принять, а онъ и не поклонится. Не извольте цѣловать его! у него вся рожа выпачкана золою. Были мнѣ съ нимъ порядочныя хлопоты. Услышалъ, что ѣду на ярмарку. «Возьми и меня, тату!» — «Да куда я тебя дѣну? тамъ тебя задавятъ!» — «Нѣтъ, не задавятъ, возьми, да и возьми!» — «Да тамъ теперь столько цыгановъ, что еще украдутъ тебя, и тогда поминай, какъ звали». — «Возьми да и только!» Что станешь дѣлать? плачу такого натворилъ, что Боже упаси. Насилу унялъ его обѣщаніемъ привести медоваго коня съ золотой головою. Ну, Маруся, матери не зачѣмъ дожидаться: давай-ка намъ вечерять ²⁾; баба ужъ, вѣрно, спитъ!.. Такъ до кого, добродію, — продолжалъ онъ, вдругъ оборотясь къ гостю и садясь за столъ: — говоришь ты, ѣдешь? У меня подъ старость голова, какъ дырявое ведро: сколько ни лей воды въ него, все пусто; сколько ни толкуй умныхъ рѣчей, все позабудеть.

— Какъ, землякъ? развѣ я не сказалъ тебѣ, что до Глечика? — отвѣчалъ гость, немного удивленный такою странною забывчивостью.

— До миргородскаго полковника? Такъ нечего тебѣ и забираться такъ далеко: не кто другой, какъ онъ, сидитъ передъ тобою, мосьпане!

Если бы въ это время пуля пролетѣла мимо ушей Лапчинскаго, онъ былъ бы менѣе удивленъ. Такъ внезапно, такъ неожиданно напасть на него врасплохъ, когда всѣ мысли его разбрелись... когда... Нѣтъ! не можетъ быть! онъ ослышался! И глаза его неподвижно устремились на хозяина, какъ бы желая удостовѣриться въ живости того, о чемъ донесъ ему слухъ его.

1830.

¹⁾ „Негодный ребенокъ“.

²⁾ „Ужинать“.

О ПРЕПОДАВАНИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

I.

Всеобщая исторія, въ истинномъ ея значеніи, не есть собраніе частныхъ исторій всѣхъ народовъ и государствъ безъ общей связи, безъ общаго плана, безъ общей цѣли, куча происшествій безъ порядка, въ безжизненномъ и сухомъ видѣ, въ какомъ очень часто ее представляютъ. Предметъ ея великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной картинѣ все человѣчество — какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго, бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и, наконецъ, достигло нынѣшней эпохи. Показать весь этотъ великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ человѣка кровавыми трудами, борясь отъ самой колыбели съ невѣжествомъ, природой и исполнскими препятствіями, — вотъ цѣль всеобщей исторіи! Она должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, изъ нихъ составить одну величественную полную поэму. Происшествіе, не произведшее вліянія на міръ, не имѣетъ права войти сюда. Всѣ событія міра должны быть такъ тѣсно связаны между собою и цѣпляться одно за другое, какъ кольца въ цѣпи. Если одно кольцо будетъ вырвано, то цѣпь разрывается. Связь эту не должно принимать въ буквальный смыслъ: она не есть та видимая, вещественная связь, которою часто насильно связываютъ происшествія, или система, создающаяся въ головѣ независимо отъ фактовъ, и къ которой послѣ своевольно притягиваютъ событія міра. Связь эта должна заключаться въ одной общей мысли, въ одной неразрывной исторіи человѣчества, передъ которою и государства, и событія — временные формы и образы! Міръ долженъ быть представленъ въ томъ же колоссальномъ величіи, въ какомъ онъ являлся, проникнутый тѣми же таинственными путями Промысла, которые такъ непостижимо на немъ означались. Интересъ необходимо долженъ быть доведенъ до высочайшей степени, такъ, чтобы слушателя мучило желаніе узнать далѣе; чтобы онъ не въ состояніи былъ закрыть книгу или не дослушать, но если бы и сдѣлалъ это, то развѣ съ тѣмъ только, чтобы начать сызнова чтеніе; чтобы очевидно было, какъ одно событіе рождаетъ другое и какъ безъ первоначальнаго не было бы послѣдующаго. Только такимъ образомъ должна быть создана исторія.

II.

Все, что ни является въ исторіи: народы, событія — должны быть непрерывно живы и какъ бы находиться предъ глазами слушателей или читателей, чтобы каждый народъ, каждое государство сохраняли свой міръ, свои краски, чтобы народъ, со всѣми своими подвигами и вліяніемъ на міръ, проносился ярко, въ такомъ же точно видѣ и костюмѣ, въ какомъ былъ онъ въ минувшія времена. Для того нужно собрать не многія черты, но такія,

которыя бы высказывали много, — черты самыя оригинальныя, самыя рѣзкія, какія только имѣлъ изображаемый народъ. Для того, чтобы извлечь эти черты, нуженъ умъ, сильный схватить всё незамѣтные для простаго глаза отбѣнки, нужно терпѣніе перерыть множество иногда самыхъ неинтересныхъ книгъ. Но что уже одинъ узналъ, то другимъ передается легко; и потому слушатели должны узнать это, не роясь въ архивахъ.

III.

Преподаватель долженъ призвать въ помощь географію, но не въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ ее часто принимаютъ, т.-е. для того только, чтобы показать мѣсто, гдѣ что происходило. Нѣтъ! Географія должна разгадать многое, безъ нея неизяснимое въ исторіи. Она должна показать, какъ положеніе земли имѣло вліяніе на цѣлыя націи; какъ оно дало особенный характеръ имъ; какъ часто гора, вѣчная граница, взгроможденная природою, дала другое направленіе событіямъ, измѣнила видъ міра, преградивъ великое разлитіе опустошительнаго народа, или заключивши въ неприступной своей крѣпости народъ малочисленный; какъ это могучее положеніе земли дало одному народу всю дѣятельность жизни, между тѣмъ какъ другой осудило на неподвижность; какимъ образомъ оно имѣло вліяніе на нравы, обычаи, правленіе, законы. Здѣсь-то они должны увидѣть, какъ образуется правленіе: что его не люди совершенно устанавливаютъ, но нечувствительно устанавливаетъ и развиваетъ самое положеніе земли; что формы его оттого священны, и измѣненіе ихъ неминуемо должно навлечь несчастье на народъ.

IV.

Событія и эпохи великія, всемірныя, должны быть означены ярко, сильно, должны выдвигаться на первомъ планѣ со всеми своими слѣдствіями, измѣнившими міръ: не такъ, какъ дѣлаютъ иногда преподаватели, которые, сказавши, что такое-то происшествіе есть великое, тѣмъ и отдѣляются, или приводятъ близорукія слѣдствія въ видѣ отрубленныхъ вѣтвей, тогда какъ должно развить его во всемъ пространствѣ, вывести наружу всё тайныя причины его явленія и показать, какимъ образомъ слѣдствія отъ него, какъ широкія вѣтви, распространяются по грядущимъ вѣкамъ, болѣе и болѣе развѣтвляются на едва замѣтные отпрыски, слабѣютъ и, наконецъ, совершенно исчезаютъ, или глухо отдаются даже въ нынѣшнія времена, подобно сильному звуку въ горномъ ущельи, который вдругъ умираетъ послѣ рожденія, но долго еще отзывается въ своемъ эхѣ. Эти событія должно показать въ такомъ видѣ, чтобы всё видѣли ясно, что они великіе маяки всеобщей исторіи, что на нихъ она держится, какъ земля держится на первозданныхъ гранитахъ, какъ животное на своемъ скелетѣ.

V.

Теперь объ образѣ преподаванія. Слогъ профессора долженъ быть увлекательный, огненный. Онъ долженъ въ высочайшей степени овладѣть вниманіемъ слушателей. Если хоть одинъ изъ нихъ можетъ предаться во время лекціи постороннимъ мыслямъ, то вся вина падаетъ на профессора: онъ не умѣлъ быть такъ занимателенъ, чтобы покорить своей волѣ даже мысли слушателей. Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное вліяніе происходитъ

оттого, если слогъ профессора вялъ, сухъ и не имѣеть той живости, которая не даетъ мыслямъ ни на минуту разсыпаться. Тогда не спасеть его самая ученость: его не будутъ слушать; тогда никакія истины не произведутъ на слушателей вліянія, потому что ихъ возрастъ есть возрастъ энтузіазма и сильныхъ потрясеній; тогда происходитъ то, что самыя ложныя мысли, слышимыя ими стороною, но выраженные блестящимъ и привлекательнымъ языкомъ, мгновенно увлекутъ ихъ и дадутъ имъ совершенно ложное направленіе. Что же тогда, когда профессоръ еще сверхъ того облеченъ школьною методою, схоластическими мертвыми правилами и не имѣеть даже умственныхъ силъ доказать ихъ; когда юный, развертывающійся умъ слушателей, начиная понимать уже выше его, приучается презирать его? Тогда даже справедливыя замѣчанія возбуждаютъ внутренней смѣхъ и желаніе дѣйствовать и умствовать наперекоръ; тогда самыя священныя слова въ устахъ его, какъ-то: преданность къ религіи и привязанность къ отечеству и Государю, превращаются для нихъ въ мѣшья ничтожныя. Какія изъ этого бываютъ ужасныя слѣдствія, это видимъ, къ сожалѣнію, нерѣдко. И потому-то не должно упускать изъ вниманія, что возрастъ слушателей есть возрастъ сильныхъ впечатлѣній; и потому нужно имѣть всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этотъ энтузіазмъ ихъ на прекрасное и благородное; чтобы рассказъ профессора дышалъ самъ энтузіазмомъ. Его убѣжденія должны быть такъ сильны, такъ выведены изъ самой природы, такъ естественны, чтобы слушатели сами увидѣли истину еще прежде, нежели онъ совершенно укажетъ на нее. Рассказъ профессора долженъ дѣлаться по временамъ возвышенъ, долженъ сыпать и возбуждать высокія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть простъ и понятенъ для всякаго. Истинно высокое одѣто величественною простотою: гдѣ величіе, тамъ и простота. Онъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, что его нѣкоторые понимаютъ: его должны понимать всѣ. Чтобы дѣлаться доступнѣе, онъ не долженъ быть скупъ на сравненія. Какъ часто понятное еще болѣе поясняется сравненіемъ! И потому эти сравненія онъ долженъ всегда брать изъ предметовъ самыхъ знакомыхъ слушателямъ: тогда и идеальное, и отвлеченное становится понятнымъ. Онъ не долженъ говорить слишкомъ много, потому что этимъ утомляется вниманіе слушателей, и потому что многосложность и большое обиліе предметовъ не даютъ возможности удержать всего въ мысляхъ. Каждая лекція профессора непременно должна имѣть цѣльность и казаться оконченною, чтобы въ умѣ слушателей она представлялась стройною поэмою, чтобы они видѣли вначалѣ, что она должна заключать въ себѣ и что заключаетъ: чрезъ это они сами въ своемъ рассказѣ всегда будутъ соблюдать цѣль и цѣльность. А это необходимо всего въ исторіи, гдѣ ни одно событіе не брошено безъ цѣли.

VI.

Планъ же для преподаванія, послѣ многихъ наблюденій, испытаній себя и слушателей, я полагаю лучшимъ слѣдующій:

Прежде всего почитаю необходимымъ представить слушателямъ эскизъ всей исторіи человѣчества, въ немногихъ, но сильныхъ словахъ и въ неразрывной связи, чтобы они вдругъ обняли все то, о чемъ будутъ слышать; иначе они не такъ скоро и не въ такой ясности постигнутъ весь механизмъ исторіи, — все равно, какъ нельзя узнать совершенно городъ, исходивши всѣ его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное мѣсто, откуда бы онъ виденъ былъ весь, какъ на ладони. Я набрасываю здѣсь эскизъ для того,

чтобы показать вмѣстѣ, въ какомъ видѣ и въ какой связи должна быть исторія.

Прежде всего я долженъ представить, какимъ образомъ человечество началось Востокомъ. Я долженъ изобразить Востокъ съ его древними патриархальными царствами, съ религіями, облеченными въ глубокую таинственность, такъ непонятную для простаго народа, кромѣ религіи евреевъ, между коими сохранилось чистое первобытное вѣдѣніе истиннаго Бога; какъ эти древнія государства оградились другъ отъ друга, будто неприступною стѣною, нетерпимостью и китайскою осторожностью; какъ одинъ только народъ финикійскій, первые мореплаватели древняго міра, приводилъ невольно своею промышленностью въ сообщеніе эти почти неподвижныя государства, и какимъ образомъ первый всемірный завоеватель, Киръ, съ свѣжимъ и сильнымъ народомъ, персами, подвергъ весь Востокъ своей власти и насильно соединилъ разнохарактерные народы; но нравы, религія, формы правленія остались въ государствахъ тѣ же, цари только обратились въ сатраповъ, и весь Востокъ видѣлъ надъ собою одну верховную власть царя царей, персидскаго повелителя; какъ постепенно, отъ взаимнаго сообщенія, эти народы теряли свою особенность и національность и, вмѣстѣ съ своимъ царемъ царей, почти богомъ, невидимымъ для народа, поверглись въ азіатскую роскошь. — Здѣсь я останавливаюсь и обращаюсь къ другой части древняго міра, къ Европѣ. Я долженъ изобразить, какъ возникъ въ ней этотъ цвѣтъ ея, народъ греческій, съ живымъ, любопытнымъ умомъ, республиканскимъ духомъ, совершенно противоположными формами правленія, поэтической религіей, ясными, живыми идеями, такъ противоборствующими важною таинственности Востока; какъ развернулось у нихъ просвѣщеніе въ такомъ необыкновенномъ блескѣ, и какъ, наконецъ, одинъ честолюбивый грекъ подвергъ ихъ своей монархической власти; какъ этотъ великій грекъ задумалъ гигантское дѣло: соединить Востокъ съ Европою и разнести вездѣ греческое просвѣщеніе. И вотъ, чтобы связать тѣснѣе три части свѣта, строится городъ Александрія; герой умираетъ, всесвѣтная монархія падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Но подвиги его живы, плоды зрѣютъ: настаетъ знаменитый александрійскій вѣкъ, когда весь древній міръ толпится у гавани александрійской, когда греческіе ученые во всѣхъ городахъ, и національность опять исчезаетъ, народы опять смѣшиваются! А между тѣмъ въ Италіи, почти невидимо отъ всѣхъ, созрѣваетъ желѣзная сила римлянъ.

Я долженъ изобразить, какъ этотъ суровый, воинственный народъ покоряетъ одно за другимъ государства, обогащается награбленными богатствами, поглощаетъ весь Востокъ. Легіоны его проникаютъ въ тѣ земли Европы, гдѣ владѣніе уже не доставляетъ ничего нужнаго для человѣка. Уже Цезарь заноситъ ногу въ Британію, римскіе орлы на скалахъ Албіона... Между тѣмъ, невѣдомыя степи средней Азіи извергаютъ толпы невѣдомыхъ народовъ, которые тѣснятъ и гонятъ предъ собою другихъ, вгоняютъ ихъ въ Европу, сами несутся по пятамъ ихъ и грозно останавливаются на сѣверѣ, какъ зловѣщая кара, ожидающая обреченной жертвы, скрытые отъ римлянъ германскими лѣсами и непроходимыми болотами. А между тѣмъ, уже ни одного не остается независимаго царства. Весь міръ раздѣленъ на римскія провинціи. Римляне перенимаютъ все у побѣжденныхъ народовъ — сначала пороки, потомъ просвѣщеніе. Все мѣшается опять. Всѣ дѣлаются римлянами, и ни одного настоящаго римлянина! И когда развратные императоры, своевольное войско, отпущенники и содержатели зрѣлищъ тиранствуютъ надъ міромъ, — въ нѣдрахъ его непримѣтно совершается великое событіе: въ ветхомъ мірѣ

зарождается новый! воплощается неузнанный миромъ Божественный Спаситель его, и вѣчное слово, не понятое властелинами, раздается въ темницахъ и пустыняхъ, таинственно выжидая новыхъ народовъ. Наконецъ, на весь древній мѣръ непостижимо находитъ летаргическій сонъ, та страшная неподвижность, то ужасное онемѣніе жизни, когда просвѣщеніе не двигается ни впередъ, ни назадъ, сила и характеръ исчезаютъ, все обращается въ мелкій, ничтожный этикетъ, жалкую, развратную безхарактерность. А въ Азіи, между тѣмъ, новый толчокъ, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ по всей цѣпи: одинъ народъ тѣснить и гонить передъ собою другой, который, въ свою очередь, сгоняетъ третій, и самыя крайніе появляются уже на римскихъ границахъ, тогда какъ жалкіе побѣдители міра употребляютъ всѣ усилія спасти себя: сначала откупаются золотомъ, потомъ изъ нихъ же составляютъ себѣ войско защитниковъ, потомъ отдаютъ имъ, одну за другою, всѣ свои провинціи, наконецъ, предають имъ Римъ, и тѣ, которые сохраняли еще слабыя остатки познаній, бѣгутъ на Востокъ; прочіе, невѣжественные и слабыя, исчезаютъ въ сильныхъ толпахъ новаго народа.

Я долженъ изобразить, какъ начинается новая жизнь въ Европѣ, какъ основываются и принимаютъ крещеніе дикія государства въ границахъ, назначенныхъ природою, съ феодальными правами, съ вассальными владѣніями, и какъ могущественный папа, прежде только римскій первосвященникъ, дѣлается государемъ, незамѣтно присоединяетъ къ своей сильной религіозной власти свѣтскую. Между тѣмъ, на Востокъ остатки римлянъ тѣснятся и покоряются новымъ сильнымъ народомъ, мгновенно, какъ бы фантастически, возродившимся на своемъ каменномъ арабійскомъ полуостровѣ, подвигнутымъ до изступленія религіей, совершенно восточной, основанной полупомѣшаннымъ энтузіастомъ Магометомъ; какъ этотъ народъ, съ азіатской саблей въ рукахъ, распространялъ магометанство намѣсто прежнихъ остатковъ греческаго просвѣщенія, и какъ изумительно-быстро этотъ чудесный народъ изъ завоевателей дѣлается просвѣтителемъ, развѣтывается во всемъ блескѣ, съ своей роскошной фантазійю, глубокими мыслями и поэзіей жизни, и какъ онъ вдругъ меркнетъ и затмевается выходцами изъ-за моря Каспійскаго, которымъ оставляетъ въ наслѣдство одно магометанство, какъ, почти въ то же время, въ Европѣ корсары сѣверныхъ морей, норманны, съ неслыханною дерзостью, въ маломъ числѣ, грабятъ и овладѣваютъ цѣлыми государствами, наконецъ, перемѣняютъ дикую религію свою на христіанство и прибавляютъ Европѣ свою силу и нравы; а между тѣмъ, папа мало-по-малу дѣлается неограниченнымъ монархомъ всей Европы, и самый императоръ нѣмецкій, котораго уважали всѣ народы, не смѣетъ противустать ему, и какъ, по мановенію его, цѣлыя народы, вассалы, короли, оставляютъ свои земли, богатства, владутъ пламенный крестъ на рамена и спѣшатъ съ энтузіазмомъ въ Палестину; какъ вся Европа, двинувшись съ мѣстъ, валится въ Азію, Востокъ сшибается съ Западомъ, и двѣ грозныя силы, христіанство съ магометанствомъ; какъ это великое событіе порождаетъ рыцарство, обнявшее всю Европу; какъ возникли орденыя общества, осудившія себя на безбрачную, одинокую жизнь, чтобы быть вѣрными одной цѣли, и произошелъ самый сильно-религіозный христіанскій вѣкъ; какъ энтузіазмъ къ вѣрѣ перешелъ потомъ границы, начертанныя десницею Божественнаго Спасителя, и какъ въ то же время, невидимо отъ всей Европы, совершается великій эпизодъ всемірной исторіи: создается безпрямѣрная по величинѣ монархія Чингисханова, поглотившая всѣ азіатскія земли, неизвѣстныя европейцамъ. Въ Европѣ одни только монастыри имѣютъ землю и осѣдность; все обратилось въ рыцарство, все рочуетъ, все неспокойно:

каждый вмѣстѣ и воинъ, и полководецъ, и вассалъ, и повелитель, и слушается и не слушается, — вѣкъ величайшаго разъединенія и вмѣстѣ единства! Каждый управляется своей волей, и между тѣмъ всё согласны въ одной цѣли и мысляхъ. Бѣдные поселяне, вытерпѣвъ чашу бѣды, наконецъ, рѣшаются соединиться, независимо отъ своихъ повелителей, въ города. Возникаетъ среднее сословіе гражданъ, города начинаютъ богатѣть, и на сѣверѣ Европы, въ отпоръ рыцарямъ, образуется Ганзейскій союзъ, связывающій всю сѣверную Европу своей торговлей. Между тѣмъ, на югѣ возникаетъ порожденіе крестовыхъ походовъ — страшная торговля Венеціа, эта царица морей, эта чудная республика, съ такимъ замысловатымъ и необыкновенно устроеннымъ правленіемъ. Всѣ богатства Европы и Азіи невидимо перешли въ ея руки, и, какъ папа религіозною властью, такъ Венеціа непогрѣшимымъ богатствомъ повелѣвала Европою. Духовный деспотъ употреблялъ всѣ силы убить ея торговлю, но все было напрасно, пока, наконецъ, генуэзскій гражданинъ не убилъ ее открытіемъ Нового Свѣта. Наконецъ, я долженъ представить, какъ вдругъ расширился кругъ дѣйствій, какъ пала торговля Средиземнаго моря. Европейцы съ жадностью спѣшатъ въ Америку и вывозятъ кучи золота; Атлантическій и Восточный океаны въ ихъ власти, и въ то же время папскія миссіи проникаютъ въ сѣверо-восточную Азію и Африку — и міръ открывается почти вдругъ во всей своей обширности. Между тѣмъ, въ Европѣ понемногу сомнѣваются въ справедливости папской власти, и, какъ прежде торговлю Венеціа убилъ бѣдный генуэзецъ, такъ власть папы сокрушилъ августинскій монахъ Лютеръ. Какъ образовалась эта мысль въ головѣ смиреннаго монаха, какъ сильно и упрямо защищать онъ свои положенія! Какъ, при паденіи своемъ, папа становился грознѣе и изобрѣтательнѣе: ввелъ ужасную инквизицію и страшный невидимо силою орденъ іезуитскій, который вдругъ разсыпался по всему свѣту, проникъ во все, прошелъ вездѣ и тайно сообщался между собою на двухъ разныхъ концахъ міра. — Но чѣмъ грознѣе становился папа, тѣмъ сильнѣе противъ него работали типографскіе станки. Вся Европа раздѣлилась на двѣ партіи, и эти партіи, наконецъ, схватились за оружіе, и война жестокая, внутри и внѣ государствъ, долгая, обхватила вдругъ всю Европу. Но уже не копьями и не стрѣлами производилась она, — нѣтъ! пушами, ядрами, громомъ и огнемъ — ужаснымъ и благодѣтельнымъ изобрѣтеніемъ монаха-алхимиста разыгралась эта великая тяжба. Духовная власть пала. Государя становятся сильнѣе. Я долженъ изобразить, какъ измѣнилась Европа послѣ этихъ войнъ. Государства, народы сливаются плотнѣе въ нераздѣльныя массы. Нѣтъ того разъединенія власти, какъ въ средніе вѣка. Она сосредоточивается болѣе въ одномъ лицѣ. И какъ оттого сильныя характеры становятся виднѣе, кругъ государей, министровъ, полководцевъ обширнѣе! Самъ собою, невольно, завязывается въ Европѣ политическій союзъ, полагающій защищать оружіемъ неприкосновенность каждаго государства. А между тѣмъ, неумолимые купцы-голландцы, вырвавшіе свою землю у моря, овладѣваютъ островами Восточнаго океана, берутъ милліоны за разводимыя на нихъ плантаціи драгоцѣнныхъ растений юга и, какъ прежде Венеціа, схватываютъ торговлю всего міра, пока одинъ необыкновенный государь не подрываетъ ея и не покушается на неприкосновенность государствъ. Я долженъ изобразить блестящій вѣкъ, произведенный этимъ государемъ (Лудовикомъ XIV), когда Франція закипѣла издѣліями роскоши, фабриками, писателями, когда Парижъ сдѣлался всемірною столицею, куда съѣзжались со всей Европы, и французскій языкъ, французскіе нравы, французскій этикетъ и обычаи распространились по всей Европѣ. Но, нарушивши неприкосновенность

чужихъ владѣній, этотъ честолюбивый король хотя и разстраиваетъ торговлю голландцевъ, но вмѣстѣ разоряетъ свое государство и самъ убиваетъ свое величіе. Какъ быстро пользуются этимъ островитяне британскіе, которые до того медленно, но вѣрно близились къ своей цѣли, наконецъ, очутились почти вдругъ обладателями торговли всего міра: воровачаютъ миліонами въ Индіи, собираютъ дань съ Америки, и, гдѣ только море, тамъ британскій флагъ. Имъ преграждаетъ путь исполинъ XIX вѣка, Наполеонъ, и уже дѣйствуетъ другимъ орудіемъ — совершенно военнымъ деспотизмомъ, своими быстрыми движеніями оглушаетъ Европу и налагаетъ на нее желѣзное свое протекторство. Напрасно гремитъ противъ него въ англійскомъ парламентѣ Питтъ и составляетъ страшные союзы. Ничто не имѣетъ духа ему противиться, пока онъ самъ не набѣгаетъ на гибель свою, вторгнувшись въ Россію, гдѣ невѣдомыя ему пространства, лютость климата и войска, образованная суворовскою тактикою, погубляютъ его. И Россія, сокрушившая этого исполина о непреступныя твердыни свои, останавливается въ грозномъ величій на своемъ огромномъ сѣверо-востокѣ. Освобожденные государства получаютъ прежній видъ и прежнія формы, утверждаютъ снова союзъ и неприкосновенность владѣній. Просвѣщеніе, не останавливаемое ничѣмъ, начинаетъ разливаться даже между низшимъ классомъ народа; паровыя машины доводятъ мануфактурность до изумительнаго совершенства, будто невидимые духи помогаютъ во всемъ человѣку и дѣлаютъ силу его еще ужаснѣе и благодѣтельнѣе; — и онъ, въ священномъ трепетѣ, видитъ, какъ Слово изъ Назарета обтекло, наконецъ, весь міръ.

Когда исторія міра будетъ удержана въ такомъ краткомъ, но полномъ эскизѣ и происшествія будутъ такъ связаны между собою, тогда ничто не улетитъ изъ головы слушателей, и въ умѣ ихъ невольно составитъ цѣлое. Наконецъ, этотъ эскизъ, разившись въ великомъ объемѣ, составитъ полную исторію человѣчества.

VII.

Послѣ изложенія полной исторіи человѣчества, я долженъ разобрать отдѣльно исторію всѣхъ государствъ и народовъ, составляющихъ великій механизмъ всеобщей исторіи. Натурально, та же полнота, та же цѣлость должна быть видна и здѣсь въ обзорѣннн каждого порознь. Я долженъ обнять его вдругъ, съ начала до конца: какъ оно основалось, когда было въ силѣ и блескѣ, когда и отчего пало (если только пало) и какимъ образомъ достигло того вида, въ какомъ находится нынѣ; если же народъ стерся съ лица земли, то какимъ образомъ, намѣсто его, образовался новый и что принялъ отъ прежняго.

VIII.

Чтобъ еще глубже все сказанное вошло въ память, по окончаніи курса необходимы повторительные обзоры. Но чтобы новтореніе было успѣшнѣе, нужно стараться давать ему интересъ и занимательность новизны. Послѣ исторіи всего міра и отдѣльно каждой земли и народа, не мѣшаетъ сдѣлать обзоръ каждой части свѣта и тутъ показать все отличіе какъ ихъ, такъ и народовъ, въ нихъ находящихся, чтобъ слушатели сами могли вывести результатъ.

Во-первыхъ, объ Азіи, этой обширной колыбели младенствующаго человѣчества, землѣ великихъ переворотовъ, гдѣ вдругъ возрастаютъ въ страшномъ величій народы и вдругъ стираются другими; гдѣ столько націй невозвратно пронесли одна за другою, а между тѣмъ формы правленія, духъ

народовъ одни и тѣ же: все такъ же важень, такъ же гордъ азіатецъ, такъ же быстро воспламеняется и кипитъ страстями, такъ же скоро передается лѣни и бездѣйственной роскоши. И вмѣстѣ съ симъ эта часть свѣта есть земля разительныхъ противоположностей и какого-то великаго безпорядка: еще одинъ народъ кочуетъ беззаботно въ необозримомъ многолюдствѣ съ необозримыми табунами, а между тѣмъ на другомъ концѣ, гдѣ-нибудь въ пустынѣ, изступленный изувѣръ, изнуряя себя безконечнымъ постомъ, замышляетъ новую религію, которая впоследствии обхватитъ всю Азію, одѣнетъ народъ, какъ непроницаемой броней, своимъ изступленнымъ вдохновеніемъ и поведетъ его на разрушеніе; и тутъ же, можетъ-быть, недалеко отъ него, находится народъ, уже перешедшій всѣ эти явленія и кризисы, уже погруженный въ роскошь, утомленный азиатскимъ пресыщеніемъ. Только здѣсь можетъ находиться та странная противоположность, которой дивимся въ деревѣ юга, гдѣ на одной вѣтвѣ, въ одно время, одинъ плодъ цвѣтетъ, между тѣмъ какъ другой наливается, третій зрѣетъ, четвертый, переспѣлый, валится на землю.

Потомъ о Европѣ, исторія которой означена совершенно противоположною характерностью, гдѣ существованіе народовъ, напротивъ, долго и мощно; гдѣ все, напротивъ, порядокъ и стройность: народы разомъ подвигаются тактъ въ тактъ, какъ регулярныя европейскія войска; государства всѣ почти въ одно время растутъ и совершенствуются: при всѣхъ характерныхъ отличіяхъ націй, въ нихъ видно общее единство, и каждая изъ нихъ такъ чудно запутана съ другими, что становится совершенно понятною только въ соединеніи со всей Европою, и вся Европа кажется однимъ государствомъ. И въ этой небольшой части свѣта рѣшилась долгая тяжба: человѣкъ сталъ выше природы, а природа обратилась въ искусство; самая бѣдность и скупость ея вызвали наружу весь безграничный міръ, скрывавшійся въ человѣкѣ, дали ему почувствовать, во сколько онъ выше земного, и превратили всю страну въ вѣчную жизнь ума. Въ этой одной только части свѣта могущественно развился высочій геній христіанства, и необъятная мысль, осѣненная небеснымъ знаменіемъ креста, витаетъ надъ нею, какъ надъ отчизною.

Потомъ объ Африкѣ, представляющей, въ противоположность Европѣ, смерть ума, гдѣ природа всегда деспотически властвовала надъ человѣкомъ; гдѣ она во всемъ своемъ царственномъ величіи и всегда почти возвращала его въ первобытное состояніе, въ жизнь чувственную; гдѣ ни одинъ коренной туземный народъ не прожилъ мощною жизнью и не отбросилъ отъ себя яркихъ лучей на міръ; гдѣ даже переселенцы съ другихъ земель напрасно вступали въ борьбу съ палящею природою африканскою: чѣмъ далѣе погружались они въ Африку, тѣмъ глубже повергались въ чувственность.

Наконецъ, объ Америкѣ, этой всемірной колоніи, вавилонскомъ смѣшеніи націй, гдѣ столкнулись три противорѣчащія части свѣта, смѣшались, но еще не слились въ одно, и потому еще не имѣющей покажеть никакого единства, даже единства религіи; не смотря на частную характерность, не получившей общаго характера; несмотря на огромную массу, все еще состоящей изъ первоначальныхъ стихій, разложенныхъ началъ; несмотря на независимыя государства, все еще похожей на колонію.

Быстрый обзоръ исторій каждой части свѣта, во всей ея рѣзкой характерности, не поверхностный, но глубокий, результатъ вѣковъ и событій, потому необходимъ, что онъ наводитъ на мысль и заставляетъ слушателей думать. Умъ тогда быстрѣе развивается, когда самъ предлагаетъ себѣ великій и поэтический вопросъ. Этотъ обзоръ каждой части тѣмъ болѣе еще необходимъ,

что показываетъ часто съ новой стороны тѣ же предметы. А для полнаго уразумѣнія нужно, чтобы предметъ былъ освѣщенъ со всѣхъ сторонъ. «Только тогда вы знаете хорошо исторію,—говоритъ Шлецеръ:—когда знаете ее и вдоль, и поперекъ, и вкось, и во всѣхъ направленіяхъ».

IX.

И для того, въ видѣ эпилога, послѣ окончанія курса хорошо рассмотримъ за однимъ разомъ весь міръ по столѣтіямъ. Тогда всеобщая исторія представитъ у меня великую лѣстницу вѣковъ. Я долженъ непременно показать, чѣмъ ознаменовано начало, середина и конецъ каждаго столѣтія, потомъ — духъ и отличительныя черты его. Чтобы лучше опредѣлить каждый вѣкъ и избѣгнуть монотонности числъ, я назову его именемъ того народа или лица, который сталъ въ немъ выше другихъ и ярче дѣйствовалъ на поприщѣ міра. Эта лѣстница столѣтій есть лучшее средство къ утвержденію въ памяти слушателей современности событій, лицъ и явленій.

X.

Мнѣ кажется, что такой образъ преподаванія будетъ дѣйствительнѣе и ближе къ истинѣ. По крайней мѣрѣ, глубоко понимающій величіе исторіи увидитъ, что онъ не произведеніе мгновенной фантазіи, но плодъ долгихъ соображеній и опыта; что ни одинъ эпитетъ, ни одно слово не брошено здѣсь для красоты и мишурнаго блеска, но ихъ породило долговременное чтеніе лѣтописей міра; что составитъ эскизъ общій, полный исторіи всего человѣчества, хотя даже столь краткій, какъ здѣсь, можно не иначе, какъ когда узнаешь и постигнешь самыя тонкія и запутанныя нити исторіи, и что одна любовь къ наукѣ, составляющей для меня наслажденіе, понудила меня объявить мои мысли: что цѣль моя — образовать сердца юныхъ слушателей той основательной опытностью, которую развертываетъ исторія, понимаемая въ ея истинномъ величіи, сдѣлать ихъ твердыми, мужественными въ своихъ правилахъ, чтобы никакой легкомысленный фанатизмъ и никакое минутное волненіе не могло поколебать ихъ, — сдѣлать ихъ кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великаго Государя, чтобы ни въ счастіи, ни въ несчастіи не измѣнили они своему долгу, своей вѣрѣ, своей благородной чести и своей вл�твѣ — быть вѣрными Отечеству и Государю.

1832.

ПОРТРЕТЪ.

П о в ѣ с т ь .

§ I.

Нигдѣ столько не останавливалось народа, какъ передъ картинною лавкою на Щукиномъ дворѣ. Эта лавка представляла, точно, самое разнородное собраніе диковинокъ; картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темножелтыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламандскій мужикъ съ трубою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человѣка, — вотъ обыкновенныя ихъ сюжеты. Въ этому нужно присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ, съ кривыми носами. Двери такой лавочки обыкновенно бывають увѣшаны связками тѣхъ картикъ, которыя свидѣтельствуютъ самородное дарованіе русскаго человѣка: на одной изъ нихъ была царевна Милитриса Барбитъевна, на другой — городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквамъ котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній обыкновенно немного, но зато зрителей — куча; какой-нибудь забулдыга-лакей уже, вѣрно, зѣваетъ передъ ними, держа въ рукѣ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который, безъ сомнѣнія, будетъ хлебать супъ не слишкомъ горячій. Передъ ними, вѣрно, уже стоить солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка изъ Охты, съ коробкою, наполненною башмаками. Всякій восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; кавалеры разсматривають сурьезно; лакеи-мальчишки и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными карикатурами; старые лакеи въ фризовыхъ шинеляхъ смотрять потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать; а торговки, молодыя русскія бабы, спѣшаютъ по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ калякаетъ народъ, и посмотрѣть, на что онъ смотритъ.

Въ это время неволью остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чертковъ. Старая шинель и нешегольское платье показывали въ немъ того человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодежи. Онъ остановился передъ лавкою и сперва внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами; наконецъ, неволью овладѣло имъ размышленіе: онъ сталъ думать о томъ, кому бы нужны были эти произведенія. Что русскій народъ заглядывается на *Ерусалановъ Лазаричей*, на *объѣдалъ* и *обпивалъ*, на *Оому* и *Ерему* — это ему не казалось удивительнымъ: изображенные предметы были очень доступны и

понятны народу; но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ масляныхъ малеваній? кому нужны эти фламандскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искусства, но въ которыхъ выразилось все глубокое его униженіе? Если бы это были труды ребенка, покоряющагося одному невольному желанію, если бы они совсѣмъ не имѣли никакой правильности, не сохраняли даже первыхъ условій механическаго рисованія, если бы въ нихъ было все въ карикатурномъ видѣ, но въ этомъ карикатурномъ видѣ просвѣчивалось бы хотя какое-нибудь стараніе, какой-нибудь порывъ произвести подобное природѣ, — но ничего этого нельзя было отыскать въ нихъ. Какое-то тупоуміе старости, какая-то бессмысленная охота или, лучше сказать, неволя водила рукою ихъ творцовъ. Кто трудился надъ ними? И трудился, безъ сомнѣнія, одинъ и тотъ же, потому что тѣ же краски, та же манера, та же набившаяся, приобыкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку. Онъ все такъ же стоялъ передъ этими грязными картинами и глядѣлъ на нихъ, но уже совершенно не глядя, между тѣмъ какъ содержатель этого живописнаго магазина, сѣренькій человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, во фризовой шинели, съ давно небритымъ подбородкомъ, рассказывалъ ему, что «картины *самый первый сортъ* и только что получены съ биржи, еще и лакъ не высохъ, и въ рамки не вставлены. *Смотрите сами, честью уверяю, что останетесь довольны*». Всѣ эти заманчивыя рѣчи летѣли мимо ушей Черткова. Наконецъ, чтобы немного ободрить хозяина, онъ поднялъ съ полу нѣсколько запылившихся картинъ. Это были старыя фамиліные портреты, которыхъ потомки врядъ ли бы отыскались. Почти машинально началъ онъ съ одного изъ нихъ стирать пыль. Легкая краска вспыхнула на лицѣ его, — краска, которая означаетъ тайное удовольствіе при чемъ-нибудь неожиданномъ. Онъ сталъ нетерпѣливо тереть рукою и скоро увидѣлъ портретъ, на которомъ ясно была видна мастерская кисть, хотя краски казались нѣсколько мутными и почернѣвшими. Это былъ старикъ съ какимъ-то безпокойнымъ и даже злобнымъ выраженіемъ лица; въ устахъ его была улыбка, рѣзкая, язвительная, и вмѣстѣ какой-то страхъ; румянецъ болѣзни былъ тонко разлитъ по лицу, исковерканному морщинами; глаза его были велики, черны, тусклы, но вмѣстѣ съ этимъ въ нихъ была замѣтна какая-то странная живость. Казалось, этотъ портретъ изображалъ какого-нибудь скрягу, прошедшаго жизнь надъ сундукомъ, или одного изъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ всю жизнь мучитъ счастье другихъ. Лицо вообще сохраняло яркій отпечатокъ южной физиогноміи. Смуглота, черные, какъ смоль, волосы, съ пробившеюся просѣдью — все это не попадаетъ у жителей сѣверныхъ губерній. Во всемъ портретѣ была видна какая-то неокончателность; но если бы онъ приведенъ былъ въ совершенное исполненіе, то знатокъ потерялъ бы голову въ догадкахъ, какимъ образомъ совершеннѣйшее твореніе Вандика очутилось въ Россіи и зашло въ лавочку на Шукіинъ дворъ.

Съ біющимъ сердцемъ, молодой художникъ, отложивши его въ сторону, началъ перебирать другіе, не найдется ли еще чего подобнаго; но все прочее составляло совершенно другой міръ и показывало только, что этотъ гость глупымъ счастьемъ попалъ между нихъ. Наконецъ, Чертковъ спросилъ о цѣнѣ.

Пронрыливый купецъ, замѣтивъ по его вниманію, что портретъ чего-нибудь стоитъ, почесалъ за ухомъ и сказалъ:

— Да что: вѣдь десять рублей будетъ за него маловато.

Чертковъ протянулъ руку въ карманъ.

— Я даю одиннадцать! — раздалось позади его.

Онъ обратился и увидѣлъ, что народу собралась куча, и что одинъ господинъ въ плащѣ долго, подобно ему, стоялъ передъ картиною. Сердце у него сильно забилось и губы тихо задрожали, какъ у человѣка, который чувствуетъ, что у него хотятъ отнять предметъ его исканій. Осмотрѣвши внимательно новаго покупщика, онъ нѣсколько утѣшился, замѣтивъ на немъ костюмъ, нимало не уступавшій его собственному, и произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Я дамъ тебѣ двѣнадцать рублей, картина моя.

— Хозяинъ! картина за мною, вотъ тебѣ пятнадцать рублей! — произнесъ покупщикъ.

Лицо Чертова судорожно вздрогнуло, духъ захватился, и онъ невольно выговорилъ: «двадцать рублей».

Купецъ потиралъ руки отъ удовольствія, видя, что покупщики сами торгуются въ его пользу. Народъ гуще обступилъ покупающихъ, услышавъ носомъ, что обыкновенная продажа превратилась въ аукционъ, всегда имѣющей сильный интересъ, даже для постороннихъ. Цѣну, наконецъ, набили до пятидесяти рублей. Почти отчаянно закричалъ Чертовъ: «пятьдесятъ», вспомнивши, что у него вся сумма въ 50 рублѣхъ, изъ которыхъ онъ долженъ, хотя часть, заплатить за квартиру и, кромѣ того, купить красокъ и еще кое-какихъ необходимыхъ вещей. Противникъ его въ это время отступился: сумма, казалось, превосходила также его состояніе, и картина осталась за Чертовымъ. Вынувши изъ кармана ассигнацію, онъ бросилъ ее въ лицо купцу и ухватился съ жадностью за картину, но вдругъ отскочилъ отъ нея, пораженный страхомъ. Темные глаза нарисованнаго старика глядѣли такъ живо и вмѣстѣ мертвенно, что нельзя было не ощутить испуга. Казалось, въ нихъ неизъяснимо странною силою удержана была часть жизни. Это были не нарисованные, это были живые, это были человѣческіе глаза. Они были неподвижны, но, вѣрно, не были бы такъ ужасны, если бы двигались. Какое-то дикое чувство — не страхъ, но то неизъяснимое ощущение, которое мы чувствуемъ при появленіи странности, представляющей безпорядокъ природы, или, лучше сказать, какое-то сумасшествіе природы, — это самое чувство заставило вскрикнуть почти всѣхъ. Съ трепетомъ провелъ Чертовъ рукою по полотну, но полотно было гладко. Дѣйствіе, произведенное портретомъ, было всеобщее; народъ съ какимъ-то ужасомъ отхлынулъ отъ лавки: покупщикъ, вошедшій съ нимъ въ соперничество, боязливо удалился. Сумерки въ это время сгустились, казалось, для того, чтобы сдѣлать еще болѣе ужаснымъ это непостижимое явленіе. Чертовъ не въ силахъ былъ оставаться болѣе. Не смѣя и думать о томъ, чтобы взять его съ собою, онъ выбѣжалъ на улицу. Свѣжій воздухъ, громъ мостовой, говоръ народа, казалось, на минуту освѣжилъ его, но душа была все еще жата какимъ-то тягостнымъ чувствомъ. Сколько ни обращалъ онъ глазъ по сторонамъ на окружающіе предметы, но мысли его были заняты однимъ необыкновеннымъ явленіемъ. «Что это? — думалъ онъ самъ про себя: — искусство или сверхъестественное какое волшебство, выглянувшее мимо законовъ природы? Какая странная, какая непостижимая задача! Или для человѣка есть такая черта, до которой доводитъ высшее познаніе искусства, и черезъ которую шагнувъ, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ человѣка, онъ вырываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналь. Отчего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительность, — та ужасная дѣйствительность, на которую

соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то постороннимъ толчкомъ, — та ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ея тогда, когда онъ, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка? Непостижимо! Такая изумительная, такая ужасная живость! Или черезчуръ близкое подражаніе природѣ такъ же приторно, какъ блюдо, имѣющее черезчуръ сладкій вкусъ?» Съ такими мыслями вошелъ онъ въ свою маленькую комнатку, въ небольшомъ деревянномъ домѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ 15 линіи, въ которой лежали разбросанные во всѣхъ углахъ ученическіе его начатки, копія съ антиковъ, тщательныя, точныя, показывавшія въ художникѣ стараніе постигнуть фундаментальныя законы и внутренній размѣръ природы. Долго разсматривалъ онъ ихъ, и, наконецъ, мысли его потянулись одна за другою и стали выражаться почти словами: такъ живо чувствовалъ онъ то, о чемъ размышлялъ!

«И вотъ годъ, какъ я тружусь надъ этимъ сухимъ, скелетнымъ трудомъ! Стараюсь всѣми силами узнать то, что такъ чудно дается великимъ творцамъ и кажется плодомъ минутнаго, быстрого вдохновенія. Только тронуть они кистью, и уже является у нихъ человѣкъ вольный, свободный, таковъ, какимъ онъ созданъ природою; движенія его живы, непринужденны. Имъ это дано вдругъ, а мнѣ должно трудиться всю жизнь, всю жизнь изслѣдовать скучныя начала и стихіи, всю жизнь отдать безпѣтной, не отвѣчающей на чувства работѣ. Вотъ мои маранья! Они вѣрны, схожи съ оригиналами; но захоти я произвести свое — и у меня выйдетъ совсѣмъ не то: нога не станетъ такъ вѣрно и непринужденно; рука не подыметь такъ легко и свободно; поворотъ головы у меня вовѣки не будетъ такъ естественъ, какъ у нихъ, а мысль, а тѣ невыразимыя явленія... Нѣтъ, я не буду никогда великимъ художникомъ!»

Размышленія его прерваны были вошедшимъ его камердинеромъ, парнемъ лѣтъ осьмнадцати, въ русской рубашкѣ, съ розовымъ лицомъ и рыжими волосами. Онъ безъ церемоніи началъ стягивать съ Черткова сапоги, который былъ погруженъ въ свои размышленія. Этотъ парень, въ красной рубашкѣ, былъ его лакей, натурщикъ, чистилъ ему сапоги, зѣвалъ въ маленькой его передней, теръ краски и пачкалъ грязными ногами его полъ. Взявши сапоги, онъ бросилъ ему халатъ и выходилъ уже изъ комнаты, какъ вдругъ оборотилъ голову назадъ и произнесъ громко:

— Баринъ, свѣчу зажигать или нѣтъ?

— Зажги, — отвѣчалъ разсѣянно Чертковъ.

— Да еще хозяинъ приходилъ, — примолвилъ встати грязный камердинеръ, слѣдуя похвальному обычаю всѣхъ людей его званія упоминать въ P. S. о томъ, что поважнѣе: — хозяинъ приходилъ и сказалъ, что, если не заплатите денегъ, то вышвырнетъ всѣ ваши картины за окошко вмѣстѣ съ кроватью.

— Скажи хозяину, чтобы не беспокоился о деньгахъ, — отвѣчалъ Чертковъ: — я досталъ деньги.

При этомъ онъ обратился къ карману фрака, но вдругъ вспомнилъ, что всѣ деньги свои оставилъ за портретъ у лавочника. Мысленно началъ онъ укорять себя въ безразсудности, что выбѣжалъ безъ всякой причины изъ лавки, испугавшись ничтожнаго случая, и не взялъ съ собою ни денегъ, ни портрета. Завтра же рѣшился онъ идти къ купцу и взять деньги, почитая себя совершенно въ правѣ отказаться отъ такой покупки, тѣмъ болѣе, что его домашнія обстоятельства не позволяли сдѣлать никакой лишней издержки.

Свѣтъ луны яркимъ, бѣлымъ окномъ ложился на его полъ, захватывая часть кровати и оканчиваясь на стѣнѣ. Всѣ предметы и картины, висѣвшія въ его комнатѣ, какъ-то улыбались, захвативши иногда краями своими часть этого вѣчно-прекраснаго сіянія. Въ эту минуту какъ-то нечаянно онъ взглянулъ на стѣну и увидѣлъ на ней тотъ же самый странный портретъ, такъ поразившій его въ лавкѣ. Легкая дрожь невольно пробѣжала по его тѣлу. Первымъ дѣломъ его было позвать своего камердинера-натурщика и разспросить, какимъ образомъ и кто принесъ къ нему портретъ; но камердинеръ-натурщикъ влялся, что никто не приходилъ, выключая хозяина, который былъ еще поутру и, кромѣ ключа, ничего не имѣлъ въ своихъ рукахъ. Чертковъ чувствовалъ, что волосы его зашевелились на головѣ. Сѣвши возлѣ окна, онъ силился себя увѣрить, что здѣсь не могло ничего быть сверхъестественнаго, что мальчикъ его могъ въ это время заснуть, что хозяинъ портрета могъ его прислать, узнавши какимъ-нибудь особеннымъ случаемъ его квартиру... Короче, онъ началъ приводить всѣ тѣ плоскія изъясненія, которыя мы употребляемъ, когда хотимъ, чтобы случившееся случилось непременно такъ, какъ мы думаемъ. Онъ положилъ себѣ не смотрѣть на портретъ, но голова его невольно къ нему обращалась, и взглядъ, казалось, прикипалъ къ странному изображенію. Неподвижный взглядъ старика былъ нестерпимъ: глаза совершенно свѣтились, вбирая въ себя лунный свѣтъ, и живость ихъ до такой степени была страшна, что Чертковъ невольно закрылъ свои глаза рукою. Казалось, слеза дрожала на рѣсницахъ старика; свѣтлыя сумерки, въ которыя владычица-луна превратила ночь, увеличивали дѣйствіе: полотно пропало, и страшное лицо старика выдвинулось и глядѣло изъ рамъ, какъ будто изъ окошка.

Приписывая это сверхъестественное дѣйствіе лунѣ, чудесный свѣтъ которой имѣетъ въ себѣ тайное свойство придавать предметамъ часть звуковъ и красокъ другого міра, онъ приказалъ подать скорѣе свѣчу, около которой копался его лакей; но выраженіе портрета ничуть не уменьшилось: лунный свѣтъ, слившись съ сіяніемъ свѣчи, придалъ ему еще болѣе непостижимой и вмѣстѣ странной живости. Схвативши простыню, онъ началъ закрывать портретъ, свернулъ ее втрое, чтобы онъ не могъ сквозь нее просвѣчивать; но при всемъ томъ — или это было слѣдствіе сильно потревоженнаго воображенія, или собственные глаза его, утомленные сильнымъ напряженіемъ, получили какую-то бѣглую, движущуюся сноровку, только ему долго казалось, что взоръ старика сверкалъ сквозь полотно. Наконецъ, онъ рѣшился погасить свѣчу и лечь въ постель, которая была заставлена ширмами, скрывавшими отъ него портретъ. Напрасно ожидалъ онъ сна: мысли самыя неутѣшительныя прогоняли то спокойное состояніе, которое ведетъ за собою сонъ: тоска, досада, хозяинъ, требующій денегъ, (недоконченныя картины — созданія безсильныхъ порывовъ, бѣдность — все это двигалось передъ нимъ и смѣнялось одно другимъ. И когда на минуту удавалось ему прогнать ихъ, то чудный портретъ властительно втѣснялся въ его воображеніе, и, казалось, сквозь шелку въ ширмахъ сверкали его убійственные глаза. Никогда не чувствовалъ онъ на душѣ своей такого тяжелаго гнета. Свѣтъ луны, который содержитъ въ себѣ столько музыки, когда вторгается въ одинокую спальню поэта и приноситъ младенчески-очаровательныя полусны надъ его изголовьемъ, — этотъ свѣтъ луны не наводилъ на него музыкальныхъ мечтаній; его мечтанія были болѣзненны. Наконецъ, впалъ онъ не въ сонъ, но въ какое-то полузабвеніе, въ то тягостное состояніе, когда однимъ глазомъ видимъ приступающія грѣзы сновидѣній, а другимъ — въ неясномъ облакѣ окружающіе предметы.

Онъ видѣлъ, какъ поверхность старика отдѣлялась и сходила съ портрета, такъ же, какъ снимается съ кипящей жидкости верхняя пѣна, подымалась на воздухъ и неслась къ нему ближе и ближе, наконецъ, приближалась къ самой его кровати. Чертковъ чувствовалъ занимавшееся дыханіе, силсяя приподняться, но руки его были неподвижны. Глаза старика мутно горѣли и вперились въ него всею магнитною своею силою.

— Не бойся, — говорилъ странный старикъ, и Чертковъ замѣтилъ у него на губахъ улыбку, которая, казалось, жалила его своимъ ослабленіемъ и яркою живостью освѣтила тускляя морщины его лица. — Не бойся меня, — говорило странное явленіе: — мы съ тобою никогда не разлучимся. Ты задумалъ весьма глупое дѣло: чтѣ тебѣ за охота цѣлые вѣки корпѣть за азбукою, когда ты давно можешь читать по верхамъ? Ты думаешь, что долгими усиліями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь? Да, ты получишь, — при этомъ лицо его странно исковеркалось и какой-то неподвижный смѣхъ выразился на всѣхъ его морщинахъ: — ты получишь завидное право кинуться съ Исаіевскаго моста въ Неву или, завязавши шею платкомъ, повѣситься на первомъ попавшемся гвоздѣ; а труды твоего перваго маляръ, накупивши ихъ на рубль, замажешь грунтомъ, чтобы нарисовать на немъ какую-нибудь красную рожу. Брось свою глупую мысль!

v v Все дѣлается въ свѣтѣ для пользы. Бери же скорѣе кисть и рисуй портреты со всего города! Бери все, чтѣ ни закажутъ; но не влюбляйся въ свою работу, не сиди надъ нею дни и ночи: время летитъ скоро, и жизнь не останавливается. Чѣмъ болѣе смастеришь ты въ день своихъ картинъ, тѣмъ больше въ карманѣ будетъ у тебя денегъ и славы. Брось этотъ чердакъ и найми богатую квартиру. Я тебя люблю и потому даю тебѣ такіе совѣты; я тебѣ и денегъ дамъ, только приходи ко мнѣ.

При этомъ старикъ опять выразилъ на лицѣ своемъ тотъ же неподвижный, страшный смѣхъ.

Непостижимая дрожь проняла Черткова и выступила холоднымъ потомъ на его лицѣ. Собравши всѣ свои усилія, онъ приподнялъ руку, и, наконецъ, привсталъ съ кровати. Но образъ старика сдѣлался тусклымъ, и онъ только замѣтилъ, какъ онъ ушелъ въ свои рамы. Чертковъ всталъ съ безпокойствомъ и началъ ходить по комнатѣ. Чтобы немного освѣжить себя, онъ приблизился къ окну. Лунное сіяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, хотя небольшія тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо; изрѣдка долетало до слуха отдаленное дребезжаніе дрожекъ извозчика, который гдѣ-нибудь въ невидномъ переулкѣ спалъ, убаюкиваемый своею лѣтнюю глянью, поджидая запоздалаго сѣдока. Чертковъ увѣрился, наконецъ, что воображеніе его слишкомъ разстроено и представило ему во снѣ твореніе его же возмущенныхъ мыслей. Онъ подошелъ еще разъ къ портрету: простыня его совершенно скрывала отъ взоровъ, и, казалось, только маленькая искра сквозила изрѣдка сквозь нее. Наконецъ, онъ заснулъ и проспалъ до самаго утра.

Проснувшись, онъ долго чувствовалъ въ себѣ то непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ послѣ угара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было тускло, непріятная мокрота сѣялась въ воздухъ и проходила сквозь щели его оконъ, заставленныхъ картинами или натянутымъ грунтомъ. Скоро у дверей раздавался стукъ, и вошелъ хозяинъ съ квартальнымъ надзирателемъ, котораго появленіе для людей мелкихъ такъ же непріятно, какъ для богатыхъ умильное лицо просителя. Хозяинъ небольшого дома, въ которомъ жилъ Чертковъ, былъ одно изъ тѣхъ твореній, какими обыкновенно

бываютъ владѣтели домовъ въ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ или въ отдаленномъ углу Коломны, — твореніе, какихъ очень много на Руси, и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цвѣтъ изношеннаго сюртука. Въ молодости своей онъ былъ и капитанъ, и крикунъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо высѣчь, былъ и расторопнѣй, и шеголь, и глупъ, но въ старости своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставку; уже не шеголялъ, не хвасталъ, не задирался; любилъ только пить чай и болтать за нимъ всякій вздоръ; ходилъ по своей комнатѣ, поправлялъ сальный огарокъ; аккуратно, по истеченіи каждаго мѣсяца, навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами; выходилъ на улицу съ ключомъ въ рукѣ, для того, чтобы поглядѣть на крышу своего дома; выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его кануры, куда онъ запрятывался спать, — однимъ словомъ, былъ человекъ въ отставку, которому, послѣ всей забубенной жизни и тряски на перекладной, остаются однѣ пошлыя привычки.

— Извольте сами глядѣть, — сказала хозяйнѣ, обращаясь къ квартальному и разставляя руки: — извольте распорядиться и объявить ему.

— Я долженъ вамъ объявить, — сказалъ квартальный надзиратель, заложивши руку за петлю своего мундира: — что вы должны непременно заплатить должныя вами уже за три мѣсяца квартирныя деньги.

— Я бы радъ заплатить, но что жъ дѣлать, когда нечѣмъ? — сказалъ хладнокровно Чертковъ.

— Въ такомъ случаѣ хозяйнѣ долженъ взять себѣ вашу движимость, равностоящую суммѣ квартирныхъ денегъ, а вамъ должно немедленно сегодня же выѣхать.

— Берите все, что хотите, — отвѣчалъ почти безчувственно Чертковъ.

— Картины многія не безъ искусства сдѣланы, — продолжалъ квартальный, перебирая изъ нихъ нѣкоторыя. — Жаль только, что (не кончены, и краски-то не такъ живы... Вѣрно, (недостатокъ въ деньгахъ не позволяя вамъ купить ихъ? А это что за картина, завернутая въ холстину?

При этомъ квартальный, безъ церемоніи подошедши къ картинѣ, сдернулъ съ нея простыню, потому что эти господа всегда позволяютъ себѣ маленькую вольность тамъ, гдѣ видятъ совершенную беззащитность или бѣдность. Портретъ, казалось, изумилъ его, потому что необыкновенная живость глазъ производила на всѣхъ равное дѣйствіе. Разсматривая картину, онъ нѣсколько крѣпко сжалъ ея рамы, и такъ какъ руки у полицейскихъ служителей всегда нѣсколько отзываются топорной работою, то рамка вдругъ лопнула: небольшая дощечка упала на полъ вмѣстѣ съ брягнувшимъ на землю сверткомъ золота, и нѣсколько блестящихъ кружковъ покатилося во всѣ стороны. Чертковъ съ жадностью бросился подбирать, и вырвалъ изъ полицейскихъ рукъ нѣсколько поднятыхъ имъ червонцевъ.

— Какъ же вы говорите, что не имѣете, чѣмъ заплатить, — замѣтилъ квартальный, пріятно улыбаясь: — а между тѣмъ у васъ столько золотой монеты.

— Эти деньги для меня священны! — вскричалъ Чертковъ, опасаясь искусныхъ рукъ полицейскаго. — Я долженъ ихъ хранить, онѣ ввѣрены мнѣ покойнымъ отцомъ. Впрочемъ, чтобы васъ удовлетворить, вотъ вамъ за квартиру!

При этомъ онъ бросилъ нѣсколько червонцевъ хозяину дома.

Физиогномія и приемы въ одну минуту измѣнились у хозяина и достойнаго блюстителя за нравами пьяныхъ извозчиковъ.

Полицейскій сталъ извиняться и увѣрять, что онъ только исполнялъ предписанную форму, а, впрочемъ, никакъ (не имѣлъ права его принудить; а чтобы болѣе въ этомъ увѣрять Черткова, онъ предложилъ ему призъ табуку. Хозяинъ дома увѣрять, что онъ только пошутить, и увѣрять съ такою божбою и безсовѣстностью, съ какою обыкновенно увѣряетъ купецъ въ Гостиномъ дворѣ.

Но Чертковъ выбѣжалъ вонъ и не рѣшился болѣе оставаться на прежней квартирѣ. Онъ не имѣлъ даже времени подумать о странности этого происшествія. Осмотрѣвши свертокъ, онъ увидѣлъ въ немъ болѣе сотни червонцевъ. Первымъ дѣломъ его было нанять щегольскую квартиру. Квартира, попавшаяся ему, была какъ нарочно для него приготовлена: четыре въ рядъ высокія комнаты, большія окна, всѣ выгоды и удобства для художника! Лежа на турецкомъ диванѣ и глядя въ цѣльныя окна на расступія и мелькающія волны народа, онъ былъ погруженъ въ какое-то самодовольное забвеніе и дивился самъ своей судьбѣ, еще вчера пресмыкавшейся съ нимъ на чердакѣ. Недоконченныя и оконченныя картины развѣсились по стройнымъ колоссальнымъ стѣнамъ; между ними висѣлъ таинственный портретъ, который достался ему такимъ единственнымъ образомъ. Онъ опять сталъ думать о причинѣ необыкновенной живости его глазъ. Мысли его обратились къ видѣнному имъ полусновидѣнію, наконецъ, къ чудному кладу, скрывавшемуся въ его рамкахъ. Все привело его къ тому, что какая-нибудь исторія соединена съ существованіемъ портрета, и что даже, можетъ-быть, его собственное бытіе связано съ этимъ портретомъ. Онъ вскопчалъ съ своего дивана и началъ его внимательно разсматривать: въ рамѣ находился ящикъ, прикрытый тоненькой дощечкой, но такъ искусно задѣланной и заглаженной съ поверхностью, что никто бы не могъ узнать о его существованіи, если бы тяжелый палецъ квартальнаго не продавилъ дощечки. Онъ поставилъ его на мѣсто и еще разъ на него посмотрѣлъ. Живость глазъ уже не казалась ему такою страшною среди яркаго свѣта, наполнявшаго его комнату сквозь огромныя окна, и многолюднаго шума улицы, громившаго его слухъ; но она заключала въ себѣ что-то непріятное, такъ что онъ постарался скорѣе отъ него отворотиться. Въ это время зазвенѣлъ звонокъ у дверей, и вошла къ нему почтенная дама пожилыхъ лѣтъ съ таліей въ рюмочку, въ сопровожденіи молоденькой, лѣтъ осьмнадцати; лакей въ богатой ливреѣ отворилъ имъ дверь и остановился въ передней.

— Я къ вамъ съ просьбою, — произнесла дама ласковымъ тономъ, съ какимъ обыкновенно онъ говорятъ съ художниками, французскими парикмахерами и прочими людьми, рожденными для удовольствія другихъ. — Я слышала о вашихъ дарованіяхъ...

(Чертковъ удивился такой скорой своей славѣ).

— Мнѣ хочется, чтобы вы сняли портретъ съ моей дочери.

При этомъ блѣдное личико дочери обратилось къ художнику, который, если бы былъ знатокъ сердца, то вдругъ бы прочелъ на немъ немногоотомную исторію ея: ребяческая страсть къ баламъ, тоска и скука продолжительнаго времени до обѣда и послѣ обѣда, желаніе побѣгать въ платьѣ послѣдней моды на многолюдномъ гуляньи, нетерпѣливость увидѣть свою пріятельницу для того, чтобы ей сказать: «Ахъ, милая, какъ я скучала», или объявить, какую мадамъ Сихлеръ сдѣлала уборку къ платью княгини Б... Вотъ все, что выражало лицо молодой посѣтительницы, блѣдное, почти безъ выраженія, съ отѣнкою какой-то болѣзненной желтизны.

— Я бы желала, чтобы вы теперь же принялись за работу, — продолжала дама: — мы можемъ вамъ дать часъ.

Чертковъ бросился къ краскамъ и кистямъ, взялъ уже готовый натянутый грунтъ и устроился, какъ слѣдуетъ.

— Я васъ должна нѣсколько предупредить, — говорила дама: — на счетъ моей Анетъ, и этимъ облегчить нѣсколько вашу трудъ. Въ глазахъ ея и даже во всѣхъ чертахъ лица всегда была замѣтна томность; моя Анетъ очень чувствительна, и, признаюсь, я никогда не дамъ ей читать новыхъ романовъ!

(Художникъ смотрѣлъ въ оба и не замѣтилъ никакой томности).

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы изобразили ее просто въ семейномъ кругу, или, еще лучше, одну на чистомъ воздухѣ, въ зеленой тѣни, чтобы ничто не показывало, будто она ѣдетъ на балъ. Наши балы, должно признаться, такъ скучны и такъ убиваютъ душу, что, право, я не понимаю удовольствія бывать на нихъ.

Но на лицѣ дочери и даже самой почтенной дамы было написано рѣзкими чертами, что онѣ не пропускали ни одного бала.

Чертковъ былъ минуту въ размышленіи, какъ согласить эти небольшія противоположности, наконецъ, рѣшился избрать благоразумную средину. Притомъ его прельщало желаніе побѣдить трудности и восторжествовать надъ искусствомъ, сохранивъ двусмысленное выраженіе портрета. Кисть бросила на полотно первый туманъ, художнической хаосъ: изъ него начали дѣлиться и выходить медленно образующіяся черты. Онъ принялъ весь къ своему оригиналу и уже началъ уловлять тѣ неуловимыя черты, которыя самому безвѣстному оригиналу придаютъ, въ правдивой копіи, какой-то характеръ, составляющій высокое торжество истины. Какой-то сладкій трепетъ началъ имъ одождать, когда онъ чувствовалъ, что, наконецъ, подмѣтилъ и, можетъ-быть, выразить то, что очень рѣдко удается выразить. Это наслажденіе, нетерпѣливое и прогрессивно возвышающееся, извѣстно только таланту. Подъ кистью его лицо портрета какъ будто неволью приобрѣтало тотъ колоритъ, который былъ для него самого внезапнымъ открытiемъ; но оригиналъ началъ такъ сильно вертѣться и звать передъ нимъ, что художнику, еще неопытному, трудно было ловить урывками и мгновеньями постоянное его выраженіе.

— Мнѣ кажется, на первый разъ довольно, — произнесла почтенная дама.

Боже, какъ это ужасно! А душа и силы разохотились и хотѣли разгуляться. Повѣсивши голову и бросивши палитру, стоялъ художникъ передъ своею картиною.

— Мнѣ, однакожъ, сказали, что вы въ два сеанса оканчиваете совершенно портретъ, — произнесла дама, подходя къ картинѣ: — а у васъ до сихъ поръ еще только почти одинъ абрисъ. Мы приѣдемъ къ вамъ завтра въ это же время.

Молчаливо выпроводилъ своихъ гостей художникъ и остался въ неприятномъ размышленіи: въ его тѣсномъ чердакѣ никто не перебивалъ ему, когда онъ сидѣлъ надъ своею незаказною работою. Съ досадою отодвинулъ онъ начатый портретъ и хотѣлъ заняться другими недооконченными работами. Но какъ будто можно мысль и чувства, проникнувшія уже до души, замѣстить новыми, въ которыя еще не успѣло влюбиться наше воображеніе? Бросивши кисть, онъ вышелъ изъ дому.

Юность счастлива тѣмъ, что передъ нею бѣжитъ множество разныхъ дорогъ, что ея живая, свѣжая душа доступна тысячѣ разныхъ наслажденій; и потому Чертковъ разсѣялся почти въ одну минуту. Нѣсколько червонцевъ въ кармапѣ — и что не во власти исполненной силъ юности. Притомъ русскій

человѣкъ, а особливо дворянинъ или художникъ, имѣеть странное свойство: какъ только завелся у него въ карманѣ грошъ — ему все тринъ-трава и море по колѣна. У него оставалось еще отъ денегъ, заплаченныхъ впередъ за квартиру, около тридцати червонцевъ, и всѣ эти тридцать червонцевъ онъ спустилъ въ одинъ вечеръ. Прежде всего онъ приказалъ себѣ подать обѣдъ отличнѣйшій, выпилъ двѣ бутылки вина и не захотѣлъ взять сдачи, нанялъ щегольскую карету, чтобы только съѣздить въ театръ, находившійся въ двухъ шагахъ отъ его квартиры, угостилъ въ кондитерской трехъ своихъ пріятелей, зашелъ еще кое-куда и возвратился домой безъ копейки въ карманѣ. Бросившись въ кровать, онъ уснулъ крѣпко, но сновидѣнія его были такъ же несвязны, и грудь, какъ и въ первую ночь, сжималась, какъ будто чувствовала на себѣ что-то тяжелое. Онъ увидѣлъ сквозь шелку своихъ ширмъ, что изображеніе старика отдѣлилось отъ полотна и съ выраженіемъ безпокойства пересчитывало кучи денегъ; золото сыпалось изъ его рукъ... Глаза Черткова горѣли; казалось, его чувства узнали въ золотѣ ту неизъяснимую прелесть, которая дотолъ ему не была понятна. Старикъ его манилъ пальцемъ и показывалъ ему цѣлую гору червонцевъ. Чертковъ судорожно протянулъ руку и проснулся. Проснувшись, онъ подошелъ къ портрету, трясъ его, изрѣзалъ ножомъ всѣ его рамы, но нигдѣ не находилъ запрятанныхъ денегъ; наконецъ, махнулъ рукою и рѣшился работать, далъ себѣ слово не сидѣть долго и не увлекаться заманчивою кистью. Въ это время пріѣхала вчерашняя дама съ своею блѣдною Анетою. Художникъ поставилъ на станокъ свой портретъ, и на этотъ разъ кисть его неслась быстрѣе. Солнечный день, ясное освѣщеніе дали какое-то особенное выраженіе оригиналу, и открылось множество дотолъ незамѣченныхъ тонкостей. Душа его загорѣлась опять напряженіемъ. Онъ силился схватить мельчайшую точку или черту, даже самую желтизну и неровное измѣненіе колорита въ лицѣ зѣвавшей и изнуренной красавицы съ тою точностью, которую позволяютъ себѣ неопытные артисты, воображающіе, что истина можетъ нравиться такъ же и другимъ, какъ нравится имъ самимъ. Кисть его только-что хотѣла схватить одно общее выраженіе всего цѣлаго, какъ досадное «довольно» раздалось надъ его ушами, и дама подошла къ его портрету.

— Ахъ, Боже мой! что это вы нарисовали? — вскрикнула она съ досадою: — Анеть у васъ желта; у ней подъ глазами какія-то темныя пятна; она какъ будто приняла нѣсколько склянокъ микстуры. Нѣтъ, ради Бога, исправьте вашъ портретъ: это совсѣмъ не ея лицо. Мы къ вамъ будемъ завтра въ это же время.

Чертковъ съ досадою бросилъ кисть; онъ проклиналъ и себя, и искусство, и ласковую даму, и дочь ея, и весь міръ. Голодный, просидѣлъ онъ въ своей великолѣпной комнатѣ и не имѣлъ силъ приняться ни за одну картину. На другой день, вставши рано, онъ схватилъ первую попавшуюся ему работу: это была давно начатая имъ Псишею, поставилъ ее на станокъ, съ намѣреніемъ насильно продолжать. Въ это время вошла вчерашняя дама.

— Ахъ, Анеть, посмотри, посмотри сюда! — вскричала дама съ радостнымъ видомъ. — Ахъ, какъ похожа! Прелесть, прелесть! И носъ, и ротъ, и брови! Чѣмъ васъ благодарить за этотъ прекрасный сюрпризъ? Какъ это мило! Какъ хорошо, что эта рука немного приподнята! Я вижу, что вы, точно, тотъ великій художникъ, о которомъ мнѣ говорили.

Чертковъ стоялъ, какъ оторопѣлый, увидѣвши, что дама приняла его Псишею за портретъ своей дочери. Съ застѣнчивостью новичка онъ началъ увѣрять, что этимъ слабымъ эскизомъ хотѣлъ изобразить Псишею; но дочь

приняла это себѣ за комплиментъ и довольно мило улыбулась; улыбку раздѣлила мать. Адская мысль блеснула въ головѣ художника, чувство досады и злости подкрѣпило ее, и онъ рѣшился этимъ воспользоваться.

— Позвольте мнѣ попросить васъ сегодня посидѣть немного подолѣе, — произнесъ онъ, обратясь къ довольной на этотъ разъ блондинкѣ. — Вы видите, что платья я еще не дѣлалъ вовсе, потому что хотѣлъ все съ большею точностію рисовать съ натуры.

Быстро онъ одѣлъ свою Псишею въ костюмъ XIX вѣка; тронулъ слегка глаза, губы, просвѣтливъ слегка волосы и отдалъ портретъ своимъ посѣтительницамъ. Пукъ ассигнацій и ласковая улыбка благодарности были ему наградою.

Но художникъ стоялъ, какъ прикованный къ одному мѣсту. Его грызла совѣсть; имъ овладѣла та разборчивая, мнительная боязнь за свое непорочное имя, которая чувствуется юношею, носящимъ въ душѣ благородство таланта, которая заставляетъ если не истреблять, то, по крайней мѣрѣ, скрывать отъ свѣта тѣ произведенія, въ которыхъ онъ самъ видитъ несовершенство, которая заставляетъ скорѣе вытерпѣть презрѣніе всей толпы, нежели презрѣніе истиннаго цѣнителя. Ему казалось, что уже стоитъ передъ его картиною грозный судія и, качая головою, укоряетъ его въ безстыдствѣ и бездарности. Чего бы онъ не далъ, чтобъ возвратитъ только ее назадъ! Уже онъ хотѣлъ бѣжать вслѣдъ за дамою, вырвать портретъ изъ рукъ ея, разорвать и растоптать его ногами, но какъ это сдѣлать? Куда идти? Онъ даже не зналъ фамиліи его посѣтительницы.

Съ этого времени, однакожь, произошла въ жизни его счастливая перемена. Онъ ожидалъ, что безславіе покроетъ его имя, но вышло совершенно напротивъ. Дама, заказывавшая портретъ, рассказывала съ восторгомъ о необыкновенномъ художникѣ, и мастерская нашего Черткова наполнилась посѣтителями, желавшими удвоить и, если можно, удесятерить свое изображение. Но свѣжій, еще невинный, чувствующій въ душѣ недостойнымъ себя къ принятію такого подвига, Чертковъ, чтобы сколько-нибудь загладитъ и искупить свое преступленіе, рѣшился заняться со всевозможнымъ стараніемъ своею работою, рѣшился удвоить напряженіе своихъ силъ, которое одно производитъ чудеса. Но намѣренія его встрѣтили непредвидѣнные препятствія: посѣтители его, съ которыхъ онъ рисовалъ портреты, были большею частію народъ нетерпѣливый, занятый, торопящійся, и потому, едва только кисть его начинала творить что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное, какъ уже вваливался новый посѣтитель, переважно выставялъ свою голову, горя желаніемъ увидѣть ее скорѣе на полотнѣ, и художникъ спѣшилъ скорѣе оканчивать свою работу. Время его, наконецъ, было такъ разобрано, что онъ ни на одну минуту не могъ предаться размышленію, и вдохновеніе, безпрестанно истребляемое при самомъ рожденіи своемъ, наконецъ, отвыкло навѣщать его. Наконецъ, чтобы ускорять свою работу, онъ началъ заключаться въ извѣстныя, опредѣленныя, однообразныя, давно изношенныя формы. Скоро портреты его были похожи на тѣ фамильныя изображенія старыхъ художниковъ, которыя такъ часто можно встрѣтитъ во всѣхъ краяхъ Европы и даже во всѣхъ углахъ міра, гдѣ дамы изображены съ сложенными на груди руками и держащими цвѣтокъ въ рукѣ, а кавалеры — въ мундирѣ, съ заложенною за пуговицу рукою. Иногда желалъ онъ дать новое, еще не избитое положеніе, отличавшееся бы оригинальностью и непринужденностью, но, увы! все непринужденное и легкое у поэта и художника достается слишкомъ принужденно и есть плодъ великихъ усилій. Для того, чтобы дать новое, смѣлое выраженіе,

достигнуть новую тайну въ живописи, для этого нужно было ему долго думать, отворотивши глаза отъ всего окружающаго, унесшись отъ всего мірскаго и жизни. Но на это у него не оставалось времени, и притомъ онъ слишкомъ былъ изнуренъ дневною работою, чтобы быть въ готовности принять вдохновеніе; міръ же, съ котораго онъ рисовалъ свои произведенія, былъ слишкомъ обыкновененъ и однообразенъ, чтобы вызвать и возмутить воображеніе. Глубоко размышляющее и вмѣстѣ неподвижное лицо директора департамента, красивое, но вѣчно на одну мѣрку лицо уланскаго ротмистра, блѣдное, съ натянутой улыбкою, — петербургской красавицы и множество другихъ, уже черезчуръ обыкновенныхъ, — вотъ все, что каждый день мѣнялось передъ нашимъ живописцемъ. Казалось, кисть его сама приобрѣла, наконецъ, ту безцвѣтность и отсутствіе энергіи, которою означались его оригиналы.

Безпрестанно мелькавшія передъ нимъ ассигнаціи и золото, наконецъ, усыпили дѣтственныя движенія души его. Онъ безстыдно воспользовался слабостью людей, которые, за лишнюю черту красоты, прибавленную художникомъ къ ихъ изображеніямъ, готовы простить ему всѣ недостатки, хотя бы эта красота была во вредъ самому сходству.

Чертковъ, наконецъ, сдѣлался совершенно моднымъ живописцемъ. Вся столица обратилась къ нему; его портреты видны были во всѣхъ кабинетахъ, спальняхъ, гостиныхъ и будуарахъ. Истинные художники пожимали плечами, глядя на произведенія этого баловня могущественнаго случая. Напрасно силились они отыскать въ немъ хотя одну черту вѣрной истинѣ природы, брошенную жаркимъ вдохновеніемъ; это были правильныя лица, почти всегда недурныя собою, потому что понятіе красоты удержалось еще въ художникѣ, но никакого знанія сердца, страстей, или хотя привычекъ человѣка, — ничего такого, что бы отзывалось сильнымъ развитіемъ тонкаго вкуса. Нѣкоторые же, знавшіе Черткова, удивлялись этому странному событію, потому что видѣли въ первыхъ его началахъ присутствіе таланта, и старались разрѣшить непостижимую загадку: какъ можетъ дарованіе угаснуть въ цвѣтѣ силъ, вмѣсто того, чтобы развиться въ полномъ блескѣ?

Но этихъ толковъ не слышалъ самодовольный художникъ и величался всеобщю славою, потряхивая червонцами своими и начиная вѣрить, что все въ свѣтѣ обыкновенно и просто, что откровенія свыше въ мірѣ не существуютъ, и все необходимо должно быть подведено подъ строгій порядокъ аккуратности и однообразія. Уже жизнь его коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ человѣкѣ, когда могущественный смычокъ слабѣе доходитъ до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красоты уже не превращаетъ дѣтственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отторѣвшія чувства становятся доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣе въ его заманчивую музыку и мало-помалу, нечувствительно, позволяютъ ей совершенно усыпить себя. Слава не можетъ насытить и дать наслажденіе тому, который укралъ ее, а не заслужилъ: она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея. И потому всѣ чувства и порывы его обратились къ золоту. Золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденіемъ, цѣлью. Пуки ассигнацій росли въ сундукахъ его, и, какъ всякій, которому достается этотъ страшный даръ, онъ началъ становиться скучнымъ, недоступнымъ ко всему и равнодушнымъ ко всему. Казалось, онъ готовъ былъ превратиться въ одно изъ тѣхъ странныхъ существъ, которыя иногда попадаютъ въ міръ, на которыхъ съ ужасомъ глядятъ исполненной энергіи и страсти человѣкѣ, и которому они кажутся живыми тѣлами, заключающими въ себѣ мертвеца. Но, однакоже,

одно событіе сильно потрясло его и дало совершенно другое направленіе его жизни.

Въ одинъ день онъ увидѣлъ на столѣ своемъ записку, въ которой Академія Художествъ просила его, какъ достойнаго ея члена, пріѣхать дать сужденіе свое о новомъ присланномъ изъ Италіи произведеніи усовершенствованнаго тамъ русскаго художника. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ прежнихъ его товарищей, который отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, съ пламенною силою труженика погрязъ въ немъ всею душою своею и, для него оторвавшись отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ, бросился, безъ всякихъ пособій, въ неизвѣстную землю; терпѣлъ бѣдность, униженіе, даже голодъ, но съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, презрѣвши все, былъ безчувственъ ко всему, кромѣ своего милаго искусства.

Вошедши въ залу, нашелъ онъ толпу посѣтителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многочисленными цѣнителями, на этотъ разъ царствовало всюду. Чертковъ, принявши значительную физиогномію знатока, приблизился къ картинѣ; но, Боже, что онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло передъ нимъ произведеніе художника. И хоть бы какое-нибудь видно было въ немъ желаніе блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславіе, хотя бы мысль о томъ, чтобы показаться черни, — никакой, никакихъ! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, какъ талантъ, какъ гений. Изумительно-прекрасныя фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна, и изумленные столькими устремленными на нихъ взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Въ чертахъ божественныхъ лицъ дышала тѣ тайныя явленія, которыхъ душа не умѣетъ, не знаетъ пересказать другому: невыразимо выразимое покоилось на нихъ; — и все это наброшено такъ легко, такъ скромно-свободно, что, казалось, было плодомъ минутнаго вдохновенія художника, вдругъ осѣнившей его мысли. Вся картина была — мгновение, но то мгновение, къ которому вся жизнь человѣческая — есть одно приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружавшихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію. Неподвижно, съ отверстымъ ртомъ, стоялъ Чертковъ передъ картиною и, наконецъ, когда мало-по-малу посѣтители и знатоки зашумѣли и начали рассуждать о достоинствѣ произведенія, и когда, наконецъ, обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя; хотѣлъ принять равнодушный, обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное пошлое сужденіе зачерствѣлыхъ художниковъ: что произведеніе хорошо, и въ художникѣ виденъ талантъ, но желательно, чтобы во многихъ мѣстахъ лучше была выполнена мысль и отдѣлка, — но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ залы.

Съ минуту, неподвижный и безчувственный, стоялъ онъ посреди своей великолѣпной мастерской. Весь составъ, вся жизнь его была возбуждена въ одно мгновение, какъ будто молодость возвратилась къ нему, какъ будто потухшія искры таланта вспыхнули снова. Боже! и погубить такъ безжалостно всѣ лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ-быть, теплившагося въ груди, можетъ-быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ-быть, также исторгнувшего бы слезы изумленія и благодарности! И погубить все это, погубить безъ всякой жалости! Казалось, какъ

будто въ эту минуту ожили въ душѣ его тѣ напряженія и порывы, которые пѣкогда были ему знакомы. Онъ схватилъ кисть и приблизился къ холсту. Потъ усилія проступилъ на его лицѣ, весь обратился онъ въ одно желаніе и, можно сказать, загорѣлся одною мыслию: ему хотѣлось изобразить отпаднаго ангела. Эта идея была болѣе всего согласна съ состояніемъ его души. Но, увы! фигуры его, позы, группы, мысли дожились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку, и безсиленный порывъ преступить границы и оковы, имъ самимъ на себя брошенные, уже отзывался неправильностью и ошибкою. Онъ пренебрегъ утомительную, длинную лѣстницу постепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Въ досадѣ онъ принялъ прочь изъ своей комнаты всѣ труды свои, означенные мертвою блѣдностью поверхностной моды, заперъ дверь, не ведѣлъ никого впускать къ себѣ и занялся, какъ жаркій юноша, своею работою. Но, увы! на каждомъ шагу онъ былъ останавливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ стихій; простой, незначущій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и стоялъ неперескочимымъ порогомъ для воображенія. Иногда осѣнялъ его внезапный призракъ великой мысли, воображеніе видѣло въ темной перспективѣ что-то такое, что, схвативши и бросивши на полотно, можно было сдѣлать необыкновеннымъ и вмѣстѣ доступнымъ для всякой души; какая-то звѣзда чудснаго сверкала въ неясномъ туманѣ его мыслей, потому что онъ, точно, носилъ въ себѣ призракъ таланта; но, Боже, какое-нибудь незначащее условіе, знакомое ученику, анатомическое мертвое правило — и мысль замирала, порывъ безсильнаго воображенія цѣпенѣлъ, неразсказанный, неизобразенный. Кисть его невольно обращалась къ затверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ заученный манеръ, голова не смѣла сдѣлать необыкновеннаго поворота, даже самыя складки платья отзывались вытверженнымъ и не хотѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи тѣла. И онъ чувствовалъ, онъ чувствовалъ и видѣлъ это самъ! Потъ катился съ него градомъ, губы дрожали, и послѣ долгой паузы, во время которой бунтовали внутри его всѣ чувства, онъ принимался снова; но въ тридцать слишкомъ лѣтъ труднѣе изучать скучную лѣстницу трудныхъ правилъ и анатоміи, еще труднѣе постигнуть то вдругъ, что развивается медленно и дается за долгія усилія, за великія напряженія, за глубокое самоотверженіе. Наконецъ, онъ узналъ ту ужасную муку, которая, какъ поразительное исключеніе, является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый силится выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться, — ту муку, которая въ юношѣ рождаетъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечтаній обращается въ бесплодную жажду, — ту страшную муку, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на ужасныя злодѣянія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проступала у него на лицѣ, когда онъ видѣлъ произведеніе, носившее печать таланта. Онъ скрежеталъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Наконецъ, въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда-либо питалъ человѣкъ, и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скупать все лучшее, что только производило искусство. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая ужаснымъ смѣхомъ адскаго наслажденія. Едва только появлялось гдѣ-нибудь свѣжее произведеніе, дышащее огнемъ новаго таланта, онъ употреблялъ всѣ усилія купить его во что бы то ни стало. Безчисленные собранныя имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои

золотые мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не истребило столько прекрасныхъ произведеній, сколько истребилъ этотъ свирѣпый мститель. И люди, носившіе въ себѣ искру божественнаго познанія, жадные одного великаго, были безжалостно, безчеловѣчно лишены тѣхъ святыхъ, прекрасныхъ произведеній, въ которыхъ великое искусство приподняло покровъ съ неба и показало человѣку часть исполненнаго звуковъ и священныхъ тайнъ его внутренняго міра. Нигдѣ, ни въ какомъ уголѣ не могли они сокрыться отъ его хищной страсти, не знавшей никакой пощады. Его зоркій, огненный глазъ проникалъ всюду и находилъ даже въ заброшенной пыли слѣдъ художественной кисти. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякій заранѣе отчаивался въ приобритеніи художественнаго созданія. Казалось, какъ будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него всю его гармонию. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колоритъ на его лицо: на немъ всегда почти была разлита желчь; глаза свергали почти безумно; нависнувшія брови и вѣчно перерѣзанный морщинами лобъ придавали ему какое-то дикое выраженіе и отдѣляли его совершенно отъ спокойныхъ обитателей земли.

Къ счастью міра и искусствъ, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться; размѣръ страстей былъ слишкомъ неправиленъ и колоссаленъ для слабыхъ силъ ея. Припадки бѣшенства и безумія начали оказываться чаще, и, наконецъ, все это обратилось въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахоткою, овладѣли имъ такъ свирѣпо, что въ три дня оставалась отъ него одна тѣнь только. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумасшествія. Иногда нѣсколько человѣкъ не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновеннаго портрета, и тогда бѣшенство его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его постель, казались ему ужасными портретами. Портретъ этотъ двоился, четвертился въ его глазахъ, и, наконецъ, ему чудилось, что всѣ стѣны были увѣшены этими ужасными портретами, устремившими на него свои неподвижные, живые глаза. Страшные потреты глядѣли на него съ потолка, съ полу, и, вдобавокъ, онъ видѣлъ, какъ комната расширялась и продолжалась пространнѣе, чтобы болѣе вмѣстить этихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ, принявшій на себя обязанность его пользоваться и уже нѣсколько наслышавшійся о странной его исторіи, старался всѣми силами отыскать тайное отношеніе между грезившимися ему привидѣніями и происшествіями его жизни, но ничего не могъ успѣть. Больной ничего не понималъ и не чувствовалъ, кромѣ своихъ терзаній, и пронзительнымъ, невыразимо-раздирающимъ голосомъ кричалъ и молилъ, чтобы приняли отъ него неотразимый портретъ съ живыми глазами, котораго мѣсто онъ описывалъ съ странными для безумнаго подробностями. Напрасно употребляли всѣ старанія, чтобы отыскать этотъ чудный портретъ. Все было перерыто въ домѣ, но портретъ не отыскивался. Тогда больной приподнимался съ безпокойствомъ и опять начиналъ описывать его мѣсто съ такою точностью, которая показывала присутствіе яснаго и провицательнаго ума; но всѣ поиски были тщетны. Наконецъ, докторъ заключилъ, что это было больше ничего, кромѣ особенное явленіе безумія. Скоро жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ страданія. Трупъ его былъ страшенъ. Ничего тоже не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ, но, увидѣвши изрѣзанные куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

§ II.

Множество каретъ, дрожекъ и колясокъ стояло передъ подъѣздомъ дома, въ которомъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ тѣхъ богатыхъ любителей искусствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амурь, которые невинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого милліоны, накопленные ихъ основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Длинная зала была наполнена самую пеструю толпою посѣтителей, налетѣвшихъ, какъ хищныя птицы, на неприбранное тѣло. Тутъ была цѣлая флотилія русскихъ купцовъ изъ Гостинаго двора и даже толчучаго рынка въ синихъ нѣмецкихъ сюртукахъ. Видѣ ихъ и фізіогномія были здѣсь какъ-то тверже, вольгѣе и не означались тою приторною услужливостію, которая такъ видна въ русскомъ купцѣ. Они вовсе не чинились, несмотря на то, что въ этой же залѣ находилось множество тѣхъ значительныхъ аристократовъ, передъ которыми они въ другомъ мѣстѣ готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны, щупали безъ церемоніи книги и картины, желая узнать доброту товара, и смѣло перебивали цѣну, набавляемую графами-знатоками. Здѣсь были многіе необходимые посѣтители аукціоновъ, постановившіе каждый день бывать въ немъ вмѣсто завтрака; аристократы-знатоки, почитающіе обязанностію не упустить случая умножить свою коллекцію и не находившіе другого занятія отъ 12 до 1-го часа; наконецъ, тѣ благородные господа, которыхъ платья и карманы чрезвычайно худы, которые являются ежедневно безъ всякой корыстолюбивой цѣли, но единственно, чтобы посмотрѣть, чѣмъ что кончится: кто будетъ давать больше, кто меньше, кто кого перебьетъ и за кѣмъ что останется. Множество картинъ разбросано было совершенно безъ всякаго толку; съ ними были перемѣшаны и мебели, и книги съ вензелями прежняго владѣтеля, который, вѣрно, не имѣлъ похвальнаго любопытства въ нихъ заглядывать. Китайскія вазы, мраморныя доски для столовъ, новыя и старинныя мебели съ выгнутыми линиями, съ грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолоты люстры, кенкеты — все было навалено и вовсе не въ такомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все представляло какой-то хаосъ искусствъ. Вообще, ощущаемое нами чувство при видѣ аукціона странно: въ немъ все отзывается чѣмъ-то похожимъ на погребальную процессію. Залъ, въ которомъ онъ производится, всегда какъ-то мраченъ; окна, загроможденные мебелью и картинами, скупо изливаютъ свѣтъ; безмолвіе, разлитое на лицахъ всѣхъ, и голоса: «сто рублей, рубль и двадцать копеекъ! четыреста рублей и пятьдесятъ копеекъ», протяжно вырывающіеся изъ устъ, какъ-то дико для слуха. Но еще болѣе производитъ впечатлѣніе погребальный голосъ аукціониста, постукивающаго молоткомъ и отпѣвающаго панихиду бѣднымъ, такъ странно встрѣтившимся здѣсь искусствамъ.

Однакоже, аукціонъ еще не начинался; посѣтители разсматривали разныя вещи, набросанныя горою на полу. Между тѣмъ, небольшая толпа остановилась передъ однимъ портретомъ: на немъ былъ изображенъ старикъ съ такою странною живостію глазъ, что невольно приговаль къ себѣ ихъ вниманіе. Въ художникѣ нельзя было не признать истиннаго таланта; произведеніе хотя было не окончено, однакоже, носило на себѣ рѣзкій признакъ могущественной кисти; но при всемъ томъ эта сверхъестественная живость глазъ возбуждала какой-то невольный упрекъ художнику. Они чувствовали, что это верхъ

истины, что изобразить ее въ такой степени можетъ только гений, но что этотъ гений уже слишкомъ дерзко перешагнулъ границы воли человѣка. Вниманіе ихъ прервало внезапное восклицаніе одного уже нѣсколько пожилыхъ лѣтъ посѣтителя. «Ахъ, это онъ!» вскрикнувъ онъ въ сильномъ движеніи и неподвижно вперилъ глаза на портретъ. Такое восклицаніе, натурально, загло во всѣхъ любопытство, и нѣкоторые изъ разсматривавшихъ никакъ не утерѣли, чтобы не сказать, оборотившись къ нему: «Вамъ, вѣрно, извѣстно что-нибудь объ этомъ портретѣ?»

— Вы не ошиблись, — отвѣчалъ сдѣлавшій невольное восклицаніе. — Точно, мнѣ болѣе нежели кому другому извѣстна исторія этого портрета. Все увѣряетъ меня, что онъ долженъ быть тотъ самый, о которомъ я хочу говорить. Такъ какъ я замѣчаю, что васъ всѣхъ интересуетъ о немъ узнать, то я теперь же готовъ нѣсколько удовлетворить васъ.

Посѣтители наклоненіемъ головы изъявили свою благодарность и съ большою внимательностію приготовились слушать.

— Безъ сомнѣнія, немногимъ изъ васъ, — такъ началъ онъ: — извѣстна хорошо та часть города, которую называютъ Коломною. Характеристика ея отличается рѣзкою особенностію отъ другихъ частей города. Нравы, занятія, состоянія, привычки жителей совершенно отличны отъ прочихъ. Здѣсь ничто не похоже на столицу; но вмѣстѣ съ этимъ не похоже и на провинціальный городокъ, потому что раздробленность многосторонней и, если можно сказать, цивилизованной жизни проникла и сюда и оказалась въ такихъ тонкихъ мелочахъ, какія можетъ только родить многолюдная столица. Тутъ совершенно другой свѣтъ, и, вѣхавши въ уединенныя коломенскія улицы, вы, кажется, слышите, какъ оставляютъ васъ молодые желанія и порывы. Сюда не заглядываетъ живительное, радужное будущее. Здѣсь все тишина и отставка. Здѣсь все, что осыло отъ движенія столицы. И въ самомъ дѣлѣ, сюда переѣзжаютъ отставные чиновники, которыхъ пенсіонъ не превышаетъ пятьсотъ рублей въ годъ: вдовы, жившія прежде мужними трудами; небогатые люди, имѣющіе пріятное знакомство съ сенатомъ и потому осудившіе себя здѣсь на цѣлую жизнь; выслужившіяся кухарки, толкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болтающія вздоръ съ мужикомъ въ мелочной лавкѣ и забирающія каждый день на 5 копейку кофею и на 4 копейки сахару; наконецъ, весь тотъ разрядъ людей, который я назову пепельнымъ, которые, съ своимъ платьемъ, лицомъ, волосами, имѣютъ какую-то тусклую, пепельную наружность. Они похожи на сѣренькій день, когда солнце не слѣпляетъ своимъ яркимъ блескомъ, когда тоже буря не свищетъ, сопровождаемая громомъ, дождемъ и градомъ, но, просто, когда на небѣ бываетъ ни сѣ, ни то: сѣтся туманъ и отнимаетъ всю рѣзкость у предметовъ. Лица этихъ людей бываютъ какъ-то изкрасна-рыжеватыя, волосы тоже красноватыя; глаза почти всегда безъ блеска; платье ихъ тоже совершенно матовое и представляетъ тотъ мутный цвѣтъ, который происходитъ, когда смѣшаешь всѣ краски вмѣстѣ, и, вообще, вся ихъ наружность совершенно матовая. Къ этому разряду можно причислить отставныхъ театралныхъ капелдинеровъ, уволенныхъ пятидесятилѣтнихъ титулярныхъ совѣтниковъ, отставныхъ питомцевъ Марса съ 200-рублевымъ пенсіономъ, выколотымъ глазомъ и раздутою губою. Эти люди вовсе безстрастны: имъ все трень-трава; идутъ они, совершенно не обращая вниманія ни на какіе предметы; молчатъ, совершенно не думая ни о чемъ. Въ комнатѣ ихъ только кровать и штофъ чистой русской водки, которую они однообразно сосутъ весь день, безъ всякаго смѣлаго прилива въ головѣ, возбуждаемаго сильнымъ приемомъ, какой обыкновенно любитъ задавать себѣ по воскреснымъ

днямъ молодой нѣмецкій ремесленникъ, этотъ студентъ Мѣщанской улицы, одинъ владѣющій тротуаромъ за двѣнадцать часовъ ночи.

«Жизнь въ Коломнѣ всегда однообразна: рѣдко гремитъ въ мирныхъ улицахъ карета, кромѣ развѣ той, въ которой ѣздятъ актеры и которая звономъ, громомъ и бряканьемъ своимъ смущаетъ всеобщую тишину. Здѣсь всѣ почти — пешеходы. Извозчикъ рѣдко, лѣнливо, и почти всегда безъ сѣдока, волочится, таща вмѣстѣ съ собою сѣно для своей скромной клячи. Цѣна квартиръ рѣдко достигаетъ тысячи рублей; ихъ больше отъ 15 до 20 и 30 руб. въ мѣсяцъ, не считая множества угловъ, которые отдаются съ отопленіемъ и кофеемъ за четыре съ половиною въ мѣсяцъ. Вдовы-чиновницы, получающія пенсіоны, самыя солидныя обитательницы этой части. Онѣ ведутъ себя очень хорошо, метутъ довольно чисто свою комнату и говорятъ съ своими сосѣдками и пріятельницами о дороговизнѣ говядины, картофеля и капусты; при нихъ находится очень часто молодецкая дочь, молчаливое, безгласное существо, впрочемъ, иногда довольно миловидное; при нихъ находится также довольно гадкая собачонка и старинные часы съ печально постукивающимъ маятникомъ. Эти-то чиновницы занимаютъ лучшія отдѣленія отъ двадцати до тридцати, а иногда и до сорока рублей. За ними слѣдуютъ актеры, которымъ жалованье не позволяетъ выѣхать изъ Коломны. Это народъ свободный, какъ всѣ артисты, живущіе для наслажденія. Они, сидя въ своихъ халатахъ, или вытаскиваютъ изъ кости какія-нибудь бездѣлки, или почииваютъ пистолетъ, или вклеятъ изъ картона какія-нибудь полезныя для дома вещи, или играютъ съ пришедшимъ пріятелемъ въ шашки или карты и такъ проводятъ утро; то же дѣлаютъ ввечеру, примѣшивая къ этому часто пуншъ. Послѣ этихъ тузовъ, этого аристократства Коломны, слѣдуетъ необыкновенная дробь и мелочь; и для наблюдателя такъ же трудно сдѣлать перечень всѣмъ лицамъ, занимающимъ разные углы и закоулки одной комнаты, какъ поименовать все то множество насѣкомыхъ, которое зарождается въ старомъ укусѣ. Какого народа вы тамъ не встрѣтите! Старухи, которые молятся; старухи, которыя пьянствуютъ; старухи, которыя пьянствуютъ и молятся вмѣстѣ; старухи, которыя перебиваются непостоянными средствами, какъ муравьи, таскаютъ съ собою старое тряпье и бѣлье отъ Калининна моста до Толкучаго рынка съ тѣмъ, чтобы продать его тамъ за пятнадцать копеекъ, — словомъ, весь жалкій и несчастный осадокъ человѣчества.

«Естественное дѣло, что этотъ народъ терпитъ иногда большой недостатокъ, не дающій возможности вести ихъ обыкновенную, бѣдную жизнь; они должны часто дѣлать экстренные займы, чтобы выпутаться изъ своихъ обстоятельствъ. Тогда находятся между ними такіе люди, которые носятъ громкое названіе капиталистовъ и могутъ снабжать за разные проценты, всегда почти непоимѣрные, суммою отъ двадцати до ста рублей. Эти люди мало-по-малу составляютъ состояніе, которое позволяетъ завестись иногда собственнымъ домикомъ. Но на этихъ ростовщиковъ вовсе не было похоже одно странное существо, носившее фамилію Петромихали. Былъ ли онъ грекъ, или армянинъ, или молдаванъ, — этого никто не зналъ, но, по крайней мѣрѣ, черты лица его были совершенно южныя. Ходилъ онъ всегда въ широкомъ азіатскомъ платьѣ, былъ высокаго роста, лицо его было темно-оливковаго цвѣта, нависнувшія черныя съ просѣдою брови и такіе же усы придавали ему нѣсколько страшный видъ. Никакого выраженія нельзя было замѣтить на его лицѣ: оно всегда почти было неподвижно и представляло странный контрастъ своею южною рѣзкою физиогноміею съ пенельными обитателями Коломны. Петромихали вовсе не былъ похожъ на помянутыхъ ростовщиковъ этой

уединенной части города. Онъ могъ выдать сумму, какую бы только отъ него ни потребовали; натурально, что за то и проценты были тоже необыкновенны. Ветхій домъ его со множествомъ пристроекъ находился на Козьмь-Болотѣ. Онъ былъ бы не такъ дряхлъ, если бы владѣлецъ его сколько-нибудь разорился на починку, но Петромихали не дѣлали рѣшительно никакихъ издержекъ. Всѣ комнаты его, выключая небольшой лачужки, которую онъ занималъ самъ, были холодныя кладовыя, въ которыхъ кучами были набросаны фарфоровыя, золотыя, яшмовыя вазы, всякій хламъ, даже мебели, которыя приносили ему въ залогъ разныхъ чиновъ и званій должники, потому что Петромихали не пренебрегали ничѣмъ, и, несмотря на то, что давалъ по сотнѣ тысячъ, онъ также готовъ былъ служить суммою, не превышавшею рубля. Старое негодное бѣлье, изломанные стулья, даже изодранные сапоги — все готовъ онъ былъ принять въ свои кладовыя, и нищій смѣло адресовался къ нему съ узелкомъ въ рукѣ. Дорогіе жемчуги, обвивавшіе, можетъ-быть, прелестнѣйшую шею въ мірѣ, заключались въ его грязномъ желѣзномъ сундукѣ, вмѣстѣ съ старинною табакеркою пятидесятилѣтней дамы, вмѣстѣ съ діадемою, возвышавшеюся надъ алебастровымъ лбомъ красавицы, и брилліантовымъ перстнемъ бѣднаго чиновника, получившаго его въ награду неутомимыхъ своихъ трудовъ. Но нужно замѣтить, что одна только слишкомъ крайняя нужда заставляла обращаться къ нему. Его условія были такъ тягостны, что отбивали всякое желаніе. Но страннѣе всего, что съ перваго разу проценты его казались не очень велики. Онъ посредствомъ своихъ странныхъ и необыкновенныхъ выкладокъ расположилъ такимъ непонятнымъ образомъ, что они росли у него страшною прогрессіей, и даже контрольные чиновники не могли проникнуть этого непостижимаго правила, тѣмъ болѣе, что оно казалось основаннымъ на законахъ строгой математической истины; они видѣли явно преувеличеніе итога, но видѣли тоже, что въ этихъ вычетахъ нѣтъ никакой ошибки. Жалость, какъ и всѣ другія страсти чувствующаго человѣка, никогда не достигала къ нему, и никакія молебны не могли преклонить его къ отсрочкѣ или къ уменьшенію платежа. Нѣсколько разъ находили у дверей его околовшихъ отъ холода несчастныхъ старухъ, которыхъ посинѣвшія лица, замерзнувшіе члены и мертвыя вытянутыя руки, казалось, и по смерти еще молили его о милости. Это возбуждало часто всеобщее негодованіе, и полиція нѣсколько разъ хотѣла разобрать внимательнѣе поступки этого страннаго человѣка, но квартальные надзиратели всегда умѣли, подъ какими-нибудь предлогами, отклонить и представить дѣло въ другомъ видѣ, несмотря на то, что они гроша не получали отъ него. Но богатство имѣетъ такую странную силу, что ему вѣрятъ, какъ государственной ассигнаціи. Оно, не показываясь, можетъ невидимо двигать всѣми, какъ раболѣпными слугами. Это странное существо сидѣло, поджавши подъ себя ноги, на почернѣвшемъ диванѣ, принимая недвижно просителей, слегка только мигнувши бровью въ знакъ поклонна; и ничего не можно было отъ него услышать лишняго или застороняго. Носились, однакожь, слухи, что будто бы онъ иногда давалъ деньги даромъ, не требуя возврата, но только такое предлагалъ условіе, что всѣ бѣжали отъ него съ ужасомъ, и даже самыя болтливыя хозяйки не имѣли силъ пошевелить губами, чтобы пересказать ихъ другимъ. Тѣ же, которые имѣли духъ принять даваемые имъ деньги, желѣли, чахли и умирали, не смѣя открыть тайны.

«Въ этой части города имѣлъ небольшой домикъ одинъ художникъ, славившійся въ тогдашнее время своими дѣйствительно прекрасными произведеніями. Этотъ художникъ былъ отецъ мой. Я могу вамъ показать нѣсколько

работъ его, выказывающихъ рѣшительный талантъ. Жизнь его была самая безмятежная. Это былъ тотъ скромный, набожный живописецъ, какіе только жили во время религиозныхъ среднихъ вѣковъ. Онъ могъ бы имѣть большую известность и нажить большое состояніе, если бы рѣшился заняться множествомъ работъ, которыя предлагали ему со всѣхъ сторонъ; но онъ любилъ болѣе заниматься предметами религиозными и за небольшую цѣну взялся написать весь иконостасъ приходской церкви. Часто случалось ему нуждаться въ деньгахъ, но никогда не рѣшался онъ прибѣгнуть къ ужасному ростовщику, хотя имѣлъ всегда впереди возможность уплатить долгъ, потому что ему стоило только присѣсть и написать нѣсколько портретовъ — и деньги были бы въ его карманѣ. Но ему такъ жалко было оторваться отъ своихъ занятій, такъ грустно было разлучиться, хотя на время, съ любимую мыслью, что онъ лучше готовъ былъ нѣсколько дней просидѣть голоднымъ въ своей комнатѣ, на что бы онъ всегда рѣшился, если бы не имѣлъ страстно любимой имъ жены и двухъ дѣтей, изъ которыхъ одного вы видите теперь передъ собою. Однакоже, одинъ разъ крайность его такъ увеличилась, что онъ готовъ уже былъ идти къ греку, какъ вдругъ внезапно распространилась вѣсть, что ужасный ростовщикъ находился при смерти. Это происшествіе его поразило, и онъ уже готовъ былъ признать его нарочно посланнымъ свыше для воспрепятствованія его намѣренію, какъ встрѣтилъ въ сѣняхъ своихъ захавшуюся старуху, исправлявшую при ростовщикѣ три разныя должности: кухарки, дворника и камердинера. Старуха, совершенно отвыкшая говорить, находясь при своемъ странномъ господинѣ, глухо пробормотала нѣсколько несвязныхъ, отрывистыхъ словъ, изъ которыхъ отецъ мой могъ только узнать, что господинъ ея имѣетъ въ немъ крайнюю нужду и просилъ его взять съ собой краски и кисти. Отецъ мой не могъ придумать, на что бы онъ могъ быть ему нуженъ въ такое время и притомъ еще съ красками и кистями, но, побуждаемый любопытствомъ, схватилъ свой ящикъ съ живописнымъ приборомъ и отправился за старухою.

«Онъ насилу могъ продраться сквозь толпу нищихъ, обступившихъ жилище умиравшаго ростовщика и питавшихъ себя надеждою, что авось-либо, наконецъ, передъ смертію, раскается этотъ грѣшникъ и раздастъ малую часть изъ безчисленнаго своего богатства. Онъ вошелъ въ небольшую комнату и увидѣлъ протянувшееся почти во всю длину ея тѣло азиатца, которое онъ принялъ было за умершее, — такъ оно вытянулось и было неподвижно. Наконецъ, высохшая голова его приподнялась, и глаза его такъ страшно устремились, что отецъ мой задрожалъ. Петромихали сдѣлалъ глухое восклицаніе и, наконецъ, произнесъ: «Нарисуй съ меня портретъ!» Отецъ мой изумился такому странному желанію; онъ началъ представлять ему, что теперь уже не время объ этомъ думать, что онъ долженъ отвергнуть всякое земное желаніе, что уже не много минутъ осталось жить ему и потому пора помыслить о прежнихъ своихъ дѣлахъ и принести покаяніе Всевышнему. «Я не хочу ничего: нарисуй съ меня портретъ!» произнесъ твердымъ голосомъ Петромихали, причемъ лицо его покрывлось такими конвульсіями, что отецъ мой вѣрно бы ушелъ, если бы чувство, весьма извинительное въ художникѣ, пораженномъ необыкновеннымъ предметомъ для кисти, не остановило его. Лицо ростовщика именно было одно изъ тѣхъ, которыя составляютъ кладъ для артиста. Со страхомъ и вмѣстѣ съ какимъ-то тайнымъ желаніемъ поставилъ онъ холстъ, за немнѣнимъ станна, къ себѣ на колѣни и началъ рисовать. Мысль употребить послѣ это лицо въ своей картинѣ, гдѣ хотѣлъ онъ изобразить одержимаго бѣсами, которыхъ изгоняетъ могущественное слово

Спасителя, — эта мысль заставила его усилить свое рвеніе. Съ поспѣшностію набросалъ онъ абрисъ и первыя тѣни, опасаясь каждую минуту, что жизнь ростовщика вдругъ прервется, потому что смерть уже, казалось, носилась на устахъ его. Изрѣдка только онъ издавалъ хрипѣніе и съ безпокойствомъ устремлялъ страшный взглядъ свой на картину; наконецъ, что-то подобное радости мелькнуло въ его глазахъ, при видѣ, какъ черты его ложились на полотно. Опасаясь ежеминутно за жизнь его, отецъ мой прежде всего рѣшился заняться окончательною отдѣлкою глазъ. Это былъ предметъ самый трудный, потому что чувство, въ нихъ изображавшееся, было совершенно необыкновенно и невыразимо. Около часу трудился онъ около нихъ и, наконецъ, совершенно схватилъ тотъ огонь, который уже потухалъ въ его оригиналѣ. Съ тайнымъ удовольствіемъ онъ отошелъ немного подальше отъ картины, чтобы лучше разсмотрѣть ее, и съ ужасомъ отскочилъ отъ нея, увидѣвъ живые, глядящія на него глаза. Непостижимый страхъ овладѣлъ имъ въ такой степени, что онъ, швырнувъ палитру и краски, бросился къ дверямъ; но страшное, почти полумертвое тѣло ростовщика приподнялось съ своей кровати и схватило его тощею рукою, приказывая продолжать работу. Отецъ мой клялся и крестился, что не станетъ продолжать. Тогда это ужасное существо повалилось съ своей кровати, такъ что его кости застучали, собрало всѣ свои силы, глаза его блеснули живостью, руки обхватили ноги моего отца, и онъ, ползая, цѣловалъ полы его платья и умолялъ дорисовать портретъ. Но отецъ былъ неумолимъ и дивился только снѣгъ его воли, перемогшей самое приближеніе смерти. Наконецъ, отчаянный Петромихали выдвинулъ съ необыкновенною силою изъ-подъ кровати сундукъ, и страшная куча золота грянула къ ногамъ моего отца. Видя и тутъ его непреклонность, онъ повалился ему въ ноги и цѣлый потокъ заклинаній полился изъ его молчаливыхъ дотолъ устъ. Невозможно было не чувствовать какого-то ужаснаго, и даже, если можно сказать, отвратительнаго состраданія. «Добрый человѣкъ! Божій человѣкъ! Христовъ человѣкъ! — говорилъ съ выраженіемъ отчаянія этотъ живой скелетъ: — заклиная тебя маленькими дѣтми твоими, прекрасною женою, гробомъ отца твоего, кончи портретъ съ меня! еще одинъ часъ, только одинъ часъ посиди за нимъ! Слушай, я тебѣ объявлю одну тайну...» При этомъ смертная блѣдность начала сильнѣе проступать на лицѣ его. «Но тайны этой никому не объявляй — ни женѣ, ни дѣтямъ твоимъ, а не то — и ты умрешь, и они умрутъ, и всѣ вы будете несчастны. Слушай, если ты и теперь не сжалишься, то уже больше не стану просить. Послѣ смерти я долженъ идти къ тому, къ которому бы я не хотѣлъ идти; тамъ я долженъ вытерпѣть муки, о какихъ тебѣ и во снѣ не слышалось; но я могу долго еще не идти къ нему, до тѣхъ поръ, покуда стоитъ земля наша, если ты только докончишь портретъ мой. Я узналъ, что половина жизни моей перейдетъ въ мой портретъ, если только онъ будетъ сдѣланъ искуснымъ живописцемъ. Ты видишь, что уже въ глазахъ осталась часть жизни; она будетъ и во всѣхъ чертахъ, когда ты докончишь. И хотя тѣло мое сгинетъ, но половина жизни моей останется на землѣ, и я убѣгу надолго еще отъ мукъ. Дорисуй! дорисуй! дорисуй!...» кричало раздрающимъ и умирающимъ голосомъ это странное существо. Ужасъ еще болѣе овладѣлъ моимъ отцомъ. Онъ слышалъ, какъ поднялись его волосы отъ этой ужасной тайны, и выронилъ кисть, которую было уже поднять, тронутый его мольбами. — «А, такъ ты не хочешь дорисовать меня? — произнесъ хрипящимъ голосомъ Петромихали. — Такъ возьми же себѣ портретъ мой: я тебѣ его дарю». При сихъ словахъ что-то вродѣ страшнаго смѣха выразилось на устахъ его; жизнь, казалось,

еще разъ блеснула въ его чертахъ, и чрезъ минуту предъ нимъ остался синій трупъ. Отецъ не хотѣлъ притронуться къ кистямъ и краскамъ, рисовавшимъ эти богоотступныя черты, и выбѣжалъ изъ комнаты.

«Чтобы развлечь неприятныя мысли, нанесенныя этимъ происшествіемъ, онъ долго ходилъ по городу и ввечеру возвратился домой. Первый предметъ, попавшій ему въ мастерской его, былъ писанный имъ портретъ ростовщика. Онъ обратился къ женѣ, къ женщинѣ, прислуживавшей на кухнѣ, къ дворнику, но всѣ дали рѣшительный отвѣтъ, что никто не приносилъ портрета и даже не приходилъ во время его отсутствія. Это заставило его минуту задуматься. Онъ приблизился къ портрету и невольно отвратилъ глаза свои, приникнутый отвращеніемъ къ собственной работѣ. Онъ приказалъ его снять и вынести на чердакъ, но при всемъ томъ чувствовалъ какую-то странную тяжесть, присутствіе такихъ мыслей, которыхъ самъ пугался. Но болѣе всего поразило его, когда уже онъ легъ въ постель, слѣдующее, почти невѣроятное, происшествіе: онъ видѣлъ ясно, какъ вошелъ въ его комнату Петромихали и остановился передъ его кроватью. Долго глядѣлъ онъ на него своими живыми глазами, наконецъ, началъ предлагать ему такія ужасныя предложенія, такое адское направленіе хотѣлъ дать его искусству, что отецъ мой съ болѣзненнымъ стономъ схватился съ кровати, проникнутый холоднымъ потомъ, нестерпимую тяжестью на душѣ и вмѣстѣ самымъ пламеннымъ негодованіемъ. Онъ видѣлъ, какъ чудное изображеніе умершаго Петромихали ушло въ раму портрета, который висѣлъ снова передъ нимъ на стѣнѣ. Онъ рѣшился въ тотъ же день сжечь это провѣтное произведеніе рукъ своихъ. Какъ только затопленъ былъ каминъ, онъ бросилъ его въ разгорѣвшійся огонь и съ тайнымъ наслажденіемъ видѣлъ, какъ лопались рамы, на которыхъ натянутъ былъ холстъ, какъ шипѣли еще невысохшія краски; наконецъ, гуча золы одна только осталась отъ его существованія. И когда начала она улетать легкою пылью въ трубу, казалось, какъ будто неясный образъ Петромихали улетѣлъ вмѣстѣ съ нею. Онъ почувствовалъ на душѣ какое-то облегченіе. Съ чувствомъ выздоровѣвшаго отъ продолжительной болѣзни оборотился онъ къ углу комнаты, гдѣ висѣлъ писанный имъ образъ, чтобы принести чистое покаяніе, и съ ужасомъ увидѣлъ, что передъ нимъ стоялъ тотъ же портретъ Петромихали, котораго глаза, казалось, еще болѣе получили живости, такъ что даже дѣти испустили крикъ, взглянувши на него. Это чрезвычайно поразило моего отца. Онъ рѣшился открыться во всемъ священнику нашего прихода и просить у него совѣта, какъ поступить въ этомъ необыкновенномъ дѣлѣ. Священникъ былъ разсудительный человѣкъ и, кромѣ того, преданный съ теплою любовью своей должности. Онъ немедленно явился по первому призыву къ моему отцу, котораго уважалъ, какъ достойнѣйшаго прихожанина. Отецъ не считалъ даже нужнымъ отводить его въ сторону и рѣшился тутъ же, при матери моей и дѣтяхъ, разсказать ему это ненормальное происшествіе. Но едва только произнесъ онъ первое слово, какъ мать моя вдругъ глухо вскрикнула и упала безъ чувствъ на полъ. Лицо ея покрылось страшною блѣдностью, уста остались неподвижны, открыты, и всѣ черты ея исковеркались судорогами. Отецъ и священникъ подбѣжали къ ней и съ ужасомъ увидѣли, что она нечаянно проглотила десятокъ иголокъ, которыя держала во рту. Пришедшій докторъ объявилъ, что это было неизлѣчимо: иголки остановились у нея въ горлѣ, другія прошли въ желудокъ и во внутренности, и мать моя скончалась ужасною смертью.

«Это происшествіе произвело сильное вліяніе на всю жизнь моего отца. Съ этого времени какая-то мрачность овладѣла его душою: Рѣдко онъ

чѣмъ-нибудь занимался, всегда почти оставался безмолвнымъ и убѣгалъ всякаго сообщества. Но, между тѣмъ, ужасный образъ Петромихаила, съ его живыми глазами, сталъ преслѣдовать его неотлучнѣе, и часто отецъ мой чувствовалъ приливъ такихъ отчаянныхъ, свирѣпыхъ мыслей, отъ которыхъ невольно содрогался самъ. Все то, что улегается, какъ черный осадокъ, въ глубинѣ человѣка, истребляется и выгоняется воспитаніемъ, благородными подвигами и лицезрѣніемъ прекраснаго, — все это онъ чувствовалъ въ себѣ возмущавшимся и безпрестанно силившимся выйти внаружу и развиваться во всемъ своемъ порочномъ совершенствѣ. Мрачное состояніе души его именно было таково, чтобы заставить его ухватиться за эту черную сторону человѣка. Но я долженъ замѣтить, что сила характера отца моего была безпримѣрна: власть, которую онъ бралъ собою и надъ страстями, была непостижима; его убѣжденія были тверже гранита, и чѣмъ сильнѣе было искушеніе, тѣмъ онъ болѣе рвался противопоставить ему несокрушимую силу души своей. Наконецъ, обезсиливъ отъ этой борьбы, онъ рѣшился излить и обнажить всего себя, въ изображеніи всей повѣсти своихъ страданій, тому же священнику, который всегда почти доставлялъ ему исцѣленіе размышляющими своими рѣчами. Это было въ началѣ осени; день былъ прекрасный; солнце сіяло какимъ-то свѣжимъ осеннимъ свѣтомъ; окна нашихъ комнатъ были отворены; отецъ мой сидѣлъ съ достойнымъ священникомъ въ мастерской; мы играли съ братомъ въ комнату, которая была рядомъ съ нею. Обѣ эти комнаты были во второмъ этажѣ, составлявшемъ антресоли нашего маленькаго дома. Дверь въ мастерской была нѣсколько растворена; я какъ-то нечаянно заглянулъ въ отверстіе, видѣлъ, что отецъ мой придвинулся ближе къ священнику и слышалъ даже, какъ онъ сказалъ ему: «Наконецъ, я открою всю эту тайну...» Вдругъ мгновенный крикъ заставилъ меня оборотиться: брата моего не было. Я подошелъ къ окну и — Боже! я никогда не могу забыть этого происшествія: на мостовой лежалъ облитый кровью трупъ моего брата. Играя, онъ, вѣрно, какъ-нибудь неосторожно перегнулся черезъ окошко и упалъ, безъ сомнѣнія, головою внизъ, потому что она вся была разможена. Я никогда не позабуду этого ужаснаго случая. Отецъ мой стоялъ неподвиженъ передъ окномъ, сложа накрестъ руки и поднявъ глаза къ небу. Священникъ былъ проникнутъ страхомъ, вспомнивъ объ ужасной смерти моей матери, и самъ требовалъ отъ отца моего, чтобы онъ хранилъ эту ужасную тайну.

«Послѣ этого отецъ мой отдалъ меня въ корпусъ, гдѣ я провелъ все время своего воспитанія, а самъ удалился въ монастырь одного уединеннаго городка, окруженнаго пустынею, гдѣ бѣдный сѣверъ уже представлялъ только дикую природу, и торжественно принялъ санъ монашескій. Всѣ тяжкія обязанности этого званія онъ несъ съ такою покорностью и смиреніемъ, всю труженческую жизнь свою онъ велъ съ такимъ смиреніемъ, соединеннымъ съ энтузіазмомъ и пламенемъ вѣры, что, повидимому, ничто преступное не имѣло воли коснуться къ нему. Но страшный, имъ же начертанный образъ съ живыми глазами преслѣдовалъ его и въ этомъ почти гробовомъ уединеніи. Игуменъ, узнавши о необыкновенномъ талантѣ отца моего въ живописи, поручилъ ему украсить церковь нѣкоторыми образами. Нужно было видѣть, съ какимъ высокимъ религиознымъ смиреніемъ трудился онъ надъ своею работою: въ строгомъ постѣ и молитвѣ, въ глубокомъ размышленіи и уединеніи души приготавливался онъ къ своему подвигу. Неотлучно проводилъ ночи надъ своими священными изображеніями, и оттого, можетъ-быть, рѣдко найдете вы произведеній, даже значительныхъ художниковъ, которыя носили бы на

себѣ печать такихъ истинно-христіанскихъ чувствъ и мыслей. Въ его праведникахъ было такое небесное спокойствіе, въ его кающихся такое душевное сокрушеніе, какія я очень рѣдко встрѣчалъ даже въ картинахъ извѣстныхъ художниковъ. Наконецъ, всѣ мысли и желанія его устремились къ тому, чтобы изобразить Божественную Матерь, кротко простирающую руки надъ молящимся народомъ. Надъ этимъ произведеніемъ трудился онъ съ такимъ самоотверженіемъ и съ такимъ забвеніемъ себя и всего міра, что часть спокойствія, разлитого его кистью въ чертахъ Божественной Покровительницы міра, казалось, перешла въ собственную его душу. По крайней мѣрѣ, страшный образъ ростовщика пересталъ навѣщать его, и портретъ пропалъ, неизвѣстно куда.

«Между тѣмъ, воспитаніе мое въ корпусѣ окончилось. Я былъ выпущенъ офицеромъ, но, къ величайшему сожалѣнію, обстоятельства не позволили мнѣ видѣть моего отца. Насъ отравили тогда же въ дѣйствующую армію, которая, по поводу объявленной войны турками, находилась на границѣ. Не буду надобѣдать вамъ разсказами о жизни, проведенной мною среди походовъ, биваковъ и жаркихъ схватокъ; довольно сказать, что труды, опасности и жаркій климатъ измѣнили меня совершенно, такъ что знавшіе меня прежде не узнавали вовсе. Загорѣвшее лицо, огромные усы и хриплый, крикливый голосъ придали мнѣ совершенно другую физиогномію. Я былъ весельчакъ, не думалъ о завтрашнемъ, любилъ выпорожнить лишнюю бутылку съ товарищемъ, болтать вздоръ съ смазливыми дѣвчонками, отпустить спроста глупость, — словомъ, былъ военный безпечный человекъ. Однакожь, какъ только окончилась кампанія, я почелъ первымъ долгомъ навѣстить отца.

«Когда подѣхалъ я къ уединенному монастырю, мною овладѣло странное чувство, какого прежде я никогда не испытывалъ: я чувствовалъ, что я еще связанъ съ однимъ существомъ, что есть еще что-то неполное въ моемъ состояніи. Уединенный монастырь, посреди природы блѣдной, обнаженной, навелъ на меня какое-то поэтическое забвеніе и далъ странное, неопредѣленное направленіе моимъ мыслямъ, какое обыкновенно мы чувствуемъ въ глубокую осень, когда листья шумятъ подъ нашими ногами, надъ головами ни листа, черныя вѣтви сквозятъ рѣдкою сѣтью, вороны каркаютъ въ далекой вышинѣ, и мы невольно ускоряемъ свой шагъ, какъ бы стараясь собрать разсѣивающіяся мысли. Множество деревянныхъ почернѣвшихъ пристроекъ окружали каменное строеніе. Я вступилъ подъ длинныя, мѣстами прогнѣвшія, позеленѣвшія мохомъ галереи, находившіяся вокругъ келій, и спросилъ монаха, отца Григорія. Это было имя, которое отецъ мой принималъ по вступленіи въ монашеское званіе. Мнѣ указали его келью.

«Никогда не позабуду произведеннаго имъ на меня впечатлѣнія. Я увидѣлъ старца, на блѣдномъ, изнуренномъ лицѣ котораго не присутствовало, казалось, ни одной черты, ни одной мысли о земномъ. Глаза его, привышіе быть устремленными къ небу, получили тотъ безстрастный, проникнутый нездѣшнымъ огнемъ видъ, который въ минуту только вдохновенія осѣняетъ художника. Онъ сидѣлъ передо мною неподвижно, какъ святой, глядящій съ полотно, на которое перенесла его рука художника, на молящійся народъ; онъ, казалось, вовсе не замѣтилъ меня, хотя глаза его были обращены къ той сторонѣ, откуда я вошелъ къ нему. Я не хотѣлъ еще открыться и потому попросилъ у него, просто, благословенія, какъ путешествующій молещикъ; но каково было мое удивленіе, когда онъ произнесъ: — «Здравствуй, сынъ мой, Леонъ!» — Меня это изумило: я десяти лѣтъ еще разстался съ нимъ; притомъ меня не узнавали даже тѣ, которые меня видѣли не такъ

давно. — «Я знаю, что ты ко мнѣ будешь, — продолжалъ онъ. — Я проеилъ объ этомъ Пречистую Дѣву и св. угодника и ожидалъ тебя съ часу на часъ, потому что чувствую близкую кончину и хочу тебѣ открыть важную тайну. Пойдемъ, сынъ мой, со мною и прежде помолимся!» Мы вышли въ церковь, и онъ подвелъ меня къ картинѣ, изображавшей Божию Матерь, благословляющую народъ. Я былъ пораженъ глубокимъ выраженіемъ божественности въ Ея лицѣ. Долго лежалъ онъ, повергшись передъ изображеніемъ, и, наконецъ, послѣ долгаго молчанія и размышленія, вышелъ вмѣстѣ со мною.

«Послѣ того отецъ мой рассказалъ мнѣ все то, что вы сейчасъ отъ меня слышали. Въ истину его я вѣрилъ, потому что самъ былъ свидѣтелемъ многихъ печальныхъ случаевъ нашей жизни.

«— Теперь я расскажу тебѣ, сынъ мой, — прибавилъ онъ послѣ этой исторіи: — то, что мнѣ открылъ видѣнный мною святой, неузнанный среди многолюднаго народа никѣмъ, кромѣ меня, котораго милосердый Создатель многообразилъ такой неизглаголанной Своей благодати». При этомъ отецъ мой сложилъ руки и устремилъ глаза къ небу, весь отданный ему всѣмъ своимъ бытіемъ. И я, наконецъ, услышалъ то, что сейчасъ готовлюсь рассказать вамъ. Вы не должны удивляться странности его рѣчей: я увидѣлъ, что онъ находился въ томъ состояніи души, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ испытываетъ сильныя, нестерпимыя несчастія; когда, желая собрать всю силу, всю желѣзную силу души, и не находя ее довольно мощною, весь повергается въ религію; и чѣмъ сильнѣе гнетъ его несчастій, тѣмъ пламеннѣе его духовныя созерцанія и молитвы. Онъ уже не походитъ на того тихаго размышляющаго отшельника, который, какъ къ желанной пристани, причалилъ къ своей пустынѣ, съ желаніемъ отдохнуть отъ жизни и съ христіанскимъ смиреніемъ молиться Тому, къ Которому онъ сталъ ближе и доступнѣе; напротивъ того, онъ становится чѣмъ-то исполненнымъ. Въ немъ не угаснулъ пылъ души, но, напротивъ, стремится и вырывается съ большою силою. Онъ тогда весь обратился въ религіозный пламень. Его голова вѣчно наполнена чудными снами. Онъ видитъ на каждомъ шагѣ видѣнія и слышитъ откровенія; мысли его раскалены; глазъ его уже не видитъ ничего, принадлежащаго землѣ; всѣ движенія, слѣдствія вѣчнаго устремленія къ одному, исполнены энтузіазма. Я съ перваго раза замѣтилъ въ немъ это состояніе и упоминую о немъ потому, чтобы вамъ не казались слишкомъ удивительными тѣ рѣчи, которыя я отъ него услышалъ. «Сынъ мой! — сказалъ онъ мнѣ послѣ долгаго, почти неподвижнаго устремленія глазъ своихъ къ небу: — уже скоро, скоро приблизится то время, когда искунитель рода человѣческаго, антихристъ, родится въ мірѣ. Ужасно будетъ это время: оно будетъ передъ концомъ міра. Онъ промчится на конѣ-гигантѣ, и великія потерпятъ муки тѣ, которые останутся вѣрными Христу. Слушай, сынъ мой: уже давно хочетъ родиться антихристъ, но не можетъ, потому что долженъ родиться сверхъестественнымъ образомъ; а въ мірѣ нашемъ все устроено Всемогущимъ такъ, что совершается все въ естественномъ порядкѣ, и потому ему никакія силы, сынъ мой, не помогутъ прорваться въ мірѣ. Но земля наша — прахъ передъ Создателемъ. Она по его законамъ должна разрушаться, и съ каждымъ днемъ законы природы будутъ становиться слабѣе, и оттого границы, удерживающія сверхъестественное, приступнѣе. Онъ уже и теперь нарождается, но только нѣкоторая часть его порывается показаться въ мірѣ. Онъ избираетъ для себя жилищемъ самого человѣка и показывается въ тѣхъ людяхъ, отъ которыхъ уже, кажется, при самомъ рожденіи, отпалъ ангелъ, и они заклеены страшною ненавистью къ людямъ и ко всему, что есть созданіе

Творца. Таковъ-то былъ и тотъ дивный ростовщикъ, котораго дерзнулъ я, окаянный, изобразить преступною своею кистью. Это онъ, сынъ мой, это былъ самъ антихристъ. Если бы моя преступная рука не дерзнула его изобразить, онъ бы удалился и исчезнулъ, потому что не могъ жить долѣе того тѣла, въ которомъ заключилъ себя. Въ этихъ отвратительныхъ живыхъ глазахъ удержалось бѣсовское чувство. Дивись, сынъ мой, ужасному могуществу бѣса. Онъ во все силится проникнуть: въ наши дѣла, въ наши мысли и даже въ самое вдохновеніе художника. Безчисленны будутъ жертвы этого адскаго духа, живущаго невидимо, безъ образа, на землѣ. Это тотъ черный духъ, который врывается къ намъ даже въ минуту самыхъ чистыхъ и святыхъ помышлений. О, если бы моя кисть не остановила своей адской работы, онъ бы еще болѣе надѣлалъ зла, и нѣтъ силъ человѣческихъ противустать ему, потому что онъ именно выбираетъ то время, когда величайшія несчастія постигаютъ насъ. Горе, сынъ мой, бѣдному человѣчеству! Но слушай, что мнѣ открыла въ часъ святого видѣнія Сама Божія Матерь. Когда я трудился надъ изображеніемъ пречистаго лица Дѣвы Маріи, лишь слезы покаянія о моей протекшей жизни и долго пребывалъ въ постѣ и молитвѣ, чтобы быть достойнѣе изобразить божественныя черты Ея, я былъ посѣщенъ, сынъ мой, вдохновеніемъ, я чувствовалъ, что высшая сила осѣнила меня, и ангелъ вознесилъ мою грѣшную руку, — я чувствовалъ, какъ шевелились на мнѣ волоса мои, и душа вся трепетала. О, сынъ мой! за эту минуту я бы тысячи взялъ мукъ на себя. И я самъ дивился тому, что изобразила кисть моя. Тогда же предсталъ мнѣ во снѣ пречистый ликъ Дѣвы, и я узналъ, что въ награду моихъ трудовъ и молитвъ сверхъестественное существованіе этого демона въ портретѣ будетъ не вѣчно, что если кто торжественно объявитъ его исторію по истеченіи пятидесяти лѣтъ въ первое новолуніе, то сила его погаснетъ и разсѣется, яко прахъ, и что я могу тебѣ передать это передъ моею смертію. Уже тридцать лѣтъ протекло съ того времени, какъ онъ живетъ; двадцать впереди. Помолимся, сынъ мой!» При этомъ онъ повергнулся на колѣни и весь превратился въ молитву. Признаюсь, я внутренно всѣ эти слова приписывалъ распавшемуся его воображенію, воздвигнутому безпрестаннымъ постомъ и молитвами, и потому изъ уваженія не хотѣлъ дѣлать какаго-нибудь замѣчанія или соображенія. Но, когда я увидѣлъ, какъ онъ поднималъ къ небу иссохшія свои руки, съ какимъ глубокимъ сокрушеніемъ молчалъ онъ уничтоженный въ себѣ самою, съ какимъ невыразимымъ умиленіемъ молилъ о тѣхъ, которые не въ силахъ были противиться адскому оболыстителю и погубили все возвышенное души своей, съ какою пламенною скорбію простерся онъ, и по лицу его лились горящія слезы, и во всѣхъ чертахъ его выразилось одно безмолвное рыданіе, — о, тогда я не въ силахъ былъ предаться холодному размышленію и разбирать слова его! Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ его смерти. Я не вѣрилъ этой исторіи и даже мало думалъ о ней; но никогда не могъ ее никому пересказать. Я не знаю, отчего это было, но только я чувствовалъ всегда что-то удерживавшее меня отъ того. Сегодня безъ всякой цѣли зашелъ я на аукціонъ и въ первый разъ рассказалъ исторію этого необыкновеннаго портрета, такъ что я невольно начинаю думать, не сегодня ли то новолуніе, о которомъ говорилъ отецъ мой, потому что, дѣйствительно, съ съ того времени прошло уже 20 лѣтъ».

Тутъ рассказывавшій остановился, и слушатели, внимавшіе ему съ неразвлекаемымъ участіемъ, невольно обратили глаза свои къ странному портрету и, къ удивленію своему, замѣтили, что глаза его вовсе не сохраняли той странной живости, которая такъ поразила ихъ сначала. Удивленіе еще болѣе

увеличилось, когда черты страннаго изображенія почти нечувствительно начали исчезать, какъ исчезаетъ дыханіе съ чистой стали. Что-то мутное осталось на полотнѣ. И, когда подошли къ нему ближе, то увидѣли какой-то незначащій пейзажъ, такъ что посѣтители, уже уходя, долго недоумѣвали, дѣйствительно ли они видѣли таинственный портретъ, или это была мечта и представилась мгновенно глазамъ, утружденнымъ долгимъ разсматриваніемъ старинныхъ картинъ.

ВЗГЛЯДЪ НА СОСТАВЛЕНІЕ МАЛОРОССІИ¹⁾.

I. Какое ужасно-ничтожное время представляет для Россіи XIII вѣкъ! Сотни мелкихъ государствъ единовѣрныхъ, одноплеменныхъ, одноязычныхъ, означенныхъ однимъ общимъ характеромъ, и которыхъ, казалось, противъ воли соединяло родство, — эти мелкія государства такъ были между собою разъединены, какъ рѣдко случается съ разнохарактерными народами. Они были разъединены не ненавистью — сильныя страсти не достигали сюда, — непостоянною политикою, слѣдствіемъ непреклоннаго ума и познанія жизни: это былъ хаосъ браней за временное, за минутное — браней разрушительныхъ, потому что онѣ мало-по-малу извели народный характеръ, едва начинавшій принимать отличительную физиогномію при сильныхъ норманскихъ князьяхъ. Религія, которая болѣе всего связываетъ и образуетъ народы, мало на нихъ дѣйствовала. Религія не срослась тогда тѣсно съ законами, съ жизнью. Монахи, настоятели, даже митрополиты были схимники, удалившіеся въ свои кельи и закрывшіе глаза для міра; молившіеся за всѣхъ, но не знавшіе, какъ схватить съ помощью своего сильнаго оружія — вѣры, власть надъ народомъ и возжечь этой вѣрой пламень и ревность до энтузіазма, который одинъ властенъ соединить младенчествуящіе народы и настроить ихъ къ великому. Здѣсь была совершенная противоположность Западу, гдѣ самодержавный папа, какъ-будто невидимую паутиную, опуталъ всю Европу своею религіозною властью, гдѣ его могущественное слово прекращало брань или возжигало ее, гдѣ угроза страшнаго проклятія обуздывала страсти и полудикіе народы. Здѣсь монастыри были убѣжищемъ тѣхъ людей, которые кротостью и незлобіемъ составляли исключеніе изъ общаго характера и вѣка. Изрѣдка пастыри, изъ пещеръ и монастырей, увѣщали удѣльныхъ князей; но ихъ увѣщанія были напрасны: князья умѣли только поститься и строить церкви, думая, что исполняютъ этимъ всѣ обязанности христіанской религіи, а не умѣли считать ее закономъ и покоряться ей велѣніямъ. Самыя ничтожныя причины рождали между ними безконечныя войны. Это были не споры королей съ вассалами или вассаловъ съ вассалами: — нѣтъ! это были брани между родственниками, между родными братьями, между отцомъ и дѣтьми. Не ненависть, не сильная страсть воздымала ихъ: — нѣтъ! братъ брата рѣзалъ за клочокъ земли или, просто, чтобы показать удалство. Примѣръ ужасный для народа! Родство рушилось, потому что жители двухъ сосѣднихъ удѣловъ, родственники между собою, готовы были каждую минуту возстать другъ противъ друга съ яростью волковъ. Ихъ не подвигала на это наслѣдственная вражда, потому что кто былъ сегодня другъ, тотъ завтра дѣлался непріятелемъ. Народъ приобрѣтъ

1) „Эскизъ этотъ составлялъ введеніе къ Исторіи Малороссіи; но, такъ какъ вся первая часть Исторіи Малороссіи передѣлана вовсе, то онъ остался заштатнымъ и помѣщается здѣсь, какъ совершенно отдѣльная статья“.

хладнокровное звѣрство, потому что онъ рѣзалъ, самъ не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство — ни фанатизмъ, ни суевѣріе, ни даже предрасудокъ. Отъ того, казалось, умерли въ немъ почти всѣ человѣческія сильныя, благородныя страсти, и если бы явился какой-нибудь гений, который бы захотѣлъ тогда съ этимъ народомъ совершить великое, онъ бы не нашелъ въ немъ ни одной струны, за которую бы могъ ухватиться и потрясти безчувственный составъ его, выключая развѣ физической желѣзной силы. Тогда исторія, казалось, застыла и превратилась въ географію: однообразная жизнь, шевелившаяся въ частяхъ и неподвижная въ цѣломъ, могла почестъся географическою принадлежностью страны.

II. Тогда случилось дивное происшествіе. Изъ Азіи, изъ середины ея, изъ степей, выбросившихъ столько народовъ въ Европу, поднялся самый страшный, самый многочисленный, совершившій столько завоеваній, сколько до него не производилъ никто. Ужасные монголы, съ многочисленными, никогда до того невиданными Европою табунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россію, освѣтивши путь свой пламенемъ и пожарами — прямо азіатскимъ буйнымъ наслажденіемъ. Это нашествіе наложило на Россію двухвѣковое рабство и скрыло ее отъ Европы. Было ли оно спасеніемъ для нея, сберегши ее для независимости, потому что удѣльные князья не сохранили бы ее отъ литовскихъ завоевателей, или оно было наказаніемъ за тѣ непрерывныя брани, — какъ бы то ни было, но это страшное событіе произвело великія слѣдствія: оно наложило иго на сѣверныя и среднія русскія княженія, но дало, между тѣмъ, происхожденіе новому славянскому поколѣнію въ южной Россіи, котораго вся жизнь была борьба, и котораго исторію я ввѣлся представить.

III. Южная Россія болѣе всего пострадала отъ татаръ. Выжженные города и степи, обгорѣлые лѣса, древній разрушенный Кіевъ, безлюдье и пустыня — вотъ что представляла эта несчастная страна! Напуганные жители разбѣжались или въ Польшу, или въ Литву; множество бояръ и князей выѣхало въ сѣверную Россію. Еще прежде народонаселеніе начало замѣтно уменьшаться въ этой сторонѣ. Кіевъ давно уже не былъ столицею; значительныя владѣнія были гораздо сѣвернѣе. Народъ, какъ бы понимая самъ свою ничтожность, оставляя тѣ мѣста, гдѣ разнообразная природа начинается становиться изобрѣтательницею, гдѣ она раскинула степи прекрасныя, вольныя, съ безчисленнымъ множествомъ травъ почти гигантскаго роста, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косогоръ, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рытвину, всю въ цвѣтахъ, и по всѣмъ вьющимся лентамъ рѣкъ разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днѣпръ, съ ненасытными порогами, съ величественными гористыми берегами и неизмѣримыми лугами — и все это согрѣла умѣреннымъ дыханіемъ юга. Онъ оставляя эти мѣста и столпился въ той части Россіи, гдѣ мѣстоположеніе, однообразно-гладкое и ровное, вездѣ почти болотистое, истыканное печальными елями и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движенія, но какое-то прозябаніе, поражающее душу мыслящаго. — Какъ будто бы этимъ подтвердилось правило, что только народъ сильный жизнью и характеромъ ищетъ мощныхъ мѣстоположеній, или что только смѣлыя и поразительныя мѣстоположенія образуютъ смѣлый, страстный, характерный народъ.

IV. Когда первый страхъ прошелъ, тогда мало-по-малу выходцы изъ Польши, Литвы, Россіи начали селиться въ этой землѣ, настоящей отчизнѣ славянъ, землѣ древнихъ полянъ, сѣверянъ, чистыхъ славянскихъ племенъ,

которыя въ Великой Россіи начинали уже смѣшиваться съ народами финскими, но здѣсь сохранялись въ прежней цѣльности, со всѣми языческими повѣрьями, дѣтскими предрассудками, пѣснями, сказками, славянской мѣлологіей, такъ простоудушно у нихъ смѣшавшейся съ христіанствомъ. Возвращавшіеся на свои мѣста прежніе жители привели по сѣбѣдамъ своимъ и выходцевъ изъ другихъ земель, съ которыми отъ долговременнаго пребыванія составили связи. Это населеніе производилось боязненно и робко, потому что ужасный кочевой народъ былъ не за горами: ихъ раздѣляли или, лучше сказать, соединяли однѣ степи. Несмотря на пестроту населенія, здѣсь не было тѣхъ браней междоусобныхъ, которыя не переставали во глубинѣ Россіи: опасность со всѣхъ сторонъ не давала возможности заняться ими. Кіевъ, древняя мать городовъ русскихъ, сильно разрушенный страшными обладателями табуновъ, долго оставался бѣденъ и едва ли могъ сравниться со многими, даже не слишкомъ значительными городами сѣверной Россіи. Всѣ оставили его, даже монахи-лѣтописцы, для которыхъ онъ всегда былъ священъ. Извѣстія о немъ разомъ прервались и, несмотря на то, что тамъ оставалась еще отрасль князей русскихъ, ничто не спасло его отъ полувѣкового забвенія. Изрѣдка только, какъ будто сквозь сонъ, говорятъ лѣтописцы, что онъ былъ страшно разоренъ, что въ немъ были ханскіе баскаки, — и потомъ онъ отъ нихъ задержался какъ бы непроницаемою завѣсою.

V. Между тѣмъ какъ Россія была повергнута татарами въ бездѣйствіе и оцпенѣніе, великій язычникъ, Гедиминъ, вывелъ на сцену тогдашней исторіи новый народъ, — народъ бѣдный и жизнью, и средствами для жизни, населявшій дикіе сосновые лѣса нынѣшней Бѣлороссіи, еще носившій звѣриную кожу вмѣсто одежды, еще боготворившій Перуна и поклонявшійся древнему огню въ нетроганныхъ топоромъ рощахъ, платившій прежде дань русскимъ князьямъ, извѣстный подъ именемъ литовцевъ. И этотъ народъ при своемъ князѣ Гедиминѣ сдѣлался самымъ виднымъ на огромномъ сѣверо-востоцѣ Европы! Тогда города, княжества и народы на западѣ Россіи были какіе-то отрывки, обрѣзки, оставшіеся за гранью татарскаго порабоженія. Они не составляли ничего цѣлаго, и потому литовскій завоеватель почти однимъ движеніемъ языческихъ войскъ своихъ, совершенно созданныхъ имъ, подвергъ своей власти весь промежутокъ между Польшей и татарской Россіей. Потомъ двинулъ онъ войска свои на югъ, во владѣнія волынскихъ князей. Весьма естественно, что успѣхъ сопровождалъ его вездѣ. Въ Луцкѣ, однакожь, князь Левъ сильно сопротивлялся, но не въ силахъ былъ отстоять земель своихъ. Гедиминъ, назначивъ своихъ старостъ и начальниковъ, шелъ далѣе на югъ, къ самому сердцу южной Россіи, къ Кіеву. Убѣжавшій луцкій князь Левъ успѣлъ кое-какъ уговорить кіевскаго князя Станислава выйти съ своими немногочисленными дружинами навстрѣчу грозному побѣдителю: дружины были усилены союзниками-татарами; но все бѣжало передъ мощнымъ литовцемъ. Гедиминъ, сильно поразивъ ихъ при рѣкѣ Ирпети, вступилъ съ торжествомъ въ Кіевъ, носившій на себѣ свѣжую печать татарскаго посѣженія, и поставилъ въ немъ правителемъ князя Миндова Ольшанскаго, принявшаго греческую вѣру. Итакъ, литовскій завоеватель у самыхъ татаръ вырвалъ почти передъ глазами ихъ находившуюся землю! Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гедиминъ былъ человекъ ума крѣпкаго, былъ политикъ, несмотря на видимую свою дикость и свое невѣжественное время. Онъ умѣлъ сохранить дружбу съ татарами, владѣя отнятыми у нихъ землями и не платя никакой дани. Этотъ дикій политикъ, не знавшій письма и поклонявшійся языческому богу, ни у одного изъ покоренныхъ имъ

народовъ не измѣнилиъ обычаевъ и древняго правленія: все оставилъ по-прежнему, подтвердилъ всѣ привилегіи и старшинамъ строго приказалъ уважать народныя права, нигдѣ даже не означилъ пути своего опустошеніемъ. Совершенная ничтожность окружавшихъ его народовъ и прочихъ историческихъ лицъ придаютъ ему какой-то исполинскій размѣръ. Онъ умеръ въ 1340 году; мертвый былъ посаженъ на коня съ своимъ оруженосцемъ, съ охотничьими собаками, соколами и сожженъ по языческому обычаю литовцевъ. Вслѣдъ за нимъ такіе же два сильные характера, Ольгердъ и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику съ присоединенными народами.

VI. И вотъ южная Россія, подъ могущественнымъ покровительствомъ литовскихъ князей, совершенно отдѣлилась отъ сѣверной. Всякая связь между ними разорвалась; составились два государства, называвшіяся одинаковымъ именемъ — Русью, одно подъ татарскимъ игомъ, другое подъ однимъ скипетромъ съ литовцами. Но уже сношеній между ними не было. Другіе законы, другіе обычаи, другая цѣль, другія связи, другіе подвиги составили на время два совершенно различные характера. Какимъ образомъ это произошло, — составляетъ цѣль нашей исторіи. Но прежде всего нужно бросить взглядъ на географическое положеніе этой страны, чтѣ непременно должно предшествовать всему, ибо отъ вида земли зависитъ образъ жизни и даже характеръ народа. Многое въ исторіи разрѣшаетъ географія.

Эта земля, получившая послѣ названіе Украины, простирающаяся на сѣверъ не далѣе 50° широты, болѣе ровна, нежели гориста. Небольшія возвышенности встрѣчаются очень часто, но ни одной гористой цѣпи. Сѣверная ея часть перемежается лѣсами, содержавшими прежде въ себѣ цѣлыя шайки медвѣдей и дикихъ кабановъ; южная вся открыта, вся изъ степей, кипѣвшихъ плодородіемъ, но только изрѣдка засѣвавшихся хлѣбомъ. Дѣвственная и могучая почва ихъ своевольно произращала безчисленное множество травъ. Эти степи кипѣли стадами сайгъ, оленей и дикихъ лошадей, бродившихъ табунами. Съ сѣвера на югъ проходитъ великій Днѣпръ, опутанный вѣтвями впадающихъ въ него рѣкъ. Правый берегъ его гористъ и представляетъ лѣнительныя и вмѣстѣ дерзкія мѣстоположенія; лѣвый — весь изъ луговъ, покрытыхъ рощами, потоплявшимися водою. Двѣнадцать пороговъ — выросшихъ изъ дна рѣки скалы — недалеко отъ впаденія его въ море, преграждаютъ теченіе и дѣлаютъ плаваніе по немъ чрезвычайно опаснымъ. Около пороговъ водился родъ дикихъ козъ — *суаки*, съ бѣлыми лоснящимися рогами, съ мягкой, атласною шерстью. Прежде воды въ Днѣпрѣ были выше, разливаясь онъ шире и далѣе потопляя луга свои. Когда воды начинаютъ опадать, тогда видъ поразителенъ: всѣ возвышенности выходятъ и кажутся безчисленными зелеными островами среди необозримаго океана воды. Въ Днѣпрѣ впадаетъ только одна судоходная рѣка, Десна, проходящая въ сѣверной Украинѣ, съ лѣсистыми берегами, почти съ обѣихъ сторонъ потопляемыми водою; но и эта рѣка только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ судоходна. Кромѣ того, на сѣверѣ Остеръ и часть Сейма, на югѣ Сула, Псель, съ цѣшью видовъ, Хороль и другія; но ни одна изъ нихъ не судоходна. Сообщенія никакого нѣтъ, произведенія не могли взаимно размѣниваться — и потому здѣсь не могъ и возникнуть торговый народъ. Всѣ рѣки развѣтвляются посерединѣ, ни одна изъ нихъ не протекала на рубежѣ и не служила естественною гранью съ сосѣдственными народами. Къ сѣверу ли съ Россіей, къ востоку ли съ кипчакскими татарами, къ югу ли съ крымскими, къ западу ли съ Польшей, — вездѣ она граничила полемъ, вездѣ равнина, со всѣхъ сторонъ открытое мѣсто. Будь хотя съ одной стороны естественная граница изъ горъ или

моря — и народъ, поселившійся здѣсь, удержалъ бы политическое бытіе свое, составилъ бы отдѣльное государство. Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошеній и набѣговъ, — мѣстомъ, гдѣ сшибались три враждующія націи, унавожена костями, утучнена кровью. Одинъ татарскій набѣздъ разрушалъ весь трудъ земледѣльца; дуга и нивы были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкія жилища сносились до основанія, обитатели разгоняемы или угоняемы въ плѣнъ вмѣстѣ съ скотомъ. Это была земля страха, и потому въ ней могъ образоваться только народъ воинственный, сильный своимъ соединеніемъ, — народъ отчаянный, котораго вся жизнь была бы повита и взлелѣяна войною. И вотъ выходцы вольные и невольные, бездомные, тѣ, которымъ нечего было терять, которымъ жизнь — копейка, которыхъ буйная воля не могла терпѣть законовъ и власти, которымъ вездѣ грозила висѣлица, расположились и выбрали самое опасное мѣсто въ виду азіатскихъ завоевателей — татаръ и турокъ. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила цѣлый народъ, набросившій свой характеръ и, можно сказать, колоритъ на всю Украину, сдѣлавшій чудо — превратившій мирныя славянскія поколѣнія въ воинственные, извѣстный подъ именемъ козаковъ, народъ, составляющій одно изъ замѣчательныхъ явленій европейской исторіи, которое, можетъ-быть, одно сдержало это опустошительное разлитіе двухъ магометанскихъ народовъ, грозившихъ поглотить Европу.

VII. Если не къ концу XIII, то къ началу XIV вѣка можно отнести появленіе козачества, къ тѣмъ вѣкамъ, когда святая, сильная ревность къ религіи еще не остыла въ Европѣ, когда почти вдругъ во всѣхъ концахъ безпрестанно образовывались братства и ордена рыцарскіе, составлявшіе странную противоположность съ тогдашнимъ разьединеніемъ, съ изумительнымъ самоотверженіемъ разрушившіе и отвергнувшіе условія обыкновенной жизни, безбрачные, суровые, неотразимые соглядатаи дѣлъ міра, желѣзные поборники вѣры Христовой. Чѣмъ слабѣе была связь тогдашнихъ государствъ, тѣмъ сильнѣе росла ужасная сила этихъ обществъ. Разлитіе магометанства и магометанскихъ новыхъ сильныхъ народовъ, уже врывавшихся въ Европу, увеличивало ихъ еще болѣе. Духъ этихъ братствъ распространился вездѣ и не между рыцарями, и не для подобныхъ предназначеній. Въ это время явился близъ пороговъ городокъ, или острогъ — Черкасы, построенный удалыми выходцами, имя котораго звучитъ обитателями Кавказа, котораго даже построеніе многіе приписываютъ имъ, и гдѣ было главное сборище и мѣсто-пробываніе козаковъ. Вначалѣ частыя нападенія татаръ на сѣверную часть Украины заставляли жителей спасаться бѣгствомъ, приставать къ козакамъ и увеличивать ихъ общество. Это было пестрое сборище самыхъ отчаянныхъ людей пограничныхъ націй. Дикій горецъ, ограбленный россиянинъ, убѣжавшій отъ деспотизма пановъ польскій холопъ, даже бѣглецъ исламизма — татаринъ, можетъ-быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днѣпра, впослѣдствіи постановившему цѣлью, подобно орденскимъ рыцарямъ, вѣчную войну съ невѣрными. Это скопище людей не имѣло никакихъ укрѣпленій, ни одного замка. Землянки, пещеры и тайники въ днѣпровскихъ утесахъ, часто подъ водою, на днѣпровскихъ островахъ, въ гущѣ степной травы, служили имъ укрытіемъ для себя и для награбленныхъ богатствъ. Гнѣздо этихъ хищниковъ было невидимо; они налетали внезапно и, схвативши добычу, возвращались назадъ. Они поворотили противъ татаръ ихъ же образъ войны — тѣ же азіатскіе набѣги. Какъ жизнь ихъ опредѣлена была на вѣчный страхъ, такъ точно, съ своей стороны, они рѣшились быть страхомъ для сосѣдей. Татары и турки

должны были всякій часъ ожидать этихъ неумолимыхъ обитателей пороговъ. Магометанскій сосѣдь не зналъ, какъ назвать этотъ ненавистный народъ. Если кто хотѣлъ къ кому выразить величайшее презрѣніе, то называлъ его козакомъ.

VIII. Большая часть этого общества состояла, однакожь, изъ первобытныхъ, коренныхъ обитателей южной Россіи. Доказательство — въ языкѣ, который, несмотря на принятіе множества татарскихъ и польскихъ словъ, имѣлъ всегда чисто-славянскую южную физиогномію, приближавшую его къ тогдашнему русскому, и въ вѣрѣ, которая всегда была греческая. Всякій имѣлъ полную волю приставать къ этому обществу, но онъ долженъ былъ непремѣнно принять греческую религію. Это общество сохраняло всѣ тѣ черты, которыми рисуютъ шайку разбойниковъ, но, бросивши взглядъ глубже, можно было увидѣть въ немъ зародышъ политическаго тѣла, основаніе характернаго народа, уже въ началѣ имѣвшаго одну главную цѣль — воевать съ невѣрными и сохранять чистоту религіи своей. Это, однакожь, не были строгіе рыцари католическіе: они не налагали на себя никакихъ обѣтовъ, никакихъ постовъ; не обуздывали себя воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти; были неукротимы, какъ ихъ днѣпровскіе пороги, и въ своихъ неистовыхъ пиршествахъ и бражничествахъ позабывали весь міръ. То же тѣсное братство, которое сохраняется въ разбойничьихъ шайкахъ, связывало ихъ между собою. Все было у нихъ общее — вино, цехины, жилища. Вѣчный страхъ, вѣчная опасность внушали имъ какое-то презрѣніе къ жизни. Козакъ больше заботился о доброй мѣрѣ вина, нежели о своей участи. Но въ нападеніяхъ видна была вся гибкость, вся смѣтливость ума, все умѣнье пользоваться обстоятельствами. Нужно было видѣть этого обитателя пороговъ въ полутатарскомъ, полупольскомъ костюмѣ, на которомъ такъ рѣзко отпечаталась пограничность земли, азіатски мчавшагося на конѣ, пропадавшаго въ густой травѣ, бросающагося съ быстротою тигра изъ непримѣтныхъ тайниковъ своихъ, или выльзавшаго внезапно изъ рѣки или болота, обвѣшаннаго тиною и грязью, казавшагося страшнѣйшимъ бѣгущему татарину. Этотъ же самый козакъ, послѣ набѣга, когда гулялъ и бражничалъ съ своими товарищами, сорилъ и разбрасывалъ награбленныя сокровища, былъ бессмысленно пьянъ и безпеченъ до новаго набѣга, если только не предупреждали ихъ татары, не разгоняли ихъ пьяныхъ и безпечныхъ и не разрывали до основанія городка ихъ, который, какъ будто чудомъ, строился вновь, и опустошительный, ужасный набѣгъ былъ отмщеніемъ. Послѣ чего снова та же безпечность, та же разгульная жизнь.

IX. Казалось, существованіе этого народа было вѣчно. Онъ никогда не уменьшался: выбившіе, убитые, потонувшіе замѣнялись новыми. Такая разгульная жизнь приманивала всякаго. Тогда было то поэтическое время, когда все добывалось саблею, когда каждый, въ свою очередь, стремился быть дѣйствующимъ лицомъ, а не зрителемъ. Это скопленіе мало-по-малу получило совершенно одинъ общій характеръ и національность, и, чѣмъ ближе къ концу XV вѣка, тѣмъ болѣе увеличивалось приходившими вновь. Наконецъ, цѣлыя деревни и села начали поселяться съ домами и семействами около этого грознаго оплота, чтобы пользоваться его защитой, съ условіемъ за то нѣкоторыхъ повинностей. И такимъ образомъ мѣста около Кіева начали пустѣть, а между тѣмъ по ту сторону Днѣпра люднѣли. Семейные и женатые мало-по-малу отъ обращенія и сношенія съ ними получали тотъ же воинственный характеръ. Сабля и плугъ сдружились между собою и были у всякаго селянина. Между тѣмъ, разгульные холостяки, вмѣстѣ съ червонцами, цехинами и

лошадьми, стали похищать татарскихъ женъ и дочерей и жениться на нихъ. Отъ этого смѣшенія черты лица ихъ, вначалѣ разнохарактерныя, получили одну общую физиогномію, болѣе азіатскую. И вотъ составился народъ, по вѣрѣ и мѣсту жительства принадлежавшій Европѣ, но, между тѣмъ, по образу жизни, обычаямъ, костюму, совершенно азіатскій, — народъ, въ которомъ такъ странно столкнулись двѣ противоположныя части свѣта, двѣ разнохарактерныя стихіи: европейская осторожность и азіатская безпечность, простодушіе и хитрость, сильная дѣятельность и величайшая лѣнь и нѣга, стремленіе къ развитію и усовершенствованію — и между тѣмъ желаніе казаться пренебрегающими всякое совершенствованіе.

1832.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПУШКИНѢ.

При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ-быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человекъ въ конечномъ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ-быть, явится чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому иногда, позабывшись, стремится русскій, и которое всегда нравится свѣжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. — Судьба, какъ нарочно, забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью, гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи перерывается подоблачными горами и обвѣвается югомъ. Исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ, среди знойныхъ долинъ, поразилъ его; онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тяготѣли на свободныхъ мысляхъ. Его плѣнила вольная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые, неотразимые набѣги; и съ этихъ поръ кисть его приобрѣла тотъ широкій размахъ, ту быстроту и смѣлость, которая такъ дивила и поражала только-что начинающую читать Россію. Рисуетъ ли онъ боевую схватку чеченца съ козакомъ — слогъ его молнія; онъ такъ же блещетъ, какъ сверкающія сабли, и летитъ быстрѣе самой битвы. Онъ одинъ только пѣвецъ Кавказа: онъ влюбленъ въ него всею душою и чувствами; онъ проникнуть и напитанъ его чудными окрестностями, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣпными крымскими ночами и садами. Можетъ-быть, оттого и въ своихъ твореніяхъ онъ жарче и пламеннѣе тамъ, гдѣ душа его коснулась юга. На нихъ онъ невольно означилъ всю силу свою, и оттого произведенія его, напитанныя Кавказомъ, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имѣли чудную, магическую силу: имъ изумлялись даже тѣ, которые не имѣли столько вкуса и развитія душевныхъ способностей, чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое болѣе всего доступно, сильнѣе и просторнѣе раздвигаетъ душу, а особенно юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновеннаго. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ; ничья слава не распространялась такъ быстро. Всѣ кстати и некстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ. Его имя уже имѣло въ себѣ что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь

изъ досужихъ марателей выставить его на своемъ твореніи, уже оно расходилось повсюду ¹⁾).

Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами. Если должно сказать о тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность Пушкина, отличающую его отъ другихъ поэтовъ, то они заключаются въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Его эпитетъ такъ отчетливъ и смѣлъ, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая піеса всегда стѣбитъ цѣлой поэмы. Врядъ ли о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой піесѣ вмѣщалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ то время, когда Кавказъ скрылся отъ него со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и державно-возносящеюся изъ-за облаковъ вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предался глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захотѣлъ быть вполнѣ національнымъ поэтомъ, — эти поэмы уже не всѣхъ поразили тою яркостью и ослѣпительной смѣлостью, какими дышитъ у него все, гдѣ ни являются Эльбрусъ, горы, Крымъ и Грузія.

Явленіе это, кажется, не такъ трудно разрѣшить. Будучи поражены смѣлостью его кисти и волшебствомъ картинъ, всѣ читатели его, и образованные и необразованные, требовали наперерывъ, чтобы отечественныя и историческія происшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣ исполненный страстей быть русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: «Изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были». Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: «Это вяло, это слабо, это не хорошо, это нисколько не похоже на то, что было». Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ! Русская исторія только со времени послѣдняго ея направленія при императорахъ приобретаетъ яркую живость; до того характеръ народа большею частію былъ безцвѣтенъ, разнообразіе страстей ему мало было извѣстно. Поэтъ не виноватъ; но и въ народѣ тоже весьма извинительное чувство придать большій размѣръ дѣламъ своихъ предковъ. Поэту оставалось два средства: или натянуть, сколько можно выше, свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара, тогда толпа почитателей, толпа народа —

¹⁾ Подъ именемъ Пушкина разсѣивалось множество самыхъ нелѣпыхъ стиховъ. Это обыкновенная участь таланта, пользующагося сильною извѣстностью. — Это вначалѣ смѣшить, но послѣ бываетъ досадно, когда, наконецъ, выходишь изъ молодости и видишь эти глупости не преращающимися. Такимъ образомъ, начали, наконецъ, Пушкину приписывать: „Лѣкарство отъ холеры“, „Первую ночь“ и тому подобныя.

на его сторонѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и деньги; или быть вѣрну одной истинѣ: быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно-рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. Но въ этомъ случаѣ, прощай толпа! ея не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, уже такъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвести всеобщаго энтузіазма. Перваго средства не избралъ поэтъ, потому что хотѣлъ остаться поэтомъ, и потому что у всякаго, кто только чувствуетъ въ себѣ искру святаго призванія, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талантъ такимъ средствомъ. Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный, какъ воля, самъ себѣ и судья и господинъ, гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельѣ, или выжегъ цѣлую деревню, однакоже, онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выравокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ. — Но тотъ и другой, они оба — явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по весьма естественной причинѣ то, что мы рѣже видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кромѣ неரசчетъ поэта — неரசчетъ передъ его многочисленною публикою, а не предъ собою: онъ ничуть не теряетъ своего достоинства, даже, можетъ-быть, еще болѣе пріобрѣтаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ цѣнителей. Мнѣ пришло на память одно происшествіе изъ моего дѣтства. Я всегда чувствовалъ въ себѣ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: «Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, хорошо растущее, а не сухое». Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпѣ. Сочиненія Пушкина, гдѣ дышитъ у него русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понять тотъ, чья душа носитъ въ себѣ чисто-русскіе элементы, кому Россія родина, чья душа такъ нѣжно организована и развилась въ чувствахъ, что способна понять неблестящія съ виду русскія пѣсни и русскій духъ; потому что чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и, чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина. По справедливости ли оцѣнены послѣднія его поэмы? Опредѣлялъ ли, понималъ ли кто «Бориса Годунова», это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней, неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, нестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа? По крайней мѣрѣ, печатно нигдѣ не произнеслась имъ вѣрная оцѣнка, и они остались дониндѣ нетронуты.

Въ мелкихъ своихъ сочиненіяхъ, этой прелестной антологіи, Пушкинъ разностороненъ необыкновенно и является еще обширнѣе, виднѣе, нежели въ поэмахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ сочиненій такъ рѣзко-ослѣпительны, что ихъ способенъ понимать всякій, но зато большая часть изъ нихъ, и притомъ самыхъ лучшихъ, кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы быть доступну понимать ихъ, нужно имѣть слишкомъ

тонкое обоняніе, нуженъ вкусъ выше того, который можетъ понимать только однѣ слишкомъ рѣзкія и крупныя черты. Для этого нужно быть въ нѣкоторомъ отношеніи сибаритомъ, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ѣсть птичку не болѣе наперстка и услаждается такимъ блюдомъ, котораго вкусъ кажется совсѣмъ неопредѣленнымъ, страннымъ, безъ всякой пріятности привывшему глотать издѣлія крѣпостного повара въ грязномъ фартукѣ, нюхающаго табакъ во время своей стряпни и съ малиновымъ носомъ. Это собраніе его мелкихъ стихотвореній — рядъ самыхъ ослѣпительныхъ картинъ. Это тотъ ясный міръ, который такъ дышитъ чертами, знакомыми однимъ древнимъ, въ которомъ природа выражается такъ же живо, какъ въ струѣ какой-нибудь серебряной рѣки, въ которомъ быстро и ярко мелькаютъ ослѣпительныя плечи или бѣлыя руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темныхъ кудрей, или прозрачныя гроздія винограда, или мирты и древесная сѣнь, созданная для жизни. Тутъ все: и наслажденіе, и простота, и мгновенная высотность мысли, вдругъ объемлющая священнымъ холодомъ вдохновенія читателя. Здѣсь нѣтъ этого каскада краснорѣчія, увлекающаго только многословіемъ, въ которомъ каждая фраза потому только сильна, что соединяется съ другими и оглушаетъ паденіемъ всей массы, но если отдѣлить ее, она становится слабою и безсильною. Здѣсь нѣтъ краснорѣчія, здѣсь одна поэзія: никакого наружнаго блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутренняго блеска, который раскрывается не вдругъ; все лаконизмъ, какимъ всегда бываетъ чистая поэзія. Словъ немного, но они такъ точны, что обозначаютъ все. Въ каждомъ словѣ бездна пространства; каждое слово обязательно, какъ поэтъ. Отсюда происходитъ то, что эти мелкія сочиненія перечитываешь нѣсколько разъ, тогда какъ достоинства этого не имѣетъ сочиненіе, въ которомъ слишкомъ просвѣчиваетъ одна главная идея.

Мнѣ всегда было странно слышать сужденія объ нихъ многихъ, слывавшихъ знатоками и литераторами, которымъ я болѣе довѣрялъ, пока мѣсть еще не слышалъ ихъ толковъ объ этомъ предметѣ. Эти мелкія сочиненія можно назвать пробнымъ камнемъ, на которомъ можно испытывать вкусъ и эстетическое чувство разбирающаго ихъ критика. Непостижимое дѣло! Кажется, какъ бы имъ не быть доступными всѣмъ! Они такъ просто-возвышенны, такъ ярки, такъ пламенны, такъ сладострастны и, вмѣстѣ, такъ дѣтски чисты. Какъ бы не понимать ихъ! Но, увы, это неотразимая истина: что чѣмъ болѣе поэтъ становится поэтомъ, чѣмъ болѣе изображаетъ онъ чувства, знакомыя однимъ поэтамъ, тѣмъ замѣтнѣй уменьшается кругъ обступившей его толпы, и, наконецъ, такъ становится тѣсенъ, что онъ можетъ перечестъ по пальцамъ всѣхъ своихъ истинныхъ цѣнителей.

ОБЪ АРХИТЕКТУРЪ НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕНИ.

Мнѣ всегда становится грустно, когда я гляжу на новыя зданія, безпрерывно строящіяся, на которыя брошены милліоны, и изъ которыхъ рѣдкія останавливаютъ изумленный глазъ величествомъ рисунка или своевольной дерзостью воображенія, или даже роскошью и ослѣпительною пестротой украшеній. Невольно втѣсняется мысль: неужели прошелъ невозвратно вѣкъ архитектуры? неужели величіе и гениальность больше не посѣтятъ насъ? или они — принадлежность народовъ юныхъ, полныхъ одного энтузіазма и энергии и чуждыхъ усыпляющей, безстрастной образованности? Отчего же тѣ народы, передъ которыми мы такъ самодовольно гордимся, которымъ едва даемъ мѣсто въ исторіи міра, — отчего же они такъ возвышаются передъ нами созданіями своего темнаго, не освѣщеннаго дробью познаній ума? Отчего же колоссальныя памятники индусовъ такъ величавы и неизмѣримы, отчего арабскіе такъ роскошны и очаровательны? отчего у насъ въ Европѣ въ средніе вѣка такъ много воздвиглось ихъ въ изумительномъ величіи?

Не хотѣлось бы убѣдиться въ этой грустной мысли, но все говоритъ, что она истинна. Они прошли — тѣ вѣка, когда вѣра, пламенная, жаркая вѣра, устремляла всѣ мысли, всѣ умы, всѣ дѣйствія къ одному, когда художникъ выше и выше стремился вознести созданіе свое къ небу, къ нему одному рвался и предъ нимъ, почти въ виду его, благоговѣнно подымалъ молящуюся свою руку. Зданіе его летѣло къ небу; узкія окна, столпы, своды тянулись нескончаемо въ вышину; прозрачный, почти кружевной шпигъ, какъ дымъ, сквозилъ надъ ними, и величественный храмъ такъ бывалъ великъ передъ обыкновенными жилищами людей, какъ велики требованія души нашей передъ требованіями тѣла.

Была архитектура необыкновенная, христіанская, національная для Европы — и мы ее оставили, забыли, какъ будто чужую; пренебрегли, какъ неуклюжую и варварскую. Не удивительно ли, что три вѣка протекло, и Европа, которая жадно бросалась на все, алчно перенимала все чужое, удивлялась чудесамъ древнимъ, римскимъ и византійскимъ, или уродовала ихъ по своимъ формамъ, — Европа не знала, что среди ея находятся чуда, передъ которыми было ничто все ею видѣнное, что въ нѣдрѣ ея находятся миланскій и кѣльнскій соборы, и еще донынѣ чертятъ кирпичи недоконченной башни страбургскаго мюнстера.

Готическая архитектура, та готическая архитектура, которая образовалась передъ окончаніемъ среднихъ вѣковъ, есть явленіе такое, какого еще никогда не производилъ вкусъ и воображеніе человѣка. Ее напрасно производить отъ арабской: идеи этихъ двухъ родовъ совершенно расходятся; изъ арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массѣ зданія роскошь украшеній и легкость, но самая эта роскошь украшеній вылилась у ней совершенно въ другую форму. Она обширна и возвышенна,

какъ христіанство. Въ ней все соединено вмѣстѣ: этотъ стройно и высоко возносящійся надъ головою лѣсъ сводовъ, окна огромныя, узкія, съ безчисленными измѣненіями и переплетами, присоединеніе къ этой ужасающей колоссальности массы самыхъ мелкихъ, пестрыхъ украшеній; эта легкая паутина рѣзбы, опутывающая его своею сѣтью, обвивающая его отъ подножія до конца шпица и улетающая вмѣстѣ съ нимъ на небо; величіе и вмѣстѣ красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такія достоинства, которыхъ никогда, кромѣ этого времени, не вмѣщала въ себѣ архитектура. Вступая въ священный мракъ этого храма, сквозь который фантастически глядятъ разноцвѣтныя стекла длинныхъ оконъ, поднявши глаза кверху, гдѣ теряются, пересѣкаясь, стрѣльчатые своды одинъ надъ другимъ, одинъ надъ другимъ, и имѣя конца нѣтъ, — весьма естественно ощутить въ душѣ невольный ужасъ присутствія святыни, которой не смѣть и коснуться дерзновенный умъ человѣка.

Но она исчезла, эта прекрасная архитектура! Какъ только энтузіазмъ среднихъ вѣковъ угасъ, и мысль человѣка раздробилась и устремилась на множество разныхъ цѣлей, какъ только единство и цѣлостъ одного исчезли, — вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и величіе. Силы его, раздробившись, сдѣлались малыми: онѣ произвелъ вдругъ во всѣхъ родахъ множество удивительныхъ вещей, но истинно великаго, исполинскаго уже не было. Византійцы, убѣжавши изъ своей развратной столицы, занятой мусульманами, перепортили вкусъ европейцевъ и колоссальную ихъ архитектуру. Византійцы давно уже не имѣли древняго аттическаго вкуса; они уже не имѣли и первоначальнаго византійскаго и принесли только испорченные остатки его. Они языческія, круглыя, плѣнительныя, сладострастныя формы куполовъ и колоннъ тщились примѣнить къ христіанству, и примѣнили такъ же неудачно, какъ неудачно привили христіанство къ своей языческой жизни, дряхлой, лишенной свѣжести. Куполь вытянулся вверху и сдѣлался почти угловатымъ; стройныя линіи, фронтоны какъ-то странно изломались и произвели ничтожныя формы. Въ такомъ видѣ получили эту архитектуру европейцы, которые, съ своей стороны, измѣнили ее еще болѣе, потому что въ душѣ своей еще носили первоначальный образъ готическій и мысль, совершенно противоположную разслабленной многосторонности грековъ. Тогда произошли тяжелые дворцы съ колоннами, полуколоннами безъ всякой цѣли. Все это было робко, мелко. Это была не роскошь, но искаженность простоты. Множество мѣологическихъ головъ и украшеній безъ смысла, облѣпивъ тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крѣпкихъ чертъ ея нѣжными и не выразили никакой идеи. Стремленіе въ высоту, сообщавшее величіе и легкость самымъ тяжелымъ массамъ, исчезло; вмѣсто того онѣ развѣхались въ ширину.

Но церкви, строеныя въ XVII и началѣ XVIII вѣка, еще менѣе выражаютъ идею своего назначенія. Глядя на нихъ, кажется, чувствуешь то же, какъ если бы человѣкъ грубый началъ поддѣлываться подъ свѣтскую утонченность. Въ нихъ прямая линія безъ всякаго условія вкуса соединялась съ выгнутою и кривою; при полуготической формѣ всей массы, они ничего не имѣютъ въ себѣ готическаго; окна мелкія, сбитыя въ кучу, или раскиданныя безъ всякой гармоніи, пилястры, не тянувшіяся во всю длину зданія, но приклеенныя иногда вверху, подъ куполомъ, иногда на серединѣ, коротенькіе, неуклюжіе, сверху которыхъ часто находится другой этажъ такихъ же колоннъ, маленькихъ, некрасивыхъ; крыша изъ ломаныхъ линій; при этомъ часто удерживался и готическій шпицъ, но уже не тотъ легкій и прозрачный, который подъ рукою художника среднихъ вѣковъ принималъ такую

воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летѣлъ къ небу. Все, что только отъивалось высокими, устремленными вверху готическими деталями, было оставлено, какъ безвкусное.

Хотя въ продолженіе XVIII вѣка вкусъ нѣсколько улучшился, но изъ этого не выиграли мы ровно ничего: онъ улучшился въ веригахъ чужихъ формъ. Тяжесть готическая была справедливо изгнана совершенно, потому что она въ греческой формѣ была уже до невозможности безобразна. Тогда еще съ большимъ рвеніемъ стали изучать древнія формы, но изучали такъ, какъ робкіе ученики, копирующіе съ точностью мелочныя подробности оригинала и позабывающіе объ идеѣ цѣлаго. Брали части и съ необыкновеннымъ излишествомъ лѣпили въ огромную массу, показавшую еще никогда дотогѣ небывалое разъединеніе въ цѣломъ. Колонны и куполь, больше всего прельстившіе насъ, начали приставлять къ зданію безъ всякой мысли и во всякомъ мѣстѣ: они уже не были главною идеею строенія, а только частями, или, лучше, украшеніями его. Размѣръ самаго строенія мы увеличили гораздо болѣе, а размѣръ купола въ отношеніи къ строенію уменьшили. Мы не посмотрѣли въ увеличительное стекло на строеніе, которое избрали моделью, не взглянули на него, отошедши на извѣстное разстояніе, но смотрѣли вблизи. Куполь сдѣлался ничтожнымъ, малымъ. Видя его пустынную и одиночество на верху зданія, прибавили къ нему нѣсколько другихъ, возвысили для этого надъ ними башни — и купола стали походить на грибы. И куполь, это лучшее, прелестнѣйшее твореніе вкуса, сладострастный, воздушно-выпуклый, который долженъ былъ обнять все строеніе и роскошно отдыхать на всей его массѣ бѣлою, облачною своей поверхностью, исчезъ совершенно. Я люблю куполь, тотъ прекрасный, огромный, легко-выпуклый куполь, который возродилъ роскошный вкусъ грековъ въ александрійскій вѣкъ и позже, въ вѣкъ наслажденій и эгоизма, вѣкъ утонченнаго раздробленія жизни, вѣкъ антологіи, легкой, душистой, дышащей сладострастіемъ, лѣтностью и роскошью, когда каждый принадлежалъ себѣ, жилъ для себя, а не для общества, когда на великолѣпныхъ, роскошныхъ баняхъ, вездѣ былъ виденъ этотъ смѣло-выпуклый, какъ небесный сводъ, куполь. Ничто не можетъ такъ сладострастно, такъ лѣпительно украсить массу домовъ, какъ такой куполь. Но для этого онъ долженъ быть помѣщенъ только на томъ зданіи, которое неизмѣримо своею шириною и какъ можно болѣе захватываетъ пространства; онъ долженъ лечь на всей обширной его платформѣ; онъ долженъ быть свѣтлѣе самого зданія, и лучше, если онъ весь бѣлый. Ослѣпительная бѣлизна сообщаетъ неизъяснимую очаровательность и полноту его легко-выпуклой формѣ, — онъ тогда лучше, роскошнѣе и облачнѣе круглится на небѣ. И доннынъ города сирійскіе и антиохійскіе имѣютъ необыкновенную прелесть черезъ то, что удержали нѣкоторое подобіе этихъ куполовъ; и доннынъ на Востокъ можно встрѣтить ихъ въ величавомъ и огромномъ видѣ.

Портикъ съ колоннами, это ясное произведеніе аттическаго стройнаго вкуса, который не терпѣлъ надъ собою никакихъ надстроекъ, у насъ тоже пропалъ: ему не догадались дать колоссальнаго размѣра, раздвинуть во всю ширину зданія, возвысить во всю вышину его. Его не развили, не увеличили, но стали употреблять въ обыкновенномъ видѣ. Удивительно ли, что зданія, которыя требовались огромныя, казались пусты, потому что фронтоны съ колоннами лѣпились только надъ крыльцами ихъ. Громоздимиыя надъ ними въ церквахъ, дворцахъ башни и массы, вовсе ему не отвѣчавшія, подавили и уничтожили его совершенно. Такимъ самымъ образомъ поэтъ, не имѣющій обширнаго генія, всегда недоволенъ однимъ простымъ сюжетомъ и, вмѣсто

того, чтобы развить его и сдѣлать огромнымъ, онъ привязываетъ къ нему множество другихъ; его поэма обременяется пестротой разныхъ предметовъ, но не имѣетъ одной господствующей мысли и не выражаетъ одного цѣлаго.

Въ началѣ XIX столѣтія вдругъ распространилась мысль объ антической простотѣ и такъ же, какъ обыкновенно бываетъ, обратилась въ моду и отразилась вдругъ на всемъ, начиная съ дамскихъ костюмовъ, преобразовавшихся въ небрежное, легкое одѣяніе гетеръ. Казалось, еще ближе присмотрѣлись къ древнимъ, еще глубже изучали ихъ духъ; но все, что ни строили по ихъ образцу, все носило отпечатокъ мелкости и миниатюрности: узнали искусство болѣе связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величіе всему цѣлому и опредѣлить ему размѣръ, способный вызвать изумленіе. Это новое стремленіе рѣшительно было издержано на мелочныя безсѣдки, павильоны въ садахъ и подобныя небольшія игрушки. Онѣ носили къ себѣ много антическаго, но ихъ нужно было разсматривать въ микроскопъ. Въ огромныхъ же публичныхъ зданіяхъ не считали за нужное ими руководствоваться; онѣ сдѣлались, наконецъ, просты до плоскости. Самое вредное направленіе архитектурѣ внушила мысль о соразмѣрности, не о той соразмѣрности, которая должна быть въ строеніи въ отношеніи къ нему самому, но просто о соразмѣрности въ отношеніи къ окружающимъ его зданіямъ. Это все равно, если бы гений сталъ удерживаться отъ оригинальнаго и необыкновеннаго, потому только, что передъ нимъ будутъ слишкомъ уже низки и ничтожны обыкновенные люди. Эта соразмѣрность состояла еще въ томъ, чтобы строеніе, какъ бы велико ни было въ своемъ объемѣ, но непременно чтобы казалось малымъ. Его стали уединять и помѣщать на такой огромной и обширной площади, что оно казалось еще болѣе ничтожнымъ. Какъ будто бы старались нарочно внушить мысль, что великое совсѣмъ не велико; какъ будто бы насильно старались истребить въ душѣ благоговѣніе и сдѣлать челоука равнодушнымъ ко всему.

Всѣмъ строеніямъ городскимъ стали давать совершенно плоскую, простую форму. Дома старались дѣлать какъ можно болѣе похожими одинъ на другого; но они болѣе были похожими на сарай и казармы, нежели на веселыя жилища людей. Совершенно гладкая ихъ форма ничуть не принимала живости отъ маленькихъ правильныхъ оконъ, которыя въ отношеніи ко всему строенію были похожи на зажмуренные глаза. И атому архитектурой мы еще недавно тщеславились, какъ совершенствомъ вкуса, и настроили цѣлые города въ ея духъ! Осмѣлился бы кто-нибудь даже теперь, среди этой гладко-однообразной гучи, воздвигнуть зданіе, носившее бы на себѣ печать особенной, рѣзкой архитектуры, осмѣлился бы кто-нибудь возлѣ строенія въ антическомъ вкусѣ непосредственно воздвигнуть готическое, — его бы сочли едва ли не сумасшедшимъ! Оттого новые города не имѣютъ никакого вида: они такъ правильны, такъ гладки, такъ монотонны, что, прошедши одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься отъ желанія заглянуть въ другую. Это рядъ стѣнъ, и больше ничего. Напрасно ищешь взглядъ, чтобы одна изъ этихъ безпрерывныхъ стѣнъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ вдругъ возросла и выбросилась на воздухъ смѣлымъ передомленнымъ сводомъ или изверглась какою-нибудь башней-гигантомъ. Старинный германскій городокъ съ узенькими улицами, съ пестрыми домиками и высокими колокольнями имѣетъ видъ несравненно болѣе говорящій нашему воображенію. Даже видъ какого-нибудь восточнаго города, съ высокими, тонкими минаретами, съ восточными пестрыми куполами, потонувшими въ садахъ, имѣетъ болѣе характера, болѣе дышитъ

поэзіей и воображеніемъ, нежели наши европейскіе города позднѣйшей архитектуры.

Башни огромныя, колоссальныя необходимы въ городѣ, не говоря уже о важности ихъ назначенія для христіанскихъ церквей. Кромѣ того, что онѣ составляютъ видъ и украшеніе, онѣ нужны для сообщенія городу рѣзкихъ примѣтъ, чтобы служить маякомъ, указывавшимъ бы путь всякому, не допускающая сбиться съ пути. Онѣ еще болѣе нужны въ столицахъ для наблюденія надъ окрестностями. У насъ обыкновенно ограничиваются высотой, дающею возможность обглядѣть одинъ только городъ, между тѣмъ какъ для столицы необходимо видѣть, по крайней мѣрѣ, на полтораста верстѣ во всѣ стороны, и для этого, можетъ-быть, одинъ только или два этажа лишнхъ — и все измѣняется. Объемъ кругозора по мѣрѣ возвышенія распространяется необыкновенною прогрессіей. Столица получаетъ существенную выгоду, обозрѣвая провинціи и заранѣе предвидя все; зданіе, сдѣлавшись немного выше обыкновеннаго, уже пріобрѣтаетъ величіе; художникъ выигрываетъ, будучи болѣе настроенъ колоссальностію зданія къ вдохновенію и сильнѣе чувствуя въ себѣ напряженіе.

Это направленіе архитектуры старалось, какъ будто нарочно, скрывать свое величіе, вмѣсто того, чтобы какъ можно болѣе выказывать его пространство. Нѣтъ, не таковъ законъ великаго: строеніе должно неизмѣримо возвышаться почти надъ головою зрителя, чтобы онъ сталъ, пораженный внезапнымъ удавленіемъ, едва будучи въ состояніи окинуть глазами его вершину. И потому строеніе всегда лучше, если стоитъ на тѣсной площади. Къ нему можетъ идти улица, показывающая его въ перспективѣ, издали, но оно должно имѣть поражающее величіе вблизи. Чтобы дорога проходила мимо его! Чтобы кареты гремѣли у самаго его подножія. Чтобы люди лѣпились подъ нимъ и своею малостью увеличивали его величіе! Дайте человѣку большое разстояніе — и онъ уже будетъ глядѣть выше, гордо, на находящіяся предъ нимъ предметы; ему покажется все малымъ. Мы такъ непостижимо устроены, наши нервы такъ странно связаны, что только внезапное, оглушающее съ перваго взгляда, производитъ на насъ потрясеніе. И потому вышину строенія подымайте въ соразмѣрности съ площадью, на которой оно стоитъ. Если оно съ послѣдняго края площади кажется малымъ, и зритель не ощущаетъ изумленія, но долженъ для этого близко подходить къ нему, то зданіе пропало, а вмѣстѣ съ нимъ пропали труды и издержки, употребленные на сооруженіе его.

Но возвращаюсь къ простотѣ архитектуры, которая заразила нашъ XIX вѣкъ. Сами греки чувствовали, что однѣ прямыя линіи и совершенная простота строеній будутъ казаться уже черезчуръ плоскими, особливо если множество такого рода строеній соединятся вмѣстѣ. Они чувствовали, что строгая правильность и гладкость строеній должна непременно имѣть возлѣ себя какую-нибудь противоположность, чтобы быть болѣе оригинальною и замѣтною, и потому простирали надъ ними навѣсъ древесный. Близина прямолинейной стѣны или стройнаго съ колоннами фронтона, выказываясь изъ-за темной гущи зелени, дѣйствительно хороша, потому что составляетъ контрастъ съ облачнымъ расположеніемъ дерева, почти всегда неправильно, но красиво раскидывающаго свои вѣтви. Какъ только зданіе ихъ окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту его и старались придать сколько можно болѣе игры. Мысль о деревѣ и о природѣ прежде всего приходила имъ въ голову. Но въ городѣ дерево — драгоценность: тогда они чаще начали употреблять не гладкія дорическія колонны, но

большую частію коринскія съ капителю изъ завитыхъ листьевъ. Вообще убирать строенія листьями, вьющимися гроздіями винограда, или украшеніями, носящими неясный образъ вѣтвей дерева, было инстинктомъ у всѣхъ народовъ. Они невольно, слѣпо слѣдовали тайному внушенію своего вкуса. Въ готической архитектурѣ болѣе всего замѣтенъ отпечатокъ, хотя неясный, тѣсно сплетеннаго лѣса, мрачнаго, величественнаго, гдѣ топоръ не звучалъ отъ вѣка. Эти стремящіяся нескончаемыми линіями украшенія и сѣти свозной рѣзбы не что другое, какъ темное воспоминаніе о стволахъ, вѣтвяхъ и листьяхъ древесныхъ. И потому смѣло возлѣ готическаго строенія ставьте греческое, исполненное стройности и простоты: оно будетъ стоять между ними, какъ между величественными, прекрасными деревьями. И готическое и греческое получатъ отъ этого двойную прелесть. Истинный эффектъ заключенъ въ рѣзкой противоположности; красота никогда не бываетъ такъ ярка и видна, какъ въ контрастѣ. Контрастъ тогда только бываетъ дуренъ, когда располагается грубымъ вкусомъ или, лучше сказать, совершеннымъ отсутствіемъ вкуса, но, находясь во власти тонкаго, высокаго вкуса, онъ первое условіе всего и дѣйствуетъ ровно на всѣхъ. Разныя части его гармонируютъ между собою по тѣмъ же законамъ, по которымъ цвѣтъ палевый гармонируетъ съ синимъ, бѣлый съ голубымъ, розовый съ зеленымъ, и такъ дажѣ. — Все зависить отъ вкуса и отъ умѣнія расположить. Не мѣшайте только въ одномъ зданіи множества разныхъ вкусовъ и родовъ архитектуры. Пусть каждый носитъ въ себѣ что-то цѣлое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными, въ отношеніи ихъ другъ къ другу, будетъ рѣзка и сильна. Чѣмъ болѣе въ городѣ памятниковъ разныхъ родовъ зодчества, тѣмъ онъ интереснѣе, тѣмъ чаще заставляетъ осматривать себя, останавливаться съ наслажденіемъ на каждомъ шагу. Неужели было бы хорошо, если бы въ англійскомъ саду, вмѣсто непрерывныхъ, неожиданныхъ видовъ, гуляющій находилъ ту же самую дорожку или, по крайней мѣрѣ, такъ похожую своими окрестностями на видѣнную имъ прежде, что она кажется давно извѣстною?

Терпимость намъ нужна; безъ нея ничего не будетъ для художества. Всѣ роды хороши, когда они хороши въ своемъ родѣ. Какая бы ни была архитектура — гладкая, массивная египетская, огромная ли, пестрая индусовъ, роскошная ли мавровъ, вдохновенная ли и мрачная готическая, граціозная ли греческая — всѣ онѣ хороши, когда приспособлены къ назначенію строенія; всѣ онѣ будутъ величественны, когда только истинно достигнуты.

Если бы, однакожь, потребовалось отдать рѣшительное преимущество которой-нибудь изъ этихъ архитектуръ, то я всегда отдамъ его готической. Она чисто-европейская, созданіе европейскаго духа, и потому болѣе всего прилична намъ. Чудное ея величіе и красота превосходить всѣ другія. Но изъ милости, изъ состраданія не ломайте, не коверкайте ея! Глядите чаще на знаменитый кельнскій соборъ — тамъ все ея совершенство и величіе. Лучшаго памятника никогда не производили ни древніе, ни новые вѣки. Я предпочитаю потому еще готическую архитектуру, что она болѣе даетъ разгула художнику. Воображеніе живѣе и пламеннѣе стремится въ высоту, нежели въ ширину; и потому готическую архитектуру нужно употреблять только въ церквахъ и строеніяхъ, высоко возносящихся. Линіи и безкарнизныя готическія пилястры, узко одна отъ другой, должны летѣть черезъ все строеніе. Горе, если онѣ отстоятъ далеко другъ отъ друга, если строеніе не перевысило, по крайней мѣрѣ, вдвое своей ширины, если не втрое! Оно тогда уничтожилось само въ себѣ. Возносите его такимъ, какимъ оно быть должно: чтобы выше, выше,

сколько можно выше, поднимались его стѣны, чтобы гуще, какъ стрѣлы, какъ тополи, какъ сосны, окружали ихъ безчисленные угольные столбы! Никакого перерѣза, или перелома, или карниза, даваго бы другое направленіе или уменьшившаго бы размѣръ строенія! Чтобы они были ровны отъ основанія до самой вершины! Огромнѣе окна, разнообразнѣе ихъ форму, колоссальнѣе ихъ высоту! Воздушнѣе, легче шпицы! Чтобы все, чѣмъ болѣе подымалось кверху, тѣмъ болѣе бы летѣло и свозило. И помните самое главное: никакого сравненія высоты съ шириною. Слово ширина должно исчезнуть. Здѣсь одна законодательная идея — высота.

Я увѣренъ, что нѣкоторые будутъ утверждать, что постройка зданія слишкомъ высокаго бесполезна, потому что намъ нужно больше мѣста, что высота ни къ чему не служить и даромъ истрачиваетъ матеріалы. Но я вовсе не совѣтую этотъ готическій образъ строеній употреблять на театры, на биржи, на какіе-нибудь комитеты и вообще на зданія, назначаемыя для собраний веселящагося, или торгующаго, или работающаго народа. Со мною согласится всякій, что нѣтъ величественнѣе, возвышеннѣе и приличнѣе архитектуры для зданія христіанскому Богу, какъ готическая. И что же должны мы тогда уничтожить, чего лишиться? — Величественнаго, колоссальнаго, при взглядѣ на которое мысли устремляются къ одному и отрываютъ молещика отъ низкой его хижины. Весьма не мѣшаетъ вспомнить великую старую истину, что народъ не въ силахъ понять религіи въ такой же самой чистотѣ и безгѣлесности, какъ получившіе высшее образованіе; что на него болѣе всего производятъ впечатлѣніе видимые предметы; что чѣмъ меньше этотъ видимый предметъ на него дѣйствуетъ, тѣмъ слабѣе его энтузіазмъ и простая вѣра. Великолѣпіе повергаетъ простолюдина въ какое-то онѣмѣніе, и оно-то единственная пружина, двигающая дикимъ человѣкомъ. Необыкновенное поражаетъ всякаго, но тогда только, когда оно смѣло, рѣзко и разомъ бросается въ глаза. Здѣсь уже прочь всякое свряжничество и расчетъ! Въ противномъ случаѣ этотъ расчетъ будетъ не расчетъ, и выгода, возникшая изъ него, будетъ выгода одного человѣка передъ выгодою цѣлага человѣчества.

Вальтеръ - Скоттъ первый отряхнулъ пылъ съ готической архитектуры и показалъ свѣту все ея достоинство. Съ того времени она быстро распространилась. Въ Англіи всѣ новыя церкви строятъ въ готическомъ вкусѣ. Онѣ очень милы, очень пріятны для глазъ, но, увы, истиннаго величія, дышащаго въ великихъ зданіяхъ старины, въ нихъ нѣтъ. Онѣ, несмотря на стрѣлчатыя окна и шпицы, не сохраняютъ въ цѣломъ истинно-готическаго вкуса и угодили отъ образцовъ. Во-первыхъ, онѣ сами по себѣ вовсе не огромны (великій недостатокъ готическаго строенія); во-вторыхъ, весь этотъ лѣсъ четырехгранныхъ тонкихъ столбовъ и ливій, союзна стремящихся чрезъ все строеніе, позабытъ или отвергнутъ вовсе, оставшаяся чрезъ это гладкость нечувствительно даетъ имъ совершенно другое выраженіе.

Могущественнымъ словомъ Вальтеръ - Скотта вкусъ къ готическому пространію быстро вездѣ и проникнулъ во все. Еще не сдѣлавшись великимъ, онъ уже сдѣлался мелкимъ: сельскіе домики, шкафы, ширмы, столы, стулья — все обратилось въ готическое. И эти величественныя, прекрасныя украшенія употреблены были на игрушки. Вѣкъ нашъ такъ мелокъ, желанія такъ разбросаны по всему, знанія наши такъ энциклопедически, что мы никакъ не можемъ усредоточить на одномъ какомъ-нибудь предметѣ нашихъ помысловъ и оттого поневолѣ раздробляемъ всѣ наши произведенія на мелочи и на предестныя игрушки. Мы имѣемъ чудный даръ дѣлать все ничтожнымъ. Египетскую архитектуру, которой весь эффектъ въ колоссальности, мы

пздерживаемъ на небольшіе мостики, на ворота, вершину которыхъ проѣзжающій кучеръ можетъ достать рукою. Изъ готической мы дѣлаемъ серьги, футляры для часовъ; греческую мы употребляемъ въ бесѣдахъ. Въ публичныхъ же и огромныхъ зданіяхъ показываемъ такую архитектуру, которую врядъ ли можно признать особеннымъ родомъ: въ ней столько безмыслія, такое негармоническое соединеніе частей, такое отсутствіе всякаго воображенія, что недостаетъ силъ назвать ее имѣющею свой характеръ архитектурю.

Есть рудникъ, о которомъ едва только знаютъ, что онъ существуетъ; есть міръ совершенно особенный, отдѣльный, изъ котораго менѣе всего черпала Европа. Это — архитектура восточная, — архитектура, которая создана однимъ только воображеніемъ, — воображеніемъ восточнымъ, горячимъ, чудеснымъ, облечшимся въ гиперболу и аллегорію, пролетѣвшимъ мимо жизни и прозаическихъ нуждъ ея. Жизнь азіатцевъ никогда не имѣла такого многосторонняго развитія, какъ европейцевъ: никогда потребности ихъ не были такъ разнообразны и безчисленны, какъ наши, и потому очень естественно, что обыкновенныя жилища ихъ лишены пестроты, ясности и стройности; они уединенны, однообразны, такъ же скучны отсутствіемъ всякой мысли, какъ самый азіатецъ во время своего покоя. Но зато вездѣ, куда ни проникала только азіатская роскошь, огромная, великолѣпная, — та роскошь, которая блещетъ въ ихъ волшебныхъ сказкахъ; вездѣ, куда ни проникала эта увѣшанная ожерельями дочь восточнаго воображенія, — тамъ стоятъ донинѣ дворцы, великолѣпіе которыхъ изумительно. Строеіе ихъ захватывало цѣлыя вѣки; цѣлый народъ, цѣлая нація надъ нимъ трудилась, и предки вѣрили, какъ въ неотразимое предопредѣленіе, что зданіе будетъ окончено ихъ потомками. Вездѣ, куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь или дикій энтузіазмъ первоначальной ихъ религіи, вездѣ громоздились памятники, ужасные своею огромностію, передъ которыми мысль нѣмѣетъ отъ изумленія, когда вспомнишь, какъ бѣдны были ихъ средства и познанія, какъ ничтожны ихъ машины для поднятія и укрѣпленія этихъ страшныхъ массъ. Еще болѣе изумленіе овладѣваетъ духомъ, когда видишь, какъ почти дикій, неразвившійся человѣкъ развился внезапно на этомъ гигантскомъ зданіи, какъ былъ онъ проникнуть и восторженъ мыслью о божествѣ, что невольно показалъ разоблаченіе своего генія и упредилъ медленные годы вѣковаго образованія.

Взгляните на этотъ массивный, величественный Триченгурскій храмъ у индусовъ, едва ли не одно изъ первыхъ зданій по величинѣ своей. Это пирамидальное склоненіе массы кверху, постепенное уменьшеніе этажей, бездна индійскихъ портиковъ, облѣпывающихъ ихъ стѣны, пилястры, громоздящіяся надъ пилястрами, колонны надъ колоннами, какъ будто ступающія одна на другую, чтобы скорѣе достать вершины этой массы, — все это явленіе совершенно оригинальнаго вкуса. Но если Триченгурскій храмъ слишкомъ уже тяжелъ и дышитъ язычествомъ, взгляните на стройный, прекрасный Кутубъ-Минаръ, которымъ по справедливости славятся Дельхи. Я не знаю въ мірѣ башни, которая бы, при простотѣ почти аттической, столько дышала глубиною красоты, гдѣ бы воображеніе вылилось такъ чисто и величаво. Если этотъ родъ не можетъ быть совершенно усвоенъ нами, то европейцы вообще могутъ заимствовать съ пользою это пирамидальное или конусообразное устремленіе кверху — рѣзкое отличіе индійскаго стиля.

Восточная архитектура дворцовъ представляетъ совершенно противоположный родъ: здѣсь царство азіатской роскоши. Строеіе раздается пространнѣе въ ширину. Огромный восточный куполь, или совершенно круглый, или выгибающійся, какъ сладострастная ваза, опрокинута внизъ, или въ видѣ

шара, или обремененный, обтѣпленный рѣзбою и украшеніями, какъ богатая митра, патриархально властвуетъ надъ всѣмъ зданіемъ: внизу, у самаго подножія строенія, небольшіе куполы цѣлою оградой обходятъ его пространныя стѣны, какъ покорные рабы; со всѣхъ сторонъ летятъ тонкіе минареты, представляющіе самый очаровательный контрастъ своею легкою, веселою, торжурюю съ важнымъ, величественнымъ видомъ всего зданія. Такъ величественный магометанинъ, въ широкомъ, убранномъ золотомъ и камнями платьѣ, возлежитъ среди гурій, стройныхъ, обнаженныхъ, ослѣпительныхъ своею бѣлизною.

Нигдѣ зодчество не принимало столько разнообразныхъ формъ, какъ на Востокѣ. Тамъ каждое зданіе выливалось, можно сказать, всегда мимо прежнихъ условій или, лучше сказать, оно выливалось, облеченное новыми условіями собственнаго предчувствія, сходствовавшими съ прежними развѣ только въ самомъ отдаленномъ началѣ религіозномъ или національномъ. Вся Индія усѣяна прекрасными зданіями. Каждое изъ нихъ сохраняетъ свое рѣзкое отличіе, свой особый отпечатокъ, до такой степени, что ихъ совершенно нельзя подвести подъ одну категорію. Множество разныхъ куполовъ всѣхъ возможныхъ формъ, вовсе не похожихъ одинъ на другого, украшеній и убранствъ, совсѣмъ отличныхъ и всегда новыхъ, — все говоритъ о необыкновенномъ воображеніи ихъ, которое не стѣснялось никакими правилами. Впрочемъ, причиною этого разнообразія, можетъ быть, было безчисленное множество сектъ, наполняющихъ Индію, производившихъ вѣчную оппозицію, вѣчную раздражительность воображенія. Но болѣе исполнены роскоши очаровательной, которую говорятъ восточная природа, тѣ зданія, которые коснулись вкуса аравитянъ. Въ Азіи, во время этихъ разрушительныхъ встрѣчъ новыхъ и старыхъ народовъ, особенно магометанъ, произошло необыкновенное смѣшеніе архитектуръ, произошли самыя дерзкія отступленія. Но никогда, нигдѣ не соединялось смѣлое съ такою прекрасною роскошью, какъ у аравитянъ. Они заимствовали отъ природы все то, что есть въ ней верхъ прекраснѣйшаго. Ихъ архитектура не носитъ на себѣ печати дремучихъ лѣсовъ; она вся состоитъ изъ цвѣтовъ. Она убрана цвѣтами, она потоплена цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, прекрасныхъ, роскошныхъ, какими убрана нѣжная долина Кашемира. Ихъ узорныя колонны увѣнчаны тюльпаномъ; ихъ рѣзба въ видѣ незабудокъ и цвѣтовъ съ четырьмя лепестками, или развивающихся розъ; ихъ галлерей похожи на вѣтви пальмъ, вершинами своими образующихъ своды. Все отозвалось необыкновенной роскошью цвѣтистаго ихъ вкуса. Эта архитектура какъ-то именно создавалась для жизни, отданной наслажденіямъ, для веселыхъ, свѣтлыхъ жилищъ человѣка. Она рѣшительно изгнала изъ себя все мрачное. Зданіе такъ прелестно, очаровательно, какъ восточная красавица съ черными, яркими, какъ молнія, глазами, въ пестромъ своемъ убранствѣ и драгоценныхъ ожерельяхъ.

Восточная архитектура имѣетъ у себя то, чего никогда еще не употребляли европейцы: это — колонны, не гладкія, но расщепренныя украшеніями отъ пьедестала до капители. Иногда эти колонны бываютъ совершенно сквозныя и прозрачныя: рѣзба проникаетъ ихъ насквозь. Онѣ составляютъ плѣнительнѣйшее изобрѣтеніе восточнаго вкуса. Зданіе, какъ бы ни было громоздко, но съ такими колоннами кажется воздушно. Почему бы, казалось, намъ не перенести ихъ на свою почву? Но умъ и вкусъ человѣка представляютъ странное явленіе: прежде нежели достигнетъ истины, онъ столько дастъ объѣздовъ, столько надѣлаетъ несообразностей, неправильностей, ложнаго, что послѣ самъ дивится своей недогадливости. Обо всѣхъ сихъ памятникахъ

Европа и не заботилась. Одинъ только вкусъ китайцевъ, который можно назвать самымъ мягкимъ, самымъ ничтожнымъ изъ всѣхъ восточныхъ народовъ, какимъ-то повѣтріемъ занесся къ намъ въ концѣ XVIII столѣтія. Хорошо, что европейцы, по обыкновенію своему, тотчасъ обратили его на мостики, павильоны, вазы, каминны, а не вздумали приспособить къ большимъ строеніямъ. Этотъ вкусъ, точно, былъ недурень въ бездѣлкахъ, потому что европейцы его тотчасъ усовершенствовали по-своему и дали ему ту прелесть, которой онъ самъ въ себѣ не имѣетъ, такъ же какъ и его народъ не имѣетъ энергіи, несмотря на всю свою образованность.

Есть еще особенный родъ архитектуры, совершенно отличный отъ всего, доселѣ показаннаго мною. Это — архитектура катакомбъ индѣйскихъ и египетскихъ, гдѣ эти два народа такъ удивительно сошлись между собою и дали поводъ подозрѣвать древнее между ими родство. Главный характеръ ея — тяжесть. Здѣсь все должно соединиться въ массу и толщу: зданіе тяжело ступаетъ, какъ на слоновыхъ пядяхъ, на короткихъ, тяжелыхъ колоннахъ, которыхъ ширина своимъ диаметромъ равняется почти съ высотой. Здѣсь уже совершенно все ширина и масса. На ней какъ будто отпечаталась тяжесть земли, внутри которой она скрываетъ тяжелое свое величіе. То, что порокъ въ другихъ родахъ ея, то здѣсь достоинство. Эта подземная архитектура имѣетъ что-то также величавое, хотя внушаетъ совершенно другія мысли. Здѣсь тяжесть не безобразна, а величественна, потому что составляетъ главную идею всего зданія. Если художникъ предположилъ создать тяжелое и массивное и выполнилъ это, его твореніе, вѣрно, будетъ хорошо; но когда начерталъ онъ планъ тяжелаго, а изъ него вышло вовсе не тяжелое, или, наоборотъ, когда онъ замыслилъ произвести легкое, а вышло тяжелое, то это уже рѣшительно дурно. Зданіе это, когда съ него сбрасывали землю, и оно выходило на свѣтъ, представляло всегда странный и вмѣстѣ страшный видъ — какъ будто бы земля выказывала свою глубокую внутренность, какъ будто бы мракъ очутился вдругъ среди яркаго свѣта, — мракъ, только освѣщаемый свѣтомъ, а не прогоняемый имъ, какъ египетская урна или мертвая голова среди пиршества. Мнѣ кажется, напрасно эту архитектуру вгоняютъ въ землю; показавшись вдругъ, нечаянно, среди свѣтлыхъ, легкихъ домиковъ, она должна непременно поразить всякаго и произвести свой эффектъ. Одно такого рода строеніе среди многолюднаго города было бы прелесть, но только одно, не болѣе. Въ строеніяхъ такого рода всѣ части состоятъ изъ тяжестей, но при всемъ томъ отношенія ихъ между собою исполнены какой-то внутренней, нѣсколько страшной гармоніи, и создать въ этомъ родѣ совершенное весьма не легко.

Египетская архитектура надземная составляетъ совершенно другой родъ: она массивна тоже, но стройность и простота въ высшей степени съ нею неразлучны; главный же ея характеръ — колоссальность. Чѣмъ она глаже снизу доверху, безъ всякихъ раздѣленій и рѣзкихъ украшеній, тѣмъ лучше. Но не употребляйте ее на небольшіе мостики: безъ колоссальности эта архитектура менѣе, нежели ничто. Еще разъ повторяю: всякая архитектура прекрасна, если соблюдены всѣ ея условія, и если она выбрана совершенно согласно назначенію строенія. Безъ этой благонамѣренной, безпристрастной терпимости не будетъ ни истинныхъ талантовъ, ни истинно величественныхъ произведеній. Прочъ этотъ схоластицизмъ, предписывающій строенія ранжировать подъ одну мѣрку и строить по одному вкусу! Городъ долженъ состоятъ изъ разнообразныхъ массъ, если хотимъ, чтобы онъ доставлялъ удовольствіе взорамъ. Пусть въ немъ совокупится болѣе различныхъ вкусовъ. Пусть въ

одной и той же улицѣ возвышается и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшеній восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройнымъ размахомъ греческое. Пусть въ немъ будутъ видны и легко-выпуклый млечный куполь, и религиозный безконечный шпигль, и восточная митра, и плоская крыша италянская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелискъ. Пусть какъ можно рѣже дома сливаются въ одну ровную, однообразную стѣну, но клонятся то вверхъ, то внизъ. Пусть разныхъ родовъ башни, какъ можно чаще, разнообразяютъ улицы. Неужели найдется такой смѣльчакъ или, лучше сказать, несмѣльчакъ, который бы ровное мѣсто въ природѣ осмѣлился сравнить съ видомъ утесовъ, обрывовъ, холмовъ, выходящихъ одинъ изъ-за другого?

Архитекторъ-творецъ долженъ имѣть глубокое познаніе во всѣхъ родахъ зодчества. Онъ менѣе всего долженъ пренебрегать вкусомъ тѣхъ народовъ, которымъ мы въ отношеніи художествъ обыкновенно оказываемъ презрѣніе. Онъ долженъ быть всеобъемлющъ, изучить и вмѣстить въ себѣ всѣ безчисленныя измѣненія ихъ. Но самое главное — долженъ изучить все въ идеѣ, а не въ мелочной наружной формѣ и частяхъ. Но, для того чтобы изучить въ идеѣ, нужно быть ему гениемъ и поэтомъ.

Но обратимся къ архитектурѣ городовъ. Городъ нужно строить такимъ образомъ, чтобы каждая часть, каждая отдѣльно взятая масса домовъ представляли живой пейзажъ. Нужно толпѣ домовъ придать игру, чтобы она, если можно такъ выразиться, заиграла рѣзкостями, чтобы она вдругъ врѣзалась въ память и преслѣдовала бы воображеніе. Есть такіе виды, которые вѣкъ помнишь, и есть такіе, которыхъ при всѣхъ усиліяхъ, не можешь замѣтить въ памяти. Зодчество грубѣе и вмѣстѣ колоссальнѣе другихъ искусствъ, какъ-то: живописи, скульптуры и музыки, и потому эффектъ его — въ эффектѣ. Масса города имѣетъ уже тѣмъ выгоду, что ее вдругъ можно измѣнить, исправить по своему произволу. Иногда одно только строеніе среди ея — и она совершенно измѣняетъ видъ свой, принимаетъ другое выраженіе, такъ, какъ всякій рисунокъ ученика вдругъ оживаетъ подъ кистью или карандашомъ его учителя, который въ одномъ мѣстѣ подкрѣпить, въ другомъ отдѣлить, въ третьемъ только тронетъ, — и все уже не то. Притомъ, самыя ошибки уже подають идею о томъ, какъ избѣжать ихъ: безхарактерное подаетъ мысль о характерномъ, мелкое и плоское вызываютъ въ противоположность дерзкое и необыкновенное, углубленіе внизъ подаетъ идею о возвышеніи вверхъ, и наоборотъ. Гений — богачъ страшный, передъ которымъ ничто весь міръ и всѣ сокровища.

При построеніи городовъ нужно обращать вниманіе на положеніе земли. Города строятся или на возвышеніи и холмахъ, или на равнинахъ. Городъ на возвышеніи менѣе требуетъ искусства, потому что тамъ природа работаетъ уже сама: то подымаетъ дома на величественныхъ холмахъ своихъ и кажетъ ихъ великанами изъ-за другихъ домовъ, то опускаетъ ихъ внизъ, чтобы дать видъ другимъ. Въ такомъ городѣ можно менѣе употреблять разнообразія. Въ немъ можно болѣе употреблять гладкихъ и одинаковыхъ домовъ, потому что неровное положеніе земли уже даетъ имъ нѣкоторымъ образомъ разнообразіе, помѣщая ихъ въ разныхъ мѣстоположеніяхъ. Нужно наблюдать только, чтобы дома показывали свою вышину одинъ изъ-за другого, такъ, чтобы стоящему у подошвы казалось, что на него глядитъ двадцатипятиэтажная масса. Тамъ мало нужно искусства, гдѣ природа одолеваетъ искусство; тамъ искусство только для того, чтобы украсить ее. Но гдѣ положеніе земли гладко совершенно, гдѣ

природа спитъ, тамъ должно работать искусство во всей силѣ. Оно должно пропестрить, если можно сказать, изрыть; скрыть равнину, оживить мертвенность гладкой пустыни. Здѣсь однообразіе и простота будетъ большая погрѣшность. Здѣсь архитектура должна быть какъ можно своенравнѣе: принимать суровую наружность, показывать веселое выраженіе, дышать древностью, блестять новостью, обдавать ужасомъ, сверкать красотою, быть то мрачной, какъ день, обхваченный грозою съ громовыми облаками, то ясною, какъ утро въ солнечномъ сіяніи. Архитектура — тоже лѣтопись міра: она говоритъ тогда, когда уже молчатъ и пѣсни, и преданія, и когда уже ничто не говоритъ о погибшемъ народѣ. Пусть же она хоть отрывками является среди нашихъ городовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ она была при отжившемъ уже народѣ, чтобы при взглядѣ на нее осѣнила насъ мысль о минувшей его жизни и погрузила бы насъ въ его бытіе, въ его привычки и степень пониманія, и вызвала бы у насъ благодарность за его существованіе, бывшее ступенью нашего собственнаго возвышенія ¹⁾).

Неужели, однакоже, невозможно созданіе (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежнихъ условий? Когда дикій и малоразвившійся человѣкъ, которому одна природа, еще грубо имъ понимаемая, служить руководствомъ и вдохновеніемъ, создаетъ твореніе, въ которомъ является и красота, и тайный инстинктъ вкуса, — отчего же мы, которыхъ всѣ способности такъ обширно развились, которые болѣе видимъ и понимаемъ природу во всѣхъ ея тайныхъ явленіяхъ, — отчего же мы не производимъ ничего совершенно проникнутаго такимъ богатствомъ нашего познанія? Идея для зодчества вообще была черпана изъ природы, но тогда, когда человѣкъ сильно чувствовалъ на себѣ ея вліяніе; теперь же искусство поставилъ онъ выше самой природы, — развѣ не можетъ онъ черпать своихъ идей изъ самого искусства или, лучше сказать, изъ гармоническаго сліянія природы съ искусствомъ? Разсмотрите только, какую страшную изобрѣтательность показалъ онъ на мелкихъ издѣліяхъ утонченной роскоши; рассмотрите всѣ эти модныя бездѣлицы, которыя каждый день являются и гибнутъ, рассмотрите ихъ, хотя въ микроскопъ, если такъ онъ не останавливаютъ вашего вниманія, — какого онъ исполнены тонкаго вкуса! какія принимаютъ онъ совершенно небывалыя прелестныя формы! Онъ создаются въ такомъ особенномъ родѣ, который еще никогда не встрѣчался. Рѣзба и тонкая отдѣлка ихъ такъ незамысловаты и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хороши, что мы иногда долго любуемся ими и, увы! вовсе не ощущаемъ жалости при видѣ, какъ гибнетъ вкусъ человѣка въ ничтожномъ и временномъ, тогда какъ онъ былъ бы замѣтенъ въ неподвижномъ и вѣчномъ. Развѣ мы не можемъ эту

¹⁾ Мнѣ прежде приходила очень странная мысль: я думалъ, что весьма не мѣшало бы имѣть въ городѣ одну такую улицу, которая бы вмѣщала въ себѣ архитектурную лѣтопись: чтобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами, прошедши которыя, зритель видѣлъ бы съ двухъ сторонъ возвышающіяся величественныя зданія первобытнаго дикаго вкуса, общаго первоначальнымъ народамъ, потомъ постепенное измѣненіе ея въ разные виды: высокое преобразеніе въ колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потомъ въ красавицу — греческую, потомъ въ сладострастную александрійскую и византійскую съ плоскими куполами, потомъ въ римскую съ арками въ нѣсколько рядовъ, далѣе вновь нисходящую къ дикимъ временамъ и вдругъ потомъ поднимающуюся до необыкновенной роскоши — аравійскую; потомъ дикою готическою, потомъ готико-арабскою, потомъ чисто-готическою, вѣнцомъ искусства, дышащею въ Кѣльнскомъ соборѣ, потомъ страшнымъ смѣшеніемъ архитектуръ, происшедшимъ отъ обращенія къ византійской, потомъ древнею греческою въ новомъ костюмѣ, и, наконецъ, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы въ себѣ стихіи новаго вкуса. Эта улица сдѣлалась бы тогда въ нѣкоторомъ отношеніи исторіею развитія вкуса, и кто лѣнивъ перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать все.

раздробленную мелочь искусства превратить въ великое? Неужели все то, что встрѣчается въ природѣ, должно быть непременно только колонна, куполь и арка? Сколько другихъ еще образовъ нами вовсе не тронуто! Сколько прямая линия можетъ ломаться и измѣнять направленіе, сколько кривая выгибаться, сколько новыхъ можно ввести украшеній, которыхъ еще ни одинъ архитекторъ не вносилъ въ свой кодексъ! — Въ нашемъ вѣкѣ есть такія пріобрѣтенія и такія новыя, совершенно ему принадлежація стихія, изъ которыхъ бездну можно заимствовать никогда прежде не воздвигаемыхъ зданій. — Возьмемъ, на примѣръ, тѣ висяція украшенія, которыя начали появляться недавно. Покамѣстъ висящая архитектура только показывается въ ложахъ, балконахъ и въ небольшихъ мостикахъ. Но если цѣлыя массы вмѣсто тяжелыхъ колоннъ очутятся на сквозныхъ чугунныхъ подпорахъ, если домъ обвѣсится снизу доверху балконами съ узорными чугунными перилами, и отъ нихъ висяція чугунныя украшенія, въ тысячахъ разнообразныхъ видовъ, облекутъ его своею легкою сѣтью, и онъ будетъ глядѣть сквозь нихъ, какъ сквозь прозрачный вуаль, когда эти чугунныя сквозныя украшенія, обвитыя около круглой, прекрасной башни, полетятъ вмѣстѣ съ нею на небо — какую легкость, какую эстетическую воздушность пріобрѣтутъ тогда дома наши! Но какое множество есть разбросанныхъ на семь намѣковъ, могущихъ зародить совершенно необыкновенную живую идею въ головѣ архитектора, если только этотъ архитекторъ — творецъ и поэтъ¹⁾.

1831.

¹⁾ Статья эта писана давно. Въ послѣднее время вкусъ въ Европѣ улучшился, и особенно въ нашей любезной Россіи. Многіе архитекторы уже ей дѣлаютъ честь; изъ нихъ должно упомянуть о Брюловѣ, котораго зданія исполнены истиннаго вкуса и оригинальности.

АЛ-МАМУНЪ.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА).

Ни одинъ государь не принималъ правленія въ такую блестящую эпоху своего государства, какъ Ал-Мамунъ. Грозный калифатъ величественно возвышался на классической землѣ древняго міра. Онъ обнималъ на востокѣ всю цвѣтущую юго-западную Азію и замыкался Индіею; на западѣ онъ простирался по берегамъ Африки до Гибралтара. Сильный флотъ покрывалъ Средиземное море. Багдадъ, столица этого новаго чудеснаго міра, видѣлъ повелѣнія свои исполняющимися въ отдаленныхъ краяхъ провинцій; Бассора, Нигабуръ и Куфа зрѣли новообращенную Азію, стекающуюся въ свои блестящія школы. Дамаскъ могъ одѣть всѣхъ сластолюбцевъ дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и арабъ уже думалъ, какъ бы осуществить на землѣ рай Магомета: создавалъ водопроводы, дворцы, цѣлые лѣса пальмъ, гдѣ сладострастно били фонтаны и дымились благовонія Востока. И къ такому развитію роскоши еще не успѣла привиться ни одна нравственная болѣзнь политическаго общества. Всѣ части этой великой имперіи, этого магометанскаго міра, были связаны довольно сильно, и связь эта укрѣплена была волею необыкновеннаго Гаруна, который постигнулъ всѣ разнообразныя способности своего народа. Онъ не былъ исключительно государь-философъ, государь-политикъ, государь-воинъ, или государь-литераторъ. Онъ соединялъ въ себѣ все, умѣлъ ровно разлить свои дѣйствія на все и не доставить перевѣса ни одной отрасли надъ другою. Просвѣщеніе чужеземное онъ прививалъ къ своей націи въ такой только степени, чтобы помочь развитію ея собственнаго. Уже арабы перешли эпоху своего фанатизма и завоеваній, но все еще были исполнены энтузіазма, и огненные страницы Корана передлистывались съ тѣмъ же благоговѣніемъ, исполнялись такъ же работѣшно. Гарунъ умѣлъ ускорить весь административный государственный ходъ и исполненіе повелѣній страхомъ своей вседѣйственности. Намѣстники и эмиры, изъ которыхъ каждый обыкновенно стремится быть деспотомъ, опасались встрѣтить всезрящаго, передѣятаго калифа — и правленіе безъ законовъ двигалось крѣпко и опредѣленно. Въ такомъ видѣ принялъ государство Ал-Мамунъ, государь, котораго Царьградъ назвалъ великодушнымъ покровителемъ наукъ, котораго имя исторія внесла въ число благодѣтелей человѣческаго рода, и который замыслилъ государство политическое превратить въ государство музъ. Онъ былъ одаренъ всею живостію и способностію къ долгому изученію. Его характеръ исполненъ былъ благородства. Желаніе истины было его девизомъ. Онъ былъ влюбленъ въ науку, и влюбленъ совершенно безкорыстно: онъ любилъ науку для нея же самой, не думая о ея цѣли и примѣненіи. Онъ предался ей съ исключительною страстью. Тогда аравитяне только-что отрыли Аристотеля. Многообъемлющій и точный философъ Греціи не могъ сойтись съ ихъ воображеніемъ, слишкомъ стремительнымъ, слишкомъ колоссальнымъ и восточнымъ;

но аравійскіе ученые, занимаясь долгое время копотливою работою, уже нѣсколько привыкнули къ точности и формальности, и оттого принялись за него съ ученымъ энтузіазмомъ. Эти безконечные выводы, это облученіе въ видимость и порядокъ того, что они прежде чувствовали въ душѣ пламенными отрывками, не могли не околдовать тогдашнихъ ученыхъ. Воспитанный подъ ихъ вліяніемъ, Ал-Мамунъ, исполненный истинной жажды просвѣщенія, употреблялъ всѣ старанія ввести въ свое государство этотъ чуждый дотолѣ греческій міръ. Багдадъ распростеръ дружелюбныя длани всему ученому тогдашнему свѣту. Милости калифа были открыты всякому, кто принадлежалъ къ какому бы то ни было званію, какой бы ни былъ онъ религіи, какихъ бы ни былъ исполненъ противорѣчащихъ началъ. Естественно, что тогда болѣе всего приносили свои познанія въ Багдадъ тѣ, которые еще сохраняли въ душѣ своей образъ политеизма, облеченнаго христіанскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммонія Саккаса, Плотина и другихъ послѣдователей новоплатонизма, которые уже не находили поля для своихъ ученыхъ ристаній въ Царьградѣ, слишкомъ занятомъ спорами о догмахъ христіанства. Багдадъ превратился въ республику разнородныхъ отраслей познаній и мнѣній. Вънценосный арабъ вслушивался внимательно въ усыпительную музыку ученыхъ толкованій и тонкостей. Правители государственныхъ мѣстъ не могли не увлечься примѣромъ государя, и тогда высшія ступени государства обняла какая-то литературная мономанія. Визири и эмиры старались окружить свой дворъ учеными пришельцами. Очевидно, что административная часть была какъ будто чѣмъ-то второстепеннымъ, что правители должны были многое, относящееся къ управленію, повѣрять усмотрѣнію своихъ секретарей и любимцевъ, что эти любимцы были иногда вовсе невѣжды, часто получали проницательности мѣста, что все это должно было отозваться на народѣ и въ послѣдствіи времени обрушиться на самихъ правителей. Толпа теоретическихъ философовъ и поэтовъ, занявшихъ правительственныя мѣста, не можетъ доставить государству твердаго правленія. Ихъ сфера совершенно отдѣльна; они пользуются верховнымъ покровительствомъ и текутъ по своей дорогѣ. Отсюда исключаются тѣ великіе поэты, которые соединяютъ въ себѣ и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человѣка, проникли минувшее и прозрѣли будущее, которыхъ глаголъ слышится всѣмъ народомъ. Они — великіе жрецы. Мудрые властители чествуютъ ихъ своею бѣдою, берегутъ ихъ драгоцѣнную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней дѣятельностью правителя. Ихъ призываютъ они только въ важныя государственныя совѣщанія, какъ вѣдателей глубины человѣческаго сердца.

Благородный Ал-Мамунъ истинно желалъ сдѣлать счастливыми своихъ подданныхъ. Онъ зналъ, что вѣрный путеводитель къ тому — науки, клонящіяся къ развитію человѣка. Онъ всѣми силами заставлялъ своихъ подданныхъ принимать вводимое имъ просвѣщеніе. Но просвѣщеніе, вводимое Ал-Мауномъ, менѣе всего отвѣчало природнымъ элементамъ и колоссальности воображенія арабовъ. Лишенная энергіи начала политеизма, обратившися въ игру словъ, дерзко обезображенныя идеи христіанства, странно озарившія тогдашнія науки, не слившіяся съ ними, но, можно сказать, уничтожившія ихъ своимъ преобладаніемъ, представляли совершенный контрастъ пламенной природѣ араба, у котораго воображеніе слишкомъ потопляло тощіе выводы холоднаго ума. Этотъ чудный народъ не шелъ, а летѣлъ къ своему развитію. Гений его вдругъ оказывался въ войнѣ, торговлѣ, искусствахъ, мануфактурахъ и въ роскошной поэзіи Востока. Его доселѣ небывалыя въ исторіи человѣчества стихіи вспыхнули богато, ярко, странно и совершенно оригинально.

нально. Казалось, этотъ народъ обѣщалъ дотогѣ невиданное совершенство націи. Но Ал-Мамунъ не понималъ его. Онъ упустилъ изъ вида великую истину, что образованіе черпается изъ самого же народа, что просвѣщеніе наносное должно быть въ такой степени заимствовано, сколько можетъ оно помогать собственному развитію, но что развиваться народъ долженъ изъ своихъ же національныхъ стихій. Но для арабовъ поле подвиговъ было заграждено этимъ бесплоднымъ чужестраннымъ просвѣщеніемъ. Самый космополитизмъ Ал-Мамуна, открывавшаго входъ въ государство ученымъ всѣхъ партій, уже зашелъ нѣсколько далеко. Выгоды, которыя въ государствѣ получали христіане, не могли не возродить въ собственныхъ его подданныхъ ненависти, а вмѣстѣ и презрѣнія къ самымъ даже полезнымъ ихъ учрежденіямъ, — и народъ уже терялъ любовь къ своему калифу. Въ правленіи Ал-Мамунъ былъ больше философъ-теоретикъ, нежели философъ-практикъ, какимъ бы долженъ быть государь. Онъ зналъ жизнь своего народа изъ описаній, изъ разсказовъ другихъ, а не извѣдалъ самъ, какъ очевидецъ, какъ извѣдалъ его великій Гарунъ. Въ азіатскихъ образахъ правленія, не имѣющихъ опредѣленныхъ законовъ, вся административная часть падаетъ на самого монарха, и потому дѣятельность его должна быть необыкновенна, вниманіе его должно быть вѣчно напряжено; онъ не можетъ вѣрится совершенно никому, и глазъ его долженъ имѣть многосторонность Аргуса: минуту засни онъ — и его полномочные намѣстники вдругъ возрастаютъ, и государство наполняется милліонами деспотовъ. Но Ал-Мамунъ въ своемъ Багдадѣ жилъ, какъ въ государствѣ музъ, имъ же самимъ созданномъ и совершенно отдѣльномъ отъ міра политическаго. Христіане, которые стали, наконецъ, вмѣшиваться въ административныя должности, не могли узнать народнаго духа и обычаевъ земли. Притомъ самое иновѣрство ихъ было невыносимо для араба, еще сохранявшаго энтузіазмъ и нетерпимость. И, когда имя Ал-Мамуна повторялось на устахъ всѣхъ ученыхъ тогдашняго вѣка, когда его гостепримство привлекало пестрые флаги къ берегамъ сирийскимъ, власть его внутри государства становилась, между тѣмъ, слабѣе. Жители провинцій, никогда не видавшіе своего калифа, мало дорожили его именемъ. Военная сила ослабла. Просвѣщеніе обыкновенно стремилось изъ Багдада, какъ изъ центра, уменьшаясь и угасая по мѣрѣ приближенія къ отдаленнымъ границамъ. На границахъ арабы еще сохраняли свой первый періодъ. На границахъ стояли войска, еще полныя фанатизма, еще стремившіяся огнемъ и мечомъ водружать вѣру Магомета. Сильные эмиры ихъ, почувствовавши слабость связи Багдада, думали о независимости, и Ал-Мамунъ уже при жизни своей видѣлъ отторженіе Персіи, Индіи и дальнихъ провинцій Африки. Но, можетъ-быть, все это невѣрное направленіе администраціи было бы еще исправимое зло, если бы Ал-Мамунъ не простеръ уже слишкомъ далеко своей любви къ истинѣ. Онъ захотѣлъ быть религиознымъ реформаторомъ своей націи. Исполненный ума чисто-теоретическаго, будучи выше суевѣрій и предразсудковъ, будучи ближе ознакомленъ съ нѣкоторыми догмами христіанства, нежели его предшественники, онъ не могъ не видѣть всѣхъ безчисленныхъ противорѣчій, пламенныхъ негѣпостей, которыя вырывались всемѣстно въ постановленіяхъ изступленнаго творца Корана. Онъ рѣшился очистить и преобразовать священную книгу магометанъ и — въ то самое время, когда еще всѣ низшія государственныя ступени, вся чернь была увѣрена, что она принесена съ неба, и когда усомниться въ маловажномъ постановленіи ея уже считалось величайшимъ преступленіемъ. Полугреческій образъ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно слѣпого энтузіазма его подданныхъ. Первымъ шагомъ къ образованію своего народа онъ почиталъ

истребленіе энтузіазма, — того энтузіазма, который составлялъ существованіе народа аравійскаго, — того энтузіазма, которому онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ развитіемъ и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политическій составъ всего государства. Ему нелѣпѣ, несообразнѣ всего казался Магометовъ рай, куда арабъ переносилъ всю чувственную земную жизнь свою, — жизнь, назначенную для наслажденія и сладострастія. Но Ал-Мамунъ не принялъ въ соображеніе того, что это постановленіе изверглось изъ огненнаго аравійскаго климата, изъ огненной природы араба, что этотъ рай для магометанина есть великій оазъ среди пустыни его жизни, что надежда въ этотъ рай одна только заставляла чувственнаго араба терпѣливо сносить бѣдность, притѣсненіе, подавлять въ душѣ своей зависть при видѣ утопающаго въ роскоши сибарита. Мысль, что и онъ будетъ, наконецъ, находится среди гурій, среди роскоши, превышающей роскошь земныхъ владыкъ, одна могла быть доступна для такой чувственности и цвѣтистости воображенія, какими природа надѣлила араба, и что, можетъ-быть, съ дальнѣйшимъ только развитіемъ его, могла нечувствительно очиститься его вѣра. Ал-Мамунъ не постигалъ азіатской природы своихъ подданныхъ.

Можно себѣ представить силу негодованія многочисленнаго класса народа, когда распространились вѣсти о преобразованіяхъ калифовыхъ. Какъ долженъ былъ принять это народъ, который уже за одно покровительство христіанамъ и привязанность къ иностранцамъ обвинялъ гласно калифа въ мотализмъ, или ереси? Грубая толпа прежнихъ точныхъ исполнителей Корана жестокимъ упорствомъ своимъ, наконецъ, заставила калифа взяться за оружіе. И благородный, великодушный Ал-Мамунъ, проникнутый истинною любовью къ человѣчеству, явился гонителемъ своихъ подданныхъ. Гоненіемъ своимъ онъ воскресилъ опять въ арабахъ дикій фанатизмъ, но уже не тотъ фанатизмъ, который сдвинулъ прежде кочевыхъ обитателей Аравіи въ одну массу, — онъ произвелъ оппозиціонный фанатизмъ, — фанатизмъ, который растерзалъ массу, который посѣялъ плевелы въ нѣдрахъ государства, который разбудилъ дикія страсти араба, который далъ ножъ и ядъ ненависти въ руки изступленныхъ послѣдователей ислама, который произвелъ множество ослѣпленныхъ сектъ и ужаснѣ всего секту карматіановъ, долго еще свирѣпствовавшую подъ именемъ Сирійскихъ Убийцъ, во время крестовыхъ походовъ. Среди волненій, оказывавшихся въ разныхъ концахъ государства, среди смутъ и партій, разсыпая одною рукою благодѣянія и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другою непокорныхъ, изступленныхъ своихъ подданныхъ, умеръ благородный Ал-Мамунъ, — умеръ, не понявъ своего народа, не понятый своимъ народомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ далъ поучительный урокъ. Онъ показалъ собою государя, который, при всемъ желаніи блага, при всей кротости сердца, при самоотверженіи и необыкновенной страсти къ наукамъ, былъ, между прочимъ, неволью одною изъ главныхъ пружинъ, ускорившихъ паденіе государства.

АРАБЕСКИ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ж И З Н Ь.

Бѣдному сыну пустыни снился сонъ.

Лежить и разстилается великое Средиземное море, и съ трехъ разныхъ сторонъ глядятъ на него палашіе берега Африги съ тонкими пальмами, сирийскія голыя пустыни и многолюдный, весь изрытый моремъ, берегъ Европы.

Стоить въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, обтесанные въ сфинсовъ; идутъ безчисленныя ступени. Стоить онъ величавый, питаемый вслигимъ Ниломъ, весь убранный таинственными знаками и священными звѣрями. Стоить и неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія, не сокрушаемая тѣніемъ.

Раскинула вольныя колоніи веселая Греція. Кишатъ на Средиземномъ морѣ острова, потопленные зелеными рощами; кинамонъ, виноградныя лозы, смоковницы помаваютъ облитыми медомъ вѣтвями; колонны, бѣлыя, какъ перси дѣвы, круглятся въ роскошномъ мракѣ древесномъ; мраморъ страстный дышитъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ, и стыдливо любитъ свою прекрасною наготою; увитый гроздіями, съ тирсами и чашами въ рукахъ, народъ остановился въ шумной пляскѣ. Жрицы, молодыя и стройныя, съ разметанными кудрями, вдохновенно вонзили свои черныя очи. Тростникъ, связанный въ цѣвницу, тимпаны, мусийскія орудія мелькають, перевитыя плющемъ. Корабли, какъ мухи, толпятся близъ Родоса и Корциры, подставляя сладострастно выгибающійся флагъ дыханію вѣтра. И все стоить неподвижно, какъ бы въ окаменѣломъ величіи.

Стоить и распростирается желѣзный Римъ, устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувши свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется лъвиными членами.

Весь воздухъ небснаго океана висѣлъ сжатый и душный. Великое Средиземное море не шелохнетъ, какъ будто бы царства предстали всѣ на страшный судъ передъ кончиною міра.

И говоритъ Египетъ, помавая тонкими пальмами, жилицами его равнинъ, и устремляя иглы своихъobeliskовъ: «Народы, слушайте! Я одинъ постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тѣнъ. Низки искусства, жалки наслажденія, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ міромъ и человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живеть для смерти. Далеко, далеко до воскресенія! Да и будетъ ли когда воскресеніе? Прочь желанія и наслажденія! Выше строй пирамиду, бѣдный человѣкъ, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое бѣдное существованіе».

И говоритъ ясный, какъ небо, какъ утро, какъ юность, свѣтлый міръ грековъ, и, казалось, вмѣсто словъ, слышалось дыханіе цѣвницы: «Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея

наслаждения. Все неси ему. Гляди, какъ выпукло и прекрасно все въ природѣ, какъ дышитъ все согласіемъ. Все въ мірѣ; все, чѣмъ ни владѣютъ боги, все въ немъ; умѣй находить его. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! мчись на колесницѣ, искусно правя конями, на блистательныхъ играхъ! Далѣе корысть и жадность отъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, палитра и цѣвница созданы быть властителями міра, а властительницею ихъ — красота. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслаждения — умѣй быть достойнымъ наслаждения!»

И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій: «Я постигнулъ тайну жизни человѣка. Низко спокойствіе для человѣка: оно уничтожаетъ его въ самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ искусствъ и наслаждений. Наслаждение въ гигантскомъ желаніи. Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы жаждай, человѣкъ! Въ порывѣ неразсказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза, несись на сомннутыхъ щитахъ бранноносныхъ легионовъ! Слышишь ли, какъ у ногъ твоихъ собрался весь міръ и, потрясая копьями, слился въ одно восклицаніе? Слышишь ли, какъ твое имя замираетъ страхомъ на устахъ племенъ, живущихъ на краяхъ міра? Все, что ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ. Стремись вѣчно: нѣтъ границъ міру — нѣтъ границъ и желанію. Дикій и суровый, далѣе и далѣе захватывай міръ — ты завоеуешь, наконецъ, небо».

Но остановился Римъ и вперилъ орлиныя очи свои на востокъ. Къ востоку обратила и Греція свои влажныя отъ наслаждения, прекрасныя очи; къ востоку обратилъ Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи.

Камениста земля; презрѣнень народъ; немногочисленный весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно отцѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградю стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ Младенецъ; надъ Нимъ склонилась непорочная Мать и глядитъ на Него исполненными слезъ очами; надъ Нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ.

Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула прекрасная Греція; опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами-пастырями; нагнулся Арапать, древній прапрашуръ земли...

1831.

ШЛЕЦЕРЪ, МИЛЛЕРЪ И ГЕРДЕРЪ.

Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ были великіе зодчіе всеобщей исторіи. Мысль о ней была ихъ любимомъ мыслью и не оставляла ихъ во все время разнообразнаго ихъ поприща. Шлецеръ, можно сказать, первый почувствовалъ идею объ одномъ великомъ цѣломъ, объ одной единицѣ, къ которой должны быть приведены и въ которую должны слиться всѣ времена и народы. Онъ хотѣлъ однимъ взглядомъ объять весь міръ, все живущее. Казалось, какъ будто бы онъ силился имѣть сто аргусовыхъ глазъ, для того, чтобы разомъ видѣть сбывающееся во всѣхъ отдаленныхъ углахъ міра. Его слогъ — молнія, почти вдругъ блещущая то тамъ, то здѣсь и освѣщающая предметы на одно мгновеніе, но зато въ ослѣпительной ясности. Я не знаю, исполнилъ ли бы онъ въ самомъ дѣлѣ то, что рѣзко показывалъ другимъ; но, по крайней мѣрѣ, никто такъ сильно не пораженъ былъ самъ своимъ предметомъ, какъ онъ. Онъ имѣлъ достоинство въ высшей степени сжимать все въ малообъемный фокусъ и двумя, тремя яркими чертами, часто даже однимъ эпитетомъ, обозначать вдругъ событіе и народъ. Его эпитеты удивительно горячи, дерзки, кажутся плодомъ одной счастливой минуты, одного внезапнаго вдохновенія, и такъ исполнены рѣзкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на умъ опредѣлившему себя на долгое, глубокое изслѣдованіе, выключая только, если этотъ изслѣдователь будетъ самъ Шлецеръ. Онъ не былъ историкъ, и я думаю даже, что онъ не могъ быть историкомъ. Его мысли слишкомъ отрывисты, слишкомъ горячи, чтобы улечься въ гармоническую, стройную текучесть повѣствованія. Онъ анализировалъ міръ и всѣ отжившіе и живущіе народы, а не описывалъ ихъ; онъ разсѣкалъ весь міръ анатомическимъ ножомъ, рѣзалъ и дѣлилъ на массивныя части, располагалъ и отдѣлялъ народы такимъ же образомъ, какъ ботаникъ распредѣляетъ растенія по известнымъ ему признакамъ. И оттого начертаніе его исторіи, казалось бы, должно быть слишкомъ скелетнымъ и сухимъ; но, къ удивленію, все у него сверкаетъ такими рѣзкими чертами, могущественный ударъ его глаза такъ вѣрнѣе, что, читая этотъ сжатый эскизъ міра, замѣчаешь съ изумленіемъ, что собственное воображеніе горитъ, расширяется и дополняетъ все по такому же самому закону, который опредѣлялъ Шлецеръ однимъ всемогущимъ словомъ; иногда оно стремится еще далѣе, потому что ему указана смѣлая дорога. Будучи однимъ изъ первыхъ, тревожимыхъ мыслью о величинѣ и истинной цѣли всеобщей исторіи, онъ долженствовалъ быть непремѣнно гениемъ оппозиционнымъ. Это положеніе сообщило ему сильную энергію, жаръ и даже досаду на близорукость предшественниковъ, прорывающіеся очень часто въ его сочиненіяхъ. Онъ уничтожаетъ ихъ однимъ громовымъ словомъ, и въ этомъ одномъ словѣ соединяется и наслажденіе, и сардоническая усмѣшка надъ пораженнымъ, и

вмѣстѣ несокрушимая правда; его справедливѣе, нежели Канта, можно назвать всеокрушающимъ. Всегда почти дѣйствующіе въ оппозиціонномъ духѣ слишкомъ увлекаются своимъ положеніемъ и въ энтузіастическомъ порывѣ держатся только одного правила — противорѣчить всему прежнему. Въ этомъ случаѣ нельзя упрекнуть Шлецера: германскій духъ его сталъ непоколебимъ на своемъ мѣстѣ. Онъ — какъ строгій, всезрящій судія; его сужденія рѣзки, коротки и справедливы. Можетъ-быть, нѣкоторымъ покажется страннымъ, что я говорю о Шлецерѣ, какъ о великомъ зодчѣмъ всеобщей исторіи, тогда какъ его мысли и труды по этой части улеглись въ небольшой книжкѣ, изданной имъ для студентовъ; но эта маленькая книжка принадлежитъ къ числу тѣхъ, читая которыя, кажется, читаешь цѣлые томы; ее можно сравнить съ небольшимъ окошкомъ, съвозъ которое, приставивши къ нему ближе глазъ, можно увидѣть весь міръ. Онъ вдругъ осянляетъ свѣтомъ и показываетъ, какъ нужно понять, и тогда самъ собою, наконецъ, видишь все.

Миллеръ представляетъ собою историка совершенно въ другомъ родѣ. Спокойный, тихій, размышляющій, онъ представляетъ противоположность Шлецеру. Онъ съ какой-то очаровательною, особенною любовью предается своему предмету. Его слогъ не блеститъ тѣмъ рѣзкимъ отличіемъ, какимъ означенъ слогъ Шлецера; нѣтъ тѣхъ порывовъ, того мѣткого лаконизма, какими исполненъ Шлецеръ. Онъ не схватываетъ вдругъ, однимъ взглядомъ всего и не сжимаетъ его мощною рукою; но онъ изслѣдываетъ все находящееся въ мірѣ спокойно, поочередно, не показывая той быстроты и поспѣшности, съ какою выражается авторъ, опаасающійся, чтобы у него не перехватилъ кто-нибудь мысли и не предупредилъ его. Слово «изслѣдованіе» весьма идетъ къ его стилю: его повѣствованіе именно изслѣдовательное. Какъ человѣкъ государственный, онъ болѣе всего занимается изложеніемъ формъ правленія и законовъ существующихъ и минувшихъ государствъ; но онъ не предпочитаетъ эту сторону до такой степени, чтобы оставить совершенно въ тѣни всѣ другія, къ чему способенъ бываетъ историкъ односторонній, и чего не могъ избѣжать и Геренъ; напротивъ того, онъ обращаетъ вниманіе и на все сопредѣльное. Все, что неясно въ исторіи, что менѣе разоблачено, все это болѣе другого подвергается его изслѣдованію. Замѣтно даже, что онъ охотнѣе занимается временами первобытными и вообще тѣми эпохами, когда народъ еще не былъ подверженъ образованности и порокамъ, сохраняя свои простые нравы и независимость. Это время изображаетъ онъ съ ясною подробностію, съ тихимъ жаромъ, какъ будто позабываясь и воображая видѣть себя среди своихъ добрыхъ швейцарцевъ. Главный результатъ, царствующій въ его исторіи, есть тотъ, что народъ тогда только достигаетъ своего счастья, когда сохраняетъ свято обычаи своей старины, свои простые нравы и свою независимость. Вездѣ въ немъ видны старческая мудрость и младенческая ясность души. Благородство мыслей и любовь къ свободѣ проникаютъ все его твореніе. Мысль о единствѣ и нераздѣльной цѣлости не служитъ такою цѣлью, въ которой бы явно устремлялось его повѣствованіе: онъ даже никогда не говоритъ о немъ, но единство чувствуется въ цѣломъ твореніи, несмотря на то, что онъ, кажется, забываетъ вовсе дѣла всего міра, занявшись однимъ народомъ. Исторія его не состоитъ изъ непрерывной движущейся цѣпи происшествій; драматическаго искусства въ немъ нѣтъ; вездѣ виденъ размышляющій мудрецъ. Онъ не высказываетъ слишкомъ ярко своихъ мыслей: онъ у него таятся такъ скромно, иногда въ такомъ незамѣтномъ уголкѣ, что неищущій не найдетъ ихъ никогда; но зато онъ такъ высоки и глубоки, что открывшему ихъ открывается, по выраженію Вагнера въ

«Фаустъ», на землѣ небо. Этотъ скромный, незамѣтный слогъ его и отсутствие ослѣпляющей яркости производятъ въ душѣ невольное сожалѣніе: чрезъ него Миллеръ очень мало извѣстенъ, или, лучше сказать, не такъ извѣстенъ, какъ долженъ бы быть. Одни сильно проникнутые мыслью о исторіи и способные къ тонкому развитію могутъ только вполне понимать его; другимъ же онъ кажется легкимъ и неглубокомысленнымъ.

Гердеръ представляетъ совершенно отличный образъ воззрѣнія. Онъ видитъ уже совершенно духовными глазами. У него владычество идеи вовсе поглощаетъ осязательныя формы. Вездѣ онъ видитъ одного человѣка, какъ представителя всего человѣчества. Онъ выпытываетъ глубоко, вдохновенно, какъ браминъ природы, — названіе, которое придаютъ ему нѣмцы. У него крупнѣе группируются событія, его мысли всѣ высоки, глубоки и всемірны. Онъ у него являються мало соединенными съ видимою природою и какъ будто извлеченными изъ одного только чистаго ея горнила. Оттого онъ у него не имѣютъ исторической осязательности и видимости. Если событіе колоссально и заключается въ идеѣ, — оно у него развертывается все, со всеми своими сокровенными явленіями; но если слишкомъ коснулось жизни и практическаго, оно у него не получаетъ опредѣленнаго колорита. Если онъ нисходитъ до самыхъ лицъ и до дѣятелей исторіи, они у него не такъ ярки, какъ общія группы, они принимаютъ слишкомъ общую фizioномію; они у него или добрые, или злые; всѣ безчисленные оттѣнки характеровъ, все смѣшеніе и разнообразіе качествъ, познаніе которыхъ достается въ удѣлъ взирающему съ недовѣрчивостію на другихъ, всѣ эти оттѣнки у него исчезли. Онъ мудрецъ въ познаніи идеальнаго человѣка и человѣчества, но младенецъ въ познаніи человѣка по весьма, естественному ходу вещей, какъ всегда мудрецъ бываетъ великъ въ своихъ мысляхъ и невѣжа въ мелочныхъ занятіяхъ жизни. Какъ поэтъ, онъ выше Шлецера и Миллера. Но, какъ поэтъ, онъ все создаетъ и перевариваетъ въ себѣ, въ своемъ уединенномъ кабинетѣ, полный одного высшаго откровенія, избирая только одно прекрасное и высокое, потому что это уже принадлежность его возвышенной и чистой души. Но высокое и прекрасное вырывается часто изъ низкой и презрѣнной жизни, или оно вызывается натискомъ тѣхъ безчисленныхъ и разнохарактерныхъ явленій, которыя безпрестанно пестрятъ жизнь человѣческую, и которыхъ познаніе рѣдко дается отвлеченному отъ жизни мудрецу. Стиль его, болѣе нежели у кого другого, исполненъ живописи и широкаго размѣра, потому что онъ поэтъ и этимъ рѣзко отличается отъ Миллера, философа-законодателя, всегда спокойнаго и размышляющаго, и Шлецера, философа-критика, всегда почти рѣзкаго и недовольнаго.

Мнѣ кажется, что если бы глубокость результатовъ Гердера, нисходящихъ до самаго начала человѣчества, соединить съ быстрымъ, огненнымъ взглядомъ Шлецера и изыскательною, расторопною мудростію Миллера, тогда бы вышелъ такой историкъ, который бы могъ написать всеобщую исторію. Но при всемъ томъ ему бы еще много кое-чего недоставало; ему бы недоставало высокаго драматическаго искусства, котораго не видно ни у Шлецера, ни у Миллера, ни у Гердера. Я разумѣю, однакожъ, подъ словомъ «драматическаго искусства», не то искусство, которое состоитъ въ умѣнн вести разговоръ, но въ драматическомъ интересѣ всего творенія, который сообщилъ бы ему неодолимую увлекательность, тотъ интересъ, который иногда дышитъ въ историческихъ отрывкахъ Шиллера, особенно въ *Тридцатипятилетней войнѣ*, и которымъ отличается почти всякое немногосложное происшествіе. Но я бы къ этому присоединилъ еще въ нѣкоторой степени занимательность разсказа Вальтера-Скотта

и его умѣніе замѣчать самыя тонкіе оттѣнки; къ этому присоединилъ бы шекспировское искусство развѣивать крупныя черты характеровъ въ тѣсныхъ границахъ, и тогда бы, мнѣ кажется, составился такой историкъ, какаго требуетъ всеобщая исторія. Но до того времени Миллеръ, Шлецеръ и Гердеръ долго останутся великими путеводителями. Они много, очень много освѣтили всеобщую исторію, и если въ нынѣшнее время мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, то этимъ обязаны имъ однимъ.

1832.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ.

П О В Ъ С Т Ъ .

Нѣтъ ничего лучше Невскаго проспекта, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ: для него онъ составляетъ все. Чѣмъ не блеститъ эта улица-красавица нашей столицы? Я знаю, что ни одинъ изъ блѣдныхъ и чиновныхъ ея жителей не промѣняетъ на всѣ блага Невскаго проспекта. Не только кто имѣетъ двадцать пять лѣтъ отъ роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртукъ, но даже тотъ, у кого на подбородкѣ выскакиваютъ бѣлые волосы и голова гладка, какъ серебряное блюдо, и тотъ въ восторгѣ отъ Невскаго проспекта. А дамы! О, дамамъ еще больше пріятенъ Невскій проспектъ. Да и кому же онъ не пріятенъ? Едва только взойдешь на Невскій проспектъ, какъ уже пахнѣтъ однимъ гуляньемъ. Хотя бы имѣлъ какое-нибудь нужное, необходимое дѣло, но, взошедши на него, вѣрно, позабудешь о всякомъ дѣлѣ. Здѣсь единственное мѣсто, гдѣ показываются люди не по необходимости, куда не загнала ихъ надобность и меркантильный интересъ, объемлющій весь Петербургъ. Кажется, человекъ, встрѣченный на Невскомъ проспектѣ, менѣе эгоистъ, нежели въ Морской, Гороховой, Литейной, Мѣщанской и другихъ улицахъ, гдѣ жадность, и корысть, и надобность выражаются на идущихъ и летящихъ въ каретахъ и на дрожкахъ. Невскій проспектъ есть всеобщая коммуникація Петербурга. Здѣсь житель Петербургской или Выборгской части, нѣсколько лѣтъ не бывавшій у своего пріятеля на Пескахъ, или у Московско-ской заставы, можетъ быть увѣренъ, что встрѣтится съ нимъ непременно. Никакой адресъ-календарь и справочное мѣсто не доставятъ такого вѣрнаго извѣстія, какъ Невскій проспектъ. Всемогушій Невскій проспектъ! Единственное развлеченіе бѣднаго на гулянья Петербурга! Какъ чисто подметены его тротуары, и, Боже, сколько ногъ оставляетъ на немъ слѣды свои! И неуклюжіи грязный сапогъ отставнаго солдата, подъ тяжестью котораго, кажется, трескается самый гранитъ, и мишюрный, легкій, какъ дымъ, башмачокъ молодой дамы, оборачивающей свою головку къ блестящимъ огнямъ магазина, какъ подсолнечникъ къ солнцу, и гремящая сабля исполненнаго надеждъ прапорщика, проводящая по немъ рѣзкую паранину, — все вымещаетъ на немъ могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на немъ фантазмагорія въ теченіе одного только дня! Сколько вытерпитъ онъ перемѣнъ въ теченіе однихъ сутокъ! Начнемъ съ самаго ранняго утра, когда весь Петербургъ пахнетъ горячими, только что выпеченными хлѣбами и наполненъ старухами въ изодранныхъ платьяхъ и салопахъ, совершающими свои наѣзды на церкви и на сострадательныхъ прохожихъ. Тогда Невскій проспектъ пустъ: плотные содержатели магазиновъ и ихъ комми еще спятъ въ своихъ голландскихъ рубашкахъ или мылятъ свою благородную щеку и пьютъ кофе; нищія собираются у дверей кондитерскихъ, гдѣ сонный ганимедъ, летавшій вчера, какъ муха, съ шоколадомъ, вылѣзаетъ съ метлой въ рукѣ,

безъ галстука, и швыряетъ имъ черствые пироги и объѣдки. По улицамъ плетется нужный народъ: иногда переходятъ ее русскіе мужики, спѣшшіе на работу, въ сапогахъ, запачканныхъ известью, которыхъ и Екатерининскій каналъ, извѣстный своею чистотою, не въ состояніи бы былъ омыть. Въ это время обыкновенно неприлично ходить дамамъ, потому что русскій народъ любитъ изъясняться такими рѣзкими выраженіями, какихъ онѣ, вѣрно, не услышатъ даже въ театрѣ. Иногда сонный чиновникъ пролетится съ портфелемъ подъ мышкою, если черезъ Невскій проспектъ лежитъ ему дорога въ департаментъ. Можно сказать рѣшительно, что въ это время, т.-е. до 12 часовъ, Невскій проспектъ не составляетъ ни для кого цѣли, онъ служитъ только средствомъ: онъ постепенно наполняется лицами, имѣющими свои занятія, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о немъ. Русскій мужикъ говоритъ о гривнѣ или о семи грошахъ мѣди, старики и старухи размахиваютъ руками или говорятъ сами съ собою, иногда съ довольно разительными жестами, но никто ихъ не слушаетъ и не смѣется надъ ними, выключая только развѣ мальчишекъ въ пестрядевыхъ халатахъ, съ пустыми штофами или готовыми сапогами въ рукахъ, бѣгущихъ молніями по Невскому проспекту. Въ это время, что бы вы на себя ни надѣли, хотя бы даже, вмѣсто шляпы, картузь былъ у васъ на головѣ, хотя бы воротнички слишкомъ далеко высунулись изъ вашего галстука, — никто этого не замѣтитъ.

Въ 12 часовъ на Невскій проспектъ дѣлаютъ набѣги гувернеры всѣхъ націй съ своими питомцами въ батистовыхъ воротничкахъ. Англійскіе Джонсы и французскіе Коки идутъ подъ-руку съ вѣренными ихъ родительскому попеченію питомцами и съ приличною солидностію изъясняютъ имъ, что вывѣски надъ магазинами дѣлаются для того, чтобы можно было посредствомъ ихъ узнать, что находится въ самыхъ магазинахъ. Гувернантки, блѣдныя миссъ и розовыя мадмуазели, идутъ величаво позади своихъ легенькихъ, вертявыхъ дѣвчонокъ, приказывая имъ поднять нѣсколько лѣвое плечо и держаться прямо; короче сказать, въ это время Невскій проспектъ — педагогическій Невскій проспектъ. Но чѣмъ ближе къ двумъ часамъ, тѣмъ уменьшается число гувернантокъ, педагоговъ и дѣтей: они, наконецъ, вытѣсняются нѣжными ихъ родителями, идущими подъ руку съ своими пестрыми, разноцвѣтными, слабо-нервными подругами. Мало-по-малу присоединяются къ ихъ обществу всѣ, окончившіе довольно важныя домашнія занятія, какъ-то: поговорившіе съ своимъ докторомъ о погодѣ и о небольшомъ прыщикѣ, вскочившемъ на носу, узнавшіе о здоровьѣ лошадей и дѣтей своихъ, впрочемъ, показывающихъ большія дарованія, прочитавшіе афишу и важную статью въ газетахъ о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, наконецъ, выпившіе чашку кофею и чаю; къ нимъ присоединяются и тѣ, которыхъ завидная судьба надѣлила благословеннымъ званіемъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ. Къ нимъ присоединяются и тѣ, которые служатъ въ иностранной коллегіи и отличаются благородствомъ своихъ занятій и привычекъ! Боже, какія есть прекрасныя должности и службы! какъ онѣ возвышаютъ и услаждаютъ душу! Но, увы, я не служу и лишецъ удовольствія видѣть тонкое обращеніе съ собою начальниковъ. Все, что вы ни встрѣтите на Невскомъ проспектѣ, все исполнено приличія: мужчины въ длинныхъ сюртукахъ съ заложными въ карманы руками, дамы въ розовыхъ, бѣлыхъ и блѣдно-голубыхъ атласныхъ рединготахъ и щегольскихъ шляпкахъ. Вы здѣсь встрѣтите бакенбарды, единственныя, пропущенныя съ необыкновеннымъ и изумительнымъ искусствомъ подъ галстукъ, бакенбарды бархатныя, атласныя, черныя, какъ соболь или уголь, но, увы! принадлежащія только одной иностранной коллегіи. Служащимъ въ другихъ департаментахъ

Провидѣніе отказало въ черныхъ бакенбардахъ; они должны, къ величайшей непріятности своей, носить рыжія. Здѣсь вы встрѣтите усы чудные, никакимъ перомъ, никакою кистью неизобразимые; усы, которымъ посвящена лучшая половина жизни, предметъ долгихъ бдѣній во время дня и ночи; усы на которые излились восхитительнѣйшіе духи, и которыхъ умастили всѣ драгоценнѣйшіе и рѣдчайшіе сорта помадъ; усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою; усы, къ которымъ дышитъ самая трогательная привязанность ихъ посессоровъ, и которымъ завидуютъ проходящіе. Тысячи сортовъ шляпокъ, платьевъ, платковъ, пестрыхъ, легкихъ, къ которымъ иногда въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней сохраняется привязанность ихъ владѣтельныхъ, ослѣплять хоть кого на Невскомъ проспектѣ. Кажется, какъ будто цѣлое море мотыльковъ поднялось вдругъ со стеблей и волнуется блестящею тучею надъ черными жуками мужскаго пола. Здѣсь вы встрѣтите такія тали, какія даже вамъ не снились никогда: тоненькія, узенькія тали, никакъ не толще бутылочной шейки, встрѣтятся съ которыми, вы почтительно отойдете къ сторонкѣ, чтобы какъ-нибудь неосторожно не толкнуть невѣжливымъ локтемъ; сердцемъ вашимъ овладѣть робость и страхъ, чтобы какъ-нибудь, отъ неосторожнаго даже дыханія вашего, не переломилось прелестнѣйшее произведеніе природы и искусства. А какіе встрѣтите вы дамскіе рукава на Невскомъ проспектѣ! Ахъ, какая прелесть! Они нѣсколько похожи на два воздухоплавательные шара, такъ что дама вдругъ бы поднялась на воздухъ, если бы не поддерживалъ ее мужчина; потому что даму такъ же легко и пріятно поднять на воздухъ, какъ подносимый ко рту бокалъ, наполненный шампанскимъ. Нигдѣ при взаимной встрѣчѣ не раскланиваются такъ благородно и непринужденно, какъ на Невскомъ проспектѣ. Здѣсь вы встрѣтите улыбку единственную, улыбку — верхъ искусства: иногда такую, что можно растаять отъ удовольствія, иногда такую, что вы увидите себя вдругъ ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейскаго шпица и поднимете ее вверхъ. Здѣсь вы встрѣтите разговаривающихъ о концертѣ или о погодѣ съ необыкновеннымъ благородствомъ и чувствомъ собственнаго достоинства. Тутъ вы встрѣтите тысячу непостижимыхъ характеровъ и явленій. Создатель! какіе странные характеры встрѣчаются на Невскомъ проспектѣ! Есть множество такихъ людей, которые, встрѣтившись съ вами, непременно посмотрятъ на сапоги ваши и, если вы пройдете, они оборотятся назадъ, чтобы посмотреть на ваши фалды. Я до сихъ поръ не могу понять, отчего это бываетъ. Сначала я думалъ, что они сапожники, но, однакоже, ничуть не бывало: они большею частію служатъ въ разныхъ департаментахъ, многіе изъ нихъ превосходнымъ образомъ могутъ написать отношеніе изъ одного казеннаго мѣста въ другое; или же — люди, занимающіеся прогулками, чтеніемъ газетъ по кондитерскимъ, — словомъ, большею частію все порядочные люди. Въ это благословенное время отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ пополудни, которое можетъ назваться движущею столицею Невскаго проспекта, произойдетъ главная выставка всѣхъ лучшихъ произведеній человека. Одинъ поазываетъ щегольской сюртукъ, къ лучшимъ бобромъ, другой — греческій прекрасный носъ, третій несетъ превосходныя бакенбарды, четвертая пару хорошенькихъ глазокъ и удивительную шляпку, пятый перстень съ талисманомъ на щегольскомъ мизинцѣ, шестая — ножку въ очаровательномъ башмачкѣ, седьмой — галстукъ, возбуждающій удивленіе, восьмой — усы, повергающіе въ изумленіе. Но бьетъ три часа — и выставка оканчивается, толпа рѣдѣетъ... Въ три часа новая перемѣна. На Невскомъ проспектѣ вдругъ настаетъ весна: онъ покрывается весь чиновниками въ зеленыхъ вицундирахъ. Голодные титулярные, надворные

и прочіе совѣтники стараются всѣми силами ускорить свой ходъ. Молодые коллежскіе регистраторы, губернскіе и коллежскіе секретари спѣшатъ еще воспользоваться временемъ и пройтись по Невскому проспекту съ осянкою, показывающею, что они вовсе не сидѣли 6 часовъ въ присутствіи. Но старые коллежскіе секретари, титулярные и надворные совѣтники идутъ скоро, потупивши голову: имъ не до того, чтобы заниматься разсматриваніемъ прохожихъ; они еще не вполне оторвались отъ заботъ своихъ; въ ихъ головѣ ералашъ и цѣлый архивъ начатыхъ и не конченныхъ дѣлъ; имъ долго, вмѣсто вывѣски, показывается картонка съ бумагами или полное лицо правителя канцеляріи.

Съ четырехъ часовъ Невскій проспектъ пустъ, и врядъ ли вы встрѣтите на немъ хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея изъ магазина перебѣжитъ чрезъ Невскій проспектъ съ коробкою въ рукахъ; какая-нибудь жалкая добыча человѣколюбиваго попытчика, пущенная по-міру во фризовой шинели; какой-нибудь заѣзжій чудакъ, которому всѣ часы равны; какая-нибудь длинная, высокая англичанка съ ридикюлемъ и книжкою въ рукахъ; какой-нибудь артельщикъ, русскій человѣкъ, въ демитоновомъ сюртукѣ, съ таліей на спинѣ, съ узенькою бородою, живущій всю жизнь на живую нитку, въ которомъ все шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова, когда онъ учтиво проходитъ по тротуару; иногда низкій ремесленникъ... больше никого не встрѣтите вы въ это время на Невскомъ проспектѣ.

Но какъ только сумерки упадутъ на дома и улицы, и будочникъ, накрывшись рогожею, вскарабкается на лѣстницу зажигать фонарь, а изъ низенькихъ окошекъ магазиновъ выглянутъ тѣ эстампы, которые не смѣютъ показаться среди дня, какъ уже Невскій проспектъ опять оживаетъ и начинается шевелиться. Тогда настаетъ то таинственное время, когда лампы даютъ всему какой-то заманчивый, чудесный свѣтъ. Вы встрѣтите очень много молодыхъ людей, большею частію холостыхъ, въ теплыхъ сюртукахъ и шинеляхъ. Въ это время чувствуется какая-то цѣль, или, лучше, что-то похожее на цѣль, что-то чрезвычайно безотчетное; шаги всѣхъ ускоряются и становятся вообще очень неровны; длинныя тѣни мелькаютъ по стѣнамъ и мостовой, и чуть не достаютъ головами Полицейскаго моста. Молодые коллежскіе регистраторы, губернскіе и коллежскіе секретари очень долго прохаживаются; но старые коллежскіе регистраторы, титулярные и надворные совѣтники, большею частію, сидятъ дома, или потому, что это народъ женатый, или потому, что имъ очень хорошо готовятъ кушанье живущія у нихъ въ домахъ кухарки-нѣмки. Здѣсь вы встрѣтите почтенныхъ стариковъ, которые съ такою важностью и съ такимъ удивительнымъ благородствомъ прогуливались въ два часа по Невскому проспекту. Вы ихъ увидите бѣгущими такъ же, какъ молодые коллежскіе регистраторы, съ тѣмъ, чтобы заглянуть подъ шляпку издали завидной дамы, которой толстыя губы и щеки, наштукатуренныя румянами, такъ нравятся многимъ гуляющимъ, а болѣе всего сидѣльцамъ, артельщикамъ, купцамъ, всегда въ нѣмецкихъ сюртукахъ гуляющимъ цѣлою толпою и обыкновенно подъ руку.

— Стой! — закричалъ въ это время поручикъ Пировъ, дернувъ шедшаго съ нимъ молодого человѣка во фракъ и въ плащѣ. — Видѣлъ?

— Видѣлъ; чудная, совершенно Перуджинова Біанка.

— Да ты объ какой говоришь?

— Объ ней, о той, что съ темными волосами... И какіе глаза! Боже, какіе глаза! Все положеніе и контура, и окладъ лица — чудеса!

— Я говорю тебѣ о блондинкѣ, что прошла за ней въ ту сторону. Что жъ ты не идешь за брюнеткою, когда она такъ тебѣ понравилась?

— О, какъ можно! — воскликнулъ, закраснѣвшись, молодой человѣкъ во фракѣ. — Какъ будто она изъ тѣхъ, которыя ходятъ ввечеру по Невскому проспекту; это должна быть очень знатная дама, — продолжалъ онъ, вздохнувши: — одинъ плащъ на ней стѣитъ рублей восемьдесятъ!

— Простакъ! — закричалъ Пироговъ, насильно толкнувши его въ ту сторону, гдѣ развѣвался яркій плащъ ея: — ступай, простофиля, прозѣваешь! А я пойду за блондинкою.

Оба пріятеля разошлись.

«Знаемъ мы васъ всѣхъ», — думалъ про себя съ самодовольною и самонадѣянною улыбкою Пироговъ, увѣренный, что нѣтъ красоты, могшей бы ему противиться.

Молодой человѣкъ во фракѣ и плащѣ робкимъ и трепетнымъ шагомъ пошелъ въ ту сторону гдѣ развѣвался вдали пестрый плащъ, то окидывавшійся яркимъ блескомъ, по мѣрѣ приближенія къ свѣту фонаря, то мгновенно покрывавшійся тьмою, по удаленіи отъ него. Сердце его билось, и онъ невольно ускорялъ шагъ свой. Онъ не смѣлъ и думать о томъ, чтобы получить какое-нибудь право на вниманіе улетавшей вдали красавицы, тѣмъ болѣе допустить такую черную мысль, о какой намекалъ ему поручикъ Пироговъ; но ему хотѣлось только видѣть домъ, замѣтить, гдѣ имѣетъ жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетѣло съ неба прямо на Невскій проспектъ и, вѣрно, улетитъ неизвѣстно куда. Онъ летѣлъ такъ скоро, что сталкивалъ безпрестанно съ тротуара солидныхъ господъ, съ сѣдыми бакенбардами. Этотъ молодой человѣкъ принадлежалъ къ тому классу, который составляетъ у насъ довольно странное явленіе и столько же принадлежитъ къ гражданамъ Петербурга, сколько лицо, являющееся намъ въ сновидѣніи, принадлежитъ къ существенному міру. Это исключительное сословіе очень необыкновенно въ томъ городѣ, гдѣ все или чиновники, или кушцы, или ремесленники-нѣмцы. Это былъ художникъ. Не правда ли, странное явленіе — художникъ петербургскій? Художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно! Эти художники вовсе не похожи на художниковъ италіанскихъ, гордыхъ, горячихъ, какъ Италія и ея небо; напротивъ того, это большею частію добрый, кроткій народъ, застѣнчивый, безпечный, любящій тихо свое искусство, пьющій чай съ двумя пріятелями своими въ маленькой комнатѣ, скромно толкующій о любимомъ предметѣ и вовсе небрегающій объ излишнемъ. Онъ вѣчно зазоветъ къ себѣ какую-нибудь нищую-старуху и заставитъ ее просидѣть битыхъ часовъ шесть, съ тѣмъ, чтобы перевести на полотно ея жалкую, безчувственную мину. Онъ рисуетъ перспективу своей комнаты, въ которой валяется всякій художественный вздоръ: гипсовыя руки и ноги, сдѣлавшіяся кофейными отъ времени и пыли, изломанные живописные станки, опрокинутая палитра, пріятель, играющій на гитарѣ, стѣны, запачканныя красками, съ раствореннымъ окномъ, сквозь которое мелькаетъ блѣдная Нева и бѣдные рыбаки въ красныхъ рубашкахъ. У нихъ всегда почти на всемъ сѣренькій, мутный колоритъ — неизгладимая печать Сѣвера. При всемъ томъ, они съ истиннымъ наслажденіемъ трудятся надъ своею работою. Они часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ, и если бы только дунулъ на нихъ свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы, вѣрно, развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растеніе, которое выносятъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ. Они вообще очень робки: звѣзда и толстый эполетъ приводятъ ихъ въ такое замѣшательство, что они невольно понижаютъ цѣну своихъ произведеній. Они любятъ иногда пощеголять, но щегольство это всегда кажется на нихъ слишкомъ рѣзкимъ и

нѣсколько походить на заплата. На нихъ встрѣтите вы иногда отличный фракъ и запачканный плащъ, дорогой бархатный жилетъ и сюртукъ весь въ краскахъ, — такимъ же самымъ образомъ, какъ на недоконченномъ ихъ пейзажѣ увидите вы иногда нарисованную внизъ головою нимфу, которую онъ, не найдя другого мѣста, набросалъ на запачканномъ грунтѣ прежняго своего произведенія, когда-то писаннаго имъ съ наслажденіемъ. Онъ никогда не глядитъ вамъ прямо въ глаза; если же глядитъ, то какъ-то мутно, неопредѣленно; онъ не вонзаетъ въ васъ ястребинаго взора наблюдателя или соколинаго взгляда кавалерійскаго офицера. Это происходитъ оттого, что онъ въ одно и то же время видитъ и ваши черты, и черты какого-нибудь гипсоваго Геркулеса, стоящаго въ его комнатѣ, или ему представляется его же собственная картина, которую онъ еще думаетъ произвестъ. Отъ этого онъ отвѣчаетъ часто несвязно, иногда невпопадъ, и мѣшающіеся въ его головѣ предметы еще болѣе увеличиваютъ его робость. Къ такому роду принадлежалъ и описываемый нами молодой человѣкъ, художникъ Пискаревъ, застѣнчивый, робкій, но въ душѣ своей носившій искры чувства, готовый, при удобномъ случаѣ, превратиться въ пламя. Съ тайнымъ трепетомъ спѣшилъ онъ за своимъ предметомъ, такъ сильно его поразившимъ, и, казалось, дивился самъ своей дерзости. Незнакомое существо, къ которому такъ прильнули его глаза, мысли и чувства, вдругъ поворотило голову и взглянуло на него. Боже, какія божественныя черты! Ослѣпительной бѣлизны прелестнѣйшій лобъ осѣненъ былъ прекрасными, какъ агаты, волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть ихъ, падая изъ-подъ шляпки, касалась щеки, тронутой тонкимъ, свѣжимъ румянцемъ, проступившимъ отъ вечерняго холода. Уста были замкнуты дѣльнымъ роємъ прелестнѣйшихъ грезъ. Все, что остается отъ воспоминанія о дѣтствѣ, что даетъ мечтаніе и тихое вдохновеніе при свѣтящейся лампадѣ, — все это, казалось, совокупилося, слилося и отразилось въ ея гармоническихъ устахъ. Она взглянула на Пискарева, и при этомъ взглядѣ затрепетало его сердце; она взглянула сурово: чувство негодованія проступило у ней на лицѣ при видѣ такого наглаго преслѣдованія; но на этомъ прекрасномъ лицѣ и самый гнѣвъ былъ обворожителенъ. Постигнутый стыдомъ и робостью, онъ остановился, потупивъ глаза; но какъ утратить это божество и не узнать даже того святилища, гдѣ оно опустилось гостить? Такія мысли пришли въ голову молодому мечтателю, и онъ рѣшился преслѣдовать. Но, чтобы не дать этого замѣтить, онъ отдалился на дальнее разстояніе, безопасно глядѣлъ по сторонамъ и разсматривалъ вывѣски, а между тѣмъ не упускалъ изъ виду ни одного шага незнакомки. Проходящіе рѣже начали мелькать, улица становилась тише, красавица оглянулась, и ему показалось, какъ будто легкая улыбка сверкнула на губахъ ея. Онъ весь задрожалъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Нѣтъ, это фонарь обманчивымъ свѣтомъ своимъ выразилъ на лицѣ ея подобіе улыбки; нѣтъ, это собственныя мечты его смѣются надъ нимъ. Но дыханіе занялось въ его груди, все въ немъ обратилось въ неопредѣленный трепетъ, всѣ чувства его горѣли и все передъ нимъ окунулось какимъ-то туманомъ; тротуаръ несся подъ нимъ, кареты со скачущими лошадыми казались недвижными, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка валилась къ нему навстрѣчу, и алебарда часового, вмѣстѣ съ золотыми словами вывѣски и нарисованными ножницами, блестяла, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ. И все это произвелъ одинъ взглядъ, одинъ поворотъ хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не внимая, онъ несся по легкимъ слѣдамъ прекрасныхъ ножекъ, стараясь самъ умѣрить быстроту своего шага, летѣвшаго подъ тактъ сердца. Иногда овладѣвало имъ сомнѣніе, точно ли

выраженіе лица ея было такъ благосклонно, и тогда онъ на минуту останавливался; но сердечное біеніе, непреодолимая сила и тревога всѣхъ чувствъ стремилась его впередъ. Онъ даже не замѣтилъ, какъ вдругъ возвысился передъ нимъ четырехъэтажный домъ, всѣ четыре ряда оконъ, свѣтившіеся огнемъ, глянули на него разомъ, и перила у подъезда противопоставили ему желѣзный толчокъ свой. Онъ видѣлъ, какъ незнакомка летѣла по лѣстницѣ, оглянулась, положила на губы палецъ и дала знакъ слѣдовать за собою. Колѣни его дрожали; чувства, мысли горѣли; молнія радости нестерпимымъ остриемъ вонзилась въ его сердце. Нѣтъ, это уже не мечта! Боже, столько счастья въ одинъ мигъ! такая чудесная жизнь въ двухъ минутахъ.

Но не во снѣ ли это все? Ужели та, за одинъ небесный взглядъ которой онъ готовъ былъ отдать всю жизнь, приблизиться къ жилищу которой уже онъ почиталъ за неизяснимое блаженство, — ужели та была сейчасъ такъ благосклонна и внимательна къ нему? Онъ взлетѣлъ на лѣстницу. Онъ не чувствовалъ никакой земной мысли; онъ не былъ разогрѣтъ пламенемъ земной страсти, — нѣтъ, онъ былъ въ эту минуту чистъ и непороченъ, какъ дѣвственный юноша, еще дышавшій неопредѣленною духовною потребностью любви. И то, что возбуждало бы въ развратномъ человѣкѣ дерзкія помышленія, то самое, напротивъ, еще болѣе освятило ихъ. Это довѣріе, которое оказало ему слабое, прекрасное существо, это довѣріе наложило на него обѣтъ строгости рыцарской, обѣтъ рабски исполнять всѣ повелѣнія ея. Онъ только желалъ, чтобы эти велѣнія были какъ можно болѣе трудны и неудобноисполняемы, чтобы съ болѣшимъ напряженіемъ силъ летѣть продолжать ихъ. Онъ не сомнѣвался, что какое-нибудь тайное и вмѣстѣ важное происшествіе заставило незнакомку ему ввѣриться; что отъ него, вѣрно, будутъ требоваться значительныя услуги, и онъ чувствовалъ уже въ себѣ силу и рѣшимость на все.

Лѣстница вилась, и вмѣстѣ съ нею вились его быстрыя мечты. — «Идите осторожнѣе!» — зазвучалъ, какъ арфа, голосъ и наполнилъ всѣ жилы его новымъ трепетомъ. Въ темной вышинѣ четвертаго этажа незнакомка постучала въ дверь; она отворилась, и они вошли вмѣстѣ. Женщина, довольно недурной наружности, встрѣтила ихъ со свѣчою въ рукѣ, но такъ странно и нагло посмотрѣла на Пискарева, что онъ опустилъ невольно свои глаза. Они вошли въ комнату. Три женскія фигуры въ разныхъ углахъ представились его глазамъ. Одна раскладывала карты; другая сидѣла за фортепіаномъ и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобіе стариннаго полонеза; третья сидѣла передъ зеркаломъ, расчесывая гребнемъ свои длинные волосы, и вовсе не думала оставить туалета своего при входѣ незнакомаго лица. Какой-то неприятный беспорядокъ, который можно встрѣтить только въ безопасной комнатѣ холостяка, царствовалъ во всемъ. Мебели, довольно хорошия, были покрыты пылью; паукъ застилалъ своею паутиною лѣпной карнизъ; съюзъ непритворенную дверь другой комнаты блестялъ сапогъ со шпорой и красвѣла выпушка мундира; громкій мужской голосъ и женскій смѣхъ раздавались безъ всякаго принужденія.

Боже, куда зашелъ онъ! Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить и началъ пристальнѣе вematриваться въ предметы, наполнявшіе комнату; но голыя стѣны и окна безъ занавѣсъ не показывали никакого присутствія заботливой хозяйки; изношенные лица этихъ жалкихъ созданій, изъ которыхъ одна сѣла почти передъ его носомъ и такъ же спокойно его разсматривала, какъ патно на чужомъ платьѣ, — все это увѣрило его, что онъ зашелъ въ тотъ отвратительный пріютъ, гдѣ основалъ свое жилище жалкій развратъ, порожденный мншурною образованностью и страшнымъ многолюдствомъ столицы, — тотъ

пріютъ, гдѣ человекъ святотатственно подавилъ и посмѣялся надъ всѣмъ чистымъ и святымъ, украшающимъ жизнь, гдѣ женщина, эта красавица міра, вѣнецъ творенія, обратилась въ какое-то странное, двусмысленное существо, гдѣ она, вмѣстѣ съ чистотою души, лишилась всего женскаго и отвратительно присвоила себѣ ухватки и наглость мужчины и уже перестала быть тѣмъ слабымъ, тѣмъ прекраснымъ и такъ отличнымъ отъ насъ существомъ. Пискаревъ мѣрять ее съ ногъ до головы изумленными глазами, какъ бы еще желая увѣриться, та ли это, которая такъ околдовала и унесла его на Невскомъ проспектѣ. Но она стояла передъ нимъ такъ же хороша; волосы ея были такъ же прекрасны; глаза ея казались все еще небесными. Она была свѣжа; ей было только 17 лѣтъ; видно было, что еще недавно настигнулъ ее ужасный развратъ; онъ еще не смѣлъ коснуться къ ея щекамъ, онъ были свѣжи и легко оттѣнены тонкимъ румянцемъ; она была прекрасна.

Онъ неподвижно стоялъ передъ нею и уже готовъ былъ такъ же просто-душно позабыться, какъ позабылся прежде. Но красавица наскутила такимъ долгимъ молчаніемъ и значительно улыбнулась, глядя ему прямо въ глаза. Но эта улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости: она такъ была странна и такъ же шла къ ея лицу, какъ идетъ выраженіе набожности рожѣ взяточника или бухгалтерская книга поэту. Онъ содрогнулся. Она раскрыла свои хорошенькія уста и стала говорить что-то, но все это было такъ глупо, такъ пошло... Какъ будто вмѣстѣ съ непорочною оставляетъ и умъ человека! Онъ уже ничего не хотѣлъ слышать. Онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ и простъ, какъ дитя. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться такою благосклонностью, вмѣсто того, чтобы обрадоваться такому случаю, какому, безъ сомнѣнія, обрадовался бы на его мѣстѣ всякій другой, онъ бросился со всѣхъ ногъ, какъ дикая сайга, и выбѣжалъ на улицу.

Повѣсивши голову и опустивши руки, сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ, какъ бѣднякъ, нашедшій безцѣнную жемчужину и тутъ же уронившій ее въ море. «Такая красавица, такія божественныя черты! И гдѣ же? въ какомъ мѣстѣ?...» Вотъ все, что онъ могъ выговорить.

Въ самомъ дѣлѣ, никогда жалость такъ сильно не овладѣваетъ нами, какъ при видѣ красоты, тронутой тлетворнымъ дыханіемъ разврата. Пусть бы еще безобразіе дружилось съ нимъ, но красота, красота нѣжна... Она только съ одной непорочною и чистою сливается въ нашихъ мысляхъ. Красавица, такъ околдовавшая бѣднаго Пискарева, была дѣйствительно чудесное, необыкновенное явленіе. Ея пребываніе въ этомъ презрѣнномъ кругу еще болѣе казалось необыкновеннымъ. Всѣ черты ея были такъ чисто образованы, все выраженіе прекраснаго лица ея было означено такимъ благородствомъ, что никакъ бы нельзя было думать, чтобы развратъ уже распустилъ надъ нею страшные свои когти. Она бы составила неоцѣненный перлъ, весь міръ, весь рай, все богатство страстнаго супруга; она была бы прекрасной, тихой звѣздой въ незамѣтномъ семейномъ кругу и однимъ движеніемъ прекрасныхъ устъ своихъ давала бы сладкія приказанія. Она бы составила божество въ многочелюдномъ залѣ, на свѣтломъ паркетѣ, при блескѣ свѣчей, при безмолвномъ благоговѣннѣ толпы поверженныхъ у ногъ ея поклонниковъ; но, увы! она была, какою-то ужасною волею адскаго духа, жаждущаго разрушить гармонию жизни, брошена съ хохотомъ въ эту страшную пучину.

Проникнутый разрывающею жалостью, сидѣлъ онъ передъ нагорѣвшею свѣчою. Уже и полночь давно минула, колоколъ башни билъ половину перваго, а онъ сидѣлъ, неподвижный, безъ сна, безъ дѣятельнаго бѣднія. Дремота, воспользовавшись его неподвижностью, уже было начала тихонько

одолввать его, уже комната начала исчезать, одинъ только огонь свѣчи просвѣчивалъ сквозь одолѣвшія его грѣзы, какъ вдругъ стукъ у дверей заставилъ его вздрогнуть и очнуться. Дверь отворилась, и вошелъ лакей въ богатой ливреѣ. Въ его уединенную комнату никогда не заглядывала богатая ливрея, притомъ въ такое необыкновенное время... Онъ недоумѣвалъ и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ смотрѣлъ въ оба на пришедшаго лакея.

— Та барыня, — произнесъ съ учтивымъ поклономъ лакей, — у которой вы изволили за нѣсколько часовъ передъ симъ быть, приказала просить васъ къ себѣ и прислала за вами карету.

Пискаревъ стоялъ въ безмолвномъ удивленіи: «карету, лакей въ ливреѣ!.. Нѣтъ, здѣсь, вѣрно, есть какая-нибудь ошибка...»

— Послушайте, любезный, — произнесъ онъ съ робостью: — вы, вѣрно, не туда изволили зайти. Васъ барыня, безъ сомнѣнія, прислала за кѣмъ-нибудь другимъ, а не за мною.

— Нѣтъ, сударь, я не ошибся. Вѣдь вы изволили проводить барыню пѣшкомъ къ дому, что въ Литейной, въ комнату четвертаго этажа?

— Я.

— Ну, такъ пожалуйста же скорѣе, барыня непременно желаетъ видѣть васъ и просить васъ уже пожаловать прямо къ нимъ на домъ.

Пискаревъ сбѣжалъ съ лѣстницы. На дворѣ, точно, стояла карета. Онъ сѣлъ въ нее, дверцы хлопнули, камни мостовой загремѣли подъ колесами и копытами — и освѣщенная перспектива домовъ, съ фонарями и вывѣсками, понеслась мимо каретныхъ оконъ. Пискаревъ думалъ всю дорогу и не зналъ, какъ разрѣшить это приключеніе. Собственный домъ, карета, лакей въ богатой ливреѣ... Все это онъ никакъ не могъ согласить съ комнатою въ четвертомъ этажѣ, пыльными окнами и разстроеннымъ фортепiano. Карета остановилась передъ ярко освѣщеннымъ подъѣздомъ, и его разомъ поразили рядъ экипажей, говоръ кучеровъ, ярко освѣщенные окна и звуки музыки. Лакей въ богатой ливреѣ посадилъ его изъ кареты и почтительно проводилъ въ сѣни съ мраморными колоннами, съ облитымъ золотомъ швейцаромъ, съ разбросанными плащами и шубами, съ яркою лампою. Воздушная лѣстница съ блестящими перилами, надушенная ароматами, неслась вверхъ. Онъ уже былъ на ней, уже взомель въ первую залу, испугавшись и попятившись съ первымъ шагомъ отъ ужаснаго многолюдства. Необыкновенная пестрота лицъ привела его въ совершенное замѣшательство; ему казалось, что какой-то демонъ искрошилъ весь міръ на множество разныхъ кусковъ, и всѣ эти куски, безъ смысла, безъ толку, смѣшалъ вмѣстѣ. Сверкающія дамскія плечи и черные фраки, люстры, лампы, воздушные летящія газы, эфирныя ленты и толстый контрабасъ, выглядывавшій изъ-за перилъ великолѣпныхъ хоровъ, — все было для него блистательно. Онъ увидѣлъ за однимъ разомъ столько почтенныхъ стариковъ и полустариковъ съ звѣздами на фракахъ, дамъ, такъ легко, гордо и граціозно выступавшихъ по паркету или сидѣвшихъ рядами; онъ услышалъ столько словъ французскихъ и англійскихъ; къ тому же молодые люди въ черныхъ фракахъ были исполнены такого благородства, съ такимъ достоинствомъ говорили и молчали, такъ не умѣли сказать ничего лишняго, такъ величаво шутили, такъ почтительно улыбались, такія превосходныя носили бакенбарды, такъ искусно умѣли показывать отличныя руки, поправляя галстукъ, дамы такъ были воздушны, такъ погружены въ совершенное самодовольство и упоеніе, такъ очаровательно потупляли глаза, — что... но одинъ уже смиренный видъ Пискарева, прислонившагося съ боязнію къ колоннѣ, показывалъ, что онъ растерялся вовсе. Въ это время толпа обступила

танцующую группу. Онѣ неслись, увитыя прозрачнымъ созданиемъ Парижа, въ платьяхъ, сотканныхъ изъ самого воздуха; небрежно касались онѣ блестящими ножками паркета и были болѣе эфирны, нежели если бы вовсе его не касались. Но одна между ними всѣхъ лучше, всѣхъ роскошнѣе и блистательнѣе одѣта. Невыразимое, самое тонкое сочетание вкуса разлилось во всея ея уборѣ, и при всея томъ она, казалось, вовсе о немъ не заботилась, и оно вылилось невольно, само собою. Она и глядѣла, и не глядѣла на обступившую толпу зрителей, прекрасныя длинныя рѣсницы опустились равнодушно, и сверкающая бѣлизна лица ея еще ослѣпительнѣе бросилась въ глаза, когда легкая тѣнь осѣнила, при наклонѣ головы, очаровательный лобъ ея.

Пискаревъ употребилъ всея усилія, чтобы раздвинуть толпу и разсмотрѣть ее; но, къ величайшей досадѣ, какая-то огромная голова, съ темными курчавыми волосами, заслоняла ее безпрестанно; притомъ толпа его притиснула такъ, что онъ не смѣлъ податься впередъ, не смѣлъ попытаться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ-нибудь образомъ какого-нибудь тайнаго совѣтника. Но вотъ онъ продрался-таки впередъ и взглянулъ на свое платье, желая прилично оправиться. Творецъ небесный! что это? На немъ былъ сюртукъ и весь запачканный красками: спѣша ѣхать, онъ позабылъ даже переодѣться въ пристойное платье. Онъ покраснѣлъ до ушей и, потупивъ голову, хотѣлъ провалиться, но провалиться рѣшительно было некуда: камеръ-юнкеры, въ блестящемъ костюмѣ, сдвинулись позади его совершенно стѣною. Онъ уже желалъ быть какъ можно подалѣе отъ красавицы съ прекраснымъ лбомъ и рѣсницами. Со страхомъ поднялъ онъ глаза посмотрѣть, не глядитъ ли она на него. Боже! она стоитъ передъ нимъ... Но что это? что это? «Это она!» вскрикнулъ онъ почти во весь голосъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была она, — та самая, которую встрѣтилъ онъ на Невскомъ и которую проводилъ къ ея жилищу.

Она подняла, между тѣмъ, свои рѣсницы и глянула на всѣхъ своимъ яснымъ взглядомъ. «Ай, ай, ай, какъ хороша!..» могъ только выговорить онъ съ захватившимся дыханіемъ. Она обвела своими глазами весь кругъ, наперерывъ жаждавшій остановить ея вниманіе, но съ какимъ-то утомленіемъ и невниманіемъ она скоро отвратила ихъ и встрѣтилась съ глазами Пискарева. О, какое небо! какой рай! Дай силы, Создатель, перенести это! Жизнь не вмѣститъ его, онъ разрушитъ ее и унесетъ душу! Она подала знакъ, но не рукою, не наклоненіемъ головы, нѣтъ, въ ея сокрушительныхъ глазахъ выразился этотъ знакъ такимъ тонкимъ, незамѣтнымъ выраженіемъ, что никто не могъ его видѣть, но онъ видѣлъ, онъ понялъ его. Танецъ длился долго; утомленная музыка, казалось, вовсе погасала и замирала, и опять вырывалась, визжала и гремѣла; наконецъ, танецъ кончился. Она сѣла; усталая грудь ея воздымалась подъ тонкимъ дымомъ газа; рука ея воздушное платье, и платье подъ нею, казалось, стало дышать музыкою, и тонкій сиреневый цвѣтъ его еще виднѣе означилъ яркую бѣлизну этой прекрасной руки. Коснуться бы только ея — и ничего больше! Никакихъ другихъ желаній — они всея дерзки... Онъ стоялъ у ней за стуломъ, не смѣя говорить, не смѣя дышать.

— Вамъ было скучно? — произнесла она: — я также скучала. Я замѣчаю, что вы меня ненавидите... — прибавила она, потупивъ свои длинныя рѣсницы.

— Васъ ненавидѣть? мнѣ?.. Я?.. — хотѣлъ было произнестъ совершенно потерявшійся Пискаревъ и наговорилъ бы, вѣрно, кучу самыхъ несвязныхъ

словъ, но въ это время подошелъ камергеръ съ острыми и пріятными замѣчаніями, съ прекраснымъ завитымъ на головѣ хохломъ. Онъ довольно пріятно показывалъ рядъ довольно недурныхъ зубовъ и каждою остротою своею вбивалъ острый гвоздь въ его сердце. Наконецъ, кто-то изъ постороннихъ, къ счастью, обратился къ камергеру съ какимъ-то вопросомъ.

— Какъ это несносно! — сказала она, поднявъ на него свои небесные глаза. — Я сяду на другомъ концѣ зала: будьте тамъ! — Она проскользнула между толпою и исчезла. Онъ, какъ помѣшанный, растолкалъ толпу и былъ уже тамъ.

Такъ, это она! Она сидѣла, какъ царица, всѣхъ лучше, всѣхъ прекраснѣе, и искала его глазами.

— Вы здѣсь? — произнесла она тихо. — Я буду откровенна передъ вами: вамъ, вѣрно, странными показались обстоятельства нашей встрѣчи. Неужели вы думаете, что я могу принадлежать къ тому презрѣнному классу твореній, въ которомъ вы встрѣтили меня? Вамъ кажутся странными мои поступки, но я вамъ открою тайну. Будете ли вы въ состояніи, — произнесла она, устремивъ пристально на него глаза свои: — никогда не измѣнить ей?

— О, буду! буду! буду!..

Но въ это время подошелъ довольно пожилой человѣкъ, заговорилъ съ ней на какомъ-то непонятномъ для Пискарева языкѣ и подавъ ей руку. Она умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на Пискарева и дала знакъ остаться на своемъ мѣстѣ и ожидать ея прихода; но въ припадкѣ нетерпѣнія онъ не въ силахъ былъ слушать никакихъ приказаній, даже изъ ея устъ. Онъ отправился вслѣдъ за нею, но толпа раздѣлила ихъ. Онъ уже не видѣлъ сиреневаго платья; съ безпокойствомъ продирался онъ изъ комнаты въ комнату и толкалъ безъ милосердія всѣхъ встрѣчныхъ, но во всѣхъ комнатахъ все сидѣли тузы за вистомъ, погруженные въ мертвое молчаніе. Въ углу комнаты спорило нѣсколько пожилыхъ людей о преимуществѣ военной службы передъ статскою; въ другомъ — молодые люди, въ превосходныхъ фракахъ, бросали легкія замѣчанія о многотомныхъ трудахъ поэта-труженика. Пискаревъ чувствовалъ, что одинъ пожилой человѣкъ почтенной наружности схватилъ за пуговицу его фрака и представлялъ на его сужденіе одно весьма справедливое его замѣчаніе, но онъ грубо оттолкнулъ его, даже не замѣтивши, что у него на шеѣ былъ довольно значительный орденъ. Онъ перебѣжалъ въ другую комнату — и тамъ нѣтъ ея, въ третью — тоже нѣтъ. «Гдѣ же она? Дайте ее мнѣ! О, я не могу жить, не взглянувши на нее! Мнѣ хочется выслушать, что она хотѣла сказать!» Но всѣ поиски его оставались тщетными. Безпокойный, утомленный, онъ прижался къ углу и смотрѣлъ на толпу; но напряженные глаза его начали ему представлять все въ какомъ-то неясномъ видѣ. Наконецъ, ему начали явственно показываться стѣны его комнаты. Онъ поднялъ глаза: передъ нимъ стоялъ подсвѣчникъ съ огнемъ, почти потухавшимъ въ глубинѣ его; вся свѣча истаяла; сало было налито на ветхомъ столѣ его...

Такъ это онъ спалъ! Боже, какой прекрасный сонъ! И зачѣмъ было просыпаться? Зачѣмъ было одной минуты не подождать? Она бы, вѣрно, опять явилась! Досадный разсвѣтъ неприятнымъ своимъ тусклымъ сіяніемъ глядѣлъ въ его окна. Комната въ такомъ сѣромъ, такомъ мутномъ беспорядкѣ... О, какъ отвратительна дѣйствительность! Что она противъ мечты? Онъ раздѣлся наскоро и легъ въ постель, закутавшись одѣяломъ, желая насильно призвать улетѣвшее сновидѣніе. Сонъ, точно, не замедлилъ къ нему явиться, но представлялъ ему вовсе не то, что бы желалъ онъ видѣть: то поручикъ

Пироговъ являлся съ трубкою, то академическій сторожъ, то дѣйствительный статскій совѣтникъ, то голова чухонки, съ которой онъ когда-то рисовалъ портретъ, и тому подобная чепуха.

До самаго полудня пролежалъ онъ въ постели, желая заснуть; но она не являлась. Хотя бы на минуту показала прекрасныя черты свои, хотя бы на минуту зашумѣла ея легкая походка, хотя бы ея обнаженная, яркая, какъ заоблачный снѣгъ, рука мелькнула передъ нимъ!

Все откинувши, все позабывши, сидѣлъ онъ съ сокрушеннымъ, съ безнадежнымъ видомъ, полный только одного сновидѣнія. Ни къ чему не думалъ онъ притронуться; глаза его безъ всякаго участія, безъ всякой жизни глядѣли въ окно, обращенное во дворъ, гдѣ грязный водовозъ лилъ воду, мерзнувшую на воздухѣ, и козлиный голосъ разносчика дребезжалъ: *старого плаття продать*. Вседневное и дѣйствительное странно поражало его слухъ. Такъ просидѣлъ онъ до самаго вечера и съ жадностью бросился въ постель. Долго боролся онъ съ бессонницею, наконецъ, пересилилъ ее. Опять какой-то сонъ, какой-то пошлый, гадкій сонъ. «Боже, умилосердись: хотя на минуту, хотя на одну минуту покажи ее!» Онъ опять ожидалъ вечера, опять заснулъ, опять снился какой-то чиновникъ, который былъ вмѣстѣ и чиновникъ, и фаготъ. О, это нестерпимо! Наконецъ, она явилась! ея голова и локоны... она глядитъ... О, какъ не надолго! опять туманъ, опять какое-то глупое сновидѣніе.

Наконецъ, сновидѣнія сдѣлались его жизнію, и съ этого времени вся жизнь его приняла странный оборотъ: онъ, можно сказать, спалъ наяву и бодрствовалъ во снѣ. Если бы его кто-нибудь видѣлъ сидящимъ безмолвно передъ пустымъ столомъ, или шедшимъ по улицѣ, то, вѣрно бы, принялъ его за лунатика или разрушеннаго крѣпкими напитками: взглядъ его былъ вовсе безъ всякаго значенія, природная разсѣянность, наконецъ, развилась и властительно изгоняла на лицѣ его всѣ чувства, всѣ движенія. Онъ оживлялся только при наступленіи ночи.

Такое состояніе разстроило его силы, и самымъ ужаснымъ мученіемъ было для него то, что, наконецъ, сонъ началъ его оставлять вовсе. Желая спасти это единственное свое богатство, онъ употреблялъ всѣ средства возстановить его. Онъ слышалъ, что есть средство возстановить сонъ — для этого нужно принять только опиумъ. Но гдѣ достать этого опиума? Онъ вспомнилъ про одного персіянина, содержавшаго магазинъ шалей, который всегда почти, когда ни встрѣчалъ его, просилъ нарисовать ему красавицу. Онъ рѣшился отправиться къ нему, предполагая, что у него, безъ сомнѣнія, есть этотъ опиумъ.

Персіянинъ принялъ его, сидя на диванѣ и поджавши подъ себя ноги.

— На чтѣ тебѣ опиумъ? — спросилъ онъ его.

Пискаревъ рассказалъ ему про свою бессонницу.

— Хорошо, я дамъ тебѣ опиуму, только нарисуй мнѣ красавицу. Чтoby хорошая была красавица! Чтoby брови были черныя, и очи большія, какъ масляны; а я сама чтoby лежала возлѣ нея и курила трубку! Слышишь, чтoby хорошая была! чтoby была красавица!

Пискаревъ обѣщалъ все. Персіянинъ на минуту вышелъ и возвратился съ баночкою, наполненною темною жидкостью, бережно отгилъ часть ея въ другую баночку и далъ Пискареву съ наставленіемъ употреблять не больше, какъ по семи капель въ водѣ. Съ жадностію схватилъ онъ эту драгоцѣнную баночку, которую не отдалъ бы за грудку золота, и опроретью побѣжалъ домой.

Пришедши домой, онъ отлил нѣсколько капель въ стаканъ съ водою и, проглотивъ, завалился спать.

Боже, какая радость! Она! опять она, но уже совершенно въ другомъ мірѣ! О, какъ хорошо сидитъ она у окна деревенскаго свѣтлаго домика! Нарядъ ея дышитъ такою простотою, въ какую только облекается мысль поэта. Прическа на головѣ ея... Создатель, какъ проста эта прическа и какъ она идетъ къ ней! Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной ея шейкѣ; все въ ней скромно, все въ ней тайное, неизъяснимое чувство вкуса. Какъ мила ея граціозная походка! Какъ музыкаленъ шумъ ея шаговъ и простенькаго платья! Какъ хороша рука ея, стиснутая волоснымъ браслетомъ. Она говоритъ ему со слезою на глазахъ: «Не презирайте меня: я вовсе не та, за которую вы принимаете меня. Взгляните на меня, взгляните пристальнѣе и скажите: развѣ я способна къ тому, что вы думаете?» — «О, нѣтъ, нѣтъ! Пусть тотъ, кто осмѣлился подумать, пусть тотъ...»

Но онъ проснулся, расстроганный, растерзанный, съ слезами на глазахъ. «Лучше бы ты вовсе не существовала! не жила въ мірѣ, а была бы созданіе вдохновеннаго художника! Я бы не отходилъ отъ холста, я бы вѣчно глядѣлъ на тебя и цѣловалъ бы тебя, я бы жилъ и дышалъ тобою, какъ прекраснѣйшею мечтою, — и я бы былъ тогда счастливъ; никакихъ бы желаній не простиралъ далѣе. Я бы призывалъ тебя, какъ ангела-хранителя, предъ сномъ и бдѣніемъ, и тебя бы ждалъ я, когда бы случилось изобразить божественное и святое. Но теперь... какая ужасная жизнь! Что пользы въ томъ, что она живетъ? Развѣ жизнь сумасшедшаго пріятна его родственникамъ и друзьямъ, нѣкогда его любившимъ? Боже, что за жизнь наша! — вѣчный раздоръ мечты съ существенностью!» Почти такія мысли занимали его безпрестанно. Ни о чемъ онъ не думалъ, даже почти ничего не ѣлъ и съ нетерпѣніемъ, со страстію любовника, ожидалъ вечера и желаннаго видѣнія. Безпрестанное устремленіе мыслей къ одному, наконецъ, взяло такую власть надъ всѣмъ бытіемъ его и воображеніемъ, что желанный образъ являлся ему почти каждый день, всегда въ положеніи противоположномъ дѣйствительности, потому что мысли его были совершенно чисты, какъ мысли ребенка. Черезъ эти сновидѣнія самый предметъ какъ-то болѣе дѣлался чистымъ и вовсе преображался.

Пріемы опіума еще болѣе раскалили его мысли, и если былъ когда-нибудь влюбленный до послѣдняго градуса безумія, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этотъ несчастный былъ — онъ.

Изъ всѣхъ сновидѣній его одно было радостнѣе для него всѣхъ: ему представилась его мастерская. Онъ такъ былъ веселъ, съ такимъ наслажденіемъ сидѣлъ съ палитрою въ рукахъ! И она тутъ же. Она была уже его женою. Она сидѣла возлѣ него, облокотившись прелестнымъ локоткомъ своимъ на спинку его стула, и смотрѣла на его работу. Въ ея глазахъ, томныхъ, усталыхъ, написано было время блаженства; все въ комнатѣ его дышало раемъ; было такъ свѣтло, такъ убрано. Создатель! она склонилась къ нему на грудь прелестную свою головку... Лучшаго сна онъ еще никогда не видывалъ. Онъ всталъ послѣ него какъ-то свѣжѣе и менѣе разсѣянный, нежели прежде. Въ головѣ его родились странныя мысли. «Можетъ-быть, — думалъ онъ, — она вовлечена какимъ-нибудь невольнымъ, ужаснымъ случаемъ въ развратъ: можетъ-быть, движенія души ея склонны къ раскаянію; можетъ-быть, она желала бы сама вырваться изъ ужаснаго состоянія своего. И неужели равнодушно допустить ея гибель и притомъ тогда, когда только стоитъ подать руку, чтобы спасти ее отъ потопленія?» Мысли его простирались еще далѣе. «Меня никто не знаетъ, — говорилъ онъ самъ себѣ: — да и кому

какое до меня дѣло, да и мнѣ тоже нѣтъ до нихъ дѣла. Если она изъяснитъ чистое раскаяніе и перемѣнитъ жизнь свою, я женюсь на ней. Я долженъ на ней жениться и, вѣрно, сдѣлаю гораздо лучше, нежели многіе, которые женятся на своихъ ключницахъ и даже часто на самыхъ презрѣнныхъ тваряхъ. Но мой подвигъ будетъ безкорыстенъ и, можетъ-быть, даже великъ: я возвращу міру прекраснѣйшее его украшеніе!»

Составивши такой легкомысленный планъ, онъ почувствовалъ краску, вспыхнувшую на его лицѣ; онъ подошелъ къ зеркалу и испугался самъ впалыхъ щекъ и блѣдности своего лица. Тщательно началъ онъ принаряжаться; приумылся, пригладилъ волоса, надѣлъ новый фракъ, щегольской жилетъ, набросилъ плащъ и вышелъ на улицу. Онъ дохнулъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовалъ свѣжесть на сердцѣ, какъ выздоравливающій, рѣшившійся выйти въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни. Сердце его билось, когда онъ подходилъ къ той улицѣ, на которой нога его не была со времени роковой встрѣчи.

Долго онъ искалъ домъ; казалось, память ему измѣнила. Онъ два раза прошелъ улицу и не зналъ, передъ которыми остановиться. Наконецъ, одинъ показался ему похожимъ. Онъ быстро взбѣжалъ на лѣстницу, постучалъ въ дверь: дверь открылась, и кто же вышелъ къ нему навстрѣчу? Его идеаль, его таинственный образъ, оригиналъ мечтательныхъ картинъ, — та, которою онъ жилъ, такъ ужасно, такъ страдательно, такъ сладко жилъ — она, она сама стояла передъ нимъ. Онъ затрепеталъ; онъ едва могъ удержаться на ногахъ отъ слабости, обхваченный порывомъ радости. Она стояла передъ нимъ такъ же прекрасна, хотя глаза ея были заспаны, хотя блѣдность краплась на лицѣ ея, уже не такъ свѣжемъ; но она все была прекрасна.

— А! — вскрикнула она, увидѣвши Пискарева и протирая глаза свои (тогда было уже два часа): — зачѣмъ вы убѣжали тогда отъ насъ?

Онъ въ изнеможеніи сѣлъ на стулъ и глядѣлъ на нее.

— А я только-что теперь проснулась, меня привезли въ семь часовъ утра. Я была совсѣмъ пьяна, — прибавила она съ улыбкою.

О, лучше бы ты была нѣма и лишена вовсе языка, чѣмъ произносить такія рѣчи! Она вдругъ показала ему, какъ въ панорамахъ, всю жизнь ея. Однакожь, несмотря на это, скрѣпившись сердцемъ, рѣшился попробовать онъ, не будутъ ли имѣть надъ нею дѣйствія его увѣщанія. Собравшись съ духомъ, онъ дрожащимъ и вмѣстѣ пламеннымъ голосомъ началъ представлять ей ужасное ея положеніе. Она слушала его со внимательнымъ видомъ и съ тѣмъ чувствомъ удивленія, которое мы изъясняемъ при видѣ чего-нибудь неожиданнаго и страннаго. Она взглянула, легко улыбнувшись, на сидѣвшую въ углу свою пріятельницу, которая, оставивши вычищать гребешокъ, тоже слушала съ вниманіемъ новаго проповѣдника.

— Правда, я бѣденъ, — сказалъ, наконецъ, послѣ долгаго и поучительнаго увѣщанія Пискаревъ: — но мы станемъ трудиться, мы постараемся, наперерывъ одинъ передъ другимъ, улучшить нашу жизнь. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ быть обязану во всемъ самому себѣ. Я буду сидѣть за картинами, ты будешь, сидя возлѣ меня, одушевлять мои труды, вышивать или заниматься другимъ рукодѣліемъ, — и мы ни въ чемъ не будемъ имѣть недостатка...

— Какъ можно! — прервала она рѣчь съ выраженіемъ какого-то презрѣнія. — Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою.

Боже! въ этихъ словахъ выразилась вся низкая, вся презрѣнная жизнь, — жизнь, исполненная пустоты и праздности, вѣрныхъ спутниковъ разврата.

— Женитесь на мнѣ! — подхватила, съ наглымъ видомъ, молчаливая дотоѣ въ углу ея пріятельница. — Если я буду женою, я буду сидѣть вотъ какъ! — При этомъ она сдѣлала какую-то глупую мину на жалкомъ лицѣ своемъ, которую чрезвычайно разсмѣшила красавицу.

О, это уже слишкомъ! Этого нѣтъ силъ перенести! Онъ бросился вонъ, потерявши и чувства, и мысли. Умъ его помутился: глупо, безъ цѣли, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродилъ онъ весь день. Никто не могъ знать, ночевалъ ли онъ гдѣ-нибудь, или нѣтъ; на другой только день какимъ-то глупымъ инстинктомъ зашелъ онъ на свою квартиру, блѣдный, съ ужаснымъ видомъ, съ растрепанными волосами, съ признаками безумія на лицѣ. Онъ заперся въ своей комнатѣ и никого не впускалъ, ничего не требовалъ. Протекли четыре дня, и его запертая комната ни разу не отворялась; наконецъ, прошла недѣля, и комната все такъ же была заперта. Бросились къ дверямъ, начали звать его, но никакого не было отвѣта; наконецъ, выломали дверь и нашли бездыханный трупъ его съ перерѣзаннымъ горломъ. Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно раскинутымъ рукамъ и по страшно искаженному виду можно было заключить, что рука его была невѣрна, и что онъ долго еще мучился, прежде нежели грѣшная душа его оставила тѣло.

Такъ погибъ, жертва безумной страсти, бѣдный Пискаревъ, тихій, робкій, скромный, дѣтски-простодушный, носившій въ себѣ искру таланта, быть-можетъ, со временемъ бы вспыхнувшего широко и ярко. Никто не заплакалъ надъ нимъ; никого не видно было возлѣ его бездушнаго трупа, кромѣ обыкновенной фигуры квартального надзирателя и равнодушной мины городского лѣкаря. Гробъ его тихо, даже безъ всякихъ обрядовъ религіи, повезли на Охту; за нимъ идучи, плакалъ одинъ только солдатъ-сторожъ, и то потому, что выпилъ лишній штофъ водки. Даже поручикъ Пироговъ не пришелъ посмотреть на трупъ несчастнаго бѣдняка, которому онъ при жизни оказывалъ свое высокое покровительство. Впрочемъ, ему было вовсе не до того: онъ былъ занятъ чрезвычайнымъ происшествіемъ. Но обратимся къ нему. — Я не люблю труповъ и покойниковъ, и мнѣ всегда непріятно, когда переходить мою дорогу длинная погребальная процессія и инвалидный солдатъ, одѣтый какимъ-то капуциномъ, нюхаетъ лѣвою рукою табакъ, потому что правая занята факеломъ. Я всегда чувствую на душѣ досаду при видѣ богатаго катафалка и бархатнаго гроба; но досада моя смѣшивается съ грустью, когда я вижу, какъ ломовой извозчикъ тащить красный, ничѣмъ не покрытый гробъ бѣдняка, и только одна какая-нибудь нищая, встрѣтившись на перекресткѣ, плетется за нимъ, не имѣя другого дѣла.

Мы, вѣжета, оставили поручика Пирогова на томъ, какъ онъ расстался съ бѣднымъ Пискаревымъ и устремился за блондинкою. Эта блондинка была легонькое, довольно интересное созданіе. Она останавливалась передъ каждымъ магазиномъ и заглядывалась на выставленные въ окнахъ кушаки, косынки, серьги, перчатки и другія бездѣлушки, безпрестанно вертѣлась, глазѣла во всѣ стороны и оглядывалась назадъ. «Ты, голубушка, моя!» говорилъ съ самоувѣренностью Пироговъ, продолжая свое преслѣдованіе и закутавши лицо свое воротникомъ шинели, чтобы не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ. Но не мѣшаетъ извѣстить читателей, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ.

Но прежде, нежели мы скажемъ, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ, не мѣшаетъ кое-что рассказать о томъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Пироговъ. Есть офицеры, составляющіе въ Петербургѣ какой-то средній классъ общества. На вечерѣ, на обѣдѣ у статскаго совѣтника или у дѣйствительнаго

статскаго, который выслужилъ этотъ чинъ сорокалѣтними трудами, вы всегда найдете одного изъ нихъ. Нѣсколько блѣдныхъ, совершенно безцвѣтныхъ, какъ Петербургъ, дочерей, изъ которыхъ инья перерѣли, чайный столикъ, фортепiano, домашнiе танцы — все это бываетъ нераздѣльно съ свѣтлымъ эполетомъ, который блещетъ при лампѣ между благонаравной блондинкой и чернымъ фракомъ брата или домашняго знакомаго. Этихъ хладнокровныхъ дѣвицъ чрезвычайно трудно расшевелить и заставить смѣяться; для этого нужно большое искусство или, лучше сказать, совѣмъ не имѣть никакого искусства. Нужно говорить такъ, чтобы не было ни слишкомъ умно, ни слишкомъ смѣшно, чтобы во всемъ была та мелочь, которую любятъ женщины. Въ этомъ надобно отдать справедливость означеннымъ господамъ. Они имѣютъ особенный даръ заставлять смѣяться и слушать этихъ безцвѣтныхъ красавицъ. Восклипанiя, задушаемыя смѣхомъ: «Ахъ, перестаньте! Не стыдно ли вамъ такъ смѣшить!» бывають имъ часто лучшею наградою. Въ высшемъ классѣ они попадаютъ очень рѣдко или, лучше, никогда: оттуда они совершенно вытѣснены тѣмъ, что называютъ въ этомъ обществѣ аристократами. Впрочемъ, они считаются учеными и воспитанными людьми. Они любятъ потолковать объ литературѣ; хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча и говорятъ съ презрѣнiемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ. Они не пропускаютъ ни одной публичной лекци, будь она о бухгалтерiи или даже о лѣсоводствѣ. Въ театрѣ, кака я бы ни была пiеса, вы всегда найдете одного изъ нихъ, выключая развѣ, если уже играютъ каки я-нибудь «Филатки», которыми очень оскорбляется ихъ разборчивый вкусъ. Въ театрѣ они безсмѣнно. Это самые выгодные люди для театральнoй дирекци. Они особенно любятъ въ пiесѣ хорошия стихи, также очень любятъ громко вызывать актеровъ; многiе изъ нихъ, преподавая въ казенныхъ заведенiяхъ или приготовляя къ казеннымъ заведенiямъ, заводятся, наконецъ, кабриолетомъ и парю лошадей. Тогда кругъ ихъ становится обширнѣе; они достигаютъ, наконецъ, до того, что женятся на купеческой дочери, умѣющей играть на фортепiano, съ сотнею тысячъ, или около того, наличныхъ и гучею бородатой родни. Однакожъ, этой чести они не прежде могутъ достигнуть, какъ выслужившись, по крайней мѣрѣ, до полковничьяго чина, потому что русскiя бородки, не смотря на то, что отъ нихъ еще нѣсколько отзывается капустаю, никакимъ образомъ не хотять видѣть дочерей своихъ ни за кѣмъ, кромѣ генераловъ или, по крайней мѣрѣ, полковниковъ. Таковы главныя черты этого сорта молодыхъ людей. Но поручикъ Пироговъ имѣлъ, кромѣ этого, множество талантовъ, собственно ему принадлежавшихъ. Онъ превосходно декламировалъ стихи изъ «Димитрiя Донскаго» и «Горе отъ ума» и имѣлъ особенное искусство пускать изъ трубки дымъ кольцами такъ удачно, что вдругъ могъ нанизать ихъ около десяти одно на другое; умѣлъ очень прiятно разсказать анекдотъ о томъ, что пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Впрочемъ, оно нѣсколько трудно перечестъ всѣ таланты, которыми судьба наградила Пирогова. Онъ любилъ поговорить объ актрисѣ и танцовщицѣ, но уже не такъ рѣзко, какъ обыкновенно изъясняется объ этомъ предметѣ молодой прапорщикъ. Онъ былъ очень доволенъ своимъ чиномъ, въ который былъ произведенъ недавно, и хотя иногда, ложась на диванъ, онъ говорилъ: «Охъ, охъ, охъ! Суета, все суета! Чтѣ изъ этого, что я поручикъ?» но втайнѣ его очень льстило это новое достоинство; онъ въ разговорѣ часто старался наметнуть о немъ обинякомъ, и одинъ разъ, когда попался ему на улицѣ какой-то писарь, показавшiйся ему невѣжливымъ, онъ немедленно остановилъ его и въ немногихъ, но рѣзкихъ словахъ далъ замѣтить ему, что передъ

нимъ стоялъ поручикъ, а не другой какой офицеръ. Тѣмъ болѣе старался онъ изложить это краснорѣчиво, что тогда проходили мимо его двѣ весьма недурныя дамы. Пироговъ вообще показывалъ страсть ко всему изящному и поощрялъ художника Пискарева; впрочемъ, это происходило, можетъ-быть, оттого, что ему весьма ждалось видѣть мужественную физиогномію свою на портретѣ. Но довольно о качествахъ Пирогова. Человѣкъ такое дивное существо, что никогда не можно исчислить вдругъ всѣхъ его достоинствъ, и чѣмъ болѣе въ него вematриваешься, тѣмъ болѣе является новыхъ особенностей, и описаніе ихъ было бы безконечно. Итакъ, Пироговъ не переставалъ преслѣдовать незнакомку, отъ времени до времени занимая ее вопросами, на которые она отвѣчала рѣдко, отрывисто и какими-то неясными звуками. Они вошли мокрыми Базанскими воротами въ Мѣщанскую улицу, — улицу табачныхъ и мелочныхъ лавокъ, нѣмцевъ-ремесленниковъ и чухонскихъ нимфъ. Блондинка бѣжала скорѣе и впорхнула въ ворота одного довольно запачканнаго дома. Пироговъ за нею. Она взбѣжала по узенькой темной лѣстницѣ и вошла въ дверь, въ которую тоже смѣло пробрался Пироговъ. Онъ увидѣлъ себя въ большой комнатѣ съ черными стѣнами, съ закопченнымъ потолкомъ. Куча желѣзныхъ винтовъ, слесарныхъ инструментовъ, блестящихъ кофейниковъ и подсвѣчниковъ была на столѣ; полъ былъ засоренъ мѣдными и желѣзными опилками. Пироговъ тотчасъ смекнулъ, что это была квартира мастерового. Незнакомка порхнула далѣе въ боковую дверь. Онъ было на минуту задумался, но, слѣдуя русскому правилу, рѣшился идти впередъ. Онъ вошелъ въ другую комнату, вовсе не похожую на первую, убранную очень опрятно, показывавшую, что хозяйка былъ нѣмецъ. Онъ былъ пораженъ необыкновенно страннымъ видомъ: передъ нимъ сидѣлъ Шиллеръ, — не тотъ Шиллеръ, который написалъ «Вильгельма Теля» и «Исторію тридцатилѣтней войны», но извѣстный Шиллеръ, жестяныхъ дѣлъ мастеръ въ Мѣщанской улицѣ. Возлѣ Шиллера стоялъ Гофманъ, — не писатель Гофманъ, но довольно хорошій сапожникъ съ Офицерской улицы, большой пріятель Шиллера. Шиллеръ былъ пьянъ и сидѣлъ на стулѣ, топая ногою и говоря что-то съ жаромъ. Все это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положеніе обѣихъ фигуръ. Шиллеръ сидѣлъ, выставивъ свой довольно толстый носъ и поднявши вверхъ голову, а Гофманъ держалъ его за этотъ носъ двумя пальцами и вертѣлъ лезвеемъ своего сапожническаго ножа на самой его поверхности. Обѣ особы говорили на нѣмецкомъ языкѣ, и потому поручикъ Пироговъ, который зналъ по-нѣмецки только «гутъ-моргенъ», ничего не могъ понять изъ всей этой исторіи. Впрочемъ, слова Шиллера заключались вотъ въ чемъ: «Я не хочу, мнѣ не нуженъ носъ!» говорилъ онъ, размахивая руками. «У меня на одинъ носъ выходитъ три фунта табаку въ мѣсяцъ. И я плачу въ русскій скверный магазинъ, — потому что нѣмецкій магазинъ не держитъ русскаго табаку, — я плачу въ русскій скверный магазинъ за каждый фунтъ по 40 копеекъ — это будетъ рубль двадцать копеекъ; двѣнадцать разъ рубль двадцать копеекъ — это будетъ четырнадцать рублей сорокъ копеекъ. Слышишь, другъ мой Гофманъ? На одинъ носъ четырнадцать рублей сорокъ копеекъ! Да по праздникамъ я нюхаю Рапé, потому что я не хочу нюхать по праздникамъ русскій скверный табакъ. Въ годъ я нюхаю два фунта Рапé, по два рубля фунтъ. Шесть да четырнадцать — двадцать рублей сорокъ копеекъ на одинъ табакъ! Это разбой! Я спрашиваю тебя, мой другъ Гофманъ, не такъ ли?» — Гофманъ, который самъ былъ пьянъ, отвѣчалъ утвердительно.

— Двадцать рублей сорокъ копеекъ! Я швабскій нѣмецъ; у меня есть король въ Германіи. Я не хочу носа! Рѣжь мнѣ носъ! Вотъ мой носъ!

И если бы не внезапное появленіе поручика Пирогова, то, безъ всякаго сомнѣнія, Гофманъ отрѣзалъ бы ни за чтѣ, ни про чтѣ Шиллеру носъ, потому что онъ уже привелъ ножъ свой въ такое положеніе, какъ бы хотѣлъ кроить подошву.

Шиллеру показалось очень досадно, что вдругъ незнакомое, непрошенное лицо такъ некстати ему помѣшало. Онъ, несмотря на то, что былъ въ упоительномъ чаду пива и вина, чувствовалъ, что нѣсколько неприлично въ такомъ видѣ и при такомъ дѣйствіи находиться въ присутствіи посторонняго свидѣтеля. Между тѣмъ, Пировъ слегка наклонился и съ свойственною ему пріятностію сказалъ:

— Вы извините меня...

— Пошелъ вонъ! — отвѣчалъ протяжно Шиллеръ.

Это озадачило поручика Пирогова. Такое обращеніе ему было совершенно ново. Улыбка, слегка было показавшаяся на его лицѣ, вдругъ пропала. Съ чувствомъ огорченнаго достоинства онъ сказалъ:

— Мнѣ странно, милостивый государь... Вы, вѣрно, не замѣтили... я офицеръ...

— Чтѣ такое офицеръ! Я — швабскій нѣмецъ. Мой самъ (при этомъ Шиллеръ ударилъ кулакомъ по столу) будетъ офицеръ: полтора года юнкеръ, два года поручикъ, и я завтра сейчасъ офицеръ. Но я не хочу служить. Я съ офицеромъ сдѣлаеть такъ: фу! — При этомъ Шиллеръ подставилъ ладонь и фукнулъ на нее.

Поручикъ Пировъ увидѣлъ, что ему больше ничего не оставалось, какъ только удалиться; однакожъ, такое обхожденіе, вовсе не приличное его званію, ему было неприятно. Онъ нѣсколько разъ останавливался на лѣстницѣ, какъ бы желая собраться съ духомъ и подумать о томъ, какимъ бы образомъ дать почувствовать Шиллеру его дерзость. Наконецъ, разсудилъ, что Шиллера можно извинить, потому что голова его была наполнена пивомъ и виномъ; къ тому же представилась ему хорошенькая блондинка, и онъ рѣшился предать это забвенію. На другой день поручикъ Пировъ рано поутру явился въ мастерской жестяныхъ дѣлъ мастера. Въ передней комнатѣ встрѣтила его хорошенькая блондинка и довольно суровымъ голосомъ, который очень шелъ къ ея личику, спросила:

— Что вамъ угодно?

— А, здравствуйте, моя миленькая! Вы меня не узнали? Плутовочка, какіе хорошенькіе глазки!

При этомъ поручикъ Пировъ хотѣлъ очень мило поднять пальцемъ ея подбородокъ; но блондинка произнесла пугливое восклицаніе и съ тою же суровостію спросила:

— Чтѣ вамъ угодно?

— Васъ видѣть, больше ничего мнѣ не угодно, — произнесъ поручикъ Пировъ, довольно пріятно улыбаясь и подступая ближе; но, замѣтивъ, что пугливая блондинка хотѣла проскользнуть въ дверь, прибавилъ: — Мнѣ нужно, моя миленькая, заказать шпоры. Вы можете мнѣ сдѣлать шпоры? Хотя для того, чтобы любить васъ, вовсе не нужно шпоръ, а скорѣе бы уздечку. Какія миленькія ручки!

Поручикъ Пировъ всегда бывалъ очень любезенъ въ изъясненіяхъ подобнаго рода.

— Я сейчасъ позову моего мужа, — вскрикнула нѣмка и ушла, и черезъ нѣсколько минутъ Пировъ увидѣлъ Шиллера, выходившаго съ закрытыми глазами, едва очнувшася отъ вчерашняго похмелья. Взглянувши на

офицера, онъ припомнилъ, какъ въ смутномъ снѣ, происшествіе вчерашняго дня. Онъ ничего не помнилъ въ такомъ видѣ, въ какомъ было, но чувствовалъ, что сдѣлалъ какую-то глупость, и потому принялъ офицера съ очень суровымъ видомъ.

— Я за шпоры не могу взять меньше пятнадцати рублей, — произнесъ онъ, желая отдѣлаться отъ Пирогова, потому что ему, какъ честному нѣмцу, очень совѣстно было смотрѣть на того, кто видѣлъ его въ неприличномъ положеніи. Шиллеръ любилъ пить совершенно безъ свидѣтелей, съ двумя, тремя пріятелями, и запирался на это время даже отъ своихъ работниковъ.

— Зачѣмъ же такъ дорого? — ласково сказалъ Пироговъ.

— Нѣмецкая работа, — хладнокровно произнесъ Шиллеръ, поглаживая подбородокъ: — русскій возьмется сдѣлать за два рубля.

— Извольте, чтобы доказать, что я васъ люблю и желаю съ вами познакомиться, я плачу пятнадцать рублей!

Шиллеръ минуту оставался въ размысленіи: ему, какъ честному нѣмцу, сдѣлалось немного совѣстно. Желая самъ отклонить его отъ заказыванія, онъ объявилъ, что раньше двухъ недѣль не можетъ сдѣлать. Но Пироговъ безъ всякаго прекословія изъявилъ совершенное согласіе.

Нѣмецъ задумался и сталъ размышлять о томъ, какъ бы лучше сдѣлать свою работу, чтобы она дѣйствительно стоила пятнадцати рублей.

Въ это время блондинка вошла въ мастерскую и начала рыться на столѣ, установленномъ кофейниками. Поручикъ воспользовался задумчивостію Шиллера, подступилъ къ ней и пожалъ ей ручку, обнаженную до самаго плеча.

Это Шиллеру очень не понравилось.

— Мейнъ фрау! — закричалъ онъ.

— Васъ волензи дохъ? — отвѣчала блондинка.

— Гензи на кухня!

Блондинка удалилась.

— Такъ черезъ двѣ недѣли? — сказалъ Пироговъ.

— Да, черезъ двѣ недѣли, — отвѣчалъ въ размысленіи Шиллеръ: — у меня теперь очень много работы.

— До свиданія, я къ вамъ зайду!

— До свиданія, — отвѣчалъ Шиллеръ, запирая за нимъ дверь.

Поручикъ Пироговъ рѣшился не оставлять своихъ исканій, несмотря на то, что нѣмка оказала явный отпоръ. Онъ не могъ понять, чтобы можно было ему противиться, тѣмъ болѣе, что любезность его и блестящій чинъ давали полное право на вниманіе. Надобно, однакоже, сказать и то, что жена Шиллера, при всей миловидности своей, была очень глупа. Впрочемъ, глупость составляетъ особенную прелесть въ хорошенькой женѣ. По крайней мѣрѣ, я зналъ много мужей, которые въ восторгъ отъ глупости своихъ женъ и видятъ въ ней всѣ признаки младенческой невинности. Красота производитъ совершенныя чудеса. Всѣ душевные недостатки въ красавицѣ, вмѣсто того, чтобы произвести отвращеніе, становятся какъ-то необыкновенно привлекательны; самый порокъ дышитъ въ нихъ миловидностію; но исчезни она — и женщинѣ нужно быть въ двадцать разъ умнѣ мужчины, чтобы внушить къ себѣ, если не любовь, то, по крайней мѣрѣ, уваженіе. Впрочемъ, жена Шиллера, при всей глупости, была всегда вѣрна своей обязанности, и потому Пирогову довольно трудно было успѣть въ смѣломъ своемъ предпріятіи; но съ побѣдою препятствій всегда соединяется наслажденіе, и блондинка становилась

для него интереснѣе день-ото-дня. Онъ началъ довольно часто освѣдомляться о шпорахъ, такъ что Шиллеру это, наконецъ, наскучило. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы окончить скорѣй начатыя шпоры; наконецъ, шпоры были готовы.

— Ахъ, какая отличная работа! — закричалъ поручикъ Пироговъ, увидѣвши шпоры. — Господи, какъ это хорошо сдѣлано! У нашего генерала нѣтъ такихъ шпоръ.

Чувство самодовольствія распустилось по душѣ Шиллера. Глаза его начали глядѣть довольно весело, и онъ въ мысляхъ совершенно примирился съ Пироговымъ.

«Русскій офицеръ — умный человекъ», — думалъ онъ самъ про себя.

— Такъ вы, стало-быть, можете сдѣлать и оправу, напимѣръ, къ кинжалу или другимъ вещамъ?

— О, очень могу! — сказалъ Шиллеръ съ улыбкою.

— Такъ сдѣлайте мнѣ оправу къ кинжалу. Я вамъ принесу. У меня очень хорошій турецкій кинжалъ, но мнѣ бы хотѣлось оправу къ нему сдѣлать другую.

Шиллера это какъ бомбою хватило. Лобъ его вдругъ наморщился.

«Вотъ тебѣ на!» — подумалъ онъ про себя, внутренно ругая себя за то, что накливалъ самъ работу.

Отказаться онъ почиталъ уже безчестнымъ; притомъ же русскій офицеръ похвалилъ его работу. — Онъ, нѣсколько покачавши головою, изъявилъ свое согласіе; но поцѣлуй, который, уходя, Пироговъ влѣпилъ нахально въ самыя губки хорошенькой блондинки, повергъ его въ совершенное недоумѣніе.

Я почитаю не излишнимъ познакомить читателя нѣсколько покороче съ Шиллеромъ. Шиллеръ былъ совершенный нѣмецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того счастливаго времени, въ которое русскій живетъ на фуфу, уже Шиллеръ размѣрилъ всю свою жизнь и никакого, ни въ какомъ случаѣ, не дѣлалъ исключенія. Онъ положилъ вставать въ семь часовъ, обѣдать въ два, быть точнымъ во всемъ и быть пьянымъ каждое воскресенье. Онъ положилъ себѣ въ теченіе 10 лѣтъ составить капиталъ изъ пятидесяти тысячъ, и уже это было такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово. Ни въ какомъ случаѣ не увеличивалъ онъ своихъ издержекъ, и если цѣна на картофель слишкомъ поднималась противъ обыкновеннаго, онъ не прибавлялъ ни одной копейки, но уменьшалъ только количество, и хотя оставался иногда нѣсколько голоднымъ, но скоро, однакоже, привыкалъ къ этому. Аккуратность его простиралась до того, что онъ положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, а чтобы какъ-нибудь не поцѣловать лишній разъ, онъ никогда не клалъ перцу болѣе одной чайной ложечки въ свой супъ; впрочемъ, въ воскресный день это правило не такъ строго исполнялось, потому что Шиллеръ выпивалъ тогда двѣ бутылки пива и одну бутылку тмишной водки, которую, однакоже, онъ всегда бранилъ. Пилъ онъ вовсе не такъ, какъ англичанинъ, который тотчасъ послѣ обѣда запираетъ дверь на крючокъ и нарѣзывается одинъ. Напротивъ, онъ, какъ нѣмецъ, пилъ всегда вдохновенно, или съ сапожникомъ Гофманомъ, или со столяромъ Кунцомъ, тоже нѣмцемъ и большимъ пьяницею. Таковъ былъ характеръ благороднаго Шиллера, который, наконецъ, былъ приведенъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Хотя онъ былъ флегматикъ и нѣмецъ, однакожъ,

поступки Пирогова возбудили въ немъ что-то похожее на ревность. Онъ ломалъ голову и не могъ придумать, какимъ образомъ ему избавиться отъ этого русскаго офицера. Между тѣмъ, Пироговъ, куря трубку въ кругу своихъ товарищей, — потому что уже такъ Провидѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки, — куря трубку въ кругу своихъ товарищей, намекалъ значительно и съ пріятною улыбкою объ интрижкѣ съ хорошенькою нѣмкою, съ которою, по словамъ его, онъ уже совершенно былъ накороткѣ и которую онъ, въ самомъ дѣлѣ, едва ли не терялъ уже надежды преклонить на свою сторону.

Въ одинъ день прохаживался онъ по Мѣщанской, поглядывая на домъ, на которомъ красовалась вывѣска Шиллера съ кофейниками и самоварами; къ величайшей радости своей увидѣлъ онъ головку блондинки, свѣсившуюся въ окошко и разглядывавшую прохожихъ. Онъ остановился, сдѣлавъ ей ручкою и сказалъ:

— *Гутъ моргенъ.*

Блондинка поклонилась ему, какъ знакомому.

— Чтѣ, вашъ мужъ дома?

— Дома, — отвѣчала блондинка.

— А когда онъ не бываетъ дома?

— Онъ по воскресеньямъ не бываетъ дома, — сказала глупенькая блондинка.

«Это недурно, — подумалъ про себя Пироговъ: — этимъ нужно воспользоваться», — и въ слѣдующее воскресенье, какъ снѣгъ на голову, явился передъ блондинкою.

Шиллера, дѣйствительно, не было дома. Хорошенькая хозяйка испугалась; но Пироговъ поступилъ на этотъ разъ довольно осторожно, обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показалъ всю красоту своего гибкаго, перетянутаго стана. Онъ очень пріятно и учтиво шутилъ, но глупенькая нѣмка отвѣчала на все односложными словами. Наконецъ, заходявши со всѣхъ сторонъ и вида, что ничто не можетъ занять ее, онъ предложилъ ей танцевать. Нѣмка согласилась въ одну минуту, потому что нѣмки всегда охотницы до танцевъ. На этомъ Пироговъ очень много основывалъ надеждъ: во-первыхъ, это уже доставляло ей удовольствіе; во-вторыхъ, это могло показать его турниру и ловкость; въ-третьихъ, въ танцахъ ближе всего можно сойтись, обнять хорошенькую нѣмку и проложить начало всему; короче, онъ выводилъ изъ этого совершенный успѣхъ. Онъ началъ напѣвать какой-то гавоть, зная, что нѣмкамъ нужна постепенность. Хорошенькая нѣмка выступила на средину комнаты и подняла прекрасную ножку. Это положеніе такъ восхитило Пирогова, что онъ бросился ее цѣловать, нѣмка начала кричать и этимъ еще болѣе увеличила свою прелесть въ глазахъ Пирогова; онъ ее засыпалъ поцѣлуями, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошелъ Шиллеръ съ Гофманомъ и столяромъ Кунцомъ. Всѣ эти достойные ремесленники были пьяны, какъ сапожники.

Но... я предоставляю самимъ читателямъ судить о гнѣвѣ и негодованіи Шиллера.

— Грубіанъ! — закричалъ онъ въ величайшемъ негодованіи: — какъ ты смѣешь цѣловать мою жену? Ты подлець, а не русскій офицеръ. Чортъ поberi! не такъ ли, мой другъ Гофманъ? Я нѣмецъ, а не русская свинья.

Гофманъ отвѣчалъ утвердительно.

— О! я не хочу имѣть роги! Бери его, мой другъ Гофманъ, за воротникъ; я не хочу, — продолжалъ онъ, сильно размахивая руками, причесть

все лицо его было похоже на красное сукно его жилета. — Я восемь лѣтъ живу въ Петербургѣ, у меня въ Швабін мать моя, и дядя мой въ Нюренберга; я нѣмецъ, а не рогатая говядина! Прочь съ него все, мой другъ Гофманъ! Держи его за рука и нога, камрадъ мой Бунць!

И нѣмцы схватили за руки и ноги Пирогова.

Напрасно силился онъ отбиваться; эти три ремесленника были самый дюжій народъ изъ всѣхъ петербургскихъ нѣмцевъ и поступили съ нимъ такъ грубо и невѣжливо, что, признаюсь, я никакъ не нахожу словъ къ изображенію этого печальнаго событія.

Я увѣренъ, что Шиллеръ на другой день былъ въ сильной лихорадкѣ, что онъ дрожалъ, какъ листъ, ожидая съ минуты на минуту прихода полиціи, что онъ, Богъ знаетъ, чего бы не далъ, чтобы все происходившее вчера было во снѣ. Но что уже было, того нельзя перемѣнить. Ничто не могло сравниться съ гнѣвомъ и негодованіемъ Пирогова. Одна мысль объ такомъ ужасномъ оскорбленіи приводила его въ бѣшенство. Сибирь и плети онъ почиталъ самымъ малымъ наказаніемъ для Шиллера. Онъ летѣлъ домой, чтобы, одѣвшись, оттуда идти прямо къ генералу, описать ему самыми разительными красками буйство нѣмецкихъ ремесленниковъ. Онъ разомъ хотѣлъ подать и письменную просьбу въ Главный Штабъ; если же назначеніе наказанія будетъ неудовлетворительно, тогда идти дальше и дальше.

Но все это какъ-то странно кончилось: по дорогѣ онъ зашелъ въ кондитерскую, съѣлъ два слоенныхъ пирожка, прочиталъ кое-что изъ «Сѣверной Пчелы» и вышелъ уже не въ столь гнѣвномъ положеніи. Притомъ, довольно пріятный прохладный вечеръ заставилъ его нѣсколько пройтись по Невскому проспекту; къ 9 часамъ онъ успокоился и нашелъ, что въ воскресенье не хорошо беспокоить генерала; притомъ онъ, безъ сомнѣнія, куда-нибудь отозванъ. И потому онъ отправился на вечеръ къ одному правителю контрольной комиссіи, гдѣ было очень пріятное собраніе многихъ чиновниковъ и офицеровъ его корпуса. Тамъ съ удовольствіемъ провелъ вечеръ и такъ отличился въ мазуркѣ, что привелъ въ восторгъ не только дамъ, но даже и кавалеровъ.

«Дивно устроены свѣтъ нашъ! — думалъ я, бредя третьяго дня по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествія. — Какъ странно, какъ непостижимо играетъ нами судьба наша! Получаемъ ли мы когда-нибудь то, чего желаемъ? Достигаемъ ли мы того, къ чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходитъ наоборотъ. Тому судьба дала прекраснѣйшихъ лошадей, и онъ равнодушно катается на нихъ, вовсе не замѣчая ихъ красоты, тогда какъ другой, котораго все сердце горитъ лошадиною страстью, идетъ пѣшкомъ и довольствуется только тѣмъ, что пошекаетъ языкомъ, когда мимо его проводятъ рысака. Тотъ имѣетъ отличнаго повара, но, къ сожалѣнію, такой маленькой ротъ, что больше двухъ кусочковъ никакъ не можетъ пропустить; другой имѣетъ ротъ величиною въ арку Главнаго Штаба, но, увы! долженъ довольствоваться какимъ-нибудь нѣмецкимъ обѣдомъ изъ картофеля. Какъ странно играетъ нами судьба наша!»

Но страннѣ всего происшествія, случающіяся на Невскомъ проспектѣ. О, не вѣрьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь pokrѣпче плащомъ своимъ, когда иду по немъ, и стараюсь вовсе не глядѣть на встрѣчающіеся предметы. Все обманъ, все мечта, все не то, чѣмъ кажется! Вы думаете, что этотъ господинъ, который гуляетъ въ отлично сшитомъ сюртучкѣ, очень богатъ? — ничуть не бывало; онъ весь состоитъ изъ своего сюртучка. Вы воображаете, что эти два толстяка, остановившіеся передъ строящеюся церковью, судятъ объ архитектурѣ ея? — совсѣмъ нѣтъ: они говорятъ

о томъ, какъ странно сѣли двѣ вороны одна противъ другой. Вы думаете, что этотъ энтузіастъ, размахивающій руками, говорить о томъ, какъ жена его бросила изъ окна шарикомъ въ незнакомаго ему вовсе офицера? — совсѣмъ нѣтъ: онъ говоритъ о Лафазѣ. Вы думаете, что эти дамы... но дамамъ меньше всего вѣрѣте. Менѣе заглядывайте въ окна магазиновъ: бездѣлушки, въ нихъ выставленныя, прекрасны, но пахнутъ страшнымъ количествомъ ассигнацій. Но Боже васъ сохрани заглядывать дамамъ подъ шляпки. Какъ привлекательно ни развѣвайся вечеромъ вдали плащъ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Далѣе, ради Бога, далѣе отъ фонаря! и скорѣе, сколько можно скорѣе, проходите мимо! Это счастье еще, если отдѣлаетесь тѣмъ, что онъ залетѣтъ щегольской сюртукъ вашъ вонючимъ своимъ масломъ. Но, и кромѣ фонаря, все дышитъ обманомъ. Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и отдѣлится бѣлыя и палевыя стѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, мириады каретъ валются съ мостовъ, фореиторы кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ, и когда самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ.

О МАЛОРОССИЙСКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Только въ послѣдніе годы, въ эти времена стремленія къ самобытности и собственной народной поэзіи, обратили на себя вниманіе малороссійскія пѣсни, бывшія до того скрытыми отъ образованнаго общества и державшіяся въ одномъ народѣ. До того времени одна только очаровательная музыка ихъ изрѣдка заносилась въ высшій кругъ, слова же оставались безъ вниманія и почти ни въ комъ не возбуждали любопытства. Даже музыка ихъ не появлялась никогда вполнѣ. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ ее и клеилъ въ свое безчувственное, деревянное созданіе ¹⁾. Но лучшія пѣсни и голоса слышали только однѣ украинскія степи: только тамъ, подъ сѣнью низенькихъ глиняныхъ хатъ, увѣнчанныхъ шелковицами и черешнями, при блескѣ утра, полудня и вечера, при лимонной желтизнѣ падающихъ колосевъ пшеницы, онѣ раздаются, прерываемыя однѣми степными чайками, вереницами жаворонковъ и стелящими иволгами.

Я не распространяюсь о важности народныхъ пѣсень. Это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ, при всей многосторонности ея, не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Онъ — надгробный памятникъ былого, болѣе нежели надгробный памятникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтушей части Россіи. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи немногія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа, когда захочетъ выпытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполнѣ: исторія народа разоблачится передъ нимъ въ ясному величіи.

Пѣсни малороссійскія могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что онѣ не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ и тогдашнему состоянію чувствъ. Вездѣ проникаетъ ихъ, вездѣ въ нихъ дышитъ эта широкая воля козацкой жизни. Вездѣ видна та сила, радость, могущество, съ какою козакъ бросаетъ тишину и безпечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзію битвъ, опасностей и разгульнаго пиршества съ товарищами. Ни чернобровая подруга, пылающая свѣжестью, съ карими

¹⁾ Впрочемъ, любители музыки и поэзіи могутъ нѣсколько утѣшиться: недавно издано прекрасное собраніе пѣсень Максимовичемъ, и при немъ голоса, переложенные Алябьевымъ.

очами, съ ослѣпительнымъ блескомъ зубовъ, вся преданная любви, удерживающая за стремя коня его, ни престарѣлая мать, разливающаяся, какъ ручей, слезами, которой всѣмъ существованіемъ завладѣло одно материнское чувство, — ничто не въ силахъ удержать его. Упрямый, непреклонный, онъ спѣшитъ въ степи, въ вольницу товарищей. Его жену, мать, сестру, братьевъ, — все замѣняетъ ватага гудливыхъ рыцарей набѣговъ. Узы этого братства для него выше всего, сильнѣе любви. Сверкаетъ Черное море; вся чудесная, неизмѣримая степь отъ Тамана до Дуная — дикій океанъ цвѣтовъ колышется однимъ налетомъ вѣтра; въ безпредѣльной глубинѣ неба тонутъ лебеди и журавли; умирающій козакъ лежитъ среди этой свѣжести дѣвственной природы и собираетъ всѣ силы, чтобъ не умереть, не взглянувъ еще разъ на своихъ товарищей.

То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вѣйска козацького не вмирала.

Увидѣвши ихъ, онъ насыщается и умираетъ. Выступаетъ ли козацкое войско въ походъ съ тишиною и повиновеніемъ; извергается ли изъ самопаловъ потопъ дыма и пуль; кружится ли вольно медъ, вино; описываются ли ужасная казнь гетмана, отъ которой дыбомъ подымается волосъ, мщеніе ли козаковъ, видъ ли убитаго козака, съ широко раскинутыми руками на травѣ, съ разметаннымъ чубомъ, клетки ли орловъ въ небѣ, спорящихъ о томъ, кому изъ нихъ выдирать козація очи, — все это живетъ въ пѣсняхъ и окинуто смѣлыми красками. Остальная половина пѣсней изображаетъ другую половину жизни народа: въ нихъ разбросаны черты быта домашняго; здѣсь во всемъ совершенная противоположность. Тамъ одни козаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здѣсь, напротивъ, одинъ женскій міръ, нѣжный, тоскливый, дышащій любовью. Эти два пола видѣлись между собою самое короткое время и потомъ разлучались на цѣлые годы. Годы эти были проводимы женщинами въ тоскѣ, въ ожиданіи своихъ мужей, любовниковъ, мелькнувшихъ передъ ними въ своемъ пышномъ военномъ убранствѣ, какъ сновидѣніе, какъ мечта. Оттого любовь ихъ дѣлается чрезвычайно поэтической. Свѣжая, невинная, какъ голубка, молодая супруга вдругъ узнала все блаженство, весь рай женщины, которая вся создана для любви. Все начало весны ея, проведенное съ этимъ мощнымъ, вольнымъ питомцемъ войны, столпило для нея радость всей жизни въ одно быстро мелькнувшее мгновеніе. Противъ него ничто вся остальная жизнь; она живетъ однимъ этимъ мгновеніемъ. Тоскуя, ждетъ она съ утра до вечера возврата своего черноброваго супруга.

Ой, черные бровенята!
Лыхо мни зъ вами:
Не хочете почеваты
Ни ноченьки сами.

Она вся живетъ воспоминаніемъ. Все, на что они глядѣли вмѣстѣ, куда они вмѣстѣ ходили, что вмѣстѣ говорили, — все это припоминаетъ она, не упуская ни одной мелкой черты. Она обращается ко всему, что ни видитъ въ природѣ, дышащей жизнью, и даже къ безчувственнымъ предметамъ, и всѣмъ имъ говорить и жалуется. И какъ просты, какъ поэтически-просты ея исполненные души рѣчи! Ко всему примѣняетъ она состояніе свое и не можетъ наговориться, потому что человекъ многорѣчивъ всегда, когда въ его

грусти заключается тайная сладость. Наконецъ, съ тихимъ, но безнадежнымъ отчаяніемъ говоритъ она:

Да вжежь минн не ходыты
Куда я ходыла!
Да вжежь минн не любиты,
Кого я любила!
Да вжежь минн не ходыты
Ранкомъ по-пидь замкомъ
Да вжежь минн не стояты
Изъ миннъ коханкомъ!
Да вжежь минн не ходыты
Въ лиски по оришки!
Да вжежь минн минулися
Дивоцѣія смишки!

Чтобы сколько-нибудь сдѣлать доступною для незнающихъ малороссійскаго языка глубину чувствъ, разсыпанныхъ въ этихъ пѣсняхъ, привожу одну изъ нихъ въ переводѣ.

Разсердился, разгнѣвался на меня мой милый! Вотъ онъ сѣдлаетъ своего вороного коня и ѣдетъ далеко, далеко отъ меня.

Куда же ты, мой милый, голубчикъ мой сизый, куда ты уѣжаешь? Кому ты меня, беззащитную, молодую, кому оставляешь?

Оставляю тебя, моя милая, одному Богу. Жди меня, пока не возвращусь изъ дальней дороги.

О, если бъ я знала, если бы видѣла, откуда будетъ ѣхать мой милый, я бы ему по всей дорогѣ мостила мосты изъ зеленого тростника и все-бы ждала его въ гости.

Боже Всесильный! выровняй всѣ долины и горы, чтобы вездѣ было ровно, чтобы оттолѣ ему до самаго дому было хорошо ѣхать.

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, по дорогѣ зеленѣетъ трава — это онъ! это мой милый ѣдетъ!

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, расцвѣтаетъ калина — вѣрно, гдѣ-нибудь мой милый, голубчикъ мой сизый, съ другою разговариваетъ.

Зачѣмъ же ты не пріѣхалъ, зачѣмъ не прилетѣлъ, какъ я тебѣ говорила? Коня ли не имѣлъ, дороги ли не зналъ, или мать не велѣла тебѣ?

Я коня имѣю; я и дорогу знаю, и мать еще вчера съ вечера велѣла мнѣ сѣлать коня.

Но только лишь сяду на коня, только лишь выйду за ворота, какъ уже бѣжить за мною другая и такъ жалко стонетъ, такъ плачетъ, что тоска ея хватается за самое сердце.

Можно привести до тысячи подобныхъ пѣсень, можетъ-быть, даже гораздо лучшихъ. Всѣ онѣ благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Вездѣ новыя краски, вездѣ простота и невыразимая нѣжность чувствъ. Гдѣ же мысли въ нихъ коснулись религіознаго, тамъ онѣ необыкновенно поэтически. Онѣ не изумляются колоссальнымъ созданіямъ вѣчнаго Творца: это изумленіе принадлежитъ уже ступившему на высшую ступень самопознанія; но ихъ вѣра такъ невинна, такъ трогательна, такъ непорочна, какъ непорочна душа младенца. Онѣ обращаются къ Богу, какъ дѣти къ отцу; онѣ вводятъ Его часто въ бытъ своей жизни съ такою невинною простотою, что безыскусственное Его изображеніе становится у нихъ величественнымъ въ самой простотѣ своей. Отъ этого самые обыкновенные предметы въ пѣсняхъ ихъ облекаются невыразимою поэзіей, чему еще болѣе помогаютъ остатки обрядовъ древней славянской міеологии, которые онѣ покорили христіанству. Часто тоскующая дѣва умоляетъ Бога, чтобы Онъ засвѣтилъ на небѣ восковую свѣчку, пока ея милый перебредетъ черезъ рѣку Дунай. На всемъ печатъ чистаго первоначальнаго младенчества, стало-быть, — и высокой поэзіи. Изложеніе пѣсней ихъ, какъ женскихъ, такъ и козачиныхъ, почти всегда драматическое — признакъ развитія народнаго духа и дѣятельной, беспокойной

жизни, долго обнимавшей народъ. Пѣсни ихъ почти никогда не обращаются въ описательныя и не занимаются долго изображеніемъ природы. Природа у нихъ едва только скользитъ въ куплетѣ, но, тѣмъ не менѣе, черты ея такъ новы, тонки, рѣзки, что представляютъ весь предметъ. Впрочемъ, къ нимъ прибѣгаютъ для того только, чтобы сильнѣе выразить чувства души, и потому явленія природы послушно влекутся у нихъ за явленіями чувства. То же самое у нихъ представляется разомъ и во внѣшнемъ, и во внутреннемъ мірѣ. Часто, вмѣсто цѣлаго внѣшняго, находится только одна рѣзкая черта, одна часть его. Въ нихъ нигдѣ нельзя найти подобной фразы: *быль вечеръ*; но вмѣсто этого говорится то, что бываетъ вечеромъ, напр.:

Шли коровы изъ дубровы, а овечки съ поля:
Выплакала кари очи, край милого стая.

Оттого весьма многіе, не понявъ, считали подобныя обороты бессмыслицей. Чувство у нихъ выражается вдругъ, сильно, рѣзко и никогда не охлаждается длиннымъ періодомъ. Во многихъ пѣсняхъ нѣтъ одной общей мысли, такъ что онѣ походятъ на рядъ куплетовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ отдѣльную мысль. Иногда онѣ кажутся совершенно безпорядочными, потому что сочиняются мгновенно, и такъ какъ взглядъ народа живъ, то обыкновенно тѣ предметы, которые первые бросаются на глаза, первые помѣщаются и въ пѣсни; но зато изъ этой пестрой кучи вышибаются такіе куплеты, которые поражаютъ самую очаровательную безотчетность поэзіи. Самая яркая и вѣрная живопись и самая звонкая звучность словъ разомъ соединяются въ нихъ. Пѣсня сочиняется не съ перомъ въ рукѣ, не на бумагѣ, не съ строгимъ расчетомъ, но въ вихрѣ, въ забвеніи, когда душа звучитъ, и всѣ члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положеніе, становятся свободнѣе, руки вольно вскидываются на воздухъ, и дикія волны веселья уносятъ его отъ всего. Это примѣчается даже въ самыхъ заунывныхъ пѣсняхъ, которыхъ раздрающіе звуки съ болью касаются сердца. Они никогда не могли излиться изъ души человѣка въ обыкновенномъ состояніи, при настоящемъ возрѣніи на предметъ. Только тогда, когда вино перемѣшаетъ и разрушитъ весь прозаическій порядокъ мыслей, когда мысли непостижимо-странно въ разногласіи звучатъ внутреннимъ согласіемъ, — въ такомъ-то разгулѣ, торжественномъ больше, нежели веселомъ, душа, къ непостижимой загадкѣ, изливается нестерпимо-унылыми звуками. Тогда прочъ дума и бдѣніе! Весь таинственный составъ его требуетъ звуковъ, однихъ звуковъ. Оттого поэзія въ пѣсняхъ неуловима, очаровательна, граціозна, какъ музыка. Поэзія мыслей болѣе доступна каждому, нежели поэзія звуковъ, или, лучше сказать, поэзія поэзіи. Ее одинъ только избранный, одинъ истинный въ душѣ поэтъ понимаетъ; и потому-то часто самая лучшая пѣсня остается незамѣченною, тогда какъ незавидная выигрываетъ своимъ содержаніемъ.

Стихосложеніе малороссійское самое выгодное для пѣсенъ: въ немъ соединяются вмѣстѣ и размѣръ, и тоника, и рима. Паденіе звуковъ въ нихъ скоро, быстро; оттого строка никогда почти не бываетъ слишкомъ длинна; если же это и случается, то цезура посерединѣ, съ звонкою римою, перерѣзываетъ ее. Чистые, протяжные ямбы рѣдко попадаются; большею частію быстрые хорей, дактили, амфиврахи летятъ шибко, одинъ за другимъ, прихотливо и вольно мѣшаются между собою, производятъ новыя размѣры и разнообразятъ ихъ до чрезвычайности. Римы звучатъ и сшибаются одна съ другою, какъ серебряныя подковы танцующихъ. Вѣрность и музыкальность

уха — общая принадлежность ихъ. Часто вся строка созвукивается съ другою, несмотря, что иногда у обѣихъ даже рѣмы нѣтъ. Близость рѣмы изумительна. Часто строка два раза терпитъ цезуру и два раза рѣмется до замыкающей рѣмы, которой сверхъ того даетъ отвѣтъ вторая строка, тоже два раза созвукнувшись на серединѣ. Иногда встрѣчается такая рѣма, которую, повидимому, нельзя назвать рѣмою, но она такъ вѣрна своимъ отголоскомъ звуковъ, что нравится иногда болѣе, нежели рѣма, и никогда бы не пришла въ голову поэту съ перомъ въ рукѣ.

Характеръ музыки нельзя опредѣлить однимъ словомъ: она необыкновенно разнообразна. Во многихъ пѣсняхъ она легка, грациозна, едва только касается земли и, кажется, шалить, рѣвится звуками. Иногда звуки ея принимаются мужественную физиогномію, становятся сильны, могучи, крѣпки; стопы тяжело ударяютъ въ землю, и, кажется, какъ будто бы подъ нихъ можно плясать одного только гопака. Иногда же звуки ея становятся чрезвычайно вольны, широки, взмахи гигантскіе, сялашіеся обхватить бездну пространства, вслушиваясь въ которые танцующій чувствуетъ себя исполиномъ: душа его и все существованіе раздвигается, расширяется до безпредѣльности. Онъ отдѣляется вдругъ отъ земли, чтобы сильнѣе ударить въ нее блестящими подковами и взнестись опять на воздухъ. Что же касается до музыки грусти, то она нигдѣ не слышна такъ, какъ у нихъ. Тоска ли это о прерванной юности, которой не дали доверселиться; жалобы ли это на безпріютное положеніе тогдашней Малороссіи... но звуки ея живутъ, жгутъ, раздираютъ душу. Русская заунывная музыка выражаетъ, какъ справедливо замѣтилъ М. Максимовичъ, забвеніе жизни: она стремится уйти отъ нея и заглушить вседневныя нужды и заботы; но въ малороссійскихъ пѣсняхъ она слилась съ жизнью: звуки ея такъ живы, что, кажется, не звучать, а говорить, — говорить словами, выговариваютъ рѣчи, и каждое слово этой яркой рѣчи проходитъ душу. Взвизги ея иногда такъ похожи на крикъ сердца, что оно вдругъ и внезапно вздрагиваетъ, какъ будто бы коснулось къ нему острое желѣзо. Безотрадное, равнодушное отчаяніе иногда слышится въ ней такъ сильно, что заслушавшійся забывается и чувствуетъ, что надежда давно улетѣла изъ міра. Въ другомъ мѣстѣ отрывистыя стenanія, вопли, такіе яркіе, живые, что съ трепетомъ спрашиваешь себя: звуки ли это? Это невыносимый вопль матери, у которой свирѣпое насиліе вырываетъ младенца, чтобы съ звѣрскимъ смѣхомъ расшибить его о камень. Ничто не можетъ быть сильнѣе народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣятельность жизни; если натиски насилій и непреодолимыхъ вѣчныхъ препятствій не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали изъ него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и нигдѣ выразиться, какъ только въ его пѣсняхъ. Такова была беззащитная Малороссія въ ту годину, когда хищно ворвалась въ нее унія. По нимъ, по этимъ звукамъ, можно догадываться о ея минувшихъ страданіяхъ, такъ точно, какъ о бывшей бурѣ съ градомъ и проливнымъ дождемъ можно узнать по брилліантовымъ слезамъ, унизывающимъ снизу до вершины освѣженныя деревья, когда солнце мечетъ вечерній лучъ, разрѣженный воздухъ чистъ, вдали звонко дребезжитъ мычаніе стадъ, голубоватый дымъ, вѣстникъ деревенскаго ужина и довольства, несется свѣтлыми кольцами къ небу, и вечеръ, тихій, ясный вечеръ обнимаетъ успокоенную землю.

МЫСЛИ О ГЕОГРАФІИ.

(ДЛЯ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА).

Велика и поразительна область географіи: край, гдѣ кипитъ югъ и каждое твореніе бьется двойною жизнью, и край, гдѣ въ искаженныхъ чертахъ природы прочитывается ужасъ, и земля превращается въ оледенѣлый трупъ; исполины-горы, парящія въ небо, наброшенный небрежно, дышашій всею роскошью растительной силы и разнообразія видъ, и раскаленные пустыни и степи; оторванный кусокъ земли посреди безграничнаго моря, люди и искусство, и предѣлъ всего живущаго! — Гдѣ найдутся предметы, сильнѣе говорящіе юному воображенію? — Какая другая наука можетъ быть прекраснѣе для дѣтей, можетъ быстрѣе возвысить поэзію младенческой души ихъ? И не больно ли, если показываютъ имъ, вмѣсто всего этого, какой-то безжизненный, сухой скелетъ, холодно говоря: «Вотъ земля, на которой живемъ мы; вотъ тотъ прекрасный міръ, подаренный намъ непостижимымъ его Зодчимъ!» — Этого мало: его совершенно скрываютъ отъ нихъ и даютъ имъ вмѣсто того грызть политическое тѣло, превышающее міръ ихъ понятій и несвязное даже для ума, обладающаго высшими идеями. — Невольно при этомъ приходитъ на мысль: неужели великій Гумбольдтъ и тѣ отважные изслѣдователи, принесшіе такъ много свѣдѣній въ область науки, истолковавшіе дивные іероглифы, коими покрытъ міръ нашъ, — должны быть доступны немногому числу ученыхъ, а возрастъ, болѣе другихъ нуждающійся въ ясности и опредѣлительности, долженъ видѣть передъ собою одни непонятныя изображенія?

Дѣтскій возрастъ есть еще одна жажда, одно безотчетное стремленіе къ познанію. Онъ всего требуетъ, все хочетъ узнать. Его болѣе всего интересуютъ отдаленныя земли: какъ тамъ? что тамъ такое? какіе тамъ люди? какъ живутъ? Эти вопросы стремятся у него толпою, и всѣ они относятся прямо къ физической географіи, и потому міръ, въ его физическомъ состояніи, величественный, роскошный, грозный, плѣнительный, — долженъ болѣе и обширнѣе занять его.

Во многихъ заведеніяхъ нашихъ, по невозможности воспитанниковъ узнать въ одинъ годъ всей географіи, читаютъ ее въ двухъ и даже въ трехъ классахъ. Это хорошо, и географія стѣдуетъ, чтобъ ее проходили не въ одномъ классѣ: но преподаватели впадаютъ въ большую ошибку: размежевываютъ земной шаръ на двѣ или, смотря по классамъ, на три части и самому начальному классу достается Европа, рассматриваемая обыкновенно въ политическомъ отношеніи съ подробнѣйшими подробностями, тогда какъ высшіе классы блуждаютъ по степямъ и пескамъ африканскимъ и бесѣдуютъ съ дикарями. Не говоря уже о безразсудности и странной формѣ такого преподаванія, нужно имѣть необыкновенную память, чтобы удержать въ ней всю эту

нестройную массу. Если же и допустить такой феноменъ въ природѣ, то въ головѣ этого феномена никогда не удержится одно прекрасное цѣлое. — Это будутъ тщательно отдѣланныя, разрозненные части, которыми не управляетъ одна мощная жизнь, бьющая ровнымъ пульсомъ по всѣмъ жиламъ. Это народъ, созданный для монархическаго правленія и утратившій его въ бурѣ политическихъ потрясеній.

Гораздо лучше, если воспитанникъ будетъ проходить географію въ два разные періода своего возраста. Въ первомъ онъ долженъ узнать одинъ только великій очеркъ всего міра, но очеркъ такой, который бы пробудилъ всю внимательность его, который бы показалъ всю обширность и колоссальность географическаго міра. Въ этотъ курсъ должны ниспослать отъ себя дань и естественная исторія, и физика, и статистика, и все, что только соприкасается къ міру, чтобы міръ составилъ одну яркую, живописную поэму, чтобы сколько возможно открыть ему всё концы его. Ничего въ подробности, но только однѣ рѣзкія черты, но только, чтобы онъ чувствовалъ, гдѣ стужа, гдѣ болѣе растительность, гдѣ выше мануфактурность, гдѣ сильнѣе образованность, гдѣ глубже невѣжество, гдѣ ниже земля, гдѣ стремительнѣе горы. — Во второмъ періодѣ его возраста этотъ міръ долженъ быть передъ нимъ раздвинутъ. Онъ долженъ рассмотреть въ микроскопъ тѣ предметы, которые доселѣ видѣлъ простымъ глазомъ. Тогда уже онъ узнаетъ всё исключенія и переходы, менѣе рѣзкіе и болѣе исполненные тонкаго отличія.

Воспитанникъ не долженъ имѣть вовсе у себя книги. Она, какая бы ни была, будетъ сжимать его и умерщвлять воображеніе: передъ нимъ должна быть одна только карта. Ни одного географическаго явленія не нужно объяснять, не укрѣпивши на мѣстѣ, хотя бы это было только яркое, живописное описаніе, чтобы воспитанникъ, внимая ему, глядѣлъ на мѣсто въ своей картѣ, и чтобы эта маленькая точка какъ бы раздвигалась передъ нимъ и вмѣстила бы въ себя всё тѣ картины, которыя онъ видитъ въ рѣчахъ преподавателя. Тогда можно быть увѣреннымъ, что онъ останутся въ памяти его вѣчно, и, взглянувши на скелетный очеркъ земли, онъ его вмѣгъ наполнить красками.

Фигура земли прежде всего должна удержаться въ его памяти. Черченіе картъ, надъ которыми заставляють воспитанниковъ трудиться, мало приносятъ пользы. Множество мелкихъ подробностей, множество отдѣльныхъ государствъ можетъ только въ головѣ ихъ уничтожиться одно другимъ. Гораздо лучше дать имъ прежде сильную, рѣзкую идею о видѣ земли: для этого я бы совѣтовалъ сдѣлать всю воду бѣлою и всю землю черною, чтобы онѣ совершенно отдѣлились, рѣзкостью своею неволью вторгнулись въ мысли ихъ и преслѣдовали бы ихъ неотступно неправильною своею фигурою. Послѣ этого будетъ имъ гораздо легче начертить видъ земли, но никакъ не допускать до подробностей, т. е. означать всё мелкіе мысы и искривленія береговъ. Пусть лучше они вначалѣ совсѣмъ не знаютъ ихъ, но зато удержатъ общій видъ земли.

Гораздо лучше проходить вначалѣ разомъ весь міръ, глядѣть разомъ на всё части свѣта: чрезъ это очевиднѣе будутъ ихъ взаимныя противоположности. Замѣтивши ихъ въ общей массѣ, они могутъ тогда погрузиться глубже въ каждую часть свѣта. Но въ порядкѣ частей свѣта я бы совѣтовалъ лучше слѣдовать за постепеннымъ развитіемъ человѣка, стало-быть, вмѣстѣ и за постепеннымъ открытіемъ земли: начать съ Азіи, съ его колыбели, съ его

младенчества, перейти въ Африку, въ его пламенное и вмѣстѣ грубое юношество, обратиться къ Европѣ, къ его быстрому разоблаченію и зрѣлости ума, шагнуть вмѣстѣ съ нимъ въ Америку, гдѣ, развитый и властительный, встрѣтился онъ съ первообразнымъ и чувственнымъ, и окончить разрозненными по необозримоу океану островами.

Такое раздѣленіе, мнѣ кажется, будетъ гораздо естественнѣе. Прежде всего воспитанникъ долженъ составить себѣ общее характеристическое понятіе о каждой изъ нихъ. Во-первыхъ, объ Азіи, гдѣ все такъ велико и обширно, гдѣ люди такъ важны, такъ холодны съ вида и вдругъ кипятъ неукротимыми страстями; при дѣтскомъ умѣ своемъ думаютъ, что они умнѣе всѣхъ; гдѣ все гордость и рабство; гдѣ все одѣвается и вооружается легко и свободно, все набѣдничаетъ; гдѣ турокъ радъ просидѣть цѣлый вѣкъ, поджавъ ноги и куря кальянъ свой, и гдѣ бедуинъ, какъ вихорь, мчится по пустынѣ; гдѣ вѣра переходитъ въ фанатизмъ, и вся страна — страна вѣроисповѣданій, разлившихся отсюда по всему міру. Объ Африкѣ, гдѣ солнце жжетъ, и океаны песчаныхъ степей растягиваются на неизмѣримое пространство, львы, тигры, кокосы, пальмы и человѣкъ, мало чѣмъ различающійся наружностью и своими чувственными наклонностями отъ обезьянъ, кочующихъ по ней ордами, и такъ далѣе.

Начертивъ видъ части свѣта, воспитанникъ указываетъ всѣ высочайшія и низменныя мѣста на ней, рассказываетъ, какъ развѣтвляются по ней горы и протягиваютъ свои длинныя, безобразныя цѣпи. Въ этомъ смыслѣ можно съ пользою употреблять Риттерово барельефное изображеніе Европы, хотя оно не совсѣмъ еще удобно для дѣтей, по причинѣ неяснаго отдѣленія свѣта отъ тѣней. Всего бы лучше на этотъ случай отлить изъ хрѣпкой глины, или изъ металла, настоящей барельефъ. Тогда воспитаннику стоило бы только взглянуть на него, чтобы сохранить навсегда въ памяти всѣ высокія и низменныя мѣста.

Такъ какъ горы сообщили форму всей землѣ, то познаніе ихъ должно составить, такъ сказать, начало всей географіи. Показавъ развѣтвленіе ихъ по лицу земли, должно показать видъ ихъ, форму, составъ, образованіе и, наконецъ, характеръ и отличіе каждой цѣпи, — все это не сухо, не съ подробною ученостью, но такъ, чтобы онъ зналъ, что такая-то цѣпь изъ темныхъ и твердыхъ гранитовъ, что внутренность другой бѣлая, известковая или глинистая: рыхлая, желтая, темная, красная или, наконецъ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ земель и камней. Можно даже рассказать, какъ въ нихъ лежатъ металлы и руды и въ какомъ видѣ — и можно рассказать занимательно. Что же касается до поверхности ихъ, то, само собою разумѣется, что нужно показать высочайшія точки, примѣчательныя явленія на нихъ и высоту, до которой подымался человѣкъ.

Не мѣшало бы коснуться слегка подземной географіи. Мнѣ кажется, нѣтъ предмета болѣе поэтическаго, какъ она, хотя совершенно понять ее можетъ только возрастъ высшій. Тутъ всѣ явленія и факты дышатъ исполнскою колоссальностью. Здѣсь встрѣчаются цѣлыя массы. Тутъ на всемъ отпечатокъ величественныхъ потрясеній земли; душа сильнѣе чувствуетъ великія дѣла Творца. Тутъ лежатъ погребенными цѣлыя цѣпи подземныхъ лѣсовъ. Тутъ лежитъ въ глубокомъ уединеніи раковина и уже превращается въ мраморъ. Тутъ дышатъ вѣчные огни, и отъ взрыва ихъ измѣняется

поверхность земли. Часть этихъ явленій, будучи слегка открыта юному воспитаннику, нельзя чтобъ не тронула его воображенія.

Процессъ и расселеніе растительной силы по землѣ должно показать на картѣ лѣстницею градусовъ: гдѣ растеніе Юга — хозяинъ, куда перешло оно какъ гость, подъ какимъ градусомъ умираетъ, гдѣ начинается растеніе Сѣвера, гдѣ и оно, наконецъ, гибнетъ, прозябаніе прекращается, природа обмираетъ въ объятіяхъ студенаго океана, и чудный полюсъ закутывается недоступными для человѣка льдами. Такимъ же образомъ и расселеніе животныхъ. Но почва требуетъ другого раздѣленія земли по полосамъ, изъ которыхъ каждая должна заключать въ себѣ особенный видъ ея.

Произведенія искусства вообще являются доселѣ у географовъ отрывисто. Перехода нѣтъ никакого отъ природы къ произведеніямъ человѣка. Они отрублены, какъ топоромъ, отъ своего источника. Я уже не говорю о томъ, что у нихъ не представленъ вовсе этотъ брачный союзъ человѣка съ природою, отъ котораго рождаются мануфактурность. Итакъ, прежде нежели воспитанникъ приступитъ къ обзорѣнью мануфактуръ и произведеній рукъ человѣка, нужно, чтобы онъ былъ приуготовленъ къ тому произведеніями земли, чтобы онъ самъ собою могъ вывести, какія мануфактуры должны быть въ такомъ-то государствѣ; если же встрѣтится исключеніе, тогда необходимо показать, отчего оно произошло: можетъ-быть, безпечный характеръ народа, можетъ, стороннія обстоятельства, — или излишнее богатство сосѣдей, или невозможность дальнѣйшихъ сообщеній, или другія подобныя имъ — воспрепятствовали. Приготовивши себя мануфактурностью, онъ можетъ уже переходить къ торговлѣ, которая безъ того будетъ тоже незанимательна и непонятна.

При исчисленіи народовъ, преподаватель необходимо обязанъ показать каждому физиогномію и тѣ отпечатки, которые принялъ его характеръ, такъ сказать, отъ географическихъ причинъ. Всѣ народы міра онъ долженъ группировать въ большія семейства и представить прежде общія черты каждой группы, потомъ уже развѣтвленіе ихъ. И потомъ физическую ихъ исторію, т. е. исторію измѣненія ихъ характера, чтобъ объяснилось, отчего, напримеръ, тевтонское племя среди своей Германіи означено твердостью флегматическаго характера, и отчего оно, перейдя Альпы, напротивъ, принимаетъ всю игривость характера легкаго.

Весьма полезны для дѣтей карты, изображающія расселеніе просвѣщенія по земному шару. Эта польза превращается въ необходимость, когда проходятъ они Европу. Но какъ у насъ нѣтъ такихъ картъ, то преподавателю небольшого труда стѣдуетъ сдѣлать оныя самому. Мѣста, гдѣ просвѣщеніе достигло высочайшей степени, означать свѣтомъ и бросать легкія тѣни, гдѣ оно ниже. Тѣни сіи становятся, чѣмъ далѣ, тѣмъ крѣпче, и, наконецъ, превращаются въ мракъ, по мѣрѣ того, какъ природа дичаетъ, и человѣкъ оканчивается бездушнымъ эскимосомъ.

Величину земель, государствъ, никогда нельзя заучивать исчисленіемъ квадратныхъ миль. Нужно только смотрѣть на карту — вотъ одно средство узнать ее. Не мѣшало бы вырѣзать каждое государство особенно, такъ, чтобы оно составляло отдѣльный кусокъ, и, будучи сложено съ другими, составило бы часть міра. Тогда будетъ видима и величина ихъ и форма.

При изображеніи каждаго города, непременно должно означить рѣзко его мѣстоположеніе; подымается ли онъ на горѣ, опрокинутъ ли внизъ; его жизнь, его значительность, его средства — и, вообще, сильными и немногими чертами обозначить характеръ его. Преподаватель обязанъ исторгнуть изъ обширнаго матеріала все, что бросаетъ на городъ отличіе и отбѣняетъ его отъ множества другихъ. Пусть воспитанникъ знаетъ, что такое Римъ, что Парижъ, что Петербургъ. Пусть не мѣряетъ своимъ масштабомъ, составившимся въ его понятіяхъ при видѣ Петербурга, другихъ городовъ Европы. Все общее городамъ должно быть исключено въ опредѣленіи отдѣльно каждаго города. Во многихъ нашихъ географіяхъ и до сихъ поръ еще въ опредѣленіяхъ губернскаго города рассказывается, что въ немъ есть гимназія, соборная церковь; уѣзднаго — что въ немъ есть уѣздное училище и т. п. Къ чему? Воспитаннику довольно сказать сначала, что у насъ гимназіи во всѣхъ губернскихъ городахъ, церкви также. Но Кремля, Ватикана, Пале-рояля, Фальконетова Петра, Киевопечерской Лавры, Бингъ-Бенча — нѣтъ другихъ въ мірѣ. Объ нихъ дитя, вѣрно, потребуетъ подробнаго свѣдѣнія. Не нужно заниматься ничтожнымъ и скучнымъ для воспитанника вычисленіемъ числа домовъ, церквей, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда оно, по своей величинѣ или отрицательно, выходитъ изъ категоріи обыкновеннаго. Въмѣсто этого, можно занять его архитектурой города, — въ какомъ вкусѣ онъ выстроенъ, колоссальны ли, прекрасны ли его строенія. Если онъ древній, то какъ величественна, даже въ самой странности своей, его старинная, повитая столѣтіями и на чудо взлелѣянная самими потрясеніями архитектура, и какъ, напротивъ того, легка и изящна архитектура другого города, созданнаго однимъ столѣтіемъ. При мысли о какомъ-нибудь германскомъ городкѣ, ученикъ тотчасъ долженъ представить себѣ тѣсныя улицы, небольшие, узенькіе и высокіе домики, гдѣ все такъ просто, такъ мило, такъ буколически, и рядомъ съ ними угловатые, просѣкающіе остриемъ воздухъ шпицы церквей. При мысли о Римѣ, гдѣ глухо отозвался весь канувшій въ пучину столѣтій древній міръ, у него должна быть неразлучна съ тѣмъ мысль о зданіяхъ-исполинахъ, которыя, свободно поднявшись отъ земли и опершись на стройные портики и гигантскія колонны, дрыхлѣютъ какъ бы размышляя объ утевшихъ событіяхъ великой своей юности. Для этого не мѣшаетъ чаще показывать фасады примѣчательнѣйшихъ зданій: тогда необыкновенный видъ ихъ врѣжется въ памяти; притомъ это послужитъ невольно и нечувствительно къ образованію юнаго вкуса.

Исторія изрѣдка должна только озарять воспоминаніями географическій міръ ихъ. Протекшее должно быть слишкомъ разительно, и развѣ уже происходитъ изъ чисто географическихъ причинъ, чтобы заставить вызывать его. Но если воспитанникъ проходитъ въ это время и исторію, тогда ему необходимо показать область ея дѣйствія: тогда географія сливается и составляетъ одно тѣло съ исторіей.

Слогъ преподавателя долженъ быть увлекающій, живописный: всѣ поразительныя мѣстоположенія, великія явленія природы — должны быть окинуты яркими красками. Что дѣйствуетъ сильно на воображеніе, то не скоро выбѣется изъ головы. Слогъ его долженъ болѣе подходить къ слогу путешественника. Строгая аналитическая систематика не можетъ удержаться въ головѣ отрока, особливо если она распространена въ мелочахъ. Дитя тогда только удерживаетъ систему, когда не видитъ ея глазами, когда она искусство

скрыта отъ него. Его система — интересъ, нить происшествій или нить описаній. Все, что истинно нужно, что болѣе относится къ нашей жизни, что болѣе можемъ мы впоследствии приспособить къ себѣ, — все это уже интересно. Да, впрочемъ, что не интересно въ географіи? Она такое глубокое море, такъ раздвигаетъ наши самыя дѣйствія, и, несмотря на то, что показываетъ границы каждой земли, такъ скрываетъ свои собственныя, что даже для взрослого представляетъ философически-увлекательный предметъ. Короче, нужно стараться познакомить сколько можно болѣе съ міромъ, со всѣмъ безчисленнымъ разнообразіемъ его, но чтобы это никакъ не обременило памяти, а представлялось бы свѣтло нарисованною картиною. Богатый для сего запасъ заключается въ описаніяхъ путешественниковъ, которыхъ множество, и изъ которыхъ, кажется, донинѣ, въ этомъ отношеніи, мало умѣли извлекать пользы.

Лѣность и непонятливость воспитанника обращаются въ вину педагога и суть только вывѣски его собственного нерадѣнія: онъ не умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей; онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать въ дитяти. Мнѣ часто случалось быть свидѣлемъ, какъ ребенокъ, признанный за неспособнаго ни къ чему, обиженнаго природою, слушалъ съ неразвлекаемымъ вниманіемъ страшную сказку, и на лицѣ его, почти бездушномъ, не оживляемомъ до того никакимъ чувствомъ участія, попеременно прорывались черты безпокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого вниманія въ пользу науки?

1829.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

(КАРТИНА БРЮЛОВА).

Картина Брюлова — одно изъ яркихъ явленій XIX вѣка. Она — свѣтлое воскресеніе живописи, пребывавшей долгое время въ какомъ-то полудетаргическомъ состояніи. Не стану говорить о причинѣ этого необыкновеннаго застоя, хотя она представляетъ занимательный предметъ для изслѣдованія; замѣчу только, что если конецъ XVIII столѣтія и начало XIX вѣка ничего не произвели полнаго и колоссальнаго въ живописи, то зато они много разработали ея части. Она распалась на безчисленные атомы и части. Каждый изъ этихъ атомовъ развитъ и достигнуть несравненно глубже, нежели въ прежнія времена. Замѣтили такія тайныя явленія, какихъ прежде никто не подозрѣвалъ. Вся та природа, которую чаще видитъ человѣкъ, которая его окружаетъ и живетъ съ нимъ, вся эта видимая природа, вся эта мелочь, которою пренебрегали великіе художники, достигли изумительной истины и совершенства. Всѣ наперерывъ старались замѣтить тотъ живой колоритъ, которымъ дышитъ природа. Все тайное въ ея лонѣ, весь этотъ нѣмой языкъ пейзажа, подмѣчены или, лучше сказать, украдены, вырваны изъ самой природы, хотя все это украдено отрывками, хотя всѣ произведенія этого вѣка похожи болѣе на опыты или, лучше сказать, записки, матеріалы, свѣжія мысли, которыя наскоро вносятъ путешественникъ въ свою книгу съ тѣмъ, чтобы не позабыть ихъ и чтобы составить изъ нихъ послѣ нѣчто цѣлое. Живопись раздробилась на низшія ограниченныя ступени: гравировка, литографія и многочисленныя мелкія явленія были съ жадностію разрабатываемы въ частяхъ. Этимъ обязаны мы XIX вѣку. Колоритъ, употребляемый XIX вѣкомъ, показываетъ великій шагъ въ знаніи природы. Взгляните на эти безпрестанно появляющіеся отрывки, перспективы, пейзажи, которые рѣшительно въ XIX вѣгѣ опредѣлили сліяніе человѣка съ окружающею природою: какъ въ нихъ дѣлится и выходитъ окунутая мракомъ и освѣщенная свѣтомъ перспектива строеній! какъ сквозитъ освѣщенная вода, какъ дышитъ она въ сумракѣ вѣтвей! какъ ярко и знойно уходитъ прекрасное небо и оставляетъ предметы передъ самыми глазами зрителя! какое смѣлое, какое дерзкое употребленіе тѣней тамъ, гдѣ прежде вовсе ихъ не подозрѣвали! и вмѣстѣ, при всей этой рѣзкости, какая роскошная нѣжность, какая подмѣчена тайная музыка въ предметахъ обыкновенныхъ, безчувственныхъ! Но чтѣ сильнѣе всего достигнуто въ наше время, такъ это освѣщеніе. Освѣщеніе придаетъ такую силу и, можно сказать, единство всѣмъ нашимъ твореніямъ, что они, не имѣя въ себѣ никакого глубокаго достоинства, показывающаго геній, необыкновенно, однакоже, пріятны для глазъ. Они общимъ выраженіемъ своимъ не могутъ не поразить, хотя, внимательно разсматривая, иногда увидишь въ творцѣ ихъ не обширное познаніе искусства.

Возьмите всѣ безпрестанно являющіяся гравюры, эти отпрыски яркаго таланта, въ которыхъ дышитъ и вѣетъ природа такъ, что они, кажется, какъ

будто оцвѣчены колоритомъ. Въ нихъ заря такъ тонко свѣтлѣетъ на небѣ, что, всматриваясь, кажется, видишь алый отблескъ вечера; деревья, облитыя сіяніемъ солнца, какъ будто покрыты тонкою пылью; въ нихъ яркая бѣлизна сладострастно сверкаетъ въ самомъ глубокомъ мракѣ тѣни. Разсматривая ихъ, кажется, боишься дохнуть на нихъ. Весь этотъ эффектъ, который разлитъ въ природѣ, который происходитъ отъ сраженія свѣта съ тѣнью, весь этотъ эффектъ сдѣлался цѣлью и стремленіемъ всѣхъ нашихъ артистовъ. Можно сказать, что XIX вѣкъ есть вѣкъ эффективъ. Всякій, отъ перваго до послѣдняго, топорщится произвести эффектъ, начиная отъ поэта до кондитера, такъ что эти эффекты, право, уже надоѣдаютъ, и, можетъ-быть, XIX вѣкъ, по странной причудѣ своей, наконецъ, обратится ко всему безъэффектному. Впрочемъ, можно сказать, что эффекты болѣе всего выгодны въ живописи и вообще во всемъ томъ, что видимъ нашими глазами: тамъ, если они будутъ ложны и неумѣстны, то ихъ ложность и неумѣстность тотчасъ видна всякому. Но въ произведеніяхъ, подверженныхъ духовному оку, совершенно другое дѣло: тамъ они, если ложны, то вредны тѣмъ, что распространяютъ ложь, потому что простодушная толпа безъ разсужденія кидается на блестящее. Въ рукахъ истиннаго таланта они вѣрны и превращаютъ человѣка въ исполнина; но когда они въ рукахъ поддѣльнаго таланта, то для истиннаго понимателя они отвратительны, какъ отвратителенъ карло, одѣтый въ платье великана, какъ отвратителенъ подлый человѣкъ, пользующійся на заслуженнымъ знагомъ отличіемъ. Но все это, однакожъ, не относится къ нынѣшнему дѣлу. Должно признаться, что въ общей массѣ стремленіе къ эффектамъ болѣе полезно, нежели вредно: оно болѣе двигаетъ впередъ, нежели назадъ, и даже въ послѣднее время подвинуло все къ усовершенствованію. Желая произвести эффектъ, многіе болѣе стали разсматривать предметъ свой, сильнѣе напрягать умственные способности. И если вѣрный эффектъ оказывался болѣею частію только въ мелкомъ, то этому виною безлюдье крупныхъ гениевъ, а не огромное раздробленіе жизни и познаній, которымъ обыкновенно приписываютъ. Притомъ, стремленіе къ эффектамъ обдѣлало многія мелкія части чрезвычайно удовлетворительно и рѣзкою своею очевидностію сдѣлало ихъ доступными для всѣхъ. Не помню, кто-то сказалъ, что въ XIX вѣкѣ невозможно появленіе генія всемірнаго, обнявшаго бы въ себѣ всю жизнь XIX вѣка. Это совершенно несправедливо, и такая мысль исполнена безнадежности и отзывается какимъ-то малодушіемъ. Напротивъ, никогда полетъ генія не будетъ такъ ярокъ, какъ въ нынѣшнія времена; никогда не были для него такъ хорошо приготовлены матеріалы, какъ въ XIX вѣкѣ. И его шаги уже, вѣрно, будутъ исполнски и видимы всѣми отъ мала до велика.

Картина Брюлова можетъ назваться полнымъ, всемірнымъ созданіемъ. Въ ней все заключилось. По крайней мѣрѣ, она захватила въ область свою столько разнороднаго, сколько до него никто не захватывалъ. Мысль ея принадлежитъ совершенно вкусу нашего вѣка, который вообще, какъ бы самъ чувствуя свое страшное раздробленіе, стремится совокуплять всѣ явленія въ общія группы и выбираетъ сильныя кризисы, чувствуемые цѣлою массою. Всякому извѣстны прекрасныя созданія, къ которымъ принадлежатъ: «Видѣніе Валтазара», «Разрушеніе Ниневіи» и нѣсколько другихъ, гдѣ въ страшномъ величій представлены эти великія катастрофы, которыя составляютъ совершенство освѣщенія, гдѣ молнія въ грозномъ величій озаряетъ ужасный мракъ и скользитъ по верушкамъ головъ молящагося народа. Общее выраженіе этихъ картинъ поразительно и исполнено необыкновеннаго единства; но въ нихъ вообще только одна идея этой мысли. Онѣ похожи на отдаленные виды; въ

нихъ только общее выраженіе. Мы чувствуемъ только страшное положеніе всей толпы, но не видимъ человѣка, въ лицѣ котораго былъ бы весь ужасъ имъ самимъ зримаго разрушенія. Ту мысль, которая видѣлась намъ въ такой отдаленной перспективѣ, Брюловъ вдругъ поставилъ передъ самыми нашими глазами. Эта мысль у него разрослась огромно и какъ будто насъ самихъ захватила въ свой міръ. Созданіе и обстановку своей мысли произвелъ онъ необыкновеннымъ и дерзкимъ образомъ: онъ схватилъ молнію и бросилъ ее цѣлымъ потокомъ на свою картину. Молнія у него залила и потопила все, какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы все выказать, чтобы ни одинъ предметъ не укрылся отъ зрителя. Оттого на всемъ у него разлита необыкновенная яркость. Фигуры онъ кинулъ сильно, такою рукою, какою мечеть только могущественный геній: эта вся группа, остановившаяся въ минуту удара и выжившая тысячи разныхъ чувствъ; этотъ гордый атлетъ, издавшій крикъ ужаса, силы, гордости и безсилія, закрывшійся плащомъ отъ летящаго вихря каменьевъ; эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся въ такой красотѣ руку; этотъ ребенокъ, вонзившій въ зрителя взоръ свой; этотъ несомый дѣтми старикъ, въ страшномъ тѣлѣ котораго дышитъ уже могила, оглушенный ударомъ, котораго рука окаменѣла въ воздухъ съ распростертыми пальцами; мать, уже не желающая бѣжать и непреклонная на моленія сына, котораго просьбы, кажется, слышитъ зритель; толпа, съ ужасомъ отступающая отъ строеній или со страхомъ, съ дикимъ забвеніемъ страха взирающая на страшное явленіе, наконецъ, знаменующее конецъ міра; жрецъ въ бѣломъ саванѣ, съ безнадежною яростью мечущій взглядъ свой на весь міръ, — все это у него такъ мощно, такъ смѣло, такъ гармонически сведено въ одно, какъ только могло это возникнуть въ головѣ генія всеобщаго.

Я не стану изъяснять содержаніе картины и приводить толкованія и поясненія на изображенныя событія. Для этого у всякаго есть глазъ и мѣрило чувства; притомъ же это слишкомъ очевидно, слишкомъ касается жизни человѣка и той природы, которую онъ видитъ и понимаетъ, потому-то они доступны всѣмъ отъ мала до велика: я замѣчу только тѣ достоинства, тѣ рѣзкія отличія, которыя имѣетъ въ себѣ стиль Брюлова, тѣмъ болѣе, что эти замѣчанія, вѣроятно, сдѣлали немногіе. Брюловъ первый изъ живописцевъ, у котораго пластика достигла верховнаго совершенства. Его фигуры, несмотря на ужасъ всеобщаго событія и своего положенія, не вмѣщаютъ въ себѣ того дикаго ужаса, наводящаго содроганіе, какимъ дышатъ суровыя созданія Микель-Анжело. У него нѣтъ также того высокаго преобладанія небесно-непостижимыхъ и тонкихъ чувствъ, которыми весь исполненъ Рафаэль. Его фигуры прекрасны при всемъ ужасѣ своего положенія. Онѣ заглушаютъ его своею красотою. У него не такъ, какъ у Микель-Анжело, у котораго тѣло только служило для того, чтобы показать одну силу души, ея страданія, ея вопль, ея грозныя явленія; у котораго пластика погибала, контура человѣка пріобрѣтала исполнскій размѣръ, потому что служила только одеждою мысли, эмблемою; у котораго являлся не человѣкъ, но только — его страсти. Напротивъ того, у Брюлова является человѣкъ для того, чтобы показать всю красоту свою, все верховное изящество своей природы. Страсти, чувства, вѣрныя, огненные, выражаются на такомъ прекрасномъ обликѣ, въ такомъ прекрасномъ человѣкѣ, что наслаждаешься до упоенія. Когда я глядѣлъ въ третій, въ четвертый разъ, мнѣ казалось, что скульптура, та скульптура, которая была постигнута въ такомъ пластическомъ совершенствѣ древними, что скульптура эта перешла, наконецъ, въ живопись и сверхъ того проникнулась

какой-то тайной музыкой. Его человекъ исполненъ прекрасно-гордыхъ движеній; женщина его блещетъ, но она не женщина Рафаэля: съ тонкими, незамѣтными, ангельскими чертами, — она женщина страстная, сверкающая, южная, италян-ка, во всей красотѣ полудня, мощная, крѣпкая, пылающая всюю роскошью страсти, всею могуществомъ красоты, — прекрасная, какъ женщина. Нѣтъ ни одной фигуры у него, которая бы не дышала красотой, гдѣ бы человекъ не былъ прекрасенъ. Всѣ общія движенія группъ его дышатъ мощнымъ раз-мѣромъ и въ своемъ общемъ движеніи уже составляютъ красоту. Въ созданіи ихъ онъ такъ же крѣпко и сильно правитъ своимъ воображеніемъ, какъ житель пустыни арабскимъ бѣгуномъ своимъ. Оттого вся картина упруга и роскошна.

Вообще, во всей картинѣ выказывается отсутствіе идеальности, т.-е. идеальности отвлеченной, и въ этомъ-то состоитъ ея первое достоинство. Явись идеальность, явись перевѣсъ мысли, и она бы имѣла совершенно другое выраженіе, она бы не произвела того впечатлѣнія; чувство жалости и страстнаго трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и вѣрной истины, утратилась бы вовсе. Намъ не разрушеніе, не смерть страшны; напротивъ, въ этой минутѣ есть что-то поэтическое, стремящее вихремъ душевное наслажденіе; намъ жалка наша милая чувствительность, намъ жалка прекрасная земля наша. Онъ постигнулъ во всей силѣ эту мысль. Онъ представилъ человекъ какъ можно прекраснѣе, его женщина дышитъ всею, что есть лучшаго въ мірѣ. Ея глаза, свѣтлые, какъ звѣзды, ея дышащая нѣгою и силою грудь общаются роскошью блаженства. И эта прекрасная, этотъ вѣнецъ творенія, идеалъ земли, должна погибнуть въ общей гибели, на ряду съ послѣднимъ презрѣннымъ твореніемъ, которое не достойно было и ползать у ногъ ея. Слезы, испугъ, рыданіе — все въ ней прекрасно.

Видимое отличіе или манера Брюлова уже представляетъ тоже совершенно оригинальный, совершенно особенный шагъ. Въ его картинахъ цѣлое море блеска. Это его характеръ. Тѣни его рѣзки, сильные, но въ общей массѣ тонуть и исчезаютъ въ свѣтѣ. Онъ у него такъ же, какъ въ природѣ, незамѣтны. Кисть его можно назвать сверкающею, прозрачною. Выпуклость прекраснаго тѣла у него какъ будто просвѣчиваетъ и кажется фарфоровою; свѣтъ, обливая его сіяніемъ, вмѣстѣ проникаетъ его. Свѣтъ у него такъ нѣженъ, что кажется фосфорическимъ. Самая тѣнь кажется у него какъ будто прозрачною и, при всей крѣпости, дышитъ какою-то чистою, тонкою нѣжностью и поэзіей.

Его кисть остается навѣки въ памяти. Я прежде видѣлъ одну только его картину — семейство Витгенштейна. Она съ перваго раза, вдругъ, врѣзалась въ мое воображеніе и осталась въ немъ вѣчно въ своемъ яркомъ блескѣ. Когда я шелъ смотрѣть картину «Разрушеніе Помпеи», у меня прежняя вовсе вышла изъ головы. Я приближался вмѣстѣ съ толпою къ той комнатѣ, гдѣ она стояла, и на минуту, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, я позабылъ вовсе о томъ, что иду смотрѣть картину Брюлова; я даже позабылъ о томъ, есть ли на свѣтѣ Брюловъ. Но когда я взглянулъ на нее, когда она блеснула передо мною, въ мысляхъ моихъ, какъ молнія, пролетѣло слово: «Брюловъ!» Я узналъ его. Кисть его вмѣщаетъ въ себѣ ту поэзію, которую только чувствуешь и можешь узнать всегда: чувства наши всегда знаютъ и видятъ даже отличительные признаки, но слова ихъ никогда не расскажутъ. Колоритъ его такъ ярокъ, какимъ никогда почти не являлся прежде; его краски горятъ и мечутся въ глаза. Онъ были бы нестерпимы,

если бы явились у художника градусомъ ниже Брюлова, но у него онѣ облечены въ ту гармонию и дышать тою внутреннею музыкою, которой исполнены живые предметы природы.

Но главный признакъ, — и что выше всего въ Брюловѣ — такъ это необыкновенная многосторонность и обширность генія. Онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ: все у него, начиная отъ общей мысли и главныхъ фигуръ, до послѣдняго камня на мостовой, живо и свѣжо. Онъ силится обхватить всѣ предметы и на всѣхъ разлить могучую печать своего таланта. Обыкновенно художникъ прежнихъ временъ всегда почти избиралъ себѣ какую-нибудь одну сторону и въ нее погружалъ весь талантъ свой, развивавшійся оттого въ необыкновенномъ и какомъ-то отвлеченномъ величїи. Рафаэль обыкновенно писалъ одни только лица, одно развитіе на нихъ небесныхъ страстей и помысленій; все прочее, даже одежду, бросалъ онъ додѣлывать ученикамъ своимъ. Всѣ другіе великіе художники, настроенные высокостью религіозною или высокостью страстей, небрегли объ окружающемъ и второстепенномъ въ ихъ картинахъ. У нихъ небо является всегда бурое; облака похожи болѣе на копны сѣна или на гранитныя массы; дерево или дѣтски-однообразно своею правильностью, или негармонически-безобразно своею неправильностью. Но у Брюлова, напротивъ, всѣ предметы, отъ великихъ до малыхъ, для него драгоценны. Онъ силится схватить природу исполинскими объятїями и сжимаетъ ее съ страстью любовника. Можетъ-быть, въ этомъ ему помогла много раздробленная разработка въ частяхъ, которую приготовилъ для него XIX вѣкъ. Можетъ-быть, Брюловъ, явившись прежде, не получилъ бы такого разносторонняго и вмѣстѣ полнаго и колоссальнаго стремленія. Оттого-то его произведенія, можетъ-быть, первыя, которыя живою, чистымъ зеркаломъ природы доступны всякому. Его произведенія первыя, которыя можетъ понимать (хотя неодинаково) и художникъ, имѣющій высшее развитіе вкуса, и не знающій, что такое искусство. Они первыя, которымъ сужденъ завидный удѣлъ пользованія всемірною славой, и высшею степенью ихъ есть до сихъ поръ — *Послѣдній день Помпеи*, которую, по необыкновенной обширности и соединенію въ себѣ всего прекраснаго, можно сравнить развѣ съ оперою, если только опера есть дѣйствительно соединеніе тройственнаго міра искусствъ: живописи, поэзіи и музыки.

1834, августъ.

П Л Ъ Н Н И К Ъ .

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА).

Въ 1543 году, въ началѣ весны, ночью, тишина маленькаго городка Лукомья была смущена отрядомъ рейстровыхъ коронныхъ войскъ. Ущербленный мѣсяцъ, вырѣзываясь блестящимъ рогомъ своимъ сквозь непрерывно обступавшія его тучи, на мгновение освѣщала дно провала, въ которомъ лѣпился этотъ небольшой городокъ. Въ удивленію немногихъ жителей, успѣвшихъ проснуться, отрядъ, котораго одно уже появленіе служило предвѣстіемъ буйства и грабительства, ѣхалъ съ какой-то ужасающею тишиною. Замѣтно было, что всю силу напряженнаго вниманія его останавливалъ тащившійся среди его плѣнникъ, въ самомъ странномъ нарядѣ, какой когда-либо налагало насиліе на человѣка: онъ былъ весь съ ногъ до головы увязанъ ружьями, вѣроятно, для сообщенія неподвижности его тѣлу. Пушечный лафетъ былъ укрѣпленъ на спинѣ его. Конь едва ступалъ подъ нимъ. Несчастный плѣнникъ давно бы свалился, если бы толстый канатъ не прирастилъ его къ сѣдлу. Освѣтитъ бы мѣсячному лучу хоть на минуту его лицо — и онъ бы, вѣрно, блеснулъ въ капляхъ кроваваго пота, катившагося по щекамъ его! Но мѣсяцъ не могъ видѣть его лица, потому что оно было заковано въ желѣзную рѣшетку. Любопытные жители, съ разинутыми ртами, иногда рѣшались подступить поближе, но, увидя угрожающій кулакъ или саблю одного изъ провожатыхъ, пятились и бѣжали въ свои тщедушные домики, закутываясь покрѣпче въ наброшенные на плеча татарскіе тулупы и продрагивая отъ свѣжести ночного воздуха.

Отрядъ минулъ городъ и приближался къ уединенному монастырю. Это строеніе, составленное изъ двухъ совершенно противоположныхъ частей, стояло почти въ концѣ города на косогорѣ. Нижняя половина церкви была каменная, и, можно сказать, вся состояла изъ трещинъ, обожжена, закурена пороховъ, почернѣвшая, позеленѣвшая, покрытая крапивою, хмелемъ и дикими колокольчиками, носившая на себѣ всю лѣтопись страны, терпѣвшей кровавыя жатвы. Верхъ церкви, съ тѣми изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византийская, еще болѣе изуродованная варваризмомъ подражателей, былъ весь деревянный. Новыя доски, желтѣвшія между почернѣлыми старыми, придавали ей пестроту и показывали, что еще не такъ давно она была починена богомольными прихожанами. Блѣдный лучъ серпорогаго мѣсяца, продравшись сквозь кудрявыя яблони, укрывавшія вѣтвями въ своей гущѣ часть зданія, упалъ на низкія двери и на выдавшійся надъ ними вызубренный карнизъ, покрытый небольшими, своевольно выросшими желтыми цвѣтами, которые на тотъ разъ блестяли и казались огнями или золотою надписью на дикомъ карнизѣ. Одинъ изъ толпы съ неизбѣримыми, когда-либо виданными усамъ, длиннѣе даже локтей ругъ его, котораго, по замашкамъ и дерзкому повелительному взгляду, признать можно было начальникомъ отряда, ударилъ дуломъ ружья въ дверь.

Дряхлыя монастырскія стѣны отозвались и, казалось, испустили умирающій голосъ, уныло потерявшійся въ воздухѣ. Послѣ сего молчаніе снова заступило свое мѣсто. Брань на разныхъ нарѣчіяхъ посыпалась изъ-подъ огромнѣйшихъ усовъ начальника отряда.

— Теремте-те, поповство проклято! Ато я знаю, чѣмъ васъ разбудить!

Раздался пистолетный выстрѣлъ, пуля пробила ворота и шлепнулась въ церковное окно, стекла котораго съ дребезгомъ посыпались во внутренность церкви. Это произвело смятеніе въ кельяхъ, которыя примыкали къ церкви; показались огни; связка ключей загремѣла; ворота со скрипомъ отворились — и четыре монаха, предшествуемые игуменомъ, предстали блѣдные, съ крестами въ рукахъ.

— Изыдите, нечистые! кромѣшники! — произнесъ едва слышнымъ, дрожащимъ голосомъ настоятель. — Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, изыди, діаволь!

— Але то еще и брешеть, поганый, — прогремѣлъ начальникъ языкомъ, которому ни одинъ человѣкъ не могъ бы дать имени: изъ такихъ разнородныхъ стихій былъ онъ составленъ. — То брешешь, лайдакъ, же говоришь, что мы дьяволы; ато мы не дьяволы, мы — коронные.

— Чтѣ вы за люди? я не знаю васъ! Зачѣмъ вы пришли смущать православную церковь?

— Я тебѣ, псяюха, порохоомъ прочишу глаза! Давай намъ ключи отъ монастырскихъ погребовъ.

— На чтѣ вамъ ключи отъ нашихъ погребовъ?

— Я, глупый попъ, не буду съ тобой говорить. А если ты хочешь, басамазенята, поговори зъ моимъ конемъ!

— Принеси имъ, антихристамъ, ключи, братъ Касьянъ! — простоналъ настоятель, оборотившись къ одному монаху. — Только у меня нѣтъ вина! Какъ Богъ святъ, нѣтъ! Ни одной бочки, ни боченка и ничего такого, чтѣ бы вамъ было нужно.

— А миѣ какое дѣло? Ребята хотятъ пить. Я тебѣ говорю, если ты, глупый попъ, сѣна, стойла и пшеницы не дашь лошадямъ, то я ихъ въ костель вашъ поставлю и тебя сапогомъ до морды.

Настоятель, не говоря ни слова, возвелъ на нихъ оловянные свои глаза, которые, казалось, давно уже не принадлежали міру сему, потому что не выражали никакой страсти, и встрѣтился съ злобно устремившимися на него глазами іезуита. Онъ отворотился отъ него и остановилъ ихъ на странномъ плѣнникѣ съ желѣзнымъ наличникомъ. Видъ этотъ, казалось, поразилъ почти безчувственного ко всему, кромѣ церкви, старца.

— За чтѣ вы схватили этого человѣка? Господи, накажи ихъ трехъипостасною силою своею! Вѣрно, опять какой-нибудь мученикъ за вѣру Христову!

Плѣнникъ испустилъ только слабое стenanіe.

Ключи были принесены, и при свѣтѣ сонно горѣвшей свѣтильни вся эта ватага подошла ко входу пещеры, находившейся за церковью. Какъ только опустились они подъ земляные безобразные своды, могильная сырость обдала всѣхъ. Въ молчаніи шелъ начальствовавшій отрядомъ, и непостоянный огонь свѣтильни, окруженный туманнымъ кружкомъ, бросалъ въ лицо ему какое-то блѣдное привидѣніе свѣта, тогда какъ тѣнь отъ безконечныхъ усовъ его подымалась вверхъ и двумя длинными полосами покрывала всѣхъ. Однѣ только грубо закругленные оконечности лица его были опредѣлительно тронуты

свѣтомъ и давали разглядѣть глубоко-безчувственное выраженіе его, показавшее, что все мягкое умерло и застыло въ этой душѣ, что жизнь и смерть — трясина-трава, что величайшее наслажденіе — табакъ и водка, что блаженство тамъ, гдѣ все дребезжитъ и валится отъ пьяной руки. Это было какое-то смѣшеніе пограничныхъ націй: родомъ сербъ, буйно искоренившій изъ себя все человѣческое въ венгерскихъ попойкахъ и грабительствахъ, по костюму и нѣсколько по языку полякъ, по жадности къ золоту жидъ, по расточительности его козакъ, по желѣзному равнодушію дьяволъ. Во все время казался онъ спокоенъ; по временамъ только шумѣла между усами его обыкновенная брань, особенно когда неровный земляной полъ, часъ-отъ-часу ухидившій глубже внизъ, заставлялъ его оступаться. Тщательно осматривая онъ находившіяся въ земляныхъ стѣнахъ норы, совершенно обсыпавшіяся, служившія когда-то кельями и единственными убѣжищами въ той землѣ, гдѣ въ рѣдкій годъ не проходило по степямъ и полямъ разрушеніе, гдѣ никто не строилъ крѣпкихъ строеній и замковъ, зная, какъ непрочно ихъ существованіе. Наконецъ, показалась деревянная, заросшая мхомъ, зацвѣтшая гнилью дверь, закиданная тяжелыми бревнами и камнями. Предъ ней остановился онъ и оглянувшись значительно снизу доверху.

— А ну! — сказалъ онъ, мигнувши бровью на дверь, и отъ его волонистой брови, казалось, пахнулъ вѣтеръ.

Нѣсколько человѣкъ принялись и не безъ труда отваливали бревна. Дверь отворилась. Боже, какое ужасное обиталище открылось глазамъ! Присутствовавшіе взглянули безмолвно другъ на друга прежде, нежели осмѣлились войти туда. Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Тамъ царствуетъ въ оцѣпенѣломъ величій смерть, распустившая свои костистые члены подъ всѣми цвѣтущими весями и городами, подъ всѣмъ веселящимся живущимъ міромъ. Но если эта дышащая смертью внутренность земли населена еще живущими, тѣми адскими гномами, которыхъ одинъ видъ уже наводитъ содроганіе, тогда она еще ужаснѣе. Запахъ гнили пахнулъ такъ сильно, что сначала заняло у всѣхъ духъ. Почти исполинскаго роста жаба остановилась, неподвижно выпучивъ свои страшные глаза на нарушителей ея уединенія. Это была четырехугольная, безъ всякаго другого выхода, пещера. Цѣлыя лоскуты паутины висѣли темными клоками съ земляного свода, служившаго потолкомъ. Обсыпавшаяся со сводовъ земля лежала кучами на полу. На одной изъ нихъ торчали человѣческія кости; летавшія молніями ящерицы быстро мельгали по нимъ. Сова или летучая мышь были бы здѣсь красавицами.

— А чѣмъ не свѣтлица? Свѣтлица хорошая! — проревѣлъ предводитель. — Але тебѣ, псяюхъ, тутъ добре будетъ спать. Самъ ложись на ковалки, а подъ голову подмости ту жабу, али возьми за жѣнку на ночь!

Одинъ изъ коронныхъ вздумалъ было засмѣяться на это, но смѣхъ его такъ страшно-беззвучно отдался подъ сырими сводами, что самъ засмѣявшійся испугался. Плѣнникъ, который стоялъ до того неподвижно, былъ столкнуть на середину и слышалъ только, какъ захрипѣла за нимъ дверь и глухо застучали заваливаемая бревна. Свѣтъ пропалъ и мракъ поглотилъ пещеру.

Несчастный вздрогнулъ. Ему казалось, что крышка гроба захлопнулась надъ нимъ, и стукъ бревенъ, завалившихъ входъ его, показался стукомъ заступа, когда страшная земля валится на послѣдній признакъ существованія человѣка, и могильно-равнодушная толпа говоритъ, какъ сквозь сонъ: «Его нѣтъ уже, но онъ былъ». Послѣ перваго ужаса, онъ предался какому-то безмысленному вниманію, бездушному существованію, которому предается

человѣкъ, когда ударъ бываетъ такъ ужасенъ, что онъ даже не собирается съ духомъ подумать о немъ, но вмѣсто того устремляетъ глаза на какую-нибудь бездѣлицу и разсматриваетъ ее. Тогда онъ принадлежитъ къ другому міру и ничего не раздѣляетъ человѣческаго: видитъ безъ мыслей; чувствуетъ, не чувствуя; странно живетъ. Прежде всего вниманіе его впилось въ темноту. Все было на время забыто — и ужасъ ея, и мысль о погребеніи живого. Онъ всѣми чувствами вселился въ темпоту. И тогда предъ нимъ развернулся совершенно новый, странный міръ: ему начали показываться во мракѣ свѣтлыя струи, — послѣднее воспоминаніе свѣта! Эти струи принимали множество разныхъ узоровъ и цвѣтовъ. Совершеннаго мрака нѣтъ для глаза. Онъ всегда, какъ ни зажмурь его, рисуетъ и представляетъ цвѣты, которые видѣлъ. Эти разноцвѣтные узоры принимали или видъ пестрой шали, или волнистаго мрамора, или, наконецъ, тотъ видъ, который поражаетъ насъ своею чудною необыкновенностью, когда разсматриваемъ въ микроскопѣ часть крылышка или ножки насѣкомаго. Иногда стройный переплетъ окна, котораго, увь! не было въ его темницѣ, проносился передъ нимъ. Лазурь фантастически мелькала въ черной его рамѣ, потомъ измѣнялась въ кофейную, потомъ исчезала совсѣмъ и обращалась въ черную, усѣянную или желтыми, или голубыми, или неопредѣленнаго цвѣта крапинами. Скоро весь этотъ міръ началъ исчезать: плѣнникъ чувствовалъ что-то другое. Сначала чувствованіе это было безотчетное; потомъ начало пріобрѣтать опредѣлительность. Онъ слышалъ на рукѣ своей что-то холодное; пальцы его невольно дотронулись къ чему-то слизкому. Мысль о жабѣ вдругъ осѣнила его!.. Онъ вскрикнулъ и разомъ переселился въ міръ дѣйствительный. Мысли его окунулись вдругъ въ весь ужасъ сущности. Къ тому еще присоединилось изнуреніе силъ, ужасный спертый воздухъ: все это повергло его въ продолжительный обморокъ.

Между тѣмъ, отрядъ коронныхъ войскъ размѣстился въ монастырскихъ кельяхъ, какъ дома, высылалъ монаховъ подчищать конюшни и пировалъ, радуясь, что, наконецъ, схватилъ того, кто былъ имъ нуженъ.

1830.

О ДВИЖЕНІИ НАРОДОВЪ ВЪ КОНЦѢ V ВѢКА.

Великое странствованіе народовъ, произведшее нынѣшнее населеніе Европы, касается началомъ своимъ глубокой древности. Оно было, можетъ-быть, современно основанію Рима, если еще не прежде. Когда Средиземное море омывало еще возрождающіяся государства, видѣло первые шаги возникающей торговли и разливался духъ народовъ, составившихъ цвѣтъ древняго міра, — во глубинѣ Азіи скрывался другой, невѣдомый міръ, которому опредѣлено было уничтожить, убить все древнее величіе, древній духъ, древнія формы прежняго и замѣстить его всѣмъ новымъ. Средняя Азія совершенно противоположна южной, юго-западной, африканскимъ и европейскимъ берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ цвѣтущее разнообразіе природы, почвы, произведеній, смѣсь земли и моря, куча безчисленныхъ острововъ, мысовъ, заливовъ, казалось, были созданы нарочно для того, чтобы быстро развить дѣятельность и умъ человѣка. Природа Средней Азіи совершенно другого рода: она однообразна и неизмѣрима. Степи ея безбрежны, какъ-то огромно ровны, какъ будто похожи на пустынный океанъ, нигдѣ не остаиваемый островомъ. Неподвижныя озера безпредѣльныхъ равнинъ не могли возбудить никакой дѣятельности. Казалось, сама природа опредѣлила эту землю народамъ пастушескимъ, чтобы по нимъ имѣли мы понятіе о первобытной жизни первоначальныхъ людей. Измѣримость равнинъ не могла внушить человѣку никакой идеи о постоянномъ жилищѣ, которая обыкновенно возрождается у него при видѣ утесистой горы, берега, моря, острова и вообще, гдѣ только есть возможность укрѣпиться. Гдѣ же природа усыплена и недвижима, тамъ и человѣкъ безпеченъ: онъ заботится только о слишкомъ нужномъ. Патріархальные обитатели степей питались только молокомъ, сыромъ, доставляемыми ихъ полудикими животными, и рѣдко питались мясомъ. Оттого стада ихъ множились необыкновеннымъ образомъ: владѣльцы ихъ чаще должны были переходить съ мѣста на мѣсто, степей требовалось съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе — и тѣ земли, которыя ужасаютъ донынѣ своею неизмѣримостью, земли, бывшія вдвое болѣе тогдашняго образованнаго міра, земли, съ которыми бы земледѣльцы всего свѣта не знали, чѣмъ дѣлать, — эти земли сдѣлались тѣсными. Сильнѣйшіе власти были вытѣснены слабѣйшихъ. Народы пастушескіе, не имѣя неподвижной собственности, укрѣпленной давностію владѣнія, легко уступаютъ первому напору и уходятъ съ своими стадами далѣе. И такимъ образомъ Азія сдѣлалась народовержущимъ вулканомъ. Съ каждымъ годомъ выбрасывала она изъ нѣдръ своихъ новыя толпы и стада, которыя, въ свою очередь, гоняли съ мѣстъ изверженныхъ прежде. Они перешли горы и потянулись въ Европу. Народы, можно сказать, не шли впередъ, а машинально сталкивали другихъ съ мѣстъ. Это не были завоеватели, а какіе-то невольники, дѣйствовавшіе только отъ страха наказанія.

Цѣпь народовъ отъ востока и сѣверо-востока протянулась такимъ образомъ по всей Европѣ къ самому югу. На югѣ они встрѣтили первое сопротивленіе, ощутили огромную власть римлянъ и встрѣтились съ древнимъ міромъ. Между тѣмъ, Азія продолжала извергать новыя толпы. Толчокъ отъ каждаго новаго изверженія проходилъ по всей цѣпи: новыя тѣснили прежнихъ, предыдущіе — послѣдующихъ. Стремленіе народовъ становилось сильно, но зато и отпоръ со стороны римлянъ былъ очень силенъ, и потому-то на границахъ Римской имперіи накопилось такое множество народовъ. Послѣ каждаго новаго изверженія это накопленіе становилось сильнѣе, и римлянамъ труднѣе было сопротивляться имъ. Наконецъ, римляне уступили — и тогда орды стремительнѣе хлынули на югъ Европы. Не имѣй Европа южною границею своею Средиземнаго моря, или имѣй эти толпы народовъ какое-нибудь понятіе о мореплаваніи, это переселеніе долго бы не остановилось, — потому что Азія не переставала извергать новыя толпы, — народы перешли бы въ Африку, Европа еще бы нѣсколько лѣтъ не устоялась, хаосъ бы продолжился надолго, государства составились бы гораздо позже, и, вообще, весь ходъ образованія отодвинулся бы на дальнѣйшія времена. Но, какъ только народы, овладѣвшіе югомъ Европы, увидѣли позади себя море и невозможность идти далѣе, то рѣшились всѣми силами сопротивляться нападавшимъ на нихъ неприятелямъ. Сии послѣдніе, встрѣтивши неожиданный отпоръ, рѣшились отразить и своихъ неприятелей, которые съ своей стороны употребили то же съ своими, и такимъ образомъ толчокъ получилъ обратное направленіе, и движеніе вдругъ остановилось. Слѣдствие этого почувствовалось даже въ Азіи, гдѣ нѣкоторые пастушескіе народы принуждены были заняться земледѣліемъ.

Это переселеніе совершилось бы гораздо быстрѣе, если бы Европа состояла изъ такихъ гладкихъ, открытыхъ равнинъ, какими исполнена Азія. Но въ ней, напротивъ того, природа на небольшомъ пространствѣ показала страшную нерегулярность и разнообразіе: со всѣхъ сторонъ она изрыта морями, берега ея всѣ изъ полуострововъ и мысовъ, середина почти нигдѣ не имѣетъ ровной поверхности: она идетъ то вверхъ, то внизъ, то подымается безобразными высокими горами, то опускается долинами, какъ будто провалившимися между ними. Къ этому нужно прибавить, что она въ то время вся была облечена дремучимъ, непроходимымъ лѣсомъ и пронята топкими болотами. И потому движеніе народовъ, чѣмъ глубже касалось Европы, тѣмъ происходило медленнѣе: они должны были продирались сквозь лѣса, перелѣзть черезъ горы и обходить болота. Они селились оазами и были такъ скрыты одинъ отъ другого лѣсами и невѣдомыми мѣстами, что часто долго были безопасны отъ всякихъ нападений. И когда новое наводненіе толпы, слишкомъ многочисленной, водимой предприимчивымъ повелителемъ, освѣщало Европу великолѣпными иллюминаціями, зажигая вѣковые лѣса ея, и лѣса исчезали, — тогда изумленнымъ глазамъ ихъ представлялся народъ, котораго существованія они даже и не подозрѣвали, и который правами своими, хотя уже отдалившимися, все еще сходилъ съ ними. Вся Европа состояла, можно сказать, изъ клочковъ и отрывковъ, отторженныхъ другъ отъ друга самую природою; оттого покореніе ея и соединеніе подъ одну власть было вовсе невозможно, и оттого произошли ея безчисленныя націи, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, слились бы и изгладились, если бы она состояла изъ открытыхъ равнинъ. Это былъ новый невидимый міръ, о которомъ древніе просвѣщенные народы ничего не знали, и который, можно сказать, самъ мало зналъ себя.

Основу его составляло множество разныхъ отраслей германскихъ племенъ, простиравшихся по всему западу. Берега Нѣмецкаго моря, Рейна и Дуная и вся середина Европы до Балтійскаго моря были заняты ими. Состояніе ихъ во время перваго знакомства съ ними римлянъ уже показывало давнюю осѣдлость въ Европѣ, и что переселеніе ихъ совершилось въ глубокой древности. Но что оно истекло изъ Азіи, тому доказательствомъ служить странное сходство нѣкоторыхъ коренныхъ словъ языка германскаго съ персидскимъ¹⁾. Выбросила ли Азія, въ первоначальной древности, за однимъ разомъ племена на югъ, образовавшіяся среди горъ въ народъ персидскій, и на сѣверъ, превратившіяся въ лѣсахъ Европы въ германцевъ, или позже тяжелое вліяніе паронъ, ринувшихся изъ середины Азіи, принесло въ языкъ персидскій множество словъ, раздававшихся дотолѣ въ неизмѣримыхъ степяхъ ея и распространившихся уже и въ Европѣ²⁾, — какъ бы то ни было, но первоначальное происхожденіе германцевъ было изъ Азіи, и переселеніе ихъ совершилось въ отдаленныя времена.

Эти народы представляли совершенно противоположный и вовсе отличный міръ отъ римскаго. Физическая и духовная ихъ природа носила рѣзкій отпечатокъ самобытности и особенности. Ихъ организація физическая совершенно спорила съ организаціей народовъ древняго міра. Черные блестящіе глаза, темные волосы, выразительныя южныя черты лица, казалась, дышавшія потребностью роскоши и пресыщающихъ наслажденій, — обшей физиогноміей уже остановившагося древняго міра, — встрѣчали здѣсь совершенную противоположность: голубоглазые, свѣтловолоосые, рослые, крѣпкіе, съ однимъ только свирѣпымъ выраженіемъ войны на лицѣ, германцы показали собою совершенно новую природу, которою означался новый міръ. Ихъ религія, ихъ жизнь, ихъ темпераментъ, первообразныя стихіи характера разлились во всемъ отъ образованныхъ тогдашнихъ народовъ. Религія германскихъ народовъ отличалась особенною оригинальностію. Ихъ божество и предметъ поклоненія была земля. Казалось, какъ будто мрачный видъ тогдашней Европы внушилъ имъ идею этой религіи. Будучи рѣдко освѣщаемы солнцемъ и находясь вѣчно подъ мрачною тѣнью вѣковыхъ дубовъ, рѣя пещеры для первоначальныхъ своихъ жилищъ или сохраненія сокровищъ, видя одну только землю, могущественно выбрасывавшую на поверхность растенія, приносившія имъ бѣдную пищу, и величественныя высокія деревья, шумѣвшія надъ ними, они почитали ее зиждательницею всего. Отъ ней производили они бога своего Туистона или Тевта, у котораго былъ сынъ Манъ, а отъ него различныя вѣтви германскихъ народовъ, которые, по мнѣнію ихъ, были древнѣйшими обитателями міра. Повидимому, такое понятіе о религіи совершенно отдѣляетъ ихъ отъ Азіи, но мы должны вспомнить, что владычество природы и положенія земли всегда было сильно. Природа деспотически властвуетъ надъ первоначальнымъ человекомъ. Развиваясь и зрѣя умомъ, онъ получаетъ надъ нею верхъ и предписываетъ ей законы, но въ первобытномъ, но въ дикомъ состояніи онъ долженъ самъ исполнять ея законы: онъ рабъ ея. Въ Средней Азіи небо все открыто передъ глазами. Тамъ оно необозримо и велико. Земля передъ нимъ кажется слишкомъ низменною. Никакое высокое растеніе, никакая остроколючная, высокая, узкая скала не останавливаетъ взора; разстилающаяся по необозримымъ пространствамъ трава представляетъ ее еще низменнѣе. Солнце тамъ течетъ величественно, обливая все своимъ свѣтомъ; звѣзды усыпаютъ густо небесный

1) Шлегель.

2) Миллеръ.

небосклонъ и однѣ только могутъ остановить челоуѣка и препятствовать съворотиться съ пути. Оттого во всей Азии царствовало всегда поклоненіе солнцу и небеснымъ свѣтиламъ. Передвигаясь въ Европу, народы рѣже видѣлись съ солнцемъ: Густой и величественный мракъ европейскихъ лѣсовъ сильнѣе поражалъ ихъ дикое воображеніе. Туманы сѣвера и болотныя испаренія скрывали вовсе небо; самая необходимость заниматься иногда земледѣліемъ заставляла ихъ болѣе привязаться къ землѣ. И потому-то у германскихъ народовъ было очень слабо поклоненіе свѣтиламъ; едва у немногихъ сохранилась о немъ память. Во глубинѣ и глуши лѣсовъ, непроницаемыхъ солнцемъ, они приносили свои жертвы богинѣ — матери Гертѣ. Казалось, мракъ считался у нихъ чѣмъ-то священнымъ, и потому-то ихъ религія уже въ самомъ началѣ не сходствовала съ другими. Они вѣрили въ безсмертіе. Но ихъ небеса были мрачны. Они въ своемъ Валгалѣ видѣли продолженіе воинственной ихъ жизни: туда переселяли они свои германскіе дубы, пылающіе остры и громъ оружія; небеса облекали въ свинцовыя тучи и населяли темными тѣнями своихъ великихъ, уже погибшихъ на войнѣ героевъ. Поклоненіе Гертѣ разошлось между всѣми почти германскими племенами. Бъ предметамъ поклоненія ихъ принадлежали также тѣни умершихъ героевъ, которыхъ они представляли въ колоссальномъ видѣ. Такія же почести раздѣляли ихъ товарищи-кони, изъ которыхъ бѣлые почитались, по свидѣтельству Тацита, священными и хранились въ заповѣдныхъ рощахъ. Ихъ впрягали въ священную колесницу, за которую шелъ король, жрецы, и по храпѣнію ихъ узнавали будущее.

Германскіе народы долго сохраняли первобытный образъ жизни. Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звукѣ ея, какъ молодые, исполненные отваги тигры. Думали о томъ только, чтобы помѣряться силами и повеселиться битвой. Ихъ мало занимала корысть или добыча; блеснуть бы только подвигомъ, чтобы послѣ пересказали его дѣло въ пѣсняхъ. Съ именемъ прославившагося въ бояхъ соединялись у нихъ всѣ выгоды и счастье жизни. Его выбирали въ предводители; къ нему чувствовалось у всѣхъ народовъ уваженіе и изумленіе. Онъ былъ посредникъ и судья во всѣхъ спорахъ, на войнѣ полный распорядитель добычи; ему даже чуждыя, отдаленныя племена присылали конныя сбруи; ему родныя и подвластныя племена добровольно приносили въ даръ произведенія полей своихъ — плоды, скотъ и лошадей. Храбрость казалась чѣмъ-то божескимъ; подъ его знамена всѣ спѣшили наперерывъ и сражались не для добычи, но чтобы показаться передъ нимъ и заслужить его одобрительное слово. Его имя долго поминалось въ пѣсняхъ, и по смерти его въ честь ему совершались пиршества; и долго племя, имѣвшее его, превозносилось его подвигами передъ другими; тѣнь его становилась божествомъ и служила предметомъ поклоненія. Такой удѣлъ былъ завиденъ, потому что жажда безсмертія уже кипитъ и въ неразвившемся челоуѣкѣ. Всѣ наперерывъ стремились прошумѣть подвигами; битвы были часты, и германцы, по первому призванію, готовы были летѣть съ своими дикими силами.

Они сражались почти наги, выказывая во всей простотѣ атлетическую свою силу. Плащъ, застегнутый вмѣсто пряжки терновымъ шипомъ, кожа дикаго звѣря на плечѣ — вотъ ихъ убранство. Они строились густо, кучами, въ видѣ влины; дѣйствовали вблизи и вдали короткими копьями, называемыми фреями; львиная сила мышцъ ихъ бросала ихъ такъ далеко, сколько нужно было, чтобы достать неприятеля; одни щиты ихъ показывали роскошь, испещряемые яркими цвѣтами; толпа женъ, дѣтей слѣдовала за ними въ битву, сопровождала ихъ своимъ крикомъ и была причиною новаго мужества: они не мыслили предаться бѣгству, при мысли о рабствѣ, ожидающемъ ихъ женъ

и дѣтей, усугубляли дикій напоръ свой, и непріатели уступали. Ихъ жены тутъ же, среди битвы, высасывали раны мужей своихъ, залѣчивали ихъ и даже уносили на плечахъ своихъ. Смерть предводителя вмѣсто того, чтобы разстроить ихъ, связывала желѣзною силою мести и дѣлала ихъ несокрушимыми. Бросить щитъ было верхъ безчестія, и несчастный, жертва всеобщаго презрѣнія, убивалъ самъ себя. Предводитель, силою одного уваженія, безъ власти, правилъ самовластно племенами, и войны съ изумительною покорностью исполняли его велѣнія. Предводя на войнѣ, они оставляли при себѣ власть эту иногда и среди мира и назывались гериманами ¹⁾).

Они были вольны и не хотѣли никакой имѣть надъ собою власти. Правленія у нихъ почти не было. Они собирались на народныя собранія, стекавшіяся при новолуніи и полнолуніи каждаго мѣсяца, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ и во всякое время. На эти собранія они приходили лѣживо и медленно, желая показать, что дѣлаютъ это по своей волѣ; нѣсколько дней протекало, пока мѣсть могло составиться нужное число для совѣщанія. Они сидѣли въ полномъ вооруженіи; одни только жрецы могли приказать наблюдать молчаніе; предѣлательствовали старѣйшины семействъ, сѣдовласые (gta-wion), послѣ измѣнившіе это названіе въ графовъ; говорили князья и прославившіеся въ битвахъ; рѣчи ихъ были просты, но исполнены того сильнаго и сжатого лагонизма, которымъ отличается безхитростное краснорѣчіе народовъ свѣжихъ.

Они были просты, прямодушны; ихъ преступленія были слѣдствіе невѣжества, а не разврата. То, что было безчестіе и низость духа, называлось только преступленіемъ; переметчики, измѣнники были вѣшаны и предаваемы мучительной казни; за низкіе и безчестные поступки бросали въ болото, забрасывали тиною и фашиникомъ, какъ бы желая скрыть то, что не должно бы никогда показываться. Жена, измѣнившая мужу, была въ его власти: онъ могъ отрѣзать ей волосы, лишитъ одѣянія и обнаженную, покрытую стыдомъ, гнать розгами чрезъ веси и деревни, и никто не смѣлъ изъяслять сожалѣнія, несмотря на всю красоту ея; но примѣры эти были рѣдки, потому что германцы были дики и жестки нравами, и что у нихъ были только обычаи, которые обыкновенно сильнѣе самихъ законовъ.

Они были безпечны, бездѣйственны въ домашней жизни и представляли совершенную противоположность спокойному быту воинскому. Они были безчувственно-лѣживы и лежали въ своихъ хижинахъ, не трогаясь съ мѣста. Чѣмъ болѣе кто почиталъ себя храбрымъ, тѣмъ болѣе считалъ для себя низкимъ всякое занятіе; поля обрабатывали старики, безсильные, малолѣтніе и рабы, которые пользовались совершенною свободою и платили только небольшую подать отъ полей своихъ. Всѣ домашнія заботы лежали на женахъ. Жена не приносила мужу приданого; напротивъ, онъ долженъ былъ самъ, наканунѣ свадьбы, принести въ даръ быка въ ярмѣ, вооруженную лошадь и копье, какъ бы желая этимъ дать знать, что она должна раздѣлить всѣ его занятія.

Они одѣвались совершенно противоположно римскому міру и всѣмъ народамъ южнымъ, любителямъ вольныхъ, широкихъ одеждъ: они носили платьѣ узкое, которое совершенно обвивалось около ихъ тѣла; звѣриныя кожи, носимыя ими, придавали имъ что-то дикое и звѣрообразное. Одѣянія женъ ихъ мало отличались отъ мужскихъ; у иныхъ платьѣ было льняное алое, доходившее только до пояса, такъ что шея, грудь и руки были открыты. Дѣти были совершенно преданы своей волѣ и росли вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ.

¹⁾ Тацитъ.

Когда они достигали совершеннаго возраста, тогда только получали право носить оружіе и заѣзжать въ собраніяхъ. Гостепріимство, свойственное почти всѣмъ дикарямъ и первобытнымъ нравамъ, было ихъ принадлежностью. Гости дарили подарками; не могшій угостить его, отводилъ самъ къ другому.

Но болѣе всего можно было видѣть древняго германца въ его пиршествахъ, въ которыхъ проводили они напролетъ цѣлыя ночи, гдѣ зажженные дубы величественно освѣщали лѣса, и хлѣбный напитокъ изъ ячменя, можетъ-быть, прашуръ нынѣшняго пива, такъ употребительнаго въ Германіи, разрѣшалъ ихъ мысли, рѣчи и намѣренія. Въ этихъ-то пиршествахъ созрѣвали всѣ ихъ предпріятія. Тутъ они задумывали свои смѣлыя и дерзкія дѣла, которыя не всегда и не всѣмъ могли придти въ голову во время медленныхъ народныхъ собраній. Они были стремительны, азартны, и какъ только были разбужены, потрясены и выходили изъ своего хладнокровнаго положенія, то уже не знали предѣловъ своему стремленію. Азартность ихъ болѣе всего оказывалась въ игрѣ, въ которую заигрывался дикій германецъ до того, что проигрывалъ свой домъ, оружіе, жену, дѣтей, наконецъ, самого себя и становился рабомъ, — состояніе нестерпимѣе для него самой смерти! Эта азартность, можетъ-быть, служила основаніемъ тѣхъ дерзкихъ, сильныхъ страстей, которыми исполнены европейцы.

Таковы были народы германскіе — грубыя стихіи, изъ которыхъ образовалась новая Европа. Они дѣлились на безчисленныя племена и, какъ густые европейскіе лѣса, усѣивали сѣверную Европу. Чтобы яснѣе обозрѣть ихъ, начнемъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ древній міръ уже видѣлъ этихъ первоначальныхъ зиждителей новаго, т.-е. отъ рѣви Дуная, служившаго предѣломъ для римлянъ. Тутъ обитали уже входившіе въ сношеніе съ древнимъ просвѣщеннымъ Римомъ, все еще вольные, но уже не столь одичавшіе, какъ-то: гермундуры, нариски, маркоманы и квады. Потомъ великая цѣпь племенъ германскихъ толпилась по Рейну, отъ устья и внизъ до впаденія его въ море: вангионы, трибоки, нѣметы, матіаки, убіи; за ними слѣдовали тенгтеры, бывшіе первыми наѣздниками, которыхъ конница славилась и у римлянъ, которыхъ все имущество были лошади и оставлялись въ наслѣдство только храбрымъ; за ними узипетры и у самаго впаденія Рейна въ море — сильные батавы. Средина Германіи, погруженная въ лѣса, скрывала самыхъ свирѣпыхъ и сильныхъ народовъ. Начиная съ запада и на востокъ, первые встрѣчались хаты, предки нынѣшнихъ гессенцовъ, жившіе при рѣкѣ Майнѣ, гдѣ Германія состоитъ изъ частыхъ возвышенностей, — народъ, страшившій своею пѣхотою, регулярнымъ устройствомъ ея, осмотрительностію въ нападеніяхъ и дикимъ выраженіемъ лицъ своихъ. Ихъ обычаи невольно поражали своею оригинальнію. Ни одинъ юноша не смѣлъ отрѣзать волосъ своихъ до тѣхъ поръ, пока не омылъ рукъ своихъ въ крови непріятели; въ битвахъ они должны были находиться впереди и своими обросшими косматыми лицами наводили робость на врага. Всякій хатъ носилъ на рукѣ своей желѣзное кольцо, что считалось безчестіемъ, потому что напоминало цѣпи; сбросить его онъ могъ тогда только, когда поражалъ собственною рукою непріятели. На югъ отъ хатовъ были херуски, обитатели Гарца; далѣе слѣдовали фозы, сигамбры, бруктеры, ангуарии, хазуарии, наконецъ, аряне, отличавшіеся совершенно особеннымъ родомъ нападеній, которыя они производили въ глухія, мрачныя ночи, и, желая облечь ихъ страхомъ, выкрашивали тѣло, носили щиты, покрытые черною краскою, и, въ видѣ погребальной процессіи, представлялись изумленнымъ глазамъ непріятели, не могшихъ выносить такого зрѣлища. За ними на востокъ, въ пространствахъ нѣсколько болѣе открытыхъ, обитали

свевы, состоявшіе изъ множества разныхъ племенъ и ведшіе долго еще жизнь пастушескую, несмотря на то, что положеніе земли, еще болотной, мало представляло для ней удобства.

Вообще можно сказать: чѣмъ ближе къ западу и юго-западу, тѣмъ болѣе было занимавшихся земледѣіемъ, или, по крайней мѣрѣ, оно мѣшалось у нихъ съ пастушескою жизнію; чѣмъ ближе къ востоку, къ Венгріи, Дакіи и Польшѣ, тѣмъ болѣе преобладала пастушеская жизнь; чѣмъ глубже въ лѣса Гарца, тѣмъ мрачнѣе и сильнѣе становились германскія племена. Но самые опасные, которыхъ римляне даже вовсе почти не знали и которые были истинные разрушители ихъ владычества — это были всѣ населявшіе берега морей и прибалтійскія земли. Сюда никогда не достигали римляне. Здѣсь жили пираты, самые предприимчивые изъ германцевъ, которыхъ уже положеніе земли и моря заставляло отваживаться на дерзкія дѣла. Такимъ образомъ, по Нѣмецкому морю жили фризы и хавки: за ними самые сильные корсары сѣвера — саксы, въ Голштиніи — кимвры, по Балтійскому морю — готы, варны, руги, бургунды, и въ Пруссіи — ломбарды, вандалы, герулы. Кромѣ того, въ срединѣ Германіи находилось еще множество разныхъ отродій, совершенно скрытыхъ болотами и лѣсами, которыя, во время частыхъ битвъ между ея племенами, были вытѣсняемы и видѣли необходимость избирать неприступныя мѣста. Горы Альпъ и Карпата заключали въ себѣ множество кочковъ или остатковъ разныхъ племенъ галльскихъ, германскихъ и вендскихъ, бандитствовавшихъ въ дикой Европѣ. Сѣверо-востокъ ея, совершенно бѣдностію почвы, уединеніемъ и страшнымъ пространствомъ, не могъ образовать и возростить сильныхъ народовъ. Въ разсѣянныхъ, бездомовныхъ, безпріютныхъ его обитателяхъ, финнахъ, и отросткахъ народовъ эстскихъ замирала жизнь, какъ и въ самой природѣ того края.

Вотъ каковъ былъ тотъ отдѣльный міръ дикой Европы! Вотъ каковы были тѣ народы, которыхъ мощную силу прежде всего должны были испытать римляне. И если всемірная имперія не пала гораздо ранѣе, то причину этого были чрезвычайно раздробленіе народовъ германскихъ, положеніе Европы, препятствовавшее имъ слиться въ одно, простота нравовъ, заставлявшая ихъ довольствоваться грубыми произведеніями своей земли, незнаніе корысти, такъ свойственной разрушающимъ дикарямъ, осѣдность и любовь къ свободѣ, заставлявшая ихъ удаляться во глубину своихъ лѣсовъ. Римляне чувствовали всю опасность отъ этихъ свѣжихъ силъ европейскихъ народовъ. И оттого никакая изъ границъ имперіи — ни восточно-азійская, ни южно-африканская, не была такъ защищена, какъ сѣверо-европейская. Сюда, можно сказать, стеклась вся сила ихъ. И должно признаться, что средства защиты, при тогдшнемъ изнемогающемъ состояніи имперіи, были приняты самыя благо-разумныя. Имперія отдавала опасныя границы свои свѣжимъ воинственнымъ народамъ, которые лучше всего могли защищать ихъ и были довольны въ началѣ немногимъ. Но къ чести народовъ германскихъ нужно сказать, что одна только сильная необходимость заставляла ихъ принимать этотъ даръ римлянъ. Эта зависимость казалась для нихъ рабствомъ, и они спѣшили въ глубину лѣсовъ своихъ — скрыть тамъ свою свободу. Покушенія римлянъ принуждали ихъ составлять сильные между собою союзы, но эти союзы никогда не были нападетельны; цѣль ихъ была только привести въ безопасность свою волю, бывшую для нихъ дороже всего. Одинъ изъ сихъ союзовъ, извѣстный подъ именемъ союза франковъ, болѣе другихъ возросъ и усилился, благодаря благопріятному положенію земли и умножавшимся натискамъ со стороны всѣхъ народовъ. Разнородныя племена, его составившія, заняли часть Вестфаліи и

Гессена и такъ тѣсно слились, что составили, наконецъ, одну націю подъ именемъ франковъ. Но этотъ союзъ не былъ бы такъ страшенъ для римлянъ, и вся Германія долѣе пребывала бы неподвижною, если бы не дѣйствовали на нее постороннія силы выходившихъ изъ Азіи народовъ. Восточная часть Европы была очень страшна своими равнинами. Это были широкія ворота въ западную Европу, большая дорога, черезъ которую переходили попеременно разноцвѣтные народы; лѣса были здѣсь болѣе выжжены, нежели въ другихъ мѣстахъ; болота скорѣе высохли, и съ каждымъ столѣтіемъ она становилась просторнѣе и удобнѣе для переходовъ. Открытыя мѣста ея давали средство народамъ и племенамъ соединиться въ большія массы, представляли удобность для кочующей жизни, которая даетъ средства производить великіе набѣги. Народъ вдругъ могъ подняться съ легкихъ жилищъ своихъ и произвести всюю массою самое страшное, ничѣмъ неотразимое, разрушительное нападеніе.

Одному изъ народовъ германскихъ опредѣлено было прежде всѣхъ другихъ произвести всеобщее движеніе. Этотъ народъ былъ готы¹⁾, — народъ, надъ которымъ, казалось, тяготѣло какое-то проклятіе, осудившее его на скитаніе. Долго блуждалъ онъ и показывался то въ Скандинавіи, на противоположныхъ берегахъ Балтійскаго моря, то, наконецъ, на широкомъ востогѣ Европы. По свидѣтельству историка Иорнанда, онъ первобытную жизнь велъ въ Скандинавіи. Можетъ-быть, даже, что это былъ одинъ изъ первоначальныхъ народовъ Европы. Перевравшись изъ снѣговой своей отчизны, онъ устремился на берегъ Пруссіи и произвелъ страшный всемірный переворотъ, вытѣснивъ отсюда вандаловъ, ломбардовъ, геруловъ, бургундовъ и саксовъ, и, противъ ихъ собственной воли, заставилъ ихъ быть одними изъ ревностныхъ дѣятелей въ разрушеніи Западной имперіи. Всеобщее потрясеніе ощутилось во всей Европѣ: вся эта цѣпь сильныхъ прибалтійскихъ народовъ придвинулась ближе къ границамъ римскимъ, потѣснила въ горы и болота множество племенъ, сжала сильнѣе ихъ силу, и римляне должны были завести новое знакомство: герулы, вандалы, ломбарды уже стали появляться въ войскахъ ихъ.

Между тѣмъ готы, прочистивши передъ собою дорогу, отчасти разогнали, отчасти покорили придунайскихъ народовъ — маркомановъ, квадовъ, соединились въ южныхъ равнинахъ Дакіи въ многочисленныя массы и, съ приведенными подъ власть свою народами, устремились къ Черному морю. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ удобнѣе была имъ дорога и тѣмъ быстрѣе былъ ихъ путь; наконецъ, они очутились въ срединѣ Греціи и въ Малой Азіи, выгнали берега Чернаго моря. Халцедонъ, Эфесъ были обращены въ пепелъ; Аѳины были разграблены страшно, безжалостно. Императоръ Децій видѣлъ опасность восточныхъ границъ обширной своей имперіи, и между тѣмъ какъ на западныхъ границахъ войска его сражались съ вандалами, свевами, герулами, сдвинутыми съ мѣстъ готами, онъ самъ предводилъ войсками на востокъ и погибъ съ оружіемъ въ рукахъ. Готы съ великою добычею возвратились, заняли вынѣшнюю Россію, пріобрѣли трактатомъ отъ римлянъ всю Дакію и остались здѣсь, владычествуя надъ придунайскими народами и тревожа присутствіемъ своимъ безпечную имперію. Тогда всемірные императоры, узнавшіе несчастнымъ опытомъ дикое мужество готовъ, составили планъ принимать ихъ въ свои войска и выдавать жалованье этимъ неодолимымъ дикарямъ. Симъ пріобрѣли они сильныхъ защитниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли и сильныхъ непріятелей, потому что открыли имъ тайну благоустроенной тактики,

¹ О готахъ Прокошій, Иорнандъ, Гиббонъ.

которая еще болѣе могла придать имъ перевѣса. Но, впрочемъ, тактика готовъ и безъ того была неодолима. Она соединяла въ себѣ вмѣстѣ и тактику народовъ легкихъ и кочующихъ, и тактику неподвижныхъ народовъ. Они строились густыми, великими массами и сохраняли одинаковую крѣпость въ порывѣ перваго нападенія, въ разгарѣ битвы и въ потухающей силѣ ея окончанія. Какъ бы долго ни длилась битва, ихъ ряды невозможно было сдвинуть съ мѣста. Нападенія свои они сопровождали такъ же, какъ и другія германскія племена, пѣснями. Въ пѣсняхъ провозглашались имена древнихъ героев: Фридигера, Видигана, Этесбамера и другихъ. Власть религіозная заключалась въ одномъ лицѣ, который былъ вмѣстѣ и царь, и предводитель войскъ, и верховный жрецъ, и при всемъ томъ — завистль отъ совѣта храбрыхъ.

У готовъ съ незапамятныхъ временъ тянулось царственное поколѣніе Бальтовъ, изъ которыхъ только однихъ можно было избирать царей. Поклонялись Водану, бывшему въ отдаленные вѣка ихъ предводителемъ вмѣстѣ съ Оденомъ, этимъ сѣвернымъ Улисомъ¹⁾. Изъ всѣхъ народовъ германскихъ готы болѣе другихъ способны были принять цивилизацію. До середины четвертаго вѣка власть готовъ признавалась болѣе или менѣе народами на Дунаѣ, на западѣ и на востокѣ нынѣшней Россіи. Имя царя ихъ Германриха было уважаемо отъ береговъ Чернаго моря до Ливоніи... Но владычество готовъ было смущено великимъ азіатскимъ нашествіемъ гунновъ.

Гунны, или гюнгу, по свидѣтельству Дегине, были племена сильныя, занимавшія великія степи Татаріи, Манжуріи, потрясшія Китай, но не умѣвшія противиться китайской лукавой политикѣ и обратившіяся въ послѣдствіи въ данниковъ китайскихъ монарховъ. Однакоже, многочисленная часть поднялась съ своими кибитками и табунами, направляясь на западъ, заняла каспійскія земли и скрылась такимъ образомъ изъ виду Китая. Поселеніе ихъ на берегахъ каспійскихъ историки римскіе относятъ ко времени Домиціана. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что образованный тогдашній римско-греческій міръ ничего не зналъ даже о томъ, существуетъ ли на свѣтѣ этотъ народъ, до времени императора Валента, т. е. до того времени, когда увидѣли вдругъ извергавшіяся изъ горъ Азіи толпы гунновъ и съ ними аваровъ, гуннуровъ, ульзингуровъ и другихъ народовъ, которыхъ имена дико звучали для утонченнаго и вмѣстѣ испорченнаго слуха римлянъ - грековъ. Набѣгъ этихъ обитателей Азіи, разрушительный, неотразимый, обычай ихъ ѣсть сырое мясо, пить изъ непріятельскихъ череповъ и приносить на окровавленномъ кострѣ въ жертву тѣнямъ своихъ предковъ первыхъ попадавшихся плѣнниковъ, самыя ихъ калмыцкія лица, плоскія, неуклюжія, смуглыя, наводившія робость однимъ своимъ свирѣпымъ движеніемъ, ихъ приземистый ростъ, весь состоявшій изъ однихъ мускуловъ, — привели въ такой ужасъ азіатско-римскія провинціи, что жители не смѣли производить ихъ отъ чловѣческаго племени. Они думали, что маги и волшебники неизмѣримыхъ каспійскихъ пустынь вошли въ нечистое сношеніе съ дьяволами, и отъ этого союза произошли гунны.

Гунны, по какому-то странному инстинкту, или, можетъ - быть, испугавшись слишкомъ пестрой поверхности римской Азіи, усѣянной садами и городами, которыхъ всегда убѣгаютъ кочевые народы, считающіе ихъ темницами, или не находя вольныхъ пустынныхъ степей, необходимыхъ для ихъ неисчисляемыхъ стадъ, — какъ бы то ни было, только они двинулись, вмѣсто того, чтобы на югъ, — на сѣверо-западъ, зацѣпили путемъ своимъ Кавказа,

¹⁾ Шлегель.

сорвали съ его подошвы нѣсколько народовъ кавказскихъ и увлекли съ собою. Вся эта кочевая толпа высыпала въ Европу. Великій аванпостъ Европы занять былъ, какъ мы уже видѣли, владычествомъ готовъ. Ихъ многочисленныя племена и покоренные ими народы были передовыми ея стражами и наполняли ея обширныя ворота, къ несчастію, слишкомъ обширныя для такой небольшой части свѣта, какова Европа. И готы, тѣ готы, которые считались непобѣдимымъ ея оплотомъ и силою, уступили передъ ними. Это такъ и должно было быть. Тайна азійскаго многочисленнаго набѣга была совершенно неизвѣстна готамъ. Если бы они знали, что азійское нападеніе болѣе всего страшно силою перваго порыва, что умѣніе болѣе противустать ему и продержитъ битву одни только могутъ выиграть, — если бы готы знали это, то гунны убралась бы снова за Кавказъ, и Европа не почувствовала бы сильнаго потрясенія, измѣнившаго снова ея видъ. Но эта тайна не была постигнута готами. Впрочемъ, надобно сказать и то, что нужно было имѣть нечеловѣческую храбрость и крѣпость духа, чтобы выдержать первый напоръ гунновъ. Нападенія ихъ были производимы съ такимъ ужаснымъ крикомъ; многочисленная масса ихъ летѣла такъ густо и съ такою силою на лошадяхъ, бѣшеныхъ, почти дикихъ, какъ будто бы была сброшена съ крутого утеса и не въ состояніи была сама удержать бѣга; узкій, почти пропадавшій между пухлыхъ щекъ ихъ глазъ былъ такъ быстръ и вѣренъ, въ одно мгновеніе они давали столько измѣненной ходу битвы, такъ быстро могли рассыпаться и исчезнуть изъ виду, такъ скоро собраться въ кучи, такъ мѣтко высылать летящій лѣсъ стрѣлъ; даже убѣгая, такъ ловко они умѣли отстрѣливаться, и все это сопровождали такимъ дикимъ, оглушительнымъ крикомъ, что врядъ ли могъ сыскаться предводитель, чей глазъ не разбѣжался бы, и голова не закружилась въ битвѣ съ ними.

Погнавши готовъ, гунны заняли нынѣшній польскій западъ Россіи да сѣверныя и дунайскія земли, — и географія Европы измѣнилась снова. Занявши такое огромное пространство, гунны необходимо должны были произвести сильное потрясеніе и всеобщую перемѣну мѣстъ. Сдвинутые готы, хотя съ трудомъ, но подались на западъ и югъ; вандалы и свевы, съ которыми римляне, или, лучше сказать, римскіе германцы мѣрялись уже на самыхъ границахъ своими силами, ворвались чрезъ Францію и Альпы въ Испанію. И въ Испанію, ко всеобщему изумленію, столкнулись народы совершенно съ противоположныхъ странъ свѣта: свевы съ береговъ Балтики и сѣвѣжной Скандинавіи, и алане, оторванные гуннскимъ порывомъ съ подошвы Кавказа.

Гунны бродили по степямъ Россіи, переносили свои кибитки и перегоняли табуны въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ, не производя дальнихъ завоеваній, потому что западную Европу и на тотъ разъ спасало лѣсистое и неровное положеніе, и потому что гуннамъ недоставало предприимчиваго предводителя. Они производили свои набѣги на сосѣдей, которые обыкновенно состояли въ хищничествѣ женъ, дѣтей и въ угонкѣ стадъ въ свои предѣлы. Эти хищничества болѣе всего должны были испытать готы, какъ ближайшіе къ нимъ народы. Готы въ это время раздѣлились на двѣ великія вѣтви: на визиготовъ, которыхъ цари были избираемы изъ прежней царственной линіи Бальтовъ, и остроготовъ, избравшихъ царей изъ новой царственной вѣтви Амаловъ. Столкнутые гуннами, они притѣснились къ самому югу нынѣшней Украйны и Молдавіи. Не нашедшая безопасности часть визиготовъ, подъ начальствомъ Фридригера, Алета, Сафраха, обратилась съ просьбою къ римскому императору о позволеніи перейти черезъ Дунай и, поселившись на южной сторонѣ его, защищать провинціи отъ нападенія усиливавшихся варваровъ.

Императоръ Валентиніанъ, управлявшій имперіей вмѣстѣ съ братомъ своимъ Валентомъ, принявъ съ радостію неожиданную помощь — и визиготы перешли чрезъ Дунай. Между тѣмъ остроготы и часть визиготовъ, жившихъ на юго-востогѣ, терпѣли часто голодь и видѣли безпрестанно увеличивающіяся свои нужды, просили императора Валента, который имѣлъ надзоръ надъ восточными провинціями и жилъ въ Константинополѣ, снабдить ихъ нужными произведеніями и позволить имъ торговать съ тамошними жителями. Императоръ поручилъ удовлетворить ихъ во всемъ еракійскимъ правителямъ, Луципину и Максиму, которые были совершенные греки времянъ византийскихъ — коварные, готовые оказать злодѣйскіе поступки даже безъ побудительныхъ причинъ и почитавшіе позволительными всѣ поступки съ варварами. Они не торговали, но просто грабили готовъ и доводили ихъ до крайности продавать женъ и дѣтей; наконецъ, подъ видомъ пріязни, призвали доблестнѣйшихъ готовъ и рѣшились тайно умертвить ихъ. Это пробудило мщеніе въ дикомъ, но сохранявшемъ первоначальныя человѣческія чувства народѣ. Многочисленныя толпы готовъ ворвались во Фракію и до самаго Константинополя жгли, грабили и обратили въ пепель всѣ находившіеся по дорогѣ города и окрестности. Императоръ Валентъ находился въ весьма неблагопріятномъ положеніи. Онъ былъ ревностный аріанецъ, и потому гналъ безъ милосердія противниковъ секты, потому имѣлъ враговъ, и самъ братъ его Валентиніанъ, императорствовавшій въ Римѣ, отказался подать ему помощь. Кромѣ того, императоръ Валентъ былъ жестокъ и ужасно подозрителенъ: ему предсказали, что гибель его послѣдуетъ отъ человѣка, котораго имя начинается словомъ *Θεο* — и онъ перѣбзгалъ и передумывалъ всѣхъ Θεодориковъ, Θεодотовъ и Θεодосіевъ, которые только занимали какія-нибудь значительныя должности. Само собою разумѣется, что такіе поступки не внушили его подданнымъ излишняго жара защищать своего монарха. Притомъ, и самые подданные были жалкій, безхарактерный народъ; войска умѣли только бунтоваться и готовы были бѣжать при первомъ случаѣ; финансы разбрелись по рукамъ евнуховъ, любимцевъ, любовницъ и пронырливаго, духовенства. Итакъ, Валенту, наконецъ, пришлось заплатить за прежнюю жизнь свою. Оставленный бѣгущими войсками, онъ спрятался въ бѣдную хижину и былъ сожженъ вмѣстѣ съ нею мстительными готами. Константинополь уцѣлѣлъ, благодаря незнацію готовъ осаждать города. Готы съ торжествомъ, съ безчисленною добычею, возвратились въ свои жилища, оставивъ римлянамъ страшную память своего посѣщенія.

Скоро послѣ этого произошло совершенное раздѣленіе Римской имперіи. Императоръ Θεодосій думалъ спасти ее чрезъ эту секуляризацию, приписывая слабость ея неизмѣримости и невозможности одному управлять. Восточная имперія, которая очень справедливо стала называться Греческою, — а еще справедливѣе могла бы назваться имперіей евнуховъ, комедіантовъ, любимцевъ ристалищъ, заговоровъ, низкихъ убійцъ и диспутствующихъ монаховъ, — досталась Аркадію, которымъ управлялъ пронырливый опекунъ его Руфимъ; Западная, которая тоже весьма несправедливо называлась Римскою, потому что всѣ административныя значительныя мѣста были заняты выслужившимися варварами изъ готовъ, вандаловъ и другихъ германцевъ, получившихъ только слабый наружный лоскъ римскаго образованія, — которая уже въ собственномъ сердцѣ своемъ видѣла насильно тѣснившихся враговъ, — которая въ живомъ трупѣ своемъ видѣла и чувствовала онѣмніе жизни, — эта Западная имперія вручена была малолѣтнему Гонорію, которымъ управлялъ Стиликонъ, родомъ вандалъ, бывшій вѣрнымъ и храбрымъ при Θεодосіи и сдѣлавшійся низкимъ и слабымъ при ничтожномъ его сынѣ. Опекуны, правительствовавшіе въ

разныхъ углахъ Европы, ненавидѣли другъ друга. Первый подарокъ, который Руфимъ, хитрый, какъ византійскій грекъ, препроводилъ въ своему неприятелю Стиликону, состоялъ въ сильныхъ войскахъ визиготовъ, которыхъ онъ настроилъ воевать Италію, обѣщая съ своей стороны не подавать никакой помощи. Всѣ визиготы поднялись со своихъ становищъ въ Дакии и съ береговъ Дуная и вступили въ Италію. Но Стиликонъ, вмѣсто того, чтобы устрашиться такого нашествія, втайнѣ былъ радъ ему. Онъ основывалъ на немъ кучу плановъ. Прежде всего онъ думалъ этими свѣжими, многочисленными и сильными варварами истребить другихъ варваровъ, уже вѣснявшихся въ самые предѣлы Римской имперіи. Тогда Галлія и принадлежала и не принадлежала римлянамъ. Сильный франкскій союзъ стоялъ на границахъ ея вмѣстѣ съ накопленными подъ его эгидомъ племенами; на востокъ и на югъ, т.-е. въ нѣдрѣ самой Франціи, вольно расположились алеманы и бургунды. Въ Испаніи свевы, алане и вандалы захватили всю лучшую часть ея, т.-е. югъ. Среди ихъ римскіе префекты и начальники играли самую жалкую роль, имѣли достоинство безъ власти. Казалось, вмѣсто Римской имперіи лежала надъ полуміромъ одна только величественная длинная тѣнь ея. Имперія была похожа на тысячелѣтній дубъ, который изумляетъ своею страшною толщиной и котораго середина давно уже обратилась въ гниль и прахъ. Стиликонъ искусно отклонилъ Алариха отъ желанія поселиться въ Италію и предложилъ ему богатую, цвѣтущую Испанію. Онъ даже замышлялъ обратитъ этихъ варваровъ противъ врага своего Руфима; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ располагалъ даже, въ случаѣ удачи, объявить себя императоромъ вмѣсто слабаго Гонорія, но черезчуръ перехитрилъ, и собственная голова слетѣла съ плечъ его. Слабый, ничтожный Гонорій, не понявшій ни одного прожекта Стиликона, велѣлъ одному изъ своихъ также нерасудительныхъ полководцевъ напасть съ тыла на готовъ, уже выступавшихъ въ Испанію, съ тѣмъ, чтобы нанести имъ какой-нибудь вредъ. Аларихъ вдругъ обратился и очутился подъ стѣнами Рима. Гонорій, по обыкновенію гота, бѣжалъ. Сенатъ, видѣвши безсиліе свое, умолилъ могущественнаго гота отступить, обѣщая дань, часть которой ему была выдана тогда же; остальной рѣшился побѣдитель ждать и отступилъ отъ Рима. Какъ только узналъ Гонорій, что опасность миновала, какъ уже вновь прибылъ въ Римъ и вовсе не думалъ платить дани. На этотъ разъ Аларихъ явился подъ стѣнами уже гнѣвный, грозившій обратитъ въ пепелъ вѣчный городъ. 23 августа 409 года стѣны всемірной столицы увидѣли среди себя предводителя готовъ. Великолѣпные дома и дворцы были разграблены, но грозный Аларихъ запретилъ зажигательство и пролитіе крови. Изъ этого можно видѣть силу воли и власть, какую онъ имѣлъ надъ своими дикарями, удержавъ ихъ отъ того, отъ чего иногда не властенъ удержать и начальникъ образованныхъ войскъ. Гонорія и слѣда уже не было въ Римѣ, онъ давно успѣлъ скрыться. Но зато побѣдитель показалъ въ величайшей степени презрѣніе, какое чувствовалъ къ римлянамъ: возвелъ имъ царя ихъ же префекта Атала, и заставилъ его ползать у дверей палатъ своихъ. Насытивъ свое мщеніе, оставилъ онъ Римъ и обратился на югъ Италіи. Здѣсь онъ замышлялъ великіе планы, строилъ флотъ и намѣревался перенести свои побѣдительныя знамена на берега Африки, но смерть остановила его подвиги. Для гробницы его визиготы отвели теченіе рѣки Везанто, вырыли на бывшемъ днѣ ея глубокую могилу, въ которую зарыли трупъ, и потомъ снова возвратили ее на прежнее лоно, чтобы никто не могъ осквернить и поругаться надъ могилою великаго гота. Избранный послѣ него Астольфъ, наконецъ, вывелъ готовъ въ Испанію, гдѣ они быстро утвердились и составили сильное

Готское королевство, изгнавъ не имѣвшихъ значенія римскихъ начальниковъ.

Вторженіе визиготовъ было сильно почувствовано во всѣхъ концахъ Испаніи. Алане и свевы были крѣпко стѣснены, и большая часть ихъ должна была признать власть готовъ. Даже вандалы, бывшіе сильнѣйшими въ Испаніи, были сильно притѣснены и придвинуты къ Средиземному морю. Уже король ихъ, Гензерихъ, помышлялъ о переправѣ въ Африку. Но одно происшествіе, какъ будто нарочно, ускорило исполненіе его мысли. Въ Римѣ управлялъ, именовъ малолѣтняго Валентиніана и его матери, знаменитый Аэцій, предприимчивый, честолюбивый, хитрый, не слишкомъ разборчивый на средства къ достиженію желаемого. Онъ имѣлъ сильнаго противника въ Бонифаціи, правитель Африки, и рѣшился его погубить; для этого призывалъ его именовъ императора въ Римъ. Бонифацій, проникнувши умыселъ, рѣшился остаться въ Африкѣ и призвать на помощь Гензериха. Въ 427 году Гензерихъ съ вандалами и частью алановъ высадился на берегъ Африки и означилъ путь свой пожарами и опустошеніями. Бонифацій увидѣлъ, наконецъ, свою ошибку, что призвалъ такого гостя. Онъ успѣлъ уже примириться съ императоромъ и рѣшился поставить преграду безпокойному своему союзнику. Но съ Гензерихомъ не такъ было легко управиться; Бонифацій былъ разбитъ. Гензерихъ зажегъ Карфагену, ограбилъ дома, рубилъ жителей и извлекъ, гдѣ только могли скрываться, сокровища.

Быстрые успѣхи разожгли его хищное честолюбіе. Скоро весь сѣверный берегъ Африки подвергнулся его вандалскому владычеству. Огнемъ и мечомъ окрестилъ онъ его въ арианство и составилъ сильнѣйшее въ этотъ мятежный и темный вѣкъ государство. Съ этого времени разгулялся Гензерихъ. Страшный флотъ его рассыпался по Средиземному морю и прекратилъ своимъ корсарствомъ всякое плаваніе. Каждый годъ этотъ нумидійскій левъ появлялся у всѣхъ береговъ Средиземнаго моря, отъ Греціи и Илиріи до Гибралтара, собирая, какъ жатву на собственномъ полѣ, все, что могла только произвестъ цвѣтущая населенность ихъ. Испанія, Сицилія, Сардинія, Далмація попережбно чувствовали ужасную, разрушительную руку этого вѣчнаго пирата, который такъ быстро воздвигнулъ первое государство христіанскихъ корсаровъ. Но, наконецъ, среди величія и награбленныхъ богатствъ, имъ овладѣло то состояніе духа, та свирѣпая задумчивость, которая сушитъ, мучитъ душу и служить близкимъ предвѣстіемъ тиранства, ужасной нравственной болѣзни властителя. Онъ сталъ подозрѣвать всѣхъ окружающихъ, и подозрѣніе, наконецъ, простеръ на жену свою, дочь визиготскаго короля: ему вообразилось, что она имѣетъ умыселъ отравить его. Наполненный этою мыслию, онъ приказалъ отрѣзать ей носъ и уши и въ такомъ видѣ отправить къ ея отцу. Но, испугавшись самъ мщенія готовъ, пригласилъ Аттилу, предводителя гунновъ, напасть съ сѣвера на Испанію и Италію.

Аттила имѣлъ свою резиденцію въ Дакіи, гдѣ, недалеко отъ Дуная, находилось становище изъ грубыхъ деревянныхъ юртъ, среди которыхъ возвышался неуклюжій дворецъ его. Аттила былъ именно такой предводитель, какого дотолѣ не доставало гуннамъ. Онъ показалъ, какъ можетъ быть ужасна стремительная азиатская сила. Весь сѣверо-востокъ Европы признавалъ его владычество. Цѣпь народовъ, несшихъ дань непобѣдимому царю гунновъ, начиналась у Кавказа и оканчивалась у Рейна. Готы, гепиды, алане, герулы, аказиры, туринги и славяне очутились въ границахъ его быстро раздавшейся кочевой имперіи. Греческій императоръ, испытывавшій его презрѣніе, униженно присылалъ ему дань и ползалъ передъ его могуществомъ. Это былъ маленькій

человѣчекъ, почти карло, съ огромною головою, съ небольшими калмыцкими глазами, но такъ быстрыми, что ни одинъ изъ подданныхъ его не могъ выносить ихъ безъ невольнаго трепета. Однимъ этимъ взглядомъ онъ двигалъ всѣми своими племенами, которыя, несмотря на разбросанное свое положеніе, различіе жизни, нравовъ и обычаевъ, слились его словомъ въ одну душу. Посреди своихъ придворныхъ, блиставшихъ награбленнымъ золотомъ, этотъ необыкновенный человѣкъ носилъ грубую широкую одежду, лежалъ на простомъ войлокѣ, пилъ почти одну воду изъ деревяннаго котла; ни сѣдло, ни лошадь его не видали на себѣ драгоценныхъ каменьевъ, и самъ себя называлъ бичомъ Божиимъ, посланнымъ для того, чтобы исправить міръ. Власть его надъ войскомъ была безпредѣльна: оно вѣрило, что у него находится чудесный мечъ, который долженъ завоевать ему весь міръ. Повиновеніе покоренныхъ народовъ было изумительно. Впрочемъ, невозможно было и думать имъ о возмущеніи, потому что Аттила могъ выставить возлѣ своей ставки такую пирамиду изъ отрубленныхъ головъ, глядѣть на которую немного приходилось охотниковъ. Онъ не любилъ заводить напрасно войны, особенно, когда міръ могъ ему доставить то же самое. Справедливость его была ужасна. Онъ показывалъ и великодушіе, но только рабамъ, простертымъ у ногъ его. Мщеніе же Аттилы... но вызвать его мщеніе никто не имѣлъ духа.

Предложеніе Гензериха, казалось, упредило его собственную мысль. Властительно собралъ онъ безчисленныя племена свои и шелъ на западъ. Римская имперія почувствовала всю опасность. Всѣ народы, составлявшіе тогда западъ Европы, встревожились. И тогда случилось странное событіе: вся западная дикая Европа сдвинулась въ одинъ союзъ. Римляне соединились съ своими разрушителями, визиготами, аланами, франками. Народы кочующіе и пастушескіе шли на неподвижныхъ и уже отчасти земледѣльцевъ, стремительная и деспотическая Азія — на крѣпкую и вольную Европу. Нужно замѣтить, что германскіе народы, чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ болѣе означались вольнымъ духомъ. Альпы были древнимъ хранилищемъ европейской свободы, и вокругъ ихъ, на далекое разстояніе, племена хранятъ еще и донинѣ черты независимости. Равнинами близъ Марны во Франціи опредѣлено было быть театромъ этой единственной битвы. Западная вольная Европа изъ римлянъ, визиготовъ, армориканъ, бреоновъ, бургундовъ, саксоновъ, алановъ и франковъ, подъ начальствомъ королей, военныхъ предводителей и подъ высшимъ распоряженіемъ искуснаго Аэція, и восточная кочевая Европа изъ остроготовъ, алановъ, гепидовъ, маркомановъ, венедовъ, ломбардовъ, геруловъ, аказировъ, аваровъ, туринговъ, роксолановъ и нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ, подъ начальствомъ своихъ князей, королей и принцевъ, и движимыхъ одною всемогущею волею Аттилы, должны были рѣшить многое важное въ потомствѣ. Вольная Европа устояла. Неотразимая, разрушительная конница Аттилы была опрокинута вмѣстѣ съ союзными народами, и непобѣдимый гуннь, употребившій все возможное напряженіе своей воли, поворотилъ свои табуны и народы въ равнины Венгріи и Паноніи. Аэцій, не желая дать перевѣса визиготамъ, дѣйствовавшимъ сильнѣе другихъ въ этой кровопролитной сѣчѣ, облегчилъ ему удаленіе. Великая лига, исполнившая свое назначеніе, разошлась и обратилась въ прежнія начала, увидя минувшею опасность.

Но ужасный предводитель гунновъ рвалъ на себѣ благородный клочокъ волосъ своихъ отъ гнѣва, и черезъ годъ, пополнивши свои войска новыми, вступилъ въ Италію, гдѣ безпечный императоръ Валентиніанъ и даже самъ Аэцій не мыслили объ опасности. Первый городъ, испытавшій его тяжелую

руку, былъ Авидея. Онъ его обратилъ въ пепель и заставилъ горсть спасшихся жителей зародить на Адриатическомъ морѣ Венецію. Отсюда прошелъ онъ всю Италію, дѣйствуя какъ огненный бичъ. Города: Конкордія, Бресція, Виченца, Падуа, Верона, Мантуа, Миланъ, Модена, Парма — представили однѣ обнаженные стѣны: «Клянусь, — гордо провозгласилъ дикій гуннъ: — что, гдѣ коснется копыто коня моего, тамъ болѣе не вырастетъ трава!» Наконецъ, и Римъ увидѣлъ подъ стѣнами своими Аттилу. Испуганный папа, въ облаченіи, со всѣмъ крестнымъ ходомъ, вышелъ навстрѣчу неумолимому гунну, и великолѣпный ли обрядъ христіанства, или мысль, разсѣянная между дикими, даже языческими народами, о пребываніи чего-то священнаго въ Римѣ, — что бы то ни было, но Аттила отступилъ, взявши великій выкупъ, и вышелъ изъ Италіи.

Теперь предстояла очередь испытать его мщеніе и силу соединенной лиги западныхъ народовъ, но внезапная смерть его спасла ее. Аттила умеръ необыкновеннымъ образомъ. Суровый, воздержный, не позволявшій золотымъ украшеніямъ и камнямъ убраться даже рукояти сабли и войлочнаго сѣдла своего, онъ въ одинъ день измѣнилъ свою жизнь. Сочетавшись бракомъ съ дочерью бактрианскаго царя, необыкновенною красавицею, упоенный виномъ и пиршествомъ, онъ съ такимъ неистовствомъ предался сладострастію, что выпилъ за однимъ разомъ всю желѣзную жизнь свою. Кровь у него пошла изъ ушей, изъ носа, изо рта — и онъ задохнулся.

Въ невѣдомой пустынѣ, среди глубокой ночи, копали могилу Аттилѣ, сопровождая пѣснями о его подвигахъ. Тѣло его было положено въ тройной гробъ, — изъ золота, серебра и мѣди; съ нимъ легли его оружія, его конныя сбруи. На могилѣ его были заколоты всѣ рабы и копавшіе землю, чтобы никто изъ живущихъ не вѣдалъ о мѣстѣ, гдѣ лежатъ кости великаго человека ¹⁾.

По смерти Аттилы, гунны вдругъ разсѣялись и разсыпались, какъ всякій азіатскій народъ, связанный только могущественною волею предводителя. Тогда европейскіе народы шире и вольнѣе раздались и болѣе приняли самостоятельности, и на востокѣ начали виднѣе показываться племена славянъ, которыя мало-по-малу разрослись въ шестьдесятъ разныхъ вѣтвей ²⁾, протянулись до Тироля, прошумѣли по уходѣ остроготовъ на границахъ имперіи Греческой и, углубившись въ великія пространства, наконецъ, превратились въ мирныхъ осѣдлыхъ народовъ.

Италія еще дымилась послѣ опустошеній Аттилы, но и среди полуразрушенныхъ развалинъ ея крылись еще происки. И въ этомъ изнеможенномъ государствѣ еще нашлись жалкіе честолюбцы! Сенаторъ Максимъ успѣлъ очернить передъ безсильнымъ императоромъ Валентиніаномъ единственную опору его шаткаго трона — Аэція, и неблагодарный Валентиніанъ убилъ его собственною рукою. Но, лишившись этой опоры, онъ самъ погибъ, умерщвленный Максимомъ, который надѣлъ на свою дѣтски-честолюбивую голову императорскую корону и женился на его вдовѣ Евдоксіи. Мстительная вдова, раздраженная низкимъ умерщвленіемъ своего супруга и мало заботившаяся объ участи всей Италіи, тайно пригласила Гензериха вступить въ Римъ и отмстить за смерть императора, его союзника и друга.

Гензерихъ не любилъ заставлятъ долго ждать себя; онъ немедленно поднялся съ береговъ Африки съ толпами своихъ вандаловъ, на пиратскихъ

¹⁾ О гуннахъ и объ Аттилѣ: Юрианъ, Дегине, Фишеръ.

²⁾ Конрадъ Геснеръ.

судахъ, и высадился въ Италію. И что только уцѣлѣло отъ меча Аттилы, все то истребилъ, по своему обыкновенію, Гензерихъ. Онъ не очень разбиралъ, кто правъ, кто виноватъ, и кому онъ долженъ оказать помощь. Все испытало равную участь. Гензерихъ имѣлъ необыкновенное искусство грабить: послѣ него уже никто не могъ ничѣмъ поживиться. Римъ, который долотѣ щажень былъ даже язычниками, былъ ограбленъ безъ милосердія этимъ христіанскимъ королемъ; все, что только можно было взять, онъ взялъ. Корабли свои онъ наполнилъ множествомъ плѣнниковъ, съ которыми самъ не зналъ, что дѣлать; вывезъ множество артистовъ и художниковъ, увезъ даже супругу императора, къ которой пришелъ самъ на помощь, вмѣстѣ съ дочерьми ея, наконецъ, даже сорвалъ золотой куполь съ Капитолія и утащилъ его вмѣстѣ съ другими сокровищами въ Африку.

Послѣ всѣхъ этихъ событій, Италія не походила и на тѣнь прежней своей славы. Цвѣтушая, прекрасная, вѣнецъ европейской природы, она представила дикій видъ опустошенной, уничтоженной страны. Титло императора едва слышалось въ опустѣлыхъ городахъ. Римскій императоръ уже не могъ имѣть никакихъ доходовъ. Онъ не былъ въ состояніи даже платить жалованье собственному войску, набранному изъ геруловъ, ругіевъ и турцелинговъ. И тогда предводитель ихъ, Одоакръ, отрѣшилъ своего императора отъ должности, сдѣлался неограниченнымъ и независимымъ и уже не хотѣлъ принять императорскаго достоинства, но назвался, просто, королемъ геруловъ. Еще часть римскаго войска находилась какъ бы отрѣзанною за Альпами въ Галліи, и предводитель ея, Сіагрій, не зная ничего о происшествіяхъ въ Италіи, защищалъ несуществующую имперію противъ соединеннаго франкскаго союза, который сдѣлался уже слишкомъ страшнымъ, потому что имѣлъ предпримчиваго короля и полководца Кловиса. Сіагрію, отрѣзанному отъ своего государства, не получавшему никакихъ подкрѣпленій, трудно было противоборствовать этимъ свѣжимъ силамъ: онъ уступилъ — и Галлія потопилась франкскими народами. Скоро послѣ того остроготы, предводимые Теодорикомъ, двинулись съ сѣверныхъ границъ имперіи Восточной и заняли Италію, подчинивъ ея народы своей власти. Скоро послѣ того англосаксы, на своихъ неуклюжихъ дерзкихъ корабляхъ, переправились черезъ море и овладѣли Англіею — и потомъ великія эмиграціи народовъ большими массами совершенно остановились, но въ частности, и малыми силами, онѣ производились непрерывно. Дикіе охотники, воспитанные этими всеобщими странствіями и непрерывною перемѣною мѣстъ, получили страсть къ приключеніямъ и путешествіямъ, и вся Европа, несмотря на то, что, повидимому, уже казалась неподвижною, двигалась и шевелилась подобно огромному рынку. Всѣ націи перемѣшались между собою такъ, что уже невозможно было отыскать совершенно цѣльной, и только впоследствии постоянный образъ правленія или занятій сообщилъ главнымъ изъ нихъ нѣкоторую особенность и нѣкоторые признаки отличія. Тогда было четыре первенствующихъ великихъ собраній или массъ народа, четыре главные пункта европейской силы: въ Испаніи — визиготы, вторгнувшіеся туда съ частію покоренныхъ народовъ и присоединившіе къ себѣ уже въ Испаніи алановъ, свевовъ, вандаловъ и разныхъ подданныхъ имъ народовъ, зародившіе толпу сильныхъ противъ себя бандитовъ въ горахъ Астурійскихъ. Въ Галліи франки, уже составившіе націю изъ прежнихъ сосѣдей римлянъ, дунайскихъ и рейнскихъ германцевъ: узипетровъ, сигамбровъ, херусковъ, хатовъ, бруктеровъ, ангриваріевъ, хазуаріевъ и другихъ, соединившіеся съ туземцами, римскими галлами, соединившіеся, но не слившіеся съ покоренными армориганами, бретонами, алеманами, бургундами, отчасти бауарами и фризами,

и простершіе владычество за Альпы и Рейнъ. — Это было одно изъ сильнѣйшихъ собраній народовъ. Въ сѣверной Германіи саксоны, страшные своею дикостью и пиратствомъ, мѣшавшіеся съ другими народами, и въ Италіи остrogоты, имѣвшіе въ толпахъ своихъ множество отродій народовъ, существовавшихъ по восточной Европѣ — свевскихъ, аланскихъ, аварскихъ, славянскихъ, гепидскихъ — и, подъ расторопнымъ, твердымъ правленіемъ Теодорика, получившіе на время перевѣсъ въ Европѣ. Сверхъ того еще, всѣ эти великія массы народовъ распространяли покровительственную власть свою надъ многими отдаленными племенами. Взаимныя границы ихъ часто терялись въ неопредѣленныхъ пространствахъ; въ этихъ промежуткахъ земли, иногда черезполосно и независимо, сохранялись многіе народы: такимъ образомъ, въ средней Германіи — ломбарды, потомъ блеснувшіе въ Италіи, часть бауаровъ, всѣ народы, жившіе въ неизмѣнныхъ прежде лѣсахъ Гарца и въ гористыхъ углоненіяхъ Альпъ. Востокъ Европы занимали совершенно разбросанныя племена славянскія, которыя, находясь подъ вѣчнымъ угнетеніемъ всѣхъ стремившихся изъ Азіи народовъ, еще не успѣли явиться дѣятелями всемірной исторіи. За означеннымъ кругомъ, на сѣверъ и на востокъ, разсѣивались народы, еще покрытые темною недѣятельностью.

Такова была Европа въ это шумное окончаніе V вѣка, когда непостижимую волею Провидѣнія величественный хаосъ, носившій темныя начала новаго свѣта, опустился на Европу, когда разрушающіе народы безобразными массами текли на народы, колоссально совершались мрачныя событія, когда имена Алариха, Гензериха и Аттилы пронеслися безпкойными кометами, когда между тѣмъ древній міръ долго дотлѣвалъ на востокѣ, робкое римское просвѣщеніе прижалось къ берегамъ Сиріи, Александріи, Цареграда, и ереси Несторія и Евтихія раздирали дряхлыя, старческія его силы.

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.

Октября 3.

Сегодняшняго дня случилось необыкновенное приключеніе. Я всталъ поутру довольно поздно и, когда Мавра принесла мнѣ вычищенные сапоги, я спросилъ, который часъ. Услышавши, что уже давно било десять, я поспѣшилъ поскорѣе одѣться. Признаюсь, я бы совсѣмъ не пошелъ въ департаментъ, зная заранѣе, какую кислую мину сдѣлаеть нашъ начальникъ отдѣленія. Онъ уже давно мнѣ говоритъ: «Что это у тебя, братецъ, въ головѣ всегда ералашъ такой? Ты иной разъ метаешься, какъ угорѣлый, дѣло подчасъ такъ спутаешь, что самъ сатана не разбереть, въ титулѣ поставишь маленькую букву, не выступишь ни числа, ни номера! Проклятая цапля! онъ, вѣрно, завидуетъ, что я сижу въ директорскомъ кабинетѣ и очиниваю перья для его превосходительства. Словомъ, я не пошелъ бы въ департаментъ, если бы не надежда видѣться съ казначеемъ и, авось-либо, выпросить у этого жида хоть сколько-нибудь изъ жалованья впередъ. Вотъ еще созданіе! Чтобы онъ выдалъ когда-нибудь впередъ за мѣсяцъ деньги — Господи, Боже мой, да скорѣе страшный судъ придетъ. Проси, хоть тресни, хоть будь въ разнуждѣ, — не выдастъ, сѣдой чортъ. А на квартирѣ собственная кухарка бьетъ его по щекамъ; это всему свѣту извѣстно. Я не понимаю выгодъ служить въ департаментъ: никакихъ совершенно рессурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло! тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ, фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: «Это, — говоритъ, — докторскій подарокъ»; а ему давай или пару рысаковъ, или дрожки, или боберъ рублей въ триста. Съ виду такой тихонькій, говорить такъ деликатно: «одолейте ножичка починить перышко», а тамъ обчистить такъ, что только одну рубашку оставить на просителѣ. Правда, у насъ зато служба благородная, чистота во всемъ такая, какой вовѣки не видѣтъ губернскому правленію, столы изъ красного дерева, и всѣ начальники на *сы*... Да, признаюсь, если бы не благородство службы, я бы давно оставилъ департаментъ.

Я надѣлъ старую шинель и взялъ зонтикъ, потому что шелъ проливной дождикъ. На улицахъ не было никого; одиѣ только бабы, накрывшись полами платья, да русскіе купцы подъ зонтиками, да кучера попадались мнѣ на глаза. Изъ благородныхъ только нашъ братъ, чиновникъ, попался мнѣ. Я увидѣлъ его на перекресткѣ. Я, какъ увидѣлъ его, тотчасъ сказалъ себѣ: «Эге! нѣтъ, голубчикъ, ты не въ департаментъ идешь, ты спѣшишь вонъ за тою, что бѣжить впередъ, и глядишь на ея ножки». Что это за бестія нашъ братъ, чиновникъ! Ей-Богу, не уступить никакому офицеру: пройди только какая-нибудь въ шляпкѣ, непременно зацѣпить. Когда я думалъ это, увидѣлъ подѣхавшую карету къ магазину, мимо котораго я проходилъ. Я сейчасъ узналъ ее: это была карета нашего директора. «Но ему незачѣмъ въ магазинъ, — я подумалъ, — вѣрно, это его дочка». Я прижался къ стѣнкѣ. Лакей

отворилъ дверцы, и она выпорхнула изъ кареты, какъ птичка. Какъ взглянула она направо и налево, какъ мелькнула своими бровями и глазами... Господи, Боже мой, пропалъ я, пропалъ совсѣмъ! И зачѣмъ ей выѣзжать въ такую дождевую пору! Утверждай теперь, что у женщинъ не велика страсть до всѣхъ этихъ тряпокъ. Она не узнала меня, да и я самъ нарочно старался закутаться, какъ можно болѣе, потому что на мнѣ была шинель очень запачканная и притомъ стараго фасона. Теперь плащи носятъ съ длинными воротниками, а на мнѣ были коротенькіе, одинъ на другомъ; да и сукно совсѣмъ не дегатированное. Собачонка ея, не успѣвши вскочить въ дверь магазина, осталась на улицѣ. Я знаю эту собачонку. Ее зовутъ — Меджи. Не успѣлъ я пробыть минуту, какъ вдругъ слышу тоненькій голосокъ: «Здравствуй, Меджи!» Вотъ тебѣ на! кто это говорить? Я осмотрѣлся и увидѣлъ шедшихъ подъ зонтикомъ двухъ дамъ: одну старушку, другую молоденькую; но онѣ уже прошли; а возлѣ меня опять раздалось: «Грѣхъ тебѣ, Меджи!» Что за чортъ! я увидѣлъ, что Меджи обнюхивалась съ собачонкою, шедшею за дамами. «Эге! — сказалъ я самъ себѣ: — да полно, не пьянъ ли я! только это, кажется, со мною рѣдко случается». — «Нѣтъ, Фидель, ты напрасно думаешь, — произнесла, — я видѣлъ самъ, что произнесла Меджи: — я была, авъ, авъ! я была, авъ, авъ, авъ! очень больна!» Ахъ, ты жъ собачонка! вишь! Признаюсь, я очень удивился, услышавъ ее говорящую по-человѣчески; но послѣ, когда я сообразилъ все это хорошенько, то тогда же пересталъ удивляться. Дѣйствительно, на свѣтѣ уже случилось множество подобныхъ приключеньевъ. Говорятъ, въ Англіи выплыла рыба, которая сказала два слова на такомъ странномъ языкѣ, что ученые уже три года стараются опредѣлить и еще до сихъ поръ ничего не открыли. Я читалъ тоже въ газетахъ о двухъ коровахъ, которыя пришли въ лавку и спросили себѣ фунтъ чаю. Но, признаюсь, я гораздо болѣе удивился, когда Меджи сказала: «Я писала къ тебѣ, Фидель; вѣрно, Полканъ не принесъ письма моего!» Чортъ возьми! Я еще въ жизнь не слышалъ, чтобы собака могла писать. Правильно писать можетъ только дворянинъ. Оно, конечно, нѣкоторые и купчики-конторщики и даже крѣпостной народъ пописываютъ иногда; но ихъ писаніе большею частью мѣханическое: ни запятыхъ, ни точекъ, ни слога.

Это меня удивило. Признаюсь, съ недавняго времени я начинаю иногда слышать и видѣть такія вещи, которыхъ никто еще не видывалъ и не слыхивалъ. «Пойду-ка я, — сказалъ я самъ въ себѣ, — за этой собачонкою и узнаю, что она и что такое думаетъ». Я развернулъ свой зонтикъ и отправился за двумя дамами. Перешли въ Гороховую, поворотили въ Мѣдвѣнскую, оттуда въ Столярную, наконецъ, къ Кокушкину мосту и остановились передъ большимъ домомъ. «Этотъ домъ я знаю, — сказалъ я самъ въ себѣ: — это домъ Звѣргова». Эка машина! Какого въ немъ народа ни живетъ: сколько кухарокъ, сколько прѣзжихъ! а нашей братьи-чиновниковъ, какъ собакъ, одинъ на другомъ сидитъ, а третьимъ погоняетъ. Тамъ есть и у меня одинъ приятель, который хорошо играетъ на трубѣ. Дамы вошли въ пятый этажъ. «Хорошо, — подумалъ я: — теперь не пойду, а замѣчу мѣсто и при первомъ случаѣ не премину воспользоваться».

Октября 4.

Сегодня среда, и потому я былъ у нашего начальника въ кабинетѣ. Я нарочно пришелъ пораньше и, засѣвши, перечинилъ всѣ перья. Нашъ директоръ долженъ быть очень умный человѣкъ. Весь кабинетъ его уставленъ шкафами съ книгами. Я читалъ названіе нѣкоторыхъ: все ученость, такая

ученость, что нашему брату и приступа нѣтъ, — все или на французскомъ, или на нѣмецкомъ. А посмотрѣть въ лицо ему: фу, какая важность сіесть въ глазахъ! Я еще никогда не слышалъ, чтобы онъ сказалъ лишнее слово. Только развѣ, когда подашь бумаги, спросить: «Какое на дворѣ?» — «Сыро, ваше превосходительство!» Да, не нашему брату чета! государственный человекъ. — Я замѣчаю, однакоже, что онъ меня особенно любить. Если бы и дочка... эхъ, канальство!.. Ничего, ничего, молчаніе! — Читалъ Пчелку. Эка глупый народъ французы! Ну, чего хотятъ они? Взялъ бы, ей-Богу, ихъ всѣхъ да и перепоролъ розгами! Тамъ же читалъ очень пріятное изображеніе бала, описанное курскимъ помѣщикомъ. Курскіе помѣщики хорошо пишутъ. Послѣ этого замѣтилъ я, что уже било половину перваго, а нашъ не выходилъ изъ своей спальни. Но около половины второго случилось происшествіе, котораго никакое перо не опишетъ. Отворилась дверь, я думалъ, что директоръ, и вскочилъ со стула съ бумагами; но это была она, она сама! Святители, какъ она была одѣта! Платье на ней было бѣлое, какъ лебедь, — фу, какое пышное! А какъ глянула — солнце! ей-Богу солнце! Она поклонилась и сказала: «Папá здѣсь не было?» Ай, ай, ай! Какой голосокъ! Канарейка, право, канарейка! «Ваше превосходительство, — хотѣлъ я было сказать: — не прикажите казнить, а если уже хотите казнить, то казните вашу генеральскою ручкою»; да чортъ возьми, какъ-то языкъ не поворотился, и я сказалъ только: «Никакъ нѣтъ-съ». Она поглядѣла на меня, на книги и уронила платокъ. Я кинулся со всѣхъ ногъ, поскользнулся на проклятомъ паркетѣ и чуть-чуть не расклеилъ носа, однакожъ, удержался и досталъ платокъ. Святые, какой платокъ! тончайшій, батистовый — амбра, совершенная амбра! такъ и дышитъ отъ него генеральствомъ. Она поблагодарила и чуть-чуть усмѣхнулась, такъ что сахарныя губки ея почти не тронулись, и послѣ этого ушла. Я еще часъ сидѣлъ, какъ вдругъ пришелъ лакей и сказалъ: «Ступайте, Аксентій Ивановичъ, домой: баринъ уже уѣхалъ изъ дому». Я терпѣть не могу лакейскаго круга: всегда развалится въ передней и хоть бы головою потрудился кивнуть. Этого мало: одинъ разъ одна изъ этихъ бестій вздумала меня, не вставая съ мѣста, потчевать табачкомъ. Да знаешь ли ты, глупый холопъ, что я чиновникъ, я благороднаго происхожденія? Однакожъ, я взялъ шляпу и надѣлъ самъ на себя шинель, потому что эти господа никогда не подадутъ, и вышелъ. Дома, большею частію, лежалъ на кровати. Потомъ переписалъ очень хорошіе стишки:

„Душеньки часокъ не вида,
Думалъ годъ ужъ не видалъ;
Жизнь мою возненавида,
Льзя ли жить мнѣ, я сказалъ“.

Должно-быть, Пушкина сочиненіе. Въ вечеру, закутавшись въ шинель, ходилъ къ подъѣзду ея превосходительства и поджидалъ долго, не выйдетъ ли сѣсть въ карету; чтобы посмотрѣть еще разикъ; но нѣтъ, не выходила.

Ноября 6.

Разбѣсилъ начальникъ отдѣленія. Когда я пришелъ въ департаментъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и началъ мнѣ говорить такъ: «Ну, скажи, пожалуйста, что ты дѣлаешь?» — «Какъ, что? Я ничего не дѣлаю»? отвѣчалъ я. — «Ну, размысли хорошенько! вѣдь тебѣ уже за сорокъ лѣтъ — пора бы ума набраться. Что ты воображаешь себѣ? Ты думаешь, я не знаю всѣхъ

твоихъ проказъ? Вѣдь ты волочишься за директорскою дочерью! Ну, посмотри на себя, подумай только, чтѣ ты! Вѣдь ты нуль, болѣе ничего. Вѣдь у тебя нѣтъ ни гроша за душою. Взгляни хоть въ зеркало на свое лицо — куда тебѣ думать о томъ!» Чортъ возьми, что у него лицо похоже нѣсколько на аптекарскій пузырекъ, да на головѣ клочокъ волосъ, завитый хохолкомъ, да держитъ ее кверху, да примазываетъ ее какою-то розеткою, такъ ужъ и думаетъ, что ему только одному все можно. Понимаю, понимаю, отчего онъ злится на меня. Ему завидно: онъ увидѣлъ, можетъ-быть, предпочтительно мнѣ оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика важность надворный совѣтникъ! Вывѣсилъ золотую цѣпочку къ часамъ, заказываетъ сапоги по тридцати рублей — да чортъ его побери! Я развѣ изъ какихъ-нибудь разночинцевъ, изъ портныхъ, или изъ утеръ-офицерскихъ дѣтей? Я дворянинъ.) Что жъ, и я могу дослужиться. Мнѣ еще сорокъ два года — время такое, въ которое, по-настоящему, только что начинается служба. Погоди, пріятель! будемъ и мы полковникомъ, а, можетъ-быть, если Богъ дастъ, то чѣмъ-нибудь и побольше. Заведемъ и мы себѣ квартиру и еще, можетъ-быть, получше твоей. Что жъ ты себѣ забралъ въ голову, что кромѣ тебя уже нѣтъ вовсе порядочнаго человѣка? Дай-ка мнѣ ручевскій фракъ, сшитый по модѣ, да повяжи я себѣ такой же, какъ ты, галстукъ, — тебѣ тогда не стать мнѣ и въ подметки. Достатковъ нѣтъ — вотъ бѣда.

Ноября 8.

Былъ въ театрѣ. Играли «Русскаго дурака Филатгу». Очень смѣялся. Былъ еще какой-то водевиль съ забавными стишками на стряпчихъ, особенно на одного коллежскаго регистратора, весьма вольно написанные, такъ что я дивился, какъ пропустила цензура; а о купцахъ прямо говорятъ, что они обманываютъ народъ, и что сынки ихъ дебошничаютъ и лѣзутъ въ дворяне. Про журналистовъ тоже очень забавный куплетъ: что они любятъ все бранить, и что авторъ проситъ у публики защиты. Очень забавныя пьесы пишутъ нынче сочинители. Я люблю бывать въ театрѣ. Какъ только грошъ заведется въ карманѣ — никакъ не утерпишь не пойти. А вотъ изъ нашей братьи чиновниковъ есть такія свиньи: рѣшительно не пойдеть, мужигъ, въ театръ; развѣ уже дашь ему билетъ даромъ. Пѣла одна актриса очень хорошо. Я вспомнилъ о той... эхъ, канальство! Ничего, ничего... молчаніе.

Ноября 9.

Въ восемь часовъ отправился въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія показалъ такой видъ, какъ будто бы онъ не замѣтилъ моего прихода. Я тоже, съ своей стороны, какъ будто бы между нами ничего не было. Пере-сматривалъ и свѣрлялъ бумаги. Вышелъ въ четыре часа. Проходилъ мимо директорской квартиры, но никого не было видно. Послѣ обѣда большею частью лежалъ на кровати.

Ноября 11.

Сегодня сидѣлъ въ кабинетѣ нашего директора, починилъ для него 23 пера, и для ея... ай! ай!.. для ея превосходительства четыре пера. Онъ очень любитъ, чтобы стояло побольше перьевъ. У, долженъ быть голова! Все молчитъ, а въ головѣ, я думаю, все обсуживаетъ. Желалось бы мнѣ узнать, о чемъ онъ больше всего думаетъ, чтѣ такое затѣвается въ этой

головѣ. Хотѣлось бы мнѣ рассмотреть поближе жизнь этихъ господъ, всѣ эти эживоки и придворныя штуки: какъ они, что они дѣлаютъ въ своемъ кругу—вотъ что бы мнѣ хотѣлось узнать! Я думалъ нѣсколько разъ завести разговоръ съ его превосходительствомъ, только, чортъ возьми, никакъ не слушается языкъ; скажешь только, холодно или тепло на дворѣ, а больше рѣшительно ничего не выговоришь. Хотѣлось бы мнѣ заглянуть въ гостиную, куда видишь только иногда отворенную дверь, за гостинкою еще въ одну комнату. Эхъ, какое богатое убранство! Какіе зеркала и фарфоры! хотѣлось бы заглянуть туда, на ту половину, гдѣ ея превосходительство, — вотъ куда хотѣлось бы мнѣ! въ будуаръ, какъ тамъ стоятъ всѣ эти баночки, скляночки, цвѣты такіе, что и дохнуть на нихъ страшно, какъ лежить тамъ разбросанное ея платье, больше похожее на воздухъ, чѣмъ на платье. Хотѣлось бы заглянуть въ спальню... Тамъ-то, я думаю, чудеса, тамъ-то, я думаю, рай, какого и на небесахъ нѣтъ. Посмотрѣть бы ту скамеечку, на которую она ставитъ, вставая съ постели, свою ножку, какъ надѣвается на эту ножку бѣлый, какъ снѣгъ, чулочекъ... Ай, ай, ай! ничего, ничего... молчаніе.

Сегодня, однакожь, меня какъ бы свѣтомъ озарило: я вспомнилъ тотъ разговоръ двухъ собачонокъ, который слышалъ я на Невскомъ проспектѣ. «Хорошо, — подумалъ я самъ въ себѣ: — я теперь узнаю все. Нужно захватить переписку, которую вели между собою эти дрянныя собачонки. Тамъ я, вѣрно, кое-что узнаю». Признаюсь, я даже подозвалъ было къ себѣ одинъ разъ Меджи и сказалъ ей: «Послушай, Меджи, вотъ мы теперь одни: я, когда хочешь, и дверь запру, такъ что никто не будетъ видѣть — расскажи мнѣ все, что знаешь про барышню: что она и какъ? Я тебѣ побожусь, что никому не открою». Но хитрая собачонка поджала хвостъ, съежилась вдвое и вышла тихо въ двери, такъ, какъ будто бы ничего не слышала. Я давно подозрѣвалъ, что собака гораздо умнѣе человѣка; я даже былъ увѣренъ, что она можетъ говорить, но что въ ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайный политикъ: все замѣчаетъ, всѣ шаги человѣка. Нѣтъ, во что бы то ни стало, я завтра же отправлюсь въ домъ Звѣркова, допрошу Фидель и, если удастся, перехвачу всѣ письма, которыя писала къ ней Меджи.

Ноября 12.

Въ два часа пополудни отправился я съ тѣмъ, чтобы непременно увидѣть Фидель и допросить ее. Я терпѣть не люблю капусты, запахъ которой валить изо всѣхъ мелочныхъ лавокъ въ Мѣщанской; къ тому же изъ-подъ воротъ каждаго дома несетъ такой адъ, что я, заткнувъ носъ, бѣжалъ во всю прыть. Да и подлые ремесленники напускаютъ копоти и дыму изъ своихъ мастерскихъ такое множество, что человѣку благородному рѣшительно невозможно здѣсь прогуливаться. Когда я пробрался въ шестой этажъ и зазвонилъ въ колокольчикъ, вышла дѣвчонка, не совсѣмъ дурная собою, съ маленькими веснушками. Я узналъ ее: это была та самая, которая шла вмѣстѣ со старушкою. Она немножко покраснѣлась, и я тотчасъ смекнулъ — ты, голубушка, жениха хочешь. «Что вамъ угодно?» — сказала она. «Мнѣ нужно поговорить съ вашей собачонкой». Дѣвчонка была глупа! Я сейчасъ узналъ, что глупа! Собачонка въ это время прибѣжала съ лаемъ; я хотѣлъ ее схватить, но, мерзкая, чуть не схватила меня зубами за носъ. Я увидалъ, однакоже, въ углу ея лукошко. Э, вотъ этого мнѣ и нужно! Я подошелъ къ нему, перерылъ солому въ деревянной коробкѣ и, къ необыкновенному удовольствію своему, вытащилъ небольшую связку маленькихъ

бумажекъ. Скверная собачонка, увидѣвши это, сначала укусила меня за икру, а потомъ, когда пронюхала, что я взялъ бумаги, начала визжать и ластиться, но я сказалъ: «Нѣтъ, голубушка, прощай!» и бросился бѣжать. Я думаю, что дѣвчонка приняла меня за сумасшедшаго, потому что испугалась чрезвычайно. Пришедши домой, я хотѣлъ было тотъ же часъ приняться за работу и разобрать эти письма, потому что при свѣчахъ нѣсколько дурно вижу; но Мавра вздумала мыть полъ. Эти глупыя чухонки всегда нестати чистоплотны. И потому я пошелъ прохаживаться и обдумывать это происшествіе. Теперь-то, наконецъ, я узнаю всѣ дѣла, помышленія, всѣ эти пружины, и доберуся, наконецъ, до всего. Эти письма мнѣ все откроютъ. Собаки народъ умный, онѣ знаютъ всѣ политическія отношенія и потому, вѣрно, тамъ будетъ все про нашего: портретъ и всѣ дѣла этого мужа. Тамъ будетъ что-нибудь и о той, которая... ничего, молчаніе! Къ вечеру я пришелъ домой. Большею частію лежалъ на кровати.

Ноября 13.

А ну, посмотримъ! Письмо довольно четкое, однакоже, въ почеркѣ все есть какъ будто что-то собачье. Прочитаемъ:

„Милая Фидель! я все не могу привыкнуть къ твоему мѣщанскому имени. Какъ будто бы уже не могли дать тебѣ лучшаго? Фидель, Роза — какой пошлый тонъ! Однакожъ, все это въ сторону. Я очень рада, что мы вздумали писать другъ къ другу“.

Письмо писано очень правильно. Пунктуация и даже буква *ъ* вездѣ на своемъ мѣстѣ. Да этакъ, просто, не напишетъ и нашъ начальникъ отдѣленія, хотя онъ и толкуетъ, что гдѣ-то учился въ университетѣ. Посмотримъ далѣе.

„Мнѣ кажется, что раздѣлять мысли, чувства и впечатлѣнія съ другимъ есть одно изъ первыхъ благъ на свѣтѣ“.

Гм! Мысль почерпнута изъ одного сочиненія, переведеннаго съ нѣмецкаго. Названія не припомню.

„Я говорю это по опыту, хотя и не бѣгала по свѣту далѣе воротъ нашего дома. Моя ли жизнь не протекаетъ въ довольствѣ? Моя барышня, которую папѣ называютъ Софи, любитъ меня безъ памяти“.

Ай, ай!.. ничего, ничего! Молчаніе!

„Папѣ тоже очень часто даскаетъ. Я пью чай и кофе со сливками. Ахъ, та сѣге, я должна тебѣ сказать, что я вовсе не вижу удовольствія въ большихъ обглоданныхъ костяхъ, которыя жреть на кухнѣ нашъ Полканъ. Кости хороши только отъ дичи и притомъ тогда, когда еще никто не высосалъ изъ нихъ мозга. Очень хорошо мѣшать нѣсколько соусовъ вмѣстѣ, но только безъ каперсовъ и безъ зелени; но я не знаю ничего хуже обыкновенія давать собакамъ скатанные изъ хлѣба шарики. Какой-нибудь сидящій за столомъ господинъ, который въ рукахъ своихъ держалъ всякую дрянь, начнетъ мять этими руками хлѣбъ, подзоветъ тебя и сунетъ тебѣ въ зубы шарикъ. Отказаться какъ-то неучтиво, — ну, и ѣшь, съ отвращеніемъ, а ѣшь...“

Чортъ знаетъ, что такое! Экій вздоръ! Какъ будто бы не было предмета получше, о чемъ писать. Посмотримъ на другой страницѣ, не будетъ ли чего подѣльнѣе.

„...Я съ большою охотою готова тебя увѣдомлять о всѣхъ бывающихъ у насъ происшествіяхъ. Я уже тебѣ кое-что говорила о главномъ господинѣ, котораго Софи называютъ папѣ. Это очень странный человѣкъ...“

А, вотъ, наконецъ! Да, я зналъ; у нихъ политическій взглядъ на всё предметы. Посмотримъ, что папѣ.

„...очень странный человѣкъ. Онъ больше все молчитъ; говорить очень рѣдко. Но нѣдѣлю назадъ, безпрестанно говорилъ самъ съ собою: „Получу, или не получу?“ Возьметъ въ одну руку бумажку, другую сложитъ пустую и говоритъ: „Получу, или не получу?“ Одинъ разъ онъ обратился и ко мнѣ съ вопросомъ: „Какъ ты думаешь, Меджи, получу, или не получу?“ Я ровно ничего не могла понять, поюхала его сапогъ и ушла прочь. Потомъ, ша сѣдѣе, черезъ недѣлю папѣ пришелъ въ большой радости. Все утро ходили къ нему господа въ мундирахъ и съ чѣмъ-то поздравляли. За столомъ онъ былъ такъ веселъ, какъ я еще никогда не видала, отпускала анекдоты. А послѣ обѣда поднялъ меня къ своей шеѣ и сказалъ: „А посмотри, Меджи, что это такое?“ Я увидѣла какую-то ленточку. Я нюхала ее, но рѣшительно не нашла никакого аромата; наконецъ, потихоньку лизнула: соленое немного“.

Гм! эта собачонка, мнѣ кажется, уже слишкомъ... чтобы ее не съѣли! А, такъ онъ честолюбецъ! Это нужно взять къ свѣдѣнію.

„...Прощай, ша сѣдѣе! Я бѣгу... и прочее... и прочее... Завтра окончу письмо. — Ну, здравствуй! я теперь снова съ тобою. Сегодня барышня моя Софи...“

А! ну, посмотримъ, что Софи. Эхъ! канальство!.. Ничего, ничего... будемъ продолжать.

„...барышня моя Софи была въ чрезвычайной суматохѣ. Она собиралась на балъ, и я очень обрадовалась, что въ отсутствіе ея могу писать къ тебѣ. Моя Софи всегда чрезвычайно рада ѣхать на балъ, хотя при одѣваніи всегда почти сердится. Я не могу понять, отчего люди одѣваются. Почему не ходить такъ, напримѣръ, какъ мы? И хорошо, и покойно. Я никакъ не понимаю, ша сѣдѣе, удовольствія ѣхать на балъ. Софи приважаетъ всегда съ балу домой въ 6 часовъ утра, и я всегда почти угадываю по ея блѣдному и тощему виду, что ей, бѣдняжкѣ, не давали тамъ ѣсть. Я, признаюсь, никогда бы не могла такъ жить. Если бы мнѣ не дали соуса съ рябчикомъ или жаркого куряныхъ крылышекъ, то... я не знаю, что бы со мною было. Хорошъ также соусъ съ кашкою; а морковь, или рѣпа, или артишоки — никогда не будутъ хороши“.

Чрезвычайно неровный слогъ! Тотчасъ видно, что не человѣкъ писалъ: начнеть такъ, какъ слѣдуетъ, а кончить собачиною. Посмотримъ-ка еще въ одно письмецо. Что-то длинновато. Гм! и числа не выставлено.

„Ахъ, милая, какъ ощутительно приближеніе весны! Сердце мое бьется, какъ будто все кого-то ожидаетъ. Въ ушахъ у меня вѣчный шумъ, такъ что я часто, поднявши ножку, стою нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ дверямъ. Я тебѣ откровенно, что у меня много куртизановъ. Я часто, сидя на окнѣ, разсматриваю ихъ. Ахъ, если бы ты знала, какіе между ними есть уроды! Иной преалаповатый дворняга, глушь страшно, на лицѣ написана глупость, преважно идетъ по улицѣ и воображаетъ, что онъ презнатная особа, думаетъ, что такъ на него и заглядятся всѣ. Ничуть! Я даже и вниманія не обратила — такъ, какъ бы и не видала его. А какой страшный дога останавливается передъ моимъ окномъ! Если бы онъ сталъ на заднія лапы, чего, грубиянъ, онъ, вѣрно, не уиѣтъ, то онъ бы былъ цѣлою головою выше папѣ моей Софи, который тоже довольно высокаго роста и толстъ собою. Этотъ болванъ, должно-быть, наглець преужасный! Я поворчала на него, но ему и нуждочки мало! хотя бы поморщился! высунулъ свой языкъ, повѣсилъ огромныя уши и глядитъ въ окно — такой мужикъ! Но неужели ты думаешь, ша сѣдѣе, что сердце мое равнодушно ко всѣмъ исканіямъ? Ахъ, нѣтъ... Если бы ты видѣла одного кавалера, перелѣзающаго черезъ заборъ сосѣдняго дома, именемъ Трезора... Ахъ, ша сѣдѣе, какая у него мордочка!..“

Тѣфу, къ чорту!.. Экая дрянь! И какъ можно наполнять письма этими глупостями! Мнѣ подавайте человѣка! Я хочу видѣть человѣка, я требую духовной пищи, — той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вмѣсто того этикіе пустяки. Перевернемъ черезъ страницу, не будетъ ли лучше?

„...Софи сидѣла за столикомъ и что-то шила. Я глядѣла въ окно, потому что я люблю разсматривать прохожихъ, какъ вдругъ вошелъ лакей и сказалъ: „Тепловъ!“ — „Приси!“ —

закричала Софи и бросилась обнимать меня. „Ахъ, Меджи, Меджи! Если б ты знала, кто это: бринетъ, камеръ-юнкеръ, а глаза какіе черные, какъ агаты!“ И Софи убижала къ себѣ. Минуту спустя, вошелъ молодой камеръ-юнкеръ, съ черными бакенбардами, подошелъ къ зеркалу, поправилъ волоса и осмотрѣлъ комнату. Я поворчала и сѣла на свое мѣсто. Софи скоро вышла и весело поклонилась на его шарканье; а я себѣ такъ, какъ будто не замѣчая ничего, продолжала глядѣть въ окошко; однакожъ, голову наклонила нѣсколько на бокъ и старалась услышать, о чемъ они говорятъ. Ахъ, та сдѣге, о какомъ вздорѣ они говорили! Они говорили о томъ, какъ одна дама въ танцахъ, вмѣсто одной какой-то фигуры, сдѣлала другую; также, что какой-то Вобовъ былъ очень похожъ въ своемъ жабо на анста, и чуть было не упалъ; что какая-то Лидина воображаетъ, что у нея голубые глаза, между тѣмъ какъ они зеленые, — и тому подобное. „Куда жъ, — подумала я сама въ себѣ: — если сравнить камеръ-юнкера съ Трезоромъ! Небо! какая разница! Во-первыхъ, у камеръ-юнкера совершенно гладкое широкое лицо и вокруг бакенбарды, какъ будто бы онъ обвязалъ его чернымъ платкомъ; а у Трезора мордочка тоненькая, и на самоѣмъ лбу бѣлая лысинка. Талию Трезора и сравнить нельзя съ камеръ-юнкерскою. А глаза, приемы, хватки совершенно не тѣ. О, какая разница! Я не знаю, та сдѣге, что она нашла въ своемъ Тепловѣ. Отчего она такъ дѣлаетъ восхищается?..“

Мнѣ самому кажется, здѣсь что-нибудь да не такъ. Не [можетъ быть, чтобы ее могъ такъ обворожить Тепловъ. Посмотримъ далѣе:

„Мнѣ кажется, если этотъ камеръ-юнкеръ нравится, то скоро будетъ нравится и тотъ чиновникъ, который сидитъ у папѣ въ кабинетѣ. Ахъ, та сдѣге, если б ты знала, какой это уродъ! Совершенная черепаха въ мѣшкѣ...“

Какой же бы это чиновникъ?

„Фамилія его прѣстранная. Онъ всегда сидитъ и чинитъ перья. Волоса на головѣ его очень похожи на сѣно. Папѣ иногда посылаетъ его вмѣсто слуги...“

Мнѣ кажется, что эта мерзкая собачонка мѣтитъ на меня. Гдѣ жъ у меня волоса, какъ сѣно?

„Софи никакъ не можетъ удержаться отъ смѣху, когда глядитъ на него“.

Врешь ты, проклятая собачонка! Экій мерзкій языкъ! Какъ будто я не знаю, что это дѣло зависти? Какъ будто я не знаю, чьи здѣсь штуки? Это штуки начальника отдѣленія. Вѣдь поклонился же человекъ непримиримою ненавистью — и вотъ вредитъ да и вредитъ, на каждомъ шагу вредитъ. Посмотримъ, однакоже, еще одно письмо. Тамъ, можетъ-быть, дѣло раскроется само собою.

„Ма сдѣге Фидель, ты извини меня, что такъ давно не писала. Я была въ совершенномъ упоеніи. Подлинно, справедливо сказалъ какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь. Притомъ же у насъ въ домѣ теперь большія перемены. Камеръ-юнкеръ теперь у насъ каждый день. Софи влюблена въ него до безумія. Папѣ очень веселье. Я даже слышала отъ нашего Григорія, который жететь подъ и всегда почти разговариваетъ самъ съ собою, что скоро будетъ свадьба, потому что папѣ хочется непременно видѣть Софи или за генераломъ, или за камеръ-юнкеромъ, или за военнымъ полковникомъ...“

Чортъ возьми! я не могу больше читать... Все или [камеръ-юнкеръ, или генераль. Все, что есть лучшаго на свѣтѣ, все достается или камеръ-юнкерамъ, или генераламъ. Найдешь себѣ бѣдное богатство, думаешь достать его рукою, — срываетъ у тебя камеръ-юнкеръ или генераль. Чортъ поberi! Желалъ бы я самъ сдѣлаться генераломъ, не для того, чтобы получить руку и прочее, — нѣтъ, хотѣлъ бы быть генераломъ для того только, чтобы увидѣть, какъ они будутъ увиваться и дѣлать всѣ эти разныя придворныя штуки и экивоки, и потомъ сказать имъ, что я плюю на васъ обоихъ. Чортъ поberi, досадно! Я изорвалъ въ клочки письма глупой собачонки.

Декабря 3.

Не можетъ быть. Враки! Свадьбѣ не бывать! Что жъ изъ того, что онъ камеръ-юнкеръ? Вѣдь это больше ничего, какъ достоинство: не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять въ руки. Вѣдь черезъ то, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу. Вѣдь у него же носъ не изъ золота сдѣланъ, а такъ же, какъ и у меня, какъ и у всякаго; вѣдь онъ имъ нюхаетъ, а не ѣстъ, чихаетъ, а не кашляетъ. Я нѣсколько разъ уже хотѣлъ добратъся, отчего происходятъ всѣ эти разности. Отчего я титулярный совѣтникъ и съ какой стати я титулярный совѣтникъ? Можетъ-быть, я совсѣмъ не титулярный совѣтникъ? Можетъ-быть, я какой-нибудь графъ или генералъ, а только такъ кажусь титулярнымъ совѣтникомъ? Можетъ-быть, я самъ еще не знаю, кто я таковъ. Вѣдь сколько примѣровъ по исторіи: какой-нибудь простой, не то уже, чтобы дворянинъ, а, просто, какой-нибудь мѣщанинъ или даже крестьянинъ — и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа или баронъ, или какъ его... Когда изъ мужика да иногда выходитъ этакое, что же изъ дворянина можетъ выйти? Вдругъ, напримѣръ, я вхожу къ нашему въ генеральскомъ мундирѣ: у меня и на правомъ плечѣ эполета, и на лѣвомъ плечѣ эполета, черезъ плечо голубая лента — что? какъ тогда запоетъ красавица моя? что скажетъ и самъ папъ, директоръ нашъ? О, это большой честолюбецъ! Это масонъ, непременно масонъ; хотя онъ и прикидывается такимъ и этакимъ, но я тотчасъ замѣтилъ, что онъ масонъ: онъ если даетъ кому руку, то высовываетъ только два пальца. Да развѣ я не могу быть сію же минуту пожалованъ генералъ-губернаторомъ, или интендантомъ, или тамъ другимъ какимъ-нибудь? Мнѣ бы хотѣлось знать, отчего я титулярный совѣтникъ? Почему именно титулярный совѣтникъ?

Декабря 5.

Я сегодня все утро читалъ газеты. Странныя дѣла дѣлаются въ Испаніи. Я даже не могъ хорошенько разобрать ихъ. Пишутъ, что престолъ упраздненъ, и что чины находятся въ затруднительномъ положеніи о избраніи наслѣдника, и оттого происходятъ возмущенія. Мнѣ кажется это чрезвычайно страннымъ. Какъ же можетъ быть престолъ упраздненъ? Говорятъ, какая-то донна должна взойти на престолъ. Не можетъ взойти донна на престолъ, никакъ не можетъ. На престолѣ долженъ быть король. «Да, — говорятъ, — нѣтъ короля». Не можетъ статься, чтобы не было короля. Государство не можетъ быть безъ короля. Король есть, да только онъ, вѣрно, гдѣ-нибудь находится въ неизвѣстности. Онъ, статься можетъ, находится тамъ же, но какія-нибудь или фамиліныя причины, или опасенія со стороны сосѣдственныхъ державъ, какъ-то: Франціи или другихъ земель, заставляютъ его скрываться, или есть какія-нибудь другія причины.

Декабря 8.

Я было уже совсѣмъ хотѣлъ идти въ департаментъ, но разныя причины и размышленія меня удержали. У меня все не могли выйти изъ головы испанскія дѣла. Какъ же можетъ это быть, чтобы донна сдѣлалась королевою? Не позволять этого. И, во-первыхъ, Англія не позволить. Да притомъ и дѣла политическія всей Европы, австрійскій императоръ, нашъ государь... Признаюсь, эти происшествія такъ меня убили и потрясли, что я рѣшительно ничѣмъ не могъ заняться во весь день. Мавра замѣчала мнѣ, что я за

рестомъ былъ чрезвычайно развлечень. И точно, я двѣ тарелки, кажется, въ разбѣянности бросилъ на полъ, которыя тутъ же разбились. Послѣ обѣда ходилъ подъ горы: ничего поучительнаго не могъ извлечь. Большею частію лежалъ на кровати и рассуждалъ о дѣлахъ Испаніи.

Годъ 2000-й, апрѣля 43 числа.

Сегодняшній день есть день величайшаго торжества! Въ Испаніи есть король. Онъ отыскался. Этотъ король — я. Именно только сегодня объ этомъ узналъ я. Признаюсь, меня вдругъ какъ будто молніей освѣтило. Я не понимаю, какъ я могъ думать и воображать себѣ, что я титулярный совѣтникъ. Какъ могла взойти мнѣ въ голову эта сумасбродная, сумасшедшая мысль? Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда въ сумасшедшій домъ. Теперь передо мною все открыто. Теперь я вижу все, какъ на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде все было передо мною въ какомъ-то туманѣ. И это все происходитъ, думаю, оттого, что люди воображаютъ, будто человѣческій мозгъ находится въ головѣ; совсѣмъ нѣтъ: онъ приносится вѣтромъ со стороны Каспійскаго моря. Сначала я объявилъ Маврѣ, кто я. Когда она услышала, что передъ нею испанскій король, то всплеснула руками и чуть не умерла отъ страха: она, глупая, еще никогда не видала испанскаго короля. Я, однакоже, старался ее успокоить, и въ милостивыхъ словахъ старался ее увѣрить въ благосклонности, сказавши, что я вовсе не сержусь за то, что она мнѣ иногда дурно чистила сапоги. Вѣдь это черный народъ: имъ нельзя говорить о высокихъ матеріяхъ. Она испугалась оттого, что находится въ увѣренности, будто всѣ короли въ Испаніи похожи на Филиппа II. Но я растолковалъ ей, что между мною и Филиппомъ нѣтъ никакого почти сходства и что у меня нѣтъ ни одного капуцина. Въ департаментъ не ходилъ. Чортъ съ нимъ! Нѣтъ, пріятели, теперь не заманите меня: я не стану переписывать гадкихъ бумагъ вашихъ!

Мартобря 86 числа, между днемъ и ночью.

Сегодня приходилъ нашъ экзекуторъ съ тѣмъ, чтобы я шелъ въ департаментъ, что уже болѣе трехъ недѣль, какъ я не хожу на должность. Но люди несправедливы: ведутъ счеты по недѣлямъ. Это жиды ввели, потому что равнинъ ихъ въ это время моется. Я, однакоже, для шутки, пошелъ въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія думалъ, что я ему поклонюсь и стану извиняться; но я посмотрѣлъ на него равнодушно, не слишкомъ гнѣвно и не слишкомъ благосклонно, и сѣлъ на свое мѣсто, какъ-будто никого не замѣчая. Я глядѣлъ на всю канцелярскую сволочь и думалъ: «что, если бы вы знали, кто между вами сидитъ?..» Господи Боже, какой бы вы ералашъ подняли! Да и самъ начальникъ отдѣленія началъ бы мнѣ такъ же кланяться въ поясъ, какъ онъ теперь кланяется передъ директоромъ. Передо мною положили какія-то бумаги, чтобы я сдѣлалъ изъ нихъ экстрактъ. Но я и пальцемъ не притронулся. Черезъ нѣсколько минутъ все засуетилось. Сказали, что директоръ идетъ. Многіе чиновники побѣжали наперерывъ, чтобы показать себя передъ нимъ, но я ни съ мѣста. Когда онъ проходилъ черезъ наше отдѣленіе, всѣ застегнули на пуговицы свои фраки; но я совершенно ничего! Чтò за директоръ! Чтобы я всталъ передъ нимъ — никогда! Какой онъ директоръ? Онъ пробка, а не директоръ. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего — вотъ, которою закупориваютъ бутылки! Мнѣ больше

всего было забавно, когда подсунили мнѣ бумагу, чтобы я подписалъ. Они думали, что я напишу на самомъ кончикѣ листа: столначальникъ такой-то — какъ бы не такъ! А я на самомъ главномъ мѣстѣ, гдѣ подписывается директоръ департамента, черкнулъ: «Фердинандъ VIII». Нужно было видѣть, какое благоговѣйное молчаніе воцарилось; но я махнулъ только рукою, сказавъ: «Не нужно никакихъ знаковъ подданничества!» и вышелъ. Оттуда я пошелъ прямо въ директорскую квартиру. Его не было дома. Лакей не хотѣлъ меня впустить, но я ему такое сказалъ, что онъ и руки опустилъ. Я прямо пробрался въ уборную. Она сидѣла передъ зеркаломъ, вскочила и отступила отъ меня. Я, однакоже, не сказалъ ей, что я испанскій король. Я сказалъ только, что счастье ее ожидаетъ такое, какого она и вообразить себѣ не можетъ, и что, несмотря на козни неприятелей, мы будемъ вмѣстѣ. Я больше ничего не хотѣлъ говорить и вышелъ. О, это коварное существо — женщина! Я теперь только постигнулъ, что такое женщина. До сихъ поръ никто еще не узналъ, въ кого она влюблена: я первый открылъ это. Женщина влюблена въ чорта. Да, не шутя. Физики пишутъ глупости, что она то и то, — она любитъ только одного чорта. Вонъ, видите, изъ ложи перваго яруса она наводитъ лорнетъ. Вы думаете, что она глядитъ на этого толстяка со свѣздой? Совѣтъ нѣтъ; она глядитъ на чорта, что у него стоитъ за спиною. Вонъ онъ спрятался къ нему во фракъ. Вонъ онъ киваетъ отсюда ей пальцемъ! И она выйдетъ за него, выйдетъ. А вотъ эти всѣ, чиновные отцы ихъ, вотъ эти всѣ, что юлятъ во всѣ стороны и лѣзутъ ко двору, и говорятъ, что они патріоты, и то, и се: аренды, аренды хотятъ эти патріоты! Мать, отца, Бога продадутъ за деньги, честолюбцы, хриstopродавцы! Все это честолюбіе и честолюбіе оттого, что подъ язычкомъ находится маленькій пузырекъ и въ немъ небольшой червячокъ, величиною съ булавочную головку, и это все дѣлаетъ какой-то цырюльникъ, который живетъ въ Гороховой. Я не помню, какъ его зовутъ; но достоверно извѣстно, что онъ, вмѣстѣ съ одною повивальною бабкою, хочетъ по всему свѣту распространить магометанство, и оттого уже, говорятъ, во Франціи большая часть народа признаетъ вѣру Магомета.

Никотораго числа. День былъ безъ числа.

Ходилъ инкогнито по Невскому проспекту. Проѣзжалъ государь императоръ. Весь городъ снялъ шапки, и я также; однакоже, не подалъ никакого вида, что я испанскій король. Я почелъ неприличнымъ открыться тутъ же при всѣхъ, потому что прежде всего нужно представиться ко двору. Меня останавливало только то, что я до сихъ поръ не имѣю испанскаго національнаго костюма. Хотя бы какую-нибудь достать мантию. Я хотѣлъ было заказать портному, но это совершенные ослы; притомъ же они совѣтъ небрегутъ своею работою, ударились въ аферу и большею частію мостятъ камни на улицѣ. Я рѣшился сдѣлать мантию изъ новаго виць-мундира, который надѣвалъ всего только два раза. Но, чтобы эти мерзавцы не могли испортить, то я самъ рѣшился шить, заперши дверь, чтобы никто не видалъ. Я изрѣзалъ ножницами его весь, потому что покрой долженъ быть совершенно другой.

Числа не помню. Мѣсяца тоже не было. Было, чортъ знаетъ, что такое.

Мантия совершенно готова и сшита. Мавра вскрикнула, когда я надѣлъ ее. Однакоже, я еще не рѣшаюсь представляться ко двору: до сихъ поръ нѣтъ депутаціи изъ Испаніи. Безъ депутатовъ неприлично! никакого не будетъ вѣса моему достоинству. Я ожидаю ихъ съ часа на часъ.

Числа 1.

Удивляетъ меня чрезвычайно медленность депутатовъ. Какія бы причины могли ихъ остановить? Неужели Франція? Да, это самая неблагопріятствующая держава. Ходилъ справляться на почту, не прибыли ли испанскіе депутаты; но почтмейстеръ чрезвычайно глупъ, ничего не знаетъ. «Нѣтъ, — говорить, — здѣсь нѣтъ никакихъ испанскихъ депутатовъ, а письма если угодно написать, то мы примемъ по установленному курсу». Чортъ возьми! Что письмо? Письмо вздоръ. Письма пишутъ аптекари, да и то прежде смочивши укусомъ языка, потому что безъ этого все лицо было бы въ липаяхъ.

Мадридъ. Февруарій тридцатый.

Итакъ, я въ Испаніи, и это случилось такъ скоро, что я едва могъ очнуться. Сегодня поутру явились ко мнѣ депутаты испанскіе, и я вмѣстѣ съ ними сѣлъ въ карету. Мнѣ показалась странною необыкновенная скорость. Мы ѣхали такъ шибко, что черезъ полчаса достигли испанскихъ границъ. Впрочемъ, вѣдь теперь по всей Европѣ чугунныя дороги, и пароходы ѣздятъ чрезвычайно скоро. Странная земля Испанія! Когда мы вошли въ первую комнату, то я увидѣлъ множество людей съ выбритыми головами. Я, однакоже, догадался, что это должны быть или гранды, или солдаты, потому что они бреютъ головы. Мнѣ показалось чрезвычайно страннымъ обхождение государственнаго канцлера, который велъ меня за руку: онъ толкнулъ меня въ небольшую комнату и сказалъ: «Сиди тутъ, и если ты будешь называть себя королемъ Фердинандомъ, то я изъ тебя выбью эту охоту». Но я, зная, что это было больше ничего, кромѣ какъ искушеніе, отвѣчалъ отрицательно, за что канцлеръ ударилъ меня два раза палкою по спинѣ такъ больно, что я чуть было не вскрикнулъ, но удержался, внемливши, что это рыцарскій обычай при вступленіи въ высокое званіе, потому что въ Испаніи еще и донныя ведутся рыцарскіе обычаи. Оставшись одинъ, я рѣшился заняться дѣлами государственными. Я открылъ, что Китай и Испанія совершенно одна и та же земля, и только по невѣжеству считаютъ ихъ за разныя государства. Я совѣтую всѣмъ нарочно написать на бумагѣ Испанія, то и выйдетъ Китай. Но меня, однакоже, чрезвычайно огорчало событіе, имѣющее быть завтра. Завтра въ семь часовъ совершится странное явленіе: земля сядетъ на луну. Объ этомъ и знаменитый англійскій химикъ Велингтонъ пишетъ. Признаюсь, я ощутилъ сердечное безпокойство, когда вообразилъ себѣ необыкновенную нѣжность и непрочность луны. Луна вѣдь обыкновенно дѣлается въ Гамбургѣ, и прескверно дѣлается. Я удивляюсь, какъ не обратитъ на это вниманія Англія. Дѣлалъ ее хромой бочаръ, и видно, что дуракъ никакого понятія не имѣлъ о лунѣ. Онъ положилъ смоляной канаты и часть деревяннаго масла; и оттого по всей землѣ вонь страшная, такъ что нужно загыкать носъ. И оттого самая луна такой нѣжный шаръ, что люди никакъ не могутъ жить, и тамъ теперь живутъ только одни носы. И потому-то самому мы не можемъ видѣть носовъ своихъ, ибо они всѣ находятся въ лунѣ. И когда я вообразилъ, что земля вещество тяжелое и можетъ, насѣвши, размолоть въ муку носы наши, то мною овладѣло такое безпокойство, что я, надѣвши чулки и башмаки, поспѣшилъ въ залу государственнаго совѣта, съ тѣмъ, чтобы дать приказъ полиціи не допустить землѣ сѣсть на луну. Бритые гранды, которыхъ я засталъ въ залѣ государственнаго совѣта великое множество, были народъ очень умный, и когда я сказалъ: «Господа, спасемъ

луну, потому что земля хочет състь на нее!» то всё въ ту же минуту бросились исполнять мое монаршее желаніе, и многіе полѣзли на стѣну съ тѣмъ, чтобы достать луну; но въ это время вошелъ великій канцлеръ. Увидѣвши его, всё разбѣжались. Я, какъ король, остался одинъ. Но канцлеръ, къ удивленію моему, ударилъ меня палкою и прогналъ въ мою комнату. Такую имѣютъ власть въ Испаніи народные обычаи.

Январь того же года, случившійся постъ февруарія.

До сихъ поръ не могу понять, что это за земля Испанія. Народные обычаи и этикетъ двора совершенно необыкновенны. Не понимаю, не понимаю, рѣшительно не понимаю ничего. Сегодня выбрали мнѣ голову, несмотря на то, что я кричалъ изо всей силы о нежеланіи быть монахомъ. Но я уже не могу и вспомнить, что было со мною тогда, когда начали мнѣ на голову капать холодною водою. Такого ада я еще никогда не чувствовалъ. Я готовъ былъ впасть въ бѣшенство, такъ что едва могли меня удержать. Я не понимаю вовсе значенія этого страннаго обычая. Обычай глупый, бессмысленный! Для меня непостижима безразсудность королей, которые до сихъ поръ не уничтожаютъ его. Судя по всёму вѣроятіямъ, догадываюсь, не попался ли я въ руки инквизиціи, и тотъ, котораго я принялъ за канцлера, не есть ли самъ великій инквизиторъ! Только я все не могу понять, какъ же могъ король подвергнуться инквизиціи. Оно, правда, могло со стороны Франціи и особенно Полиньякъ. О, это бестія Полиньякъ! Поклялся вредить мнѣ по смерти! И вотъ гонить да и гонить; но я знаю, пріятель, что тебя водить англичанинъ. Англичанинъ большой политикъ. Онъ вездѣ юлитъ. Это уже извѣстно всему свѣту, что когда Англія нюхаетъ табакъ, то Франція чихаетъ.

Число 25

Сегодня великій инквизиторъ опять пришелъ въ мою комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, спрятался подъ стулъ. Онъ, увидѣвши, что нѣтъ меня, началъ звать. Сначала закричалъ: «Поприминь!» — Я ни слова. Потомъ: «Аксентій Ивановъ! Титулярный совѣтникъ! Дворянинъ!» — Я все молчу. — «Фердинандъ VIII, король испанскій!» — Я хотѣлъ было высунуть голову, но послѣ подумалъ: «Нѣтъ, братъ, не надуешь! Знаемъ мы тебя: опять будешь лить холодную воду мнѣ на голову». Однакоже, онъ увидѣлъ меня и выгналъ палкою изъ-подъ стула. Чрезвычайно больно бьется проклятая палка. Впрочемъ, за все это вознаградило меня нынѣшнее открытіе: я узналъ, что у всякаго пѣтуха есть Испанія, что она у него находится подъ перьями, недалеко воулъ хвоста. Великій инквизиторъ, однакоже, ушелъ отъ меня разгнѣванный и грозя мнѣ какимъ-то наказаніемъ. Но я совершенно пренебрегаю его безсильною злобою, зная, что онъ дѣйствуетъ, какъ машина, какъ орудіе англичанина.

Число Ми, идео. чръвѣф 349.

Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже! что они дѣлаютъ со мною! Они льютъ мнѣ на голову холодную воду! они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что я сдѣлалъ имъ? За что они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня, бѣднаго? Что могу дать я имъ? Я ничего не имѣю. Я не въ силахъ, я не могу вынести всёхъ мукъ ихъ, голова горитъ

моя, и все кружится предо мною. Спасите меня! возьмите меня! Дайте мнѣ тройку быстрыхъ, какъ вихорь, коней! Садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвейтеса, кони, и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего. Вонъ небо клубится предо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несетса съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелетса подъ ногами; струна звенить въ туманѣ; съ одной стороны море, съ другой — Италія; вонъ и русскія избы виднѣются. Домъ ли то мой синѣтъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ мучать они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гонять! — Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!.. А знаете ли, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка?

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

Редакція, напечатанная въ „Миргородъ“ (1835 г.).

· I.

— А поверотись, сынку! пурь тебѣ, какой ты смѣшной! Чтò это на васъ за поповскіе подрясники? И этакъ всѣ ходятъ въ академіи?

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ кievской бурсѣ и пріѣхавшихъ уже на домъ къ отцу.

Сыновья его только-что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе исподлобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень оконфужены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

— Пойдите, пойдите, дѣти, — продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: — какія же длинныя на васъ свитки ¹⁾! Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! такихъ свитокъ еще никогда на свѣтѣ не было! А ну, побѣгите оба: я посмотрю, не попадете ли вы?

— Не смѣйся, не смѣйся, батьку! — сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ.

— Фу, ты какой пышный! а отчего жъ 'бы не смѣяться?

— Да такъ. Хотя ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей-Богу, поколочу!

— Ахъ, ты сякой, такой сынъ! Какъ! батька? — сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько назадъ.

— Да хоть и батька. За обиду — не посмотрю и не уважу никого.

— Какъ же ты хочешь со мною биться? развѣ на кулаки?

— Да ужъ на чемъ бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорилъ Бульба, засучивъ рукава.

И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали преусердно колотить другъ друга.

— Вотъ это сдурѣлъ старый! — говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ. — Ей-Богу, сдурѣлъ! Дѣти пріѣхали домой, больше году не видѣли ихъ, а онъ задумалъ, Богъ знаетъ, чтò: биться на-кулачки!

— Да онъ славно бьется! — говорилъ Бульба, остановившись. — Ей-Богу, хорошо!.. такъ-таки, — продолжалъ онъ, немного оправляясь: — хоть бы и не пробовать. Добрый будетъ козакъ! Ну, здоровъ, сынку, почеломкаемся!

И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться.

— Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ; никому не спускай! А все-таки на тебѣ смѣшное убранство. Чтò это за веревка

¹⁾ „Свиткой называется верхняя одежда у малороссіянъ“.

висить? А ты, бейбась, что стоишь и руки опустил? — говорил онъ, обращаясь къ младшему. — Что жъ ты, собачій сынъ, не колотишь меня!

— Вотъ еще выдумалъ что! — говорила мать, обнимавшая, между тѣмъ, младшаго. — И придетъ же въ голову! Какъ можно, чтобы дитя било родного отца! Притомъ будто до того теперь: дитя малое, проѣхало столько пути, утомилось — (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ) — ему бы теперь нужно опочить и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ биться!

— Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чистое поле да добрый конь, вотъ ваша нѣжба. А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша мать! Это все дрянъ, чѣмъ набиваютъ васъ: и академія, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, — все это *ка зна що*, я плевать на все это! — Бульба присовокупилъ еще одно слово, которое въ печати нѣсколько выразительно, и потому его можно пропустить. — Я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ тамъ ваша школа, вотъ тамъ только наберетесь разуму!

— И только всего одну недѣлю быть имъ дома? — говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худошавая старуха-мать. — И погулять имъ, бѣднымъ, не удастся, и дому родного некогда будетъ узнать имъ, и мгѣ не удастся наглядѣться на нихъ!

— Полно, полно, старъ! Козакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ступай скорѣе да неси намъ все, что ни есть, на столъ. Пампушекъ, маговиковъ, медовиковъ и другихъ пундиковъ не нужно, а прямо такъ и тащи намъ цѣлаго барана на столъ. Да горѣлки, чтобы горѣлки было побольше! Не этой разной, что съ выдумками: съ изюмомъ, родзинками и другими вытребеньками, а чистой горѣлки, настоящей, такой, чтобы шипѣла, какъ бѣсъ!

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, изъ которой пугливо выбѣжали двѣ здоровыя дѣвки въ красныхъ монистахъ, увидѣвши пріѣхавшихъ паничей, которые не любили спускаться никому. Все въ свѣтлицѣ было убрано во вкусъ того времени; а время это касалось XVI вѣка, когда еще только-что начинала рождаться мысль объ униі. Все было чисто вымазано глиною. Вся стѣна была убрана саблями и ружьями. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми матовыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ деревянныхъ церквахъ. На полкахъ, занимавшихъ углы комнаты и сдѣланныхъ угольниками, стояли глиняные кувшины, синія и зеленыя фляжки, серебряные кубки, позолоченныя чарки венеціанской, турецкой и черкесской работы, зашедшіе въ свѣтлицу Бульбы разными путями черезъ третьи и четвертыя руки, что было очень обыкновенно въ эти удалыя времена. Липовыя скамьи вокругъ всей комнаты и огромный столъ посреди ея, печь, разлѣхавшаяся на полкомнаты, какъ толстая русская купчиха, съ какими-то нарисованными пѣтухами на изразцахъ, — всѣ эти предметы были довольно знакомы нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ почти каждый годъ домой на каникулярное время, — приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней, и потому, что не было въ обычаѣ позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинныя чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякій козакъ, носившій оружіе. Бульба, только при выпускѣ ихъ, послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

— Ну, сынки, прежде всего выпьемъ горѣлки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же, Боже, чтобы вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобы бусурменовъ били, и турковъ бы

били, и татарву били бы; когда и ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били! Ну, подставляй свою чарку. Чтò, хороша горѣлка? А какъ по-латыни горѣлка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горѣлка. Какъ бишь того звали, чтò латинскія вирши писалъ? Я грамоты-то не слишкомъ разумью, то и не помню; Гораций, кажется?

«Вишь какой батька! — подумалъ про себя старшій сынъ, Остапъ: — все, собака, знаетъ, а еще и прикидывается».

— Я думаю, архимандрить, — продолжалъ Бульба: — не давалъ вамъ и понюхать горѣлки. А что, сынки, признайтесь, порядочно васъ стегали березовыми да вишневыми по спинѣ и по всему, а можетъ, такъ какъ вы уже слишкомъ разумные, то и плетюгами? Я думаю, кромѣ субботки, драли васъ и по середамъ, и по четвергамъ?

— Нечего, батько, вспоминать, — говорилъ Остапъ съ обыкновеннымъ своимъ флегматическимъ видомъ: — чтò было, то уже прошло.

— Теперь мы можемъ расписать всякаго, — говорилъ Андрій: — саблями да списами. Вотъ пусть только попадется татарва.

— Добре, сынку! ей-Богу, добре! Да когда такъ, то и я съ вами ѣду! ей-Богу, ѣду. Какого дьявола мнѣ здѣсь ожидать? Чтò, я долженъ развѣ смотрѣть за хлѣбомъ да за свинарями? или бабиться съ женою? Чтòбъ она пропала! Чтòбъ я для ней оставался дома? Я козакъ. Я не хочу! Такъ чтò же, что нѣтъ войны? Я такъ поѣду съ вами на Запорожье, погулять. Ей-Богу, ѣду!

И старый Бульба мало-по-малу горячился и, наконецъ, разсердился совсемъ, всталъ изъ-за стола и, пріосанившись, топнулъ ногою.

— Завтра же ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На чтò намъ эта хата? къ чему намъ все это? на чтò эти горшки?

При этомъ Бульба началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка-жена, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но, услышавши о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала такая скорая разлука, и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли только возникнуть въ грубый XV вѣкъ, и притомъ на полукочующемъ востокѣ Европы, во время праваго и неправого понятія о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ-то спорнымъ, нерѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала тогда Украина. Вѣчная необходимость пограничной защиты противъ трехъ разнохарактерныхъ націй — все это придавало какой-то вольный, широкій размѣръ подвигамъ сыновъ ея и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силѣ на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій устроилъ полки въ Малороссіи и облекъ ее въ ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели пороговъ, онъ былъ изъ числа первыхъ полковниковъ; но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за то, что добыча, пріобрѣтенная отъ татаръ соединенными польскими и козацкими войсками, была раздѣлена между ими не поровну и польскія войска получили болѣе преимущества. Онъ, въ собраніи всѣхъ, сложилъ съ себя свое достоинство и сказалъ:

— Когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водить за носъ! А я наберу себѣ собственный полкъ, и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать, какъ утереть губы.

Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ и совершенно покорствовалъ его желанію. Вообще онъ былъ большой охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе, и уже, какъ снѣгъ на голову, являлся на конѣ своемъ. «Ну, дѣти, что и какъ? Кого и за что нужно бить?» обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожъ, прежде всего, онъ строго разбиралъ обстоятельства, и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла ихъ скотъ, или отрѣзывала часть земли, или комиссары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣвались надъ православною вѣрою — въ этихъ случаяхъ непременно нужно было браться за саблю: противъ бусурмановъ же, татаръ и турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе, во славу Божию, христіанства и козачества. Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще не сведенное ни въ какую систему, даже не приведенное въ извѣстность, способствовало существованію многихъ совершенно отдѣльныхъ партизановъ. Жизнь велъ онъ самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить отъ рядового козака, если бы лицо его не сохраняло какой-то повелительности и даже величія, особливо, когда онъ рѣшался защищать что-нибудь.

Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслью о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: — «Вотъ посмотрите, какихъ я гъ вамъ молодцовъ привелъ!» Онъ думалъ о томъ, какъ повезетъ ихъ на Запорожье — эту военную школу тогдашней Украины, — представить своимъ сотоварищамъ и поглядить, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ вначалѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимою заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія; но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему асаулу, котораго называлъ Товкачемъ, потому что тотъ дѣйствительно похожъ былъ на какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ равнодушно шелъ по неприятельскимъ рядамъ, расчищая своею саблей, какъ будто бы мѣсилъ тѣсто, — какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знобу выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ «Чортомъ».

— Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ.

Ночь еще только-что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ

былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запыло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для прїѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приняла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала гребнемъ ихъ молодья, небрежно включенныя кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возростила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ? Хоть бы недѣлку мнѣ поглядѣть на васъ!» говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ ея когда-то прекрасное лицо.

Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое-то странное существо въ этомъ соборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго, страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у ней въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда. Кто знаетъ? можетъ-быть, при первой битвѣ, татаринъ срубилъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица и за каждый кусочекъ которыхъ, за каждую каплю крови она отдала бы все. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, которыя всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочить денька на два отъѣздъ! Можетъ-быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокой бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколь, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ; ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ. Уже кони, зачужа разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась до самаго низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскопился. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора! пора! Напойте коней! А гдѣ старъ — (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою)? — Живѣе, старъ, готовь намъ ѣсть, потому что путь великій лежитъ!

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку,

Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранные. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячею складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ. Къ очкуру прицѣплены были длинныя ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки; козакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и поблѣли: молодые черныя усы теперь какъ-то ярче отгнѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

— Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать! — произнесъ, наконецъ, Бульба. — Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей. Минуту продолжалось общее молчаніе.

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ! — сказалъ Бульба. — Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую¹⁾, чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то — пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ.

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею.

— Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... прищлите хоть вѣсточку о себѣ... — дагѣ она не могла продолжать.

— Ну, пойдемъ, дѣти! — сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣданные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его, и, съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ козака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но, когда выѣхали они за ворота, она, со всею легкостію дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ нихъ съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели.

Молодые козаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однакоже, съ своей стороны, тоже былъ нѣсколько смущенъ, хотя не старался этого показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ-будто ушелъ въ землю, только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика; одиѣ только вершины деревъ, — деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; одинъ только дальній дугъ еще стлался передъ ними, — тотъ дугъ, по которому они могли припомнить всю исторію жизни

¹⁾ „Рыцарскую“.

своей, отъ лѣтъ, когда катались по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую козачку, бояливо летѣвшую черезъ него съ помощью своихъ свѣжихъ, быстрыхъ пожегъ. Вотъ уже одинъ только шесть надъ колодезь, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. — Прощайте, и дѣтство, и игры, и все, и все!

II.

Всѣ три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, его протекшія лѣта, о которыхъ всегда почти плачетъ козакъ, желавшій бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣтитъ на Сѣчѣ изъ своихъ прежнихъ сотоварищей; онъ вычислялъ, какіе уже перемерли, какіе живутъ еще. Слеза тихо круглилась на его зѣницѣ, и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Теперь кстати сказать что-нибудь о сыновьяхъ его. Они были отданы по двѣнадцатому году въ Киевскую академію, потому что всѣ почетные сановники тогдашняго времени считали необходимою дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, хотя это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы послѣ совершенно позабыть его. Они тогда были, какъ всѣ поступавшіе въ бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и тамъ уже они обыкновенно нѣсколько шлифовались и получали что-то общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что въ первый годъ еще бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю, и четыре раза, отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но, безъ сомнѣнія, онъ повторилъ бы и въ пятый, если бы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержатъ его въ монастырскихъ службахъ цѣлыя двадцать лѣтъ, и что онъ не увидитъ Запорожья вовѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ. Любопытно, что это говорилъ тотъ же самый Тарасъ Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣтовалъ, какъ мы уже видѣли, дѣтямъ вовсе не заниматься ею. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ на ряду съ лучшими. Тогдашній родъ ученія страшно расходился съ образомъ жизни. Эти схоластическія, грамматическія, риторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались къ времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни. Ни къ чему не могли привязать они своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе были удалены отъ опыта. Притомъ же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, — все это должно было имъ внушить дѣятельность совершенно внѣ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія потребности, пробуждающіяся въ свѣжемъ, здоровомъ, крѣпкомъ юношѣ, — все это, соединившись, рождало въ нихъ ту предприимчивость, которая послѣ развивалась на Запорожьѣ. Голодная бурса рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, сѣмечки изъ тыква, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго бурсака. Консулъ, долженствовавшій, по обязанности своей, наблюдать надъ подвѣдомственными ему сотоварищами, имѣлъ такіе страшные карманы въ своихъ

шароварахъ, что могъ помѣстить туда всю лавку зазѣвавшейся торговки. Эта бурса составляла совершенно отдѣльный міръ: въ кругъ высшій, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ дворянъ, они не допускались. Самъ воевода Адамъ Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академіи, не вводилъ ихъ въ общество и приказывалъ держать ихъ построже. Впрочемъ, это наставленіе было вовсе излишне, потому что ректоръ и профессоры-монахи не жалѣли лозь и плетей, и часто ликторы, по ихъ приказанію, поролли самихъ консуловъ такъ жестоко, что тѣ нѣсколько недѣль почесывали свои шаровары. Многимъ изъ нихъ это было вовсе ничего и казалось немного чѣмъ крѣпче хорошей водки съ перцемъ; другимъ, наконецъ, сильно надоѣдали такія безпрестанныя припарки, и они бѣжали на Запорожье, если умѣли найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остапъ Бульба, несмотря на то, что началъ съ большимъ стараніемъ учить логику и даже богословіе, но никакъ не избавлялся отъ неумолимыхъ розогъ. Естественно, что все это должно было какъ-то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаковъ. Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ — обобрать чужой садъ или огородъ, но зато онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго бурсака, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ своихъ товарищей. Никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки; по крайней мѣрѣ, никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время. Онъ душевно былъ тронутъ слезами бѣдной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой братъ его, Андрій, имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ-то болѣе развиты. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ болѣе изобрѣтательнѣе, нежели его братъ; чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда, съ помощію изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія, тогда какъ братъ его, Остапъ, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о помилованіи. Онъ также кипѣлъ жаждою подвига, но, вмѣстѣ съ нею, душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за 18 лѣтъ. Женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его. Онъ, слушая философскіе диспуты, видѣлъ ее поминутно, свѣжую, черноокою, нѣжную. Предъ нимъ непрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея свѣжихъ, дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать козаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводителемъ какой-нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева, потопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аристократовъ, въ нынѣшнемъ старомъ Кіевѣ, гдѣ жили малороссійскіе и польскіе дворяне, и дома были выстроены съ нѣкоторою прихотливостію.

Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, наѣхала почти на него колымага какого-то польскаго пана, и сидѣвшій на козлахъ возница, съ престрашными усами, хлыснулъ его довольно исправно бичомъ. Молодой бурсакъ вскипѣлъ: съ безумною смѣлостію схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и остановилъ колымагу. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадымъ, онъ рванули — и Андрій, къ счастью успѣвшій отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицомъ въ грязь. Самый звонкій и гармоническій смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ стоящую у окна брюнетку, прекрасную, какъ не знаю чтѣ, черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась отъ всей души, и смѣхъ придавалъ какую-то сверкающую силу ея ослѣпительной красотѣ. Онъ оторопѣлъ: онъ глядѣлъ на нее, совсѣмъ потерявшись, разбѣнно обтирая съ лица своего грязь, которою еще болѣе замазывался. Кто бы была эта красавица? Онъ хотѣлъ было узнать отъ дворни, которая вучею, въ богатомъ убранствѣ, стояла за воротами, окруживши игравшаго молодого бандуриста; но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу, и не удостоила его отвѣтомъ. Наконецъ, онъ узналъ, что это была дочь пріѣхавшаго на время ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь, съ свойственною однимъ бурсакамъ дерзостію, онъ пролѣзъ черезъ частоколъ въ садъ, взявъ за дерево, раскинувшееся вѣтвями, упиравшимися въ самую крышу дома; съ дерева перелѣзъ на крышу и черезъ трубу камина пробрался прямо въ спальню красавицы, которая въ это время сидѣла передъ свѣчою и вынимала изъ ушей своихъ дорогія серьги. Прекрасная полячка такъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго человѣка, что не могла произнести ни одного слова; но, когда увидѣла, что бурсакъ стоялъ, потупивъ глаза и не смѣя отъ робости поворотить рукою, когда узнала въ немъ того же самага, который хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. Притомъ въ чертахъ Андрія ничего не было страшнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она отъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣтренна, какъ полячка, но глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взглядъ долгій, какъ постоянство. Бурсакъ не могъ поворотить рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ, когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блистательную діадему, повѣсила на губы ему серьги и накинута на него кисейную прозрачную шемизетку съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей, съ развязностію дитяти, которою отличаются вѣтренныя полячки, и которая повергла бѣднаго бурсака въ еще большее смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, раскрывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи.

Раздавшійся у дверей стукъ пробудилъ въ ней испугъ. Она велѣла ему спрятаться подъ кровать, и какъ только безпокойство прошло, она кликнула свою горничную, плѣнную татарку, и дала ей приказаніе осторожно вывести его въ садъ и оттуда отправить черезъ заборъ. Но на этотъ разъ бурсакъ нашъ не такъ счастливо перебрался черезъ заборъ: проспавшійся сторожъ хватилъ его порядочно по ногамъ, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улицѣ, покаместъ быстрыя ноги не спасли его.

Послѣ этого проходить возлѣ дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Онъ увидѣлъ ее еще разъ въ костелѣ. Она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому. Онъ видѣлъ ее вскользь еще одинъ разъ, и послѣ этого воевода ковенскій

скоро уѣхалъ, и, вмѣсто прекрасной, обольстительной брюнетки, выглядывало изъ оконъ какое-то толстое лицо.

Вотъ о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и потупивъ глаза въ гриву коня своего.

А между тѣмъ, степь уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленныя объятія, и высокая трава, обступивши, скрыла ихъ, и только козачьи черныя шапки однѣ мелькали между ея колосьями.

— Э, э, э! чтò же это вы, хлопцы, такъ притихли? — сказалъ, наконецъ, Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости: — какъ будто какіе-нибудь чернецы! Ну, разомъ, разомъ всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птица не угналась за нами!

И козачи, прилегши нѣсколько къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шаповъ нельзя было видѣть; одна только быстрая молнія сжимаемой травы показывала бѣгъ ихъ.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ тепло-творнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, чтò смутно и сонно было на душѣ у козаковъ, вмигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы, жаждныя воли.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь Югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растений. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ, откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячею разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!

Наши путешественники на нѣсколько минутъ только останавливались для обѣда, причемъ ѣхавшій съ ними отрядъ изъ десяти козаковъ слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянные баклажки съ горѣлкою и тыквы, употребляемая вмѣсто сосудовъ. Бѣли только хлѣбъ съ саломъ или коржи; пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, — потому что Тарась Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ, — и продолжали путь до вечера.

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по нимъ, и они становились темнозелеными; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголуба-темному, какъ будто исполинскою князью наляпаны были широкія полосы изъ

розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самыя свѣжія, обольстительныя, какъ морскія волны, вѣтерокъ, едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выпалывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какаго-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухъ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухъ. Поужинавъ, козаки дожились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ настѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, краканье, — все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь устьянно блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красныя платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали, безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревня; все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли вершины отдаленнаго лѣса, тянувшася по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую, чернѣвшую въ дальней травѣ, точку, сказавши:

— Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!

Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что козаковъ было тринадцать человекъ.

— А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина! И не пробуйте; во вѣки вѣговъ не поймаете: у него конь быстрѣе моего Чорта.

Однакожъ, Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою, впадающей въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣдъ свой, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь.

Черезъ три дня послѣ этого они были уже недалеко отъ мѣста, служившаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухъ вдругъ заходило; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полоскою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе и, наконецъ, обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолъ спертый порогами, бралъ, наконецъ, свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ и волны его стались по самой землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Козаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и чрезъ три часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣча, такъ часто пережѣившая свое жилище

Куча народа бранилась на берегу съ перевозчиками. Козаки оправили коней; Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ

рукою по усамъ; молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При въѣздѣ, ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ 25 кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяти своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари подъ ятками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ. Армянинъ развѣсилъ дорогіе платки. Татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи катки съ тѣстомъ. Жидъ, выставивъ впередъ свою голову, точилъ изъ бочки горѣлку. Но первый, кто попался имъ навстрѣчу, это былъ запорожець, спавшій на самой срединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эхъ, какъ важно развернулся! Фу, ты, какая пышная фигура! — говорилъ онъ, остановивши коня.

Въ самомъ дѣлѣ, это была картина довольно смѣлая: запорожець, какъ левъ, растянулся на дорогѣ. Закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полтаршина земли. Шаровары алаго дорогого сукна были запачканы дегтемъ, для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія.

Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе сквозь тѣсную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшихъ это предмѣстье Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчу, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ, они минули предмѣстіе и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ или, по-татарски, войлокомъ. Иные уставлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора или тѣхъ низенькихъ домиковъ, съ навѣсами, на тоненькихъ деревянныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстьѣ. Небольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжихъ запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши:

— Здравствуйте, панове!

— Здравствуйте и вы! — отвѣчали запорожцы. На пространствѣ пяти версты были разбросаны толпы народа. Онѣ всѣ собирались въ небольшія кучи. Такъ вотъ Сѣча! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! Вотъ откуда разливается воля и козачество на всю Украйну!

Путники въѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ запорожець безъ рубашки; онъ держалъ въ рукахъ ее и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ срединѣ которой отплясывалъ молодой запорожець, заломивши чортомъ свою шапку и вскинувши руками. Онъ кричалъ только:

— Живѣе играйте, музыканты! Не жалѣй, Гома, горѣлки православнымъ христіанамъ! — И Гома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрлялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодого запорожца четыре старыхъ выработывали довольно мелко своими ногами, вскидываясь, какъ вихорь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслись въ присядку и били круто и крѣпко своими серебряными подковами тѣсно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ

только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та. Толпа, чѣмъ далѣе, росла: къ танцующимъ приставали другіе, и вся почти площадь покрылась присѣдающими запорожцами. Это имѣло въ себѣ что-то разительно-увлекательное. Нельзя было безъ движенія всей души видѣть, какъ вся толпа отдирала танецъ, самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо мѣръ, и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, носить названіе козачка.

Тарасъ Бульба крикнулъ отъ нетерпѣнія, и досадуя, что конь, на которомъ сидѣлъ онъ, мѣшалъ ему пуститься самому. Иные были чрезвычайно смѣшны своею важностью, съ какою они работали ногами. Черезчуръ дряхлые, прислонившись къ столбу, къ которому обыкновенно на Сѣчѣ привязывали преступниковъ, топали и переминали ногами. Крики и пѣсни, какія только могли придти въ голову человѣку въ разгулѣ веселья, раздавались на свободѣ.

Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія: «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ! Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ? Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здравствуй, Застежка! Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень!» И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣлдовались взаимно, и тутъ понеслись вопросы: «А что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Пидсытогъ?» И слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизигирменомъ, что Пидсытгова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самый Царьградъ.— Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: «Добрые были козаки!»

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчѣ. Остапъ и Андрій мало могли заниматься военною школою, несмотря на то, что отецъ ихъ особенно просилъ опытныхъ и искусныхъ наѣзниковъ быть имъ руководителями. Вообще можно сказать, что на Запорожѣ не было никакого теоретическаго изученія или какихъ-нибудь общихъ правилъ; все юношество воспитывалось и образовывалось въ немъ однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвы, которая оттого была почти непрерывна. Промежутки же между ними козаки почитали скучнымъ занимать изученіемъ какой-нибудь дисциплины. Очень рѣдкіе имѣли примѣрные турниры. Они все время отдавали гульбѣ — признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣча представляла необыкновенное явленіе. Это было какое-то непрерывное пиршество, — балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, особливо, если въ карманахъ звучала возможность, и добытое добро не перешло еще въ руки торговцевъ и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ что-то околдовывающее. Это не было какое-нибудь сборище бражниковъ, напивавшихся съ горя: это было, просто, какое-то бѣшеное разгулье веселости. Всякій, приходившій сюда, позабывалъ и бросалъ все, что дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на свое прошедшее и съ жаромъ фанатика предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни изъ какого другого источника. Разказы, балагуры, которые можно было слышать среди собравшейся толпы, лежавшей на землѣ, такъ были смѣшны и дышали такимъ глубокимъ юморомъ, что нужно было имѣть

только флегматическую наружность запорожца, чтобы не смѣяться ото всей души. Это не былъ какой-нибудь пьяный кабакъ, гдѣ бессмысленно, мрачно, искаженными чертами веселья забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Вся разница была только въ томъ, что, вмѣсто сдѣнія за указкой и пошлыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ на пяти тысячахъ коней; вмѣсто дуга, на которомъ производилась игра въ мячигъ, у нихъ были не охраняемая, безопасныя границы, въ виду которыхъ татаринъ выказывалъ быструю свою голову, и неподвижно, сурово глядѣлъ турокъ, въ зеленой чалмѣ своей. Разница та, что вмѣсто насильственной воли, соединившей ихъ въ школу, они сами собою кинули отцовъ и матерей и бѣжали изъ родительскихъ домовъ своихъ; что здѣсь были тѣ, у которыхъ уже моталась около шеи веревка, и которые вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ, которые, по благородному обычаю, не могли удержать въ карманѣ своемъ копейки; что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ-жидовъ, карманы можно было выворотить, безъ всякаго опасенія что-нибудь уронить. Здѣсь были всѣ бурсаки, которые не вынесли академическихъ лозъ и которые не вынесли изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ этими здѣсь были и тѣ, которые знали, что такое Горацій, Цицеронъ и римская республика. Тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить, что все равно, гдѣ бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человѣку быть безъ битвы. Здѣсь было много офицеровъ изъ польскихъ войскъ. Впрочемъ, изъ какой націи здѣсь не было народа? Эта странная республика была именно потребность того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ во всякое время могли найти здѣсь себѣ работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстье Сѣчи не смѣла показаться ни одна женщина.

Остапу и Андрію показалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчу гибель народа, и хотъ бы кто-нибудь спросилъ ихъ, откуда они, кто они, и какъ ихъ зовутъ. Они приходили сюда, какъ будто бы возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: «Здравствуй! Что, во Христа вѣруешь?» — «Вѣрую», отвѣчалъ приходившій. — «И въ Троицу Святую вѣруешь?» — «Вѣрую». — «И въ церковь ходишь?» — «Хожу». — «А, ну, перекрестись!» — Пришедшій крестился. — «Ну, хорошо, — отвѣчалъ кошевой: — ступай же въ который самъ знаешь курень». Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣча молилась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію жиды, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ, участь этихъ корыстолюбивыхъ торговашей была очень жалка. Они были похожи на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія, потому что, какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Такова была та Сѣча, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей.

Остапъ и Андрій кинулись, со всею пылкостью юношей, въ это разгульное море. Они скоро позабыли и юность, и бурсу, и домъ отцовскій, и

все, что тайно волнуетъ еще свѣжую душу. Они гуляли, братались съ беззаботными бездомовниками и, казалось, не желали никакого измѣненія такой жизни.

Между тѣмъ, Тарасъ Бульба начиналъ думать о томъ, какъ бы скорѣе затѣять какое-нибудь дѣло: онъ не могъ долго оставаться въ недѣятельности.

— Что, кошевой, — сказалъ онъ одинъ разъ, пришедши къ атаману: — можетъ-быть, пора бы погулять запорожцамъ?

— Негдѣ погулять, — отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнувъ въ сторону.

— Какъ негдѣ? Можно пойти въ Турещину или на Татарву.

— Не можно ни въ Турещину, ни въ Татарву, — отвѣчалъ кошевой, взявши опять въ ротъ трубку.

— Какъ не можно?

— Такъ: мы общались султану миръ.

— Да онъ вѣдь бусурмень: и Богъ, и святое писаніе велитъ бить бусурменовъ.

— Не имѣемъ права. Если бъ мы не клялись нашею вѣрою, то, можетъ-быть, какъ-нибудь еще и можно было.

— Какъ же это, кошевой? Какъ же ты говоришь, что права не имѣемъ? Вотъ у меня два сына, молодые люди: имъ нужно приучиться и узнать, что такое война, а ты говоришь, что запорожцамъ не нужно на войну идти.

— Что жъ дѣлать? — отвѣчалъ кошевой съ такимъ же хладнокровіемъ: — нужно подождать.

Но этимъ Бульба не былъ доволенъ. Онъ собралъ кое-какихъ старшинъ и куренныхъ атамановъ и задалъ имъ пирушку на всю ночь. Загулявшись до послѣдняго разгуда, они вмѣстѣ отправились на площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада и стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду. Не нашедши палокъ, хранившихся всегда у довиша, они схватили по полѣну и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ довишъ, высокій человѣкъ, съ однимъ только глазомъ, несмотря на то, страшно заспаннымъ.

— Кто смѣетъ бить въ литавры? — закричалъ онъ.

— Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебѣ велеть! — отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули — и скоро на площадь, какъ шмели, начали собираться черныя кучи запорожцевъ.

За кошевымъ отправились нѣсколько человѣкъ и привели его на площадь.

— Не бойся ничего! — сказали вышедшіе къ нему навстрѣчу старшины. — Говори міру рѣчь, когда хочешь, чтобы не было худого, — говори рѣчь объ томъ, чтобы идти запорожцамъ на войну противъ бусурмановъ.

Кошевой, увидѣвши, что дѣло не на шутку, вышелъ на середину площади, раскланялся на всѣ четыре стороны и произнесъ:

— Панове запорожцы, добрые молодцы! позволить ли господарство ваше рѣчь держать?

— Говори, говори! — зашумѣли запорожцы.

— Вотъ въ разсужденіи того теперь идетъ рѣчь, панове добродійство, — да вы, можетъ-быть, и сами лучше это знаете, — что многіе запорожцы позадолжались въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры неиметь. Притомъ же, въ разсужденіи того, есть очень много такихъ хлопцевъ, которые еще и въ глаза не видали, что такое война, тогда какъ молодому человѣку, и сами знаете, панове, безъ войны не можно пробыть. Какой и запорожець изъ него, если онъ еще ни разу не билъ бусурмана?

— Вишь, онъ хорошо говорить, — сказалъ писарь, толкнувъ локтемъ Бульбу. Бульба кивнулъ головою.

— Не думайте, панове, чтобы я, впрочемъ, говорилъ это для того, чтобы нарушить миръ. Сохрани Богъ! Я только такъ это говорю. Притомъ же у насъ храмъ Божій — грѣхъ и сказать, что такое. Вотъ сколько лѣтъ уже, какъ, по милости Божіей, стоитъ Сѣча, а до сихъ поръ, не то уже, чтобы наружность церкви, но даже внутренне образа безъ всякаго убранства. Хотя бы серебряную рясу кто догадался имъ выковать. Они только то и получили, что отказали въ духовной ине козаки. Да и даяніе ихъ было бѣдное, потому что они почти все еще пропили при жизни своей. Такъ я все веду рѣчь эту не къ тому, чтобы начать войну съ бусурманами, ибо мы общали султану миръ, и намъ бы великій былъ грѣхъ, потому что мы клялись по закону нашему.

— Вишь, проклятый! что это онъ путаетъ такое? — сказалъ Бульба писарю.

— Да, такъ видите, панове, что войны не можно начать: честь лыцарская не велить. А по своему бѣдному разуму вотъ что я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ; пусть немного пошарпаютъ берега Анатолиі. Какъ думаете, панове?

— Веди, веди всѣхъ! — закричала со всѣхъ сторонъ толпа: — за вѣру мы готовы положить головы!

Кошевой испугался. Онъ нимало не желалъ тревожить всего Запорожья. Притомъ ему все казалось неправымъ дѣломъ разорвать миръ.

— Позвольте, панове, рѣчь держать!

— Довольно! — кричали запорожцы: — лучшаго не скажешь.

— Когда такъ, то пусть по-вашему, только для насъ будетъ еще бѣдшее раздолье. Вамъ извѣстно, панове, что султанъ не оставитъ безнаказанно то удовольствіе, которымъ потѣшатся молодцы. А мы, вотъ видите, будемъ наготовѣ, и силы у насъ будутъ свѣжія. Притомъ же и татарва можетъ напасть во время нашей отлучки. Да, если сказать правду, то у насъ и челновъ нѣтъ въ запасъ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я, пожалуй, я радъ, я слуга вашей воли.

Хитрый атаманъ замолчалъ. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совѣщаются, и рѣшили на томъ, чтобы отправить нѣсколько молодыхъ людей, подъ руководствомъ опытныхъ и старыхъ.

Такимъ образомъ, всѣ были увѣрены, что они совершенно по справедливости предпринимаютъ свое предпріятіе. Такое понятіе о правѣ весьма было извинительно народу, занимавшему опасныя границы среди буйныхъ сосѣдей. И странно, если бы они поступили иначе. Татары разъ десять перерывали свое шаткое перемиріе и служили обольстительнымъ примѣромъ. Притомъ, какъ можно было такимъ гульбывымъ рыцарямъ и въ такой гульбывый вѣкъ пробыть нѣсколько недѣль безъ войны?

Молодежь бросилась къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Нѣсколько плотниковъ явились вмѣстѣ съ топорами въ рукахъ.

Старые, загорѣлые, широкочленистые запорожцы, съ простѣю въ усахъ, засучивъ шаровары, стояли по колѣни въ водѣ и стягивали ихъ съ берега крѣпкимъ канатомъ. Нѣсколько человѣкъ было отправлено въ скарбницу на противоположный утесистый берегъ Днѣпра, гдѣ въ неприступномъ тайникѣ они скрывали часть пріобрѣтенныхъ орудій и добычу. Бывалые поучали другихъ съ какимъ-то наслажденіемъ, сохраняя при всемъ томъ степенный суровый видъ. Весь берегъ получилъ движущійся видъ, и хлопотливость овладѣла дотолѣ безпечнымъ народомъ.

Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ гуча людей еще издали махала руками. Гуча состояла изъ козакъ въ оборванныхъ свиткахъ. Беспорядочный костюмъ (у нихъ ничего не было, кромѣ рубашки и трубки) показывалъ, что они были слишкомъ угнетены бѣдою, или уже черезчуръ гуляли и прогуляли все, что ни было на тѣлѣ. Между ними отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый, лѣтъ пятидесяти человѣкъ. Онъ кричалъ сильнѣе другихъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ.

— Богъ въ помощь вамъ, панове запорожцы!

— Здравствуйте! — отвѣчали работавшіе въ лодкахъ, приостановивъ свое занятіе.

— Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать!

— Говори!

И толпа устѣла и обступила весь берегъ.

— Слышали ли вы, что дѣлается на гетманщинѣ?

— А что? — произнесъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

— Такія дѣла дѣлаются, что и рассказывать нечего.

— Какія же дѣла?

— Что и говорить! И родились, и крестились, еще не видали такого, — отвѣчалъ приземистый козакъ, поглядывая съ гордостью владѣющаго важной тайной.

— Ну, ну, рассказывай, что такое! — кричала въ одинъ голосъ толпа.

— А развѣ вы, панове, до сихъ поръ не слышали?

— Нѣтъ, не слышали.

— Какъ же это? Что жъ, вы развѣ за горами живете, или татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши ваши?

— Рассказывай! Полно толковать! — сказали нѣсколько старшинъ, стоявшихъ впереди.

— Такъ вы не слышали ничего про то, что жида уже взяли церкви святыя, какъ шинки, на аренды?

— Нѣтъ.

— Такъ вы не слышали и про то, что уже христіанину и пасхи не можно ѣсть, покамѣстъ разсобоцѣй жидъ не положитъ значка нечистою своею рукою?

— Ничего не слышали! — кричала толпа, подвигаясь ближе.

— И что ксендзы ѣдятъ изъ села въ село въ таратайкахъ, въ которыхъ запряжены — пусть бы еще кони, это бы еще ничего, а то, просто, православные христіане. Такъ вы, можетъ-быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочетъ, чтобъ мы кинули и вѣру нашу христіанскую? Вы, можетъ-быть, не слышали и объ томъ, что уже изъ поповскихъ ризъ жидовки шьютъ себѣ юбки?..

— Стой, стой! — прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, углубивши глаза въ землю, какъ и всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не

отдавались первому порыву, но молчали и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли въ себѣ всю желѣзную силу негодованія.

— Стой, и я скажу слово. А что жъ вы, — врагъ бы поколотилъ вашего батька, — что жъ вы? развѣ у васъ сабель не было, что ли? Какъ же вы пустили такому беззаконію?

— Э, какъ пустили такому беззаконію! — отвѣчалъ приземистый козакъ.

— А попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ ляховъ, да еще къ тому и часть гетманцевъ приняла ихъ вѣру.

— А гетманъ вашъ, а полковники что дѣлали?

— Э, гетманъ и полковники! А знаете, гдѣ теперь гетманъ и полковники?

— Гдѣ?

— Полковниковъ головы и руки развозятъ по ярмаркамъ, а гетманъ, зажаренный въ мѣдномъ бычкѣ, и до сихъ поръ лежитъ еще въ Варшавѣ.

Содроганіе пробѣжало по всей толпѣ; молчаніе, какое обыкновенно предшествуетъ бурѣ, остановилось на устахъ всѣхъ, и, мигъ послѣ того, чувства, подавляемыя дотолѣ въ душѣ силою джюгаго характера, брызнули цѣлымъ потокомъ рѣчей.

— Какъ, чтобы нашу Христову вѣру гнала проклятая жидова! чтобы такое дѣлать съ православными христіанами! чтобы такъ замучить нашихъ! да еще кого? полковниковъ и самого гетмана! Да чтобы мы стерпѣли все это? Нѣтъ, этого не будетъ!

Такія слова перелетали во всѣхъ концахъ обширной толпы народа.

Зашумѣли запорожцы и разомъ почувствовали свои силы. Это не было похоже на волненіе народа легкомысленнаго. Тутъ волновались все характеры тяжелые, крѣпкіе. Они раскалялись медленно, упорно, но зато раскалялись, чтобы уже долго не остыть.

— Какъ, чтобы иудовство надъ нами пановало! А ну, паны братья, перевѣшаемъ всю жидову! Чтобы и духу ея не было! — произнесъ кто-то изъ толпы. Эти слова пролетѣли молніей, и толпа ринулась на предметъ, съ сильнымъ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ.

Бѣдные сыны Израйля, растерявши все присутствіе своего и безъ того мелкаго духа, прятались въ пустыхъ горѣлочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже запалывали подъ юбки своихъ жидовоѣ, но неумолимые, беспощадные мстители вездѣ ихъ находили.

— Ясневельможные паны! — кричалъ одинъ высокій и тощій жидъ, высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхомъ: — ясневельможные паны! мы такое объявимъ вамъ, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!

— Ну, пусть скажутъ! — сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

— Ясные паны! — произнесъ жидъ. — Такихъ пановъ еще никогда не видывано, ей-Богу, еще никогда! Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ не было еще на свѣтѣ... — Голосъ его умиралъ и дрожалъ отъ страха. — Какъ можно, чтобы мы думали про запорожцевъ что-нибудь нехорошее. Тѣ совѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украинѣ! Ей-Богу, не наши! То совѣмъ не жида: то чортъ знаетъ что; то такое, что только поплевать на него, да и бросить. Вотъ и они скажутъ то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?

— Ей-Богу, правда! — отвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуль въ изодранныхъ яломкахъ, оба бѣлые, какъ глина.

— Мы никогда еще, — продолжалъ высокій жидъ: — не соглашались съ непріятелями. А католиковъ мы и знать не хотимъ: пусть имъ чортъ приснится! Мы съ запорожцами — какъ братья родные...

— Какъ? чтобъ запорожцы были съ вами братья? — произнесъ одинъ изъ толпы.

— Не дождетесь, проклятые жида! Въ Днѣпръ ихъ, панове, всѣхъ потопить поганцевъ!

Эти слова были сигналомъ: жидовъ расхватили по рукамъ и начали швырять въ волны. Жалкій крикъ раздавался со всѣхъ сторонъ; но суровые запорожцы только смѣялись, видя, какъ жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ. Бѣдный высокій ораторъ, накликавшій самъ на свою шею бѣду, схватилъ за ноги Бульбу и жалкимъ голосомъ молилъ:

— Великій господи, ясновельможный панъ! я зналъ и брата вашего, покойнаго Дороша. Какой былъ славный воинъ! Я ему восемьсотъ цехиновъ далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у турковъ.

— Ты зналъ брата? — спросилъ Тарась.

— Ей-Богу, зналъ! Великодушный былъ панъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Янкель.

— Хорошо, я тебя проведу.

Сказавши это, Тарась повелъ его къ своему обозу, возлѣ котораго стояли козаки его.

— Ну, полѣзай подъ телѣгу, лежи тамъ и не пошевелись, а вы, братцы, не выпускайте жида.

Сказавши это, онъ отправился на площадь, потому что раздавшійся бой литавровъ возвѣстилъ собраніе рады. Несмотря на свою печаль и сокрушеніе о случившихся на Украинѣ несчастіяхъ, онъ былъ нѣсколько доволенъ представлявшимся широкимъ раздольемъ для подвиговъ, и притомъ для подвиговъ такихъ, которые представляли ему мученичeskій вѣнецъ по смерти.

Вся Сѣча, все, что было на Запорожьи, собралось на площадь. Старшины, куренные атаманы, по короткомъ совѣщаніи, рѣшили на томъ, чтобы идти съ войскомъ прямо на Польшу, такъ какъ оттуда произошло все зло, — желая внести опустошеніе въ землю непріятельскую и предвидя себѣ при этомъ добычу.

И вся Сѣча вдругъ преобразилась. Вездѣ были только слышны пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье саблей, скрипъ телѣгъ; все подпоясывалось, облачалось. Шинки были заперты; ни одного человѣка не было пьянаго. Необыкновенная дѣятельность смѣнила вдругъ необыкновенную безпечность. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтренныхъ желаній вольнаго народа; это былъ неограниченный повелитель; это былъ почти деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гульливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опутивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда онъ раздавалъ повелѣнія тихо, съ разстановкою, какъ глубоко знающій свое дѣло и уже не въ первый разъ приводившій его въ исполненіе. Въ деревянной небольшой церкви служилъ священникъ молебень, окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ цѣловали крестъ.

Когда все запорожское войско вышло изъ Сѣчи, головы всѣхъ обратились назадъ. «Прощай, наша мать! — сказали почти всѣ въ одно слово. — Пусть же тебя хранить Богъ отъ всякаго несчастія!»

Проходя предмѣстіе, Тарась Бульба увидѣлъ съ изумленіемъ, что жидокъ его уже раскинулъ свою лавочку и продавалъ какіе-то времешки и всякую дрянь.

— Дурень, что ты здесь сидишь? — сказал онъ ему: — развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили какъ воробья?

— Молчите, — отвѣчалъ жидъ: — я пойду за вами и войскомъ и буду продавать провiантъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще никогда никто не продавалъ. Ей-Богу, такъ! Вотъ увидите.

Бульба пожалъ плечами и отвѣхалъ къ своему отряду.

IV.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха; вездѣ только и слышно было про запорожцевъ. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы съ лица земли. Арендаторы-жиды были вѣшаны кучами, вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ. Запорожцы, какъ бы пируя, протекали путь свой, оставляя за собою пустыя пространства. Нигдѣ не смѣлъ остановить ихъ отрядъ польскихъ войскъ: они были разсѣваемы при первой схваткѣ. Ничто не могло противиться азиатской атакѣ ихъ. Прелать, находившійся тогда въ Радзивилловскомъ монастырѣ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ съ представленіемъ, что между запорожцами и правительствомъ существуетъ согласіе, и что они явно нарушаютъ свою обязанность къ королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя права. «Скажи епископу отъ лица всѣхъ запорожцевъ, — сказалъ кошевой: — чтобы онъ ничего не боялся: это козакъ еще только люльки раскуриваютъ». И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, солдатъ, жидовъ наводнили многолюдные города и деревни, почти оставленные на произволъ непріятеля.

Одинъ только городъ Дубно не сдавался. Этимъ были раздражены всѣ чины, въ числѣ которыхъ занималъ не послѣднее мѣсто Тарасъ Бульба. Они положили взять его голодомъ. Толпы вольныхъ набѣдниковъ облегли со всѣхъ сторонъ его стѣны, расположились вмѣстѣ съ своими обозами, которые всегда почти за ними слѣдовали. Жители съ небольшимъ числомъ войскъ рѣшились вытерпѣть возможную степень бѣдствія и не сдаваться ни въ какомъ случаѣ. Запорожцы удвоили наблюденіе, чтобы никакое вспомошествованіе не могло прійти въ городъ, играли въ четъ и нечетъ, курили люльки и съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотрѣли на городскія стѣны. Прошло двѣ недѣли и, несмотря на то, что они свои вольные набѣги гораздо болѣе предпочитали осадамъ городовъ, однакожъ, ничто не могло преодолѣть ихъ терпѣнія. — Молодые, попробовавшіе битвъ и опасностей, сгорали нетерпѣніемъ, и въ числѣ ихъ были наши герои, Остапъ и Андрій, вдругъ пріобрѣвшіе опытность въ военномъ дѣлѣ, пылкіе, исполненные отваги, желавшіе новыхъ встрѣчъ, жадные узнать новыя эволюціи и варіаціи войны и показать свое умѣніе играть опасностями. Остапъ, казалось, только на то и созданъ былъ, чтобы гулять въ вѣчномъ пирѣ войны. Онъ теперь уже казался чѣмъ-то атлетическимъ, колоссальнымъ. Его движенія пріобрѣли крѣпкую увѣренность, и всѣ качества его, прежде незамѣтныя, получили размѣръ шире и казались качествами мощнаго льва. Андрій также погрузился весь въ очаровательную музыку мечей и пуль, потому что нигдѣ воля, забвеніе, смерть, наслажденіе не соединяются въ такой обольстительной, страшной прелести, какъ въ битвѣ.

Этотъ долгій роздыхъ, который они имѣли подъ стѣнами города, имъ не нравился. Андрій сидѣлъ долго возлѣ обоза своего, тогда какъ уже всѣ

запорожцы спали, кромѣ нѣкоторыхъ, стоявшихъ на сторожѣ. Ночь, июньская прекрасная ночь, съ безчисленными звѣздами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представляла величественное зрѣлище: со всѣхъ сторонъ, вблизи и вдали, были видны зарева горѣвшихъ деревень. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ мѣстѣ оно, встрѣтивъ что-то горючее, вдругъ вырвавшись вихремъ, свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды, и оторванные хлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Въ одномъ мѣстѣ обгорѣлый черный монастырь, какъ суровый картезианскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе. Въ другомъ мѣстѣ горѣло новое зданіе, потопленное въ садахъ. Деревья шипѣли и покрывались дымомъ: иногда сквозь нихъ просвѣчивалась лава огня, и гроздія грушъ, обвѣсившихъ вѣтви, принимали цвѣтъ червоннаго золота; даже видны были издали сливы, получившія фосфорическій, лилово-огненный цвѣтъ; и среди этого всего иногда чернѣло вистѣвшее на стѣнѣ зданія тѣло бѣднаго жиды или монаха, погибавшее вмѣстѣ съ строеніемъ въ огнѣ. Надъ нимъ вились вдали птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крапинокъ, въ видѣ едва замѣтныхъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Среди тишины одни только спутанные кони производили шумъ, и звонкое ихъ ржаніе отдавалось съ раскатами, нѣсколько разъ повторявшимися дребезжащимъ эхомъ.

Онъ глядѣлъ безмолвно на эту страшную и чудную картину и вдругъ почувствовалъ какъ будто присутствіе чего-то; ему казалось, какъ будто возлѣ него кто-то стоялъ. Онъ оглянулся и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ стоящую подлѣ себя женщину. Смуглыя черты лица ея и азіатская физиогномія показались ему какъ-то знакомыми. Онъ сталъ глядѣть пристальнѣе: такъ, это была татарка! та самая татарка, которая служила горничною при дочери ковенскаго воеводы. Онъ встрепенулся. Сердце сильнымъ ударомъ стукнуло въ его мощную грудь, и все минувшее, что было во глубинѣ ея, что было закрыто, заглушено, подавлено настоящимъ вольнымъ бытомъ, — все это всплыло разомъ на поверхность, потопивши въ свою очередь настоящее; вся гордая сила, сила юности, зажглась вдругъ самымъ томительнымъ приливомъ безпокойства нестерпимаго и страднаго. Вопросы потокомъ излились изъ его груди:

— Откуда? какъ? гдѣ твоя панна? какъ ты явилась здѣсь? что это значить? Говори, не мучь меня!

— Тихе, ради Бога, тихе! — говорила татарка, и закуталась въ козацкій кобенякъ, который было сбросила съ себя. — Панна узнала васъ между запорожцами. Она въ городѣ.

— Милосердый Іисусъ! она здѣсь? Что ты говоришь? Она въ городѣ? Татарка кивнула утвердительно головою.

— Что жъ она? говори, говори! Что жъ ты молчишь?

— Она другой день уже ничего не ѣла.

— Какъ!

— Ни у одного изъ жителей въ городѣ нѣтъ ни куска хлѣба. Всѣ давно уже ѣдятъ одну землю.

— Спаситель Іисусъ! И вы до сихъ поръ не сдѣлали ни одной вылазки?

— Нельзя: запорожцы кругомъ облегли стѣны. Одинъ только потаенный ходъ и есть; но на томъ самомъ мѣстѣ стоятъ ваши обозы, и если только узнаютъ этотъ ходъ, то городъ уже вашъ. Панна приказала мнѣ все обьявить вамъ, потому что вы не захотите измѣнить ей.

— Боже, измѣнить ей! И я ее увижу! О!.. когда бы мнѣ не умереть только до того часа! — Вся грудь его была пронята самымъ пронзительнымъ остриемъ радости. Онъ со всѣмъ пыломъ поспѣшности бросился по угламъ шатра своего, началъ вытаскивать все, что только могъ найти съѣстного, и скоро два небольшіе мѣшка были нагружены пшеномъ и сухарями. Онъ далъ ихъ въ руки татаркѣ, закуталъ ее плащомъ и приказалъ сказать паннѣ, что онъ скоро будетъ самъ. Онъ велѣлъ татаркѣ, отнесши припасы, ожидать его прихода. Онъ теперь думалъ только, какъ бы безопаснѣе провести ее до мѣста, гдѣ былъ скрытъ подземный ходъ. Этотъ ходъ былъ подъ самымъ возомъ, наполненнымъ военными снарядами. Къ счастью его, запорожцы, по обыкновенной своей безпечности, всѣ спали мертвецки. Тихо шель онъ съ нею рука объ руку и, желая обойти спящихъ, толкнулъ ее нечаянно локтемъ: кобелякъ слетѣлъ, и зарево яркимъ блескомъ освѣтило ея бѣлое платье... Спаситель, она открыта! Все пропало!.. Онъ со страхомъ и мертвою, убитою душою повелъ глазами вокругъ. Боже, какое счастье! даже зоркій сторожъ, стоявшій на самомъ опасномъ постѣ, спалъ, склонившись на ружье. Татарка, закутавшись крѣпче въ кобелякъ, ползла подъ телѣгу; небольшой четверугольникъ дерну приподнялся — и она ушла въ землю.

Торопливо онъ воротился къ своему мѣсту, желая обсмотрѣть хорошенько, всѣ ли спятъ и все ли спокойно.

— Андрій! — сказалъ въ это время, поднявши голову, старый Бульба: — какая это къ тебѣ татарка приходила?

Если бы кто-нибудь въ то время посмотрѣлъ на Андрія, то бы почелъ его за мертвеца, вставшаго изъ могилы.

— Эй, смотри, сынъ! ей-Богу, отдѣлаю тебя батогомъ такъ, что до преставленія свѣта будетъ болѣть спина! Бабы не доведутъ тебя до добра.

Сказавши это, Бульба или былъ утружденъ заботами, или занятъ какимъ-нибудь важнымъ планомъ, вовсе не полагая, чтобы эта татарка была изъ города, а признавъ ее за какую-нибудь бѣглянку изъ села, съ которою сынъ его свелъ интригу, — какъ бы то ни было, только онъ повернулся на другую сторону и заснулъ.

Андрій отдохнулъ. Съ трепещущимъ сердцемъ бросился онъ къ обозамъ, обшарилъ, гдѣ только было съѣстное, нагрузилъ мѣшки и неизмѣримыя шаровары свои, и, во все продолженіе этого, сердце его млѣло, духъ занимался и, казалось, улеталъ при одной мысли о той радости, которая ждала его впереди. Еще разъ обсмотрѣлся онъ вокругъ, не чувствуя ни сердца, ни земли, ни себя, ни міра, и поползъ подъ телѣгу. Небольшое отверстіе вдругъ открылось передъ нимъ и снова за нимъ захлопнулось.

Онъ вдругъ очутился въ совершенной темнотѣ. Онъ чувствовалъ подъ ногами своими ступени, идущія внизъ: кто-то схватилъ его за руку. Они шли долго; наконецъ, ступени прекратились, подъ нимъ была гладкая земля. Свѣтъ фонаря блеснулъ въ подземномъ мракѣ.

— Теперь идите прямо, — говорилъ ему голосъ: это была татарка.

Коридоръ шель подъ городской стѣною и оканчивался такою же лѣстницею вверхъ. Наконецъ, онъ очутился среди города, когда уже занялась заря, и перепархивалъ утренній вѣтеръ. Ни одна труба не дымилась. Мертвый видъ города прерывался слабыми болѣзненными стенами, которые не могли не поразить его. На стражѣ стояли часовые, блѣдные, какъ смерть; это были больше привидѣнія, нежели люди. Среди самой дороги попался имъ самый ужасный, поразительный предметъ: это была женщина, страшная жертва голода, лежавшая при послѣднемъ издыханіи, стиснувшая зубами изсохшую

свою руку. Содрогнувшись, спѣшилъ онъ вслѣдъ за татаркою; онъ летѣлъ всѣми чувствами видѣть ту, за счастье которой онъ готовъ былъ отдать всю жизнь. Онъ взбѣжалъ на крыльцо; онъ взошелъ въ комнату. Вездѣ была тишина: все или спало, утомленное страданіемъ, или безмолвно мучилось. Онъ вступилъ на порогъ спальни. О, какъ замерло его сердце! Какъ замлъ онъ весь, когда оно ему сказало, что черезъ секунду, чрезъ молнію мига, онъ ее увидитъ!

И онъ ее увидѣлъ, увидѣлъ ту, которая когда-то была беззаботна, весела, вѣтрена, шаловлива, которая когда-то надѣвала на него серьги и убирала его своими прекрасными, легкими, какъ крылья мотыльковъ, убранными. Онъ опять увидѣлъ ее. Она сидѣла на диванѣ, подвернувши подъ себя обворожительную, стройную ножку. Она была томна; она была блѣдна, но блѣзна ея была провозительна, какъ сверкающая одежда серафима. Гебенковыя брови, тонкія, прекрасныя, придавали что-то стремительное ея лицу, обдающему священнымъ трепетомъ сладкой боязни въ первый разъ взглянушаго на нее. Рѣсницы ея, длинныя, какъ мечтанія, были опущены и темными тонкими иглами виднѣлись рѣзко на ея небесномъ лицѣ. Чтѣ это было за созданіе! И это созданіе, которое, казалось, для чуда было рождено среди міра, къ ногамъ котораго повергнуть весь міръ, всѣ сокровища казалось малою жертвою, это небесное созданіе терпѣло голодъ, и все, чтѣ есть горькаго для жителей земли. Заплѣсневѣлая корка хлѣба, лежавшая на золотомъ блюдѣ, какъ драгоценность, показывала, что еще недавно здѣсь было чувствуемо все свирѣпство голода. Услышавши шумъ, она приподняла свою голову и обратила къ нему взглядъ долгій, сокрушительный. Онъ опять, казалось, исчезнулъ и потерялся. Лицо ея съ перваго раза ему показалось какъ будто другимъ: въ немъ были прежнія черты, но въ немъ же заключалась бездна новыхъ, прекрасныхъ, какъ небеса. Этотъ признакъ безмолвнаго страданія, этотъ болѣзненный видъ... о, какъ она была лучше прежняго! Онъ бросился къ ногамъ ея, принявъ и глядѣлъ въ ея могучія очи. Улыбка какой-то радости сверкнула на ея устахъ, и въ то же время слеза, какъ брилліантъ, повисла на ея рѣсницѣ.

— Царица! — сказалъ онъ: — чтѣ для тебя сдѣлать? чего ты хочешь?

Она смотрѣла на него пристально и положила на плечо его свою чудесную руку. Съ пожирающимъ пламенемъ страсти покрывъ онъ ее поцѣлуями.

— Нѣтъ, я не пойду отъ тебя! Я умру возлѣ тебя! Пусть же у ногъ твоихъ, пожираемый голодомъ, я умру, какъ и ты, моя панна! И за смерть, за сладкую смерть у твоихъ ногъ, ничего не хочу!

— А твои товарищи, а твой отецъ? Ты долженъ идти къ нимъ, — говорила она тихо. Уста ея еще долго шевелились безъ словъ, и глаза ея, полные слезъ, не сводились съ него.

— Чтѣ ты говоришь! — произнесъ Андрій со всею силою и вѣрностью воли. — Чтѣ бы тогда за любовь моя была, когда бы я бросилъ для тебя только то, чтѣ легко бросить! Нѣтъ, моя панна! нѣтъ, моя прекрасная! Я не такъ люблю: отца, брата, мать, отчизну, — все, чтѣ ни есть на землѣ, все отдаю за тебя, все! Прощай! Я теперь вашъ! я твой! Чего еще хочешь?

Она склонилась къ нему головою. Онъ почувствовалъ, какъ электрически-пламенная щека ея коснулась его щеки, и лобзаніе, — у, какое лобзаніе! — слило уста ихъ, прикипѣвшія другъ къ другу.

V.

— Пане! — сказалъ жидъ Янкель, высунувъ свой яломокъ въ шатеръ, гдѣ сидѣлъ Бульба. Это былъ тотъ самый Янкель, котораго онъ избавилъ отъ смерти, и который теперь маркитантствовалъ и шпионничалъ при запорожскомъ войскѣ. — Пане, знаете ли, что дѣлается?

— А что?

— Идетъ пятнадцать тысячъ войска польскаго и пушки везуть.

— Били двадцатерыхъ, побьемъ и пятнадцать! — отвѣчалъ Бульба.

— А знаете ли, еще что дѣлается?

— А что?

— Вашъ сынъ Андрій, ой, вей миръ, что это за славный рыцарь!..

— Ну?

— Онъ теперь держитъ сторону Польши.

— Какъ? — подхватилъ Бульба, вскочивши: — чтобы дитя мое... чтобы мой сынъ... Да я тебя убью, проклятый жидъ! Врешь ты, чортово племя!

— Ай, ай, какъ можно, чтобы я вралъ! Пусть отцу моему не будетъ счастья на томъ свѣтѣ, если я вру!

— Какъ! чтобы сынъ Тараса Бульбы да посягнулъ на такое дѣло!

Далибугъ, ей же Богу, такъ!

— Чтобы онъ продалъ Христову вѣру и отчизну!

— Далибугъ, такъ. Я его видѣлъ самъ собственными глазами. Фай, какой важный рыцарь! Сто восемьдесятъ червонныхъ стѣять однѣ латы... богатые латы: всѣ въ золотѣ. А если бы вы увидѣли, какъ онъ славно муштруетъ солдатами!

Тарасъ Бульба былъ пораженъ, какъ громомъ.

— Ты путаешь, проклятый Иуда! Не можно, чтобы крещеное дитя продало вѣру. Если бы онъ былъ турокъ или нечистый жидъ... Нѣтъ, не можетъ онъ такъ сдѣлать! ей-Богу, не можетъ!

Но, однакоже, онъ вспомнилъ, что уже два дни, какъ его не видалъ; онъ вспомнилъ про татарку, появившуюся въ его ставкѣ, и глаза его сверкнули. Ярость, ярость желѣзная, могучая ярость тигра вспыхнула на его лицѣ.

— Вишь, чортова дѣтина, ты-таки свое взяла! Породилъ же тебя чортъ, на позоръ всему роду.

Съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ гнѣва, онъ вышелъ изъ ставки и далъ приказъ сдѣлать коней.

Между тѣмъ кошевой раздавалъ повелѣнія отъ себя быть всѣмъ въ готовности и не позволять никакимъ образомъ осажденнымъ соединиться съ приближавшимися польскими войсками. Непрiятельскихъ войскъ было, однакоже, болѣе нежели пятнадцать тысячъ. Кошевой вмѣстѣ съ совѣтомъ старшинъ рѣшили на томъ, чтобы усилить болѣе ту линiю, которая обращена къ непрiятелю. Черезъ это цѣпь съ противоположной стороны города ослабѣла, и хотя польскiя войска были стбиты съ перваго раза, и притомъ съ болѣшимъ урономъ, но отрядъ, оставшiйся въ городѣ, рѣшился воспользоваться малочисленностью прикрытiя, и, дѣйствительно, сдѣлавши вылазку, прорвался черезъ цѣпь и успѣлъ соединиться почти въ виду запорожцевъ. Бульба рвалъ на себѣ волоса съ досады, что уже невозможно было уморить ихъ всѣхъ голодомъ. Запорожцы сдвинулись въ густую непроломную стѣну: маневръ, всегда доставлявшiй имъ существенную выгоду, потому что тактика ихъ соединяла азиатскую стремительность съ европейскою крѣпостью. Непрiятель,

несмотря на то, что былъ вдвое сильнѣе, не былъ въ силахъ удержать превосходства. Битва завязалась самая жаркая и кровопролитная. Тарасъ Бульба занималъ одно изъ главныхъ начальствъ, и три коронные полка, не въ состояніи будучи удержать его стремительной атаки, готовы были отступить и предаться бѣгству, какъ вдругъ онъ обратилъ всѣ силы свои совершенно въ другую сторону.

Онъ завидѣлъ въ сторонѣ отрядъ, стоявшій, повидимому, въ засадѣ. Онъ узналъ среди его сына своего Андрія. Онъ отдалъ кое-какія наставленія Остапу, какъ продолжать дѣло, а самъ съ небольшимъ числомъ бросился, какъ бѣшеный, на этотъ отрядъ. Андрій узналъ его издали, и видно было издали, какъ онъ весь затрепеталъ. Онъ, какъ подлый трусъ, спрятался за ряды своихъ солдатъ и командовалъ оттуда своимъ войскомъ. Силы Тараса были немногочисленны: съ нимъ было только восемнадцать человѣкъ; но онъ ринулся съ такимъ свирѣпствомъ, съ такимъ сверхъестественнымъ стремленіемъ, что ряды уступали со страхомъ передъ этимъ разгнѣваннымъ вепремъ. Врядъ ли тогда его можно было съ чѣмъ-нибудь сравнить. Шапки давно не было на его головѣ: волосы его развѣвались, какъ пламя, и чубъ, какъ змѣя, раскидывался по воздуху; бѣшеный конь его грызъ и кусалъ коней неприятельскихъ, дорогой акшаметь былъ на немъ разорванъ; онъ ужъ бросилъ и саблю, и ружье, и размахивалъ только одной ужасной, непомерной тяжести, булавой, усѣянной мѣдными иглами. Нужно было взглянуть только на лицо его, чтобы увидѣть олицетворенное свирѣпство, чтобы извинить трусость Андрія, чувствовавшего свою душу не совсѣмъ чистою. Блѣдный, онъ видѣлъ, какъ гибли и разсѣивались его поляки; онъ видѣлъ, какъ послѣдніе, окружавшіе его, уже готовы были бѣжать; онъ видѣлъ, какъ уже нѣкоторые, поворотивши коней своихъ, бросали ружья.

— Спасите! — кричалъ онъ, отчаянно простирая руки: — куда бѣжите вы? Смотрите: онъ одинъ!

Опомнившіеся войны на минуту остановились и въ самомъ дѣлѣ ободрились, увидѣвши, что ихъ гонить только одинъ съ тремя утомленными козаками. Но напрасно силились бы они устоять противъ такой отчаянной воли.

— Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня! — кричалъ Тарасъ, настигая бѣгущихъ, начинавшихъ думать, что они имѣютъ дѣло съ самимъ дьяволомъ.

Отчаянный Андрій сдѣлалъ усиліе бѣжать, но поздно: ужасный отецъ уже былъ передъ нимъ. Безнадежно онъ остановился на одномъ мѣстѣ. Тарасъ оглянулся: уже никого не было позади его, всѣ сотоварищи его полегли въ разныхъ мѣстахъ поля. Ихъ только было двое.

— Что, сынку? — сказалъ Бульба, глянувши ему въ очи.

Андрій былъ безотвѣтенъ.

— Что, сынку? — повторилъ Тарасъ: — помогли тебѣ твои ляхи?

Андрій не произнесъ ни слова; онъ стоялъ, какъ осужденный.

— Такъ продать, продать вѣру? Проклять тотъ и часъ, въ который ты родился на свѣтъ!

Сказавши это, онъ глянулъ съ какимъ-то изступленно-сверкающимъ взглядомъ по сторонамъ.

— Ты думаешь, что я отдамъ кому-нибудь дитя свое? Нѣтъ! Я тебя породилъ, я тебя и убью! Стой и не шевелись, и не проси у Господа Бога отпущенія: за такое дѣло не прощаютъ на томъ свѣтѣ!

Андрій, блѣдный какъ полотно, прошепталъ губами одно только имя; но это не было имя родины, или отца, или матери: это было имя прекрасной полячки.

Тарасъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, снялъ съ плеча ружье, прицѣлился... выстрѣлъ грянулъ...

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувствовавшій смертельное желѣзо, повисъ онъ головою и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и думалъ; предать ли тѣло измѣнника на расхищеніе и поруганіе, чтобы хищныя птицы растрепали его и сыромахи-волки расшарпали и разнесли его желтыя кости, или честно погребсти въ землѣ?

Въ это время подъѣхалъ Остапъ.

— Батько! — сказалъ онъ.

Тарасъ не слышалъ.

— Батько, это ты убилъ его?

— Я, сынку!

Лицо Остапа выразило какой-то безмолвный упрекъ. Онъ бросился обнимать своего товарища и спутника, съ которымъ двадцать лѣтъ они росли вмѣстѣ, жили пополамъ.

— Полно, сынку, довольно! Понесемъ мертвое тѣло, похоронимъ! — сказалъ Тарасъ, который въ то время сжалъ въ груди своей подступавшее ѣдкое чувство.

Они взяли тѣло и понесли на плечахъ въ обгорѣлый лѣсъ, стоявшій въ тылу запорожскихъ войскъ, и вырыли саблями и копьями яму.

Тарасъ оставилъ копье и взглянулъ на трупъ сына. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованія, еще сохраняло въ себѣ слѣды ихъ; черныя брови, какъ траурный бархатъ, отгѣняли его поблѣднѣвшія черты.

— Чѣмъ бы не козакъ былъ, — сказалъ Тарасъ: — и станомъ высокимъ, и чернобровый, и лицо, какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою — пропалъ! пропалъ безъ славы!..

Трупъ опустили, засыпали землею, и черезъ минуту уже Тарасъ размахивалъ саблею въ рядахъ неприятельскихъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Разница была въ томъ только, что онъ теперь бился съ болѣшимъ изступленіемъ, сгорая желаніемъ отомстить смерть сына. Прибывшій въ то время его собственный полкъ, подъ начальствомъ Товкача, доставилъ ему значительный перевѣсъ. Онъ, наконецъ, узналъ, кто былъ виною отступничества его сына, и положилъ, во что бы ни стало, взять городъ. И онъ бы исполнилъ это: свирѣпый, онъ бы протекъ, какъ смерть, по его улицамъ; онъ бы вытащилъ изъ замка ее своею желѣзною рукою, ее, обворожительную, нѣжную, блистающую; свирѣпо повлекъ бы ее, схвативши за длинныя, обольстительныя волосы, и его кривая сабля сверкнула бы у ея голубинаго горла... Но одно непредвидѣнное происшествіе остановило его на пути непримиримой мести.

VI.

Въ запорожское войско пришло извѣстіе, что Сѣча взята, разорена татарами и болѣшая часть оставшихся запорожцевъ забрана въ плѣнъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими пушками. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно козаки старались, не теряя времени, настигнуть хищниковъ на возвратной ихъ дорогѣ и перехватить добычу, потому что, тремя недѣлями позже, уже этого сдѣлать было невозможно, и плѣнные козаки могли вдругъ очутиться на рынкахъ Великой Азіи. Кошевой положилъ, и мнѣніе его подрѣшили прочіе чины, идти на помощь немедленно, разсуждая, что уже довольно они отомстили за

измѣну полякамъ и смерть гетмановъ, и что опустошенныя поля будутъ помнить, какъ гостили на нихъ запорожцы.

На это изъявилъ согласіе и Бульба, хотя ему чрезвычайно хотѣлось взять городъ. Уже онъ отправился, чтобы отдать приказъ выючить коней и мазать телѣги, какъ вдругъ остановился и сказалъ:

— Я хотѣлъ спросить еще объ одномъ у тебя, атаманъ. Вѣдь, кажется, въ неприятельскомъ войскѣ есть нашихъ человекъ тридцать въ плѣну?

— Я посылаю просить размѣна, — не соглашаются.

— Такъ мы, стало-быть, ихъ и оставимъ такъ?

— Что жъ дѣлать?

— Какъ! чтобы они опять замучили ихъ?

— А что жъ дѣлать? — отвѣчалъ кошевой: — вѣдь помочь нельзя; мы, хоть и останемся, то не одолѣемъ, а между тѣмъ и свое прогуляемъ: татарва не станетъ ожидать насъ.

— Такъ, стало-быть, пусть еретичное поганство, какъ хочетъ, такъ и ругается надъ христіанскою кровью?

Кошевой пожалъ плечами.

— А мнѣ кажется, атаманъ, такъ не бывать этому.

— А отчего жъ бы не бывать?

— Да такъ: я уже знаю.

— Ова, какъ важно! — сказалъ кошевой, прижавши пальцемъ золу въ своей люлькѣ.

— Слышали ли вы, панове, что кошевой хочетъ сдѣлать? — сказалъ Бульба, выходя отъ кошевого и обращаясь къ запорожцамъ. — Онъ хочетъ, чтобы мы теперь же отправились на Сѣчу, а товарищей, тѣхъ, что попались въ плѣнъ неприятелю, такъ бы и оставили, чтобы ихъ замучило поганое еретичество. Что вы скажете на это?

— Не послушаемъ мы кошевого! — сказала въ одинъ голосъ часть запорожцевъ, отдѣлилась и стала на сторонѣ.

Ихъ было около тысячи человекъ.

Кошевой вышелъ. Онъ уже слышалъ волненіе, которое произвелъ неутомный Бульба.

— Чего вы хотите? Изъ чего подняли вы такой гвалтъ? — закричалъ онъ грозно.

— Мы не хотимъ идти на Сѣчу! Мы остаемся здѣсь! — кричала толпа.

— Что вы? сдурѣли? Я васъ, чортовы дѣти, перевяжу всѣхъ!

— Какую онъ можетъ имѣть власть? — сказалъ Тарасъ, обращаясь къ запорожцамъ: — мы — вольные козаки!

— А что жъ? мы вольные козаки! — говорили запорожцы.

— Дамъ я вамъ вольныхъ! Вы гдѣ вольные? — на Сѣчѣ; вотъ тамъ вы вольные! Тамъ вы можете снять съ меня достоинство, связать меня и убить, и все, что хотите; а тутъ вы ни слова. Знаете ли вы, что такое военное право?.. А ты что тутъ заводишь бунтъ? — сказалъ онъ, обращаясь къ Бульбѣ.

— Нѣтъ, я не бунтъ чиню, а исполняю долгъ христіанскій! — хладногровно отвѣчалъ Тарасъ. — Я стою за права наши, ибо мы должны защищать христіанскую кровь.

— Я тебя, старый чортъ, присмыкну къ обозу.

— А ну, попробуй!

— Слушайте, пане-братцы! — сказал кошевой, нѣсколько смягчивши рѣчь. — За что же вы оставляете тѣхъ своихъ товарищей, которыхъ на Сѣчѣ забрала татарва въ полонъ? Или вы думаете, что татары поступятъ лучше, чѣмъ ляхи?

— То татарва, а то ляхи — другое дѣло, — отвѣчалъ Бульба. — Еще у бусурмена есть совѣсть и страхъ Божій, а у католичества и не было, и не будетъ. Постойте, хлопцы, и я скажу: что, если бы вы попались въ плѣнъ, да начали бы съ васъ живыхъ драть кожу или жарить въ мѣдномъ бычкѣ, что бы вы тогда сказали? А изъ вашихъ земляковъ, изъ товарищей, изъ тѣхъ, что должны до послѣдней крови защищать, изъ тѣхъ товарищей ни одинъ бы не захотѣлъ подать руку помощи, — что бы вы тогда сказали?

— А что бы сказали? — произнесли нѣкоторые: — сказали бы: вы помои, а не запорожцы!

Замѣтно было, что слова Тараса сильно потрясли ихъ.

— Стойте, хлопьята, и я скажу! — кричалъ атаманъ. — Ну, скажите, панове-браты, куда вашъ умъ дѣлся? Посудите сами, гдѣ вамъ управиться съ такимъ непріятелемъ? Ихъ больше десяти тысячъ, а васъ, можетъ-быть, двѣ. Вѣдь пропадете всѣ на мѣстѣ!

— Пропадать, такъ пропадать! — сказалъ Бульба.

— Оставайтесь же тутъ, если уже такъ захотѣли своей гибели! А тѣ, которые разумнѣе васъ, гайда, въ дорогу!

— Вы дѣлайте свое, а мы будемъ дѣлать свое! — сказалъ Бульба.

Обѣ стороны неподвижно стали одна противъ другой и минуту сохранили мертвое молчаніе.

Наконецъ, стоявшіе въ первыхъ рядахъ посѣдѣвшіе запорожцы, утупивъ глаза въ землю, начали говорить:

— Оно, конечно, если разсудить по справедливости, то и вы исполняете честь рыцарскую, и мы поступаемъ по рыцарскому обычаю. На то и живетъ человѣкъ, чтобы защищать вѣру и обычай. Притомъ жизнь такое дѣло, что если о ней сожалѣть, то уже не знаешь, объ чемъ не жалѣть. Скоро будемъ жалѣть, что бросили женъ своихъ. Нужно же попробовать, что такое смерть. Вѣдь попробовали же всякой невзгоды въ жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны питать другъ противъ друга никакой непріязни. Мы всѣ запорожцы, всѣ изъ одного гнѣзда, всѣхъ насъ вспоила Сѣчь, всѣ мы братья родные... Спрашиваемъ каждаго: не имѣетъ ли противъ насъ какого неудовольствія?

— Никакого! всегда были довольны! — закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Ну, такъ пусть же на разставаньи... что будетъ впредь, тѣ Богъ одинъ знаетъ; можетъ-быть, ни одинъ изъ насъ уже не увидитъ дружка дружку, такъ поцѣлуемся всѣ.

И двѣ тысячи войска перецѣловались съ двумя тысячами. Кошевой обнялъ Тараса.

— Ну, прощайте же, пане-браты, молодцы! Дай же, Боже, чтобы все было такъ, какъ Богу угодно! Если мы положимъ головы, то вы расскажите про насъ, что такіе-то гуляки не даромъ жили. Если же вы поляжете и примете честную смерть, то мы повѣдаемъ, чтобы знала вся Украина, да и другія земли, что были такіе молодцы, которые и вѣру Христову знали оборонять, да и товарищество уважали. Прощайте! Пусть благословеніе Божіе будетъ и съ вами, и съ нами!

Объ половины войска соединились вмѣстѣ, чтобы не дать узнать неприятелю о своемъ раздѣленіи, и отступили къ обгорѣлому монастырю, у подошвы котораго былъ глубокой яръ. Удалявшаяся половина съ кошевымъ атаманомъ опустилась по скату горы и яромъ, невидимая неприятелемъ, пробиралась въ тишинѣ и молчаніи.

Стоявшій на высотѣ отрядъ польскаго войска не могъ не замѣтить нѣ котораго движенія въ войскахъ запорожскихъ и уже рѣшился было въ тотъ же часъ сдѣлать нападеніе, но французскій артиллеристъ и инженеръ, служившій въ польскихъ войскахъ, большой знатокъ военнаго дѣла, остановилъ ихъ, сказавши:

— Нѣтъ, нѣтъ, господа! Это не то, что вы думаете: это больше ничего, какъ самая дьявольская засада. О, этотъ народъ, запороги! — сказалъ онъ, положивши палецъ на свой ястребинный носъ, при чемъ голосъ его, долготѣ хриплый, пискнулъ дискантомъ: — этотъ народъ, запороги, хитерь, какъ самъ чортъ, или какъ капитанъ-дьяволъ!

— Ну, панове молодцы! — сказалъ Бульба по удаленіи войска, — теперь пришла намъ пора показать честь запорожскую. Смотрите же: если придется до того, что уже не можно будетъ стоять противъ бусурменовъ, то, панове, чтобы всѣ полегли на мѣстѣ, чтобы ни одинъ не остался живъ, чтобы всѣ, какъ добрые товарищи, покоемъ улеглись въ одной могилѣ. Теперь, передъ великимъ часомъ, выпьемъ, пане - братья, горѣлки, потому что судьба наша теперь похожа на свадьбу, на которой долженъ веселиться всякій человекъ.

Пятьдесятъ козаковъ отправились къ обозамъ и вынули баклажки, готовясь отправлять должность виночерпиевъ. Двѣ тысячи козаковъ подставили свои рукавицы.

— Прежде всего, пане - братья, — сказалъ Бульба, поднявши вверхъ свою рукавицу: — долгъ велить выпить за вѣру Христову! Чтобы пришло, наконецъ, такое время, чтобы по всему свѣту разошлась она, и всѣ бусурмены подѣлались бы, наконецъ, христіанами! Да за однимъ уже разомъ и за Сѣчь, чтобы долго, долго она стояла на гибель всему бусурменству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы одинъ другого лучше, одинъ другого лучше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и оныи тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, что не постыдили товарищества и не выдали своихъ! Итакъ, панове-братья, чтобы такъ же весело, какъ эта горѣлка играетъ и шибаетъ пузырями, такъ бы и мы шли на смерть. Ну-те, всѣ разомъ за вѣру!

— За вѣру! — повторили громко ближніе ряды, поднявши вверхъ рукавицы.

— За вѣру! — подхватили дальніе.

— За Сѣчь! — сказалъ Бульба, поднявъ снова рукавицу.

— За Сѣчь! — грянули ближніе.

— За Сѣчь! — отозвалось въ дальнихъ.

— За славу и за всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на Божьемъ свѣтѣ!

— За славу и христіанъ! — повторили ближніе.

— За славу и христіанъ! — повторили дальніе.

— Теперь на коней, хлопьята!

Всѣ очутились на коняхъ и выѣхали вмѣстѣ стройною кучею. Всѣ дышали силою, свыше естественной. Это не былъ дикій энтузіазмъ, порожденный отчаяніемъ: это было что-то совершенно другое. Какое-то вдохновеніе веселости, какой-то трепеть величія ощущался въ сердцахъ этой гульливой и

храброй толпы. Ихъ черные и сѣдые усы величаво опускались внизъ; ихъ лица были исполнены увѣренности. Каждое движеніе ихъ было вольно и рисовалось. Вся конная колонна ударила на непріятеля твердо, не совокупляя всей своей силы, но какъ будто веселясь и играя своимъ положеніемъ. Подъ свистъ пѣль выступали они, какъ подъ свадебную музыку. Безъ всякаго теоретическаго понятія о регулярности, они шли съ изумительною регулярностію, какъ будто бы происходившею отъ того, что сердца ихъ и страсти били въ одинъ тактъ единствомъ всеобщей мысли. Ни одинъ не отдѣлялся; нигдѣ не разрывалась эта масса. Польскія войска, которыя было приняли ихъ стремительнымъ упорствомъ, начали отступать, пораженные робостію и думая, не сверхъестественная ли какая сила начала помогать козакамъ. Лучшія распоряженія арміи были совершенно уничтожены этою разрушительною силою. Вся эта конная толпа неслась какъ-то вдохновенно, не измѣняясь, не охлаждая, не увеличивая своего пыла. Это была картина, и нужно было живописцу схватить кисть и рисовать ее. Французскій инженеръ, который былъ истинный въ душѣ артистъ, бросилъ фитиль, которымъ готовился зажигать пушки, и, забывшись, билъ въ ладони, крича громко:

— Браво, месье запороги!

Около двухъ тысячъ человекъ непріятеля было убито и столько же рассыпалось и обратилось въ бѣгство. Свѣжее новоприбывшее войско остановилось какъ бы въ недоумѣніи. Запорожцы, съ своей стороны, не рѣшались идти далѣе. Въ виду самого непріятеля, взяли они оставленные пушки, часть обоза съ провіантомъ и отступили такъ же страшно, въ такомъ же точно порядкѣ, къ обгорѣвшему монастырю, котораго положеніе чрезвычайно благоприятствовало укрытію. Бульба пировалъ вмѣстѣ съ запорожцами послѣ такой славной битвы; но, когда обсмотрѣлъ и перечелъ ряды свои, ихъ оставалось всего только не больше тысячи. Между тѣмъ, новыя войска приходили безпрестанно на помощь, и если что спасло его отъ непріятельскаго нападенія, такъ это глубокая догадка французскаго инженера, заставлявшаго опасаться скрытаго множества запорожцевъ.

Между тѣмъ, Бульба узналъ, что запорожскіе плѣнники отправлены съ конвоемъ по варшавской дорогѣ. Въ головѣ его тотчасъ родилась мысль перехватить ихъ. Объявивши объ этомъ войску, онъ началъ тайно готовиться къ отступленію. Цѣлый день козакъ мазали дегтемъ свои телѣги, чтобы не скрипѣли; большую половину пушекъ закопали въ землю, чтобы онѣ не могли достаться непріятелю, и продолжали безпрестанную перестрѣлку изъ мушкетовъ. Часть запорожцевъ скинула съ себя верхнюю одежду; изъ нея подѣлали чучель и разставили на стѣнахъ монастырскихъ, вездѣ, гдѣ была стража. За монастыремъ они нашли дорогу, о которой, по всѣмъ вѣроятностямъ, ничего не знали непріятели. Она продиралась между двумя рытвинами и была совершенно завалена изрубленнымъ лѣсомъ и пепломъ. Пользуясь глубокимъ мракомъ ночи, они тронулись, потянулись гужомъ со всѣмъ обозомъ, продирались около пяти верстъ и, наконецъ, пробрались на чистое поле, гдѣ совершенно уже не было видно непріятеля. Запорожцы пріударили коней и понеслись. Еще полчаса времени — и они бы, вѣрно, встрѣтили своихъ закованныхъ земляковъ, они бы имѣли еще достаточное время броситься на проселочную дорогу и, благодаря быстротѣ татарскихъ коней, можетъ-быть, Сѣчь увидѣла бы вновь своихъ главныхъ защитниковъ.

Но, какъ нарочно, польскія войска вздумали сдѣлать нападеніе на монастырь. Дальновидный инженеръ искусно зажегъ лѣсъ, къ нему примыкавшій, увѣряя, что всѣ будутъ имѣть славное жаркде изъ козачьей дичи. Но

глубокая тишина изумила ихъ. Изумленіе еще болѣе увеличилось, когда они увидѣли, вмѣсто замѣченныхъ ими издали запорожцевъ, одни чучела. По всѣмъ признакамъ они видѣли, что запорожцевъ было небольшое число. Это увеличило ихъ досаду, и начальствовавшій войсками, человекъ запальчивый, въ ту же минуту отдалъ приказъ устремиться на преслѣдованіе.

Если бы Бульба не выбрался такъ громоздко, то онъ могъ бы быть до сихъ поръ гораздо далѣе и тѣмъ, можетъ-быть, ускользнуть отъ преслѣдованія. Но онъ пожалѣлъ оставить нѣсколько пушекъ, а чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ подымающуюся пыль отъ многочисленнаго съ двухъ сторонъ шедшаго войска.

— Вишь, чортъ побори! ляхи проникли, — сказалъ онъ, выпустивъ изо рта люльку, которую уже началъ было курить съ величайшимъ спокойствіемъ.

Видя невозможность дальнѣйшаго отступленія отъ такого множества, онъ, съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, далъ повелѣніе сдвинуть обозъ въ кучу и окружить его нѣсколькими рядами запорожцевъ. Этотъ маневръ считался совершенствомъ козацкой тактики и возбуждалъ всегда удивленіе даже въ самыхъ глубокихъ теоретикахъ тогдашняго военнаго искусства. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы скрыть тылъ. Тутъ казаки никогда не были побѣждаемы: окружая обозъ непроломною стѣною, они со всѣхъ сторонъ были обращены лицомъ къ непріятелю. Пушки доставили имъ большую выгоду, не допуская ихъ къ близкой схваткѣ и не утомляя черезъ это ихъ рядовъ, тѣмъ болѣе, что непріятель, желая скорѣе наступить, отправился налегкѣ. Войска польскія, всегда отличавшіяся нетерпѣливостію, уже готовы были бросить, если бы одна оплошность со стороны запорожцевъ не облегчила ихъ.

Въ это время Остапъ, выстрѣлявшій на своей сторонѣ всѣ пушечные заряды, увлекаемый пылкостью и негодуя на бездѣйственное положеніе, отдѣлился немного подалѣе отъ обоза, вступилъ въ мелкую перестрѣлку, а потомъ и въ рукопашную битву. Его свирѣпое мужество разсыло часть рядовъ непріятельскихъ, но скоро онъ былъ схваченъ стиснувшимъ его множествомъ, и старый Тарасъ видѣлъ собственными глазами, какъ онъ поднять нѣсколькими руками, связанъ толстыми веревками и уведенъ въ толпу. Желаніе подать помощь и освободить любимаго сына заставило его позабыть важность своего поста. Онъ отдѣлился вмѣстѣ съ большею частью запорожцевъ отъ обоза и ударилъ въ средину непріятеля, гдѣ полагалъ находившимся Остапа. Запорожцы совершенно затерялись въ толпѣ, раздѣленные толпою. Каждый долженъ былъ дѣйствовать отдѣльно, и нужно было видѣть, какъ каждый изъ нихъ ворочался, какъ молнія, на всѣ стороны, дѣйствуя и саблею, и ружейнымъ прикладомъ, и нагайкою, и кіемъ. Каждый видѣлъ передъ собою смерть и старался только подороже продать свою жизнь. Бульба, какъ гигантъ какой-нибудь, отличался въ общемъ хаосѣ. Свирѣпо наносилъ онъ свои крѣпкіе удары, воспламеняясь болѣе и болѣе отъ сыпавшихся на него. Онъ сопровождалъ все это дикимъ и страшнымъ крикомъ, и голосъ его, какъ отдаленное ржаніе жеребца, переносили звонкія поля. Наконецъ, сабельные удары посыпались на него кучею; онъ грянулся, лишенный чувствъ. Толпа стиснула и смяла, кони растоптали его, покрытаго прахомъ. Ни одинъ изъ запорожцевъ не остался въ живыхъ: всѣ полегли на мѣстѣ. И ни одинъ живой трофей не былъ свидѣтелемъ побѣды, одержанной польскими войсками.

VII.

— Долго же я спалъ! — говорилъ Бульба, осматривая углы избенки, въ которой онъ лежалъ, весь израненный и избитый. — Спалъ ли я это, или наяву видѣлъ?

— Да, чуть было ты навѣки не заснулъ! — отвѣчалъ сидѣвшій возлѣ него Товкачъ, лицо котораго одну минуту только блеснуло живостию и опять погрузилось въ обыкновенное свое хладнокровіе.

— Добрая была сѣча! Какъ же это я спасся? Вѣдь, кажется, я совсѣмъ былъ подѣ сабельными ударами, и что было далѣе, я уже ничего не помню...

— Объ томъ нечего толковать, какъ спасся; хорошо, что спасся.

Товкачъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ дѣла молча и никогда не говорятъ о нихъ.

На блѣдномъ и перевязанномъ лицѣ Бульбы видно было усиліе припомнить обстоятельства.

— А что же сынъ мой?.. Что Остапъ? И онъ легъ также вмѣстѣ съ другими и заслужилъ честную могилу?

Товкачъ молчалъ.

— Что жъ ты не говоришь? Пстой! помню, помню: я видѣлъ, какъ скрутили назадъ ему руки и взяли въ полонъ нечестивые католики... И я не высвободилъ тебя, сынъ мой, Остапъ мой! Измѣнила, наконецъ, сила!

Морщины сжались на лбу его, и раздумье крѣпко осѣнило лицо, покрытое рубцами.

— Молчи, панъ Тарасъ. Чему быть, тому быть. Молчи да крѣпись: еще намъ больше ста верстъ нужно проѣхать.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что тебя теперь ищетъ всякая дрянъ. Знаешь ли ты, что за твою голову, если кто принесетъ ее, тому дадутъ 2.000 червонцевъ?

Но Тарасъ не слышалъ рѣчей Товкача.

— Сынъ мой, Остапъ мой! — говорилъ онъ: — я не высвободилъ тебя!

И приливъ тоски повергнулъ его въ безпамятство. Товкачъ оставался цѣлый день въ избѣ; но съ наступленіемъ ночи онъ увезъ безчувственнаго Тараса. Увернувъ его въ воловую кожу, уложилъ въ ящикъ, наподобіе койки, укрѣпилъ поперекъ сѣдла и пустился во всю прыть на татарскомъ бѣгунѣ. Пустынные овраги и непроходимыя мѣста видѣли его легѣвшаго съ тяжелою своею ношею. Товкачъ боялся встрѣчь и преслѣдованій, и хотя уже онъ былъ на степи, которой хозяевами болѣе другихъ могли считаться запорожцы, но тогдашнія границы были такъ неопредѣленны, что каждый могъ прогуляться на нехранимой землѣ, какъ на своей собственности. Онъ не хотѣлъ везти Тараса въ его хуторъ, почитая тамъ его менѣе въ безопасности, нежели на Запорожьѣ, куда онъ теперь держалъ путь свой. Притомъ онъ былъ увѣренъ, что встрѣча съ прежними товарищами, пирушки и новыя битвы оживятъ его скорѣе и развлекутъ его.

Онъ, дѣйствительно, не обманулся. Желѣзная сила Тараса взяла верхъ, несмотря на то, что ему было шестьдесятъ лѣтъ; черезъ двѣ недѣли онъ уже поднялся на ноги. Но ничто не могло развлечь его. Повидимому, самыя пирищества запорожцевъ казались ему чѣмъ-то ѣдкимъ. Съ нимъ неразлучно было то время, которому еще и двухъ мѣсяцевъ не прошло, — то время, когда онъ гулялъ со своими сыновьями, еще крѣпкими, свѣжими, исполненными силъ, — и на этомъ, дотолѣ ничѣмъ не колеблемомъ лицѣ, прорывалась

раздирающая горестъ, и онъ тихо, понуривъ голову, говорилъ: «Сынъ мой! Остапъ мой!»

Запорожцы собирались на морскую экспедицію. Двѣсти челновъ спущены были въ Днѣпръ, и Малая Азія видѣла ихъ, съ бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цвѣтущіе берега ея; видѣла чалмы своихъ магометанскихъ обитателей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цвѣтамъ, на смоченныхъ кровію поляхъ и плававшими у береговъ; она видѣла не мало запачканныхъ дегтемъ запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками. Запорожцы переѣли и переломали весь виноградъ; въ мечетяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; персидскія дорогія шали употребляли вмѣсто очкурровъ и опоясывали ими запачканные свои свитки. Долго еще послѣ находили въ тѣхъ мѣстахъ запорожскія коротенькія люльки. Они весело плыли назадъ; за ними гнался десятипушечный турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ птиць, утлые ихъ челны. Третья часть ихъ потонула въ морскихъ глубинахъ; но остальные снова собрались вмѣстѣ и весело прибыли къ устью Днѣпра съ двѣнадцатю боченнами, набитыми цехинами. Но все это уже не занимало Тараса. Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу, шевеля губами и произносилъ: «Остапъ мой, Остапъ мой!» Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слеза капала одна за другою.

Когда жидъ Янкель, — который въ то время очутился въ городѣ Умани и занимался какими-то подрядами и сношеніями съ тамошними арендаторами, — когда жидъ Янкель молился, накрывшись своимъ довольно запачканнымъ саваномъ, и оборотился, чтобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили стоявшаго назади Бульбу. Жиду прежде всего бросились въ глаза 2.000 червонныхъ, которые были обѣщаны за его голову; но онъ тутъ же устыдился своей корысти и сидился подавить въ себѣ эту вѣчную мысль о золотѣ, которая, какъ червь, обвиваетъ душу жида.

— Слушай, Янкель! — сказалъ Тарасъ жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли. — Я спасъ твою жизнь, теперь ты сдѣлай мнѣ услугу!

Лицо жида нѣсколько поморщилось.

— Какую услугу? Если такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать?

— Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву!

— Въ Варшаву? какъ, въ Варшаву? — сказалъ Янкель. Брови и плечи его поднялись вверхъ отъ изумленія.

— Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву! Чтò бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, сказать ему хоть одно слово.

— Какъ можно такое говорить? — говорилъ панъ не слышалъ, что уже... обѣихъ рукъ своихъ: — развѣ панъ не слышалъ, что уже...

— Знаю, знаю все: за мою голову дають 2.000 червонныхъ. Знають же они, дурни, цѣну ей! Я тебѣ двѣнадцать дамъ. Вотъ тебѣ 2.000 сейчасъ! — (при этомъ Бульба высыпалъ изъ кожанаго гамана 2.000 червонныхъ) — а остальные, какъ ворочусь.

Жидъ тотчасъ схватилъ полотенце и накрылъ имъ червонцы.

— Славная монета! — сказалъ онъ, вертя одинъ изъ нихъ въ своихъ пальцахъ и пробуя на зубахъ.

— Я бы не просилъ тебя, я бы самъ, можетъ-быть, нашелъ дорогу въ Варшаву; но меня могутъ какъ-нибудь узнать и захватить проклятые яхи, ибо я не гораздъ на выдумки. А вы, жида, на то уже и созданы; вы хоть чорта проведете; вы знаете всѣ штуки. Вотъ для чего я пришелъ къ тебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ собою ничего не получилъ. Сейчасъ запрягай возъ и вези меня!

— А какъ же, вы думаете, мнѣ спрятать пана?

— Да ужъ вы, жида, знаете, какъ: въ порожнюю бочку, или тамъ во что-нибудь другое.

— Какъ можно въ бочку! Всякъ подумаетъ, что горѣлка!

— Ну, что жъ! То и хорошо.

— Какъ хорошо? Ахъ, Боже мой! какъ можно этакое говорить! Развѣ панъ не знаетъ, что Богъ на то создалъ горѣлку, чтобы ее всякій пробовалъ? Тамъ все такіе ласуны, что Боже упаси! А особливо военный народъ: будетъ бѣжать вереть пять за бочкою, продолбить какъ разъ дырочку, тотчасъ увидитъ, что не течетъ, и скажетъ:—«жида не повезетъ порожней бочки: вѣрно, тутъ есть что-нибудь».

— Ну, такъ положи меня въ возъ съ рыбою.

— Охъ, вей миръ! не можно; ей-Богу, не можно! Тамъ вездѣ по дорогѣ люди голодные, какъ собаки; раскрадутъ, какъ ни береги, и пана нащупаютъ.

— Такъ вези меня хоть на чортѣ, только вези!

— Стойте, стойте! Теперъ возять по дорогамъ много кирпичу. Тамъ строить какія-то крѣпости. Панъ пусть ляжетъ на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичомъ. Панъ здоровый и крѣпкій съ виду, и потому ему ничего, что будетъ тяжеленько; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.

— Дѣлай, какъ хочешь, только вези!

И черезъ часъ возъ съ кирпичомъ выѣхалъ изъ Умани, запряженный въ двѣ влячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель, и длинныя, курчавыя пейсики его развѣвались изъ-подъ яломка, по мѣрѣ того, какъ онъ подпрыгивалъ на лошади.

VIII.

Въ то время, когда происходило описываемое событіе, на пограничныхъ мѣстахъ не было еще никакихъ таможенныхъ чиновниковъ и объѣзчиковъ, этой страшной грозы предприимчивыхъ людей, и потому всякій могъ везти, что ему вздумалось. Если же кто и производилъ обыскъ и ревизовку, то дѣлалъ это большею частью для своего собственнаго удовольствія, особливо, если на возу находились заманчивыя для глазъ предметы, и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичъ не находилъ охотниковъ и выѣхалъ безпрепятственно въ главный городскія ворота.

Бульба въ своей тѣсной клѣткѣ могъ только слышать шумъ, криги возницъ, и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своемъ коренномъ, запачканномъ пылью рысагѣ, поворотилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ темную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому что здѣсь дѣйствительно находились жида почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность задняго двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почернѣвшіе деревянные дома со множествомъ протянутыхъ изъ окошекъ жердей увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и та уже во

многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иногда только вверху оштукатуренный кусокъ стѣны, обхваченный солнцемъ, блистала нестерпимою для глазъ бѣлизною. Тутъ все состояло изъ сильныхъ рѣзокостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякій, что было только у него негоднаго, швырялъ на улицу, доставляя прохожимъ возможныя удобства питать всѣ чувства своей этою дрянью. Сидящій на конѣ всадникъ чуть-чуть не доставалъ рукою жердей, протянутыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на которыхъ висѣли жидовскіе чулки, коротенькіе панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранный потемнѣвшими бусами, выглядывало изъ ветхаго окошка. Куча жиденковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій жидъ съ веснушками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробьиное яйцо, выглянулъ изъ окна, тотчасъ заговорилъ съ Янкелемъ на своемъ тарабарскомъ нарѣчьи, и Янкель тотчасъ вѣхалъ въ одинъ дворъ. По улицѣ шель другой жидъ, остановился, вступилъ тоже въ разговоръ, и, когда Бульба выкарабкался, наконецъ, изъ-подъ кирпича, онъ увидѣлъ трехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ, и что хотя трудно уговорить стражей, но, однакожъ, онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба вошелъ вмѣстѣ съ тремя жидами въ комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждаго изъ нихъ. Что-то, казалось, сильно потрясло его. На грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія. Старое сердце его начало сильно биться, какъ будто у юноши.

— Слушайте, жиды! — сказалъ онъ, и въ словахъ его было что-то восторженное. — Вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, выкопаете хоть изъ дна морского, и пословица давно уже говоритъ, что жидъ самого себя украдетъ, когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остапа! Дайте случай убѣжать ему отъ дьявольскихъ рукъ! Вотъ я этому человѣку обѣщалъ двѣнадцать тысячъ червонныхъ — я прибавлю еще двѣнадцать. Всѣ, какіе у меня есть, дорогіе кубки и закопанное въ землѣ золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ на всю жизнь, съ тѣмъ, чтобы все, что ни добуду на войнѣ, дѣлить съ вами пополамъ!

— О, не можно, любезный панъ! не можно! — сказалъ со вздохомъ Янкель.

— Нѣтъ, не можно! — сказалъ другой жидъ.

Всѣ три жиды взглянули одинъ на другого.

— А попробовать, — сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ. — Можетъ-быть, Богъ дастъ.

Всѣ три жиды заговорили по-нѣмецки. Бульба какъ ни наострялъ свой слухъ, ничего не могъ отгадать. Онъ слышалъ только часто произносимое слово «Мардохай», и больше ничего.

— Слушай, панъ! — сказала Янкель: — нужно посоветоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ. У, у! то такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то уже никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ; вотъ ключъ, и не впускай никого.

Жиды вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошечко на этотъ грязный жидовскій проспектъ. Три жиды остановились посрединѣ улицы и стали

говорить довольно азартно. Къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ, и пятый. Онъ слышалъ опять повторяемое: «Мардохай, Мардохай». Жиды безпрестанно посматривали въ одну сторону улицы. Наконецъ, въ концѣ ея, изъ-за одного дрянного дома показалась нога въ жидовскомъ башмагѣ, и замелькали фалды полукафтаныя.

— А, Мардохай! Мардохай! — закричали всѣ жиды въ одинъ голосъ. Тошій жидъ, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нетерпѣливой толпѣ, и всѣ жиды наперерывъ спѣшили рассказать ему, при чемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ на маленькое окошечко, и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону и, подымая фалды полукафтаныя, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ какія-то побрякушки, при чемъ показывалъ прескверные свои панталоны. Наконецъ, всѣ жиды подняли такой крикъ, что жидъ, стоявшій на сторожкѣ, долженъ былъ давать знакъ къ молчанію, и Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопасность; но, вспомнивши, что жиды не могутъ иначе рассуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ демонъ не пойметъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя, жиды вмѣстѣ вошли въ его комнату. Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Когда мы да Богъ захочетъ сдѣлать, то уже будетъ такъ, какъ нужно.

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣтѣ, и получилъ нѣкоторую надежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣкоторое довѣріе: верхняя губа у него была просто страшилище. Толщина ея, безъ сомнѣнія, увеличилась отъ постороннихъ причинъ. Въ бородѣ у этого Соломона было только пятнадцать волосковъ, и то на лѣвой сторонѣ. На лицѣ у Соломона было столько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удалство, что онъ, безъ сомнѣнія, давно потерялъ счетъ имъ и привыкъ ихъ считать за родимыя пятна.

Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ товарищами, исполненными удивленія къ его мудрости. Бульба остался одинъ. Онъ былъ въ странномъ, небываломъ положеніи: онъ чувствовалъ въ первый разъ въ жизни беспокойство; душа его была въ лихорадочномъ состояніи. Онъ не былъ тотъ прежній, непреклонный, неколебимый, крѣпкій, какъ дубъ: онъ былъ малодушенъ; онъ былъ теперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой жидовской фигурѣ, показывавшейся въ концѣ улицы. Въ такомъ состояніи пробылъ онъ, наконецъ, весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не отрывались ни на часъ отъ небольшого окошка на улицу. Наконецъ, уже ввечеру, поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

— Что? удачно? — спросилъ онъ ихъ съ нетерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались съ духомъ отвѣчать, Тарасъ замѣтилъ, что у Мардохая уже не было послѣдняго локона, который, хотя довольно неопрятно, но все же вился кольцами изъ-подъ яломка его. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но наговорилъ такую дрянъ, что Тарасъ ничего не понималъ. Да и самъ Янкель прикладывалъ очень часто руку ко рту, какъ будто бы страдалъ простудою.

— О, любезный панъ! — сказалъ Янкель: — теперь совсѣмъ не можно! ей-Богу, не можно! Такой нехорошій народъ, что ему надо на самую голову наплевать. Вотъ и Мардохай скажетъ. Мардохай дѣлалъ такое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ человекъ на свѣтѣ; но Богъ не захотѣлъ, чтобы такъ было. Три тысячи войска стоятъ, и завтра ихъ всѣхъ будутъ казнить.

Тарасъ глянулъ въ глаза жидамъ, но уже безъ нетерпѣнія и гнѣва.

— А если панъ хочетъ видѣться, то завтра нужно рано, такъ чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются, и одинъ левентаръ обѣщанъ. Только пусть имъ не будетъ на томъ свѣтъ счастья! Ой, вей миръ, что это за корыстный народъ! и между нами такихъ нѣтъ. 50 червонецъ я далъ каждому, а левентару...

— Хорошо. Веди меня къ нему! — произнесъ Тарасъ рѣшительно, и вся твердость возвратилась въ его душу. Онъ согласился на предложеніе Янкеля переодѣться иностраннымъ графомъ, прѣхавшимъ изъ нѣмецкой земли, для чего платѣе уже успѣлъ припасти дальновидный жидъ.

Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣстный рыжій жидъ съ веснушками, вытащилъ тощій тюфякъ, накрытый какою-то рогожею, и разостлалъ его на лавкѣ, для Бульбы. Янкель легъ на полу, на такомъ же тюфякѣ. Рыжій жидъ выпилъ небольшую чарочку какой-то настойки, скинулъ полукафтанье и, одѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыпанка, отправился съ своею жидовкой во что-то похожее на шкафъ. Двое жиденковъ, какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкафа.

Но Тарасъ не спалъ. Онъ сидѣлъ неподвиженъ и слегка барабанилъ пальцами по столу. Онъ держалъ во рту люльку и пускалъ дымъ, отъ котораго жидъ спросонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ. Едва небо успѣло тронуться блѣднымъ предвѣстіемъ зари, онъ уже толкнулъ ногою Янкеля.

— Вставай, жидъ, и давай твою графскую одежду!

Въ минуту одѣлся онъ; вычернилъ усы, брови, надѣлъ на темя маленькую темную шапочку — и никто бы изъ самыхъ близкихъ къ нему козаковъ не могъ узнать его. По виду ему казалось не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ, и самые рубцы придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранная золотомъ, очень шла къ нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось въ городѣ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли къ строелию, имѣвшему видъ сидящей цапли: оно было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее, и съ одной стороны его выкидывалась, какъ шея аиста, длинная, узкая башня, на верху которой торчалъ кусокъ крыши. Это строеніе отправляло множество разныхъ должностей. Тутъ были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный судъ. Наши путники вошли въ ворота и очутились среди просторной залы, или крытаго двора. Около тысячи человекъ спали вѣстѣ. Прямо шла низенькая дверь, передъ которой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую-то игру, состоявшую въ томъ, что одинъ другого билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обратили вниманія на пришедшихъ и повертели головы только тогда, когда Янкель сказалъ:

— Это мы... Слышите, паны, это мы!

— Ступайте! — говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятія отъ него ударовъ.

Они вступили въ коридоръ, узкій и темный, который опять привелъ ихъ въ такую же залу, съ маленькими окошками вверху.

— Кто идетъ? — закричало нѣсколько голосовъ, и Тарасъ увидѣлъ порядочное количество въ полномъ вооруженіи. — Намъ никого не велѣно пускать.

— Это мы! — кричалъ Янкель: — ей-Богу, мы, ясные паны!

Но никто не хотѣлъ слушать. Къ счастью, въ это время подошелъ какой-то толстякъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, казался начальникомъ, потому что ругался сильнѣе всѣхъ.

— Панъ, это жъ мы! Вы уже знаете насъ, и панъ графъ еще будетъ благодарить.

— Пропустите, сто дьябловъ чортовой маткѣ! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидалъ и не собачился на полу...

Продолженія краснорѣчиваго приказа уже не слышали наши путники.

— Это мы, это я, это свои! — говорилъ Янгель, встрѣчаясь со всякимъ.

— А что, можно теперь? — спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они, наконецъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ коридоръ уже оканчивался.

— Можно, только не знаю, пропустятъ ли васъ въ самую тюрьму. Теперь уже нѣтъ Яна: вмѣсто его стоитъ другой, — отвѣчалъ часовой.

— Ай, ай! — произнесъ тихо жидъ. — Это скверно, любезный панъ!

— Веди! — произнесъ упрямо Тарасъ. Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихсяверху остріемъ, стоялъ гайдукъ, съ усами въ три яруса. Верхній ярусъ усовъ шелъ назадъ, другой прямо впередъ, третій внизъ, что дѣлало его очень похожимъ на kota.

Жидъ съежился въ три погибели и почти богомъ подошелъ къ нему.

— Ваша ясновельможность! ясновельможный панъ!

— Ты, жидъ, это мнѣ говоришь?

— Вамъ, ясновельможный панъ.

— Гм... а я просто гайдукъ! — сказалъ трех-ярусный усачъ съ повесѣвшими глазами.

— А я, ей-Богу, думалъ, что это самъ воевода. Ай, ай, ай!.. — При этомъ жидъ покрутилъ головою и разставилъ пальцы. — Ай, какой важный видъ! Ей-Богу, полковникъ! совсѣмъ полковникъ! Вотъ еще бы только на палецъ прибавить, то и полковникъ! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорога, какъ муха, да и пусть муштруетъ полки!

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усовъ своихъ, при чемъ глаза его совершенно развеселились.

— Что за народъ военный! — продолжалъ жидъ, — охъ, вей миръ, что за народъ хорошій! Шнурочки, бляшечки... такъ отъ нихъ блестить, какъ отъ солнца; а цурки, гдѣ только увидятъ военныхъ... ай, ай!

Жидъ опять покрутилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхніе усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе.

— Прошу пана оказать услугу! — произнесъ жидъ. — Вотъ князь приѣхалъ изъ чужого края, хочеть посмотрѣть на козаковъ. Онъ еще съ роду не видѣлъ, что это за народъ козаки.

Появленіе иностранныхъ графовъ и бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часто были увлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полуазиатскій уголокъ Европы (Московию и Украйну они почитали уже находящимися въ Азіи); и потому гайдукъ, поклонившись довольно низко, почелъ приличнымъ прибавить нѣсколько словъ отъ себя.

— Я не знаю, ваша ясновельможность, — говорилъ онъ, — зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди. И вѣра у нихъ такая, что никто не уважаетъ.

— Врешь ты, чортовъ сынъ! — сказалъ Бульба. — Самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ? Это вашу еретичную вѣру не уважаютъ!

— Эге, ге! — сказалъ гайдукъ, — а я знаю, пріятель, кто ты: ты самъ изъ тѣхъ, которые уже сидятъ у меня. Постой же, я позову сюда нашихъ.

Тарась увидѣлъ свою неосторожность, но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее. Къ счастью, Янкель въ ту же минуту успѣлъ подвернуться.

— Ясновельможный пань! какъ же можно, чтобы графъ да былъ козакъ? А если бы онъ былъ козакъ, то гдѣ бы онъ досталъ такое платье и такой видъ графскій?

— Рассказывай себѣ! — И гайдуку уже растворилъ было широкій ротъ свой, чтобы крикнуть.

— Ваше королевское величество! молчите! Молчите, ради Бога! — закричалъ Янкель. — Молчите! Мы ужъ вамъ за это заплатимъ такъ, какъ еще никогда и не видѣли: мы дадимъ вамъ два золотыхъ червонца.

— Эге, два червонца! Два червонца мнѣ ни по чемъ. Я цырюльнику даю два червонца за то, чтобы мнѣ только половину бороды выбрилъ. Сто червонныхъ давай, жидь! — Тутъ гайдуку закрутилъ верхніе усы. — А какъ не дашь ста червонныхъ, сейчасъ закричу!

— И на чтѣ бы такъ много? — горестно сказалъ поблѣднѣвшій жидь, развязывая кожаный мѣшокъ свой. Но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелькѣ не было болѣе и что гайдуку далѣе ста не умѣлъ считать. — Пань! пань! уйдемъ скорѣе! Видите, какой тутъ нехорошій народъ! — сказалъ Янкель, замѣтивши, что гайдуку перебиралъ на рукѣ деньги, какъ бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе.

— Что жъ ты, чортовъ гайдуку, — сказалъ Бульба: — деньги взять, а показать и не думаешь? Нѣтъ, ты долженъ показать. Ужъ когда деньги получили, то ты не въ правѣ теперь отказать.

— Ступайте, ступайте къ дяволу! а не то я сію минуту дамъ знать, и васъ тутъ... Унесите ноги, говорю я вамъ, скорѣе.

— Пань! пань! пойдѣмъ! ей-Богу, пойдѣмъ! Цуръ имъ! Пусть имъ приснится такое, что плевать нужно! — кричалъ бѣдный Янкель.

Бульба медленно, потупивъ голову, оборотился и шелъ назадъ, преслѣдуемый укорами Янкеля, котораго ѣла грусть при мысли о даромъ потерянныхъ червонцахъ.

— И на чтѣ бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народъ, что не можетъ не браниться! Охъ, вей миръ, какое счастье посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то только, что прогналъ насъ! А нашъ братъ: ему и пейсики оборвутъ, и изъ морды сдѣлаютъ такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червонныхъ. О, Боже мой! Боже милосердый!

Но неудача эта гораздо болѣе имѣла вліянія на Бульбу. Она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его глазахъ.

— Пойдемъ! — сказалъ онъ вдругъ, какъ бы встряхнувшись: — пойдѣмъ на площадь! Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить.

— Ой, пань, зачѣмъ ходить? Вѣдь намъ этимъ не помочь уже.

— Пойдемъ! — упрямо сказалъ Бульба, и жидь, какъ нянька, вздыхая, побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ, самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали спросонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусарь, не пропускали,

однакоже, случая полюбопытствовать. «Ахъ, какое мученье!» кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь; однакожь, проставали иногда довольное время. Иной, и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ, лѣзъ впередъ и желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Изъ толпы узкихъ, небольшихъ и обыкновенныхъ головъ высовывалъ свое толстое лицо мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ видомъ знатока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но большая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что ни случается въ свѣтѣ, смотреть, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу.

На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ, или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ, который надѣлъ на себя рѣшительно все, что у него ни было, такъ что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на шеѣ съ какимъ-то дукатомъ. Онъ стоялъ съ коханкою своею, Юзысею, и безпрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замарать ея шелковаго платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить. «Вотъ это, душечка Юзыся, — говорилъ онъ: — весь народъ, что вы видите, пришелъ затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого, что у него, душечка, уже больше не будетъ головы». И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ.

Крыши домовъ были усѣяны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи въ усачъ и въ чемъ-то похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за перилы. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ, въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными назадъ рукавами, разносилъ тутъ же разные напитки и съѣстное. Часто шалуныя съ черными глазами, схвативши съѣжною ручкою свою пирожное и плоды, кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на подхватъ свои шапки, и какой-нибудь высокой шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ полиняломъ красномъ кунтушѣ, съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый, съ помощью длинныхъ рукъ, цѣловалъ полученную добычу, прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколы, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балкономъ, былъ также зрителемъ: перегнувши набокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ также внимательно народъ.

Но толпа вдругъ зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса:

— Ведуть! ведуть!.. Козаки!

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами. Бороды у нихъ были отпущены; они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостію; ихъ платья, изъ дорогого сукна, износились и болтались на

нихъ ветхими доскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ въ него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руки вверхъ и произнесъ громко:

— Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! Чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!

Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

— Добре, сынку, добре! — сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки и... Я не стану смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волосы. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою до такой степени, что сдѣлался глухъ для человѣколюбія. Должно, однакожъ, сказать, что король всегда почти являлся первымъ противникомъ этихъ ужасныхъ мѣръ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе козачьей націи. Но король не могъ сдѣлать ничего противъ дерзкой воли государственныхъ магнатовъ, которые непостижимою недалековидностью, дѣтскимъ самолюбіемъ, гордостью и неосновательностью превратили сеймъ въ сатиру на правленіе.

Остапъ выносилъ терзанія, какъ исполинъ, съ невообразимою твердостью, и когда начали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, такъ что ужасный хряскъ ихъ слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стонъ, не вырвалось изъ устъ его; лицо его не дрогнуло.

Тарасъ стоялъ въ толпѣ съ потупленною головою и съ поднятыми, однакожъ, глазами и одобрительно только говорилъ: «Добре, сынку, добре!»

Наконецъ, сила его, казалось, начала подаваться. Когда онъ увидѣлъ новыя адскія орудія казни, которыми готовились вытягивать изъ него жилы, губы его начали шевелиться.

— Батько! — произнесъ онъ все еще твердымъ голосомъ, показывавшимъ желаніе пересилить муки: — батько! гдѣ ты? слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллионъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда они немного отделились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

IX.

Слѣдъ Тарасовъ отыскался: тридцать тысячъ козацкаго войска показались на границахъ Украйны. Это уже не былъ какой-нибудь отрядъ, выступившій для добычи или своей отдѣльной цѣли: это было дѣло общее. Это — цѣлая нація, которой терпѣніе уже переполнилось, поднялась мстить за оскорбленныя права свои, за униженную религію свою и обычай, за вѣроломныя убійства гетмановъ своихъ и полковниковъ, за насилія жидовскихъ

арендаторовъ и за все, въ чемъ считалъ себя оскорбленнымъ угнетенный народъ.

Верховнымъ начальникомъ войскъ былъ гетманъ Острица, еще молодой, кипѣвшій желаніемъ скорѣе сбросить утѣснительный деспотизмъ, наложенный самоуправіемъ государственныхъ магнатовъ, и очистить Украину отъ жидовства, уніи и посторонняго сброда. Возлѣ него былъ виденъ престарѣлый и опытный товарищъ и совѣтникъ его, Гуня. Сорокъ тысячъ лошадей нетерпѣливо ржали подъ сѣдоками и безъ сѣдоковъ. Восемь полковъ, изъ которыхъ половина конныхъ и половина пѣшихъ, въ суконныхъ алахъ, синихъ и желтыхъ кафтанахъ, выступали браво и горделиво. Восемь опытныхъ полковниковъ правили ими и хладнокровнымъ движеніемъ бровей своихъ ускоряли или останавливали нетерпѣливый походъ ихъ.

Однимъ изъ нихъ начальствовалъ Бульба. Преклонныя лѣта, слава и опытность давали ему значительный перевѣсъ въ совѣтъ; но неумолимая и свирѣпая жестокость его казалась ужасною даже для глубоко оскорбленныхъ защитниковъ. Его совѣтъ дышалъ только однимъ истребленіемъ, и сѣдая голова его определяла только огонь и вистѣлицу.

Не буду описывать тѣхъ битвъ, гдѣ отличились козаки, ни постепеннаго хода всей великой кампаніи: это принадлежитъ исторіи. Тамъ изображено подробно, какъ бѣжали польскіе гарнизоны изъ освобождаемыхъ городовъ, какъ были перевѣшаны безсовѣстные арендаторы-жиды, какъ слабъ былъ коронный гетманъ Николай Потоцкій съ многочисленною своею арміею противъ этой непреодолимой силы, какъ, разбитый, преслѣдуемый, перетопилъ онъ въ небольшой рѣчкѣ лучшую часть своего войска, какъ облегли его въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ грозныя козацкіе полки, и какъ приведенный въ крайность польскій гетманъ клятвенно обѣщалъ полное удовлетвореніе во всемъ козакамъ, со стороны короля и государственныхъ чиновъ, и возвращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ; но козаки, наученные прежнимъ вѣроломствомъ, были неумолимы, и Потоцкій не красовался бы болѣе на шеститысячномъ своемъ аргамакѣ, привлекая взоры знатныхъ паннъ и зависть дворянства, если бы не спасло его находившееся въ мѣстечкѣ русское духовенство. Торжественная процессія съ образами и крестами и мольбы священника-старца тронули козаковъ, еще чувствовавшихъ узы, привязывавшія ихъ къ королю. Гетманъ и полковники рѣшились отпустить Потоцкаго не прежде, какъ заключивши трактатъ, обезпечившій бы во всемъ козаковъ.

Но непреклонный Тарасъ вырвалъ изъ бѣлой головы своей клокъ волосъ, когда увидѣлъ такое, по словамъ его, бабѣ малодушіе полковниковъ.

— Не попушу, полковники, чтобы вы учинили такое дѣло, — вскричалъ онъ твердо.

Но на этотъ разъ совѣтъ его былъ отвергнутъ.

— Эй, не вѣрьте, паны, ляхамъ! — повторилъ онъ опять тѣмъ же голосомъ, помахивая нагайкою и хлеснувши ею по пушкѣ.

Когда же полковой писарь подалъ уже написанное условіе подписать гетману, онъ махнулъ рукою и сказалъ:

— Оставайтесь же себѣ, паны! Меня вы больше не увидите. Смотрите, паны: вы вспомните меня!

И голосъ его имѣлъ въ себѣ что-то пророческое.

— Вы думаете, что купили этимъ спокойствіе и будете теперь пановать, — увидите, что не будетъ сего! Сдерутъ съ твоей головы, гетманъ, кожу, набьютъ ее гречаною половою, и долго будутъ видѣть ее по ярмаркамъ! Да и у васъ, паны, у рѣдкаго уцѣлѣетъ голова! Пропадете вы въ

сырыхъ погребахъ, замурованные въ каменные стѣны, если не сварятъ васъ живыхъ въ котлахъ, какъ барановъ!

— А вы, хлопцы, хотите умирать? — продолжалъ онъ, обращаясь къ своему полку: — умирать такъ, какъ умирають честные козаки? А можетъ-быть, вы думаете еще пожить да залечь дома на печь, да и лежать тамъ, покамѣсть не приберетъ врагъ? Что жъ лучше, спрашиваю я васъ, молодцы: воротиться ли до дому, чтобы каждый день колотила васъ жинка, и, напившись, пропасть гдѣ-нибудь подъ тыномъ, какъ собака, или всѣмъ, какъ вѣрнымъ лыцарямъ, какъ братьямъ роднымъ, лечь вмѣстѣ на полѣ и оставить по себѣ славу навѣки?

— За тобою, пане полковнику, за тобою всѣ! — отвѣчали передніе въ полку. — Веди насъ! Ей-Богу, веди!

— Добре, паны молодцы! — сказалъ Тарасъ, взявши свою шапку въ руки и потомъ опять надѣвши ее на голову. Глаза его сверкнули. — Вырѣжемъ все католичество, чтобы его и духу не было! Пусть пропадутъ нечестивые! Гайда, хлопцы!

Сказавши это, изступленный сѣдой фанатикъ отправился съ полкомъ своимъ въ путь. Другіе козаки съ завистью глядѣли на удалявшихся сотоварищей, и только одно строгое повиновение къ полковникамъ, бывшее всегдашнее ихъ добродѣтелию, прелятствовало многимъ охотникамъ къ нимъ присоединиться.

Гетманъ и полковники не остановили удалявагося полка. Казалось, предсказаніе Тараса нѣсколько смутило ихъ, — по крайней мѣрѣ, они сидѣли нѣсколько времени молча и не глядя другъ на друга. Скоро, однакоже, пророческія слова Бульбы исполнились. Немного времени спустя послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневымъ, голова гетмана вздернута была на коль вмѣстѣ со многими сановниками.

Но обратимся къ нашей исторіи. Что же дѣлалъ Тарасъ со своимъ полкомъ? А Тарасъ выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, около сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова. Напрасно небольшіе отряды войскъ посылаемы были схватить его: онъ всегда почти разминался съ ними. Онъ поступалъ неожиданно, скрывая свои намѣренія, и когда одно селеніе или небольшой городокъ ожидалъ съ ужасомъ его прибытія, онъ вдругъ перемѣнялъ дорогу и несъ гибель туда, гдѣ его вовсе не ожидали. Никакая кисть не осмѣлилась бы изобразить всѣхъ тѣхъ свирѣпствъ, которыми были означены разрушительныя его опустошенія. Ничто похожее на жалость не проникало въ это старое сердце, кипѣвшее только отмщеніемъ. Никому не оказывалъ онъ пощады. Напрасно несчастныя матери и молодыя жены и дѣвочки, изъ которыхъ нныя были прекрасны и невинны, какъ ландышъ, думали спастись у алтарей: Тарасъ зажигалъ ихъ вмѣстѣ съ костеломъ. И когда бѣлыя руки, сопровождаемыя крикомъ отчаянія, подымались изъ ужаснаго потопа огня и дыма къ небу и растрепанные волосы сквозь дымъ разсыпались по плечамъ ихъ, а свирѣпые козаки подымали копьями съ улицъ плачущихъ младенцевъ и бросали ихъ къ нимъ въ пламя, — онъ глядѣлъ съ какимъ-то ужаснымъ чувствомъ наслажденія и говорилъ:

— Это вамъ, вражья ляхи, поминки по Остапъ!

И такія поминки по Остапъ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи. Наконецъ, польское правительство увидѣло, что поступки Тараса были нѣсколько болѣе, нежели обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непременно Тараса.

Тарасъ понялъ опасность и поверотилъ назадъ. Проселочными дорогами, ночью, скакалъ онъ съ своими козаками во всю мочь, и одни только татарскіе

кони, которыхъ онъ имѣлъ обычай держать цѣлый табунъ при своемъ войскѣ, могли вынести необыкновенную быстроту его бѣгства. Но на этотъ разъ Потоцкій былъ достоинъ возложеннаго на него порученія: онъ преслѣдовалъ его съ удивительною неутомимостью и, наконецъ, настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для небольшого роздыха оставленную, полуразвалившуюся крѣпость.

Крѣпость была на возвышенномъ мѣстѣ и оканчивалась къ рѣкѣ такою страшною, почти наклоненною стремниною, что, казалось, ежеминутно готова была обрушиться въ волны. Почти на двадцать саженъ внизъ шумѣлъ Днѣстръ. Здѣсь-то облегалъ его Потоцкій своими войсками съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ полю и къ оврагамъ неровныхъ береговъ. Тарась, съ помощью своей храбрости и упрямой воли, могъ сдѣлать тщетными всѣ усилія осаждающихъ; но онъ не имѣлъ въ опустѣлой крѣпости никакихъ средствъ для прокормленія, а козаки менѣе всего могли сносить голодь, особливо когда видѣли, что онъ долженъ, наконецъ, окончиться медленною смертью. Съ рѣкою невозможно было имѣть сообщенія: одна только половина узенькой дорожки висѣла вверху, остальная упала въ волны съ недавно отколовшеюся глыбою скалы, и вмѣсто нея осталась стремнина.

Тарась рѣшился оставить крѣпость, попробовать удачи прорваться сквозь ряды непріятелей и по берегу достигнуть такого мѣста, съ котораго бы можно было вкнутиться на лошадяхъ и пуститься съ ними вплавь. Онъ стремительно вышелъ изъ крѣпости, и уже козаки пробрались сквозь непріятельскіе ряды, какъ вдругъ Тарась, остановившись и нагнувшись въ землю, сказалъ:

— Стой братцы! уронилъ люльку! — Въ это самое время онъ почувствовалъ себя въ дожихъ рукахъ, былъ схваченъ набѣжавшимъ съ тыла отрядомъ и отрѣзанъ отъ своихъ. Онъ двинулъ своими членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки.

— Эхъ, старость, старость! — сказалъ онъ, почти что не заплакавъ.

Ему прикрутили руки, увязали веревками и цѣпами, привязали его къ огромному бревну, правую руку, для бѣльшей безопасности, прибили гвоздемъ и поставили это бревно рубомъ въ разсѣлину стѣны, такъ что онъ стоялъ выше всѣхъ и былъ виденъ всѣмъ войскамъ, какъ побѣдный трофей удачи. Вѣтеръ развѣвалъ его бѣлые волосы. Казалось, онъ стоялъ на воздухѣ, и это, вмѣстѣ съ выраженіемъ сильнаго безсилія, дѣлало его чѣмъ-то похожимъ на духа, представшаго воспрепятствовать чему-нибудь сверхъестественною своею властью и увидѣвшаго ея ничтожность. Въ лицѣ его не было замѣтно никакой заботы о себѣ. Онъ вперилъ глаза въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались козаки. Ему съ высоты все было видно, какъ на ладони.

— Занимайте, хлопцы, — кричалъ онъ: — занимайте, вражьи дѣти, говорю вамъ, скорѣе горку, чѣмъ за лѣсомъ: туда не подступать они!

Но вѣтеръ не донесъ его словъ.

— Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что! — говорилъ онъ съ бѣшенствомъ и взглянулъ внизъ, гдѣ блестялъ Днѣстръ. Чувство радости сверкнуло въ его глазахъ. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника три кормы. Онъ собралъ всѣ усилія и закричалъ такъ, что едва не оглушилъ стоявшихъ близъ него:

— Хлопцы, къ берегу, къ берегу! Подъ кручею, гдѣ крѣпость, стоять челны, а за ними въ двадцати шагахъ спускъ къ берегу! Да забирайте всѣ челны, чтобы не было погони!

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны козаками. Но ударъ обухомъ по головѣ за такой совѣтъ переверотилъ въ его глазахъ все. Его опустили вмѣстѣ съ бревномъ ниже, чтобы онъ не могъ болѣе подавать своихъ наставленій.

Козаки поворотили коней и бросились бѣжать во всю прыть; но берегъ все еще состоялъ изъ стремнинъ. Они бы достигли пониженія его, если бы дорогу не преграждала пропасть сажени въ четыре шириною: однѣ только сваи разрушеннаго моста торчали на обоихъ концахъ; изъ недосыгаемой глубины ея едва доходило до слуха умиравшее журчаніе какого-то потока, низвергавшагося въ Днѣстръ. Эту пропасть можно было объѣхать, взявши вправо; но войска неприятельскія были уже почти на плечахъ ихъ. Козаки только одинъ мигъ ока остановились, подняли свои нагайки, свиснули — и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластались въ воздухъ, какъ змѣи, и перелетѣли черезъ пропасть. Подъ однимъ только конь оступился, но зацѣпился копытомъ и, привыкшій къ крымскимъ стремнинамъ, выкарабкался съ своимъ сѣдокомъ. Отрядъ неприятельскихъ войскъ съ изумленіемъ остановился на краю пропасти. Начальствовавшій ими полковникъ, молодой, неустрашимый до безразсудности (онъ былъ братъ прекрасной полячки, обворожившей бѣднаго Андрія), безъ дальняго размышленія рѣшился повторить и себѣ то же и, желая подать примѣръ своему отряду, бросился впередъ съ конемъ своимъ; но острые камни изорвали его, пропавшаго среди пропасти, въ клочки, и мозгъ его, смѣшанный съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда Бульба очнулся немного отъ своего удара и глянулъ на Днѣстръ, онъ увидѣлъ подъ ногами своими козаковъ, садившихся въ лодки. Глаза его сверкнули радостью. Градь пуль сыпался сверху на козаковъ, но они не обращали никакого вниманія и поспѣшно отчаливали отъ берега.

— Прощайте, паны-браты товарищи! — говорилъ онъ имъ сверху: — вспоминайте иной часъ обо мнѣ! Объ участи же моей не заботьтесь! Я знаю свою участь: я знаю, что меня заживо разнимутъ по кускамъ, и что кусочка моего тѣла не оставятъ на землѣ — да то уже мое дѣло... Будьте здоровы, пане-браты товарищи! Да глядите, прибывайте на слѣдующее лѣто опять, да погуляйте хорошенько!..

Ударъ обухомъ по головѣ пресѣкъ его рѣчи.

Чортъ побери! да есть ли чтò на свѣтѣ, чего бы побоялся козакъ? Не малая рѣка Днѣстръ; а какъ погонитъ вѣтеръ съ моря, то валъ дохлестываетъ до самаго мѣсяца. Козаки плыли подъ пулями и выстрѣлами, осторожно миная зеленые острова; хорошенько выправляли парусъ, дружно и мѣрно ударяли веслами и говорили про своего атамана.

О ДВИЖЕНИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

въ 1834 и 1835 году.

Журнальная литература, эта живая, свѣжая, говорливая, чуткая литература, такъ же необходима въ области наукъ и художествъ, какъ пути сообщенія для государства, какъ ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочаетъ вкусомъ толпы, обращаетъ и пускаетъ въ ходъ все выходящее наружу въ книжномъ мірѣ, и которое безъ того было бы, въ обоихъ смыслахъ, мертвымъ капиталомъ. Она — быстрый, своенравный размѣтъ всеобщихъ мнѣній, живой разговоръ всего тиснимаго типографскими станками; ея голосъ есть вѣрный представитель мнѣній цѣлой эпохи и вѣка, — мнѣній, безъ нея бы исчезнувшихъ безгласно. Она волею и неволею захватываетъ и увлекаетъ въ свою область девять десятыхъ всего, что дѣлается принадлежностію литературы. Сколько есть людей, которые судятъ, говорятъ и толкуютъ потому, что всѣ сужденія поднесены имъ почти готовые, и которые сами отъ себя вовсе не толковали бы, не судили, не говорили. Итакъ, журнальная литература во всякомъ случаѣ имѣетъ право требовать самаго пристального вниманія.

Можетъ-быть, давно у насъ не было такъ рѣзко замѣтно отсутствія журнальной дѣятельности и живого современнаго движенія, какъ въ послѣдніе два года. Безцвѣтность была выраженіемъ большей части повременныхъ изданій. Многіе старые журналы прекратились, другіе тянулись медленно и вяло; новыхъ, кромѣ «Библиотеки для Чтенія», и впоследствии «Московского Наблюдателя», не показалось, между тѣмъ какъ именно въ это время была замѣтна всеобщая потребность умственной пищи, и значительно возросло число читающихъ. Какъ ни бѣдна эта эпоха, но она такое же имѣетъ право на наше вниманіе, какъ и та, которая бы кипѣла движеніемъ, ибо также принадлежитъ исторіи нашей словесности. Читатели имѣли полное право жаловаться на скудость и постный видъ нашихъ журналовъ; «Телеграфъ» давно потерялъ тотъ рѣзкій тонъ, который давало ему воинственное его положеніе въ отношеніи журналовъ петербургскихъ; «Телескопъ» наполнялся статьями, въ которыхъ не было ничего свѣжаго, животрепещущаго.

Въ это время книгопродавецъ Смирдинъ, давно уже извѣстный своею дѣятельностію и добросовѣстностію, который одинъ только, къ стыду прочихъ недалнозоркихъ своихъ товарищей, показалъ предпримчивость, и своими оборотами далъ движеніе книжной торговлѣ, — книгопродавецъ Смирдинъ рѣшился издавать журналъ обширный, энциклопедическій, завоевать всѣхъ литераторовъ, сколько ни есть ихъ въ Россіи, и заставить ихъ участвовать въ своемъ предпріятіи. Въ программѣ были выставлены имена почти всѣхъ нашихъ писателей. Профессоръ арабской словесности, г. Сенковскій, взялся быть распорядителемъ журнала; къ нему былъ присоединенъ редакторомъ г. Гресь, извѣстный уже постояннымъ изданіемъ двухъ журналовъ: «Сѣверной Пчелы»

и «Сына Отечества». Не знаемъ, сами ли они взялись за сіе дѣло, или упрощены были г. Смирдинымъ, но въ томъ и другомъ случаѣ книгопродавецъ, по общему мнѣнію, поступилъ нѣсколько неосмотрительно. Успѣвши соединить для своего изданія такое множество литераторовъ, онъ долженъ былъ предложить ихъ суду избраніе редактора.

Никто тогда не позаботился о весьма важномъ вопросѣ: долженъ ли журналъ имѣть одинъ опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній и толковъ. Журналъ на сей счетъ отозвался глухо, обыкновеннымъ объявленіемъ, что критика будетъ самая благонамѣренная и безпристрастная, чуждая всякой личности и неприличности, — общаніе, которое даетъ всякій журналистъ. Съ выходомъ первой книжки публика ясно увидѣла, что въ журналѣ господствуетъ тонъ, мнѣнія и мысли *одного*, что имена писателей, которыхъ блестящая шеренга наполнила подстраницы заглавнаго листка, взята была только напрокатъ, для привлеченія большаго числа подписчиковъ.

Книгопродавецъ Смирдинъ исполнилъ съ своей стороны все, чего публика въ правѣ была отъ него требовать. Ту же самую честность, которая всегда отличала его, показалъ онъ и въ изданіи журнала. Журналъ выходилъ съ необыкновенною исправностію: подписчики, вмѣстѣ съ первымъ числомъ каждаго мѣсяца, встрѣчали толстую книгу, какой у насъ въ прежнее время ни одна типографія не могла бы поставить въ два мѣсяца. Вмѣсто обѣщаннаго числа осмнадцати листовъ въ мѣсяцъ, выходило иногда вдвое болѣе. Теперь рассмотримъ, исполнили ли долгъ тѣ, которымъ онъ ввѣрялъ внутреннее распоряженіе журнала. — Главнымъ дѣятелемъ и движущею пружиною всего журнала былъ г. Сенковскій. Имя г. Греча выставлено было только для формы, — по крайней мѣрѣ, никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Г. Гречъ давно уже сдѣлался почетнымъ и необходимымъ редакторомъ всякаго предпринимаемаго періодическаго изданія: такъ обыкновенно почтеннаго пожилого человѣка приглашаютъ въ посаженные отцы на всѣ свадьбы. Но какая цѣль была редакціи этого журнала, какую задачу предположила она рѣшить? Здѣсь поневолѣ должны мы задуматься, что, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ и читатель. Въ программѣ ничего не сказалъ г. Сенковскій о томъ, какой начерталъ для себя путь, какую выбралъ себѣ цѣль; всѣ увидѣли только, что онъ взошелъ незамѣтно въ первый номеръ и въ концѣ его развернулся, какъ полный хозяинъ.

Впрочемъ, нельзя жаловаться и на это: положимъ, для журналиста необходимо рѣзкій тонъ и нѣкоторая даже дерзость (чего, однакожъ, мы не одобряемъ, хотя намъ извѣстно, что съ подобными качествами журналисты всегда выигрываютъ въ мнѣніи толпы): но на что преимущественно было обращено вниманіе сего хозяина, какая мысль его пересиливала всѣ прочія, къ чему направлено было его пристрастіе, были ли гдѣ замѣтны тѣ неподвижныя правила, безъ коихъ человѣкъ дѣлается безхарактернымъ, которыя даютъ ему оригинальность и опредѣляютъ его физиогномію?

Прочитавши все, помѣщенное имъ въ этомъ журналѣ, слѣдуя за всѣми словами, сказанными имъ, невольно остановимся въ изумленіи: что это такое? что заставляло писать этого человѣка? Мы видимъ человѣка, который беретъ деньги вовсе не даромъ, который трудится до поту лица, не только заботится о своихъ статьяхъ, но даже переправляетъ чужія, — однимъ словомъ, является неутомимымъ. Для чего же вся эта дѣятельность? Послѣдуемъ за распорядителемъ во всѣхъ родахъ его сочиненій и скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ качествахъ его статей. Это во всѣхъ отношеніяхъ необходимо.

Г. Сенковскій является въ журналѣ своемъ, какъ критикъ, какъ повѣствователь, какъ ученый, какъ сатирикъ, какъ глашатай новостей и проч. и проч., является въ видѣ Брамбеуса, Морозова, Тютюнджу Оглу, А. Бѣлкина, наконецъ, въ собственномъ видѣ. Какъ ученый, Г. Сенковскій помѣстилъ довольно большую статью о сагахъ, — статью, исполненную ипотезъ, не собственныхъ, но схваченныхъ на удачу изъ разныхъ бѣгло прочитанныхъ книгъ, — ипотезъ, вовсе не принадлежащихъ русской исторіи. Эти саги, которыя проникательный Шлѣцеръ, не имѣющій дониндѣ равнаго по строгому и глубокому критическому взгляду, призналъ за басни, недостойныя никакого вниманія, — эти саги онъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ русской исторіи и не приводитъ ни одного доказательства, повѣреннаго критикомъ: онъ вовсе не опредѣлилъ ихъ истиннаго и единственнаго достоинства. Саги суть поэтическое созданіе народа, игравшаго великую въ исторіи роль. Эта статья, испещренная риторическими фигурами, понравилась добрымъ, но ограниченнымъ людямъ, а г. Булгаринъ даже написалъ рецензію, въ которой поставилъ г. Сенковскаго выше Шлѣцера, Гумбольдта и всѣхъ когда-либо существовавшихъ ученыхъ. Другое весьма важное притязаніе г. Сенковскаго и настоящій конекъ его есть Востокъ. Здѣсь онъ всегда возвышалъ голосъ, и какъ только выходило какое-нибудь сочиненіе о Востокѣ, или упоминалось гдѣ-нибудь о Востокѣ, хотя бы даже это было въ стихотвореніи, онъ гнѣвался и утверждалъ, что авторъ не можетъ судить и не долженъ судить о Востокѣ, что онъ не знаетъ Востока. Слово, сказанное съ сердцемъ, очень извинительно въ чловѣкѣ, влюбленномъ въ свой предметъ, и который, между тѣмъ, видитъ, какъ мало понимаютъ его другіе; но этотъ чловѣкъ уже долженъ, по крайней мѣрѣ, утвердить за собою авторитетъ. Г. Сенковскому, точно, слѣдовало бы издать что-нибудь о Востокѣ. Чловѣку, ничего не сдѣлавшему, трудно вѣрить на слово, особливо, когда его сужденія такъ легковѣсны и проникнуты духомъ нетерпимости; а изъ нѣкоторыхъ его отрывковъ о Востокѣ видны тѣ же самые недостатки, которые онъ безпрестанно порицаетъ у другихъ. Ничего новаго не сказалъ онъ въ нихъ о Востокѣ, — ни одной яркой черты, сильной мысли, гениальнаго предположенія! Нельзя отвергать, чтобы г. Сенковскій не имѣлъ свѣдѣній; напротивъ, очень видно, что онъ много читалъ; но у него нигдѣ не замѣтно этой движущей, господствующей силы, которая направляла бы его къ какой-нибудь цѣли. Всѣ эти свѣдѣнія находятся у него въ какомъ-то броженіи, другъ другу противорѣчатъ, между собою не уживаются. Разсмотримъ его мнѣнія, относящіяся собственно къ текущей изящной литературѣ. Въ критикѣ г. Сенковскій показалъ отсутствіе всякаго мнѣнія, такъ что ни одинъ изъ читателей не можетъ сказать навѣрное, что болѣе нравилось рецензенту и заняло его душу, что пришлось по его чувствамъ: въ его рецензіяхъ нѣтъ ни положительнаго, ни отрицательнаго вкуса, — вовсе никакого. То, что ему нравится сегодня, завтра дѣлается предметомъ его насмѣшекъ. Онъ первый поставилъ г. Кукольника на ряду съ Гёте и самъ же объявилъ, что это сдѣлано имъ потому только, что такъ ему вздумалось. Стало-быть, у него рецензія не есть дѣло убѣжденія и чувства, а просто слѣдствіе расположенія духа и обстоятельствъ. Вальтеръ Скоттъ, этотъ великій гений, коего безсмертныя созданія объемлютъ жизнь съ такою полнотою, Вальтеръ Скоттъ названъ шарлатаномъ. И это читала Россія, это говорилось людямъ, уже образованнымъ, уже читавшимъ Вальтеръ Скотта. Можно быть увѣрену, что г. Сенковскій сказалъ это совѣмъ безъ всякаго намѣренія, изъ одной опрометчивости, потому что онъ никогда не заботится о томъ, что говорить, и въ слѣдующей статьѣ уже не помнитъ вовсе написаннаго въ предыдущей.

Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковскій тоже никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія, не опредѣлялъ вѣрными и точными чертами его достоинства: критика его была или безусловная похвала, въ которой рецензентъ отъ всей души тѣшился собственными фразами, или хула, въ которой отзывалось какое-то странное ожесточеніе. Она состояла въ мелочахъ, ограничивалась выпискою двухъ - трехъ фразъ и насмѣшкою. Ничего не было сказано о томъ, что предполагалъ себѣ цѣлю авторъ разбираемаго сочиненія, какъ оное выполнилъ, и если не выполнилъ, какъ долженъ былъ выполнить. Больше всего г. Сенковскій занимался разборомъ разнаго литературнаго сора, множествомъ всякаго рода пустыхъ книгъ; надъ ними шутилъ, трюнилъ и показывалъ то остроуміе, которое такъ нравится нѣкоторымъ читателямъ. Наконецъ, даже завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣстоименіяхъ: *сей* и *оний*, которыя показались ему, неизвѣстно почему, неуѣстными въ русскомъ слогѣ. Объ этихъ мѣстоименіяхъ писаны имъ были цѣлыя трактаты, и статьи его, разсуждавшія о какомъ бы то ни было предметѣ, всегда оканчивались тѣмъ, что мѣстоименія *сей* и *оний* совершенно неприличны. Это напомнило старый процессъ Тредьяковскаго за букву ижицу и десятиричное *і*, который впоследствии, еще не такъ давно, поддерживалъ одинъ профессоръ. Книга, въ которой г. Сенковскій встрѣчалъ эти двѣ частицы, была торжественно признаваема написанною дурнымъ слогомъ.

Его собственныя сочиненія, — повѣсти и тому подобное, являлись подъ фирмою Брамбеуса. Эти повѣсти и статьи вродѣ повѣстей своимъ близкимъ, неуѣреннымъ подражаніемъ нынѣшнимъ писателямъ французскимъ, произвели всеобщее изумленіе, потому что г. Сенковскій оуждалъ гласно всю текущую французскую литературу. Непостижимо, какъ въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ такъ мало смѣтливости и до такой степени считалъ простоватыми своихъ читателей. Неизвѣстно тоже, почему называлъ онъ нѣкоторыя статьи свои фантастическими. Отсутствіе всякой истины, естественности и вѣроятности еще нельзя считать фантастическимъ. Фантастическія сочиненія Б. Брамбеуса напоминаютъ книги, какихъ нѣкогда было очень много, какъ-то: «Не любо — не слушай, а лгать не мѣшай», и тому подобныя: та же безотчетность и еще менѣе устремленія къ доказательству какой-нибудь мысли. Опытные читатели замѣтили въ нихъ чрезвычайно много похищеній, сдѣланныхъ наскоро, на всемъ бѣгу: авторъ мало заботился о ихъ связи. То, что въ оригиналахъ имѣло смыслъ, то въ копіи было безъ всякаго значенія.

Таковы были труды и дѣйствія распорядителя «Библиотеки для Чтенія». Мы почли нужнымъ упомянуть о нихъ нѣсколько обстоятельнѣе потому, что онъ одинъ законодательствовалъ въ «Библиотекѣ для Чтенія», и что мнѣнія его разносились чрезвычайно быстро, виѣсть съ четырьмя тысячами экземпляровъ журнала, по всему лицу Россіи.

Невозможно, чтобы журналъ, издаваемый при средствахъ, доставленныхъ книгопродавцемъ Смирдинымъ, былъ плохъ. Онъ уже выигрывалъ тѣмъ, что издавался въ большомъ объемѣ, толстыми книгами. Это для подписчиковъ была пріятная новость, особливо для жителей нашихъ городовъ и сельскихъ помѣщиковъ. Въ «Библиотекѣ» находились переводы иногда любопытныхъ статей изъ иностранныхъ журналовъ, въ отдѣлѣ стихотворномъ попадались имена свѣтилъ русскаго Парнасса. Но постоянно лучшимъ отдѣленіемъ ея была *смѣсь*, вмѣщавшая въ себѣ очень много разнообразныхъ, свѣжихъ новостей, отдѣленіе живое, чисто журнальное. Изящная проза, оригинальная и переводная, — повѣсти и прочее, — оказывала очень мало вкуса и выбора. Въ «Библиотекѣ для Чтенія» случилось еще одно дотошъ неслыханное на

Руси явленіе. Распорядитель ея сталъ переправлять и передѣлывать всѣ почти статьи, въ ней печатаемыя, и любопытно то, что онъ объявлялъ объ этомъ самъ довольно смѣло и откровенно. «У насъ, — говоритъ онъ, — въ «Библіотекѣ для Чтенія» не такъ, какъ въ другихъ журналахъ: мы никакой повѣсти не оставляемъ въ прежнемъ видѣ, всякую передѣлываемъ; иногда составляемъ изъ двухъ одну, иногда изъ трехъ, и статья значительно улучшается нашими передѣлками». Такой странной опеки до сихъ поръ на Руси еще не бывало.

Многіе писатели начали опасаться, чтобы публика не приняла статей, часто помѣщаемыхъ безъ подписи или подъ вымышленными именами, за ихъ собственныя, и потому начали отказываться отъ участія въ изданіи сего журнала. Число сотрудниковъ такъ умалилось, что на другой годъ издатели не выставили уже длиннаго списка именъ и упомянули глухо, что участвуютъ лучшие литераторы, не означая, какіе. Журналь, хотя не измѣнился въ величинѣ и планѣ, но статьи замѣтно начали быть хуже; видно было менѣе старанія. «Библіотеку» уже менѣе читали въ столицахъ, но все такъ же много въ провинціяхъ, и мнѣнія ея такъ же обращались быстро. Обратимся къ другимъ журналамъ.

«Сѣверная Пчела» заключала въ себѣ официальные извѣстія и въ этомъ отношеніи выполнила свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ, г. Гречъ, довелъ ее до строгой исправности: она всегда выходила въ положенное время; но въ литературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая-то корзина, въ которую сбрасывалъ всякій все, что ему хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонные, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ «Сѣверной Пчелѣ» пробовали остроту пера разные незнакомцы, скрывавшіеся подъ разными буквами, — безъ сомнѣнія, люди молодые, потому что въ статьяхъ выказывалось довольно удаѣства. Они нападали развѣ уже на самаго беззащитнаго и круглаго сироту. Насчетъ неопытныхъ изданій являлись остроумныя колкости, нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобы расхвалить книгу и при концѣ сложить съ себя весь грѣхъ такою оговоркою: «Впрочемъ, желательно, чтобы почтенный авторъ исправилъ небольшія погрѣшности относительно языка и слога», или: «Хорошая книга требуетъ хорошаго изданія», и тому подобное, за чѣмъ авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книги часто были разбираемы тѣми же самими рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывавшихся въ столицѣ, о помадѣ и проч.; сіи извѣстія иногда довольно остроумны и въ шуткахъ своихъ показывали ловкихъ и хорошо воспитанныхъ людей, безъ сомнѣнія, имѣвшихъ основательныя причины быть довольными фабрикантами. Впрочемъ, отъ «Сѣверной Пчелы» больше требовать было нечего: она была всегда исправная еженедельная афиша, ея дѣломъ было пригласить публику, а судить она представляла самой публикѣ.

Журналь, носившій названіе «Сына Отечества» и «Сѣвернаго Архива», былъ почти невидимкою во все время. О немъ никто не говорилъ, на него никто не ссылался, несмотря на то, что онъ выходилъ исправно еженедѣльно и что печаталъ такую огромную программу на своей оберткѣ, какую врядъ ли гдѣ можно было встрѣтить. Въ «Сынѣ Отечества» (говорила программа), будутъ: археологія, медицина, правовѣдѣніе, статистика, русская исторія, всеобщая исторія, русская словесность, иностранная словесность, наконецъ, просто

словесность, географія, этнографія, историческая галерея, и прочее. Иной ахнетъ, прочитавши такую ужасную программу, и подумаетъ, что это огромное энциклопедическое изданіе, когда-либо существовавшее на свѣтѣ. Ничуть не бывало: выходила худенькая, тоненькая книжечка въ три листа, начинавшаяся статью о какихъ-нибудь болѣзняхъ, которой не читали даже медики. Критическая статья, а тѣмъ еще болѣе живая и современная, не была въ немъ постоянною. Новости политическія были тѣ же сухіе факты, взятые изъ «Сѣверной Пчелы», слѣдственно уже всѣмъ извѣстныя. Помѣщаемыя какія-то оригинальныя повѣсти были довольно странны, чрезвычайно коротенькія и совершенно безцвѣтны. Если попадалось что-нибудь достойное замѣчанія, то оно оставалось незамѣтнымъ. Имена редакторовъ, г. Булгарина и Греча, стояли только на заглавномъ листкѣ, но съ ихъ стороны рѣшительно не было видно никакого участія. Однакожъ, журналъ существовалъ, стало-быть, читатели и подписчики были. Эти читатели и подписчики были почтенные и пожилые люди, живущіе въ провинціяхъ, которымъ что-нибудь почитать такъ же необходимо, какъ заснуть часикъ послѣ обѣда или выбраться два раза въ недѣлю.

Издавалась еще въ Петербургѣ, въ продолженіе всего этого времени, газета чисто-литературная, освобожденная отъ всякихъ вторженій наукъ и важныхъ свѣдѣній, — не политическая, не статистическая, не энциклопедическая, любительница стараго, но при всемъ томъ имѣвшая особенный характеръ. Названіе этой газеты «Литературныя Прибавленія къ Инвалиду». Въ ней помѣщались легонькія повѣсти, бесѣды деревенскихъ помѣщиковъ о литературѣ, бесѣды часто довольно обыкновенныя, но иногда мѣстами проникнутыя колкостями, близкими къ истинѣ: читатель, къ изумленію своему, видѣлъ, что помѣщики къ концу статьи дѣлались совершенными литераторами, принимали къ сердцу текущую литературу и приправляли свои мнѣнія ѣдкою насмѣшкою. Этотъ журналъ всегда оказывалъ оппозицію противу всякаго счастливаго наѣздника, хотя его вся тактика часто состояла только въ томъ, что онъ выписывалъ одно какое-нибудь мѣсто, доказывающее журнальную опрометчивость, и присовокупялъ отъ себя довольно злое замѣчаніе, не длиннѣе строчки, съ восклицательнымъ знакомъ. Г. Воейковъ былъ чрезвычайно дѣятельный ловець и, какъ рыбакъ, сидѣлъ съ удой на берегу, не теряя терпѣнія, хотя на его уду попадалась болѣею частью мелкая рыба, а большая обрывалась. Въ редакторѣ была замѣтна чисто-литературная жизнь, и онъ съ неохлажденнымъ вниманіемъ не сводилъ глазъ съ журнальнаго поля. Я не знаю, много ли было читателей его газеты, но она очень стояла того, чтобы иногда въ нее заглянуть.

Въ Москвѣ издавался одинъ только «Телескопъ», съ небольшими листками прибавленія подъ именемъ «Молвы», — журналъ, вначалѣ отозвавшійся живостью, но вскорѣ простывшій, наполнявшійся статьями безъ всякаго разбора, лишенный всякаго литературнаго движенія. Видно было, что издатели не прилагали о немъ никакого старанія и выдавали книжки какъ-нибудь.

Монополія, захваченная «Библиотекою для Читенія», не могла не задѣть за живое другихъ журналовъ. Но «Сѣверная Пчела» была издаваема тѣмъ же самымъ г. Гречемъ, котораго имя нѣкоторое время стояло на заглавномъ листкѣ въ «Библиотекѣ», какъ главнаго ея редактора, хотя это званіе, какъ мы уже видѣли, было только почетное, и потому очень естественно, что «Сѣверная Пчела» должна была хвалить все, помѣщаемое въ «Библиотекѣ», и настоящаго ея движителя, являвшагося подѣ множествомъ разныхъ именъ,

называть русскимъ Гумбольдтомъ. Но и безъ того она врядъ ли бы могла явиться сильною противницею, потому что не управлялась единою волею; разные литераторы заглядывали туда только по своей надобности. «Сынъ Отечества» долженъ былъ повторять слова «Пчелы»! Итакъ, всего только два журнала могли возстать противъ его мнѣній. Г. Воейковъ показалъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» что-то похожее на оппозицію; но оппозиція его состояла въ легкихъ замѣткахъ журнальныхъ промаховъ и иногда удачной остротѣ, выраженныхъ отрывисто, въ немногихъ словахъ, съ насмѣшкою, очень понятною для немногихъ литераторовъ, но незамѣтною для непосвященныхъ. Нигдѣ не помѣстилъ онъ обстоятельной и основательной критики, которая опредѣлила бы сколько-нибудь направление новаго журнала. «Телескопъ» въ соединеніи съ «Молвою» дѣйствовалъ противъ «Библиотеки для Чтенія», но дѣйствовалъ слабо, безъ постоянства, терпѣнія и необходимаго хладнокровія. Въ статьяхъ критическихъ онъ былъ часто исполненъ негодованія противъ новаго счастливица, шутилъ надъ баронствомъ г. Сенковскаго, сдѣлалъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно его страннаго подражанія французскимъ писателямъ, но не видѣлъ дѣла во всей ясности. Въ «Молвѣ» повторялись тѣ же намеки на Брамбеуса, часто по поводу разбора совершенно посторонняго сочиненія. Кромѣ того, «Телескопъ» много вредилъ себѣ опаздываніемъ книжекъ, неаккуратностію изданія, и критическія статьи его черезъ то еще менѣе были въ оборотѣ.

Очевидно, что силы и средства этихъ журналовъ были слишкомъ слабы въ отношеніи къ «Библиотецѣ для Чтенія», которая была между ними, какъ слонъ между мелкими четвероногими. Ихъ бой былъ слишкомъ неравенъ, и они, кажется, не приняли въ соображеніе, что «Библиотека для Чтенія» имѣла около пяти тысячъ подписчиковъ, что мнѣнія «Библиотеки для Чтенія» разносились въ такихъ слояхъ общества, гдѣ даже не слышали, существуетъ ли «Телескопъ» и «Литературныя Прибавленія», что мнѣнія и сочиненія, помѣщаемыя въ «Библиотецѣ для Чтенія», были расхвалены издателями той же «Библиотеки для Чтенія», скрывавшимися подъ разными именами, расхвалены съ энтузіазмомъ, всегда имѣющимъ влияние на большую часть публики; ибо то, что смѣшно для читателей просвѣщенныхъ, тому вѣрятъ со всѣмъ простодушіемъ читатели ограниченные, какихъ, по количеству подписчиковъ, можно предполагать болѣе между читателями «Библиотеки», и къ тому же большая часть подписчиковъ были люди новые, дотолѣ не знавшіе журналовъ, слѣдственно принимавшіе все за чистую истину; что, наконецъ, «Библиотека для Чтенія» имѣла сильное для себя подкрѣпленіе въ 4.000 экземпляровъ «Сѣверной Пчелы».

Ропотъ на такую неслыханную монополію сдѣлался силенъ. Въ Москвѣ, наконецъ, нѣсколько литераторовъ рѣшились издавать какой-нибудь свой журналъ. Новый журналъ былъ не для публики, то-есть для большаго числа читателей, но собственно для литераторовъ, различно притѣсняемыхъ «Библиотекою». Онъ былъ нуженъ: 1) для тѣхъ, которые желали имѣть пріютъ для своихъ мнѣній, ибо «Библиотека для Чтенія» не принимала никакихъ критическихъ статей, если не были онѣ по вкусу главнаго распорядителя; 2) для тѣхъ, которые видѣли съ изумленіемъ, какъ на ихъ собственныя сочиненія наложена была рука распорядителя, ибо г. Сенковскій началъ уже переправлять, безо всякаго разбора лицъ, всѣ статьи, отдаваемыя въ «Библиотеку». Онъ переправлялъ статьи военныя, историческія, литературныя, относящіяся къ политической экономіи и проч., и все это дѣлалъ безъ всякаго дурного намѣренія, даже безъ всякаго отчета, не руководствуясь

никакимъ чувствомъ надобности или приличія. Онъ даже придѣлалъ свой конецъ къ комедіи Фонвизина, не разсмотрѣвши, что она и безъ того была съ концомъ.

Все это было очень досадно для писателей, рѣшительно не имѣвшихъ мѣста, куда бы могли подать жалобу свѣту и читателямъ.

Но уже одинъ слухъ о новомъ журналѣ возбудилъ негодованіе «Библиотеки для Чтенія» и подвинулъ ее къ неожиданному поступку: она увѣряла своихъ читателей и подписчиковъ съ необыкновеннымъ жаромъ, что новый журналъ будетъ бранчивый и неблагонамѣренный. Статья, помѣщенная по этому же случаю въ «Сѣверной Пчелѣ», казалось, была писана человекомъ, въ отчаяніи предвидѣвшимъ свою конечную гибель. Въ ней увѣдомляли публику, что новый журналъ хотѣлъ уронить «Библиотеку для Чтенія», потому только, что издатели онаго объявили, что будутъ выпускать таковое же число листовъ, какъ и «Библиотеки для Чтенія». Поступокъ чрезвычайно неосмотрительный! Въ подобномъ дѣлѣ необходимо скрыть свои мелкія чувства искусно и потомъ, выждавъ удобный случай, нанести обдуманнѣйшій ударъ. Если я издаю журналъ, зачѣмъ же не издавать его и другому! И какъ могу гнѣваться, если другой скажетъ, что онъ будетъ брать меня въ образецъ? Не долженъ ли я, напротивъ, его благодарить? Не показываетъ ли онъ тѣмъ степень уваженія, мною заслуженнаго въ публикѣ? Чѣмъ больше соревнованія, тѣмъ больше выигрышей для читателей и для литераторовъ.

Но разсмотримъ, въ какой степени «Московскій Наблюдатель» выполнилъ ожиданія публики, жадной до новизны, ожиданіе читателей образованныхъ, ожиданіе литераторовъ и опасеніе «Библиотеки для Чтенія».

Новый журналъ, несмотря на ревностное стараніе привести себя во всеобщую извѣстность, не имѣлъ средствъ огласить во всѣ углы Россіи о своемъ появленіи, потому что единственные глашатаи вѣстей были его противники «Сѣверная Пчела» и «Библиотека для Чтенія», которыя, конечно, не помѣстили бы благопріятныхъ о немъ объявленій. Онъ начался довольно поздно, не съ новымъ годомъ, слѣдственно не въ то время, когда обыкновенно начинаются подписки; наконецъ, онъ пренебрегъ быстрымъ выходомъ книжекъ и срочною ихъ поставкою. Но важнѣйшія причины неуспѣха заключались въ характерѣ самаго журнала. По первымъ вышедшимъ книжкамъ уже можно было видѣть, что предположеніе журнала было слѣдствіемъ одного горячаго мнovenія. Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» тоже не было видно никакой сильной пружины, которая управляла бы ходомъ всего журнала. Редакторъ его виденъ былъ только на заглавномъ листѣ. Имя его было почти неизвѣстно. Онъ написалъ доселѣ нѣсколько сочиненій статистическихъ, имѣющихъ много достоинства, но которыхъ публика чисто литературная не знала вовсе. Литературныя мнѣнія его были неизвѣстны. Въ этомъ состояла большая ошибка издателей «Московского Наблюдателя». Они позабыли, что редакторъ всегда долженъ быть виднымъ лицомъ. На немъ, на оригинальности его мнѣній, на живости его слога, на общепонятности и общезанимательности языка его, на постоянной свѣжей дѣятельности его основывается весь кредитъ журнала. Но г. Андросовъ явился въ «Московскомъ Наблюдателѣ» вовсе незамѣтнымъ лицомъ. Если желаніе издателей было постановить только почетнаго редактора, какъ вошло въ обычай у насъ на лѣнливой Руси, то въ такомъ случаѣ они должны были труды редакціи разложить на себя; но они оставили всю отвѣтственность на редакторѣ, и «Московскій Наблюдатель» сталъ похожъ на тѣ ученые общества, гдѣ члены ничего не дѣлаютъ и даже не бывають

въ присутствіи, между тѣмъ какъ президентъ является каждый день, садится въ свои кресла и велитъ записывать протоколъ своего уединеннаго засѣданія. Въ журналъ было нѣсколько очень хорошихъ статей; его украсили стихи Языкова и Баратынскаго, эти перлы русской поэзіи; но, при всемъ томъ, въ журналъ не было замѣтно никакой современной живости, никакого хлопотливаго движенія; не было въ немъ разнообразія, необходимаго для изданія періодическаго. Замѣчательныя статьи, поступавшія въ этотъ журналъ, были похожи на оазисы, зеленѣющіе посреди цѣлаго моря песчаныхъ степей. Притомъ издатели, какъ кажется, мало имѣли свѣдѣнія о томъ, что нравится и что не нравится публикѣ. Статьи, часто хорошія, дѣлались скучными, потому только, что онѣ тянулись изъ одного нумера въ другой съ несносною подписью: *продолженіе впродъ*. Вотъ каковъ былъ журналъ, долженствовавшій бороться съ «Библіотекой для Чтенія».

«Наблюдатель» начался оппозиціонною статьею г. Шевырева о торговлѣ, зародившейся въ нашей литературѣ. Въ ней авторъ нападаетъ на торговлю въ ученномъ мірѣ, на всеобщее стремленіе составить себѣ доходъ изъ литературныхъ занятій. Первая ошибка была здѣсь та, что авторъ статьи обратилъ вниманіе не на главный предметъ. Во-вторыхъ, онъ гремѣлъ противъ пишущихъ за деньги, но не разрушилъ никакого мнѣнія въ публикѣ касательно внутренней цѣнности товара. Статья сія была понятна однимъ литераторамъ, нанесла досаду «Библіотекѣ для Чтенія», но ничего не дала знать публикѣ, не понимавшей даже, въ чемъ состояло дѣло. Притомъ сіи нападенія были несправедливы, потому что устремлялись на непреложный законъ всякаго дѣйствія. Литература должна была обратиться въ торговлю, потому что читатели и потребность чтенія увеличились. Естественное дѣло, что при этомъ случаѣ всегда больше выигрываютъ люди предприимчивые, безъ большого таланта, ибо во всякой торговлѣ, гдѣ покупщики еще простоваты, выигрываютъ больше купцы оборотливые и пронырливые. Должно показать, въ чемъ состоитъ обманъ, а не пересчитывать ихъ барыши. Что литераторъ купилъ себѣ доходный домъ или пару лошадей, это еще не бѣда; дурно то, что часть бѣднаго народа купила худой товаръ и еще хвалится своею покупкою. Должно было обратить вниманіе г. Шевыреву на бѣдныхъ покупщиковъ, а не на продавцовъ. Продавцы обыкновенно бываютъ люди наѣздные: сегодня здѣсь, а завтра, Богъ знаетъ, гдѣ. При этомъ случаѣ сдѣланъ былъ несправедливый упрекъ книгопродавцу Смирдину, который вовсе не виноватъ, который за предприимчивость и честную дѣятельность заслуживаетъ одну только благодарность. Нѣтъ спора, что онъ далъ, можетъ-быть, много воли людямъ, которымъ приличіе было заниматься просто торговлею, а не литературою. Талантъ не искателенъ, но корыстолюбіе искательно. На это такъ же смѣшно жаловаться, какъ было бы странно жаловаться на правительство, встрѣтивши недалновиднаго чиновника. Для таланта есть потомство, этотъ неподкупный ювелиръ, который оправляетъ одни чистые брилліанты.

Г. Шевыревъ показалъ въ статьѣ своей благородный порывъ негодованія на прозаическое, униженное направленіе литературы, но на большинство публики эта статья рѣшительно не сдѣлала никакого впечатлѣнія. «Библіотека» отвѣчала коротко, въ духѣ обыкновенной своей тактики; обратившись къ зрителямъ, т. е. къ подписчикамъ, она говорила: «вотъ какое неблагородство духа показалъ г. Шевыревъ, неприличіе и неимѣніе высокихъ чувствъ, упрекая насъ въ томъ, что мы трудимся для денегъ, тогда какъ» и проч... Это обыкновенная политика петербургскихъ журналовъ и газетъ: Какъ только кто-нибудь сдѣластъ имъ упрекъ въ корыстолюбіи и въ

бездѣйствіи, они всегда жалуются публикѣ на неприличіе выраженій и неблагородство духа своихъ противниковъ; говорятъ, что статья эта писана съ цѣлію только поддѣть публику и забрать отъ читателей деньги, что они почитаютъ съ своей стороны священнымъ долгомъ предувѣдомить публику.

Итакъ, выходка «Московского Наблюдателя» скользнула по «Библиотекѣ для Чтенія», какъ пуля по толстой кожѣ носорога, отъ которой даже не чихнуло тучное четвероногое. Выславши эту пулю, «Московскій Наблюдатель» замолчалъ, — доказательство, что онъ не начерталъ для себя обдуманнаго плана дѣйствій и что рѣшительно не зналъ, какъ и съ чего начать. Должно было или не начинать вовсе, или, если начать, то уже не отставать. Только постояннымъ дѣйствіемъ могъ «Наблюдатель» дать себѣ ходъ и сдѣлать имя свое извѣстнымъ публикѣ, какъ сдѣлалъ его извѣстнымъ «Телеграфъ», дѣйствуя такимъ же образомъ и почти при такихъ же обстоятельствахъ. «Наблюдатель» выпустилъ вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько нумеровъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не сказалъ ничего въ защиту и подкрѣпленіе своихъ мнѣній. Черезъ нѣсколько нумеровъ показалась, наконецъ, статья, посвященная Брамбеусу, по поводу одной давно напечатанной въ «Библиотекѣ» статьи, подъ именемъ: «Брамбеусъ и юная словесность», въ которой Брамбеусъ назвалъ самъ себя законодателемъ какой-то новой школы и вводителемъ новой эпохи въ русской литературѣ.

Это въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно странно. Случалось, что литераторы иногда похваливали самихъ себя, или подъ именемъ друзей своихъ, или даже сами отъ себя, но все же съ нѣкоторою застѣнчивостію, и послѣ сами старались все это какъ-нибудь загрестъ собственными руками, чувствуя, что нѣсколько провинились. Но никогда еще авторъ не хвалилъ себя такъ свободно и непринужденно, какъ баронъ Брамбеусъ. Эта оригинальная статья слишкомъ была ярка, чтобы не быть замѣченною. Ею занялся и «Телеграфъ» и потрунилъ надъ нею довольно забавно, только вскользь; съ обыквенною смѣтливостію о ней намекнулъ и г. Воейковъ; она возродила статью и въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Цѣль этой статьи была доказать, откуда баронъ Брамбеусъ почерпнулъ талантъ свой и знаменитость, какими твореніями чужихъ хозяевъ пользовался, какъ своимъ; другими словами: изъ какихъ доскутовъ баронъ Брамбеусъ сшилъ себѣ халатъ. Нѣсколько безгласныхъ книжекъ, выходившихъ вслѣдъ за тѣмъ, совершенно погрузили «Московского Наблюдателя» въ забвеніе. Даже самая «Библиотека для Чтенія» перестала, наконецъ, упоминать о немъ, какъ о безсильномъ противникѣ, продолжала шутить надъ важнымъ и неважнымъ и говорить все то, что первое попадалось подъ перо ея.

Вотъ каковы были дѣйствія нашихъ журналовъ. Изложивъ ихъ, рассмотримъ теперь, что сдѣлали они въ эти два года такого, которое должно вписаться въ исторію нашей литературы, оставить въ ней свою оригинальную черту, — какія мнѣнія, какіе толки они утвердили, что опредѣлили и какой мысли дали право гражданства.

Длинная программа, сулящая статистику, медицину, литературу, ничего не значить. Извѣщеніе о томъ, что критика будетъ благонамѣренная, чуждая личностей и партій, тоже не показываетъ цѣли. Она должна быть необходимымъ условіемъ всякаго журнала. Даже множество помѣщенныхъ въ журналѣ статей ничего не значить, если журналъ не имѣетъ своего мнѣнія и не оказывается въ немъ направленіе, хотя даже одностороннее, къ какой-нибудь цѣли. «Телеграфъ» издавался «кажется, съ тѣмъ, чтобы испровергнуть обветшалыя, заматерѣлыя, почти машинальныя мысли тогдашнихъ нашихъ старожилловъ—классиковъ»; «Московскій Вѣстникъ», одинъ изъ лучшихъ журналовъ,

несмотря на то, что въ немъ немного было современнаго движенія, издавался съ тѣмъ, чтобы познакомить публику съ замѣчательнѣйшими созданіями Европы, раздвинуть кругъ нашей литературы, доставить намъ свѣжія идеи о писателяхъ всѣхъ временъ и народовъ. Здѣсь не мѣсто говорить, въ какой степени оба сіи журнала выполнили цѣль свою; по крайней мѣрѣ, стремленіе къ ней было чувствуемо въ нихъ читателями. Но рассмотрите внимательно издававшіеся въ послѣдніе два года журналы; уловите главную нить каждаго изъ нихъ: сей-то нити и не сыщете. Развернувши ихъ, будете поражены мелкостью предметовъ, вызвавшихъ толки ихъ. Подумаете, что рѣшительно ни одного важнаго событія не произошло въ литературномъ мірѣ. А между тѣмъ:

1) Умеръ знаменитый шотландецъ, великій дѣписатель сердца, природы и жизни, полнѣйшій, обширнѣйшій геній XIX вѣка.

2) Въ литературу всей Европы распространился безпокойный, волнующійся вкусъ. Являлись опрометчивыя, безсвязныя, младенческія творенія, но часто восторженныя, пламенныя, — слѣдствіе политическихъ волненій той страны, гдѣ рождались. Странная, мятежная, какъ комета, неорганизованная, какъ она, эта литература волновала Европу, быстро облетѣла всѣ углы читающаго міра.

Пусть эти явленія будутъ всемірно-европейскія, хотя они отражались и въ Россіи; рассмотримъ литературныя событія чисто русскія.

3) Распространилось въ большой степени чтеніе романовъ, холодныхъ, скучныхъ повѣстей, и оказалось очень явно все общее равнодушіе къ поэзіи.

4) Вышли новыми изданіями Державинъ, Карамзинъ, гласно требовашіе своего опредѣленія и настоящей, вѣрной оцѣнки такъ, какъ и всѣ прочіе старые писатели наши, ибо въ литературномъ мірѣ нѣтъ смерти, и мертвецы такъ же вмѣшиваются въ дѣла наши и дѣйствуютъ вмѣстѣ съ нами, какъ и живые.

Они требовали возвращенія того, что дѣйствительно имъ слѣдуетъ; они требовали уничтоженія неправаго обвиненія, неправаго опредѣленія, бессмысленно повтореннаго въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и повторяемаго донынѣ.

Но сказали ли журналы наши, руководимые строгимъ размышленіемъ, что такое былъ Вальтеръ Скоттъ, въ чемъ состояло вліяніе его, что такое французская современная литература, отчего она произошла, что было поводомъ неправильнаго уклоненія вкуса и въ чемъ состоялъ ея характеръ? Отчего поэзія замѣнилась прозаическими сочиненіями? На какой степени образованія стоитъ русская публика, и что такое русская публика? Въ чемъ состоитъ оригинальность и свойство нашихъ писателей?

Напрасно въ этомъ отношеніи читатель станетъ искать въ нихъ новыхъ мыслей или какихъ-нибудь слѣдовъ глубокаго, добросовѣстнаго изученія. Вальтеръ Скотта у насъ только побранили. Французскую литературу одни приняли съ дѣтскимъ энтузіазмомъ, утверждали, что модные писатели проникнули тайны сердца человѣческаго, дотолъ сокровенныя для Сервантеса, для Шекспира... Другіе безотчетно поносили ее, а между тѣмъ сами писали во вкусъ той же школы еще съ бѣлыми несообразностями. Вопросомъ, отчего у насъ въ большомъ ходу водяные романы и повѣсти, вовсе не занялись, а вмѣсто того вдобавокъ напустили и своихъ еще собственныхъ. О нашей публикѣ сказали только, что она почтенная публика и что должна подписываться на всѣ журналы и разныя изданія, ибо ихъ можетъ читать и отецъ семейства, и купецъ, и воинъ, и литераторъ; о Державинѣ, Карамзинѣ и Крыловѣ ничего не сказали или сказали то, что говорить уѣздный учитель своему ученику, и отдѣлялись пошлыми фразами.

О чемъ же говорили наши журналисты? Они говорили о ближайшихъ и любимѣйшихъ предметахъ: они говорили о себѣ, они хвалили въ своихъ журналахъ собственные свои сочиненія; они рѣшительно были заняты только собою, на все другое они обращали какое-то холодное, безстрастное вниманіе. Великое и замѣчательное было какъ будто невидимо. Ихъ равнодушная критика обращена была на тѣ предметы, которые почти не заслуживали вниманія.

Въ чемъ же состоялъ главный характеръ этой критики? Въ ней очень явственно было замѣтно:

1) Пренебреженіе къ собственному мнѣнію. Почти никогда не было замѣтно, чтобы критикъ считалъ свое дѣло важнымъ и принимался за него съ благоговѣніемъ и предварительнымъ размышленіемъ, чтобы, водя перомъ своимъ, думалъ о небольшомъ числѣ возвышенно-образованныхъ современниковъ, передъ которыми онъ долженъ дать отвѣтъ въ каждомъ своемъ словѣ. Журнальная критика по большей части была какимъ-то гаерствомъ. Какъ хвалили книгу покровительствуемаго автора? Не говорили просто, что такая книга хороша или достойна вниманія въ такомъ-то и такомъ-то отношеніи, совсѣмъ нѣтъ. «Эта книга, — говорили рецензенты, — удивительная, необыкновенная, неслыханная, гениальная, первая на Руси; продается по пятнадцати рублей; авторъ выше Вальтеръ Скотта, Гумбольдта, Гёте, Байрона. Возьмите, переплетите и поставьте въ бібліотеку вашу; также и второе изданіе купите и поставьте въ бібліотеку: хорошаго не мѣшаетъ имѣть и по два экземпляра».

Большая часть книгъ была расхвалена безъ всякаго разбора и совершенно безотчетно. Если счастье всѣхъ тѣхъ, которые попали въ первоклассныя, то иной подумаетъ, что нѣтъ въ мірѣ богаче русской литературы, и только черезъ нѣсколько времени противоположные толки тѣхъ же самыхъ рецензентовъ о тѣхъ же самыхъ книгахъ заставятъ его задуматься и привести въ недоумѣніе. Та же самая неумѣренность являлась въ упрекахъ сочиненіямъ писателей, противъ которыхъ рецензентъ питалъ ненависть или неблагорасположеніе. Такъ же безотчетно изливалъ онъ гнѣвъ свой, удовлетворяя минутному чувству.

2) Литературное безвѣріе и литературное невѣжество. Эти два свойства особенно распространились въ послѣднее время у насъ въ литературѣ. Нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминались имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ, которые глядятъ на насъ, въ лучахъ славы, съ вышины своей. Ни одинъ изъ критиковъ не поднималъ благоговѣнно глазъ своихъ, чтобы ихъ примѣтить. Никогда почти не стоятъ на журнальныхъ страницахъ имена Державина, Ломоносова, Фонвизина, Богдановича, Батюшкова. Ничего о вліяніи ихъ, еще остающемся, еще замѣтномъ. Никогда они даже не брались въ сравненіе съ нынѣшнею эпохой, такъ что наша эпоха кажется какъ будто отрублена отъ своего корня, какъ будто у насъ вовсе нѣтъ начала, какъ будто исторія прошедшаго для насъ не существуетъ. Это литературное невѣжество распространяется особенно между молодыми рецензентами, такъ что вообще современная критическая литература совершенно похожа на наносную. Не успѣетъ пройти годъ-другой, какъ толки, вначалѣ довольно громкіе, уже безгласные, неслышные, какъ звукъ безъ отголоска, какъ фразы, сказанныя на вчерашнемъ балѣ. Имена писателей, уже упрочившихъ свою славу, и писателей, еще требующихъ ея, сдѣлались совершенною игрушкою. Одинъ рецензентъ роняетъ тѣхъ, которыхъ поднималъ его противникъ, и все это дѣлается безъ всякаго разбора, безъ всякой идеи. Иное имя бываетъ обязано славою своею ссорѣ двухъ рецензентовъ. Не говоря о писателяхъ отечественныхъ,

рецензентъ, о какой бы пустѣйшей книгѣ ни говорилъ, непременно начнетъ Шекспиромъ, котораго онъ вовсе не читалъ. Но о Шекспирѣ пошло въ моду говорить — итакъ, подавай намъ Шекспира! Говорить онъ: «Съ сей точки начнемъ мы теперь разбирать открытую предъ нами книгу. Посмотримъ, какъ авторъ нашъ соотвѣтствовалъ Шекспиру». А между тѣмъ, разбираемая книга чепуха, писанная вовсе безъ всякихъ притязаній на соперничество съ Шекспиромъ, и сходствуетъ развѣ только съ духомъ и образомъ выраженія самого рецензента.

3) Отсутствіе чисто эстетическаго наслажденія и вкуса. Еще въ московскихъ журналахъ видишь иногда какой-нибудь вкусъ, что-нибудь похожее на любовь къ искусству; напротивъ того, критики журналовъ петербургскихъ, особенно такъ-называемые благопристойные, чрезвычайно ничтожны. Разбираемая сочиненія превозносятся выше Байрона, Гёте и проч.! Но нигдѣ не видить читатель, чтобы это было признакомъ чувства, признакомъ пониманія, истекло изъ глубины признательной, растроганной души. Слогъ ихъ, несмотря на наружное, часто вычурное и блестящее убранство, дышитъ мертвящею холодностію. Въ немъ видна живость или горячая замашка только тогда, когда рецензентъ задѣтъ за живое, и когда дѣло относится къ его собственному достоинству. Справедливость требуетъ упомянуть о критикахъ Шевырева, какъ объ утѣшительномъ исключеніи. Онъ передаетъ намъ впечатлѣнія въ томъ видѣ, какъ приняла ихъ душа его. Въ статьяхъ его вездѣ замѣтенъ мыслящій человекъ, иногда увлекающійся первымъ впечатлѣніемъ.

4) Мелочное въ мысляхъ и мелочное щегольство. Мы уже видѣли, что критика не занималась вопросомъ важнымъ. Вниманіе рецензій было устремлено на цѣлую шеренгу пустыхъ книгъ и вовсе не съ тѣмъ, чтобы разбирать ихъ, но чтобы блеснуть любезностію, заставить читателя разсмѣяться. До какой степени критика занялась пустяками и ничтожными спорами, читатели уже видѣли изъ знаменитаго процесса о двухъ бѣдныхъ мѣстоименіяхъ: *сей* и *онъ*. Вотъ до чего дошла, наконецъ, русская критика!

Кто же были тѣ, которые у насъ говорили о литературѣ? Въ то время не сказалъ своихъ мнѣній ни Жуковскій, ни Крыловъ, ни князь Вяземскій, ни даже тѣ, которые еще не такъ давно издавали журналы, имѣвшие свой голосъ и показавшіе въ статьяхъ своихъ вкусъ и знаніе: нужно ли послѣ этого удивляться такому состоянію нашей литературы? Отчего же не говорили сіи писатели, показавшіе въ твореніяхъ своихъ глубокое эстетическое чувство? Считали ли они для себя низкимъ спуститься на журнальную сферу, гдѣ обыкновенно бойцы всякаго рода заводятъ свой шумный бой? Мы не имѣемъ права рѣшить этого. Мы должны только замѣтить, что критика, основанная на глубокомъ вкусѣ и умѣ, критика высокаго таланта имѣетъ равное достоинство со всякимъ оригинальнымъ твореніемъ: въ ней виденъ разбираемый писатель, въ ней виденъ еще болѣе самъ разбирающій. Критика, начертанная талантомъ, переживаетъ эфемерность журнальнаго существованія. Для исторіи литературы она неоцѣнима. Наша словесность молода. Корифеевъ ея было немного; но для критика мыслящаго она представляетъ цѣлое поле, работу на цѣлые годы. Писатели наши отлились совершенно въ особенную форму и, несмотря на общую черту нашей литературы, черту подражанія, они заключаютъ въ себѣ чисто русскіе элементы: и подражаніе наше носитъ совершенно сѣверообразный характеръ, представляетъ явленіе, замѣчательное даже для европейской литературы.

Но довольно. Заклучимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы съ текущимъ годомъ болѣе показалось дѣятельности и, при большемъ количествѣ журналовъ,

явилось бы болѣе независимости отъ монополіи, а черезъ то болѣе соревнованія у всѣхъ соответствовать своей цѣли. По крайней мѣрѣ, замѣтно какое-то утѣшительное стремленіе уже и въ томъ, что нѣкоторые журналы съ будущимъ годомъ обѣщаютъ издаваться съ большимъ противу прежняго раченіемъ. Издатели «Сына Отечества», издатель «Телескопа» заговорили объ улучшеніяхъ. Нельзя и сомнѣваться, чтобы при большемъ стараніи невозможно было сдѣлать большаго. По крайней мѣрѣ, со всѣмъ чистосердечіемъ и теплою молитвою излагаемъ желаніе наше: да наградятся старанія всѣхъ и каждаго сторицею, и чѣмъ безкорыстнѣе и добросовѣстнѣе будутъ труды его, тѣмъ болѣе да будетъ онъ почтенъ заслуженнымъ вниманіемъ и благодарностію.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАПИСКИ.

1836 года.

I.

...Въ самомъ дѣлѣ, куда забросило русскую столицу — на край свѣта! Странный народъ русскій: была столица въ Кіевѣ — здѣсь слишкомъ тепло, мало холоду; переѣхала русская столица въ Москву — вѣтъ, и тутъ мало холоду: подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дичь между матушкою и сыномъ! Чтò это за виды, чтò за природа! Воздухъ продернуть туманомъ; на блѣдной сѣрозеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, ельникъ, кочки... Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да русскія поющія и звенящія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до сихъ поръ русская борода, а онъ уже ловнѣй европейецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ вытянулся въ струнку щеголь-Петербургъ! Передъ нимъ со всѣхъ сторонъ зеркала: тамъ Нева, тамъ Финскій заливъ. Ему есть куда поглядѣться. Какъ только замѣтитъ онъ на себѣ перышко или пушокъ, ту жъ минуту его прочь. Москва — старая домосѣдка, печеть блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ кресель, о томъ, чтò дѣлается въ свѣтѣ; Петербургъ — разбитной малый, никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ.

Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинается печь французскіе хлѣбы, которые на завтра всѣ съѣсть разноплеменный народъ, и во всю ночь то одинъ глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужскаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода; если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней — какъ сарайныя двери. Петербургъ аккуратный человекъ, совершенный нѣмецъ, на все глядитъ съ расчетомъ и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва — русскій дворянинъ и, если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ: она не любитъ середины. Въ Москвѣ всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ; петербургскіе рѣдко прилагаютъ картинки, если же приложить, то съ непривычки взглянувшій можетъ перепугаться. Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч., и проч.; въ петербургскихъ

журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы нейдутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются. Москва всегда ѣдетъ, завернувшись въ медвѣжью шубу, и большею частію на обѣдъ; Петербургъ, въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу или «въ должность». Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымется съ постели раньше второго часа; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, въ девять часовъ спѣшитъ, въ своемъ байковомъ сюртукѣ, въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и развѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ, по зимнихъ ухабамъ, сбывать и закупать; въ Петербургъ идетъ русский народъ пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва — кладовая, она наваливаетъ тюки да бьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловить мелкыхъ покупщиковъ. Москва говоритъ: — коли нужно покупщику — сыщеть; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ «Ренскимъ погребомъ» и ставитъ извозчичью биржу въ самыя двери вашего дома. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстуки и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва — большой гостинный дворъ; Петербургъ — свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи, для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ; Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ будто сошедшіе съ журнальныхъ модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна, даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадаетъ, въ самой серединѣ модной толпы, какая-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи. Сказалъ бы еще кое-что, но —

„Дистанція огромнаго разнѣра..“

II.

Трудно схватить общее выраженіе Петербурга. Есть что-то похожее на европейско-американскую колонію: такъ же мало коренной національности и такъ же много иностраннаго смѣшенія, еще не сливагося въ плотную массу. Сколько въ немъ разныхъ націй, столько и разныхъ слоевъ общества. Эти общества совершенно отдѣльны: аристократы, служащіе чиновники, ремесленники, англичане, нѣмцы, кушцы — всѣ составляютъ совершенно отдѣльные круги, рѣдко сливающиеся между собою, больше живущіе, веселящіеся невидимо для другихъ.

И каждый изъ этихъ классовъ, если присмотрѣться ближе, составленъ изъ множества другихъ маленькихъ кружковъ, тоже неслитыхъ между собой. Напримѣръ, возьмите чиновниковъ. Молоденькіе помощники столоначальниковъ составляютъ свой кругъ, въ который ни за что не опустится начальникъ

отдѣленія. Столоначальникъ, съ своей стороны, подымаетъ свою прическу нѣсколько повыше въ присутствіи канцелярскаго чиновника. Нѣмцы-мастеровые и нѣмцы-служащіе тоже составляютъ два отдѣльные круга. Учителя составляютъ свой кругъ, актеры свой кругъ; даже литераторъ, являющійся до сихъ поръ двусмысленнымъ и сомнительнымъ лицомъ, стоитъ совершенно отдѣльно. Словомъ, какъ будто бы пріѣхалъ въ трактиръ огромный дилижансъ, въ которомъ каждый пассажиръ сидѣлъ во всю дорогу закрывшись и вошелъ въ общую залу потому только, что не было другого мѣста. Попытка на заведеніе публичныхъ обществъ доселѣ не имѣетъ успѣха. Въ клубъ петербургскій житель идетъ для того только, чтобы пообщать, а не провести время. Что Петербургъ не сдѣлался до сихъ поръ гостиницею, этому виною какая-то внутренняя стихія русскаго человѣка, до сихъ поръ глядящая оригинальною даже въ вѣчной шлифовкѣ съ иностранцами. Чтобы говорить о каждомъ изъ этихъ круговъ и замѣтить жизнь, текущую между нихъ, съ ея веселостями, наслажденіями, надеждами, печалами, нужно быть однимъ изъ тѣхъ, которые вовсе ничего не пишутъ, потому что у этихъ господъ, въ награду за ихъ дѣятельность, рѣшительно нѣтъ времени. Итакъ, мимо балы и вечеринки! Обращусь къ тѣмъ увеселеніямъ, послѣ которыхъ долѣе остается воспоминаніе, и которыя пріемлются всѣми классами. Театръ, концертъ — вотъ тѣ пункты, гдѣ сталкиваются классы петербургскихъ обществъ и имѣютъ время вдоволь насмотрѣться другъ на друга. Балетъ и опера — царь и царица петербургскаго театра. Они явились блестяще, шумнѣе, восторженнѣе прежнихъ годовъ, и упоенные зрители позабыли, что существуетъ величавая трагедія, дышащая невольною высокою опущенія въ согласныя сердца сей безмолвно слушающей толпы; что есть комедія, вѣрный списокъ общества, движущагося предъ нами, — комедія, строго обдуманная, производящая глубиною своей ироніи смѣхъ, — не тотъ смѣхъ, который порождается легкими впечатлѣніями, бѣглою острою, каламбуромъ, не тотъ также смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для котораго нужны конвульси и карикатурныя гримасы природы, но тотъ электрическій, живительный смѣхъ, который исторгается невольно, свободно и неожиданно, прямо отъ души, пораженной ослѣпительнымъ блескомъ ума, рождается изъ спокойнаго наслажденія и производитъ только высокимъ умомъ. Зрители правы, что были упоены балетомъ и оперой... На драматической сценѣ являлись мелодрама и водевиль, заѣзжіе гости, которые были хозяевами во французскомъ театрѣ, а на рускомъ играли чрезвычайно странную роль. Уже давно признано, что русскіе актеры нѣсколько странны, когда представляютъ маркизовъ, виконтовъ и бароновъ, какъ, вѣроятно, были бы смѣшны французы, вздумавъ поддѣлаться подъ русскихъ мужиковъ; а сцены баловъ, вечеровъ и модныхъ раутовъ, являющихся въ русскихъ піесахъ, — каковы онѣ? А водевили?... Давно уже пролѣзли водевили на русскую сцену, тѣшатъ народъ средней руки, благо смѣшливы. Кто бы могъ думать, что водевиль будетъ не только переводный на русской сценѣ, но даже и оригинальный? Русскій водевиль! право, немощно странно — странно потому, что эта легкая, безцвѣтная игрушка могла родиться только у французовъ, націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой, неподвижной физиогноміи; но когда русскій, еще нѣсколько суровый, тяжелый характеръ заставляють вертѣться петиметромъ... мнѣ такъ и представляется, что нашъ тучный и смѣтливый купецъ съ широкою бородою, не знавши на ногѣ своей ничего другого, кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ, вмѣсто него, узенькій башмачокъ и чулки à jour, а другую ногу свою оставилъ просто въ сапогѣ и сталъ такимъ образомъ въ первую пару во французскомъ кадрилѣ.

Уже лѣтъ пять, какъ мелодрамы и водевили завладѣли театрами всего свѣта. Какое обезьянство! Даже нѣмцы — ну, кто бы могъ подумать, что нѣмцы, этотъ основательный, этотъ склонный къ глубокому эстетическому наслажденію народъ, — нѣмцы теперь играютъ и пишутъ водевили, передѣлываютъ и клеятъ надутыя и холодныя мелодрамы! И пусть бы еще повѣтріе это занесено было могуществомъ мановенія генія! Когда весь міръ ладилъ подъ лиру Байрона, это не было смѣшно; въ этомъ стремленіи было даже что-то утѣшительное. Но Дюма, Дюканжъ и другіе стали всемірными законодателями!.. Блянусь, XIX вѣкъ будетъ стыдиться за эти пять лѣтъ. О, Мольеръ, великій Мольеръ! ты, который такъ обширно и въ такой полнотѣ развивалъ свои характеры, такъ глубоко слѣдилъ всѣ тѣни ихъ, ты, строгій, осмотрительный Лессингъ, и ты, благородный, пламенный Шиллеръ, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ выказавшій достоинство человѣка! Взгляните, что дѣлается послѣ васъ на нашей сценѣ; посмотрите, какое странное чудовище, подѣ видомъ мелодрамы, забралось между насъ! Гдѣ же жизнь наша? гдѣ мы со всѣми современными страстями и странностями? Хотя бы какое-нибудь отраженіе ея видѣли мы въ нашей мелодрамѣ! Но жеть самымъ безсовѣстнымъ образомъ наша мелодрама...

Непостижимое явленіе: то, что вседневно окружаетъ насъ, что неразлучно съ нами, что обыкновенно, то можетъ замѣчать одинъ только глубокій, великій, необыкновенный талантъ. Но то, что случается рѣдко, что составляетъ исключенія, что останавливаетъ насъ своимъ безобразіемъ, нестройностію среди стройности, за то схватывается обѣими руками посредственность. И вотъ жизнь глубокаго таланта течетъ во всемъ своемъ разливѣ, со всею стройностію, чистая, какъ зеркало, отражая съ одинаковою ясностію и темныя, и свѣтлыя облака: у посредственности она влечется мутною и грязною волною, не отражая ни яснаго, ни темнаго.

Странное сдѣлалось сюжетомъ нынѣшней драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы рассказать какое-нибудь происшествіе, непременно новое, непременно странное, дотошъ неслыханное и невиданное: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ теперешнихъ обществахъ! Какъ будто въ наши европейскіе фраки переодѣлись сыны палашей Африки! Палачи, яды — эффектъ, вѣчный эффектъ, и ни одно лицо не возбуждаетъ никакого участія! Никогда еще не выходилъ изъ театра зритель растроганный, въ слезахъ; напротивъ того, въ какомъ-то тревожномъ состояніи торопливо садился онъ въ карету и долго не могъ собрать и сообразить своихъ мыслей. И среди нашего утонченнаго, образованнаго общества такой родъ зрѣлища! Невольно передвигаются передъ глазами тѣ кровавыя ристалища, на которыхъ собирався смотрѣть весь Римъ въ эпоху величайшаго владычества своего и притупленнаго пресыщенія. Но, слава Богу, мы еще не римляне и не на закатѣ существованія, но только на зарѣ его! Если собрать всѣ мелодрамы, какія были даны въ наше время, то можно подумать, что это кунсткамера, въ которую нарочно собраны уродливости и ошибки природы, или лучше — календарь, въ которомъ записаны, съ календарною холодностію, всѣ странныя происшествія, гдѣ противъ каждаго числа выставлено: сегодня было въ такомъ-то мѣстѣ такое-то мошенничество; сегодня отрубили головы такимъ-то разбойникамъ и зажигателямъ; такой-то ремесленникъ зарѣзалъ тогда-то жену свою... и тому подобное. Я воображаю, въ какомъ странномъ недоумѣніи будетъ потомокъ нашъ, вздумавшій искать нашего общества въ нашихъ мелодрамахъ.

Не удивительно, что балетъ и опера утѣшительнѣе и служатъ отдохновеніемъ: въ нихъ наслажденіе спокойно. — Опера принимается у насъ очень

жадно. До сихъ поръ не прошелъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ бросился весь Петербургъ на живую, яркую музыку «Фенеллы», на дикую, проникнутую адскимъ наслажденіемъ, музыку «Роберта». «Семирамида», на которую за пять лѣтъ передъ симъ равнодушно глядѣла публика, «Семирамида» въ нынѣшнее время, когда музыка Россіи почти анахронизмъ, приводитъ въ совершенный восторгъ ту же самую публику. Объ энтузіазмѣ, произведенномъ оперою «Жизнь за Царя», и говорить нечего: онъ понятенъ и извѣстенъ уже цѣлой Россіи. Объ этой оперѣ надобно говорить много, или ничего не говорить.

А я не люблю говорить ни о музыкѣ, ни о пѣніи. Мнѣ кажется, что всѣ музыкальные трактаты и рецензіи должны быть скучны для самихъ музыкантовъ: въ музыкѣ огромнѣйшая часть ея невыразима и безотчетна. Музыкальные страсти — не житейскія страсти; музыка иногда только выражаетъ, или, лучше сказать, поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей, для того, чтобы, опершись на нихъ, устремиться брызжущимъ и поющимъ фонтаномъ другихъ страстей въ другую сферу. Замѣчу только, что меломанія болѣе и болѣе распространяется. Люди такіе, которыхъ никто не подозрѣвалъ въ музыкальномъ образѣ мыслей, сидятъ неотлучно въ «Жизни за Царя», «Робертѣ», «Нормѣ», «Фенеллѣ» и «Семирамидѣ». Оперы даются почти два раза каждую недѣлю, выдерживаютъ несчетное множество представленій, и все-таки иногда трудно достать билетъ. Ужъ не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ послѣ путешествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили все непонятнымъ языкомъ и мелькали все незнакомые люди, — возвратъ на русской тройкѣ, съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ мы, привставъ на бѣгу и помахивая шляпой, говоримъ: «Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!»

Какую оперу можно составить изъ нашихъ національныхъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго бы больше было пѣсенъ. Наша Украина звенитъ пѣснями. По Волгѣ, отъ верховья до моря, на всей вереницѣ влекущихся барокъ заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи, и, какъ грибы, вырастаютъ города. Подъ пѣсни бабъ пеленается, женится и хоронится русскій человѣкъ. Все дорожное, дворянство и недворянство, летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами козакъ, заряжая пищаль свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верхомъ на плывущей льдинѣ, русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затягивая пѣсню. У насъ ли не изъ чего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало. Онъ счастливо умѣлъ слить въ своемъ твореніи двѣ славянскія музыки; слышишь, гдѣ говоритъ русскій и гдѣ полякъ: у одного дышитъ раздольный мотивъ русской пѣсни, у другого опрометчивый мотивъ польской мазурки.

Петербургскіе балеты блестятъ. Кстати о балетахъ вообще. Постановка балетовъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Берлинѣ ушла очень далеко; но надо замѣтить, что совершенствуется въ нихъ только богатство костюмовъ и богатство декораций; самая же сущность балета, изобрѣтеніе его, нейдетъ въ рядъ съ его постановкой; балетные композиторы очень мало новаго показываютъ въ танцахъ. До сихъ поръ мало характерности. Посмотрите, народныя танцы являются въ разныхъ углахъ міра: испанецъ пляшетъ не такъ, какъ швейцарецъ, шотландецъ, какъ тенъеровскій нѣмецъ, русскій не такъ, какъ французъ, какъ азіатецъ. Даже въ провинціяхъ одного и того же государства измѣняется танецъ. Сѣверный руссъ не такъ пляшетъ, какъ малороссіянинъ,

какъ славянинъ южный, какъ полякъ, какъ финнъ: у одного танецъ говорящій, у другого безчувственный; у одного бѣшенный, разгульный, у другого спокойный; у одного напряженный, тяжелый, у другого легкій, воздушный. Откуда родилось такое разнообразіе танцевъ? Оно родилось изъ характера народа, его жизни и образа занятій. Народъ, проведеншій горделивую и бранную жизнь, выражаетъ ту же гордость въ своемъ танцѣ; у народа безпечнаго и вольнаго та же безграничная воля и поэтическое самозабвеніе отражаются въ танцахъ; народъ климата пламеннаго оставилъ въ своемъ національномъ танцѣ ту же нѣгу, страсть и ревность. Руководствуясь тонкою разборчивостію, творецъ балета можетъ брать изъ нихъ, сколько хочеть, для опредѣленія характеровъ пляшущихъ своихъ героевъ. Само собою разумѣется, что, схвативши въ нихъ первую стихію, онъ можетъ развить ее и улѣтѣть несравненно выше своего оригинала, какъ музыкальный геній изъ простой, услышанной на улицѣ пѣсни создаетъ цѣлую поэму. По крайней мѣрѣ, танцы будутъ имѣть тогда болѣе смысла, и такимъ образомъ можетъ болѣе образнообразиться этотъ легкій, воздушный и пламенный языкъ, доселѣ еще нѣсколько стѣсненный и сжатый.

Петербургъ — большой охотникъ до театра. Если вы будете гулять по Невскому проспекту въ свѣжее морозное утро, во время котораго небо золотисто-розоваго цвѣта перемежается сквозными облаками поднимающагося изъ трубъ дыма, зайдите въ это время въ сѣни Александринскаго театра: вы будете поражены упорнымъ терпѣніемъ, съ которымъ собравшійся народъ осаждаетъ грудью раздавателя билетовъ, высовывающаго одну руку свою изъ окошка. Сколько толпится тамъ лакеевъ всякаго рода, начиная отъ того, который пришелъ въ сѣрой шинели и въ шелковомъ цвѣтномъ галстукѣ, но безъ шапки, до того, у котораго трехэтажный воротникъ ливрейной шинели похожъ на пеструю суконную бабочку для вытиранія перьевъ. Тутъ протираются и тѣ чиновники, которымъ чистятъ сапоги кухарки и которымъ некого послать за билетомъ. Тутъ увидите, какъ прямо-русскій герой, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, доходитъ, къ необыкновенному изумленію, по плечамъ всей толпы къ окошку и получаетъ билетъ. Тогда только вы узнаете, въ какой степени видна у насъ любовь къ театру. И чтѣ же дается въ нашихъ театрахъ? — какія-нибудь мелодрамы и водевили!.. Сердить я на мелодрамы и водевили.

Положеніе русскихъ актеровъ жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Чтѣ имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни французы, ни нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой фізіономіи? гдѣ выказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ русскихъ характеровъ, насъ самихъ дайте намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! на сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ — великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный — какъ связанный заяць... Мы такъ приглядѣлись къ французскимъ безцвѣтнымъ пьесамъ, что намъ уже боязливо видѣть свое. Если намъ представлять какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ, не личность ли это, потому что представляемое лицо совсѣмъ не похоже на какого-нибудь пейзава, театральнаго тирана, риэмоплета, судью и тому подобныя обношенныя лица, которыхъ таскаютъ беззубые авторы въ свои пьесы, какъ таскаютъ на сцену вѣчныхъ фигурантовъ, отплясывающихъ предъ зрителями, съ тою же улыбкою, свое лихо вытверженное въ продолженіе сорока лѣтъ па. Если, наприимѣръ, сказать, что въ одномъ городѣ одинъ

надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія, то всѣ надворные совѣтники обидятся, а иной, совершенно другой совѣтникъ, даже скажетъ: «Какъ же это? у меня есть родственникъ надворный совѣтникъ, прекрасный человекъ! Какъ же можно сказать, что есть надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія». Какъ будто одинъ можетъ порочить все сословіе! И такая раздражительность у насъ рѣшительно распространена на всѣ классы. Нужны ли примѣры? Вспомните «Ревизора»...

Досадно. Право, пора знать уже, что одно только вѣрное изображеніе характеровъ, не въ общихъ вытверженныхъ чертахъ, но въ ихъ національно вылившейся формѣ, поражающей насъ живостью, такъ что мы говоримъ: «Да это, кажется, знакомый человекъ», — только такое изображеніе приноситъ существенную пользу. Изъ театра мы сдѣлали игрушку вродѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми заманиваютъ дѣтей, позабывши, что это такая каеэдра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ, гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при громѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается знакомый, прячущійся порокъ и, при тайномъ голодѣ всеобщаго участія, выставляется знакомое, робко скрывающееся возвышенное чувство...

Но довольно о театрѣ. Я заговорился о немъ. Его зимній карнавалъ замыкаетъ шумная недѣля Петербурга, когда онъ одною половиною своего народонаселенія летаетъ на качеляхъ, мчится, какъ вихорь, съ ледяныхъ горъ, а другою превращается въ длинную цѣпь каретъ и едва движется, ровняемый жандармами, когда спектакли даются и днемъ, и вечеромъ, и вся Адмиралтейская площадь засѣяна скорлупами орѣховъ...

Спокоенъ и грозенъ Великій постъ. Кажется, слышенъ голодъ: «Стой, христіанинъ; оглянись на жизнь свою». На улицахъ пусто. Каретъ нѣтъ. Въ лицѣ прохожаго видно размышленіе. Я люблю тебя, время думы и молитвы! Свободнѣе, обдуманнѣе потекутъ мои мысли. Весь пустой и ничтожный народъ, вѣрно, пролежитъ заспанный и утомленный и позабудетъ зайти потревожить меня пошлымъ разговоромъ о вистѣ, о литературѣ, о наградахъ, о театрѣ.

Постъ въ Петербургѣ есть праздникъ музыкантовъ. Въ это время они сѣзжаются изъ разныхъ сторонъ Европы. Огромный концертъ въ пользу инвалидовъ всегда бываетъ величественъ: четыреста музыкантовъ! это что-то могущественное. Когда согласный ропотъ четырехсотъ звуковъ раздается подъ дрожащими сводами, тогда, мнѣ кажется, самая мелкая душа слушателя должна вздрогнуть необыкновеннымъ содроганіемъ.

Въ продолженіе поста въ петербургскую атмосферу заглядываетъ солнце. Западная сторона съ моря дѣлается ясныѣ. Съверь глядитъ съ меньшею суровостью изъ своей Выборгской стороны. Экипажи чаще останавливаются на улицѣ и высаживаютъ на тротуаръ гуляющихъ. Съ 1836 года Невскій проспектъ, этотъ шумный, вѣчно шевелящійся, хлопотливый и толкающій Невскій проспектъ упалъ совершенно: гулянье перенесено на Англійскую набережную. Покойный императоръ любилъ Англійскую набережную. Она, точно, прекрасна. Но тогда только, когда начались гулянья, замѣтилъ я, что она немного коротка. Но гуляющіе все въ выигрышѣ, потому что половину Невскаго проспекта всегда почти занималъ народъ мастеровой и должностной, и оттого на немъ можно было получить толчковъ цѣлою третью больше, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ...

Къ чему такъ быстро летитъ ничѣмъ незамѣнимое наше время. Къ его влечь къ себѣ? Великій постъ — какой спокойный, какой уединенный его отрывокъ! Чего нельзя сдѣлать въ эти семь недѣль? Теперь, наконецъ, займусь я основательно трудомъ своимъ. Теперь совершу я, наконецъ, то,

чего не дали совершить мнѣ шумъ и всеобщее волненіе. Но вотъ уже на исходѣ первая недѣля; не успѣлъ начать я, уже летитъ за нею вторая, уже середина третьей, уже четвертая, уже ярмарка въ Гостиномъ дворѣ, и цѣлая галерея вербъ съ восковыми фруктами и цвѣтами зацвѣла подъ темными его арками. Когда я проходилъ мимо этой пестрой аллеи, подъ тѣнью которой были навалены топорныя дѣтскія игрушки, мнѣ сдѣлалось досадно. Я сердился и на краснощекихъ нянекъ, шатавшихся толпами, и на дѣтей, радостно оставившихся передъ кучами пріятнаго для нихъ сора, и на черномазаго, приземистаго и усатаго грека, титуловавшаго себя молдаванскимъ кондитеромъ, съ его сомнительными и неопредѣленными вареньями. Лежавшія на столикахъ сапожныя щетки, оловячныя обезьянки, ножи и вилки, пряники, маленькія зеркальца мнѣ казались противны. Народъ все такъ же пестрится, тѣснится; тѣ же чувства выражаются на лицѣ его; съ тѣмъ же любопытствомъ глядитъ онъ, съ какимъ глядѣлъ и годъ тому назадъ, два и три, и нѣсколько лѣтъ; а я, и каждый человѣкъ изъ этого народа уже не тотъ: уже другія въ немъ чувства, нежели были за годъ предъ симъ; уже суровѣе мысли его; менѣе улыбаются на устахъ душа его, и что-нибудь да отпадаетъ съ каждымъ днемъ отъ прежней его живости.

Нева вскрылась рано. Лды, не тревоженные вѣтрами, успѣли истоять почти до вскрытія, неслись уже рыхлые и разваливались сами собою. Ладожское озеро выслало и свои почти въ одно время. Столица вдругъ измѣнилась. И шпицъ Петропавловской колокольни, и крѣпость, и Васильевскій островъ, и Выборгская сторона, и Англійская небережная — все получило картинный видъ. Дымаясь, влетѣлъ первый пароходъ. Первые лодки съ чиновниками, солдатами, старухами-нянками, англійскими конторщиками понеслись съ Васильевскаго и на Васильевскій. Давно не помню я такой тихой и свѣтлой погоды. Когда взомель я на Адмиралтейскій бульваръ, — это было наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія вечеромъ, — когда Адмиралтейскимъ бульваромъ достигъ я пристани, передъ которою блестятъ двѣ яшмовыя вазы, когда открылась передо мною Нева, когда розовый цвѣтъ неба дымился съ Выборгской стороны голубымъ туманомъ, строенія стороны Петербургской одѣлись почти лиловымъ цвѣтомъ, скрывшимъ ихъ неказистую наружность, когда церкви, у которыхъ туманъ одноцвѣтнымъ покровомъ своимъ скрылъ всѣ выпуклости, казались нарисованными или наклеенными на розовой матеріи, и въ этой лилово-голубой мглѣ блестѣлъ одинъ только шпицъ Петропавловской колокольни, отражаясь въ безконечномъ зеркалѣ Невы, — мнѣ казалось, будто я былъ не въ Петербургѣ: мнѣ казалось, будто я переѣхалъ въ какой-нибудь другой городъ, гдѣ уже я бывалъ, гдѣ все знаю, и гдѣ то, чего нѣтъ въ Петербургѣ... Вонъ и знакомый гребецъ, съ которымъ я не видался болѣе полугода, болтается съ своимъ яликомъ у берега, и знакомыя раздаются рѣчи, и вода, и лѣто, которыхъ не было въ Петербургѣ.

Сильно люблю весну. Даже здѣсь, на этомъ дикомъ сѣверѣ, она моя. Мнѣ кажется, никто въ мірѣ не любитъ ее такъ, какъ я. Съ нею приходитъ ко мнѣ моя юность; съ ней мое прошедшее болѣе чѣмъ воспоминаніе: оно передъ моими глазами и готово брызнуть слезою изъ моихъ глазъ. Я такъ былъ упоенъ ясными, свѣтлыми днями Христова Воскресенія, что не замѣчалъ вовсе огромной ярмарки на Адмиралтейской площади. Видѣлъ только издали, какъ качели уносили на воздухъ какаго-то молодца, сидѣвшаго объ руку съ какой-то дамой въ щегольской шляпкѣ; мелькнула въ глаза вывѣска на угольномъ балаганѣ, на которомъ нарисованъ былъ пребольшой рыжій чортъ съ топоромъ въ рукѣ. Больше я ничего не видѣлъ.

Свѣтлымъ Воскресеніемъ, кажется, какъ будто оканчивается столица. Кажется, что все, что ни видимъ на улицѣ, укладывается въ дорогу. Спектакли, балы послѣ Свѣтлаго Воскресенія — больше ничего, какъ оставшіеся хвосты отъ тѣхъ, которые были передъ Великимъ постомъ, или, лучше сказать, гости, которые расходятся позже другихъ и проговариваютъ у камина еще нѣсколько словъ, прикрывая одною рукою зѣвающій ротъ свой. Городъ весь высушился, тротуары сухи. Петербургскіе джентльмены въ однихъ сюртучкахъ, съ разными палками; вмѣсто громоздкой кареты, несутся по паркетной мостовой полуколяски и фаэтоны. Книги читаются лѣнивѣе. Уже въ окна магазиновъ, вмѣсто шерстяныхъ чулковъ, глядятъ кое-гдѣ лѣтнія фуражки и хлыстики. Словомъ, Петербургъ, во весь апрѣль мѣсяцъ, кажется на подлетѣ. Весело презрѣть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленныя рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ концѣ петербургской улицы рисуются под-облачныя горы Кавказа, или озера Швейцаріи, или увѣнчанная анемономъ и лавромъ Италія, или прекрасная и въ пустынности своей Греція... Но стой, мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня громоздятся петербургскіе дома...

ЮНОШЕСКІЕ ОПЫТЫ.

ГАНЦЪ КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ.

И Д И Л Л И Я
ВЪ КАРТИНАХЪ.

Сочиненіе В. Я Л О В А.

(Писано въ 1827 г.).

Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, если бы обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восемнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе нынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По крайней мѣрѣ, мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданьемъ юнаго таланта.

К а р т и н а I.

Свѣтаетъ. Вотъ проглянула де-
рева, —
Дома, сады. Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колокольня,
И блещетъ лучъ на старенькомъ за-
борѣ.

Плѣнительно оборотилось все
Внизъ головой въ серебряной водѣ:
Заборъ, и домъ, и садикъ въ ней
такіе жъ;
Все движется въ серебряной водѣ:
Синѣетъ сводъ, и волны облакъ ходятъ,
И лѣсъ живой вотъ только не шу-
мить.

На берегу, далеко вшедшемъ въ
море,
Подъ тѣнью липъ, стоитъ уютный
домикъ
Пастора. Въ немъ давно старикъ жи-
ветъ.
Ветшаетъ онъ, и старенькая кровля
Посунулась; труба вся почернѣла;
И лѣпится давно цвѣтистый мохъ
Ужъ по стѣнамъ; и окна иссохлись;
Но какъ-то мило въ немъ, и ни за что
Старикъ его бъ не отдалъ. Вотъ та
липа,
Гдѣ отдыхать онъ любить, тожъ дрях-
лѣетъ;
Зато вокругъ ней зеленые прилавки
Изъ дерну свѣжаго. Въ дуилистыхъ
норахъ
Ея гнѣзятся птички, старый домъ
И садъ веселой пѣснью оглашая.
Пасторъ всю ночь не спалъ, да предъ
разсвѣтомъ
Ужъ вышелъ спать на чистый воз-
духъ;
И дремлетъ онъ подъ липой въ ста-
рыхъ креслахъ,
И вѣтерокъ ему свѣжитъ лицо,
И бѣлые взвѣваетъ волоса.

Но кто прекрасная подходитъ,
Какъ утро свѣжее, горитъ
И на него глаза наводитъ,
Очаровательно стоить?
Взгляните же, какъ мило будить
Ея лилейная рука,
Его касаясь слегка,
И возвратиться въ міръ нашъ ну-
дить.
И вотъ въ-полглаза онъ глядитъ,
И вотъ спросонья говорить:

«О, дивный, дивный посѣтитель!
Ты навѣстилъ мою обитель!
Зачѣмъ же тайная тоска
Всю душу мнѣ насквозь проходить,
И на сѣдого старика
Твой образъ дивный сдалека
Волненье странное наводитъ?
Ты посмотри: уже я хилъ,
Давно къ живущему остылъ,
Себя погребъ въ себѣ давно я,
Со дня я на день жду покоя,
О немъ и мыслить ужъ привыкъ,
О немъ и мелеть мой языкъ.
Чего жъ ты, гостя молодая,
Къ себѣ такъ пламенно влечешь?
Или, жилища неба-рая,
Ты мнѣ надежду подаешь,
На небеса меня зовешь?
О, я готовъ, да не достоинъ.
Велики тяжкіе грѣхи:
И я былъ злой на свѣтѣ воинъ,
Меня робѣли пастухи,
Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повѣсть...»

Тоски, смятенія полна,
«Сказать, — подумала она, —
Онъ, Богъ знаетъ, куда заѣдетъ...»

Сказать ему, что онъ вѣдь бредитъ».

Но онъ въ забвеньи погруженъ;
Его объемяетъ снова сонъ.

Склонясь надъ нимъ, она чуть дышитъ.

Какъ поживаетъ! какъ онъ спитъ!
Вдохъ чуть замѣтный грудь колыхать;

Незримымъ воздухомъ обвить,
Его архангелъ сторожить;
Улыбка райская сіяетъ,
Чело святое осбняетъ.

Вотъ онъ открылъ свои глаза:
«Луиза, ты ль? мнѣ снилось... странно...»

Ты поднялась, шалунья, рано;
Еще не высохла роса.
Сегодня, кажется, туманно». —

«Нѣтъ, дѣдушка, свѣтло, сводъ чистъ;

Сквозь рощу солнце свѣтитъ ярко;
Не колыхнется свѣжій листь,
И поутру уже все жарко.
Узнаете ль, зачѣмъ я къ вамъ? —
У насъ сегодня будетъ праздникъ,
У насъ ужъ старый Лодельгамъ,
Скрипачъ, съ нимъ Фрицъ проказникъ;

Мы будемъ ѣздить по водамъ...
Когда бы Ганцъ...» Добросердечный
Пасторъ съ улыбкой хитрой ждетъ,
О чемъ рассказъ свой поведетъ
Младенецъ рѣзвый и безпечный.

«Вы, дѣдушка, вы можете помочь
Одни неслыханному горю:

Мой Ганцъ страхъ боленъ; день и ночь

Все ходить къ сумрачному морю;
Все не по немъ, всему не радъ,
Самъ говорить съ собой, къ намъ скученъ:

Спросить — отвѣтитъ невпопадъ,
И весь ужасно какъ измученъ.
Ему зазнаться ужъ съ тоской —
Да этакъ онъ себя погубитъ;
При мысли я дрожу одной:

Быть-можетъ, недоволенъ мной;
Быть-можетъ, онъ меня не любить.
Мнѣ это — въ сердце ножъ стальной.
Я васъ просить, мой ангелъ, смѣю...»
И кинулась къ нему на шею,
Стѣсненной грудью чуть дыша,
И вся зардѣлась, вся смѣшалась
Моя красавица-душа;
Слеза на глазкахъ показалась...
Ахъ, какъ Луиза хороша!

«Не плачь, спокойся, другъ мой милый!

Вѣдь стыдно плакать, — наконецъ,
Духовный молвилъ ей отецъ. —
Богъ намъ даритъ терпѣнье, силы:
Съ твоей усердною мольбой,
Тебѣ ни въ чемъ Онъ не откажетъ.
Повѣрь, Ганцъ дышитъ лишь тобой;
Повѣрь, онъ то тебѣ докажетъ.
Зачѣмъ же мысляю пустой
Душевный растравлять покой?»

Такъ утѣшаетъ онъ свою Луизу,
Ее къ груди дряхлѣющей прижавъ.
Вотъ старая Гертруда ставитъ кофій,
Горячій и весь свѣтлый, какъ янтарь.
Старикъ любилъ на воздухъ пить кофій,

Держа во рту черешневый чубукъ;
Дымъ уходилъ и кольцами ложился.
И, призадумавшись, Луиза хлѣбомъ
Кормила съ рукъ своихъ kota, который
Мурлыча крался, слыша сладкій запахъ.

Старикъ привсталъ съ цвѣченыхъ старыхъ кресель,
Принесъ мольбу и руку внучкѣ подалъ.

И вотъ надѣлъ нарядный свой халатъ.
Весь изъ парчи серебряной, блестящей,

И праздничный неношенный колпакъ —
Его въ подарокъ нашему пастору
Изъ города привезъ недавно Ганцъ —
И, опираясь на плечо Луизы
Лилейное, старикъ нашъ вышелъ въ поле.

Какой же день! Веселые вились
И пѣли жавронки; ходили волны

Отъ вѣтру золотого въ полѣ хлѣба;
Сгустились вотъ надъ ними дерева;
На нихъ плоды предъ солнцемъ нали-

вались

Прозрачные; вдали темнѣли воды
Зеленныя; сквозь радужный туманъ
Несли моря душистыхъ ароматовъ;
Пчела-работница срывала медь
Съ живыхъ цвѣтовъ; рѣзвунья-стрекоза,

Треща, вилась; разгульная вдали
Неслася пѣснь, — то пѣснь гребцовъ
удалыхъ.

Рѣдѣтъ лѣсъ, видна уже долина,
По ней мычатъ игривыя стада;
А издали видна уже и кровля
Луизина; краснѣютъ черепицы,
И ярко лучъ по краямъ ихъ сколь-
зитъ.

К а р т и н а II.

Волнуемъ душой непонятной,
Нашъ Ганцъ разсѣянно глядѣлъ
На мѣръ великій, необъятной,
На свой незнаемый удѣлъ.
Доселѣ тихій, безмятежной,
Онъ жизнью радостно игралъ,
Душой невинною и нѣжной
Въ ней горькихъ бѣдъ не прозрѣвалъ;
Земного мѣра уроженецъ,
Земныхъ губительныхъ страстей
Онъ не носилъ въ груди своей,
Безпечный, вѣтреный младенецъ;
И было весело ему.
Онъ разрѣзвался мило, живо
Въ толпѣ дѣтей; не вѣрилъ злу:
Предъ нимъ цвѣлъ мѣръ какъ бы на
диво.

Его подруга съ дѣтскихъ дней
Дитя-Луиза, ангель свѣтлый,
Блистала прелестью рѣчей;
Сквозь кольца русыя кудрей
Лукавый взглядъ жегъ непримѣтно;
Въ зеленой юбочкѣ сама
Поеть, танцуетъ ли она —
Все простодушно въ ней, все живо,
Все дѣтски въ ней краснорѣчиво;
На шейкѣ розовый платокъ,
Съ груди слетаетъ понемножку,
И стройно бѣлый башмачокъ
Ея охватываетъ ножку.
Въ лѣсу ль играетъ вмѣстѣ съ нимъ —
Его обонять, все проникнуть,
Въ кустъ притаясь съ желаньемъ злымъ,
Ему вдругъ въ уши громко крикнетъ
И испугаетъ; спать ли онъ —
Ему лицо все разрисуетъ:
И звонкимъ смѣхомъ пробужденъ,
Онъ покидаетъ сладкій сонъ,
Шалуню рѣзвую цѣлуетъ.

Уходитъ за весной весна.
Кругъ дѣтскихъ игръ ихъ сталъ ужъ
скромнѣть;

Межъ ними рѣзвость не видна;
Огонь очей его сталъ томень;
Она застѣнчиво-грустна.
Они понятно угадали
Васъ, рѣчи первыя любви!
Покуда сладкія печали!
Покуда радужные дни!
Чего бѣ желать съ Луизой милой?
Онъ съ ней и вечеръ, съ ней и день;
Бѣ ней привлеченъ онъ дивной силой,
Какъ вѣрно бродящая тѣнь.
Полны сердечнаго участья,
Не наглядятся старики
Ихъ простодушные на счастье
Своихъ дѣтей; и далеки
Отъ нихъ дни горя, дни сомнѣній;
Ихъ осѣняетъ мирный Геній.

Но скоро тайная печаль
Имъ овладѣла; взоръ туманенъ:
И часто смотритъ онъ на даль,
И безпокоенъ весь, и страненъ.
Чего-то смѣло ищетъ умъ,
Чего-то тайно негодуетъ;
Душа, въ волненьи темныхъ думъ,
О чемъ-то, скорбная, тоскуетъ.
Онъ, какъ прикованный, сидитъ,
На море буйное глядитъ;
Въ мечтаньи все кого-то слышитъ
При стройномъ шумѣ ветхихъ водъ.

Или въ долину ходитъ думный;
Глаза торжественно блестятъ,
Когда несется вѣтеръ шумный,
И громы жарко говорятъ;
Огонь мгновенный колеть тучи;

Дождя источники горючи
 Съдутся звучно и шумять.
 Иль въ часъ полночи, въ часъ мечтаній
 Сидить за книгою преданій,
 И, перевертывая листь,
 Онъ ловить буквы въ ней нѣмыя:
 Глаголять въ нихъ вѣка сѣдые
 И слово дивное гремить.
 Часъ углубясь въ раздумья цѣлой,
 Съ нея и глазъ онъ не сведеть.
 Кто мимо Ганца ни пройдетъ,
 Кто ни посмотритъ, скажетъ смѣло:
 Назадъ далеко онъ живетъ.
 Чудесной мыслью очарованъ,
 Подъ дуба сумрачную сѣнь
 Идетъ онъ часто въ лѣтній день;
 Къ чему-то тайному пригованъ,
 Онъ видитъ тайно чью-то тѣнь,
 И къ ней онъ руки простираетъ,
 Ее въ забвеньи обнимаетъ.

А простодушна, и одна
 Луиза-ангелъ, что же? гдѣ же?

Ему всѣмъ сердцемъ предана,
 Не знаетъ, бѣдненькая, сна:
 Ему приносить ласки тѣ же:
 Его ручонкой обовьетъ,
 Его невинно поцѣлуетъ;
 Онъ на минуту растоскуетъ,
 И снова то же запоетъ.

Они прекрасны, тѣ мгновенья,
 Когда прозрачною толпой
 Далеко милья видѣнья
 Уносятъ юношу съ собой
 Но если мѣръ души разрушенъ,
 Забыть счастливый уголокъ,
 Къ нему онъ станетъ равнодушнъ,
 И для простыхъ людей высокъ;
 Они ли юношу наполнять,
 И сердце радостью ль исполнять?..

Пока въ жилищѣ суеты
 Его подслушаемъ уградкой,
 Доселѣ бывшія загадкой,
 Разнообразныя мечты.

К а р т и н а III.

Земля классическихъ, прекрасныхъ
 созиданій,
 И славныхъ дѣлъ, и вольности
 земля!
 Аѳины! къ вамъ, въ жару чудесныхъ
 трепетаній,
 Душой приковываюсь я!
 Вотъ отъ треножниковъ до самаго
 Пирея
 Кипитъ, волнуется торжественный
 народъ;
 Гдѣ рѣчь Эсхинова, гремя и пламе-
 нѣя,
 Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
 Какъ воды шумныя прозрачнаго Ил-
 лиса.
 Великъ сей мраморный изящный Пар-
 еононь!
 Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ об-
 несенъ;
 Минерву Фидій въ немъ переселилъ
 рѣзцомъ,
 И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса.
 Подъ портикомъ божественный му-
 дрець

Ведеть высокое о дольномъ мѣрѣ слово:
 Кому за доблести безсмертіе готово,
 Кому позоръ, кому вѣнецъ.
 Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестрой-
 ныхъ пѣсней клики;
 Съ восходомъ дня толпа въ амфи-
 театръ валить,
 Персидскій Кандисъ весь испещренный
 блестятъ,
 И вьются легкія туники.
 Стихи Софогловы порывисто звучать;
 Вѣнки лавровые торжественно летятъ;
 Съ медоточивыхъ устъ любимца Эпи-
 кура
 Архонты, воины, служители Амура
 Спѣшать прекрасную науку изучить:
 Какъ жизнью жить, какъ наслажденье
 пить.
 Но вотъ Аспазія! не смѣть и дохнуть
 Смятенный юноша, при черныхъ глазъ
 сихъ встрѣчѣ.
 Какъ жарки тѣ уста! какъ пламенны
 тѣ рѣчи!
 И темныя, какъ ночь, тѣ кудри какъ-
 нибудь,

Волнуясь, падаютъ на грудь,
 На бѣломраморныя плечи.
 Но что, при звукѣ чашъ, тимпановъ
 дикій вой?
 Плющомъ увѣнчаны, вакхическія дѣвы
 Бѣгутъ нестройною, неистойвой толпой
 Въ священный лѣсъ; все скрылось...
 что вы? гдѣ вы?..

Но вы пропали, я одинъ.
 Опять тоска, опять досада;
 Хотя бы Фавнъ пришелъ съ долины,

Хотя бѣ прекрасная Дриада
 Мнѣ показалась въ мракѣ сада.
 О, какъ чудесно въ свой міръ
 Мечтою, греки, населили!
 Какъ вы его обворожили!
 А нашъ — и бѣденъ онъ, и сиръ,
 И расквадраченъ весь на миля.

И снова новыя мечты
 Его, смѣясь, обнимаютъ;
 Его воздушно поднимаютъ
 Изъ океана суеты.

К а р т и н а IV.

Въ странѣ, гдѣ сверкаютъ живые
 ключи,
 Гдѣ, чудно сіяя, блистаютъ лучи;
 Дыханіе амбры и розы ночной.
 Роскошно объемлетъ эфиръ голубой;
 И въ воздухѣ тучи куреній висятъ;
 Плоды Мангустана златые горятъ;
 Луговъ Кандагарскихъ свергаетъ ко-
 веръ;
 И смѣло накинута небесный шатеръ;
 Роскошно валится дождь яркій цвѣ-
 товъ,
 То блещутъ, трепещутъ рои мотыль-
 ковъ;
 Я вижу тамъ Пері: въ забвеньи она
 Не видитъ, не внемлетъ, мечтаній
 полна.
 Какъ солнца два, очи небесно горятъ;
 Какъ Гемасагара, такъ кудри бле-
 стятъ;
 Дыханіе — лилій серебряныхъ чадъ,
 Когда засыпаетъ истомленный садъ,
 И вѣтеръ ихъ вздохи развѣтетъ порой;
 А голосъ, какъ звуки сиринды ночной,
 Или трепетанье серебряныхъ крылъ,
 Когда ими звукнетъ, рѣзвясь, Исра-
 зиль,
 Иль плески Хиндары таинственныхъ
 струй.
 А что же улыбка? А что жъ поцѣлуй?
 Но вижу, какъ воздухъ, она ужъ
 летитъ,
 Въ края поднебесны, къ родимымъ
 спѣшить.

Постой, оглянися! Не внемлетъ она,
 И въ радугѣ тонетъ, и вотъ не-
 видна.
 Но воспоминанье міръ долго хра-
 нить,
 И благоуханьемъ весь воздухъ об-
 вить.

Живого юности стремленья
 Такъ испестрялися мечты.
 Порой небеснаго черты,
 Души прекрасной впечатлѣнья,
 На немъ лежали; но чего
 Въ волненьяхъ сердца своего
 Искалъ онъ думою неясной,
 Чего желалъ, чего хотѣлъ,
 Къ чему такъ пламенно летѣлъ
 Душой и жадною, и страстной,
 Какъ будто міръ желалъ обнять, —
 Того и самъ не могъ понять.
 Ему казалось душно, пыльно
 Въ сей позаброшенной странѣ,
 И сердце билось сильно, сильно
 По дальней, дальней сторонѣ.
 Тогда, когда бѣ вы повидали,
 Какъ воздымалась буйно грудь,
 Какъ взоры гордо трепетали,
 Какъ сердце жаждало прильнуть
 Къ своей мечтѣ, мечтѣ неясной;
 Какой въ немъ пылъ кипѣлъ пре-
 красной;

Какая жаркая слеза
 Живые наполнила глаза!

К а р т и н а VI.

Отъ Висмара въ двухъ миляхъ та
деревня,
Гдѣ ограничился лицъ нашихъ міръ.
Не знаю, какъ теперь, но Люнейс-
дорфомъ

Она тогда, веселая, звалась.
Ужъ издали бѣлѣть скромный домикъ
Вильгельма Бауха, мызника. — Давно,
Женившись на дочери пастора,
Его построилъ онъ. Веселый домикъ!
Онъ выкрашенъ зеленой краской,
крыть

Красивою и звонкой черепицей;
Вокругъ каштаны старые стоятъ,
Нависши вѣтвями, какъ будто въ
окна

Хотятъ продраться; изъ-за нихъ мель-
каетъ

Рѣшетка изъ прекрасныхъ лозъ, кра-
сиво

И хитро сдѣлана самимъ Вильгель-
момъ;

По ней висить и змѣйкой вѣется
хмель;

Съ окна протянуть шесть, на немъ
бѣлье

Блится бѣлое предъ солнцемъ.
Вотъ

Въ проломъ на чердакъ толпится
стая

Мохнатыхъ голубей; протяжно хло-
чуть

Индѣйки; хлопая встрѣчаетъ день
Крикунь-пѣтухъ, и по двору вотъ
важно,

Межъ пестрыхъ куръ, онъ кучи раз-
гребаетъ

Зернистыя; гуляютъ тутъ же двѣ
Ручныя козы и рѣзвися щиплютъ

Душистую траву. Давно курился
Ужъ дымъ изъ бѣлыхъ трубъ, кур-
чаво онъ

Видся и облака приумножалъ.
Съ той стороны, гдѣ съ стѣнъ вали-
лась краска,

И сѣрые торчали кирпичи,
Гдѣ древніе каштаны стлали тѣнь,
Которую перебѣгало солнце,

Когда вершину ихъ вѣтръ рѣзво ко-
лыхалъ,—

Подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, вѣчно
милыхъ,

Стоялъ съ утра дубовый столъ, весь
чистой

Покрытый скатертью и весь уста-
вленъ

Душистой яствой: желтый вкусный
сыръ,

Редисъ и масло въ фарфоровой утѣ,
И пиво, и вино, и сладкій бишефъ,
И сахаръ, и коричневые вафли;

Въ корзинѣ спѣлые, блестящіе плоды:
Прозрачный гроздь, душистая малина,
И, какъ янтарь, желтѣющія груши,
И сливы синія, и яркій персикъ, —

Въ затѣйливомъ видѣлось все по-
рядкѣ.

Сегодня праздновалъ живой Виль-
гельмъ

Рожденье дорогой своей супруги,
Съ пасторомъ и драгими дочерьми:
Луизой старшей и меньшою Фанни.
Но Фанни нѣтъ, она давно пошла
Звать Ганца и не возвращалась. Вѣрно,
Онъ гдѣ-нибудь опять въ раздумьи
бродитъ.

А милая Луиза все глядитъ
Внимательно на темное окно

Сосѣда Ганца. Два шага всего вѣдь
къ нему; но не пошла моя Луиза:
Чтобъ не замѣтилъ онъ въ ея лицѣ
Тоски докучливой, чтобъ не прочелъ
Въ ея глазахъ онъ ѣдкаго упрека.
Вотъ говорить Вильгельмъ, отецъ,
Луизѣ:

«Смотри ты, Ганца пожури поряд-
комъ:

Зачѣмъ онъ къ намъ такъ долго не
идетъ?

Вѣдь ты его сама избаловала».

И вотъ дитя-Луиза такъ въ отвѣтъ:
«Боюсь журить прекраснаго я Ганца:
И безъ того онъ боленъ, блѣденъ,
худъ...»

«Что за болѣзнь? — сказала мать,
Живая Берта: — не болѣзнь, тоска

Незваная къ нему сама пристала;
 Вотъ женится, и отпадетъ тоска.
 Такъ молодой побѣгъ, совсѣмъ при-
 глохшій,
 Опрыснутый дождемъ, виигъ зацвѣтеть.
 И что жъ жена, какъ не веселье
 мужа?»
 «Рѣчь умная, — съдой пасторъ про-
 молвилъ: —

Все, вѣрь, пройдетъ, когда захочетъ
 Богъ,
 И будь во всемъ Его святая воля!»
 Уже два раза онъ изъ трубки выбивалъ
 Золу, и въ споръ вступалъ съ Виль-
 гельмомъ,
 Разговорясь про новости газетъ,
 Про злой неурожай, про греговъ и
 про турокъ.

Про Мисолунги, про дѣла войны,
 Про славнаго вождя Колокотрони,
 Про Канинга, про парламентъ,
 Про бѣдствія и мятежи въ Мадритѣ.
 Какъ вдругъ Луиза вскрикнула и ми-
 гомъ,

Увидя Ганца, бросилась къ нему.
 Воздушный станъ ея обнявши стройный,
 Съ волнеьемъ юноша ее поцѣловалъ.
 Оборотясь къ нему, вотъ молвить
 пасторъ:

«Эхъ, стыдно, Ганцъ, забыть своего
 друга!

Да что, коли уже забылъ Луизу,
 Объ насъ ли старикахъ и думать!» —

«Полю
 Тебѣ все Ганца, папенька, журить! —
 Сказала Берта: — лучше сядемъ мы
 теперь за столъ, не то — простынетъ
 все:

И каша съ рисомъ и виномъ души-
 стымъ,

И сахарный горохъ, каплунъ горячій,
 Зажаренный съ изюмомъ въ маслѣ».
 Вотъ

За столъ они садятся мирно;
 И скоро виигъ вино все оживило
 И, свѣтлое, смѣхъ въ душу пролило.
 Старикъ-скрипачъ и Фрицъ на звон-
 кой флейтѣ

Согласно грянули хозяйкѣ въ честь.
 Всѣ понеслись и закружились въ
 вальсѣ:

Развеселясь, румяный нашъ Виль-
 гельмъ
 Пустился самъ съ своей женой, какъ
 съ павой;

Какъ вихорь, несся Ганцъ съ своей
 Луизой

Въ бурливомъ вальсѣ; и предъ ними
 мръ

Вертѣлся весь въ чудесномъ, шумномъ
 стрѣѣ.

А милая Луиза ни дохнуть,
 Ни посмотрѣть вокругъ не можетъ:
 вся

Въ движеніи потерялась. Ими
 Не налюбуйся, говоритъ пасторъ:
 «Любезная, прекрасная чета!

Мила моя веселая Луиза,
 Прекрасень и уменъ и скромень
 Ганцъ, —

Сотворены они ужъ другъ для друга,
 И счастливо свою жизнь проведутъ.
 Благодарю Тебя, о, Боже милосердый!

Что ниспослалъ на старость благодать,
 Мои продлилъ дряхлѣющія силы,
 Чтобы узрѣть такихъ прекрасныхъ
 внучатъ,

Чтобы сказать, прощаясь съ ветхимъ
 тѣломъ:

Прекрасное я видѣлъ на землѣ».

К а р т и н а VII.

Съ прохладю, спокойный тихій
 вечеръ

Спускается; прощальные лучи
 Цѣлуютъ гдѣ-гдѣ сумрачное море;
 И искрами живыми, золотыми
 Деревья тронуты; и вдалькѣ
 Виднѣютъ, сквозь туманъ морской,
 утесы,

Всѣ разноцвѣтные. Спокойно все.
 Пастушьихъ лишь рожковъ унывный
 голосъ

Несется вдаль съ веселыхъ береговъ,
 Да тихій шумъ въ водѣ всплеснув-
 шей рыбы

Чуть пробѣжить и вздернетъ море
 рябью,

Да ласточка, крыломъ черпнувши
 моря,
 Круги, по воздуху скользя, дасть.
 Вотъ заблестѣль вдали, какъ точка,
 катеръ;
 А кто же въ немъ, въ томъ катерѣ,
 сидитъ?
 Сидитъ пасторъ, нашъ старецъ сѣдо-
 власый,
 И съ дорогой супругою Вильгельмъ;
 А рѣзвая всегда шалунья Фанни,
 Съ удой въ рукахъ и свѣсившись съ
 периль,
 Смиясь, ручонкою болтала волны;
 Возлѣ кормы съ Луизой милой Ганцъ.
 И долго всѣ въ молчаньи любовались,
 Какъ за кормой широкая ходила
 Волна и въ брызгахъ огневѣтныхъ,
 вдругъ
 Весломъ разорванная, трепетала;
 Какъ разъяснялась розовая дальность,
 И южный вѣтръ дыханье навѣвалъ.
 И вотъ пасторъ, исполненъ умиленья,
 Проговорилъ: «Какъ милъ сей Божій
 вечеръ!
 Прекрасенъ, тихъ онъ, какъ благая
 жизнь
 Безгрѣшнаго: она вѣдь такъ же
 мирно
 Кончаетъ путь, и слезы умиленья
 Священный прахъ, прекрасныя, кро-
 пять.
 Пора и мнѣ ужъ; срокъ назначенъ,
 И скоро, скоро я не буду вашъ,
 Но этакъ ли прекрасно опочю?..»
 Всѣ прослезились. Ганцъ, который
 пѣсню
 Наигрывалъ на сладостномъ гобой,
 Задумался и выронилъ гобой;
 И снова сонъ какой-то осѣнилъ
 Его чело; далеко мчались мысли,
 И чудное на душу натекло.
 И вотъ ему такъ говорить Луиза:
 «Скажи мнѣ, Ганцъ, когда еще ты
 любишь
 Меня, когда я пробудить могу
 Хоть жалость, хоть живое состра-
 данье
 Въ душѣ твоей, не мучь меня, скажи:

Зачѣмъ одинъ съ какой-то книгой
 Ты ночь сидишь? (мнѣ видно все,
 И окнами вѣдь другъ мы противъ
 друга).
 Зачѣмъ дичишься всѣхъ? зачѣмъ гру-
 стишь?
 О, какъ меня твой грустный видъ
 тревожить:
 О, какъ меня печаль твоя печалитъ!»
 И, тронутый, смутился Ганцъ,
 Ее къ груди съ тоскою прижимаетъ,
 И брызнула невольная слеза.
 «Не спрашивай меня, моя Луиза,
 И безпокойствомъ симъ тоски не
 множь.
 Когда жъ кажусь погруженъ въ мыс-
 ли —
 Вѣрь, занявъ и тогда тобой одною,
 И думаю я, какъ бы отвратить
 Всѣ отъ тебя печальныя сомнѣнья,
 Какъ радостью твоею наполнить сердце,
 Какъ бы души твоей хранить покой,
 Оберегать твой дѣтскій сонъ невин-
 ный,
 Чтобы недоброе не приближалось,
 Чтобы и тѣнь тоски не прикасалась,
 Чтобы счастье твое всегда цвѣло».
 Спустился къ нему головою на грудь,
 Въ избыткѣ чувствъ, въ признатель-
 ности сердца,
 Ни слова вымолвить она не мо-
 жеть...
 По берегу неслася лодка плавно
 И вдругъ причалила. Всѣ вышли,
 Вмигъ изъ нея. «Ну! берегитесь,
 дѣти,—
 Сказалъ Вильгельмъ: — здѣсь сыро и
 роса,
 Чтобы не нажить несноснаго вамъ
 кашля». —
 Дорогой Ганцъ нашъ мыслить: «Что
 же будетъ,
 Когда услышитъ то, чего и знать бы
 Не должно ей?» И на нее глядитъ,
 И чувствуетъ онъ въ сердцѣ уко-
 ризну:
 Какъ будто бы недоброе что сдѣлалъ,
 Какъ будто бы предъ Богомъ лице-
 мѣрилъ.

К а р т и н а VIII.

На башнѣ бьетъ часъ полуночный.
 Такъ, это часъ, часъ думъ урочный,
 Какъ Ганцъ одинъ всегда сидитъ!
 Свѣтъ лампы передъ нимъ дрожитъ
 И блѣдно сумрагъ освѣщаетъ,
 Какъ бы сомнѣнья разливаешь.
 Все спитъ. Ничей блудящій взоръ
 На полѣ никого не встрѣтитъ;
 И, какъ далекій разговоръ,
 Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ.
 Все тихо, дышитъ ночь одна.
 Теперь его глубокихъ думъ
 Не потревожитъ дневный шумъ —
 Надъ нимъ такая жъ тишина.

А что жъ она? — Встаетъ она,
 Садится прямо у огня:
 «Онъ не посмотритъ, не примѣтитъ,
 А посмотрюся я на него;
 Не спать для счастья моего!..
 Благослови, Господь, его!»

Волна шумитъ, а мѣсяцъ свѣтитъ;
 И вотъ надъ нею вьется сонъ
 И голову невольно клонитъ.
 Но Ганцъ все такъ же въ мысляхъ
 тонетъ,
 Въ глубь ихъ далеко погруженъ.

1.

Все рѣшено. Теперь ужели
 Мнѣ здѣсь душою погибать?
 И не узнать иной мнѣ цѣли?
 И цѣли лучшей не сыскать?
 Себя обречь безславью въ жертву?
 При жизни быть для міра мертву!

2.

Душой ли, славу полюбившей,
 Ничтожность въ мірѣ полюбить?
 Душой ли, къ счастью неостывшей,
 Волненья міра не испытать?
 И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
 Существованья не отмѣтить?

3.

Зачѣмъ влечете такъ къ себѣ вы,
 Земли роскошные края?

И день, и ночь, какъ птица напѣвы,
 Призывный голосъ слышу я;
 И день, и ночь мечтами скованъ
 Я вами, вами очарованъ.

4.

Я вашъ! я вашъ! изъ сей пустыни
 Вниду я въ райскія мѣста;
 Какъ пилигримъ бредеть къ святынѣ,
 Корабль поидетъ, забрызжутъ волны,
 Имъ чувства вслѣдъ веселья полны.

5.

И онъ спадетъ, покровъ неясный,
 Подъ коимъ знала васъ мечта,
 И міръ прекрасный, міръ прекрасный
 Отворитъ дивныя врата,
 Привѣтитъ юношу готовый
 И въ наслажденьяхъ вѣчно новый.

6.

Творцы чудесныхъ впечатлѣній!
 Рѣзецъ вашъ, кисть увижу я,
 И вашихъ пламенныхъ твореній
 Душа исполнится моя.
 Шуми жъ, мой океанъ широкій!
 Неси корабль мой одинокій!

7.

А ты прости, мой уголь тѣсный,
 И лѣсъ, и поле! лугъ, прости!
 Кропи васъ чаще дождь небесный,
 И дай Богъ долѣе цвѣсти!
 По васъ душа какъ будто страждетъ,
 Въ послѣдній разъ обнять васъ жа-
 ждетъ.

8.

Прости, мой ангелъ безмятежный!
 Чела слезами не кропи!
 Не предавайся тоскѣ мятежной
 И Ганца бѣднаго прости!
 Не плачь, не плачь, я скоро буду,
 Я возвращусь — тебя ль забуду?..

К а р т и н а ІХ.

Кто это поздною порой
 Ступает тихо, осторожно?
 Видна котомка за спиной,
 Посохъ за поясомъ дорожный.
 Направо домикъ передъ нимъ,
 Налѣво дальняя дорога,
 Идти путемъ онъ хочетъ симъ
 И просить твердости у Бога.
 Но мукой тайною томимъ,
 Назадъ онъ ноги обращаетъ
 И въ домикъ тотъ онъ поспѣшаетъ.

Одно окно открыто въ немъ;
 Облокотясь предъ тѣмъ окномъ,
 Краса-дѣвица почиваетъ,
 И, вѣя вѣтръ надъ ней крыломъ,
 Ей сны чудесные внушаетъ;
 И, ими, милая, полна,
 Вотъ улыбается она.
 Съ душеволненьемъ къ ней подходитъ...
 Стѣснилась грудь; дрожить слеза...

И на прекрасную наводитъ
 Свои блестящіе глаза.
 Онъ наклонился къ ней, пылаетъ,
 Ее цѣлуетъ и стенаетъ.

И, вздрогнувъ, быстро онъ бѣжитъ
 Опять дорогою далекой;
 Но мраченъ неспокойный видъ,
 Но грустно въ сей душѣ глубокой.
 Вотъ оглянулся онъ назадъ;
 Но ужъ туманъ окрестность вроетъ,
 И пуце юноши грудь ноетъ,
 Прощальный посылая взглядъ.
 Вѣтръ, пробудившись, суровой
 Качнулъ зеленою дубовой;
 Исчезло все въ дали пустой.
 Сквозь сонъ лишь смутною порой
 Готлибъ-привратникъ будто слышалъ,
 Что изъ калитки кто-то вышелъ,
 Да вѣрный песъ, какъ бы въ укоръ,
 Пролаялъ звучно на весь дворъ.

К а р т и н а Х.

Не всходитъ долго свѣтлый вождь.
 Ненастно утро; на поляны
 Ваяются сѣрые туманы;
 Звенить по кровлямъ частый дождь.
 Съ зарей красавица проснулась;
 Сама дивится, что она
 Проспала ночь всю у окна.
 Поправивъ кудри, улыбнулась,
 Но, противъ воли, взоръ живой
 Блеснулъ досадною слезой.
 «Что Ганцъ такъ долго не приходитъ?
 Онъ обѣщалъ мнѣ быть чуть свѣтъ.
 Какой же день! тоску наводитъ:
 Туманъ густой по полу ходить,
 И вѣтръ свистить; а Ганца нѣтъ».

Полна живого нетерпѣнья,
 Глядитъ на милое окно:
 Не отворяется оно.
 Ганцъ, вѣрно, спитъ, и сновидѣнья
 Ему творять любой предметъ;
 Но день давно ужъ. Рвутъ долины
 Ручьи дождя; дубовъ вершины
 Шумятъ; а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Ужъ скоро полдень. Непримѣтно
 Туманъ уходитъ; лѣсъ молчить;
 Громъ въ размысленіи гремить
 Вдали... Дугою семицвѣтной
 Горитъ на небѣ райскій свѣтъ;
 Унизанъ искрами дубъ древній;
 И пѣсни звонкія съ деревни
 Звучать; а Ганца нѣтъ, какъ нѣтъ.

Что бъ это значило?.. находить
 Злодѣйка-грусть; слухъ утомленъ
 Считать часы... Вотъ кто-то входитъ...
 И въ дверь... Онъ! онъ!.. ахъ, нѣтъ,
 не онъ!

Въ халатѣ розовомъ покойномъ,
 Въ цвѣтномъ передникѣ съ раймой,
 Приходитъ Берта: «Ангель мой!
 Скажи, что сдѣлалось съ тобой?
 Ты ночь всю спала безпокойно;
 Ты вся томна, ты вся блѣдна.
 Не дождь ли помѣшалъ шумливый,
 Или ревущая волна?
 Или пѣтухъ, буянъ крикливый,
 Всю ночь не вѣдающій сна?»

Иль потревожилъ духъ нечистый
Во снѣ покой дѣвицы чистой,
Навѣялъ черную печаль?
Скажи: тебя всѣмъ сердцемъ жаль!» —

«Нѣтъ, не мѣшалъ мнѣ дождь шу-
мливый,

И ни ревушая волна,
И ни пѣтухъ, буянь крикливый,
Всю ночь не вѣдающій сна;
Не эти сны, не тѣ печали
Мнѣ грудь младую взволновали,
Не ими духъ мой возмущень:
Иной мнѣ снился дивный сонъ.
Мнѣ снилось: въ темной я пустынѣ,
Вокругъ меня туманъ и глушь;
И на болотистой равнинѣ
Нѣтъ мѣста, гдѣ была бы сушь.
Тяжелый запахъ, топло, вязко;
Что шагъ, то бездна подо мной:
Боюся я ступить ногой;
И вдругъ мнѣ сдѣлалось такъ тяжко.
Такъ тяжко, что нельзя сказать...
Гдѣ ни возьмись Ганцъдикій, странный
(Бѣжала кровь, струясь изъ раны)
Вдругъ началъ надо мной рыдать;
Но, вмѣсто слезъ, лились потови
Какой-то мутныя воды...
Проснулася я: на грудь, на щеки,
На кудри русой головы,
Бѣжалъ ручьями дождь досадной;

И было сердцу не отрадно.
Меня предчувствіе беретъ...
И я кудрей не выжимала;
И я все утро тосковала:
Гдѣ онъ? и что съ нимъ? что ней-
детъ?»

Стоить, качаетъ головою
Разумная предъ нею мать:
«Ну, дочка! мнѣ съ твоей бѣдою,
Не знаю, какъ ужъ совладать.
Пойдемъ къ нему, узнаемъ сами,
Да будь святая сила съ нами!»

Вотъ входятъ въ комнату онѣ;
Но въ ней все пусто. Въ сторонѣ
Лежить, въ густой пыли, томъ давній,
Платонъ и Шиллеръ своенравный,
Петрарка, Тигъ, Аристофанъ
Да позабытый Винкельманъ;
Буски изодранной бумаги;
На полкѣ—свѣжіе цвѣты;
Перо, которымъ, полнъ отваги,
Передавалъ свои мечты.
Но на столѣ мелькнуло что-то...
Записка!.. съ трепетомъ взяла
Луиза въ руки. Отъ кого-то?
Къ кому?.. И что жъ она прочла?..
Языкъ лепечетъ странно пени...
И вдругъ упала на колѣни;
Ее кручина давить, жжать,
Гробовый холодъ въ ней течеть.

К а р т и н а X I.

Гы посмотри, тиранъ жестокій,
На грусть убитыя души!
Какъ вянетъ цвѣтъ сей одинокій,
Забутый въ пасмурной глуши!
Вглядись, взгляди въ свое творенье:
Ее ты счастья лишилъ,
И жизни радость претворилъ
Въ тоску ей, въ адское мученье,
Въ гнѣздо разоренныхъ могилъ.
О, какъ она тебя любила!
Съ какимъ восторгомъ чувствъ жи-
вымъ

Простыя рѣчи говорила!
И какъ внималъ рѣчамъ ты симъ!
Какъ пламенень и какъ невинень
Былъ этотъ блескъ ея очей!
Какъ часто ей, въ тоскѣ своей,
Тотъ день казался случень, длинень,

Когда, раздумью предана,
Тебя не видѣла она!
И ты ль, и ты ль ее оставилъ?
Ты ль отвернулся отъ всего?
Въ страну чужую путь направилъ,
И для кого? и для чего?
Но посмотри, тиранъ жестокій:
Она все такъ же, подъ окномъ,
Сидитъ и ждетъ, въ тоскѣ глубокой,
Не промелькнетъ ли милый въ немъ?
Ужъ гаснетъ день; сіяетъ вечеръ;
На все наброшенъ дивный блескъ:
Прохладный вьется въ небѣ вѣтеръ;
Волны чуть слышенъ дальній плескъ.
Уже ночь тѣни настигаетъ;
Но западъ все еще сіяетъ.
Свирѣль чуть льется; а она
Сидитъ недвижно у окна.

Н о ч н ы я   в и д ѣ н і я .

Темнѣетъ, тухнетъ вечеръ красный;
Спитъ въ упоеніи земля;
И вотъ на наши ужъ поля
Выходить важно мѣсяцъ ясный.
И все прозрачно, все свѣтло;
Сверкаетъ море, какъ стекло.

Въ небѣ чудныя вотъ тѣни
Развились и свились,
И чудесно понеслись
На небесныя ступени.
Прояснилось: двѣ свѣчи;
Двое рыцарей косматыхъ;
Два зубчатые мечи
И чеканенныя латы;
Что-то ищутъ; стали въ рядъ;
И зачѣмъ-то переходятъ,
И дерутся, и блестятъ,
И чего-то не находятъ...
Все пропало, слилось съ тьмой;
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Блестательно всю рошу оглашаетъ
Парь-соловей. Звукъ тихо разнесень.
Чуть дышитъ ночь; земля сквозь
сонъ

Мечтательно пѣвицу внимаетъ.
Лѣсъ не колышется; все спитъ,
Лишь вдохновенна пѣснь звучитъ.

Показался дивной феи
Слитый съ воздуха дворець,
И въ окнѣ поетъ пѣвецъ
Вдохновенныя затѣи.
На серебряномъ коврѣ,
Весь затканный облаками,
Чудный духъ летитъ въ огнѣ;
Сѣверъ, югъ покрылъ крылами.
Видитъ: фея спитъ въ плѣну
За рѣшеткою коральной;
Перламутрную стѣну
Рушить онъ слезой хрустальной.
Обнялись... слились съ тьмой...
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Сквозь парь окрестность чуть свер-
каетъ.

Какую кучу тайныхъ думъ

Наводитъ моря странный шумъ!
Огромный китъ спиной мелькаетъ;
Рыбакъ закутался и спитъ;
А море все шумитъ, шумитъ.

Вотъ изъ моря молодая
Дѣвы чудныя плывутъ;
Голубыя, огневая,
Волны бѣлыя гребутъ.
Призадумавшись, колышетъ
Грудь лилейную вода,
И красавица чуть дышитъ...
И роскошная нога
Стелетъ брызги въ два ряда...
Улыбается, хохочетъ,
Страстно манить и зоветъ,
И задумчиво плыветъ,
Будто хочетъ и не хочетъ;
И задумчиво поетъ
Про себя, младу сирену,
Про коварную измѣну.
А на тверди голубой
Свѣтитъ мѣсяцъ надъ водой.

Вотъ въ сторонѣ глухой кладбище:
Ограда ветхая кругомъ,
Кресты, камня... скрыто мхомъ
Нѣмыхъ покойниковъ жилище,
Полетъ да крики только совъ
Тревожатъ сонъ пустыхъ гробовъ.

Подымается протяжно
Въ бѣломъ саванѣ мертвецъ,
Кости пыльныя онъ важно
Оттираетъ, молодець;
Съ чела давняго хладъ вѣетъ,
Въ глазѣ палевоый огонь,
И подъ нимъ великій конь,
Необъятный, весь бѣлѣетъ
И все болѣе растетъ,
Скоро небо обойметъ;
И покойники съ покою
Страшной тянутся толпою.
Земля колется и — бухъ
Тѣни разомъ въ бездну... Уфъ!

И стало страшно ей; мгновенно
Она прихлопнула окно.
Все въ сердцѣ трепетномъ смятенно,
И жаръ, и дрожь попеременно
По немъ текутъ. Въ тоскѣ оно.
Вниманіе развлечено.
Когда рукою безопадной
Судьба надвинетъ камень хладный
На сердце бѣдное, — тогда,
Скажите: кто разсудку вѣренъ?
Чья противъ золь душа тверда?

Кто вѣчно тотъ же завсегда?
Въ несчастьи кто не суевѣренъ?
Кто крѣпкой не блѣднѣлъ душой
Передъ ничтожною мечтой?

Съ боязнью, съ горестію тайной,
Въ постель кидается она;
Но ждетъ напрасно въ ложе сна.
Въ тьмѣ прошумитъ ли что случайно,
Скребуныя мышъ ли пробѣжитъ, —
Отъ вѣждъ коварный сонъ летитъ.

К а р т и н а XIII.

Печальны древности Аѳинъ!
Колоннъ, статуй рядъ обветшалый
Среди глухихъ стоитъ равнинъ.
Печаленъ слѣдъ вѣковъ усталыхъ:
Изящный памятникъ разбитъ,
Изломленъ немощный гранитъ,
Одни обломки уцѣлѣли.
Еще донинѣ величавъ,
Чернѣетъ дряхлый архитравъ,
И вьется плющъ по капителямъ;
Упалъ расщепленный карнизъ
Въ давно-заглохшіе окопы.
Еще блеститъ сей дивный фризъ,
Сіи рельефные метопы;
Еще донинѣ здѣсь грустятъ
Коринтскій орденъ многолѣпный,
Рой ящерицъ по немъ скользятъ,
На міръ съ презрѣнемъ онъ глядитъ;
Все тотъ же онъ великолѣпный,
Временъ минувшихъ вдавленъ въ тьму,
И безъ вниманья ко всему.

Печальны древности Аѳинъ!
Туманенъ рядъ былыхъ картинъ:
Облокотясь на мраморъ хладный,
Напрасно путникъ алчетъ жадный
Въ душѣ былое воскресить,
Напрасно силится развить
Протекшихъ дѣлъ истлѣвшій сви-
токъ, —
Ничтоженъ трудъ безсильныхъ пытокъ!

Вездѣ читаетъ смутный взоръ
И разрушенье, и позоръ.
Промежъ колоннъ чалма мелькаетъ,
И мусульманинъ по стѣнамъ,
По симъ обломкамъ, камнямъ, рвамъ,
Коня свирѣпо напираетъ,
Останки съ воплемъ разоряетъ.
Невыразимая печаль
Мгновенно путника объемлетъ,
Души онъ тяжкій ропотъ внемлетъ;
Ему и горестно, и жалъ,
Зачѣмъ онъ путь сюда направилъ.
Не для истлѣвшихъ ли могилъ
Кровь безмятежный свой оставилъ,
Покой свой тихій позабылъ?
Пускай бы въ мысляхъ обитали
Сіи воздушныя мечты!
Пускай бы сердце волновали
Зерцаломъ чистой красоты!
Но и убійственно, и хладно
Разворожились вы теперь;
Безжалостно и безопадно
Предъ нимъ захлопнули вы дверь,
Сыны существенности жалкой,
Дверь въ тихій міръ мечтаній, жар-
кой! —

И грустно, медленной стопой
Руины путникъ покидаетъ,
Клянется ихъ забыть душой,
И все невольно помышляетъ
О жертвахъ брѣнности слѣпой.

К а р т и н а XVI.

Ушло два года. Въ мирномъ Лю-
ненсдорфѣ
Попрежнему красуется, цвѣтеть;
Все тѣ жъ заботы и забавы тѣ же

Волнуютъ жителей покойныя сердца.
Но не попережнему въ семьѣ Виль-
гельма:
Пастора ужъ давно на свѣтѣ нѣтъ,

Окончивъ путь и тягостный, и труд-
ный,
Не нашимъ сномъ онъ крѣпко опоч-
чилъ.

Всѣ жители останки провожали
Священные, съ слезами на глазахъ;
Его дѣла, поступки поминали:
Не онъ ли намъ спасеніемъ служилъ?
Насъ надѣлялъ своимъ духовнымъ
хлѣбомъ,

Въ словахъ добру прекрасно поучая?
Не онъ ли былъ утѣхою скорбящихъ,
Сиротъ и вдовъ нетрепетнымъ ши-
томъ?

Въ день праздничный, какъ кротко
онъ, бывало,

Всходилъ на каеэдру! и съ умиленіемъ
Намъ говорилъ: про мучениковъ чи-
стыхъ,

Про тяжкія страданія Христовы;
А мы ему, растроганны, внимали,
Дивилися и слезы проливали.

Отъ Висмара когда кто держитъ
путь,

Встрѣчается навѣво отъ дороги
Ему кладбище: старые кресты
Склонились, обшиты мхомъ,
И времени извѣдены рѣзцомъ.
Но промежъ нихъ бѣлѣтъ рѣзко
урна

На черномъ камнѣ, и надъ ней сми-
ренно

Два явора зеленые шумять,
Далеко хладной обнимая тѣнью.
Тутъ бранные покоятся останки
Пастора. Вызвались на свой же счетъ
Соорудить надъ нимъ благіе поселяне
Послѣдній знакъ его существованья
Въ семь мѣрѣ. Надпись съ четырехъ
сторонъ

Гласить: какъ жилъ и сколько мир-
ныхъ лѣтъ
Провелъ на паствѣ, и когда оставилъ
Свой долгій путь и Богу духъ вру-
чилъ.

И въ часъ, когда стыдливый разви-
ваетъ

Румяные востокъ свои власы,
Подыметъ по полю свѣжій вѣтеръ,
Посыплется алмазами роса,

Въ своихъ кустахъ малиновка залетѣла,
Полсолнца на землѣ всходя горитъ,—
Къ нему идутъ младыя поселянки,
Съ гвоздиками и розами въ рукахъ;
Увѣшаютъ душистыми цвѣтами,
Гирляндю зеленой обвиваютъ,
И снова въ путь назначенный идутъ.
Изъ нихъ одна, младая, остается
И, опершись лилейною рукой,
Надъ нимъ сидитъ въ раздумья долго,
долго,

Какъ будто бы о непостижномъ мы-
слить.

Въ задумчивой, скорбящей дѣвѣ сей
Кто бъ не узналъ печальныя Луизы?
Давно въ глазахъ веселье не бле-
ститъ;

Не кажется невинная усмѣшка
Въ ея лицѣ; не пробѣжитъ по немъ,
Хотя ошибкой, радостное чувство;
Но какъ мила она и въ грусти том-
ной!

О, какъ возвышененъ невинной этотъ
взглядъ

Такъ свѣтлый Серафимъ тоскуетъ
О пагубномъ паденьи человѣка.
Мила была счастливая Луиза,
Но какъ-то мнѣ въ несчастіи милѣе.
Осмынадцать лѣтъ тогда минуло ей,
Когда преставился пасторъ разумный.
Всей дѣтскою она своей душой
Богоподобнаго любила старца;
И думаетъ въ душевной глубинѣ:
«Нѣтъ, не сбылись живыя упованья
Твои. Какъ, добрый старецъ, ты желалъ
Насъ обвинять передъ святымъ на-
лоемъ,
Навѣки нашъ союзъ соединить!
Какъ ты любилъ мечтательнаго Ганца!
А онъ...»

Заглянемъ въ хижину Вильгельма.
Ужъ осень; холодно. И дома онъ
Вытачивалъ съ искусствомъ хитрымъ
кружки

Изъ крѣпкаго съ слоями бука,
Затѣйливой рѣзбою украшая;
У ногъ его свернувшись лежалъ
Любимый другъ, товарищъ вѣрный,
Гекторъ.

А вотъ разумная хозяйка Берта

И вотъ завидѣлъ странникъ бѣдный
Свои родимые луга,
И взоръ мгновенно вспыхнулъ блѣд-
ный,
Блеснула жаркая слеза.
Рой прежнихъ тѣхъ забавъ невинныхъ

И тѣхъ проказъ, тѣхъ думъ старин-
ныхъ —
Все разомъ налегло на грудь
И не даетъ ему дохнуть.
И мыслить онъ: «что это значить?...»
И, какъ ребенокъ слабый, плачетъ.

Д у м а .

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
Тотъ, Небомъ избранный, постигъ
Цѣль высшую существованья;
Когда не грѣзь пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ мѣръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка, и бодря
Его одна объемлетъ, мучить
Желаньемъ блага и добра;
Его трудамъ великимъ учить.
Для нихъ онъ жизни не щадить.

Вотще безумно чернъ кричить:
Онъ твердь средь сихъ живыхъ облом-
ковъ
И только слышитъ, какъ шумитъ
Благословеніе потомковъ.

Когда жъ коварныя мечты
Взволнуютъ жаждой яркой доли,
А нѣтъ въ душѣ желѣзной воли,
Нѣтъ силъ стоять средь суеты, —
Не лучше ль въ тишинѣ угромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать?

К а р т и н а XVIII.

Выходятъ звѣзды плавнымъ хоромъ,
Обозрѣваютъ кроткимъ взоромъ
Опочивающій весь мѣръ:
Блудутъ сонъ тихій челоуѣка,
Ниспосылаютъ добрымъ мѣръ,
А злымъ ядъ гибельный упрека.
Зачѣмъ же, звѣзды, грустнымъ вы
Не посылаете покоя?
Для горемычной головы
Вы — радость, и, на васъ покоя
Свой грустный, стосковалый взоръ,
Страстей онъ слышитъ разговоръ
Въ душѣ, и васъ онъ призываетъ,
И вамъ онъ пени повѣряетъ.
Попрежнему всегда томна,
Еще Луиза не раздѣлась;
Не спится ей; въ мечтахъ она
На ночь осенню заглядѣлась.
Предметъ и тотъ же, и одинъ...
И вотъ восторгъ къ ней въ душу входитъ:
Пѣснь стройную она заводитъ,
Звучитъ веселый клавесинъ...

Внимая шуму листопада,
Промежъ деревьевъ, гдѣ сквозить

Изъ стѣнъ рѣшетчатыхъ ограда,
Въ забвеньи сладостномъ, у сада.
Нашъ Ганцъ, закутавшись, стоитъ.
И что же съ нимъ, когда онъ звуки
Давно-знакомые узналъ,
И голось тотъ, со дня разлуки,
Что долго-долго не слыхалъ,
И пѣсню ту, что въ страсти жаркой,
Въ любви, въ избыткѣ дивныхъ силъ,
Подъ строй души въ напѣвахъ яркой,
Ее, восторженный, сложилъ?
Чрезъ садъ она звенитъ, несется
И въ упоеньи тихомъ летится:

Тебя зову! тебя зову!
Твоей улыбкою чаруюсь,
Съ тобой не часъ, не два сижу,
Съ тебя очей я не свожу:
Дивуюся, не надивуюсь.

Поешь ли ты — и звонъ рѣчей
Твоихъ, таинственный, невинный,
Ударить въ воздухъ ли пустынный —
Звукъ въ небѣ летится соловьиный,
Гремитъ серебряный ручей.

* *

Приди ко мнѣ, прижмись ко мнѣ,
Въ жару чудеснаго волненья!
Пылаетъ сердце въ тишинѣ;
Они горятъ, они въ огнѣ,
Твои покойныя движенья.

* *

Я безъ тебя грущу, томлюсь,
И позабыть тебя нѣтъ силы.
И пробуждаюсь ли, ложусь, —
Все о тебѣ молюсь, молюсь.
Все о тебѣ, мой ангелъ милый.

* *

И вотъ почудилось ей:
Чудеснымъ заревомъ очей
Возлѣ нея блистаетъ кто-то,
И слышать вздохъ она кого-то,
И страхъ, и дрожь ее беретъ...
И оглянулась...

«Ганцъ!..»

О, кто пойметъ
Всю эту радость чудной встрѣчи,
И взоровъ пламенныхъ рѣчи,
И этотъ чувствъ счастливый гнетъ!
О, кто такъ пламенно опишетъ
Сію душевную волну,
Когда она грудь рветъ и пышетъ,
Терзаетъ сердца глубину,
А самъ дрожишь, въ весельи мѣнешь,
Ни думъ, ни словъ найти не смѣешь;
Въ восторгѣ, въ кучѣ сладкихъ мукъ,
Сольешься въ стройный, свѣтлый
звукъ!

Опомнясь, Ганцъ глядитъ сквозь
слезы

Въ глаза подруги своея
И мыслить: «Полно, это грѣзы;
Пусть же не просыпаюсь я!
Она все та жъ, и такъ любила
Меня всей дѣтскою душой!
Чело печалію накрыла,
Румянецъ свѣжій изсушила,
Губила вѣкъ свой молодой;
А я, безумный, безтолковой,
Летѣлъ искать кручины новой!..»
И спалъ страданій тяжкій сонъ

Н. В. Гоголь. Томъ III.

Съ его души; живой, спокойный,
Переродился снова онъ,
На время бурей возмущенъ:
Такъ снова блещетъ міръ нашъ строй-
ный;
Въ огнѣ закаленный булатъ
Такъ снова ярче во сто кратъ.

Пируютъ гости: рюмки, чаши
Кругомъ обходятъ и гремятъ;
И старики болтаютъ наши,
И въ танцахъ юноши кипятъ.
Звучитъ протяжнымъ, шумнымъ гро-
момъ

Музыка яркая весь день;
Ворочаетъ веселе домомъ;
Гостеприимно блещетъ сѣнь.
И поселанки молодыя
Чету влюбленную дарятъ:
Несутъ фіалки голубыя,
Несутъ имъ розы огневья,
Ихъ убираютъ и шумятъ:
«Пусть вѣкъ цвѣтутъ ихъ дни мла-
дые,

Какъ тѣ фіалки полевья!
Сердца любовью да горятъ,
Какъ эти розы огневья!»

И въ упоеньи, въ нѣгѣ чувствъ
Заранѣ юноша трепещетъ,
И свѣтлый взоръ весельемъ блещетъ;
И безпритворно, безъ искусствъ,
Оковы сбросивъ принужденья,
Вкушаетъ сердце наслажденья.
И васъ, коварныя мечты,
Боготворить ужъ онъ не станетъ, —
Земной поклонникъ красоты.
Но что жъ опять его туманитъ?
(Какъ непонятенъ человекъ!)
Прощаясь съ ними онъ навѣкъ,
Какъ бы по старомъ другѣ вѣрномъ,
Груститъ въ забвеніи усердномъ.
Такъ въ заключеніи школьникъ
ждетъ,
Когда желанный срокъ придетъ.
Лѣта къ концу его ученья —
Онъ полонъ думъ и упоенья,
Мечты воздушныя ведетъ:
Онъ независимый, онъ вольный,
Собой и міромъ всѣмъ довольный.
Но, разставаясь съ семьей

Своихъ товарищей, душой	И размышляетъ онъ, и стонеть,
Дѣлилъ съ кѣмъ шалость, трудъ,	И съ невыразною тоской
покой, —	Слезу невольную уронить.

Э п и л о г ъ .

Въ уединеніи, въ пустынь,	Я пѣсню тихую мою,
Въ никѣмъ незнаемой глуши,	И съ неразгаданнымъ волненьемъ
Въ моей невѣдомой святынѣ,	Свою Германію пою.
Такъ созидаются отнынь	Страна высокихъ помышлений!
Мечтанья тихія души.	Воздушныхъ призраковъ страна!
Дойдетъ ли звукъ подобно шуму?	О, какъ тобой душа полна!
Взволнуетъ ли кого-нибудь:	Тебя обнявъ, какъ нѣкій Геній,
Живую юноши ли думу,	Великій Гёте бережетъ,
Иль дѣвы пламенную грудь?	И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Веду съ невольнымъ умиленьемъ	Свѣваетъ облако заботъ.

И Т А Л І Я.

Италія — роскошная страна!
По ней душа и стонетъ, и тоскуетъ;
Она вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ.
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цѣлуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ;
Лимонъ горитъ, и вѣетъ аромать.

И всю страну объемлетъ вдохно-
венье;
На всемъ печать протекшаго лежитъ;
И путникъ зрѣтъ великое творенье,
Самъ пламенный, изъ снѣжныхъ
странъ спѣшитъ;
Душа кипитъ, и весь онъ — уми-
ленье,
Въ очахъ слеза невольная дрожитъ;
Онъ, погруженъ въ мечтательную
думу,
Внимаетъ дѣль давно - минувшихъ
шуму.

Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ
не сводитъ;
И радужной въ сіяньи красоты
И жарче, и яснѣй по небу солнце
ходить.

И чудный шумъ, и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное наво-
дитъ;
Въ немъ облаковъ мелькаетъ рѣзвый
ходъ,
Зеленый лѣсъ и синій неба сводъ.

А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ
дышитъ.
Какъ спитъ земля, красой упоена!
И страстно миртъ надъ ней головой
колышетъ,
Среди небесъ, въ сіяньи луна
Глядитъ на миръ, задумалась и слы-
шитъ,
Какъ подъ весломъ проговоритъ волна:
Какъ черезъ садъ октавы пронесутся,
Плѣнительно вдали звучать и льются.

Земля любви и море чарованій!
Блестательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакъ мечтаній
Еще живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю ль тебя я, полный ожиданій?
Душа въ лучахъ, и думы говорятъ,
Меня влечетъ и жжетъ твое дыханье,
Я въ небесахъ весь звукъ и трепе-
танье!..

ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ ПО- ВѢСТИ „СТРАШНЫЙ КАБАНЪ“.

I.

УЧИТЕЛЬ.

Прибытіе новаго лица въ благословенныя мѣста голтвянскія надѣлало болѣе шуму, нежели пронесшіеся за два года предъ тѣмъ слухи о прибавкѣ рекрутъ, нежели внезапно подымавшаяся цѣна на соль, вывозимую изъ Крыма украинскими степовиками. Въ шинкѣ, по улицамъ, на мельницѣ, въ винокурнѣ только и рѣчей было, что про пріѣзжаго учителя. Догадливые политики въ сѣрыхъ кобенькахъ и свитахъ, пуская дымъ себѣ подъ носъ съ самымъ флегматическимъ видомъ, пытались опредѣлить вліяніе такого лица, которому судьба, казалось, при рожденіи указала высоту, чуть-чуть не надъ головами всѣхъ мірянъ, которое живетъ въ панскихъ покояхъ и обѣдаетъ за однимъ столомъ съ обладательницею пятидесяти душъ ихъ селенія. Поваривали, что званія учителя для него мало, что, безъ всякаго сомнѣнія, вліяніе его будетъ накинута и на хозяйственную систему; по крайней мѣрѣ, уже, вѣрно, не отъ другого кого-либо будетъ зависѣть напряженіе подводъ, отпускъ муки, сала и проч. Нѣкоторые съ значительнымъ видомъ давали замѣтить, что едва ли и самъ приказчикъ не будетъ теперь нулемъ. Одинъ только *мирошникъ* ¹⁾, Солопій Чубко, дерзнулъ утверждать, что старшинамъ со стороны его нечего опасаться, что готовъ онъ держать закладъ объ новой шапкѣ изъ сѣрыхъ рѣшетилловскихъ смушковъ, если смыслить учитель, какъ остановить пятерню и поворотить застоявшійся жерновъ. Но важная осанка, блистательное торжество надъ дячкомъ, громоподобный басъ, приведшій въ умиленіе всѣхъ прихожанъ, живы были во всеобщей памяти, и выгодное мнѣніе объ учителѣ подтверждалось. И если въ честь гостя не было ни одного турнира между именитыми обитателями села, зато любезныя сожительницы ихъ не ударили себя лицомъ въ грязь: одаренныя тѣмъ звонкимъ и прозвительнымъ языкомъ, который, по неисповѣдимымъ велѣніямъ судьбы, у женщинъ почти вчетверо быстрѣе поворачивается, нежели у мужчинъ, онъ гибко развѣтывали его въ опроверженіе и защиту достоинствъ учителя.

Трескотня и разноголосица, прерываемая взвизгиваньемъ и бранью, раздавались по мирнымъ закоулкамъ села Мандрыгъ. А какъ почтеннѣйшія обитательницы его имѣли похвальную привычку помогать своему языку руками, то по улицамъ то и дѣло, что находили кумушекъ, уцѣпившихся такъ плотно другъ за друга, какъ подлипало цѣпляется за счастливецъ, какъ скряга за свой боковой карманъ, когда улица уходитъ въ глушь и одинокій фонарь отливаетъ потухающій свѣтъ свой на палевыя стѣны уснушаго города.

¹⁾ „Мельникъ“.

Болѣ всего доставалось муженькамъ, пытавшимся разнимать ихъ: очипки, черепья, какъ градъ, летѣли имъ на голову, и часто раздраженная кумушка, въ пылу своего гнѣва, вмѣсто чужого, колотила собственного сожителя.

Въ это время педагогъ нашъ почти освоился въ домѣ Анны Ивановны. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ семинаристовъ, *убоявшихся бездны премудрости*, которыми ***ская семинарія снабжаетъ не слишкомъ зажиточныхъ панковъ въ Малороссіи, рублей за сто въ годъ, въ качествѣ домашняго учителя. — Впрочемъ, Иванъ Осиповичъ дошелъ даже до богословія и залетѣлъ бы нивѣсть куда, вѣроятно, еще далѣе, если бы не шалуны его товарищи, которые безпрестанно подсмѣивались надъ усами и колючею его бородой. Съ годами, когда одни выходили совѣтъ, а на мѣсто ихъ поступали моложе и моложе — ему, наконецъ, не давали прохода: то бросали дѣлкимъ репейникомъ въ бороду и усы, то привѣшивали сзади побрякушки, то пудрили ему голову пескомъ или подсыпали въ табакерку его чемерки, такъ что Иванъ Осиповичъ, наскуча быть безмолвнымъ зрителемъ безпрестанно мѣнявшагося вѣтренаго поколѣнія и дѣтской игрушкой, принужденъ былъ бросить семинарію и опредѣлиться на *ваканцію* ¹⁾.

Переимѣненіе это сдѣлало важную эпоху и переломъ въ его жизни. Безпрестанныя насмѣшки и проказы шулуновъ замѣстило, наконецъ, какое-то почтеніе, какая-то особенная пріязнь и расположеніе. Да и какъ было не почувствовать невольнаго почтенія, когда онъ появлялся, бывало, въ праздникъ въ своемъ свѣтлосинемъ сюртукѣ, — замѣтьте: въ свѣтлосинемъ сюртукѣ, это немаловажно. Долгомъ поставлю надоумить читателя, что сюртукъ вообще (не говоря уже о синемъ), будь только онъ не изъ смураго сукна, производитъ въ селахъ, на благословенныхъ берегахъ Голтвы, удивительное вліяніе: гдѣ ни показывается онъ, тамъ шапки съ самыхъ неповоротливыхъ головъ перелезаютъ въ руки, и солидные, вооруженныя черными, сѣдыми усами, загорѣвшія лица отмѣриваютъ въ поясъ почтительные поклоны. Всѣхъ сюртукѣ, полагая въ то число и хламиду дьячка, считалось въ селѣ три; но какъ величественная тыква гордо громоздится и заслоняетъ прочихъ поселенцевъ богатой *бахчи* ²⁾, такъ и сюртукъ нашего пріятели затемнялъ прочихъ собратьевъ своихъ. Болѣе всего придавали ему прелесть большія костяныя пуговицы, на которыя толпами заглядывались уличныя ребятишки. Не безъ удовольствія слышалъ нашъ щеголеватый наставникъ юношества, какъ матери показывали на нихъ груднымъ ребятамъ, и малютки, протягивая ручонки, лепетали: *цяця, цяця* ³⁾! За столомъ пріятно было видѣть, какъ чинно, съ какимъ умиленіемъ, почтенный наставникъ, завѣсившись салфеткой, отправлялъ всеобщій процессъ житейскаго насыщенія. Ни слова посторонняго, ни движенія лишняго: весь переселялся онъ, казалось, въ свою тарелку. Опорожнивъ ее такъ, что никакія принадлежащія къ гастрономіи орудія, какъ-то: вилка и ножъ, ничего уже не могли захватить, отрѣзывалъ онъ ломтикъ хлѣба, вдѣвалъ его на вилку и этимъ орудіемъ проходилъ въ другой разъ по тарелкѣ, послѣ чего она выходила чистою, будто изъ фабрики. Но все это, можно сказать, были только наружныя достоинства, выказывавшія въ немъ знаніе тонкихъ обычаевъ свѣта, и читатель дастъ большой промахъ, если заключить, что тутъ-то были и всѣ способности его. Почтенный педагогъ имѣлъ необъятныя для простолюдина свѣдѣнія, изъ которыхъ инныя

1) „Эти слова въ украинскихъ семинаріяхъ значать: пойти въ домашніе учителя“.

2) „Нива, засѣянная арбузами, дынями, тыквами и т. п.“.

3) „Хорошо! Хорошо!“

держалъ подь секретомъ, какъ-то: составленіе лѣкарства противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ, искусство окрашивать посредствомъ одной только дубовой коры и острой водки въ лучшій красный цвѣтъ. Сверхъ того, онъ собственноручно приготовлялъ лучшую ваксу и чернила, вырѣзывалъ для маленькаго внука Анны Ивановны фигурки изъ бумаги; въ зимніе вечера моталъ мотки и даже прялъ.

Удивительно ли, если съ такими дарованіями сдѣлался онъ необходимымъ человѣкомъ въ домѣ, если вся дворня была безъ ума отъ него, не смотря, что лицо его и окладомъ, и цвѣтомъ совершенно походило на бутылку, что огромнѣйшій ротъ его, котораго дерзкимъ покушеніямъ едва полагали преграду оттопырившіяся уши, поминутно строилъ гримасы, приволивая себя выразить улыбку, и что глаза его имѣли цвѣтъ яркой зелени, — глаза, какими, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ герой въ лѣтописяхъ романовъ не былъ одаренъ. Но, можетъ-быть, женщины видятъ болѣе насъ. Кто разгадаетъ ихъ? Какъ бы то ни было, только и сама старушка, госпожа дома, была очень довольна свѣдѣніями учителя въ домашнемъ хозяйствѣ, въ умѣніи дѣлать настойку на шафранѣ и herba gabaqarum, въ искусномъ разматываніи мотковъ и вообще въ великой наукѣ жить въ свѣтѣ. Ключницѣ болѣе всего нравился щегольской сюртукъ его и умѣнье одѣваться; впрочемъ, и она замѣтила, что учитель имѣлъ удивительно умильный видъ, когда изволилъ молчать или кушать. Маленькаго внука забавляли до чрезвычайности бумажные пѣтухи и человѣчки. Самъ кудлатый Бровко, едва только завидитъ, бывало, его, выходящаго на крыльцо, какъ, ласково помахивая хвостомъ своимъ, побѣжитъ къ нему навстрѣчу и безъ церемоніи цѣлуетъ его въ губы, если только учитель, забывъ важность, приличную своему сану, соизволитъ присѣсть подь величественнымъ фронтономъ. Одни только два старшіе внука и домашніе мальчишки, съ которыми проходилъ онъ *Азъ — Ангелъ, Архангелъ, Буки — Богъ, Божество, Богородица*, — боялись краснорѣчивыхъ лозъ грознаго педагога.

Въ краткое пребываніе свое Иванъ Осиповичъ успѣлъ уже и самъ сдѣлать свои наблюденія и заключить въ головѣ своей, будто на вогнутомъ стеклѣ, миньютурное отраженіе окружавшаго его міра. Первымъ лицомъ, на которомъ остановилось почтительное его наблюденіе, какъ, вѣрно, вы догадаетесь, была сама владѣтельница помѣстья. Въ лицѣ ея, тронутомъ рѣзкою кистью, которою время съ незапамятныхъ временъ расписываетъ родъ чело-вѣческой и которую, Богъ знаетъ, съ какихъ поръ, называютъ морщиною, въ темнокофейномъ ея копотѣ, въ чепчикѣ (покрой котораго утратился въ толпѣ событий, знаменовавшихъ XVIII столѣтіе), въ коричневомъ шушунѣ, въ башмакахъ, безъ задковъ, глаза его узнали тотъ періодъ жизни, который есть слабое повтореніе минувшихъ, холодный, безцвѣтный переводъ созданій пламеннаго, кипящаго вѣчными страстями поэта, — тотъ періодъ, когда воспоминаніе остается человѣку, какъ представитель и настоящаго, и прошедшаго, и будущаго, когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонять холодъ въ нѣкогда бывшія огненнымъ ключомъ жилы, и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія. Впрочемъ, вѣчныя заботы и страсть хлопотать нѣсколько одушевляли потухшую жизнь въ чертахъ ея, а бодрость и здоровье были вѣрною порукою еще за тридцать лѣтъ впередъ. Все время отъ пяти часовъ утра до шести вечера, то-есть, до времени успокоенія, было непрерывною цѣпью занятій. До семи часовъ утра уже она обходила всѣ хозяйственныя заведенія, отъ кухни до погребовъ и кладовыхъ, успѣвала побраниться съ приказчикомъ, накормить куръ и доморощенныхъ гусей, до которыхъ она была охотница. До

обѣда, который не бывалъ позже двѣнадцати часовъ, завертывала въ пекарню и сама даже пекла хлѣбы и особеннаго рода крекдели на меду и на яйцахъ, которыхъ одинъ запахъ производилъ непостижимое волненіе въ педагогѣ, страстно привязанномъ ко всему, что питаетъ душевную и тѣлесную природу человѣка. Время отъ обѣда до вечера мало ли чѣмъ заняться хозяйкѣ? — красить шерсть, мѣрять полотна, солить огурцы, варить варенья, подслащивать наливки. Сколько способовъ, секретовъ, домашнихъ средствъ производится въ это время въ дѣйство! Отъ наблюдательнаго взгляда нашего педагога не могло ускользнуть, что и Анна Ивановна не чужда была тщеславія, и потому положилъ онъ за правило разсыпаться, разумѣется, сколько позволяла природная его застѣчивость, въ похвалахъ необыкновенному ея искусству и знанію хозяйничать, и это, какъ послѣ увидѣлъ онъ, послужило ему въ пользу: почтенная старушка до тѣхъ поръ не закупоривала сладкихъ наливокъ и варенья, покажѣсть Иванъ Осиповичъ, отвѣдавъ, не объявлялъ превосходной доброты того и другого. Всѣ прочія лица стояли въ тѣни предъ этимъ свѣтиломъ такъ, какъ всѣ строенія во дворѣ, казалось, пресмыкались предъ чуднымъ зданіемъ съ великолѣпнымъ его фронтономъ. Только для глазъ проницательнаго наблюдателя замѣтны были ихъ взаимныя соотношенія и особенный колоритъ, обозначавшій каждаго, и тогда ему открывалось, словно въ муравьяномъ рою, вѣчное движеніе, суматоха и ни на минуту не останавливавшійся шумъ. И педагогъ нашъ, какъ мы уже видѣли, умѣлъ угодить на вкусъ всѣхъ и, какъ могучій чародѣй, приковать къ себѣ всеобщее почтеніе.

Непонятны только были причины, заставившія его сблизиться съ кухмистеромъ. Высокое ли уваженіе, которое Иванъ Осиповичъ невольно чувствовалъ къ его искусству, другое ли какое обстоятельство — мы этого не беремъ рѣшить. Довольно, что не прошло двухъ дней — и въ Мандрыкахъ воскресли Орестъ и Пиладь новаго міра. Но еще непонятнѣе была власть кухмистера надъ нашимъ педагогомъ, такъ что отъ природы скромный, застѣнчивый учитель, не бравшій ничего въ ротъ, кромѣ лѣкарственной настойки на буквицу и herba gabarbaum, невольно плелся за нимъ по шинкамъ и по всѣмъ закоулкамъ, куда разгульный кухмистеръ нашъ показывалъ только носъ свой. Ивану Осиповичу нравилось романическое положеніе его мѣстопребыванія. Скоро осмотрѣлъ онъ обступившіе въ неровный кружокъ просторный господскій дворъ — кухню, сарай, амбары, конюшни и кладовыя, съ особеннымъ удовольствіемъ остановился на густо-разросшемся садѣ, котораго гигантскіе обитатели, закутанные темнозелеными плащами, дремали, увѣнчанные чудесными сновидѣніями, или, вдругъ освободясь отъ грѣзъ, рѣзали вѣтвями, будто мельничными крыльями, мятежный воздухъ, и тогда по листьямъ ходили непонятныя рѣчи, и мѣрныя величественныя движенія всего ихъ тѣла напоминали древнихъ лицедѣевъ, вызывавшихъ на поприще Мельпомены великія тѣни усопшихъ. Но глаза нашего учителя искали своего предмета и лѣпились около не столь высокопарныхъ жальцовъ сада, зато увѣшанныхъ съ ногъ до головы грушами и яблоками, которыми кипитъ роскошная Украина. Отсюда продирались они къ кухнѣ, за которою стлались плантаціи гороху, капусты, картофелю и вообще всѣхъ зелій, входящихъ въ микстуру деревенской кухни. Не безъ особеннаго удовольствія вошелъ онъ въ чистую, опрятно выбѣленную и прибранную комнату, опредѣленную для его помѣщенія, съ окошкомъ, глядѣвшимъ на прудъ и на лиловую, окутанную туманомъ, окрестность.

Мы имѣли уже случай замѣтить нѣчто о вліяніи нашего учителя на мандрыковскихъ красавицъ: потупленные взгляды, перешоптываніе, низкіе

поклоны показывали, что овладѣніе имъ считала каждая изъ нихъ немаловажнымъ дѣломъ. Впрочемъ, не мѣшаетъ припомнить любезному читателю, что на Иванѣ Осиповичѣ былъ синій фабричнаго сукна сюртукъ съ черными, величиною съ большой грошъ, костяными пуговицами; итакъ, ему очень было притратно перетолковать въ свою пользу перемигиванья чернобровыхъ проказницъ. Но, къ счастью или несчастью, чувство, такъ много извѣстное бѣдному человѣчеству, наносившее ему съ незапамятныхъ временъ море нестерпимыхъ мукъ, не касалось нашего педагога. Въ этомъ случаѣ Иванъ Осиповичъ былъ настоящей стойкѣ и, несмотря на то, что не дошелъ еще до *философiи*, онъ твердо зналъ, что ни одинъ изъ философовъ, начиная отъ Сенеки, Сократа и до лектора ***ской семинаріи, не ставилъ ни во что причудливую половину человѣческаго рода; ergo, любви не существуетъ. Такія положенія, обратившія у него, наконецъ, въ правила, были тверды, слишкомъ тверды... Ното prorit, Deus disponit, говаривалъ часто лекторъ ***ской семинаріи, отсчитывая удары линейкою лѣнливымъ своимъ слушателямъ; а потому и мы въ слѣдующей главѣ увидимъ небольшое обстоятельство, сильно поколебавшее философію учителя и надвинувшее облако недоразумѣнія на умъ его, доселѣ неуклонно шествовавшій стезею своихъ великихъ наставниковъ и бывший ровнымъ пульсомъ въ своей бутылкообразной сферѣ.

II.

УСПѢХЪ ПОСОЛЬСТВА.

(Кухмистеръ, несмотря на собственную сердечную рану, внезапно полученную имъ при видѣ мывшейся на берегу пруда Катерины, рѣшается исполнить данное имъ учителю обѣщаніе и быть посланникомъ и представителемъ его страсти. Съ такимъ намѣреніемъ отправляется онъ въ хату козака Харька Потылицы).

Окончивъ туалетъ свой, Онисъко не безъ боязни и тайнаго удовольствія переступилъ черезъ порогъ. Бѣсъ какъ будто нарочно дразнилъ его (самъ онъ послѣ признавался въ этомъ), поминутно рисуя передъ нимъ стройныя ножки сосѣдки. «Эхъ, если бы не учитель! — повторялъ онъ нѣсколько разъ самъ себѣ: — ну, что бы задумать ему немного позже влюбиться?...» И, въ задумчивости, тихими шагами онъ мѣрлялъ широкій выгонъ, по которому бѣжала его дорога. Разноголосный лай прорѣзалъ облекавшую его тучу задумчивости, и мысли его, какъ дикія утки, переполошась, разлетѣлись во всѣ стороны. Поднявъ глаза, увидѣлъ онъ, что далѣе идти некуда. Передъ нимъ торчали ворота, сквозь которыя, какъ сквозь транспарантъ, свѣтилось все недвижимое имущество козака. Мелькнула синяя запаска, огненная лента... Сердце въ немъ вспрыгнуло... и бѣлокурая красавица, разгоняя хворостиной докучныхъ собакъ, встрѣтила его, отворяя ворота.

Дворъ Харька представлялъ собою большой, на покатости къ пруду, квадратъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ плетнемъ. Когда ворота были отперты, глаза ударялись прямо въ чисто выбѣленную хату съ большими, неровной величины, окнами, съ почернѣвшею отъ старости дубовою дверью, съ низенькимъ изъ глины фундаментомъ (*присъбою*), обремененнымъ, по обыкновенію маороссіянъ, бѣльемъ, мисками и какимъ-нибудь инвалидомъ-горшкомъ, которому, несмотря на раны и увѣче, не даютъ отставки и, въ награду за ревностную службу, наливаютъ помоями. По сторонамъ избы стояли съ расстрепанными крышами хлѣвы и амбары. Изъ-за хаты возвышалось гумно, изъ-за гумна еще выше подымалась голубятня, сверхъ которой уже ходили только

одни облака и плавали голуби. Къ пруду, какъ богатая турецкая шаль, развернулся огородъ козака. Кучи соломы разнесены были по всему двору.

Катерина показала немного удивленною приходомъ Ониська. Полагая, что его, безъ всякаго сомнѣнія, завлекла нужда къ ея отцу, отворила вполонину только ворота и проговорила съ нѣкоторою застѣнчивостью:

— *Батька нѣтъ дома, да врядь ли и къ вечеру будеть!*

— *Нехай ему такъ легенько икнеться, якъ зъ тыну ввирветься!* Что бы я былъ за олухъ Царя небеснаго, когда бы сталъ убирать, постную кашу, когда передь самымъ носомъ вареники въ сметанѣ?

Бѣлокурая красавица остановилась въ недоумѣніи, не зная, какъ понимать слова его. Улыбка, вызванная наружу этою странностью, показала на лицѣ ея и ожидала, казалось, изъясненія.

Кухмистеръ почувствовалъ самъ, что выразился не совѣтъ ясно, и притомъ помянулъ отца ея немного шероховатыми словами; онъ продолжалъ:

— Нелегкая понесла бы меня къ *батькѣ*, когда есть такая хорошенькая дочка!

— А, вотъ что!— проговорила Катерина, усмѣхнувшись и покраснѣвъ.— Милости просимъ! и пошла впередь его къ дверямъ хаты.

Дѣвушки въ Малороссіи имѣютъ гораздо болѣе свободы, нежели гдѣ либо, и потому не должно показаться удивительнымъ, что красавица наша, безъ вѣдома отца, принимала у себя гостя.

— Ты пѣшкомъ сюда пришелъ, Онисько? — спросила она его, садясь на *присѣсть* у дверей хаты и стараясь принять степенный видъ, хотя лукавая улыбка явно измѣняла ей и заставляла противъ воли показывать рядъ красивыхъ зубовъ.

«Какъ пѣшкомъ? Что за нелегкая! неужели она знаетъ про вчерашнее?» подумалъ кухмистеръ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, пѣшкомъ, моя красавица. Чортъ ли бы заставилъ меня запрягать нарочно панскаго *индога*, чтобы только перетащиться изъ одного двора въ другой!

— Однакожъ, отъ кухни до *коморы* не такъ-то далеко.

Тутъ, не удержавшись болѣе, она захохотала.

«Нѣтъ, плутовка! самъ лукавый не хитрѣ этой дѣвки!» — повторилъ самъ себѣ нѣсколько разъ кухмистеръ и громогласно послалъ учителя къ чорту, позабывъ и пріязнь, и дружбу ихъ.

— Однакожъ, моя красавица, я бы согласился, чтобы у меня пригорѣли на сковородѣ караси съ свѣжепросольными *опенками*, лишь бы только ты еще разъ этакъ засмѣялась.

Сказавъ это, кухмистеръ не утерпѣлъ, чтобы не обнять ее.

— Вотъ этого-то я ужъ и не люблю! — вскрикнула, покраснѣвъ, Катерина и принявъ на себя сердитый видъ. — Ей-Богу, Онисько, если ты въ другой разъ это сдѣлаешь, то я прямехонько пушу тебѣ въ голову вотъ этотъ горшокъ.

При семъ словѣ, сердитое личико немного прояснѣло и улыбка, мгновенно проскользнувшая по немъ, выговорила ясно: «я не въ состояніи буду этого сдѣлать».

— Полно же, полно! *не возомъ зацѣпить тебя*. Есть изъ чего сердиться! какъ будто, Богъ знаетъ, какая бѣда — обнять красную дѣвушку.

— Смотри, Онисько: я не сержусь, — сказала она, садясь немного отъ него подалѣе и принявъ снова веселый видъ. — Да что ты, слышалось мнѣ, упомянулъ про учителя?

Тутъ лицо кухмистра сдѣлало самую жалкую мину и, по крайней мѣрѣ, на вершокъ вытянулось длиннѣе обыкновеннаго.

— Учитель... Иванъ Осиповичъ, то-есть... Тыфу, дьявольщина! у меня, какъ будто послѣ запеканки, слова глотаются прежде, нежели успеваютъ высочить изъ рта. Учитель... вотъ что я тебѣ скажу, *сердце!* Иванъ Осиповичъ *влюбился*¹⁾ въ тебя такъ, что... ну, словомъ — разсказать нельзя. Кручинится да горюетъ, какъ покойная бурая, которую *намъ* купила у жида, и которая околѣла послѣ *запала*. Что дѣлать? сжалился надъ бѣднымъ человѣкомъ: пришелъ наудачу похлопотать за него...

— Хорошую же ты выбралъ себѣ должность! — прервала Катерина съ нѣкоторою досадою. — Развѣ ты ему свать, или *родичь* какой? Я совѣтовала бы тебѣ еще набрать изъ всего околотка бродягъ къ себѣ въ кухню, а самому отправиться по-миру выпрашивать подъ окнами для нихъ милостыни.

— Да это все такъ; однакожъ, я знаю, что тебѣ любо, и слишкомъ любо, что вздумалось учителю приволокнуться...

— Мнѣ любо? Слушай, Онисько: если ты говоришь съ тѣмъ, чтобы посмѣяться надо мною, то съ этого мало тебѣ прибудетъ. Стыдно тебѣ же, что ты обносишь бѣдную дѣвушку! Если же вправду такъ думаешь, то ты, вѣрно, уже наиглупѣйшій изъ всего села. Слава Богу, я еще не ослѣпла, слава Богу, я еще при своемъ умѣ... Но ты не съ дуру это сказалъ: я знаю, тебя другое что-то заставило. Ты, вѣрно, думалъ... Нѣтъ, ты недобрый человѣкъ!

Сказавъ это, она отерла шитымъ рукавомъ своей сорочки слезу, мгновенно блеснувшую и прокатившуюся по жарко зардѣвшейся щекѣ, будто падающая звѣзда по теплomu вечернему небу.

«Чортъ побери всѣхъ на свѣтѣ учителей!» думалъ про себя Онисько, глядя на зардѣвшееся личико Катерины, на которомъ попрежнему показавшаяся улыбка долго спорила съ неприятнымъ чувствомъ, и, наконецъ, разсѣяла его.

— Убей меня громъ на этомъ самомъ мѣстѣ! — вскричалъ онъ, наконецъ, не могши преодолѣть внутренняго волненія и обхватывая одной рукою кругленькій станъ ея: — если я не такъ же радъ тому, что ты не любишь Ивана Осиповича, какъ старый *Бровко*, когда я вынесу ему помои.

— Нашелъ, чему радоваться! поэтому ты станешь еще болѣе скалить зубы, когда услышишь, что почти всѣ дѣвушки нашего села говорятъ то же.

— Нѣтъ, Катерина, этого не говори. Дѣвушки-то любятъ его. Намедни шли мы съ нимъ черезъ село, такъ то и дѣло, что выглядываютъ изъ-за плетня, словно лягушки изъ болота. Глянь направо — такъ и пропала, а съ лѣвой стороны выглядываетъ другая. Только дьяволъ побери ихъ вмѣстѣ съ учителемъ! Я бы отдалъ штофъ лучшей третьепробной водки, чтобъ узнать отъ тебя, Катерина, любишь ли ты меня хоть на копейку?

— Не знаю, люблю ли я тебя; знаю только, что ни за что бы на свѣтѣ не вышла за пьяницу. Кому любо жить съ нимъ? Несчастливая доля семьѣ той, гдѣ выберется такой человѣкъ; въ хату и не заглядывай: нищенство да голь; голодные дѣти плачутъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Пусть Богъ милуетъ! Дрожь обдаетъ меня при одной мысли объ этомъ...

Тутъ прекрасная Катерина пристально взглянула на него. Какъ осужденный, съ поникнутою головою, погрузился кухмистеръ въ свое протекшее. Тяжелыя думы, порожденія тайнаго угрызения сердечнаго, вырѣзывались на

1) „То-есть, влюбился“.

лицъ его и показывали ясно, что на душѣ у него не слишкомъ было радостно. Пронзительный взоръ Катерины, казалось, прожигалъ его внутренность и подымалъ наружу все разгульные поступки, проходившіе передъ нимъ длинною, почти безконечною цѣпью.

«Въ-самомъ дѣлѣ, на что я похожъ? кому угодно житье мое? только что досаждаю *паню*. Что я сдѣлалъ до сихъ поръ такого, за что бы сказала мнѣ спасибо добрый человекъ? Все гулялъ да гулялъ! Да гулялъ ли когда-нибудь такъ, чтобы и на душѣ, и на сердцѣ было весело? Напьемся, какъ собака, да и протрезвишься тоже, какъ собака, если не протрезвятъ тебя еще хуже. Нѣтъ! прахъ возьми... собачья моя жизнь!»

Прелестная Катерина, казалось, угадывала его философскія разсужденія съ самимъ собою, и потому, положивъ на плечо ему смугленькую руку свою, прошептала вполголоса:

— Не правда ли, Онисько, ты не станешь болѣе пить?

— Не стану, мое *сердечко*! не стану: пусть ему всякая всячина! Все для тебя готовъ сдѣлать.

Дѣвушка посмотрѣла на него умильно, и восхищенный кухмистеръ бросился обнимать ее, осыпая градомъ поцѣлуевъ, какими давно не оглашался мирный и спокойный огородъ Харька.

Едва только влюбленные поцѣлуи успѣли раздаться, какъ звонкій и пронзительный голосъ страшнѣе грома поразилъ слухъ разнѣжившихся. Поднявъ глаза, кухмистеръ съ ужасомъ увидѣлъ стоящую на плетнѣ Симонику.

— Славно! славно! Ай, да ребята! У насъ по селу еще и не знаютъ, какъ парни цѣлуются съ дѣвками, когда батька нѣтъ дома! Славно! Ай, да мандрыковская овечка! Говорите же теперь, что жеть поговорка: въ тихомъ омутѣ черти водятся. Такъ вотъ что дѣется! такъ вотъ какія шашни!..

Со слезами на глазахъ принуждена была красавица уйти въ хату, зная, что ничѣмъ инымъ нельзя было избавиться отъ ядовитыхъ рѣчей содержательницы шинка.

— Типунъ бы тебѣ подъ языкъ, старая вѣдьма!—проговорилъ кухмистеръ: — тебѣ какое дѣло?

— Мнѣ какое дѣло? — продолжала неутомная шинкарька: — вотъ прекрасно! Парни изволятъ лазить черезъ плетни въ чужіе огороды, дѣвки подманиваютъ къ себѣ молодцовъ, — и мнѣ нѣтъ дѣла! Изволятъ *женухаться*, цѣлуются, — и мнѣ нѣтъ дѣла! Ты слышалъ ли, Карпо? — вскричала она, быстро оборотаясь къ мимо проходившему мужику, который, не обращая ни на что вниманія, шелъ, помахивая батономъ, впереди такъ же медленно выступавшей коровы: — слышалъ ли ты? постой, на минуточку. Тутъ такая исторія. Харькова дочка...

— Тьфу, дьяволъ! — вскричалъ кухмистеръ, плюнувъ въ сторону и потерявъ послѣднее терпѣніе. — Самъ сатана перерядился въ эту бабу. Постой, Яга! развѣ не найду уже чѣмъ отплатить тебѣ.

Тутъ кухмистеръ нашъ занесъ ногу на плетень и въ одно мгновеніе очутился въ панскомъ саду.

Было уже не рано, когда онъ пришелъ на кухню и принялся стряпать ужинъ. Евдоха, однакожъ, не могла не замѣтить во всемъ необыкновенной его разсѣянности. Часто задумчивый кухмистеръ подливалъ уксусу въ сметанную кашу или съ важнымъ видомъ надвигалъ свою шапку на вертелъ и хотѣлъ жарить ее вмѣсто курицы. За ужиномъ Анна Ивановна никакъ не могла понять, отчего каша была кисла до невѣроятности, а соусъ такъ пересоленъ,

что не было никакой возможности взять въ ротъ. Единственно только изъ уваженія къ понесеннымъ имъ въ тотъ день трудамъ оставили его въ повоѣ: въ другое время это не прошло бы даромъ нашему герою.

— Нѣтъ, господинъ учитель! — твердилъ онъ, ложась на свою деревянную лавку и подмачивая подъ голову свою куртку: — не видать вамъ Екатерины, какъ ушей своихъ! — И, завернувъ голову, какъ доморощенный гусь, погрузился въ мечты, а съ ними и въ сонъ.

Ж Е Н Щ И Н А.

— Адское порождение! Зевсъ Олимпіецъ! О! ты неумолимъ въ своей ярости! Ты захотѣлъ наслатъ бичъ на міръ, ты извлекъ весь ядъ, незамѣтно разлитый въ нѣдрахъ прекрасной земли твоей, сжалъ его въ одну каплю, гнѣвно бросилъ ее свѣтодарною десницею и отравилъ ею чудесное твореніе свое: ты создалъ женщину! Тебѣ завидно стало бѣдное счастье наше; тебѣ не желалось, чтобы человекъ источалъ вѣчное благословеніе изъ нѣдръ благодарнаго сердца: пусть лучше проклятіе сверкаетъ на преступныхъ устахъ его... Ты создалъ женщину!

Такъ говорилъ, представъ передъ Платона, Телеклесъ, юный ученигъ его. Глаза его кидали пламя; по щекамъ бушевалъ пожаръ, и дрожація губы пересказывали мятежную бурю растерзанной души. Рука его съ негодованіемъ откидывала пурпуровыя волны богатой одежды, и разстегнутая пряжка небрежно висѣла на дѣвственной груди юноши.

— Чтò, мой божественный учитель? не ты ли представлялъ намъ ее въ богоподобномъ, небесномъ облаченіи? Не твои ли благоуханныя уста лили дивныя рѣчи про нѣжную красоту ея? Не ты ли училъ насъ такъ пламенно, такъ невещественно любить ее? Нѣтъ, учитель! твоя божественная мудрость еще младенецъ въ познаніи безконечной бездны коварнаго сердца. Нѣтъ, нѣтъ! и тѣнь свирѣпаго опыта не обхватывала свѣтлыхъ мыслей твоихъ: ты не знаешь женщины.

Огненные слезы брызнули изъ глазъ его; окутавъ голову хитономъ и закрывъ лицо руками, прислонился онъ къ мраморной колоннѣ, на которой роскошно покоилось богатое коринфское оглавіе, осыпанное искрами лучей. Глубокій, тяжелый вздохъ вырвался изъ груди юноши, какъ будто всѣ тайныя нервы души, всѣ чувства и все, чтò находится внутри человекъ, издало у него скорбныя звуки, и звуки эти прошли потрясеніемъ по всему составу, и созерцаемая чувствами природа, въ безсиліи разсказать безсмертныя, вѣчныя муки души, переродилась въ одинъ болѣзненный стонъ.

Между тѣмъ, вдохновенный мудрецъ въ безмолвіи разсматривалъ его, выражая на лицѣ своемъ думы, еще напечатлѣнныя прежнимъ высокимъ размышлєніемъ. Такъ остатки дивнаго сновидѣнія долго еще не растаютъ и мѣшаются съ началами идей, покамѣстъ человекъ совершенно не входитъ въ міръ дѣйствительности. Свѣтъ сыпался роскошнымъ водопадомъ чрезъ смѣлое отверстіе въ куполъ на мудреца и обливалъ его сіяніемъ; казалось, въ каждой вдохновенной чертѣ лица его свѣтилась мысль и высокая чувства.

— Умѣешь ли ты любить, Телеклесъ? — спросилъ онъ спокойнымъ голосомъ.

— Умѣю ли любить я! — быстро подхватилъ юноша: — спроси у Зевса, умѣетъ ли онъ маніемъ бровей колебать землю. Спроси у Фидіа, умѣетъ ли онъ мраморъ зажечь чувствомъ и воплотить жизнь въ мертвой глыбѣ. Когда

въ жилахъ моихъ кипитъ не кровь, но острое пламя, когда всѣ чувства, всѣ мысли, я весь перерождаюсь въ звуки, когда звуки эти горятъ, и душа звучитъ одною любовью, когда рѣчи мои — буря, дыханіе — огонь... Нѣтъ, нѣтъ! я не умѣю любить! Скажи же мнѣ, гдѣ тотъ дивный смертный, кто обладаетъ этимъ чувствомъ? Ужъ не открыла ли премудрая Пиеія это чудо между людьми?

— Бѣдный юноша! Вотъ что люди называютъ любовью! Вотъ какая участь готовится для этого кроткаго существа, въ которомъ боги захотѣли отразить красоту, подарить міру благо и въ немъ показать свое присутствіе на землѣ! Бѣдный юноша! Ты бы сжегъ своимъ раскаленнымъ дыханіемъ это кроткое существо, ты бы возмутилъ бурей страстей это чистое сіяніе! Знаю, ты хочешь говорить мнѣ объ измѣнѣ Алкиной. Твои глаза были сами свидѣтелями... но были ли они свидѣтелями твоихъ собственныхъ мятежныхъ движеній, совершавшихся въ то время во глубинѣ души твоей? Высмотрѣлъ ли ты напередъ себя? Не весь ли бунтъ страстей кипѣлъ въ глазахъ твоихъ? а когда страсти узнавали истину? Чего хотять люди? они жаждутъ вѣчнаго блаженства, безконечнаго счастья, и довольно одной минутной горечи, чтобы заставить ихъ дѣтски разрушить все медленно строившееся зданіе! Пусть глазами твоими смотрѣла сама истина, пусть это правда, что прекрасная Алкиной очернила себя коварною измѣной. Но вопросы свою душу: что былъ ты, что была она въ то время, когда ты и жизнь, и счастье, и море восторговъ находилъ въ алкиноиныхъ объятіяхъ? Переверни огненные листы своей жизни, и найдешь ли ты хотя одну страницу краснорѣчивѣе, божественнѣе той? Захотѣлъ ли бы ты взять всѣ драгоцѣнные камни царей персидскихъ, все золото Ливій за тѣ небесныя мгновенія? И что противъ нихъ и первая почестъ въ Аѳинахъ, и верховная власть въ народѣ! И существо, которое, какъ Промееей, все, что ни исхитило прекраснаго отъ боговъ, принесло въ даръ тебѣ, водворило небо со свѣтлыми его небожителями въ твою душу, — ты поражаешь преступнымъ проклятіемъ, когда вся твоя жизнь должна переродиться въ благодарность, когда ты долженъ весь вылиться слезами, и умиленіемъ, и кроткимъ гимномъ жизнедавцу Зевесу, да продлитъ прекрасную жизнь ея, да отвѣтъ облако печали отъ свѣтлаго чела ея.

— Устремилъ на себя испытующее око: чѣмъ былъ ты прежде и чѣмъ сталъ нынѣ, съ тѣхъ поръ, какъ прочиталъ вѣчность въ божественныхъ чертахъ Алкиной; сколько новыхъ тайнъ, сколько новыхъ откровеній постигъ и разгадалъ ты своею безконечною душою и во сколько придвинулся ближе къ верховному благу! Мы зрѣемъ и совершенствуемся; но когда? когда глубже и совершеннѣе постигаемъ женщину. Посмотри на роскошныхъ персовъ: они переродили своихъ женщинъ въ рабынь, и что же? имъ недоступно чувство изящнаго — безконечное море духовныхъ наслажденій. У нихъ не выбьется изъ сердца искра при видѣ богини Праксителевой; восторженная душа ихъ не заговоритъ съ бессмертною душою мрамора и не найдетъ отвѣтныхъ звуковъ. Что женщина? — Языкъ боговъ! Мы дивимся кроткому, свѣтлому челу мужа; но не подобіе боговъ созерцаемъ въ немъ: мы видимъ въ немъ женщину, мы дивимся въ немъ женщинѣ, и въ ней только уже дивимся богамъ. Она поэзія! она мысль, а мы только воплощеніе ея въ дѣйствительности. На насъ горятъ ея впечатлѣнія, и чѣмъ сильнѣе и чѣмъ въ бдльшемъ объемѣ они отразились, тѣмъ выше и прекраснѣе мы становимся. Пока картина еще въ головѣ художника и безплотно округляется и создается — она женщина; когда она переходитъ въ вещество и облекается въ осязаемость — она мужчина. Отчего же художникъ съ такимъ несатымъ желаніемъ стремится

превратить бессмертную идею свою въ грубое вещество, покоривъ его обыкновеннымъ нашимъ чувствамъ? Оттого, что имъ управляетъ одно высокое чувство — выразить божество въ самомъ веществѣ, сдѣлать доступною людямъ хотя часть безконечнаго міра души своей, воплотить въ мужчинѣ женщину. И если ненарокомъ ударятъ въ нее очи жарко понимающаго искусство юноши, что они ловятъ въ бессмертной картинѣ художника? видятъ ли они вещество въ ней? Нѣтъ! оно исчезаетъ, и передъ ними открывается безграничная, безконечная, безплотная идея художника. Какими живыми пѣснями заговорятъ тогда духовныя его струны! какъ ярко отзовутся въ немъ, какъ будто на призывъ родины, и безвозвратно умчавшееся, и неотразимо грядущее! какъ безплотно обнимется душа его съ божественною душою художника! Какъ сольются онѣ въ невыразимомъ духовномъ поцѣлуѣ!.. Что бъ были высокія добродѣтели мужа, когда бы онѣ не осыпались, не преображались нѣжными, кроткими добродѣтелями женщины? Твердость, мужество, гордое презрѣніе къ пороку перешли бы въ звѣрство. Отними лучи у мира — и погибнетъ яркое разнообразіе цвѣтовъ: небо и земля сольются въ мракъ, еще мрачнѣйшій береговъ Аида. Что такое любовь? — отчизна души, прекрасное стремленіе человѣка къ минувшему, гдѣ совершалось безпорочное начало его жизни, гдѣ на всемъ остался невыразимый, неизгладимый слѣдъ невиннаго младенчества, гдѣ все родина. И когда душа потонетъ въ эфирномъ лонѣ души женщины, когда отыщетъ въ ней своего отца — вѣчнаго Бога, своихъ братьевъ — дотолѣ невыразимыя землю чувства и явленія, что тогда съ нею? Тогда она повторяетъ въ себѣ прежніе звуки, прежнюю райскую въ груди Бога жизнь, развивая ее до безконечности...

Вдохновенные взоры мудреца остановились неподвижно: передъ ними стояла Алкиноя, незамѣтно вошедшая въ продолженіе ихъ бесѣды. Опершись на истуканъ, она вся, казалось, превратилась въ безмолвное вниманіе, и на прекрасномъ челѣ ея прорывались гордые движенія богоподобной души. Мраморная рука, сквозь которую свѣтились голубыя жилы, полныя небесной амброзіи, свободно удерживалась въ воздухѣ; стройная, перевитая алыми лентами поножія, нога, въ обнаженномъ, ослѣпительномъ блескѣ, сбросивъ ревящую обувь, выступила впередъ и, казалось, не трогала презрѣнной земли; высокая, божественная грудь колебалась встревоженными вздохами и полуприкрывавшая два прозрачныя облака персей одежда трепетала и падала роскошными, живописными линиями на помость. Казалось, тонкій, свѣтлый эфиръ, въ которомъ купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь въ безчисленныхъ лучахъ, коимъ и имени нѣтъ на землѣ, въ коихъ дрожитъ благовонное море неизяснимой музыки, — казалось, этотъ эфиръ облекся въ видимость и стоялъ передъ ними, освятивъ и обоготворивъ прекрасную форму человѣка. Небрежно откинутые назадъ, темные, какъ вдохновенная ночь, локоны надвигались на лилейное чело ея и лилися сумрачнымъ каскадомъ на блистательныя плеча. Молнія очей исторгала всю душу... — Нѣтъ! никогда сама царица любви не была такъ прекрасна, даже въ то мгновенье, когда такъ чудно возродилась изъ пѣны дѣвственныхъ волнъ!..

Въ изумленіи, въ благоговѣннѣ повергнулся юноша къ ногамъ гордой красавицы, и жаркая слеза склонившейся надъ нимъ полубогини канула на его пылающія щеки.

ОБЪ ИЗДАНИИ ИСТОРИИ МАЛОРОССІЙ- СКИХЪ КОЗАКОВЪ.

До сихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ, полезныхъ, какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, болѣею частію неполныхъ и не указавшихъ донинѣ этому народу мѣста въ исторіи міра. Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить, сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенно оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывать права свои и упорно отстаивалъ свою религію; какъ, наконецъ, навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало-по-малу вся страна получила новыя, взамѣнъ прежнихъ, права и, наконецъ, совершенно слилась въ одно съ Россією. Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ-быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ-нибудь въ частныхъ рудахъ. И потому, обращаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Дозволено цензурою. Москва, 15 февраля 1902 года.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями (стр. 3—138).

Исторія изготовленія, печатанія и ближайшихъ послѣдствій книги Гоголя: «Выбранныя мѣста» и пр. составляетъ главную часть его біографіи за 1845, 1846 и 1847 года, и потому мы считаемъ себя въ правѣ указать на помѣщенный при I томѣ опытъ хронологической канвы (стр. LXX—XCVIII)¹⁾; здѣсь же мы ограничимся указаніемъ немногихъ важнѣйшихъ моментовъ этой исторіи. 22 апрѣля 1846 года въ письмѣ къ Языкову Гоголь выражаетъ твердое и обдуманное намѣреніе собрать нѣкоторыя свои письма и издать ихъ «на пользу людей, страждущихъ на разныхъ поприщахъ»²⁾, а въ маѣ уже составляетъ перечень главъ будущей книги³⁾.

30 іюля онъ обращается къ Плетневу съ великою просьбою (къ которой онъ уже давно подготовлялъ своего петербургскаго друга): бросить «въ свои дѣла въ сторону» и заняться печатаніемъ его книги: «Выбранныя мѣста».

15 октября 1846 года Плетневу посылается пятая и послѣдняя тетрадь рукописи. Наканунѣ новаго 1847 года выходитъ изъ печати книга Гоголя, а 11 января (№ 8) въ фельетонѣ «С. Пчелы» появляется подписанный Ѳ. Б. (улгаринимъ) довольно обширная на нее рецензія. Вотъ ея начало:

«На дняхъ вышла прелюбопытная книга: *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*, Н. Гоголя. Въ этой книгѣ хотя и нѣтъ глубокихъ мыслей, вѣрныхъ, блистательныхъ очерковъ свѣта и людей, но въ ней много здраваго смысла и правды, и мы чрезвычайно довольны книжою, удостовѣрившись изъ полнаго ея содержанія, что авторъ добрый, благородный и весьма умный человекъ, и притомъ набожный Христианинъ, и что врожденное каждому писателю самолюбіе не ослѣпило его преувеличенными похвалами до такой степени, чтобъ онъ не видѣть истины даже и въ собственномъ дѣлѣ. Но прежде нежели мы скажемъ объ этой книгѣ, покажемъ настоящее мѣсто, занимаемое авторомъ въ нашей литературѣ, и объяснимъ причины, по которымъ друзья его вознамерились вознести его противу его воли, въ чемъ онъ теперь добродушно сознается».

Далѣе Ѳ. Б. излагаетъ по-своему исторію русской литературы, въ особенности романа и повѣсти со временъ Карамзина, причемъ Пушкину отводитъ первое мѣсто послѣ «основателей нынѣшней прозы»: Карамзина и Жуковскаго, съ похвалою говорить объ «Вечерахъ на хуторѣ» Гоголя⁴⁾ и съ жестокомъ порицаніемъ о молодыхъ писателяхъ, которые, «чтобъ уничтожить вліяніе прежнихъ писателей и критиковъ, вознамерились отвлечь вниманіе публики отъ старыхъ ея знакомцевъ и обратить это вниманіе на новыхъ людей, чуждающихся всякаго вліянія и не дѣйствующихъ на поприщѣ».

1) Подробнѣе у Тихонр. IV, 465 и слѣд. и въ моей статьѣ: Н. В. Гоголь и В. Г. Вѣлискій въ томѣ 1847 г. въ Сборникѣ въ честь Н. И. Стороженка.

2) Письма III, 167.

3) Тихонр. IV, 470.

4) Онъ увѣряетъ мимоходомъ, что «заглавіемъ книги замѣнялось посвященіе ея просвѣщенному вельможѣ покойному князю В. П. Кочубею».

критики. Для этой цѣли избрали они г. Гоголя, противъ его воли и желанія, и стали провозглашать его *первымъ Русскимъ* писателемъ, выше всѣхъ прежнихъ, даже выше Карамзина, Жуковского и Пушкина, назвали его *основателемъ* новой школы и даже *современнымъ Русскимъ Гомеромъ*, а сказку (sic) его *Мертвые Души* — *современною Русскою Илиадою!* Эти средства удались въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и неразборчивые люди отчасти повѣрили этой забавной мистификаціи, но она болѣе повредила, чѣмъ помогла г. Гоголю, потому что настоящая критика, для уничтоженія мистификаціи, должна была обнаружить истину. Критика доказала, что хотя г. Гоголь — писатель съ умомъ и дарованіемъ, одаренный изобрѣтательностью и воображеніемъ, но не обладаетъ этими способностями въ такой силѣ, чтобъ могъ быть основателемъ литературной школы, во-первыхъ, потому, что онъ весьма небольшой знатокъ русскаго языка, во-вторыхъ, что онъ одностороненъ, и видитъ въ свѣтѣ одно смѣшное или карикатурное, забавляетъ или занимаетъ читателя одними картинками, не трогая его чувства, не дѣйствуя на сердце; въ третьихъ, что онъ вовсе не знаетъ Россіи, и что во всѣхъ его разсказахъ видны одни малороссіяне; въ четвертыхъ, что картины его не изящны, т.-е. что и въ природѣ и въ гражданскомъ обществѣ онъ ищетъ болѣе грязной стороны и будто не видитъ свѣтлой; въ пятыхъ, что картины эти хотя и мастерски нарисованы, но невѣрны, и списаны не съ натуры, а созданы воображеніемъ автора, и, наконецъ, въ шестыхъ, что во всѣхъ сочиненіяхъ его нѣтъ высокой или выспренной идеи человѣчества (?). Мѣсто г. Гоголя въ ряду писателей критика опредѣлила по заслугамъ не выше г. Загоскина, Ложечникова, Павлова, Перовскаго¹⁾ и равныхъ имъ, а въ отношеніи къ малороссійскому юмору рядомъ съ нимъ поставила Квитку.

Справедливость такого взгляда *настоящей критики* Ѳ. Б. подтверждаетъ рядомъ выписокъ изъ книги Гоголя, въ которыхъ тотъ признаетъ себя плохо знающимъ русскую грамоту, обвиняетъ себя въ послѣдности при изданіи «М. Д.» и плохой постройкѣ ихъ, обвиняетъ пріятелей въ идеализированіи его и заявляетъ, что онъ «рожденъ вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной». Дружески побранивъ Гоголя за склонность къ парадоксамъ и за нѣкоторую грубость и необдѣланность языка и въ этой книгѣ, Ѳ. Б. заявляетъ, что «Выбранныя мѣста» — лучшее сочиненіе Гоголя послѣ *Вечеровъ на хуторѣ*, которыми онъ заставляетъ любить и уважать себя, и выражаетъ желаніе, чтобъ публика поскорѣе раскупила эту книгу, для пособія автору отправиться къ Св. Мѣстамъ. Заключаетъ рецензентъ такимъ биограрическимъ указаніемъ:

«Скажемъ при этомъ случаѣ, что г. Гоголь едва ли не съ первыми нами (т.-е. съ Ѳ. Б.) познакомился, прибывъ въ Петербургъ изъ Малороссіи, прежде чѣмъ напечатать первое свое сочиненіе, и если бъ не увлекся духомъ партіи, то, вѣрно, послушался бы нашихъ совѣтовъ, пошелъ бы въ литературѣ чистымъ и свѣтлымъ путемъ, проложеннымъ Карамзинымъ и Жуковскимъ, и теперь, съ своимъ оригинальнымъ талантомъ, стоялъ бы высоко».

«Два охавка» «С. Пчелы» Гоголь получилъ 23 апрѣля 1847 г., вмѣстѣ съ 2 нумерами «Современника» и «Отеч. Записокъ»²⁾ и, безъ сомнѣнія, прочелъ ликующую статью Булгарина. Какое дѣйствіе она произвела на него, неизвѣстно; очевидно только то, что она должна была оправдать въ его глазахъ раздраженіе Бѣлинскаго, статью котораго (во № 2 «Современника») онъ прочелъ приблизительно въ то же время.

Замѣчанія къ отдѣльнымъ главамъ книги.

I. *Завѣщаніе*. Въ виду того, что въ наиболѣе опасномъ положеніи Гоголь считалъ себя въ іюнѣ 1845 года, составленіе завѣщанія всего вѣроятнѣй отнести къ первымъ числамъ іюля этого года³⁾.

II. *Женщина въ свѣтѣ*. Судя по тѣмъ отзывамъ, какіе Гоголь высказывалъ и въ глаза и за глаза относительно гр. С. М. Соллогубъ (урожденной

¹⁾ Разумѣется, безъ сомнѣнія, Погорьльскій, авторъ „Монастырки“.

²⁾ Письма, III, 443.

³⁾ Тихонр. IV, 476.

Віельгорской), всего вѣроятно, что адресовано это письмо первоначально было именно ей¹⁾, но при изготовленіи къ печати было распространено и обобщено.

III. *Значеніе болѣзней* есть отрывокъ изъ письма къ гр. А. П. Толстому, написаннаго, вѣроятно, въ послѣднихъ числахъ февраля 1846 г.²⁾

IV. *О томъ, что такое слово*, направлено противъ М. П. Погодина; набросано, вѣроятно, въ 1844 г. вскорѣ послѣ опубликованія Погодинымъ «Портрета» Гоголя, а редактировано въ первой половинѣ 1846 г.³⁾

V. *Чтеніе русскихъ поэтовъ передъ публикою. Письмо къ Л.* Кто такое Л., неизвестно; публичныя чтенія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, дѣйствительно, происходили въ Москвѣ въ 1843 г.⁴⁾

VI. *О помощи бѣдняжѣ. Изъ письма къ А. О. Смирновой.* Писано, вѣроятно, въ декабрѣ 1844 г.⁵⁾

VII. *Объ Одиссѣ, переводимой Жуковскимъ.* Писано къ Н. М. Языкову въ началѣ 1845 г.⁶⁾; послано къ П. А. Плетневу для напечатанія въ «Современникѣ» 4 июня 1846 г.; въ іюль того же года напечатано въ «Моск. Вѣдом.»⁷⁾.

VIII. *Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ.* Изъ письма къ гр. А. П. Толстому. Это одно изъ четырехъ писемъ Гоголя къ его другу А., имѣвшему сильное на него вліяніе въ послѣдніе годы его жизни⁸⁾; письма эти писаны въ концѣ 1845 г. или въ первой половинѣ 1846 года⁹⁾.

IX. *О томъ же. То же.*

X. *О тризмиѣ нашихъ поэтовъ.* Окончательную форму, пригодную для печати, эта статья получила въ началѣ августа 1846 г.¹⁰⁾. Но 16 октября Гоголь вслѣдъ за ней посылаетъ важную поправку; онъ пишетъ Плетневу: «Нужно выбросить все то мѣсто, гдѣ говорится о значеніи власти монарха, въ какомъ она должна явиться въ мірѣ. Это не будетъ понятно и примется въ другомъ смыслѣ. Къ тому же сказано нѣсколько нелѣпо¹¹⁾. О немъ послѣ когда-нибудь можно составить умную статью. Теперь выбросить нужно ее непременно, хотя бы статья была и напечатана, и на мѣсто ея вставить то, что написано на послѣдней страницѣ тетради. Кусокъ, который слѣдуетъ выбросить, начинается словами: «Значеніе полномочной власти монарха возвысится еще» и пр. и оканчивается словами: «Такое опредѣленіе не приходило еще европейскимъ правовѣдцамъ»¹²⁾.

XI. *Споры. Л.* — лицо неизвестное.

XII. *Христіанизмъ идетъ впередъ.* Письмо, повидимому, было адресовано Шевыреву, но оригиналъ его не найденъ.

¹⁾ Тихонр. IV, 478.

²⁾ Тамъ же, 479.

³⁾ Тамъ же, 484. См. для объясненія письмо Гоголя къ Шевыреву отъ 4 марта 1847 г. Письмо III, 390—393. Ср. мою статью въ „Р. Стар.“ 1901 г. № 1. „М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь“ (1832—1852).

⁴⁾ Тихонр. IV, 485.

⁵⁾ Тамъ же, 486.

⁶⁾ Тамъ же, 487—488.

⁷⁾ Тамъ же, 489.

⁸⁾ Объ ихъ отношеніяхъ см. письмо Гоголя къ о. Матвѣю отъ 9 мая 1847 (III, 463).

⁹⁾ Тихонр. IV, 493; поправку къ этому см. въ „Опытъ канвы“ стр. LXXVI—VII.

¹⁰⁾ Тихонр. IV, 494.

¹¹⁾ Текстъ исключеннаго мѣста см. у Тихонр. 495—7.

¹²⁾ Письма III, 221—2. Мнѣніе самого Гоголя о напечатанномъ см. въ его письмѣ къ Шевыреву 27 апр. 1847 (III, 444).

XIII. *Карамзинъ*. Это отрывокъ изъ письма къ Языкову, писаннаго 5 мая 1846 г. 1), но значительно передѣланный.

XIV. *О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театрѣ и вообще объ односторонности*. Эта интересная и во многихъ мѣстахъ превосходная статья выработана изъ письма, которое Гоголь писалъ къ Толстому въ 1845 г. 2). Объ ней въ настоящемъ ея видѣ сообщаетъ Гоголь о. Матвѣю изъ Неаполя 9 мая 1847 г. слѣдующее: «Письмо о театрѣ я писалъ, имѣя въ виду публику, пристрастившуюся къ балетамъ и операмъ, пожирающимъ нынѣ страшныя суммы денегъ, и въ то же самое время имѣлъ въ виду издателя журнала «Маякъ» С. А. Бурачка 3), который, судя по статьямъ его, долженъ быть истинно почтенный и вѣрующій человекъ, но который, однакоже, слишкомъ горячо и безъ разбора напалъ на всѣхъ нашихъ писателей, утверждая, что они безбожники и деисты, потому только, что тѣ не брали въ предметъ христіанскихъ сюжетовъ 4).

XV. *Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время*. Это передѣлка двухъ писемъ, дѣйствительно написанныхъ къ Н. М. Языкову, одно 2 5) и — 26 декабря 1844 г. 6), по поводу присланной ему книжки Стихотвореній Языкова, изд. Валуевымъ. Получивъ ихъ, Языковъ написалъ Гоголю: «Твои два письма, писанныя тобою, какъ ты самъ говоришь, подъ влияніемъ моего стихотворенія «Землетрясеніе», доставили мнѣ много удовольствія, услажденія и пользы. Жаль, что ихъ нельзя напечатать: я бы сдѣлалъ это непременно, не спросившись тебя и взявъ отвѣтственность на свою совѣсть и на свой страхъ» 7). Больше чѣмъ вѣроятно, что это заявленіе Языкова подвѣрило мнѣніе Гоголя, уже прежде внушаемое ему Смирновой, что «переписка его лучше книги его, ибо душа въ ней слышнѣе» 8), и способствовало появленію «Выбранныхъ мѣстъ». Приготовляя эти два письма къ печати, Гоголь нѣсколько сократилъ ихъ и придалъ имъ болѣе книжный тонъ.

XVI. *Совѣты*. Оригиналъ не найденъ.

XVII. *Просвѣщеніе*. Тоже; письмо это должно относиться къ концу іюня или къ іюлю 1846 г. 9).

XVIII. *Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу «Мертвыхъ Душъ»*. Тоже; можетъ-быть, письма и сочинены прямо для печати 10).

XIX. *Нужно любить Россію* и XX. *Нужно проѣздить по Россіи* — объ въ видѣ писемъ къ гр. А. П. Толстому; можетъ-быть, это только изложеніе тѣхъ мыслей, которыя Гоголь излагалъ или хотѣлъ бы изложить въ разговорахъ съ гр. А. П. Толстымъ 11).

XXI. *Что такое губернаторша?* Узнавъ о томъ, что мужъ его пріятельницы А. О. Смирновой назначенъ въ Калугу губернаторомъ, Гоголь уже

1) Письма III, 179—180.

2) Тихонр. IV, 513.

3) Настоящее имя Бурачка — Семенъ Онисимовичъ. Тихонр., стр. 500.

4) Письма III, 463—4. Мысли Гоголя о значеніи театра въ 1836 г. см. у Тихонр. IV, 500; о состояніи театра въ Петербургѣ въ 1845 г., см. тамъ же 500 и слѣд.; содержаніе статей изъ «Маяка» см. тамъ же, стр. 504 и слѣд.

5) Письма II, 515 — 7.

6) Тамъ же, 581—6.

7) Тихонр. IV, 517.

8) См. «Опытъ канвы» стр. LXIII.

9) Тихонр. IV, 520.

10) Тамъ же, 521.

11) Тамъ же, 521 — 2. (Ср. вышеуказанное письмо къ о. Матвѣю отъ 9 мая 1847 г. (III, 463).

въ письмѣ отъ 25 іюля 1845 г. ¹⁾ шлетъ ей рядъ совѣтовъ; затѣмъ черезъ три дня онъ въ обширномъ письмѣ спѣшитъ поговорить съ нею объ предстоящей ей «жизни внутри Россіи и объ обязанностяхъ съ нею сопряженныхъ» ²⁾. Изъ этихъ писемъ вышла статья, которую Гоголь обработалъ почти черезъ годъ и препроводилъ къ Смирновой при письмѣ отъ 4 іюля 1846 г. ³⁾.

XXII. *Русскій помѣщикъ*. Письмо къ Б. И. Б — му. Лицо, къ которому адресовано это странное «письмо», едва ли не больше всѣхъ другихъ возбудившее недовольство лучшей части публики, неизвѣстно.

XXIII. *Историческій жизнеписецъ Ивановъ*. Эта статья, дѣйствительно, образовалась съ письма къ гр. М. Ю. Вѣльгорскому, время написанія котораго можно опредѣлить съ точностью. Картину Иванова («явленіе Христа народу») императоръ Николай видѣлъ въ самомъ началѣ декабря 1845 г., и она произвела на него очень благопріятное впечатлѣніе. Въ началѣ 1846 г. гр. Ѳ. П. Толстой, основываясь на этомъ, сбѣлалъ въ совѣтъ академіи представленіе о доставленіи Иванову «приличныхъ способовъ къ окончанію труда». Гоголь написалъ гр. Вѣльгорскому, убѣждая его оказать содѣйствіе этому дѣлу. Отвѣтъ (неблагопріятный) академіи на ходатайство Толстого послѣдовалъ въ концѣ марта того же 1846 г. Когда Гоголь писалъ свое письмо, этотъ отвѣтъ еще не былъ извѣстенъ, но объ немъ уже носились слухи; когда же онъ обработывалъ письмо для печати, отказъ былъ уже фактомъ, и поэтому мѣстами письмо получило «характеръ горячей полемики» противъ академіи ⁴⁾.

Письмо это, появившись въ печати, сбѣлало доброе и великое дѣло, возбудивъ сочувствіе къ Иванову, который, прочтя его, охотно простилъ Гоголю его грубоватая и рѣзкія выходки и снова увѣровалъ въ его искреннее расположеніе ⁵⁾.

XXIV. *Чѣмъ можетъ быть жена для мужа и пр.* Къ кому адресовано письмо, неизвѣстно; отдѣльныя мысли его мы находимъ въ письмѣ Гоголя къ А. О. Смирновой отъ 24 сентября 1844 г. ⁶⁾; но въ общемъ это — статья, а не письмо.

XXV. *Сельскій судъ и расправа*. Кто такой М., къ которому адресовано письмо, неизвѣстно.

XXVI. *Страхи и ужасы Россіи*. Это отвѣтъ публициста на большое письмо гр. Л. К. Вѣльгорской, до насъ не дошедшее; Гоголь упоминаетъ объ немъ 22 октября 1846 г. ⁷⁾. Статья его не была пропущена цензурою, и 6 марта 1847 г. самъ Гоголь признавалъ, что отвѣтъ его «совсѣмъ не для печати» и думалъ приготовить на мѣсто этой другую статью подъ тѣмъ же заглавіемъ.

XXVII. *Близорукому пріятелю*. Къ кому адресовано, неизвѣстно.

XXVIII. *Занимающему важное мѣсто*, несомнѣнно, адресовано къ гр. А. П. Толстому; въ вышеуказанномъ письмѣ къ о. Матвѣю отъ 9 мая 1847 г. ⁸⁾ Гоголь говоритъ: «Объ этомъ (чтобы гр. А. П. принялъ отвѣтственный постъ) я писалъ къ нему дѣйствительно, письма, которыя, я не знаю почему, не

¹⁾ Письма III, 79 — 80.

²⁾ Тамъ же, 87—92.

³⁾ Тамъ же, 188—9. Объ отношеніяхъ Гоголя къ Смирновой у Тихонр. IV, 522—6, ср. у В. И. Шенрока въ предисловіи къ письму отъ 28 іюля, III, 85—6.

⁴⁾ Тихонр. IV, 531.

⁵⁾ Тамъ же, 533—4.

⁶⁾ Письма II, 477.

⁷⁾ Письма III, 227. Ср. „Опытъ канвы“ стр. LXXX.

⁸⁾ Письма III, 463.

попали въ мою книгу и не пропущены» и пр. Письмо должно бы быть названо: «Къ имѣющему занять важное мѣсто»¹⁾

XXXIX. *Чей удѣлъ на землѣ выше и XXX. Нанутство*; къ кому эти «письма» адресованы, неизвѣстно.

XXXI. *Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность*; статья написана въ первой половинѣ октября 1846 г. О ней писалъ Гоголь Плетневу 16 октября²⁾.

XXXII. *Свѣтлое Воскресенье*. Когда написана статья, неизвѣстно.

О Современникѣ (стр. 139—145).

Проработавъ съ увлеченіемъ и въ лучшемъ состояніи здоровья, чѣмъ онъ могъ ожидать, около полугода надъ «Выбранными мѣстами», Гоголь въ концѣ 1846 года пришелъ къ заключенію, что настоящая его дорога ни поэзія, ни творчество, а публицистика особаго рода, проповѣдничество, руководительство общественнымъ мнѣніемъ³⁾. Онъ уже отослалъ въ Петербургъ для печати послѣднюю тетрадку «Выбр. мѣсть» (16 окт.), но, какъ говорится, рука у него расписалась: на всякой остановкѣ своего длиннаго пути изъ Франкфурта въ Неаполь онъ съ лихорадочною поспѣшностью пишетъ во всѣ стороны письма; а когда во второй половинѣ ноября онъ оказался на мѣстѣ, у него уже нѣсколько дѣлъ (безъ сомнѣнія, литературныхъ), «которыя мнѣ нужно кончить, безъ чего будетъ не спокойна моя совѣсть»⁴⁾. Одно изъ этихъ дѣлъ—статья о «Современникѣ» въ излюбленной въ то время Гоголемъ формѣ письма къ его редактору-издателю проф. П. А. Плетневу.

«Современникъ» шелъ плохо, на что Плетневъ неоднократно жаловался и друзьямъ и подписчикамъ. Гоголь, за послѣднее время особенно сблизившійся съ Плетневымъ и безконечно ему обязанный, искренно жалѣлъ объ этомъ, вдумываясь въ причины, съ свойственной ему необыкновенно тонкой догадливостью опредѣлялъ ихъ и нашелъ способъ поправить дѣло. Такъ какъ въ это время онъ чрезвычайно дорожилъ каждой удачной мыслию своею, — мнѣніе свое онъ рѣшилъ выразить не въ простомъ письмѣ, а въ цѣлой статьѣ, которая послужитъ передовой статьєю для преобразованнаго журнала. Статья вышла очень интересная: въ ней мы прежде всего находимъ драгоценное указаніе на отношенія Пушкина къ Гоголю во время возникновенія «Современника», затѣмъ, не совсѣмъ безпристрастную, но умную оцѣнку Гоголемъ гр. Соллогуба, Даля, Павлова, Кулиша и др. прозаиковъ того времени (подъ молодыми и неопытными подражателями Гоголя, которые сами лишили себя самостоятельности, повидимому, надо разумѣть между прочими и автора «Бѣдныхъ людей») и, наконецъ, очень важное (хотя тоже одностороннее) мнѣніе Гоголя о самомъ себѣ. Послѣдній абзацъ этой статьи, по всей вѣроятности, не предназначался для печати.

Эту статью Гоголь послалъ Плетневу изъ Неаполя 4 декабря 1846 г.⁵⁾ и очень интересовался тѣмъ, какое впечатлѣніе произведетъ она на Плетнева.

¹⁾ Тихонр. IV, 540—1. Здѣсь см. указаніе на несомнѣнную связь этого письма съ рѣчью генераль-губернатора, изъ второго тома «Мертвыхъ Душъ».

²⁾ См. «Опытъ канвы» стр. LXXIX; Письма III, 220—221. Ср. Тихонр. IV, 544—545.

³⁾ 16 октября новаго стиля онъ пишетъ Плетневу: «Мнѣ трудно писать что-нибудь о литературѣ. Самъ я не вижу, какой стороной она можетъ быть близка къ тому дѣлу, которое есть мое кровное дѣло» (изд. Кулиша VI, 270). Ср. о себѣ въ статьѣ о «Современникѣ».

⁴⁾ Письмо сестрамъ отъ 19 ноября (VI, 290).

⁵⁾ VI, 295.

Но въ это время «Современникъ» былъ уже переданъ А. В. Никитенкѣ, и статья Гоголя не могла быть напечатана. Въ полномъ видѣ она явилась впервые въ изд. Н. С. Тихонравова.

Авторская исповѣдь (стр. 146—169).

Начитавшись въ первой половинѣ 1847 г. и печатныхъ и писанныхъ критикъ на свою книгу: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», Гоголь задумалъ отвѣтить своимъ судьямъ и разъяснить публикѣ, что онъ вовсе не отказывается отъ писательства, какъ увѣряли многіе на основаніи его собственныхъ словъ въ «Завѣщаніи». 11 мая (по н. стилю) Гоголь покинулъ Неаполь, въ которомъ прожилъ всю эту зиму, и направился черезъ Геную и Марсель во Франкфуртъ, гдѣ тогда жилъ Жуковский. Вскрѣсь по пріѣздѣ туда, 10 іюня Гоголь пишетъ Плетневу: «Я готовлю теперь небольшую книжечку, въ которой хочу, сколько возможно яснѣе, изобразить повѣсть моего писательства, — то-есть, въ видѣ отвѣта на утвердившееся, неизвѣстно почему, мнѣніе, что я возгнушался искусствомъ, почелъ его низкимъ, бесполезнымъ, и тому подобное. Въ ней ¹⁾ скажу, чѣмъ я почитаю искусство, чтѣ я хотѣлъ сдѣлать съ даннымъ мнѣ на долю искусствомъ, развивалъ ли я, точно, самого себя изъ данныхъ мнѣ матеріаловъ или хитрилъ и хотѣлъ переломить свое направленіе, — ясно, сколько возможно ясно, чтобы и не литераторъ могъ видѣть, я ли виновенъ въ недѣлятельности, или Тотъ, Кто располагаетъ всѣмъ и противъ Кого идти трудно человѣку. Мнѣ чувствуется, что мы здѣсь сойдемся съ тобой душа въ душу относительно дѣла литературы. Молю только Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы изложить все просто и правдиво. Оно (т.-е. это сочиненіе) разрѣшитъ тогда и тебѣ самому нѣкоторыя недоразумѣнія насчетъ меня, которыя все-таки должны въ тебѣ оставаться. Покамѣстъ это да будетъ между нами. Книжечка можетъ выйдомъ своимъ устремить вниманіе на перечтеніе «Переписки съ друзьями» въ исправленномъ и пополненномъ изданіи; а потому, пожалуйста, перешли мнѣ немедля статьи, снабженныя вашими замѣчаніями для передѣлки, адрессуя во Франкфуртъ» (соч. и письма Г—я, изд. Кулиша VI, 405—6). Насколько идея о будущей книжкѣ занимала въ это время Гоголя, видно изъ того, что 20 іюня, провождая черезъ Прокоповича къ Бѣлинскому свое первое оправдательное письмо (изд. Кулиша VI, 377—9), Гоголь какъ бы неволью проговаривается объ ней Прокоповичу: «По всему видно, — пишетъ онъ старому товарищу (Анненковъ и его друзья, СПб. 1892 г., стр. 513), что мнѣ придется сдѣлать нѣкоторыя объясненія на мою книгу, потому что не только Бѣлинскій, но даже тѣ люди, которые гораздо больше его могли бы знать меня относительно моей личности, выводятъ такія странныя заключенія, что просто недоумѣваешь».

Черезъ 12 дней послѣ отправки Гоголевскаго письма, 10 же іюня, но по старому стилю, Плетневъ о намѣреніи Гоголя извѣщаетъ кн. Вяземскаго ²⁾:

¹⁾ Напечатано: *отъ немъ*.

²⁾ Едва ли можно выразиться въ данномъ случаѣ, что Плетневъ *проболтался* (Тихонравовъ, IV, 552): во-первыхъ, кн. Вяземскій былъ очень близко посвященъ во всѣ дѣла Гоголя относительно его книги: „Выбр. мѣста“ (см. письмо Гоголя къ Вяз. отъ 11 іюня 1847 г. „Р. Арх.“ 1866, кн. 6), а во-вторыхъ, задуманная Гоголемъ книжка была тѣсно связана съ работою кн. Вяземскаго, гр. Вельгорскаго и самого Плетнева надъ „Выбр. мѣстами“, почему Гоголь и требовалъ изъ замѣчаній.

«Гоголь написал еще какую-то книжку, которая, по его словамъ, должна возвратить публику къ чтенію его «Переписки съ друзьями», и потому онъ настоятельно требуетъ отъ насъ, чтобы мы ему доставили для просмотра не-напечатанныя мѣста его книги»¹⁾.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ своего перваго письма о готовящейся книжкѣ, Гоголь снова пишетъ объ ней Плетневу: «Ожидаю отъ тебя извѣстія о томъ, гдѣ проводишь лѣто и когда къ тебѣ посылать небольшую вещь, которую бы мнѣ хотѣлось напечатать въ видѣ отдѣльной небольшой книжки, о которой я уже тебѣ сказывалъ. Можно ли тебѣ будетъ прислать ее черезъ мѣсяцъ отъ сегодня»²⁾?

Плетневъ отвѣчаетъ на это письмо 29 іюля (10 августа). Онъ отказывается собрать замѣчанія Вяземскаго, Вельгорскаго и Арк. Россети на «Выбранн. мѣста», такъ какъ теперь всѣ разъѣхались, и думаетъ, что Гоголь, ознакомившись съ многочисленными критиками, можетъ и самъ прекрасно исправить свою книгу. «Другую книжку твою, — продолжаетъ онъ, — «Повѣсть твоего писательства», можешь ко мнѣ прислать, когда только вздумаешь. Я ее тотчасъ же и тисну»³⁾.

Но Гоголь не надумался прислать Плетневу «Повѣсть своего писательства» и 24 августа изъ Остенде пишетъ ему: «Оставимъ на время все. Поѣду въ Іерусалимъ, помолюсь, и тогда примемся за дѣло, рассмотримъ рукописи, и все обдѣлаемъ сами лично, а не заочно».

Почему Гоголь измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе?

Мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ; но не трудно догадаться, что онъ, дописавъ статью, самъ увидалъ, насколько она неудовлетворительна. Онъ хотѣлъ изложить дѣло *ясно, сколько возможно ясно, чтобы и не литераторъ могъ убѣдиться, что въ недѣятельности его виновенъ самъ Господь*; а между тѣмъ и для литератора вопросъ оставался темнымъ и, помимо нѣсколькихъ и въ то время весьма интересныхъ (а для насъ драгоцѣнныхъ) сообщеній о своихъ отроческихъ мечтахъ, о словахъ Пушкина и др., все остальное было той же апологіей «Выбр. мѣсть», какую мы находимъ чуть не во всякомъ письмѣ Гоголя за этотъ годъ и съ тѣмъ полусознательнымъ хвастовствомъ и самообольщеніемъ, которое такъ неприятно поразило всѣхъ друзей его въ его несчастной книгѣ. Въ статьѣ оказалось много противорѣчій, которыхъ не могъ не замѣтить и самъ авторъ, рядъ откровенностей, самовосхваленій и самообличеній, подобныхъ тѣмъ, изъ-за которыхъ Гоголь долго боялся заглянуть и въ «Выбр. мѣста». Зачѣмъ же наносить себѣ самому вторую оплеуху?

Плетневъ выказалъ такую готовность «тиснуть» немедленно книжку Гоголя, обманутый ея примѣрнымъ заглавіемъ, которое онъ самъ же далъ ей на основаніи словъ Гоголя, что здѣсь они сойдутся *душа въ душу относительно дѣла литературы*; Плетневъ, очевидно, полагалъ, что это будетъ скорѣй повѣствованіе, чѣмъ разсужденіе, и что здѣсь онъ и публика узнаютъ о процессѣ творчества художественныхъ произведеній Гоголя, а не «Выбранныхъ мѣсть», на которыя онъ теперь смотрѣлъ далеко не тѣми глазами, какъ въ моментъ ихъ выхода.

¹⁾ Соч. Плетнева III, 740. Здѣсь, какъ видятъ читатели, двѣ неточности: Гоголь еще не *написалъ*, а только пишетъ книжку, и проситъ онъ не текста, а замѣчаній; объ онъ объясняются поспѣшностью Плетнева, а вторая, повидному, и тѣмъ, что замѣчаній еще никто не писалъ.

²⁾ Над. Кулиша VI, 412.

³⁾ Я. Грота, „Письма Плетнева къ Гоголю“, „Р. Вѣстн.“ 1890 г. № 11, стр. 53—4.

Итакъ, статья осталась подъ спудомъ и появилась въ печати только по смерти Гоголя, въ 1855 г. Заглавіе «Авторская исповѣдь» далъ ей С. П. Шевыревъ. Это есть высоко-интересная, но слишкомъ страстная и въ цѣломъ плохо обдуманная исповѣдь автора «Выбр. мѣсть» и 2-ой части «М. Д.», сообщающая много важнаго, хотя и не вполне достовѣрнаго объ авторѣ «Вечеровъ», «Миргорода», «Ревизора», повѣстей и 1-ой части «М. Д.».

Искусство есть примиреніе съ жизнью (стр. 170—173). ¹

Къ концу 1847 г. Гоголь окончательно убѣдился въ томъ, что книгу его «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» постигла неудача, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ «поучать проповѣдью» не его дѣло, а, во-вторыхъ, онъ слишкомъ много внесъ въ нее личнаго. Тѣмъ не менѣе, высоко цѣня свои «дары и способности» (см. письмо къ Шевыреву отъ 12 дек. 1847 г.), Гоголь былъ увѣренъ, что и эта его книга потребуетъ переизданія и отъ времени до времени работалъ для ея исправленія и пополненія. Не удовлетворенный своей большой статьей, написанной лѣтомъ 1847 г. (которая впоследствии появилась подъ заглавіемъ «Авторская исповѣдь»), онъ почти черезъ полгода, живя въ Неаполѣ и готовясь къ поѣздкѣ въ Іерусалимъ, придумываетъ, въ формѣ письма къ Жуковскому, статью о значеніи поэзіи и препровождаетъ ее по адресу съ такой припиской: «Если письмо это найдешь не безъ достоинства, то побереги его. Его можно будетъ при второмъ изданіи «Переписки» поставить впереди книги на мѣсто «Завѣщанія» имѣющаго, а заглавіе дать ему: «Искусство есть примиреніе съ жизнью».

На это письмо Жуковскій отвѣтилъ обширнымъ письмомъ отъ 29 января 1848 г. (изъ Франкфурта на Майнѣ), которое было напечатано въ «Москвитинѣ» за 1848 г. № 4 подъ заглавіемъ: «О поэтѣ и современномъ его значеніи» (въ 10 изд. Жуковского 1901 г. см. стр. 949—953 подъ заглавіемъ «Слова поэта — дѣла поэта»). Гоголь прочелъ его въ Одессѣ въ апрѣлѣ 1848 г. и былъ очень доволенъ его содержаніемъ (изд. Кулиша VI, 458). Черезъ два мѣсяца онъ выразилъ свое мнѣніе объ этой статьѣ самому автору (тамъ же, стр. 468).

Размышленія о Божественной литургіи (стр. 177—210).

Гоголь началъ обдумывать это сочиненіе въ началѣ 1845 г. въ Парижѣ, когда онъ жилъ у гр. А. П. Толстого и ежедневно посѣщалъ церковную службу ¹⁾; тамъ онъ познакомился и сблизился съ кандидатами филол. факультета Московскаго университета Θ. А. Бѣляевымъ, который помогалъ ему въ занятіяхъ исторіей греческой литургіи ²⁾. Первоначальная редакція «Размышлений» (Гоголь не далъ заглавія своей работѣ; такъ ее назвалъ первый издатель Кулишъ) окончена до отъѣзда Гоголя въ Св. Землю; вторая, сокращавшая первую, занимала его въ послѣдніе годы. Вотъ что говоритъ д-ръ Та-расенковъ объ этомъ сочиненіи ³⁾:

¹⁾ „Опытъ канвы“ стр. LXVIII и слѣд. Ср. Тихонр. IV, 589.

²⁾ Тамъ же, стр. 590.

³⁾ „Послѣдніе дни“ и пр. стр. 6.

«Передъ послѣдней болѣзью Гоголь окончательно отдѣлалъ и тщательно переписалъ свое завѣтное сочиненіе, которое было обрабатываемо имъ въ продолженіе почти 20 лѣтъ; наконецъ, послѣ многихъ передѣлокъ, переписокъ, онъ остался имъ доволенъ, собирался печатать, придумалъ для него форматъ книги маленькій, въ осьмушку, который очень любилъ, хотѣлъ сдѣлать это сочиненіе народнымъ, пустить въ продажу по дешевой цѣнѣ и безъ своего имени, единственно ради наученія и пользы всѣхъ сословій. Это сочиненіе названо *Титургиею*.

Арабески (стр. 211—444).

Объ изданіи «Арабесокъ» см. «Опытъ канвы» стр. XXIII ¹⁾.

Язвительную статью *Сва. Пчелы* объ «Арабескахъ» см. въ Примѣчаніи къ повѣсти «Портретъ» (т. II).

Скульптура, живопись и музыка. Судя по лирическому, нѣсколько выскопарному тону этой статьи, можетъ-быть, она дѣйствительно была набросана въ 1831 году, но передъ изданіемъ несомнѣнно была переработана ²⁾.

О среднихъ вѣкахъ. Это вступительная лекція Гоголя въ университетѣ, составленная въ августѣ 1834 г. и прочтенная имъ въ началѣ сентября. Она напечатана въ сентябрьской книжкѣ «Журн. Мин. Народнаго Просвѣщенія» (вышла въ октябрѣ). Гоголь самъ держалъ ея корректуру, о которой писалъ Сербиновичу ³⁾.

Глава изъ историческаго романа была напечатана въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты за 1831 годъ», который вышелъ въ декабрѣ 1830 г. за подписью: 0000 ⁴⁾. Объ ней поминаетъ Плетневъ въ письмѣ къ Пушкину о Гоголѣ ⁵⁾.

Статья *О преподаваніи всеобщей исторіи* написана, вѣроятно, въ декабрѣ 1833 г. ⁶⁾, очевидно, для представленія министру просвѣщенія С. С. Уварову, въ виду желанія Гоголя занять въ Кіевѣ кафедру всеобщей исторіи, 23 декабря Гоголь пишетъ Пушкину: «Я рѣшился не звать и, вмѣсто словесныхъ представленій, набросать мои мысли и планъ преподаванія на бумагу» и пр. ⁷⁾. Статья Гоголя понравилась С. С. Уварову, и онъ, предложивъ вмѣстѣ съ Сербиновичемъ нѣсколько поправокъ, изъявилъ согласіе на напечатаніе ея въ «Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія», гдѣ она и появилась подъ заглавіемъ: «Планъ преподаванія всеобщей исторіи», въ февральской книжкѣ за 1834 г. ⁸⁾.

Портретъ. См. томъ II.

Взглядъ на составленіе Малороссіи. Эта статья напечатана въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія» въ апрѣльской книжкѣ за 1834 г. подъ заглавіемъ «Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи. Томъ I, книга I, глава I», а написана

¹⁾ Ср. Письма. Ред. В. И. Шенрока I, 327, 329, 332 и др. (ср. Тихонр. V, 557—8 (гдѣ въ 14 ноября надо читать: 14 декабря).

²⁾ Тамъ же, 559.

³⁾ Письма, I, 323—4.

⁴⁾ Четыре о иль полной подписи: Николай Гоголь - Яновскій?

⁵⁾ См. „Опытъ канвы“ стр. XIII.

⁶⁾ Тихонр. V, 567.

⁷⁾ Письма, I, 270.

⁸⁾ Объ поправкахъ см. записку Гоголя къ Сербиновичу безъ числа. Письма I, 297.

въ февралѣ или мартѣ того же года ¹⁾. Судя по письму Гоголя къ Максимо-вичу, онъ далъ его въ «Журналъ М-ва» противъ воли ²⁾.

Нѣсколько словъ о Пушкинѣ. Эта статья, можетъ-быть, и дѣйстви-тельно начата въ 1832 г., но дописана и редактирована въ 1834 г. ³⁾.

Объ архитектуру нынѣшняго времени. О статьѣ на эту тему Гоголь, можетъ-быть, и думалъ въ 1831 году, но написана она никакъ не раньше 1834 г. ⁴⁾.

Ал-мамуъ. Это — университетская лекція Гоголя, приготовленная имъ нарочно для Пушкина и Жуковского и прочтенная въ октябрѣ ⁵⁾.

Жизнь написана лѣтомъ 1834 г. ⁶⁾.

Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ — одинъ изъ плодовъ усиленнаго занятія Гоголя исторіей въ 1833 году.

Невскій Проспектъ. Написана эта повѣсть не раньше конца 1833 года или начала 1834 г. Гоголь посылалъ ее для прочтенія Пушкину, вѣроятно, въ концѣ октября 1834 г., какъ это видно изъ записки къ нему Пушкина ⁷⁾: «Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кажется, все можетъ быть пропущено. Съжучію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки. Авось, Богъ вынесетъ! Съ Богомъ!» И Пушкинъ, который въ «Современникѣ» называетъ «Невскій Проспектъ» *самымъ лучшимъ* изъ произведе-ній Гоголя, и самъ Гоголь ⁸⁾ были высокаго мнѣнія объ этой повѣсти.

Сцена «съжучіи» значительно сокращена при печатаніи сравнительно съ рукописью ⁹⁾.

О малороссійскихъ пѣсняхъ. Эта статья написана въ мартѣ 1834 года, напечатана въ апрѣльской книжкѣ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія» за 1834 г. Объ ней Гоголь писалъ къ Максимовичу 29 мая того же года ¹⁰⁾: «Недавно С. С. (т.-е. Серг. Сем. Уваровъ) получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсней (sic) и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ «Журн. Просв.», такъ же какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ — твоемъ и Цертелева. Чтѣ жъ я сдѣлалъ? Я написалъ статью, только самаго главнаго (sic) позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни о Срезневскомъ, ни о Цер-телевѣ» и т. д.

Мысли о географіи напечатаны въ первый разъ въ № 1 «Литер. Газеты» Дельвига за 1831 годъ съ подписью *Г. Яновъ* и подъ заглавіемъ: *Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи*; для «Арабесокъ» она переработана и дополнена ¹¹⁾.

Послѣдній день Помпеи написанъ въ концѣ августа 1834 г. ¹²⁾.

Плѣнникъ написанъ тогда же, когда и первый отрывокъ изъ того же романа — «Гетманъ», т.-е. въ 1830 г.

О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка — часть лекцій Гоголя осенью 1834 г.

¹⁾ Тихонр. V, 579.

²⁾ Письма, I, 298.

³⁾ Тихонр. V, 582.

⁴⁾ Тамъ же, 586.

⁵⁾ См. Канву, стр. XXIII, Тихонр. V, 587.

⁶⁾ Тамъ же, 589.

⁷⁾ Изд. Фонда VII, 391. Ср. Тихонр. V, 591.

⁸⁾ См. его письмо къ М. П. Балабиной 30 мая 1839 г. Письма I, 608.

⁹⁾ Ср. рп. у Тихонр., стр. 600.

¹⁰⁾ I, 299. Ср. Тихонр., 602.

¹¹⁾ Тихонр. V, 603.

¹²⁾ Тамъ же, 604.

Записки сумасшедшаго. Психологія сумасшедшихъ интересовала Гоголя, и подъ вліяніемъ читанныхъ имъ въ юности нѣмецкихъ романтиковъ и особенно — послѣ его сближенія съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, который въ 1833 г. собирався издать цѣлый рядъ очерковъ на эту тему подъ заглавіемъ *Домъ сумасшедшихъ*¹⁾.

«Записки сумасшедшаго» написаны, вѣроятно, незадолго до печатанія «Арабесокъ», въ 1834 г. Въ декабрѣ этого года Гоголь пишетъ Пушкину²⁾: «Вышла вчера довольно неприятная записка въ цензурѣ по поводу «Записокъ сумасшедшаго»; но, слава Богу, сегодня немного лучше. По крайней мѣрѣ, я долженъ ограничиться выкидкою лучшихъ мѣстъ. Ну, да Богъ съ ними! Если бѣ не эта задержка, книга моя, можетъ-быть, завтра (бы) вышла».

Въ «Арабескахъ», кромѣ этого заглавія, повѣсть также называется «Ключки изъ записокъ сумасшедшаго»³⁾.

О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году. Напечатана безъ подписи въ I т. «Современника» Пушкина за 1836 г. Сперва Гоголь имѣлъ въ виду обзрѣть наши журналы только за 1835 г., но потомъ рамки статьи немного раздвинулись. Самъ Гоголь говоритъ, что началъ писать обзоръ, какъ только прочелъ объявленіе объ изданіи «Современника», которое появилось въ концѣ января 1836 г.⁴⁾ Работалъ надъ нею Гоголь въ февралѣ и мартѣ того же года. Объ ней онъ пишетъ Пушкину въ мартѣ: «Возьмите изъ типографіи статью «журнальной литературы» и пр.⁵⁾». Книжка «Современника» разрѣшена цензурой 31 марта. Статья эта была приписана самому Пушкину, но въ 3 томѣ «Современника» онъ заявилъ, что «мнѣнія, въ ней выраженные съ такой юношескою живостью и прямодушіемъ», вовсе не тождественны съ его собственнымъ мнѣніемъ. Въ рукописномъ текстѣ ея, нѣсколько болѣе рѣзкомъ, былъ сочувственный отзывъ и о молодомъ критикѣ «Теле-скопа» — Бѣлинскомъ.

Петербургскія записки 1836 года. Статья эта написана, вѣроятно, въ концѣ 1835 года⁶⁾ и вскорѣ была отдана Пушкину⁷⁾; напечатана же она въ № 6 «Современника», вышедшемъ послѣ смерти Пушкина. Она была подписана тремя звѣздочками. Рукописный текстъ ея значительно обширнѣй печатнаго.

Юношескіе опыты (стр. 445—480).

Ганцъ Кюхельмартенъ. Гоголь самъ увѣрялъ въ заглавіи, что эта пьеса написана въ 1827 году, и, судя по приподнятому тону его писемъ отъ этого времени и особенно по письму къ П. П. Косяровскому отъ 30 октября⁸⁾, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что юноша, дѣйствительно, набросалъ и отчасти написалъ, въ тайнѣ отъ всѣхъ товарищей, эту идиллическую поэму. Вышла она въ свѣтъ въ началѣ іюня 1829 г.⁹⁾ и почти немедленно подверглась

1) Тамъ же, 611.

2) Письма I, 329.

3) Такъ ее и цитируетъ „С. Пчела“ въ вышеприведенномъ разборѣ. Ср. манеру нѣмецкихъ романтиковъ давать въ подобныхъ случаяхъ „Отрывки“ или „Ключки“.

4) Тихонр. V, 650.

5) Письма I, 368.

6) Тихонр. V, 656.

7) Тамъ же, 655.

8) Письма. Ред. В. И. Шенрока I, 89—90.

9) См. „Опытъ канвы“ стр. X.

строгой рецензіи Московскаго Телеграфа, въ то время очень уважаемаго молодѣжью. Вотъ эта рецензія полностью.

Ганцъ Кюхельгартенъ. Идиллія въ картинахъ. Соч. В. Алова (писано въ 1827 году). Спб. въ т. А. Плюшара (?). 1829. 71 стр. in 12.

Издатель сей книжки говоритъ, что сочиненіе г-на Алова не было предназначено для печати, но что *важныя для одного автора причины* побудили его переимѣнить свое намѣреніе. Мы думаемъ, что еще важнѣйшія причины имѣлъ онъ не издавать своей идилліи. Достоинство слѣдующихъ пяти стиховъ укажетъ на одну изъ сихъ причинъ:

Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Зплата малая моя
За прежней жизни злую повѣсть.

Зплатою такихъ стиховъ должно бы быть сбереженіе оныхъ подъ спудомъ.

(М. Телеграфъ 1829, III, 515).

Теперь доказано¹⁾, что не эта рецензія Полевого, какъ думалъ Булишъ, а почти совпавшая съ нею по содержанію рецензія «С. Пчелы», явившаяся только 20 іюля, заставили юнаго поэта сжечь свою книжку и внезапно уѣхать за границу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ началѣ 1830 г., Сомовъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» далъ объ Ганцѣ Кюхельгартенѣ нѣсколько болѣе благопріятный отзывъ²⁾.

Замѣчательны искусство и настойчивость, съ которыми Гоголь въ продолженіе всей жизни сохранилъ тайну своего неудачнаго выступленія на литературное поприще.

Италія напечатана еще раньше «Ганца Кюхельгартена», въ мартѣ 1829 г., въ № 12 «Сына Отечества» и «Сѣвернаго Архива», и служитъ еще новымъ доказательствомъ личныхъ сношеній Гоголя съ Булгаринимъ въ началѣ пребыванія поэта въ Петербургѣ³⁾.

Дѣтъ главы изъ малороссійской повѣсти „Страшный кабанъ“. Первая глава этой повѣсти: «Учитель» была напечатана въ № 1 «Литературной газеты» бар. Дельвига за 1831 годъ, съ подписью *П. Глечикъ* (т.-е. полковникъ Глечикъ). Эту главу поминаетъ Плетневъ въ известномъ письмѣ къ Пушкину отъ 22 февраля 1831 года, въ которомъ онъ выражаетъ желаніе *подвести* Гоголя *подъ благословеніе* Пушкина⁴⁾.

Вторая глава, подъ заглавіемъ «Успѣхъ посольства» и безъ всякой подписи, напечатана въ № 17 той же газеты (уже по смерти Дельвига, который скончался 17 января).

Женищина. Эта статья напечатана въ № 4 «Литературной газеты» 1831 года и также упоминается въ письмѣ Плетнева къ Пушкину отъ 22 февраля⁵⁾.

1) Тихонр. V, 541—2.

2) Онъ призналъ въ авторѣ „талантъ, обѣщающій въ немъ будущаго поэта“ (Тамъ же, 548).

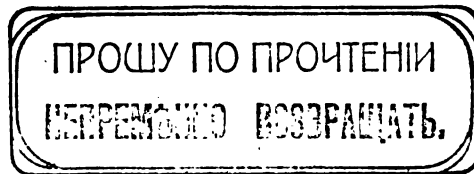
3) См. „Опытъ канвы“, стр. XI. Ср. статью Ф. Б. въ „С. Пчелѣ“ по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“.

4) См. „Опытъ канвы“, стр. XIII.

5) См. „Опытъ канвы“ XIII.

Объ изданіи исторіи малороссійскихъ козаковъ. Эта статейка напечатана, какъ объявленіе, въ «Сѣверной Пчелѣ» 1834 г. № 24 и перепечатана въ «М. Телеграфѣ» того же года № 3, стр. 523 ¹⁾ и въ «Молвѣ» того же года, стр. 118.

19 марта того же года Гоголь пишетъ Погодину ²⁾: «Выговоры ваши за объявленіе тоже имѣлъ честь получить. Это правда: я писалъ его совершенно не раздумавши. Впрочемъ, охота тебѣ вступаться за Бантыша! Вѣдь онъ... замоталъ у многихъ честныхъ людей многіе матеріалы и рукописи».

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
А. А. МАСЛЕНИКОВА

¹⁾ Въ выноскѣ отмѣчено, что объявитель Н. Гоголь есть авторъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“.

²⁾ Письма. Ред. Шенрока I, 285.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями:			
Предисловіе	5	XXV. Сельскій судъ и расправа . . .	88
I. Завѣщаніе	7	XXVI. Страхи и ужасы Россіи . . .	89
II. Женщина въ свѣтъ	10	XXVII. Близорукому пріятелю . . .	91
III. Значеніе болѣзней	13	XXVIII. Занимающему важное мѣсто. .	93
IV. О томъ, что такое слово . . .	14	XXIX. Чей удѣлъ на землѣ выше . . .	104
V. Чтеніе русскихъ поэтовъ передъ публикою	16	XXX. Нацутствіе	105
VI. О помощи бѣднымъ	17	XXXI. Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность	106
VII. Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ	18	XXXII. Свѣтлое Воскресеніе	133
VIII. Нѣсколько словъ о нашей Церкви и духовенствѣ	24	О Современникѣ	139
IX. О томъ же	25	Авторская исповѣдь	146
X. О лиризмѣ нашихъ поэтовъ . . .	26	Искусство есть примиреніе съ жизнью . .	170
XI. Споры	35	Размышленіе о Божественной литургіи:	
XII. Христіанинъ идетъ впередъ . .	37	Предисловіе	177
XIII. Карамзинъ	38	Вступленіе	179
XIV. О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности.	39	Проскомидія	180
XV. Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время	46	Литургія оглашенныхъ	186
XVI. Совѣты	48	Литургія вѣрныхъ	193
XVII. Просвѣщеніе	49	Заключеніе	210
XVIII. Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“	51	Арабески.	
XIX. Нужно любить Россію	60	часть первая.	
XX. Нужно проѣздить по Россіи. . .	61	Скульптура, живопись и музыка . . .	213
XXI. Что такое губернаторша	66	О среднихъ вѣкахъ	216
XXII. Русскій помѣщикъ	75	Глава изъ историческаго романа . . .	224
XXIII. Историческій живописецъ Ивановъ	79	О преподаваніи всеобщей исторіи . . .	231
XXIV. Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Россіи	85	Портретъ. (Повѣсть)	240
		Взглядъ на составленіе Малороссіи . .	267
		Нѣсколько словъ о Пушкинѣ	274
		Объ архитектурѣ нынѣшняго времени. .	278
		Ал - маунъ. (Историч. характеристика)	291
		часть вторая.	
		Жизнь	297
		Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ	299
		Невскій проспектъ. (Повѣсть)	303
		О малороссійскихъ пѣсняхъ	326

ОГЛАВЛЕНІЕ.

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	
Мысли о географіи. (Для дѣтскаго возраста)	331	
Послѣдній день Помпеи	337	
Плѣнникъ. (Отрывокъ изъ историче- скаго романа)	342	
О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка.	346	
Записки сумасшедшаго	363	
Тарась Бульба. Редакція, напечатан- ная въ „Миргородѣ“ 1835 г.).	377	
О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году	422	
	Петербургскія записки 1836 года . . . 436	
	Юношескіе опыты:	
	Ганцъ Кюхельгартенъ. (Идиллія въ картинахъ)	447
	Италія	467
	Двѣ главы изъ малороссійской по- вѣсти „Страшный Кабанъ“	468
	Женщина	477
	Объ изданіи исторіи малороссій- скихъ казаковъ	480

Примѣчанія.

Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями	483	Искусство есть примиреніе съ жизнью.	491
О Современникѣ	488	Размышленія о Божественной литургіи. —	—
Авторская исповѣдь	489	Арабески	492
		Юношескіе опыты	494

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C055427328

